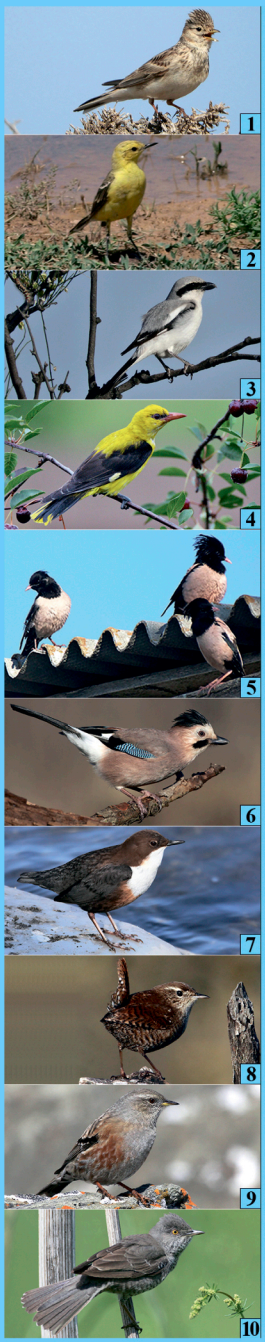

В. П. Белик

ПТИЦЫ
Южной России
Том 2

Воробьиные

Южный Федеральный Университет
Союз Охраны Птиц России
Мензбировское Орнитологическое Общество
Курорт Красная Поляна

В. П. Белик

ПТИЦЫ
Южной России

В двух томах

Том 2

Воробьиные – Passeriformes

Материалы к кадастру

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2023

УДК 598.2(470.6)(078)
ББК 28.693.35(235.7) я73
Б43

Книга издана при финансовой поддержке Курорта Красная Поляна

Рецензенты:
акад. РАЕН В. М. Галушин (Москва, МПГУ)
д.б.н., проф. И. Р. Бёме (Москва, МГУ)

Научные редакторы:
к.б.н. Е. А. Коблик (Москва, Зоомузей МГУ)
к.б.н. А. Ю. Соколов (Воронеж, заповедник «Белогорье»)

Белик, В. П.
Б43 Птицы Южной России : в 2 т. : Материалы к кадастру / В. П. Белик ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета.
ISBN 978-5-9275-3874-4
Том 2: Воробьиные – Passeriformes. – 2023. – 618 с.
ISBN 978-5-9275-4405-9 (Т. 2)

В книге на основе анализа собственных и доступных опубликованных данных приводятся кадастровые сведения о характере пребывания и зоогеографических связях, о таксономии, динамике ареалов и численности, а также о состоянии гнездовых популяций, о местообитаниях и охранном статусе 175 видов из 24 семейств отряда воробьинообразных птиц, отмечавшихся или обитающих на Северном Кавказе, в Калмыкии, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях. Сообщаются также основные сведения о сомнительных регистрациях некоторых таксонов и о видах, встречавшихся на сопредельных территориях, которые могут быть найдены также и в Южной России.

Видовой обзор предваряет список всех видов птиц, зарегистрированных на юге России к концу 2022 года с указанием характера их пребывания и распределения по всем субъектам административно-территориального деления Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, за исключением Республики Крым. В заключение дается обзор состояния охраны птиц на юге России и проблем ведения Красных книг, а также приводится список особо охраняемых видов птиц, включенных в актуальные Красные книги всех административных регионов Южной России.

Книга рассчитана на орнитологов, зоологов и биогеографов, преподавателей, краеведов, работников лесного и охотничьего хозяйства, специалистов по охране окружающей среды, всех любителей природы и птиц.

61 рис., 6 табл., 1570 библ.

ISBN 978-5-9275-4405-9 (Т. 2)
ISBN 978-5-9275-3874-4
УДК 598.2(470.6)(078)
ББК 28.693.35(235.7) я73
© В.П. Белик, 2023

Southern Federal University
Russian Bird Conservation Union
Menzbier' Ornithological Society
Krasnaya Polyana Resort

V. P. Belik

BIRDS
of Southern Russia

In two volumes

Volume 2

Passeriformes

Materials for the inventory

Rostov-on-Don – Taganrog
Southern Federal University Press
2023

UDC 598.2(470.6)(078)

The book was published with the financial support of Krasnaya Polyana Resort

Publisher's reviewers:
Professor V.M. Galushin (Moscow)
Professor I.R. Böhme (Moscow)

Scientific editors:
PhD E.A. Koblik (Moscow)
PhD A.Yu. Sokolov (Voronezh)

Belik, V. P.
Birds of Southern Russia : in 2 volumes: Materials for the inventory / V. P. Belik; Southern Federal University. – Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press.
ISBN 978-5-9275-3874-4
Volume 2: Passeriformes. – 2023. – 618 p.
ISBN 978-5-9275-4405-9 (Vol. 2)

The book provides cadastral information on the presence and zoogeographic links, on taxonomy, dynamics of ranges and number, and also on the status of breeding populations, on habitats and conservation status of 175 birds species from 24 families of the order of Passeriformes, which were recorded or occurred in the North Caucasus, Kalmykia, Astrakhan, Volgograd and Rostov Regions based on the analysis of our own and available published data. The basic data on the doubtful registrations of some taxa and on the species found in adjacent territories, which can be found in the south of Russia also are reported.

The species overview precedes the current list of all bird species registered in Southern Russia by the end of 2022, indicating the nature of their presence and distribution across all administrative-territorial division of the Southern and North Caucasian Federal Districts, with the exception of the Republic of Crimea. In conclusion, an overview of the state of bird protection in southern Russia and of the problems of the Red Books management is given, as well as a list of specially protected bird species included in the actual Red Books of all administrative regions of Southern Russia.

The book is designed for the ornithologists, zoologists and biogeographers, teachers and students of local lore, workers of a wood and hunting economy, experts in an environment protection, all nature amateurs and birdwatchers.

61 fig., 6 tables, 1570 bibl.

UDC 598.2(470.6)(078)

ISBN 978-5-9275-4405-9 (Vol. 2)
ISBN 978-5-9275-3874-4

© V.P. Belik, 2023

Содержание
Contents

Введение Introduction 7
Материалы и методы Materials and methods 11
Систематическая часть Species part 15
Семейство **Ласточковые** Hirundinidae 35
Семейство **Жаворонковые** Alaudidae 44
Семейство **Трясогузковые** Motacillidae 75
Семейство **Сорокопутовые** Laniidae 104
Семейство **Иволговые** Oriolidae 121
Семейство **Скворцовые** Sturnidae 123
Семейство **Врановые** Corvidae 131
Семейство **Свиристелевые** Bombycillidae 163
Семейство **Оляпковые** Cinclidae 165
Семейство **Крапивниковые** Troglodytidae 167
Семейство **Завирушковые** Prunellidae 170
Семейство **Славковые** Sylviidae 174
Семейство **Корольковые** Regulidae 266
Семейство **Мухоловковые** Muscicapidae 272
Семейство **Дроздовые** Turdidae 287
Семейство **Суторовые** Paradoxornithidae 367
Семейство **Длиннохвостые синицы** Aegithalidae 368
Семейство **Ремезовые** Remizidae 372
Семейство **Синицевые** Paridae 374
Семейство **Поползневые** Sittidae 391
Семейство **Пищуховые** Certhiidae 400
Семейство **Воробьиные** Passeridae 405
Семейство **Вьюрковые** Fringillidae 422
Семейство **Овсянковые** Emberizidae 466
Дополнение Addition 504
Охрана птиц на юге России Bird protection in the South of Russia. 505
Литература References 533
Summary 616

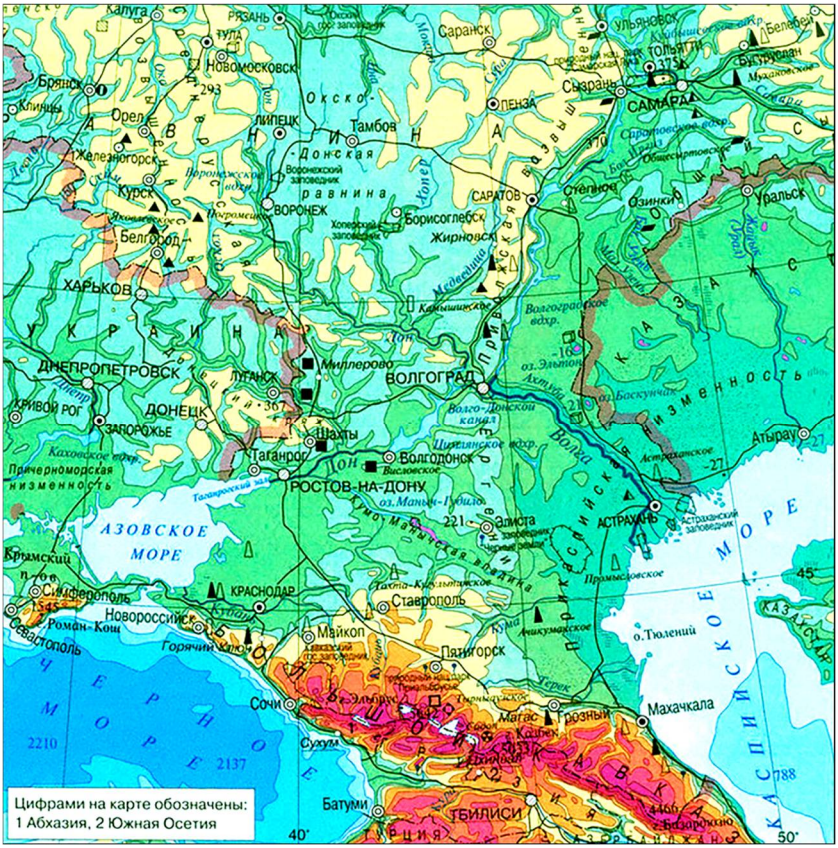

Рис. 1. Физическая карта Южной России.
Границы регионов здесь и далее показаны по состоянию на начало 2022 г.

ВВЕДЕНИЕ

Кадастровая информация о природных ресурсах является важнейшей основой для организации и планирования любых работ по использованию и охране природы. Это в полной мере относится и к фаунистическим ресурсам. Однако сведения о составе орнитофауны, о территориальном распределении, характере пребывания и численности птиц на юге России до сих пор были весьма ограничены.

Только в последнее время удалось провести предварительную инвентаризацию орнитофауны всей Южной России и организовать ее регулярный региональный мониторинг (Белик и др., 2003, 2006, 2016, 2020; Белик, 2005). Но конкретные данные по территориальному и биотопическому распределению отдельных видов, динамике их численности, фенологии пребывания, таксономии и зоогеографическим связям в пределах всей Южной России никем не обобщались и не анализировались. Поэтому грамотное управление популяциями птиц, обитающих на юге России, т.е. их эффективная охрана, рациональное использование и, при необходимости, регулирование численности сейчас нередко затруднены из-за недостатка наших знаний.

Под термином «Южная Россия» в данном Кадастре понимается территория, расположенная на юге России – между Донбассом, Казахстаном и Республиками Закавказья (рис.1), которая в конце XX века была объединена в Южный федеральный округ в составе 13 субъектов административно-территориального деления РФ общей площадью 591,3 тыс. км^2, или 3,5% территории России (рис.2).

В результате к Северному Кавказу, выделявшемуся прежде в физической и экономической географии (Темботов, Шхашамышев, 1982; Темботов, Казаков, 1982; Казаков и др., 2004), примкнули равнинные Волгоградская и Астраханская области и Калмыкия, образовав обширный регион, резко отличающийся по природным условиям от более северных и восточных территорий России. Орнитологи этих трех областей, и ранее тяготевшие к совместной работе с кавказскими специалистами, смогли объединиться теперь с Северокавказским отделением Мензбировского орнитологического общества и с Северокавказской орнитологической группой, образованной в 1982 г. на базе Тебердинского заповедника (см.: Поливанова, Салпагаров, 2002; Птицы Южной России, 2002; Орнитологи Южного федерального округа, 2006).

Важной задачей при подготовке Кадастра стало максимально полное и корректное цитирование в видовых очерках всех основных опубликованных данных со ссылками на первоисточники, чтобы эти сведения при компилировании не затерялись в дальнейшем и их можно было найти

и использовать любому заинтересованному специалисту. Особый интерес представляет информация по редким, залетным видам, материалы о которых содержатся зачастую в давних, раритетных или зарубежных изданиях и не всегда доступны для непосредственного ознакомления, поэтому эти виды рассматриваются в Кадастре, как правило, более детально.

Конечно же, в первой подобной сводке были неизбежны пропуски каких-то сведений и источников, тем более что в последнее время объем поступающей информации чрезвычайно увеличился, она зачастую дублируется в печати, и следить за всем потоком публикаций и сообщений бывает непросто. Поэтому автор будет очень признателен всем коллегам, кто сможет оказать помощь в поисках любых пропущенных работ по орнитофауне Южной России, укажет на возможные ошибки, недочеты и на новые неучтённые данные о птицах Южной России.

В заключение я еще раз искренне благодарю всех коллег и друзей, которые в течение многих лет помогали мне в сборе материалов для Кадастра, оказывали ценные консультации, предоставляли свои неопубликованные данные и другую помощь. Прежде всего это многочисленные российские зоологи М.И. Аккиев, П.Н. Амосов, А.Н. Антончиков, В.Ю. Архипов, И.Г. Бабкин, С.В. Бакка, Т.О. Барабашин, Г.Н. Бачурин, Р.Х. Бекмансуров, М.М. Бескаравайный, О.В. Бородин, С.А. Букреев, И.Р. Бёме, С.Н. Варшавский, П.Д. Венгеров, Е.В. Вилков, А.А. Власов, О.В. Волцит, В.И. Воронецкий, О.А. Горошко, Г.В. Гришанов, А.В. Давыгора, Г.С. Джамирзоев, М.А. Динкевич, И.В. Доронин, Х.Х. Журтов, В.И. Забелин, Н.В. Зеленков, В.А. Зубакин, А.Н. Иваницкий, В.В. Иваницкий, А.П. Иванов, В.П. Иванчев, М.П. Ильюх, В.Ю. Ильяшенко, Е.И. Ильяшенко, А.А. Караваев, П.В. Квартальнов, Е.А. Коблик, Ю.Е. Комаров, В.А. Конева, М.В. Корепов, С.В. Корнев, С.М. Косенко, А.В. Костенко, С.Ю. Костин, Ю.В. Краснов, А.В. Кузнецов, В.В. Куликов, Г.П. Лебедева, Е.А. Лебедева, А.Д. Липкович, Н.Х. Ломадзе, К.Ю. Лотиев, Ю.В. Лохман, Е.Л. Лыков, Л.В. Маловичко, Л.В. Маркитан, И.М. Марова, С.И. Медведева, В.Н. Мельников, А.Л. Мищенко, Р.А. Мнацеканов, В.В. Морозов, В.Н. Мосейкин, В.М. Музаев, И.С. Найданов, Н.И. Насрулаев, А.Д. Нумеров, М.Л. Опарин, В.Е. Паньков, А.Г. Перевозов, М.В. Пестов, В.Н. Пименов, Ю.В. Пишванов, П.Г. Полежанкина, В.В. Попов, А.В. Попович, А.Б. Поповкина, Я.А. Редькин, Г.М. Русанов, В.К. Рябицев, В.В. Рябцев, И.Б. Савинич, Р.М. Савицкий, А.В. Салтыков, С.Ф. Сапельников, В.С. Сарычев, Д.А. Свиридов, М.В. Сиденко, Л.В. Симакин, А.Ю. Соколов, А.Г. Сорокин, В.Н. Сотников, В.В. Стахеев, В.Г. Табачишин, В.А. Тельпов, Р.Р. Туменов, И.И. Уколов, В.Н. Федосов, И.В. Фефелов, С.Ю. Фокин, В.В. Фролов, С.П. Харитонов, А.Н. Хохлов, Т.Ю. Хохлова, В.М. Храбрый, Н.В. Цапко, Н.С. Чернецов, В.Ф. Чернобай,

А.В. Шариков, А.С. Шевцов, Д.С. Шевцов, А.И. Шепель, И.Ю. Шейко, Г.П. Шкарлет, А.О. Шубин и многие другие.

Постоянную поддержку и заинтересованность я чувствовал также от украинских коллег Ю.А. Андрющенко, М.В. Баника, С.В. Винокуровой, Г.Г. Гаврися, В.Н. Грищенко, Т.Н. Девятко, С.В. Домашевского, Н.П. Кныша, И.А. Кривицкого, М.А. Листопадского, Ю.В. Милобога, Ю.А. Москаленко, А.М. Пекло, К.А. Письменного, И.Т. Русева, В.В. Серебрякова, Л.И. Тараненко, Г.С. Уваровой, О.А. Форманюка, А.Б. Чаплыгиной, И.И. Черничко, а также от орнитологов Белоруссии, Казахстана, Средней Азии и Закавказья А.В. Абуладзе, В.Ю. Ананяна, О.В. Белялова, Е.А. Брагина, Н.Н. Березовикова, Б.М. Губина, В.Ч. Домбровского, Н.Н. Ефименко, В.В. Ивановского, Э.А. Рустамова, Э.Г. Султанова, В.В. Хрокова, В.Л. Шевченко. На мои запросы регулярно откликались и европейские коллеги Е.А. Вуккерт (Германия), Димитр Нанкинов (Болгария), И.В. Герзон (Финляндия), Борис Николов (Болгария), Michael Blair (UK), Tadeusz Mizera (Poland), Michael G. Wilson (UK) и др.

Искренне признателен я также коллегам, предоставившим свои цветные фотографии для иллюстрации книги: В.Ю. Архипову, А.В. Беляченко, А.В. Давыгоре, Х.Х. Журтову, А.А. Караваеву, А.В. Любимову, В.М. Музаеву, А.Г. Перевозову, М.Ю. Подсохину, А.В. Поповичу, П.А. Тильбе, И.И. Уколову, В.Л. Филиппову, Д.С. Шевцову.

Моя особая благодарность В.М. Галушину и И.Р. Бёме за рецензирование рукописей, А.Ф. Ковшарю, В.М. Лоскоту и П.С. Томковичу за постоянную поддержку моих работ, Г.Б. Бахтадзе, Е.Э. Шергалину, П.С. Панченко и В.В. Юферевой за большую помощь в поисках раритетных литературных источников, Е.А. Коблику и А.Ю. Соколову за неоценимую помощь при редактировании рукописи, П.А. Тильбе за его кавказское «орнитологическое» гостеприимство, а также В.В. Ветрову – неутомимому полевому орнитологу, с которым в многочисленных совместных походах и поездках, как говорится, мы съели вместе не один пуд соли.

Отдельно хочу поблагодарить Е.В. Гугуеву за помощь в работе над рукописью, а также А.В. Семенова, оказавшего поддержку в подготовке графической основы для составления карт ареалов, в которой использованы векторные данные OpenStreetMap, имеющиеся в открытом доступе.

Наконец, я искренне благодарю Курорт Красная Поляна и лично Л.М. Шагарова за многолетнюю поддержку наших исследований на юге России и в соседних регионах, а также за финансирование работ по публикации данной монографии.

Рис. 2. Границы и центры административных территорий Южной России и соседних регионов, принятые в сводке.

Регионы: Ростовская (1), Волгоградская (2) и Астраханская (3) области; Калмыкия (4); Ставропольский (5) и Краснодарский (6) края; Адыгея (7); Карачаево-Черкесия (8); Кабардино-Балкария (9); Северная Осетия (10); Ингушетия (11); Чечня (12); Дагестан (13).

Республика Крым, вошедшая в состав Российской Федерации в 2014 г., имеет особую региональную фауну и в Кадастре не рассматривается. Не анализируется и фауна Республик Донбасса, включенных в состав России в 2022 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основной целью данной работы стала краткая кадастровая характеристика орнитофауны Южной России, охватывающей Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, за исключением Республики Крым, которая вошла в состав Российской Федерации в 2014 г. Крымский полуостров имеет особую природу и очень специфичную региональную фауну. Детальному обзору его орнитофауны посвящен целый ряд самостоятельных, обстоятельных работ (Никольский, 1891; Pusanow, 1933; Ю. Костин, 1983; С. Костин, 2006, 2010, 2020; Бескаравайный, 2012; и др.). Мною же птицы Крыма целенаправленно не изучались и поэтому сведения о них в Кадастр не включаются. Таким образом, территория Южной России, охваченная в данной работе, представляет собой часть Российской Федерации к югу от Воронежской и Саратовской обл., включая Северный Кавказ (рис.1).

В пределы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов в очерченных границах входит 13 административных единиц общей площадью более 590 тыс. кв. км: Ростовская, Волгоградская и Астраханская области, Краснодарский и Ставропольский края, Республика Калмыкия, Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Ингушетия, Чеченская Республика и Республика Дагестан (рис.2).

Природная характеристика Южной России и представленных здесь местообитаний птиц приведены в первом томе данного Кадастра. Описание природных условий было основано как на литературных данных, так и на личном опыте полевых исследований, проводившихся в течение 1967-2022 гг., с разной степенью полноты и интенсивности, во всех административных регионах.

Работы в поле велись стационарно или на полустационарах продолжительностью от 3 до 7 дней, а также в экспедиционных условиях и на 3-7-15-дневных пешеходных маршрутах, особенно протяженных в Ростовской обл. и в горах Кавказа (рис.3). Маршруты прокладывались в первые годы по аэрофотоснимкам и картам масштаба от 1:5 000-1:10 000 до 1:200 000-1:600 000, а в последние десятилетия использовались также космоснимки Google Earth и GPS-навигаторы Garmin.

При работе в поле применялись бинокли ×8-12, в экспедициях использовались также телескопы ×20-60, а в последние десятилетия – цифровые фотоаппараты. Количественные учеты проводили маршрутным методом на трансектах с дифференцированной полосой учета, а для некоторых видов (жаворонки и др.) применяли также учеты на круговых

площадках. Размещение редких видов на маршрутах и стационарах картировалось, после чего их обилие пересчитывалось на большую площадь. Численность птиц в колониях определялась, как правило, различными глазомерными способами. Все оценки обилия и численности, данные для гнездового сезона, обычно приводятся в парах, кроме дроф и некоторых куриных птиц.

Рис. 3. Места стационарных и полустационарных исследований автора на юге России и в Западном Казахстане в 1967-2022 гг.

Кадастровая характеристика отдельных видов включает следующие основные показатели (Белик, 1989г): характер пребывания, зоогеографические связи, представляющие интерес для последующего анализа региональных фаун, таксономический статус, распространение (в том числе краткая характеристика общего ареала и детальные сведения о

районах гнездования, зимовки и миграций на юге России), описание местообитаний, конкретные сведения о численности популяций и обилии видов в разных районах и местообитаниях, а также природоохранный статус всех видов. Однако сведения по экологии отдельных видов, по фенологии их размножения и миграций, накопленные на юге России к настоящему времени, представить в Кадастре в полной мере, к сожалению, не было возможности, поскольку они значительно бы увеличили его объем и задержали окончание работы.

Достоверность гнездования птиц определялась в соответствии с критериями, рекомендованными Комитетом Европейского Орнитологического Атласа – EOAC (The EBCC Atlas ..., 1997). Гнездование считалось **доказанным** при его подтверждении фактическими материалами (находками гнезд, яиц, выводков, наблюдением птиц с кормом для птенцов), **вероятным** – при достаточно высокой численности птиц, демонстрирующих элементы гнездового поведения (токование, спаривание, беспокойство у гнезд), **возможным** – при летнем пребывании птиц на постоянных участках в подходящих для гнездования условиях.

Большое значение в инвентаризации фауны Южной России, в верификации отдельных видовых находок специалистами и орнитологами-любителями, а также в уточнении характера пребывания вновь найденных видов играет многолетняя работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии (СК ОФК), созданной в 2002 г. в Теберде решением Северокавказского отделения Мензбировского орнитологического общества (Аноним, 2003; Работа …, 2005-2021).

Благодаря этой работе в последние годы удалось очистить фаунистические списки по Южной России от случайных, ошибочно включенных в них видов (в 2006 г. из них было исключено 39 таксонов), снизить количество публикаций с неверно определенными видами и регулярно контролировать новые и редкие виды, регистрируемые в Южной России. Кроме того, фаунистические списки периодически пополнялись за счет включения видов из прежних, малодоступных публикаций, пропущенных при составлении первых перечней орнитофауны.

Расчет общей численности обычных и многочисленных дисперсных видов, к которым относится абсолютное большинство воробьиных птиц, проводился исходя из их обилия в разных местообитаниях и площади этих биотопов в отдельных регионах. По Кавказу использованы данные по обилию, опубликованные в основном в последние десятилетия П.А. Тильбой и Б.А. Казаковым (1985), Тильбой П.А. и Мнацекановым Р.А. (1989), В.Т. Бутьевым и Е.А. Лебедевой (1992), А.А. Караваевым (2000, 2013, 2014, 2018), В.М. Поливановым (2000), Ю.Е. Комаровым и А.Н. Хохловым (2003), А.Г. Перевозовым (2010), А.В. Костенко (2012) и

др., а по степной зоне – данные В.П. Белика (2000а, 2000б), Л.В. Маркитан (2002), А.Н. Гудины (2019), В.А. Стрелкова (2021) и др. Площади отдельных местообитаний в Южном регионе России взяты из разных источников (Кривенко, 1977а, 1977б; Коваль, 1980; Гинеев, 1989; Зозулин, 1992; Белик, 2000а; и др.), а также любезно предоставлены А.А. Варшавским (ИПЭЭ РАН).

Следует отметить, что данные по обилию отдельных видов, приводимые разными авторами, иногда существенно различаются, что зависит от применявшихся методик, опыта, а также состояния анализаторов (зрения и слуха) у учетчиков. Так, показатели обилия, приводящиеся в парах/км^2 или в особях/км^2, не всегда сопоставимы, поскольку часто остается неизвестно, как проводились учеты птиц в поле и как затем пересчитывались их результаты. Не всегда авторы сообщают, вводилась ли поправка на суточную и сезонную активность птиц (Лиховид, 1977; Белик, 2000а; и др.), что при разовых учетах может снижать число зарегистрированных особей почти в 2 раза (см.: Белик, 2009, с.23). Не всегда корректно сравнивать данные, пересчитанные на 1 га, на 10 га или на 1 кв. км. К сожалению, корректировать полученные результаты у нас не было возможности, и в Кадастре приводятся показатели, опубликованные конкретными исследователями.

Для необследованных территорий оценка численности делалась путем экстраполяции, основанной на их общей площади, наличии гнездовых биотопов и численности вида в соседних регионах. По ряду видов, по которым какие-либо количественные параметры отсутствовали, давались сугубо ориентировочные оценки численности. Сведения о региональной численности птиц заимствованы также из имеющихся публикаций, по редким видам – в основном из региональных Красных книг. Оценки по некоторым локально распространенным видам были даны региональными экспертами (П.А. Тильба, С.А. Букреев, В.М. Музаев, В.Ф. Чернобай, Г.С. Джамирзоев и др.) в ходе специальных консультаций.

Популяционные тренды птиц оценивали по материалам собственных исследований (Белик, 1999г, 2002а, 2002б и др.), а также по опубликованным данным, по сведениям региональных специалистов и другим источникам. Более подробно тенденции в популяциях гнездящихся видов птиц Южной России в конце XX в. были проанализированы в отдельной публикации (Белик, Поливанов, Тильба и др., 2003).

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

В состав орнитофауны Южной России, по данным на 2016 г., входило 419 видов. В отдельных же регионах тогда насчитывали от 291 (Адыгея и КБР) до 364 (Дагестан) видов, в том числе от 157 до 230 гнездящихся (Белик и др., 2016). Всего на юге России на тот период достоверно гнездилось 287, вероятно – 10 и возможно – 9 видов. Еще 26 видов отмечались на миграциях, 17 – появлялись только зимой и 70 – считались залётными (табл.1).

Таблица 1

Состав орнитофауны Южной России и отдельных регионов по данным на 2016 г.

Регионы:	**Ро**	**Во**	**Ас**	**Км**	**Кр**	**Ад**	**Ст**	**КЧ**	**КБ**	**СО**	**ЧИ**	**Дг**	Всего
Площадь, *тыс. кв. км*:	101	113	49	75	75	8	66	14	12	8	19	50	**590**
Всего видов:	333	336	340	317	359	291	340	295	291	317	316	364	419
В том числе: Гнездящиеся:	210	211	161	178	225	157	205	160	166	165	213	230	287
Вероятно гнездящиеся:	10	16	26	8	8	14	9	7	9	3	2	11	10
Возможно гнездящиеся:	3	10	9	12	1	0	5	8	2	0	4	11	9
Пролетные:	41	33	57	64	47	59	58	78	59	62	38	58	26
Зимующие:	18	13	29	18	28	22	19	9	31	34	31	22	17
Залетные:	50	50	57	37	48	38	42	33	22	53	27	32	70
Исчезнувшие:	1	3	1	0	2	1	2	0	2	0	1	0	0

При этом за предыдущие 10 лет (2006-2016 гг.) орнитофауну Южной России пополнили 15 новых видов, в том числе один гнездящийся (средиземноморская чайка *Larus michahellis*) и 13 залетных, из которых 2 новых для России (сокол Элеоноры *Falco eleonorae*, армянская чайка *Larus armenicus*). Еще один сложный для определения вид оказался неверно идентифицирован даже в Северокавказской орнитофаунистической комиссии, и только консультации со специалистами позволили выяснить, что это новая для России и СНГ форма толстоклювого зуйка *Ch. l. columbinus* из Передней Азии.

Еще 7 видов включены в региональную фауну за последние 6 лет (2017-2022): чайка Одуэна *Larus audouinii*, полярная крачка *Sterna paradisaea*, хохлатая кукушка *Clamator glandarius*, гольцовый конёк *Anthus rubescens*, канареечный вьюрок *Serinus serinus*, пустынный снегирь *Bucanetes githagineus*, а также новый для России гнездящийся вид – чёрный чекан *Saxicola caprata* (Матюхин, 2017). Кроме того, на юге России найдена на гнездовье рыжепоясничная ласточка *Cecropis daurica*, отме-

чавшаяся здесь ранее как залетный вид (Перевозов, 2020). Удалось подтвердить пребывание в фауне Дагестана в XVIII - XIX вв. турача *Francolinus francolinus* (Квартальнов, 2020).

Сейчас в фауну Южной России включены еще 3 вида, выделенные в последнее время в результате уточнения их таксономического статуса (северный сорокопут *Lanius borealis*, печальная пеночка *Phylloscopus tristis*, белохвостый чекан *Saxicola maurus*), но один вид (красноклювая овсянка *Emberiza caesia*) исключен из списка из-за отсутствия конкретных фактических данных, подтверждающих его встречи на юге России. Всего в фауне Южной России в настоящее время зарегистрировано 428 видов птиц. Из них 309 сейчас здесь гнездится (в том числе 292 – достоверно, 9 – вероятно, 8 – возможно), 27 видов встречаются на миграциях, 17 видов зимующих, 74 – залетные и 1 вид (турач *Francolinus francolinus*) исчез из фауны России. В отдельных же регионах Южной России на конец 2022 г. выявлено от 296 видов в Адыгее до 368-369 видов в Краснодарском крае и Дагестане (табл.2).

Таблица 2

Состав орнитофауны Южной России и отдельных регионов по данным на конец 2022 г.

Регионы:	**Ро**	**Во**	**Ас**	**Км**	**Кр**	**Ад**	**Ст**	**КЧ**	**КБ**	**СО**	**РИ**	**ЧР**	**Дг**	Всего
Площадь, *тыс. кв. км*:	101	113	49	75	75	8	66	14	12	8	3	16	50	**590**
Всего видов:	337	339	345	323	369	296	345	300	308	328	302	317	368	428
В том числе: Гнездящиеся:	211	212	162	180	228	160	207	162	173	175	190	212	232	292
Вероятно гнездящиеся:	10	15	26	7	10	14	9	7	8	6	5	6	11	9
Возможно гнездящиеся:	3	10	10	12	2	1	6	8	2	1	1	3	12	8
Пролетные:	41	33	58	63	48	60	58	78	59	58	67	49	57	27
Зимующие:	18	13	29	18	28	22	18	9	30	30	21	23	22	17
Залетные:	53	54	59	43	51	38	45	36	34	58	17	23	33	74
Исчезнувшие:	1	2	1	-	2	1	2	-	2	-	1	1	1	1

Фауну Южной России формируют представители 21 отряда, 20 из которых проанализированы в первом томе Кадастра. Во втором томе рассматривается отряд Воробьинообразных, который включает 24 семейства, насчитывающие от одного вида (Иволговые, Свиристелевые, Оляпковые, Крапивниковые, Суторовые, Длиннохвостые синицы, Ремезовые) до 26 (дроздовые) и 33 (славковые) видов – весьма прогрессивных, быстро эволюционирующих и успешно адаптирующихся к самым разным условиям обитания (прежде всего к лесным стациям, а также к околоводным, пустынно-степным и горным биотопам), широко распространенных от тропиков до Арктики, в том числе уживающихся в тесном соседстве с человеком.

Следует здесь также отметить, что всего за последние 100 лет, после известных работ Л.Б. Бёме (1925*б* и др.), только гнездовая фауна Южной России пополнилась более чем 20 видами самого разного генезиса, расселявшимися с **юга** (*Charadrius leschenaultii*, *Vanellochettusia leucura*, *Merops superciliosus*, *Lanius senator*, *Iduna pallida*, *Sylvia mystacea*, *Cercotrichas galactotes*, *Passer hispaniolensis*, *Carpospiza brachydactyla*), с **запада** (*Larus melanocephalus*, *Larus michahellis*, *Tyto alba*, *Dendrocopos syriacus*), с **севера** (*Anthus pratensis*, *Motacilla werae*, *Ficedula hypoleuca*, *Ficedula albicollis*, *Turdus pilaris*, *Turdus iliacus*, *Parus montanus*) и **востока** (*Emberiza bruniceps*, *Phylloscopus trochiloides*), что свидетельствует о незавершенности процесса формирования региональной фауны.

Поэтому задачи мониторинга орнитофауны с появлением данного Кадастра не упрощаются, а наоборот, требуют продолжения и интенсификации дальнейших фаунистических исследований во всех регионах Южной России.

Фауногенетическую структуру орнитофауны Южной России формируют все 25 фаунистических комплексов, выделенных в Палеарктике (Белик, 2006, 2013а), а также 41 вид тропического и 30 видов неясного генезиса, т.е. современная орнитофауна отличается здесь чрезвычайной гетерогенностью.

В степной и пустынной зонах, занимающих около 80% территории, гнездовая фауна имеет в целом аборигенный состав из представителей пустынно-степного (21 вид) и лиманного (43 вида) фаунистических комплексов Номадийского типа фауны, а также иммигрантов из тропиков Африки и Азии. Но в последние десятилетия многие пустынно-степные виды на юге России быстро сокращают свои ареалы, отступая в более аридные, континентальные районы Казахстана вследствие изменений климата и антропогенных преобразований ландшафтов.

Фауна же Кавказа, имеющего в общем облик большого острова, формировалась в основном за счет иммигрантов разного генезиса из Западной, Северной, Восточной и Южной Палеарктики (Белик, 2013а, 2013б). Основной поток неморальных дендрофилов шел на Кавказ с запада через Малую Азию, но небольшая часть видов расселялась с севера по интразональным степным лесам, иногда через Крым, а некоторые виды проникли с востока по хребтам Средней и Передней Азии. Аналогично заселялся Кавказ и сибирскими горно-таежными видами: в основном вкруговую через Европу и Малую Азию, отчасти с севера, а также с востока через Среднюю Азию, а все северо-таежные виды, как и тундровые гипоаркты, заходят в степную зону с севера.

Значительный вклад в фауну Южной России вносят экологически в общем весьма пластичные пустынно-горные виды Номадийского типа

фауны (38 видов), расселяющиеся через Азербайджан и Дагестан в аридные районы Кавказа, а затем по оврагам и обрывам на прилежащие степные равнины. Через Переднеазиатские нагорья шло заселение Кавказа также субальпийскими и альпийскими представителями Гималайского типа фауны (2 и 6 видов), половина которых имеет в горах Кавказа западные границы ареалов.

Длительная изоляция популяций лесных птиц в горах Кавказа привела к формированию не менее 17 эндемичных подвидов (25% фауны) и 2 эндемичных видов (*Lyrurus mlokosiewiczi*, *Phylloscopus nitidus*). Очень высок эндемизм и в небогатой фауне высокогорий Кавказа, где обитает 2 эндемичных вида (*Tetraogallus caucasicus*, *Phylloscopus lorenzii*) и 2-3 кавказских подвида.

Фауну пролетных и зимующих птиц на юге России формируют почти исключительно виды Арктического (соответственно 19 и 12 видов) и Сибирского (3 и 3 вида) типов фаун. Эти же типы фаун составляют основу списка залетных птиц (соответственно 25 и 14 видов), что объясняется широкой дисперсией северных птиц при миграциях. Но не менее 10 залетных видов происходят из тропиков, в какой-то мере составляя иммиграционный потенциал для пополнения фауны Южной России. Сейчас здесь гнездится до 30 тропических видов, причем не менее 5 из них вселились сюда в последние десятилетия (*Bubulcus ibis*, *Streptopelia decaocto*, *Streptopelia senegalensis*, *Cecropis daurica*, *Saxicola caprata*).

Ниже в таблице 3 дается полный список всех 428 видов птиц, отмеченных в разное время на территории Южной России по состоянию на конец 2022 г., с указанием характера их пребывания и регионов, в которых они регистрировались (Белик и др., 2016, с дополнениями). Виды, которые ранее были включены в фауну Южной России ошибочно или встречались в разное время на сопредельных территориях и могут быть найдены на юге России, приведены далее без порядковых номеров и лишь в текстовой части Кадастра.

Сведения о фауне и характере пребывания отдельных видов в Республике Ингушетии и в Чеченской Республике указываются по данным И.И. Гизатулина, впервые приведенным в справочнике «Ключевые орнитологические территории России», т.3, 2009, с некоторыми дополнениями и исправлениями.

Порядок и объем отрядов и семейств приняты в работе в соответствии с классификацией А. Уэтмора (Wetmore, 1960), давно апробированной в сводках Л.С. Степаняна (1990, 2003). Новые построения системы класса птиц (Dickinson, Remsen, 2013; Коблик, Архипов, 2014; Dickinson, Christidis, 2014; и др.), содержащие ряд рациональных идей, приняты во

внимание, но в данном Кадастре не использованы. Определение таксономического статуса различных географических популяций на юге России приводится в основном по данным последних фаунистических ревизий птиц России, бывшего СССР и Мира (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014; и др.) с учетом дополнительных данных, в том числе по отдельным регионам Южной России (Моламусов, 1967; Казаков, 1974, 2022; Белик, 2009; Джамирзоев и др., 2017; и др.).

Русские видовые названия птиц приводятся здесь в основном по последней сводке Л.С. Степаняна (2003), но изредка приходилось использовать другие, на наш взгляд более корректные имена, предлагаемые в новейших публикациях, что особо комментируется в тексте. Тем более что сам Л.С. Степанян, твердо отстаивая принципы научной номенклатуры птиц, весьма нигилистически относился к их русским названиям и, к сожалению, не придавал русской номенклатуре специального научного значения (Белик, 2018а, с.365; 2021в, 2021г).

Фауногенетические связи отдельных видов рассматриваются на основе идей Б.К. Штегмана (1938 и др.), Г.В. Никольского (1947), В.В. Кучерука (1959), А.А. Кищинского (1974, 1988), В.В. Брунова (1978, 1980), а также наших специальных зоогеографических исследований (Белик, 1992в, 1992г, 2000а, 2006, 2013а и др.).

Таблица 3

Орнитофауна Южной России:
характер пребывания видов и распределение по регионам
(по: Белик и др., 2016, с дополнениями)

Ростовская область, Волгоградская область, Астраханская область, Калмыкия, Краснодарский край, Адыгея, Ставропольский край, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня, Дагестан

N – достоверно гнездится; **N**? – вероятно гнездится; **N**?? – возможно гнездится; **N**+ – исчез на гнездовье; **N**a – интродуцированный вид; **T** – пролётный; **W** – зимующий; **E** – залётный; E? – неподтвержденные залеты; **?** – ошибочные или сомнительные регистрации, исключенные из региональных видовых списков; (N) – подтверждены лишь единичные случаи гнездования.

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
	Площадь, *тыс. кв. км*:	101	113	49	75	75	8	66	14	12	8	3	16	50	**590**
1. Гагара краснозобая	*Gavia stellata*	E	E	E	T	W							E	W	W
2. Гагара чернозобая	*Gavia arctica*	T	T	E	T	W	E	E	T	E	E		E	W	W
3. Гагара белоклювая	*Gavia adamsii*										E				E
4. Поганка малая	*Podiceps ruficollis*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
5. Поганка черношейная	*Podiceps nigricollis*	N	N	N	N	N	T	N	N??	N	N	T	N	N	N
6. Поганка красношейная	*Podiceps auritus*	T	N??	E	?	W	W	T	T	E		E	E	T	N??
7. Поганка серощекая	*Podiceps grisegena*	N	N	N	N	N	T	N	N??	T	E	N	N	N	N
8. Поганка большая	*Podiceps cristatus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
9. Буревестник малый	*Puffinus puffinus*	E		?		T								?	T
10. Качурка прямохвостая	*Hydrobates pelagicus*					E									E
11. Пеликан розовый	*Pelecanus onocrotalus*	N	T	N	N	E		N	E		E	E	T	N	N
12. Пеликан кудрявый	*Pelecanus crispus*	N	N	N	N	N	E	N		E	E	E	T	N	N
13. Баклан большой	*Phalacrocorax carbo*	N	N	N	N	N	N	N	N	T	N	T	T	N	N
14. Баклан хохлатый	*Phalacrocorax aristotelis*	E?		?		N									N
15. Баклан малый	*Phalacrocorax pygmaeus*	N	E	N	N?	N	E	(N)		E	E	T	N	N	N
16. Выпь большая	*Botaurus stellaris*	N	N	N	N	N	N	N	T	N	N?	N	N	N	N
17. Выпь малая	*Ixobrychus minutus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
18. Кваква	*Nycticorax nycticorax*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
19. Цапля желтая	*Ardeola ralloides*	N	N	N	N	N	N?	N	E	N?	T	N	N	N	N
20. Цапля египетская	*Bubulcus ibis*	E	E	N	N??	N	E	N??	E	E	T		E	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
21. Цапля большая белая	*Egretta alba*	N	N	N	N	N	N?	N	T	W	W	N	N	N	N
22. Цапля южная белая	*Egretta modesta*			E											E
23. Цапля малая белая	*Egretta garzetta*	N	N	N	N	N	N?	N	N	N?	N	N	N	N	N
24. Цапля серая	*Ardea cinerea*	N	N	N	N	N	N?	N	T	N	N	N	N	N	N
25. Цапля рыжая	*Ardea purpurea*	N	N	N	N	N	N?	N	T	N	N	N	N	N	N
26. Колпица	*Platalea leucorodia*	N	N	N	N	N	T	N	E	E	E	T	T	N	N
27. Каравайка	*Plegadis falcinellus*	N	N	N	N	N	N?	N	T	E	E	T	N	N	N
28. Ибис священный	*Threskiornis aethiopicus*		E?	E	?									?	E
29. Аист белый	*Ciconia ciconia*	N	N	E	(N)	N	N	(N)	N?	E	E	T	N??	N	N
30. Аист черный	*Ciconia nigra*	N?	N	N?	E	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
31. Фламинго обыкновен.	*Phoenicopterus roseus*	E	E	E	E	E	E	E	E	E	E		E	T	T
32. Казарка канадская	*Branta canadensis*	E	E			Na+				E	E			E	E
33. Казарка белощекая	*Branta leucopsis*	?		E	E										E
34. Казарка черная	*Branta bernicla*	E		?	?	?									E
35. Казарка краснозобая	*Rufibrenta ruficollis*	T	T	T	T	W	E	T	E	E	W	E	E	T	W
36. Гусь серый	*Anser anser*	N	N	N	N	N	T	N	T	T	T	N	N	N	N
37. Гусь белолобый	*Anser albifrons*	T	T	T	T	W	T	T	T	T	T	T	W	T	W
38. Пискулька	*Anser erythropus*	T	T	T	T	T	E	T		E		E	E	T	T
39. Гуменник	*Anser fabalis*	T	T	E	E	E		E		T	T	E	E	T	T
40. Гусь белый	*Chen caerulescens*	E		E	E?	E		E						E	E
41. Гусь-белошей	*Philacte canagica*		E?												E
42. Лебедь-шипун	*Cygnus olor*	N	N	N	N	N	N	N	T	W	W	N	N	N	N
43. Лебедь-кликун	*Cygnus cygnus*	T	N??	W	T	W	W	T	T	W	W	W	W	W	N??
44. Лебедь малый	*Cygnus bewickii*	T	T	W	T	W		T	E	E	E	E	E	T	W
45. Огарь	*Tadorna ferruginea*	N	N	N	N	N		N	N	N	N	N	N	N	N
46. Пеганка	*Tadorna tadorna*	N	N	N	N	N	E	N	T	N+E	T	N	N	N	N
47. Кряква	*Anas platyrhynchos*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
48. Чирок-свистунок	*Anas crecca*	N	N	T	T	W	W	T	N??	T	W	W	W	N??	N
49. Касатка	*Anas falcata*		E												E
50. Утка серая	*Anas strepera*	N	N	N	N	N?	E	N	T	N	N	N	N	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
51. Свиязь	*Anas penelope*	T	N??	T	T	T	T	T	T	W	W	T	T	W	N??
52. Шилохвость	*Anas acuta*	N?	N?	N??	N	T	T	T	T	T	T	T	T	N??	N
53. Чирок-трескунок	*Anas querquedula*	N	N	N	N	N	N	(N)	N??	N	N	N	N	N	N
54. Широконоска	*Anas clypeata*	N	N	N	N	N	T	(N)	T	T	T	W	W	N	N
55. Чирок мраморный	*Anas angustirostris*		E	N?	N+E?	E	E	E		?	E		N+E	N??	N?
56. Нырок красноносый	*Netta rufina*	N	N	N	N	N	N	N	T	N	N	T	N	N	N
57. Чернеть красноголовая	*Aythya ferina*	N	N	N	N	N	N	N	T	W	N	T	N	N	N
58. Чернеть белоглазая	*Aythya nyroca*	N	N	N	N	N	T	N	E	N	N?	T	N	N	N
59. Чернеть хохлатая	*Aythya fuligula*	N?	N?	T	N	W	W	N	T	W	W	W	W	N??	N
60. Чернеть морская	*Aythya marila*	T	T	E	T	W		T	T	W	W	T	T	T	W
61. Каменушка	*Histronicus histrionicus*										E	?	?		E
62. Морянка	*Clangula hyemalis*	E	E?	E	E	E		E				E	E	T	E
63. Гоголь обыкновенный	*Bucephala clangula*	N?	N	N	T	W	W	T	T	W	W	W	W	W	N
64. Гага обыкновенная	*Somateria mollissima*	E			E?	E		E						?	E
65. Синьга	*Melanitta nigra*	?	E	E	E	E		E				E	E	T	E
66. Турпан обыкновенный	*Melanitta fusca*	E	T	E	E	E	E	E				E	E	T	E
67. Савка	*Oxyura leucocephala*	N	N	N?	N	N	N	(N)	E	E		E	N?	N	N
68. Луток	*Mergus albellus*	N??	N	N	N	W	W	T	W	W	W	T	W	W	N
69. Крохаль длинноносый	*Mergus serrator*	T	T	E	T	T		T	T	W	W	T	W	T	T
70. Крохаль большой	*Mergus merganser*	W	T	W	T	W	E	T	T	W	W	W	W	W	W
71. Скопа	*Pandion haliaetus*	N+T	N	N	T	N+T	T	T	T	T	T	T	N+T	N	N
72. Осоед обыкновенный	*Pernis apivorus*	N	N	N??	T	N	N	(N)	N	N?	N	N	N	N	N
73. Коршун красный	*Milvus milvus*	E		?	?	T		E		?	T	?	?	?	E
74. Коршун черный	*Milvus migrans*	N	N	N	N	N	N	N	T	N	N	N	N	N	N
75. Лунь полевой	*Circus cyaneus*	W	N??	W	W	W	W	(N)	T	W	W	W	W	W	N
76. Лунь степной	*Circus macrourus*	N	N	N?	N+T	N?	T	T	T	N+T	T	N+T	N+T	N+T	N
77. Лунь луговой	*Circus pygargus*	N	N	N?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
78. Лунь болотный	*Circus aeruginosus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
79. Тетеревятник	*Accipiter gentilis*	N	N	W	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
80. Перепелятник	*Accipiter nisus*	N	N	W	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
81. Тювик европейский	*Accipiter brevipes*	N	N	N	N	T	T	N	T	N	N	N	N	N	N
82. Зимняк	*Buteo lagopus*	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W
83. Курганник	*Buteo rufinus*	N	N	N	N	W	W	N	W	T	N	N	N	N	N
84. Канюк обыкновенный	*Buteo buteo*	N	N	T	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
85. Змееяд	*Circaetus gallicus*	N	N	N?	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
86. Орел-карлик	*Hieraaetus pennatus*	N	N	E	N	N	N	N	N	N?	N	N	N	N	N
87. Орел ястребиный	*Hieraaetus fasciatus*		E?												E
88. Орел степной	*Aquila rapax*	N	N	N	N	N+T	T	N+T	N??	N+T	N+T	N	N	N	N
89. Подорлик большой	*Aquila clanga*	N	N	T	T	T	?	T	T	T	T	T	T	T	N
90. Подорлик малый	*Aquila pomarina*	N?	N?	T	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
91. Карагуш, могильник	*Aquila heliaca*	N	N	N	N	N	N??	N	N	N	N	N	N	N	N
92. Беркут	*Aquila chrysaetos*	N+W	N+W	(N)	N+E	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
93. Орлан-долгохвост	*Haliaeetus leucoryphus*	E	E	E	E	E?		E		E	E	?	?	E	E
94. Орлан-белохвост	*Haliaeetus albicilla*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	W	N	N	N
95. Гриф черный	*Aegypius monachus*	E	E	E	E	N	E	E	N	N	N	N?	N	N	N
96. Сип белоголовый	*Gyps fulvus*	E	E	E	E	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
97. Гриф индийский	*Pseudogyps bengalensis*	E			?										E
98. Бородач	*Gypaetus barbatus*				E?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
99. Стервятник	*Neophron percnopterus*	E	E	E	E	N	N	N	N	N	N	N?	N?	N	N
100. Кречет	*Falco rusticolus*	E	E	E	E	E		E?	E					E	E
101. Балобан	*Falco cherrug*	N	N	N+T	N+T	E	E	T	N	N?	N	N	N	N	N
102. Сапсан	*Falco peregrinus*	N??	N+T	W	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
103. Сокол Элеоноры	*Falco eleonorae*													E	E
104. Чеглок	*Falco subbuteo*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
105. Дербник	*Falco columbarius*	N+W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W
106. Кобчик	*Falco vespertinus*	N	N	N	N	N	N	N	T	N	N	N	N	N	N
107. Пустельга степная	*Falco naumanni*	N?	N	N	N	N+T	T	N	T	N+T	N+T	N?	N	N	N
108. Пустельга обыкновенная	*Falco tinnunculus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
109. Тетерев	*Lyrurus tetrix*	N+	N	N+		N+	N+	N+		N+		N+	N+		N
110. Тетерев кавказский	*Lyrurus mlokosiewiczi*					N	N	E	N	N	N	N	N	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
111. Улар кавказский	*Tetraogallus caucasicus*					N	N		N	N	N	N	N	N	N
112. Кеклик	*Alectoris chukar*					N	E	E	N	N	N	N	N	N	N
113. Турач	*Francolinus francolinus*													E+	E+
114. Куропатка серая	*Perdix perdix*	N	N	N	N	N	N?	N	N	N	N	N	N	N	N
115. Перепел	*Coturnix coturnix*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
116. Фазан	*Phasianus colchicus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
117. Стерх	*Grus leucogeranus*	E	E	T	E	?		E		?	E	?	?	T	T
118. Журавль серый	*Grus grus*	N	N	T	N	T	T	N+T	T	T	T	T	T	T	N
119. Журавль даурский	*Grus vipio*	E?		?										E?	E
120. Красавка	*Anthropoides virgo*	N	N	N	N	N	E	N		N+	N+T	N	N	N	N
121. Пастушок	*Rallus aquaticus*	N	N	N	N	N	N?	N	T	N	T	N	N	N	N
122. Погоныш обыкновен.	*Porzana porzana*	N	N	N??	T	N?	T	N	T	T	T	N??	N??	N??	N
123. Погоныш малый	*Porzana parva*	N	N	N	N	N	N?	N?	?	N	T	N	N	N?	N
124. Погоныш-крошка	*Porzana pusilla*	N??	N?	E?	E	(N)		?	?					N?	N
125. Коростель	*Crex crex*	N	N	N	N	N	N	N?	N	N	N	N	N	N	N
126. Камышница	*Gallinula chloropus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
127. Султанка	*Porphyrio porphyrio*			N	N??	T		E	E	?	E		E	N	N
128. Лысуха	*Fulica atra*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
129. Дрофа	*Otis tarda*	N	N	T	N	N	E	N+W	T	N+W	N+E	T	N	N+T	N
130. Стрепет	*Tetrax tetrax*	N	N	N	N	N	W	N	T	N+T	N+E	N	N	N	N
131. Дрофа-красотка	*Chlamydotis undulata*	E	E	E	N??	E		E		?	E		?	E	N??
132. Авдотка	*Burhinus oedicnemus*	N	N	N	N	N	E	N	T	N+T	T	N	N	N	N
133. Тулес	*Pluvialis squatarola*	T	T	T	T	T	T	T				T	T	T	T
134. Ржанка бурокрылая	*Pluvialis fulva*		E?	E		?									E
135. Ржанка золотистая	*Pluvialis apricaria*	T	T	T	T	T	T	T		T	T	T	T	T	T
136. Галстучник	*Charadrius hiaticula*	T	T	T	T	T	E	T	T	T	T	T	T	T	T
137. Зуек малый	*Charadrius dubius*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
138. Зуек толстоклювый	*Charadrius leschenaultii*	?				T								N??	N??
139. Зуек каспийский	*Charadrius asiaticus*	?	N	N?	N			N+		?	E		N?	N?	N
140. Зуек морской	*Charadrius alexandrinus*	N	N	N	N	N		N	E	T			N	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
141. Хрустан	*Eudromias morinellus*	T	N??	T	T	T	(N?)	T		(N)	T	T	T	T	N
142. Кречетка	*Chettusia gregaria*	N+E	N	N+T	T	?		T		E	E		T	N?	N
143. Чибис	*Vanellus vanellus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
144. Пигалица белохвостая	*Vanellochettusia leucura*		E	N	N	E		N?			E			N	N
145. Чибис украшенный	*Lobivanellus indicus*							E						E	E
146. Камнешарка	*Arenaria interpres*	T	T	T	T	T	E	T		T				T	T
147. Ходулочник	*Himantopus himantopus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N+T	N	N	N	N	N
148. Шилоклювка	*Recurvirostra avosetta*	N	N	N	N	N	E	N	E	T	T	T	N	N	N
149. Кулик-сорока	*Haematopus ostralegus*	N	N	N	N?	N	E	T	N	N	N	N?	N?	N	N
150. Черныш	*Tringa ochropus*	T	T	T	T	T	T	T	T	W	W	T	T	W	W
151. Фифи	*Tringa glareola*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T
152. Улит большой	*Tringa nebularia*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T
153. Травник	*Tringa totanus*	N	N	N?	N	N	T	N	T	T	T	N	N	N	N
154. Щеголь	*Tringa erythropus*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T
155. Поручейник	*Tringa stagnatilis*	N	N	N?	T	T	T	T	T	T	T	T	T	N??	N
156. Перевозчик	*Actitis hypoleucos*	N	N	N	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
157. Мородунка	*Xenus cinereus*	T	N?	T	T	T	T	T	T	T		T	T	T	N?
158. Плавунчик плосконосый	*Phalaropus fulicarius*					E				E				T	E
159. Плавунчик круглоносый	*Phalaropus lobatus*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T
160. Турухтан	*Philomachus pugnax*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T
161. Кулик-воробей	*Calidris minuta*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T
162. Песочник белохвостый	*Calidris temminckii*	T	T	T	T	T	E	T	E	T	T	T	T	T	T
163. Краснозобик	*Calidris ferruginea*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T
164. Чернозобик	*Calidris alpina*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T
165. Песочник морской	*Calidris maritima*			?		E								?	E
166. Песочник исландский	*Calidris canutus*	E	?		E	E								?	E
167. Песчанка	*Calidris alba*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T			T	T
168. Грязовик	*Limicola falcinellus*	T	T	T	T	T	E	T	T	W	T			T	T
169. Гаршнеп	*Lymnocryptes minimus*	T	T	T	T	T	T	T	T	W	W	W	W	W	W
170. Бекас	*Gallinago gallinago*	N	N	T	T	T	T	T	T	W	W	T	T	W	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
171. Дупель лесной	*Gallinago megala*											E??			E
172. Бекас азиатский	*Gallinago stenura*										E			?	E
173. Дупель	*Gallinago media*	T	N??	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	N??
174. Вальдшнеп	*Scolopax rusticola*	N	N	T	T	N	N	N	N	N	N	N	N	N?	N
175. Кроншнеп тонкоклювый	*Numenius tenuirostris*	N+T	E	T	T	E		T			E		?	E	T
176. Кроншнеп большой	*Numenius arquata*	N	N	T	T	N?	T	T	T	T	T	T	N?	N?	N
177. Кроншнеп средний	*Numenius phaeopus*	T	N?	T	T	T		T		?	E	T	T	T	N?
178. Веретенник большой	*Limosa limosa*	N	N	T	N?	T	T	T	T	T	T	T	T	T	N
179. Веретенник малый	*Limosa lapponica*	E	E	E	E	T		E	?			E	E	T	T
180. Бегунок	*Cursorius cursor*	E	E	E				?			E			E	E
181. Тиркушка луговая	*Glareola pratincola*	N	E	N	N	N	E	N	E	T	T	N	N	N	N
182. Тиркушка степная	*Glareola nordmanni*	N	N	N	N	N	N?	N		T	T	N	N	N	N
183. Поморник большой	*Stercorarius skua*		E			?									E
184. Поморник средний	*Stercorarius pomarinus*			E	E	W	E	E	E					E	E
185. Поморник короткохвост.	*Stercorarius parasiticus*	E	E	E	E	W	T			?	E		?	T	E
186. Поморник длиннохвост.	*Stercorarius longicaudus*					?		E						E	E
187. Хохотун черноголовый	*Larus ichthyaetus*	N	N	N	N	N	E	N	T	E	E			N	N
188. Чайка черноголовая	*Larus melanocephalus*	N	N	E	N	N	W	N	E	E		E	E	T	N
189. Чайка малая	*Larus minutus*	T	N?	T	T	N?	T	T	T	T	E	T	T	T	N?
190. Чайка озерная	*Larus ridibundus*	N	N	N	N	N	W	N	T	W	W	N	N	N	N
191. Морской голубок	*Larus genei*	N	N	N	N	N	T	N	E	E	T		E	N	N
192. Чайка серебристая	*Larus argentatus*	?	?	E	?	W			E?	W				T	E
193. Клуша	*Larus fuscus*	E	E	E	E	E	E	E	E?		E		E	E	E
194. Клуша восточная	*Larus heuglini*	T	T	E	?	E			T	E				T	T
195. Хохотунья	*Larus cachinnans*	N	N	N	N	N	E	N	N	T		T	N	N	N
196. Чайка средиземноморск.	*Larus michahellis*					N			E						N
197. Чайка армянская	*Larus armenicus*					E		E	E						E
198. Бургомистр	*Larus hyperboreus*	E	?	E?	E			E						E?	E
199. Чайка морская	*Larus marinus*	E	E	E		E								E	E
200. Чайка сизая	*Larus canus*	W	N?	T	W	W	W	W	T	E	W	T	T	N??	N?

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
201. Чайка Одуэна	*Larus audouinii*					E									E
202. Моевка	*Rissa tridactyla*	E		E?		E			E		E			E	E
203. Крачка черная	*Chlidonias niger*	N	N	N	N	N	N	T	T	T	T	T	N	N	N
204. Крачка белокрылая	*Chlidonias leucopterus*	N	N	N	N	N	T	N??	T	T	T	T	N??	N	N
205. Крачка белощекая	*Chlidonias hybrida*	N	N	N	N	N	N?	N	T	N??	E	T	T	N	N
206. Крачка чайконосая	*Gelochelidon nilotica*	N	N	N	N	N	T	N	E	E	E	T	T	N	N
207. Чеграва	*Hydroprogne caspia*	N	N	N	N	N	T	N						N	N
208. Крачка пестроносая	*Thalasseus sandvicensis*	E	E?	N	N??	N	T	T						N	N
209. Крачка речная	*Sterna hirundo*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
210. Крачка полярная	*Sterna paradisaea*							E							E
211. Крачка малая	*Sterna albifrons*	N	N	N	N	N	N	N	E	T	E	T	N	N	N
212. Рябок чернобрюхий	*Pterocles orientalis*	E	E	N?	N	E					E		E	T	N
213. Рябок белобрюхий	*Pterocles alchata*			E									E	E	E
214. Саджа	*Syrrhaptes paradoxus*	E	E	N??	E	E		E			E		?	E	N??
215. Вяхирь	*Columba palumbus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
216. Клинтух	*Columba oenas*	N	N	T	T	N	T	N	N?	N	N	N	N	N	N
217. Голубь сизый	*Columba livia*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
218. Горлица кольчатая	*Streptopelia decaocto*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
219. Горлица обыкновенная	*Streptopelia turtur*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
220. Горлица большая	*Streptopelia orientalis*			E		E									E
221. Горлица малая	*Streptopelia senegalensis*				E	N?		N??			N			N	N
222. Кукушка обыкновенная	*Cuculus canorus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
223. Кукушка глухая	*Cuculus saturatus*							E							E
224. Кукушка хохлатая	*Clamator glandarius*					E									E
225. Сова белая	*Nyctea scandiaca*	E	E	E	E	E		E		E	E	E	E	E	E
226. Филин	*Bubo bubo*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
227. Сова ушастая	*Asio otus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
228. Сова болотная	*Asio flammeus*	N	N	N	N	N	N	N	T	N?	W	N	N	N	N
229. Сплюшка	*Otus scops*	N	N	N	N	N	N	N	N?	N	N	N	N	N	N
230. Сыч мохноногий	*Aegolius funereus*	N	E	E?		N	N	N??	N	N	N	N	N	N??	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
231. Сыч домовый	*Athene noctua*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
232. Сыч воробьиный	*Glaucidium passerinum*		E	?										?	E
233. Сова ястребиная	*Surnia ulula*				E?			E?	E					E?	E
234. Неясыть серая	*Strix aluco*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
235. Сипуха	*Tyto alba*	?	?			N		N							N
236. Козодой обыкновенный	*Caprimulgus europaeus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
237. Стриж черный	*Apus apus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
238. Стриж белобрюхий	*Apus melba*		N?			N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
239. Сизоворонка	*Coracias garrulus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
240. Зимородок пегий малый	*Ceryle rudis*		E												E
241. Зимородок	*Alcedo atthis*	N	N	N	N?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
242. Щурка золотистая	*Merops apiaster*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
243. Щурка зеленая	*Merops superciliosus*		E	N	N			N			E		T	N	N
244. Удод	*Upupa epops*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
245. Вертишейка	*Jynx torquilla*	N	N	T	T	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
246. Дятел зеленый	*Picus viridis*	N	N+E	E?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
247. Дятел седой	*Picus canus*	N	N	N	N	N?		N??			E?	E	E		N
248. Желна	*Dryocopus martius*	N?	N	W		N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
249. Дятел пестрый	*Dendrocopos major*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
250. Дятел сирийский	*Dendrocopos syriacus*	N	N	N?	N	N	N	N	N	N?	N?	N?	N?	?	N
251. Дятел средний	*Dendrocopos medius*	N	N	N??	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
252. Дятел белоспинный	*Dendrocopos leucotos*	N?	N	E		N	N		E	E				E	N
253. Дятел малый	*Dendrocopos minor*	N	N	N?	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
254. Ласточка береговая	*Riparia riparia*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
255. Ласточка скальная	*Ptyonoprogne rupestris*				?	N?	E?	N	N	N	N	N	N	N	N
256. Ласточка деревенская	*Hirundo rustica*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
257. Ласточка рыжепоясничн.	*Cecropis daurica*					N	T	E			E			E	N
258. Воронок	*Delichon urbicum*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
259. Жаворонок хохлатый	*Galerida cristata*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
260. Жаворонок малый	*Calandrella brachydactyla*	N	N	N	N	N	N	N	T	T	T	N	N	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
261. Жаворонок серый	*Alaudala rufescens*	N	N	N	N	T		N	E	T	E	N	N	N	N
262. Жаворонок степной	*Melanocorypha calandra*	N	N	N	N	N	N	N	E	N	N+T	N	N	N	N
263. Жаворонок двупятнист.	*Melanocorypha bimaculata*													E	E
264. Жаворонок белокрылый	*Melanocorypha leucoptera*	N?	N	N	N	W	W	N+W		W	N+W	W	W	N	N
265. Жаворонок черный	*Melanocorypha yeltoniensis*	W	N	N+W	W	E		E	E	E	E	W	W	W	N
266. Жаворонок рогатый	*Eremophila alpestris*	W	N	N+W	W	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
267. Жаворонок лесной	*Lullula arborea*	N	N	T	N?	N	T	N	N	N	N	N	N	N	N
268. Жаворонок полевой	*Alauda arvensis*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
269. Жаворонок индийский	*Alauda gulgula*	E												?	E
270. Конек полевой	*Anthus campestris*	N	N	N	N	N		N		N	N	N	N	N	N
271. Конек лесной	*Anthus trivialis*	N	N	N?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
272. Конек пятнистый	*Anthus hodgsoni*		E												E
273. Конек луговой	*Anthus pratensis*	(N)	N?	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	N
274. Конек краснозобый	*Anthus cervinus*	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T
275. Конек гольцовый	*Anthus rubescens*					E					E				E
276. Конек горный	*Anthus spinoletta*					N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
277. Трясогузка желтая	*Motacilla flava*	N	N	N	N	N	T	N??	T	N	N	T	T	N	N
278. Трясогузка черноголовая	*Motacilla feldegg*	N	N+E	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
279. Трясогузка желтолобая	*Motacilla lutea*	T	N	N	N	E		T		E	T	T	T	T	N
280. Трясогузка желтоголовая	*Motacilla werae*	N	N	N?	N	T	T	N	N	N??	T			T	N
281. Трясогузка горная	*Motacilla cinerea*	E	E	E	E	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
282. Трясогузка белая	*Motacilla alba*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
283. Жулан обыкновенный	*Lanius collurio*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
284. Сорокопут маскирован.	*Lanius nubicus*					E									E
285. Сорокопут красноголов.	*Lanius senator*		E		E	E					E		E	N	N
286. Сорокопут чернолобый	*Lanius minor*	N	N	N	N	N	N	N	N?	N	N	N	N	N	N
287. Сорокопут серый	*Lanius excubitor*	W	N+W	W	W	W	W	W	W	N+W	W	W	W	W	W
288. Сорокопут северный	*Lanius borealis*			E											E
289. Сорокопут пустынный	*Lanius lahtora*		N	N	N									E?	N
290. Иволга обыкновенная	*Oriolus oriolus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
291. Скворец обыкновенный	*Sturnus vulgaris*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
292. Скворец розовый	*Sturnus roseus*	N	N	N	N	T	T	N	T	E	E	T	N	N	N
293. Майна обыкновенная	*Acridotheres tristis*					Na+E								?	E
294. Сойка	*Garrulus glandarius*	N	N	N?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
295. Сорока	*Pica pica*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
296. Кедровка	*Nucifraga caryocatactes*	E	E	E	E	E	E	E	E	E	E			?	E
297. Клушица	*Pyrrhocorax pyrrhocorax*	E				E	E	N	N	N	N	N	N	N	N
298. Галка альпийская	*Pyrrhocorax graculus*	E				N	N	E	N	N	N	N	N	N	N
299. Галка	*Corvus monedula*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
300. Грач	*Corvus frugilegus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
301. Ворона черная	*Corvus corone*	E	E		E?	E		E		E?				E	E
302. Ворона серая	*Corvus cornix*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
303. Ворон	*Corvus corax*	N	N	N?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
304. Свиристель	*Bombycilla garrulus*	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W
305. Оляпка	*Cinclus cinclus*	E			E?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
306. Крапивник	*Troglodytes troglodytes*	N	N?	N??	W	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
307. Завирушка альпийская	*Prunella collaris*					N	N	W	N	N	N	N	N	N	N
308. Завирушка лесная	*Prunella modularis*	T	T	T	T	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
309. Камышевка широкохвост.	*Cettia cetti*	N	N?	N	N	N	N?	N?	N	N	N?	N	N	N	N
310. Сверчок соловьиный	*Locustella luscinioides*	N	N	N	N	N	N	N?	N	N	N?	N	N	N	N
311. Сверчок речной	*Locustella fluviatilis*	N	N	N?	T	T		T		T	T	T	T	T	N
312. Сверчок обыкновенный	*Locustella naevia*	N	N	T		N	N	N	N	N	N	N	N	N?	N
313. Сверчок пятнистый	*Locustella lanceolata*													E	E
314. Камышевка тонкоклювая	*Acrocephalus melanopogon*	N	N	N	N	N	E	N	N		N??	N	N	N	N
315. Камышевка вертлявая	*Acrocephalus paludicola*	E	E?											?	E
316. Камышевка-барсучок	*Acrocephalus schoenobaenus*	N	N	N	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
317. Камышевка индийская	*Acrocephalus agricola*	N	N	N	N	N		N				N	N	N	N
318. Камышевка садовая	*Acrocephalus dumetorum*	T	N??	T	T	T	T							T	N??
319. Камышевка болотная	*Acrocephalus palustris*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
320. Камышевка тростниковая	*Acrocephalus scirpaceus*	N	N	N	N	N	N	N	N	T	N?	N	N	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
321. Камышевка дроздовидн.	*Acrocephalus arundinaceus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
322. Пересмешка зеленая	*Hippolais icterina*	N	N	E		N	T	T		E	N	T	T	T	N
323. Бормотушка северная	*Iduna caligata*	N	N	N	T?	E								T	N
324. Бормотушка южная	*Iduna rama*			N	N										N
325. Бормотушка бледная	*Iduna pallida*			N	N	N		N?			N	E	N	N	N
326. Славка черноголовая	*Sylvia atricapilla*	N	N	E	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
327. Славка садовая	*Sylvia borin*	N	N	N?	T	N	T	N	N	N	T	N	N	N??	N
328. Славка ястребиная	*Sylvia nisoria*	N	N	N?	N	N	N	N	N?	N	N	N	N	N	N
329. Славка серая	*Sylvia communis*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
330. Славка-завирушка	*Sylvia curruca*	N	N	N	N	N	E	N	N?	N	N	T	T	N	N
331. Славка белоусая	*Sylvia mystacea*		E?	N	N			N			E	T	N	N	N
332. Славка пустынная	*Sylvia nana*			N	N									T	N
333. Пеночка-весничка	*Phylloscopus trochilus*	T	N??	N??	T	T	T	T	T	T	T	T	T	T	N?
334. Пеночка-теньковка	*Phylloscopus collybita*	N	N	T	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
335. Пеночка печальная	*Phylloscopus tristis*	?		T	E										T
336. Пеночка кавказская	*Phylloscopus lorenzii*					N	N		N	N	N	N	N	N	N
337. Пеночка-трещотка	*Phylloscopus sibilatrix*	N	N	T	T	N	N	N	N	T		T	T	N??	N
338. Пеночка зеленая	*Phylloscopus trochiloides*	(N?)	N??	E	E	?									N?
339. Пеночка желтобрюхая	*Phylloscopus nitidus*					N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
340. Пеночка-зарничка	*Phylloscopus inornatus*		E	E											E
341. Пеночка корольковая	*Phylloscopus proregulus*					E									E
342. Королек желтоголовый	*Regulus regulus*	W	W	W	W	N	N	W	N	N	N	N	N	N	N
343. Королек красноголовый	*Regulus ignicapillus*	E	?			N	E							E	N
344. Мухоловка-пеструшка	*Ficedula hypoleuca*	N	N	T	T	N?	T	E	T			T	T	E	N
345. Мухоловка-белошейка	*Ficedula albicollis*	N	N	T	T	N?		N?	T		T			T	N
346. Мухоловка полуошейник.	*Ficedula semitorquata*	E				N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
347. Мухоловка малая	*Ficedula parva*	N	N?	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
348. Мухоловка серая	*Muscicapa striata*	N	N	N	N	N	N	N?	N	N	N	N	N	N	N
349. Чекан луговой	*Saxicola rubetra*	N	N	N	T	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
350. Чекан черноголовый	*Saxicola rubicola*	N	?			N	N		N	N	N	N	N	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
351. Чекан белохвостый	*Saxicola maurus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
352. Чекан черный	*Saxicola caprata*			N											N
353. Каменка обыкновенная	*Oenanthe oenanthe*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
354. Каменка-плешанка	*Oenanthe pleschanka*	N	N	N	N	N		N		T	E	T	N	N	N
355. Каменка чернопегая	*Oenanthe melanoleuca*					N??					?	?	?	N	N
356. Каменка пустынная	*Oenanthe deserti*				?	E		E						?	E
357. Каменка-плясунья	*Oenanthe isabellina*	N	N	N	N	N	T	N	N	N	N	N	N	N	N
358. Соловей тугайный	*Cercotrichas galactotes*			N??	E									N	N
359. Каменный дрозд пестрый	*Monticola saxatilis*			E	E	N	N	N	N	N	N	T	N	N	N
360. Каменный дрозд синий	*Monticola solitarius*			E		E?		E	N??		E	T	N	N	N
361. Горихвостка обыкновен.	*Phoenicurus phoenicurus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
362. Горихвостка-чернушка	*Phoenicurus ochruros*	N	N	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
363. Горихвостка краснобрюх.	*Phoenicurus erythrogastrus*			E?		?		E	N	N	N	N	N	N	N
364. Зарянка	*Erithacus rubecula*	N	N	W	W	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
365. Соловей южный	*Luscinia megarhynchos*	N	N+	N?	N	N	N	N	N??	N	N	N	N	N	N
366. Соловей обыкновенный	*Luscinia luscinia*	N	N	N?	N?	N	T	N	T	T	T	T	T	T	N
367. Варакушка	*Luscinia svecica*	N	N	N?	N	N	N	N	N	T	T	T	T	N	N
368. Дрозд чернозобый	*Turdus atrogularis*		E	?											E
369. Рябинник	*Turdus pilaris*	N	N	W	(N)	W	W	W	W	W	W	W	W	W	N
370. Дрозд белозобый	*Turdus torquatus*	E		E		N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
371. Дрозд черный	*Turdus merula*	N	N	W	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
372. Белобровик	*Turdus iliacus*	N	N?	T	T	W	W	T	T	T	T	W	W	W	N
373. Дрозд певчий	*Turdus philomelos*	N	N	T	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
374. Деряба	*Turdus viscivorus*	N	N	W	T	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
375. Синица усатая	*Panurus biarmicus*	N	N	N	N	N	N?	N	N??	W	W	N	N	N	N
376. Ополовник	*Aegithalos caudatus*	N	N	N	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
377. Ремез обыкновенный	*Remiz pendulinus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
378. Гаичка черноголовая	*Parus palustris*	N	N??	?		N	N	W	N	N	N	N	N	N?	N
379. Гаичка буроголовая	*Parus montanus*	N	N	E											N
380. Синица хохлатая	*Parus cristatus*	E	E			?		E	E		E			E	E

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
381. Московка	*Parus ater*	W	W	E	E	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
382. Лазоревка обыкновенная	*Parus caeruleus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
383. Лазоревка белая	*Parus cyanus*	E	E	?											E
384. Синица большая	*Parus major*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
385. Поползень обыкновен.	*Sitta europaea*	N	N	W		N	N	W	N	N	N	N	N	N	N
386. Поползень черноголовый	*Sitta krueperi*					N	N		N	?					N
387. Стенолаз	*Tichodroma muraria*					N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
388. Пищуха обыкновенная	*Certhia familiaris*	N	N	N?	N??	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
389. Пищуха короткопалая	*Certhia brachydactyla*					N					E			?	N
390. Воробей домовый	*Passer domesticus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
391. Воробей черногрудый	*Passer hispaniolensis*	N	N	N	N	E		N	E	W	N		N	N	N
392. Воробей полевой	*Passer montanus*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
393. Воробей каменный	*Petronia petronia*	E	N+	N?	E?	N??		N	N	N	N	N	N	N	N
394. Воробей снежный	*Montifringilla nivalis*					E	E		N?	N	N	N	N	N	N
395. Зяблик	*Fringilla coelebs*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
396. Юрок	*Fringilla montifringilla*	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W	W
397. Вьюрок корольковый	*Serinus pusillus*					N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
398. Вьюрок канареечный	*Serinus serinus*					E									E
399. Зеленушка обыкновен.	*Chloris chloris*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
400. Чиж	*Spinus spinus*	W	W	W	W	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
401. Щегол черноголовый	*Carduelis carduelis*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
402. Коноплянка	*Acanthis cannabina*	N	N	W	N	N	T	N	N	N	N	N	N	N	N
403. Чечетка горная	*Acanthis flavirostris*		E	W	E	E	E	W	N	N	N	N	N	N?	N
404. Чечетка обыкновенная	*Acanthis flammea*	W	W	W	W	W	W	W	W	W	E	W	W	W	W
405. Чечетка пепельная	*Acanthis hornemanni*		E					E							E
406. Чечевичник краснокрыл.	*Rhodopechys sanguinea*					E		E		N?	E	?	?	N??	N?
407. Вьюрок пустынный	*Bucanetes githagineus*					E					E				E
408. Воробей короткопалый	*Carpospiza brachydactyla*			(N?)										N?	N?
409. Чечевица обыкновенная	*Carpodacus erythrinus*	N	N	T	N?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
410. Чечевица большая	*Carpodacus rubicilla*					N	N		N	N	N	N	N	N	N

Виды	Регионы:	Ро	Во	Ас	Км	Кр	Ад	Ст	КЧ	КБ	СО	РИ	ЧР	Дг	Ю.Рос.
411. Урагус	*Uragus sibiricus*			E										E	E
412. Щур	*Pinicola enucleator*	E		E		?			E		E				E
413. Клест-еловик	*Loxia curvirostra*	E	E	E	E	N	N	W	N	N	N	N	N	N	N
414. Снегирь обыкновенный	*Pyrrhula pyrrhula*	W	W	W	W	N	N	W	N	N	N	N	N	N	N
415. Дубонос обыкновенный	*Coccothr. coccothraustes*	N	N	N?	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
416. Просянка	*Emberiza calandra*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
417. Овсянка обыкновенная	*Emberiza citrinella*	N	N	W	W	N	N	N	N	N	N+W	N	N	N?	N
418. Овсянка белошапочная	*Emberiza leucocephala*	E	T	E		T		E	E	E	W			E?	T
419. Овсянка горная	*Emberiza cia*					N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
420. Овсянка болотная	*Emberiza schoeniclus*	N	N	N	N	N	W	N?	T	W	W	N	N	N	N
421. Овсянка-ремез	*Emberiza rustica*	E	E	?	?	?				E					E
422. Дубровник	*Emberiza aureola*	N	N?	E	?										N
423. Овсянка садовая	*Emberiza hortulana*	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N	N
424. Овсянка скальная	*Emberiza buchanani*								?					E	E
425. Овсянка черноголовая	*Emberiza melanocephala*	N	N	N	N	N	N??	N	T	N	N	N	N	N	N
426. Овсянка желчная	*Emberiza bruniceps*	E	N	N	E			E						E	N
427. Подорожник	*Calcarius lapponicus*	W	W	W	W	E		W	E		E	W	W	W	W
428. Пуночка	*Plectrophenax nivalis*	W	W	W	W	E	E	E		?	E	W	W	W	W
Всего видов:		**337**	**339**	**345**	**322**	**369**	**296**	**344**	**300**	**308**	**328**	**302**	**317**	**368**	**428**

Отряд **Воробьинообразные** Passeriformes

Семейство **Ласточковые** Hirundinidae

253. Ласточка береговая *Riparia riparia* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), характерный для равнин и предгорий, реже – для горных районов Северного Кавказа.

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 4 подвида. В Европейской России обитает номинативная форма (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на большей части Евразии и Северной Америки, а также на севере Африки. На юге России распространена повсеместно на равнинных и предгорных территориях, преимущественно по берегам рек, а также близ водоемов в песчаных пустынях. На Кавказе по долинам рек местами проникает в низкогорья и даже в среднегорья (Бёме, 1933; Ломадзе, 2002; Ломадзе и др., 2003; Караваев, 2000, 2006; Караваев и др., 2015; Белик, 2019а).

Евразийские птицы зимуют в Африке и Южной Азии. Миграции идут днем, широким фронтом, в том числе птицы в массе летят по ущельям через перевалы Кавказа и вдоль берегов морей (Джамирзоев и др., 2014, 2017). На равнинах направленный пролет выражен слабо.

Местообитания. Спорадично селится относительно плотными колониями в глинистых или песчаных береговых обрывах рек и прудов, иногда – в оврагах, в карьерах или силосных ямах, а среди песчаных пустынь – в обрывах эоловых бугров, развеваемых ветром, и т.п. На реках предпочитает заселять высокие обрывистые берега, лишенные лесной растительности (Соколов, Химин, 2013а). Гнездо делает в конце длинных горизонтальных нор, которые роют сами птицы. Норы располагаются как беспорядочно, так и линейно в песчаных прослойках грунта, иногда в несколько ярусов в зависимости от структуры обрывов.

Численность. Обычный, местами многочисленный вид. В Европе обитает 3,6-8,0 млн., а в Европейской России – 3-5 млн. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 100-500 тыс., в том числе в Ростовской обл. – до 200 тыс., а на Ставрополье – 220-260 тыс. пар (Хохлов, 1993; Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. во многих районах, особенно в бассейне Дона,

отмечено сильное сокращение численности (Белик и др., 2003; Нумеров и др., 2021).

Гнездится обычно колониями размером в 10-100 пар и больше. На Ставрополье отмечали колонии от 36 до 2700 пар, в среднем – 250±20,9 пар, крупные же поселения в 1000-2700 пар составляли лишь 3,7% всех колоний (Маловичко, Константинов, 2000). В низовьях Сев. Донца в 1989-1999 г. в одной из колоний на высоком песчаном обрыве длиной около 1 км в разные годы гнездилось от 2 до 5 тыс. пар (Белик, Трофименко, 1999), но в 2001 г. из-за длительных холодов и дождей, продолжавшихся в мае-июне, она практически опустела.

На Верхнем Дону в Воронежской обл. в 1993 г. на 5 км берега было 10 колоний по 150-550 пар общим числом 2400 нор (Нумеров, 1996). В начале августа 2001 г. между г. Лиски и с. Верхний Мамон ниже по течению Дона нами на 200 км учтено 28 колоний размером от 50 до 3000-5000 нор общим числом 13-17 тыс. нор, но и здесь птицами было заселено лишь около 10% нор. А в июне 2013 г. на 145 км берега Дона между устьем р. Битюг и с. Верхний Мамон учтено 37 колоний численностью от 10-15 до 2000 гнездящихся пар, общим числом около 10.000 пар (Соколов, Химин, 2013а).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

254. Ласточка скальная *Ptyonoprogne rupestris* (Scopoli, 1769)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид горных регионов Центрального и Восточного Кавказа, частично проникающий также на Западный Кавказ (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Населяет горы Древнего Средиземья от Пиренеев и Малой Африки до Монголии. На юге России гнездится в горах Восточного и Центрального Кавказа и в Карачаево-Черкесии на Западном Кавказе. Спорадично встречается в Краснодарском крае, где в конце XIX в. стайки наблюдались у горы Оштен на плато Лагонаки (Динник, 1898), однако автор не упоминал об обычном там воронке (Перевозов, 2022). В 1930-е годы большая колония была известна на хр. Уруштен (Аверин, Насимович, 1938), а 24.05.2015 несколько птиц встречены у скальных обрывов горы Черногор на плато Черногорье в Апшеронском р-не Краснодарского края (Пекло и др., 2019).

В настоящее время гнездится к западу до р. Уруп, где птицы найдены на

куэстах горы Баранаха на Скалистом хр. (Караваев, 2000; Поливанов и др., 2000), а в ущелье р. Уруп выше с. Ильич Краснодарского края 5-10 пар этих ласточек отмечены 23.07.2004 в колонии воронков (Белик, 2006). Кроме того, 1-2 пары скальных ласточек наблюдали в гнездовые периоды 2014 и 2017 гг. в ущелье р. Малая Лаба около кордона Умпырь (Перевозов, 2023).

Распространена на Скалистом, Боковом и Водораздельном хребтах, а в окрестностях Кисловодска гнездовья отмечали также на Меловом хр. (Хохлов, Тельпов, 1984; Хохлов и др., 1992). Регулярно встречается в известняковых горах Внутреннего Дагестана, но в низкогорьях на сухих краевых хребтах Восточного Кавказа, по-видимому, не гнездится. Наиболее характерна для узких скалистых ущелий Бокового хр. с более влажным климатом, гнездясь в основном на высотах около 1700-1800 м н.у.м. (Комаров и др., 2006).

Зимует на севере Африки и юге Азии. Сезонные миграции в горах выражены слабо (Поливанов и др., 1985; Комаров и др., 2006).

Местообитания. Спорадично распространена в скалистых ущельях низкогорий и среднегорий Кавказа, нередко проникает в высокогорья до 2300-3000 м н.у.м. (Моламусов, 1967; Комаров и др., 2006; Караваев и др., 2015, 2017). Гнездится на скалах отдельными парами или небольшими колониями, часто рядом с колониями воронков, но обычно несколько обособленно от них. Предпочитает невысокие, затененные скалы или нижние ярусы мощных куэст, особенно с тенистыми, влажными расщелинами, широкими нишами и гротами близ рек и ручьев, хотя изредка встречается в колониях воронков и на высоких, солнечных куэстах (Бёме, 1925а; Бёме и др., 1930, с.59). Местами селится на постройках, иногда – под мостами. Гнездо лепит из глины в виде открытой сверху чашечки, прикрепляя ее к скалам под карнизами, в гротах и т.п. Держится отдельными парами или маленькими стайками, летая в погоне за насекомыми в основном у скал или невысоко над склонами гор.

Численность. Немногочисленный, местами обычный вид. В Европе гнездится 182-342 тыс. пар, а на Северном Кавказе в Европейской России численность оценивали в 5-20 тыс. пар (Белик, 2005б; Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). Для Северной Осетии сейчас указывают 350-400 гнездовых пар (Комаров, 2022). Судя по имеющимся данным (Динник, 1898; Аверин, Насимович, 1938; Гептнер, 1926; Поливанов и др., 2000), в XX в. на Кавказе произошло, по-видимому, значительное сокращение численности, но сейчас она здесь относительно стабильна (Белик и др., 2003).

На р. Кичмалка в Кабардино-Балкарии в районе с. Кичи-Балык в 1983 г.

гнездилось не менее 50 пар на 6 км реки, а в 1990 г. там найдено всего 3-7 пар на 4-5 км (Хохлов, Тельпов, 1984; Хохлов и др., 1992). По р. Подкумок в Карачаево-Черкесии выше с. Терезе 07.06.2005 мы учли 4-5 пар/10 км, а в низовьях р. Карсунка, левого притока Подкумка, 17.06.2006 охотилось 18 птиц на 2 км долины. Среди ласточек, охотившихся в районе Кисловодска по ущельям Скалистого хр., в 2005-2007 гг. этот вид составлял обычно лишь около 1-2% от численности воронков. Примерно такое же соотношение этих ласточек было отмечено и на горе Баранаха на Скалистом хр., где 07-09.06.1997 учтено 12 ос./10 км куэсты (Караваев, 2000). В среднегорьях Северной Осетии учитывали 20-30 пар/км^2 (Комаров и др., 2006). В Кабардино-Балкарии по ущелью р. Черек-Балкарский на Боковом хр. в 2017 г. на 4 км мы учли 4 поселения по 1-4 пары общей численностью 14-19 особей.

Охранный статус. Внесена в Красную книгу Северной Осетии (3 категория), но сейчас в особой охране, по-видимому, не нуждается.

255. Ласточка деревенская, касатка *Hirundo rustica* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), характерный для равнин и предгорий, реже – для горных районов Северного Кавказа.

Зоогеографические связи. Предположительно, представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики, где распространено большинство подвидов касатки (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 6-8 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На юге России обитает номинативный подвид. В Крыму в 1957 г. зарегистрирован залет палестинской формы *H. r. transitive*, отличающейся охристой окраской нижней стороны тела (Спангенберг, 1959; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Евразии, кроме южных тропических районов, а также в Северной Африке и Северной Америке. На юге России распространена повсеместно на равнинах и в предгорьях Кавказа, по ущельям рек заходит в низкогорья, изредка встречается в среднегорьях, а местами поднимается на гнездовье в субальпику вверх до 1700-1800 м н.у.м. (Комаров, Липкович, 2000; наши данные).

Евразийские птицы зимуют в Африке и Южной Азии. Миграции идут днем, обычно небольшими стаями, широким фронтом, в том числе по ущельям через перевалы Кавказа (Поливанов и др., 1985; Комаров и др., 2006), а также вдоль берегов Черного и Каспийского морей, где наблюдается массовый пролет (Бернацкий, 1958; Птушенко, 1959; Тильба, 2001; Джамирзоев и др., 2014, 2017). Весенние миграции в

степях Ставрополья направлены на север и северо-восток, а осенью касатки летят на юг и юго-восток (Хохлов, 1991).

Местообитания. Широко распространена на равнинах и в предгорьях, по долинам рек проникает в горы вплоть до субальпики. Гнездится отдельными парами или небольшими поселениями в сёлах, хуторах, на фермах, под невысокими мостами через реки. Чашеобразные гнезда из грязи лепит под крышами сараев, веранд и т.п. Местами гнездится на скалах у воды (Кошелев, Корзюков, 1986; Костюшин, 1994; Черничко, Черничко, 1998; Успенский, Химин, 2013; и др.), а иногда лепит гнезда даже на деревьях (Богданов, 1871; Кривицкий и др., 1994; Атемасов, Атемасова, 1996), что подтверждает очень высокую экологическую пластичность, характерную для многих склерофилов (Белик, 2000а, с.84-85).

Численность. Обычный, местами многочисленный вид. В Европе гнездится 29-49 млн. пар, но в Европейской России численность оценивали лишь в 2,5-7,2 млн. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). На юге России предполагалось гнездование 0,5-1,5 млн. пар., в том числе более 150 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. в южных регионах наблюдалось заметное сокращение численности (Белик и др., 2003; Караваев и др., 2013).

Обилие касатки в селениях Северной Осетии на равнинах составляло 171-338 пар/км^2 (до 50-60 пар на селение), в предгорьях – 246 пар/км^2, а в горных сёлах – 3,7-11,8 пар/км^2, по 5-6 пар на село (Комаров, Липкович, 2000; Комаров и др., 2006). В Карачаево-Черкесии в Северо-Юрской депрессии в сёлах учитывали от 29 до 75 ос./км^2; в среднегорьях на Боковом хр. численность в г. Карачаевск в июне-июле колебалась от 1-14 ос./км^2 в многоэтажных кварталах и до 4-21 ос./км^2 среди частной застройки, а в г. Теберда насчитывали до 13-16 ос./км^2 (Караваев и др., 2013; Караваев, 2018). Численность ласточек значительно выше в сёлах, где содержится домашний скот (Комаров и др., 2006; Белик, Федосов, 2017).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

256. Ласточка рыжепоясничная *Cecropis daurica* Laxmann, 1769

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, недавно проникший с запада через Крым в Краснодарский край и постепенно расселяющийся дальше на восток (Бескаравайный, 2012; Белик и др., 2016; Костин, 2020; Перевозов, 2020; и др.). Имеются неподтвержденные сведения также о единичном гнездовании в Дагестане (В.Н. Мосейкин, личн. сообщ.).

Зоогеографические связи. Тропический вид Афро-Ориентального генезиса, проникающий с юга в Палеарктику.

Таксономия. Включает 10-15 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В Средиземноморье обитает *C. d. rufula*, которая проникла также в Крым и на Кавказ.

Распространение. Гнездится в Средиземноморье и Северной Африке, а также в Южной и Юго-Восточной Азии к северу до Тянь-Шаня, Байкала и Амура. Весной 1957 г. залетная птица была впервые добыта в Крыму (Спангенберг, 1959; Костин, 1983), изредка эти птицы встречались там до 1990 г., а с 1999 г., когда близ Симферополя была обнаружена колония, встречи стали регулярными (Дулицкий, 2000; Кинда и др., 2003). Сейчас же в Крыму известно уже несколько районов гнездования (Прокопенко и др., 2012; Бескаравайный, 2012; Костин, 2020; и др.).

Рис. 4. Встречи рыжепоясничной ласточки на юге России:
красные пуансоны – места встреч птиц; черно-красные – места гнездования

На Северном Кавказе одиночная ласточка впервые была встречена 27.05.2011 над Черным морем в 24 км от пос. Джанхот Краснодарского края (Барабашин, Мокиевский, 2011). В последующие годы число встреч в Краснодарском крае постепенно нарастало (Динкевич, 2012; Белик, 2014в; Евтух, 2016; Филиппов, 2019; Тильба и др., 2022; и др.), а 04-05.07.2020 уже встречена пара, строившая гнездо в пос. Мезмай в горах Апшеронского р-на (Перевозов, 2020). Судя по летним встречам, птицы гнездятся местами, вероятно, также и в других районах, в основном вдоль Черноморского побережья вплоть до Сочи-Адлера. Здесь только в окрестностях Новороссийска и Геленджика в 2019-2022 гг. бёрдвотчерами было зарегистрировано

14 встреч с этой ласточкой; наконец 09.07.2022 под мостом у Геленджика В. Бутко нашел жилое гнездо (Мокиевский, 2021; А.В. Попович, личн. сообщ.; сайт: www.erbirds.ru).

Одиночные ласточки встречены также 13.05.2009 близ с. Дивное Ставропольского края в долине Маныча (Gordon, 2016) и 12.08.2021 в долине Терека близ Владикавказа (Шевцов, 2021), пару птиц наблюдали в стан. Ханской в Адыгее (Перевозов и др., 2021), а 16.04.2014 эту ласточку отметили в Дагестане близ Махачкалы (Джамирзоев и др., 2014). Там же в с. Новая Коса на побережье Каспия в 2019 г. было найдено гнездо рыжепоясничной ласточки, но эта находка, к сожалению, документально не была подтверждена (В.Н. Мосейкин. личн. сообщ.).

Следует ожидать, что на юге России в ближайшие годы рыжепоясничная ласточка, очевидно, продолжит экспансию на восток и север и будет найдена в других регионах.

Зимует эта ласточка в Африке и Южной Азии. На Кавказ мигрирует, по всей видимости, через Крым, но возможен пролет птиц и вдоль побережий Черного и Каспийского морей.

Местообитания. На юге России встречается в основном в предгорьях, реже – в горах и на прилежащих равнинах. Селится обычно в посёлках, иногда в скалистых горах близ водоемов. Гнездится одиночными парами и небольшими колониями на каменных постройках, под бетонными мостами, на скалах или в пещерах и гротах. Свои гнёзда птицы лепят из глины в помещениях под потолками, иногда на стенах. Они имеют форму полностью закрытого полушария с довольно длинным, в виде трубки, боковым входом, идущим горизонтально вдоль потолка.

Численность. В Европе гнездится 1,4-3,3 млн. пар (European birds …, 2017). На юге России в последние десятилетия регистрируются единичные встречи с одиночными гнездовыми парами (Перевозов, 2020) или небольшими группами пролетных и залетных птиц (Барабашин, Мокиевский, 2011; Динкевич, 2012; Белик, 2014; Джамирзоев и др., 2014; Евтух, 2016; Gordon, 2016; Филиппов, 2019; Мокиевский, 2021; Перевозов и др., 2021; Шевцов, 2021; и др.). Судя по участившимся встречам, численность птиц на юге России сейчас быстро увеличивается.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

257. Воронок *Delichon urbicum* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, характерный для равнин и предгорий, а также для горных районов всего Северного Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Выделяют от 2 до 6 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На юге России обитает *D. u. urbicum*. Кроме того, с юга в Закавказье проникает *D. u. meridionalis*, распространенный в Средиземноморье, Передней и Средней Азии и отличающийся от номинативной формы лишь чуть более короткими крыльями (Портенко, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). Похожих птиц добывали и в Кабардино-Балкарии (Моламусов, 1967).

Распространение. Гнездится в Евразии, кроме южных тропических районов, а также в Северной Африке. На юге России распространен повсеместно на равнинах и в горах Кавказа, где поднимается на гнездовье до 2100-2300 м н.у.м., до верхней границы субальпийского пояса (Динник, 1886; Бёме, 1926; Комаров, Липкович, 2000). На Западном Кавказе прежде были известны колонии на прибрежных скалах вдоль Черного моря и по скалистым ущельям между Анапой и Туапсе (Пузанов, 1938; Курдова, 1958; Волчанецкий и др., 1962; Казаков, Белик, 1971; Тильба, 2016), но сейчас эти гнездовья, по-видимому, исчезли. На северном макросклоне воронки гнездятся на скалах к востоку от р. Белая близ Майкопа и горы Фишт на плато Лагонаки (Очаповский, 1967, 2017; Перевозов, 2014) вплоть до Дагестана.

Лесистое побережье Черного моря в Абхазии воронок стал заселять, вероятно, лишь в начале XX в. со стороны Грузии, что было связано с вырубкой лесов и развитием там городского строительства (Белик, 2015а, 2015б). Поэтому в городах на побережье Колхиды эти птицы в прошлом были редки, а местами отсутствовали вовсе (Вильконский, 1897; Браунер, 1903; Кобылин, 1908; Лауниц, 1912; Дороватовский, 1913; Кудашев, 1916; Мензбир, 1925).

В степном Заволжье, в том числе в Приэльтонье, в начале XX в. воронки изредка гнездились, кроме селений, также в норах по оврагам и береговым обрывам рек и озер, обычно вместе с береговушками (Волчанецкий, 1937; Волчанецкий и др., 1950; Быков и др., 2009).

Зимует воронок в Африке и Южной Азии. Миграции идут днем, широким фронтом, в том числе птицы массово летят по ущельям через перевалы Кавказа (Червонный, 1978; Поливанов и др., 1985; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015). Пролетные воронки часто держатся большими смешанными стаями, мигрируя обычно на очень большой высоте, поэтому учитываются с трудом. Весенние миграции в степях Ставрополья направлены на север и северо-восток, а осенью воронки

летят на юг и юго-восток (Хохлов, 1991).

Местообитания. Широко распространен на равнинах, в предгорьях и горах, поднимаясь вверх до 2100-2300 м н.у.м. (Бёме, 1926; Комаров, Липкович, 2000). Гнездится в городах, посёлках и сёлах, а также на скалах. В горах округлые гнезда из грязи с небольшим, узким летком сбоку лепит на разной высоте под карнизами на отвесных скалах, образуя в подходящих местах колонии до 10-100 пар и больше; в городах птицы гнездятся под окнами домов, под карнизами крыш, обычно на кирпичных и каменных зданиях, но иногда и на одноэтажных деревянных постройках.

Сейчас птицы стали часто селиться под бетонными мостами, а в пустынно-степных районах местами занимают норы в колониях береговушек на глинистых обрывах (Зарудный, 1888; Сомов, 1897; Бородихин, 1970), возможно роют их там сами (Волчанецкий, 1937). На Западном Кавказе вплоть до 1970-х годов воронок массово гнездился на прибрежных скалах полуострова Абрау и в скалистых «щелях» на Новороссийском участке (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Казаков, Белик, 1971), но сейчас покинул там все эти колонии и переселился на постройки в городах и поселках (Белик, 2013в). Как исключение, описана большая колония воронков на стволе старой сосны, росшей у кордона на окраине Хреновского бора в Воронежской обл. (Северцов, 1855).

Численность. Обычный, местами многочисленный вид. В Европе обитает 11,2-23,6 млн., а в Европейской России – лишь 0,8-2,0 млн. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 200-700 тыс. пар, в том числе около 60 тыс. в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В конце XX в. во многих регионах Южной России и Кавказа прослежено заметное сокращение популяций (Белик и др., 2003; Белик, 2015а). В Ростовской обл. это было вызвано очень сильным, продолжительным похолоданием, сопровождавшимся устойчивыми штормовыми ветрами в начале мая 1993 г., после чего колонии воронка во многих городах на Дону полностью исчезли (Белик, 2000а, с.138). В тот же период сильное сокращение численности наблюдалось также в Воронежской и Саратовской обл. (Нумеров и др., 2013, 2021; Беляченко, Мосолова, 2021).

В Северной Осетии в селениях на равнине гнездится 91-451 пар/км^2, а в горных посёлках – до 73 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000). В Карачаево-Черкесии в городах с многоэтажной застройкой учитывали 27,8 ос./км^2 в г. Теберда; 101-175 ос./км^2 в г. Карачаевске; но лишь 3-21 ос./км^2 в г. Черкесске, отличающемся сильными ветрами и сухостью воздуха. А в сёлах в Северо-Юрской депрессии летом держалось до 16-32 ос./км^2 (Караваев и др., 2013).

Охранный статус. На юге России в особой охране не нуждается. Распространение и численность лимитируются в основном наличием мест, подходящих для гнездования, и кормовой базой – насекомыми в воздушном планктоне, обилие которых зависит от климатических и погодных условий. В последние десятилетия трофическим конкурентом для воронка в городах на юге России стал, возможно, черный стриж, сильно увеличивший здесь свою численность.

Семейство **Жаворонковые** Alaudidae

258. Жаворонок хохлатый *Galerida cristata* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), характерный для равнин и предгорий, проникающий в низкогорные и местами в среднегорные районы Северного Кавказа.

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Выделяют 30-37 подвидов, большая часть которых распространена на севере Африки (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Для юга Европейской России и Крыма указывают или номинативную форму (Портенко, 1954; Степанян, 2003), или *G. c. tenuirostris*, отличающуюся более светлой, сероватой, менее охристой окраской спинной стороны (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). В Закавказье распространены 2 формы: *caucasica* и *subtaurica*, первая из которых, судя по описанию, сходна с *tenuirostris*, а вторая еще более светлая, более песочного оттенка (Степанян, 2003). Последние исследования свидетельствуют, что *G. c. caucasica* проникает из Закавказья в предгорья и низкогорья Дагестана (Джамирзоев и др., 2017а); эту же форму указывали для Кабардино-Балкарии и Западного Предкавказья (Моламусов, 1967; Казаков, 2022), а *G. c. tenuirostris* обитает, очевидно, в более северных районах.

Распространение. Обитает в Евразии, кроме лесистых северо-восточных и южных тропических районов, а также в Северной Африке. На юге России широко распространен на равнинах и в предгорьях, а по долинам рек проникает в горностепные среднегорья, заселяя там обычно окраины селений в аридных котловинах. Вдоль Черноморского побережья расселился с запада до Адлера и Пицунды, но в последнее время здесь исчезает из-за зарастания пастбищ и застройки пустырей (Бернацкий, 1958; Тильба, 2001, 2006; Белик, 2013в, 2015а; Белик и др., 2017; и др.).

В горы поднимается до 1500 и даже 1800 м н.у.м. (Бёме, 1926; Моламусов, 1967), но так высоко птицы могут встречаться, вероятно, только зимой. Нами на Кавказе этот жаворонок прослежен летом лишь до 800-1300 м н.у.м. В Дагестане в ущелье р. Самур тоже проникает вверх до с. Рутул на 1300 м н.у.м. (Красовский, 1932). Зимой может совершать незначительные кочевки, обычно не покидая гнездовые районы.

Местообитания. Обитает на вытоптанных, низкотравных пустырях по окраинам городов и сёл, а также у ферм, полевых станов и т.п.; изредка встречается вдоль широких степных и полевых дорог, где помимо разнотравья на обочинах есть участки открытого грунта. В целинных злаковых степях вдали от жилья, а также в полынных полупустынях и среди агроландшафтов практически не гнездится (Волчанецкий, 1937; Белик, 2000а, 2000б; Линдеман и др., 2005; и др.).

Квазиприродное местообитание этого жаворонка было обнаружено нами в мае 2002 г. среди бедлендов в низовьях р. Рубас в Дагестане, где много птиц держалось на низкотравных полупустынных пастбищах по днищам и глинистым склонам балок с сильно эродированным, слабо заросшим грунтом, напоминавшим пустыри у дорог и сёл. Гнезда вьёт на земле среди травы.

Численность. Обычный, местами редкий вид Южной России. В Европе численность составляет 17,7-24,5 млн., а в Европейской России – лишь 55-160 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Популяцию на юге России оценивали в 50-150 тыс. пар, в том числе около 40 тыс. обитало в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В конце XX в. в некоторых регионах на юге России прослежено заметное сокращение численности (Белик и др., 2003), и сейчас здесь гнездится, по экспертной оценке, не более 50-100 тыс. пар.

В Дагестане среди бедлендов 07.05.2002 было учтено 11 пар на 3 км маршрута. На Ставрополье в гнездовых биотопах вокруг хуторов и сёл учитывали до 3-16 пар на 1 км маршрута (Хохлов, 1990). В Саратовском Заволжье в низовьях р. Еруслан в 1998-2002 гг. в гнездовых местообитаниях было 48,1 ос./км^2, а восточнее, в верховьях этой реки, – в среднем 149,5 ос./км^2, но западнее, на правобережье Волги, – лишь 25,3 ос./км^2 (Завьялов и др., 2009).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

– Жаворонок пустынный *Ammomanes deserti* (M.H.C. Lichtenstein, 1823)

Характер пребывания. Был включен в фауну Богдинско-Баскунчакского заповедника в Астраханской обл. без каких-либо комментариев,

возможно – как следствие ошибки в определении наблюдавшейся птицы (Амосов, 2010а; Белик, 2013ж).

Зоогеографические связи. Типичный пустынный вид, представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Включает около 20 подвидов. В Средней Азии распространены 2 формы, в том числе в ближайших к Астраханской обл. районах Туркмении обитает *A. d. parvirostris* (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Северной Африке, Передней и Средней Азии. В Туркмении распространен в южных горах и на южном чинке Устюрта (Степанян, 2003; Рустамов, 2013). Встреча этого жаворонка в 2003 г. у берега оз. Баскунчак указана в летописи природы Богдинско-Баскунчакского заповедника за 2004 г. (Амосов, 2010а). Но в России пустынный жаворонок никогда не отмечался (Коблик и др., 2006), и поэтому вносить его в фауну Южной России на основе единственной, не документированной и неподтвержденной встречи преждевременно.

Местообитания. Обитает в низких горах и каменистых предгорьях с пересеченных рельефом и очень редкой злаково-полынно-солянковой растительностью. Песчаных пустынь избегает. Нуждается в близких водопоях.

Численность. В Туркмении в подходящих биотопах обычен, но высокой численности нигде не достигает (Рустамов, 1958). Для Турции сейчас указывают всего 30-120 пар (European birds …, 2017).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

259. Жаворонок малый *Calandrella brachydactyla* (Leisler, 1814)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов Южной России, а на пролете изредка появляющийся также в предгорьях Центрального Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Вид *C. brachydactyla* sensu str. можно вполне обоснованно относить к пустынно-степному фаунистическому комплексу Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Прежде в этот вид включали две-три группы африканских и палеарктических подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954), сейчас разделенных на самостоятельные виды: центральноазиатский *C. acutirostris*, африканский *C. cinerea* и палеарктический *C. brachydactyla*. Последний включает до 9 форм (Dickinson, Christidis, 2014), но их синонимика и ареалы у разных авторов существенно различаются. Для юга России указывали *brachydactyla* (Дементьев,

Гладков, 1954), *artemisiana* (Портенко, 1954) и *longipennis* (Dickinson, Christidis, 2014). По мнению Л.С. Степаняна (2003), по Дону проходит граница двух подвидов: западного, буроватого сверху *brachydactyla* и восточного, более песочного, желтоватого *longipennis*. Анализ коллекций, проведенный Б.А. Казаковым (1974, 2022), показал, что в Западном Предкавказье обитает более темный *C. c. artemisiana*, а Восточное Предкавказье населяет более светлый *C. c. longipennis*. Реальные пространственные взаимоотношения разных форм в степях Южной России требуют, очевидно, более обстоятельного анализа на дополнительном коллекционном материале.

Распространение. Характерен для степных районов Северной Африки и Западной Евразии от Испании и Франции до Монголии и Забайкалья. На юге России до конца XX в. был распространен на равнинных территориях к северу до границ Ростовской и Волгоградской обл., проникая в соседние Луганскую, Воронежскую и Саратовскую обл. (Рябов, Семаго, 1962; Панченко, 1977; Нумеров, 1996; Белик, 2002, 2005а; Завьялов и др., 2009; Нумеров и др., 2021; и др.), а также был обычен на Нижнем Дону и по всему степному Предкавказью к западу до Азовского моря (Волчанецкий и др., 1962; Голованова, 1967; Казаков, 1974, 2022; Белик, 2009). В предгорных регионах Северного Кавказа встречается только на пролете, но в Дагестане ареал захватывает горностепные районы в предгорьях от Махачкалы до р. Рубас (Моламусов, 1967; наши данные, 2002 г.). В 1961 г. был найден на гнездовье также в сухих предгорьях у Новороссийска (Очаповский, 1967, 2017). Однажды 16.06.1982 самка с наседным пятном была добыта у Адлера на Имеретинской низм. в Причерноморье (Тильба, 2001).

В середине XX в. было отмечено расселение малого жаворонка к северу в Воронежской обл., а позже он был найден и в Липецкой обл. (Нумеров, 1996; Сарычев, 2009). К началу 1980-х годов этот жаворонок достиг также южных районов Саратовской обл. на правобережье Волги и заселил там почти всё левобережье (Завьялов и др., 2009). Но после очень глубокой депрессии численности жаворонков в начале 1990-х годов этот вид практически исчез на севере Ростовской и Волгоградской обл., а также в Западном Предкавказье. Границы распространения в Восточном Предкавказье и Прикаспии в последующие годы выяснены пока недостаточно. Сокращение ареала малого жаворонка, смещение его северной границы к югу примерно на 100 км произошло к 2000 г. и в Саратовском Заволжье (Завьялов и р., 2009).

В долине Западного Маныча, где малый жаворонок в массе гнездился в 1990 г. (Белик, 2000а, 2000б), летом 2001-2004 гг., по нашим наблюдениям, он уже практически не встречался. В мае 2004, 2018 и 2022

гг. его не удалось найти на Тамани (Белик и др., 2009; наши данные). В мае 2017 г. он не найден и в степях по югу Ставрополья (Белик, Федосов, 2017), но в полупустынях у пос. Улан-Хол на юго-востоке Калмыкии в мае 2003 г. этот жаворонок оказался не очень редок. Весной 2012 г. птицы были обычны среди изреженных белополынников в сухой полупустыне на супесчаных и легкосуглинистых плакорах вокруг горы Большое Богдо, а также на сухих сбитых пастбищах у пос. Нижний Баскунчак в Астраханском Заволжье, являясь в этих биотопах фактически фоновым видом (Белик, 2013ж).

В степях и полупустынях Волгоградского Заволжья в мае 2010 и 2013 гг. малые жаворонки встречались нам очень редко, а в мае 2014 г. были найдены лишь в двух местах на залежах и полынниках в Ленинском р-не, но в мае 2015 г. оказались очень многочисленны на итсегековых пастбищах (с *Anabasis aphylla*) на террасах у оз. Эльтон (Белик, 2022е).

К сожалению, сведения о распространении малого и серого жаворонков в Заволжье и в других районах, основанные как на визуальных учетах численности, так и на отстреле птиц (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1937; Волчанецкий и др., 1950; Ходашова, 1960; Гаврилов и др., 1968; Шишкин, 1976; Линдеман, Лопушков, 2004; Амосов, 2010а; и др.), не всегда могут быть однозначными из-за разных методов учета и возможных ошибок при определении этих птиц в поле (Завьялов и др., 2003, 2009; Белик, 2008, 2013ж, 2022е). Так, К.С. Ходашова (1960) вместе с малым жаворонком учитывала на автомаршрутах, вероятно, и очень похожего на него серого, который не упоминается в ее работе, но широко распространен в полупустынях Заволжья. Тогда как А.Г. Банников (1959) на автоучетах в Калмыкии отмечал в основном серого жаворонка, замечая, что среди последнего встречается и малый. Другие авторы учитывали эти два вида вместе (Голованова, 1967; Кукиш, Музаев, 1993). А при отстреле жаворонков в коллекции могли попадать в основном серые – менее острожные, часто и подолгу токующие невысоко над землей, в отличие от малых, поющих обычно на недосягаемой высоте (Белик, 2008).

Зимует малый жаворонок в Африке и на юге Евразии, а также в степях Восточного Закавказья; в теплые зимы стаями зимовал на юге Украины (Дементьев, Гладков, 1954; Patrikeev, 2004). В конце лета собирается в стаи и широко кочует. Мигрирует, вероятно, широким фронтом, в том числе нередко через горы Кавказа, но визуально миграции практически не прослеживаются. Лишь в Аджарии в конце XIX в. весной и осенью наблюдали пролет стаек этих птиц вдоль берега Черного моря (Вильконский, 1897).

Местообитания. В полупустынях и сухих степях характерен для изреженных белополынных пастбищ с пятнами голого грунта среди кустиков полыни, а также для пятнистых бурьянистых залежей и сухих, сбитых низкотравных выгонов возле сёл и кошар. Гнездится также в каменистых степях с разреженными травостоями, реже встречается в песчаной степи с совсем редким травяным покровом. Среди зональных ковыльников малый жаворонок придерживается пятен черно-полынных солонцов (Завьялов и др., 2009). Густых, сплошных травостоев из мятлика луковичного, костра кровельного и других однолетников он тоже обычно избегает, так же как и сильно засоленных открытых участков. В глинистых степях Придонья прежде очень охотно заселял паровые поля и поля пропашных культур, обычно лишенные развитого травостоя вплоть до начала лета (Белик 2000а, 2000б). Гнездо вьёт на земле среди травы.

Численность. В недавнем прошлом был обычным, местами многочисленным видом Южной России. В Европе обитает 4,7-9,0 млн., а в Европейской России – 0,5-1,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в начале XXI в. численность оценивали в 2-5 млн. пар (Белик, 2005б), но по последним данным здесь гнездится, очевидно, не более 100-500 тыс. пар. В конце XX в. во многих районах, особенно в бассейне Дона, отмечено значительное сокращение численности (Белик, 2000а, 2000б; Белик и др., 2003).

В злаковых степях на севере Ростовской обл. в 1983 г. гнездилось 8 пар/км^2, а на юго-востоке области обилие в 1990 г. достигало 280 пар/км^2; там же на сбитых полынных пастбищах оно колебалось от 3 до 300, в среднем же (n=8 учетов) составляло 59 пар/км^2; в каменистых степях в бассейне Сев. Донца учитывали 30-59, в среднем (n=3) – 49 пар/км^2; на зерновых и люцерновых полях численность не превышала 6-10 пар/км^2, а на распаханных полях в центре и на севере области обилие весной достигало 11-39, в среднем (n=6) – 20 пар/км^2 (Белик, 2000а, 2000б).

В Волгоградской обл. в мае 1949 г. на полынных залежах в Дубовском р-не за день учитывали 90-180 поющих самцов (Птушенко, 1949), а в 1978-1987 гг. в злаковых степях отмечали 31, а в полынных – 89 ос./км^2; на полях яровых культур – 26-31, а на озимых – 29-57 ос./км^2 (Васильев, Кубанцев, 1990). Для сравнения, на юге Левобережной Украины обилие малого жаворонка в полях достигало 159 ос./км^2, в типчаково-ковыльной степи – 100 ос./км^2, а в полынно-злаковой – 53 ос./км^2 (Попенко, 1977).

После сильной депрессии, охватившей в начале 1990-х годов популяции всех видов жаворонков, особенно степного и малого, их численность

на юге России резко сократилась, а во многих районах Волгоградской и Ростовской обл., Краснодарского и Ставропольского краев малый жаворонок почти исчез и не восстановил свою численность до сих пор.

Мною на полынниках у пос. Улан-Хол на юго-востоке Калмыкии 19.05.2003 было учтено 11 самцов на 8 км маршрута (около 7 пар/км^2). В Заволжье в Ленинском р-не Волгоградской обл. на бурьянистых залежах 30.05.2014 держалось 18 самцов на 2 км (45 пар/км^2), а на итсегековых пастбищах у Эльтона в устье р. Малая Сморогда 14.05.2015 было около 40 ос. на 0,7 км маршрута (570 ос./км^2).

Охранный статус. Особая охрана на юге России сейчас не предусмотрена. Необходимы сборы дополнительных коллекционных материалов. Динамика численности определяется, вероятно, какими-то естественными факторами, в частности климатическими или погодными аномалиями. Возможны периодические массовые переселения птиц номадного характера, но у этого вида жаворонков они достоверно не прослежены.

260. Жаворонок серый *Alaudala rufescens* (Vieillot, 1819)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид равнинных регионов Южной России, на пролете изредка появляющийся в предгорьях Северного Кавказа (Белик и др., 2016), а в теплые зимы остающийся в Заволжье, Калмыкии и Дагестане на зиму (Бостанжогло, 1911; Дементьев, Гладков, 1954; Кукиш, 1982; Джамирзоев, 2000; Джамирзоев и др., 2014).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Прежний комплекс палеарктических форм сейчас разбит на два самостоятельных политипических вида: западный *A. rufescens* и восточный *A. cheleensis* (Stepanyan, 1967; Степанян, 1983, 2003; Белялов, 2004). Солончакового *A. cheleensis* иногда рассматривали также как цветовую вариацию серого жаворонка, его особую экологическую форму (Волчанецкий, 1954). К этой же цветовой форме Л.Б. Бёме (1925, 1926) относил птиц, найденных на гнездовье в дельте Терека и на миграциях в Северной Осетии. Для серого жаворонка иногда применяли название *Calandrella pispoletta* (Pallas), но его краткое первоописание не позволяло различать серого и малого жаворонков, поэтому это имя было отброшено как nomen dubium.

Серый жаворонок включает 9 форм, в том числе *heinei*, распространенного в зональных степях на юге России, и *pseudobaetica*, приуроченного к сухим степям Восточного Закавказья (Дементьев, Гладков,

1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014), но Л.А. Портенко (1954) считал, что Причерноморье и Предкавказье населяет *A. r. minuta*, а *A. r. heinei* появляется в Заволжье. Последние исследования показали, что в Дагестане к северу до низовий Терека встречается отличающийся более темным верхом тела и очень большим, толстым клювом подвид *A. r. pseudobaetica*, который проникает в Дагестан из Закавказья вдоль Каспия (Джамирзоев и др., 2017а). По данным Б.А. Казакова (1974, 2022), *A. r. heinei* распространен по долине Маныча на запад до восточной части Весёловского вдхр., а хорошо отличающийся от него *A. r. minuta* населяет причерноморские и приазовские степи.

Распространение. Обитает в Северной Африке и в Евразии от Испании до Алтая. На юге России распространен только в Восточном Предкавказье и в Прикаспийской низм., проникая к северу и западу до южной границы Саратовской обл. в Заволжье, до севера Сарпинской низм. у Волгограда, до среднего течения р. Сал в Ростовской обл., оз. Маныч-Гудило, восточных районов Ставрополья и низовий Терека. Изолированное, возможно реликтовое поселение было обнаружено в 1983 г. на пятнах скотобоев вокруг кошар среди обширных ковыльных степей в Калачской излучине Дона (Белик, 2000а, с.256).

В Дагестане этот жаворонок проникает в сухие степи предгорий в Буйнакской котловине (Моламусов, 1967), а нами в мае 2002 г. найден также на солончаках на приморской низм. у оз. Папас (Аджи). Изолированная популяция обитает на севере Крыма и в Херсонских степях (Дементьев, Гладков, 1954; Попенко, 1977, 1979; Костин, 1983; Атлас …, 2020). Прежде, в период широкого распространения в южнорусских степях промышленного овцеводства (Формозов, 1962), по сбитым пастбищам Приазовья и Придонья до их распашки в середине XIX в., причерноморская группировка могла соединяться, вероятно, с прикаспийской популяцией (Белик, 2000а, с.256).

К сожалению, детали прошлого распространения серого жаворонка по имеющимся публикациям устанавливаются с трудом из-за многочисленных противоречий, связанных с ненадежным определением и нередкой путаницей этого вида с малым жаворонком как в полевых условиях, так и при обработке коллекций (см.: Завьялов и др., 2003, 2009). Тем не менее, в Заволжье в первой половине XX в. прослежена экспансия серого жаворонка на 150-250 км к северу, а затем отступление границы ареала на 50 км к югу в период с 1965 по 2000 г. (Завьялов и др., 2009; Белик, 2022е).

Зимует серый жаворонок в южных районах гнездового ареала в Азербайджане (Patrikeev, 2004), а также в Турции, Иране и др. (Дементьев, Гладков, 1954). В небольшом числе он остается зимовать в степях

Южной России от дельты Волги вплоть до р. Еруслан в Заволжье (Бостанжогло, 1911; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Кукиш, 1982); зимой отмечался также у побережья Каспия на юге Дагестана (Джамирзоев и др., 2014). В конце лета собирается в стаи и кочует до отлета на зимовку. Во время миграций изредка залетает в горы Кавказа (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Моламусов, 1967; Тильба, 1999, 2022; Караваев, Хубиев, 2014; Перевозов, 2014).

Местообитания. Специфичный обитатель сухих степей и полупустынь, а также сильно сбитых степных пастбищ и солончаков. Важным условием для этого жаворонка является небольшая высота травостоя, независимо от его плотности. Поэтому много птиц гнездится на сбитых солончаковых пастбищах, в том числе на влажных сарсазановых солончаках; обычны они также на используемых под выпас домашнего скота очень сухих чернополынных солонцах в степи. У восточного берега оз. Баскунчак в 2012 г. очень много птиц было на солонцах, покрытых довольно густой, но невысокой однолетниковой, сорноразнотравной растительностью, разросшейся после степных пожаров 2001 г. (Белик, 2013ж). В глинистых полупустынях Волго-Уральского междуречья в 1996 г. серый жаворонок доминировал на низкотравных белополынных и кермековых пастбищах, тогда как на легкосуглинистых почвах встречался редко, придерживаясь пятен чернополынных солонцов. Однако близ солёных соров среди песчаных степей много этих жаворонков было также и на луковичномятликово-белополынных пастбищах (Белик, 2008). Гнездо вьет на земле среди травы. В водопоях, в отличие от степных жаворонков, нуждается меньше (Белик, 2013ж).

Численность. Обычный, местами многочисленный вид полупустынных ландшафтов Южной России. В Европе обитает 1,6-3,0 млн., а в Европейской России – 1-2 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Южной России в начале XXI в. численность оценивали в 1-3 млн., но сейчас она не превышает здесь 1-2 млн. пар (Белик, 2005б, 2014). В конце XX в. на юге России было отмечено сокращение численности (Белик и др., 2003), но сейчас она, по-видимому, в основном стабилизировалась.

В Калмыкии на севере Ергеней обилие птиц на пастбищах в 1978 г. достигало 38-60 пар/км^2, а на сбитых полынниках на юго-востоке Ростовской обл. в 1987-1990 гг. колебалось от 3 до 67, в среднем же (n=7 учетов) составляло 34 пары/км^2 (Белик, 2000а, 2000б). В Заволжье на сбитых скотом солонцовых комплексах в глинистой полупустыне у оз. Баскунчак 26.04.2012 было учтено 6 самцов на 1 км маршрута, или 20 пар/км^2, а на итсегековых пастбищах у оз. Эльтон в устье р. Малая

Самарода 14.05.2015 мы учли 2 пары на 0,7 км маршрута, или около 30 пар/км^2 (Белик, 2013, 2022е). В Казахстане у Камыш-Самарских озер в апреле 1996 г. пело 25 самцов на 2,5 км, или 50 пар/км^2, а на круговых площадках возле соров там учитывали более 150 пар/км^2 (Белик, 2008). Для сравнения, обилие серого жаворонка на юге Левобережной Украины в полынно-злаковой степи составляло 6 ос./км^2, а на солончаках – 9 ос./км^2 (Попенко, 1977).

Охранный статус. Особая охрана на юге России сейчас не предусмотрена.

261. Жаворонок степной *Melanocorypha calandra* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично оседлый вид всех равнинных регионов Южной России, изредка залетающий в предгорья Северного Кавказа (Белик и др., 2016), регулярно остающийся на зиму и широко кочующий зимой в степных регионах (Яковлев, 1872, 2015; Россиков, 1884а; Динник, 1886; Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Очаповский, 1967, 2017; Казаков, 1974, 2022; Кукиш, 1982; Хохлов и др., 2001; Федосов, 2010; Джамирзоев и др., 2014; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Включает 4 подвида. В Европейской России обитает номинативная форма (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Обитает в степях Малой Африки и Западной Евразии от Испании до Казахстана. На юге России в XX в. гнездился во всех степных регионах к северу до границ Ростовской и Волгоградской обл., проникая в соседние Воронежскую и Саратовскую обл. (Аверин, 1911; Барабаш, Козловский, 1941; Птушенко, 1949; Дементьев, Гладков, 1954; Рябов, Семаго, 1962; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Белик, 2005а; Пискунов, 2006; Завьялов и др., 2009; и др.). Прежде заселял также всё Предкавказье к западу до Азовского моря, местами по р. Малка проникал в степные предгорья Кабардино-Балкарии (Чунихин, 1962). А на Новороссийском участке в прошлом гнездился и в низкогорьях на сухих безлесных склонах и на луговых «лысых» вершинах гор к востоку до Геленджика и р. Пшада (Винокуров, 1958; Петров, Курдова, 1961; Очаповский, 1967, 2017; Волчанецкий и др., 1962; Белик и др., 2017; и др.). Этот жаворонок проникает также в степные предгорья Дагестана от Буйнакской котловины до низовий р. Рубас (Моламусов, 1967; Джамирзоев и др., 2014; наши данные, 2002, 2009 гг.).

После глубокой депрессии численности в начале 1990-х годов, граница ареала отступила далеко к югу и в настоящее время может быть при-

мерно намечена, судя по нашим отдельным летним находкам, от Ростова через стан. Обливскую и г. Камышин к р. Еруслан в Заволжье, а южная граница идет от г. Сальск к с. Дивное, с. Арзгир и г. Нефтекумск на Ставрополье и далее к г. Гудермес в Чечне. Сохранился этот жаворонок также в степях на Таманском полуострове (Белик и др., 2009). В значительном числе он населяет сейчас долину Маныча, песчаные степи на востоке Ставрополья и севере Дагестана, Калмыкию и полупустынное Заволжье, восстановив и, по-видимому, даже увеличив там свою численность (Федосов, 2010).

После периода размножения эти жаворонки сбиваются в большие стаи и кочуют в поисках корма и водопоев. На зиму значительная их часть улетает на Ближний Восток и в Закавказье, но в теплые зимы много птиц остается также в степях на юге России, стаями кочуя по полям и солончакам. Миграции идут днем, невысоко над землей, широким фронтом обычно в меридиональном направлении, но в горах Кавказа птицы встречаются редко и спорадично (Аверин, Насимович, 1938; Моламусов, 1967; Тильба, 1999; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; и др.). Иногда они летят вдоль побережий морей или прямо над морской акваторией (Боровиков, 1907; Очаповский, 1967, 2017; Джамирзоев и др., 2014).

Местообитания. Характерен для высокотравных злаковых степей, бурьянистых и злаковых залежей, зерновых и люцерновых полей, обычен также среди полынников и в комплексных степях с солонцами и дорогами, но обширных низкотравных участков, в том числе солончаков и сильно сбитых пастбищ, летом обычно избегает (Кукиш, Музаев, 1993). На востоке Ставрополья излюбленными стациями являются густые, высокотравные полынно-типчаково-ковыльные степи в комплексе с солонцами, образующими открытые проплешины; нередко заселяет также песчаные степи, которые зарастают ковылем и полынями после снижения пастбищной нагрузки. Зимой часто придерживается солончаков, где меньше скапливается снега, а при снегопадах собирается на обочинах дорог (Динник, 1886; Федосов, 2010). Летом остро нуждается в близких водопоях (Белик, 2013ж; Белик и др., 2015).

Численность. В недавнем прошлом был обычным, местами многочисленных видом степных ландшафтов Южной России, в значительном числе сохранившимся сейчас лишь в сухих степях и полупустынях. Резкое сокращение численности отмечено в конце XX в. во многих регионах Южной России, особенно в бассейне Дона (Белик, 2000а, 2000б; Белик и др., 2003), но сейчас в сухих степях на юге России она частично восстановилась (Федосов, 2010). В Европе обитает 10,3-21,9 млн., а в Европейской России – 2-5 млн. пар (Мищенко и др., 2017;

European birds …, 2017). В начале XXI в. численность птиц на юге России первоначально оценивалась в 5-10 млн. пар, в том числе только в Ростовской обл. было около 2,7 млн. пар, но сейчас общая оценка по югу России снизилась до 2-5 млн. пар (Белик, 2000а, 2000б, 2005б, 2014).

В злаковых степях Ростовской обл. в 1983-1990 гг. гнездилось от 1 до 240 пар/км^2, в среднем же (n=12 учетов) было 56 пар/км^2, а в 1991-1995 гг., после начала депрессии численности, – 0,1-86, в среднем (n=5) – 32 пары/км^2. На сбитых же полынных пастбищах на юго-востоке области обилие в 1990 г. колебалось от 31 до 166, в среднем (n=8) – 63 пары/км^2; на люцерновых полях в 1977-1990 гг. учитывали 8-25, в среднем (n=3) – 19 пар/км^2, а на зерновых полях в 1977-1990 гг. было 3-68, в среднем (n=10) – 24 пар/км^2, а после 1990 г. на полях они практически не встречались (Белик, 2000а, 2000б).

На востоке Ставрополья в 1965-1976 гг. на полях гнездилось до 50-110 пар/км^2 (Лиховид, 1988), а в начале XXI в. обилие в полынно-типчаково-ковыльных степях составляло 165,1 ос./км^2, в полынных полупустынях – 136,1; на заросших песках – 81,0; на зерновых полях – 16,4; в посевах многолетних трав – 1,5; на парáх и пропашных культурах – 6,9 ос./км^2, а на залежах было от 62 до 254 ос./км^2 в зависимости от их возраста и состояния растительности (Федосов, 2010).

В Волгоградской обл. в мае 1949 г. в степях Дубовского р-на за день учитывали 70-150 поющих самцов (Птушенко, 1949), а в 1978-1987 гг. в злаковых степях отмечали 258, а в полынных – 26 ос./км^2; на полях яровых культур – 9-53, а на озимых – 203-208 ос./км^2 (Васильев, Кубанцев, 1990).

В Заволжье у оз. Баскунчак в комплексной глинистой полупустыне 26.04.2012 было 8 пар на 1 км маршрута, или 27 пар/км^2 (Белик, 2013ж); в Ленинском р-не Волгоградской обл. на бурьянистых залежах 30.05.2014 мы учли 88 самцов на 2 км (220 пар/км^2), а на итсегековых пастбищах у оз. Эльтон 14.05.2015 были всего 2 пары на 0,7 км маршрута (около 30 пар/км^2). В Казахстане у Камыш-Самарских озер весной 1996 г. в белополынных глинистых полупустынях учтено 12 пар/км^2 (Белик, 2008). Для сравнения, на юге Левобережной Украины обилие степного жаворонка в полях достигало 169 ос./км^2, в типчаково-ковыльной степи – 178; в разнотравно-типчаково-ковыльной степи – 212; а в полынно-злаковой – 108 ос./км^2 (Попенко, 1977). Зимой кочующие стаи, состоящие в основном из самцов, могут насчитывать десятки и сотни птиц.

Охранный статус. Особая охрана на юге России сейчас не предусмотрена.

262. Жаворонок двупятнистый *Melanocorypha bimaculata* (Menetries, 1832)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, однажды отмеченный в Дагестане (Бутьев и др., 1990; Шитиков, 2011; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Типичный пустынный вид – представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Dickinson, Christidis, 2014), но по мнению Л.С. Степаняна (2003), он делится на 3 подвида. В Дагестане была добыта птица номинативной формы (Коблик и др., 2006).

Распространение. Обитает в пустынях Передней и Средней Азии и Казахстана. Из Передней Азии проникает на юг Азербайджана и Армении (Дементьев, Гладков, 1954; Patrikeev, 2004). На Северном Кавказе одиночная взрослая самка была добыта 21.05.1989 на юге Дагестана у берега моря в устье р. Самур (Бутьев и др., 1990). Позже эта птица была переопределена как самец (Шитиков, 2011).

Местообитания. В Закавказье гнездится в каменистых полупустынях и горных степях, часто – по окраинам полей на высотах 1200-2000 м н.у.м. (Дементьев, Гладков, 1954; Patrikeev, 2004).

Численность. В районах гнездования, в том числе в Закавказье, в подходящих биотопах очень обычен, местами многочислен (Дементьев, Гладков, 1954; Patrikeev, 2004). В Турции численность оценивали от 5-50 тыс. до 1-2 млн. пар (Snow, Perrins, 1998; European birds …, 2017).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

263. Жаворонок белокрылый *Melanocorypha leucoptera* (Pallas, 1811)

Характер пребывания. Гнездящийся, широко кочующий зимой вид Волгоградского Заволжья, периодически после зимних инвазий проникающий на гнездование на правобережье Волги, в Астраханскую и Ростовскую обл., в Калмыкию, на север Чечни и Дагестана, а на зимних кочевках изредка залетающий в предгорья Кавказа, в Крым, на Украину и в другие регионы (Россиков, 1888; Никольский, 1891; Браунер, 1907; Волчанецкий, 1954; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Ареал приурочен к степям и полупустыням Прикаспия, Поволжья и Северного Казахстана к востоку до Алтая. На юге России более или менее постоянно гнездится в Волгоградском Заволжье у границ Казахстана (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Голованова, 1967; Шишкин, 1976; Линдеман, Лопушков, 2004; Линдеман и др., 2005; Белик и др., в печати); из Казахстана проникает также на юго-восток Саратовской обл. (Завьялов и др., 2007, 2009).

Границы гнездового ареала определяются дальними инвазиями, вызываемыми, возможно, какими-то неблагоприятными синоптическими процессами в местах основных зимовок. После таких массовых залетов часть птиц оседает в районах зимовки на гнездование, но их численность там постепенно сокращается, пока они не исчезают вовсе (Бёме, Ушатинская, 1932; Белик, Музаев, 1995; Линдеман, Лопушков, 2004; Линдеман и др., 2005; Белик, 2013ж; Белик и др., в печати; В.М. Музаев, личн. сообщ.).

На правобережье Волги до начала XX в. был обычен на Сарпинской низм. и на Ергенях у Волгограда, гнездился также между Волгой и р. Медведицей, где прослежен к западу до с. Лемешкино на севере Руднянского р-на (Möschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Лорец, 1928). Однажды 17.06.1908 **ст.ст.** этого жаворонка добыли в Провальской степи на Донецком кряже у границы Ростовской и Луганской обл. (Огнев, 1909), а 06.05.1949 птицы были дважды отмечены в Дубовском р-не между Волгой и р. Иловля (Птушенко, 1949), но сейчас там они нигде не гнездятся.

Изолированные гнездовья или летние встречи белокрылого жаворонка в прошлом изредка отмечались также в Каменной степи на Верхнем Дону, в Харьковской области и даже в Крыму (Никольский 1891; Сомов 1897, с.664; Огнев, Воробьёв 1923; и др.). Более обычен он был в этих районах на зимовках, иногда весьма массовых. Зимой 1923/24 и 1924/25 гг. сотенные стаи птиц долетали до Аскании-Нова и летели дальше на запад (Соколов, 1928; Волчанецкий 1954). Жаворонки периодически появляются зимой также в Придонье, Калмыкии и Предкавказье (Алфераки, 1910; Бёме, 1926; Резник, 1940; Банников, 1959; Моламусов, 1967; Самородов, 1968; Хохлов, 1990, 1993; Липкович, 2017; Очаповский, 2017; и др.), но в последнее время зимние инвазии здесь отмечаются реже и не бывают столь многочисленными, как прежде (Ломакин, 2006).

К югу от Волгограда, в Астраханской обл., белокрылый жаворонок найден в районе оз. Баскунчак, причем в 2000-2001 гг. там отмечено значительное увеличение численности птиц, а через 10 лет началось

ее снижение (Букреев, 2001; Букреев и др., 2002; Амосов, 2010а; Белик, 2013ж; Реуцкий, 2015). Местами птицы гнездились в глинистых степях по долине Волги до ее низовий (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Бостанжогло, 1911; Реуцкий, 2015). В Калмыкии в 1937, 1942 и 1953 гг. эти жаворонки гнездились в некоторых местах на Ергенях (Варшавский, 1965); несколько пар было встречено там летом в 1957-1959 гг. (Банников, 1959), а затем в 1993 г., через год после зимней инвазии 1991/92 г., эти жаворонки загнездились на Ергенях во многих местах (Белик, Музаев, 1995). Наконец, 05.06.1995 поселение из 3-4 певших птиц было обнаружено в белополынных степях близ г. Котельниково в Волгоградской обл. на западных склонах Ергеней (Белик, 1996а).

В Восточном Предкавказье в степях между Ставрополем и Моздоком белокрылого жаворонка в августе 1871 г. впервые отметил М. Богданов (1879). В окрестностях Владикавказа огромное количество этих жаворонков появилось в декабре 1899 г. (Бёме, 1926). Там же около 30 экз. добыто в феврале 1931 г. (Бёме, 1934). А в июне 1926 г. их в значительном числе обнаружили в глинистых степях в Восточном Предкавказье между г. Моздок, с. Ачикулак Ставропольского края и с. Терекли-Мектеб в Дагестане, однако в 1928 и 1931 гг. найти их там не удалось (Бёме, Ушатинская, 1932). Наконец, летом 1954 г. белокрылые жаворонки вновь изредка встречались на востоке Ногайской степи между с. Терекли-Мектеб и с. Александро-Невское близ г. Кизляр (Волчанецкий, 1959).

В Западном Предкавказье в июне 1905 г. белокрылые жаворонки в небольшом числе, спорадично гнездились у с. Богородицкое в Песчанокопском р-не на юге Ростовской обл. (Браунер, 1907). В 1934 и 1941 гг. их отмечали в среднем течении р. Сал у стан. Эркетиновской Дубовского р-на на юго-востоке Ростовской обл., в 1937 г. – у с. Лесоводческого к югу от г. Волгодонска, а в 1937 и 1938 гг. – в районе пос. Зимовники Ростовской обл. (Варшавский, 1965). Позже одиночная птица встречена 12.06.1959 в долине оз. Маныч-Гудило (Петров, Миноранский, 1962).

На зимовках периодически встречается в степях Южной Украины, Придонья, Поволжья и Предкавказья, а также в Заволжье (Волчанецкий, 1954; Гаврилов и др., 1968; и др.). У Волгограда белокрылый жаворонок появляется осенью с 29.10.–11.12., в среднем – 13.11. (n=16 лет). Сроки начала его миграций достаточно стабильны (стандартное отклонение составляет всего ±10 дней), но кочёвки нерегулярны, и их отмечали там лишь в 16 из 29 зим. Нередко налёты этого жаворонка в Поволжье носят характер нерегулярных инвазий, когда появляются

сразу большие стаи, насчитывающие иногда до 1000-1500 особей (Белик и др., 2022), что хорошо известно также для областей, лежащих за пределами основной гнездовой части ареала этого вида (Россиков, 1888; Бёме, Ушатинская, 1932; Белик, Музаев, 1995; Линдеман, Лопушков, 2004; Линдеман и др., 2005; Ломакин, 2006; и др.). Однако причины и направленность таких зимних инвазий по-прежнему остаются недостаточно выясненными.

Местообитания. Предпочитает сбитые полынные пастбища у хуторов, кошар или степных дорог, а в полупустынях заселяет также белополынники в комплексе с чернополынными солонцами, которые обычно используются птицами для кормежки (Шишкин, 1976). Практически нет этих жаворонков среди высокотравных ковыльников, житняковых и разнотравно-злаковых сенокосов на водоразделах и по лиманам, а также на солончаках, на полях и залежах. На зимовках они держатся на полях, в степях и лугах, часто – на солончаках (Очаповский, 2017) или в песчаных степных районах (Kracht, 1919, 2014). Гнездо вьют на земле среди травы.

Численность. В Заволжье периодически обычен, в других районах появляется эпизодически. В Европе обитает 10-50 тыс., а в Европейской России численность оценивалась в 20-65 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России гнездится 10-50 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014). Ареал и численность подвержены резким флуктуациям (Белик и др., 2003).

В Волгоградском Заволжье эти птицы были обычны в 1929-1930, 1949-1950 и 1952-1953 гг., когда их численность была сопоставима с обилием полевых и малых жаворонков, составляя на юге около 40% всех жаворонков (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Голованова, 1967). В Приэльтонье в 1950-1954 гг. учитывали от 1-2 до 11 ос./10 км маршрута, но в 1973-1974 гг. их численность там резко снизилась, что связывали с очень сильной засухой 1972 г. (Ходашова, 1960; Гаврилов и др., 1968; Шишкин, 1976).

Там же теплой зимой 2001 г. прослежена инвазия, когда стая из нескольких тысяч птиц была встречена 15.01.2001 близ пос. Эльтон, а 28.02.2001 недалеко наблюдали огромную плотную стаю, покрывшую всю степь на протяжении 800 м. Летом 2001-2003 гг. численность этих жаворонков на гнездовье в Приэльтонье возросла примерно в 100 раз – с 0,1-0,2 ос./5 км маршрута в 1999-2000 гг. до 9,2 ос./5 км летом 2001 г. (Линдеман, Лопушков, 2004; Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009). Значительный рост численности был отмечен в тот период по всему Заволжью от р. Еруслан на севере до оз. Баскунчак на юге (Букреев, 2001; Букреев и др., 2002; Опарин и др.,

2002; Барабашин, 2004), а также в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2007, 2009). Однако к 2010-2012 гг. популяция на Баскунчаке резко сократилась (Амосов, 2010а; Белик, 2013ж), на севере же в низовьях р. Торгун и по р. Еруслан в мае 2013 г. мы этих птиц уже не нашли. В окрестностях пос. Гмелинка Волгоградской обл. 10-11.05.2019 было встречено еще около 20 этих жаворонков, но в мае 2021 г. обнаружить их там уже не удалось.

Аналогичную инвазию белокрылых жаворонков наблюдали зимой 1883/84 г. в Центральном Предкавказье. Там у г. Прохладный в низовьях р. Малка вечером 20.12.1883 **ст.ст.** появилась стая этих птиц, летевших над самой землей в течение 1 часа 40 мин. густой массой около 2-3 саженей в поперечнике. «Несметные полчища» провели в степях Кабарды всю зиму; птицы прилетали туда и в последующие годы, но в меньшем числе (Россиков, 1888, с. 46-48).

На полынных комплексах севернее оз. Эльтон 07.05.2010 нами было учтено 14, 5 и 12 птиц соответственно на 4, 4 и 10 км автомаршрута, или в среднем 17,2 ос./10 км (примерно 1,7 ос./га). К 2013-2014 гг. численность птиц заметно снизилась, и они уже примерно на порядок уступали по обилию степному жаворонку. В мае 2014 г. в долине р. Хара учтены 4 ос./10 км; 5 ос./22 км; 5 ос./20 км, или в среднем 2,7 ос./10 км (примерно 0,3 ос./га) (Белик и др., 2015; Белик и др., в печати).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Кабардино-Балкарии (2 категория), но организация какой-либо реальной охраны этих номадных птиц, нерегулярно зимующих на Северном Кавказе, вряд ли возможна и необходима (Белик, 2014). В остальных регионах Южной России их особая охрана сейчас не предусмотрена.

264. Жаворонок черный *Melanocorypha yeltoniensis* (J.R. Forster, 1768)

Характер пребывания. Гнездящийся, кочующий зимой вид, исчезнувший в Астраханской обл. и возможно еще сохранившийся на востоке Волгоградской обл., а зимой эпизодически появляющийся или случайно залетающий в остальные регионы Южной России (Линдеман и др., 2005; Хубиев, 2009; Амосов, 2010а; Белик, 2013ж; Белик и др., 2015а, 2016; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). Научное название получил от оз. Эльтон, где были собраны птицы, послужившие в 1768 г. материалом для описания нового вида.

Распространение. Ареал приурочен к степям и полупустыням Северного Прикаспия и Казахстана от Волги до Алтая (Волчанецкий, 1954). В прошлом черный жаворонок был обычным гнездящимся видом степей и солончаковых пустынь в озерных котловинах и долинах небольших рек Саратовского, Волгоградского и Астраханского Заволжья, однозначно избегая лишь обширных песков, распространенных на юге Волго-Уральского междуречья, куда черные жаворонки обычно откочевывали на зиму (В.Я., 1877; Гаврилов и др., 1968). Предпочтение песков в зимний период связано, вероятно, с большей доступностью семян растений на свободных от снега выдувах по песчаным эоловым буграм.

В середине XX в. ареал черного жаворонка несколько расширился на запад – на правобережье Волги севернее Волгограда, где он встречался отдельными парами в Дубовском р-не на водоразделах Волги и Иловли (Птушенко, 1949), а также в район г. Вольска на севере Саратовской обл. (Завьялов и др., 2009). Но к югу от Волгограда на правобережье Волги – у Сарепты, Черного Яра и др. – этот вид не отмечали на гнездовании ни в XVIII, ни в XIX, ни в XX в. (Паллас, 1788; Möschler, 1853; Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Kracht, 1919, 2014; Лорец, 1928; Волчанецкий, 1954; и др.).

До середины XX в. черный жаворонок был широко распространен в долине р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья и в Приэльтонье, а в Астраханской обл., по наблюдениям В.Е. Яковлева (В.Я., 1877, с.132), гнездился также на левом берегу Волги, «отступя верст 50 внутрь степи. По дороге к Ханской Ставке [с. Урда, ныне – с. Хан Ордасы в Западном Казахстане] он начинал появляться лишь около урочища Тунгай [очевидно – с. Тургай близ северного берега оз. Баскунчак] и далее к Рын-Пескам, исключительно по полынным местам».

В степях Волгоградского Заволжья, по наблюдениям Е.И. Врублевского, эти жаворонки периодически появлялись зимой и нередко гнездились еще в 1960-е годы (Белик и др., 2022а). Однако в начале 1970-х годов по всему Заволжью произошло резкое сокращение их ареала и численности, продолжавшееся все последующие годы (Шишкин, 1976; Линдеман и др., 2005; Завьялов и др., 2007, 2009; Белик и др., 2015а). Специальные поиски гнездящихся птиц в 2010-2021 гг. на солончаках по долине р. Торгун, а также в районе оз. Баскунчак, Булухта и Эльтон, откуда этот вид был описан впервые, положительных результатов не дали (Белик, 2013ж; Гугуева, Белик, 2013; Белик и др., 2015а).

Однако зимой 2014/15 г., по собранным данным, в Приэльтонье наблюдалась мощная инвазия черных жаворонков, одиночки и стаи которых встречались на пустырях близ оз. Эльтон, в окрестностях с. Вишневка

севернее Эльтона, между с. Прудентов и Золотари Палласовского р-на, в с. Катричев Быковского р-на, между с. Красный Октябрь и Рассвет на севере Ленинского р-на. А возле хут. Степной Ленинского р-на утром 22.02.2015 была встречена смешанная стая из 500 рогатых жаворонков, 100-150 пуночек, 10 белокрылых жаворонков и 3 лапландских подорожников, в которой было 200-300 черных жаворонков, в том числе около 15% самцов. Днем же на асфальтированную автотрассу слетелось около 1500 черных жаворонков, которые пытались пить воду из луж. В бинокль было видно еще несколько аналогичных стай, державшихся вдоль дороги, идущей в сторону с. Путь Ильича. 23.02.2015 у хут. Степной вновь держалась смешанная стая из 500-700 птиц, а на проталине один черный самец начал токовать над самкой, но на следующий день жаворонков там уже не оказалось (Белик и др., 2015а; Белик и др., в печати).

После мощной зимней инвазии в Приэльтонье было отмечено несколько летних встреч с черными жаворонками. На сбитых пастбищах у с. Вишневка 5 птиц наблюдали 09.06.2015; на лиманах у дороги между с. Вишневка и Финогеновым прудом 01.05.2015 учли 4 пары на 22 км, а 04.08.2015 наблюдали 4 самцов, кормившихся на обочинах дороги между Финогеновым прудом и хут. Садчиков Палласовского р-на (Белик и др., в печати). Еще 1 птица замечена 01.05.2022 у пос. Эльтон (Рупасов и др., 2022а).

Дальние зимние вылеты черных жаворонков на юг и запад – в Придонье, Украину, Предкавказье и Закавказье – до середины XIX в. наблюдали редко, но во второй половине XIX в. начались более или менее регулярные инвазии этих птиц (зимы 1873/74, 1875/76, 1876/77, 1878/79, 1879/80, 1888/89, 1890/91 гг.). Можно полагать, что эта динамика отчасти была связана с ростом численности жаворонков в Заволжье, где во второй половине XIX в. на глинистых равнинах начало развиваться так называемое падинное земледелие: освоение неглубоких замкнутых понижений с лучшим увлажнением и более плодородными лугово-каштановыми почвами (Динесман, 1960; Байбаков, 2010). Распашка небольших участков земли в зональных полупустынях значительно улучшила кормовые условия для черных жаворонков, которые переходили на питание созревавшим зерном ячменя, на 20-70% повреждая посевы в падинах. Соответственно на этих участках резко увеличивалась и численность жаворонков (Динесман, 1960).

Еще одна волна зимних инвазий черного жаворонка прослеживается в середине XX в. Стая птиц встречена 03.03.1930 у ст. Минеральные Воды (Бёме, 1934). В Калмыкии массовые налёты отмечали в зимние сезоны 1949/50, 1951/52, 1953/54, 1955/56, 1957/58 гг., а последний из них –

зимой 1966/67 г. (Самородов, 1968). Много этих жаворонков было зимой 1949/50 г. на севере Луганской обл., рядом с пос. Чертково Ростовской обл., где в январе-феврале добыли 75 птиц (Смогоржевский, 1953). В тот же период наблюдали заметное расширение гнездового ареала черного жаворонка на север в Саратовском Заволжье, в северном Казахстане и юго-западной Сибири (Юрлов, 1959; Корелов, 1970; Завьялов, Шляхтин, 2006). Одновременно произошло выселение этих птиц на правобережье Волги в Дубовский р-н к северу от Волгограда и к г. Вольску на севере Саратовской обл. (Птушенко, 1949; Завьялов и др., 2009; Белик и др., 2015а).

По всей видимости, и эти процессы тоже были связаны с ростом популяций черного жаворонка, происходившим в сухих степях Заволжья и Казахстана, где в середине XX в. начались широкомасштабные работы по подъему целины, повсеместная мелиорация и искусственное преобразование засушливых ландшафтов. О влиянии частичной распашки степей на численность черных жаворонков свидетельствуют учеты, проведенные в 1957 г. в Кустанайской обл. Там на целинных степных массивах насчитывали 69,4 ос./100 км, среди сплошных посевов и залежей – 35,1 ос./100 км, а в наполовину распаханных степях – 365,0 ос./100 км автомаршрутов (Кожевникова, 1962), т.е. в результате частичной распашки целины популяция черного жаворонка в сухих степях могла увеличиться более чем в 5 раз.

Местообитания. Основными гнездовыми биотопами в полупустынях являются разнотравные солончаковые луга в долинах рек и вокруг соленых и солоноватых озер (Ходашова, 1960; Динесман, 1960; Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2015а). Птицы заселяют также сбитые полынные пастбища, песчаные степи с разреженной растительностью, а после распашки степей освоили гнездование на залежах и по окраинам полей. Кормятся они обычно семенами однолетних рудеральных растений (*Alyssum* sp., *Lepidium* sp. и др.), а также солероса *Salicornia* sp. (Lameris et al., 2015). Высокотравных степей избегают. Летом нуждаются в близких водопоях (Белик, 2015в; Белик и др., 2015б). Зимой широко кочуют по степям и полям в поисках доступных зерновых кормов; при снегопадах часто концентрируются на дорогах, где имеются свободные от снега участки грунта.

Численность. Сейчас очень редкий, исчезающий вид, который до середины XX в. нередко гнездился в степях и полупустынях Заволжья. В степях по р. Еруслан в XVIII в. «черные жаворонки летали в сие время [11.08.1773 **ст.ст.**] стадами и попадались нам в великом множестве по всей к Саратову лежащей солевозной дороге» (Паллас, 1788, с.225-226). Еще в 1920-е годы черный жаворонок на Еруслане был

очень обычен, превышая по численности полевого, но в конце мая 1950 г. встречался уже значительно реже. Там на маршрутах между с. Новая Полтавка и Иловатка было учтено 19 самцов и 3 самки на 60 км, а между с. Валуевка и Гмелинка – 16 самцов на 40 км (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952).

В Приэльтонье еще в 1948-1949 гг. черный жаворонок в характерных стациях был весьма обычен, гнездясь местами в 100 м пара от пары (Волчанецкий, 1954), а в 1950-1954 гг. там учитывали от 2-3 до 13 птиц на 10 км маршрута (Ходашова, 1960). Однако в начале 1970-х годов после сильной засухи 1972 г. популяции всего Заволжья охватила глубокая депрессия. В окрестностях оз. Эльтон в 1973-1974 гг. его не встречали вовсе, на Волжско-Узенской равнине отмечали лишь 0,5-1,0 встреч/10 км маршрута и только в Казахстане, в Чижинско-Балыктинской депрессии с многочисленными озерами и солончаками, черные жаворонки в 1974 г. оставались еще довольно обычными птицами, гнездясь там до конца XX в. (Шишкин, 1976; Белик, 2008, 2021б).

Неуклонное снижение численности птиц продолжалось в Приэльтонье и позже. В 1980-е годы единичные пары встречались там только по лугам близ озер, а с середины 1990-х годов они перестали отмечаться как летом, так и зимой даже в озерных котловинах Эльтона, Булухты и Соркуля. Лишь в 2003 г. у оз. Эльтон было зарегистрировано несколько встреч в феврале, июле и сентябре (Линдеман и др., 2005). Немногочисленных птиц отмечали у Эльтона также в начале июля 2002 г. (Барабашин и др., 2003).

В начале XXI в. популяция этого жаворонка на юге России была провизорно оценена нами в 3-5 тыс. пар (Белик, 2005б) в основном на основе имевшихся данных по Волгоградской обл., для которой тогда указывали до 7-9 тыс. особей, или 3,5-4,5 тыс. пар (Чернобай, 2004, 2017 и др.). Но последующие наблюдения и публикации (см.: Белик и др., 2015а) позволили снизить его численность в Европейской России до 20-70 пар (Мищенко и др., 2017), а сейчас в Приэльтонье она составляет, очевидно, не более 10-50 не ежегодно гнездящихся пар (Белик, 2014).

Многие исследователи отмечали спорадичность распространения черного жаворонка на гнездовье. По наблюдениям П.С. Палласа, между Волгой и Яиком эти птицы встречались «в уединенных местах» (цит. по: Динесман, 1960, с.126). То же отмечал в Астраханской обл. и В.Е. Яковлев: «Однако и в обитаемых ими местах, черныши не распространены повсеместно, а заселяют лишь отдельные районы; поэтому случается иногда на протяжении 10 верст не встретить ни одного гнезда

и, наоборот, на сравнительно небольшом пространстве найти их до полусотни» (В.Я., 1877, с.132-133).

Охранный статус. Включен в Красные книги Волгоградской и Ростовской обл. (1 категория) и Кабардино-Балкарии (3 категория), где вид изредка отмечался лишь на зимовках. Причины его исчезновения недостаточно ясны. Они связаны, очевидно, с комплексным влиянием различных антропогенных и естественных, прежде всего климатических факторов, которые не могут быть нейтрализованы лишь мерами законодательной охраны (Белик, 2015в; Белик и др., 2015а).

265. Жаворонок рогатый, рюм *Eremophila alpestris* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый или кочующий зимой вид всех горных регионов Северного Кавказа, а также Волгоградской обл. и исчезнувший на гнездовье в Астраханской обл., но прилетающий с севера на зимовку во все степные регионы Южной России (Линдеман и др., 2005; Амосов, 2010а; Белик, 2013ж; Белик и др., 2016, 2022; Беляченко и др., 2018).

Зоогеографические связи. Представитель арктоальпийского фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1974, 1988; Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Насчитывается около 40 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Зимой в Южную Россию из евразийских тундр на зимовку прилетает желтогорлый *E. a. flava*, в пустынях Заволжья и далее к востоку гнездится белогорлый *E. a. brandti*, а в горах Кавказа обитает *E. a. penicillata*, имеющий желтое горло в свежем оперении, но позже светлеющее, становящееся иногда почти белым. К.А. Сатунин (1907) сообщал также о нескольких жаворонках, добытых зимой 1895 г. на Крестовом перевале, которые по окраске были близки к среднеазиатскому *E. a. albigula.*

Распространение. Гнездится в Северной Америке, на севере Африки и в Северной Евразии, где приурочен к тундрам, пустыням и южным горам. На юге России *E. a. penicillata* населяет альпийский и субальпийский пояс, а также горностепные пастбища Большого Кавказа, где гнездится на Главном, Боковом и Скалистом хр. и во Внутреннем, известняковом Дагестане. К западу распространен до плато Лагонаки (Казаков, Бахтадзе, 1991; Тильба, 1999, 2007, 2023; Тильба, Мнацеканов, 2008; Белик, 2013а), а на Скалистом хр. – до Кубани или несколько западнее (Поливанов и др., 2000; Белик, 2019а). В 1970-е годы, когда в горах велся интенсивный выпас скота, на Центральном Кавказе рогатые жаворонки проникали также на Меловой (Джинальский) хр., а по пастбищам спускались значительно ниже – в низовья

р. Аликоновка к самому Кисловодску до 1000-1200 м н.у.м. (Bier u.a., 1975; Хохлов, Тельпов, 1984; Хохлов, 1990). Зимой эти жаворонки кочуют по пастбищам в средне- или низкогорьях, а после сильных снегопадов стаями вылетают в предгорья и на подгорные равнины (Моламусов, 1967).

Рис. 5. Распространение рогатого жаворонка на юге России и западе Казахстана:
красная заливка – гнездовой ареал *E. a. penicillata*;
черно-красные пуансоны – места летних встреч *E. a. brandti*

Белогорлый *E. a. brandti* гнездится в основном по большим влажным солончакам с сарсазанниками в Волго-Уральском междуречье к северу до оз. Эльтон, с. Урда и Камыш-Самарских озер в Казахстане (Seebohm, 1882; Волчанецкий, 1937, 1954; Волчанецкий и др., 1950; Гаврилов и др., 1968; Корелов, 1970; Белик, 2008; Белик и др., в печати). В окрестностях Эльтона 29-30.03.1912 **ст.ст**. были добыты 2 самца и 2 самки этой формы (Тарасов, 1914), а в мае-июне 1948-1949 гг. там же собрана серия из 2 самцов и 5 самок (Девятко, Джамирзоев, 2012). Но уже в начале 1950-х годов К.С. Ходашова (1960) этих птиц там нигде не встречала, и лишь в 1970-е годы они были найдены на солончаках около с. Урда (Шишкин, 1976).

Позже белогорлых рюмов не отмечали в Приэльтонье до февраля 2004 г.,

когда на дороге у пос. Эльтон была встречена небольшая стайка. Там же в январе-феврале 2005 г. уже неоднократно наблюдали стаи по 12-30 и даже до 100 особей, а зимой 2006/07 г. стаи этих жаворонков, державшихся обособленно от стаек желтогорлых рюмов, достигали 100-200 особей (Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009). Кроме того, в 2003 г. белогорлый рюм был обнаружен на гнездовье среди сарсазанников у оз. Боткуль на границе с Казахстаном. Там в устье балки Солёной в западной части озера тогда гнездилось 10-12 пар, а 03-05.05.2017 там же учли 3 гнездовые пары (Беляченко и др., 2018).

На оз. Баскунчак рогатых жаворонков несколько раз отмечали в гнездовой период: 23.05.2001, в мае-июне 2003 и 25.05.2004 г. (Амосов, 2010а, 2012), но их поиски там на солончаках в 2012 г. оказались безрезультатными (Белик, 2013ж). Однажды 13.06.1954 этот жаворонок был встречен в солончаковой полупустыне между с. Терекли-Мектеб и Арсланбек в Дагестане (Волчанецкий, 1959). Гнездование белогорлого рюма возможно и на солончаках в Калмыкии.

Тундровый желтогорлый *E. a. flava* прилетает на юг России обычно в октябре-ноябре, и держится в степях всего Поволжья, Придонья и Предкавказья до середины-конца марта (Волчанецкий, 1954; Луговой, 1963; Моламусов, 1967; Белик, 1995а; и др.). Осенью 1993-2021 гг. у Волгограда и г. Волжского рюм появлялся в разные годы между 19.10. и 27.11., в среднем (n=29 лет) – 29.10. Сроки его прилета достаточно стабильны (стандартное отклонение составляет всего ±11 дней), что позволяет предполагать наличие циркадных ритмов, регулирующих его осенние миграции из тундры на юг (Белик и др., 2022). Около 20.10. первых рогатых жаворонков отмечали в степном Заволжье и в 1920-е годы (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1954). Зимуют они в Поволжье регулярно, отмечаясь каждую зиму, часто в значительном числе, иногда крупными стаями, достигающими 1000-1500 особей (Белик и др., 2022).

В степное Придонье рогатые жаворонки прилетают осенью примерно на месяц позже, чем в Поволжье, в среднем за 1967-1994 гг. – 26.11. Осенью и весной их численность в Придонье заметно выше, чем зимой, что свидетельствует о хорошо выраженном пролете (Белик, 1995а). Но зимовки рюмов на Дону и в Предкавказье нерегулярны, численность кочующих птиц значительно ниже, чем в Поволжье, а массовые инвазии, когда размеры стай достигают 500-1500 и более особей, наблюдаются обычно лишь в суровые, многоснежные зимы (Россиков, 1884а; Сарандинаки, 1909; Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Хохлов, 1990; Белик, 1995а; Ломакин, Белик, 2008; и др.).

Местообитания. На Северном Кавказе распространен в основном в высокогорьях до 3000-3200 м н.у.м. (Караваев и др., 2014), местами спускается в среднегорья, а иногда встречается даже на сухих низкогорных пастбищах на высоте около 1000-1200 м н.у.м. (Бёме, 1926; Хохлов, 1990). Обитает на низкотравных альпийских лугах, а также на сбитых, каменистых горностепных пастбищах. В пустынях заселяет обширные влажные солончаки с редкой и низкой растительностью. Высокотравных лугов избегает. Зимующие птицы держатся в открытых стациях, явно предпочитая волнисто-бугристые песчаные степи, внешне несколько напоминающие зимой тундровые ландшафты (Белик, 1995а). Гнездится на земле среди травы и камней.

Численность. В горах Северного Кавказа в общем немногочислен; в степях Заволжья гнездовья практически исчезли. Довольно обычен на зимовке в степях Южной России. В Европе обитает 2,1-6,5 млн., а в Европейской России – около 120-470 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). На юге России в начале XXI в. гнездовую численность оценивали в 30-70 тыс., а позже была уточнена до 10-30 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014).

Обилие рюма на альпийских лугах Западного Кавказа составляет 3,0-5,1 ос./км^2, а на субальпийских лугах – 1,0-1,8 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике на горных лугах обитало 4,0-9,8 ос./км^2 (Поливанов, 2000). В Карачаево-Черкесии на альпийских лугах Водораздельного хр. в мае-июне учитывали 3-5 ос./км^2, а на Скалистом хр. – 2 ос./км^2 (Караваев и др., 2014). На Центральном Кавказе в Кабардино-Балкарии на альпийских лугах учтены 2 ос./км^2, в субальпике – 10 ос./км^2, а на горностепных пастбищах – 6 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Дагестане на субальпийском горном плато с типчаковыми пастбищами держалось около 5 ос./км^2 (Белик, Насрулаев, 2019).

По наблюдениям в Заволжье, в 70-80-е годы XX в. было отмечено резкое сокращение численности зимующих желтогорлых рюмов. Примерно в тот же период сокращение их численности прослежено и в степном Придонье. Позже численность птиц, по-видимому, частично восстановилась, хотя на Верхнем Дону сейчас вновь наблюдают тенденцию к ее снижению (Белик, 1995а; Линдеман и др., 2005; Нумеров и др., 2021).

Охранный статус. Включен в Красные книги Краснодарского края (3 категория) и Адыгеи (2 категория). Сокращение численности в горах отчасти связано, вероятно, с потеплением климата и сокращением площадей альпийского пояса, а также с зарастанием каменистых субальпийских пастбищ из-за сокращения поголовья домашнего скота. Сходные процессы происходят, по-видимому, и на солончаках

в пустынно-степном поясе. Поэтому для поддержания популяций этого вида требуется не резервация его местообитаний, а, наоборот, их более интенсивное пастбищное использование (Белик, 2014, 2015в).

266. Жаворонок лесной *Lullula arborea* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Астраханской обл. и Адыгеи, где отмечен пока только на пролете (Белик и др., 2016). Изредка, случайно зимует на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2001, 2017, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 2 подвида, в том числе номинативный, гнездящийся в Европе к югу до Нижнего Дона и Нижней Волги, и *L. a. pallida*, обитающий на Кавказе, в Крыму и в Средиземноморье (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Европе к востоку до Урала, а также на Кавказе, в Малой Африке, Малой и Передней Азии к востоку до Копетдага. На юге России распространен в лесистых районах бассейна Дона, по долине Волги к югу до Волгограда и северных окраин Ергеней в Калмыкии (Белик, 2012), а также на Северном Кавказе, шире заселяя предгорья, низкогорья и среднегорья Восточного и Центрального Кавказа.

В Ростовской обл. обитает в различных лесах к югу до Нижнего Дона и устья Сев. Донца, преимущественно на песчаных террасах всех крупных, средних и малых рек, а также на правобережных склонах их коренных берегов, сложенных супесчаными породами (Белик, 1999а, 2005а; Белик и др., 2001). В Волгоградской обл. тоже заселяет леса в бассейне Среднего и Нижнего Дона к югу до Цимлянских песков, леса на правобережье Волги к югу до Волгограда, откуда заходит в Калмыкию на северную окраину Ергеней, где также предпочитает насаждения на песках и супесях (Белик, 2012). Кроме того, этот жаворонок найден в редколесьях на сухих супесчаных гривах на севере Волго-Ахтубинской поймы в Волгоградской обл. (Белик, 2016б), а также в лесах на левобережье Волги у границы с Саратовской обл. (Белик и др., в печати).

На Кавказе лесной жаворонок гнездится среди сухих редколесий Новороссийского участка вдоль побережья Черного моря от Анапы до Геленджика и Джанхота (Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2007, 2016; Белик и др., 2017). Прежде проникал, возможно, до Сочи (Строков, 1960). Кроме того, этих птиц несколько раз наблюдали 22.06.1911

ст.ст. на верхней границе хвойного леса у г. Гагры в Абхазии (Лауниц, 1912), но позже на Западном Кавказе в субальпике их больше нигде летом не встречали (Тильба, Маландзия, 2005; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; и др.).

Рис. 6. Распространение лесного жаворонка на юге России:
в Придонье и Поволжье – южная граница гнездового ареала *L. a. arborea*;
на Северном Кавказе – гнездовой ареал и места летних встреч *L. a. pallida*

На северном макросклоне Западного Кавказа изредка, спорадично встречается по опушкам предгорных лесов к востоку до г. Горячий Ключ (Очаповский, 2017; Белик, 2022в). Восточнее птицы случайно отмечались по долинам Урупа, Большом Зеленчука и Кубани от Армавира на севере до Скалистого хр. на юге (Жарова, Жаров 1962; Караваев, Хубиев, 2013; Белик, 2019а). На Центральном Кавказе они найдены мною в 2006-2007 гг. в аридной котловине по долине Баксана под куэстой Скалистого хр., а далее к востоку регулярно встречаются в горных степях по Северо-Юрской депрессии в Балкарии, Осетии, Ингушетии и Чечне (Л. Бёме, 1926; Бёме и др., 1930; Р. Бёме, 1958; Афонин, 1985; Комаров, Липкович 2000; Гизатулин и др., 2001; Комаров, Хохлов, 2003; Комаров, 2004, 2013, 2022; Белик, 2016а, 2018б), хотя местами могут подниматься, по-видимому, и в высокогорья вплоть до альпийских лугов (Моламусов, 1967).

В 1970-е годы лесной жаворонок был обнаружен в Томузловском лесу на Ставропольской возв., но позже там не отмечался (Лиховид, 1977; Хохлов, 1990; Костенко, 2012). Однако в июне 1996 г. возле Ставрополя вновь найдено гнездо с кладкой (Хохлов и др., 2004), а в мае 2022 г. лесные жаворонки встречены на гнездовье у г. Ипатово (Федосов и др., 2022). Однажды в июне 2003 г. эти птицы отмечены на Сунженском хр. в Северной Осетии в разнотравно-злаковой степи на высоте 460 м н.у.м. (Комаров, 2004).

Лесной жаворонок заселяет также горные степи на краевых хребтах Дагестана, спорадично гнездится в ущельях рек, в аридных котловинах и на платообразных вершинах Внутреннего Дагестана. Птицы найдены на бархане Сарыкум в заповеднике «Дагестанский», в котловине Орота, в Ботлихской котловине, по р. Самур у с. Рутул и в других районах (Красовский, 1932; Джамирзоев и др., 2004; Белик, Насрулаев, 2019, 2021; Джигерова, 2019; наши данные). В июне 1963-1964 гг. экспедицией И.Б. Волчанецкого (1973) этого жаворонка добывали у г. Буйнакска, у сёл Гуни (Дылым), Чумли (Маджалис), Сергокала (Девятко, Джамирзоев, 2012). Нередок он также в горах Чечни и Ингушетии (Анисимов, 1975, 1989а).

На миграциях встречается по всей Южной России, в том числе в горных ущельях Кавказа (Комаров, 2006, 2013; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; и др.), но пролет этих птиц обычно выражен слабо, как правило, они отмечаются небольшими стайками на дневных остановках, хотя описаны и их сотенные скопления (Хохлов и др., 2004). Зимой лесных жаворонков несколько раз встречали на Черноморском побережье у Сочи и в заповеднике «Утриш», в низовьях р. Самур на юге Дагестана, а также в Северной Осетии (Джамирзоев и др., 2014; Тильба, 2017, 2022; Комаров, 2023).

Местообитания. В бассейнах Дона и Волги спорадично распространен в мозаичных лесостепных ландшафтах по песчаным речным террасам, на крутосклонах речных долин, сложенных супесчаными почвами, а также на сухих супесчаных прирусловых гривах в поймах рек. На Северном Кавказе гнездится среди сухих редколесий, по сухим полянам и опушкам лесов в лесостепных предгорьях и среднегорьях, иногда проникает в высокогорья. Предпочитает сосняки, можжевеловые редколесья, а также сухие аренные дубравы на песках и мелколесье в горной степи. Гнездо вьёт на земле в траве.

Численность. Обычен или немногочислен в лесах на равнинах Южной России, местами обычен в горах Северного Кавказа. В Европе обитает 1,9-3,9 млн. пар, а в Европейской России – всего 80-200 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). На юге России в

конце XX в. численность оценивали в 30-70 тыс., в том числе около 10 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В конце XX в. во многих районах, особенно в бассейне Дона, отмечено заметное сокращение численности (Белик и др., 2003), и сейчас на юге России она составляет, по экспертной оценке, около 10-30 тыс. пар.

Обилие птиц в песчаных степях с сосновыми лесопосадками на Среднем Дону в 1989 г. составляло 7 пар/3,5 км маршрута; на Арчединских песках в 1999-2008 гг. учитывали от 1 пары/2 км до 5 пар/20 км маршрута; там же в старом бору были учтены 4 пары/1,5 км и 7 пар/2 км; на песках в низовьях Сев. Донца учтены 3 пары/5 км, а в пойме Среднего Дона у песчаной террасы пели 3 самца/3 км маршрута (Белик, 1999а, 2005а; Белик, Гугуева, 2021). Усредненное обилие в аренных лесах степного Придонья составляет 0,8-2,9, в среднем 1,6 пар/км^2 (Белик, 2000а).

На Кавказе в Кабардино-Балкарии обилие жаворонков в горной степи составляло 8 ос./км^2 (Афонин, 1985), в аридных котловинах в горах Северной Осетии – 26 пар/км^2, а на Сунженском хр. – 9 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003; Комаров, 2004), в горной лесостепи в Чечне – 4,4 ос./5 км маршрута (Гизатулин и др., 2001), а на бархане Сарыкум в Дагестане в 2016-2019 гг. учитывали от 1,3 до 8,0 ос./км^2 (Джигерова, 2019). Нами в аридной котловине на Баксане в 2006-2007 гг. на трансектах около 200 м шириной было учтено 6 пар/4 км и 5 пар/3 км маршрута, или в среднем 7,9 пар/км^2.

Охранный статус. Под 2-3 категорией включен в Красные книги Краснодарского края, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии. Снижение численности в горах отчасти связано с зарастанием сухих каменистых пастбищ из-за сокращения поголовья домашнего скота (Караваев, Хубиев, 2013). Поэтому для поддержания популяций этого вида требуется не резервация его местообитаний, а, наоборот, их более интенсивное пастбищное использование (Белик, 2014).

267. Жаворонок полевой *Alauda arvensis* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, частично зимующий в южных степных и предгорных районах (Моламусов, 1967; Хохлов, 1990; Тильба, 2006, 2017, 2022; Белик и др., 2016; Очаповский, 2017; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает около 10 подвидов, в том числе номинативный, распространенный в Европе к югу до Крыма и северного макросклона

Большого Кавказа, и *A. a. cantarella*, обитающий в Закавказье (Степанян, 2003). По другим данным, более светлый *A. a. cantarella* гнездится в Дагестане, в горах Северного Кавказа и по всему Предкавказью, а к северу проникает, возможно, до северной границы лесостепной зоны (Волчанецкий и др., 1962; Моламусов, 1967; Коблик и др., 2006; Джамирзоев и др., 2017а; Казаков, 2022). Для выяснения реальной зоны интерградации этих форм необходимы сборы дополнительных материалов.

Распространение. Широко распространен в Северной Евразии от Атлантики до Тихого океана. На юге России обычен по всем степным и лесостепным регионам, проникает в полупустыни Заволжья (Линдеман, Лопушков, 2004; Линдеман и др., 2005; Белик и др., в печати), гнездится местами в горных степях Северного Кавказа от Дагестана до Карачаево-Черкесии, а в Приэльбрусье и Дагестане широко распространен также на платообразных субальпийских пастбищах, но обычно избегает горных ущелий (Россиков, 1884б; Бёме, 1933; Моламусов, 1967; Афонин, 1985; Поливанов и др., 2000; Комаров, 2006, 2013; Караваев и др., 2014; Белик, Насрулаев, 2019). На лесистом Западном Кавказе в прошлом заселял степные склоны и вершины гор Новороссийского участка от Анапы к востоку до Геленджика и р. Пшада (Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2016; Очаповский, 2017), но сейчас там, по-видимому, исчез (Белик, 2013в; Белик и др., 2017; Попович, Семенова, 2018).

Сезонные миграции идут днем на небольшой высоте, обычно в меридиональном направлении, и четко выражены по всему югу России, в том числе в горах Кавказа. Пролетные птицы нередко поют, перекликаются и хорошо заметны. В Предкавказье эти жаворонки частично зимуют (Моламусов, 1967; Хохлов, 1990; Очаповский, 2017; и др.), но в Калмыкии и Нижнем Поволжье зимой встречаются очень редко, случайно (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1954; Банников, 1959; Самородов, 1981; Чернобай, 2004). Лишь на полях, лугах и пустошах вдоль Черноморского побережья Кавказа зимой они весьма обычны (Тильба, 2001, 2006, 2017, 2022; Белик, 2015а; Очаповский, 2017; и др.).

Местообитания. Гнездится на степных равнинах и в лугово-степных предгорьях, на Центральном и Восточном Кавказе местами проникает в горные степи среднегорий и на субальпийские пастбища в высокогорьях до высоты 2000-2700 м н.у.м. (Моламусов, 1967; Бутьев, Лебедева, 1992). В полупустынях занимает солончаковые луга и луговые участки в озерных котловинах. Обитает в степях и лугах, на полях и в песках. Предпочитает разнотравно-злаковые травостои, люцерновые

поля, бурьянистые и полынные залежи, но сухих степных полынников, а также низкотравных, сильно сбитых степных пастбищ обычно избегает. Гнездо вьёт на земле в траве.

Численность. В прошлом на юге России был повсеместно обычен и многочислен, но в начале 1990-х годов здесь произошло резкое падение численности всех видов жаворонков, хотя популяции полевого жаворонка были затронуты этой депрессией несколько слабее, и он сохранился во всех регионах (Белик, 2000а, 2000б). Сейчас же его численность здесь постепенно восстанавливается.

В Европе обитает 44,3-78,8 млн., а в Европейской России – 14-32 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Южной России в начале XXI в. численность первоначально была оценена в 10-25 млн. пар, в том числе 8-9 млн. в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б), но сейчас на юге России может гнездиться, по экспертной оценке, лишь около 2-5 млн. пар.

Обилие птиц в разных районах Придонья в 1980-е годы составляло в разнотравно-злаковых степях от 37 до 141 пар/км^2, на зерновых полях – 5-62, на люцерновых полях – 42-96, на сенокосных лугах – 16-57, а на пастбищных лугах – 29-96 пар/км^2. В полынных же степях этот жаворонок был отмечен лишь на одном из 12 учетов (Белик, 2000а, 2000б). На Ставрополье в 1965-1976 гг. в степи учитывали до 140-170, на полях – до 50-110 и на залежах – до 70-100 пар/км^2 (Лиховид, 1988). На степных залежах на юге Воронежской обл. обилие этого вида в начале XXI в. колебалось от 91 пар/км^2 на бурьянниках и злаково-разнотравных участках до 141 и 221 пар/км^2 на полынно-пырейных и полынно-бурьянистых залежах (Венгеров, 2005). В полупустынях Приэльтонья в 1975 г. учитывали 37 ос./км^2 (Шишкин, 1982), а на бурьянистых залежах в сочетании с полями и целинными степями в Заволжье в 2014-2015 гг. мы учли в среднем 58 пар/км^2, т.е. в 3-5 раз меньше, чем степных жаворонков, но на итсегековых солончаках близ оз. Эльтон держалось около 70 пар/км^2 полевых жаворонков (Белик и др., в печати).

В окрестностях Армавира в 1960-е годы обилие этих жаворонков на полях достигало 60, а на целине – 40 ос./км^2 (Жарова, Жаров 1962), но сейчас их численность в предгорьях заметно сократилась (Белик, 2019а). На Скалистом хребте в Карачаево-Черкесии в 1998 г. учитывали 2-7 ос./км^2, а в 2003-2010 гг. – 17-28 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев и др., 2014). На субальпийских же пастбищах в Дагестане в 2019 г. держалось 35-40 ос./км^2 (Белик, Насрулаев, 2019). Но в горных степях Кабардино-Балкарии и Северной Осетии эти жаворонки оказались сейчас очень редки (Белик, 2016а, 2018б; Белик, Аккиев, 2023).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. На юге России необходимы дополнительные сборы коллекционных материалов.

268. Жаворонок индийский *Alauda gulgula* Franklin, 1831

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, однажды встреченный зимой в Ростовской обл. (Казаков, 1991; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса, лишь слегка проникающий в Палеарктику, где постепенно расселяется по Средней Азии.

Таксономия. Включает более 10 подвидов, в том числе 2 формы распространены в Средней Азии. В Ростовской обл. была добыта птица, определенная как *A. g. inconspicua*, обитающая в Казахстане (Коблик и др., 2006).

Распространение. Обитает в Южной Азии, откуда через Гималаи и Гиндукуш проникает из Индостана в Среднюю Азию, где птицы гнездятся в Таджикистане, Туркмении, Узбекистане и Киргизии, а также на юге Казахстана к северу до Аральского моря (Дементьев, Гладков, 1954; Коблик, Архипов, 2014). В окрестностях Ростова 25.02.1967 встречено несколько мелких жаворонков, державшихся обособленной группой в смешанной стае рогатых и степных жаворонков и пуночек, кормившихся семенами сорняков. Добытая птица оказалась самкой индийского, или малого полевого жаворонка (Казаков, 1991). Однажды осенью этот жаворонок был добыт также в Азербайджане (Сатунин, 1911).

Местообитания. В Казахстане населяет только равнины и холмистые предгорья, гнездясь в полях, на лугах, среди низкотравных пастбищ и др. В Таджикистане распространен на лугах и в полях по широким долинам горных рек (Корелов, 1970; Абдусалямов, 1973).

Численность. В Казахстане в подходящих местах довольно обычен, но распространен неравномерно. В горах Таджикистана в целом немногочислен. На юге России возможны случайные находки.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

Семейство **Трясогузковые** Motacillidae

269. Конек полевой *Anthus campestris* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Адыгеи и Карачаево-Черкесии (Белик и др., 2016; Шевцов, 2021).

Зоогеографические связи. Предположительно, представитель песчано-пустынного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Включает 3 подвида, в том числе номинативный, распространенный в Европе, Крыму и Предкавказье, и *A. c. boehmii*, обитающий в Закавказье и отличающийся крупным, массивным клювом (Степанян, 2003). По мнению Б.А. Казакова (1974, 2022), *A. c. boehmii* заселяет также Предкавказье, но последние исследования показали, что эта форма распространена на Северном Кавказе лишь в Дагестане, проникая к северу предположительно до Терека, а на Черноморском побережье Кавказа встречаются особи с переходными признаками. Остальное Предкавказье занимает номинативный подвид (Джамирзоев и др., 2017а). Недавние находки полевых коньков на гнездовье у Владикавказа в сухих предгорьях Северной Осетии (Шевцов, 2021) позволяют предполагать расселение дагестанской горностепной популяции по предгорьям Северного Кавказа на запад.

Распространение. Гнездится в Малой Африке и Западной Евразии к востоку до Байкала. В Южной России спорадично распространен к югу до Нижнего Дона и вдоль Волги до Ергеней, а также в песках Заволжья, кроме того в сухих предгорьях и низкогорьях Кавказа, а в Дагестане спорадично встречается и в среднегорьях. На глинистых равнинах Западного Предкавказья, Сало-Манычских степей и Сарпинской низм. не гнездится.

В бассейнах Дона и Волги занимает песчаные террасы крупных, средних и малых рек, а также каменистые степи на их высоких правобережьях, на Донецком кряже, Донской гряде, Приволжской возв. и др., а к югу проникает в Калмыкию по третичным пескам на водоразделах Ергеней (Белик, 1996б). Заселяет также пески в пустынях Волго-Уральского междуречья и бэровские бугры среди ильменей к западу и востоку от дельты Волги, гнездится в супесчаных степях у оз. Баскунчак и у оз. Эльтон, нередок на песчаных террасах в низовьях р. Еруслан, но в глинистых степях и полупустынях Заволжья практически не гнездится (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Груздев, 1955; Гаврилов и др., 1968; Линдеман, 1971; Белик, 2008; Быков и др., 2009; Девятко, Джамирзоев, 2012; Реуцкий, 2015; Белик и др., в печати).

На Западном Кавказе коньки обычны в степях Тамани (Тильба, 1983; Лохман и др., 2004, 2005; Белик и др., 2009), а также на сухих степных полянах и виноградниках в предгорьях и низкогорьях на Новороссийском участке от Анапы к востоку до р. Пшада, однако после зарастания полян мелколесьем птицы там со временем исчезают (Пузанов, 1938; Винокуров, 1958; Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 1967, 2017; Белик, 2013в; Кузиков, 2013; Белик и др., 2017).

В Центральном Предкавказье полевой конек распространен на Ставро-

польской возв., встречаясь к западу до р. Уруп, к северу до Ипатовского р-на, а к востоку до Восточного Маныча (Динник, 1886; Белик, 1989в, 2019а; Хохлов, 1991, 1993; Пекло, Тильба, 2007). На юге в предгорьях Северного Кавказа полевых коньков находили на гнездовье в 1921 и 1986 гг. у Пятигорска и Кисловодска (Бёме, 1958; Хохлов, 1991), а в 2005-2016 гг. отметили на Сычевых горах к юго-востоку от Невинномысска (Караваев и др., 2016). Восточнее коньков указывали для равнинных степей на севере Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Чунихин, 1962; Моламусов, 1967), хотя сейчас их гнездовья там, по-видимому, исчезли (Комаров и др., 2011; Белик, Федосов, 2017).

Рис. 7. Распространение полевого конька на юге России: красная заливка – гнездовой ареал; красные пуансоны – места летних встреч в Заволжье и Западном Казахстане, а также *A. c. boehmii* в горах Восточного Кавказа

На Восточном Кавказе птицы гнездятся в горных степях Дагестана, причем не только в предгорьях, но по аридным котловинам поднимаются в среднегорья, а местами проникают и на субальпийские плато вплоть до Хунзаха, Ботлиха, Кумуха и Рутула (Бёме, 1926, 1933; Красовский, 1932; Моламусов, 1967; Девятко, Джамирзоев, 2012). Ранее их отмечали также в горной лесостепи, на субальпийских и альпийских лугах в Ингушетии и Чечне (Анисимов, 1975; Гизатулин и др., 2001), а в

2020-2021 гг. их нашли в Джейрахской котловине по Тереку у Владикавказа (Шевцов, 2021).

Зимуют птицы на севере Африки и юге Азии. Мигрируют они стайками, широким фронтом, но пролет визуально практически не прослеживается, поскольку идет в основном ночью. Мигранты изредка появляются в горах Кавказа (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014).

Местообитания. Этот конек спорадично гнездится в сухих открытых ландшафтах, обычно в песчаных и каменистых степях и в степных предгорьях с редким травостоем, изредка – в полях на супесчаных почвах, а также на виноградниках. В Дагестане обитает также на горностепных пастбищах в среднегорьях, поднимаясь до 1500-1800 м н.у.м. (Красовский, 1932; Бёме, 1933). Гнездо вьёт на земле среди травы.

Численность. На юге России в целом немногочислен и весьма спорадичен. В Европе обитает 0,9-1,7 млн. пар, а в Европейской России – всего 65-130 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность в конце XX в. оценивали в 20-50 тыс., в том числе около 20 тыс. пар было в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). Но сейчас популяция в Южной России не превышает, очевидно, 10-30 тыс. пар, поскольку в начале XXI в. в некоторых районах, особенно в бассейне Дона, наметилось сокращение численности, связанное с демутацией песчаных и каменистых пастбищ из-за резкого снижения поголовья домашнего скота в 1990-е годы (Белик и др., 2003).

По учетам в Саратовской обл. у границ Волгоградской обл. в полынно-злаковой степи в низовьях р. Еруслан в 1998-2002 гг. было 3,4 ос./км^2, а на правобережье Волги в Красноармейском р-не в 1995-1998 гг. отмечали 1,2 ос./км^2 (Завьялов и др., 2009). В степях и песках на Среднем Дону учитывали обычно 1-2 пары/км маршрута (Белик, 2005а). В сухих бугристых песках и открытых песчаных степях в низовьях Сев. Донца было в среднем 2-4 пары/км маршрута, а в полях и залежах на песках – до 4 пар/3 км маршрута (Белик, 1999а). В степях же на Ставропольской возв. обилие составляло в среднем 0,8 пар/км^2, а в опустыненных степях достигало 20 пар/км^2 (Лиховид, 1988).

Весьма высокая численность отмечена нами на супесчаных шлейфах у подножия горы Большое Богдо в Астраханском Заволжье, где 23.04.2012 пело 12 самцов на 3 км маршрута. В Волго-Уральском междуречье к югу от Камыш-Самарских озер 19.05.1996 за день в песках было учтено 9 певших самцов на 30 км (Белик, 2008).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Кабардино-Балкарии (3 категория), но какая-либо реальная охрана этого вида здесь вряд ли

возможна и целесообразна. В остальных регионах Южной России особая охрана сейчас не предусмотрена. Распространение и численность птиц ограничивается зарастанием песчаных и каменистых степей густым высокотравьем, а также сплошными лесопосадками на песках.

– Конек степной *Anthus richardi* Vieillot, 1818

Характер пребывания. Упомянут для фауны Северо-Западного Прикаспия как вид, требующий подтверждения (Самородов, 1989); похожих птиц несколько раз визуально отмечали в дельте Волги, но их определение тоже не было подтверждено (Реуцкий, 2015). Без особых комментариев степной конек включен в список птиц Таманского полуострова Краснодарского края (Емтыль и др., 1994). Решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии этот вид, встречи которого не имеют каких-либо документированных подтверждений, не включен в фауну Южной России (Тильба, 2004; Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Типичный представитель Китайского типа фауны Палеарктики, предположительно относящийся к лугово-болотному фаунистическому комплексу (Белик, 2006).

Таксономия. Включает 3-4 подвида (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006); иногда рассматривается как монотипический вид (Dickinson, Christidis, 2014). Ближайшая к Южной России часть ареала этого конька на юге Западной Сибири заселена птицами номинативного подвида.

Распространение. Гнездится на юге Сибири и Дальнего Востока, в Монголии и Китае. Многочисленные находки залетных птиц известны в странах Западной Европы (Дементьев, Гладков, 1954; Snow, Perrins, 1998). В Европейской России одиночные залеты отмечали в Пермской, Ленинградской и Калининградской обл. (Мальчевский, Пукинский, 1983; Свиридова, Зубакин, 2000). Но сведения о находках степного конька на юге России никак не документированы и не подтверждены. Возможно, имели место также случайные опечатки в тексте (Тильба, 2004).

В последнее время отмечен значительный рост числа залетов этого конька на юг Западной Европы, свидетельствующий о формировании новых районов его зимовки. По данным геолокаторов, остановки 2 мигрантов отмечены на западе Казахстана и 1 мигранта – в бассейне Дона где-то на границе Волгоградской и Саратовской обл. (Dufour et al., 2021).

Местообитания. На местах гнездования птицы явно предпочитают открытые, влажные высокотравные луга среди степей, в речных долинах и т.п.

Численность. В Забайкалье в степной Даурии и в других районах на юге Сибири этот конек довольно обычен, но распространен спорадично.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

270. Конек лесной *Anthus trivialis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), изредка встречающийся зимой на Черноморском побережье Кавказа и в Дагестане (Джамирзоев, 2000; Тильба, 2006, 2017, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 2 подвида. Всю Европейскую часть России и Кавказ населяет номинативная форма (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003). Иногда кавказских и крымских птиц выделяют в подвид *A. t. differens*, отличающийся чётко выраженными чёрными продольными пестринами на верхней стороне тела (Редькин, 2023).

Распространение. Гнездится на западе Евразии, проникая далеко к востоку по южнотаёжным лесам Сибири. На юге России обитает в Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона (Казаков, 1972, 2022; Белик, 1999а, 2009; Белик и др., 2001) и на северо-западе Волгоградской обл. в бассейне Дона к югу до Цимлянских песков, а также на правобережье Волги на юг до г. Камышин. В Заволжье южная граница ареала проходит по лесистой долине р. Еруслан на границе с Саратовской обл. (Белик и др., в печати). Неоднократные встречи токующих самцов в гнездовый период (июнь-июль) в Волго-Ахтубинской пойме позволили предполагать гнездование лесного конька в Астраханской обл. (Реуцкий, 2015). Но севернее, в пойме Волги в Калмыкии и Волгоградской обл., этот конек на гнездовье не найден (Цапко и др., 2009; Белик, 2016б). Петь же в июле могут одиночные холостые самцы, иногда задерживающиеся в лесонасаждениях даже среди полупустынь Приэльтонья (Линдеман, 1971, с.139).

На Северном Кавказе лесной конек широко распространен во всех лесных регионах, гнездясь от лесостепных предгорий до субальпики. Он заселяет также леса в речных долинах степного Предкавказья и на Ставропольском плато. На Черноморском побережье Кавказа в XX в. этот конек гнездился от Анапы и Новороссийска до Сочи и Пицунды (Кудашев, 1916; Пузанов, 1938; Стаховський, 1938; Бернацкий, 1958;

Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2016), но сейчас во влажных низкогорных лесах он, по-видимому, практически везде исчез, сохранившись лишь местами на луговых вершинах хребтов, а также в среднегорьях и высокогорьях (Тильба, 2001, 2006; Белик, 2013в, 2015а; Белик и др., 2017; Очаповский, 2017).

Во второй половине XX в. птицы кавказской популяции расселились по искусственным лесонасаждениям Предкавказья на север почти до Нижнего Дона и Западного Маныча, проникнув там на юго-запад Калмыкии (Цапко, 2007, 2008; Белик, 2009; Музаев и др., 2011).

Зимует на юге Евразии и в Африке. В последние десятилетия зимой нередко встречается в Дагестане, а также на Черноморском побережье Кавказа в районе Сочи, где держится на полях, луговинах и среди редколесий (Джамирзоев, 2000; Тильба, 2001, 2006). Миграции идут по ночам и визуально не прослеживаются. Одиночки и небольшие группы встречаются обычно днем в кормовых стациях.

Местообитания. Широко распространен в лесостепных ландшафтах на равнинах, в предгорьях и горах Кавказа вплоть до субальпики. Обитает среди редколесий, по полянам и опушкам различных лесов, местами заселяет лесополосы среди полей. В среднегорьях и субальпике может довольствоваться отдельными деревьями и кустами среди лугов и горных степей. Гнездо вьёт обычно на земле в траве, но иногда селится на плешинах, практически лишенных травяного покрова.

Численность. В характерных биотопах на юге России обычный или немногочисленный вид. В Европе обитает 26,9-38,1 млн., а в Европейской России – 17-22 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность была оценена в 100-200 тыс., в том числе около 80 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

В степном Придонье в байрачных лесах гнездится в среднем 5,7 пар/км^2, в пойменных – 6,1 пар/км^2 и в аренных – 24,4 пар/км^2 (Белик, 2000а), а в Волгоградской обл. в пойменных лесах обилие составляло 45-50 пар/км^2, в сосняках на песках – 60 пар/км^2, а в колках на песках – 15 пар/км^2 (Белик, Гугуева, 2021). На Сев. Донце было 5,1-10,7, в среднем 7,0 пар/10 га (Бируля, 1971). На Нижнем Дону обилие птиц не превышало 7-10 пар/км^2 (Белик, 1999а; Белик и др., 2001), а в лесах по долине р. Еруслан в Заволжье учли всего 18,3 ос./км^2 (Завьялов и др., 2009).

На Западном Кавказе в районе Кавказского заповедника обилие лесного конька в низкогорных дубовых лесах на северном макросклоне составляло 1,6-8,9 ос./км^2, в среднегорных лесах он не найден, а в высокогорьях в березовом криволесье учитывали 5,5-13,3 ос./км^2 и в сосняках – 23,8 ос./км^2. При этом на южном макросклоне коньков не было вовсе (Перевозов, 2010). На Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии в

пойменных лесах было 34-50 ос./км^2, в мелколиственных лесах – 24-39 ос./км^2, на горных лугах – 6-10 ос./км^2, а на остепненных лугах – 12-36 ос./км^2 (Караваев, 2000). В Тебердинском заповеднике в лиственных лесах отметили 17,8-24,5 ос./км^2, а в хвойно-лиственных – 9,6-19,6 ос./км^2, тогда как в старых сосняках и в темнохвойных лесах коньки отсутствовали (Поливанов, 2000). В Кабардино-Балкарии численность коньков в мелколиственных лесах составляла 8 ос./км^2, в субальпийских березовых лесах и криволесье – 11 ос./км^2 (Афонин, 1985), а на Баксане в сосновых лесах у верхней границы леса было учтено около 83 ос./км^2 (Караваев и др., 2017). Наконец, в Северной Осетии в горных лесах обилие колебалось в пределах 10-35 пар/км^2, а в пойменных лесах на равнине – 7-20 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

Популяции на юге России в последнее время считались относительно стабильными (Белик и др., 2003), но в конце XX - начале XXI в. в предгорьях Краснодарского края выявлено значительное сокращение численности лесного конька (Белик, 2019а). В этот же период в результате мезофилизации лесов его численность в 7-8 раз сократилась и на Ставропольской возв. (Лиховид, 1977; Костенко, 2012). Возможно с этим же фактором связано и исчезновение конька в причерноморских лесах (Белик, 2013в).

Охранный статус. В особой охране пока не нуждается.

271. Конек пятнистый *Anthus hodgsoni* Richmond, 1907

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид, однажды отмеченный в Волгоградской обл. (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики, имеющий связи с Китайским типом фауны (Брунов, 1978, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Включает 2-3 подвида. В Азиатской части России гнездится подвид *A. h. yunnanensis* (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в лесном поясе Сибири, проникая оттуда в тайгу на северо-востоке Европейской России, а на юге заселяет леса в Монголии и Китае. Зимует в Южной Азии, но залетные птицы регулярно отмечаются в Западной Европе (Snow, Perrins, 1998). На юге России залетный самец был добыт 06.06.1965 на Джаныбекском стационаре в Заволжье на границе с Казахстаном (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005).

Местообитания. Предпочитает более закрытые лесные биотопы, чем лесной конек. Гнездится в основном в негустых смешанных лесах, избегая глухих сомкнутых древостоев (Рябицев, 2001).

Численность. Для Европы указано 45-60 тыс. пар, а для Европейской России – 25-35 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Сибири обычен и многочислен. На юге России могут изредка встречаться залетные особи, но визуально определять их в поле достаточно сложно.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

– Конек сибирский *Anthus gustavi* Swinhoe, 1863

Характер пребывания. Указан в списке птиц Кабардино-Балкарии как пролетный вид (Липкович, 2000). Решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии сибирский конек, встречи с которым никак не документированы и не имеют фактических подтверждений, не был включен в фауну Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Включает 2-3 подвида (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Дальневосточная форма сейчас обычно выделяется в отдельный вид *A. menzbieri* (Коблик и др., 2006). На севере Сибири гнездится номинативный подвид.

Распространение. Обитает в основном в южной кустарниковой тундре и лесотундре Сибири, лишь немного заходя в тундры на северо-востоке Европейской России (Дементьев, Гладков, 1954). Зимует на Филиппинах и в Индонезии, а в Европу залетает редко (Snow, Perrins, 1998). В фауну Кабардино-Балкарии внесен без каких-либо комментариев (Липкович, 2000), возможно – как следствие опечатки в тексте или ошибки в определении наблюдавшихся птиц.

Местообитания. Гнездится в тундре на высокотравных осоковых болотах, на сырых вейниковых лугах, на луговых кочкарниках с редкими кустами (Рогачева и др., 2008).

Численность. В Европейской России обитает 10-100 пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Сибири в целом немногочислен или редок, лишь местами обычен, но распространен спорадично (Дементьев, Гладков, 1954; Воробьев, 1963; Рогачева и др., 2008).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

272. Конек луговой *Anthus pratensis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Найден на гнездовье на севере Ростовской обл. (Белик, 1996а; Белик, Гаврись, 1996); гнездование указано также для

Волгоградской обл. (Чернобай, 2000, 2004). На остальной территории Южной России встречается на пролете, а в Предкавказье и на Черноморском побережье Кавказа местами зимует (Тильба, 2001, 2017, 2022; Хохлов и др., 2001; Джамирзоев и др., 2014; Очаповский, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на западе Евразии к востоку до бассейна Оби в Западной Сибири. Южную границу ареала в Восточной Европе проводили через Киевскую, Полтавскую, Орловскую, Тамбовскую и Нижегородскую обл. и район Казани (Степанян, 2003). Позже луговой конек был обнаружен значительно южнее указанных границ, в том числе в лесостепной и степной зонах в 200-300-500 км от ближайших известных гнездовий (Белик, Гаврись, 1996).

Сейчас гнездование известно в Харьковской, Липецкой и Пензенской обл. (Сомов, 1897; Белик, Гаврись, 1996; Муравьев, 2005; Сарычев, 2009), возможно эти птицы гнездятся также в Воронежской и Ульяновской обл. (Бородин и др., 2017; Нумеров и др., 2021). Наиболее южное гнездовое поселение из 2-3 пар впервые найдено в мае-июне 1994-1995 гг. в Чертковском р-не на севере Ростовской обл., где 02.05.1995 обнаружено гнездо с 5 только что вылупившимися птенцами (Белик, 1996а; Белик, Гаврись, 1996). Еще одна пара держалась 06-07.04.1996 на постоянном участке в долине р. Калитва в Миллеровском р-не – в типичной гнездовой стации на осоковом болотце в 30-40 км южнее первой находки, но ее гнездование там подтвердить не удалось.

Для Волгоградской обл. луговой конек указан как очень редкий гнездящийся вид (Чернобай, 2004), однако документальные подтверждения и конкретные сведения о нем там неизвестны. В Саратовской обл. гнездовий лугового конька обнаружить пока не удалось (Завьялов и др., 2009).

Зимует в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Регулярно наблюдается зимой на низменностях вдоль Черноморского побережья Кавказа (Тильба, 2001, 2006, 2017, 2022; Попович, Семенова, 2018) и изредка встречается на Каспийском побережье, в Предкавказье и на юге Ростовской обл. (Лукина, Казаков, 1964; Хохлов и др., 2001; Динкевич и др., 2003; Букреев и др., 2013, 2018; Джамирзоев и др., 2014; Забашта, 2022; Х.Х. Журтов, Д.С. Шевцов, личн. сообщ.). На пролете отмеча-

ется в равнинных районах по всему югу России, но в горах этих коньков практически не регистрируют (Комаров, 2006; Тильба, 2006; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015). Миграции идут широким фронтом, небольшими стайками, нередко пролет наблюдается в дневное время, но выражен он слабо; обычно коньки отмечаются на днёвке в кормовых стациях.

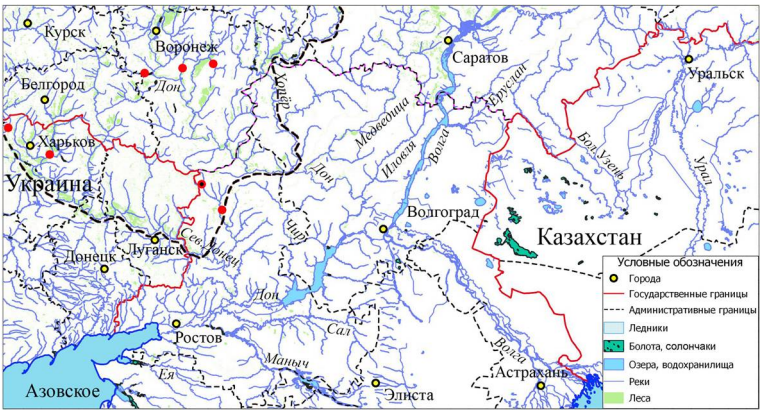

Рис. 8. Распространение лугового конька на юге России:
пунктир – предполагаемая южная граница ареала;
красные пуансоны – места летних встреч;
черно-красный пуансон – место гнездования

По нашим наблюдениям в степном Придонье, весной на пролете в период 1980-2001 гг. птицы отмечались практически ежегодно, начиная обычно с конца марта - начала апреля, иногда уже с начала марта (08.03.1990), в среднем (n=15 лет) – 30.03., а исчезали они в середине апреля - начале мая, в среднем (n=16) – 21.04. Осенью эти коньки появлялись в конце сентября - середине октября, в среднем (n=13) – 09.10., а последние птицы отмечались до середины октября - середины ноября, в среднем (n=8) – 25.10. В эти же сроки луговые коньки пролетают также в Поволжье (Воробьев, 1936; Реуцкий, 2015; Белик и др., в печати) и Предкавказье (Моламусов, 1967; Очаповский, 2017).

Местообитания. В лесной зоне и в тундрах обитает на заболоченных кочковатых лугах. Гнездо вьёт в густой траве среди кочек. В Ростовской обл. птицы гнездились на обширном злаково-осоковом лугу по днищу степной балки. На южной границе ареала они приурочены к сырым кочкарниковым лугам у пресных водоемов. На пролете останавливаются на лугах, полях, степных пастбищах, влажных солончаках. Луговой конек очень похож на лесного, но весной на гнездовых

территориях хорошо отличается пением – тихими, монотонными продолжительными трелями «сип-сип-сип-сип-...», исполняемыми во время кругового волнистого полета невысоко над лугами. На пролёте от краснозобого конька отличается по характерным, издаваемым на взлёте позывкам – быстрым «ци-ци-цит».

Численность. В Европе обитает 9,7-15,0 млн., а в Европейской России – лишь 1,2-2,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность этого краеареального вида оценивается всего в 10-100 пар (Белик, 2005б). В конце XX в. этот вид, возможно, увеличивал свою численность в связи с расселением на юг (Белик и др., 2003).

На севере Ростовской обл. в 1994-1995 гг. гнездились 2-3 пары (Белик, 1996а), но здесь были возможны и другие поселения. Для Волгоградской обл. указан как очень редкий вид (Чернобай, 2004). На севере Европейской России луговой конек распространен спорадично, но местами многочислен, а местами редок или отсутствует вовсе (Дементьев, Гладков, 1954; Атлас …, 2020).

На пролете в степных регионах обычен как весной, так и осенью. На зимовке на юге России редок и встречается спорадично (Лукина, Казаков, 1964; Хохлов и др., 2001; Динкевич и др., 2003; Джамирзоев и др., 2014; Забашта, 2022; и др.), а на Черноморском побережье в районе Сочи в последние десятилетия в связи с потеплением климата зимующие коньки стали довольно обычны (Тильба, 2001, 2006, 2017, 2022; Белик, 2015а).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

273. Конек краснозобый *Anthus cervinus* (Pallas, 1811)

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России, останавливающийся в основном в равнинных районах и изредка залетающий в горы Кавказа (Джамирзоев и др., 2014; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Включает 2 подвида. Номинативная форма распространена на севере Сибири к востоку от Таймыра, а тундры Европы населяет *A. c. rufogularis* (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003). Он же встречается и на миграциях на юге России (Моламусов, 1967; Белик, Смирнов, 2022).

Распространение. Гнездится в тундрах и лесотундрах Евразии. Зимует на севере Африки и юге Азии. Через Южную Россию идет выраженный пролет этих коньков, регулярно встречающихся весной и осенью

на лугах, полях и влажных пастбищах всех равнинных регионов, а также на Черноморском побережье Кавказа (Бернацкий, 1958; Тильба, 2001; Белик, 2015а). В горы Кавказа залетает сравнительно редко (Моламусов, 1967; Белик, 2001б, 2017в; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015).

Миграции идут широким фронтом, стаями, в основном по ночам, поэтому визуально практически не прослеживаются. Весной птицы появляются в Предкавказье в начале апреля и встречаются до конца мая (Казаков, 1974, 2022). По нашим наблюдениям в степном Придонье, весной в период 1980-2001 гг. они отмечались на пролете практически ежегодно, появляясь с 8-10 апреля (1984 и 1987 гг.), чаще же с 2-3-й декад апреля, и встречались до 22-25 мая (1983 и 1985 гг.). А осенью на юге России птицы отмечаются с 8-10 сентября (1981 и 1984 гг.), в основном же в 3-й декаде сентября, и летят несколькими волнами до 18-26 октября (1981, 1983 и 1984 гг.).

Местообитания. В тундре заселяет разнообразные местообитания: торфяные болота, кочкарники, заболоченные осоковые луга, поляны среди невысоких кустарников. Мигранты также останавливаются на кормежку в самых различных биотопах: на кочкарниках, влажных и заболоченных лугах, в полях, у луж среди пастбищ, в понижениях среди песков и т.п. Держатся в одиночку, группами и большими стаями; вспугнутые птицы взлетают с характерной позывкой – протяжным «псиии», позволяющим легко определять птиц в поле. Весной мигранты нередко поют.

Численность. Обычный, местами многочисленный пролетный вид равнинных ландшафтов Южной России и редкий – в горах. В Европе обитает 1,0-3,0 млн. пар, фактически все – в Европейской России (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России оценки численности мигрантов сильно различаются, что отчасти может быть связано с неверным определением сходных луговых коньков, встречающихся на пролете в одинаковых местообитаниях (см., напр.: Реуцкий, 2015). По наблюдениям на севере Ставрополья, днем 30.04.1977 была вспугнута стая около 1200 особей, улетевших на северо-восток, а 01.05.1978 на 200 м маршрута у хут. Сухой севернее Ставрополя учтено 7 птиц (Хохлов, 1991).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

274. Конек гольцовый *Anthus rubescens* (Tunstall, 1771)

Характер пребывания. Очень редкий залетный вид Южной России, дважды отмеченный в Краснодарском крае и в Северной Осетии (Уколов, 2020; Шевцов, 2020).

Зоогеографические связи. Представитель арктоальпийского фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1974, 1988; Белик, 2006).

Таксономия. Включает 4 подвида, три из которых распространены в Северной Америке, а в горах Сибири гнездится лишь *A. r. japonicus* (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Очевидно, птицы этой формы залетают и на Кавказ.

Распространение. Гнездится в Северной Америке, а также в горах Средней и Восточной Сибири и Дальнего Востока. Азиатские птицы зимуют в основном в Юго-Восточной Азии, частично – в Средней Азии (Архипов, Редькин, 2003; Белялов, 2004), а в Европу залетают очень редко (Snow, Perrins, 1998). Для Южной России гольцовый конек был указан для Дагестана (Джамирзоев, 2000, с.45), но эта находка никак не была документирована и ничем не подтверждена, поэтому данный вид не был включен в фауну Южной России (Белик и др., 2006).

Впервые одиночный гольцовый конек был встречен 06.01.2020 в стае луговых коньков на Имеретинской низменности в Адлере (Уколов, 2020, 2020а). Еще одна птица, кормившаяся с луговыми и горными коньками, сфотографирована 07.04.2020 в окрестностях Владикавказа и ее определение было подтверждено Северокавказской орнитофаунистической комиссией (Шевцов, 2020). Затем еще один гольцовый конек встречен А. Сизовым 19.01.2021 в Новороссийске (сайт: www.erbirds.ru). Кроме того, залетные гольцовые коньки были добыты 13.10.1957 и 11.10.1973 в низовьях р. Урал в Казахстане (Белялов, 2004), отмечены 01.11.2008 и 29.10.2011 в Азербайджане (Heiss, 2015), 22.11.2008 в Турции (Atahan, Atahan, 2009), в январе 2014 г. в Грузии, а также в апреле 2018 г. в Самарской и в Ульяновской обл. (Уколов, 2020).

Появление новых данных о распространении гольцового конька во многом было обязано более пристальному вниманию к наблюдениям и целенаправленному фотографированию птиц, а также пересмотру коллекционных материалов и переопределению ранее добытых коньков (Белялов, 2004).

Местообитания. Открытые каменистые, луговые и заболоченные пространства, а также поляны среди карликовых ив и березок в высокогорьях Сибири – горные тундры, гольцы, обычно выше пояса редколесий (Воробьев, 1963; Рогачева и др., 2008; и др.). На пролете встречается в открытых луговых стациях.

Численность. В горах Сибири обычен, местами многочислен. В Европейской России известны единичные, случайные встречи, что отчасти

связано, вероятно, с трудностью визуального определения этих птиц в поле.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

275. Конек горный *Anthus spinoletta* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех горных регионов Южной России от Краснодарского края до Дагестана (Белик и др., 2016), частично зимующий в предгорьях и низкогорьях Кавказа (Л. Бёме, 1925а, 1926; Р. Бёме, 1958; Моламусов, 1967; Джамирзоев и др., 2014).

Зоогеографические связи. Представитель альпийского фаунистического комплекса Гималайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Прежде рассматривался как политипический вид, широко распространенный в Евразии и Северной Америке, который сейчас разбит на 3-4 самостоятельных вида: гольцовый *A. rubescens*, западноевропейский скальный конек *A. petrosus* и обитающий в горах Южной Евразии *A. spinoletta* (Коблик и др., 2006). Последний включает 3 обособленных подвида: номинативный европейский; кавказский *A. s. coutellii* и азиатский *A. s. blakistoni* (Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится на всех хребтах Северного Кавказа, поднимающихся до высокогорий субальпийского и альпийского пояса от Краснодарского края до Дагестана. Конек регулярно гнездится на субальпийских вершинах гор Аутль и Мессо в районе плато Лагонаки, а к западу проникает до изолированных вершин Семашхо (1035 м н.у.м.) и Псеушхо (1100 м н.у.м.) на Главном Кавказском хр. восточнее Туапсе (Аверин, Насимович, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2023). Предположительно горных коньков наблюдали 24.06.1929 на луговой вершине горы Облего (747 м н.у.м.) у р. Пшада, но в 1958 г. найти их там не удалось (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962). Не обнаружены они там и позже (Белик, 2013а; Тильба, 2016, 2023; Белик и др., 2017). Возможно, за горного конька там был принят полевой конек.

Горные коньки заселяют Главный и Боковой хр., а на Скалистом хр. распространены к западу до р. Уруп в Карачаево-Черкесии (гора Бараная; Караваев, 2000). Обычны они также на субальпийских плато в известняковом Внутреннем Дагестане.

Зимует преимущественно в горах на юге Европы и Азии, а также в Северной Африке, но часть птиц остается на зиму в горах Кавказа,

обычно спускаясь в низкогорья и предгорья и кочуя по долинным лугам и пастбищам. Много птиц спускается из высокогорий в ущелья и долины рек также весной при снегопадах в горах.

Местообитания. Широко распространен в высокогорьях на низкотравных альпийских лугах вплоть до нивального пояса (Комаров и др., 2006), а также на стравленных субальпийских лугах; нередко гнездится возле высокогорных ручьев и болот, но густого высокотравья обычно избегает. Не гнездится и на сухих типчаковых субальпийских пастбищах (Белик, Насрулаев, 2019). Держится на высотах более 1700-1800 м н.у.м., местами спускается до 1500 м н.у.м. (Бёме, 1926; Тильба, 1983; Поливанов и др., 2000; Белик, 2019а). Но регистрации в аридных котловинах на высотах менее 1100-1200 м н.у.м. (Россиков, 1890; Гептнер, 1926; Хохлов и др., 2005) могут относиться только к птицам, кочующим весной после снегопадов в горах. Гнездо делают на земле среди травы или под камнями.

Численность. Обычный и многочисленный вид высокогорий Кавказа. В Европе обитает 1,6-3,2 млн., а в Европейской России – 1-2 млн. пар (Белик, 2005б; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В конце XX в. в Краснодарском крае и Карачаево-Черкесии были отмечены негативные тренды (Белик и др., 2003). Сейчас общая численность на Северном Кавказе, по экспертной оценке, составляет 0,5-1,5 млн. пар, но по данным растрового картирования, здесь гнездится 57-563 тыс. пар (Атлас …, 2020), что, несомненно, очень сильно занижено. При среднем обилии в 50-100 пар/км^2 на горных лугах Северного Кавказа (более 15 тыс. км^2; А.А. Варшавский, перс. данные) может гнездиться около 0,7-1,5 млн. пар.

По данным П.А. Тильбы (1983), на Западном Кавказе на разнотравных лугах южных склонов гор обилие в 1979-1980 гг. составляло 175-250 ос./км^2, а среди родоретов на северных склонах – 150-157 ос./км^2. А.Г. Перевозов (2010) в 2007-2009 гг. там же в разных районах в субальпике учитывал от 90 до 169, а в альпийском поясе – от 50 до 95 ос./км^2.

В субальпике на Скалистом хр. на западе Карачаево-Черкесии в 1997-1998 гг. учитывали 35-65 ос./км^2, а на востоке в 2007-2010 гг. – до 108-300 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев и др., 2014). На альпийских и субальпийских лугах Главного хр. обилие в 2007-2011 гг. составляло 58-83 ос./км^2, хотя в 1992 г. там учитывали до 132-204 ос./км^2 (Поливанов, 2000; Караваев и др., 2014). В Северной Осетии на разнотравных субальпийских лугах южных склонов было 300 пар/км^2, на северных склонах – 42-54 пары/км^2, а на границе альпийского и нивального пояса – лишь 4-8 пар/км^2 (Комаров и др., 2006).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

276. Трясогузка желтая *Motacilla flava* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов Южной России, встречающийся в горных районах Кавказа только на пролете (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Вид *M. flava* sensu str. можно вполне обоснованно относить к аллювиофильному фаунистическому комплексу Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Таксономически сложный комплекс желтых трясогузок типа ex-conspecis прежде долгое время рассматривался как один политипический палеарктический вид (Hartert, 1910; Дементьев, 1937; Дементьев, Гладков, 1954; Vaurie, 1959; Портенко, 1960; и др.). Позже он был разделен на два вида: *M. flava* и *M. feldegg* (Степанян, 2003), а сейчас рассматривается как комплекс из 4 видов: *M. flava*, *M. feldegg*, *M. tschutschensis* и *M. macronyx* (Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014). Иногда в этот вид включают и желтолобых трясогузок *M. lutea* (Dickinson, Christidis, 2014). Многие из этих форм гибридизируют с близкими симпатрическими и парапатрическими видами, образуя много промежуточных фенотипов, которым раньше нередко придавали статус подвидов (Редькин, 2001).

В последних работах к *M. flava* относят подвиды *flava*, *beema*, *leucocephala* и *zaissanensis*, распространенные в России и Казахстане, а также средиземноморских *iberiae*, *cinereocapilla* и *pygmaea* (Редькин, 2000, 2001; Dickinson, Christidis, 2014). Часто упоминаемый в литературе подвид «*thunbergi*» представляет собой, как показал Я.А. Редькин (2001), обширную гибридогенную популяцию, сформировавшуюся на севере Европы в результате скрещивания европейской сероголовой *M. f. flava* и темноголовой северосибирской *M. tschutschensis plexa*.

На юге России в бассейне Дона и в Предкавказье распространена номинативная форма *M. f. flava*, а в Северо-Западном Прикаспии, в Поволжье и далее к востоку – светлоголовая, белоухая *M. f. beema* (Редькин, 2001). Изредка среди этих птиц наблюдаются почти белоголовые особи, сходные с *leucocephala*. На Сев. Донце у границы с Луганской обл. 05.05.1910 **ст.ст.** В.Г. Аверин (1911) добыл самца, определенного как *M. f. cinereocapilla*. Кроме того, в северных районах летом изредка встречаются птицы с фенотипом *thunbergi*, отличающиеся более темной головой и отсутствием белой брови, а на юге можно найти также гибридов *M. flava* и *M. feldegg* с промежуточной окраской, которые были описаны как самостоятельная раса *dombrovskii* (Степанян, 1983).

Для Предкавказья, в том числе Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии указывали гнездование *M. f. flava*, а *M. f. beema*

отмечали здесь только на миграциях (Бёме, 1926; Радищев, 1926; Моламусов, 1967). Но Б.А. Казаков (1974, 2022) считал, что на Дону, в Приазовье и по Кумо-Манычской впадине гнездится *M. f. beema*, а в низовьях Дона и в Приазовье встречались также птицы, определенные как *M. f. dombrovskii*. На Среднем Дону в 1982 г. абсолютно преобладали типичные *M. f. flava*. Всего 1-5% составляли светлоголовые птицы типа *M. f. beema* и 5-10% – типа *M. f. dombrowskii* с буровато-серой шапочкой и тёмными, буроватыми ушами (Белик, 2005а). В Волгоградском Заволжье преобладают типичные *M. f. flava*, а форма *M. f. beema* изредка встречалась лишь восточнее – в Казахстане (Волчанецкий, 1937; Гаврилов и др., 1968; Белик и др., в печати).

Распространение. Сероголовые трясогузки гнездятся во всех равнинных регионах Южной России, отсутствуя только в предгорьях Адыгеи и Карачаево-Черкесии (Моламусов, 1967; Казаков, 1974, 2022; Белик и др., 2016). Практически нет их и на Ставрополье (Бахтадзе, Казаков, 1985; Белик, 1989в; Хохлов, 1991; Хохлов и др., 1998). Не гнездятся эти трясогузки и на лугах в низовьях рек на Черноморском побережье Кавказа (Бернацкий, 1958; Тильба, 2001 и др.; Белик, 2015а).

Зимуют желтые трясогузки в Африке и на юге Азии. Их сезонные миграции идут широким фронтом в меридиональном направлении, в том числе через перевалы Северного Кавказа (Аверин, Насимович, 1938; Перевозов, 2014; Вуккерт, Лоскот, 2022), но в горах Восточного Кавказа они встречаются сравнительно редко. Массовый пролет наблюдается на побережьях Черного и Каспийского морей (Моламусов, 1967; Тильба, 2001; Джамирзоев и др., 2014). Через равнины Южной России идут также массовые миграции птиц северных популяций. Они летят стаями, в основном ночью, поэтому их направленный пролет визуально наблюдается редко, в основном по утрам и вечерам.

Местообитания. Гнездится обычно на различных лугах. Предпочитает остепненные луга-выгоны и луговые степи, а в засушливых районах селится на пойменных лугах, по днищам широких балок, на луговинах среди песков. На высокотравных пойменных лугах-сенокосах редка (Бахтадзе, Казаков, 1985; Белик, 2005а). Охотно заселяет также поля с зерновыми культурами и люцерной. В степном Предкавказье, по нашим наблюдениям, встречается преимущественно на полях, тогда как на засоленных пойменных лугах гнездится черноголовая трясогузка. Гнезда вьёт на земле в густой траве.

Численность. Обычный или многочисленный вид, местами на злаковых лугах образующий плотные спорадичные поселения парцеллярного типа (Белик, 2002). В Европе обитает 9,6-16,0 млн. пар, включая чер-

ноголовых и желтолобых трясогузок (European birds …, 2017). В Европейской России численность желтых трясогузок составляет 3,4-5,3 млн. пар (Мищенко и др., 2017), а на юге России в конце XX – начале XXI в. их популяцию оценивали в 100-200 тыс. пар, в том числе около 190 тыс. пар было в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). При этом в бассейне Дона прослежено заметное сокращение их численности (Белик, 1999а, 2005а; Белик и др., 2003).

Корректные данные о плотности населения желтых трясогузок в разных биотопах на юге России весьма малочисленны, что связано с особенностями их поведения в гнездовой период и сложностью учетов этих подвижных птиц. На широком луговом днище степной балки близ Ростова в 1977-1980 гг. на площади 2,0-2,5 га учитывали от 16-18 до 20-23 самцов желтой трясогузки (Бахтадзе, Казаков, 1985). В полях птицы более редки, чаще встречаясь в посевах озимых зерновых (3 пары/0,7 км маршрута), реже – на яровых (5 пар/2,5 км) (Белик, 2002). На юге Воронежской обл. обилие птиц на степных залежах колебалось от 4 до 14 пар/км^2 (Венгеров, 2005).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Значительное сокращение численности может происходить в результате конкуренции с желтоголовой трясогузкой, заселившей многие местообитания желтой трясогузки в поймах рек на юге России во второй половине XX в. (Роменский, Чугай, 1998).

277. Трясогузка черноголовая *Motacilla feldegg* Michahelles, 1830

Характер пребывания. Гнездящаяся, перелетная птица всех равнинных регионов, кроме Волгоградской обл., на юге которой гнездилась в прошлом (Лорец, 1928; Белик и др., 2016). В горах Кавказа встречается на миграциях (Комаров, 2006; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Черноголовая трясогузка в ранге semispecies входит в сложный надвидовой комплекс типа ex-conspecies *M. flava* sensu lato (Степанян, 1983). Внутри этого вида выделяют 2 подвида: *M. f. feldegg*, распространенный на юге Украины, в Крыму и на Северном Кавказе, и *M. f. melanogrisea*, гнездящийся в дельте Волги, в Казахстане и Средней Азии (Степанян, 2003). По данным Б.А. Казакова (1974, 2022), находка последней формы известна в дельте Терека. Самец *M. f. melanogrisea* встречен также 17.05.2001 вместе с 2 самцами *M. f. flava* и 5 самцами *M. lutea* у г. Нариманов в низовьях Волги (Архипов и др.,

2003). В Предкавказье черноголовая трясогузка изредка гибридизирует с желтой, в результате чего появляются птицы с промежуточными фенотипами, описанные как *dombrovskii* (Степанян, 1983).

Распространение. Населяет равнинные регионы Южной России к северу до северного побережья Азовского моря, Нижнего Дона и долины р. Сал (Боровиков, 1907; Алфераки, 1910; Варшавский, 1965; Бахтадзе, Казаков, 1985; Белик, 2001а; Белик и др., 2001, 2013; Белик, Коренев, 2020). Одиночная, возможно гнездовая пара встречена 15.05.1910 **ст.ст.** на Сев. Донце у границы с Луганской обл. (Аверин, 1911). В прошлом эти птицы гнездились также у Сарепты (Волгограда) (Лорец, 1928), но сейчас на юге Волгоградской обл. лишь изредка встречаются залетные особи: одиночных самцов наблюдали 30.04.2012 и 09.05.2017 на Сарпинской низм. (Недожогина, 2017; наши данные) и 27.06.2019 в Волго-Атубинской пойме (Е.В. Гугуева, личн. сообщ.).

В Предкавказье гнездится в поймах рек Восточного Приазовья, по Кубани, Манычу, Куме, Тереку и их притокам, а также на Ставропольской возв., проникая по долинам Кубани и Баксана в предгорья до 400-450 м н.у.м. (Бахтадзе, Казаков, 1985). А у Кисловодска птицы были обычны на болоте у р. Подкумок на высоте 750 м н.у.м. (Lorenz, 1887, 2011). В XX в. эти трясогузки заселили также низменности в устьях рек на Черноморском побережье Кавказа (Кудашев, 1916; Бернацкий, 1958; Тильба, 2001; Белик, 2015а).

На Прикаспийской низм. черноголовая трясогузка гнездится в Калмыкии, а также по югу Волго-Уральского междуречья примерно на 100 км к северу от моря (Воробьев, 1936; Бахтадзе, Казаков, 1985; Реуцкий, 2015), но отдельных залетных птиц встречали в 200-400 км от Каспия возле Урды, Камыш-Самарских озер и пос. Тельново близ Уральска (Яковлев, 1872, 2015; Гаврилов и др., 1968; Белик, 2008). На юг вдоль Каспия эти трясогузки прослежены нами до Махачкалы (2002 г.).

Зимуют птицы в Африке и на юге Азии. Мигрируют они обычно вместе с желтой трясогузкой, часто в смешанных стаях. Регулярно встречаются в горных ущельях, чаще на Западном Кавказе; обычны и многочисленны на побережьях Черного и Каспийского морей (Аверин, Насимович, 1938; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015).

Местообитания. Обитает обычно на высокотравных засоленных лугах с мозаичными разнотравно-злаковыми травостоями, характерных для пойм равнинных и предгорных рек, а также по лугам в степных балках, среди влажных и заболоченных понижений рельефа на плакорах и среди песков. Спорадично встречается в лугово-степных предгорьях;

на юге Предкавказья нередко гнездится в полях, замещая на них желтую трясогузку, почти не заходящую на Ставрополье и в предгорья.

Численность. Обычна в Предкавказье и на Нижнем Дону. Для Европейской России указано 50-150 тыс. пар черноголовой трясогузки, обитающих исключительно на юге России, в том числе около 45 тыс. пар гнездилось в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б; Мищенко и др., 2017). В конце XX в. здесь местами было отмечено сокращение численности (Белик и др., 2003).

Сведения об обилии этих птиц немногочисленны. На лугах Пицунды в Абхазии Л. Плат (Plath, 1986) в июне 1985 г. учитывал по 5-6 пар/га. В смешанном поселении трясогузок на заболоченном лимане на юге Волго-Уральского междуречья 60-70 черноголовых трясогузок держалось на 4-5 га луга, а в поселении желтых трясогузок по днищу степной балки у Ростова на 2,0-2,5 га луга появлялось по 1 черноголовому самцу только в годы, отличавшиеся повышенным увлажнением (Бахтадзе, Казаков, 1985).

Охранный статус. В особой охране эти птицы не нуждаются.

278. Трясогузка желтолобая *Motacilla lutea* (S.G. Gmelin, 1774)

Характер пребывания. Гнездящаяся, перелетная птица Поволжья, распространенная в Волгоградской и Астраханской обл., найденная недавно на гнездовье также в Калмыкии, а в остальных регионах Южной России появляющаяся только на миграциях или как залетный вид (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Вид *M. lutea* sensu str., исходя из его ареалогических и экологических особенностей, можно предположительно относить к аллювиофильному фаунистическому комплексу Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Сейчас обычно рассматривается как монотипический вид (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). Ранее три сходные, но пространственно изолированные формы, обитавшие в Западной Европе (*flavissima*), в Поволжье и Западной Сибири (*lutea*) и на Дальнем Востоке (*taivana*), объединялись в один политипический вид *M. lutea* (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960). Однако их взаимоотношения между собой, а также с другими формами желтых трясогузок по-прежнему дискутируются (Редькин, Бабенко, 1999; Редькин, 2001; Dickinson, Christidis, 2014; и др.).

Распространение. Гнездится в Поволжье, Заволжье, Приуралье и Западной Сибири, а также на севере Казахстана. На юге России давно найдена на гнездовье в Волгоградской и Астраханской обл., где распространена на запад до Волги (Яковлев, 1872, 2015; Аргиропуло,

1928; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Музаев и др., 2016) и до р. Иловля (Спангенберг, 1949). По Иловле желтолобая трясогузка прослежена в 1994 и 2011 гг. от устья до с. Ольховка Волгоградской обл. (Артемьева, Муравьев, 2012), а нами несколько самцов наблюдалось 16.06.2008 на лугах в пойме у с. Петрунино Камышинского р-на и одиночный самец встречен 15.06.2008 на луговине у пруда близ с. Тетеревятка Жирновского р-на. Кроме того, несколько пар держалось 09.06.2008 на влажном лугу в долине р. Медведица выше г. Михайловка (Белик, Гугуева, 2021).

В Волго-Уральском междуречье обитает в степях к югу до границы песчаных пустынь, не проникая южнее Камыш-Самарских озер (Волчанецкий, 1937; Гаврилов и др., 1968; Белик, 2008; Амосов, 2010, 2012), но по Волге и Уралу распространена до их дельт (Дементьев, Гладков, 1954). В Волгоградском Заволжье эта трясогузка распространена спорадично и неравномерно, встречаясь отдельными поселениями на лугах у различных водоемов (Белик и др., в печати).

На Сарпинских озерах к югу от Волгограда этих трясогузок 28.05.2011 наблюдала Е.И. Ильяшенко (личн. сообщ.), а 29.04.2012 там же пара птиц встречена нами. Изолированные гнездовья иногда появляются, возможно, на правобережье Волги и в Предкавказье. Так, близ пос. Ачинеры в Черноземельском р-не Калмыкии 29.06.2011 и 20.07.2012 наблюдали взрослых самцов, кормившихся на разливах у артезианской скважины (Музаев, 2016), а на оз. Деед-Хулсун в Яшкульском р-не этих птиц 23.06.2015 встретил В.Н. Федосов (личн. сообщ.). Кроме того, 4 одиночные особи отмечены 01.06.1990 в Ставропольском крае в пойме р. Егорлык в устье р. Малый Гок (Хохлов, 1991).

Зимует в Восточной Африке и на юге Азии (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). Массовый пролет наблюдается только на западном побережье Каспия, где весной птицы часто летят в смешанных стаях с желтой трясогузкой (Бутьев и др., 1990). В остальных регионах Южной России желтолобая трясогузка отмечается как редкий залетный вид. В Ростовской обл. ее впервые 03.05.1957 добыл В.Э. Мартино в Зимовниковском р-не (Девятко, Джамирзоев, 2012). Еще одного самца Г.Б. Бахтадзе добыл 26.04.1976 у г. Азов, затем 31.08.1989 самец наблюдался нами в дельте Дона, а 23.04.1990 – в долине Маныча на юге Ремонтненского р-на (Белик, 1992а).

В Краснодарском крае эта трясогузка впервые встречена 22.04.2016 на луговине среди Имеретинской низменности в Адлере, а затем еще одна птица наблюдалась 18-19.05.2019 на газонах в низовьях р. Сочи (Тильба, Шагаров, 2016, 2017; Филиппов, 2019). В Ставропольском крае 3 птицы встречены в начале мая 1985 г. в Буденновском р-не, а

в начала мая 1987 г. птиц изредка отмечали на востоке края в пролетных стаях желтых трясогузок (Хохлов, 1991). В Кабардино-Балкарии в Приэльбрусье в верховьях р. Баксан 04.05.2013 был сфотографирован один самец, державшийся в пролетной стае желтых и черноголовых, а также желтолобых трясогузок (Журтов, 2014, 2019). Наконец, в Северной Осетии в окрестностях Владикавказа 2 птицы были добыты весной 1915 г. (Бёме, 1926) и там же 2 птицы (самец и самка) сфотографированы 09.05.2012 в стае черноголовых и желтоголовых трясогузок на берегу небольшого озера (Комаров, Шевцов, 2012).

Местообитания. Заселяет различные луга по степным лиманам, берегам озер, в поймах рек, местами селится на полях и залежах вдали от воды (Волчанецкий, Яльцев, 1934). В целом биотопы этого вида очень сходны с таковыми желтой трясогузки, с которой желтолобая нередко и гнездится совместно. В смешанных поселениях часто преобладает то один, то другой из этих видов, а иногда в поселениях с одинаковыми, казалось бы, природными условиями гнездится только один из них. На пролете кормится обычно на луговинах у воды, но в отличие от желтой трясогузки предпочитает более сухие участки (Белик, 2008).

Численность. Для Европейской России указано 20-45 тыс. пар (Мищенко и др., 2017), а на юге России численность оценивали в 3-10 тыс. пар (Белик, 2005б). В степях Волго-Уральского междуречья эти трясогузки обычны, а местами многочисленны (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1937; Гаврилов и др., 1968), но к западу от Волги становятся редкими. В дельте и пойме Нижней Волги в XIX в. этих птиц было очень много, но сейчас их численность здесь сильно снизилась (Яковлев, 1872, 2015; Аргиропуло, 1928; Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015). Но конкретных данных по их населению очень мало. На юге Саратовского Заволжья, близ границ Волгоградской обл., обилие в полях озимой пшеницы местами достигало 4,1-7,8 пар/10 га (Опарин, Опарина, 2006). В низовьях Волги у г. Нариманов в мае 2001 г. желтолобая трясогузка заметно преобладала по численности над желтой и черноголовой в соотношении 5:2:1 (Архипов и др., 2003).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Северной Осетии, но в особой охране на юге России этот вид сейчас, очевидно, не нуждается.

279. Трясогузка желтоголовая *Motacilla werae* (Buturlin, 1907)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов Южной России, местами проникающий в предгорья Северного

Кавказа (Белик и др., 2016). В горах изредка встречается на миграциях (Комаров, 2006; Караваев и др., 2015; Журтов, 2019).

Зоогеографические связи. Генезис недостаточно ясен. Происхождение западной формы *M. werae* предположительно связано с аллювиофильным фаунистическим комплексом Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Прежде рассматривалась как политипический вид, включавший 3-4 подвида (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014), но в настоящее время он разбит на 3 самостоятельные вида, в том числе резко обособленную черноспинную *M. calcarata*, обитающую в Средней и Центральной Азии, и две сероспинные: большую *M. citreola*, распространенную в Сибири и на севере Европы, и малую *M. werae*, заселяющую юг Восточной Европы и Западной Сибири (Коблик, Архипов, 2014). Последняя включает 2 подвида, в том числе номинативный, характерный для Европы.

В Южную Россию может залетать на миграциях также северная форма *M. citreola*, которая указана для Азербайджана (Patrikeev, 2004; Коблик, Архипов, 2014), однако ее достоверные регистрации на юге России неизвестны. Она отличается чуть более крупными размерами и более тёмной спиной с более широким чёрным полукольцом на зашейке у самцов; для самцов и самок этой формы характерен также интенсивный серый налет на боках тела (Редькин, 2005; Артемьев, Логинов, 2016).

Распространение. Форма *M. werae* характерна для заболоченных равнин Западной Сибири (Чернышов, 1981), откуда проникает в Приуралье и на Среднюю Волгу. В начале XX в. она начала расселяться на запад (Птушенко, Иноземцев, 1968), а с середины XX в. стала довольно быстро продвигаться также на юг, заселив сейчас почти всю южную половину Восточной Европы вплоть до Балтики, низовий Дона, долины Маныча, Прикаспия и Предкавказья (Шаповал, 1982; Семаго и др., 1984; Белик и др., 1989; Сарычев, 1989; Клестов, Гаврись, 1991; Нумеров, 1996; The EBCC Atlas …, 1997; Лыков, Гришанов, 2008; Атлас …, 2020; и др.).

К настоящему времени эта трясогузка освоила большую часть Ростовской обл., а также северо-запад Волгоградской обл. вплоть до Волгограда и долины р. Еруслан в Заволжье (Белик и др., 1989; Белик, 1999a, 2000a, 2001a, 2005a; Белик, Гугуева, 2021; Белик и др., в печати). В 1998 г. она найдена на гнездовье в дельте Волги и в предгорьях на севере Карачаево-Черкесии, в 2011 г. – у Кисловодска, а в 2016 г. – у оз. Деед-Хулсун на Прикаспийской низм. в Калмыкии (Караваев, 2002; Реуцкий, 2015; Тельпов, Юферева, 2015; Музаев, 2016). Она

гнездится, возможно, также на севере Кабардино-Балкарии (Журтов, 2019). Вероятное гнездование указано и для Восточного Приазовья (Атлас …, 2020).

Следует отметить также летние встречи этих трясогузок в конце XIX – начале XX в. в предгорьях Кавказа: К. Лоренц добыл самца 22.05.1885 **ст.ст.** на р. Подкумок у Кисловодска (Lorenz, 1887, 2011), а Е. Птушенко добыл самку 02.06.2012 на Кубани выше Черкесска (Девятко, Джамирзоев, 2012). Птица, добытая у Кисловодска, по предположению автора, могла там гнездиться, тем более что указанные сроки слишком поздние для пролета данного вида. Поэтому В.С. Сарычев (1989), возможно, был прав, предполагая появление небольших очагов гнездования желтоголовой трясогузки в Европейской России еще в XIX в. Часть из них позже могла исчезнуть, другие же стали источниками вторичного расселения этих птиц, как это иногда наблюдается и у других видов.

Зимовки желтоголовой трясогузки располагаются в Южной Азии (Dickinson, Christidis, 2014). Слабо выраженный пролет идет широким фронтом через весь юг России (Artzibascheff, 1859, 2015; Алфераки, 1910; Воробьев, 1936; Очаповский, 1965; Хохлов, 1991, 1993; Лохман и др., 2004, 2005; Реуцкий, 2015; и др.) и горы Кавказа (Бёме, 1958; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Караваев и др., 2015; Журтов, 2014, 2019). Птицы обычны на пролете на западном побережье Каспия (Бутьев и др., 1990), изредка мигранты залетают также на Черноморское побережье Кавказа (Тильба, 2007, 2017, 2022; Белик, 2015а). Они держатся обычно в пролетных стаях других «желтых» трясогузок.

Местообитания. Спорадично, нередко большими групповыми поселениями, встречается на заболоченных, кочковатых злаково-осоковых лугах на равнинах, а также в предгорьях Северного Кавказа. В поймах рек предпочитает луговые пастбища поблизости от воды с небольшими, лишёнными растительности или слабо заросшими грязевыми и илистыми участками, где птицы обычно собирают корм. Гнездо вьёт в густой траве среди кочек.

Численность. Немногочисленный, спорадичный вид, местами образующий довольно плотные локальные поселения. На Среднем Дону в озерной котловине среди Арчединских песков 04.05.1999 были учтены 22 пары на 5 км, а в плотных поселениях там было до 7 пар на 0,5 км маршрута (Белик, Гугуева, 2021). На Верхнем Дону в Липецкой обл. в отдельных поселениях гнездится до 20 пар, а на лугах с высокой пастбищной нагрузкой «колонии» насчитывали до 34 пар (Сарычев, 1989). В Воронежской обл. в пойме р. Битюг в 1960 г. гнездилось около 15-20 пар на 4 га луга (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963). По

данным П.Д. Венгерова (2005), обилие птиц на целинных пастбищах в лесостепной зоне Воронежской обл. составляло 13 пар/км^2, а на залежах – от 4 до 24 пар/км^2. В Луганской обл. в 1979-1982 гг. на 50 га заливных лугов учитывали 18-39 птиц и 5-8 гнезд, при обилии 0,12-0,78 пар/га и с расстоянием между гнездами до 10-15 м (Панченко, Лесничий, 1985).

Общая численность в Европе сейчас составляет 162-373 тыс. пар, из которых в Европейской России насчитывают 150-350 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в конце XX в. гнездилось 3-10 тыс. пар, в том числе около 1,5 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б), но в настоящее время популяция здесь, очевидно, значительно больше.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

280. Трясогузка горная *Motacilla cinerea* Tunstall, 1771

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично оседлый вид всех горных регионов Северного Кавказа, местами выселяющийся в предгорья (Жарова, Жаров, 1962; Емтыль и др., 1993; Белик, 2019а) и имеющий тенденцию к расселению на равнины по городам и поселкам в долинах рек и ручьев (Кривицкий, Баник, 2003; Белик, 2020б; Забашта, 2020; Ковылов, 2021). В северных равнинных регионах Южной России отмечались пока лишь случайные залеты (Белик и др., 2016; Белик, 2020б; Калинин, 2020).

Зоогеографические связи. Исходя из структуры гнездового ареала и его современной динамики, а также расположения основных областей зимовки, можно допускать восточнопалеарктическое происхождение *M. cinerea* sensu str., что позволяет предположительно относить ее к реофильному фаунистическому комплексу Китайского типа фауны Палеарктики, насчитывающему около 10 видов птиц (Белик, 2006).

Таксономия. Внутривидовая структура пока недостаточно устоялась. Прежде к этому виду относили формы, населяющие также Африку и Мадагаскар (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960), но сейчас они выделены в два самостоятельных, обособленных вида (Dickinson, Christidis, 2014). А материковую Евразию населяют 3 подвида: номинативный, гнездящийся в Европе и на Кавказе, *M. c. melanope*, обитающий на Урале, в Сибири и в горах Средней Азии, и *M. c. robusta*, приуроченный к Дальнему Востоку, Китаю и Гималаям (Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). Иногда последние две формы объединяют вместе (Дементьев, Гладков, 1954), а некоторые авторы не выделяют и сибирскую форму (Dickinson, Christidis, 2014).

Различия кавказских и уральских форм весьма субтильны и просматриваются в основном на серийных сборах самцов в летнем оперении (Белик, 2020б).

Распространение. Населяет Евразию от Атлантики до Тихого океана, кроме южных тропических регионов. На юге России гнездится во всех горных районах Северного Кавказа от Анапы и Новороссийска до Дагестана и от предгорий до высокогорий (Богданов, 1879; Россиков, 1884б; Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2013в; Джамирзоев и др., 2014; и мн. др.). Отдельные пары выселяются по рекам на подгорные равнины Краснодарского края (Емтыль и др., 1993), в низовья Урупа вплоть до Армавира, где птицы были встречены 13.05.1961 (Жарова, Жаров, 1962; Казаков, 2022), и в низовья Кубани до г. Славянска, где в 2014 г. найдены гнездящиеся птицы (Забашта, 2020).

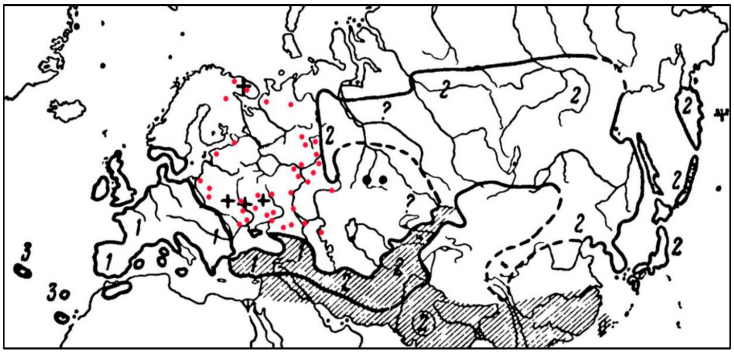

Рис. 9. Распространение горной трясогузки (по: Гладков, 1954; Белик, 2020*б*). 1 – *M. c. cinerea*; 2 – *M. c. melanope*; 3 – *M. c. schmitzi*; + – залёты. Заштрихованы области зимовок. Красные точки – находки в XX-XXI веках

Зимой большинство птиц покидает Кавказ, а часть спускается в предгорья и на подгорные равнины, где держится на незамерзающих реках и ручьях (Бёме, 1926; Комаров и др., 2006), нередко появляясь также в городах и селениях, где за счет теплых сточных вод даже в суровые зимы сохраняются открытые илистые мелководья по берегам. Судя по динамике численности в горах Кабардино-Балкарии, отлет птиц на зимовку происходит в сентябре-октябре, а весной они прилетают с февраля-марте (Бёме, 1926; Моламусов, 1967). Залетные птицы в осенне-зимний период изредка, случайно встречаются вдали от гор в различных районах степного Предкавказья, а также в Придонье и Нижнем Поволжье вплоть до Ростова, Донецка, Луганска, Волгограда и

Элисты (Ветров и др., 1991; Тараненко и др., 1998; Кривицкий, Баник, 2003; Белик, 2020б; Калинин, 2020).

Местообитания. Широко распространена в горах, поднимаясь на Северном Кавказе до 2500 м н.у.м. (Бёме, 1926; Караваев и др., 2015; Белик, Аккиев, 2023), вдоль рек спускается в предгорья и местами гнездится в городах (Бёме, 1926). Обитает по каменистым горным рекам и ручьям преимущественно в лесном поясе, предпочитая узкие, лесистые речки с небольшими галечниками и скалами по берегам. Гнездится обычно в нишах обрывов и скал, иногда на постройках, а кормится у воды вдоль рек, у озер или луж на дорогах, иногда улетая довольно далеко от гнездовий. При тревоге птицы нередко прячутся в кронах деревьев.

Численность. В горах Северного Кавказа довольно обычна. В Европе обитает 0,7-2,0 млн. пар, а в Европейской России – 30-55 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России относительно стабильная популяция оценивается в 10-25 тыс. пар (Белик и др., 2003; Белик, 2005б).

По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке предполагается гнездование 2-3 тыс. пар, а в Кавказском заповеднике – 1-2 тыс. пар, но для Тебердинского заповедника указывают всего 300-400 пар, для Кабардино-Балкарского заповедника – 100-250 пар, а для Северо-Осетинского заповедника – 100-150 пар (Джамирзоев и др., 2014, 2017; Караваев и др., 2015). По нашим данным, в горах Кабардино-Балкарии на р. Черек-Безенгийский в 2018 г. были учтены 4 пары на 4 км, а в узких лесистых ущельях боковых притоков Черека держится до 2 пар на 1 км маршрута (Белик, Аккиев, 2023). В бассейне р. Урух на западе Северной Осетии учитывали от 0,8 до 2,6 пар/км^2 (Комаров, 2013), а восточнее обилие птиц в горах достигало 6,0-25,6 пар/км^2, или 2-12 пар на реку в зависимости от ее длины (Комаров и др., 2006).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

281. Трясогузка белая *Motacilla alba* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, частично остающийся на зимовку в южных районах Предкавказья, на Черноморском побережье Кавказа и в Дагестане (Джамирзоев, 2000; Комаров, Липкович, 2000; Белик и др., 2016; Тильба, 2017, 2022; и др.).

Зоогеографические связи. Широко распространенный палеарктический вид, фауногенетический статус которого недостаточно ясен. Просматривается его определенная связь с реофильным фаунистическим комплексом Китайского типа фауны (Белик, 2006). Первоначально эта трясогузка расселилась на запад, по-видимому, по южным горам

Евразии, а затем вторично начала осваивать с востока и запада северные равнинные территории.

Таксономия. Внутривидовая структура весьма сложная и до сих пор активно дискутируется в печати (Pavlova et al., 2005). Прежде к этому виду относили до 14-15 подвидов, населяющих Евразию и Африку (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960). Позже формы, распространенные в Африке и Индии, были выделены в два отдельных вида, а затем статус самостоятельных видов получили маргинальные формы, населяющие Японию (*M. grandis*) и Камчатку (*M. lugens*), а также среднеазиатская маскированная трясогузка *M. personata* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006), хотя последние две формы некоторые систематики по-прежнему считают лишь подвидами *M. alba* (Pavlova et al., 2005; Dickinson, Christidis, 2014).

Для Южной России обычно указывают номинативную форму *M. a. alba*, населяющую Европу к востоку до Урала и к югу до низовий Дона и Крыма, а также *M. a. dukhunensis*, распространенную на Кавказе и в Западной Сибири и отличающуюся небольшими белыми «зеркальцами» на крыльях (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003). Некоторые исследователи сводят последнюю форму в синонимы *M. a. alba* (Pavlova et al., 2005; Dickinson, Christidis, 2014), иногда же ее ареал ограничивают лишь Зауральем, а для Кавказа указывают *M. a. alba* (Коблик и др., 2006). При этом отмечается определенная генетическая обособленность кавказских птиц при их фенотипическом сходстве с номинативной формой (Pavlova et al., 2005). Поэтому таксономический статус кавказских популяций требует дополнительного анализа (Белик, 2017а).

Распространение. Населяет Евразию от Атлантики до Тихого океана, кроме южных тропических регионов. На юге России гнездится во всех регионах, как на равнинах, так и в горах, проникая по речным ущельям вплоть до субальпики. Кружево ареала очень мозаично, поскольку трясогузка тесно связана с водоемами, а на равнинах – также с населенными пунктами, где часто находит условия для гнездования в различных постройках, представляющих для нее аналоги скальных обнажений. В безводных аридных районах, а также в обширных лесных массивах она практически отсутствует.

Зимует в Африке и на юге Евразии, в том числе в Закавказье и отчасти в Предкавказье. Птицы северных популяций массово летят на зимовку через Южную Россию. Их миграции идут широким фронтом обычно в меридиональном направлении, в том числе через горы Кавказа. Птицы часто перемещаются стайками по утрам и вечерам и, вероятно, также ночью.

Местообитания. Широко распространена на равнинах, в предгорьях и горах, поднимаясь на Центральном Кавказе вверх до 2350 м н.у.м. (Белик, Аккиев, 2023). Обитает обычно по берегам рек в естественных и антропогенных ландшафтах, особенно часто гнездится в посёлках, сёлах и на фермах в речных долинах, где содержат домашний скот, реже встречается в городах, а также у луж на дорогах и др. Гнездо делает обычно в нишах строений или береговых обрывов, иногда – в дуплах на деревьях или на земле в траве.

Численность. На юге России довольно обычна. В Европе обитает 16,9-27,6 млн., а в Европейской России – 7,6-12,6 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность относительно стабильна и оценивается в 30-100 тыс. пар, в том числе около 11 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик и др., 2003; Белик, 2000а, 2005б). По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке предполагается гнездование 800-1000 пар, но в Кавказском заповеднике – всего 50-100 пар, в Тебердинском – 200-300 пар, в Северо-Осетинском – 100-250 пар, а в Кабардино-Балкарском – 25-50 пар (Джамирзоев и др., 2017). По нашим же данным, в Кабардино-Балкарском заповеднике численность птиц в Безенгийском ущелье составляет до 2-3 пар/км маршрута и в ущелье Черека-Балкарского – до 2 пар/км (Белик, Аккиев, 2023), а по данным Р.Х. Пшегусова, белая трясогузка указана там как один из доминирующих видов, гнездящийся местами с обилием до 11 ос./км^2 (Джамирзоев и др., 2014), что не согласуется с приведенной выше оценкой.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

Семейство **Сорокопутовые** Laniidae

282. Жулан обыкновенный *Lanius collurio* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, в последнее время изредка остающийся на зимовку на низменностях Черноморского побережья Кавказа (Белик и др., 2016; Тильба, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Прежде рассматривался как большой политипический вид, включавший до 10-13 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960). Сейчас признают 3-4 монотипических и политипических вида (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006), в том числе европейский *L. collurio*, сибирско-китайский рыжехвостый *L. cristatus*, буланый монгольский *L. isabellinus* и монотипический, но весьма изменчивый

среднеазиатский *L. phoenicuroides* (Коблик и др., 2006; Панов, 2008; Dickinson, Christidis, 2014). Обыкновенного жулана сейчас тоже иногда рассматривают как монотипический вид (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014), но некоторые авторы признают у этого жулана до 2-4 подвидов, распространенных в Европе, в Крыму, на Кавказе и в Западной Сибири (Портенко, 1960; Коблик и др., 2006; Панов, 2008).

Изучение сборов из Европейской части России, Украины, Крыма и Кавказа в Ростовском и Харьковском университетах (около 200 экз. самцов) показало, что птицы, населяющие предгорную полосу Северного Кавказа и характеризующиеся узким темным чепраком на спине, неотличимы от крымских и должны носить имя *L. c. tauricus*. Птицы с широким тусклым чепраком, соответствующие первоописанию *L. c. kobylini* (Бутурлин, 1906; Buturlin, 1906), начинают встречаться в Восточном Предкавказье (Дагестан) и населяют, вероятно, также сухое Восточное Закавказье. А степное Предкавказье представляет зону интерградации *L. c. tauricus* и *L. c. collurio*, но здесь преобладают особи, в общем соответствующие последнему – со светлым, ярким и широким чепраком (Казаков, Белик, 1986; Белик, 2009).

Распространение. Гнездится по всему югу России, как в равнинных регионах, так и в горах вплоть до верхней границы леса. Лишь в полупустынях Калмыкии и Заволжья встречается редко, спорадично, а в засушливые годы там отсутствует вовсе (Белик, 2009; Белик и др., в печати). Очень редок жулан также в пойме Нижней Волги и в ее дельте, лежащих в пустынной зоне (Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; наши данные).

Зимует в Африке, но сезонные миграции идут по ночам и визуально не прослеживаются. Весной птицы появляются обычно сразу в гнездовых местообитаниях, а осенью незаметно исчезают в августе-сентябре, но в начале сентября нередко встречаются у высокогорных перевалов через Водораздельный хребет (Вуккерт, Лоскот, 2022). Одиночных птиц изредка наблюдали также зимой на Черноморском побережье в Сочи 04.12.2020, с 15.11. по 12.12.2021 и 15.11.2022 (Тильба, 2022; Тильба, Филиппов, 2022) и в Предкавказье 04.01.1954; 28.01.1957; 02.01.1960 (Моламусов, 1967).

Местообитания. Обычен по опушкам различных типов лесов, в кустарниках и по лесополосам в степной зоне; широко распространен также в лесостепных предгорьях и на лесных полянах в горах Кавказа, поднимаясь вверх до субальпийских лугов до 2000 м н.у.м. (Моламусов, 1967; наши данные). Рыхлое гнездо из сухой травы делает на кустах или небольших деревцах.

Численность. Обычный, местами немногочисленный вид, подверженный значительным флуктуациям популяций. В Европе обитает 7,4-14,3 млн., а в Европейской России – 2,5-5,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в конце XX - начале XXI в. численность оценивали в 0,5-1,0 млн. пар, в том числе в Ростовской обл. – более 90 тыс., а в Ставропольском крае – около 50 тыс. пар.

На Ставрополье жулан явно преобладает в западных, более влажных районах, где учитывали в среднем 0,72 пар/км лесополосы, а на востоке отмечали 0,06 пар/км, причем в засушливые годы жуланы там исчезали вовсе (Белик, 2000а, 2005б; Федосов и др., 2012; Барышникова, 2013). Это же наблюдали и в полупустынях Заволжья (Динесман, 1955; Линдеман, 1971; Быков и др., 2009). Но в долине р. Еруслан на границе с Саратовской обл. к концу XX в., в связи с увлажнением климата, обилие птиц значительно увеличилось, составив 38,5 ос./км^2 в кустарниках и 12,4 ос./км^2 в песчаной степи (Завьялов и др., 2009).

Выраженная депрессия численности была отмечена в 1970-е годы в степном Предкавказье после ряда сильных летних засух (Белик, 2009), а в начале XXI в. на юге России, особенно в степных районах бассейна Дона, вновь отмечено значительное сокращение численности (Белик и др., 2003). На Ставропольской возв. обилие с 1970-х до 2000-х годов снизилось в среднем с 3,0 до 0,3 пар/км^2 (Костенко, 2012). В кустарниках по степным балкам на Нижнем Дону в 1997 г. учитывали около 4 пар/10 га, в 1999 г. – до 9 пар/10 га, а в 2001 г. – 2,3 пары/10 га; изредка жулан встречается здесь по окраинам хуторов, где местами гнездилось до 4 пар/10 га (Белик и др., 2001).

На приморских низменностях Черноморского побережья Кавказа численность жулана достигает 126,7 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). В Карачаево-Черкесии на лугах в долинах горных рек в мае-июле учитывали от 13-14 до 38-42 ос./км^2 (Караваев и др., 2014). В аридных котловинах в горах Северной Осетии обилие жулана в зарослях облепихи у рек составляет в среднем 16,7-47,6 пар/км^2, а в можжевеловых зарослях на склонах – 14,7-23,1 пар/км^2 (Комаров и др., 2006). Но в горной лесостепи Кабардино-Балкарии численность птиц не превышает 5-7 ос./км^2 (Афонин, 1985; Джамирзоев и др., 2014).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

283. Сорокопут маскированный *Lanius nubicus* M.H.C. Lichtenstein, 1823

Характер пребывания. Редкий залетный вид Краснодарского края, трижды отмеченный на Таманском полуострове и на Имеретинской низм. в Адлере (Белик и др., 2016; Муртазин, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Населяет Восточное Средиземноморье от Балкан до Сирии и Ирана, откуда, возможно, проникает на гнездовье в Туркмению (Дементьев, Гладков, 1954; Чунихин, 1968; Степанян, 2003). Залет самца зарегистрирован 08.05.2004 на о. Змеиный в Черном море в Одесской обл. (Корзюков, Кивганов, 2004), затем дважды 30.05.2007 и 27.06.2009 залетные птицы встречены в Армении (Adamian, Moffatt, 2009; Нессинг, 2009), однажды 05.05.2009 отмечены в Нахичевани (Султанов, Мамедов, 2009) и трижды – на Северном Кавказе.

Впервые в России самку маскированного сорокопута добыли 30.05.1998 на Бугазской косе в окрестностях стан. Благовещенской Анапского р-на на Тамани, но первоначально ее приняли за красноголового сорокопута (Лохман и др., 2005). Еще одного взрослого самца наблюдали 18.05.2015 в Адлере на Имеретинской низм. (Борель, Шагаров, 2015; Шагаров, Борель, 2015), а 11.05.2022 там же вновь сфотографирована одиночная залетная птица (Муртазин, 2022).

Зимуют эти сорокопуты в Африке. Поэтому большинство встреченных птиц, судя по указанным датам, попали за пределы гнездового ареала на весеннем пролете, но в Армении наблюдали также пару птиц, державшихся летом в 35-40 м друг от друга (Нессинг, 2009).

Местообитания. Гнездится в различных типах низкогорных и среднегорных лиственных и хвойных лесов средиземноморского типа, предпочитая небольшие разреженные рощи на сухих травянистых склонах (Панов, 2008).

Численность. В Европе обитает 36,3-105,0 тыс. пар, в том числе 30-90 тыс. пар гнездится в Турции и 0-15 пар в Армении. Вид отмечен также в Азербайджане. В Болгарии наблюдается увеличение численности, но в Турции она снижается (European birds …, 2017). В местах гнездования птицы распространены неравномерно, локальными скоплениями (Панов, 2008).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

284. Сорокопут красноголовый *Lanius senator* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Дагестана и залетный в Краснодарском крае, Центральном Предкавказье и Поволжье (Букреев, Джамирзоев, 2013; Белик и др., 2016; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 3 подвида, в том числе номинативный *L. s. senator*, гнездящийся в Европе, и *L. s. niloticus*, распространенный в Иране, Закавказье и Дагестане (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На Украине, а также в Крыму, отмечали особей с фенотипами *L. s. senator* и птиц с промежуточными признаками, которые могли залетать туда из Малой Азии, где проходит зона интерградации европейского и иранского подвидов (Тайкова, 2016). Европейские *L. s. senator* залетают, очевидно, и на Западный Кавказ, о чем свидетельствуют некоторые фотоснимки птиц, встреченных в 2019-2021 гг. на Черноморском побережье Кавказа (Филиппов, 2019; сайт: www.erbirds.ru). А в Поволжье залетают из Дагестана белохвостые *L. s. niloticus* (Беляченко и др., 2018).

Рис. 10. Красноголовый сорокпут: 11.05.2019, г. Сочи, В.Л. Филиппов; 05.05.2017, оз. Боткуль, А.В. Беляченко.
Рисунки рулевых перьев *L. s. senator* и *L. s. niloticus* (по: Тайкова, 2016)

Распространение. Приурочен к Древнему Средиземью от Пиренеев и Малой Африки до Ирана и Закавказья, откуда во второй половине XX в. через Дербентские ворота птицы проникли в Дагестан. Впервые о встречах красноголового сорокопута в Дагестане в тезисной форма упоминал И.Б. Волчанецкий (1973), но среди его обширных экспедиционных сборов, привезенных в 1963-1965 гг. из горного Дагестана и хранящихся сейчас в Харькове, этот вид отсутствует (Девятко, Джамирзоев, 2012), что свидетельствует, вероятно, о редкости этих птиц в тот период. Подтверждают это и редкие встречи красноголового сорокопута на пролете в устье р. Самур, где в течение 1980-1989 гг. были отмечены всего 2 птицы, наблюдавшиеся 15-18.05.1989 (Бутьев и др., 1990). Редок этот сорокопут оставался в Дагестане и в 1990-е годы (Вилков, 1999; Джамирзоев и др., 2000).

Сейчас красноголовый сорокопут довольно широко заселяет аридные

предгорья и подгорные равнины Дагестана от Самура до правобережья Сулака, очень редко спускаясь на прилежащие низменности (Волчанецкий, 1973; Джамирзоев и др., 2000; Букреев, Джамирзоев, 2004, 2013; Джамирзоев, Букреев, 2009, 2020; наши данные).

В конце XIX в. этот сорокопут начал заселять также юг Украины, где 16.05.1896 близ Одессы было найдено гнездо со свежей кладкой (Шугуров, 1903). В апреле 1952 г. он был впервые встречен в Крыму (Дементьев, Гладков, 1954; Аверин, Вшивков, 1955), а в конце 1990-х годов в восточной части Южного берега Крыма отмечены первые случаи его гнездования (Костин, 2000; Гащак, 2002; Бескаравайный, 2012). Одновременно на юге Украины и в Крыму наблюдалось значительное увеличение частоты залетов, происходящих обычно в ходе весенних миграций в конце апреля - мае (Корзюков, 1982; Смогоржевский, 1994; Попенко, Кинда, 2001; Кинда и др., 2003; и др.). Залеты сорокопутов отмечали во многих регионах Украины, а у Луганска эту птицу встретили 07.05.1985 (Ветров и др., 1991; Попенко, Кинда, 2001).

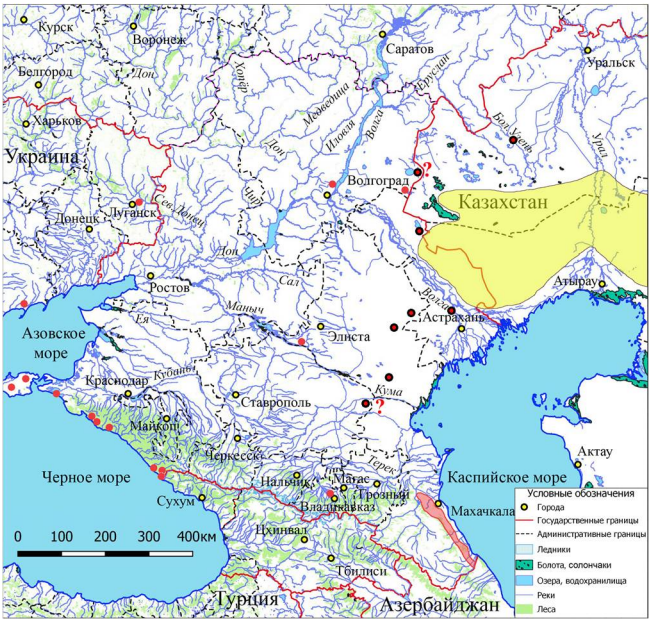

Рис. 11. Гнездовые ареалы красноголового и пустынного сорокопутов на юге России и в Западном Казахстане.
Красноголовый сорокопут: красная заливка – гнездовой ареал; красные пуансоны – залеты;
Пустынный сорокопут: желтая заливка – гнездовой ареал; черно-красные пуансоны – изолированные гнездовые и летние находки

С весенней дисперсией связаны, очевидно, и недавние залеты красноголовых сорокопутов на юг России. Впервые 2 птиц наблюдали 07-10.05.1991 на Бугазской косе на Тамани, а 01.06.1998 там была добыта 1 птица (Лохман и др., 2005). Одиночную птицу встретили 20.05.2016 близ устья р. Мзымта в Адлере (Шагаров, 2016), а среди кустарников в предгорьях у Адлера сорокопута еще раз отметили 31.07.2016 (Пекло и др., 2019). Кроме того, этих птиц наблюдали 11-13.05.2019 и 14.05.2022 в низовьях р. Сочи (Филиппов, 2019, 2022).

Еще ряд встреч красноголового сорокопута зарегистрировали 22.04.2020, 10.05.2020, 25-26.04.2021, 17.04.2022 и 25.04.2022 бёрдвотчеры А. Сизов, В. Бутко и А. Голубева на Черноморском побережье в окрестностях Геленджика, Дивноморска и Архипо-Осиповки (сайт: www.erbirds.ru), где не исключено появление его гнездовий. Еще один сорокопут встречен 17.05.2016 в Северной Осетии в окрестностях Владикавказа (Шевцов, 2016; Комаров, Шевцов, 2021), куда могут залетать птицы из Дагестана. Залетная птица встречена 12.05.2022 близ с. Приютное в Калмыкии (Лушков, 2022).

Одиночная самка сфотографирована также 08.05.2015 в Дубовском р-не близ Волгограда (Недожогина и др., 2016), а самец, определенный как *L. s. niloticus*, наблюдался 05-08.05.2017 у оз. Боткуль в Волгоградском Заволжье (Беляченко и др., 2018). Следует указать еще одну малоизвестную встречу этого сорокопута в апреле 1917 г. в г. Хвалынске на севере Саратовской обл. (Козловский 1949), не упомянутую в недавнем детальном обзоре Д.М. Очагова (2017).

Зимуют эти сорокопуты в Африке. Сезонные миграции идут по ночам и визуально не прослеживаются (Корзюков, 1982).

Местообитания. Характерен для специфичных ландшафтов Средиземноморья: разреженных кустарниковых зарослей типа маккии или гарриги на сухих, каменистых склонах невысоких гор (Панов, 2008). В Дагестане обитает в сухих предгорьях и низкогорьях среди колючих ксерофильных кустарников держидерева, тамарикса, можжевельника и др. В садах и прочих антропогенных ландшафтах не гнездится (Букреев, Джамирзоев, 2013). Гнездо из сухой травы делает обычно на кустах.

Численность. В Европе обитает 1,9-3,1 млн. пар (European birds …, 2017), а в Дагестане и в Европейской России в целом экспертная оценка численности в 1990-е годы составляла до 20 пар, в начале XXI в. – 20-50 пар, через 10 лет – 200-500 пар, а сейчас – 1200-1500 пар (Джамирзоев и др., 2000; Мищенко и др., 2004, 2017; Атлас …, 2020; Джамирзоев, Букреев, 2020). По нашей оценке, численность на юге России первоначально составляла 100-500 пар, позже – 200-500 пар, а сейчас может достигать, очевидно, более 500-700 пар (Белик, 2005б, 2014). Увеличение

численности в Дагестане связано как с реальным ростом популяции, так и с расширением фаунистических исследований в регионе (Белик и др., 2003; Джамирзоев, Букреев, 2020). Популяция постепенно увеличивается также и в ходе расселения птиц на север.

В Дагестане на бархане Сарыкум в предгорьях и на соседнем хр. Нарат-Тюбе в 2003 г. были найдены 3 гнездовые пары, а их обилие на сухом хребте составляло 1,5 пар/км^2, но численность птиц там сильно колеблется по годам (Букреев, Джамирзоев, 2013).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Дагестана (5 категория). Особая охрана целесообразна, по-видимому, лишь на региональном уровне (Белик, 2014).

– Сорокопут длиннохвостый *Lanius schach* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Был ошибочно включен в фауну Кабардино-Балкарии, что позже отметил сам автор (Моламусов, 1955, 1967, с.7). Исключен из фауны Южной России решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии (Белик и др., 2006; Коблик и др., 2006, с.205). За этот вид, по неопытности исследователя, был принят, очевидно, серый сорокопут, встреченный в январе 1954 г. в предгорьях Кавказа (Моламусов, 1955).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса, краем ареала проникающий в Среднюю Азию.

Таксономия. Включает 9-13 подвидов, из которых лишь *L. s. erythronotus* гнездится в Средней Азии (Степанян, 2003).

Распространение. Обитает в Юго-Восточной Азии, Китае и Индостане, откуда проникает в Среднюю Азию, расселяясь на северо-запад по культурным ландшафтам (Дементьев, Гладков, 1954).

Местообитания. Тесно связан с культурным ландшафтом в предгорьях и по долинам рек в зоне орошения, где гнездится на деревьях в садах, скверах, лесополосах, насаждениях вдоль арыков и др.

Численность. В Средней Азии в подходящих местообитаниях весьма обычен (Дементьев, Гладков, 1954). Многочислен в оазисах, где местами значительно превосходит по численности чернолобого сорокопута (Ковшарь, 2019).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

285. Сорокопут чернолобый *Lanius minor* (J.F. Gmelin, 1788)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России (Белик и др., 2016). В горах изредка появляется на миграциях, а сведения о зимовке на юге России (Поливанов и

др., 2000) ошибочны. Указания на гнездование в горах связаны, по-видимому, с встречами пролетных птиц (Аверин, Насимович, 1938; Караваев и др., 2015; и др.).

Зоогеографические связи. Типичный представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в лесостепи и пустынно-степном поясе Евразии к востоку до Западной Сибири и Казахстана. На юге России широко распространен на степных и полупустынных равнинах вплоть до предгорий Кавказа. В прошлом гнездование указывали также для приморских низменностей Черноморского побережья Кавказа (Лауниц, 1912; Сатунин и др., 1913; Пузанов, 1938, 1949; Стаховський, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 2017; и др.), но достоверные сведения о находках гнезд там отсутствуют (Белик, 2013в, 2015а; Белик и др., 2017).

Зимует в Африке. Сезонные миграции идут обычно по ночам и визуально прослеживаются редко. Сорокопуты исчезают незаметно и появляются сразу в местах гнездования, а на отдых часто останавливаются в различных промежуточных районах. Однако местами наблюдаются направленные дневные перемещения птиц. Так, однажды их интенсивный пролет отмечен возле Геленджика на Черноморском побережье Кавказа, где в августе сорокопуты летели на юго-восток по узкой полосе перелесков вдоль моря (Очаповский, 2017).

Весенний пролёт этих сорокопутов на Черноморском побережье идёт с начала апреля по конец мая (Кобылин, 1908; Тильба, 2001, 2006, 2017, 2022), а обратные миграции начинаются уже в конце июля - начале августа. Но холостые птицы появлялись в Колхиде иногда даже в конце июня, встречаясь там до начала сентября (Кобылин, 1908). В горах Дагестана вероятно пролетных птиц встречали еще в начале июня 2022 г. (Рупасов и др., 2022б). Летом пролетные молодые птицы на миграционных остановках нередко держатся группами, возможно выводками, и могут быть приняты за гнездовых птиц (Белик, 2013в, 2015а; Белик и др., 2017).

Местообитания. Обитает по лесополосам, среди редколесий и на одиночных деревьях, а также в садах, деревенских скверах и парках в степной и полупустынной зонах, спорадично встречается в лесостепных предгорьях Кавказа. Гнездится обычно в кронах деревьев сравнительно высоко над землей (Рашкевич, 1956). Охотно селится рядом с гнездами хищных птиц, защищающих гнездовые участки:

кобчиком, обыкновенной пустельгой, курганником, орлом-могильником, но избегает жилых гнезд сороки (Музаев, Дорджиев, 1999; Сухолозов, 2012; Барышникова, Маловичко, 2013; Белик и др., в печати). На отдельных старых деревьях среди степи на Ставрополье нередко гнездится «колониями» до 10-11 пар вместе (Федосов и др., 2012). Плотные полуколонии до 10-16 пар нередко формируются также возле гнезд курганника, кобчиков и пустельг в садах и лесополосах Волгоградского Заволжья (Сухолозов, 2011, 2012; Белик и др., в печати).

Численность. В Европе обитает 331-896 тыс., а в Европейской России – 150-400 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Во второй половине XX в. численность птиц в степной зоне резко увеличилась в связи с быстрым заселением появившихся в середине XX в. многочисленных лесополос и других искусственных насаждений (Белик, 2009). В конце XX - начале XXI в. популяцию на юге России оценивали в 150-400 тыс., в том числе по 70 тыс. пар гнездилось в Ростовской обл. и на Ставрополье (Белик, 2000а, 2005б; Федосов и др., 2012). Но в начале XXI в. во многих регионах, особенно в предгорьях Кавказа и в бассейне Дона, отмечено сильное сокращение численности птиц (Белик и др., 2003; Белик, 2019а), и сейчас вся популяция этого сорокопута на юге России не превышает, очевидно, 100-300 тыс. пар.

В искусственных лесах степного Придонья в конце XX в. гнездилось в среднем 1,0-3,5, местами до 7,0 пар/км^2 (Белик, 2000а). В лесополосах Ставрополья гнездящиеся пары встречаются через 1-2 км, но местами на 100 м лесополосы гнездится до 3-5 пар, а в небольших рощах иногда отмечают до 10 пар/га (Хохлов, Константинов, 1991). В засушливых районах Ставропольского края гнездится в среднем 0,79 пар/км, а в районах с умеренным увлажнением – 0,47 пар/км длины лесополосы (Федосов и др., 2012; Барышникова, 2013).

Охранный статус. Включен в Красные книги Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, но занесение этого вида в региональные красные списки недостаточно обосновано (Белик, 2014). В остальных регионах Южной России его особая охрана сейчас не предусмотрена.

286. Сорокопут серый *Lanius excubitor* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. В гнездовой ареал одного из выделявшегося ранее подвидов (*L. ex. homeyeri*) прежде включали равнинные регионы Южной России, кроме Заволжья, но сейчас достоверные сведения о гнездовании серых сорокопутов на юге России практически отсутствуют. К тому же ставятся под сомнение и их прежние находки в летний период, которые частично могли быть связаны с ошибками в

определении птиц, в частности пустынных или молодых чернолобых сорокопутов (Казаков, 1974, 2022; Белик и др., 2009; и др.).

Зоогеографические связи. Серого сорокопута *L. excubitor* sensu str., связанного генезисом с Западной Палеарктикой и первоначально приуроченного к опушечным экотонам лесостепной зоны (Тайкова, Редькин, 2014), сейчас можно предположительно отнести к лесостепному фаунистическому комплексу Европейского типа фауны.

Таксономия. Надвидовой комплекс крупных сорокопутов *L. excubitor* sensu lato представляет весьма неоднородную в филогенетическом отношении группу, которую прежде рассматривали в составе единого политипического вида, затем разбили на 2 вида (*L. excubitor* и пустынный *L. meridionalis*), а сейчас рассматривают как комплекс из 3-6 видов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Панов, 2008; Коблик, Архипов, 2014; Тайкова, Редькин, 2014; Dickinson, Christidis, 2014).

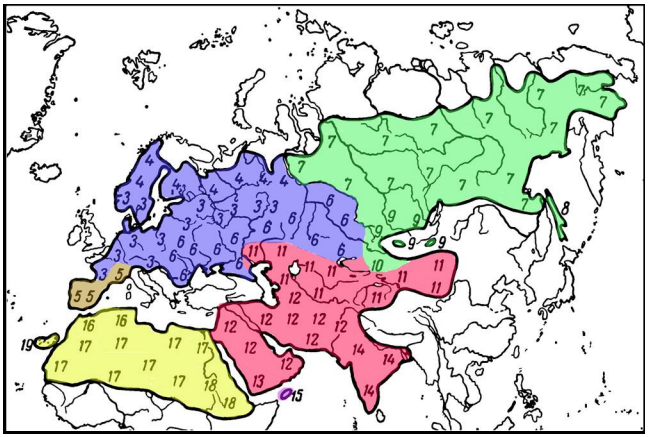

Рис. 12. Ареал *Lanius excubitor* sensu lato в Евразии (номера подвидов по: Дементьев, Гладков, 1954).

Современное распространение видов: Европа – *L. excubitor* sensu str. (сиреневая заливка); Сибирь (и Северная Америка) – *L. borealis* (зеленая заливка); Пиренеи – *L. meridionalis* (коричневая заливка); Африка – *L. elegans* (желтая заливка); Аравия - Индия – *L. lahtora* (красная заливка); о. Сокотра – *L. uncinatus* (розовая заливка)

Собственно серый сорокопут, в его современном понимании, включает два подвида: весьма полиморфный номинативный *L. ex. excubitor*, распространенный в Европе к востоку до Западной Сибири, и мономорфный лесостепной *L. ex. leucopterus*, гнездящийся на юге Сибири и севере Казахстана. Последний зимует в основном в Казахстане и

Средней Азии, практически не проникая западнее долины р. Урал. А в пределах *L. ex. excubitor* ранее выделяли несколько форм, в том числе более темных птиц, с одним зеркальцем на крыле, которых обычно называли *L. melanopterus*, затем наиболее светлых, с двумя относительно крупными зеркальцами, которых описали как *L. homeyeri*, а многочисленных особей с промежуточными типами окраски часто рассматривали как номинативную форму *L. ex. excubitor*. Появление же этих полиморфных популяций в Европе сейчас объясняют гибридизацией лесостепного белокрылого сорокопута с лесотундровым северным сорокопутом *L. borealis*, которая происходила в ходе расселения южного вида на север по мере хозяйственного освоения лесной зоны человеком (Тайкова, Редькин, 2014).

Распространение. Гнездится в Европе и Западной Сибири. Для юга России в прошлом неоднократно указывали встречи этих птиц в разных районах в гнездовой период, но фактические доказательства их гнездования здесь тогда, по-видимому, отсутствовали. Летом 1871 г. их встречали среди степных кустарников в Предкавказье между Моздоком и Ставрополем и далее по пути к Краснодару, а также в кустарниках за Кубанью (Богданов, 1879, 1881). Летом 1888 г. много этих сорокопутов оказалось на правом берегу Кубани близ Краснодара (Россиков, 1890). Сообщалось также об их гнездовании в степях Кабардино-Балкарии в низовьях р. Малка (Россиков, 1884а).

По сведениям М. Богданова (1881), с Волги, вероятно из Сарепты, были получены яйца и серия шкурок сорокопутов, послуживших в 1873 г. материалом для описания *L. homeyeri*, но сохранившиеся в Берлинском музее 4 тушки были добыты в Поволжье в марте-апреле 1869-1872 гг. или даты их добычи остались неизвестными (Я.А. Редькин, личн. сообщ.). Сообщалось также, что у Сарепты серый сорокопут был довольно обычен на гнездовье, но в то же время в фаунистическом списке там отсутствует похожий чернолобый сорокопут (Möschler, 1853). Поэтому гнездование серого сорокопута в Нижнем Поволжье остается не доказанным.

Тем не менее, перечисленные сведения послужили основой для включения Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в гнездовой ареал *L. ex. homeyeri* (Мензбир, 1895; Дементьев, Гладков, 1954; и др.), хотя многие другие исследователи серого сорокопута в Предкавказье и Нижнем Поволжье тогда на гнездовье не находили (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Хлебников, 1890; Браунер, 1907; Сатунин, 1907; Алфераки, 1910; Бёме, 1925, 1926; Гептнер, 1926; Радищев, 1926; Лорец, 1928; Кистяковский, 1932; Воробьев, 1936; Белик и др., 2013; и др.).

Во второй половине XX в. тоже неоднократно появлялись сообщения о летних находках серого сорокопута на юге России (Петров, Миноранский, 1962; Кукиш, 1982; Чернобай, Никитина, 1990; Вилков, 1999; Найданов, Найданов, 2002; Чернобай, 2004; и др.), но они основаны в основном на визуальных наблюдениях птиц и могли быть связаны с ошибками в определении пустынных или молодых чернолобых сорокопутов (Казаков, 1974, 2022; Белик, 2009; Белик и др., 2009; Белик и др., в печати). Находка гнезда серого сорокопута описана лишь однажды в Иловлинском р-не Волгоградской обл., где на мокром болоте с высокими деревьями в пойме Дона у стан. Качалинской 05-14.06.1970 наблюдали строительство гнезда в кусте чернотала. В гнезде, осмотренном Е.И. Врублевским 14 июня, оказалось 5 яиц, которые самка насиживала с 1-го яйца (Белик и др., 2022а).

Ближайшие районы современного гнездования серого сорокопута известны в Бобровском, Павловском и Воробьевском р-нах Воронежской обл. (Соколов, 2018а, 2018б). В Саратовской обл. несколько раз отмечали выводки слётков, а взрослых птиц неоднократно встречали в гнездовой период в разных районах, в том числе на р. Еруслан у границы с Волгоградской обл. (Завьялов и др., 2009). Гнездовые находки этого сорокопута возможны также и на севере Волгоградской и Ростовской обл.

На зимовке серый сорокопут регулярно встречается в равнинных районах по всей Южной России, изредка залетает в горы Кавказа, а также на Черноморское и Каспийское побережье (Аверин, Насимович, 1938; Бутьев и др., 1990; Джамирзоев и др., 2014, 2017; Тильба, 2001, 2006, 2017, 2022; Белик, 2015а; Рупасов и др., 2021; и др.). На юге появляется обычно в октябре, а на север улетает в апреле. В степном Придонье мы отмечали этих птиц, начиная с 14.10.1981 и 14.10.1982, а последних сорокопутов наблюдали 11.04.1970, но обычно они исчезают здесь в марте (Белик, 1992а). В последнее время серых сорокопутов регистрировали здесь с 16.09.2019 и 24.09.2017 до 14.04.2021 (Забашта, 2022). В общем в эти же сроки серых сорокопутов встречали в Предкавказье (Л. Бёме, 1926; Аверин, Насимович, 1938; Р. Бёме, 1958; Моламусов, 1967; Хохлов, 1993; Комаров, Липкович, 2000; Очаповский, 2017; Федосов и др., 2022; и др.) и в Поволжье (Воробьев, 1936; Белик и др., в печати). В Волгоградской обл., по нашим наблюдениям, птицы задерживаются иногда до конца апреля.

Местообитания. Гнездится обычно на деревьях по опушкам лесов или среди редколесий на лугах и пастбищах в поймах рек, на вырубках и лесных гарях, а также на верховых болотах в тайге. На зимовках держится в степях, полях и лугах по опушкам лесов, в редколесьях, среди кустарников и т.п.

Численность. В Европе сейчас обитает 68-176 тыс., а в Европейской России – 10-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Во второй половине XX в. во многих регионах Европейской России наблюдалось снижение численности птиц, но в конце прошлого века популяции здесь начали восстанавливаться; отмечено также расселение этого сорокопута на юг.

Сейчас в Южной России это немногочисленный зимующий вид пустынно-степного пояса, прилетающий сюда из лесной зоны. Его численность здесь относительно стабильна или постепенно увеличивается. На Ставрополье среднее обилие птиц зимой составляет 0,4 ос./км^2, в степях Северной Осетии – 0,5-1,0 ос./км^2 , а среди облепишников в аридной котловине в горах – 3,3 ос./км^2 (Воронкова, Равкин, 1974; Комаров, 2003а; Маловичко и др., 2011). В Волгоградской обл. зимой 2007/08 г. обилие птиц в степных ландшафтах, по данным наших автомаршрутных учетов, составляло примерно 10 особей/100 км^2.

По данным А.В. Забашты (2022), в дельте Дона обилие зимующих птиц составляет в среднем 3-5 ос./100 км^2, а в равнинной части Адыгеи – 5-6 ос./100 км^2, но в агроландшафтах на севере Предкавказья и в степном Придонье оно не превышает 1-2 ос./100 км^2. Лишь в местах с высокой численностью мелких млекопитающих локальное обилие серого сорокопута зимой может достигать 1-2 ос./3-5 км^2.

Охранный статус. В Красной книге РФ (2001) под охраной находился номинативный подвид *L. e. excubitor* (3 категория), но в настоящее время он выведен из числа особо охраняемых таксонов в связи с восстановлением численности. Во многих региональных Красных книгах Южной России этот вид по-прежнему указан под 3 категорией редкости. Численность его популяций регулируется в основном, вероятно, естественными факторами, прежде всего на севере в пределах гнездового ареала. На зимовке в степной зоне он не испытывает особого негативного воздействия, но возможно, что в середине XX в. здесь сказалось ухудшение кормовой базы из-за резкой депрессии популяций степных мышевидных грызунов – степной пеструшки, общественной полевки, серого хомячка и др., которые зимой служат основной добычей сорокопута. Причины исчезновения гнездовий на юге России, где птицы обитали, возможно, до середины XX в. (Дементьев, Гладков, 1954), остались неизвестны.

287. Сорокопут северный *Lanius borealis* Vieillot, 1808

Характер пребывания. Редкий зимующий или залетный вид, отмечавшийся на юге России, по-видимому, только в Астраханской обл. (Воробьев, 1936).

Зоогеографические связи. Голарктический вид, распространенный в таежной зоне Евразии и Северной Америки. Метрополия группы крупных серых сорокопутов *L. excubitor* sensu lato, к которой относится данный вид, расположена в Евразии, поэтому можно предполагать его палеарктическое происхождение, связанное с зоной лесотундры и верховыми таежными болотами Сибири (Тайкова, Редькин, 2014). С этих позиций можно провизорно отнести его сейчас к северотаежному фаунистическому комплексу Сибирского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Северный сорокопут, выделенный в последнее время из большого надвидового комплекса *L. excubitor* sensu lato, включает один североамериканский подвид *L. b. borealis* и 4 азиатских, в том числе *L. b. sibiricus*, распространенный на большей части таежной Сибири (Тайкова, Редькин, 2014). Сорокопуты с севера Сибири первоначально были описаны под именем *Lanius major* Pallas, 1811, но оно оказалось преоккупировано, и сейчас этих птиц, по правилу приоритета, называют *L. borealis sibiricus* Bogdanov, 1881. Однако в прежней литературе для сибирских птиц нередко использовалось первое имя.

Распространение. Гнездится в таежной зоне Сибири и зимует обычно в Средней Азии, Монголии и Маньчжурии (Дементьев, Гладков, 1954), а в Восточной Европе встречается редко. В коллекциях Москвы, Санкт-Петербурга и Киева хранится всего 18 экз., собранных между 13.10. и 22.04. в основном в средней полосе России, и лишь 1 птица добыта 07.11.1935 в Крыму (Тайкова, Редькин, 2014). По данным К.А. Воробьева (1936), из 10 сорокопутов, добытых на зимовке в дельте Волги, 6 отнесены к *L. ex. homeyeri*, три – к *L. ex. excubitor*, один – к *L. ex. major* (=*L. b. sibiricus*). Кроме того, об этом сорокопуте из Сарепты (Волгограда) упоминал М.Н. Богданов (1881), а В.А. Хлебников (1890, 1930) приводил его для Астраханской обл. Однако сложная внутривидовая синонимика не позволяет сейчас, без изучения коллекционных материалов, однозначно принимать все эти сведения.

Местообитания. Гнездится в основном в лесотундре, преимущественно по тальниковым зарослям в речных долинах, а также в кустарниковом поясе у верхней границы леса в горах. Характерен также для окраин обширных болот, заболоченных редколесий и лесных гарей (Дементьев, Гладков, 1954; Кищинский, 1980; Рогачева и др., 2008).

Численность. Птицы на гнездовье в Сибири распространены спорадично и относительно редки (Воробьев, 1963; Рогачева и др., 2008).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

288. Сорокопут пустынный *Lanius lahtora* (Sykes, 1832)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Калмыкии, Астраханской и, вероятно, Волгоградской обл. (Воробьев, 1936; Линдеман и др., 2005; Музаев, Эрдненов, 2010, 2015; Русанов, 2011; Белик и др., 2016; Белик и др., в печати; и др.). Для Дагестана приведен в качестве зимующего вида без указания конкретных данных (Джамирзоев, Букреев, 2009).

Зоогеографические связи. Представитель песчано-пустынного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Пустынный сорокопут, выделенный из надвидового комплекса *L. excubitor* sensu lato, первоначально включал ряд североафриканских форм, а также пиренейский подвид *L. m. meridionalis*, сейчас рассматриваемый как самостоятельный вид. По имени последнего этот сорокопут получил тогда общее видовое название. Позже и этот комплекс пустынных сорокопутов был разбит на 3 вида, в том числе *L. lahtora*, включающий 4 подвида, распространенные в Индии, Аравии, Передней и Средней Азии (Панов, 2008; Тайкова, Редькин, 2014). Среднеазиатская форма *L. l. pallidirostris* проникает также в песчаные пустыни Нижнего Поволжья (рис.12).

Распространение. Пустынный сорокопут *L. lahtora* обитает в аридных регионах от Средиземного моря и Аравийского полуострова до Индии, Монголии и пустынь на западе Китая. К северо-западу он распространен до Казахстана, Астраханской обл. и Калмыкии, вероятно гнездится на юго-востоке Волгоградской обл., возможно проникает и в Дагестан (рис.11).

Имеются указания о находках пустынного сорокопута также в Крыму и в Северном Приазовье (Витер и др., 2015), хотя его гнездование в этих районах требует более достоверных подтверждений. Тем не менее, пустынного сорокопута *L. meridionalis* еще в XIX в. отмечал в Крыму И.А. Крыницкий, сообщавший, что он довольно обычен в кустарниках на южном берегу и у г. Судак, но подтвердить определение встреченных там птиц не удалось из-за отсутствия в коллекциях добытых экземпляров (Kaleniczenko, 1839; Богданов, 1881).

На юге России пустынного сорокопута в 1928-1931 гг. впервые нашел К.А. Воробьев (1936). Птицы оказались довольно обычны в песках Заволжья в Астраханской обл., где неоднократно отмечали их выводки и гнезда с кладками. Затем выяснилось, что пустынный сорокопут широко заселяет пустыни на юге Волго-Уральского междуречья, где гнездится обычно в кустарниках среди песков, а отдельные пары из-

редка проникают из песчаных пустынь на север в глинистые полупустыни вплоть до пос. Фурманово на р. Большой Узень (Гаврилов и др., 1968; Корелов, 1970; Arkhipov, 2006; Белик, 2008; Ильюх и др., 2010; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; и др.).

Возможно этот же сорокопут размножается и в Волгоградском Заволжье, где 2 гнезда с кладками найдены в июне 1971 г. и 08.06.2003 на небольших деревцах в лесополосах у пос. Эльтон, а пролетная или кочующая птица встречена 13.08.2000 в заброшенном пос. Булухта (Линдеман и др., 2005). Выводок несамостоятельных слётков наблюдали также 23.05.2001 на горе Большое Богдо у оз. Баскунчак на севере Астраханской обл. Там же пара и одиночная птица встречены 25.05.2003 и 11.08.2005 (Амосов, 2010, 2012). Позже пустынный сорокопут был найден в песках на правобережье Волги (Русанов, 2011) и среди песчаных массивов на востоке Калмыкии в Юстинском, Яшкульском и Черноземельском р-нах (Пекло, 2008; Музаев, Эрдненов, 2010, 2015; Музаев, 2013).

На зимовку эти сорокопуты улетают на Ближний Восток и в Северо-Восточную Африку (Дементьев, Гладков, 1954). По наблюдениям в Казахстане, весной они прилетают рано и незаметно, а осенью отлёт начинается в августе, но в основном идет в сентябре-октябре, хотя изредка птицы встречаются там и зимой (Корелов, 1970). В дельте Волги пролетная птица была добыта 21.04.1931 (Воробьев, 1936). В Дагестане в дельте р. Самур, по-видимому, пустынных сорокопутов наблюдали на пролете 13-23.08. и 30.08.-03.09.1988 и с 25.08.1989 (Бутьев и др., 1990). Однажды 17.07.1987 два сорокопута, державшиеся вместе, встречены у с. Бакрес на востоке Ставрополья (Хохлов, Константинов, 1991), а 22.08.2009 серый (пустынный-?) сорокопут отмечен в Изобильненском р-не Ставропольского края (Маловичко и др., 2011).

Местообитания. Этот сорокопут характерен для песчаных пустынь Заволжья и Калмыкии, где гнездится обычно в кустарниках, а также на небольших деревьях. Изредка проникает в глинистые полупустыни, где имеются искусственные древесные насаждения. Гнездится, как правило, одиночными парами.

Численность. Популяцию на юге России первоначально оценивали в 1-5 тыс. пар (Белик, 2005б), но позже численность птиц здесь была уточнена и снижена до 500-1500 пар (Белик, 2014; Мищенко и др., 2017). В Калмыкии на самой границе ареала гнездится, по экспертной оценке, 30-50 пар (Музаев, 2013). В Астраханской обл. на левобережье Волги обилие птиц в апреле 2000 г. составляло 2,13 ос./км^2, а в мае – 1,74 ос./км^2 на левобережье и 0,44 ос./км^2 на правобережье Волги

в Наримановском р-не (Русанов, 2011). В Калмыкии в песках Юстинского р-на обилие в 2012 г. составляло 0,25 пар/км^2, а в 2013 г. – 0,19 пар/км^2 (Музаев, Эрдненов, 2015). Динамика численности в настоящее время неизвестна.

Охранный статус. Включен в Красную книгу Калмыкии (3 категория) как редкий, уязвимый краеареальный вид. Его особая уязвимость связана с гнездованием на кустах, уничтожаемых на пастбищах, а также из-за демутации, зарастания песков в результате увлажнения климата и сокращения пастбищной нагрузки в последние десятилетия (Белик, 2014).

Семейство **Иволговые** Oriolidae

289. Иволга обыкновенная *Oriolus oriolus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2013а).

Таксономия. Ранее к этому виду относили 2 подвида: европейский *O. o. oriolus* и среднеазиатский *O. o. kundoo* (Степанян, 2003; Коблик, Архипов, 2014; и др.), но сейчас последняя форма по целому комплексу признаков выделяется в самостоятельный вид (Dickinson, Christidis, 2014; Редькин и др., 2015, с.122-124).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Западной Сибири. Обособленная среднеазиатская форма *O.* (*oriolus*) *kundoo* обитает в Средней и Центральной Азии, а зимует в Индостане. На юге России иволга распространена повсеместно в равнинных и предгорных регионах, проникает также в различные насаждения в полупустынях Калмыкии и Заволжья, а по Волге спускается вниз до ее дельты (Русанов, 2011; Реуцкий, 2015). На Северном Кавказе лишь местами заходит в низкогорья по долинам рек (Бёме, 1926; Комаров, Липкович, 2000: Белик, 2019а), но регулярно встречается на приморских низменностях и в предгорьях на Черноморском побережье Кавказа, а в аридных районах Дагестана по пойменным лесам и садам проникает далеко в глубь среднегорий (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Бёме, 1933).

На зимовку иволги улетают в Африку, но миграции идут по ночам и визуально не прослеживаются. Осенью одиночные птицы встречаются у высокогорных перевалов через Водораздельный хребет (Вуккерт, Лоскот, 2022). Весной птицы прилетают сразу в места гнездования и начинают петь, а улетают они обычно незаметно в течение августа-сентября.

Местообитания. Обитает в самых различных лесонасаждениях, нередко в садах, парках и полезащитных лесополосах, предпочитая мозаичные пойменные леса на равнинах. Широко распространена также в лесах предгорий, а по долинам рек местами проникает в низкогорья, в том числе на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2006, 2017, 2022; Белик, 2013в, 2015а; Белик и др., 2017). В среднегорьях найдена лишь в садах и пойменных лесах по речным ущельям Дагестана, где прослежена вверх до 1400-1800 м н.у.м. (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Белик, Насрулаев, 2019), но на лесистые горные склоны иволга практически нигде не заходит. Гнездо, сплетенное из растительных волокон, подвешивает в виде гамачка к развилкам тонких ветвей обычно высоко в кронах деревьев, но иногда и на кустах.

Численность. В Европе обитает 4,4-8,0 млн., а в Европейской России – 1,0-2,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России довольно обычный и многочисленный вид с относительно стабильной или увеличивающейся численностью (Белик и др., 2003). Популяцию здесь в конце XX - начале XXI в. оценивали в 150-300 тыс., в том числе в Ростовской обл. гнездилось около 60 тыс., а на Ставрополье – 35 тыс. пар (Хохлов, 1993; Белик, 2000а, 2005б). Значительное увеличение общей численности произошло здесь во второй половине XX в. в результате заселения многочисленных лесополос и других степных насаждений; рост численности продолжается и сейчас в связи с мезофилизацией лесонасаждений.

В степном Придонье обилие птиц в байрачных лесах составляет в среднем 6,9, в пойменных – 9,4, в аренных – 6,4, а в искусственных степных лесах оно увеличивалось по мере их взросления и мезофилизации в конце XX в. с 1,2 до 4,8 и 9,0 пар/км^2 (Белик, 2000а). При этом в Предкавказье отмечена тенденция к уменьшению численности птиц с севера на юг. Так, в Донском лесхозе на Донецком кряже их обилие равнялось 11 пар/км^2, в Манычском и Сальском лесах гнездилось 4-8 пар/км^2, а в Челбасском лесничестве в Западном Предкавказье, где были наиболее оптимальные для иволги условия обитания, учтена всего 1 пара/км^2. В молодом Ворошиловском лесничестве в Орловском р-не в Заманычье держались 3 пары/км^2, а в Крыловском лесничестве в Краснодарском крае – лишь 1-2 пары/км^2 (Белик, 2009).

В пойменных лесах Среднего Дона в 2008 г. мы учитывали 5-16 пар/км^2, а на Нижнем Дону гнездится 15-25 пар/км^2, причем с 1977 по 1994 г. численность птиц здесь увеличилась местами с 2,5 до 12,5 пар/км^2 (Белик, 1999а; Белик и др., 2001; Белик, Гугуева, 2021). В лесах на Ставропольской возв. было 3,0-3,3 пар/км^2 (Костенко, 2012). В пойменных лесах по Кубани и в низовьях р. Уруп учитывали 3-4 ос./км^2 (Тильба,

Мнацеканов, 1989), а у Черкесска – 7 ос./км^2 (Караваев, Хубиев, 2013). В лесополосах на Осетинской наклонной равнине гнездилось 4-11 пар/км^2, в байрачных лесах – 4 пары/км^2, а в сельских садах и парках – 10-13 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Карачаево-Черкесии (3 категория). В остальных регионах Южной России в особой охране сейчас не нуждается.

Семейство **Скворцовые** Sturnidae

290. Скворец обыкновенный *Sturnus vulgaris* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Вид весьма сложный в таксономическом плане, включающий по мнению разных авторов от 11 до 19 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014; и др.). Сложность диагностики подвидов связана с радужной, иризирующей окраской оперения, заложенной в основу их определения, которая при разных углах зрения и освещения может выглядеть и восприниматься исследователями по-разному (Казаков, 2000). Для Южной России обычно указывают 3-4 подвида.

В упрощенном виде распространение отдельных форм выглядит следующим образом. В Европе к югу до Нижнего Дона, севера Ставропольского края и дельты Волги гнездится номинативный подвид *S. v. vulgaris*; от Ставрополя до Каспия обитает *caucasicus*, а Западное Предкавказье населяет *purpurascens* (Дементьев, Гладков, 1954). Примерно эти же границы ареалов указывал и Л.А. Портенко (1960), но для Крыма и северного Приазовья вплоть до Таганрога он приводил еще и *tauricus*. Однако Л.С. Степанян (2003) считал, что последняя форма распространена также и в Западном Предкавказье, а ареал *purpurascens* ограничен Западным Закавказьем к северу до района Сочи.

Б.А. Казаков (2000), на большом материале изучавший изменчивость скворцов по всему ареалу, пришел к выводу, что форма *purpurascens* являет, по сути, результатом скрещивания разных подвидов, в частности *tauricus* и *caucasicus*. Для Грузии и Западного Предкавказья он приводил *tauricus*, который на юге России распространен к северу до Донбасса и северных районов Ростовской обл., а *caucasicus* обитает в

Центральном и Восточном Предкавказье, встречаясь к северу до Маныча, г. Волгодонска, Калмыкии и низовий Волги. Последняя ревизия кавказских скворцов тоже показала, что в Центральном и Восточном Предкавказье и в Дагестане обитает *caucasicus*, который на Терско-Кумской низм. интерградирует с *vulgaris* (Джамирзоев и др., 2017а).

На миграциях и зимовке в Поволжье и Предкавказье встречаются также сибирские скворцы *S. v. poltaratskyi*, хорошо отличающиеся по очень светлой окраске подкрылий (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Казаков, 1979).

Распространение. Гнездится в западной половине Евразии к востоку до Байкала, Средней Азии и Ирана. На юге России населяет все равнинные и предгорные регионы, а по окультуренным долинам крупных рек проникает в горы Северного Кавказа, гнездясь в селениях по аридной Северо-Юрской депрессии, а местами заходя и в среднегорья (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Моламусов, 1962; Петров и др., 1992; Белик, 2019а, 2020а; и др.). Но в горах Дагестана скворцы практически не гнездятся (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Волчанецкий, 1973; Джамирзоев и др., 2017а).

Черноморское побережье Кавказа скворцы заселили сравнительно недавно вслед за освоением прибрежных районов человеком. В первой половине XX в. они проникали с запада до Геленджика, в середине XX в. были найдены в пос. Джубга, а в 1970-е годы появились в Адлере (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2013в; Тильба, 2016; Белик и др., 2017). В начале XX в. скворцы начали заселять также Колхиду (Кобылин, 1908), а в 1969 и 1985 гг. были найдены в Абхазии у г. Гудаута, а затем в низовьях р. Бзыбь (Белик, 2015а).

В последние десятилетия, в связи с общим сокращением численности скворцов, они исчезли в горных долинах Кавказа, в частности в селениях Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Комаров, Липкович, 2000; Караваев и др., 2013; Белик, Аккиев, 2023), а также во многих предгорных районах Северного Кавказа (Белик, 2019а).

Зимуют скворцы в Средиземноморье, а также в Передней Азии, но в середине XX в. их массовые зимовки начали формироваться на Украине и юге России (Левицкий, 1963; Харченко, 1970; Казаков, 1979; Петров и др., 1990, 1992; Грищенко, Серебряков, 1993). В осенне-зимний период они кормятся обычно в естественных местообитаниях, ночуют, как правило, в зарослях тростника на реках и прудах, но при установлении плотного снежного покрова или сильных морозов быстро улетают на юг.

Однако в 1960-е годы в Ростове сформировалась многочисленная оседлая

популяция скворцов, которые гнездились в городе и окрестных поселках, зимой, как и в Мелитополе (Левицкий, 1963), кормились на мясокомбинате, а на ночевку собирались многотысячными стаями на деревьях и карнизах домов в центре города, создавая антисанитарные, дискомфортные условия для горожан. Поэтому здесь долгое время велась борьба с этими птицами (Казаков, 1979).

В конце 1970-х годов оседлая популяция в Ростове быстро и практически полностью исчезла, что было связано, по-видимому, с целенаправленным уничтожением скворцов противоэпидемическими службами города (Белик, 2000а, с.137). Подтверждением локального воздействия на ростовскую популяцию служит тот факт, что в последующем еще дважды (февраль 1982 и февраль 1984 гг.) в Ростове в суровые зимы вновь появлялись крупные ночёвочные скопления скворцов, однако в обоих случаях это были, несомненно, иммигранты, уцелевшие где-то в более северных городах и вытесненные оттуда морозами и снегопадами на юг. Местная же гнездовая популяция в городе Ростове до сих пор так и не восстановилась (Белик, 2000а).

Местообитания. Гнездится обычно по опушкам различных типов лесов, в редколесьях, по оврагам и береговым обрывам рек и озер, в сёлах и городах. Широко распространен также в степных и лесостепных предгорьях Кавказа, местами проникает в низкогорья и среднегорья. В глубь лесных массивов не заходит. Гнездится в дуплах деревьев, в скворечниках, в нишах различных строений, по обрывам в норах, вырытых другими птицами, иногда в нишах среди прутьев в гнездах крупных птиц (Белик, 1979; Петров и др., 1992; Линдеман и др., 2005, с.134) и даже в скалах (Хохлов, Тельпов, 1984). Для кормежки скворцам необходимы открытые степные или луговые стации.

В лесистых горах Западного Кавказа скворец гнездился до высоты 1050 м н.у.м. (Петров и др., 1992); в селениях по долинам рек Белая и Лаба он отмечался до 400 м (Казаков, 2000), на Большом Зеленчуке в Карачаево-Черкесии – до 1000 м (Караваев, 2000), в Теберде – до 1300 м (Köhler, 1973; Белик, 2020а), у Кисловодска – до 1100 м (Хохлов, Тельпов, 1984), по Баксану – до с. Верхний Баксан на высоте 1500 м (Моламусов, 1962), по Тереку – до 1000-1200 м (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958).

Численность. На юге России обычный или немногочисленный вид. В Европе обитает 28,8-52,4 млн., а в Европейской России – 2,5-5,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Южно-российскую популяцию оценивали в 300-800 тыс., в том числе в Ростовской обл. – около 160 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005б). На Ставрополье после сезона размножения численность скворцов достигала 1,5 млн.

особей (Хохлов, 1993). Но в конце XX в. на юге России почти повсеместно было отмечено резкое сокращение их численности, которая не восстановилась до сих пор (Белик и др., 2003).

В степном Придонье в конце XX в. в байрачных лесах гнездилось в среднем 37,5, а в пойменных – 9,0, местами же обилие птиц достигало 40-150 пар/км^2; в искусственных же степных лесах было не более 8 пар/км^2 (Белик, 2000а). В пос. Гигант в Сальском р-не Ростовской обл. держалось 13,6 ос./км^2 (Ермакова, 1969). В широколиственных лесах на Ставропольской возв. учитывали 0,1-3,0 пары/км^2 (Лиховид, 1977), а в Левокумском р-не Ставропольского края в обрывах насчитали 28 пар на 4 км канала (Петров и др., 1992). В дельте Волги в 1986 г. в луговом поясе гнездилось 2,42 пар/10 га ивовых лесов, а в тростниковом поясе – 3,32 пар/10 га (Реуцкий, 2015). В пойменных лесах Северной Осетии обилие скворцов составляет 12,1-22,3 пар/км^2, в селениях же на подгорных равнинах гнездится 18,4-112,9 пар/км^2, а на Терско-Кумской низм. – до 100,0 пар/км^2 (Комаров, 2007в).

Охранный статус. В особой охране сейчас не нуждается. Широкомасштабное сокращение численности скворцов было связано, возможно, с активной борьбой с ними как вредителями виноградников, а также на местах массовых зимовок в крупных городах.

291. Скворец розовый *Sturnus roseus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных регионов Южной России, кроме Краснодарского края, где этих птиц отмечали только на миграциях (Очаповский, 1967, 2017; Лохман и др., 2005, 2006; Белик и др., 2009). Сейчас для Таманского полуострова указано достоверное гнездование (Атлас …, 2020), однако конкретные сведения оттуда нам неизвестны. В горных регионах Северного Кавказа розовый скворец считается пролетным или залетным видом (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Типичный представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Характерен для безлесных аридных предгорий и сухих горных районов от Балкан до Казахстана и Ирана, но вслед за человеком смог частично заселить также равнинные степные ландшафты на юге Украины, России, Приуралья и Западной Сибири.

В Европейской России в XIX - начале XX в. розовый скворец изредка, эпизодически проникал на гнездовье из Предкавказья и Казахстана к северу до Харьковской, Воронежской, Саратовской и Оренбургской

обл., а в ходе кочевок порой достигал Брестской, Брянской и Рязанской обл., Татарстана и Башкирии (см.: Бажанов, 1927, 2007; Дементьев, Гладков, 1954; Белик, 1993). В первой половине XX в., после уничтожения гнездилищ азиатской саранчи в плавнях южных рек и распашки сбитых степей, численность розового скворца резко сократилась, и во второй половине XX в. на юге России лишь изредка отмечали его инвазии. Иногда они сопровождались появлением временных колоний, наблюдавшихся в 1956-1958 гг., по данным Е.И. Врублевского, вплоть до хуторов у Хопра в Алексеевском р-не на северо-западе Волгоградской обл., куда птицы залетали, вероятно, из Закавказья или Крыма (Белик, 1993; Белик и др., 2022а).

Кроме того, розовые скворцы могли проникать в Заволжье с юго-востока, из Казахстана, где их спорадичные гнездовья встречаются к северу до Среднего Урала. Колонии этих скворцов отмечались в Волго-Уральском междуречье, а также на юго-востоке Саратовской обл.; не исключены их залеты и в Волгоградскую обл. (Гаврилов и др., 1968; Гаврилов, 1974; Завьялов и др., 2000, 2009; Белик и др., в печати).

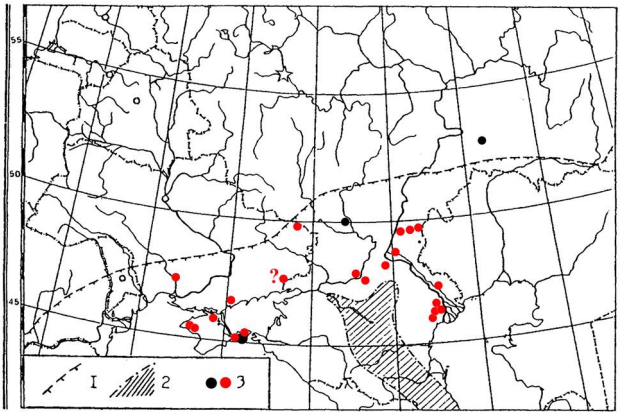

Рис. 13. Гнездовой ареал розового скворца:
1 – северная граница в первой половине XX в. (Дементьев, Гладков, 1954);
2 – границы экспансии в 1980-е годы (Белик, 1993);
3 – прежние места гнездования в Крыму, на Хопре и у Бузулука и находки колоний в XXI в. по литературным и оригинальным данным

На Ставрополье во второй половине XX в. много птиц появлялось в середине 50-х, 60-х, 70-х и 80-х годов; в 1968 и 1974 гг. скворцы гнездились в степях на севере Чечни, а в начале 60-х, в середине 70-х и 80-х годов их инвазии были отмечены также на юге Ростовской обл. Причем эти нашествия часто совпадали с периодами исчезновения

большой колонии розовых скворцов на горе Опук на Керченском полуострове в Крыму, что позволяет предполагать связь крымской и предкавказской популяций (Белик, 1993). Резкий подъем численности и широкое расселение скворцов в Приманычье, на востоке Ставрополья и на Ергенях в Калмыкии началось в середине 1980-х годов, а затем продолжилось в 1990-е годы, когда на юге России появились многочисленные залежи и заброшенные пастбища, и возобновились нашествия различных видов массовых саранчовых.

Сейчас скворцы широко распространены на равнинах и в предгорьях Дагестана, в Калмыкии и в смежных районах Ставропольского края, Ростовской и Астраханской обл. В 2009 и 2012 гг. нами найдены 2 колонии в Котельниковском и Светлоярском р-нах на юге Волгоградской обл., а в 2009 г. колония была впервые обнаружена также в Волгоградском Заволжье в с. Катричев Быковского р-на. Позже еще несколько гнездовий появилось там в Палласовском р-не (Белик и др., 2017), а в 2022 г. колония из 200-300 пар обнаружена на птицефабрике близ пос. Средняя Ахтуба (Е.В. Гугуева, личн. сообщ.).

Зимуют розовые скворцы в Индии и Передней Азии. Весной на юге России они появляются в апреле, а в мае наблюдают их широкие кочевки, когда стаи до 10-100 и более особей, пролетающих днем в разных направлениях, отмечают во многих районах, в том числе на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2006). На Ставрополье эти скворцы летят обычно на запад, а на юге Ростовской обл. и в Заволжье – на восток (Хохлов, Харченко, 1992; Белик, 1993; Белик и др., 2017). В это время они изредка залетают и в горы Кавказа (Бёме, 1933; Наниев, 1967; Мнацеканов, 1998; Прихня, Дзуев, 2000; Перевозов, 2014; Белик, 2020а; Белик, Аккиев, 2023). Летом взрослые птицы исчезают в гнездовых районах вскоре после вылета молодняка, а последний кочует большими стаями обычно до июля-августа. Осенние миграции этих птиц визуально не прослежены.

Местообитания. Спорадично гнездится в степной и полупустынной зонах, где сохранились значительные массивы целинных пастбищ; при этом птицы периодически меняют места гнездования в зависимости от обилия основного корма – стадных саранчовых в окрестных степях, переселяясь в районы с их высоким обилием. При быстром сокращении их численности скворцы могут бросать свои гнездовья даже с птенцами (Степанов, 1987).

На Восточном Кавказе гнездовья эпизодически появляются также в сухих предгорьях. Селятся эти скворцы обычно большими, шумными колониями в сёлах, на фермах, в каменных карьерах и т.п. Гнезда делают в нишах различных построек, под крышами, в кучах камней и

других материалов, в щелях скал, иногда в норах по обрывам. Кормятся в прилежащих степях массовыми саранчовыми, а летом регулярно кочуют по сельским садам, где поедают плоды черешни, вишни, тутовника и др. В гнездовой период нуждаются в близких водопоях (Степанов, 1987).

Численность. Довольно обычный, но спорадично гнездящийся вид равнинных районов Восточного Предкавказья, степного Придонья и Нижнего Поволжья, где птицы ведут номадный образ жизни. Популяции розового скворца периодически флуктуируют в связи с состоянием кормовой базы. В середине XX в. на юге России он практически полностью исчез, но в 1980-е годы началось восстановление его ареала и численности и расселение на север и запад из Восточного Закавказья через Дагестан и Калмыкию. Рост численности птиц был отмечен в конце XX - начале XXI в. во многих районах Южной России (Белик, 1993; Белик и др., 2003; Федосов, Маловичко, 2006; Белик и др., 2017; и др.).

В Европе обитает 61,3-230,0 тыс. пар (European birds …, 2017). На юге России численность в начале XXI в. оценивали в 15-50 тыс., а сейчас – в 180 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014; Мищенко и др., 2017; Атлас …, 2020), в том числе в Ростовской обл. гнездилось около 14 тыс., а на Ставрополье в разные годы от 1 до 10 тыс. пар (Хохлов, Харченко, 1992; Белик, 2000а; Хохлов, Ильюх, 2013). Но в последнее время в Кумо-Манычской впадине отмечено значительное увеличение численности птиц с 30-40 тыс. до 80-100 тыс. пар (Федосов, Маловичко, 2006; Маловичко, 2020).

Однако приведенные оценки, как и общая численность розовых скворцов в Европейской России, представляются нам не совсем корректными. По данным указанных авторов, в 2015-2019 гг. в Приманычье было найдено 26 колоний, в которых гнездилось около 80-100 тыс. пар розовых скворцов. При этом лишь одна крупная колония в Калмыкии, устроенная в каменном карьере на площади 5 га, насчитывала более 3 тыс. пар (Маловичко, 2020). Обычно же размеры колоний в Ставропольском крае составляют в среднем от 300-400 до 500-600 пар (Хохлов, Харченко, 1992; Кошлякова и др., 2003), а в Ростовской обл. – 600-700 пар (Белик, 1993), и поэтому в 26 колониях в Приманычье вряд ли могло гнездиться более 15-20 тыс. пар.

Всего в Европейской России указан 1 квадрат размером 50×50 км с численностью 10-100 тыс. пар розовых скворцов, 27 квадратов по 1-10 тыс. пар, 24 квадрата по 100-1000 пар и 30 квадратов по 10-100 пар (Атлас …, 2020), что позволяет рассчитать по ранее апробированному алгоритму (Белик, 1995б, 2000) их примерную общую численность на

юге России в 130 тыс. пар, но и эта оценка представляется нам завышенной, поскольку во многих квадратах гнездование розовых скворцов лишь предполагалось.

Охранный статус. Включен в Красную книгу Ставропольского края (5 категория). В остальных регионах Южной России особая охрана этого вида сейчас не предусмотрена. Он весьма уязвим к пестицидной угрозе при проведении массовых мероприятий по борьбе с вредными насекомыми в степях (Белик, 1997б, 2000а; Belik, 2000). Имеет очень важное хозяйственное значение как истребитель саранчи.

292. Майна обыкновенная *Acridotheres tristis* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, по-видимому исчезнувший вид Краснодарского края, появившийся здесь, возможно, в результате непреднамеренной интродукции (Robel, 1986; Пекло, Тильба, 1991; Заболотный и др., 2000; Тильба, 2001, 2007а; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса, лишь слегка проникающий в Палеарктику, где сейчас расселяется по Средней Азии на север.

Таксономия. Включает 2 подвида. Материковую часть Южной Азии, в том числе Казахстан, населяет номинативная форма (Степанян, 2003).

Распространение. Майна обитает в Юго-Восточной Азии и Индостане, откуда через Афганистан в XX в. проникла в Среднюю Азию и в последнее время быстро расселяется по Казахстану на север, достигнув уже оз. Балхаш и Аральского моря и залетая на северо-восточное побережье Каспия (Дементьев, Гладков, 1954; Ковшарь, 2019; Рябицев, 2019б). Интродуценты гнездятся в некоторых городах Европы и других континентов, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге (Муркина, 1970; Бутьев, Журавлёв, 1975; Воробьёв, Калецкий, 1975; Благосклонов, 1976; Авилова и др., 1998; Матюхин и др., 2008).

На юге России пара майн впервые встречена 18.04.1975 на окраине Краснодара (Пекло, Тильба, 1991, 1992), затем зимой 1978 г. птица отмечена на Имеретинской низм. у Адлера; там же на поле 24.06.1983 наблюдали пару птиц, а по опросным данным, в 1980-е годы майны гнездились под крышей фермы в поселке неподалеку, но с 1990-х годов их там уже не отмечали (Тильба, 1999, 2001). В 1983-1993 гг. еще 3-5 пар гнездились в порту г. Сочи, занимая ниши в различных зданиях и сооружениях. Весной 1985 г. там наблюдали несамостоятельных слётков, а 01-02.12.1985 несколько птиц держалось парами у гнездовых ниш, и было слышно их пение (Robel, 1986).

Там же в порту 28.04.1985 наблюдали строительство гнезда, а 09.06.1985 три пары кормили птенцов в гнездах. Затем 24.06.1987 птицы вновь строили гнездо, а в другом кормили птенцов. В 1990 г. начался ремонт портовых зданий, и майны в 1991 г. исчезли. Еще раз 5 птиц наблюдали там 16.01.1993, а в последний раз пара встречена в Сочи 14.10.1999 (Тильба, 1999, 2007а, 2022). Но 19.05.2000 стаю из 27 птиц наблюдали у г. Славянска-на-Кубани, однако на следующий день их там уже не было (Заболотный и др., 2000).

Происхождение птиц в Сочи и в других районах остается неизвестным; предполагается их интродукция из других регионов (Robel, 1986; Тильба, 2001), но не исключен и дальний залет майны из Средней Азии, как это наблюдали в Сибири в Томске, где в 1964 г. одиночный самец пытался загнездиться в скворечнике (Москвитин, 1968).

Местообитания. Отдельными парами и колониями селится в основном в городах и сёлах. Гнездится обычно в дуплах деревьев, в различных нишах и под крышами строений, иногда в норах и расщелинах скал, а кормится на земле в открытых местах.

Численность. В городах и селениях Средней Азии обычный, местами многочисленный вид. Численность на юге России в начале XXI в. оценивалась в 1-5 пар (Белик, 2005б), но в последние 20 лет сведения о гнездовании майны в Краснодарском крае не поступали.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

Семейство **Врановые** Corvidae

– **Кукша** *Perisoreus infaustus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Случайный залет был отмечен на севере Ростовской обл. (Белик, 2004, 2005а), но приведенные данные позже не были утверждены Северокавказской орнитофаунистической комиссией из-за отсутствия фактических подтверждений (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики, имеющий связи с Китайским типом фауны (Брунов, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Включает 5-10 слабо различимых подвидов. Центральные районы Европейской России, откуда кукши могут залетать в Придонье, населяет, как считалось ранее, номинативный подвид *P. i. infaustus* (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson, Christidis, 2014) или *P. i. opicus* (Портенко, 1954; Степанян, 2003), но по последним данным здесь обитает *P. i. ruthenus* (Коблик и др., 2006).

Распространение. Населяет таежную зону Евразии от Скандинавии до Дальнего Востока. Южную границу ареала в Европейской России проводили через Московскую обл., Казань и Южный Урал (Степанян,

2003), а сейчас, по другим данным, через Ленинградскую, Вологодскую, Кировскую и Челябинскую обл., что связано, возможно, с отступлением ареала в XX в. к северу (Атлас …, 2020). Птицы ведут в тайге оседлый образ жизни, а зимой предпринимают лишь незначительные кочевки (Дементьев, Гладков, 1954). Залеты в лесостепную зону отмечали дважды в 1933 и 1945 гг. на севере Воронежской обл. (Нумеров и др., 2021) и однажды в 1917 г. на севере Саратовской обл. (Завьялов и др., 2009).

По опросным данным, зимой 1985/86 г. на Среднем Дону в Шолоховском р-не у стан. Вешенской были встречены 3 птицы, одну из которых добыли для определения, но, к сожалению, не сохранили. Добытая птица по моей просьбе была уверенно описана охотоведом С.И. Гавриневым. Однако залеты этих таежных птиц так далеко к югу, в степную зону, до сих пор еще нигде не регистрировали (Белик, 2004, 2005а).

Местообитания. Гнездится в хвойных, преимущественно в елово-пихтовых лесах, но тяготеет к их окраинам поблизости от сосняков (Дементьев, Гладков, 1954; Атлас …, 2020).

Численность. В Европе обитает 430-761 тыс., а в Европейской России – 350-600 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Птицы довольно обычны на севере таежной зоны, а на юге ареала они редки и сокращают численность (Атлас …, 2020). Случайные залеты в лесостепную и степную зоны совершают, очевидно, редкие особи.

Охранный статус. В особой охране пока не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

293. Сойка *Garrulus glandarius* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий, инвазионный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Сложный в таксономическом плане вид, включающий 26-34 подвида (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). В Европейской России обитает номинативная форма, на Северном Кавказе распространена хорошо отличающаяся черноголовая сойка *G. g. krynicki*, а в Крыму – похожая на нее *G. g. iphigenia* (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Номинативный подвид в прошлом гнездился в байрачных дубравах на севере Ростовской обл. и в бассейне Среднего Дона на северо-западе Волгоградской обл. (Чернобай, 1973; Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик, 1989а; Белик и др., 2022а). В середине XX в., возможно, после

мощной зимней инвазии 1958/59 гг., эти птицы стали расселяться на юг по искусственным степным дубравам (Белик, 2009), заселив тогда, очевидно, Донской и Манычский лесхозы на Нижнем Дону (Петров, Нечаев, 1962; Петров, Казаков, 1970; Петров, Курдова, 1973), а затем появившись и южнее в лесополосах Сальского р-на (Миноранский, Харченко, 1967). В настоящее время они оттеснены к северу кавказскими сойками, но еще обитают на севере Волго-Ахтубинской поймы близ Волгограда, где, возможно, даже вытесняют черноголовых соек, залетевших туда ранее.

Естественной границей ареала кавказской *G. g. krynicki* являлись леса Ставропольской возв. и долин Кумы и Кубани (Богданов, 1879; Динник, 1886; Казаков, 1974, 2022; Кисленко, Леонович, 1989). Но на Северо-Западном Кавказе и на западе Предкавказья многие птицы несут признаки крымской *G. g. iphigenia*, отличаясь серовато-винной окраской спины, что связано, возможно, с периодической иммиграцией крымских птиц на Кавказ и их скрещиванием с местными птицами (Заломнов, 1986).

В Манычском лесу близ пос. Веселого и в Ленинском лесхозе в Азовском р-не на севере Предкавказья черноголовые сойки впервые были отмечены в 1959 г. (Казаков, 1960, 1976; Белик и др., 1999). В Ленинском лесхозе вначале они были редки, но после 1967 г., по опросным данным, отмечено резкое увеличение их численности, а в последующие годы в Предкавказье была прослежена стремительная экспансия черноголовой сойки на север и восток. Она появилась в Крыловском р-не Краснодарского края, выводок этих соек отмечен в лесополосах Сальского р-на, а вскоре они были найдены в лесонасаждениях Орловского и Волгодонского р-нов Ростовской обл. и в Обильненском лесничестве в верховьях р. Кара-Сал на северо-западе Калмыкии (Белик и др., 1999; Белик, 2009). В 1993 г. гнезда соек обнаружили в Яшалтинском р-не на юго-западе Калмыкии, а в 2006 г. они загнездились уже в Элисте на Ергенях (Музаев, Калинин, 2002; Музаев и др., 2007).

Позже черноголовая сойка проникла на правобережье Нижнего Дона, по пути вытеснив рыжеголовых птиц из Манычского лесхоза (Тараненко, 1979; Казаков, Белик, Бахтадзе, 1981), а в 1979-1981 гг. прослежено активное вытеснение рыжеголовой сойки из пойменных лесов Нижнего Дона, где она сама появилась лишь недавно. В Донском лесхозе у г. Шахты черноголовая сойка в конце XX в. еще ассимилировалась в массе рыжеголовых, но фенотипически чистые особи встречались там постоянно. В зоне симпатрии неоднократно добывали птиц с промежуточными признаками, однако создавалось впе-

чатление, что обе формы какими-то механизмами поддерживали чистоту своих фенотипов (Заломнов, 1986; Белик, Казаков, Петров, 1999; Белик, 2009).

В начале XXI в. черноголовые сойки стали осваивать Луганскую, а затем и Донецкую обл., быстро расселяясь на северо-запад; осенью 2006 г. они наблюдались уже на Среднем Дону близ г. Серафимович в Волгоградской обл. (Загороднюк, Резнік, 2007), хотя в 1982 г. в соседних районах Ростовской обл. мы отмечали только рыжеголовых *G. g. glandarius* (Белик, 2005а).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Дальнего Востока и Китая. На юге России населяет все леса Северного Кавказа и леса в бассейне Дона, а насаждения в долине р. Еруслан на границе с Саратовской обл. в Заволжье птицы заселили только во второй половине XX в. (Завьялов и др., 2009; Белик и др., в печати).

В середине XIX в. сойка гнездилась лишь в лесах севернее Воронежа (Северцов, 1855), но к середине XX в., расселяясь на юг со средней скоростью около 4,5 км/год, она достигла низовий Сев. Донца, где были распространены естественные дубравы, однако в пойме Нижнего Дона еще отсутствовала (Белик и др., 1999). Во второй половине XX в. сойка быстро заселила появившиеся в степной зоне искусственные леса Нижнего Придонья и Предкавказья, в том числе многие полезащитные лесополосы, расселяясь с севера, а также с юга, с Кавказа. В результате на Нижнем Дону сформировалась широкая зона контакта и интерградации двух подвидов, с последующим оттеснением европейской *G. g. glandarius* на север (Белик, 2009; Загороднюк, Резнік, 2007).

Летом 1965 г. сойка впервые встречена у Волгограда в Волго-Ахтубинской пойме, а в 1973 г. там Е.И. Врублевским было найдено гнездо (Белик и др., 2022а). В настоящее время сойки в пойме нередки, причем в последнее время, судя по фотоснимкам В.Г. Калинина, там преобладают рыжеголовые птицы, хотя встречаются и типичные черноголовые, и промежуточные фенотипы. В 1992 г. сойки отмечены также в пойме Волги на севере Астраханской обл. (Белик, 2016в), но ниже по течению их гнездовья пока неизвестны (Цапко и др., 2009; Реуцкий, 2015). В полупустынных районах Прикаспийской низм. в Калмыкии, в Волгоградском Заволжье и Астраханской обл. сойка на гнездовье тоже отсутствует (Атлас …, 2020).

Осенью у соек четко выражены массовые кочевки, в ходе которых запасаются корма на зиму и идет расселение птиц. При этом кавказские сойки начинают подвижки раньше, в августе-сентябре, и летят в основном на север, а европейские птицы кочуют преимущественно в октябре. Слабо выраженные перемещения отмечаются также весной в

апреле-мае (Алфераки, 1910; Белик и др., 1999; Линдеман и др., 2005). По наблюдениям в Прибалтике, назад возвращается около 50% доживших до весны соек, которые пролетают там осенью (Шаповал, 1989).

Местообитания. Гнездится в различных типах лесов и во многих лесополосах, предпочитая старые дубравы, в которых осенью активно запасает на зиму желуди. В степных насаждениях может запасать семена кукурузы и других культурных злаков. Широко распространена также в лесистых предгорьях и горах Кавказа до верхней границы лесов. Во второй половине XX в. начала заселять скверы и парки в городах (Хохлов, Тельпов, 1986; Белик, 1989а; Динкевич, 2007; и др.). Гнездо из сухих прутиков с выстилкой из тонких корешков делает в кронах деревьев, обычно на ветвях у ствола.

Численность. На юге России обычна, но в разных районах демонстрирует глубокие колебания численности. В Европе обитает 7,5-14,6 млн., а в Европейской России – 1,3-2,7 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 250-700 тыс. пар, в том числе в Ростовской обл. – около 20-30-40 тыс. пар (Белик, 1989а, 2000а, 2005б; Белик и др., 1999). В конце XX в. во многих регионах Южной России продолжалось увеличение численности (Белик и др., 2003).

Быстрый рост численности наблюдался в ходе расселения по степной зоне, особенно в первые годы. В отдельных лесных массивах после их заселения численность ежегодно увеличивалась, по ориентировочным подсчетам, в 2-3 раза. В результате во многих лесах сойка вскоре стала субдоминантом, а местами – даже доминантом в птичьем населении. В искусственных лесных массивах Западного Предкавказья ее обилие в 1970-е годы достигало 44-77 пар/км^2, причем особенно много птиц было в старых, густых дубравах Челбасского лесничества в Восточном Приазовье. В лесах более сухих восточных районов численность тогда была значительно ниже – 1-8 пар/км^2, но в 1980-е годы она и там достигла 40-90 пар/км^2. Параллельно с ростом численности сойки в лесных массивах, наблюдалось также заселение лесополос, сначала – широких (прибалочных, железнодорожных, государственных), а затем – и узких полезащитных (Белик и др., 1999; Белик, 2009). Но сейчас во многих лесах, после их заселения тетеревятником, численность соек заметно снизилась.

В степном Придонье в конце XX в. в байрачных лесах гнездились в среднем 6,8, в пойменных – 13,5, а в аренных – 7,5 пар/км^2 (Белик, 2000а), но в начале XXI в. на Среднем Дону в пойменных дубравах учитывали в среднем лишь 0,4 пар/10 га (Гудина, 2019). В лесах на Ставрополь-

ской возв. численность птиц в эти периоды была относительно стабильной, составляя в среднем 5,4-6,0 пар/км^2 (Костенко, 2012).

На Западном Кавказе обилие сойки в дубовых и буковых лесах низкогорий составляло 8,7 и 20,0 ос./км^2, в пихтовых и пихтово-еловых лесах среднегорий – 7,5 и 12,5 ос./км^2, а в буковом криволесье на верхней границе леса – 12,5 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). По другим данным, там же в лесах нижнего и среднего пояса на северном макросклоне учитывали 4,5-13,7 ос./км^2 по р. Белая и 6,7-11,5 ос./км^2 – по р. Малая Лаба, а на более сухом южном макросклоне в бассейне р. Шахе соек было значительно меньше. Обилие же в буковом криволесье в верхнем поясе составляло 7,8 ос./км^2 (Перевозов, 2010).

В Тебердинском заповеднике в сосновых лесах обитало в среднем 7,3, в темнохвойных – 10,4, а в хвойно-лиственных – 26,8-49,2 ос./км^2 (Поливанов, 2000). В лиственных лесах на Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии отмечали 6-15 ос./км^2 (Караваев, 2000). В горах Кабардино-Балкарии в буково-грабовых лесах было 12, а в дубово-грабовых – 50 ос./км^2 (Афонин, 1985). А в горах Северной Осетии в сосняках учитывали 2,6-5,7, в мелколиственных лесах – 12,5, в буковых – 1,8-2,5, а в пойменных – 0,3-10,0 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

294. Сорока *Pica pica* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает до 12 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954), но сейчас две обособленные североамериканские формы иногда выделяют в самостоятельные виды (Dickinson, Christidis, 2014). В Европейской России и на Кавказе обитает подвид *P. p. fennorum* (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014), но некоторые авторы сводят его в синонимы номинативного подвида, распространенного в Западной Европе (Степанян, 2003). Для Заволжья и Зауралья указывают *P. p. bactriana*, более светлую сверху, с зеленым отливом на крыльях и золотисто-зеленым хвостом (Хлебников, 1928; Портенко, 1954).

Распространение. Гнездится в основном в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Дальнего Востока и Китая. Две формы в прошлом проникли в Северную Америку, образовав там морфологически обособленные изоляты.

На юге России населяет все равнинные и предгорные регионы, а по лесостепным ландшафтам в долинах рек вслед за человеком проникает в низкогорья и среднегорья, в том числе в аридные котловины всего известнякового Внутреннего Дагестана. Обитает также в полупустынных и пустынных районах, где имеются древесно-кустарниковые насаждения, проникает даже в бугристые пески на юге Волго-Уральского междуречья (Гаврилов и др., 1968). Но в последние десятилетия, после широкого расселения тетеревятника, во многих равнинных и горных лесистых районах сорока исчезла или резко сократила численность (Белик и др., 2010).

По Черноморскому побережью Кавказа в середине XX в. вслед за человеком проникла с запада до Новороссийска – Геленджика, однако в последние десятилетия там вновь исчезает (Белик, 2013в; Белик и др., 2017).

Местообитания. Обитает по опушкам лесов, в мозаичных лесонасаждениях и редколесьях, в лесополосах и кустарниках среди лугов, степей и полей, местами гнездится в тростниковых крепях по берегам водоемов, изредка – на опорах ЛЭП. В глубь обширных, густых лесных массивов не заходит. Во второй половине XX в. сорока освоила также городские и сельские сады, парки и скверы (Белик, 1989а; Динкевич, 2007; и др). В горах Кабардино-Балкарии поднимается вверх до 600-700 м, а по р. Малка – до 1000 м, в Северной Осетии гнездится в аридных котловинах до 1400 м, а в Дагестане местами встречалась на высоте до 1800-2000 м н.у.м. (Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000). Большое, как правило шарообразное гнездо с рыхлой крышей строит обычно в кронах деревьев или кустов из сухих прутьев, вымазывая его основание изнутри глиной и выстилая лоток тонкими корешками. Такие гнезда достаточно прочные и сохраняются на деревьях по несколько лет, что затем позволяет селиться в них некоторым другим видам птиц.

Численность. На юге России сейчас немногочисленна или обычна. В Европе обитает 10,3-17,8 млн., а в Европейской России – 1-3 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Ростовской обл. в конце XX в. численность оценивалась в 600 тыс., а ранее – даже в 1,5 млн. пар, но уже в начале XXI в. на юге России предполагалось гнездование всего лишь 200-500 тыс. пар (Белик, 1989а, 2000а, 2005б). На Ставрополье в конце XX в. популяция в послегнездовой период достигала 0,5 млн. особей (Хохлов, 1993), однако вскоре во многих регионах, особенно в бассейне Дона, отмечено сильное сокращение численности (Белик и др., 2003).

Во второй половине XX в. сорока начала заселять появившиеся в Южной

России многочисленные искусственные лесонасаждения, быстро увеличивая общую численность. В степном Предкавказье в большинстве лесных массивов она вскоре оказалась доминантом или субдоминантом орнитоценозов. Обилие в степных лесах в 70-80-е годы составляло в среднем около 50 пар/км^2, а в молодняках с многочисленными вырубками и полянами гнездилось до 1,5-2,0 пар/га, местами даже больше. Весьма высоким и относительно стабильным было обилие сорок в лесополосах: на юге Ростовской обл. учитывали до 3 пар/км в 1960-е годы и до 5 пар/км в 1970-е годы, а в Благодарненском р-не на востоке Ставропольского края в 1972 г. мы учли 9-10 жилых гнезд на 0,7 км лесополосы (Белик, 1985, 2009; Белик и др., 2010).

В степном Придонье в конце XX в. обилие птиц в естественных байрачных лесах составляло в среднем 2,7, в пойменных – 10,5, а в аренных – 1,9 пар/км^2 (Белик, 2000а), а в начале XXI в. в пойменных дубравах на Среднем Дону сорока не отмечена вовсе (Гудина, 2019). В Северной Осетии в конце 1980-х годов средняя плотность населения сороки изменялась от 45 пар/км^2 на подгорной равнине до 132 пар/км^2 на Притеречной равнине и 205 пар/км^2 в Терско-Кумском междуречье, а в поймах небольших рек на подгорной равнине гнездилось 2-17 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000; Комаров и др., 2006).

Но в конце XX в. численность сороки во многих районах начала быстро сокращаться под влиянием хищничества тетеревятника, расселившегося по степным лесонасаждениям вслед за врановыми (Белик, 2003, 2005а и др.). В Обливском р-не на северо-востоке Ростовской обл. в апреле 1983 г. было учтено 31 жилое гнездо на 6,5 км придорожных лесополос, а в мае 2010 г. там же на 100 км автомаршрута была отмечена лишь 1 сорока. Даже при полноте автоучета в 10%, численность сорок за 27 лет сократилась там не менее чем в 50 раз (Белик и др., 2010). В долине р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья летом 1951 г. учитывали до 10-15 ос./км маршрута в дубняках и 3 ос./км – в сосняках (Груздев, 1955), но в мае 2013 г. мы не встретили сорок там ни в пойменных лесах, ни в редколесьях на песках (Белик и др., в печати).

В прежнем числе сорока сохранилась лишь в безлесных районах, в частности среди полупустынь Калмыкии, а также в Волгоградском Заволжье, где в редких лесополосах Палласовского р-на в мае 2010 г. были учтены 10 особей на 19 км автомаршрута (0,53 ос./км) и в мае 2013 г. – 73 особи на 92 км (0,79 ос./км), а в лесополосах Старополтавского р-на в мае 2022 г. учли 13 особей на 23 км (0,57 ос./км). Местами сорока столь же обычна и на правобережье Волги в районах, удаленных от обширных пойменных и аренных лесов, заселенных тетеревятником.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Сокращение численности в естественных ландшафтах частично компенсируется формированием достаточно устойчивых урбанизированных популяций, где птицы лучше защищены от воздействия хищников и других негативных факторов.

295. Кедровка *Nucifraga caryocatactes* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Инвазионный вид, эпизодически залетавший почти во все регионы Южной России, кроме Чечни, Ингушетии и Дагестана (Белик и др., 2006, 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Включает 9-10 подвидов, в том числе толстоклювую *N. c. caryocatactes*, распространенную в Европе, и тонкоклювую сибирскую *N. c. macrorhynchos*, обе из которых могут залетать на юг России. Инвазии сибирских птиц регистрировали здесь неоднократно (Хохлов и др., 1992; Белик и др., 2009; и др.), а у европейской кедровки залеты отмечали очень редко. Первую ее мощную инвазию наблюдали в 1885 г., когда птицы с северо-востока Европейской России направились на юго-запад, долетев до Польши, Германии, Англии, Франции, Хорватии и Венгрии (Мензбир, 1895; Дементьев, Гладков, 1954), а второй раз инвазия *N. c. caryocatactes* прослежена осенью 1977 г., когда птицы в третьей декаде октября достигли Саратовской и северных районов Волгоградской обл., а во второй половине ноября – Воронежской и Белгородской обл. (Литун, Плесский, 1983). Однако позже определение этих птиц поставили под сомнение, поскольку они выселялись на юг из северного Приуралья, где в горах и предгорьях обитает уже *N. c. macrorhynchos* (Сотников, 2006).

Распространение. Гнездится в таежных лесах от Атлантики до Тихого океана, а также в Гималаях и горах Китая. В Европейской России южная граница гнездового ареала толстоклювой кедровки проходит через Брянскую и Пензенскую обл., Мордовию и Татарстан (Федорович, 1915; Кныш, 1996; Степанян, 2003; Гришуткин и др., 2010; Аськеев и др., 2016). На юге России отмечалась в разное время во всех регионах, кроме Чечни и Ингушетии, где с конца XX в. орнитологические исследования практически не проводятся (Гизатулин и др., 2001). Для Дагестана указана как залетный вид (Джамирзоев, 2000; Джамирзоев, Букреев, 2009), но фактические сведения о встречах кедровок в этом регионе нам неизвестны (Белик и др., 2009). Однако, судя по залету одиночной птицы 05.09.2011 в северо-восточные районы Азербайджана (Heiss, 2013), эти птицы могут пролетать, вероятно, и через Дагестан.

В Ростовской обл. кедровок впервые отметил С.Н. Алфераки (1877, 1910), писавший о добыче 1 особи в Таганроге в сентябре 1867 г. и о налете этих птиц к Таганрогу в начале октября 1878 г. Позже птицы залетали на Нижний Дон и в Волгоградскую обл. в 1944 г. при широкой инвазии сибирских кедровок (Дементьев, Гладков, 1954). Однажды кедровка встречена 03.11.1985 близ Ростова (Йерке, 1995), 2 птицы отмечены 18.10.1988 у стан. Вёшенской (Ломакин, Белик, 2008), дважды их наблюдали в октябре 1998 г. в Ростове (Липкович, 1998), а затем во время массового налета осенью 2008 г. (Белик и др., 2009; Липкович, 2009).

В Волгоградской обл. кочующих кедровок периодически встречали в XIX - начале XX в. у Сарепты (Богданов, 1871; Лорец, 1928), а затем в 1968 г. в Заволжье (Линдеман, 1971). В сентябре 1977 г. они несколько раз наблюдались нами в Алексеевском р-не на северо-западе Волгоградской обл. (Белик, 2005а). В октябре 2008 г. во время массового налета сибирских кедровок неоднократно отмечали в Волгограде, в Серафимовичском, Клетском и Среднеахтубинском р-нах, а в апреле 2009 г. – также в Ленинском р-не; еще одна птица встречена в пойме Волги у Волгограда 23.07.2009 (Белик и др., 2009). Кроме того, 10 птиц отметили у Волгограда в середине марта 2019 г. во время следующей инвазии (Е.В. Гугуева, личн. сообщ.).

В Астраханской обл. первые 2 птицы добыты в феврале 1951 и 1955 гг., а затем наблюдались зимой 2003 г. в дельте Волги (Луговой, 1963; Русанов, 2011). В Калмыкии кедровок впервые встретили в октябре 1980 г. (Кукиш и др., 1982), а позже они вновь появлялись там в сентябре 2008 г. и в ноябре 2018 г. (Музаев и др., 2009, 2018).

В Краснодарском крае одиночная кедровка добыта осенью 1908 г. в Ейске (Птушенко, 1915); осенью 1952 г., по опросным данным, там же наблюдали массовую инвазию (Очаповский, 2017); в октябре и декабре 1972 г. одиночных кедровок дважды отмечали в Краснодаре (Пекло 1974); в октябре 1995 г. кедровка появилась на плато Лагонаки (Мнацеканов, 1998), а в феврале 2014 г. отмечена там же в пос. Мезмай (Перевозов, 2014). В октябре 1990 г. этих птиц наблюдали в Славянске-на-Кубани (Заболотный, Хохлов, 1997), а в октябре 1991 г. – в Геленджике (Хохлов и др., 1992). Мощный налет в Краснодарский край отмечен в 2008/09 г., а затем в ноябре 2018 г. этих птиц вновь встретили на Черноморском побережье в районе Адлера (Тильба, 2009, 2017, 2022; Дворецкий, Шагаров, 2018).

На Ставрополье кедровок впервые встретили, по-видимому, осенью 1983 г. в Кисловодске, где птицы держались до начала февраля 1984 г. Следующий залёт отмечен зимой 1984/85 г., когда 2 птицы встречены

в конце февраля 1985 г. в стан. Курской на юго-востоке Ставропольского края, а в январе-феврале 1988 г. стайку кедровок вновь наблюдали у Кисловодска (Хохлов 1990; Хохлов и др., 1991). Следующая инвазия отличалась необычайно ранним появлением мигрантов, встреченных на р. Калаус в Петровском р-не уже 30-31.07.1990 (Новиков, Завяликов, 1991).

В Кабардино-Балкарии одиночная кедровка встречена 20.08.1970 в старом сосновом лесу в самых верховьях Баксана (Bier u. a., 1975). В Адыгее, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии, а также в Абхазии кедровки впервые зарегистрированы во время мощной инвазии осенью 2008 г. (Белик и др., 2009; Перевозов, 2014; и др.).

Судя по наблюдениям последних десятилетий, залёты кедровок на юг Европейской России происходят с периодичностью в среднем через 2-3 года, значительные инвазии отмечены в 1977, 1985, 1988 и 1990 гг., а в 2008 г. наблюдался особенно мощный налет этих птиц (Белик и др., 2009). Причем у с. Величаевского в Левокумском р-не Ставропольского края, близ границ Калмыкии и Дагестана, первые кедровки вновь были отмечены еще летом, 27.08.2008. Миграции осенью 2008 г. шли на запад – юго-запад несколькими волнами, природа которых осталась не совсем понятна. Возможно, они были аналогичны пролетным волнам типичных мигрантов и связаны с остановками птиц на кормежку для пополнения энергетических ресурсов, необходимых для дальнейшей миграции (Дольник, 1975; Чернецов, 2008).

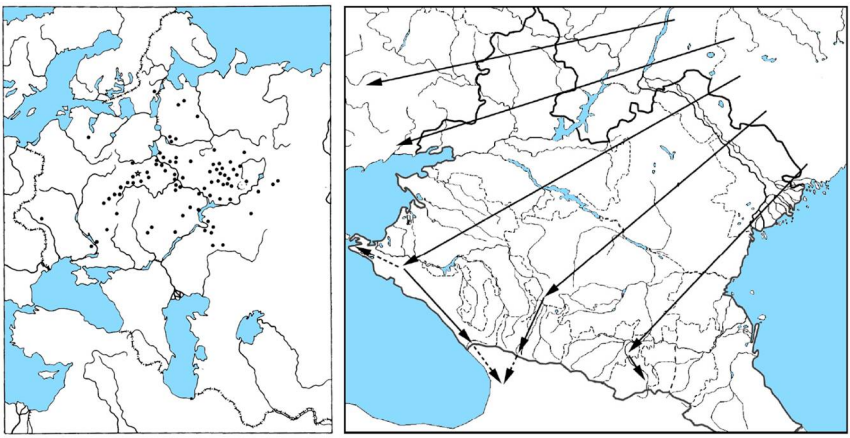

Рис. 14. Массовые инвазии кедровок в Восточной Европе в 1977 и 2008 гг.: места встреч и направления миграций
(по: Литун, Плесский, 1983; Белик и др., 2009)

Средняя скорость миграции, по данным, полученным в Астраханском заповеднике в дельте Волги (Реуцкий, 2009), составляла тогда примерно 10-50 км в день. Примерно так же, со средней скоростью 13-17 км в сутки, кедровки мигрировали и в 1968 г. на побережье Балтийского моря (Стравинский, Щепский, 1972). В октябре 2008 г. кедровки проникли глубоко в горы Западного Кавказа вплоть до среднегорий и высокогорий Бокового и Водораздельного хр. на высоте 2300 м н.у.м. (Караваев и др., 2009; Перевозов, 2014). Во второй половине сентября птицы появились на Черноморском побережье Кавказа и группами от 2-3 до 5-10 особей кочевали в течение октября на юго-восток вдоль берега моря фронтом в 15-20 км (Тильба, 2009).

После прохождения октябрьских миграционных волн кедровки на юге России стали редки. Птицы, оставшиеся на зимовку, встречались обычно в одиночку, реже – парами по садам и паркам в различных селениях, где держались иногда всю зиму. Позже несколько встреч с ними отмечено в апреле, мае, июне и даже в июле 2009 г. Последние кедровки встречены 19.05.2009 в Элисте; 25-26 мая птицу наблюдали в г. Ессентуки; 26 мая погибшая птица найдена во Владикавказе; 28 марта и 28 мая птицы встречены в парке стан. Преградной в горах Карачаево-Черкесии, а 3 июня – в парке г. Карачаевска. В Кисловодске пару кедровок наблюдали в июле 2009 г., а последняя птица встречена 23.07.2009 в пойме Волги у Волгограда (Белик и др., 2009). Возможно, что некоторые пары, задержавшиеся до весны в хвойных лесах Кавказа, могли предпринимать там попытки гнездования, как это имело место после мощных инвазий в Западной Европе (Deroanne, Liedekerke, 1975; Simon et al., 1975, 1883; Lanner, Nikkanen, 1990). Гнездовое поведение пары птиц наблюдали весной 2009 г. также в горных лесах Крыма (С.Ю. Костин, личн. сообщ.).

Выраженной миграции кедровок к местам гнездования весной 2009 г. не было. Шли, по-видимому, лишь очень слабые их перемещения, в которых участвовало, судя по общей численности птиц, учтенных осенью и весной на юге России, примерно 4-5% исходной популяции. Подавляющая же часть кедровок погибла, очевидно, от хищников, болезней, браконьеров или от зимней бескормицы, поскольку перехода сибирских кедровок на питание обильными желудями, лещиной и буковыми орешками на Кавказе нигде не наблюдали (Белик и др., 2009).

Местообитания. Европейские кедровки приурочены главным образом к хвойно-широколиственным субтаежным лесам с подлеском из лещины, орехами которой птицы обычно питаются, почему их называют также ореховками (Сотников, 2006). Сибирские кедровки трофически тесно связаны с кедровыми лесами, урожаи орешков в

которых определяют численность птиц и их кочевки в осенне-зимний период (Формозов, 1933, 1976 и др.). Во время инвазий на юге России кедровки встречаются в различных лесонасаждениях как на равнинах, так и в горах Кавказа, нередко наблюдаются в степи и полях, часто залетают в города и сёла, питаясь самыми разными кормами: насекомыми, плодами растений и др. (Белик и др., 2009).

Численность. В Европе обитает 0,4-1,1 млн. пар, а в Европейской России – 200-750 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России во время инвазий кедровки отмечаются обычно в одиночку (60% встреч в 2008 г.), реже парами или группами по 5-10-15 особей, но местами на небольшой территории скапливается до 100 птиц (Белик и др., 2009). Общие оценки численности мигрантов отсутствуют, но для Сочинского нац. парка экспертами указано до 100 особей, для Кавказского заповедника – 1000 ос., для Тебердинского – 300 ос. (Джамирзоев и др., 2017). Всего же через юг России в 2008 г. могли прокочевать, вероятно, десятки тысяч птиц.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

296. Клушица *Pyrrhocorax pyrrhocorax* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид горных регионов Северного Кавказа, распространенный к западу до Карачаево-Черкесии; в горах Краснодарского края и Адыгеи несколько раз отмечали летние встречи, которые тоже можно рассматривать, вероятно, как гнездовые (Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Белик и др., 2016). В Ростовской обл. однажды отмечен случай залета (Белик, 1996а).

Зоогеографические связи. Типичный представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 5-8 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На Кавказе обитает переднеазиатский подвид *P. p. docilis* (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится от Британии, Пиренеев и Малой Африки к востоку до Монголии и Китая. На юге России населяет слабо облесенные скалистые горы от Дагестана до р. Уруп в Карачаево-Черкесии (Динник, 1899; Караваев, 2000; Белик, 2008, 2013а; Караваев, Хубиев, 2013). На лесистом Западном Кавказе птиц лишь изредка отмечали в субальпике Краснодарского края и Адыгеи: 09.08.1926 на плато Лагонаки; 11.06.1930 и 25.06.1935 на хр. Магишо и горы Ачешбок (Туров, 1932; Аверин, Насимович, 1938); 21.08.2010 среди скал на востоке хр. Аибга (Джамирзоев и др., 2014); 25.06.2008 на горе Джуга у Аспидного перевала, а немного севернее 07.07.2011 наблюдали 6 особей,

возможно – выводок (Перевозов, 2014).

К востоку от р. Уруп клушица гнездится повсеместно на куэстах Скалистого хр., но на горе Ахмет-скала на левом берегу р. Большая Лаба она никем не регистрировалась (Белик, 2008). В районе Кисловодска клушицы гнездятся также по ущельям небольших рек среди пастбищ на северных склонах Скалистого хр., а к северу от него гнездовья найдены на хр. Боргустан и на Джинальском хр. (Бёме, 1958; Хохлов, Тельпов, 1989; Тимофеев, Хохлов, 1999; Парфенов и др., 2005). На скалах Мелового хр. несколько клушиц наблюдали также в июле 2010 г. по р. Большой Зеленчук выше с. Чехрак (Хохлов и др., 2010). В начале же XX в. гнезда находили даже у Пятигорска, вероятно – на скалах лакколитов (Бёме, 1958), где сейчас клушицы изредка гнездятся в нишах построек (Парфенов и др., 2005). На Пастбищном (Меловом) хр. птицы наблюдались также в 2007 г. на левобережье Баксана в устье р. Гунделен (Белик, 2008), а на Тереке их регистрировали у пос. Редант (Бёме, 1926).

К югу от Скалистого хр. клушица изредка заселяет скалы в субальпийском поясе гор на отрогах Бокового хр., а в пределах аридных котловин Южно-Юрской (Центральной) депрессии, где ведется выпас домашнего скота (напр., в Зарамагской котловине в верховьях р. Ардон в Северной Осетии), она проникает и на склоны Водораздельного хр. (Тимофеев, 1996). В Кабардино-Балкарии гнездование 2 пар клушиц наблюдали в 1988 г. на скалах в ур. Уштулу в самых верховьях Черека-Балкарского, а в 2016-2018 гг. небольшая колония найдена нами также в верховьях Безенгийского ущелья, где птицы занимали ниши среди камней в вертикальных промоинах на отвесных стенах размытых боковых морен (Айунц, Шалыбков, 1990; Белик, Аккиев, 2023).

Детали распространения клушицы в Дагестане изучены хуже. К.Н. Россиков (1888) относил клушицу к характерным обитателям его аридных котловин. И.Б. Волчанецкий (1973) привел ее для горного Дагестанского района. Много клушиц было на горных пастбищах по всему Внутреннему Дагестану (Билькевич, 1893), регулярно отмечали их в известняковых горах по Аварскому и Андийскому Койсу (Бёме, 1933), где они нередки и сейчас (Белик, Насрулаев, 2019, 2021). В качестве обычной птицы клушица указана также для субальпийских и альпийских лугов в сланцевых горах в верховьях Аварского Койсу (Насрулаев, 1990, 2006). Обычна и многочисленна она по всему аридному ущелью Самура между Самурским и Водораздельным хр. и на северных склонах Главного Кавказского хребта в районе горы Базардюзи (Красовский, 1932; Бутьев, Лебедева, 1992; Джамирзоев, Хохлов, 1997; Насрулаев, 2003). Местами птицы заселяют краевые

хребты, например Нарат-Тюбе (Каратёбе) близ Махачкалы, в районах с максимальными высотами всего в 500-600 м н.у.м. (Букреев, Джамирзоев, 2004). Однажды 18.06.1898 **ст.ст.** клушицы встречены между Махачкалой и Буйнакском (Сатунин, 1907). В мае 2002 г. они обнаружены нами у останцовой горы Даджикала среди глинистых полупустынных бедлендов в низовьях р. Рубас на юго-востоке Дагестана, на высоте около 400 м н.у.м. (Белик, 2008).

Таким образом, оптимум ареала клушицы на Северном Кавказе приурочен к аридным котловинам Северо-Юрской депрессии, расположенной между известняковыми куэстами Скалистого хр. и горностепными склонами Бокового хр., а также к известняковым горам Внутреннего Дагестана. На Центральном Кавказе она гнездится также в сухих котловинах между Боковым и Водораздельным хр., но в районах, где выпас домашнего скота отсутствует, а склоны ущелий зарастают высокотравьем, а тем более лесом, клушица исчезает. В альпийских же высокогорьях Главного Кавказского хр. она появляется, вероятно, в основном на кочевках.

Осенью птицы собираются в большие стаи и кочуют в горах в поисках корма, а зимой при выпадении снега спускаются в долины, в том числе появляются в селениях (Rosenberg, 1907, 2019; Комаров, 1989). Иногда они вылетают на подгорные равнины (Kaleniczenko, 1839; Богданов, 1879; Моламусов, 1967), в отдельных случаях долетая до Нижнего Дона, где 3 клушицы (2 самца и 1 самка) были добыты 06-10.04.1913 у Ростова (Белик, 1996а).

Рис. 15. Гнездовая ниша клушицы со слётками в известняковой скале на берегу р. Аварское Койсу, Дагестан. 380 м н.у.м. 28.06.2021

Местообитания. Распространена в сухих скалистых среднегорьях, местами проникает в низкогорья и предгорья, а также в высокогорья. Гнездится в нишах и щелях скал близ открытых горностепных или суб-

альпийских пастбищ. Иногда использует для гнездования ниши в старых каменных башнях и других постройках в горах (Комаров, 1989; Тимофеев, 1996; Парфенов и др., 2005). Кормится обычно в горной степи и на субальпийских пастбищах, а осенью и зимой – на черничниках, в зарослях можжевельников, среди облепишников, на свалках и др.

Численность. На Северном Кавказе сейчас обычна или немногочисленна. В Европе обитает 40,5-86,4 тыс., а в Европейской России – 5-10 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность предварительно оценивали в 15-25 тыс. пар, но в дальнейшем оценка была снижена до 5-10 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014). В начале XXI в. во многих районах Северного Кавказа отмечено сильное падение численности (Белик, 2008, 2014). В Карачаево-Черкесии, например, популяция за 10-15 лет сократилась в десятки раз. Так, в оптимальных районах у горы Баранаха на Скалистом хр. с 1997-1998 гг. по 2007 г. она снизилась со 113 до 10 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев, Хубиев, 2011, 2012, 2013; Караваев и др., 2014). Деградация популяций продолжалась на Кавказе, возможно, в течение всего XX в., поскольку в XIX в. клушица во многих районах была очень многочисленна, и, например, на полях ячменя у с. Хурзук в самых верховьях Кубани Г.И. Радде (1884) наблюдал тысячные стаи птиц, кормившихся осыпавшимся зерном, а в июле 2015 г. клушиц там совершенно не осталось (Белик, 2020в).

Рис. 16. Гнездовой биотоп клушиц на размытой боковой морене Безенгийского ледника. Кабардино-Балкария. 2150 м н.у.м. 25.05.2018

Сейчас это немногочисленный вид сухих скалистых низкогорий и среднегорий Кавказа. В Тебердинском заповеднике предполагается гнездование 30-280 пар, в Кабардино-Балкарском – 50-100 пар, в Северо-

Осетинском – 250-500 пар (Джамирзоев и др., 2017). Всего же для Северной Осетии в конце XX в. указывали 1100-1800 особей (Комаров, Липкович, 2000). В горах Кабардино-Балкарии популяция клушицы составляет сейчас не более 10% от численности альпийской галки, хотя еще в середине XX в. клушица считалась там многочисленным видом всех горных районов. Лишь в верховьях Безенгийского ущелья клушицы составляли около 20-25% от общей численности в совместных стаях с альпийскими галками (Насимович, 1950; Моламусов, 1967; Белик, Аккиев, 2023). Возможно, часть клушиц из оптимальных для них сухих среднегорных котловин Северо-Юрской депрессии, заселенных в последнее время тетеревятником и другими хищниками, сейчас переселяется в более высокие безлесные районы, куда ястреба проникают реже.

На субальпийских лугах и в горной степи Кабардино-Балкарии в мае-июле 1979-1981 гг. учитывали в среднем 2 и 5 ос./км^2 (Афонин, 1985). В аридной Даргавской котловине на р. Гизельдон в Северной Осетии в конце августа 1960 г. обилие в разных биотопах колебалось от 11 до 56 ос./км^2 (Второв, 1962). На субальпийских лугах Главного и Бокового хр. в Северной Осетии обилие колебалось по месяцам от 0 до 31, в среднем – 7 ос./км^2. А в горных посёлках, расположенных среди субальпийских лугов, осенью изредка концентрировалось до 133-134 ос./км^2 (Комаров, 1991). В Чечне и Ингушетии в горных степях Северо-Юрской депрессии учитывали 3,8 ос./10 км, а в субальпике Бокового хр. – 4,8 ос./10 км маршрута (Гизатулин и др., 2001).

На субальпийских лугах Водораздельного хр. на юго-востоке Дагестана в июле 1991 г. держалось 0,2-17,0, в среднем – 4 ос./км^2 (Бутьев, Лебедева, 1992). В ущелье р. Самур Г.С. Джамирзоев учёл 35 клушиц на 80 км маршрута (Джамирзоев, Хохлов, 1997), что, при ширине трансекты в 1 км, дает обилие в 0,4 ос./км^2. В других районах Дагестана их обилие доходит местами до 4-6 ос./км^2, а усредненные показатели для всей горной части Дагестана, по мнению Г.С. Джамирзоева, могут быть около 1-2 ос./ км^2 (Белик, 2008). На краевом хребте Нарат-Тюбе близ Махачкалы учтены 2 пары/10 км маршрута, или 0,4 пары/км^2 (Букреев, Джамирзоев, 2004). Всего на площади 20.000 км^2 горного Дагестана, где горные степи и субальпийские луга занимают около 20%, при обилии 4 ос./км^2 лугов (Бутьев, Лебедева, 1992), может гнездиться до 8.000 пар, а при усредненном обилии в 0,4 ос./км^2 (Джамирзоев, Хохлов, 1997) здесь обитает примерно 4.000 пар, т.е. в среднем около 6.000 пар.

Охранный статус. Включена в Красную книгу Карачаево-Черкесии

(3 категория). В последние десятилетия в большинстве горных районов Северного Кавказа наблюдается выраженная депрессия численности, связанная, очевидно, с хищническим воздействием размножившихся орнитофагов – тетеревятника, сапсана, беркута, карагуша, а также с изменениями трофических условий после резкого снижения численности домашнего скота в конце XX в. (Белик, 2008, 2014; Хубиев, Караваев, 2012; Караваев, Хубиев, 2013).

297. Галка альпийская *Pyrrhocorax graculus* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид горных регионов Северного Кавказа, распространенный к западу до высокогорного плато Лагонаки в Краснодарском крае и Адыгее (Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Белик и др., 2016). Залетает в предгорья Ставропольского края (В.А. Тельпов, личн. сообщ.). Один необычный случай залета отмечен также в Ростове (Маркитан, Бахтадзе, 1997; Белик, 1998, 2008).

Зоогеографические связи. Представитель альпийского фаунистического комплекса Гималайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 2-3 подвида, из которых на Кавказе распространена номинативная форма (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в высокогорьях от Альп до Алтая, Тибета и Гималаев. Изолированные популяции приурочены к Пиренеям и к Атласу в Малой Африке. На юге России широко распространена в альпийском поясе гор от Дагестана (горы Шалбуздаг, 4142 м; Базардюзи, 4466 м; Шахдаг, 4243 м н.у.м. на границе с Азербайджаном) до снежных вершин на плато Лагонаки. Населяет скалы Главного и Бокового хр. практически на всём их протяжении к западу до гор Фишт и Оштен, Большой Тхач и Ачешбок (Аверин, Насимович, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2023); на южном макросклоне гнездится на некоторых вершинах Передового хр. – Аутль, Ачишхо, Аибга (Кудашев, 1916; Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2006).

На Скалистом хр. альпийские галки в небольшом числе появляются только к востоку от Кубани, где вершины гор достигают высоты 2500 м н.у.м.: на горе Гудгора (2490 м) в верховьях р. Подкумок, на горе Бермамыт (2644 м), горе Кинжал (2829 м) и др. (Браунер, 1914; Ткаченко, 1966; Поливанов и др., 2000; Белик, 2008). На Центральном Кавказе на многих вершинах этого хребта высотой до 3000-3500 м н.у.м. птицы формируют большие колонии (Белик, Аккиев, 2023).

Детали распространения альпийской галки во внутригорном, известняковом Дагестане выяснены недостаточно. В аридных котловинах она, по-видимому, не гнездится (Билькевич, 1893; Rosenberg, 1907, 2019; Бёме, 1933; Белик, Насрулаев, 2019), но в конце лета наблюдалась на Андийском хр. у оз. Кезеной-Ам и на Ингердахских высотах (Россиков, 1884б; Динник, 1905). В скалистом ущелье р. Андийское Койсу 2 птицы – самец и самка – были добыты 17.06.1965 лишь выше с. Агвали, уже в пределах сланцевых гор (Девятко, Джамирзоев, 2012). Южнее они встречаются в высокогорьях Бокового хр. (Богосс, Нукатль и др.) (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Насруллаев, 1990, 2006; Джамирзоев и др., 2018).

Осенью и зимой, после снегопадов в горах, птицы собираются в скопления до 500-1000 особей и перемещаются в аридные Северо-Юрскую или Южно-Юрскую депрессии, где держатся на пастбищах, среди можжевеловых редколесий под куэстами Скалистого хребта или в зарослях облепихи в долинах рек, часто посещают свалки, но затем с потеплением постепенно вновь возвращаются в высокогорья. С многоснежного Западного Кавказа большая часть птиц на зиму откочевывает на восток, где в аридных котловинах снега сравнительно мало, и он быстро тает (Аверин, Насимович, 1938; Тильба и др., 1995; Перевозов, 2014, 2022; Караваев, 2020).

После сильных снегопадов птицы могут вылетать в предгорья к Владикавказу и Пятигорску, спускаясь до 600-800 м н.у.м. (Бёме, 1958; Парфенов и др., 2005). В исключительных случаях они появляются на равнинах вдали от гор. Так, в декабре 1996 г. одиночная альпийская галка была встречена в Ростове, где держалась до апреля 2002 г. в центре города у колонии обыкновенных галок, гнездившихся под крышами многоэтажных зданий (Маркитан, Бахтадзе, 1997; Белик, 1998, 2008).

Местообитания. Широко распространена в альпийских и субальпийских высокогорьях Кавказа, местами спускается на скалы среди горностепных пастбищ в среднегорьях. Здесь же в среднегорьях обычно кочует также в зимний период. Гнездится в нишах и щелях труднодоступных скал на высоте 2500-3000 м н.у.м. (Караваев и др., 2015; Караваев, 2020). Кормится обычно в горной степи и на субальпийских пастбищах, а осенью и зимой – на черничниках, в зарослях можжевельников, среди облепишников, на свалках в совместных стаях с клушицами.

Численность. В Европе обитает 108-253 тыс. пар, а в Европейской России на Северном Кавказе гнездится 17-24 тыс. пар (Белик, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Предварительно численность здесь оценивали в 30-50 тыс. пар (Мищенко и др., 2004; Белик, 2005б), но последующие исследования и анализ литературы позволили

скорректировать первоначальную оценку (Белик, 2008).

Сейчас это довольно обычный, фоновый вид альпийских высокогорий всего Кавказа, но в конце XIX в. эти птицы во многих районах были весьма редки (Богданов, 1879; Билькевич, 1893; Радде, 1884; Сатунин, 1907). В последнее время тоже отмечено постепенное сокращение численности, но пока еще кавказская популяция остается достаточно мощной (Белик, 2008). По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке гнездится 50-100 пар, в Кавказском заповеднике – 800-1000 пар, в Тебердинском – 350-500 пар, в Кабардино-Балкарском – 100-250 пар, в Северо-Осетинском – 600-900 пар (Джамирзоев и др., 2017). По другим данным, в Кабардино-Балкарском заповеднике в 1990-е годы было не менее 3000 пар (Липкович, 2000), но сейчас, по нашей оценке, здесь насчитывается около 1000 пар и примерно столько же птиц гнездится в районе заповедника на Скалистом хр. (Белик, Аккиев, 2023).

Обилие птиц в альпике на Западном Кавказе в июне равнялось 6 ос./км^2, а к началу июля повышалось до 18 ос./ км^2. Однако общая численность альпийской галки в Кавказском заповеднике оценена всего в 1.000 пар на 2,8 тыс. км^2 (Тильба и др., 1995; Тильба, 2000). Позже там учитывали от 0,78 ос./км^2 в верховьях р. Белая, до 3,95 ос./км^2 – в верховьях р. Шахе и 29,0 ос./км^2 – в верховьях р. Малая Лаба (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике обилие изменялось от 8,0 ос./км^2 в альпике до 14,0-17,6 ос./км^2 – в субальпике (Ткаченко, 1966; Поливанов, 2000), а в последние годы оно составляло на разных участках 4,8-16,6 ос./км^2 (Караваев и др., 2015). В Кабардино-Балкарии на субальпийских и альпийских лугах обилие достигало 7-8 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии в аридной котловине в долине р. Гизельдон обилие в августе 1960 г. не превышало 1 ос./км^2, но на субальпийских лугах на южном склоне Скалистого хр. достигало 5 ос./км^2 (Второв, 1962), а на субальпийских лугах Главного и Бокового хр. оно колебалось по месяцам от 0 до 24, составляя в среднем 6 ос./км^2 (Комаров, 1991). В Дагестане на субальпийских лугах Водораздельного хр. близ аула Куруш обилие составляло в среднем 6 ос./км^2, а местами достигало 11 ос./км^2 (Бутьев, Лебедева, 1992).

Охранный статус. Особая охрана на юге России не предусмотрена. Каких-то негативных воздействий эти птицы сейчас, по-видимому, не испытывают, а на хозяйственное освоение высокогорий реагируют положительно (Sackl, 1997; Комаров, Липкович, 2000).

298. Галка *Corvus monedula* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий вид всех равнинных, предгорных и низкогорных регионов Южной России

(Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Включает 3-5 подвидов. Восточную Европу и Кавказ населяет номинативная форма (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003). В последнее время для этого региона указывают *C. m. soemmerringii*, ранее сводившийся в синонимы номинативного подвида (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014). На востоке Азии гнездится даурская галка *C. dauuricus*, ранее объединявшаяся с обыкновенной галкой в один вид (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954).

Распространение. Гнездится в Западной Евразии от Атлантики до Западной Сибири. На юге России распространена повсеместно в степных, лесостепных и полупустынных ландшафтах, в поймах рек на равнинах и в предгорьях, а также среди безлесных низкогорий во всех регионах. Лишь на Черноморском побережье Кавказа изредка отмечают только залетных птиц (Тильба, 2006, 2017, 2022). Осенью из более северных частей ареала в степные регионы Южной России прилетают стаи галок, остающихся на зимовку в сельскохозяйственных ландшафтах, в поселках и сёлах, ночуя в совместных стаях с грачами в садах, рощах и других лесонасаждениях.

Местообитания. Обитает в городах, посёлках и сёлах, устраивая гнезда под карнизами крыш, в различных нишах строений и в печных трубах; в последние десятилетия во многих районах галки заселили также полые бетонные опоры высоковольтных линий электропередачи среди полей; местами они селятся под бетонными мостами. Прежде птицы формировали иногда большие колонии в норах обрывов (Бёме, 1926; Чернобай, 1973), а также в значительном числе гнездились в дуплах деревьев (Artzibascheff, 1859, 2015), изредка занимали старые гнезда сорок (Линдеман, 1971). В прошлом часто гнездились также в скалах в сухих предгорьях и низкогорьях рядом с горностепными пастбищами, но сейчас эти гнездовья полностью исчезли (Lorenz, 1887, 2011; Билькевич, 1893; Браунер, 1914; Даль, 1959; Тельпов и др., 1988; Караваев, 2000). Кормятся в степи, на лугах и в полях.

Численность. На юге России довольно обычна в равнинных районах. В Европе обитает 9,9-20,8 млн., а в Европейской России – 2,4-5,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность южнороссийской популяции оценивали в 50-100 тыс., в том числе в Ростовской обл. – около 13 тыс., а на Ставрополье – 30 тыс. пар (Хохлов, 1993; Белик, 2000а, 2005б). Для сравнения, в Саратовской обл. гнездовая

численность была оценена в 65-85 тыс. пар (Завьялов и др., 2009).

Обилие в Воронеже колеблется в пределах 81,5-106,5 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021). На Ставрополье в посёлках с населением до 2 тыс. человек гнездится в среднем 6 пар галок, а на полевых станах – от 5 до 25 пар (Константинов и др., 1984). В Приманычье на востоке Ставрополья на 10 км ЛЭП с бетонными опорами в 2008-2012 гг. гнездилось 25 пар, а между с. Приютное и Элистой в Калмыкии в 2005 г. учтено 138 пар на 52 км ЛЭП (Маловичко, Федосов, 2005; Маловичко, 2013). В Северной Осетии в 1992 г. было учтено 10 пар на 9 км ЛЭП (Комаров, Липкович, 2000), а в Волгоградском Заволжье, по нашим данным, в 2014 г. галки занимали почти все бетонные опоры высоковольтных ЛЭП, стоявшие в 200 м друг от друга на протяжении многих километров, особенно поблизости от посёлков.

Численность галки на зимовке в Ростове составляет около 5% от количества грачей, с которыми она держится в совместных стаях (Сиденко, 2004), а в Ставрополе ее доля достигает 7-10% (Константинов, Хохлов, 1990).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

299. Грач *Corvus frugilegus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично оседлый вид, в большом числе зимующий во всех регионах на юге России (Хохлов, 1983; Белик, 1992б; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 2 подвида, в том числе номинативную форму, населяющую западную часть ареала к востоку до Енисея, и обособленную форму *C. f. pastinator*, распространенная на востоке Азии (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Тихого океана. На юге России населяет все равнинные и предгорные регионы, а в Карачаево-Черкесии временами проникает в горно-степные среднегорья Северо-Юрской депрессии к югу до стан. Кардоникской (Караваев и др., 2013). Однако в предгорьях Северного Кавказа гнездовья непостоянны: в некоторых регионах – например, в Кабардино-Балкарии – произошло сокращение ареала грача (Чунихин, 1962; Моламусов, 1967; Белик, Федосов, 2017), но в других районах – на Тамани, в Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Дагестане – он расселяется к югу (Комаров, Липкович, 2000; Караваев и др., 2007, 2012, 2913; Тильба, 2012; Насрулаев, 2018). Во второй половине

XX в. произошло расширение ареала также и в полупустынных районах Заволжья, где грачи быстро заселяли появившиеся там искусственные лесонасаждения (Линдеман, 1971; Белик и др., в печати). На Черноморском побережье Кавказа грач появился на гнездовье в Абхазии (Маландзия, 2000), но между Анапой и Пицундой встречается сейчас только на миграциях и зимовке, местами остается также на летовку (Тильба, 2012; Белик, 2015а).

Часть взрослых птиц, размножающихся на юге России, зимует в местах гнездования (Белик, 1992б), большинство же улетает осенью на юг, юго-запад и запад вплоть до Турции, Крыма и Болгарии (Константинов, Хохлов, 1990). Но на их место с севера и северо-востока прилетает много грачей, проводящих зиму в полях, на свалках, в городах и поселках. Область их массовых зимовок определяется снежным покровом, затрудняющим кормежку. В северных регионах, в бассейне Сев. Донца и Среднего Дона, снег лежит примерно на 1 месяц дольше и имеет в 2 раза большую мощность, тогда как уже на юге Ростовской обл. его покров крайне неустойчив и в среднем не превышает 8 см (Нагайцев, 1971).

Поэтому в Предкавказье грачи практически всю зиму имеют возможность добывать себе корм непосредственно в полях, где и кормится значительная часть зимующей популяции (50-70%). И лишь в снегопады и морозы они концентрируются в населенных пунктах, переживая здесь кратковременные неблагоприятные периоды. На севере же грачи вынуждены кормиться зимой главным образом возле жилья человека: на улицах, свалках и др., поэтому вдали от крупных населенных пунктов практически не встречаются (Белик, 1992б, 2000а, с.70). Аналогично грачи распределяются и в предгорьях Северного Кавказа (Караваев и др., 2013).

Сезонные миграции идут днем, на сравнительно небольшой высоте, как правило большими стаями, летящими длинными потоками в определенном направлении. Подобным образом по вечерам идут зимой и суточные кормовые миграции птиц, собирающихся на ночевку в излюбленные рощи, лесополосы и т.п., причем перед перелетом на место ночевки грачи скапливаются поблизости на полях, пустырях, на льду больших водоемов и др., и только в сумерках улетают в рощи.

Местообитания. Широко распространен на степных равнинах и спорадично встречается в лесостепных предгорьях, а в Карачаево-Черкесии проникает в горы на высоту до 1100 м н.у.м. (Караваев и др., 2007, 2013). Очень характерен для пойменных лесов степной и особенно полупустынной зоны. Гнездится обычно плотными колониями в небольших рощах, лесополосах, городских парках, местами – на опорах

высоковольтных ЛЭП и на фермах железнодорожных контактных сетей. Гнездо из древесных прутьев с выстилкой из сухих листьев и травы делает обычно в кронах деревьев.

Численность. На юге России до конца XX в. грач был обычен и многочислен, но в последние десятилетия гнездится очень спорадично и лишь зимой обычен или многочислен. В Европе обитает 7,5-13,2 млн., а в Европейской России – 2-4 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность в конце XX - начале XXI в. оценивали в 1,5-3,0 млн. пар, в том числе до 200-250 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 1989а, 2000а, 2005б; Белик, Сидельников, 1989). На Ставрополье в конце XX в. в послегнездовой период насчитывали 1,3 млн. особей (Хохлов, 1993). Но в начале XXI в. во многих районах отмечено сильное сокращение численности (Белик и др., 2003), и сейчас она на юге России не превышает, очевидно, 0,5-1,0 млн. пар.

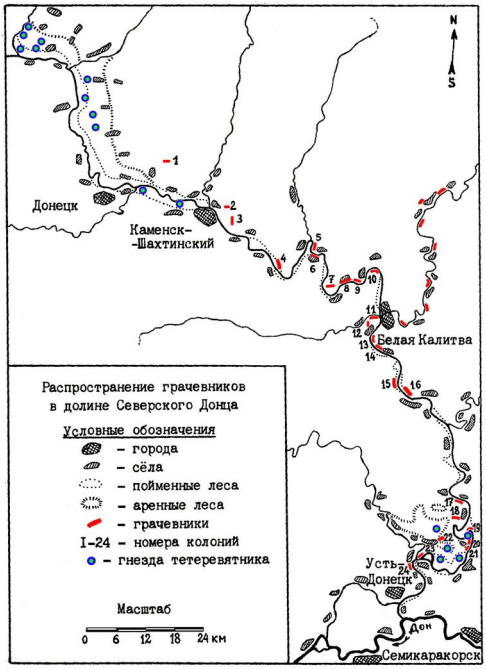

Рис. 17. Размещение колоний грача в долине Северского Донца в 1977-1991 гг. (по: Белик, Ветров, 1991)

В Ростовской обл. в галерейных лесах по долине Сев. Донца в 1977-1991 гг. на протяжении 185 км было закартировано более 20 грачевников

по 25-500 пар, общей численностью около 7-8 тыс. гнезд, причем в лесистых районах выше г. Каменска и в устье р. Кундрючьей, которые были заселены тетеревятниками, грачей тогда уже не было, а в последующие годы их колонии исчезли и в остальных районах. На Среднем Дону с обширными пойменными и аренными лесами, заселенными тетеревятником, грачевников тоже не было, тогда как на Нижнем Дону, куда этот ястреб еще не проник, грачи были обычны, а их колонии достигали весьма большой величины (Белик, Ветров, 1991).

В Ставропольском крае, в основном в северных и восточных степных районах, в 2012 г. было учтено лишь 48 жилых колоний общей численностью более 11,5 тыс. гнезд, а также 12 брошенных гнездовий (Маловичко и др., 2012). В Карачаево-Черкесии в 2007 г. в 41 колонии гнездились более 1,7 тыс. пар, причем их численность за 2 года сократилась там в среднем на 30,7% (Караваев и др., 2013). Резкое сокращение численности грачей в колониях отмечено в 2007 г. также на Ставрополье и в Калмыкии (Хохлов и др., 2007).

В лесополосах в Волгоградском Заволжье в 2010-е годы между пос. Гмелинка и Палласовка учтено 7 колоний по 70-300 гнезд, всего 1220 пар на 36 км; между г. Волжским и пос. Быково учтено 8 колоний по 10-100 гнезд, всего 360 пар на 53 км; между г. Николаевском и Палласовкой было 10 колоний по 50-200 гнезд, т.е. всего около 800 пар на 95 км, или в среднем 13 пар/км маршрута. Кроме того, близ Палласовки вдоль автотрассы тянулась высоковольтная ЛЭП с опорами, на которых располагалось по 4-5 гнезд грачей, всего около 100 гнезд (Белик и др., в печати).

В 70-80-е годы XX в. в Ростове зимовало до 130 тыс. грачей (Варшавский и др., 1984), а в начале 1990-х годов – около 200-300 тыс. особей; всего же в Ростовской обл. тогда на зимовку оставалось примерно 1-2 млн. птиц (Белик, 1992б), однако к началу XXI в. число грачей, зимующих в Ростове, уменьшилось, по нашим данным, почти на порядок. В Ставрополе в 70-80-е годы зимовало до 26-71 тыс. грачей (Константинов, Хохлов, 1990). По другим данным, численность зимующих врановых, среди которых доминировали грачи, в Ставрополе составляла тогда 85-120 тыс., в Волгограде – около 80 тыс., а в Астрахани – до 170 тыс. особей (Варшавский и др., 1984).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Популяция регулируется различными факторами, в том числе хищничеством тетеревятника, распространением лесонасаждений в степях, площадью сельхозугодий, состоянием снежного покрова зимой, массовой гибелью на автотрассах и ЛЭП-10 кВ (Белик, 1996в; Белик и др., в печати) и др.

300. Ворона черная *Corvus orientalis* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. В прошлом в литературе неоднократно указывались залеты в разные регионы Южной России, но достоверность регистраций и точность определения наблюдавшихся птиц сейчас нуждаются в подтверждениях (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Судя по структуре ареала и биотопическим связям, восточную черную ворону можно рассматривать как представителя лесолугового фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Прежде единый полиморфный и широко распространенный вид *C. cornix* sensu lato сейчас рассматривается обычно как надвидовой комплекс, состоящий, как минимум, из 4 полувидов, в том числе серой вороны *C. cornix* и трех черных ворон: *C. corone*, распространенной в Юго-Западной Европе; *C. orientalis*, гнездящейся в Китае, Средней и Восточной Азии, и *C. brachyrhynchos*, обитающей в Северной Америке (Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014; Dickinson, Christidis, 2014). Для Южной России указывают возможность залетов двух форм черных ворон: *C. corone* и *C. orientalis* (Коблик, Архипов, 2014). На наш взгляд, здесь более вероятно появление восточной черной вороны.

Залеты европейских ворон регистрировали в XIX в. в Крыму, однако Г.И. Радде (Radde, 1854) принимал за этот вид, очевидно, молодых грачей (Никольский, 1891), а сведения И.А. Крыницкого (Kaleniczenko, 1839) и др. не подтверждены документальными данными (Костин, 2006, 2020). Редкие дальние залеты европейской черной вороны *C. corone* отмечали на западе Украины и Белоруссии, в Карелии и на Кольском полуострове (Дементьев, Гладков, 1954; Страутман, 1963; Федюшин, Долбик, 1967; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Гнездится в Средней Азии к северу до Аральского моря и к западу почти до Каспия (Рустамов, 2013), а также в Китае и в Сибири к востоку от Енисея. На юге России залеты черной вороны указаны для многих регионов, но все регистрации основаны на визуальных наблюдениях, и определение птиц не было документировано коллекционными материалами.

Однажды в XIX в. этот вид отмечен в Таганроге, где 2 птиц наблюдали в стае серых ворон на городской улице (Алфераки, 1910). В Волгоградской обл. черную ворону как гнездящийся вид Заволжья указали, несомненно ошибочно, Б.С. Кубанцев и В.Ф. Чернобай (1982), а затем В.Ф. Чернобай (2004) привел ее как редкий залетный вид. В Калмыкии 1 птица встречена охотоведом из Саратова А.С. Усовым в ноябре

1998 г. в низовьях р. Кума (Музаев и др., 2007). Без каких-либо комментариев этот вид приведен в списке птиц Краснодарского края (Жарко, 1909), а В.С. Очаповский (2017) сообщал о добыче в 1951 г. у г. Ейска 1 птицы, хранившейся прежде в музее Краснодара. По сомнительным опросным данным, черная ворона была указана для пос. Лазаревского на Черноморском побережье Кавказа, где ее будто бы ежегодно отмечали весной и осенью, а в Крыму у Алушты черную ворону иногда отмечали зимой (Волчанецкий и др., 1962).

Для Ставрополя черную ворону указал Н.Я. Динник (1886), который зимой 1886 г. в течение месяца наблюдал в городе 1 птицу среди серых ворон. В Кабардино-Балкарии в низовьях р. Малка К.Н. Россиков (1884а) встречал этих птиц 3-4 раза в октябре, декабре и январе в зимний период 1882/83 г., добавляя, что они во множестве зимуют на подгорных равнинах. М.Н. Богданов (1879) наблюдал черных ворон летом на горных лугах Малой Чечни на высоте до 3000 м н.у.м., предполагая, что на предгорные равнины они спускаются на зиму, и указывая, что на Кавказе, по сведениям Э. Менетрие (Menetries, 1832), они повсеместно обычны, встречаясь иногда значительными стаями. Для Дагестана черная ворона приведена Г.С. Джамирзоевым (2000) как залетный вид по данным М. Богданова (1879).

Очевидно, многие из перечисленных сведений можно трактовать как ошибки в определении молодых грачей, которые в Предкавказье остаются на зимовку сравнительно редко (Белик, 1992б), иногда встречаются в городах и на первый взгляд могут быть приняты за черных ворон. В то же время Э. Менетрие (1832) под именем *C. corone* вовсе подразумевал отсутствующую в его списке серую ворону, которая на Кавказе действительно повсюду обычна. М. Богданов наблюдал в высокогорьях скорее всего воронов, а К. Россиков в ряде случаев использовал данные своего наставника Богданова как непререкаемые указания (Белик, 2022а).

О том, что на Кавказе происходила путаница черных ворон с молодыми грачами, непосредственно свидетельствует К.А. Сатунин (1907), обнаруживший эти ошибки среди коллекционных сборов Г.И. Радде в Кавказском музее. Сам же Сатунин изредка наблюдал стайки черных ворон в Закавказье у Тбилиси на весеннем пролете в марте, но их гнездовий там нигде не встречал.

Местообитания. Гнездится по опушкам лесов, среди редколесий, в поймах рек, в том числе в тростниковых зарослях, а также в садах, рощах и на отдельных деревьях как на равнинах, так и в горах Средней Азии, поднимаясь там до 2000-3000 м н.у.м. Заселяет также города, но в глубь обширных лесов не идет (Дементьев, Гладков, 1954; Гаврин,

1974; Ковшарь, 2019; и др.).

Численность. В Средней Азии обычна, местами многочисленна, но в Туркмении на западе ареала встречается уже сравнительно редко (Гаврин, 1974; Рустамов, 1958).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

301. Ворона серая *Corvus cornix* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Серая ворона *C. cornix* sensu str. рассматривается сейчас обычно как обособленный политипический вид, включающий 3-4 подвида. По одним данным, к северу от Нижнего Дона и Нижней Волги распространена номинативная форма, а к югу, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, обитает более светлая *C. c. sharpii* (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). Но по мнению Л.А. Портенко (1954), в Восточной Европе и на Кавказе гнездится *C. c. kaukasicus*, а форма *C. c. sharpii* населяет Западную Сибирь и Казахстан. Специальное изучение коллекции предкавказских ворон, хранившихся в Ростовском университете, позволило определить их как *C. c. kaukasicus* (Keve, 1972; Казаков, 1974, 2022).

По последним данным, в горах Большого Кавказа и в Закавказье обитает форма *C. c. kaukasicus*, у которой верхние кроющие крыла имеют отчетливый зеленоватый отлив. В Предкавказье находится, по-видимому, область ее интерградации с *C. c. khozaricus*, распространенной к северу до Смоленской и Московской обл. и на восток до северного Каспия и Урала и отличающейся отчетливым красновато-фиолетовым отливом на оперении предплечья. Самый светлый подвид *C. c. sharpii*, имеющий на предплечьях неяркий фиолетовый или зеленовато-фиолетовый отлив, обитает в азиатской части ареала, а наиболее темная номинативная форма населяет север Европейской России и Скандинавию (Жигир, Редькин, 2020).

Распространение. Гнездится в Евразии к западу до Скандинавии, Германии, Балкан и Малой Азии, а к востоку – до Енисея и Аральского моря. На юге России населяет все равнинные и предгорные регионы, а по долинам рек проникает в горы до верхней границы леса (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000; Ка-

раваев и др., 2013), но лесной пояс на Западном Кавказе, а также Черноморское побережье птицы заселили в основном в течение XX в. вслед за освоением этих регионов человеком и формированием там антропогенных ландшафтов (Тильба, 1999).

После окончания гнездового периода серые вороны ведут кочевой образ жизни, часто соединяясь в небольшие стаи, но их сезонные миграции на юге России не выражены. Зимой часто держатся вместе с грачами и галками поблизости от городов, посёлков, свалок и т.п.

Местообитания. Широко распространена в лесостепных ландшафтах, среди полей и лугов, на равнинах и в горах, обычна в лесистых поймах рек; по лесополосам и другим древесным насаждениям проникает в степи, полупустыни и пустыни. Гнездится отдельными парами в разных типах лесов и в лесополосах, во второй половине XX в. заселила городские парки и скверы, часто устраивает гнезда на различных опорах ЛЭП, местами – в тростниках по берегам водоемов. Гнездо из древесных прутьев с выстилкой из шерстяного войлока и лубяных волокон делает обычно высоко в кронах деревьев.

Численность. На юге России довольно обычна. Сведения о численности в Европе отсутствуют, поскольку в Западной Европе популяции этого вида не отделяют от черной вороны. В Европейской России обитает 1,5-4,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017). Численность южно-российской популяции в конце XX – начале XXI в. оценивали в 50-250 тыс. пар, в том числе от 100 до 300 тыс. пар по разным учетам в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). На Ставрополье в послегнездовой период насчитывали около 300 тыс. особей (Хохлов, 1993). В начале XXI в. в ряде районов на северо-западе, особенно в бассейне Дона, прослежено заметное сокращение численности (Белик и др., 2003).

Обилие птиц в степном Придонье в байрачных лесах в конце XX в. составляло в среднем 1,0, в пойменных – 6,9, в аренных – 0,5, а в искусственных лесных массивах – 2,2-2,7 пар/км^2, но к концу XX в. численность в степных лесах снизилась в среднем до 0,7 пар/км^2 (Белик, 2000а). В лесополосах среди полей в Придонье обилие в конце XX в. составляло в среднем 1 пара/км длины (Белик, 2009), в Калмыкии на Ергенях – в среднем 0,8 пар/км (Музаев, Болдуринов, 1999), а в Волгоградском Заволжье, заселявшемся вороной с 1960-х годов, сейчас гнездится в среднем 1 пара на 3 км лесополос (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005).

На Среднем Дону в апреле 1989 г. гнездились 2,4 пары/км^2 на песчаной террасе с сосновыми лесополосами и 2,5 пары/км^2 – в пойме, а в мае 1998 г. там было учтено 19-21 встреч на 153 км автомаршрута (Белик, 2005а). В мае 1999 г. в пойме Дона обилие достигало 17 пар/56 км, а в

песках – 17 пар/68 км маршрутов. В апреле-мае 2007 г. там было учтено 15 птиц на 30 км автомаршрута по хуторам вдоль долины Дона и всего 4 птицы на 30 км вдоль песчаной террасы, а на Дону встречены лишь 4 птицы на 18 км русла. Наконец, в июне-июле 2020 г. на Арчединском песчаном массиве учтены всего 4 вороны на 102 км маршрута (Белик, Гугуева, 2021). Эти данные наглядно показывают общую негативную динамику численности, связанную с хищническим воздействием тетеревятника, расселившегося во многих лесных массивах Южной России (Белик, 2003; Белик и др., 2010; и др.).

В Северной Осетии в 1980-е годы на подгорной равнине гнездились в среднем 23 пары/км^2, на Притеречной равнине – 31 пара/км^2, а на Терско-Кумской равнине – 15 пар/км^2, в долинах же предгорных рек обилие достигало 8,8-17,8 пар/км^2 и даже 26,7-43,4 пар/км^2 (Комаров, 1992; Комаров и др., 2006). А в городах Карачаево-Черкесии летом учитывали до 10-22 ос./км^2, причем в Карачаевске численность возросла с 1,9 ос./км^2 в 1996-1998 гг. до 23,7 ос./км^2 в 2006-2009 гг. (Караваев и др., 2013). В Элисте в центральном парке ежегодно гнездилось до 4-5 пар/30 га (Музаев, Болдуринов, 1999). На зимовке в Ставрополе в 1970-е годы учитывали максимально от 3 до 9 тыс. особей (Константинов, Хохлов, 1990).

Помимо территориальных птиц, в гнездовой период изредка встречаются стаи различного размера, состоящие из холостых особей (Юдин, 1952; и др.), достигающих половозрелости обычно на 2-3 году жизни. Они представляют, возможно, потенциальный резерв для замены партнеров в парах, в которых одна из птиц погибает по каким-либо причинам. В конце лета к этим стаям присоединяется также молодняк. Так, по берегам Дона между г. Богучар и стан. Вешенской на 150 км русла реки 17-21.08.2002 было учтено 6 стай общей численностью 190-200 птиц, т.е. потомство 50-60 пар (Белик, 2005а). Однако распределение и динамика численности этих стай практически не изучены.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Сокращение численности в квазиприродных ландшафтах частично компенсируется формированием урбанизированных популяций, где птицы лучше защищены от воздействия хищников и других негативных факторов.

302. Ворон *Corvus corax* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2006, 2016).

Зоогеографические связи. Голарктический вид, метрополия которого находится, по-видимому, в Палеарктике, где наблюдается максимальное разнообразие внутривидовых форм и обитает близкий пустынный

вид *C. ruficollis* (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Поэтому ворона можно предположительно считать представителем древне-лесостепного фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Ворон *C. corax* sensu str. включает 8-11 подвидов (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В Европейской России и на Кавказе гнездится номинативная форма (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Обитает в Северной Америке и Евразии, кроме тропических районов. Пустыни Африки, Передней и Средней Азии населяет близкий вид *C. ruficollis*, ранее объединявшийся с обыкновенным вороном (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954). На юге России ворон гнездится сейчас во всех равнинных, предгорных и горных регионах, проникая по ущельям в горы вплоть до субальпики (Белик, Аккиев, 2023). Степи Предкавказья заселил сравнительно недавно (Белик, 1989б; Белик и др., 2004; Федосов, Маловичко, 2007; Хохлов и др., 2007; Цапко, 2009; и др.), а полупустыни Калмыкии начал осваивать лишь в последнее время (Музаев и др., 2010). Вдоль Черноморского побережья в XX в. заселил прибрежные скалы между Анапой и Новороссийском (Белик, 2013в), восточнее гнездится в лесах и на скалах в речных ущельях, а в последнее время расселяется там и по опорам высоковольтных ЛЭП (Тильба, 2019).

На Нижней Волге в начале XX в. ворон встречался на кочевках лишь в северных районах, а сведения о его гнездовании эпизодически поступали только из окрестностей оз. Эльтон в Волгоградской обл. и с. Черный Яр на севере Астраханской обл., где в 1920-е годы пара птиц постоянно гнездилась на обрыве Волги (Kracht, 1919, 2014; Хлебников, 1924, 1928, 1930; Аргиропуло, 1928; Белик и др., в печати).

В последнее время отмечена неудачная попытка гнездования ворона на 60-метровой вышке в пос. Джаныбек в Приэльтонье (Быков и др., 2009), в 2013 и 2021 гг. в Николаевском, Быковском и Старополтавском р-нах на севере Волгоградского Заволжья нами найдены 4 жилых и 1 старое гнездо, устроенные на опорах ЛЭП (Белик и др., в печати), а в начале мая 2021 и 2022 гг. гнездо с 3 и 4 оперившимися птенцами было сделано на металлической балке под железнодорожным мостом через р. Самароду у пос. Эльтон (Рупасов и др., 2022, 2022а). Пару птиц в конце мая 2010 г. наблюдали также возле г. Ахтубинск (Ильюх и др., 2010). В дельте же Волги, начиная с 1966 г. до настоящего времени, отмечено всего несколько встреч залетных птиц, в основном – в зимние сезоны (Реуцкий, 2015).

Зимой ворон держится обычно парами на гнездовых территориях или в

их окрестностях, а в горах откочевывает по долинам рек в более низкие районы. Молодые и холостые птицы широко кочуют в поисках обильных источников корма, нередко концентрируясь у боен, скотомогильников, свалок или в местах массовой гибели диких животных, где иногда собираются в очень большие стаи (Белик, 1991, 2015а; Тильба, 2006; и др.).

Местообитания. На гнездовье широко распространен на равнинах, в предгорьях и горах вплоть до субальпийского пояса на высоте 2000 м н.у.м. (Белик, Аккиев, 2023). Гнездится отдельными парами на деревьях в различных типах лесов, изредка в лесополосах среди полей, местами на береговых обрывах, а в горах устраивается как правило в нишах и на полках скал. В равнинной степи в конце XX в. освоил гнездование на опорах высоковольтных ЛЭП, а сейчас расселяется вдоль ЛЭП и в лесистых низкогорьях (Белик, 1989б; Тильба, 2019). В начале XXI в. начал заселять также высокие трубы котельных в городах, крыши заброшенных зданий, местами селится на металлических конструкциях железнодорожных мостов и т.п. (Забашта, 2006; Цапко, 2009; Белик, Назаренко, 2012; Рупасов и др., 2022). Гнездо делает из толстых сухих прутьев с толстой выстилкой из шерстяного войлока.

Численность. Довольно обычный вид почти всех регионов, кроме пустынь Северо-Западного Прикаспия. В последние десятилетия на юге России наблюдается устойчивая тенденция к заселению степных и полупустынных районов, сопровождающаяся ростом всей популяции. В Европе обитает 0,6-1,2 млн. пар, а в Европейской России – 250-400 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в конце XX в. численность оценивали в 5-10 тыс. пар, в том числе в Ростовской обл. – около 500 пар, а на Ставрополье – примерно 50 пар (Белик, 1989а, 1989б, 2000а, 2005б; Хохлов, 1993). В начале XXI в. во многих районах, особенно в степной зоне, отмечен заметный подъем численности (Белик и др., 2003), в связи с чем ее оценка на юге России увеличена до 5-15 тыс. пар (Белик, 2014), но сейчас она, несомненно, стала еще выше.

По экспертным оценкам, численность ворона в Сочинском нац. парке составляет сейчас 200-300 пар, в Кавказском заповеднике – 50-100 пар, в Тебердинском – 15-20 пар, в Кабардино-Балкарском – 5-7 пар, а в Северо-Осетинском – всего 3-5 пар (Джамирзоев и др., 2017). Но по нашим данным, в Кабардино-Балкарском заповеднике и его окрестностях гнездится до 15 пар (Белик, Аккиев, 2023), а в Северо-Осетинском заповеднике и его окрестностях в 1987 г. учли 23-24 пары (Комаров, Липкович. 2000).

В Восточном Приазовье и на Тамани в мае 2004 г. на 1300 км автомаршрута были встречены 2 выводка и найдено 38 гнезд ворона, а его общая численность в степной части Краснодарского края была оценена в 400-600 пар (Белик и др., 2004).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Астраханской обл. (3 категория). В остальных регионах Южной России особая охрана ворона не предусмотрена, и никакой необходимости в ней сейчас здесь нигде нет.

Семейство **Свиристелевые** Bombycillidae

303. Свиристель *Bombycilla garrulus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Зимующий, инвазионный вид всех равнинных и горных регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Голарктический северотаежный вид, отнесенный Б.К. Штегманом (1938) к Сибирскому типу фауны. Свиристели представляют резко обособленное семейство, включающее всего 3 похожих вида, в том числе амурского *B. japonica* и североамериканского *B. cedrorum*. Судя по характеру окраски, последний вид самый примитивный, а обыкновенный *B. garrulus* – наиболее молодой и продвинутый, сформировавшийся, вероятно, на севере в районе Берингии, откуда в постплейстоцене расселился по таежной зоне на запад в Евразию и на восток в Америку. Об этом свидетельствует и структура его ареала, охватывающего в Северной Америке лишь западные таежные районы, где он успел сформировать особый подвид. А монотипический американский *B. cedrorum* распространен в более восточных и южных районах. Таким образом, *B. garrulus* может быть включен в северотаежный фаунистический комплекс Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1978; Белик, 2006).

Таксономия. В Евразии свиристель представлен номинативным подвидом (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в таежной зоне Евразии и Северной Америки, а зимой широко кочует в поисках корма, изредка долетая к югу до Крыма, Закавказья, Турции (Радде, 1884; Сатунин, 1907; Костин, 1983; Маландзия, 1992, 2000; Patrikeev, 2004; Kirwan et al., 2014; и др.). На юге России появляется осенью во всех регионах, но нерегулярно и в разном числе, иногда в виде массовых инвазий. На Нижнем Дону в 70-90-е годы за 28 лет наблюдений свиристели появлялись 12 сезонов, но только зимой 1970/71, 1974/75 и 1981/83 г. они были обычны и отмечались по 10-20 раз за сезон. А мощная инвазия прослежена здесь зимой 2005/06 г. (Белик, 1997а; Ломакин, Белик, 2008).

Более обычны птицы на севере Придонья, а также в Западном и Центральном Предкавказье, где они лучше обеспечены кормами. В более

сухих степных районах на Нижнем Дону, в Поволжье и Восточном Предкавказье свиристели появляются в основном на осеннем и весеннем пролете, нередко исчезая зимой (Хохлов, 1992; Белик, 1997а). Изредка они залетают в среднегорья Кавказа (Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015) и на Черноморское побережье (Тильба, 2006).

Осенью на юг России птицы прилетают чаще всего в ноябре, а весной улетают в марте-апреле, изредка задерживаются до мая, причем в Придонье их исчезновение отмечают обычно уже в марте, а в Предкавказье – в апреле (Хохлов, 1992; Белик, 1997а; Ломакин, Белик, 2008). Последние встречи зарегистрированы 02.05.1991 в Славянске-на-Кубани (Заболотный, Хохлов, 1991), 06.05.1906 в Северной Осетии (Бёме, 1926), 11.05.1986 в Ставрополе (Хохлов, 1992), 13.05.1966 в Волгоградском Заволжье у пос. Джаныбек (Линдеман, 1971). В Западном Казахстане одиночек и стаи задержавшихся свиристелей отмечали 02, 03, 07 и 13.05.1958, а затем стайка из 7 птиц встречена там же уже в конце лета 26.08.1958 (Гаврилов и др., 1968).

Направленные миграции свиристелей наблюдаются редко; они идут обычно по утрам и вечерам и ориентированы весной на север – северо-восток (Белик, 1997а). Но по результатам кольцевания выясняется их широтная направленность. Места и даты кольцевания и встреч свиристелей однозначно свидетельствуют об их дальних перемещениях из Сибири и Приуралья в Центральную Европу и обратно: **Москва** (23.03.1928) – **Краков, Польша** (19.02.19…); **Венгрия** (12.03.1935) – **Санкт-Петербург** (25.10.1938); **Ровно, Украина** (28.02.1937) – **Чита** (01.12.1937) (Спангенберг, 1954); **Будапешт** (12.01.1933) – **Калуга** (10.10.1935); **Калуга** (28.03.1978) – **Новосибирск** (00.03.1979) (Марголин, Баранов, 2002); **Будапешт** (30.12.1932) – **Йошкар-Ола** (01.11.1934); **Чехия** (02.02.1947) – **Сыктывкар** (09.01.1948); **Будапешт** (24.03.1959) – **Киров** (07.10.1959); **Прага** (02.12.1963) – **Йошкар-Ола** (00.10.1966); **Будапешт** (16.12.1974) – **Киров** (16.10.1975) (Сотников, 2006).

Местообитания. Гнездятся свиристели в таежных районах обычно в разреженных хвойных и смешанных лесах, часто по окраинам верховых болот, у вырубок, на опушках сосняков и ельников, охотясь на насекомых, а в конце лета переходя на ягоды черники, брусники, клюквы, черемухи и др. На зимних кочевках часто останавливаются в садах и парках или в пойменных лесах, где наиболее охотно поедают оставшийся неубранный виноград, бобы софоры в городских парках, ягоды рябины, калины, барбариса, а также плоды омелы, особенно многочисленной на юге Западного и Центрального Предкавказья.

Численность. В Европе гнездится 1,1-2,1 млн., а в Европейской России – 1,0-1,8 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России свиристель появляется во время осенне-зимних кочевок стаями, размером в десятки и сотни птиц, изредка до 400-600 особей (Хохлов, 1992; Ломакин, Белик, 2008). Во время редких мощных инвазий наблюдают иногда тысячи птиц, например, 14.12.2005 на севере Ростовской обл. на 60 км маршрута было учтено 1800-1900 птиц, в том числе 3 стаи по 300-400 особей (Ломакин, Белик, 2008).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

Семейство **Оляпковые** Cinclidae

304. Оляпка *Cinclus cinclus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий вид всех горных регионов Северного Кавказа и редкий залетный в равнинных регионах Южной России (Белик и др., 2006, 2016).

Зоогеографические связи. Фауногенетически вид связан, возможно, с горным реофильным комплексом, обособленным в Китайском типе фауны Палеарктики (Белик, 2006). Судя по распространению семейства и рода оляпок, три вида которого являются эндемиками гор Америки, а еще один вид *C. pallasii* приурочен к горам Восточной Азии и входит в указанный выше реофильный комплекс, оляпки в целом могут иметь метрополию где-то в области гор четвертичной Берингии, откуда позже по горным цепям расселились на юг по Америке и на запад по Евразии, дифференцируясь в разных горных регионах на парапатричные виды. Поэтому *C. cinclus* тоже можно условно относить, вероятно, к реофильному фаунистическому комплексу как конечное западное звено в цепи форм этого рода.

Таксономия. Включает 12-15 подвидов. Для Кавказа указывали или номинативный подвид, распространенный также на севере Европы и на Урале (Дементьев, Гладков, 1954), или эндемичный *C. c. caucasicus*, обитающий на Кавказе, а также в Малой Азии и Иране (Портенко, 1954; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Обитает в Евразии от Атлантики до Байкала, формируя в разных горных системах ряд изолированных ареалов: в Скандинавии и на Урале, в Британии, на юге Европы и Кавказе, в Средней Азии и на юге Сибири, в Гималаях и Китае и др. На юге России гнездится по рекам и ручьям в горах Северного Кавказа к западу до бассейна р. Пшада на южном макросклоне (Белик и др., 2017; Очаповский, 2017), а на северном макросклоне найдена у с. Хребтовое в Горячеключевском р-не (Волчанецкий и др., 1962), но изредка проникает и западнее. Оляпку дважды наблюдали 10.05. и 04.06.2003 на

р. Абин выше стан. Эриванской и на р. Убин выше стан. Убинской (Найданов, Короткий, 2005, личн. сообщ.). К северу распространена до пос. Каменномостский на р. Белая (Перевозов, 2014) и пос. Псебай на Малой Лабе (Динник, 1902). Восточнее изредка встречается по рекам Большой Зеленчук, Кубань и Подкумок на участках, где они прорезают Меловой (Пастбищный) хр. вплоть до г. Усть-Джегута и Пятигорск (Бёме, 1958; Хохлов и др., 2010; Девятко, Джамирзоев, 2012; Белик, 2019а).

На Центральном Кавказе широко распространена по всем рекам на Главном, Боковом и Скалистом хр., иногда гнездится в предгорьях в Кисловодске и Пятигорске (Бёме, 1958; Хохлов, Тельпов, 1984; Тельпов и др., 1988; Хохлов, 1991), Алагире (Комаров, 1996, 2021) и Владикавказе (Шевцов, Комаров, 2021). Изредка птицы залетают на высокогорные озера, но наиболее характерны они для среднегорных районов на северном макросклоне (Джамирзоев и др., 2014). Обычны они также на Главном и Боковом хр. в Дагестане (Красовский, 1932; Насрулаев, 2003, 2006; Джамирзоев и др., 2018), но в известняковом, Внутреннем Дагестане оляпка распространена спорадично, поскольку летом из-за сухого климата небольшие реки там нередко пересыхают (Россиков, 1884б; Билькевич, 1893; Бёме, 1933; Девятко, Джамирзоев, 2012; Белик, Насрулаев, 2019).

Зимой оляпка держится на незамерзающих реках и ручьях в горах, но при похолоданиях спускается в низкогорья и может выходить на подгорные равнины (Комаров, Липкович, 2000; Степанова, 2002). В феврале 1977 г. оляпок дважды наблюдали у с. Подлесное на севере Ставропольского края (Хохлов, 1991), в 1960 и 1962 гг. птиц отмечали зимой на юге Ростовской обл. (Миноранский, Харченко, 1967), а В.А. Хлебников (1928, 1930) сообщал также о редких залетах оляпок на Ергени в Калмыкию.

Местообитания. По берегам чистых горных рек и ручьев широко распространена от низкогорий до высокогорий, но основная область гнездования охватывает реки в пределах 900-1800 м н.у.м. После гнездования птицы начинают кочевать и в июле-августе поднимаются до 2800-3000 м, а с наступлением холодов идет их откочевка в долины крупных рек. Зимой оляпки держится в основном в пределах 800-1300 м н.у.м. (Джамирзоев и др., 2014; Караваев, 2020). Местами они проникают на гнездовье в северные предгорья Кавказа, но на Черноморском побережье в приустьевых участках рек не гнездятся. Гнездо в виде большого шара из сухой травы и зеленого мха с небольшим боковым входом устраивает на уступах скал над водой, под обрывами, водопадами, мостами, иногда на больших камнях среди рек.

Численность. В Европе обитает 131-292 тыс., а в Европейской России – 12-30 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в начале XXI в. кавказскую популяцию оценивали в 5-10 тыс. пар, при выраженном сокращении численности (Белик и др., 2003; Белик, 2005б). Судя по последним наблюдениям в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, она снижается на Кавказе и сейчас (Комаров, 2021; Комаров, Шевцов, 2022; Белик, Аккиев, 2023), уменьшившись за последние десятилетия в несколько раз.

По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке сейчас гнездится 200-300 пар, в Кавказском заповеднике – 500-800 пар, в Тебердинском – 100-150 пар, но в Кабардино-Балкарском найдено лишь 25-50 пар, а в Северо-Осетинском – всего 10-25 пар. Обилие птиц на средних реках в Тебердинском заповеднике составляет 1,0-1,5 пар/км длины реки, а в Северо-Осетинском заповеднике в 1976-2005 гг. гнездилось в среднем по 3-8 пар/10 км рек (Джамирзоев и др., 2014, 2017). Но сейчас оляпки там почти полностью исчезли, и в 2021 г. на 3 реках учтены всего 3-4 пары, а на 5 реках гнездящиеся птицы не найдены вовсе (Ю.Е. Комаров, личн. сообщ.). В Кабардино-Балкарском заповеднике численность птиц тоже резко снизилась, и в 2016-2018 гг. нами там обнаружено лишь несколько гнездовых участков, а на р. Чайнашки найдено 1 гнездо (Белик, Аккиев, 2023). В верховья же р. Кума, по нашим учетам, в 2005-2007 гг. гнездились 2-3 пары на 7 км; в верховьях Подкумка по р. Карсунка держались 3-4 пары на 2 км; там же в средней части ущелья р. Эшкакон учтены 8 пар на 4 км, а в его верховьях – 2 пары на 9 км.

Охранный статус. Включена в Красную книгу Северной Осетии (3 категория). По-видимому, заслуживает особой охраны и в других регионах Северного Кавказа.

Семейство **Крапивниковые** Troglodytidae

305. Крапивник *Troglodytes troglodytes* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех горных регионов Северного Кавказа, Ставрополья и Придонья, гнездование которого указывали также для Нижнего Поволжья, и зимующий вид всех равнинных регионов Южной России (Динник, 1886; Белик, Бабич, 2000; Белик, 2005а; Костенко, 2012; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а). В Палеарктику наш крапивник попал, вероятно, еще в конце плиоцена из Америки, где находится метропо-

лия всего семейства крапивников, насчитывающего 20 монотипических и политипических родов (Dickinson, Christidis, 2014). Это также единственный палеарктический вид в целом американского рода *Troglodytes*, включающего более 10 видов, два из которых вернулись в Северную Америку, на историческую родину, по-видимому, уже вторично из Евразии.

Таксономия. Большой политипический вид, который образует на морских островах множество изолятов, рассматриваемых обычно как самостоятельные формы. Всего сейчас выделяют около 30 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014; и др.). На севере Европы гнездится номинативная форма, а Кавказ, Крым и Малую Азию населяет *T. t. hyrcanus* (Моламусов, 1967; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Североамериканские формы, ранее включавшиеся в этот видовой комплекс, сейчас выделены в отдельные виды *T. pacificus* и *T. hiemalis* (Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Обитает в умеренном поясе Европы к востоку до Урала (Рябицев, 2001; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006), а также в южных горах Азии от Кавказа, Тянь-Шаня и Гималаев до Забайкалья и Камчатки. На юге России гнездится в лесистых горах всего Северного Кавказа, а также в лесах на Ставропольской возв. (Динник, 1886; Казаков, Белик, 1996; Костенко, 2012). Несколько изолированных находок известно в Ростовской обл. на Среднем и Нижнем Дону (Белик, Бабич, 2000; Белик, 2005а).

Здесь крапивник впервые обнаружен близ стан. Вёшенской на Среднем Дону, где в старом заболоченном ольсе 20.06.1982 и 13.07.1982 встречены 1 и 2 певшие птицы. Однако их специальные поиски там, а также в других ольшаниках по пойме Дона в мае 1998-1999 гг. результатов не дали. Вероятно, крапивник появляется на Среднем Дону эпизодически вследствие пульсаций южной границы ареала (Белик, 1992а, 2005а). Ближайшие его гнездовья известны на севере Воронежской и Саратовской обл. (Завьялов и др., 2009; Нумеров и др., 2021). Певший самец крапивника встречен также 26.05.1998 в густом байрачном лесу у хут. Крымский в Усть-Донецком р-не на Нижнем Дону, где он активно пел вплоть до 01.07.1998. Там же 26.05.1998 найдено строившееся самцом гнездо, но позже оно оказалось брошено, возможно из-за отсутствия самки (Белик, Бабич, 2000).

Для Волгоградской обл. крапивник указан в качестве редкого, вероятно гнездящегося вида бассейна Дона (Чернобай, 2000, 2004), но конкретные сведения о нем не приводятся, и сейчас можно лишь допускать, что включение этого вида в фауну Волгоградской обл. было основано

на сообщениях о его находках на Среднем Дону возле стан. Вёшенской (Белик, 1992а). Для Астраханской обл. крапивника впервые привел В.Е. Яковлев (1872, 2015), а затем Г. Зибом (Seebohm, 1882), писавшие о его гнездовании в небольшом числе у Астрахани на основе наблюдений К. Генке. Позже об этом же упоминал также В.А. Хлебников (1890, 1928, 1930). Кроме того, сообщалось о единичных встречах птиц в апреле 1914-1918 гг. у с. Черный Яр на севере Астраханской обл. (Kracht, 1919, 2014).

Сведения о летних встречах крапивника в дельте Волги недавно появились также в сводке Н.Д. Реуцкого (2015). Вначале там в Астраханском заповеднике 15.03.1982 в куче хвороста было найдено прошлогоднее, хорошо сохранившееся гнездо крапивника, а позже неоднократно наблюдали и самих птиц: 07.05.1994; 24.04., 16.06. и 06.07.1999. Крапивника встречали летом, кроме того, в средней и верхней зонах дельты, в Волго-Ахтубинской пойме, а также у оз. Баскунчак в Заволжье, в карстовых провалах, густо заросших кустарниками (Реуцкий, 2015). Не исключено, однако, что и там отмечались лишь холостые птицы, задерживавшиеся на местах зимовок и начинавшие строить гнезда, как это наблюдалось нами на Нижнем Дону.

На Кавказе широко распространен по всем лесистым районам к востоку вплоть до побережья Каспия и краевых хребтов Дагестана, но в аридных котловинах там встречается спорадично (Билькевич, 1893; Бёме, 1933; Джамирзоев и др., 2004; Перевозов, Джамирзоев, 2011; Белик, Насрулаев, 2019; Рупасов и др., 2022б). А на Западном Кавказе в начале XX в. крапивник обитал только восточнее р. Пшада, но к середине прошлого века заселил леса к западу до Новороссийска, а сейчас обычен здесь вплоть до Анапы (Пузанов, 1938; Стаховський, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2013в; Белик и др., 2017).

Зимующие крапивники регулярно встречаются во всех степных регионах Южной России, чаще всего останавливаясь в зарослях макрофитов по берегам водоемов, а также в различных лесонасаждениях, среди ежевичников и др. На Кавказе зимуют по всему лесному поясу (Аверин, Насимович, 1938; Перевозов, 2014).

Местообитания. Широко распространен в лесистых предгорьях и горах Кавказа, гнездясь обычно в сырых, захламленных хвойных и лиственных лесах, в кустарниках и зарослях высокотравья по балкам и т.п., поднимаясь вверх до 2000 м н.у.м. (Комаров, Липкович, 2000; Джамирзоев и др., 2014). На Дону отмечался в заболоченных ольховых лесах и в дубовом байрачном лесу. Небольшое шарообразное гнездо из сухих листьев и травы вьёт в густых кустах, в кучах валежника,

в переплетениях ветвей и лиан у самой земли, среди свисающих корней в крутых откосах промоин или под выворотнями деревьев, обычно поблизости от ручья или болота.

Численность. В Европе обитает 32,7-56,5 млн., а в Европейской России – 2,7-4,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России гнездится 300-500 тыс. пар, при относительно стабильной численности кавказской популяции (Белик и др., 2003; Белик, 2005б).

На Западном Кавказе в 1978-1983 гг. максимальное обилие крапивника отмечено на Черноморском побережье в низкогорных пойменных лесах (75 ос./км^2); в лиственных лесах оно составляло 22-36 ос./км^2, в среднегорных пихтарниках было 10-17 ос./км^2, а в буковом криволесье в высокогорьях – 3,1 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). Позже, в 2006-2009 гг., там же в низкогорных лесах на северном макросклоне учли 9-41 ос./км^2, в среднегорьях – 22-69 ос./км^2, а в буковом криволесье – 12-18 ос./км^2, но на южном макросклоне численность в низкогорьях составляла 18-22 ос./км^2 и в среднегорьях – 8-9 ос./км^2 (Перевозов, 2010).

В Тебердинском заповеднике в сосняках учитывали 21-30 ос./км^2, в темнохвойных лесах – 14-55 ос./км^2, в лиственных – 54-73 ос./км^2, а в смешанных – 64-88 ос./км^2 (Поливанов, 2000). В Кабардино-Балкарии максимальная численность отмечена во влажных буково-грабовых лесах на северных склонах Скалистого хр., где учитывали 32 ос./км^2, тогда как в среднегорных мелколиственных лесах обилие составляло 12 ос./км^2, в сосняках – 9 ос./км^2, а в субальпийских березняках и криволесье – 3 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии в пойменных лесах в низкогорье учитывали 60-91 пар/км^2, на подгорной равнине – 29 пар/км^2, а в пойме Терека в степной зоне – 3 пары/км^2; в буковых лесах было 51-70 пар/км^2, в мелколиственных лесах – 25 пар/км^2, а в горных сосняках – 6-9 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003). На Ставропольской возв. в связи с мезофилизацией лесов в период с 1970-х до 2000-х годов отмечено увеличение обилия крапивника с 5 до 17 пар/км^2 (Костенко, 2012).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

Семейство **Завирушковые** Prunellidae

306. Завирушка альпийская *Prunella collaris* (Scopoli, 1769)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий вид всех горных регионов Северного Кавказа, не встречавшийся на равнинах (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель альпийского фаунистического комплекса Гималайского типа фауны Палеарктики (Белик,

2006, 2013a).

Таксономия. Включает 8-11 подвидов. На Кавказе и в Иране обитает *P. c. montana* (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в горах по югу Евразии от Атлантики до Гималаев и Тихого океана. На юге России встречается только в альпийских высокогорьях Большого Кавказа, в основном на Главном и Боковом хр. к западу до плато Лагонаки (Мнацеканов, 1999; Тильба, Мнацеканов, 2008), а к востоку до горы Базардюзю (Насрулаев, 2003). Летом отмечалась также на южном макросклоне на горе Ачишхо и хр. Аибга (Волчанецкий и др., 1962; Джамирзоев и др., 2014). На Центральном Кавказе местами проникает также на Скалистый хр., где вершины достигают высоты 2500-3500 м н.у.м. Птиц несколько раз встречали летом на горе Бермамыт на востоке Карачаево-Черкесии (В.А. Тельпов, личн. сообщ.; наши данные), но западнее на Скалистом хр. они не гнездятся (Поливанов и др., 2000). Однако в Кабардино-Балкарии и, вероятно, в Северной Осетии эти завирушки заселяют и Скалистый хр. (Комаров, Липкович, 2000; Джамирзоев и др., 2014).

Зимой держатся в горах, частично спускаясь в долины рек и в более низкие горные пояса или откочевывая к Скалистому хр., где концентрируются у обрывов и на крутых южных склонах, а при сильных снегопадах иногда появляется в предгорьях вниз до Кисловодска, Нальчика, Владикавказа (Бёме, 1926; Радищев, 1926; Хохлов и др., 1991).

Местообитания. Гнездится в высокогорьях, обычно в пределах 2500-3000 м, иногда до 3300 м н.у.м., где населяет скалистые районы в альпийском и субнивальном поясе с ледниковыми моренами и глыбовыми осыпями, почти лишенными растительности. Зимой спускается в среднегорья до южных склонов Скалистого хр., где встречаются на скальных участках на высоте 800-1200 м н.у.м., иногда проникает в низкогорья и предгорья до высоты 500-700 м н.у.м. (Бёме, 1926; Лоскот, 1991; Джамирзоев и др., 2014; Караваев, 2020). Гнезда устраивает в нишах среди камней или под крупными валунами.

Численность. В Европе обитает 77,9-149,0 тыс., а в Европейской России, исключительно на Северном Кавказе, предполагается гнездование 10-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке сейчас гнездится 20-30 пар, в Кавказском заповеднике – 500-800 пар, в Тебердинском – 200-400 пар, в Кабардино-Балкарском – 100-150 пар, а в Северо-Осетинском – всего 50-100 пар Джамирзоев и др., 2017). По оценке же А.Д. Липковича (2000), в Кабардино-Балкарском заповеднике общая численность птиц в 1990-е годы составляла не менее 2500 пар.

Обилие птиц в альпике Западного Кавказа составляет 3,5-8,5 ос./км^2 (Перевозов, 2010), на альпийских лугах Тебердинского заповедника летом учитывали от 8-10 до 10-21 ос./км^2 (Поливанов, 2000; Караваев и др., 2014), а в субнивальном поясе Кабардино-Балкарии было до 16 ос./км^2 (Афонин, 1985). Судя по нашим наблюдениям, в последнее время в Кабардино-Балкарии эта завирушка встречается редко, что может свидетельствовать, возможно, о сокращении ее численности (Белик, Аккиев, 2023).

Охранный статус. Особая охрана на юге России не предусмотрена.

307. Завирушка лесная *Prunella modularis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся и зимующий вид всех горных регионов Северного Кавказа и пролетный во всех равнинных регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2013а).

Таксономия. Включает 3-8 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На Кавказе, в Крыму и Иране гнездится *P. m. obscura*, а в лесном поясе Европы распространен *P. m. modularis*. Номинативный подвид встречается в степных регионах Южной России на миграциях, а на Кавказе нормально зимует (Кудашев, 1916; Бёме, 1926; Аверин, Насимович, 1938; Дементьев, Гладков, 1954; Моламусов, 1967).

Распространение. Западная Евразия к востоку до Урала и Ирана. На юге России гнездится в горных лесах всего Кавказа от Краснодарского края и Адыгеи до Дагестана. Здесь же зимуют птицы из лесного пояса Восточной Европы, а в равнинных регионах Придонья и Поволжья они регулярно отмечаются на миграциях (Белик, 2000а; Чернобай, 2004; Цапко и др., 2009; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; Очаповский, 2017; Белик и др., в печати). Певших птиц неоднократно отмечали в июне 1990 и 1992 гг. в Ставрополе (Хохлов, 1991, 1993), но в лесах на Ставропольской возв. никто их на гнездовье не находил (Динник, 1886; Лиховид, 1977; Казаков, Белик, 1996; Костенко, 2012; и др.).

На Большом Кавказе завирушка была по-видимому ошибочно указана ранее для полуострова Абрау у Анапы (Пузанов, 1938), но позже в этом районе, а также в горах к западу от Туапсе летом никем не отмечалась (Стаховський, 1938; Курдова, 1958; Лохман, 2006; Сара, 2007; Белик, 2013в; Тильба, 2016; Белик и др., 2017; и др.). Восточнее на южном макросклоне она гнездится от средней части низкогорных лесов, примерно с 200 м н.у.м., до субальпики, но в приморских лесах нигде не

встречается (Комаров, Тильба, 1999; Тильба, 2001; Белик, 2015а; и др.).

На Водораздельном хр. завирушка указана для Гойтхского и Тубинского перевалов, обычна также в Кавказском заповеднике (Аверин, Насимович. 1938; Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 1999; Перевозов, 2014), а на северном макросклоне найдена на р. Белая (Богданов, 1879), но западнее, по-видимому, отсутствует (Емтыль и др., 1993; Найданов, Короткий, 2005; Белик, 2022в). Восточнее гнездится в среднегорьях с высоты 500-800 м н.у.м. от стан. Даховской на р. Белой и стан. Ахметовской на р. Большая Лаба до Кисловодска (Богданов, 1879; Хохлов, Тельпов, 1984; Белик, 2019а). Далее к востоку завирушка обычна во влажных лесах на Скалистом и Меловом (Пастбищном) хр., тоже гнездясь не ниже 800 м н.у.м. (Моламусов, 1967). В лесах на Терском и Сунженском хр. сейчас отсутствует (Комаров, Тильба, 1999; Комаров, Хохлов, 2003), хотя в начале XX в. Л.Б. Бёме (1926) в значительном числе находил этих птиц на гнездовье у стан. Змейской на высоте около 400-500 м н.у.м.

В Дагестане завирушка гнездится на Главном и Боковом хр. и спорадично встречается в котловинах и на плато известнякового, Внутреннего Дагестана, где имеются влажные леса, но избегает сухих днищ долин (Бёме, 1933; Девятко, Джамирзоев, 2012; Белик, Насрулаев, 2019). В сухих ущельях и котловинах она отсутствует и на Центральном Кавказе.

Зимой часть завирушек остается в лесах среднегорий, но большинство птиц спускается в низкогорья и предгорья, где часто держится возле жилья человека вместе с прилетающими на зимовку европейскими птицами. Много завирушек осенью отлетает также на юг в Закавказье через перевалы Водораздельного хр. (Поливанов, Поливанова, 1986; Комаров, Тильба, 1999). В равнинных регионах изредка встречаются птицы, остановившиеся на отдых, а в сентябре-октябре можно наблюдать их миграцию, направленную на юг, когда птицы в одиночку и группами стартуют по утрам с характерными трельками, поднимаясь высоко в небо (Белик, 2022ж).

Местообитания. Гнездится в лесистых низкогорьях и среднегорьях, а также в субальпийских кустарниках и криволесье вверх до 1800-1900 м н.у.м. на Западном Кавказе и до 2200-2300 м – на Центральном Кавказе (Моламусов, 1967; Тильба, 1999; Комаров, Хохлов, 2006; Белик, Аккиев, 2023). Держится преимущественно в одиночку, скрытно перемещаясь по земле или среди кустарников на полянах и опушках лесов, местами встречается в бурьянниках на каменистых лугах в лесном и субальпийском поясе. Летом локализуется обычно по пению, но его можно спутать иногда с пением крапивника. Рыхлое гнездо из тонких сухих прутиков, травы и зеленого мха делает, как правило,

в кустах невысоко над землей.

Численность. В Европе обитает 12,7-21,8 млн., а в Европейской России – 2,7-4,4 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Кавказскую популяцию на юге России оценивали в 100-500 тыс. пар (Белик, 2005б). Обилие птиц на Западном Кавказе в среднегорных пихтовых лесах составляет 2,5-10,2 ос./км^2; в парковых кленовниках – 39,6; в буковом криволесье в высокогорьях – 12,5; а в родоретах – 2,9 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). По другим данным, там же в буковых лесах низкогорий обилие колеблется в пределах 3,9-10,1 ос./ км^2, в верхнегорных буково-пихтовых лесах – 9,5-32,5, в буковом криволесье – 14,5-35,7, а в субальпийском поясе – 6,1-16,6 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике в сосняках было учтено 40,0-63,4 ос./км^2; в темнохвойных лесах – 2,8-30,0; в хвойно-лиственных – 23,0-61,6; а в лиственных лесах – 6,4-8,2 ос./км^2 (Поливанов, 2000). В Кабардино-Балкарии в сосновых лесах учитывали 1 ос./км^2 и в субальпийских березняках – 3 ос./км^2 (Афонин, 1985), а в Северной Осетии в березовом криволесье было 52,0 пары/км^2; в мелколиственных среднегорных лесах – 70,0, а в горно-долинных ольшаниках – 10,0-34,8 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

Семейство **Славковые** Sylviidae*

308. Широкохвостка соловьиная *Cettia cetti* (Temminck, 1820)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично оседлый вид всех равнинных регионов Южной России, проникающий в Дагестане в среднегорья (Белик, 2012; Белик и др., 2016; Забашта, 2018, 2020; Белик, Насрулаев, 2019, 2021; Тильба и др., 2019).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 3 подвида. Номинативная форма обитает на юге Европы, в Малой Африке и на западе Малой Азии, а в XIX - начале XX в. предполагалось ее гнездование или залеты в Крым и в Полтавскую обл. (Schatiloff, 1860; Шатилов, 1874; Зарудный, 1892; Гавриленко, 1917; Дементьев, Гладков, 1954; Костин, 1983). *C. c. orientalis* населяет Переднюю Азию, Закавказье, Предкавказье, Нижнее Поволжье и Северный Казахстан (Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson,

* Семейство Славковые Sylviidae принято здесь в трактовке Л.С. Степаняна (2003), хотя в последнее время его иногда разделяют, прежде всего на основе молекулярно-генетических исследований, на 5-8 разных семейств: Cisticolidae, Cettiidae, Acrocephalidae, Locustellidae, Sylviidae, Phylloscopidae и др.

Christidis, 2014), хотя ранее для дельты Волги и Северного Казахстана иногда указывали среднеазиатский подвид *C. c. albiventris* (Дементьев, Гладков, 1954).

Распространение. Гнездится в засушливых районах Древнего Средиземья от Пиренеев до Прибалхашья (Дементьев, Гладков, 1954). В XIX - XX вв. широкохвостка испытала существенные колебания границ гнездового ареала (Воинственский, 1960; Кривицкий, 2000; Белик, 2012). Так, в середине XIX в. она была добыта и указана как гнездящийся вид в Крыму (Schatiloff, 1860; Шатилов, 1874), в начале мая 1878 г. отмечена в долине Терека у Владикавказа (Михаловский, 1880), а в июне 1888 г. ее добыли на Кубани в районе Краснодара (Россиков, 1890). Тогда же широкохвостка расселилась и по Грузии к западу до Сурамского хр., Ахалцихи и Абастумани (Михаловский, 1880). В конце XIX и начале XX в. этих птиц находили также в Полтавской губернии на Украине (Зарудный, 1892; Гавриленко, 1917; Дементьев, Гладков, 1954). Но в XX в. ни на Украине, ни в Крыму, ни на Кубани и Тереке широкохвосток не оказалось (Бёме, 1925, 1926; Воинственский, 1960; Очаповский, 1967, 2017; и др.).

В дельте Волги широкохвостка появилась, вероятно, в конце XVIII или в начале XIX в., поскольку С.Г. Гмелин (1777), изучавший в 1769/70 г. фауну окрестностей Астрахани, совсем не упоминал эту своеобразную птицу, хорошо известную местным жителям из-за ее очень громкого, специфичного пения, передаваемого в народе словами «чуть кипит, чуть кипит» (Яковлев, 1872, с. 337). Возможно, и Предкавказье было заселено этими птицами в XIX в. одновременно с их появлением на Волге. Но в обширной дельте Волги, где сформировалась крупная популяция, существенных колебаний ареала и численности на протяжении XIX - XX вв. не было замечено (Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Огнев, 1913; Лорец, 1928; Хлебников, 1928; Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; и др.), тогда как небольшие, маргинальные группировки на реках Северного Кавказа позже исчезли, наряду с рядом других термофильных, южных видов (турач, султанка), по-видимому, из-за воздействия каких-то климатических факторов (Белик, 2012, 2021а).

Вновь широкохвостка обнаружена в Предкавказье в начале XX в., когда в дельте Терека 04.08.1915 была добыта молодая птица (Девятко, Джамирзоев, 2012). Затем несколько этих птиц встретили в июне 1923 г. у г. Кизляр (Worobiew, 1931; Воробьев, 1936), но тогда они были на Тереке, очевидно, весьма редкими, поскольку Л.Б. Бёме (1925) за 4 экспедиции по дельте в 1921-1922 гг. не встретил ни одной широкохвостки. Летом 1927 г. он не нашел ее и у стан. Шелковской

выше по Тереку (Бёме, 1929). Не было широкохвосток тогда, по-видимому, и южнее – в низовьях р. Сулак в Дагестане (Туров, Красовский, 1933). Однако к середине XX в. они заселили всю долину Терека вверх до г. Моздока (Моламусов, 1967), появились на р. Кура на севере Кабардино-Балкарии (Чунихин, 1962) и на р. Кума в Калмыкии (Волчанецкий, 1959; Кукиш, 1982, 1984), а затем начали постепенно расселяться дальше на запад (Белик, 2012).

Время появления широкохвостки в дельте Терека совпало с волной расселения на север ряда других южных видов, проникших в Восточное Предкавказье из Азербайджана через Дербентские ворота: зеленой щурки, бледной пересмешки, белоусой славки, черногрудого и короткопалого воробьев (Бёме, Ушатинская, 1932; Дементьев, 1937; Степанян, 1969). Очевидно, и широкохвостка заселяла дельту Терека с юга – из Закавказья, а не из дельты Волги (Дементьев, Гладков, 1954).

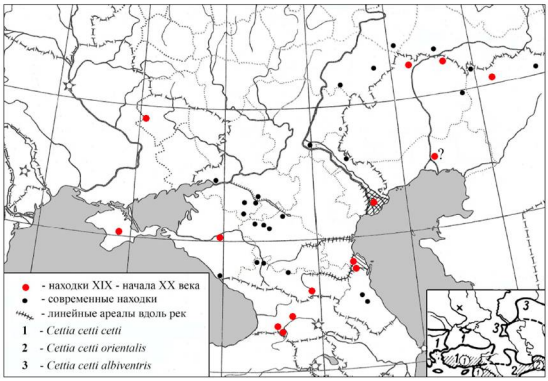

Рис. 18. Распространение широкохвостки в Восточной Европе в начале XXI в. (по: Белик, 2012). На врезке – ареал по данным Е.С. Птушенко (1954)

В 1980-е годы широкохвостки были уже довольно обычны на озерах в долине Восточного Маныча и на Куме в Левокумском и Буденновском р-нах Ставропольского края. Встречали их также по правым притокам р. Егорлык – на р. Большая и Малая Кугульта, Малый Гок и др. (Хохлов, 1991, 1993). Летом 1993 г. певшая птица впервые обнаружена на юге Ростовской обл. на р. Егорлык в Песчанокопском р-не у границы со Ставрополье (Белик, 1994). В 1996 г. эти птицы найдены в низовьях р. Калаус (Хохлов и др., 1997), а 17.07.2003 встречены нами в долине Западного Маныча в устье р. Егорлык. К июню 2012 г. обилие птиц в устье р. Егорлык составляло уже до 7 певших самцов на 2,5 км маршрута, в том числе в тростниках там были отловлены и

окольцованы 2 самца и 2 самки с наседными пятнами (Л.В. Маркитан, личн. сообщ.).

Позже широкохвостки продолжили расселение по долине Маныча на северо-запад. В 2009 г. они отмечены в тростниках на оз. Казинка Пролетарского р-на (И.Г. Бабкин, личн. сообщ.), 05.08.2011 встречены в тростниках по днищу облесённой балки у пос. Гигант Сальского р-на, 08.09.2007 и 27.05.2011 найдены на рыборазводных прудах в дельте Дона у Ростова (Белик, 2012; Забашта, 2018). Вскоре в дельте Дона сформировалась довольно крупная группировка, а затем широкохвостки начали быстро расселяться по северному Приазовью и по правобережным притокам Нижнего Дона дальше на север (Забашта, 2018, 2020).

Рис. 19. Распространение соловьиной широкохвостки в Западном Предкавказье и на Нижнем Дону в 2018 г. (по: Забашта, 2018)

Рис. 20. Весенне-летние встречи широкохвостки в Краснодарском крае в 2010-е годы (по: Тильба и др., 2019): ● – 2006 г. (Хохлов, Ильюх, 2007); ● – 2011, 2013 и 2018 гг. (Забашта, 2018); ● – 2015, 2017 и 2018 гг. (Тильба и др., 2019); ● – 2018 г. (Белик, 2019а)

Достигнув более обводненного Западного Предкавказья, широкохвостки стремительно заселили также многие степные водоемы вплоть до дельты Кубани, побережья Азовского моря и некоторых предгорных районов (Хохлов и др., 2010; Забашта, 2018, 2020; Белик, 2019а; Тильба и др., 2019). Одновременно они начали заселять и горные водоемы Северного Кавказа. В 2001-2004 гг. птицы были найдены на Кубани в районе г. Черкесска (Караваев, 2002, 2006). В начале XXI в. певшие широкохвостки встречены нами в специфичных биотопах в горах Внутреннего Дагестана: в 2002 и 2019 гг. на р. Аварское Койсу в котловине Орота; в 2009 г. в ущелье р. Каракойсу в верховьях

Гергебильского вдхр.; в 2021 г. на р. Андийское Койсу в Ботлихской котловине (Белик, 2012; Белик, Насрулаев, 2019, 2021). Наконец, 2 певшие птицы учтены 16.05.2006 на Черноморском побережье в г. Сочи, где дежались на дренажном канале в устье р. Мзымта (Хохлов, Ильюх, 2007), а затем дважды наблюдались там же 16 и 19.04.2021 (Тильба, 2017, 2022).

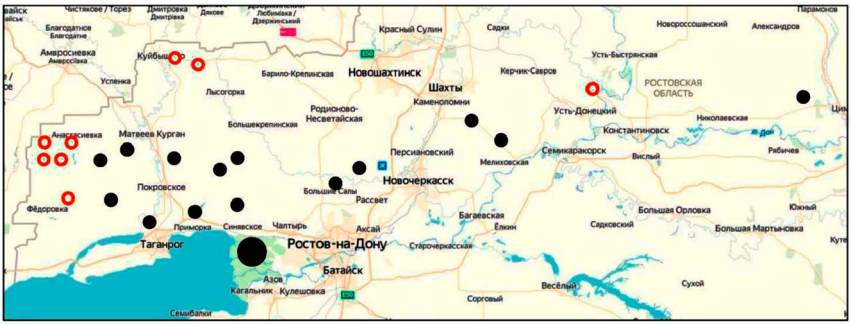

Рис. 21. Места встреч широкохвостки на юго-западе Ростовской обл. в 2019 г. (красно-белые пуансоны – вид отсутствует)
(по: Забашта, 2020)

Одновременно с расселением предкавказской популяции на запад, широкохвостка начала экспансию также на север по долине Волги. В начале XX в. она лишь изредка залетала весной к Волгограду в район Сарепты (Лорец, 1928); в 1960-е годы единично встречалась на юге Волго-Ахтубинской поймы (Послaвский, 1974); к концу XX в. расселилась до северной границы Астраханской обл. (Реуцкий, 2015); в 1999 г. впервые найдена на прудах в окрестностях оз. Баскунчак (Букреев, 1999; Амосов, 2010, 2012; Чуков, Чуйкова, 2022); еще 2 певшие птицы, державшиеся в 1 км друг от друга, встречены 09.06.2010 в Волго-Ахтубинской пойме близ Волгограда (Белик, 2012).

Следует заметить, что в последние годы столь же стремительную экспансию демонстрируют и казахстанские популяции широкохвостки, расселившиеся в Зауралье за 20 лет на 500 км к северу (Тарасов, 2011). В ходе этой экспансии птицы в 1996 г. появились в кустарниках вдоль ручьев и на закустаренных болотах вдоль песков Аккумы в верховьях р. Калдыгайты Уральской обл. Казахстана (Белик, 2000г), а также в 1999 г. в долине р. Иртек в Ташлинском р-не на юго-западе Оренбургской обл. (Морозов, Корнев, 2000). Кроме того, в 1996 г. певшая широкохвостка отмечена в степной балке в Большечерниговском р-не на юго-востоке Самарской обл. (Г.П. Лебедева, личн. сообщ.), куда могла попасть из долины р. Урал, расселяясь на северо-запад. Весной

1994 г. широкохвостку нашли также в верховьях р. Большой Узень в Дергачевском р-не в Саратовском Заволжье (Подольский, Завьялов, 1996), а в 1993 и 2005 гг. – в низовьях р. Еруслан у с. Дьяковка на границе с Волгоградской обл. (Завьялов, 1995; Завьялов и др., 2005, 2011).

Там же у с. Дьяковка широкохвостка, державшаяся на постоянном участке реки с густыми зарослями тростников и тальника, пела 06.05.2010, а еще одна птица пела 11.05.2019 в тальниках и тростниках по берегам р. Отрожка у с. Харьковка Старополтавского р-на Волгоградской обл. (Белик, 2012; Белик и др., в печати).

Все эти процессы расселения широкохвостки связаны, по всей видимости, с нынешним потеплением зимнего климата и увеличением зимней выживаемости оседлых птиц, а также, возможно, с удлинением репродуктивного периода и повышением общей гнездовой продуктивности, что позволило широкохвостке начать сейчас широкую дисперсию в разных направлениях, осваивая новые местообитания за границами прежнего ареала (Белик, 2012).

Считается, что широкохвостка является ближним мигрантом, поздней осенью улетающим из северных областей гнездового ареала и зимующим уже в Азербайджане и Туркмении (Дементьев, Гладков, 1954). Но она нередко остается на зиму и в дельте Волги, в том числе и в холодные зимы (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Хлебников, 1930; Виноградов, Реуцкий, 1983; Реуцкий, 2015). В некоторые зимы она встречается также на Тереке, в устье Кумы и дельте Дона (Гизатулин, Хохлов, 2001; Джамирзоев и др., 2004, 2014; Забашта, 2018). А на лагунах у Махачкалы зимой, 03.02.2007, мы отмечали даже слабое пение широкохвосток (Белик, 2012).

Местообитания. Спорадично встречается на заболоченных водоемах на равнинах и в предгорьях, местами проникает в низкогорья и среднегорья Дагестана до 500-800 м н.у.м., а в Закавказье поднимается до 1200-1900 м н.у.м. (Михаловский, 1880; Дементьев, Гладков, 1954; Белик, Насрулаев, 2021). Предпочитает берега рек и других водоемов, поросшие густыми кустарниками, ежевикой, тростником или рогозом. Большое чашеобразное гнездо делает в зарослях кустарников или тростника невысоко над землей.

Численность. В Европе обитает 2,0-3,2 млн. пар, а в Европейской России – 8-16 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в начале XXI в. предполагалось гнездование 5-15 тыс. пар (Белик, 2005б), но сейчас в связи с быстрым расселением и ростом численности ее можно оценивать в 10-50 тыс. пар.

Обилие птиц в дельте Волги в 1957 г. составляло 18 пар/5 км проток (Луговой, 1963), но местами в зарослях тростника и ежевики встречали

полуколониальные поселения, в которых птицы гнездились в 2-4 м друг от друга (Воробьев, 1936). В 1962 г. их обилие в верхней части дельты Волги составляло 1,5 ос./км маршрута, в средней части – 4 ос./км, а в нижней – 25,1 ос./км (Кулешова, 1965), а в 2020-2021 гг. от 0,8 до 2,2 пар/10 га гнездилось в тростниково-рогозовых зарослях на взморье и значительно больше – до 6,7-7,5 пар/10 га – в галерейных лесах вдоль проток, поросших тростником (Стрелков, 2021). В низовьях Терека в 1980-е годы учитывали 6,8 особей на 3-5 км маршрута (Точиев, Гизатулин, 1987; Гизатулин, Хохлов, 2001; Гизатулин и др., 2001), а в Северной Осетии у г. Моздока в 2006 г. на старых и молодых залежах держалось от 10,4 до 95,6 ос./км^2 (Ильюх, Хохлов, 2007).

На озерах в низовьях Кумы в мае 1972 г. мы отмечали обычно 1 пару на 100 м берега (Белик, 2012), а в начале XXI в. там местами учитывали до 3-4 певших самцов на 100 м (Джамирзоев и др., 2004). На Состинских озерах на юге Калмыкии средняя численность в благоприятных для гнездования местах составляла 1,3-2,9 самца/км берега, причем в зарослях тамарикса птицы гнездились с большей плотностью, чем в тростниках (Квартальнов и др., 2004). По рекам на Ставрополье в 1980-е годы встречали 1-5, в среднем 3 особи на 1 км маршрута (Хохлов, 1991). В Лабинском р-не Краснодарского края на небольшой степной реке в 2018 г. было отмечено 9 самцов на 11 км долины (Белик, 2019а). В устье р. Егорлык в Сальском р-не Ростовской обл. в 2012 г. держалось 7 самцов на 2,5 км маршрута (Белик, 2012), а в дельте Дона в 2019 г. учитывали по 2-4 поющих самца на 1 км маршрута (Забашта, 2020).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

309. Сверчок соловьиный *Locustella luscinioides* (Savi, 1824)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России (Белик и др., 2016; Шевцов, 2019).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 3 подвида, в том числе номинативный, распространенный в Европе к востоку до верховий Сев. Донца и Азовского моря, затем *L. l. sarmatica*, населяющий степное Предкавказье и бассейны Дона и Волги, и *L. l. fusca*, характерный для Казахстана (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014). Форма *L. l. sarmatica* описана по материалам из низовий Дона (Казаков, 1973).

Распространение. Гнездится в основном в умеренном поясе Евразии от Пиренеев до Алтая. На юге России населяет различные равнинные водоемы в бассейнах Дона, Кубани, Кумы и Терека, а также долину

Волги от ее дельты до среднего течения. В Заволжье найден лишь в долине р. Еруслан на севере Волгоградской обл., а также в ближайших районах. В полупустынях и пустынях Волго-Уральского междуречья очень редко встречается только на пролете (Гаврилов и др., 1968; Белик и др., в печати).

В предгорьях Кавказа этого сверчка отмечали между р. Лаба и Кубань (Белик, 2019а), у Черкесска в Карачаево-Черкесии (Караваев, 2006), на севере Кабардино-Балкарии (Моламусов, 1967; Казаков, 1974, 2022, с.177), в пойме Терека на севере Чечни (Гизатулин и др., 2001), а недавно птицы найдены также в Северной Осетии на прудах в степных районах (Шевцов, 2019).

В горах Кавказа этот вид практически не отмечается даже на миграциях (Аверин, Насимович, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Моламусов, 1967; Комаров, Липкович 2000; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015). Указание о гнездовании соловьиного сверчка на Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии (Поливанов и др., 2000) связано с ошибкой в определении обыкновенного сверчка (Белик, 2019а).

Зимует на севере Африки и в Передней Азии. Миграции туда идут по ночам и визуально не наблюдаются. Особи, разбившиеся при ночном перелете, были найдены в Тебердинском заповеднике 24.04.1962 и 31.07.2006 на высоте 1300 и 2270 м н.у.м. (Караваев и др., 2015). Изредка мигранты встречаются на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2001, 2017, 2022; Хохлов, Ильюх, 2007).

Местообитания. Гнездится на заболоченных равнинных и предгорных водоемах. Обитает в основном в тростниково-рогозовых зарослях на болотах, в плавнях, по берегам степных рек, озер и прудов. Гнездо из сухих листьев рогоза и тростника делает невысоко над водой в самой гуще зарослей болотных макрофитов.

Численность. В Европе обитает 281-474 тыс., а в Европейской России – 55-110 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 50-100 тыс. пар, в том числе более 40 тыс. пар обитает в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). Популяционные тенденции на юге России неясны из-за недостатка данных (Белик и др., 2003), но можно предполагать, что благодаря широкому обводнению степных районов Предкавказья во второй половине XX в. происходило увеличение численности и расселение птиц по прудам и водохранилищам на юг в сторону предгорий. Однако в дельте Волги в 1960-е годы произошло, по-видимому, сокращение численности этого сверчка, и он превратился из обычного гнездящегося вида (Seebohm, 1882; Луговой, 1963) в очень редкого (Реуцкий, 2015). В 2020-2021 гг. в тростниково-рогозовых зарослях на взморье в

дельте Волги учитывали всего 0,3-1,1 пар/10 га (Стрелков, 2021).

Конкретные данные по численности в других регионах очень фрагментарны. По наблюдениям в плавнях Восточного Приазовья, сверчки селятся обычно небольшими группами по 2-5 пар, самцы в которых рекламируют всего 0,03-0,2 га зарослей (Квартальнов, 2004). На прудах в Северной Осетии на запись голоса соловьиного сверчка, проигранную со смартфона, запели сразу 7 птиц (Шевцов, 2019). В тростниковых зарослях по днищу балки на западном склоне Ставропольской возв. обилие птиц достигало 400 ос./км^2 (Жарова, Жаров, 1962). В дельте Дона учитывали 8 самцов/км маршрута (Маркитан и др., 2010). В низовьях р. Еруслан в степном Заволжье обилие составляло 0,6-0,9 ос./га тростниковых зарослей (Завьялов и др., 2011). На озерах среди левобережной песчаной террасы Хопра на востоке Воронежской обл. гнездилось 10,6 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021), на заросших озерах в пойме р. Битюг в Бобровском р-не обилие в 2006-2010 гг. колебалось от 2-5 до 23 пар/км^2 (Соколов, Венгеров, 2010), а в пойме р. Айдар на юго-востоке Белгородской обл. в 2008-2010 гг. держалось 6-7 пар/км^2 (А.Ю. Соколов, личн. сообщ.).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

310. Сверчок речной *Locustella fluviatilis* (Wolf, 1810)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейнов Дона и Среднего Поволжья, краем ареала проникающий в Нижнее Поволжье, и пролетный вид в степных и горных регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Восточной Европы и Западной Сибири. На юге России обитает в северной половине Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона, для которого был указан С.Н. Варшавским (1965). Птиц в гнездовых местообитаниях мы отмечали здесь у стан. Раздорской и Нижнекундрюченской в Усть-Донецком р-не и на Доно-Цимлянском песчаном массиве. Севернее они найдены также в пойме Сев. Донца выше г. Каменска-Шахтинского, в пойме р. Чир в Обливском р-не и на Среднем Дону у стан. Вёшенской и Казанской в Ростовской обл. (Белик, 1992а, 1999а, 2005а; Белик и др., 2001).

Для Волгоградской обл. этот сверчок указан как малочисленный гнездящийся вид, распространенный в поймах Дона, Хопра и Медведицы (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004), но нами он найден в

этом регионе только на Доно-Цимлянских песках (Белик, 1992а). Возможно, речной сверчок гнездится также в низовьях р. Еруслан в Волгоградском Заволжье (Белик и др., в печати).

По Астраханской обл. приводятся противоречивые сведения о распространении этого сверчка. Первоначально его отмечали в дельте Волги как весьма обычного мигранта (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882), позже не встречали там вовсе (Воробьев, 1936; Луговой, 1965), а затем он стал очень редким гнездящимся видом дельты и Волго-Ахтубинской поймы, неоднократно регистрировавшимся по пению не только в мае, но и в июне и даже в июле и августе (Реуцкий, 2015). Указывалось также гнездование речного сверчка по сухим, лишенным кустарников мочагам в степи у с. Черный Яр на севере Астраханской обл. (Аргиропуло, 1928; Дементьев, Гладков, 1954).

Однако для этого вида характерны очень поздние сроки весеннего пролета, а на миграционных остановках он иногда активно поет, что может приводить к ошибкам в определении характера пребывания встреченных птиц. Кроме того, указания о регистрациях сверчков в дельте Волги в начале апреля (Реуцкий, 2015) относятся явно к другим видам. Поэтому следует пока относиться критически к сведениям о гнездовании речного сверчка в дельте Волги и Волго-Ахтубинской пойме (Аргиропуло, 1928; Реуцкий, 2015). Столь же сомнительны и материалы о гнездовании этого вида в Нижнем Поволжье (Атлас …, 2020). В пойме Волги на территории Калмыкии и в Волгоградской обл. речного сверчка не отмечали вовсе (Цапко и др., 2009; наши данные).

Зимует этот сверчок на юге Африки, куда мигрирует по ночам через степные районы Поволжья и Предкавказья. Изредка он залетает в горы Кавказа вплоть до перевалов через Водораздельный хребет (Моламусов, 1967; Мнацеканов, 1998; Комаров, 2006; Вуккерт, Лоскот, 2022; Белик, Аккиев, 2023), местами встречается также на Каспийском и Черноморском побережье Кавказа (Бутьев, Лебедева, 1989; Тильба, 2001, 2006; Хохлов, Ильюх, 2007; Белик, 2015а).

Местообитания. Обитает обычно по сырым, высокотравным, закустаренным лугам в долинах равнинных рек, по опушкам сырых лесов, на заболоченных вырубках или на полянах в кустарниках. Речных пойм с длительными паводками, как правило, избегает. Гнездо вьёт на земле или на кочках среди высокой, густой травы. Весной пролетные птицы встречаются в степных кустарниках, в сухих лесонасаждениях, по лесополосам среди полей и т.п. Мигранты появляются обычно в мае и летят до середины-конца июня; на остановках они нередко поют, четко отличаясь от других сверчков по голосу (Линдеман, 1971; Белик, 1992а, 2015а; Пекло, Тильба, 2007).

Численность. В Европе обитает 2,3-5,4 млн., а в Европейской России – 2,0-4,8 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность этого сверчка была оценена в 1-3 тыс., в том числе около 1 тыс. пар гнездилось в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В средней полосе России этот сверчок довольно обычен, нередок он также на Среднем Дону, но южнее – малочислен и редок. В пойме Среднего Дона близ стан. Вёшенской 27.06.1989 было учтено 13 самцов/3,5 км маршрута, или 12-13 пар/км^2, а на Нижнем Дону отмечали обычно от 1-3 до 10-15 встреч с мигрантами за весну (Белик, 1992а, 2005а). А в Заволжье у Джаныбека на границе с Казахстаном в некоторые дни пролета в мае их обилие в дендрарии достигало 1 ос./га (Линдеман, 1971).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Кабардино-Балкарии (4 категория), но занесение этого редкого пролетного вида в региональный Красный список недостаточно обосновано, и в организации особой охраны он здесь не нуждается (Белик, 2014).

311. Сверчок обыкновенный *Locustella naevia* (Boddaert, 1783)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид горных и предгорных районов всего Северного Кавказа и северных районов Ростовской и Волгоградской обл. В Нижнем Поволжье отмечался на пролете (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006).

Таксономия. Включает 2-5 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014). Номинативный подвид распространен в Европе, кроме ее восточных районов, форма *L. n. straminea* обитает в Европейской России и в Западной Сибири, а *L. n. obscurior* гнездится изолированно на Кавказе (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014). Птицы, добытые в Предкавказье, определены как *L. n. obscurior* (Казаков, 2022). А.В. Лерхе (1940) приводил этот подвид также для Ростовской обл.

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Европы и Западной Сибири, а также в изоляции на Кавказе. На юге России населяет луга в речных долинах бассейна Дона и Волги к югу до низовий Сев. Донца, куда с севера проникает номинативный подвид, а также субальпийские, послелесные и предгорные луга Северного Кавказа, к северу до Ставропольской возв. и юга Ростовской обл., где гнездится кавказский подвид *L. n. obscurior*.

В Ростовской обл. гнездовая группировка найдена в низовьях Сев. Донца

на Нижнекундрюченском песчаном массиве, где 02.05.1985 впервые наблюдали 4 певших самца, 14-15.05.1994 там же в разных местах встречено еще 11 самцов, а вечером 06.06.1998 там учтены 3-4 певшие птицы (Белик, 1992а, 1996а, 1999а). Слабо певшего самца удалось обнаружить также 11.06.1998 на высокотравном лугу в подовой долине среди Доно-Цимлянских песков. Кроме того, 15.05.1982 певшая птица отмечена в пойме Нижнего Дона у стан. Старочеркасской, где до этого в течение 1979-1981 гг. обыкновенных сверчков ни разу не регистрировали, что позволяет предполагать встречу пролетной особи. Еще одно поселение этих сверчков найдено в верховьях р. Калитва в Чертковском р-не на севере Ростовской обл., где 13.06.1994 учтены 4 самца. Наконец, 05.07.1994 певший сверчок встречен в пойме р. Малая Богучарка у с. Полтавка на юге Богучарского р-на Воронежской обл. (Белик, 1992а, 1996а, 2005а).

Очевидно, через Чертково – Богучар, где находятся южные пределы распространения сырых незасоленных лугов северного типа, и проходит граница основного ареала обыкновенного сверчка. А южнее он может обитать только на аренных массивах, где в понижениях тоже формируются подобные луговые ассоциации (Белик, 1996а).

Севернее два обыкновенных сверчка, по данным Н.К. Павловского, отмечены по пению 15.06.1955 в зарослях рогоза в пойме Дона у г. Павловск (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963), но эта находка, судя по биотопу, могла относиться скорее всего к соловьиному сверчку. Кроме того, обыкновенные сверчки, певшие до конца июня, в 2009-2018 гг. были найдены также в Бобровском и Таловском р-нах Воронежской обл., причем в 2012-2016 гг. они держались там в значительном числе (Соколов, 2013а, 2013б; личн. сообщ.).

Для Волгоградской обл. этот сверчок указан как редкий гнездящийся вид, сравнительно широко распространенный в северных и западных районах (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004), но нами там в последние десятилетия он не найден. Однако в 2016 г. певших птиц отмечали на озерах в Поворинском и Борисоглебском р-нах Воронежской обл. у границ с Волгоградской обл. (Нумеров и др., 2021).

Возможно, этот сверчок гнездится также в пойме р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья, где у с. Валуевка 18.05.1949 добыли самца, а в тростниках у водохранилища 16.05.1950 учли 1 птицу. Певший обыкновенный сверчок отмечен также 14.06.2003 в соседнем Краснокутском р-не Саратовской обл. (Юдин, 1952; Завьялов и др., 2011). Однажды 05.05.2013 мы встретили сверчка, пробовавшего петь на деревьях у пруда возле с. Ромашки Палласовского р-на, но выяснить характер его пребывания там не удалось (Белик и др., в печати). Еще раз

пение этого сверчка отметили в начале мая 2022 г. также на р. Чернавка у оз. Эльтон (Рупасов и др., 2022а), однако сведения о недавних находках этих сверчков в Волгоградском Заволжье на гнездовье (Атлас …, 2020) вызывают обоснованные сомнения.

На Западном Кавказе сверчок распространен в основном в субальпике от р. Белая и плато Лагонаки на западе (Казаков, Тильба, 1985а) до плато Бечасын в Приэльбрусье (Караваев и др., 2014; наши данные). К востоку от Эльбруса вплоть до Дагестана сверчок в горах редок и распространен очень спорадично на лугах в субальпике и в лесном поясе (Бёме, 1926, 1933; Моламусов, 1967; Волчанецкий, 1973). А в Приэльбрусье он переходит также на субальпийские луга Скалистого хр., спускается в предгорья к Кисловодску и проникает на Джинальский (Меловой) хребет (Lorenz, 1887, 2011).

Отсюда ареал сверчка расширяется на Ставропольское плато и в прилежащие равнинные районы к западу до низовий р. Уруп, к северу до с. Рассыпное в Песчанокопском р-не на юге Ростовской обл. и к востоку до низовий р. Подкумок у г. Георгиевск (Динник, 1886; Жарова, Жаров, 1962; Будниченко, 1965; Лиховид, 1977; Белик, 1994; Казаков, Белик, 1996а, 1996б; Ильюх, Хохлов, 2007а; и др.). На подгорных равнинах Предкавказья сверчки гнездятся также в Кабардино-Балкарии (Эдиев, Хохлов, 1993), Северной Осетии (Бёме, 1926; Ильюх, Хохлов, 2007б), Чечне (Гизатулин и др., 2001) и в Дагестане к северу до долины и дельты Терека (Волчанецкий, 1959).

Зимуют обыкновенные сверчки в Африке и Индии. Сезонные миграции идут по ночам и визуально не наблюдаются. Мигранты изредка отмечаются на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2001, 2006, 2017, 2022).

Местообитания. Очень спорадично гнездится на сырых осоковых лугах в речных поймах и в понижениях на песчаных террасах рек в бассейне Дона, местами встречается по широким, заболоченным днищам степных балок. В Воронежской обл., по наблюдениям А.Ю. Соколова (личн. сообщ.), обыкновенные сверчки держались в основном на луговых солончаках с осокой и куртинами бурьянов по западинам в степи или среди полей, а также у ручьев или родников по пологим склонам степных балок с кустами дерезы (*Caragana frutex*).

На Кавказе птицы тоже обитают на сырых высокотравных и на влажных злаковых и осоковых лугах в субальпике, поднимаясь вверх до 2000-2200 м н.у.м.; встречаются по обширным полянам в лесном поясе в среднегорьях, а также в лесостепных низкогорьях; на Центральном и Восточном Кавказе местами спускаются в предгорья и на подгорные равнины. Гнездо вьют на земле среди густой травы.

Численность. В Европе обитает 0,9-1,6 млн. пар, а в Европейской России – 500-800 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России предполагалось гнездование 10-20 тыс. пар, в том числе в Ростовской обл. по данным растрового картирования численность была рассчитана в 70 пар (Белик, 2000а, 2005б).

На Западном Кавказе в высокогорном буковом криволесье в бассейнах рек Белая и Малая Лаба обилие птиц составляет 4,8-9,0 ос./км^2, а в субальпике учитывали от 15,9 ос./км^2 на р. Белой до 1,5 ос./км^2 на Малой Лабе (Перевозов, 2010). На влажных субальпийских лугах в Тебердинском заповеднике обилие колеблется от 5,6 до 57,2 ос./км^2, а на Скалистом хр. достигает 13-27 ос./км^2 (Караваев и др., 2014, 2015). На высокотравных субальпийских лугах на плато Бечасын в Приэльбрусье в 2005-2007 гг. мы учитывали в разных районах от 0,3 до 1,5 самцов на 1 км маршрута (в среднем 4,6 пар/км^2). В более сухих высокогорьях Центрального и Восточного Кавказа в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Дагестане сверчок редок и в учетах отсутствует (Афонин, 1985; Комаров, Хохлов, 2003; наши данные).

В Предкавказье на р. Подкумок у г. Георгиевск на многолетних луговостепных залежах было 18,6 ос./км^2, а на Тереке у г. Моздок на различных залежах обилие составляло 29,0-30,2 ос./км^2 и по опушкам лесов – 37,5 ос./км^2 (Ильюх, Хохлов, 2007а, 2007б). В Чечне сверчок указан для равнины, где учитывали 0,1 ос./5 км маршрута в степной зоне и 2,0 ос./5 км – в пойме Терека (Гизатулин и др., 2001).

В Ростовской обл. в 1994 г. на Нижнекундрюченском песчаном массиве в мозаичных, заболоченных аренных лесах обилие составляло до 10 пар/км^2, а в Чертковском р-не по заболоченному днищу балки на площади около 1 км^2 держались 4 пары (Белик, 1996а).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

312. Сверчок пятнистый *Locustella lanceolata* (Temminck, 1840)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России, добытый однажды в Дагестане (Бутьев, Лебедева, 1989; Белик и др., 2006, 2016), а также в Заволжье на границе Волгоградской и Саратовской обл. (Завьялов и др., 2005, 2011; Белик и др., в печати).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Иногда считается подвидом обыкновенного сверчка (Портенко, 1960), но чаще рассматривается как отдельный монотипический вид (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003) или делится на 2 подвида, в том числе островная форма *L. l. hendersonii*, обитающая

на Дальнем Востоке, и номинативный подвид, распространенный в материковой части ареала (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014). В Европейской России обитает *L. l. lanceolata* (Атлас …, 2020).

Распространение. Гнездится на севере Европейской России от Карелии до Урала и в Сибири до Тихого океана (Дементьев, Гладков, 1954; Атлас …, 2020). На юге России залетная птица впервые добыта 29.04.1988 в дельте р. Самур на юге Дагестана (Бутьев, Лебедева, 1989). Еще одна птица встречена 09.05.2005 в Приерусланской степи в окрестностях с. Дьяковка на границе Саратовской и Волгоградской обл. (Завьялов и др., 2005, 2011).

Зимует этот сверчок в Юго-Восточной Азии и на зимовки мигрирует, минуя Южную Россию, однако залетные птицы нередко появляются в Западной Европе (Дементьев, Гладков, 1954; и др.).

Местообитания. Гнездится в заболоченных или сырых лиственных или смешанных редкостойных и низкорослых лесах с развитым травяным покровом. В отличие от обыкновенного сверчка предпочитает заболоченные леса и редколесья с кустарником (Атлас …, 2020). Залетные птицы держались во влажном ольшанике с тростниками у берега старицы в дельте р. Самур и на солончаке в долине р. Еурслан, заросшем по краям осоками (Бутьев, Лебедева, 1989; Завьялов и др., 2005, 2011).

Численность. В Европе обитает 30-60 тыс., а на севере Европейской России – 50-80 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России могут случайно встречаться единичные залетные особи.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

313. Камышевка тонкоклювая *Acrocephalus melanopogon* (Temminck, 1823)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России (Белик и др., 2016; Шевцов, 2020). В горах Северного Кавказа практически не встречается, но на Черноморском побережье изредка появляется на пролете (Тильба, 2001, 2017, 2022; Джамирзоев и др., 2014).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Ранее выделялась в отдельный монотипический род *Lusciniola*. Но по данным последних исследований, тонкоклювую камышевку относят к роду *Acrocephalus*, в котором она стоит близко к барсучку и вертлявой камышевке из подрода *Calamodus*, или пестроголовых камышевок, отличаясь от них рядом морфологических, эко-

логических и этологических особенностей и тем самым занимая несколько обособленное положение (Leisler a.u., 1997; Иваницкий, Бочкарева, 2008).

Обычно выделяют 2 подвида, в том числе номинативный, обитающий на юге Западной Европы, и *A. m. mimica*, распространенный на юге России, в Передней и Средней Азии и в Казахстане (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014). Птицы из Восточного Приазовья недавно были описаны как отдельный подвид *A. m. albiventris* (Казаков, 1974в), но позже он был сведён в синонимы *A. m. mimica* (Степанян, 2003). Возможно, описание белобрюхой формы *A. m. albiventris* было связано с включением в анализ летних сборов, когда у тонкоклювых камышевок в результате изнашивания оперения пропадает коричневый налет на нижней стороне тела (Квартальнов, 2002).

Распространение. Гнездится на степных водоемах в области Древнего Средиземья. На юге России населяет все равнинные регионы, но из-за скрытного образа жизни детали распространения этого вида выяснены недостаточно. Первоначально ареал в России ограничивали лишь северо-западным Прикаспием от низовий Волги до Кумы и Терека (Дементьев, Гладков, 1954; Моламусов, 1967), но позже этих птиц нашли также в Восточном Приазовье (Очаповский, 1967, 2017), в котором предполагалось даже формирование частично изолированного эндемичного подвида (Казаков, 1974а, 1974в, 2022).

В настоящее время эти камышевки спорадично распространены по долинам рек в бассейне Азовского моря: на Нижнем Дону от дельты до Цимлянского вдхр., местами по рекам Сев. Донец, Западный Маныч, Сал и Ея, а также на р. Егорлык в Ставропольском крае (Хохлов, 1991) и на Кубани у Черкесска (Караваев, 2006а). Восточнее их несколько раз отмечали по Тереку в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечне (Казаков, 1974в; Точиев, Гизатулин, 1987; Шевцов, 2020). Их гнездование установлено также на Сарпинских озерах в Волгоградской обл. (Белик и др., 2022а), а недавно этих птиц обнаружили в долине р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья, где сейчас проводится северная граница ареала (Беляченко и др., 2018). Они оказались нередки также на водоемах в соседних районах Западного Казахстана и на юго-востоке Саратовской обл. (Завьялов и др., 2002а, 2002б; Белик, 2008; Парфёнов, Бидашко, 2017).

Предполагалось, что тонкоклювая камышевка стремительно заселила Заволжье в самое последнее время, сначала от дельты Волги до оз. Баскунчак, «преодолев за 15-20 лет расстояние приблизительно в 300 км,

а затем, вероятно, за такой же срок не меньшее расстояние до северных пределов Прикаспийской низменности» (Завьялов и др., 2002а, с.338). Однако в основу этой гипотезы положено не совсем корректное цитирование источников (Seebohm, 1882; Чуйков, 1998), что не позволяет принять ее без возражений.

Так, на оз. Баскунчак тонкоклювую камышевку до сих пор никто не встречал (Амосов, 2010, 2012; Г.М. Русанов, личн. сообщ., 26.01.2022), тогда как на Сарпинских озерах у Волгограда ее отмечали еще в начале XX в. на пролете в апреле и августе (Лорец, 1928), хотя вполне вероятно, что она держалась там и летом, оставаясь незамеченной из-за своей скрытности. А позже на Сарпе Е.И. Врублевский нашел 28.05.1978 несколько гнезд с кладками (Белик и др., 2022а).

Кроме того, еще в конце XIX в. этих птиц нашли на северо-востоке Украины (Зарудный, 1892, 1911), в начале октября 1965 г. нескольких птиц отметили на Станично-Луганском рыбхозе на Сев. Донце близ границы с Ростовской обл. (Панченко, 1972), а в апреле 1986 г. там, по сведениям В.В. Ветрова (личн. сообщ.), слышали пение камышевок вероятно этого вида. Наконец, в 1970-е годы они были найдены значительно севернее – в Белгородской обл. (Овчинникова, 1999; Бардин, 2005).

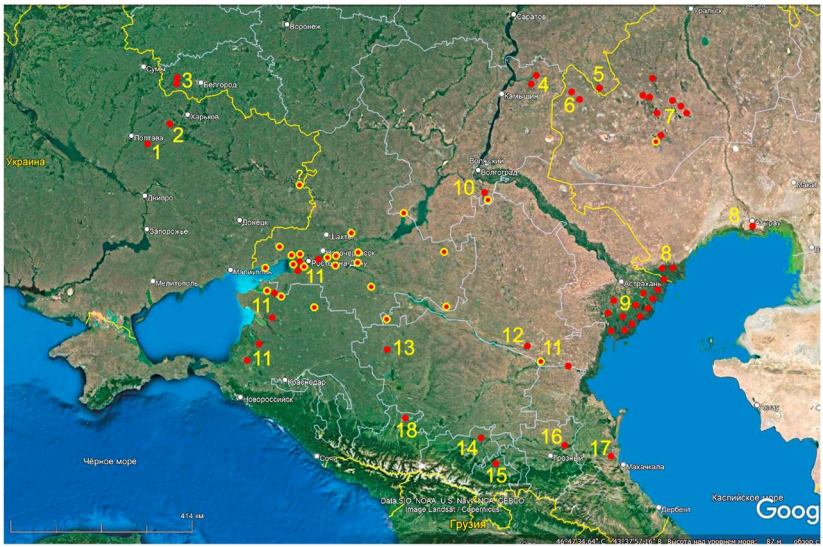

Рис. 22. Места встреч тонкоклювой камышевки на юге России и в смежных регионах.
Красные пуансоны – литературные данные;
желто-красные – оригинальные сведения

Таблица 4

Документированные находки тонкоклювой камышевки на юге России
и в смежных регионах.
Номера в таблице соответствуют номерам на рис. 22

№	Даты сборов	Район сборов	Источник информации
1	22.06.1897, 30.06.1905 **ст.ст.**	р. Орчик, Полтавская обл.	Зарудный, 1911
2	30.07.1890 **ст.ст.**	Валковский р-н, Харьковская обл.	Зарудный, 1892
3	1974, 1975, 2005 гг.	«Лес на Ворскле», Белгородская обл.	Овчинникова, 1999; Бардин, 2005
4	Начало июня 2015 г.	р. Еруслан, Волгоградская обл.	Беляченко и др., 2018
5	30.08.2013, 02.09.2014, 06.06.2013	р. Ащеузек, Западный Казахстан	Парфёнов, Бидашко, 2017
6	09-10.05.2001, 11.07.2002	Александрово-Гайский р-н, Саратовская обл.	Завьялов и др., 2002а, 2002б
7	2008-2016 гг.	Западноказахстанская обл.	Парфёнов, Бидашко, 2017
8	16.04.**1907**	Дельта Волги; Гурьев (Атырау), Казахстан	Ковшарь, 1972
9	13.07.1927, 25.05.1930	Дельта Волги, Астраханская обл.	Воробьев, 1936; Реуцкий, 2015
10	28.05.1978	оз. Сарпа, Волгоградская обл.	Е.И. Врублевский, дневники
11	1961-1974 гг.	Приазовье, низовья Дона, низовья Кумы	Казаков, 1974а, 2022
12	1977 г.	Состинские озера, Калмыкия	Кукиш, 1982
13	13.04.1981	р. Егорлык, с. Птичье, Ставропольский край	Хохлов, 1991
14	28.05.1884	р. Терек, г. Прохладный, Кабардино-Балкария	Казаков, 1974б
15	19.07.2020	с. Дарг-Кох, Кировский р-н, Северная Осетия	Шевцов, 2020
16	1981-1985 гг.	р. Терек, Чеченская Республика	Точиев, Гизатулин, 1987
17	04.05.1964	с. Богатыревка, г. Махачкала, Дагестан	Моламусов, 1967
18	07.05.2004	оз. Малое, г. Черкесск, Карачаево-Черкесия	Караваев, 2006а

Весьма возможно, что тонкоклювая камышевка спорадично распространена по всей степной части бассейна Дона, однако без специальных поисков она во многих районах пропускается. Не исключено, что ее принимают за барсучка, как это первоначально произошло и в Саратове (Завьялов и др., 2002а). Совершенно неожиданно обнаружили эту птицу в середине XX в. и на Кубани: «До 1959 г. никто не знал о ее распространении в Приазовье. … И только исследования В.А. Комарова показали, что она местами весьма обычна в данном районе на гнездовье» (Очаповский, 2017, с.163). А на Цимлянских песках тонкоклювая камышевка была найдена нами лишь в 1993 г., через 15 лет после начала регулярных экспедиционных работ в том районе.

Зимуют камышевки на севере Африки и юге Передней Азии. Их ночные миграции на юге России не выражены. Мигранты изредка отмечаются лишь на Черноморском побережье Кавказа, где они могут случайно задерживаться также и на зиму (Тильба, 2001, 2017, 2022).

Местообитания. Гнездится преимущественно среди невысоких, густых зарослей старого, полёгшего зимой рогоза на обводненных болотных массивах в плавнях, по берегам озер и прудов, а также на заболоченных старицах, ериках и сбросных каналах; местами селится также в густых куртинах тростника среди глубоких плёсов на пресных лиманах и озерах. Слабо заросших водоемов как правило избегает. В зарослях макрофитов птицы занимают гнездовые территории обычно вдали от берега, у внутренних плёсов, где начинают петь с прилёта в марте-апреле, а в мае, с появлением других камышевок, большинство самцов смолкает, и эти камышевки становятся малозаметными. Пение очень видоспецифично и легко идентифицируется по характерной «запевке», состоящей из длинных и чистых флейтовых свистов «фью-фью-фью» или «флии-флии-флии», после чего следует вторая часть строфы, похожая на пение других камышевок (Czarnecki, 1973; Иваницкий, Бочкарева, 2008), но сами птицы держатся преимущественно в глубине зарослей. Гнездо из сухих листьев рогоза и злаков вьёт обычно в заломах рогоза невысоко над водой.

Численность. На юге России довольно обычна. В Европе обитает 76,1-124,0 тыс., а в Европейской России – 100-200 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Южно-российскую популяцию оценивали в 100-200 тыс. пар, в том числе около 12 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). Конкретные же данные по обилию этого вида немногочисленны.

В отличие от других камышевок, никогда не образует плотных поселений, гнездясь обычно не ближе 50-60 м друг от друга даже в сплошных рогозовых зарослях (Иваницкий, Бочкарева, 2008). В авандельте

Волги обилие птиц колеблется от 0,2 до 28,2 пар/10 га гнездопригодной площади (Русанов, 2011), а в 2020-2021 гг. в тростниково-рогозовых зарослях в култучной зоне там гнездилось 19,3-22,1 пар/10 га и в островной зоне – 6,7-9,2 пар/10 га (Стрелков, 2021).

В Челбасских плавнях в Восточном Приазовье обилие, по данным многолетних специальных учетов, составляет от 75 до 111-137 самцов/км^2 (Маркитан, 2004; Иваницкий и др., 2007). В дельте Дона в мае 2008 г. учли 3 самцов на 1 км маршрута, или 15 пар/км^2 (Маркитан и др., 2010). По нашим учетам в дельте Дона, в оптимальных местообитаниях по заросшим ерикам и сбросным каналам обилие в 1984-1990 гг. достигало 90-110 пар/км^2, а на мелководных маршевых болотах обитало всего 8 пар/км^2; в плавнях в низовьях р. Ея в 1994 г. мы учли около 40 пар/км^2. Во второй половине XX в. ареал и численность этого вида на юге России могли увеличиться благодаря широким гидромелиоративным работам в степных районах.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

314. Камышевка вертлявая *Acrocephalus paludicola* (Vieillot, 1817)

Характер пребывания. Пролетный, возможно – редкий залетный вид бассейнов Дона и Волги (Лерхе, 1940; Белик, 1992а; Шляхтин, Якушев, 2006; Завьялов и др., 2011; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. До конца XX в. ареал охватывал умеренный пояс Европы к востоку до Урала, а также юг Западной Сибири (Дементьев, Гладков, 1954; Калякин, Гришанов, 2001), но сейчас численность этого вида резко снизилась и в России он, по-видимому, уже не размножается. Небольшие гнездовые очаги сохранились на севере Украины, в Белоруссии, Литве и Польше. Зимует на западе Африки к югу от Сахары, а миграции туда идут через Центральную и Западную Европу (Калякин, Гришанов, 2021).

На юге России в начале XX в. эта камышевка изредка отмечалась в апреле и августе на пролете в Сарепте, в окрестностях Волгограда (Лорец, 1928); позже она была указана для Ростовской обл., в том числе здесь предполагалось ее гнездование (Лерхе, 1940), а 01.05.1951 у с. Рогожкино в дельте Дона экспедицией М.А. Воинственского был добыт 1 самец, хранящийся в музее Киевского университета (Белик, 1992а; П.С. Панченко, личн. сообщ.). Наконец, одиночных территориальных птиц наблюдали в апреле-мае 2003 и 2005 гг. на лиманных осоковых

лугах, окруженных солончаками, в долине р. Еруслан в окрестностях с. Дьяковка (Шляхтин, Якушев, 2006; Завьялов и др., 2011).

В Воронежской обл. молодая самка была добыта 14.08.1920 на степном болоте у Хреновского бора (Огнев, Воробьев, 1923), а по данным А.А. Золотарева, эту камышевку несколько раз отмечали в начале июля и в начале августа 1977 г. и в августе 1978 г. на степных озерах среди песков в районе Хоперского заповедника (Нумеров, 2018).

В качестве пролетного вида эта камышевка указана для Дагестана (Джамирзоев, 2000), но какие-либо конкретные данные о ее встречах там неизвестны.

Местообитания. Специфична для обширных низинных осоково-гипновых болот, а также заболоченных осоково-злаковых лугов и кочкарников с низким, но стабильным уровнем воды, с невысокой травой, не превышающей 80 см, и с редкими кустами (Иваницкий и др., 2005). На миграциях останавливается в аналогичных местообитаниях.

Численность. В Европейской России еще недавно предполагалось гнездование 1.000-10.000, затем 10-500, позже 5-50, наконец 3-5 пар (Tucker, Heath, 1994; European Birds …, 2000; Мищенко и др., 2004, 2017), но сейчас и эти оценки считаются устаревшими. Всего в Европе, по последним данным, численность составляет 11 тыс. поющих самцов, или примерно 20 тыс. особей. Популяция катастрофически сократилась в последние 60-70 лет (Атлас …, 2020; Калякин, Гришанов, 2021). На юге России возможны случайные встречи единичных залетных птиц.

Охранный статус. В Красной книге РФ (2001) вид находился под 4 категорией, а в ее новом издании переведен в 1 категорию редкости как находящийся под угрозой исчезновения (Калякин, Гришанов, 2021). На юге России особая охрана этого залетного вида сейчас не предусмотрена.

315. Камышевка-барсучок *Acrocephalus schoenobaenus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России (Белик и др., 2016). На миграциях изредка встречается в горах, а также на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2001, 2006, 2017, 2022; Белик, 2015а; Джамирзоев и др., 2014).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики к востоку

до Енисея. На юге России обитает на заросших мелководных водоемах во всех равнинных регионах, преимущественно на севере в бассейне Дона и Волги; местами проникает в предгорные районы Адыгеи, Краснодарского края, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии (Комаров, 2002, 2003; Караваев, 2006; Перевозов, 2014; Белик, 2019а). Гнездование предполагалось также на низменностях по Черноморскому побережью Кавказа, где летом изредка встречали певших птиц, а с конца июля – молодых особей, но позже оно не получило подтверждения (Тильба, 2001, 2006, 2017, 2022; Белик, 2015а).

В пустынных и полупустынных районах Калмыкии и Заволжья возможно лишь редкое, спорадичное гнездование, тоже требующее фактических подтверждений (Кукиш, 1982, 1984; Быков и др., 2009; Белик и др., 2022а), поскольку пролетные птицы, задерживающиеся до середины июня, нередко поют на индивидуальных территориях, но не гнездятся (Линдеман, 1971; Квартальнов и др., 2001; Иваницкий и др., 2002). Стабильные гнездовые поселения в Волгоградском Заволжье появляются лишь на пресных, заболоченных водоемах в долине р. Еруслан и севернее (Белик и др., в печати).

Зимуют эти камышевки в Африке, мигрируют туда по ночам, и их пролет на юге России визуально не прослеживается. В горах Северного Кавказа мигранты встречаются очень редко (Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014), но на Черноморском побережье они останавливаются регулярно (Тильба, 2001, 20016, 2017, 2022).

Местообитания. Гнездится преимущественно среди сырых осоковых кочкарников и камышовых болот, а также в высокотравье на мелководных, заболоченных берегах равнинных рек, озер и прудов; местами встречается по берегам заросших макрофитами предгорных водоемов. Рогозово-тростниковых зарослей на глубоководье барсучок, как правило, избегает. Гнездо в виде глубокой корзинки из сухих стеблей и листьев злаков вьёт обычно в высокой траве или осоке, подвешивая его среди густых вертикальных стеблей невысоко над землей.

Численность. На юге России довольно обычна. В Европе обитает 3,8-6,4 млн., а в Европейской России – 1,3-2,4 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Южно-российскую популяцию оценивали в 100-300 тыс. пар, в том числе более 100 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

Обилие птиц в различных природных комплексах дельты Волги составляло 1,8-124,7 пар/10 га гнездопригодной площади. Но в конце XX в. из-за подъема уровня Каспия численность этих камышевок снизались там на 93,5%, по сравнению в 1970-ми годами (Русанов, 2011), и в

2020-2021 гг. в тростниково-рогозовых зарослях на взморье гнездились лишь 0,2-0,5 пар/10 га (Стрелков, 2021).

По берегам лиманов в Восточном Приазовье учитывали до 21 поющих самцов на 4 га (Иваницкий и др., 2007). В дельте Дона в характерных биотопах в 2008 г. отмечали 3 самцов на 1 км маршрута, или 15 пар/км^2 (Маркитан и др., 2010). А в Черебаевской пойме на левобережье Волгоградского вдхр. обилие барсучка на заливных лугах и в затопленном тростниково-ивовом лесу в начале XXI в. колебалось в пределах 4-8 ос./га (Шаповалова, Завьялов, 2009). На пролете в полупустынных районах Заволжья численность птиц, останавливающихся в искусственных насаждениях, в некоторые дни достигала 1 ос./га (Линдеман, 1971).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

316. Камышевка индийская *Acrocephalus agricola* (Jerdon, 1845)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России, а в горных регионах Северного Кавказа практически не отмечающийся, возможно – из-за пропуска мигрантов (Джамирзоев и др., 2014; Белик и др., 2016; Белик, Гугуева, 2022).

Зоогеографические связи. Типичный представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Прежде внутри вида выделяли от 4 до 7 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003), но в настоящее время он признается сложным комплексом, состоящим из 3 отдельных видов: монотипического маньчжурского *A. tangorum*, политипического восточноазиатского *A. concinens*, а также европейско-казахстанского A. *agricola*, включающего 3 подвида: южно-европейский *A. a. septima*, более светлый казахстанский *A. a. brevipennis* и номинативный гималайский подвид. Иногда последние 2 формы объединяют вместе (Портенко, 1960; Dickinson, Christidis, 2014). На юге России распространен *A. a. septima* (Коблик и др., 2006; Казаков, 2022).

Распространение. Гнездится в пустынно-степном поясе Евразии от дельты Дуная до Монголии. На юге России довольно широко распространена по заросшим водоемам равнинных регионов (рис.23). Не найдена в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, хотя может гнездиться в их северных равнинных районах, где эта камышевка вероятно пропущена из-за отсутствия специальных исследований.

Птицы гнездятся в поймах и дельтах рек Дон, Ея, Челбас, Бейсуг, Кубань, а также на Западном Маныче (Кистяковский, 1932; Петров, Казаков,

1970; Казаков, 2022), нередки в Калмыкии, в дельте Волги и в Волго-Ахтубинской пойме (Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Кукиш, 1982; Квартальнов, 2001; Чернобай, 2004а; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; и др.). Нами они найдены также на Беглицкой косе в устье Миусского лимана, в низовьях Сев. Донца, на р. Сал и Чир, по р. Калитва до самых верховий в Чертковском р-не на севере Ростовской обл., на Доно-Цимлянских и Доно-Арчединских песках (Белик, 1999а, 2001а; Белик, Гугуева, 2021; оригин. данные). Птицы спорадично встречаются также на севере Волгоградской обл. и в Волгоградском Заволжье (Белик, Гугуева, 2022).

Рис. 23. Распространение индийской камышевки на юге России: красные пуансоны – по литературным сведениям; красно-черные пуансоны – оригинальные данные

Предполагалось, что в Заволжье эти птицы проникли сравнительно недавно в результате быстрого расселения с юго-востока (Завьялов, 1995; Якушев и др., 1998; Завьялов и др., 2003, 2011; и др.). Однако анализ литературных данных показывает, что у Сарепты (Волгограда) индийскую камышевку находили еще в начале XX в. (Лорец, 1928).

В Зоологическом институте РАН имеется один экземпляр из Сарепты, датированный 1856 годом (№ 105726), а в 1920-е годы кладка этой камышевки найдена также у г. Хвалынска на севере Саратовской обл. (Завьялов и др., 2003, 2011); в конце 1920-х годов похожих птиц несколько раз наблюдали на Камыш-Самарских озерах в Волго-Уральском междуречье, но тогда не смогли добыть и определить их (Волчанецкий, 1937); в 1949-1950 гг. индийские камышевки были найдены в низовьях р. Еруслан, где их определили по птицам, добытым 20.05.1949 у с. Валуевка (коллекция ЗИН, № 56958, 56959), но в природе их всё время учитывали в тростниковых зарослях вместе с похожей болотной камышевкой (Юдин, 1952; Завьялов и др., 2011).

По всей видимости, индийская камышевка уже давно была распространена значительно шире, чем это предполагали в середине XX в. (Дементьев, Гладков, 1954), но в природе из-за большого сходства с болотной камышевкой выявлялась в основном лишь при коллектировании, а в последнее время – также благодаря отлову птиц и их фотосъемке, что и позволило сейчас значительно расширить ее гнездовой ареал (Белик, Гугуева, 2022). Хотя не исключается также и ее современное расселение на север в связи с потеплением климата и появлением большого количества подходящих для гнездования антропогенных водоемов (Атлас …, 2020; Белик, Гугуева, 2022).

Очевидно, с трудностями в сборе птиц среди болотных зарослей и с проблемами в их идентификации связан недостаток данных о распространении индийской камышевки также в степном Предкавказье, где ее случайно отмечали в Краснодарском и Ставропольском крае (Очаповский, 1967, 2017; Хохлов, 1991; Заболотный и др., 1995), на Тереке в Чечне (Гизатулин и др., 2001), а также в Дагестане (Волчанецкий, 1959; Джамирзоев и др., 2004, 2008, 2014; и др.).

Зимуют эти птицы в основном на юге Азии, и их миграции на юге России выражены очень слабо. Весной эти камышевки начинают петь на юге России в середине апреля - начале мая обычно уже на гнездовых участках. Но в окрестностях Кисловодска пролетная птица встречена однажды 15.06.2005 в ущелье р. Аликоновка (Хохлов и др., 2005), а мы визуально наблюдали певшую камышевку там же 13.06.2005 на небольшом заросшем тростниками озерце на днище долины в верховьях р. Березовой. На обратных миграциях одиночная особь поймана 28.07.1996 на Черноморском побережье в районе Адлера и одна птица встречена там же 01.08.2017 (Тильба, 2001, 2017, 2022). Еще 2 птицы пойманы осенью 2004 г. в Заволжье на Джаныбекском стационаре в Приэльтонье (Быков и др., 2009; Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Занимает довольно широкий спектр биотопов, предпочитая мозаичные тростниковые, реже – тростниково-рогозовые заросли на лиманах, озерах и прудах. Широкие тростниковые бордюры использует обычно по всему профилю, т.е. от берега до внутренних плёсов, но более характерна для прибрежного пояса, иногда встречается также на обсыхающих участках с макрофитами, высокотравьем и кустарниками по берегам рек и озер (Иваницкий и др., 2002, 2005; Маркитан, 2002). Гнездо в виде глубокой чашечки устраивает обычно среди густых стеблей тростника или рогоза невысоко над водой.

Численность. На юге России обычна, местами многочисленна. В Европе обитает 200-396 тыс., а в Европейской России – 180-350 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Южно-российская популяция насчитывает 100-200 тыс., в том числе около 20 тыс. пар гнездится в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). На заросших степных водоемах обычно входит в число субдоминантов или доминантов в смешанных поселениях камышевок.

В Челбасских плавнях в Восточном Приазовье обилие птиц, по данным специальных многолетних учетов, составляет от 125 до 163-211 самцов/км^2, а по берегам водоемов учитывали до 22 певших самцов на 4 га (Маркитан, 2004; Иваницкий и др., 2007). В дельте Дона в характерных биотопах в 2008 г. отмечали 3-4 самцов на 1 км маршрута, или 15-20 пар/км^2 (Маркитан и др., 2010). В тростниках по берегам устьевого залива р. Еруслан в степном Заволжье эта камышевка в 2010-2012 гг. абсолютно доминировала среди птиц, достигая на разных участках 25,0-56,7-61,3% общей численности птичьего населения (Пискунов, Опарин, 2012). Там же в середине XX в. она в 5 раз превышала обилие дроздовидных камышевок, составляя 28 пар на 1,5 км тростниковых зарослей вдоль дамбы водохранилища, или 9,3 пар/га (Юдин, 1952). В Черебаевской пойме на левобережье Волгоградского вдхр. у границы Саратовской и Волгоградской обл. обилие птиц в июле 1998-2000 гг. составляло около 5-7 ос./га (Шаповалова, Завьялов, 2009). Но в дельте Волги в тростниково-рогозовых зарослях на взморье в 2020-2021 гг. учитывали лишь 0,2-0,3 пар/10 га (Стрелков, 2021).

Для этого вида характерны компактные, обособленные группировки из 5-10 пар, напоминающие диффузные колонии, в которых самцы поют иногда всего в 6-8 м друг от друга, а расстояние между соседними гнездами сокращается до 6-15 м, тогда как обособленные пары встречаются весьма редко (Иваницкий и др., 2006). По наблюдениям на озерах на юге Калмыкии, самцы весной рекламируют участки площадью 100-250 м^2, а по мере увеличения численности птиц их территории

могут уменьшаться до 20-50 м2, однако значительную часть популяции там составляли холостые самцы, достигавшие около половины общей численности птиц (Квартальнов, 2001). Нами там в мае 1969 г. было учтено 12 певших самцов на 400 м берега озера (Белик и др., 2022).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

317. Камышевка садовая *Acrocephalus dumetorum* Blyth, 1849

Характер пребывания. Гнездование указывали в последнее время для северных районов Волгоградской обл. (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, Никитина, 1990; Чернобай, 2004), однако достоверные фактические данные о гнездовых находках там неизвестны. В равнинных регионах Южной России этих птиц отмечали на пролете, а в горы они залетают очень редко (Белик и др., 2006, 2016).

Зоогеографические связи. Структура ареала и биотопические преференции этого вида не дают возможности однозначно судить о его фауногенетических связях. Филогенетическая близость садовой камышевки к европейской болотной камышевке и в общем плане парапатрические ареалы этих двух видов позволяют говорить о восточном происхождении садовой камышевки. Но относить ее к Китайскому типу фауны, как это сделал Н.Д. Реуцкий (2015), нет достаточных оснований, поскольку для Восточной Азии этот вид вовсе не характерен. Судя же по оптимуму ареала, приуроченному к североевропейским лесам и южно-сибирской тайге, можно предполагать, что садовая камышевка начала эволюционировать где-то в плейстоценовых рефугиумах на юге Урала, на периферии западнопалеарктического ареала и в изоляции от общего для двух камышевок предкового вида. В голоцене обособившаяся форма смогла расселиться дальше на восток, а также на запад, вторично вступив в Восточной Европе в контакт с болотной камышевкой. Поэтому формально садовую камышевку следует относить к Европейскому типу фауны, но уже, вероятно, не к аллювиофильному, а к лесному, неморальному фаунистическому комплексу.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в лесах умеренного пояса Восточной Европы, Западной и Центральной Сибири и Северного Казахстана (Дементьев, Гладков, 1954). На юге России встречается на пролете, преимущественно в Волгоградском Заволжье (Линдеман, 1971; Чернецов и др., 2010; Белик и др., в печати). Весной эти птицы регулярно отмечались нами по пению также на востоке Ростовской обл., в том числе на Нижнем Дону и Западном Маныче. Эпизодически они появляются

в дельте Дона (Маркитан и др., 2010) и Волги (Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Реуцкий, 2015; и др.). На Северном Кавказе встречи с садовой камышевкой единичны: 19.09.1959 пролетная птица добыта у Новороссийска (Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962), а в Адыгее на р. Белая в Майкопе певшие птицы отмечены в конце мая 2007 и 14.06.2011 (Перевозов, 2014). Для Ставрополья, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии эта камышевка не указана вовсе, а в Калмыкии считается редким пролетным видом (Цапко и др., 2009); как пролетный вид она отмечена также в Дагестане (Джамирзоев, 2000; Джамирзоев и др., 2014).

Неоднократные указания на гнездование этой камышевки имеются для разных регионов, в том числе для Краснодарского края (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Чуркина, 1967), Астраханской обл. (Хлебников, 1928, 1930) и Волгоградской обл. (Лорец, 1928; Волчанецкий и др., 1950; Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, Никитина, 1990; Чернобай, 2004). Однако они были основаны или на ошибках в определении птиц, иногда даже в коллекциях (см., напр.: Пузанов, 1938; Пекло, 2008; Белик, 2012; Белик и др., 2017), или на неверной трактовке статуса пролетных особей, часто поющих вплоть до середины июня в лесонасаждениях, кустарниках и зарослях макрофитов по берегам водоемов (Белик и др., 2017; Белик и др., в печати).

Возможно, садовые камышевки гнездятся на левобережье Волгоградского вдхр. у границы с Саратовской обл., где в Черебаевской пойме 18.07.1998 добыта молодая особь. В Щербаковской излучине на Правобережье Волги летом 1984 г. садовую камышевку мы не нашли, а указания о ее гнездовании там (Чернобай, Никитина, 1990) связаны, по-видимому, с регистрацией болотных камышевок, нередких в устьях балок на берегу Волги.

Вообще же южную границу гнездового ареала этой камышевки в Саратовской обл. проводят по ее северным районам (Завьялов и др., 2011). В Воронежской обл. гнездование этих птиц тоже изредка отмечали лишь в северных районах – на р. Битюг, в Воронежском и Хоперском заповедниках (Огнев, Воробьев, 1923; Барабаш-Никифоров, Павловский, 1948; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Золотарев, 1995; Нумеров и др., 2021). Однако на Хопре в Саратовской обл. этот вид летом не был найден (Белик, 2002).

Зимует садовая камышевка в Южной Азии, и ее ночные миграции на юге России практически не выражены. Много этих птиц пролетает лишь через Заволжье, где они часто поют в кустарниках и лесонасаждениях с начала мая до середины июня, а затем появляются в августе-сентябре (Линдеман, 1971; Белик и др., в печати).

Местообитания. Обитает среди кустарников, перемежающихся с густыми зарослями грубого мезофильного высокотравья (крапивы, таволги, кипрея и др.), но избегает избыточного увлажнения и никогда не гнездится над водой. Предпочитает кустарниковые опушки влажных, мозаичных пойменных лесов и заброшенных лесополос, сырые зарастающие вырубки и гари, мелиоративные каналы с крапивой, бузиной, ивняками, малинниками, а также высокотравные луга с кустарниками. На миграциях останавливается по опушкам различных лесов, в кустарниках и лесополосах, на окраинах заболоченных водоемов. Весной самцы часто поют.

Численность. В Европе обитает 2,2-4,8 млн., а в Европейской России – 2,1-4,6 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России предполагалось гнездование до 10 пар (Белик, 2005б). Обилие этих птиц на островах в Черебаевской пойме на левобережье Волгоградского вдхр. у границы с Саратовской обл. в июле 1998-2000 гг. составляло 1,1-1,6 ос./га на заливных лугах и 2,2-3,2 ос./га в лоховом мелколесье, если только в их определении не было ошибок (Шаповалова, Завьялов, 2009). В Приэльтонье в насаждениях Джаныбекского стационара осенью 2003 и 2004 гг., в основном в сентябре, при специальных исследованиях поймали 35 птиц, а весной во второй половине мая 2005 г. – 130 особей (Чернецов и др., 2010).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

318. Камышевка болотная *Acrocephalus palustris* (Bechstein, 1798)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных и горных регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе на западе Евразии от Атлантики до Урала. На юге России эта камышевка распространена в горах Кавказа, а также во многих равнинных регионах, кроме засушливых районов Калмыкии и Заволжья.

На Северном Кавказе эти птицы обычны в лесистых долинах предгорных рек вплоть до дельты Кубани (Кистяковский, 1932; Казаков и др., 1984; Мнацеканов и др., 1990), гнездятся на лугах в лесостепных предгорьях и в среднегорном поясе, местами – на субальпийских лугах (Моламусов, 1967; Белик, 2019а; Музаев, 1991; Музаев, Шарманджиева, 2020; и др.). Они распространены также на сырых низменностях вдоль Черноморского и Каспийского побережий (Тильба, 2001, 2006;

Белик, 2015а; Рупасов и др., 2022б).

На Западном Кавказе этой камышевки нет сейчас лишь в сухих горах Новороссийского участка, для которого ее указывали в начале XX в. (Пузанов, 1938; Стаховський, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2013в; Белик и др., 2017). Нет ее также в сухих горах и предгорьях Дагестана, где до середины XX в. она тоже встречалась по горным долинам (Бёме, 1933; Волчанецкий, 1973; Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2014; Белик, Насрулаев, 2019). В степном Предкавказье и в Нижнем Поволжье болотная камышевка немногочисленна и спорадична, но здесь за нее нередко принимают обычную индийскую камышевку, гнездящуюся в основном на водоемах в тростниках.

Так, в плавнях Восточного Приазовья болотная камышевка на гнездовье не найдена, но эпизодически гнездится по сырым западинам поблизости от лиманов (Маркитан, 2004; Квартальнов и др., 2005). Не найдена она на гнездовье и в дельте Дона (Маркитан и др., 2010), ни разу не встречена нами в 2001-2004 гг. и на Западном Маныче, кроме самых низовий, прилегающих к долине Дона. По-видимому, лишь случайно она может гнездиться на юге Калмыкии (Квартальнов и др., 2005) и только на пролете встречается в Приэльтонье и на Баскунчаке в степном Заволжье (Линдеман, 1971; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009; Амосов, 2010, 2012; Белик и др., в печати).

Широко распространена болотная камышевка в лесистых долинах рек в бассейне Дона к югу до устья Сев. Донца (Белик, 1999а, 2005а; Белик и др., 2001). На правобережье Волги она обитает к югу до Волгограда, где в заболоченной балке Е.И. Врублевский нашел гнездо с кладкой (Белик и др., 2022а), а на левобережье Волги распространена к югу до лесистой долины р. Еруслан (Завьялов и др., 2011; Белик и др., в печати).

Зимуют болотные камышевки в Африке, совершая ночные миграции, но на весеннем пролете на юге России они часто останавливаются в различных местообитаниях и подолгу поют, занимая небольшие охраняемые кормовые территории, что может трактоваться иногда как гнездование (Квартальнов и др., 2005). Судя по значительному увеличению численности птиц в Калмыкии в начале-середине июля (Кукиш, 1984), в это время начинаются, вероятно, уже обратные миграции на зимовку, а во второй половине сентября птицы там уже не встречались (Квартальнов и др., 2005). В Приэльтонье в насаждениях Джаныбекского стационара весной во второй половине мая 2005 г. поймали 12 особей, а осенью 2003 и 2004 гг., в основном в сентябре, – всего 13 птиц (Чернецов и др., 2010). В начале сентября эти камышевки изредка отмечается в высокогорьях Кавказа (Вуккерт, Лоскот, 2022).

Местообитания. На равнинах Южной России гнездится в бурьянистом

разнотравье по опушкам пойменных лесов и кустарников, в грубом высокотравье по сырым днищам балок, у берегов озер и прудов, а на степном юге иногда встречается также среди забурьяненных полей близ водоемов. Обводненных зарослей болотных макрофитов эта камышевка обычно избегает и над водой не гнездится. В горах Северного Кавказа обитает на высокотравных луговых полянах, поднимаясь в субальпику до высоты 2000-2300 м н.у.м. (Моламусов, 1967; Белик, Аккиев, 2023). Предпочитает не заболоченные злаковники, а влажные бурьянники с крапивой, щавелем, чемерицей и т.п., особенно вокруг кошей. Гнездится также по кустарниковым окраинам влажных лесов, у ручьев по сырым луговым лощинам и балкам, а в предгорьях – среди лугово-степных полян на надпойменных террасах (Казаков, 2022). Гнездо в виде глубокой чашечки из сухих стеблей трав подвешивает невысоко над землей между густыми вертикальными побегами разнотравья, обсохших тростников или кустов.

Численность. На юге России довольно обычна. В Европе обитает 4,2-7,6 млн., а в Европейской России – 1,6-3,6 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Южно-российские популяции насчитывают 50-100 тыс., в том числе около 10 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

На лесистом Западном Кавказе в низкогорьях отмечали 3-4 ос./км^2, а в субальпике – 1-9 ос./км^2 (Перевозов, 2010). Но там же в мозаичных опушечных ландшафтах на плато Лагонаки в 1990 и 1992 гг. было найдено 13 и 16 жилых гнезд на 15 га, т.е. не менее 100 пар/км^2 (Музаев, Шарманджиева, 2020). На субальпийских лугах по Скалистому хр. в Карачаево-Черкесии учитывали от 31 до 93 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев и др., 2014), а в окрестностях Кисловодска на северном склоне Скалистого хр. обилие на лугах в ущельях достигает, по нашим данным, 100 пар/км^2, местами же значительно выше. В низкогорьях на Джелтмесских высотах и по Меловому хребту на высотах 800-1000 м н.у.м. в бурьянниках по лощинам среди луговой степи мы учитывали до 6-8 самцов на 1 км маршрута, или примерно 35 пар/км^2 (Белик, 2019а). На более сухом Центральном Кавказе численность птиц значительно ниже, а в субальпике не превышает 2 ос./км^2 (Афонин, 1985).

В дельте Волги обилие птиц в различных стациях предустьевого взморья изменялось от 7,3 до 109,7 пар/10 га гнездопригодной площади, но из-за подъема уровня Каспия оно многократно снизилось (Русанов, 2011), и в 2020-2021 гг. там учитывали всего 0,2-0,5 пар/10 га в тростниково-рогозовых зарослях на взморье и около 0,1 пар/10 га в гале-

рейных лесах (Стрелков, 2021). В долине р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья обилие в кустарниковых зарослях составляет 38,5-42,8 ос./км^2 (Завьялов и др., 2011), а в лесопосадках в низовьях этой реки 21.05.1950 было учтено 18 болотных камышевок на 1,5 км маршрута (Юдин, 1952).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

319. Камышевка тростниковая *Acrocephalus scirpaceus* (Hermann, 1804)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России, не найденный только в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, но и там может гнездиться в северных районах (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Считается, что в Европе гнездится номинативный подвид, а в Малой и Средней Азии и в Казахстане распространен *A. s. fuscus*, который через низовья Волги проникает в Восточное Предкавказье (Степанян, 2003; Казаков, 2022). Однако по последним данным, популяции Причерноморья, Предкавказья и низовий Волги обладают переходными признаками, характерными для широкой зоны интерградации этих двух подвидов (Коблик и др., 2006). Но возможно, что эти популяции морфологически неоднородны и могут представлять собой несколько самостоятельных форм, в связи с чем птицы из Южной России требуют целенаправленной таксономической ревизии. Пока же их можно относить к форме *A. s. fuscus* (Джамирзоев и др., 2017а).

В последнее время к тростниковой камышевке относят также ряд форм, обитающих на юге Африки (Dickinson, Christidis, 2014; Olsson et al., 2016), но их положение в таксономической системе тоже нуждается в дополнительном обсуждении.

Распространение. Гнездится на юго-западе Евразии от Атлантики до Алтая. На юге России сейчас спорадично встречается в равнинных регионах по всему бассейну Дона и Волги, а также в степном Предкавказье, местами проникая здесь в предгорья (Караваев, 2002, 2004, 2006; Белик, 2019а). Летом отмечалась на низменностях Черноморского побережья в Абхазии, но характер пребывания там не выяснен (Белик, 2015а). В полупустынных и пустынных районах Заволжья, по-видимому, не обитает (Гаврилов и др., 1968; Амосов, 2010, 2012; Белик и др., в печати), появляясь лишь в долине р. Еруслан на севере Волгоградской обл. (Завьялов и др., 2000, 2011; Пискунов, Опарин, 2012).

Зимует в Африке. Мигрирует по ночам, и пролет на юге России визуально практически не прослежен, возможно, из-за большого сходства тростниковой камышевки с болотной и другими мелкими камышевками. Но при коллектировании тростниковую камышевку изредка добывали в горах Краснодарского края, Кабардино-Балкарии, Чечни и Дагестана (Россиков, 1888; Моламусов, 1967), а также на Черноморском побережье Кавказа, где она дважды встречена 21.08.1994 и 12.05.2016 (Тильба, 2001, 2017, 2022). В степном Заволжье пролетные тростниковые камышевки впервые обнаружены при специальных исследованиях на Джаныбекском стационаре, где осенью 2004 г., в основном в сентябре, поймали 20 птиц, а весной во второй половине мая 2005 г. – еще 6 особей (Линдеман и др., 2005; Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Обитает на равнинах и изредка в предгорьях на различных заросших макрофитами водоемах и по их окраинам, заселяя довольно широкий спектр местообитаний. Предпочитает мозаичные массивы тонкомерного тростника в основном на обводненных лиманах, озерах, прудах и реках, а также по их заболоченным берегам; в плавнях гнездится местами в зарослях рогоза (Маркитан, 2004; Квартальнов и др., 2006; Иваницкий и др., 2007; и др.). Гнездо в виде маленькой глубокой корзинки подвешивает между вертикальными стеблями тростника или рогоза, как правило – высоко над водой.

Численность. На юге России в целом обычна, особенно в низовьях рек на северо-западе Каспия, а в речных плавнях Восточного Приазовья весьма многочисленна (Кукиш, 1982, 1984; Казаков, 2022; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; и др.). В Европе обитает 2,1-3,9 млн. пар, а в Европейской России численность оценивали в 200-500 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Эта же оценка давалась и для юга России, а в Ростовской обл. численность, согласно растровому картированию, была рассчитана в 26,4 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005*б*).

В Челбасских плавнях в Восточном Приазовье обилие птиц, по данным специальных многолетних учетов, достигает 225-342 самцов/км^2 (Маркитан, 2004; Иваницкий и др., 2007). В дельте Дона в характерных биотопах в 2008 г. учитывали 4-12 поющих самцов на 1 км маршрута, или 20-60 пар/км^2 (Маркитан и др., 2010). В авандельте Волги обилие птиц достигало 14,5 пар/10 га гнездопригодной площади, но из-за подъема уровня Каспия численность птиц на морском крае надводной дельты в конце XX в. снизилась (Русанов, 2011), и в 2020-2021 гг. там в тростниково-рогозовых зарослях култучной зоны учитывали 4,6 пар/10 га, а в островной зоне – 12,3-20,5 пар/10 га (Стрелков, 2021).

Обилие этих камышевок в Черебаевской пойме на левобережье Волгоградского вдхр. у границы Волгоградской и Саратовской обл. в июле 1998-2000 гг. составляло 6,5-9,2 ос./га в затопленных тростниково-ивовых лесах и до 16 ос./га в тростниковых зарослях (Шаповалова, Завьялов, 2009). А в тростниках по берегам р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья тростниковая камышевка занимала в птичьем населении 3 место после индийской и дроздовидной камышевок, составляя на разных участках 1,9-3,3-37,5% общей численности (Пискунов, Опарин, 2012).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы дополнительные сборы коллекционных материалов.

320. Камышевка дроздовидная *Acrocephalus arundinaceus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России, иногда проникающий в низкогорья (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Большой, сложный в таксономическом плане вид, к которому в прошлом относили до 18 форм (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960). В последнее время его разделяют на 5 разных видов, в том числе *A. arundinaceus* sensu str., туркестанская *A. stentoreus*, восточная *A. orientalis*, месопотамская *A. griseldis* и австралийская *A. australis* камышевки (Dickinson, Christidis, 2014), но судя по структуре ареала этого комплекса, его деление может быть продолжено и дальше (Olsson et al., 2016). Камышевка *A. arundinaceus* sensu str. рассматривается сейчас или как монотипический вид (Коблик и др., 2006), или включает 2 подвида: номинативный, распространенный в основном в Европе, и *A. a. zarudnyi*, ареал которого простирается от Дона или Волги к востоку до Алтая и Монголии (Dickinson, Christidis, 2014). По данным А.Б. Казакова (2022), анализировавшего коллекционные материалы, Нижний Дон и Предкавказье населяет *A. a. zarudnyi*.

Распространение. Ареал *A. arundinaceus* sensu str. занимает западную половину Евразии от Атлантики до Западной Сибири и Казахстана. На юге России гнездится во всех равнинных регионах к югу до предгорий Северного Кавказа (Моламусов, 1967; Комаров, 2002, 2003; Караваев, 2006; Белик, 2019а); изредка, случайно встречается также у озер и прудов в низкогорьях (Белик, 2013в; Перевозов, 2014). В тече-

ние XX в. эта камышевка заселила открытые водоемы на низменностях вдоль Черноморского побережья Кавказа (Тильба, 2001, 2006; Белик, 2015а, 2015б).

Зимует в Африке. Ночные миграции на юге России практически не прослеживаются. В горах Северного Кавказа мигранты встречаются редко, случайно (Россиков, 1888; Поливанов, Поливанова, 2002; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015). Не выражен пролет и в степном Заволжье. Весной пролетные птицы встречались там в мае, на остановках отмечалось их пение (Линдеман, 1971), но при специальных отловах птиц на Джаныбекском стационаре в Приэльтонье эта камышевка за три сезона не попала в сети ни разу ни весной, ни осенью (Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Специализированный фрагмофил, связанный с зарослями мощного тростника (Иваницкий и др., 2005). Широко распространен среди тростниковых зарослей в плавнях южных рек, по их берегам, а также на лиманах, озерах и прудах в равнинных и предгорных районах, но иногда проникает и в низкогорья. Местами гнездится также в зарослях рогоза, соседствующих с тростниками (Иваницкий и др., 2007). Плотное, массивное гнездо, свитое из сухих стеблей и листьев злаков в виде глубокой корзинки, подвешивает обычно между вертикальными стеблями тростника высоко над водой.

Численность. На юге России обычна и многочисленна. В Европе обитает 2,6-4,7 млн., а в Европейской России – 2,2-5,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Общую численность на юге России в конце XX в. оценивали в 2-5 млн., в том числе более 1 млн. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). С учетом последних данных полагаем, что всего в Южной России может гнездиться около 0,5-1,0 млн. пар.

В Челбасских плавнях в Восточном Приазовье обилие птиц, по данным специальных многолетних учетов, достигает от 88 до 105-163 самцов/км^2 (Маркитан, 2004; Иваницкий и др., 2007). В дельте Дона в 2008 г. в островной зоне было учтено 0,6 самцов/км маршрута, в центральной части дельты – 6,0 самцов/км и на прудах рыбхоза – 4,5 самца/км при ширине трансекты 200 м (Маркитан и др., 2010). В дельте Волги обилие птиц в природных комплексах авандельты составляет 5,0-85,1 пар/10 га, а в тростниковых крепях надводной части дельты гнездится 3-18 пар/10 га (Русанов, 2011), но в 2020-2021 гг. в тростниково-рогозовых зарослях на взморье учитывали 39,8-46,9 пар/10 га (Стрелков, 2021).

В тростниках на р. Еруслан в Волгоградском Заволжье в середине XX в.

учли 5 пар на 1,5 км маршрута, или 1,7 пар/га (Юдин, 1952). В затопленных тростниково-ивовых лесах на островах Черебаевской поймы в 1998-2000 гг. учитывали около 3-5 ос./га (Шаповалова, Завьялов, 2009), а в тростниках по берегам устьевого залива Еруслана дроздовидная камышевка занимала в птичьем населении 2 место после индийской камышевки, составляя на разных участках 13,1-13,3-17,2% их общей численности (Пискунов, Опарин, 2012).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

321. Пересмешка зеленая *Hippolais icterina* (Vieillot, 1817)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейна Дона в Ростовской и Волгоградской обл., а также Западного и Центрального Кавказа от Краснодарского края до Северной Осетии; в остальных регионах Южной России изредка отмечается на пролете (Белик и др., 2016; Журтов, 2021; Kvartalnov, Komarov, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Сейчас рассматривается как монотипический вид (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Прежде в отдельный подвид *H. i. alaris* выделяли птиц, населяющих горы Талыша и Эльбурса (Птушенко, 1954; Портенко, 1960).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Западной Евразии от Атлантики до Западной Сибири. На юге России распространена в различных типах лиственных лесов в бассейне Дона на северо-западе Волгоградской обл. и на севере Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона и Цимлянских песков (Белик, 1999а, 2005; Чернобай, 2004; Гудина, 2019; Белик, Гугуева, 2021; Казаков, 2022; оригин. данные).

На Северном Кавказе пересмешки были найдены в Славянском р-не в дельте Кубани (Кистяковский, 1932; Заболотный, Хохлов, 1991), неоднократно их отмечали в садах и парках Краснодара и в станицах соседнего Динского р-на, в пойменных лесах в среднем течении Кубани возле г. Кропоткин, в предгорьях у стан. Ставропольской Северского р-на и в г. Горячий Ключ (Кисленко, 1989; Очаповский, 2017; Пекло и др., 2019), а также в низовьях р. Пшада на Черноморском побережье (Казаков, Белик, 1971; Белик и др., 2017). Однажды 15.05.2013 пересмешка встречена в кустарниках на берегу моря у пос. Большой Утриш (Кузиков, 2013).

В 2019 г. гнездовья пересмешек обнаружены также в предгорьях Северной Осетии у г. Алагир, где найдены 3 гнезда и 2 территориальных самца; этих птиц неоднократно отмечали и у Владикавказа (Kvartalnov,

Komarov, 2022; сайт: www.erbirds.ru: Д. Шевцов: 18.07.2019; 26.05.2020; 12.05.2021; 27.05.2022; К. Фарниев: 16.06.2021; 28.05.2022), а 21.05.2020 пересмешка была встречена в пойме Терека у г. Майский в Кабардино-Балкарии (Журтов, 2021).

Рис. 24. Распространение зеленой пересмешки на юге России: на Нижнем Дону и в Поволжье – южная граница европейской популяции; красные пуансоны – гнездовые и летние находки на Северном Кавказе

Зимуют пересмешки в Африке, но их ночные миграции на юге России выражены очень слабо. В Волгоградском Заволжье пролетные птицы найдены только на Джаныбекском стационаре, где певших пересмешек изредка отмечали на весенних миграциях, а в сентябре 2003 г. поймали 2 особей (Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009; Чернецов и др., 2010; Белик и др., в печати). Одна птица была поймана 02.05.1983 в дельте Волги (Русанов, 2011; Реуцкий, 2015). Похожих птиц наблюдали в 1880-е годы в Кисловодске (Lorenz, 1887, 2011), а также в конце мая 1990 г. у Ставрополя (Хохлов, 1993), 27.05.1928 у с. Терекли-Мектеб и 24.08.2006 близ устья р. Кума в полупустынях на севере Дагестана (Бёме, 1934; Семенцова, Аксенов, 2007; Джамирзоев

и др., 2014). В Адыгее одиночная, молча кормившаяся птица встречена 18.05.2021 в пос. Гузерипль в верховьях р. Белая (П.В. Квартальнов, личн. сообщ.). Несколько раз пересмешка наблюдалась также 29.08.2001 в кустарниках и редколесье среди сосновой рощи в Пицунде (Тильба, 2004а).

Местообитания. Спорадично встречается в мозаичных широколиственных лесах, парках и садах, предпочитает влажные и сырые насаждения на равнинах, изредка гнездится в предгорьях. Небольшое, легкое аккуратное гнездо, инкрустированное снаружи пленками бересты и кусочками лишайников, устраивает обычно на тонких ветвях деревьев или кустов.

Численность. На юге России малочисленна или редка. В Европе обитает 3,7-6,5 млн., а в Европейской России – 2,5-4,6 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 2-5 тыс., в том числе около 1 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В конце XX в. в бассейне Дона отмечен слабый рост численности (Белик и др., 2003). В заболоченных ольшаниках на Среднем Дону 20.06.1982 было учтено до 11 пар на 6 км маршрута вдоль опушки леса (Белик, 2005а). В низовьях р. Медведица обилие птиц в пойменной дубраве в 2017 г. составляло 1,7 пар/10 га (Гудина, 2019).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

– Пересмешка пустынная *Hippolais languida* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)

Характер пребывания. Ошибочно указан залет в Дагестан (Бутьев и др., 1990). Позже было высказано также предположение о возможном гнездовании этого вида в Дагестане (Вилков, 1999). Решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии этот вид исключен из фауны Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2006). Пересмешки имеют, вероятно, древние связи с восточноазиатскими лесными пеночками *Acanthopneuste* (Портенко, 1960), а к обитанию в кустарниках *H. languida* перешла вторично, заселив вместе с *H. rama* практически безлесные территории в аридных районах на юге и востоке Средиземноморья (Белик, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в Передней и Средней Азии; из Ирана проникает на юг Азербайджана и Армении (Птушенко, 1954; Adamian, Klem, 1999; Patrikeev, 2004). Для юга России была указана случайная встреча пары птиц в 1980-е годы в устье р. Самур на юге Дагестана

(Бутьев и др., 1990), но добытые там птицы позже были переопределены в коллекции МПГУ как *Sylvia mystacea* (Коблик и др., 2006, с.205).

Позже эту пересмешку указали как возможно гнездящийся вид на лагунах Среднего Каспия у Махачкалы в Дагестане (Вилков, 1999), но данные сведения не имеют никаких фактических подтверждений (Белик и др., 2006; Коблик и др., 2006).

Местообитания. В Закавказье гнездится в пустынных горах с редкими, низкими кустами, а в Средней Азии заселяет также культурные оазисы, долины рек и бугристые пески с кустарниками и саксаулом (Птушенко, 1954; Рябицев, 2019а).

Численность. В горах на юге Закавказья и в пустынях Средней Азии этот вид обычен, местами многочислен (Птушенко, 1954; Рустамов, 2013).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

322. Бормотушка северная *Iduna caligata* (M.H.C. Lichtenstein, 1823)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид северных районов Ростовской и Волгоградской обл., возможно проникает в Астраханскую обл., а на Кавказ залетает лишь случайно (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Эта бормотушка вместе с *I. rama* начала эволюцию в составе superspecies, очевидно, в пустынно-степных ландшафтах Средней Азии, откуда расселилась на север и позже выделилась там в слабо обособленную лугово-степную форму *I. caligata*. Поэтому провизорно она отнесена нами к пустынно-степному фаунистическому комплексу Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Пересмешки и бормотушки имеют, вероятно, древние связи с восточноазиатской лесной группой зеленых пеночек *Acanthopneuste* (Портенко, 1960), и их переход в кустарники был, по-видимому, вторичным. Постепенную адаптацию этих птиц к новым условиям, наблюдающуюся в обоих филогенетических линиях (подроды, или роды *Hippolais* и *Iduna*), демонстрирует их эволюция от типично лесных *H. icterina* и *H. polyglotta* к кустарниковым видам, менее связанным с древесной растительностью (*H. olivetorum* и *I. pallida*), а затем – к *H. languida* и *I. rama*, заселяющим на юге и востоке Средиземноморья вовсе безлесные районы (Белик, 1995в, 2006).

Таксономия. В последнее время бормотушек вновь часто выделяют из рода *Hippolais* в особый род *Iduna* (Коблик, Архипов, 2014; Шитиков и др., 2014; Dickinson, Christidis, 2014). Сейчас *I. caligata* иногда считают монотипическим видом (Dickinson, Christidis, 2014), обычно же

в ее состав включают 2 подвида (Степанян, 1983, 2003; Коблик и др., 2006). Область распространения номинативной формы охватывает большую часть видового ареала, а *I. c. annectens* обитает в Прибалхашье, на Алтае и Саянах (Степанян, 2003; Шитиков и др., 2014).

Ранее к этому виду в качестве подвида относили также очень похожую форму *I. rama* (Птушенко, 1954; Портенко, 1960; Корелов, 1972; и др.). *I. caligata* sensu str. отличается от нее серовато-бурой, с оливковым оттенком, окраской спины, охристым оттенком на нижней стороне тела, более тёмным, бурым надклювьем, формулой крыла (2-е маховое обычно длиннее 7-го) и меньшими размерами (Степанян, 1983), кроме того – двумя черными пятнами на основании языка и маленьким черным пятном на его конце у только что вылупившихся птенцов, а также розовой окраской яиц (Castell, Kirwan, 2005).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Карелии до Алтая и Саян. На юге России проходит южная граница ареала, которая очерчена недостаточно четко, тем более что в последние десятилетия наблюдается расселение птиц на юго-запад (Шитиков и др., 2014).

В Волгоградской обл. гнездование впервые было установлено в начале XX в. в долине р. Еруслан в Заволжье (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952), затем птиц обнаружили на правобережье Волги по р. Иловля, а также в Дубовском и Новоаннинском р-нах на севере Волгоградской обл. (Птушенко, 1949; Спангенберг, 1949; Уварова, 1959), а Е.И. Врублевским пара птиц отмечена 11.06.1968 на залежи в Волго-Ахтубинской пойме у Волгограда (Белик и др., 2022а). В настоящее время бормотушка спорадично встречается в верховьях р. Иловля, а к югу прослежена до с. Чухонастовка Камышинского р-на, где певшая птица встречена нами 17.06.2008 в верховьях р. Балыклейка.

В Ростовской обл. вероятно пролетная бормотушка впервые отмечена 09.06.1976 к югу от г. Цимлянск, а в июне 1978 г., мае 1983 г. и мае 1994 г. многочисленные птицы обнаружены на Цимлянских песках в 50 км от места первой встречи. Кроме того, 20 и 21.05.1983 певшие бормотушки встречены в низовьях и в среднем течении р. Чир в Суровикинском р-не Волгоградской обл. и в Обливском р-не Ростовской обл. (Белик, Бахтадзе, 1982; Белик, 1992а, 2022ж).

В 2003-2007 гг. две локальные гнездовые группировки были обнаружены в Кантемировском и Новохоперском р-нах Воронежской обл. близ границ с Ростовской и Волгоградской обл., а в 2012 г. еще одна группировка выявлена там в Бобровском р-не (Венгеров, 2005; Венгеров, Нумеров, 2009; Соколов, 2012, 2014, 2016), в общем обозначив современную юго-западную границу ареала бормотушки в бассейне Дона

(Шитиков и др., 2014).

В Заволжье ареал совершенно условно ограничивают северной кромкой Волго-Уральских песков (Волчанецкий, 1937; Степанян, 1983, 2003; Шитиков и др., 2014), но детали распространения северной бормотушки в Поволжье практически не установлены, что связано с появлением в песках гнездовий южной бормотушки, с трудом отличаемой не только в полевых условиях, но и в коллекционных сборах (Гаврилов и др., 1968; Корелов, 1972).

О затруднениях в идентификации этих птиц писал еще И.Б. Волчанецкий (1937, с.71): «При обработке нашей коллекции (30 экземпляров) обнаружилось, что экземпляры, добытые в песчано-тамарисковой стации, все имеют крыловую формулу 7>2>8 (типа *rama*), а все остальные – большинство с крыловой формулой 6>2>7 (типа *caligata*) – селятся по бурьянам, зарослям *Artemisia paniculata* и в тростниковых изгородях казахских зимовок. Первые, таким образом, уклоняются в сторону *Iduna rama*, но в то же время окраска низа, особенно зоба, у них ничем не отличается от *I. caligata* и, во всяком случае, слишком темна для *I. rama*. Совершенно то же самое нашел Зарудный в Закаспийском крае и Сушкин в средней Казахской степи, где наряду с типичными *I. caligata* попадались экземпляры, похожие на *I. rama*. Это явление Зарудный склонен толковать как результат возможного скрещивания селящихся вместе обоих видов. … Наличность таких переходов, однако, до известной степени подрывает уверенность в их видовой самостоятельности».

В Приэльтонье северная бормотушка изредка встречается на пролете, отмечаясь там в мае по пению (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009). На Джаныбекском стационаре при специальном отлове птиц за 3 года удалось поймать всего 1 бормотушку во второй половине мая 2005 г. (Чернецов и др., 2010). А в 1948-1949 гг. в лесопосадках у пос. Эльтон добыли 4 бормотушек: двух самцов 27.05.1948 и 18.06.1949 и двух птиц неопределенного пола 27.07.1948 и 07.08.1948, возможно молодых особей (Девятко, Джамирзоев, 2012). На этом основании бормотушка была отнесена тогда к гнездящимся видам Приэльтонья (Волчанецкий и др., 1950).

Нами певшие птицы изредка встречались в мае и июле 2010-2019 гг. в характерных стациях по всему степному Заволжью от Волгоградского вдхр. до оз. Эльтон и р. Торгун, но достоверные данные по их гнездованию там отсутствуют (Белик и др., в печати). По сведениям К.А. Воробьева (1936), вдоль Волги северная бормотушка проникает далеко на юг, гнездясь в значительном числе вместе с южной бормотуш-

кой в песках вплоть до ст. Досанг, т.е. почти до самой дельты. О вероятном гнездовании северной бормотушки в низовьях Волги свидетельствуют и данные К. Генке, находившего там гнезда бормотушек с розовыми яйцами (Seebohm, 1882).

Зимует северная бормотушка на юге Азии. В Южной России ее пролет практически не выражен. Более обычны мигранты лишь в степном Заволжье (Линдеман, 1971; Чернецов и др., 2010). В первой половине сентября северных бормотушек встречали на песчаных косах в дельте Волги (Воробьев, 1936; Реуцкий, 2015). В Лаганском р-не Калмыкии в бурьянниках на степном увале 17.05.2003 мы наблюдали певшего самца, предположительно определенного как *H. caligata* по мелким размерам, буроватой окраске оперения и характерному голосу. Характер его пребывания не установлен; возможно, это была пролетная птица, но не исключено и ее гнездование (Белик, 2012, с.83). Сообщалось также о пролете этого вида вместе с бледной бормотушкой в дельте р. Самур на юге Дагестана, но в коллекционных сборах оттуда северная бормотушка отсутствует, возможно – из-за ее редкости там на миграциях (Бутьев и др., 1990; Лебедева, 1991; Шитиков, 2001).

Одиночная птица отмечена также 27.08.1990 в степных кустарниках у Краснодара, но ее визуальное определение было поставлено под сомнение (Динкевич, 2002; Тильба, 2004; и др.). Еще одну пролетную птицу наблюдали 12.09.2000 в верховьях р. Курджипс на плато Лагонаки (Пекло и др., 2019). Похожая пролетная птица сфотографирована 12-13.05.2022 в г. Сочи (Филиппов, 2022). Вероятно, пролетный самец был добыт 07.07.1911 **ст.ст.** в субальпике Бзыбского хр. у г. Гудаута в Абхазии (Лауниц, 1912). Наконец, одна птица была сфотографирована 06.08.2008 на высокогорном плато в Армении (Ананян, 2016).

Местообитания. Заселяет весьма различные открытые стации: исходно это высокие полынники, бурьянники и кустарники на песчаных берегах рек и озер, редкие низкие кустарники и высокотравье на лугах, опушки пойменных лесов, понижения в степи, зарастающие кустарниками – караганой, спиреей, таволгой, а сейчас также многочисленные бурьянистые залежи в степи. Гнездо вьёт обычно на земле или на стеблях трав и в кустах у самой земли. Яйца имеют розовый цвет с редкими коричневатыми пятнами или крапинками.

Численность. На юге России более или менее обычна в Поволжье. В Европе в последнее время популяция была оценена в 70,1-150,0 тыс., а в Европейской России – 140-200 тыс. пар с выраженными положительными трендами (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность на юге России составляет 10-50 тыс. пар, в том числе в Ростовской обл. она рассчитана по материалам растрового картирования

в 3.165 пар (Белик, 2000а, 2005б).

В Заволжье на юге Саратовской обл. обилие птиц на залежах разного возраста колеблется в пределах 2,0-13,7 пар/10 га (Опарин, Опарина, 2006). На юге Воронежской обл. на залежах обитает 4-10 пар/км^2 (Венгеров 2005), а на востоке этой области в Новохопёрском р-не численность достигает 80-100 пар/км^2 (Венгеров, Нумеров, 2009). На Цимлянских песках в специфичных стациях среди зарослей низкорослой ивы *Salix rosmarinifolia* обилие птиц в трех поселениях в 1983 г. составляло 27-53-87 пар/км^2 (Белик, 1992а). В Новоаннинском р-не Волгоградской обл. в 1953-1955 гг. численность гнездящихся птиц в молодых лесополосах 3-6-летнего возраста увеличивалась со временем с 5 до 18 ос./10 га (Уварова, 1959).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

323. Бормотушка южная *Iduna rama* (Sykes, 1832)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Астраханской обл. и Калмыкии (Воробьев, 1936; Белик, 2012, 2013е; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель песчано-пустынного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Монотипический вид. Ранее *I. rama* считалась подвидом *I. caligata* (Птушенко, 1954; Портенко, 1960; Корелов, 1972; и др.). От очень похожей *I. caligata* sensu str. отличается серой, без оливкового оттенка спиной, белой окраской груди и боков тела, более светлым, роговым надклювьем и темным кончиком подклювья, формулой крыла (2-е маховое обычно короче 7-го) и чуть большими размерами (Степанян, 1983). Кроме того, этот вид имеет беловатую общую окраску яиц, а у только что вылупившихся птенцов на основании языка расположены два черных пятна (Castell, Kirwan, 2005).

Следует отметить, что бормотушек нельзя определять на глаз, не добыв птиц, на что обращали внимание М.А. Мензбир и Н.А. Зарудный (см.: Корелов, 1972; Белик, 2012). Но и добытые экземпляры нередко определяются с трудом, о чем говорят дискуссии и неоднократные переопределения птиц в коллекциях (см.: Корелов, 1972; Цвелых, 1996; Кинда и др., 2003; Пекло, 2008; и др.). Об этом же наглядно свидетельствует огромная коллекция бормотушек (140 экз. трех форм), собранная Н.А. Зарудным и детально описанная им в сводке по фауне Закаспийского края (Зарудный, 1896). Взяв за основу в диагностике разных видов лишь размеры и формулу крыла (Плеске, 1890; Мензбир, 1895), Н.А. Зарудный под именем *I. pallida* объединил соб-

ственно *I. pallida* с частью добытых им *I. rama*, о чем однозначно свидетельствуют различия этих птиц в фенологии гнездования и миграций, а также в размерах и, особенно, в окраске яиц (Белоусов, 1981). К сожалению, эта очевидная ошибка до сих пор не привлекала внимания многих исследователей (Птушенко, 1954; Рустамов, 1954; Степанян, 1983; Лебедева, 1993; и др.), использовавших материалы Н.А. Зарудного в морфологической и экологической характеристике этих бормотушек.

Распространение. Гнездится в основном в пустынях Казахстана, Средней и Передней Азии. Из Казахстана ареал южной бормотушки по пескам Волго-Уральского междуречья заходит на юг России и проникает в пески на правобережье Волги в Астраханской обл., а также на северо-западном побережье Каспия в Калмыкии. Южная бормотушка еще в начале XX в. была обнаружена в восточной части дельты Волги и в песках Заволжья в районе ст. Досанг (Хлебников, 1930; Воробьев, 1936). На правобережье Волги у г. Нариманов в Астраханской обл. она встречена 21.05.2001 (Архипов, 2004), а 24.05.2003 ее типичное гнездо с кладкой из 5 яиц найдено в окрестностях г. Лагань в Калмыкии (Белик, 2012, с.83).

К северу эта бормотушка распространена до с. Тамбовка Харабалинского р-на, где ее отмечали 02-03.06.2004 (Arkhipov, 2006), и оз. Баскунчак, где 22-24.05.2012 мы неоднократно наблюдали певших птиц в зарослях тамарикса у оз. Карасун и у пресного озерца по р. Горькой, а также в чингильниках в низовье балки Суриковой (Амосов, 2012; Белик, 2013е). В 1940 г. каких-то бормотушек регистрировал там в ур. Зеленый Сад также А.С. Мальчевский (1950). Южные бормотушки могут достигать и оз. Эльтон, в окрестностях которого имеются соответствующие им условия (Белик и др., в печати).

Зимуют эти птицы в основном в Индостане, куда летят через пустыни Средней Азии (Рустамов, 1954; Мекленбурцев, 1995; Ковшарь, 2019; и др.). На юге России их миграции не регистрировались.

Местообитания. Гнездится в самых различных кустарниках среди песков, в долинах пустынных рек и оазисах, а также на саксауле, в зарослях полыней, верблюжьей колючки, селитрянки и др. Гнезда размещаются, как правило, выше 20-30 см над землей. Яйца южной бормотушки хорошо отличаются от розовых яиц других видов *Iduna*, а также *Hippolais*, имея серовато-белый или сливочно-белый фон с размытыми буроватыми пятнами и крапинками, сгущающимися на тупом конце (Castell, Kirwan, 2005).

Численность. Европейская популяция, сосредоточенная в основном в низовьях Волги, была предварительно оценена нами в 1-10 тыс. пар

(Белик, 2005б; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В долинах рек Средней Азии и Казахстана это обычный и многочисленный, местами – фоновый вид. Дополнительные данные по численности на юге России отсутствуют.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Для подтверждения видового определения этих птиц необходимы сборы коллекционных материалов.

324. Бормотушка бледная *Iduna pallida* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Черноморского побережья Кавказа, а также Прикаспийской низменности от Дагестана, Чечни, Северной Осетии и востока Ставрополья до Калмыкии и юга Астраханской обл. (Белик, 2012; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Типичный представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 4-5 подвидов, в том числе *I. p. elaeica*, распространенную от Балкан и Малой Азии до Кавказа и Средней Азии, а также на юге России (Птушенко, 1954; Степанян, 2003). По другим данным, в России обитает *I. p. tamariceti*, отличающаяся от малоазиатской *I. p. elaeica* тем, что у нее 2-е маховое короче 6-го (Портенко, 1960; Коблик и др., 2006).

Распространение. Гнездится в области Древнего Средиземья от Северной Африки до Средней Азии. Обособленные популяции Пиренеев и Малой Африки сейчас выделены в отдельный вид *H. opaca* (Dickinson, Christidis, 2014). На юге России распространена вдоль Черноморского побережья Кавказа, а также на западном побережье Каспия и в Восточном Предкавказье (Белик, 2012).

На Черноморском побережье Кавказа бормотушка впервые была добыта 25.05.1910 в долине р. Чорох к югу от г. Батуми (Нестеров, 1911), но возле г. Кобулети в Колхидской низм. в августе 1910 г. наблюдался уже выраженный пролет этих бормотушек (Домбровский, 1913). В течение XX в. они расселились по всему побережью от Грузии до Тамани (Кудашев, 1916; Sauerland, 1967; Степанян, 1969; Fischer, 1976; Plath, 1986; Schmidt, 1986; Тильба, 1995, 2001, 2006, 2007, 2016, 2017а; Лохман и др., 2004, 2005, 2011; Лохман, 2006; Хохлов, Ильюх, 2007; Белик, 2013в, 2012, 2015а; Белик и др., 2017), а в 1990-е годы бормотушек уже трижды регистрировали в степном Крыму, в том числе на Керченском полуострове близ Тамани (Кинда и др., 2003). Точные периоды экспансии остались здесь недостаточно изучены, и сейчас

можно лишь предполагать две фазы расселения: в начале и затем в конце XX в., а между ними произошла, вероятно, депрессия численности и сокращение ареала (Белик, 2012).

В начале XX в. бледная бормотушка проникла из Азербайджана также в Восточное Предкавказье, где впервые была найдена в 1926 г. у с. Ачикулак в песчаных Ногайских степях Терско-Кумского междуречья на востоке Ставропольского края (Сатунин, 1907; Бёме, Ушатинская, 1932). Предполагалось, что эта бормотушка должна встречаться также и на дагестанском побережье Каспия с кустарниками и редколесьями по песчаным приморским дюнам, но лишь в 1954 г. она была найдена во многих местах Терско-Кумского междуречья и в дельте Терека, а позже – в низовьях рек Сулак и Шура-Озень близ Махачкалы, в дельте р. Самур и в других районах Дагестана (Волчанецкий, 1959, 1973; Лебедева, 1991, 1993; Букреев, Джамирзоев, 2003, 2004; Девятко, Джамирзоев, 2012; и др.).

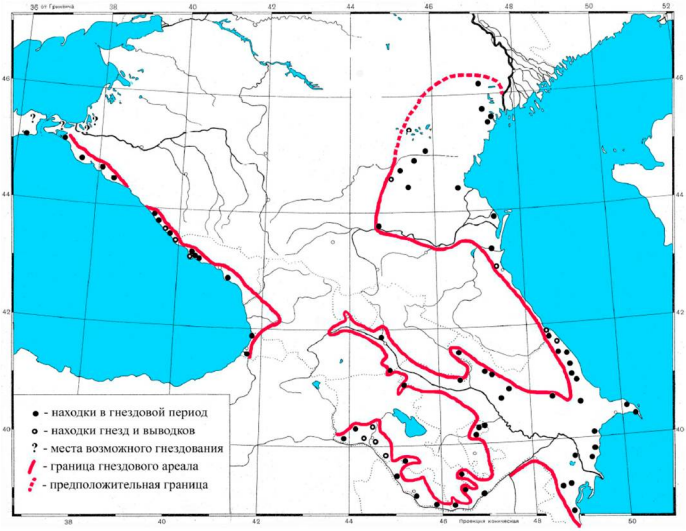

Рис. 25. Распространение бледной бормотушки на Кавказе и юге России (по: Белик, 2012, с дополнениями)

В 1978 г. бледную бормотушку обнаружили также у оз. Светлый Ерик в Черноземельском р-не на юге Калмыкии, где были добыты 5 особей, в том числе самка с наседным пятном (Кукиш, 1982). В 1999-2000 гг. эти птицы гнездились и на Состинских озерах в Калмыкии (Квартальнов, 2003), а в 1996 г. их обнаружили уже близ с. Линейное в Наримановском р-не на юге Астраханской обл., где 25 и 27 мая были добыты

3 самца и 2 самки, в том числе одна – с крупными фолликулами в яичнике. Наконец, в мае 2002 и 2004 гг. бормотушек нашли у с. Бударино на юге Лиманского р-на (Rohwer et al., 2001; Архипов, 2004; Arkhipov, 2006).

Кроме того, в 1987 г. бледная бормотушка оказалась нередка у Бакресских озер и в низовьях р. Горькая Балка на востоке Ставрополья (Хохлов, 1991), позже этих птиц нашли в соседних районах Чечни – в пойме Терека и в полупустынях Терско-Кумского междуречья (Гизатулин и др., 2001), а в 2007-2011 гг. их отмечали в долине Терека в Моздокском р-не Северной Осетии (Комаров и др., 2011).

Следует заметить, что параллельно с расселением кавказских популяций бледной бормотушки, ее ареал расширяется на север также в Европе, где птицы заселили дельту Дуная, низовья Днестра и окрестности Одессы (Пашковский, 1965; Полуда и др., 1995; Попенко и др., 2003), и в Казахстане, где они найдены уже на Мангышлаке и в северном Прикаспии (Корелов, 1972; Степанян, 2003). Мною пара этих птиц наблюдалась в июне 1987 г. в дельте р. Урал среди многочисленных южных бормотушек (Белик, 2012).

Зимует бледная бормотушка в Африке. Ее пролет хорошо выражен на западном побережье Каспия в устье р. Самур, а также в Колхиде на восточном берегу Черного моря (Домбровский, 1913; Лебедева, 1993).

Местообитания. Характерна для низменных районов, а в лесистых ущельях и в горах, покрытых влажными лесами, не встречается. Но в сухих нагорьях Армении может подниматься на склоны гор до 1075-1250 м н.у.м. (Ляйстер, Соснин, 1942; Даль, 1954). Как типичный средиземноморский вид, предпочитает мозаичные кустарниковые заросли близ водоемов (морей, озер, рек, ручьев), а также мелколесье и редколесья на сухих склонах с колючими кустарниками в подлеске и на полянах. На юге Калмыкии гнездящихся птиц находили в зарослях тростника с тамариксом по берегам пустынных озер (Квартальнов, 2003). Особенно охотно заселяет густые заросли тамарикса (гребенщика), лоха, облепихи и ежевики на галечных или песчаных участках в поймах рек и по берегам морей. Нередко гнездится в различных искусственных насаждениях, в том числе в садах, парках, колючих кустарниковых изгородях среди селений. Гнездо в виде легкой плотной чашечки из сухой травы и растительного пуха устраивает обычно на различных кустах.

Численность. Довольно обычна на побережьях Черного и Каспийского морей. В Европе обитает 3,3-6,6 млн. пар, а в Европейской России – 20-50 тыс. пар, гнездящихся только на юге России (Белик, 2005б, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Краснодарском

крае численность за 10 лет увеличилась с 200-300 до 400-500 пар (Тильба, 2007, 2017а). В связи с постепенным расселением и ростом численности на урбанизированных территориях Черноморского побережья Кавказа и в кустарниковых пустынях Северо-Западного Прикаспия (Белик, 2012), российскую популяцию можно оценивать в настоящее время в 30-50 тыс. пар.

Обилие в открытых местообитаниях в устье р. Самур в 1990-1991 гг. составляло, в среднем, 0,17-0,19 пар/га, а в типичных стациях в густых зарослях тамарикса достигало 1,08-1,27 пар/га. Площадь гнездовых участков, активно охранявшихся самцами, колебалась там от 0,07 до 0,25 га, в среднем (n=9) – 0,14±0,02 га (Лебедева, 1991, 1993). На востоке Ставрополья в конце мая 1987 г. учитывали 1-3 ос./км маршрута, а в середине июля – 12 ос./4 км (Хохлов, 1991). В соседних районах Чечни регистрировали в среднем 0,1-0,2 ос./5 км маршрута (Гизатулин и др., 2001), а в Астраханской обл. в западном ильменно-бугровом районе 28.05.2004 были отмечены 4 певших самца на 1 км трансекты (Arkhipov, 2006), т.е. примерно 0,3-0,4 пары/га.

В Адлере на Имеретинской низменности в низовьях р. Мзымта учитывали до 2-5 пар на 1 км маршрута, а на отдельных участках – до 4 пар на площади 200×50 м (Тильба, 2017а). Еще более плотные поселения были в конце мая 2009 г. в низовьях р. Бзыбь в Абхазии, где самцы пели в 5-10 м друг от друга (Белик, 2012). Заметное увеличение численности этой бормотушки в последние годы отмечено также в районе Геленджика - Новороссийска - Тамани (сайт: www.erbirds.ru).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Краснодарского края (3 категория). Между тем, этот вид на юге России не испытывает критического антропогенного воздействия и в организации особой охраны нигде здесь, по-видимому, не нуждается (Белик, 2014).

325. Славка черноголовая *Sylvia atricapilla* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Астраханской обл., где черноголовка является редким залетным видом (Kracht, 1919, 2014; Хлебников, 1928; Амосов, 2010, 2012; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; Белик и др., 2016; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а). Черноголовая славка вместе с садовой *S. borin* представляют группу типичных лесных видов, которые резко уклоняются от остальных славок (выделяемых иногда в отдельный род *Curruca*; Dickinson, Christidis, 2014) отсутствием белых пятен на боковых рулевых перьях и очень слабым половым диморфизмом в

окраске тусклого оперения. Судя по ареалам близких видов *S. abyssinica*, *S. dohrni* и др., эти славки начали эволюцию на Африканском континенте, обособившись там около 10 млн. лет назад, а затем в плиоцене расселились на север, где в Европе и Малой Азии, вероятно, и выделились как самостоятельные виды. Об обособленности лесных славок от кустарниковых свидетельствует отсутствие у них токовых полетов, громкое, сочное пение, а также уже первые результаты экспериментов по ДНК-гибридизации (Blondel et al., 1994; Cai et al., 2019).

Таксономия. Включает 4-5 подвидов (Волчанецкий, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В Восточной Европе распространен номинативный подвид, а на Кавказе и в Малой Азии обитает эндемичная форма *S. a. dammholzi*. Наш анализ предкавказских популяций показал, что здесь обитают птицы, близкие к *S. a. dammholzi*, но еще более светлые, чем кавказские особи, а на Нижний Дон с севера проникают *S. a. atricapilla*. Отдельные особи, сходные с птицами номинативного подвида, встречаются также на самом севере Предкавказья в выборках из Ленинского и Манычского лесхозов в Азовском и Зерноградском р-нах. В лесных массивах степного Предкавказья четко прослеживается и снижение обилия этих славок с юга на север, что свидетельствует, очевидно, о направлении их расселения с Кавказа (Белик, 2009; Казаков, 2022).

Распространение. Гнездится в Западной Евразии от Атлантики к востоку до Западной Сибири, но практически не проникает в Среднюю Азию. На юге России распространена в лесах всего бассейна Дона, Предкавказья и Кавказа вплоть до Внутригорного Дагестана (Россиков, 1884б; Rosenberg, 1907, 2019; Бёме, 1933; Волчанецкий, 1973; наши данные). В насаждениях засушливых степей на юго-востоке Ростовской обл. и востоке Ставрополья встречается редко, а в полупустынных районах Калмыкии и Заволжья, в Волго-Ахтубинской пойме и дельте Волги не гнездится (Белик, 2009; Цапко и др., 2009; Реуцкий, 2015). На правобережье Волги впервые найдена на гнездовье лишь в конце XX - начале XXI в. в Щербаковской излучине на границе Волгоградской и Саратовской обл., а в Заволжье птиц нашли в лесистой долине р. Еруслан и севернее в Саратовской обл. (Чернобай, Никитина, 1990; Завьялов и др., 2000, 2011; Белик и др., 2022а).

Зимует в Средиземноморье и Африке. На миграциях встречается во всех регионах Южной России, в том числе в лесонасаждениях Приэльтонья в Заволжье, где является обычным осенним мигрантом, изредка отмечающимся в мае. В отличие от других славок, пролетные черноголовки там почти не поют (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005;

Быков и др., 2009). При специальном отлове птиц на Джаныбекском стационаре во второй половине мая 2005 г. поймана всего 1 славка, а в сентябре 2003 и 2004 гг. там отловлено 76 особей (Чернецов и др., 2010). В Астраханской обл. мигранты очень редки у оз. Баскунчак (Амосов, 2010, 2012), а в дельте Волги залетная птица встречена лишь однажды 11.05.1992 (Реуцкий, 2015).

Местообитания. Широко распространена в различных лиственных и смешанных лесах на равнинах, в лесистых предгорьях и в горах Северного Кавказа до высоты 1800-2000 м н.у.м. (Моламусов, 1967). Обычна эта славка в поймах степных рек, нередко гнездится в старых лесополосах, местами встречается также в садах и парках. Предпочитает влажные насаждения, а сухих лесов обычно избегает. Рыхлое гнездо из сухой травы вьёт в кустах невысоко над землей.

Численность. На юге России во многих районах обычна. В Европе обитает 40,5-64,5 млн., а в Европейской России – 6-9 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 0,5-1,0 млн. пар, в том числе популяция Ростовской обл. была рассчитана по данным растрового картирования в 11.364 пары (Белик, 2000а, 2005б). В бассейне Дона и на Западном Кавказе в конце XX в. прослеживалась тенденция к росту численности (Белик и др., 2003).

В пойменных лесах бассейна Среднего Дона обилие птиц колеблется от 2,7 до 4,4 пар/10 га (Гудина, 2019) и 15 пар/км^2 (Белик, Гугуева, 2021). В искусственных лесных массивах степного Предкавказья и Придонья обилие закономерно снижается с юга на север с 23 пар/км^2 в Восточном Приазовье, где черноголовка почти полностью замещает садовую славку, до 7 пар/км^2 в Пиманычье и 4 пар/км^2 в Донском лесхозе в бассейне Сев. Донца, где она уже значительно уступает в численности садовой славке (Белик, 1985, 2009). Но в лесах на Ставропольской возв. обилие этой славки в период с 1970-х до 2000-х годов снизилось в среднем с 63,5 до 9,6 пар/км^2 (Костенко, 2012).

В пойменных лесах в среднем течении Кубани учитывали 8-33-50 ос./км^2 (Жарова, Жаров, 1962; Тильба, Мнацеканов, 1989), в парке г. Черкесска – 105-106 ос./км^2 (Караваев и др., 2013), а в предгорьях Краснодарского края – 78,6 пар/км^2 (Белик, 2022в). В пойме р. Кяфар в Северо-Юрской депрессии в Карачаево-Черкесии было 137-250 ос./км^2 (Караваев, 2000), а в верховьях р. Подкумок, по нашим данным, – 70 пар/км^2. Наконец, в пойменных лесах Северной Осетии учитывали до 27-95 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003). В мелколиственных лесах на горных склонах Скалистого хр. птицы немногочисленны: от 7 пар/км^2 у Кисловодска до 36 ос./км^2 в Карачаево-Черкесии (Караваев, 2000; наши данные), но в Северной Осетии в таких лесах в среднегорьях

было 18-75 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

В горных широколиственных и смешанных лесах Западного Кавказа учитывали 8-135 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985) и 24-143 ос./км^2 (Поливанов, 2000), в том числе 11-73 ос./км^2 – в низкогорных широколиственных лесах, 2-5 ос./км^2 – в среднегорных буково-пихтовых лесах и 2-4 ос./км^2 – в высокогорном буковом криволесье (Перевозов, 2010). В дубово-грабовых лесах на северных склонах Скалистого хр. в Кабардино-Балкарии гнездилось до 42 ос./км^2 (Афонин, 1985), а в буковых лесах Северной Осетии – 5-24 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003). В сухих горах Дагестана эти птицы малочисленны и спорадичны.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

326. Славка садовая *Sylvia borin* (Boddaert, 1783)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Средней Волги и бассейна Дона к югу до широты Нижнего Дона. На Северном Кавказе и в Предкавказье единичные гнездовые находки указывали для Ставропольской возв. и Кисловодска (Будниченко, 1965; Хохлов, Тельпов, 1984; Хохлов, 1991, 1993), а также для Тебердинского заповедника в Карачаево-Черкесии и верховий Баксана в Кабардино-Балкарии (Ткаченко, 1966; Моламусов, 1967). В других районах майские и июньские регистрации этих птиц могли относиться к мигрантам (Белик и др., 2016; Белик, 2022б).

Зоогеографические связи. Типичный представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 2 подвида (Волчанецкий, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003), иногда рассматривается как монотипический вид (Dickinson, Christidis, 2014). Для Европы обычно указывают номинативный подвид, а для Западной Сибири приводят форму *S. b. pallida* (Волчанецкий, 1954; Портенко, 1960), но Л.С. Степанян (2003) считал, что эти формы имеют широтную ориентацию ареалов: на севере Евразии обитает *S. b. pallida*, а на юге, в том числе на Дону, в Нижнем Поволжье и на Кавказе – *S. b. borin*. Высказывалась также точка зрения, что весь ареал вида в России занимает форма *S. b. woodwardi*, а номинативный подвид обитает только в Западной Европе (Shirihai et al., 2001; Коблик и др., 2006).

Распространение. Гнездится в Западной Евразии от Атлантики к востоку до Байкала, совершенно не проникая в Среднюю Азию (Паевский, 2013), а размножение этой славки в Малой Азии и на Кавказе, в том числе на юге России, известно по единичным достоверным находкам (Adamian, Klem, 1999; Patrikeev, 2004; Kirwan et al., 2008; Белик,

2022б; и др.).

На юге России широко распространена в бассейне Дона к югу до Азовского, Орловского и Волгодонского р-нов Ростовской обл., где гнездование подтверждено нашими находками гнезд и выводков (Белик, 1999а, 2005а, 2009, 2022б; Белик и др., 2001; Белик, Гугуева, 2021). В Волгоградской обл. садовая славка обычна в северных и северо-западных районах (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, Никитина, 1990; Чернобай, 2004), а Е.И. Врублевский находил ее гнезда на Хопре у стан. Усть-Бузулукской, в пойме Среднего Дона у стан. Качалинской, на Иловле у с. Солодча Ольховского р-на, а также в пойме Волги у Волгограда, где 25.05.1963 осмотрено гнездо с кладкой, а 11.06.1974 наблюдались слётки (Белик и др., 2022а).

Рис. 26. Распространение садовой славки на юге России (по: Белик, 2022):

пунктиром показана южная граница районов стабильного гнездования на Нижнем Дону и в Поволжье; красные пуансоны – документированные места гнездования; красно-желтые пуансоны – предположительное гнездование; красно-черные пуансоны – находки гнёзд на Кавказе по литературным данным

В степном Заволжье садовая славка гнездится только в лесистой долине р. Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Козловский, 1949; Завьялов и др., 2011), а в полупустынных районах и в долине Волги ниже Волгограда, а также в Калмыкии эта славка не размножается (Лорец, 1928; Кукиш, 1982; Цапко и др., 2009; Амосов, 2010, 2012; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; Белик, 2016в; Белик и др., в печати; и др.). Указания же о летних встречах этих птиц там относятся, очевидно, к запоздалым мигрантам (Kracht, 1919, 2014; Аргиропуло, 1928; Волчанецкий, 1937; Волчанецкий и др., 1950).

В степном Предкавказье садовая славка найдена нами на гнездовье в искусственных лесных массивах в низовьях Маныча и в Азовском р-не на юге Ростовской обл., а также в Челбасском и Новопокровском лесах на севере Краснодарского края, но здесь эти птицы оказались уже очень редки, а в Ипатовском лесу на севере Ставрополья не отмечены вовсе. Резкое снижение обилия птиц в степных лесах с севера на юг свидетельствует, очевидно, о направлении их расселения из Европы на Кавказ (Белик, 1985, 1989в, 2009; Белик, Пекло, 1989).

На севере Ставрополья известны находки всего 2 гнезд с неполными кладками (Будниченко, 1965), а добытые там в конце мая - начале июня 3 птицы могли относиться к мигрантам (Волчанецкий, 1959; Медведев, Петров, 1959; Девятко, Джамирзоев, 2012). В последующем в лесах на Ставропольской возв. садовую славку летом больше никто не встречал (Лиховид, 1977; Хохлов, 1991; Казаков, Белик, 1996; Костенко, 2012). В 1970 г. гнездо садовой славки с насиженной кладкой было найдено в Кисловодске (Хохлов, 1991, 1993; Тельпов, 2011), хотя в их более ранней работе сообщалось об отсутствии находок ее гнезд (Хохлов, Тельпов, 1984). В середине-конце мая 1884 г. садовую славку у Кисловодска дважды добыл Ф.К. Лоренц (Lorenz, 1887, 2011), считавший ее там обычным видом. Однако это тоже были, очевидно, пролетные птицы, поскольку в 2005-2007 гг. за 3 летних сезона мы их там ни разу не встретили.

Гнездовые находки садовой славки на Северном Кавказе указаны также для Тебердинского заповедника. В 1960-е годы птицы с довольно высокой плотностью гнездились там в поросли ольхи и березы на галечниках в пойме р. Теберда на высоте около 1300 м н.у.м. (Ткаченко, 1966), но В.М. Поливанов (2000), проводивший в 80-90-е годы многолетние учеты лесных птиц в заповеднике, садовую славку не отмечал ни в лиственных, ни в смешанных, ни в хвойных лесах. Не дали результатов и наши специальные поиски садовой славки в пойме Теберды в июне 2002 г. (Барабашин, Белик, 2002; Белик, 2020а). Единичные встречи этих птиц были отмечены лишь в апреле-мае в пойме

Кубани у Карачаевска в 2000-е годы (Хубиев, Караваев, 2010; Караваев и др., 2015; Белик и др., 2016).

В Кабардино-Балкарии в долине р. Баксан на высоте около 1800-2000 м н.у.м., т.е. у верхней границы леса, в 1960 и 1965 гг. были найдены 2 гнезда садовой славки, в которых прослежено развитие птенцов (Моламусов, 1967). Однако на Центральном Кавказе, тем более так высоко в горах, ее гнездовий больше никто не отмечал (Л. Бёме, 1926; Гептнер, 1926; Л. Бёме и др., 1930; Р. Бёме, 1958; Чунихин, 1962; Комаров, Липкович, 2000; Комаров, 2006, 2013; Белик, 2016а; Караваев и др., 2017; и др.). Ни разу не удалось найти этот вид в горах Кабардино-Балкарии и нам при специальных исследованиях в 2004-2018 гг. (Белик, 2018б; Белик, Аккиев, 2023). Находки же одиночных птиц в конце мая в Балтинском ущелье Терека и в его пойме на равнине у стан. Котляревской (Бёме, 1926; Радищев, 1926) относятся, очевидно, к мигрантам. Еще одна птица была добыта 24.06. у г. Прохладного в низовьях р. Малка в 1880-е годы К.Н. Россиковым (Моламусов, 1967), но характер ее пребывания там остался неясен.

В мае - июне поющих садовых славок отмечали во многих районах Северного Кавказа, но учитывая поздние сроки весенних миграций этого вида (Лохман и др., 2005; Тильба, 2006) и отсутствие документальных подтверждений гнездования, большинство этих встреч следует относить, по всей видимости, к мигрантам. Специальные исследования в степном Крыму с применением массового отлова птиц показали, что на весеннем пролете много садовых славок встречается до середины июня, а отдельные особи – даже до начала июля, тогда как уже с середины - конца июля садовые славки вновь появляются там на обратных миграциях (Дядичева, Максалон, 2012; О.А. Форманюк, личн. сообщ., 2013 г.).

На Черноморском побережье Кавказа садовая славка отмечалась в основном в мае-июне и августе-сентябре, обычно в низкогорных районах, где была редка весной и более обычна осенью (Вильконский, 1897; Нестеров, 1911; Домбровский, 1913; Сатунин и др., 1913; Кудашев, 1916; Стаховський, 1938; Курдова, 1958; Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2001, 2006; Лохман и др., 2005; Тильба, Маландзия, 2005; Хохлов, Ильюх, 2007; Очаповский, 2017; и др.). Некоторые исследователи вовсе не встречали данный вид в этих районах (Лауниц, 1912; Пузанов, 1938; Чхиквишвили, 1939; Бернацкий, 1958; Сара, 2007; и др.). Не смогли найти здесь садовую славку и мы, в течение многих лет работая в Абхазии, на р. Пшада близ Геленджика, на полуострове Абрау и в других местах побережья (Белик, 2013в,

2015а, 2022б; Белик и др., 2017; и др.). Единственную летнюю визуальную регистрацию садовой славки 24-28.06.1912 **ст.ст**. близ Сочи (Дороватовский, 1913) позже А.Е. Кудашев (1916) поставил под сомнение.

В Закавказье гнездование 3-4 пар было установлено лишь в июне-июле 1963 г. у Еревана в Армении, но при специальных исследованиях в 1990-е годы гнездовий этого вида там не находили (Adamian, Klem, 1999). А в Турции единственное подтверждение размножения садовой славки получено в 1972 г. на самом северо-западе у Стамбула (Kirwan et al., 2008).

Можно предполагать, что редкие гнездовые встречи садовой славки на Кавказе связаны с ее попытками колонизировать южные регионы в ходе расселения птиц с севера, но отдельные пары в новых районах не могут закрепиться надолго, вероятно, из-за случайного, спонтанного вымирания небольших поселений. Не исключены, однако, и ошибки в определении птиц и их гнезд некоторыми наблюдателями.

Зимует садовая славка в Африке, а на пролете регулярно отмечается во многих районах Южной России, редко залетая лишь в высокогорья Северного Кавказа (Джамирзоев и др., 2014). Весной на остановках мигранты нередко поют. В Заволжье на р. Еруслан весной первые птицы были отмечены 16.05.1950, летели они до конца мая - начала июня, а на обратном пролете появились 07.08.1949 и летели до 24.09.1949, причем осенью держались очень скрытно и были малозаметны (Юдин, 1952). В искусственных насаждениях Приэльтонья славок отмечают с конца апреля до середины-конца июня, а на обратных миграциях – в августе-сентябре (Динесман, 1955; Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009). На Джаныбекском стационаре осенью 2003 и 2004 гг. отловили 606 особей, а во второй половине мая 2005 г. поймали 110 этих славок. Осенняя миграция прослежена с 22.08. до 03.10.2004, а последняя выраженная пролетная волна отмечена 19.09.2004 (Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Обитает преимущественно в лиственных и смешанных равнинных лесах, предпочитая сырые пойменные заросли. Летом изредка встречается в лесистых предгорьях и горах Кавказа, но гнездование здесь требует фактических подтверждений. Гнездо в виде рыхлой чашечки из сухой травы вьёт обычно на кустах невысоко над землей.

Численность. В бассейне Дона довольно обычна. В Европе обитает 16,7-26,9 млн., а в Европейской России – 10-15 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность на юге России оценивали в 50-150 тыс., в том числе в Ростовской обл. по данным растрового картирования популяция была рассчитана в 46.120 пар (Белик, 2000а,

2005б). В конце XX в. в бассейне Дона прослеживалась тенденция к росту численности (Белик и др., 2003).

В пойменных лесах бассейна Среднего Дона обилие птиц колеблется от 2,2 до 4,1 пар/10 га (Гудина, 2019). В пойме Сев. Донца учитывали в среднем 6,3, с максимумом до 10,7 пар/10 га (Бируля, 1971). По нашим данным, в поймах рек степного Придонья оно составляет 5,0-11,7, в среднем 7,2 пар/км^2, в байрачных лесах – 1,3-6,7, в среднем 4,1 пар/км^2, а в искусственных лесных массивах колеблется от 1 до 11 пар/км^2 (Белик, 2000а).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

327. Славка ястребиная *Sylvia nisoria* (Bechstein, 1792)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а). Эта славка широко заселила Западную Палеарктику, но остается здесь типичной кустарниковой птицей мозаичных ландшафтов средиземноморского типа, лишь менее ксеро- и термофильной, чем ее ближайшие сородичи. Развитие сравнительно яркой окраски у самцов, удлинение рулевых перьев и возникновение на их концах белых сигнальных пятен, а также формирование демонстративных токовых полетов, как и у большинства других средиземноморских славок, связаны, несомненно, с их переходом из сумрачного леса в открытые кустарники по мере аридизации климата и деградации мезофильных лесных формаций в Средиземноморье в течение плиоцена (Белик, 1995в, 2006).

Появление этих особенностей в морфологии и поведении кустарниковых славок было обусловлено, очевидно, включением зрительных механизмов коммуникации, которые затруднительны для лесных обитателей, использующих для этого преимущественно акустическую сигнализацию (Симкин, Ильичев, 1965).

Таксономия. Включает 2 подвида. В Европе и на Кавказе распространена номинативная форма, а подвид *S. n. merzbacheri* приурочен к горам Средней Азии (Степанян, 2003). Сейчас ястребинка вместе с остальными средиземноморскими славками иногда выделяется в отдельный род *Curruca* (Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится преимущественно в умеренном поясе Западной Евразии от Атлантики до Алтая, а также на Кавказе и в Средней Азии. На юге России широко распространена на степных равнинах, а в лесостепных предгорьях прослежена к югу до г. Темрюк –

г. Абинск – стан. Крепостная на р. Афипс – г. Горячий Ключ – Майкоп – Черкесск – Кисловодск – Нальчик – Владикавказ (Бёме, 1926; Радищев, 1926; Бёме и др., 1930; Волчанецкий и др., 1962; Хохлов, Тельпов, 1984; Найданов, Короткий, 2005; Белик и др., 2009; Караваев, Хубиев, 2011; Перевозов, 2014; Очаповский, 2017; Комаров, Шевцов, 2022; А.А. Караваев, личн. сообщ.; и др.). В горах отмечена лишь в долине Баксана у с. Эльбрус на высоте 1800 м н.у.м., где 16.06.1960 найдено гнездо с кладкой (Моламусов, 1967), а также в долине р. Белая у стан. Даховской, где 08.06.1973 встречен певший самец (Тильба, Казаков, 1985а). Но больше нигде, в том числе и в Дагестане, этих птиц на Северном Кавказе выше 800-1000 м н.у.м. на гнездовье не встречали.

Эта славка распространена также на низменностях и в предгорьях по Черноморскому побережью Кавказа от Анапы до Джубги, а также от Адлера до Гудауты в Абхазии (Кудашев, 1917; Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2001, 2006; Белик, 2015а), но на западе, между Анапой и Джубгой, ястребинка сейчас, по-видимому, исчезла (Лохман, 2006; Белик, 2013в; Тильба, 2016; Белик и др., 2017).

Распространение ястребиной славки в Поволжье выяснено недостаточно, поскольку мигранты, поющие весной на дневных остановках в течение мая - начала июня (Линдеман, 1971; Реуцкий, 2015), могут быть приняты за гнездовых птиц без достаточных на то оснований (см.: Волчанецкий и др., 1950; Белик и др., в печати). Эта славка указана как обычный гнездящийся вид Волгоградской обл. (Чернобай, 2004), но нами она отмечалась там лишь в бассейне Дона, а ее единственное гнездо с кладкой найдено Е.И. Врублевским 17.06.1960 в пойме Хопра у стан. Усть-Бузулукской (Белик и др., 2022а). В Волгоградском Заволжье она появляется на гнездовье в долине р. Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952), а в Приэльтонье встречается только на миграциях (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009; Белик и др., в печати), хотя однажды была отмечена там в конце июня (Динесман, 1955).

Гнездование ястребинки на Нижней Волге отмечали у Сарепты (Волгограда) и у Черного Яра на севере Астраханской обл. (Kracht, 1919, 2014; Лорец, 1928), но А.И. Аргиропуло (1928) ее там даже не видел. По сведениям Н. Арцыбашева (Artzibascheff, 1859, 2015), эта славка у Сарепты «довольно обычна», у Астрахани же она лишь изредка отмечалась весной (Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882). Только на пролете ее встречали и в дельте Волги (Бостанжогло, 1911; Хлебников, 1928, 1930; Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Русанов,

2011). Несомненно, к мигрантам относятся также майские и августовские встречи в дельте, перечисленные Н.Д. Реуцким (2015). Однозначно не гнездится ястребинка в полупустынях Заволжья и Калмыкии (Цапко и др., 2009; Амосов, 2010, 2012; наши данные).

Зимует ястребиная славка в Африке. Ее ночные миграции на юге России выражены слабо. В горах Северного Кавказа мигрантов встречают сравнительно редко, случайно (Плеске, 1917; Бёме, 1926; Bier u.a., 1975; Комаров, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Вуккерт, Лоскот, 2022; Белик, Аккиев, 2023). В Приэльтонье весенние миграции идут с середины мая до начала июня, а осенью – с середины августа до начала октября (Динесман, 1955; Линдеман, 1971). При отлове птиц на Джаныбекском стационаре 1 славка была поймана осенью 2004 г. и 4 особи – во второй половине мая 2005 г. (Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Встречается на степных равнинах и в лесостепных предгорьях, изредка в горах до 1800-2000 м н.у.м. (Моламусов, 1967), гнездясь в кустарниках по лесным опушкам, на полянах, по степным балкам или среди пустырей на окраинах сёл, а также в лесополосах. Очень часто гнездовые участки этой славки располагаются рядом с участками жулана. Рыхлое гнездо из сухой травы делает на ветвях в глубине кустарниковых зарослей.

Численность. Немногочисленный, спорадично распространенный обитатель опушечных ландшафтов и различных кустарников степной и лесостепной зон. Во второй половине XX в. благодаря агролесомелиорации степей произошло увеличение численности и уплотнение кружева ареала, но в 1970-е годы, возможно из-за сильных засух 1972 и 1975 гг., отмечена глубокая депрессия популяций (Белик, 2009). В 1990-е годы во многих районах, особенно в бассейне Дона, вновь наблюдали сильное сокращение численности (Белик и др., 2003), но сейчас она, по-видимому, стабилизировалась, периодически флуктуируя на очень низком уровне. Местами отмечаются не совсем объяснимые асинхронные колебания численности ястребиной и серой славок (Шульпин, 1961; цит. по: Корелов, 1972; Белик, 2009).

В Европе сейчас обитает 506-968 тыс., а в Европейской России – 120-250 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в конце XX в. - начале XXI в. численность оценивали в 20-100 тыс., в том числе около 25 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б), но позже экспертная оценка южно-российской популяции была снижена до 10-50 тыс. пар (Белик, 2014). В Северной Осетии обитает не более 20-25 пар (Комаров, Шевцов, 2022).

В закустаренной степи по балке на правобережье Нижнего Дона в июне 1997 г. держалось до 5 пар ястребиных славок и 7-8 пар жуланов на

20 га, а в конце мая 1999 г. там же было до 6 пар ястребинок и 9 пар жуланов на 10 га (Белик и др., 2001). А в середине XX в. в лесостепи в Харьковской обл. учитывали по 19-27 гнезд на 25 га, т.е. 0,76-1,08 пар/га (Компаниец, 1940; Волчанецкий, 1954-псс). В лесополосах Северного Приазовья 12.06.2000 были учтены 4 пары/1 км и 1 пара/3 км (Белик, 2001а), а в Восточном Приазовье – 9 самцов на 10 км (Очаповский, 2017). В Абхазии у г. Гудаута в ольховой поросли на приморских лугах 05.06.2013 учтены 5 самцов на 1,7 км маршрута вдоль дренажных каналов (Белик, 2015а).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (4 категория), но в целом по югу России организация особой охраны этого вида пока, по-видимому, не требуется (Белик, 2014).

– Славка певчая *Sylvia crassirostris* Cretzschmar, 1830

Характер пребывания. Опубликованы формальные сообщения о встречах птиц в Дагестане в верховьях р. Аварское Койсу (Насрулаев, 1990) и на морских лагунах Каспия в районе Махачкалы (Вилков, 2004), что недостаточно для включения данного вида в фауну России (Белик и др., 2006; Коблик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2013а).

Таксономия. Прежде певчая славка *S. crassirostris* объединялась с масличной славкой S. *hortensis*, распространенной в Западном Средиземноморье (Волчанецкий, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003), но в настоящее время они рассматриваются как два разных политипических вида, включающих по 2 подвида (Коблик, Архипов, 2014). На территорию Закавказья проникает восточный подвид *S. c. jerdoni*, а номинативная форма распространена на Балканах и в Малой Азии (Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Обитает на Балканах, в Малой, Передней и Средней Азии (Dickinson, Christidis, 2014); краем ареала заходит также в Закавказье, где гнездится в Грузии, Армении и, возможно, в Азербайджане (Волчанецкий, 1954; Patrikeev, 2004). Для Южной России певчая славка указана как редкий вид Дагестана, населяющий горные кустарники и лиственные леса в верховьях р. Аварское Койсу (Насруллаев, 1990), хотя в своей следующей работе автор исключил эти данные как ошибочные (Насрулаев, 2006). Одновременно появились сведения о певчей славке, изредка встречающейся на лагунах Каспия у Махачкалы на пролете (Вилков, 2004). Но к сожалению, опубликованных

данных недостаточно для их верификации и включения этого вида в фауну Южной России (Белик и др., 2006; Коблик и др., 2006). Певчая славка указана также для северных подножий Большого Кавказа в фундаментальных сводках о птицах СССР и России (Степанян, 1978, 1990, 2003, с.505), однако конкретные сведения о ее гнездовании на юге России нам неизвестны, и это упоминание является, возможно, следствием технической ошибки.

Местообитания. Гнездится на сухих склонах от низкогорий до высоты 1000-2000 м н.у.м. среди различных кустарников: держидерева, можжевельников, шиповников, тамариксов и др. (Волчанецкий, 1954; Рябицев, 2019а).

Численность. В Европе на Балканах обитает 155-353 тыс. пар (European birds …, 2017). В Грузии птицы обычны, в Азербайджане встречаются случайно (Гамбаров, 1941; Patrikeev, 2004). По другим данным, в Армении насчитывают 300-800 пар, а в Азербайджане – 5-10 тыс. пар (Birds in Europe …, 2004).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

– Славка провансальская *Sylvia undata* (Boddaert, 1783)

Характер пребывания. Указаны встречи пролетных птиц у Махачкалы в Дагестане без какой-либо дополнительной информации (Вилков, 1999), поэтому решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии этот вид был исключен из фауны Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Типичный представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в).

Таксономия. Политипический вид, включающий 3 подвида (Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Оседло обитает в Западном Средиземноморье. Ареал охватывает Францию, Апеннины, Пиренеи и Малую Африку. Как редкий пролетный вид эта славка приведена в списке птиц лагунного комплекса Среднего Каспия у Махачкалы в Дагестане (Вилков, 1999) с примечанием редакторов о сомнительности данной регистрации. Какая-либо информация о встречах птиц в работе отсутствует. Вероятно, вид идентифицирован ошибочно (Белик и др., 2006; Коблик и др., 2006).

Местообитания. Гнездится в зарослях различных колючих кустарников типа маквиса на склонах гор в сухих субтропиках.

Численность. В Европе, в основном в Испании и Португалии, гнездится

0,6-1,5 млн. пар, демонстрирующих выраженное снижение численности (European birds …, 2017). В России достоверные встречи неизвестны (Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

– Славка очковая *Sylvia conspicillata* Temminck, 1820

Характер пребывания. Указаны встречи пролетных птиц в Дагестане у Махачкалы без какой-либо дополнительной информации (Вилков, 1999), поэтому этот вид решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии был исключен из фауны Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Типичный представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в).

Таксономия. Включает 2 подвида, в том числе номинативный, распространенный почти по всему ареалу, и островной *S. c. orbitalis*, обитающий на островах в Атлантике (Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в Средиземноморье от Малой Африки и Пиренеев до Леванта. Как редкий пролетный вид эта славка приведена в списке птиц лагунного комплекса Среднего Каспия у Махачкалы в Дагестане (Вилков, 1999) с примечанием редакторов о сомнительности данной регистрации. Какая-либо информация о встречах птиц в работе отсутствует. Вероятно, вид идентифицирован ошибочно (Белик и др., 2006; Коблик и др., 2006).

Местообитания. Гнездится в низкорослых кустарниках на горных склонах, а также в оазисах и кустарниках среди полупустынь и солончаков.

Численность. Численность в Европе оценивается в 166-450 тыс. пар (European birds … 2017). В России достоверные встречи неизвестны (Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

328. Славка серая *Sylvia communis* Latham, 1787

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2013а). Серая славка, наряду с ястребинкой, широко заселила Западную Палеарктику, но остается здесь типичной

кустарниковой птицей мозаичных ландшафтов средиземноморского типа, лишь менее ксеро- и термофильной, чем ее ближайшие сородичи (Белик, 1995в, 2006).

Таксономия. Включает 3-4 подвида. В Европейской России гнездится номинативная форма, на Кавказе распространена *S. c. icterops*, а в горах Средней Азии – *S. c. rubicola*, однако границы ареалов этих форм очерчиваются по-разному (Волчанецкий, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Для Западного Кавказа, Предкавказья, Южного Дагестана и низовий Волги все коллекторы, анализировавшие свои сборы, указывали *S. c. icterops* (Бёме, 1926; Воробьев, 1936; Волчанецкий, 1937; Аверин, Насимович, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Моламусов, 1967; Степанян, 2003; и др.). Птицы, гнездящиеся в долине Нижнего Дона и на его правом берегу, тоже были определены как *S. c. icterops* (Казаков, 2022). Изученная нами серия гнездовых особей из степного Придонья и Предкавказья (25 экз.) тоже оказалась фенотипически гомогенной выборкой, отличающейся по окраске верхней стороны тела от европейских птиц и близкой к закавказским, т.е. славки отсюда должны носить имя *S. c. icterops*, а зона интерградации этой формы с *S. c. communis* проходит где-то севернее Нижнего Дона (Белик, 2009).

Однако по последним данным, у гнездовых птиц из окрестностей Владикавказа (2 экз.) нашли переходные признаки от *icterops* к *communis*, а фенотипически «чистые» *communis* встречены в сборах из дельты и низовий Терека в Дагестане (Александро-Невская, Хасавюрт), из Кабардино-Балкарии (Котляревская), Ставропольского края и Западного Кавказа, что позволило предположить распространение номинативного подвида *S. c. communis* на Западном и Центральном Кавказе и по всему Предкавказью, включая низовья и дельту Терека (Джамирзоев и др., 2017а).

Птицы из Волгоградского Заволжья были определены как *S. c. communis* (Волчанецкий, Яльцев, 1934), а славки из Волго-Уральского междуречья оказались ближе к азиатской форме *S. c. rubicola*, хотя ранее их относили к кавказскому подвиду (Волчанецкий, 1937, 1954, с.357, 364). Очевидно, что для выяснения таксономического статуса птиц из Южной России требуется анализ значительно больших выборок.

Распространение. Гнездится на западе Евразии к востоку до Алтая и Средней Азии. На юге России широко распространена в равнинных, предгорных и горных районах всех регионов, кроме полупустынных и пустынных районов Калмыкии, Заволжья и долины Нижней Волги, где отмечаются лишь редкие случаи гнездования в благоприятные по

погодным условиям годы (Динесман, 1955; Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009; Сухолозов, 2011; Цапко и др., 2009; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; Белик и др., 2022а). В Заволжье стабильные гнездовья появляются лишь в лесистой долине р. Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Груздев, 1955; Динесман, 1955; Опарин, Опарина, 2006; Завьялов и др., 2011; Белик и др., в печати).

Зимует в Африке и на юге Азии. Пролетные птицы встречаются во всех регионах Южной России. Весной мигранты на остановках поют (Линдеман, 1971). В Приэльтонье на Джаныбекском стационаре во второй половине мая 2005 г. поймали 16 пролетных славок, а в 2003 и 2004 гг., в основном в августе, отловили 32 особи (Чернецов и др., 2010). На Центральном Кавказе в начале сентября выраженную миграцию наблюдали у высокогорных перевалов вплоть до 3000 м н.у.м. (Вуккерт, Лоскот, 2022), а в середине августа находили погибших птиц на ледниках Казбека на высоте 4500 м н.у.м. (Плеске, 2017).

Местообитания. Широко распространена в лесостепных ландшафтах на равнинах, в предгорьях и горах, проникая вверх до субальпики на высоте 1800-2100 м н.у.м. (Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000; Белик, Аккиев, 2023). Обитает по кустарниковым опушкам лесов и лесополос, на лесных полянах, среди различных степных и луговых кустарников, иногда – в высокотравье по балкам, на лугах и окраинах полей. Рыхлое гнездо вьёт на кустах или в бурьянах у самой земли.

Численность. На юге России во многих районах обычна или многочисленна. В Европе обитает 17,3-27,8 млн., а в Европейской России – 5-8 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Популяцию Южной России оценивали в 1-2 млн. пар, в том числе более 970 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

На Западном Кавказе в лесах низкогорий учитывали 1-5 ос./км^2, во влажном, лесистом среднегорье славок не было, а в высокогорье отмечали 2-7 ос./км^2 в буковом криволесье и около 1 ос./км^2 на субальпийских лугах (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике в среднегорных хвойно-лиственных лесах обилие составляло 7,2-10,8 ос./км^2 (Поливанов, 2000), а на субальпийских лугах Скалистого хр. было 20-133 ос./км^2 и в пойменных лесах по Северо-Юрской депрессии – 20-41 ос./км^2 (Караваев, 2000). Ниже, на закустаренных пастбищах в предгорьях, мы учитывали до 36 пар/км^2 (Белик, 2019а), в низовьях р. Уруп обилие составляло 29 ос./км^2 (Тильба, Мнацеканов, 1989), а в окрестностях Армавира оно достигало 75-80 ос./км^2 (Жарова, Жаров, 1962). Но во влажных лесах на Ставропольской возв. по мере их мезофилизации в начале XXI в. обилие птиц сократилось, в среднем, с 4 до 1,5 пар/км^2 (Костенко, 2012).

На Центральном Кавказе в горной лесостепи Кабардино-Балкарии было 2-5 ос./км^2 (Афонин, 1985; Джамирзоев и др., 2014), а в среднегорьях Северной Осетии учитывали 3-15 пар/км^2, но в можжевельниках там учитывали до 35 пар/км^2, а в поймах предгорных рек обилие составляло 35-146 пар/км^2, тогда как в пойме Терека в степной зоне гнездилось не более 2 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

В степном Придонье в XX в. в байрачных лесах гнездилось 4-35 пар/км^2, в пойменных – 7-53, а в аренных – в среднем 2,8 пар/км^2. В искусственных степных лесах на первом этапе их заселения учитывали 56-60 пар/км^2, в аридный период 1970-х годов – 5-101, в среднем 40 пар/км^2, а в последующий гумидный период – в среднем 43 пар/км^2 (Белик, 2000а).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

329. Славка-завирушка *Sylvia curruca* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Адыгеи (Белик и др., 2016; Белик, 2019а; Квартальнов, 2021).

Зоогеографические связи. Б.К. Штегман (1938) относил эту славку к Европейскому типу фауны. Поэтому первоначально и нами она рассматривалась как представитель неморального комплекса этого типа фауны (Белик, 1992в, 2000а), но последующий анализ показал, что проникновение славки-завирушки – характерной опушечно-кустарниковой птицы (Козлова, 1975; Белик, 2007) – из сухого Средиземноморья в северные регионы носило явно вторичный характер. В последующем это привело к «расслоению» данного вида на несколько ксерофильных и мезофильных рас, почти достигших видового ранга (Vaurie, 1959; Корелов, 1972; Wolters, 1982; Shirihai et al., 2001; Давыгора, Ковшарь, 2004). Однако северные лесные популяции славки-завирушки следует всё же относить, по-видимому, к субсредиземноморскому фаунистическому комплексу Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2007, 2013а).

Таксономия. Внутривидовая структура этого таксона до сих пор продолжает дискутироваться. После выделения в отдельный вид горной славки *S. althaea*, к собственно славке-завирушке *S. curruca* sensu str. обычно относят до 8 подвидов (Лоскот, Абрамсон, 2006; Паевский, 2013, 2021). Но особенности структуры ареала, окраски оперения, экологии, пения, сигналов тревоги, токовых демонстраций и других характеристик свидетельствуют о значительной обособленности также пустынных завирушек *S. c. minula* и *S. c. halimodendri*, распространенных в Центральной и Средней Азии и в Казахстане, которых

иногда выделяют в самостоятельные виды (Shirihai et al., 2001). Судя по генетическим данным, *halimodendri* заметно обособлена от территориально соседних форм (*curruca* и *minula*), отделившись от них в период 4,2-7,2 млн. лет назад (Olsson et al., 2013), и поэтому, наряду с *S. althaea*, может быть признана, очевидно, самостоятельным видом.

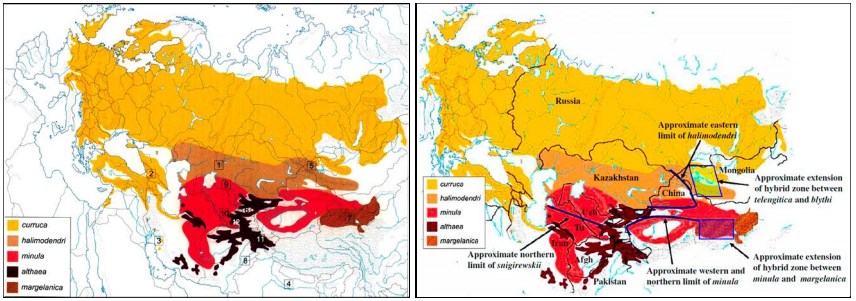

Рис. 27. Ареалы разных форм надвидового комплекса *Sylvia curruca* sensu lato (по: Shirihai et al., 2001; Olsson et al., 2013)

В Европе обитает номинативная форма, распространенная к югу до северных районов Предкавказья и Приманычья (Белик, 2009; Казаков, 2022). Для Кавказа характерна эндемичная *S. c. caucasica*, проникающая из Закавказья в сухие горы на юге Дагестана (Джамирзоев и др., 2017а), откуда по Северо-Юрской депрессии постепенно расселяется на запад вплоть до Кубани (Моламусов, 1967; Афонин, 1985; Хубиев, Караваев, 2010; Караваев и др., 2014; Белик, 2019а; Квартальнов, 2021; Белик, Аккиев, 2023). Таксономический статус птиц, обитающих на Ставропольской возв. (Будниченко, 1965; Белик, 1989в, 2009; Казаков, Белик, 1996; Хохлов, 1991, 1993), остается неизвестен. Неясен также характер пребывания и статус птиц, изредка, спорадично встречающихся летом на Западном Кавказе (Дороватовский, 1913; Кудашев, 1916; Волчанецкий и др., 1962; Сара, 2007; Перевозов, 2014). Птица, добытая в июне 1912 г. в Красной Поляне, определена как *S. c. caucasica* (Дороватовский, 1913), а добытая в июне 1956 г. у Новороссийска была похожа, по замечанию И.Б. Волчанецкого (1962), на *S. c. curruca.*

В кустарниках и перелесках среди песков на юге Волго-Уральского междуречья на гнездовье обычна хорошо отличающаяся *S. c. halimodendri*, найденная также в Астраханской обл. у с. Харабали на левобережье Волги, у с. Урда в Казахстане и далее к востоку (Волчанецкий, 1937, 1954; Гаврилов и др., 1968; Белик, 2008). Эта форма гнездится, по-видимому, и в песках на правобережье Волги (Реуцкий,

2015). Ее гнездование возможно также в насаждениях у пос. Эльтон в Волгоградской обл. (Белик и др., в печати). Для Астраханской обл. приводили еще и форму *S. affinis* (=*S. althaea*) (Seebohm, 1882; Хлебников, 1928), но это указание относится, по-видимому, к *S. c. halimodendri* (Волчанецкий, 1954, с.375).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Забайкалья и Китая. На юге России широко распространена в бассейне Дона к югу до долины Нижнего Дона (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Аверин, 1911; Белик, 1999а, 2001а; Белик и др., 2001; Маркитан и др., 2010; Казаков, 2022). Нами найдена на гнездовье также в Азовском, Орловском и Волгодонском р-нах Ростовской обл., в низовьях Маныча и в верховьях р. Сал, но в лесных массивах на севере Краснодарского края до конца XX в. отсутствовала (Белик, 2009). Найдена также на севере Ергеней в Калмыкии (Artzibascheff, 1859, 2015; наши данные). По пойме Волги спускается вниз до Астрахани, но в дельте, по-видимому, не гнездится (Kracht, 1919, 2014; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; Белик и др., 2022а). В Заволжье появляется на гнездовье в лесистой долине р. Еруслан на севере Волгоградской обл. (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Завьялов и др., 2011), но однажды в 1965 г. гнездо было найдено в Приэльтонье (Линдеман, 1971). Кроме того, в Астраханской обл. гнездится в песчаных пустынях Заволжья и, вероятно, в песках на правобережье Волги (Seebohm, 1882; Реуцкий, 2015).

В Предкавказье завирушка изредка, спорадично встречается в Ставропольском крае к северу до Ипатовского лесничества, а также по долине р. Кума (Будниченко, 1965; Белик, 1989в; Хохлов, 1991, 1993; Белик, Олейников, 1996; Казаков, Белик, 1996), а в начале XXI в. она появилась в долине Маныча в Ставропольском крае (Федосов и др., 2022).

На Западном Кавказе летом эту славку отмечали очень редко, и её гнездование здесь нигде не подтверждено. Самка была добыта 02.06.1912 **ст.ст.** в Красной Поляне (Дороватовский, 1913), еще одна птица добыта 17.06.1956 на полуострове Абрау у Новороссийска (Курдова, 1958; Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962). Там же 6 встреч отмечено в июне 2006 г. (Сара, 2007), но нам, несмотря на все усилия, найти завирушку в этом районе не удалось (Белик, 2013в). В начале мая 1969 г. этих птиц несколько раз отмечали в пойме Кубани близ Армавира, но характер их пребывания там остался неясен (Казаков, 2016).

В горах Дагестана завирушка обитает в сухих предгорьях к северу до подножия краевых хребтов на левобережье р. Сулак, а по долинам рек проникает в сухие ущелья Внутреннего Дагестана (Россиков, 1884б;

Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2017а; Белик, Насрулаев, 2019), местами поднимаясь до верхней границы леса (Красовский, 1932; Насрулаев, 2006). Из Дагестана по аридной Северо-Юрской депрессии славка-завирушка расселяется на запад, спорадично встречаясь в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии вплоть до Кубани и Малого Зеленчука (Моламусов, 1967; Афонин, 1985; Хубиев, Караваев, 2010; Караваев и др., 2014; Белик, 2016а, 2019а; Шевцов, 2019; Квартальнов, 2021; Белик, Аккиев, 2023).

Зимуют эти птицы в Африке и на юге Азии; славки номинативной формы улетают преимущественно в северо-восточную Африку (Паевский, 2013), а *S. c. halimodendri* однажды была встречена на пролете в Сочи (Кудашев, 1916). На миграциях завирушки встречаются по всей Южной России, весной на дневных остановках поют. В Заволжье в долине р. Еруслан весной пролетных птиц отмечали с 23.04. до 19-21.05.1950 (Юдин, 1952). Но на Джаныбекском стационаре при массовом отлове птиц во второй половине мая 2005 г. не встретили ни одной завирушки, а осенью 2003 и 2004 гг., в основном в августе, поймали 49 пролетных славок (Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Европейские птицы экологически четко приурочены к пограничной полосе между древесной и кустарниковой растительностью по опушкам лесонасаждений. Поэтому они весьма характерны для сухих мозаичных лесов в поймах крупных степных рек, где постоянно чередуются лесные куртины и кустарниковые заросли по окраинам луговых полян. С наличием сходных условий связано широкое распространение завирушки в городских и сельских садах, парках и скверах. Кавказские птицы спорадично встречаются среди можжевеловых редколесий, облепишников и колючих кустарников по сухим предгорьям и горам Восточного и Центрального Кавказа. Пустынные завирушки характерны для различных кустарников в песчаных пустынях Заволжья. Рыхлое гнездо из сухой травы птицы вьют на кустах, часто – на значительной высоте.

Численность. На юге России немногочисленна, местами обычна. В Европе обитает 4,8-8,0 млн., а в Европейской России – 1,5-2,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Южно-российские популяции оцениваются в 20-100 тыс., в том числе более 20 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

В степном Придонье в байрачных лесах учитывали до 5,0, в среднем же – 1,2 пар/км^2, в пойменных лесах – 1,7-6,7, в среднем – 3,2 пар/км^2, в аренных лесах – в среднем 0,5 пар/км^2, а в искусственных лесных массивах в аридный период 1970-х годов было в среднем 0,5 пар/км^2, а в последующий гумидный период – 6-8, в среднем 4,7 пар/км^2 (Белик,

2000а). В пойме Среднего Дона в Волгоградской обл. учитывали 6,4 пар/км^2 (Белик, Гугуева, 2021). А в Черебаевской пойме на левобережье Волги на границе Волгоградской и Саратовской обл. в июле 1998-2000 гг. обилие птиц составляло 0,9-1,4 ос./га в осокорево-вязовых лесах и 3,5-4,2 ос./га в лоховых зарослях (Шаповалова, Завьялов, 2009).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

– Славка горная *Sylvia althaea* Hume, 1878

Характер пребывания. Включение горной славки в фауну Кавказа и Южной России (Джамирзоев, 2000; Плотников, 2000; Букреев, Джамирзоев, 2004) было основано на прежней трактовке таксономического статуса кавказской формы славки-завирушки *S. c. caucasica*, которую иногда рассматривали в качестве подвида горной славки *S. althaea* (Степанян, 1978, 1990, 2003).

Зоогеографические связи. Эта птица входит в средиземноморскую группу славок-завирушек надвидового ранга, которая в горах на восточной периферии первичного ареала к настоящему времени обособилась до видового уровня. Однако ее всё же можно предположительно относить к субсредиземноморскому фаунистическому комплексу Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 2 подвида: номинативный, обитающий в горах Кашмира и Афганистана, и *S. a. monticola*, распространенный в горах Средней Азии от Копетдага до Тянь-Шаня (Портенко, 1955; Лоскот, 2001; Лоскот, Абрамсон, 2006). К этому же виду Л.С. Степанян (1978, 1983, 1990, 2003) относил и кавказскую форму *S. a. caucasica*, но последующие исследования показали, что она ближе к европейской *S. curruca* (Лоскот, 2001; Лоскот, Абрамсон, 2006).

Распространение. Гнездится в горах от Туркмении и Ирана к востоку до Тянь-Шаня и Гималаев (Степанян, 2003; Shirihai et al., 2001). Горную славку *S. althaea* указывали для Дагестана (Джамирзоев, 2000; Букреев, Джамирзоев, 2004), но речь шла о кавказской славке-завирушке (*S. c. caucasica*), считавшейся прежде подвидом горной славки. Кроме того, горная славка *S. althaea*, наряду со славкой-завирушкой *S. curruca*, указана как возможно гнездящийся вид для северных склонов Большого Кавказа в Краснодарском крае (Плотников, 2000), но литературные ссылки или какие-либо комментарии по поводу ее находок автор не приводит.

Местообитания. Гнездится обычно в кустарниках на сухих полянах среди лиственных лесов и можжевельников, приуроченных к каменистым горным склонам, поднимаясь вверх до 2000-3000 м н.у.м., но не спускаясь на равнины (Волчанецкий, 1954; Ковшарь, 2019).

Численность. В горах Средней Азии в подходящих местах обычна, а местами многочисленна (Волчанецкий, 1954; Ковшарь, 2019). Например, в Сарычелекском заповеднике обилие птиц в 1982-1983 гг. составляло в яблоневом лесу 13-22, а в ореховом – 26-39 ос./км^2 (Лебяжинская, 1991; цит. по: Ковшарь, 2019).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

330. Славка белоусая *Sylvia mystacea* Menetries, 1832

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Восточного Предкавказья и Северо-Западного Прикаспия, проникший в Россию из Азербайджана в начале XX в. (Бёме, 1925а, 1925б; Бёме, Ушатинская, 1932; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2013а).

Таксономия. В прошлом часто рассматривалась как монотипический вид (Дементьев, 1937; Волчанецкий, 1954; Vaurie, 1959; и др.), а иногда считалась даже подвидом средиземноморской *S. cantillans* (Портенко, 1960). Позже Б.А. Казаков (1973) обосновал разделение белоусой славки на 3 подвида. Сейчас признается наличие 2-3 ее подвидов (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На Кавказе обитает номинативная форма, проникающая с юга в Восточное Предкавказье и в низовья Волги к северу до оз. Баскунчак (Степанян, 2003; Белик, 2013е).

Распространение. Гнездится в Передней и Средней Азии, а также в Восточном Закавказье и Предкавказье. До начала XX в. эта славка была распространена в Азербайджане к северу до г. Куба (Губа) (Сатунин, 1907). В 1922 г. ее впервые обнаружили у с. Малая Арешевка в дельте Терека и у стан. Старогладковской в его низовьях (Бёме, 1925, 1925а), в 1925 г. птиц встретили у Махачкалы и в низовьях р. Кума, а в 1926 г. – в ущелье р. Самур у с. Ахты, а также у с. Терекли-Мектеб и с. Ачикулак в Терско-Кумском междуречье (Бёме, Ушатинская, 1932; Красовский, 1932). В 1926-1928 гг. славку нашли в дельте Волги и среди ильменей и песков к западу до с. Утта в Калмыкии, а в 1931 г. – также на левобережье Волги у ст. Досанг (Орлов, 1928; Worobiew, 1929; Воробьев, 1936).

К 1999 г. славки достигли оз. Баскунчак (Букреев, 1999), в 2012 г. они были там уже довольно обычны в кустарниках по балкам и в ур. Зеленый Сад (Белик, 2013е), а 19.05.2012 одиночный самец встречен нами в зарослях тамарикса на солончаках у Сарпинских озер на южной границе Волгоградской обл.

В настоящее время белоусая славка заселяет предгорья Дагестана, а на юге поднимается по р. Самур в горы до с. Рутул (Красовский, 1932), но в сухих ущельях Внутригорного Дагестана, по-видимому, не гнездится (Бёме, 1933; Волчанецкий, 1973; Белик, Насрулаев, 2019). Она широко распространена на низменностях по северу Дагестана, на Терско-Кумской низм. в Чечне и Ставропольском крае (Бёме, Ушатинская, 1932; Волчанецкий, 1959; Точиев, Гизатулин, 1987; Гизатулин, 1989; Хохлов, 1991; Маловичко, 2012), а по долине Восточного Маныча проникает до с. Арзгир Ставропольского края, где 11.07.1978 среди редких молодых лесопосадок встречены 3-4 певших самца, 2 тревожившиеся птицы и 1 выводок слётков (Белик, 2009). Однажды 28.05.1988 эта славка отмечена в песках Моздокского р-на на севере Северной Осетии, где возможно ее гнездование, а в августе 1937 г. залетная птица добыта у с. Гизель близ Владикавказа (Бёме, 1958; Комаров и др., 2011).

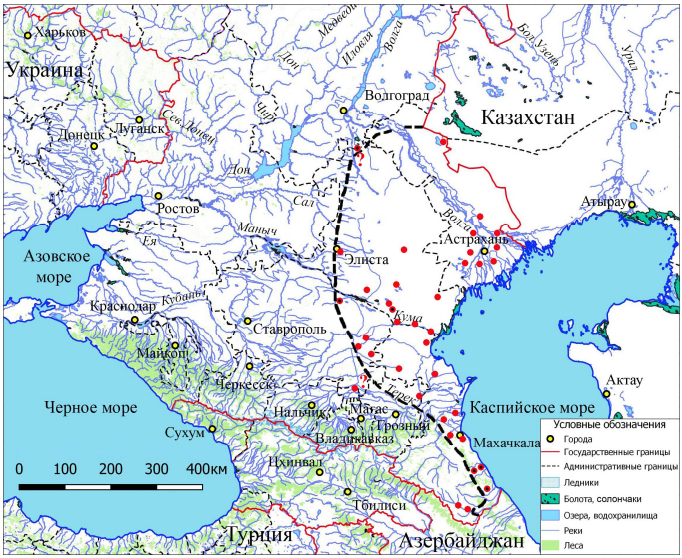

Рис. 28. Распространение белоусой славки на юге России:
пунктир – предположительная граница гнездового ареала;
красные пуансоны – места летних встреч по литературным данным;
черно-красные пуансоны – оригинальные данные

В Калмыкии птицы найдены в южных районах к северу до Элисты и до с. Утта Яшкульского р-на (Орлов, 1928; Строков, 1964, 1965; Казаков, 1973; Кукиш, 1982; Музаев, Сатаев, 2002), но судя по встрече этой славки на юге Волгоградской обл., она заселила, вероятно, уже всю

Сарпинскую низм.

Зимует белоусая славка на северо-востоке Африки. Ее сезонные миграции на юге России наблюдали лишь на побережье Каспия в устье р. Самур на юге Дагестана, где птиц регулярно отмечали в апреле-мае и редко – осенью (Бутьев и др., 1990).

Местообитания. Обитает в различных кустарниках у степных и пустынных водоемов, на солончаках, среди закрепленных песков, по балкам или на сухих предгорных склонах. В горах Дагестана проникает до 1400 м н.у.м. (Красовский, 1932). Явно предпочитает заросли тамарикса возле воды, особенно на мелководных разливах. Гнездо в виде небольшой рыхлой чашечки вьёт из сухой травы среди ветвей кустарников.

Численность. В степях и полупустынях Прикаспия довольно обычна. В Европе обитает 43-125 тыс., а на юге Европейской России – 20-50 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005б; European birds …, 2017). В начале XXI в. в Дагестане отмечен выраженный рост численности (Белик и др., 2003). По последним данным, эта славка на юге России найдена в 50 квадратах 50×50 км, где суммарно может гнездиться от 11,6 до 115,6 тыс. пар (Атлас …, 2020).

На севере Дагестана в мае 2003 г. обилие составляло 3,8 пар/км^2, но общая численность этой славки в заповеднике «Дагестанский» была оценена всего в 15-25 пар (Джамирзоев и др., 2004, 2014, 2017). На Терско-Кумской низм. учитывали 3,5 ос./5 км маршрута в полупустыне и 3,5 ос./5 км в степи (Точиев, Гизатулин, 1987; Гизатулин и др., 2001). В Калмыкии в разреженных зарослях тамарикса в низовьях р. Кума 16.05.1969 мы учли 5 самцов на 800 м берега реки (Белик и др., 2022). В ур. Зеленый Сад близ оз. Баскунчак 24.04.2012 было учтено 10 певших самцов на 3,5 км маршрута вдоль тамариксовой лесополосы, а 25.05.2012 там же на 2 км отмечены 4 встречи скрытных птиц (Белик, 2013е).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

331. Славка пустынная *Sylvia nana* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид низовий Волги в Астраханской обл. и Калмыкии, проникший на юг России с востока из пустынь Казахстана в начале XX в. (Воробьев, 1936; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель песчано-пустынного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Включает 2-3 формы, в том числе номинативный подвид, распространенный в Средней Азии и Казахстане (Степанян, 2003). Се-

вероафриканскую форму *S. c. deserti* сейчас иногда выделяют в отдельный вид (Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в Передней и Средней Азии, откуда через пустыни Северного Прикаспия проникает в Нижнее Поволжье. Изолированный участок ареала, населенный обособленной формой, находится в Северной Африке.

Впервые эта славка была найдена в июле 1926 г. в песках Прикаспия в Лаганском р-не на юго-востоке Калмыкии, а в конце лета 1927 г. еще одну вероятно залетную птицу добыли в степи у с. Башанта (Городовиковск) на юго-западе Калмыкии (Орлов, Фенюк, 1927; Орлов, 1928). В июне 1928 г. эта славка оказалась довольно обычна в песках Заволжья в 90 км к северо-востоку от Астрахани, а в июне 1931 г. ее гнездо и выводок нашли в песках у ст. Досанг в 60 км севернее Астрахани (Воробьев, 1936).

В 2000 г. пустынных славок с апреля до августа отмечали в бугристых песках среди подстепных ильменей на правобережье и левобережье Волги в Наримановском и Красноярском р-нах на юге Астраханской обл. (Русанов, 2011; Реуцкий, 2015). В Казахстане в Волго-Уральском междуречье – это многочисленный вид, распространенный к северу до границ песчаных пустынь (Гаврилов и др., 1968).

Зимуют эти славки на севере Африки и юге Азии. На юге России мигрантов, летевших на восток, наблюдали в сентябре на побережье Каспийского моря в восточной части дельты Волги (Воробьев, 1936). Единичные неподтвержденные встречи отмечены на побережье Каспия в районе Махачкалы (Вилков, 1999). Залетных пустынных славок несколько раз регистрировали в Крыму на Керченском полуострове и у Севастополя (Кинда и др., 2003; Абакумов, Цвелых, 1994; Костин, 2020).

Местообитания. Предпочитает бугристые песчаные пустыни с разреженными зарослями джузгуна, тамарикса и саксаула, часто селится в густых зарослях полыни метельчатой. Местами гнездится в кустарниках среди глинистых пустынь. Довольно плотные гнезда строит обычно из тонких сухих прутиков и травы на кустах, как правило – у самой земли.

Численность. Для юга Европейской России численность в начале XXI в. была ориентировочно оценена нами в 1-5 тыс. пар (Мищенко и др., 2004; Белик, 2005б). В песках на левобережье Волги в апреле 2000 г. обилие птиц составляло 13,3 ос./км^2, а в конце мая - начале июня учитывали 6,7 ос./км^2 на левобережье и 5,4 ос./км^2 на правобережье Волги (Русанов, 2011). В пустынях Казахстана и Средней Азии обычна, местами многочисленна; ее обилие составляет там от 7-10 пар/км^2 до 3,8 ос./10 га (Ковшарь, 2019).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

332. Пеночка-весничка *Phylloscopus trochilus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Пролетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016). Для Волгоградской и Астраханской обл. указывалось гнездование, недостаточно подтвержденное фактическими данными; предполагается гнездование также на Кавказе (Мензбир, 1895; Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Хохлов, Ильюх, 2005; Калякин, 2014), тоже не имеющее достоверных подтверждений (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Зоогеографические связи. Весничка входит в группу настоящих пеночек (Портенко, 1960), филоценогенез которых приурочен к Западной Палеарктике. Она провизорно включена нами в неморальный фаунистический комплекс Европейского типа фауны Палеарктики как его своеобразный маргинальный представитель, спонтанно расселяющийся из североевропейских лесов на восток в сибирскую тайгу (Белик, 1992в, 2006). Относить же весничку к Сибирскому типу фауны, по-видимому, преждевременно. По мнению Б.К. Штегмана (1938, с.27), это чрезвычайно жизнеспособный вид западного происхождения, к тому же весьма неразборчивый к климатическим и экологическим условиям. Вследствие этого при своем расселении он и смог занять в первую очередь северные места, где фауна малочисленнее и конкуренция слабее.

Таксономия. Включает 3 слабо различимых подвида, в том числе номинативный, распространенный в Западной Европе, *Ph. t. acredula*, характерный для Восточной Европы, а также более темный сверху *Ph. t. yakutensis*, обитающий в Сибири (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). Иногда для последних подвидов указывают широтное расположение ареалов: *Ph. t. yakutensis* – более северное, а *Ph. t. acredula* – более южное, в Восточной Европе доходящее к северу до 60° с.ш. (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в лесном поясе Евразии от Атлантики до Колымы и Анадыря на востоке. На юге России неоднократно, начиная с работ М.А. Мензбира (1895), гнездование веснички указывали на Кавказе, а также в Поволжье вплоть до дельты Волги. Здесь южную границу сначала проводили через Сарепту (Волгоград), но сведения о гнездовании в Сарепте, впервые приведенные Г.Ф. Мёшлером (Moeschler, 1853), а затем повторенные В.Е. Яковлевым (1872, 2015) и В.Н. Бостанжогло (1911), больше никто подтвердить не смог (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Seebohm, 1882; Kracht,

1919, 2014; Аргиропуло, 1928; Лорец, 1928; Птушенко, 1949; и др.).

Позже гнездование было указано для Щербаковской излучины на правобережье Волги у границы с Саратовской обл. (Чернобай, Никитина, 1990), но мне не удалось найти там этот вид ни летом 1984 г., ни в ходе последующих исследований в 1996, 2008, 2020 гг. Гнездование веснички указывали также для Волгоградского Заволжья на р. Еруслан и в Приэльтонье (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Волчанецкий, 1937; Волчанецкий и др., 1950), но и эти данные были основаны, очевидно, на ошибочном определении статуса певших птиц, встречавшихся там в мае-июне. На Эльтоне пролетных птиц добывали 01 и 13.06.1949 и 02.06.1961, а на Джаныбекском стационаре певших холостых весничек дважды отмечали даже 22 июня и 3 июля (Юдин, 1952; Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Завьялов и др., 2011; Девятко, Джамирзоев, 2012; Белик и др., в печати).

Сообщалось также о встрече выводка слетков 31.05.1956 в небольшом кустике ивы на о-ве Чепуренок в северо-западной части Каспия (Луговой, 1963). Кроме того, в дельте Волги 03.08.1986 был найден мертвый слеток веснички, а 17.07.1980 наблюдали пару весничек, кормивших кукушонка (Реуцкий, 2015). Наконец, 16.07.1996 в лесополосе близ Ставрополя был добыт самец веснички, кормивший слётков, но сохранить эту птицу не удалось и ее определение осталось не подтверждено (Хохлов, Ильюх, 2005). Учитывая фенологию миграций, а также особенности гнездовой экологии веснички, приведенные выше сведения о ее размножении в дельте Волги тоже вызывают определенные сомнения.

Нам не удалось найти гнездовий веснички ни в Ростовской, ни в Волгоградской обл., несмотря на многолетние специальные поиски (Белик, 2000а, 2005а; Белик, Гугуева, 2021; и др.). На Среднем Дону запоздавшая пролетная птица пела еще 01.06.1985 в аренных насаждениях близ стан. Вёшенской (Белик, 2005а). На Хопре у г. Балашов в Саратовской обл. 23.06.1985 были встречены 2 самца, один из которых очень активно пел в характерном гнездовом биотопе, а другой – в малопригодных для гнездования сосняках, но обе птицы, по всей видимости, были холостыми (Белик, 2002). Не гнездились веснички и ниже по Хопру в Теллермановских лесах в Воронежской обл., хотя и задерживались там до начала июня (Королькова, 1963).

В Саратовской обл. весничка указана как гнездящийся вид на правобережье Волги, но конкретные данные по ее размножению не приводятся (Завьялов и др., 2011). В Воронежской обл. предполагается гнездование 550-590 пар, но приведены сведения о находке лишь одного гнезда 26.05.1937 в Воронежском заповеднике (Барабаш-Никифоров,

Павловский, 1948; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров и др., 2021). В Луганской обл. единственное гнездо с кладкой было найдено 16.05.1966 у г. Кременная на Сев. Донце (Панченко, 1972).

Зимует весничка в Африке, куда летит по ночам широким фронтом через всю Южную Россию, останавливаясь на отдых как в лесистых, так и в безлесных районах, в горах и городах, а также в зарослях макрофитов в речных и приморских плавнях. Пролетные пеночки на юге России нередко встречаются вплоть до начала-середины июня, изредка – до начала июля. Они регулярно поют, что создает видимость их гнездования. Пролетные птицы часто поют также осенью.

Местообитания. Широко распространена в лесном поясе Евразии. Обитает в лиственных и смешанных лесах, предпочитая влажные светлые, мозаичные березняки. На юге России обычна и многочисленна на миграциях. На отдых птицы останавливаются, как правило, в различных насаждениях, где в одиночку кормятся в кронах. В некоторых районах Южной России предполагается спорадичное гнездование, однако оно требует фактических подтверждений. Гнездится на земле, устраивая среди травы небольшой «шалашик» с боковым входом.

Численность. В Европе обитает 62,2-97,1 млн., а в Европейской России – 30-42 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность первоначально была оценена в 10-100 пар (Белик, 2005б), но последние исследования позволяют считать, что весничка на юге России сейчас не гнездится даже в бассейне Дона в северных районах (Белик, 2005а; Белик, Гугуева, 2021; Белик и др., в печати).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

333. Пеночка-теньковка *Phylloscopus collybita* (Vieillot, 1817)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, кроме Астраханской обл., где он отмечается только на пролете (Белик и др., 2016). В Предкавказье и на Черноморском побережье Кавказа одиночные птицы изредка зимуют (Забашта, 2020; Шевцов, 2021; Динкевич, Тильба, 2022; и др.).

Зоогеографические связи. Теньковка входит в группу настоящих пеночек (Портенко, 1960), связанных филоценогенезом с Западной Палеарктикой, и поэтому отнесена нами к неморальному фаунистическому комплексу Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Большая, сложная политипическая группа надвидового ранга, многие маргинальные формы которой (*canariensis*, *ibericus*,

lorenzii, *sindianus*, *tristis*, *neglectus*) в настоящее время часто рассматриваются как самостоятельные виды (Степанян, 2003; Коблик, Архипов, 2014; Dickinson, Christidis, 2014; Атлас …, 2020; Marova et al., 2021; и др.). Прежний вид *Ph. collybita* sensu lato включал до 9-12 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960), сейчас же *Ph. collybita* sensu str. рассматривается в составе группы из 5 «зелёных» теньковок, имеющих зеленоватый цвет оперения на спинной стороне и желтоватый – на нижней стороне тела: *collybita*, *abietinus*, *brevirostris*, *caucasicus*, *menzbieri*. Первая форма распространена в Западной Европе, вторая – в Восточной Европе, *Ph. c. brevirostris* приурочена к лесам Малой Азии, *Ph. c. caucasicus* обитает на Большом и Малом Кавказе, а *Ph. c. menzbieri* – на Эльбурсе и Копетдаге (Марова, 1990; Лоскот, 1991; Dickinson, Christidis, 2014; Marova et al., 2021). Для Приуралья характерна популяция, описанная как *Ph. c. fulvescens* (Портенко, 1960; Степанян, 2003), которая имеет, вероятно, гибридогенное происхождение в широкой зоне симпатрии европейской и сибирской теньковок *Ph. collybita* и *Ph. tristis* (Марова и др., 2016, 2018).

На юге России в бассейне Дона обитает *Ph. c. abietinus*, а на Кавказе распространена *Ph. c. caucasicus*, расселившаяся на север в лесонасаждения степного Предкавказья (Цапко, 2007; Белик, 2009). В Придонье изредка залетают, вероятно из Приуралья, гибридные особи, пением напоминающие сибирских теньковок (Марова и др., 2018).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Урала, а также на Кавказе и в Малой Азии. На юге России сейчас гнездится на равнинах и в горных лесах Кавказа на большей части территории, кроме пустынно-степных районов Калмыкии и Нижнего Поволжья. В горах Северного Кавказа теньковка распространена от Анапы до Дагестана, заселяя широколиственные и смешанные леса от предгорий до среднегорий. Но на Центральном Кавказе от Карачаево-Черкесии до Северной Осетии, а также в Дагестане она гнездится в основном в низкогорных широколиственных лесах, а среди мелколиственных и сосновых лесов в среднегорьях Бокового хр. теньковку замещает кавказская пеночка, и лишь местами встречаются небольшие смешанные поселения этих видов (Чунихин, 1962а; Марова, 1991, 2002, 2014; Поливанов, Поливанова, 2002; Шипилина, Марова, 2013; Перевозов, 2014; Белик, 2016а, 2019а, 2020а; Белик, Насрулаев, 2019; и др.).

Степное Предкавказье теньковки постепенно заселяли с юга по искусственным лесонасаждениям во второй половине XX в., сначала по лесным массивам, а затем и по лесополосам, дойдя к северу почти до Нижнего Дона и Маныча (Будниченко, 1955, 1960, 1965; Рашкевич,

1957; Цапко, 2007; Белик, 2009, 2019а). А в степное Придонье эта пеночка проникала с севера по пойменным и байрачным лесам, однако низовья Дона она заселила сравнительно недавно. В среднем течении Сев. Донца теньковки не было вплоть до начала XX в. (Аверин, 1911), до середины XX в. теньковка не встречалась и в байрачных лесах Донецкого кряжа (Волчанецкий, 1950; Панченко, 1972), не гнездилась она тогда и на Нижнем Дону (Варшавский, 1965). Но к концу XX в. она расселились здесь почти повсеместно, достигнув на юге поймы Нижнего Дона, однако в искусственные леса на водоразделах не проникала. Лишь в последнее время теньковки появились в Донском лесхозе у г. Шахты на Донецком кряже (Белик, 2009; Марова и др., 2018).

В степном Заволжье теньковки гнездятся только в лесистой долине р. Еруслан на севере Волгоградской обл., куда они тоже вселились с севера, по-видимому, лишь к середине XX в. (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Груздев, 1955; Завьялов и др., 2011; Белик и др., в печати). В полупустынях Заволжья, в долине Нижней Волги, включая ее дельту, а также на большей части Калмыкии теньковка отмечается только на пролете (Линдеман, 1971; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009; Цапко и др., 2009; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015).

Зимуют европейские пеночки в основном в Средиземноморье и на севере Африки (Марова и др., 2016). Мигрируют они туда по ночам широким фронтом через всю Южную Россию. Весной и осенью на дневных остановках птицы часто поют. В степном Заволжье теньковки встречаются с начала апреля до середины мая, изредка до начала июня, а затем с августа до середины октября (Юдин, 1952; Линдеман, 1971; Белик и др., в печати). В последние годы благодаря потеплению климата одиночные птицы стали регулярно встречаться зимой в Предкавказье и на Черноморском побережье Кавказа, а также в Дагестане (Джамирзоев, Родионов, 2018; Забашта, 2020; Шевцов, 2021; Динкевич, Тильба, 2022).

Местообитания. Обитает в самых разных равнинных и горных, лиственных, смешанных и хвойных лесах, предпочитая многоярусные, захламленные, влажные и сырые насаждения – в поймах рек, по днищам балок и т.п. В горы поднимается до 1500-1600 м н.у.м. (Бёме, 1933; Комаров, 2006, 2013), местами до 1880-1990 м н.у.м. (Лоскот, 1991), на более влажном Западном Кавказе встречается вплоть до субальпики, заметно выше, чем на сухом Центральном Кавказе. Шарообразное закрытое гнездо-«шалашик» вьёт на земле среди травы, изредка – на кустах.

Численность. На юге России во многих районах довольно обычна. В Европе обитает 41,0-59,5 млн., а в Европейской России – 17-20 млн. пар

(Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 200-500 тыс., в том числе боле 25 тыс. пар – в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

В байрачных лесах Придонья обилие птиц составляет 6-10 пар/км^2, а в пойменных – 6-30 пар/км^2, в среднем – 8,2 и 20,3 пар/км^2 соответственно (Белик, 2000а). В пойме Сев. Донца было 5,8-11,8 пар/10 га (Бируля, 1971). В пойменных лесах бассейна Среднего Дона в Волгоградской обл. учитывали 4,3-7,2 пар/10 га (Гудина, 2019). В пойме Кубани у Армавира и в низовьях р. Уруп было от 11 до 50 ос./км^2 (Жарова, Жаров, 1962; Тильба, Мнацеканов, 1989), в поймах равнинных и предгорных рек Северной Осетии – 25-93 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003), а в пойме р. Кяфар в Северо-Юрской депрессии в Карачаево-Черкесии обилие достигает 114-243 ос./км^2 (Караваев, 2000).

На Западном Кавказе в широколиственных лесах низкогорий учитывали 4-38 ос./км^2, а в смешанных лесах в среднегорьях – 1-12 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В лесах на Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии было 94-134 ос./км^2, а в широколиственных лесах на северных склонах Скалистого хр. в Кабардино-Балкарии – 14-38 ос./км^2 (Афонин, 1985; Караваев, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

334. Пеночка печальная, или сибирская *Phylloscopus tristis* Blyth, 1843

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России (Воробьев, 1936; Arkhipov, 2006; Музаев, 2017).

Зоогеографические связи. Судя по структуре ареала, биотопическим связям и филогенезу, эта пеночка может быть предположительно отнесена к горно-таежному фаунистическому комплексу Сибирского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Сибирская пеночка вместе с двумя южными формами *Ph. sindianus* и *Ph. lorenzii* образует группу «коричневых» теньковок, лишенных желтого цвета на брюшной стороне и имеющих темную, серовато-бурую, почти без зеленоватых тонов, верхнюю сторону тела. Прежде печальную пеночку обычно считали подвидом теньковки (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик, Архипов, 2014; Dickinson, Christidis, 2014) и лишь в последнее время была вновь признана ее видовая самостоятельность (Марова и др., 2018; Атлас …, 2020). Печальная пеночка очень хорошо отличается от европейских и южных форм теньковки также по пению.

Распространение. Гнездится в Сибири от Урала до Колымы и Байкала,

а зимует на юге Азии. Хорошо выраженный пролет сибирских пеночек идет весной вдоль восточного берега Каспия и через низовья р. Урал (Бостанжогло, 1911). В Южной России изредка отмечаются залетные или пролетные птицы, более обычные на востоке в долине Волги. В ее дельте осенний пролет наблюдали с 20.09. до 23.10.1926, а весной отмечали во второй половине апреля, но однажды певший самец был добыт там 21.05.1931 (Хлебников, 1928; Воробьев, 1936). Там же 4 певшие птицы встречены 26-27.09.2004 (Arkhipov, 2006).

Еще одна печальная пеночка, определенная по фонограммам и фотографиям, была встречена 09.06.2017 в Элисте в Калмыкии (Музаев, 2017). А в Ростовской обл. у г. Шахты 10.06.2017 встречен гибридный самец, пением напоминавший печальную пеночку (Марова и др., 2018). Возможно гибридных теньковок фотографировал также П.А. Тильба 05.02.2017 в Адлере, но однозначно идентифицировать их по фотографиям оказалось невозможно (Работа …, 2018).

Местообитания. В отличие от европейской теньковки, печальная пеночка на Урале и в Сибири предпочитает более густые, захламлённые участки темнохвойных лесов по склонам гор, а также лесистые долины рек со значительной примесью ели и пихты (Дементьев, Гладков, 1954; Марова и др., 2016).

Численность. В Сибири во многих районах обычна и только у северных и восточных границ ареала редка (Дементьев, Гладков, 1954). В Европейскую Россию из Сибири заходит лишь незначительная часть ареала, в ходе картирования которого в Приуралье было учтено около 300 тыс. пар. Примерно такую же численность могут иметь и гибридные особи (Атлас …, 2020).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

335. Пеночка кавказская *Phylloscopus lorenzii* (Th. Lorenz, 1887)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид высокогорных, частично среднегорных районов всего Большого Кавказа от Краснодарского края до Дагестана (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Первоначально была отнесена к неморальному фаунистическому комплексу Европейского типа фауны (Белик, 2013а). Но в настоящее время, с учетом новых данных, можно полагать, что эту пеночку, заселившую Кавказ в доледниковый период с востока вдоль цепи гор Южной Палеарктики, где обитает еще несколько форм из группы «коричневых» теньковок (Волчанецкий, 1973; Марова, 1991), следует относить к субальпийскому фаунистическому комплексу Гималайского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014; Dickinson, Christidis, 2014). В настоящее время эту пеночку иногда объединяют в один вид с горной среднеазиатской *Ph. sindianus*, считая ее кавказским подвидом *Ph. sindianus lorenzii* (Атлас …, 2020; Marova et al., 2021). Прежде кавказская пеночка часто рассматривалась как подвид теньковки в рамках большого политипического вида (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960).

Имя Ф.К. Лоренца кавказской пеночке первоначально присвоил Н.А. Северцов, сравнивший птицу, добытую Федором Карловичем 05.05.1884 **ст.ст.** у Кисловодска, с похожей сибирской *Ph. tristis.* Краткое же описание серии собранных на Кавказе птиц сделал М.А. Мензбир в книге Ф.К. Лоренца, в примечании к очерку о новом виде (Lorenz, 1887, S.28-29; 2011, с.24), который был назван автором *Phyllopneuste Lorenzii*, Severz. Тем не менее авторство первоописания нового вида формально закреплено за Ф.К. Лоренцом, в книге которого оно было впервые опубликовано (Белик, 2017г).

Мы считаем, что за названием данного вида должно быть закреплено авторство М.А. Мензбира, особенно учитывая то, что виды «в честь себя» не описывают, и это правило Ф.К. Лоренцу конечно же было известно. Подобный прецедент уже есть в таксономии, когда авторство описания *Aquila orientalis* Cabanis, 1854, приписано Жану-Луи Кабанису, который лишь предложил свое предварительное название еще неизвестному тогда виду орлов, сделав это в форме примечания к статье Ф.В. Бедекера (Bädeker, 1854).

Распространение. Гнездится на Большом и Малом Кавказе и в прилежащих районах Турции и Ирана. На Северном Кавказе птицы прослежены к западу до гор Лысая (1425 м н.у.м.) и Псеушхо (1100 м н.у.м.) – до последних субальпийских вершин Главного хребта у Туапсе в Краснодарском крае; встречаются они также на передовых хребтах южного макросклона (Ачишхо и Аибга), обычны на плато Лагонаки и далее на восток по всему Боковому хр. (Тильба, 2006, 2023; Тильба, Мнацеканов, 2008).

На Скалистом хр. эта пеночка найдена 19-20.07.2008 на высоте 1200 м н.у.м. на перевале в верховьях р. Кува к востоку от горы Баранаха, а восточнее Кубани она становится обычной (Белик, 2019а). На слабо облесенных северных склонах Скалистого хр. в районе Кисловодска, между Кубанью и Малкой, эта пеночка нередко спускается в нижнюю часть лесного пояса, встречаясь среди лугов по заболоченным лощинам, поросшим кустами ивы, а также на днищах ущелий Кумы, Подкумка, Эшкакона и др. Местами она проникает здесь и на Меловой (Джинальский) хребет, где 26.05.1885 **ст.ст.** на высоте около 1200 м

н.у.м. было найдено гнездо с 5 яйцами (Lorenz, 1887, 2011).

На Центральном Кавказе эти пеночки широко распространены по Главному и Боковому хр. и на вершинах Скалистого хр. (Л. Бёме, 1926; Бёме и др., 1930; Р. Бёме, 1958; Чунихин, 1962; Моламусов, 1967; Афонин, 1985; Марова, 1991, 2002; Комаров, Липкович, 2000; Комаров, 2006, 2013; Белик, 2016а; Белик, Аккиев, 2023). А в Дагестане они гнездятся в высокогорьях на Главном и примыкающих к нему других хребтах (Красовский, 1932; Насрулаев, 2006; Джамирзоев и др., 2018), но в сухом, известняковом Внутреннем Дагестане встречаются спорадично, преимущественно в сосняках на горных плато. В частности, они найдены нами 29.06.2021 на Алакском плато в Ботлихской котловине.

Зимует этот вид, очевидно, в Передней Азии, частично остается на зиму также на низменностях в Грузии и Азербайджане (Дементьев, Гладков, 1954). На пролете изредка встречается в предгорьях, где был добыт в мае у Владикавказа (Бёме, 1958).

Местообитания. Гнездится в основном в субальпийских высокогорьях, изредка поднимаясь в альпийский пояс и местами спускаясь в среднегорья. Наиболее характерна для травянистых березово-ивовых куртин по луговым лощинам и вдоль ручьев, а также для зарослей рододендрона, азалии или стелющегося можжевельника казацкого в субальпике, чередующихся с участками березового криволесья и луговых полян (Тильба и др., 1991; Белик, Аккиев, 2023). Пеночка обычна также в березовом, ольховом и буковом мелколесье и криволесье на верхней границе лесного пояса, а на Центральном Кавказе по березовым и сосновым лесам спускается в среднегорья вниз до днищ ущелий на Боковом хр. Встречается от 1000 до 2600 м, но наиболее обычна на высотах 2000-2100 м н.у.м. (Lorenz, 1887, 2011; Марова, 1991, 2002, 2014; Тильба, 1999; Белик, Аккиев, 2023). В районах значительной инверсии вертикальных поясов места обитания кавказской пеночки и теньковки соприкасаются, и там имеет место их редкая гибридизация (Чунихин, 1962; Марова, 1991, 2002). Гнездо в виде «шалашика» или плотного шара с боковым входом делает из сухой травы обычно на кустах у самой земли, реже на земле в траве.

Численность. В горах Кавказа более или менее обычна. В Европе популяция *Ph. sindianus* оценена в 82-320 тыс., а на Кавказе в России обитает 50-250 тыс. пар *Ph. lorenzii* (Белик, 2005б; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В настоящее время верхний предел ее численности здесь определен в 160 тыс. пар (Атлас …, 2020). В начале XXI в. на Западном Кавказе прослежено выраженное сокращение популяции (Белик и др., 2003). По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке насчитывают 2000-3000 пар, в Кавказском заповеднике –

1500-2000, в Тебердинском – 1700-3500, в Кабардино-Балкарском – 250-1000 и Северо-Осетинском – 250-500 пар, в нац. парке «Приэльбрусье» – 1000-2500 и нац. парке «Алания» – 500-1000 пар (Джамирзоев и др., 2017), а всего на этих ООПТ Северного Кавказа обитает около 7,2-13,5 тыс. пар.

Обилие этой пеночки в березовом криволесье на Западном Кавказе достигает 70, в зарослях рододендрона – 85, в куртинах берез среди пихтарников – 33, в буковом криволесье – 6,2 и на субальпийских лугах – 8,3 ос./км^2 (Тильба и др., 1991). Там же в буковом криволесье в субальпике учитывали 21-34 ос./км^2, а на субальпийских лугах – 6-14 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике обилие птиц в субальпике колебалось от 100 до 500 ос./км^2, но в 2007–2008 гг. оно снизилось там до 50–175 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002; Караваев и др., 2015). В горах Кабардино-Балкарии максимальную численность отмечали в субальпийских березовых лесах и криволесье (127 ос./км^2), высокое обилие птиц наблюдали в сосновых лесах (105 ос./км^2), а в мелколиственных лесах учтено всего 66 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии в березовом криволесье учитывали 124, а среди родоретов – 79 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

– Пеночка светлобрюхая *Phylloscopus bonelli* (Vieillot, 1829)

Характер пребывания. Ошибочно указана для фауны Северного Кавказа (Гуртовая, 2002; Коблик и др., 2006, с.206). Решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии этот вид исключен из фауны Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Прежде рассматривалась в составе 2 подвидов: западного *Ph. b. bonelli* и восточного *Ph. b. orientalis* (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003). В настоящее время этим формам нередко придают видовой статус (Tsvey, 2011; Коблик, Архипов, 2014; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в Средиземноморье от Пиренеев и Малой Африки до Леванта. На Балканах, в Малой Азии и Леванте распространена более крупная и светлая восточная форма *Ph.* (*bonelli*) *orientalis*, которую наблюдали 27.06.1990 в ущелье Терека близ с. Казбеги в Грузии (Liebers et al., 1994; Коблик, Архипов, 2014). Она может встречаться также в Крыму (Степанян, 2003), но добытые там экземпляры не сохранились, и к восточному подвиду их относят предположительно (Дементьев, Гладков, 1954; Аппак, 2001; Костин, 2020).

Возможность встреч этой пеночки в Закавказье допускали еще в XIX в. (Мензбир, 1895; Сатунин, 1911; Сатунин и др., 1913). Указание же о находке светлобрюхих пеночек на Северном Кавказе (Гуртовая, 2002) обусловлено технической опечаткой. Эти сведения относятся к 4 молодым желтобрюхим пеночкам, окольцованным в июле 1990 г. на плато Лагонаки в Краснодарском крае (Кукиш, Музаев, 1993; Коблик и др., 2006; С.П. Харитонов, личн. сообщ.).

Местообитания. Гнездится обычно в сухих лиственных, смешанных и хвойных лесах в предгорных и горных ландшафтах Средиземноморья на высоте до 2000 м.

Численность. В Европе обитает 2,1-2,9 млн. пар *Ph. b. bonelli*, увеличивающих сейчас свою численность, и 27-96 тыс. пар *Ph. b. orientalis* (European birds …, 2017).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

336. Пеночка-трещотка *Phylloscopus sibilatrix* (Bechstein, 1793)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейна Дона и Западного Кавказа, в остальных регионах Южной России изредка отмечается на пролете (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Алтая, а также в Крыму и на Западном Кавказе (Степанян, 2003). Европейская популяция в бассейне Дона постепенно расселяется к югу, но птицы на юге России распространены спорадично, и южные границы ареала прослежены нечетко.

На Среднем Дону в Ростовской обл. певшая трещотка впервые встречена в июне 1963 г. в дубраве близ стан. Казанской (Петров, 1965). К концу XX в. эти птицы довольно широко расселились по аренным борам, а местами и по байрачным лесам в районах стан. Казанской и Вешенской (Белик, 2005а). Они появились также в борах на террасах Сев. Донца и ряда его левых притоков (The EBCC Atlas …, 1997), отмечались даже в низовьях Сев. Донца, но на Нижнем Дону их гнездование пока не подтверждено (Белик, 1999а, 2000а; Белик и др., 2001).

В начале XXI в. трещотки продолжили расселение на юг. Они были найдены на гнездовье на Среднем Дону, в верховьях р. Калитва и по ее притокам, на Сев. Донце, а также в верховьях р. Миус на Донецком

кряже у с. Куйбышево; наконец в 2022 г. гнездо одиночной пары обнаружено в Ленинском лесхозе на юге Азовского р-на в Западном Предкавказье (Забашта, 2023).

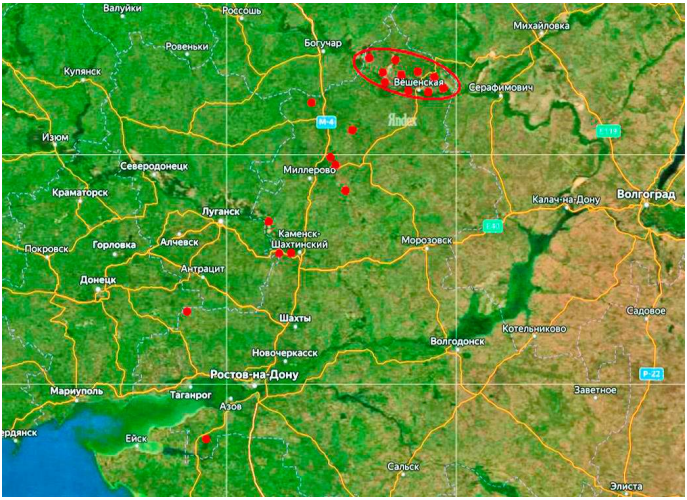

Рис. 29. Распространение трещотки в Ростовской обл. в начале XXI в. (по: Забашта, 2023)

В Волгоградской обл. в XX в. трещотка встречалась только на пролете (Лорец, 1928; Динесман, 1955; Линдеман, 1971; Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а), и лишь в начале XXI в. она была указана как гнездящийся вид (Чернобай, 2004). Но в старых байрачных дубняках на правобережье Хопра против стан. Слащевской трещотка найдена еще 25.07.1982 (Белик, 2005а). Кроме того, певшие и тревожившиеся птицы наблюдались 10.06.2008 и 11.06.2008 в сосняках на песках по р. Медведица выше г. Михайловка и у пос. Даниловка (Белик, Гугуева, 2021). В июне 2011 г. певшие трещотки дважды встречены нами также в пойменных дубравах по Хопру в Алексеевском и Урюпинском р-нах. А в 2016-2018 гг. они оказались даже субдоминантами в птичьем населении пойменных лесов на Среднем Дону, Хопре и Бузулуке (Гудина, 2019). На Хопре у г. Балашова в Саратовской обл. в 1985 г. эти птицы были довольно обычны в сосняках и изредка встречалась в пойменных дубняках и других лесах, для которых трещотка в общем не характерна (Белик, 2002).

В Воронежской обл. этот вид обычен и гнездится по всей территории (Нумеров, 1996; Нумеров и др., 2021), а в Саратовской обл. трещотка распространена в северных и западных районах на правобережье

Волги, проникая по долинам рек почти до границ Волгоградской обл. (Завьялов и др., 2011).

На Западном Кавказе гнездится в предгорных и горных лесах от полуострова Абрау у Анапы к востоку до р. Мзымта, хр. Аибга на южном макросклоне и Тебердинского заповедника на северном макросклоне (Аверин, Насимович, 1938; Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Ткаченко, 1966; Тильба, Казаков, 1985а; Тильба, 2006; Белик, 2013в, 2020а; и др.). Восточнее – в Кабардино-Балкарии, в районе оз. Рица и в Пицунде трещотка уже не найдена (Моламусов, 1967; Тильба, Маландзия, 2005; Белик, 2015а). Указания о гнездовании в Дагестане (Джамирзоев, 2000; Джамирзоев, Букреев, 2009) связаны с некорректным цитированием сведений из работы И.Б. Волчанецкого (1973).

Северная граница ареала на Кавказе проходит в лесистых предгорьях по линии г. Абинск – Горячий Ключ – Майкоп – Псебай (Волчанецкий и др., 1962; Перевозов, 2014; Очаповский, 2017). Кроме того, обособленная популяция обитает в лесах на Ставропольской возв. (Лиховид, 1977; Костенко, 2012).

Зимует в Африке. Миграции, идущие по ночам, на юге России выражены очень слабо. Пролетные птицы поют редко, скрытны и малозаметны. На Джаныбекском стационаре в Приэльтонье осенью 2003 и 2004 гг. при специальных исследованиях было отловлено всего 10 трещоток, а во второй половине мая 2005 г. они не встречены там вовсе (Чернецов и др., 2010). В дельте Волги эта пеночка считается очень редким пролетным или залетным видом (Виноградов и др., 1981; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015). В Дагестане трещотка была добыта лишь однажды в сентябре 1871 г. в дельте Терека, вероятно у с. Тарумовка, где автор охотился на кабанов (Богданов, 1879). В Кабардино-Балкарии добыты всего 2 пролетные птицы 09.05.1953 на равнине и 28.08.1960 на Скалистом хр. (Моламусов, 1967). Практически не отмечается пролет и на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2001, 2006; Белик, 2015а).

Местообитания. В бассейне Дона обитает преимущественно в сосновых борах, а также в старых байрачных и пойменных лиственных лесах. В горах Западного Кавказа гнездится обычно в старых, разреженных лиственных и хвойных лесах, лишенных густого подлеска (Тильба, Казаков, 1985а). Гнездо – характерный для пеночек «шалашик» вьёт на земле среди травы и сухой листвы.

Численность. На юге России немногочисленна или редка. В Европе численность оценена в 7,1-11,1 млн., а в Европейской России – в 8-12 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 50-150 тыс. пар, в том числе около 500 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. в бассейне

Дона отмечался рост численности, а на Западном Кавказе – ее сокращение (Белик и др., 2003). По экспертным оценкам, в заповеднике «Утриш» гнездится 100-250 пар, в Сочинском нац. парке – 200-300, в Кавказском заповеднике – 500-1000, а в Тебердинском – всего 5-10 пар (Джамирзоев и др., 2017).

Обилие птиц в степном Придонье в конце XX в. составляло в среднем 1,2 пар/км^2 в байрачных и 2,4 пар/км^2 в аренных лесах, а в поймах рек они были редки (Белик, 2000а). В начале же XXI в. в пойменных лесах бассейна Среднего Дона учитывали уже до 5,0-7,5 пар/10 га (Гудина, 2019). На Западном Кавказе в низкогорных широколиственных лесах было 7-31 ос./км^2, а в среднегорьях – лишь 1-3 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В лиственных лесах в долине Теберды обилие не превышает 4 ос./км^2 (Поливанов, 2000; Караваев и др., 2015). В лесах на Ставропольской возв. обилие трещотки увеличилось в течение 1970-х - 2000-х годов с 0,4-1,0 до 1,2-5,1, в среднем с 0,7 до 3,4 пары/км^2 (Костенко, 2012).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

– Пеночка-таловка *Phylloscopus borealis* (J.H. Blasius, 1858)

Характер пребывания. Встреча залетной птицы ошибочно указана для Ростовской обл. (Йерке, 1995; Белик, 2000а; Белик и др., 2006). Решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии таловка исключена из фауны Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель северотаёжного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1978, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Включает 2-5 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014). На севере Европы и Сибири распространен номинативный подвид, охватывающий большую часть ареала.

Распространение. Гнездится в основном в таежной зоне Евразии от Скандинавии до Чукотки и Аляски, а зимует в Юго-Восточной Азии (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003). Для Южной России указаны 2 встречи залетных птиц 01 и 12.05.1987 в пойме Дона чуть выше Ростова (Йерке, 1995). Эти сведения были упомянуты также в сводке по Ростовской обл. (Белик, 2000а). Позже автор в личной переписке признал вероятность своей ошибки в визуальном определении встреченных птиц, о чем косвенно свидетельствуют и приведенные выше даты встреч, весьма ранние для весенней миграции этого вида. Но залетные таловки регулярно отмечаются в Западной Европе к юго-западу от гнездового ареала (Дементьев, Гладков, 1954; Snow, Perrins,

1998; и др.) и могут встречаться в Южной России.

Местообитания. Гнездится в смешанных и лиственных лесах, в редколесьях с кустарниками, часто в ивняках по поймам рек (Дементьев, Гладков, 1954; Рябицев, 2001).

Численность. В Европе популяцию оценивали в 3,7-7,0 млн., но в Европейской России она достигает 4,5-8,0 млн. пар, демонстрируя сейчас увеличение численности (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России возможны случайные залеты единичных птиц.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

337. Пеночка зеленая *Phylloscopus trochiloides* (Sundevall, 1837)

Характер пребывания. Вероятно гнездящийся, перелетный вид бассейна Среднего и Верхнего Дона, изредка залетающий в степные регионы Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель субтропического фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики, сравнительно недавно расселившийся в Восточную Сибирь из Гималаев через Маньчжурию, а в Европу – через горы Средней Азии и Западную Сибирь (Белик, 2013а; Alcaide et al., 2014).

Таксономия. Включает 4-5 подвидов. Прежде в этот же вид включали также кавказско-копетдагскую *Ph. nitidus* (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960). А восточносибирская форма *Ph. t. plumbeitarsus* сейчас иногда тоже выделяется в самостоятельный вид (Dickinson, Christidis, 2014). В средней полосе Европы распространена форма *Ph. t. viridanus* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006), которая частично мигрирует через юг России.

Распространение. Гнездится в лесном поясе Евразии от Балтики до Тихого океана, а также в горах Средней Азии, Гималаев и Китая. В течение XIX-XX вв. в Восточной Европе наблюдали расселение этой пеночки, идущее на запад нарастающими инвазиями-волнами (Птушенко, Иноземцев, 1968; Мальчевский, Пукинский, 1983; Паевский, 2004; Атлас …, 2020; и др.). Одновременно ее ареал расширяется и к югу, достигнув к настоящему времени Харьковской, Воронежской и Саратовской обл. (Огнев, Воробьев, 1923; Нумеров, 1996; Надточий, 1999; Завьялов и др., 2011; Нумеров и др., 2021), но достоверных сведений о гнездовании зеленой пеночки в границах Южной России пока нет.

Для Ростовской обл. ее гнездование указывал еще А.В. Лерхе (1940), не приводя, однако, никаких фактических данных. Впервые в гнездовой обстановке эти птицы встречены 03.07.1994 на крутых, овражистых

склонах коренного берега долины Среднего Дона в устье балки Рубежной на границе Ростовской и Воронежской обл., где в дубовом мелколесье наблюдали самца, кормившего, по-видимому, 1-2 слётков и изредка пробовавшего петь (Белик, 1996а, 1999б, 2005а). Еще 1 пара кормила птенцов 24-25.06.2013 на правом берегу Дона у с. Кулаковка Россошанского р-на Воронежской обл. в 80 км северо-западнее места предыдущей встречи (Соколов, Химин, 2013; А.Ю. Соколов, личн. сообщ.).

Одиночных певших самцов несколько раз встречали также в разных районах Ростовской обл.: 26.05.1975 в садах Ростова; 18.05.1994 на Доно-Цимлянских песках; 29.05.97 в байрачном лесу у хут. Крымский в Усть-Донецком р-не, но это были, очевидно, остановившиеся на отдых пролетные птицы (Белик, 1992а, 1996а; Белик и др., 2001). Несомненно, пролетных зеленых пеночек отмечали на Доно-Цимлянских песках и в октябре 2005 г. (Забашта, 2006).

В Волгоградской обл. зеленую пеночку прежде встречали лишь на миграциях (Кубанцев, Чернобай, 1982), но позже она была указана как очень редкий, вероятно гнездящийся вид, пение которого отметили 12.08.1978 в г. Камышине (Чернобай, 2004; О.В. Бородин, личн. сообщ.). Этих пеночек неоднократно наблюдали также 06-14.05.2003 в окрестностях с. Щербаковка Камышинского р-на (Завьялов и др., 2011). В Заволжье у с. Валуевка на р. Еруслан в лесопосадках у каналов пролет зеленых пеночек отмечали 13-27.05.1950, учитывая там по 8-10 певших птиц в день (Юдин, 1952), а 24 и 25.05.1968 единичных птиц встречали также в Приэльтонье в искусственных насаждениях у Джаныбека (Линдеман, 1971). Еще 1 зеленую пеночку наблюдали 14.05.2015 в лесопосадках у пос. Эльтон (Белик и др., в печати).

В Астраханской обл. певший самец встречен 22.05.2012 в зарослях тамарикса у оз. Баскунчак (Белик, 2013е). В дельте Волги певших птиц отмечали весной в начале XX в. (Хлебников, 1928). Весенний пролет наблюдали там также во второй половине мая 1931 г., причем иногда отмечали сразу до 3 певших птиц (Воробьев, 1936). Позже 3 пеночки встречены там 29.04.1985, а с 22 по 29.04.1987 эти птицы были в дельте довольно обычны (Реуцкий, 2015). В Калмыкии единственную пролетную птицу наблюдали 14.05.2000 в саду пос. Ачинеры (П.В. Квартальнов, личн. сообщ.), а в Ставропольском крае в камышах у оз. Дадынского в долине Восточного Маныча 2 зеленых пеночек наблюдали 27.05.1987 (Хохлов, 1991).

Прежние указания о встречах *Ph. trochiloides* в Краснодарском крае признаны невалидными, поскольку достоверные сведения о регистрации

европейских популяций этого вида здесь отсутствуют, а местная, кавказская форма *nitidus* сейчас изменила свой таксономический статус (Тильба, 2004; Работа …, 2005).

Зимует зеленая пеночка на юго-востоке Азии, и ее сезонные миграции на юге России практически не выражены. Более обычны мигранты лишь на востоке – в Поволжье и Заволжье, где регулярно отмечают вероятно кочующих холостых самцов, составляющих значительную долю в популяциях зеленой пеночки (Дементьев, Гладков, 1954). В Западном Казахстане с середины мая до начала июня идет их выраженный пролет (Гаврилов и др., 1968), а на Украине и в Западной Европе изредка встречают лишь залетных птиц (Дементьев, Гладков, 1954; Snow, Perrins, 1998).

Местообитания. Гнездится обычно в мозаичных смешанных лесах, где предпочитает многоярусные, захламленные участки с изрезанным рельефом, с обрывами и оврагами, с вывороченными деревьями, с небольшими полянами и «окнами» в древесном пологе. Гнездо-«шалашик» делает на земле в траве, иногда среди корней в различных обрывах, а также на кустах.

Численность. В Европе обитает 14,0-18,6 млн., а в Европейской России – 14,0-18,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность ориентировочно оценивали в 1-10 пар (Белик, 2000а, 2005б). В Воронежской обл. предполагается гнездование 50-90 пар (Нумеров и др., 2021). В Саратовской обл. в лесах по долине р. Медведица учитывали 6,3-8,5 ос./км^2 (Завьялов и др., 2011). На юге России отмечаются редкие кочующие птицы, идентифицируемые весной обычно по пению. На Кавказе эта птица может оставаться незамеченной из-за большого внешнего сходства с желтобрюхой пеночкой, имеющей также похожее пение и позывки.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

338. Пеночка желтобрюхая *Phylloscopus nitidus* Blyth, 1843

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид горнолесных районов всего Большого Кавказа от Краснодарского края до Дагестана (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Как вид, филогенетически близкий к зеленой пеночке, эта пеночка условно отнесена к субтропическому фаунистическому комплексу Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). Прежде считался подвидом зеленой пеночки (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960).

Распространение. Гнездится на Большом и Малом Кавказе, на Понтийском хр. в Турции, на Эльбурсе, Копетдаге и в Афганистане (Степанян, 2003). На юге России распространена в горных лесах Кавказа от полуострова Абрау у Анапы до краевых хребтов Дагестана, однако в аридных котловинах Внутреннего Дагестана не гнездится (Бёме, 1933; Белик, Насрулаев, 2019).

Заселяет все горные поднятия, включая Меловой (Лесистый) хребет к северу до Кисловодска (Lorenz, 1887, 2011; Bier u.a., 1975; Белик, 2019а), но на Черноморском побережье Кавказа в сухих лесах низкогорий встречается только в августе на кочевках, когда еще продолжается пение птиц (Тильба, 2006; Перевозов, 2014; Белик, 2015а; Белик и др., 2017). Не гнездится также в лесах предгорий и у подножий хребтов на северном макросклоне, а в поймах горных рек появляется обычно лишь на некотором удалении от устьев ущелий. Нет этой пеночки и на Ставропольской возв. (Хохлов, 1991, 1993; Костенко, 2012). Сведения же о ее гнездовании и пении в июне у стан. Шелковской в низовьях Терека (Бёме, 1929; Дементьев, Гладков, 1954) относятся, несомненно, к пролетным, возможно – северным зеленым пеночкам.

Западный Кавказ эта пеночка заселила, по-видимому, во второй половине XX в. В 1930-е годы она отмечалась к западу лишь до Туапсе, а в 1958 г. найдена на р. Пшада и у Геленджика, но на Абрауском полуострове в 1955-1957 гг. еще отсутствовала (Курдова, 1958; Волчанецкий и др., 1962). Ее появление на Абрау отмечено в 1980-е годы (Иноземцев, 1991), а сейчас она уже регулярно встречается там в горных лесах (Сара, 2007; Белик, 2013в; Мнацеканов, Тильба, 2015).

Зимует эта пеночка в Индостане, но в небольшом числе встречается зимой в Грузии (Вильконский, 1897), а отдельные птицы задерживаются до декабря на приморских низменностях у Адлера и даже в низовьях Кубани (Тильба, 2001; Очаповский, 2017). На миграциях они изредка залетают в Предкавказье, где отмечались в мае 1955 г. у Ставрополя* и 02.05.1972 в низовьях Кумы в Левокумском р-не, а в сентябре 1984 и 1988 гг. – в Буденновском и Левокумском р-нах Ставропольского края (Хохлов, 1991; Белик, Олейников, 1996; Казаков, 2022). Однако в природе желтобрюхая пеночка визуально и по голосу практически неотличима от зеленой, которая в степной зоне на юге России тоже изредка отмечается на миграциях, поэтому все встречи этих птиц в степях Предкавказья требуют более четкой идентификации.

Местообитания. Распространена в различных типах многоярусных лист-

* Птицу добыл А.С. Будниченко и передал ее в Зоомузей МГУ, где она была определена Е.А. Кобликом (личн. сообщ.).

венных, смешанных и хвойных лесов в горах по всему Кавказу, поднимаясь вверх до субальпики, в Кабардино-Балкарии – до 2100 м н.у.м. (Белик, Аккиев, 2023), но практически не спускается в предгорья. Предпочитает влажные, мозаичные, захламленные леса. Гнездо-«шалашик» делает на земле в траве, иногда в укрытиях среди корней на небольших обрывах, а также на кустах.

Численность. На Кавказе обычна, местами многочисленна. В Европе обитает 0,4-1,1 млн. пар, а на Кавказе в России– 300-800 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В начале XXI в. на Западном Кавказе прослеживалось сокращение численности (Белик и др., 2003).

Обилие птиц в широколиственных низкогорных лесах Западного Кавказа колеблется в разных условиях от 9 до 61 ос./км^2, в среднегорных буково-пихтовых лесах составляет 31-79 ос./км^2, а в высокогорьях в буковом криволесье обитает 15-77 ос./км^2 и до 1-4 ос./км^2 встречается на субальпийских лугах (Перевозов, 2010). По другим данным, здесь в среднегорных лесах учитывали 27-59 ос./км^2, а в березовом и буковом криволесье в высокогорьях – 5-16 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985).

В лиственных лесах на Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии обилие составляет 164-231 ос./км^2, а в пойме р. Кяфар в Северо-Юрской депрессии – 251-500 ос./км^2 (Караваев, 2000). В Тебердинском заповеднике в сосняках учитывали в среднем лишь 33, в темнохвойных лесах – 93, в хвойно-лиственных – 121-281, а в долинных лиственных лесах – 180-241 ос./км^2 (Поливанов, 2000). В 2007-2008 гг. в лесах выше Домбая обилие составляло 89-94, а ниже, у г. Теберда, – 127-212 ос./км^2 (Караваев и др., 2015).

В Кабардино-Балкарии, по учетам П.В. Афонина (1985), максимальное обилие отмечено, наоборот, в сосновых лесах (169 ос./км^2), в мелколиственных лесах было всего 69 ос./км^2, а в субальпийских березняках – 50 ос./км^2, тогда как в широколиственных лесах на северных склонах Скалистого хр. этих пеночек было в общем заметно меньше (12-66 ос./км^2). А в Северной Осетии в сосняках учтено 6-65, в буковых лесах – 28-44, в мелколиственных среднегорных лесах – 240, в березовом криволесье – 184, наконец, в пойменных ольшаниках горных рек – 10-30 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

339. Пеночка-зарничка *Phylloscopus inornatus* (Blyth, 1842)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Волгоградской и Астраханской обл. (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель бореомонтанного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Ранее в этот вид включали 3 подвида (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006), но сейчас зарничка рассматривается обычно как монотипический вид, а птиц, обитающих в горах Средней Азии и Китая, выделяют в отдельный вид *Ph. humei* (Коблик, Архипов, 2014; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится на севере Азии от Анадыря, Охотского и Японского моря до Урала, откуда слегка заходит на север Европы (Дементьев, Гладков, 1954; Атлас …, 2020). На юге России известно несколько встреч залетных птиц. Впервые зарничка была добыта осенью в Красноярском уезде Астраханской обл. на восточной окраине дельты Волги (Хлебников, 1928, 1930; Реуцкий, 2015). Осенью 2004 г. две зарнички пойманы в лесонасаждениях Джаныбекского стационара в Приэльтонье, в том числе 25.08. – молодая птица и 20.09. – по-видимому взрослая особь (Быков и др., 2009; Чернецов и др., 2010; Белик и др., в печати). Две зарнички добыты 27.10.1990 и 22.10.2007 также в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2011), а еще 2 птиц добыли 07.10.1973 и 25.10.1973 в Казахстане в низовьях р. Урал (Губин и др., 1977). Похожая пеночка была сфотографирована О. Набровенковым 09.01.2023 в кустарниках в устье р. Мзымта в Адлере (сайт: www.erbirds.ru).

Зимуют эти птицы на юго-востоке Азии, но регулярно залетают в разные регионы Европы (Дементьев, Гладков, 1954; Snow, Perrins, 1998; Паевский, 2011; и др.). При этом на северо-западе России они появляются обычно лишь в конце сентября - октябре, поэтому августовская встреча зарнички в Приэльтонье оказалась необычайно ранней (Н.С. Чернецов, личн. сообщ.).

Местообитания. Гнездится в различных равнинных и горных лесах и редколесьях с густым подлеском, избегая лишь густых темнохвойных лесов и совершенно открытых стаций (Атлас …, 2020).

Численность. В Сибири это обычный и многочисленный вид, но на границе ареала на севере Европы зарничка сравнительно редка. Популяцию Европейской России в начале XXI в. оценивали в 5-35 тыс., а позже – в 0,7-1,1 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017). В целом же для Европы приводят 5-20 тыс. пар (European birds …, 2017), но по последним оценкам численность зарнички, обитающей на северо-востоке Европы, может достигать 9-90 тыс. пар (Атлас …, 2020). На юге России возможны встречи единичных залетных птиц.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

340. Пеночка корольковая *Phylloscopus proregulus* (Pallas, 1811)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Краснодарского края (Голубева, Моисейкин, 2016; Тильба, Филиппов, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Прежде этот вид объединял 3-4 подвида (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003). В настоящее время корольковая пеночка рассматривается как монотипический вид (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Восточная Азия от долины Оби до Приамурья и Маньчжурии. Зимует эта пеночка на юго-востоке Азии, но ее залеты регулярно отмечали в разных регионах Европы (Дементьев, Гладков, 1954; Snow, Perrins, 1998; Паевский, 2011; и др.). На юге России 05.11.2016 зарегистрирован первый случай залета в Туапсинском р-не Краснодарского края, где птицу сфотографировали у с. Небуг в смешанном лесу с преобладанием хвойных пород (Голубева, Моисейкин, 2016). Еще одна и та же птица наблюдалась 09, 12 и 17.01.2023 в кустарниках в устье р. Мзымта в Адлере (Тильба, Филиппов, 2022).

Местообитания. Гнездится преимущественно в таежных лесах с обильным подлеском, которые произрастают на склонах гор от днищ ущелий до верхней границы лесного пояса.

Численность. Обычна и многочисленна в характерных стациях, особенно в более южных горах Сибири (Дементьев, Гладков, 1954).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

Семейство **Корольковые** Regulidae

341. Королек желтоголовый *Regulus regulus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся вид, кочующий в зимний период горных лесов всего Северного Кавказа от Краснодарского края до Дагестана и зимующий во всех степных регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Включает, по разным данным, от 11 до 15 подвидов, обитающих большей частью на островах и в изолированных районах Евразии (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В лесах Европы и Сибири распространен номинативный подвид, а относительно кавказских популяций мнения расходятся. Одни специалисты считают, что здесь тоже гнездится номинативная форма (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003), по

мнению других, в горах Кавказа и Крыма обитает *R. r. hyrcanus* (Портенко, 1960), третьи рассматривают последнюю форму эндемиком Северного Ирана, а для Кавказа, Крыма и Малой Азии указывают *R. r. buturlini* (Dickinson, Christidis, 2014). Наконец, предполагается, что на Западном Кавказе может гнездиться особая раса, отличающаяся от *R. r. buturlini* (Коблик и др., 2006), что требует дополнительных исследований и сборов коллекционного материала.

Распространение. Гнездится в горно-таежных и зональных таежных лесах Евразии от Пиренеев и Скандинавии до Приморья и Японии, Гималаев и Китая. На юге России обычен в темнохвойных лесах Кавказа к западу до Туапсинского и Горячеключевского р-нов, а также до сосняков на горе Собербаш у стан. Крепостной Северского р-на (Волчанецкий и др., 1962). Изредка гнездится также в горных сосняках на Центральном и Восточном Кавказе, включая Дагестан (Россиков, 1890, с.253; Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Волчанецкий, 1973; Комаров, 2006, 2013; Букреев и др., 2007; и др.). Зимой птицы кочуют по всему лесному поясу, уже в октябре спускаясь в предгорья и к Черноморскому побережью. К местам гнездования они откочевывают обычно к концу марта, но иногда задерживаются в предгорьях у Сочи до середины мая и даже до начала июня (Тильба, 2006).

В бассейнах Дона и Волги, а также в степном Предкавказье корольки появляются на пролете и кочевках осенью, иногда уже в сентябре, но чаще в октябре или ноябре; зимой они встречаются здесь редко, а затем весной вновь изредка отмечаются до конца марта - начала мая (Хохлов, Параушкин, 2004). Эти кочевки нерегулярны: в некоторые годы корольки редки, но иногда появляются в очень большом числе, наводняя приморские хутора и особенно тростники у берега Азовского моря (Очаповский, 2017).

Местообитания. Широко распространен в темнохвойных лесах Западного Кавказа, реже встречается в сосняках Центрального и Восточного Кавказа. На гнездовании характерен для хвойных лесов, которые покидает только осенью и зимой, кочуя в различных лесонасаждениях и кустарниках. На кочевках изредка встречается также в безлесных степных регионах, иногда появляется в городских садах и парках, в тростниках у водоёмов и др. В лесах на Черноморском побережье Кавказа в зимний период предпочитает кормиться, в отличие от красноголового королька, в кронах деревьев (Бёме, Степанян, 1974). Гнёзда делает в виде глубокой, округлой толстой чашечки из мха, лишайников и растительного пуха, размещая их обычно высоко над землей на концах ветвей среди хвои.

Численность. В темнохвойных лесах Западного Кавказа обычен, в

сосняках на Центральном Кавказе малочислен или редок (Тильба, 2006; Моламусов, 1967; Белик, Аккиев, 2023). В Европе обитает 20-37 млн., а в Европейской России – 10-17 млн. пар, снижающих численность (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Кавказская популяция относительно стабильна, насчитывая в России 50-150 тыс. пар (Белик и др., 2003; Белик, 2005б, 2014). По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке гнездится 1,5-2,0 тыс. пар, в Кавказском заповеднике – 10-15 тыс. пар, в Тебердинском – 4-7 тыс. пар; в Кабардино-Балкарском – 50-100 пар и в Северо-Осетинском – 120-150 пар (Джамирзоев и др., 2017).

Обилие корольков в среднегорных буково-пихтовых лесах Западного Кавказа составляет 32,2-55,5 и 11,5-71,0 ос./км^2 соответственно в бассейнах р. Белая и р. Малая Лаба на северном макросклоне и 1,5-6,5 ос./км^2 – в бассейне р. Шахе на южном макросклоне, а в высокогорных сосняках учтено 6,7 ос./км^2 (Перевозов, 2010). По другим данным, здесь же в среднегорных буково-пихтовых лесах гнездилось 46,2 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). В Тебердинском заповеднике обилие в темнохвойных лесах составляет в среднем 160 ос./км^2, а в сосновых – 50-60 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002). В сосняках Кабардино-Балкарии на Центральном Кавказе учитывали 7 ос./км^2 (Афонин, 1985), а для сосняков ур. Башиль в верховьях Чегема приводят 2 ос./км^2, для ущелья р. Рцывашки – 0,8 ос./км^2 и для ущелья р. Думала – 0,5 ос./км^2 (Джамирзоев и др., 2014), хотя ни по Рцывашки, ни по Думале сосновых лесов, по нашим наблюдениям, практически нет. В нац. парке «Алания» в сосняках Караугомского ущелья гнездится 12,1 пар/км^2, а в Сонгутидонском ущелье – 6,7 пар/км^2 (Комаров, 2013).

Охранный статус. Включен в Красные книги Кабардино-Балкарии (2 категория) и Ингушетии (3 категория). В остальных регионах Южной России особая охрана этого вида сейчас не предусмотрена. В организации специальной охраны королек, по-видимому, не нуждается и на Кавказе в целом (Белик, 2014).

342. Королек красноголовый *Regulus ignicapillus* (Temminck, 1820)

Характер пребывания. Гнездящийся вид горных лесов и Черноморского побережья Кавказа в Краснодарском крае и Абхазии, кочующий зимой в низкогорьях и изредка залетающий в степные регионы Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает, по разным данным, 4-6 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014), в том

числе сравнительно недавно описанного эндемика Западного Кавказа *R. i. caucasicus* (Степанян, 1998), а также эндемика Крыма *R. i. tauricus* (Редькин, 2001, 2003; Архипов и др., 2004).

Распространение. Гнездится в Западной Европе от Пиренеев и Балкан до Прибалтики, на островах Средиземноморья, а также в Малой Африке, Малой Азии и на Западном Кавказе. На Кавказе впервые найден в конце XIX в. на западе Грузии, где вплоть до середины XX в. встречи этих птиц рассматривались как залеты или возможное гнездование (Мензбир, 1895; Вильконский, 1897; Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960). Затем красноголовые королькы были добыты также зимой (14.02.1914 и 18.01.1915 **ст.ст**.) в окрестностях Аше и Хосты в России (Кудашев, 1916; Портенко, 1960; Степанян, 1965).

В середине XX в. Л.С. Степанян (1965) установил регулярную зимовку этого королька на Черноморском побережье Кавказа в районе Сочи и предположил его гнездование в среднегорных пихтарниках, что вскоре было подтверждено находками размножающихся птиц в окрестностях Красной Поляны близ Адлера (Бёме, Степанян, 1974).

К настоящему времени на юге России гнездовья обнаружены только в Краснодарском крае на южном макросклоне Большого Кавказа в районе Сочи – Адлера (Бёме, Степанян, 1974; Тильба, 1996, 2006, 2007, 2020; Степанян, 1998; Перевозов, 2014). Летние встречи известны также в низовьях р. Шахе (Перевозов, 2010), а 22.06.2019 королькы найдены в трех местах в пихтарниках в верховьях р. Шапсухо близ с. Дефановка на западной границе Туапсинского р-на (Тильба, 2020а). В этом районе по пихтарникам они могут проникать и на северный макросклон, о чем свидетельствует встреча певшего красноголового королька 15.04.2022 в долине р. Малая Лаба ниже кордона Умпырь (А.Г. Перевозов, личн. сообщ.).

Гнездовья корольков найдены также в соседних районах Абхазии к востоку до Сухума (Маландзия, 1988; Белик, 2015а); их гнездование возможно и на западе Малого Кавказа (Степанян, 1998). Следует полагать, что распространение красноголового королька на Кавказе изучено пока крайне недостаточно (см.: Атлас …, 2020).

Летом на Кавказе птицы распространены в низкогорных субтропических лесах вдоль побережья Черного моря, а также в пихтовых и буково-пихтовых лесах в среднегорьях близ водоразделов Главного хребта к западу до 38°46′ в.д. Зимой эти королькы спускаются в низкогорья и кочуют в смешанных субтропических лесах по Черноморскому побережью к западу до Лазаревской - Аше - Геленджика (Вильконский, 1897; Кудашев, 1916; Степанян, 1965, 1981, 1998; Бёме, Степанян, 1974; Тильба, 1996, 2001, 2006, 2007; Белик, 2015а; сайт: www.erbirds.ru).

Рис. 30. Распространение красноголового королька на Западном Кавказе: черно-красные пуансоны – гнездовые находки; красные пуансоны – летние встречи

Кроме того, С.Н. Алфераки (1910) отмечал красноголового королька вместе с желтоголовым на осеннем пролете на юге Ростовской обл., не приводя, однако, конкретных данных. Очевидно, на основе указанных сведений зимовка этих двух видов корольков позже была указана для Восточного Приазовья (Миноранский, Харченко, 1967). Однажды 02.02.1964 залетная птица была добыта в пойменном лесу на Кубани в устье р. Белая в Адыгее (Очаповский, 1967, 2017), а в январе 1997 г. в лесополосе у г. Славянск-на-Кубани 2 красноголовых королька отмечены в стайке желтоголовых (Заболотный, Хохлов, 1997).

О редких зимних встречах красноголового королька у Сарепты (Волгограда) со слов В.И. Рикбейля упоминал М. Богданов (1871), сомневаясь, однако, в его показаниях. Позже В.Е. Яковлев (1872, 2015) указал этот вид для Сарепты уже без каких-либо примечаний. По сведениям К. Генке, красноголовый королек действительно был получен зимой из Сарепты (Seebohm, 1882). Об этой же находке упоминал и В.А. Хлебников (1890, 1928), не приводя каких-то дополнительных сведений. Но В.Н. Бостанжогло (1911) считал, что королек, добытый зимою под Сарептой, мог быть желтоголовым.

Для Дагестана красноголового королька указали Е.С. Равкин и др. (1990), которые зимой 1973 г. учли 4 ос./км^2 в лесах низовий Самура или Терека, но при этом не отметили там желтоголового королька, что допускает возможность ошибки в визуальном определении этих птиц.

Местообитания. Гнездится на Черноморском побережье Кавказа, заселяя низкогорные субтропические леса колхидского типа и насаждения

с вечнозелёными древесно-кустарниковыми породами (тис, самшит, лавровишня, туя, кипарисы, кедры, сосны и др.) до высоты 300-400 м н.у.м. После дизъюнкции в лиственных листопадных лесах среднегорий этот королек вновь появляется в нижнем поясе пихтарников на высоте 1100-1500 м н.у.м., но в вышележащих пихтовых лесах встречается уже только желтоголовый королек.

На западной границе ареала красноголовые корольки найдены в последних фрагментах смешанных буково-пихтовых лесов по северным склонам гор на высоте всего около 300 м н.у.м. (Бёме, Степанян, 1974; Тильба, 2020а). Зимой они держатся в основном в низкогорных широколиственных лесах с развитым подлеском из вечнозеленых кустарников и с деревьями, перевитыми лианами, а также в городских парках, где предпочитают густые кипарисы (Степанян, 1965, 1981; Тильба, 1996).

Гнездо в виде почти закрытого шара с летком у верхнего края птицы размещают в хвое или листве на концах ветвей, делая его из зеленого мха и сухих листьев папоротника и скрепляя их лубяными волокнами (Маландзия, 1988; Тильба, 1996; Перевозов, 2014).

Численность. В Европе обитает 4,2-7,1 млн. пар, а на Кавказе в России первоначально предполагалось гнездование всего 50-150-250 пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005б, 2014; European birds …, 2017). Позже численность в Краснодарском крае оценивали уже в 200-300; 300-500 и даже до 1000 пар (Тильба, 2007, 2020; Перевозов, Тильба, 2017), но судя по последним исследованиям П.А. Тильбы (2020а, личн. сообщ.), установившего регулярное гнездование красноголового королька в горных пихтарниках, его общая численность на юге России может составлять около 1,5-3,5 тыс. пар.

Популяция в Причерноморье сравнительно небольшая, но относительно стабильная (Тильба, 2007). Лишь в связи с массовой гибелью самшитников на Кавказе после зимней Олимпиады, проходившей в 2014 г. в Сочи (Дворецкая, 2014; Ширяева, 2015), возникла угроза сокращения численности этого королька (Белик, 2014). Однако дальнейшими исследованиями было выявлено ее восстановление и даже значительное увеличение в погибших самшитниках (Тильба, 2021).

В пихтарниках в бассейне р. Мзымта в апреле 1965 г. встречали 1 пару на 2-3 км маршрута (Бёме, Степанян, 1974). В 2015-2016 гг. на учетах в верховьях Мзымты обилие птиц составляло 7,5 ос./км^2, а в 2019 г. достигло 47,5 ос./км^2. В тисо-самшитовой роще у Сочи до появления самшитовой огнёвки обилие королька в период гнездования в 2010-2013 гг. составляло в среднем 13,3 ос./км^2, а после гибели самшитников (2014-2016 гг.) – 6,8 ос./км^2, но в 2019 г. оно увеличилось до 25,0, а в 2021 г. – до 42,5 ос./км^2. В широколиственных лесах в низовьях

р. Шахе летом учитывали 0,5 ос./км^2 (Тильба, 1994, 1996, 2019, 2020, 2021; Перевозов, 2010; Перевозов, Тильба, 2017).

Зимой в причерноморских лесах численность красноголового королька в самшитниках достигает 21 ос./км^2, а в лесах без самшита – около 7 ос./км^2 (Тильба, 1996). В Абхазии в предгорьях у Сухума летом встречаются в среднем 3-4 пары корольков на 1 км маршрута (Маландзия, 1988), а в старом кипарисовом парке близ г. Гудаута в июне 2013 г. держались 2-3 пары/3 га (Белик, 2015а).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Краснодарского края (3 категория). Сейчас необходима организация особой охраны этого вида на региональном уровне и проведение более тщательного мониторинга местной популяции (Белик, 2014).

Семейство **Мухоловковые** Muscicapidae

343. Мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca* (Pallas, 1864)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейна Дона к югу до Ростова, а также Среднего Поволжья; местами предполагается гнездование на Западном Кавказе. На пролете изредка, случайно отмечается в степных регионах и на Кавказе (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2013а).

Таксономия. Включает 3-4 подвида. В Европейской России обитает номинативная форма (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Западной Сибири. На юге России сравнительно недавно появилась в северных районах Ростовской обл., где впервые найдена на гнездовье в 1982 г. в районе стан. Вешенской, а в 1985 г. обнаружена в пойменном лесу в низовьях Сев. Донца в Усть-Донецком р-не. Расселение пеструшки по Сев. Донцу идет с северо-запада из Луганской обл., а вниз по Дону – с севера из Воронежской обл. (Северцов, 1855; Огнев, Воробьев, 1923; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Панченко, 1972, 1974; Белик, 1992а, 1999а, 2005а). В 1980-е годы пеструшка заселила также еще ряд лесных массивов в Миллеровском, Тарасовском и Красносулинском р-нах на севере Ростовской обл., а в 1994-1997 гг. птицы начали гнездиться уже в Ростове (Белик, 1992а; Сиденко, 2003б).

В Волгоградской обл. о гнездовании пеструшки в 50-70-е годы XX в. Е.И. Врублевскому не было известно (Белик и др., 2022а), а в 1980-е годы она уже гнездилась в пойме Хопра на северо-западе области и изредка

отмечалась в Камышинском р-не на правобережье Волги (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, Никитина, 1990). В начале XXI в. высказаны предположения о появлении птиц также в долине р. Еруслан в Заволжье на границе Волгоградской и Саратовской обл. (Завьялов и др., 2011; Белик и др., в печати). Однако нами в последние десятилетия пеструшка в Волгоградской обл. изредка отмечалась в основном на весенних миграциях и лишь дважды найдена в гнездовой обстановке: 10.06.2008 в сосняках Рахинского лесничества на р. Медведица в Михайловском р-не и 28.06.2011 в лесу на р. Бузулук ниже г. Новоаннинский.

Сведения о гнездовании пеструшки на Кавказе нередко были связаны с ошибками в определении внешне похожей полуошейниковой мухоловки. Так, А.Б. Кистяковский (1932) отмечал гнездование пеструшки в лесах в дельте Кубани, не приводя, однако, характерной для этого региона полуошейниковой мухоловки. Там же гнездование пеструшки указывал В.С. Очаповский (2017), встретивший в Красном лесу 13.08.1959 одну птицу, которая могла появиться там уже на миграциях. И.Б. Волчанецкий и др. (1962) встречали пеструшек в конце мая - начале июня 1958 г. в бассейне р. Афипс у стан. Крепостная и на Гойтхском перевале у горы Индюк, но добытых там птиц (см.: Девятко, Джамирзоев, 2012) позже А.М. Пекло (личн. сообщ.) переопределил как полуошейниковых мухоловок (Белик, 2022в).

В то же время в Карачаево-Черкесии на южной окраине г. Теберда нами в 2002 г. были обнаружены 2 пары пеструшек, гнездившихся в 30-40 м друг от друга в разреженных парковых ольшаниках с многочисленными дуплистыми деревьями. Самка одной из пар, по-видимому, начала яйцекладку и 07.06. подолгу сидела в дупле, тогда как самец периодически подлетал и заглядывал в него, а 10.06. был замечен другой самец, тоже заглядывавший иногда в соседнее дупло. Оба гнезда располагались в старых дуплах дятлов, сделанных у вершин высоких гнилых пней ольхи.

Самцы вокализировали у гнёзд сравнительно мало, особенно первый из них, но он периодически улетал за 50-100 м от своего дупла и пел на других участках, вероятно привлекая новых самок. Ещё один самец пел в 0,5 км от первых двух (Барабашин, Белик, 2002). Пеструшки были отмечены по пению 04.06. и однозначно определены нами сразу же в день приезда в Теберду. Их песни и позывки были абсолютно типичны для этого вида, хорошо знакомого нам по наблюдениям в средней полосе России, и чётко отличались от протяжных, минорных посвистов полуошейниковой мухоловки (Белик, 2020а).

Песни этих пеструшек, зафиксированные нами в дневнике, – это довольно

громкие, короткие трельки «*ци-кру – ци-кру –ци-кру – ци*» или «*крути-крути-крути-цри*», а позывки – короткие негромкие посвисты «*пик, пик, …*» или «*фик, фик*, …». Окраска двух самцов, державшихся у гнёзд, тоже соответствовала облику пеструшек, но один из них имел буроватую спину, а другой – ярко-чёрную, с небольшими белыми зашейками по бокам головы, чем напоминал полуошейниковую мухоловку. Эта особенность окраски, вероятно, и ввела в заблуждение В.М. Поливанова, который отстаивал своё мнение по поводу определения этих птиц (Поливанов, Поливанова, 1986). Позже не смог найти здесь пеструшек и А.А. Караваев, наблюдавший в Теберде только полуошейниковых мухоловок (Караваев и др., 2015, личн. сообщ.).

Зимуют пеструшки в Африке, однако их ночные миграции на юге России прослеживаются слабо. Птицы чаще наблюдаются весной и редко – осенью, но на Кавказе мигрантов могут принимать за похожих полуошейниковых мухоловок. На Кубани эта мухоловка была добыта 01.08.1909 (Моламусов, 1967); однажды 11.06.1929 погибшая птица найдена на полуострове Абрау (Пузанов, 1938); на Кубани этих птиц дважды отмечали в апреле 1953 и 1965 гг., а на Тамани их регистрировали 24.04.1964, 07.05.1990, 30.07.1998 и в середине мая 2005 г. (Лохман и др., 2005, 2006; Очаповский, 2017). На севере Дагестана мигрантов наблюдали 29.03.2012, 17.04.2014 и 16.05.2003 (Джамирзоев и др., 2014).

В Ростовской обл. первых пеструшек весной встречали в течение апреля (24.04.1977; 10.04.1987; 22.04.1989; 22.04.1991), а в Ростове – в конце апреля - начале мая (20.04.1994, 11.05.1995; 04.05.2000) (Белик, 1992а; Сиденко, 2003б); в дельте Волги они встречаются с середины апреля до конца мая, изредка до середины июня (10-15.06.1976, 26.04.1979, 15.05.1981, 17.04.1983, 25.05.1985, 25.05.1989, 19-24.04.1993, 30.04.1996); однажды залетный самец был добыт 17.06.1960 также в Восточном Приазовье (Реуцкий, 2015; Очаповский, 2017).

В Заволжье на р. Еруслан слабый весенний пролет отмечали с 21.04. по 21.05.1950, а на осенних миграциях пеструшек изредка наблюдали 01-20.09.1949 (Юдин, 1952). В Приэльтонье пеструшка обычна на миграциях с середины апреля до середины мая и изредка встречается в августе-сентябре (Динесман, 1955; Линдеман, 1971; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009). Там на Джаныбекском стационаре осенью 2003 и 2004 гг. отловили всего 13 птиц, а во второй половине мая 2005 г. они не встречены вовсе (Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Обитает в разных типах старых и средневозрастных разреженных лесов, особенно в сухих смешанных и сосновых насаж-

дениях с дуплистыми деревьями; нередко встречается в городских садах и парках. Гнездится в различных дуплах, занимая обычно старые постройки дятлов. Охотно заселяет скворечники.

Численность. В Европе обитает 12,5-19,4 млн., а в Европейской России – 9-13 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в начале XXI в. популяцию оценивали всего в 500-1500 пар, а в Ростовской обл. численность пеструшки в конце XX в. по материалам растрового картирования была рассчитана в 53 пары, и при этом прослежена четкая тенденция к ее росту в связи с расселением птиц на юг (Белик, 2000а, 2005б; Белик и др., 2003). Обилие пеструшки в дубравах и сосняках Воронежской обл. составляет 8-17 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021). В Саратовской обл. в долине Хопра учитывали от 0,9 ос./га до 5,9 пар/10 га, а в долине р. Медведица – 151,4 ос./км^2 (Завьялов и др., 2011).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

344. Мухоловка-белошейка *Ficedula albicollis* (Temminck, 1820)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейна Дона, проникший в Ростовскую и Волгоградскую обл. лишь во второй половине XX в., а сейчас заселяющий степное Предкавказье на севере Краснодарского и Ставропольского края (Белик, 2009; Белик и др., 2016; Костенко, 2017). Пролетные птицы на юге России встречаются очень редко, случайно.

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014). Ранее объединялся в один вид с полуошейниковой мухоловкой (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Европы от Франции до Южного Урала (Степанян, 2003). На юге России белошейка впервые отмечена на гнездовье в 1967 г. в пойме Сев. Донца (Бируля, 1971), куда расселилась, вероятно, из Луганской обл., где была весьма обычна уже в 1965-1966 гг. (Панченко, 1972). Но в низовьях Сев. Донца в начале 1960-х годов белошеек еще не было (Петров, 1963). Лишь в 1977 г. они оказались довольно обычны в старом влажном пойменном осокорнике в окрестностях стан. Нижнекундрюченской Усть-Донецкого р-на, в 1985 г. белошейки появились там также в старых суборях и в ольсах, а в 1990-е годы стали обычны во всех старых лесах с обилием дуплистых деревьев (Белик и др., 1989; Белик, 1999а).

На Среднем Дону территориальный самец впервые встречен 17.06.1982

близ стан. Вешенской, но в 1985 г. недалеко от стан. Казанской белошейки были уже довольно обычны, в 1989 г. они нередко встречались там и в других районах, а в мае 1998 г. оказались распространены по всему Среднему Дону вниз до границы с Волгоградской обл. (Белик, 2005а). По наблюдениям Е.И. Врублевского, в 1969 г. белошейка была многочисленна в пойменных лесах Борисоглебского р-на Воронежской обл., однако ниже по течению Хопра в Волгоградской обл. вплоть до 1980-х годов она не была известна (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а).

В начале XXI в. белошейки оказались уже довольно обычны во всех типах пойменных лесов на Хопре, Медведице и Среднем Дону в Волгоградской обл. вниз почти до устья р. Иловля, где сейчас проходит юго-восточная граница гнездового ареала (Гудина, 2019; Белик, Гугуева, 2021). В Заволжье в низовьях р. Еруслан до середины XX в. белошейка не встречалась, но 17.07.2005 там в окрестностях с. Дьяковка в Саратовской обл. был добыт самец, однако характер его пребывания остался неизвестен (Завьялов и др., 2011).

На Нижнем Дону гнездование белошейки известно в Ростове с 1999 г., а сейчас она обычна здесь во многих городских парках (Сиденко, 2003б). В мае 2006 г. птицы найдены нами также в старых прибрежных лесах на Доно-Цимлянском песчаном массиве. Еще раньше, в 1977 г., поселение из 4 пар удалось обнаружить в Ленинском лесхозе на юге Азовского р-на благодаря развеске искусственных гнездовий (Белик и др., 1981; Лебедева, 1992; Белик, 2009). А на севере Ставропольского края в Степном лесничестве Ипатовского р-на (Медвежинская лесная дача) 18.05.2017 найдено смешанное поселение из 5 территориальных самцов белошейки и 8 самцов полуошейниковой мухоловки, державшихся вдоль канала на 4,3 км маршрута (Костенко, 2017). Кроме того, певшая мухоловка-белошейка была встречена 11.05.2017 также в Новопокровском лесничестве на северо-востоке Краснодарского края (И.М. Марова, личн. сообщ.).

Зимует белошейка в Африке, но ее миграции на юге России практически не выражены. В Заволжье, в насаждениях Приэльтонья, это немногочисленная пролетная птица (Волчанецкий и др., 1950; Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009). В 1960-е годы на Джаныбекском стационаре весной ежегодно отмечали по 1-3 самца, но осенью они там не встречались. Однако осенью 2004 г., при специальном отлове птиц, белошеек оказалось лишь в 2 раза меньше, чем пеструшек (5 и 11 особей соответственно), причем отлавливались там только самки. Весной же, во второй половине мая 2005 г., белошейки в отловах отсутствовали (Линдеман,

1971; Линдеман и др., 2005; Чернецов и др., 2010).

Белошейку встречали на весеннем пролете также на севере Астраханской обл. (Kracht, 1919, 2014), самца наблюдали 01.05.1992 близ Элисты в Калмыкии (В.М. Музаев, личн. сообщ.), несколько раз отмечали в горах Северной Осетии, а 21.04.1935 добыли у Владикавказа (Моламусов, 1967; Комаров, 2006). Пролетный самец однажды встречен осенью в Тебердинском заповеднике (Поливанов, Поливанова, 2002). Однажды 21.04.2001 кормившегося пролетного самца наблюдали у пос. Озерейка на полуострове Абрау в Краснодарском крае (Черенков, 2022). Отмечавшиеся же находки мигрантов у Махачкалы позже не подтвердил и сам автор (Вилков, 1999, 2004).

Местообитания. Обитает в широколиственных и смешанных лесах, предпочитая старые, захламленные пойменные насаждения, где держится обычно в верхних и средних ярусах древесных крон. Нередко встречается в городских садах и парках. Гнездится в различных дуплах, охотно селится в скворечниках.

Численность. В Европе обитает 1,5-3,1 млн. пар, а в Европейской России – 120-210 тыс. пар, имеющих выраженную тенденцию к росту численности (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность в конце XX в. оценивали в 2-5 тыс. пар, в том числе около 1,7 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б), при этом в конце XX - начале XXI в. в бассейне Дона отмечен заметный рост численности в связи с расселением птиц на юг (Белик и др., 2003).

На Сев. Донце в пойменной дубраве в июне 1967 г. учитывали в среднем 4,8, местами же – до 12,2 пар/10 га (Бируля, 1971), а на Среднем Дону, в поймах Хопра и Медведицы в 2016-2017 гг. гнездилось 1,9-20,4, в среднем 9,3 пар/10 га (Гудина, 2019). В Воронежской обл. обилие белошейки в старых дубравах достигает 58-130 и в борах – 30-50 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021), а в Саратовской обл. в долине р. Медведица было учтено 97,1 ос./км^2 (Завьялов и др., 2011).

В нагорной дубраве «Лес на Ворскле» на западе Белгородской обл. обилие птиц в начале 1990-х годов составляло 159,6 пар/км^2, в конце 2000-х - первой половине 2010-х годов оно доходило до 533,8 пар/км^2, однако к началу 2020-х годов вновь значительно снизилось (Булюк, 1993; Соколов, 2022; личн. сообщ.).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

345. Мухоловка полуошейниковая *Ficedula semitorquata* (Homeyer, 1885)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид предгорных и горных лесов Северного Кавказа, начавший сравнительно недавно

расселяться на север по лесистым долинам степных рек и по лесам Ставропольской возв. (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014). Ранее объединялся в один вид с мухоловкой-белошейкой, считаясь ее кавказским подвидом (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003). Поэтому в прежней литературе по Кавказу эту мухоловку часто называли белошейкой.

Распространение. Гнездится на Балканах, в Малой и Передней Азии, а также на Кавказе. На юге России распространена в лесистых предгорьях и низкогорьях, местами поднимается в среднегорья во всех регионах Северного Кавказа от полуострова Абрау у Анапы и Новороссийска на западе Краснодарского края (Пузанов, 1938; наши данные: 02.05.2014) до предгорных районов Дагестана на востоке Кавказа (Дроздов, 1965; Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2014; наши данные: 04.05.2002).

По пойменным лесам Кубани и Терека эта мухоловка проникает в степное Предкавказье (Комаров и др., 2006; Ильюх, Хохлов, 2007; Костенко, 2017; Очаповский, 2017; Казаков, 2022). В 2006 г. она впервые найдена также на р. Подкумок у г. Георгиевска в Ставропольском крае (Хохлов и др., 2007). Кроме того, пара птиц 10.05.2003 впервые встречена у Ставрополя, а в 2008-2010 гг. они уже регулярно отмечались там в различных лесных массивах на всех учетах (Костенко, 2010, 2012, 2017). Наконец, в Степном лесничестве у с. Лесная Дача Ипатовского р-на на севере Ставропольского края, 18.05.2017 обнаружено поселение из 8 самцов, державшихся на 4,3 км маршрута вдоль канала. Птицы к 2016-2017 гг. проникли также в Томузловский лес у с. Александровское и в байрачный лес в истоках р. Буйвола в Петровском р-не на Прикалаусских высотах, где сейчас проходит северо-восточная граница ареала этой мухоловки (Костенко, 2017).

Залетный самец полуошейниковой мухоловки 23.04.2019 встречен в городском парке в Ростове (Любимов, 2019). Опубликована также информация о находке полуошейниковой мухоловки 24.04.2012 в деревенском парке в долине оз. Маныч-Гудило в Орловском р-не Ростовской обл. (Савицкий, 2015), но подтвердить определение этой птицы по представленным фотографиям не удалось (Работа …, 2015).

Зимует эта мухоловка в Африке, но ее сезонные миграции на Кавказе выражены слабо, так как летом птицы незаметно исчезают вскоре после окончания гнездового периода. Весной же они появляются обычно сразу в районах гнездования во второй половине марта или в начале

апреля. Лишь на Черноморском побережье 08.04.1980 наблюдался интенсивный пролет этих птиц (Моламусов, 1967; Тильба, 2006; Перевозов, 2014).

Местообитания. Селится в основном в старых и средневозрастных широколиственных лесах с многочисленными дуплистыми деревьями, предпочитая мезофильные насаждения в поймах рек и на склонах гор. Гнездится обычно в старых дуплах дятлов, нередко заселяет искусственные гнездовья (Комаров и др., 2006).

Численность. На Кавказе немногочисленна, местами обычна. В Европе обитает 21,4-87,3 тыс., а в Европейской России – 10-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность в начале XXI в. оценивали в 10-20 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014), но сейчас в связи с интенсивным расселением птиц в Предкавказье она увеличилась ориентировочно до 15-25 тыс. пар.

На Западном Кавказе обилие птиц в каштановых лесах низкогорий составляло 7,5 ос./км^2, а в среднегорных березняках и ольшаниках – 6,2 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). По другим данным, там же на северном макросклоне в широколиственных низкогорных лесах бассейна р. Белая учитывали 2,4-20,8 ос./км^2, а в бассейне р. Малая Лаба – всего 1,5 ос./км^2, тогда как в бассейне р. Шахе на южном макросклоне мухоловка найдена лишь в среднегорьях с обилием 0,5-5,5 ос./км^2 (Перевозов, 2010).

В Тебердинском заповеднике, где преобладают смешанные и хвойные леса, эта мухоловка редка и гнездится нерегулярно (Поливанов, Поливанова, 2002). Но в пойме Кубани у Карачаевска гнездится до 51,9 ос./км^2, а в пойменных лесах у стан. Сторожевой учитывали 42-50 ос./км^2 (Караваев, Хубиев, 2013). В Кабардино-Балкарии эта мухоловка немногочисленна, а в горах там встречается очень редко (Моламусов, 1967; Белик, Аккиев, 2023). В Северной Осетии обычна лишь в низкогорных буковых (13,3 пар/км^2), буково-грабовых (10,6) и ольховых (25,0-32,9) лесах, а также в пойменных лесах по Тереку (15-20 пар/км^2) (Комаров, Хохлов, 2003; Комаров и др., 2006). В широколиственных лесах в пойме Терека у г. Моздок в 2006 г. были учтены 53 ос./км^2, а в пойме р. Подкумок у г. Георгиевск – 19 ос./км^2 (Ильюх, Хохлов, 2007). Наконец, в лесах на Ставропольской возв., заселенных мухоловкой в начале XXI в., обилие птиц составляет 3,8-9,6, в среднем 7,0 пар/км^2 (Костенко, 2012). Благодаря развеске искусственных гнездовий обилие может повышаться более чем в 5 раз, до 32,9-37,5 пар/км^2 (Комаров и др., 2006; Костенко, 2012).

Охранный статус. Под 3 категорией включена в Красные книги Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Необходим

более тщательный мониторинг кавказской популяции и, возможно, организация особой охраны на региональном уровне (Белик, 2014). В Предкавказье в оптимальных местообитаниях численность птиц сейчас увеличивается вследствие сокращения массовых рубок в лесах и увеличения числа дуплистых деревьев, а также благодаря мезофилизации насаждений (Костенко, 2012).

346. Мухоловка малая *Ficedula parva* (Bechstein, 1792)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид лесов бассейна Дона и долины Волги вниз до с. Цаган-Аман в Калмыкии, а также предгорных и горных лесов Северного Кавказа (Белик, 2000а; Белик и др., 2016; Музаев, 2016).

Зоогеографические связи. Б.К. Штегман (1938) считал малую мухоловку характерным видом Сибирского типа фауны. Представителем горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны ранее рассматривали ее и другие авторы (Брунов, 1980; Белик, 2006, 2013а). Сейчас же, в связи с дроблением бывшего политипического вида на отдельные самостоятельные виды, к Сибирскому типу фауны можно относить лишь форму *F. albicilla*, а западная *F. parva* sensu str. должна считаться представителем неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Ранее в этот политипический вид включали 3 подвида (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003), но в последнее время все их рассматривают как отдельные монотипические виды, распространенные в Европе, Сибири и Гималаях (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Форма *F. parva* sensu str. гнездится в Европе от Германии до Урала, а также в Понтийских горах на севере Малой Азии и на Кавказе. Европейская популяция в Ростовской обл. распространена к югу до долины Нижнего Дона, низовий Сев. Донца и Доно-Цимлянских песков, заселив эти районы, по-видимому, во второй половине XX в. (Петров, 1965; Миноранский, Харченко, 1967; Белик и др., 1989, 2001; Белик, 1999а, 2000а, 2005а).

В Волгоградской обл. гнездовья этой мухоловки до 1980-х годов не были известны (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а), а сейчас она указывается здесь как вероятно гнездящийся вид (Чернобай, 2004). Нами на Среднем Дону и по его левобережным притокам малая мухоловка прослежена к югу до Калачской излучины Дона (Белик, Гугуева, 2021). Кроме того, она появилась в Волго-Ахтубинской пойме, расселившись по ней к югу уже до с. Цаган-Аман (47°35′ с.ш.) в Кал-

мыкии (Белик, 2016б; Музаев, 2016), но в дельте Волги пока не гнездится (Русанов, 2011; Реуцкий, 2015). Предположения о возможности гнездования малой мухоловки в долине р. Еруслан в Заволжье, где поющих птиц встречали 10.05.2006, а также 07 и 08.06.1970 (Завьялов и др., 2011), недостаточно обоснованы, поскольку это могли быть задержавшиеся мигранты (Белик и др., в печати).

На Кавказе малая мухоловка распространена по всей горнолесной области от полуострова Абрау у Анапы и Новороссийска к востоку до Дагестана, но леса на аридном Новороссийском участке птицы заселили, по-видимому, лишь в середине XX в., поскольку в 1929 г. были найдены только в районе р. Пшада к востоку от Геленджика (Пузанов, 1938; Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2013в; Белик и др., 2017). На Центральном Кавказе они гнездятся в основном лишь во влажных низкогорных лесах, а на Боковом и Водораздельном хр. изредка встречаются только на миграциях (Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Комаров, Хохлов, 2003; Комаров, 2006, 2013; Джамирзоев и др., 2014; Белик, Аккиев, 2023).

В горах Дагестана малые мухоловки найдены лишь в широколиственных лесах на краевых хребтах. Две самки были добыты там 13.06.1964 в районе сёл Маджалис – Чумли (Девятко, Джамирзоев, 2012). Там же у с. Башлыкент Каякентского р-на 04.05.2002 мы неоднократно наблюдали птиц, певших и охранявших гнездовые участки.

В Предкавказье малая мухоловка гнездится в лесах на Ставропольской возв. (Лиховид, 1977; Казаков, Белик, 1996; Костенко, 2012), а по лесистым поймам Кубани, Урупа, Подкумка, Терека и других рек проникает в лесостепные предгорья и на степную равнину (Кистяковский, 1932; Жарова, Жаров, 1962; Казаков, Белик, 1996; Белик, 2019а; Казаков, 2022).

Зимует малая мухоловка на Индостане, а на сезонных миграциях наблюдается по всей Южной России, останавливаясь на дневной отдых в разных лесонасаждениях как в горах, так и на равнинах. Весной пролетные птицы регулярно поют. На Джаныбекском стационаре в полупустынях Приэльтонья осенью 2003 и 2004 гг. были отловлены 752 малые мухоловки, однако во второй половине мая 2005 г. там не было поймано ни одной особи. Осенний пролет прослежен там с 22.08. до 06.10.2004, но достаточно интенсивная миграция продолжалась вплоть до последнего дня отловов (Чернецов и др., 2010). По многолетним наблюдениям, весенние миграции идут там в течение мая, однако единичные особи встречаются весь июнь, а осенью мухоловки летят с конца августа до середины октября (Линдеман, 1971).

Местообитания. На степных равнинах обитает, в основном, в глухих захламленных пойменных, реже – в байрачных лесах, часто селится здесь среди насаждений вяза. Широко распространена также во влажных, густых лиственных и хвойных лесах в предгорьях и горах Кавказа, поднимаясь вверх до 1800-2000 м н.у.м. (Караваев и др., 2015). Гнездо из мха и сухой травы делает в небольших дуплах или щелях, в развилках стволов, иногда – на ветвях.

Численность. На юге России немногочисленна, местами обычна. В Европе обитает 3,3-5,1 млн., а в Европейской России – 2,8-4,1 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 200-400 тыс. пар, в том числе более 500 пар гнездилось в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. популяции здесь считались относительно стабильными, но в дальнейшем на Ставрополье отмечен значительный рост численности (Белик и др., 2003; Костенко, 2012).

В пойменных лесах Среднего Дона, Хопра и Медведицы в 2016-2018 гг. гнездились 0,5-3,3 пары/10 га (Гудина, 2019). В широколиственных низкогорных лесах Западного Кавказа учитывали от 10,6 до 27,5 ос./км^2, а в среднегорных пихтовых лесах было всего 2,2-8,8 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). Там же, по данным А.Г. Перевозова (2010), в широколиственных низкогорных лесах обитает 4-17 ос./км^2, в буково-пихтовых среднегорных лесах учитывали 1-12 ос./км^2, а максимальная численность (33 ос./км^2) отмечена в среднегорных буковых лесах в бассейне р. Шахе на южном макросклоне (Перевозов, 2010).

В Тебердинском заповеднике в конце XX в. обилие в разных типах лесов колебалось от 12,6 до 79,0 ос./км^2 (Поливанов, 2000; Караваев и др., 2015), но в начале XXI в. эта мухоловка оказалась там редка, и ее обилие составляло около 1,5 пары/км^2 (Белик, 2020а). В Кабардино-Балкарии найдена только в низкогорьях в густых, влажных буково-грабовых лесах, где было 6 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии тоже гнездится только в буковых лесах на краевых хребтах (35-40 пар/км^2) и в ольшаниках по ущельям рек в низкогорьях (7-15 пар/км^2) (Комаров, Хохлов, 2003). В широколиственных пойменных лесах на р. Подкумок у г. Георгиевск было 68,1 ос./км^2, а в пойме Терека у г. Моздок – 21,7 ос./км^2 (Ильюх, Хохлов, 2007). На Ставропольской возв. в начале XXI в. обилие в нагорных лесах увеличилось в среднем с 0,4 до 10,4 пар/км^2 (Костенко, 2012).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Северной Осетии (3 категория), но на юге России в особой охране, очевидно, не нуждается.

– Мухоловка рыжехвостая *Ficedula ruficauda* (Swainson, 1838)

Характер пребывания. Была ошибочно включена в фауну Кабардино-Балкарии (Моламусов, 1955) и Дагестана (Пишванов, Газалиев, 1986), что позже признали сами авторы (Моламусов, 1967, с.7; Ю.В. Пишванов, личн. сообщ.). Из орнитофауны Южной России исключена решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии (Белик и др., 2006); исключена также из фауны России (Коблик и др., 2006, с.206).

Зоогеографические связи. Неясные родственные связи и таксономическое положение этого вида (Hooper et al., 2016) затрудняют установление его возможного фауногенеза. Предположительно это представитель субтропического фаунистического комплекса Китайского типа фауны.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). Ранее включался в род *Muscicapa*, но судя по последним исследованиям, должен относиться к роду *Ficedula* (Hooper et al., 2016).

Распространение. Гнездится в Гималаях, Гиндукуше и в горах на юге Средней Азии, а зимует на юго-западе Индии (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Местообитания. Обитает в старых лесах в узких, тенистых и сырых ущельях вдоль горных рек на высоте 1000-3200, чаще – 1800-1900 м н.у.м., а открытые гнезда делает на ветвях деревьев (Леонович, 1962; Иванов, 1969; Пекло, 1987; Банникова, 1990).

Численность. В Средней Азии немногочисленна или редка. В Таджикистане в характерных биотопах на Гиссарском хр. встречали 3-5 пар/км^2 (Леонович, 1962; Пекло, 1987), а вдоль рек отмечали до 2 пар на 2 км маршрута (Абдусалямов, 1973).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

347. Мухоловка серая *Muscicapa striata* (Pallas, 1764)

Характер пребывания. Считается гнездящимся, перелетным видом всех равнинных и горных регионов Южной России, но достоверность гнездования в некоторых регионах остается не подтвержденной (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 4-8 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Для Европейской России приводится номинативная форма, а для Сибири, Средней Азии и Кавказа – *M. s. neumanni* (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson,

Christidis, 2014), но Л.А. Портенко (1960) и Х.Т. Моламусов (1967) предполагали, что на Кавказе и в Крыму обитает эндемичная *M. s. inexpectata*. В последних же сводках для Кавказа указывают *M. s. striata* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). К этому же выводу пришел и Б.А. Казаков (1974, 2022), специально изучавший птиц Северного Кавказа, что было обусловлено, возможно, включением в таксономический анализ, судя по списку коллекционных материалов, также пролетных северных птиц, добытых в мае - начале июня. По нашим данным, номинативная форма проникает на юг до Нижнего Дона и Западного Предкавказья (Белик, 2009).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики к востоку до Байкала. На юге России размножение подтверждено в Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона, где гнезда и выводки неоднократно находили в Ростове, в Азовском и Усть-Донецком р-нах и на Доно-Цимлянских песках (Сарандинаки, 1909; Белик, 1999а, 2009; Белик и др., 2001; Сиденко, 2003б; Казаков, 2022; оригин. данные). В Волгоградской обл. Е.И. Врублевский встречал гнезда в долинах Хопра и Медведицы (Белик и др., 2022а). Предполагается гнездование в долине р. Еруслан в Заволжье, но оно фактически не подтверждено (Козловский, 1949; Динесман, 1955; Завьялов и др., 2011).

Несколько лет гнездование серых мухоловок наблюдали в парках Элисты на Ергенях (Музаев, 2000); возможно они эпизодически гнездятся также в Волго-Ахтубинской пойме (Белик, 2016б) и в дельте Волги, что требует, однако, фактических подтверждений (Луговая, Луговой, 1958; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015). В Дагестане эта мухоловка тоже указана как гнездящийся вид (Джамирзоев, 2000), однако сведения о ее гнездовании нам неизвестны (см.: Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Бёме, 1933, с.140; Насрулаев, 2006; Белик, Насрулаев, 2019а; Джамирзоев и др., 2014). Это же относится и к Ставрополью, где даже специально обращали внимание на отсутствие находок гнезд серой мухоловки и встреч с нею в июне-июле (Хохлов, 1991, 1993; Ильюх, Хохлов, 2006; Костенко, 2012, 2015).

Гнездование этого вида указано, кроме того, для Чечни и Ингушетии (Рашкевич, 1980; Гизатулин и др., 2001); в Северной Осетии известны находки 9 кладок на равнинах и в предгорьях (Комаров, 2007г); гнездование на равнине и в предгорьях отмечено также в Кабардино-Балкарии (Бёме, 1926; Радищев, 1926; Моламусов, 1967). Для Теберды серая мухоловка указана как гнездящийся вид, но находки гнезд там неизвестны (Ткаченко 1966; Поливанов, Поливанова, 2002; Караваев и др., 2015; Белик, 2020а). Не найдена она на гнездовье и в парках Ка-

рачаевска, Усть-Джегуты и Черкесска по долине Кубани (Хубиев, Караваев, 2010; Караваев и др., 2013). В Карачаево-Черкесии серую мухоловку не приводят и для Скалистого хр. (Поливанов и др., 2000). На Скалистом и Лесистом хр. в окрестностях Кисловодска в 2005-2007 гг. летом мы тоже не нашли ее. В гнездовой обстановке эти птицы встречены несколько раз только в Краснодарском крае: в парке у стан. Удобной на р. Уруп, а также на р. Лаба близ стан. Ахметовской и у г. Лабинска (Белик, 2019а).

Довольно обычны эти мухоловки на гнездовании лишь в предгорьях Западного Кавказа и вдоль Черноморского побережья, где найдено 9 из 16 гнезд, известных для Краснодарского края (Кудашев, 1916; Емтыль и др., 1993; Очаповский, 2017; Белик, 2019а; П.А. Тильба, личн. сообщ.). Там же на полуострове Абрау 22.06.1957 добыта размножавшаяся самка (Волчанецкий и др., 1962), еще один выводок встречен в Абхазии (Белик, 2015а). При этом как в Краснодарском крае, так и в Ростовской обл., а также в Калмыкии и во многих других районах четко прослеживается тенденция гнездования этой мухоловки в городах и сёлах рядом с человеком, часто – на различных постройках. Встречи же птиц в мае и даже в июне в лесах, в том числе наблюдения пар, токующих птиц и подыскивающих места для гнезд не всегда могут свидетельствовать об их размножении, поскольку это могли быть мигранты, которые вскоре нередко исчезали (Поливанов, Поливанова, 2002; Белик, 2009; Реуцкий, 2015).

Пока можно предполагать, что серая мухоловка на Северном Кавказе спорадично гнездится вдоль Черноморского побережья, а также в северных предгорьях и на прилежащих равнинах Западного и Центрального Кавказа. По долинам рек птицы могут проникать в низкогорья и местами, возможно, в среднегорья, но в сплошных лесах летом, по-видимому, не обитают.

Зимуют серые мухоловки в Африке и через всю Южную Россию идут их выраженные сезонные миграции, наблюдающиеся как на равнинах, так и в горах. Весной пролетные птицы на остановках нередко токуют. В степном Заволжье в низовьях р. Еруслан весьма интенсивную весеннюю миграцию отмечали 05-25.05.1950. Она достигла пика 21 мая (75 ос./1,5 км маршрута по опушкам лесопосадок) и почти прекратилась к 27.05.1950 (2 ос./1,5 км), но задержавшихся птиц отмечали там еще 07.06.1949. Осенняя миграция шла с 07.08. по 17.09.1949, причем в первые 2 дня наблюдали выраженный пик пролета (до 22 ос./1,5 км), затем после длительного спада численность птиц резко возросла в начале сентября (до 37 ос./1,5 км), а третий

подъем наблюдался 12.09.1949 (до 8 ос./1,5 км) уже перед завершением пролета. Между волнами пролета обилие птиц резко снижалось, и в некоторые дни отмечали не более 2-3 особей (Юдин, 1952).

На Джаныбекском стационаре в Приэльтонье пролет на север наблюдается с начала мая до середины июня, а обратно мухоловки летят с середины августа до середины октября (Линдеман, 1971). При отлове птиц осенью 2003 и 2004 гг., в основном в сентябре, там было поймано 109 мухоловок, а во второй половине мая 2005 г. отловлены всего 3 особи (Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Обитает в разных типах равнинных лесов, предпочитая сухие светлые сосняки и разреженные лиственные насаждения, часто селится в городских садах и парках. Спорадично встречается в лесистых предгорьях Кавказа, реже проникает в низкогорья и среднегорья. Гнездо из сухой травы вьёт в полудуплах, узких щелях стволов, на пнях, а также на ветвях у ствола, а в городах и сёлах иногда гнездится на постройках, в их различных нишах.

Численность. Довольно обычна в бассейне Дона и на Западном Кавказе, малочисленна или редка в других регионах. В Европе обитает 14,9-22,7 млн., а в Европейской России – 8,5-12,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 30-70 тыс., в том числе около 12 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б, 2014).

Обилие птиц в байрачных лесах степного Придонья составляло в среднем 2,5, а в аренных лесах – 28,0 пар/км^2 (Белик, 2000а). В пойменных лесах Среднего Дона, Хопра и Медведицы учитывали 1,1-2,7 пар/10 га (Гудина, 2019). На Западном Кавказе в низкогорных каштановых лесах было 12,5 ос./км^2, а в среднегорных березняках и ольшаниках – 8,7 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). По данным А.Г. Перевозова (2010), там же в бассейнах р. Белой и Малой Лабы в лесах на северном макросклоне обилие птиц в низкогорье и среднегорье не превышало 1-6 ос./км^2, а в бассейне р. Шахе на южном макросклоне в низкогорьях оно достигало 10-37, а в среднегорьях – 2-13 ос./км^2, учитывая однако, что везде здесь в учеты могли попадать и пролетные мухоловки (см. выше). В Северной Осетии в широколиственных лесах низкогорий и предгорий было учтено 3-20 пар/км^2, а в пойменных лесах – 13-50 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Кабардино-Балкарии (3 категория). В остальных регионах Южной России этот вид в организации особой охраны не нуждается. Его занесение в региональный красный список Кабардино-Балкарии, на наш взгляд, было недостаточно обосновано (Белик, 2014).

Семейство **Дроздовые** Turdidae*

348. Чекан луговой *Saxicola rubetra* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид почти всех регионов Южной России, кроме Калмыкии, а также пустынных и сухостепных районов Поволжья и Прикаспия (Дементьев, Гладков, 1954; Белик и др., 2016). В приморских районах Краснодарского края иногда может задерживаться на зиму (Лохман и др., 2004; Тильба, Мнацеканов, 2014).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Енисея, а на Кавказе находится также изолированный участок ареала. На юге России этот чекан представлен несколькими, частично изолированными популяциями. В бассейне Дона южная граница ареала до середины XX в. проходила примерно через среднее течение Сев. Донца выше г. Кременная, через Провальскую степь и р. Деркул в Луганской обл. и среднее течение Хопра в Воронежской обл. (Измайлов, 1940; Образцов, 1956; Панченко, 1972; Белик и др., 2013, 2022а). Довольно обычен чекан был тогда также в низовьях р. Еруслан в степном Заволжье (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952). В 1970-е годы он оказался обычен, а местами многочислен уже по всему северо-западу Волгоградской обл. в поймах Хопра, Медведицы и Иловли (Кубанцев, Чернобай, 1982), откуда проник в Волго-Ахтубинскую пойму (Белик, 2016б), а затем расселился вниз по ней до дельты Волги, где в 1977 г. было впервые установлено его гнездование (Реуцкий, 2015).

На Нижнем Дону и в низовьях Сев. Донца гнездовий лугового чекана до середины XX в., по-видимому, не было (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Аверин, 1911; Варшавский, 1965; Белик и др., 2013; Казаков, 2022). Но уже в 70-90-е годы он оказался довольно обычен в Усть-Донецком р-не и по всей долине Нижнего Дона от дельты до Цимлянских песков (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 1999а, 2000а; Белик и др., 2001; и др.). В последнее время лугового чекана приводят также для долины Западного Маныча (Маловичко и др., 2005; Липкович, 2016), но в 2001-2004 гг. его гнездовий там мы не находили. В начале

* Семейство Дроздовые Turdidae принято нами в трактовке Л.С. Степаняна (2003), но сейчас его объем и классификация пересматриваются, исходя из данных молекулярно-генетических исследований. В частности, чеканов, каменок, каменных дроздов, горихвосток, зарянок, соловьев в последнее время часто относят к семейству Мухоловковых Muscicapidae.

XXI в. этот чекан широко расселился также в Восточном Приазовье к югу до Кубани (Найданов, 2007).

На Северном Кавказе луговой чекан населяет предгорные лесостепные районы, а также горные степи и субальпийские луга. В горах птицы появляются у Новороссийска, где заселяют степные вершины хр. Маркотх (Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2016; Очаповский, 2017), но западнее, на полуострове Абрау, раньше их не было (Пузанов, 1938; Белик, 2013в), и лишь в мае 2013 г. там впервые отмечены территориальные птицы (Кузиков, 2013). Восточнее чекан спорадично встречается на отдельных луговых вершинах гор вплоть до плато Лагонаки (Волчанецкий и др., 1962; Тильба, Мнацеканов, 2008; Очаповский, 2017; Тильба, 2016), а далее к востоку изредка, но регулярно гнездится на субальпийских лугах Главного и Бокового хр. вплоть до Дагестана (Бёме, 1933; Девятко, Джамирзоев, 2012; Белик, Насрулаев, 2019; и др.).

К востоку от р. Лаба чекан заселяет также плоские луговые вершины Скалистого хр. и луговины в Северо-Юрской депрессии. Здесь же птицы проникают и на Меловой хр., где ареал горной популяции смыкается с предгорной. В предгорьях птицы распространены по левобережью Кубани к востоку до Ставропольской возв. и Кисловодска (Динник, 1886; Очаповский, 2017; Белик, 2019а). Возможно, они встречаются и на Таманском полуострове (Лохман и др., 2004), но их гнездование там требует фактических подтверждений. На низменностях вдоль Черноморского побережья луговой чекан не гнездится (Кудашев, 1916; Тильба, 2001; Белик, 2015а).

В Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии этот чекан заселяет, кроме горных лугов, также лугово-степные предгорья и подгорные равнины в бассейне Терека, кроме аридных районов в его дельте (Бёме, 1925, 1926; Волчанецкий, 1959; Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001; Комаров и др., 2011; и др.).

Зимует этот чекан в Африке. В период сезонных миграций встречается по всей Южной России, в том числе в полупустынных районах Заволжья, в Калмыкии и других аридных районах (Линдеман, 1971; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009; Цапко и др., 2009; Джамирзоев и др., 2014), однако видимые перемещения птиц выражены слабо. В последние годы на Черноморском побережье Кавказа этот чекан изредка стал задерживаться на зиму: в устье р. Сочи зимой 2022/23 г. с середины декабря до середины января ежедневно отмечали 1-2 самцов (Тильба, Филиппов, 2022).

Местообитания. Гнездится на суходольных и пойменных лугах, в луговой степи, изредка также на полях как на равнинах, так и в лугово-

степных предгорьях, среди луговых полян в среднегорьях и в субальпийских высокогорьях на высоте до 2000-2500 м н.у.м. (Комаров, 2006, 2013; Поливанов, Бершицкая, 2006). Гнездо вьёт на земле среди высокой, густой травы.

Численность. На юге России немногочислен, местами обычен. В Европе обитает 6,5-10,7 млн., а в Европейской России – 2,5-4,3 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 50-250 тыс., в том числе около 7 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

В Карачаево-Черкесии на Скалистом хр. на влажных лугах учитывали до 10-20 ос./км^2, а на более сухих – 12-33 ос./км^2 (Караваев, 2000). На сенокосных же полянах под куэстой Скалистого хр. в июле 2004 г. держалось до 25 пар/км^2 (Белик, 2019а). На Скалистом хр. к югу от Кисловодска нами была учтена 1 пара на 10 км маршрута в ущелье р. Подкумок; 2 пары на 4 км и 5 пар на 5 км – в ущелье р. Хасаут; 3 пары на 15 км – на склонах долины р. Эшкакон, а на субальпийском плато Бечасын в Приэльбрусье отмечены 2 пары на 20 км (02.06.2005), 5-6 пар на 17 км (22.07.2006) и 2 пары на 37 км (17-18.06.2007).

В низовьях р. Еруслан в Заволжье обилие птиц в степи составляет 10,1-10,5 ос./км^2, а на залежах – 0,7-1,3-5,3 пар/10 га (Опарин, Опарина, 2006; Завьялов и др., 2011). А на юге Воронежской обл. в степных балках, различающихся увлажнением, учитывали от 39 до 115 пар/км^2 (Венгеров, 2005, с.111; Нумеров и др., 2021).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

349. Чекан черноголовый *Saxicola rubicola* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейна Дона и горных районов Северного Кавказа (Казаков, Бахтадзе, 1999; Бахтадзе, 2002; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Черноголовый чекан *S. torquatus* sensu lato прежде рассматривался как тропический вид Африканского генезиса (Белик, 2000а); нынешний же *S. rubicola* sensu str. связан генезисом с Палеарктикой, однако его более тесные фауногенетические связи требуют дополнительного анализа. Предположительно его можно относить к Номадийскому типу фауны.

Таксономия. Прежний обширный политипический вид *S. torquatus* sensu lato, распространенный в Евразии и Африке и объединявший около 20 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003), в настоящее время разбит на 6 самостоятельных видов, составляющих сложный надвидовой комплекс (Wittmann et al., 1995; Dickinson, Christidis, 2014; Редькин и др., 2015; Opaev et al., 2018). Из

выделенных прежде форм на юге России достоверно установлено обитание европейского черноголового *S. rubicola rubicola* и южного белохвостого чекана *S. maurus variegatus* (рис.31).

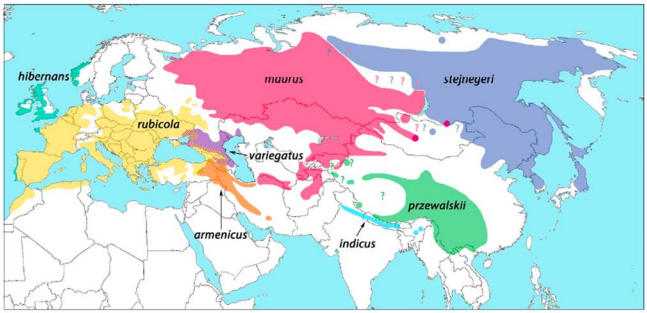

Рис. 31. Ареалы евразийских форм надвидового комплекса *Saxicola torquatus* sensu lato (по: Opaev et al., 2018)

Черноголовый чекан *S. rubicola*, отличающийся темным надхвостьем и серыми подкрыльями (рис.32), распространен в Южной Европе и Малой Азии, откуда заходит в горные районы Кавказа (Казаков, Бахтадзе, 1999; Джамирзоев и др., 2017а; Loskot, Bakhtadze, 2020). В XX в. эта форма расселилась из Европы на восток также по всей Украине, затем проникла в Россию в низовья Сев. Донца, а позже заселила низовья Дона, бассейн р. Калитва на севере Ростовской обл., наконец долину Среднего Дона и сейчас продолжает экспансию в восточном направлении уже по Волгоградской обл. (Белик и др., 1989; Белик, 1996а, 1999а, 2000а, с.91, 2005а; Бахтадзе, 2002; оригин. данные).

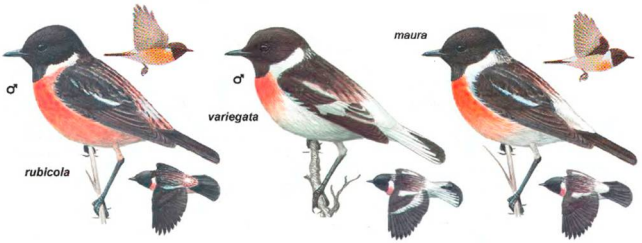

Рис. 32. Схемы типичной окраски оперения чеканов *S. rubicola rubicola*, *S. maurus variegatus* и *S. maurus maurus* (по: Рябицев, 2020, с дополнениями)

В районах вторичного контакта черноголового и белохвостого чеканов в степном Придонье и в предгорьях Северного Кавказа они занимают несколько различные местообитания, однако могут гнездиться в

непосредственной близости друг от друга. В Придонье гибридизация между ними не выявлена (Бахтадзе, 2002), но детальное изучение этого вопроса невозможно без проведения специальных генетических исследований, а практикующиеся обычно фенотипические методы требуют значительно большего объема коллекционных выборок. В предгорьях же Кавказа следы гибридизации иногда прослеживаются и на фенотипах (Белик, 2019а).

Распространение. Гнездится в Европе к востоку до бассейна Дона, а также в Малой Азии и на Кавказе. На юге России издавна обитает в горах Кавказа от предгорий Дагестана к западу до Краснодарского края, где найден в верховьях р. Белая и на плато Лагонаки (Тильба, Казаков, 1985а; Кукиш, 1989; Казаков, Бахтадзе, 1999; Баник, 2015; Джамирзоев и др., 2017а; Белик, 2019а; Loskot, Bakhtadze, 2020). Примерная нижняя граница ареала в северных предгорьях проходит через Черкесск – Ессентуки – Пятигорск – Нальчик – Беслан – Грозный – Гудермес – Хасавюрт – Кизилюрт – Махачкала (Моламусов, 1967). Возможно, эти птицы гнездятся также на приморской низменности у Адлера (Тильба, Казаков, 1985а). На Кавказе в пределах ареала они заселяют открытые местообитания на всех хребтах.

Как сейчас выясняется, что этот вид проник из Малой Азии на Кавказ, по-видимому, сравнительно недавно. Во всяком случае среди 42 самцов, собранных в Закавказье во второй половине XIX в., абсолютно преобладали белохвостые птицы, и только один самец частично соответствовал форме *rubicola* (Радде, 1884). Типичные черноголовые чеканы (*S. torquata amaliae* Buturlin, 1929) были найдены в Аджарии и на Сурамском хр. в Закавказье лишь в конце XIX – начале XX в. (Вильконский, 1897; Дерюгин, 1900; Бутурлин, 1906, 1929). А в горах Северного Кавказа черноголового чекана тогда не встречали вовсе (Богданов, 1879; Lorenz, 1887, 2011; Билькевич, 1893; Шарлеман, 1915; Laubmann, 1915; Кудашев, 1916; Гептнер, 1926; Красовский, 1932; Бёме, 1933; и др.).

Отсутствовал этот чекан здесь и по данным И.И. Пузанова, работавшего в горах Западного Кавказа в 1928-1938 гг. (Волчанецкий и др., 1962). Некоторые же исследователи указывали для Кавказа только белохвостого чекана (Аверин, Насимович, 1938; Ткаченко, 1966), и лишь Л.Б. Бёме (1926) смог собрать в 1920-1926 гг. в Северной Осетии небольшую серию чернохвостых чеканов (Бутурлин, 1929; Loskot, Bakhtadze, 2020), а во второй половине XX в. эти птицы были уже нередки в горах Кабардино-Балкарии, в Дагестане и в других районах Северного Кавказа (Моламусов, 1967; Казаков, Бахтадзе, 1999; Девятко, Джамирзоев, 2012; и др.).

Европейская же популяция, быстро расселявшаяся на восток по Украине, в 1980-е годы из Луганской обл. проникла в низовья Сев. Донца (Белик и др., 1989). Позже она заселила низовья Дона, бассейн р. Калитва на севере Ростовской обл., долину Среднего Дона и продолжает там экспансию дальше по Волгоградской обл., достигнув долины Хопра (Белик, 1996а, 1999а, 2000а, с.91, 2005; Бахтадзе, 2002; Loskot, Bakhtadze, 2020; оригин. данные). А 08.06.2010 гнездовая пара черно-хвостых чеканов встречена нами на лугу-пастбище в Волго-Ахтубинской пойме близ Волгограда.

Зимуют эти птицы в Африке и на Ближнем Востоке. Миграции этой формы на юге России выражены слабо и недостаточно изучены, поскольку в природе она с трудом отличается от белохвостого чекана. На Черноморском побережье Кавказа черноголовые чеканы изредка задерживается на зиму (Тильба, 2001, 2017, 2022), но их таксономический статус остается неизвестен.

Местообитания. На равнинах обитает преимущественно среди разнотравных и бурьянистых степей по склонам долин и степных балок, в окрестностях хуторов и ферм, на земляных дамбах и валах, по обочинам дорог и др. Нередко этот чекан встречается также в каменистых степях. На Кавказе гнездовья приурочены к луговым и лугово-степным ландшафтам в предгорьях, низкогорьях и среднегорьях, но местами птицы проникают в субальпику вверх до 2000-2200 м н.у.м. (Комаров, 2006; Поливанов, Бершицкая, 2006; наши данные). Гнездо вьют на земле среди невысокой травы или сорняков.

Численность. На Северном Кавказе сейчас довольно обычен, а в бассейне Дона встречается спорадично. В Европе популяции *S. rubicola* и *S. maurus* вместе насчитывают 5,8-9,3 млн. пар, а в Европейской России – 200-600 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России их численность в начале XXI в. оценивали в 50-250 тыс., в том числе в Ростовской обл. около 2,5 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005б, 2014). В начале XXI в. в бассейне Дона наблюдался выраженный рост численности *S. rubicola* в связи с расселением европейской популяции на восток (Белик и др., 2003).

В горах Северной Осетии в верховьях р. Урух обилие птиц в 1987-1998 гг. варьировало от 2,8 до 8,6 пар/км^2 (Комаров, 2013). В Кабардино-Балкарии этот чекан найден в горной степи по Чегему и Череку, где было учтено 3 ос./км^2 (Афонин, 1985). На Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии на влажных субальпийских лугах обилие птиц составляло 15-20 ос./км^2, а на сухих лугах они не отмечены вовсе (Караваев, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

350. Чекан белохвостый *Saxicola maurus* (Pallas, 1773)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, распространенный сейчас во всех степных регионах Южной России к северу до южных районов Ростовской и Волгоградской обл. и к югу до предгорий Северного Кавказа (Казаков, Бахтадзе, 1999; Белик, 2000а, с.91, 2019а; Бахтадзе, 2002; Баник, 2015; Белик и др., 2016; Джамирзоев и др., 2017а; Loskot, Bakhtadze, 2020).

Зоогеографические связи. Фауногенез чекана *S. maurus* sensu str. в настоящее время обсуждать достаточно сложно из-за его неоднозначного таксономического статуса. Особенности ареала и тесная связь с открытыми околоводными ландшафтами, с берегами озер или окраинами болот, поросшими тростником или кустарниками, позволяют предположительно отнести его сейчас к лиманному фаунистическому комплексу Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Внутривидовая структура этого чекана до сих пор продолжает дискутироваться, и недавно из него был выделен еще один самостоятельный вид *S. stejnegeri* (см.: Zink et al., 2009; Коблик, Редькин, 2014; Редькин и др., 2015; Головина, Опаев, 2016; Opaev et al., 2018). На юге России чекан *S. maurus* sensu str., отличающийся более или менее широким белым надхвостьем и черными подкрыльями, представлен формой *S. m. variegatus* (Джамирзоев и др., 2017а; Loskot, Bakhtadze, 2020).

В Западной Сибири распространена номинативная форма *S. m. maurus* (рис.31), имеющая черные рулевые без белого поля в их основаниях. Этот подвид, расселявшийся в течение XIX - XX - XXI вв. из Сибири на запад по северу Европы, сейчас достиг Самарской обл. и западных районов Оренбургской обл. (Атлас …, 2020). Кроме того, сейчас появились сведения о летних встречах черноголовых чеканов в низовьях р. Еруслан в Заволжье у границы Саратовской обл. (Опарин и др., 2002, 2007; Завьялов и др., 2011), которые могут относиться к данной форме.

Прежние указания о гнездовании формы *S. maura* в Предкавказье (Россиков, 1888, с.48-49; Бёме, 1925, 1926; Радищев, 1926) следует относить к *S. m. variegatus* (Моламусов, 1967). Еще один подвид белохвостого чекана *S. m. armenicus* обитает в горах Армении и Ирана на высотах более 800 м н.у.м. (Loskot, Bakhtadze, 2020).

Необходимо иметь в виду, что окраска рулевых перьев у формы *S. m. variegatus*, служащая одним из основных диагностических признаков данного подвида, судя по данным В.М. Лоскота и Г.Б. Бахтадзе (Loskot, Bakhtadze, 2020), достаточно изменчива, что не всегда позво-

ляет однозначно определять этот вид по его габитусу, тем более в полевых условиях (рис.33). Есть основания полагать, что отмеченная вариативность является следствием гибридизации *S. m. variegatus* и *S. r. rubicola* в районах их вторичного контакта.

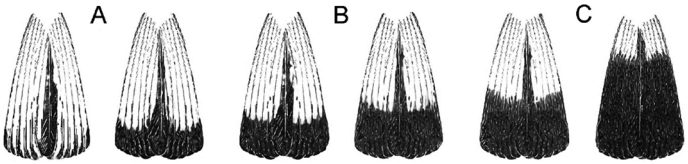

Рис. 33. Основные вариации окраски хвоста самцов *S. m. variegatus*: A – 5-10 мм; B – 11-20 мм; C – 21 мм и более черной каймы на конце (по: Loskot, Bakhtadze, 2020)

Следует также отметить, что особенности ареалов (рис.31) и специфика окраски оперения сибирского (*S. m. maurus*) и южных подвидов (*variegatus* и *armenicus*) белохвостого чекана (рис.32) могут свидетельствовать о видовой самостоятельности двух последних, обособленных популяций.

Распространение. Форма *S. m. maurus* характерна для Средней Азии и Западной Сибири, откуда позже расселилась по Европе к западу до Финляндии, Костромской обл. и Татарстана (Атлас …, 2020). Форма *S. m. variegatus* первоначально населяла, очевидно, Восточное Закавказье, откуда затем проникла на равнины Северо-Западного и Северного Прикаспия, включая Ставрополье, Калмыкию, юг Астраханской обл., а также в северные равнинные районы Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана (Россиков, 1888; Динник, 1886; Бёме, 1925, 1926; Хлебников, 1928; Волчанецкий, 1959; Чунихин, 1962; Моламусов, 1967; Кукиш, 1982; и др.). А в течение XX - XXI вв. этот чекан расселился по югу России на запад до Нижнего Дона, Приазовья и Крыма (Белик, 1999а; Казаков, Бахтадзе, 1999; Белик и др., 2001, 2009; Бахтадзе, 2002; Цвелых, 2011; Тильба, Мнацеканов, 2014; Очаповский, 2017; Казаков, 2022; и др.).

В настоящее время северная граница ареала проходит через низовья р. Миус в Северном Приазовье, низовья Сев. Донца и Цимлянские пески в Ростовской обл. (Казаков, Бахтадзе, 1999; Бахтадзе, 2002; Loskot, Bakhtadze, 2020; наши данные). Выводок белохвостых чеканов (2 взрослых и 4-5 слётков) отмечен также 16-18.06.2022 в степной балке на правом берегу Дона в 5 км выше устья р. Большая Голубая в Калачёвском р-не Волгоградской обл. (Соколов, 2022*б*). Кроме того, судя по фотоснимкам птиц, форма *S. m. variegatus* может проникать и севернее, в Воронежскую обл. В частности, территориальную пару,

самец в которой был типичным белохвостым чеканом (рис.35), наблюдали в 2021 г. в пойме р. Битюг у г. Бобров (А.Ю. Соколов, личн. сообщ.).

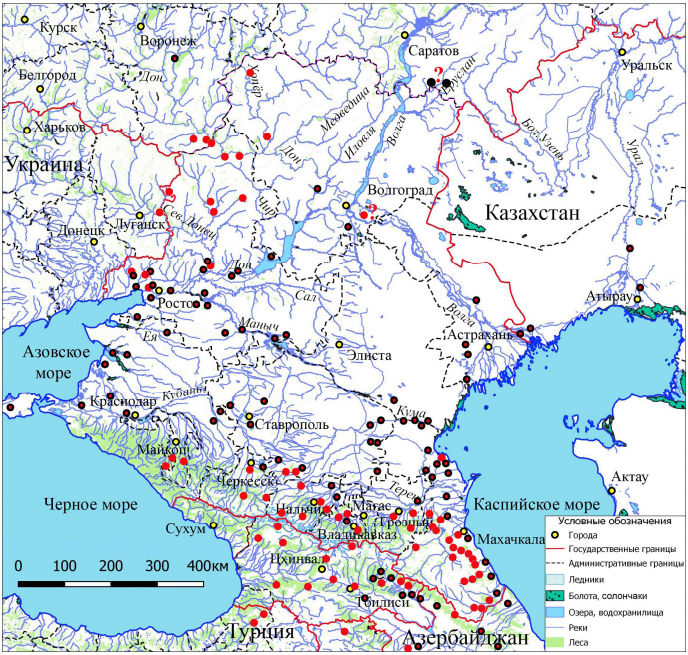

Рис. 34. Распространение черноголового и белохвостого чеканов на юге России (по: Казаков, Бахтадзе, 1999; Бахтадзе, 2002; Баник, 2015; Loskot, Bakhtadze, 2020; Казаков, 2022; с дополнениями):

красные пуансоны – черноголовый чекан; красно-черные пуансоны – белохвостый чекан; черные пуансоны – *S. m. maurus* (?)

Рис. 35. Белохвостый чекан, гнездившийся в Воронежской обл. 18.04.2021. Пойма р. Битюг. Фото А.Ю. Соколова

В низовьях Волги эти чеканы гнездятся у Астрахани, в дельте и в западных подстепных ильменях (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882;

Хлебников, 1890, 1928; Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Реуцкий, 2015). Вверх по Волго-Ахтубинской пойме сейчас они поднимаются до 48° с.ш., т.е. примерно до с. Черный Яр на севере Астраханской обл. (Атлас …, 2020), но у пос. Цаган-Аман в Калмыкии их гнездование не доказано (Цапко и др., 2009). Однако типичный белохвостый чекан был сфотографирован А. Семеновым 08.05.2022 у Сарпинских озер к югу от Волгограда (сайт: www.erbirds.ru). Хотя в пойме Волги у Волгограда нами в июне 2010 г. встречена пара чеканов, фенотипически соответствовавших *S. rubicola*. Правда, похожие темнохвостые птицы иногда встречаются и в популяциях *S. m. variegatus* (Loskot, Bakhtadze, 2020).

В степном Заволжье одиночный чекан впервые отмечен 14.09.1998 в Краснокутском р-не Саратовской обл., а в 2000 г. певший самец наблюдался там же в Приерусланской степи на лугу близ пруда у с. Комсомольское (Опарин и др., 2002, 2007; Завьялов и др., 2011). Этот чекан как очень редкий залетный вид указан для Приэльтонья, где пара птиц встречена 08.05.1969 в окрестностях Джаныбекского стационара (Линдеман, 1971; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009). Какой-то черноголовый чекан отмечен в начале мая 2022 г. также близ оз. Эльтон (Рупасов и др., 2022а). А в начале XX в. *S. m. maurus* наблюдали на пролете в низовьях Волги (Хлебников, 1928).

Местообитания. Гнездится на лугах и в луговых степях, часто у берегов степных водоемов, заросших кустарниками, тростником и другими макрофитами. В Предкавказье проникает в лесостепные предгорья. Гнездо вьёт на земле среди травы.

Численность. В связи с тем, что белохвостый чекан как вид до недавнего времени не дифференцировался, сборы полевых материалов по его численности и оценку его популяций ни в Европе, ни в России не проводили. Сейчас птицы достаточно обычны в некоторых районах Предкавказья. Во второй половине XX в. в Предкавказье, особенно в западных районах, наблюдался выраженный рост их численности в связи с расселением на север и запад (Белик и др., 2003).

В Калмыкии в ур. Светлый Ерик в низовьях р. Кума на высокотравных лугах с кустарниками в мае 1991 г. гнездились 4 пары на 3 км^2 (Музаев, Кукиш, 1993). В Приазовских плавнях в июне 2007 г. учтено 20 чеканов на 6 км маршрута (Тильба, Мнацеканов, 2014).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

351. Чекан черный *Saxicola caprata* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Редкий гнездящийся, перелетный вид, впервые найденный в 2005 г. в Астраханской обл. в дельте Волги (Матюхин, 2017).

Зоогеографические связи. Тропический вид Ориентального генезиса, расселяющийся на север и недавно проникший в Южную Россию из Средней Азии.

Таксономия. Большой политипический вид. В Северной Евразии гнездится только подвид *S. c. rossorum* (Степанян, 2003).

Распространение. Обитает в Юго-Восточной Азии и Индии, из которой чеканы проникли в Среднюю Азию до Аральского моря. В 2014 г. они были найдены на гнездовье в дельте р. Урал, а в 2005 г. наблюдались также в дельте Волги (Карпов, Ковшарь, 2014; Матюхин, 2017). Пара тревожившихся чеканов была встречена 16.06.2005 в 17 км южнее Астрахани, а в 200-250 м от них отмечена еще 1 птица. В 2007-2008 гг. чеканы, по-видимому, продолжали держаться там, но в мае 2009 г. найти их не удалось из-за обсыхания рисовых чеков и выжигания тростников (Матюхин, 2017). На зимовку эти птицы мигрируют вдоль восточного побережья Каспийского моря.

Местообитания. Сырые, заболоченные луга с реками, каналами и арыками, заросшими по берегам тростником; в дельте Волги – заброшенные рисовые чеки с дренажными канавами, заполненными водой.

Численность. В подходящих местах в Средней Азии обычный вид; в дельте Волги найдены единичные, спорадично гнездящиеся пары. Здесь можно ожидать быстрое увеличение численности.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

352. Каменка обыкновенная *Oenanthe oenanthe* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России, распространенный на равнинах и в горах вплоть до альпийских лугов (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. По разным данным, включает от 4 до 10 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В России распространена только номинативная форма, а для Закавказья некоторые авторы указывают более темную *Oe. oe. rostrata* или *Oe. oe. libanotica* (Портенко, 1954; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится на большей части Евразии от Атлантики до Чукотки, кроме тропических районов, а также на Аляске и на востоке Северной Америки. На юге России широко распространена во всех регионах как на равнинах, так и в горах, отсутствуя лишь в лесистых

и заболоченных ландшафтах. В горах Северного Кавказа обитает на всех хребтах, где в горных степях и на лугах сохранились низкотравные каменистые пастбища, от Тамани и полуострова Абрау у Новороссийска до Дагестана. На Черноморском побережье Кавказа гнездится в аридных районах от Анапы до Джубги, но восточнее, во влажных субтропиках, отсутствует (Кудашев, 1916; Пузанов, 1938; Стаховський, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2001, 2017, 2022; Белик, 2015а; Очаповский, 2017), однако в последние десятилетия каменка исчезает и в западных районах Причерноморья (Сара, 2007; Белик и др., 2009, 2017; Белик, 2013в; Тильба, 2016; и др.).

Местообитания. Селится одиночными парами в основном на сбитых пастбищах и пустырях по окраинам городов, поселков, сёл и хуторов, на кошарах и фермах, на свалках, у развалин или новостроек в степях и полупустынях, строя гнезда в различных нишах среди строений, камней, мусора и др. Отдельные пары гнездятся также в норах сусликов, тушканчиков и песчанок у степных дорог, реже в норах щурок и береговушек по обрывам оврагов и балок или в ямах и т.п. В горах и предгорьях держится на каменистых горностепных пастбищах вокруг селений и кошар по днищам долин и ущелий, на сбитых субальпийских лугах, на высокогорных плато и низкотравных альпийских лугах, используемых под пастбища, поднимаясь вверх до 2600-2800-3300 м н.у.м. (Бёме, 1926; Комаров, 2006; Поливанов, Бершицкая, 2006; Белик, Аккиев, 2023). На сенокосах, а также среди высокотравных степей и лугов отсутствует, быстро исчезая на степных и горных пастбищах вслед за прекращением выпаса домашнего скота и исчезновения сусликов и тушканчиков.

Численность. На юге России довольно обычна, местами немногочисленна или редка. В Европе обитает 5,3-15,8 млн., а в Европейской России – 0,5-1,4 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 50-250 тыс., в том числе около 8,5 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

В горах Кабардино-Балкарии встречается только в горной степи, где в прошлом являлась абсолютным доминантом в орнитоценозах, насчитывая 73 ос./км^2, или 31,3% всего птичьего населения (Афонин, 1985). Но летом 2016 г. на пастбищах в Безенгийском ущелье было учтено всего 0,5 пар/км маршрута на Боковом хр. и до 2-3 пар/км – близ с. Безенги в Северо-Юрской депрессии (Белик, Аккиев, 2023). В то же время у большого с. Былым в аридной депрессии в долине Баксана мы учли до 11 пар на 2 км маршрута, а на пастбищах у полузаброшенного с. Хасаут – 5 пар на 2 км. В Карачаево-Черкесии на низкотравных каменистых пастбищах и пустошах у г. Теберда были учтены 2 пары на

2 км маршрута, или 10 пар/км^2 (Белик, 2020а), а на Скалистом хребте на влажных лугах держалось 10-20 ос./км^2, тогда как на более сухих – от 4 до 54 ос./км^2 (Караваев, 2000).

На обрывах северного берега Азовского моря близ Таганрога в 1971 г. на 3 участках были учтены 0 пар/1 км, 1 пара/3 км и 11-13 пар/4 км маршрута, причем максимальная численность отмечена на обрыве возле с. Беглица (Белик, 2001а).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

353. Каменка-плешанка *Oenanthe pleschanka* (Lepechin, 1770)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейнов Волги, Дона и Маныча, а также побережий Азовского и Черного морей и гор Восточного Кавказа. На Центральном Кавказе случайно встречаются одиночные залетные птицы (Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Комаров, 2006; Белик и др., 2016; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Входит в сложную надвидовую группу, систематика которой затруднена значительным морфизмом входящих в нее форм. Прежде плешанку рассматривали как восточный подвид испанской каменки (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954), но в настоящее время она иногда считается самостоятельным монотипическим видом (Dickinson, Christidis, 2014), или в нем выделяют 2 подвида, в том числе номинативная форма *Oe. pleschanka*, распространенная на большей части видового ареала в России, Украине, Казахстане и Средней Азии (Панов, 1999; Степанян, 2003).

Плешанка представлена тремя морфами – типичной черногорлой, а также белогорлой («vittata»), которая возникла, вероятно, в результате гибридизации с испанской каменкой и сейчас изредка встречается в Казахстане и Средней Азии, в основном на Мангышлаке (Панов, 1999). На нее похожа и морфа «libyca» с изолированным черным пятном на ушных перьях (рис.36).

Распространение. Гнездится в северном Причерноморье и Прикаспии, в Предкавказье, а также в Казахстане и Средней Азии, Монголии и Китае (Панов, 1999). На юге России ареал мозаичен, и распространение плешанки на большей части территории спорадично. Гнездовья известны на высоких глинистых обрывах по северному и восточному побережью Азовского моря (Белик, 2001а; Мнацеканов, 2005; Казаков, 2022), по меловым обрывам в долине Дона к северу до Воронежа (Нумеров, 1996; Белик, 2005а; Белик, Гугуева, 2021; Нумеров и др.,

2021), по Сев. Донцу и его притокам до г. Лисичанск и севера Луганской обл. (Панченко, 1972; Ветров, 2019), а также по степным балкам с меловыми и известняковыми обрывами в низовьях Сев. Донца, Чира и Иловли (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 1999а; Белик и др., 2001; оригин. данные).

Плешанка гнездится также на известняковых и глинистых обрывах в долине Волги к северу до Хвалынска (Богданов, 1871; Завьялов и др., 2011; Белик и др., 2022а; Белик и др., в печати), а в Заволжье – на глинистых обрывах и скальных обнажениях соляных куполов у оз. Эльтон и Баскунчак (Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009; Амосов, 2010, 2012; Русанов, 2011), спускаясь по долине Волги на юг до ее дельты, где птицы селятся в казахских могильниках, в различных постройках и береговых глинистых обрывах (Kracht, 1919, 2014; Хлебников, 1930; Реуцкий, 2015).

Изредка плешанка гнездится по глинистым обрывам в долине Западного и Восточного Маныча, среди каменистых обнажений на Ставропольской возв. и Прикалаусских высотах, найдена также в верховьях р. Егорлык и в долине Кубани у Армавира (Медведев, Петров, 1959; Петров, Миноранский, 1962; Хохлов, 1991, 1993; Казаков, Белик, 1996; Казаков, 2022). Изолированный участок ареала тянется вдоль скалистых берегов Черного моря от Тамани и полуострова Абрау до пос. Архипо-Осиповка, прерываясь дальше к востоку из-за исчезновения береговых клифов (Кудашев, 1916; Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 1967, 2017; Сара, 2007; Тильба, 2016; Белик и др., 2009, 2017).

Обширное, относительно плотное кружево ареала расположено в сухих горах Дагестана, простираясь от предгорных хребтов к западу до восточных районов Чечни (Россиков,1884б, 1884в; Билькевич, 1893; Динник, 1905; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Моламусов, 1967; Волчанецкий, 1973; Джамирзоев и др., 2014; Белик, Насрулаев, 2019). В горах и предгорьях Центрального Кавказа известны единичные, преимущественно весенние залеты в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Комаров, 2006), в том числе 2 птицы встречены 02.09.1988 на Безенгийском леднике у подножия Главного Кавказского хр. (Вуккерт, Лоскот, 2022).

Ареал плешанки относительно динамичен, расширяясь в горах и на меловых обрывах в засушливые периоды и сокращаясь при увлажнении климата и зарастании пастбищ в результате снижения пастбищной нагрузки, что отмечалось на Дону и в Дагестане (Белик, Гугуева, 2021; Нумеров и др., 2021; наши данные).

Зимует плешанка в Африке и Передней Азии. Сезонные миграции идут

по ночам и на юге России практически не прослежены (Джамирзоев и др., 2014; Тильба, 2017, 2022; Вуккерт, Лоскот, 2022).

Местообитания. Гнездится в горностепных ландшафтах по сухим ущельям предгорий и гор, а также на коренных склонах речных долин, в степных оврагах и балках, в основном на скалистых и каменистых обрывах, местами также в глинистых промоинах, иногда на развалинах каменных и глиняных построек или на новостройках в населенных пунктах. Гнездо делает в нишах среди камней, в глубоких норах или нишах строений. В горы на Северном Кавказе поднимается до 1800-2200 м н.у.м. (Красовский, 1932; Бёме, 1933).

Численность. В Дагестане довольно обычна, в других районах Южной России немногочисленна и спорадична. В Европе обитает 23,7-107,0 тыс., а на юге Европейской России гнездится 15-50 тыс., в том числе около 7 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Однако в последнее время здесь наблюдается снижение численности, и сейчас на юге России она может составлять около 15-20 тыс. пар.

На открытых каменистых склонах хр. Нарат-Тюбе в предгорьях Дагестана обилие птиц в оптимальных стациях достигает 17,5 пар/км^2 (Джамирзоев и др., 2014). На глинистых обрывах северного берега Азовского моря близ устья Миусского лимана во второй половине XX в. в разные годы учитывали: 2 пары/2 км берега, 3 пары/1 км; 9-10 пар/2 км; 1 пара/1 км; 8 пар/4 км и 5 пар/3 км, в среднем 2,2 пары/км берега (Белик, 2001а). На юге Воронежской обл. в гнездопригодных местообитаниях в последние годы учитывали в среднем 0,9 пар/км маршрута, или в 4 раза меньше, чем в 80-90-е годы XX в. (Нумеров и др., 2021).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

354. Каменка чернопегая, или испанская *Oenanthe melanoleuca* (Güldenstädt, 1775)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Дагестана и возможно гнездящийся на Черноморском побережье в Краснодарском крае (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Чернопегая каменка, как и плешанка, – в таксономическом плане очень сложный вид, что связано с широкой гибридизацией этих двух форм в зонах симпатрии и парапатрии и с появлением многочис-

ленных фенотипов с промежуточными признаками (рис.36). Ранее некоторые из них принимались за отдельные виды, которым давали особые латинские названия, а позже их стали трактовать как цветовые морфы, которые причислялись то к одному, то к другому виду (Панов, 1999).

В прошлом к чернопегой каменке относили 4-5 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954); позже в самостоятельный вид была выделена плешанка (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006), а в последнее время бывшую испанскую каменку разделили еще на 2 вида: западную *Oe. hispanica* и восточную *Oe. melanoleuca* (Ullman, 2003). При этом восточные популяции получили название «черноухая каменка» (Коблик, Архипов, 2014), хотя черноухими являются почти все наши каменки. Поэтому более логично вернуться к ее прежнему русскому названию «чернопегая каменка», которое соответствует и ее латинскому названию (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954).

Чернопегая каменка в принимаемом сейчас объеме является монотипическим видом. От плешанки она отличается прежде всего белой окраской спины. С этих позиций к данному виду следует относить 4 морфы: белогорлую *aurita*, черногорлую *stapazina*, а также *gaddi* и собственно *melanoleuca* с черными перемычками по бокам шеи (рис.36). Последнюю морфу иногда относят к плешанке, называя ее «белоспинной плешанкой» (Панов, 1986, 1999).

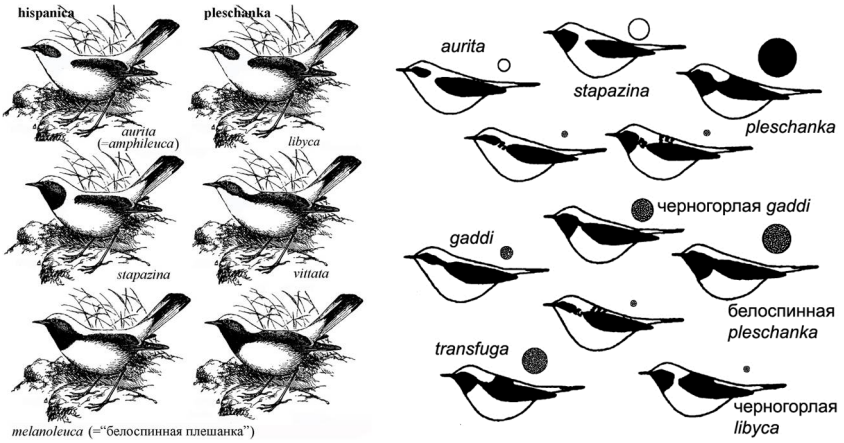

Рис. 36. Некоторые морфы испанской каменки и плешанки (оригинал) и фенотипы самцов в гибридной популяции Гобустана в Азербайджане. Без обозначений – промежуточные фенотипы. Кружками показаны примерные численные соотношения фенотипов (по: Панов, 1999, с.279)

По наблюдениям в предгорьях Дагестана между Махачкалой и Буйнакском, в смешанной гибридной популяции плешанки и испанской каменки в 1985 г. более половины из 23 самцов (почти 62%) приходилось на фенотип «*pleschanka*», а самцов с обликом типичной «*hispanica*» было крайне мало. Но в 1992 г. их доля там оказалась заметно выше: 10,0% – «*stapazina*»; 16,7% – «*aurita*»; 36,6% – гибридные фенотипы; 36,7% – «*pleschanka*» (Панов, 1999, с.286-287).

В 2002 г. в широкой котловине Орота в долине р. Аварское Койсу среди испанских каменок преобладали белогорлые самцы морфы *aurita*, а черногорлые *stapazina* чаще встречались выше по склонам в боковых балках. Изредка там отмечали также птиц морфы *gaddi*. Еще 5 самцов фенотипа *stapazina* мы наблюдали тогда также среди аридных бедлендов в низовьях р. Рубас (Белик, 2012; Белик, Насрулаев, 2019).

Распространение. Гнездится на юго-востоке Европы, в Малой и Передней Азии к востоку до Каспия, а также в Закавказье, откуда вдоль Каспийского моря проникает на юг Дагестана (Панов, 1999). Начиная с XIX в. отмечалась также в Крыму, где в 80-90-е годы XX в. на фоне роста численности подтверждено гнездование этого вида (Ю. Костин, 1983; Кинда и др., 2003; С. Костин, 2020; и др.). Из Крыма испанские каменки изредка залетают на Черноморское побережье Кавказа, где 2 самца добыты 14.06.1970 у Новороссийска и 05.08.1966 у Геленджика (Лоскот, 1983).

Кроме того, белогорлого самца морфы *aurita* наблюдали 16.04.2005 у береговых обрывов Черного моря между Туапсе и пос. Агой (Квартальнов, 2004), а черногорлый самец морфы *stapazina* встречен 15.06.2011 на мысу Малый Утриш на полуострове Абрау между Анапой и Новороссийском (Белик, 2012). Там же на прибрежных скалах 03.05.2014 наблюдали похожего самца, токовавшего у самки (sp.?) (Работа …, 2014). Еще одного самца 09.05.2016 сфотографировали на береговом обрыве близ пос. Кабардинка в Геленджикском р-не (Попович, Лучкин, 2017), а 24.08.2008 самец отмечен на Тамани на береговых обрывах у мыса Ахиллеон (Динкевич и др., 2013). Все эти встречи позволяют предполагать возможность проникновения чернопегой каменки из Крыма на Западный Кавказ на гнездовье (Белик, 2018д).

На Восточном Кавказе чернопегая каменка заселяет сухие известняковые горы Внутреннего Дагестана, проникая от предгорий до котловины Орота на р. Аварское Койсу (Белик, Насрулаев, 2019). В прошлом она встречалась, возможно, и в Ботлихской котловине на р. Андийское Койсу, для которой каких-то каменок под разными именами (*erythraea*, *leucomela*, *melanoleuca*, *amphileuca*, *aurita*, *morio*) указывали К.Н. Россиков (1884б, 1884в, с.282, 1885, с.101) и Н.Я. Динник (1905, с.65).

Из этих названий *aurita*, *amphileuca* и *melanoleuca* могут относиться к чернопегой каменке, возможно – к ее разным морфам (Лоскот, 1976; Панов, 1986, 1999; Степанян, 2003). Форма *Oe. erythraea*, является синонимом *Oe. stapazina* (Богданов, 1879), которая тоже относится к чернопегой каменке. Однако сейчас эти каменки в Ботлихской котловине, по-видимому, не гнездятся и нами ни разу не встречены, несмотря на специальные поиски в 2018-2021 гг. Но в июле 1904 г. черноухая каменка *Oe. aurita* была отмечена Н.Я. Динником (1905, с.63) также у оз. Кезеной-Ам на Андийском хр. Эту же каменку *Oe. aurita* (=*xanthomelaena*), которая распространена в Малой Азии и Аджарии (по: Портенко, 1954), в июне-июле 1882 г. наблюдали и в Северной Осетии у Мамиссонского перевала (Динник, 1884, с.60; Бёме, 1926).

Зимует чернопегая каменка в Африке. Ее миграции на юге России не прослежены. Весной в Дагестан она прилетает в начале апреля (Джамирзоев и др., 2014).

Местообитания. Широко распространена только в сухих горах и предгорьях Восточного Кавказа, изредка встречается на прибрежных известняковых скалах вдоль Черного моря в Краснодарском крае, а также в Крыму. Обитает по скалистым обрывам, в сухих безлесных ущельях и на каменистых склонах с редкими кустарниками, нередко селится у различных каменных развалин. Гнездо делает обычно в нишах среди камней.

Численность. В Дагестане местами довольно обычна. Популяции двух форм этой каменки – западной *Oe. hispanica* и восточной *Oe. melanoleuca* – в Европе насчитывают вместе 1,3-3,7 млн. пар, а на юге Европейской России численность чернопегой каменки в начале XXI в. составляла 2,5-5,0 тыс. пар (Белик, 2005б; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017), при этом в Дагестане был отмечен рост ее численности (Белик и др., 2003). На хр. Нарат-Тюбе в сухих предгорьях Дагестана гнездовое обилие в 2003 г. было оценено в 2 пары/км^2 (Джамирзоев и др., 2014).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

– Каменка черная *Oenanthe picata* (Blyth, 1847)

Характер пребывания. Ошибочно указана для территории Калмыкии вследствие неверного определения добытых птиц (Девятко, Джамирзоев, 2012; Чуйков, 2014; Работа …, 2016).

Зоогеографические связи. Типичный представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Прежде полагали, что этот вид состоит из 3 подвидов: бе-

лобрюхого *Oe. p. picata*, распространенного в Туркмении, чернобрюхого *Oe. p. opistholeuca*, населяющего Памир, и белобрюхого и белоголового *Oe. p. capistrata*, похожего на плешанку и черношейную каменку, который приурочен к Тянь-Шаню. Иногда их выделяли даже в качестве отдельных видов (см.: Лоскот, 1972; Степанян, 2003). Нередко также считают, что черная каменка представлена тремя разными морфами, которых нельзя рассматривать в качестве подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). По мнению Е.Н. Панова (1999, с.182), этот вид первоначально включал 3 подвида, но затем в результате поглотительной гибридизации весь ареал подвида *capistrata* «оказался занятым полиморфной гибридогенной формой *capistrata* × *opistholeuca*». Следует полагать, что систематика этой группы каменок нуждается, очевидно, в дальнейшем более тщательном изучении.

Распространение. Гнездится в Передней и Средней Азии. На Ергенях в Малодербетовском р-не Калмыкии 02.05.1890, а затем в 1905 г. В.А. Хлебников добыл 2 самцов, определенных им как каменки-плешанки (*Saxicola morio*). Однако впоследствии в Музее природы Харьковского университета, где хранятся эти птицы, их переопределили как черные каменки (*Oenanthe picata*) (Девятко, Джамирзоев, 2012). Информация об одной из этих птиц была опубликована также в статье Ю.С. Чуйкова (2014): «Черная каменка – *Oenanthe picata* (Blyth, 1847) № 19249. [вероятно Россия, Калмыкия, Малые Дербеты], Малодерб. улус. М. 2.V.1890. В.А. Хлебников».

Изучив полученные от Т.Н. Девятко фотографии тушек этих птиц, Северокавказская орнитофаунистическая комиссия пришла к выводу об их принадлежности к виду каменка-плешанка (*Oenanthe pleschanka*, син.: *Saxicola morio*), подтвердив правильность их первоначального определения В.А. Хлебниковым. Информация же о встрече черной каменки (*Oenanthe picata*) в Калмыкии, содержащаяся в указанных публикациях, признана не соответствующей действительности (Работа …, 2016).

Местообитания. Гнездится обычно в опустыненных предгорьях и горах с каменными, конгломератовыми или глинистыми обрывами, рядом с которыми имеются сухие, низкотравные пастбища, где эти каменки обычно кормятся (Панов, 1999).

Численность. В сухих предгорьях Средней Азии местами довольно многочисленна или обычна (Дементьев, Гладков, 1954; Панов, 1999; Ковшарь, 2019).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

– Каменка черношейная *Oenanthe finschii* (Heuglin, 1869)

Характер пребывания. Черногорлая каменка (*Oe. erythraea=finschii*) была, по-видимому, ошибочно указана для горного Дагестана и Чечни (Россиков, 1884б, с.275), но установить источник ошибки сейчас невозможно, поскольку эти каменки среди сборов К.Н. Россикова в ЗИН РАН отсутствуют (Коблик и др., 2006, с.206). К тому же запутанная латинская синонимика в группе каменок затрудняет выяснение того, какие виды и морфы могли наблюдаться им на Восточном Кавказе. Решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии эта каменка исключена из фауны Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Типичный представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. В последнее время к этому виду относят 2 подвида, в том числе номинативный, распространенный в Малой и Передней Азии и в Азербайджане, и *Oe. f. barnesi*, населяющий Среднюю Азию (Панов, 1999). Иногда черношейная каменка рассматривается как монотипический вид (Степанян, 2003). Прежде эти каменки объединялись в один вид с чернобокой, или траурной каменкой *Oe. lugens* (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954).

Распространение. Гнездится в Малой, Передней и Средней Азии. Из Ирана проникает в сухие предгорья Азербайджана, где обычна в Нахичевани и найдена в Гобустане на юго-восточной окраине Большого Кавказа (Букреев, Джамирзоев, 2005). Осенью 1882 г. К.Н. Россиков (1884б) отметил черногорлую каменку (*Oe. erythraea*) в ущелье Хулхулау в Чечне и в Ботлихской котловине на р. Андийское Койсу в Дагестане. Кроме того, там же в горах им была найдена плешанка (*leucomela*), а весной 1983 г. в ущелье р. Андийское Койсу он отметил черноухую каменку (*melanoleuca*) и плешанку (*leucomela*) (Россиков, 1884в, с.282); летом 1885 г. он нашел там чернопегую (*melanoleuca*), черногорлую (*erythraea*) и черноухую (*amphileuca*) каменок (Россиков, 1885, с.101). Наконец, для котловинной фауны Восточного Кавказа он указывал чернопегую каменку (*melanoleuca*), плешанку (*leucomela*) и *Oe. amphileuca* (Россиков, 1888, с.54).

Из этих названий *amphileuca* и *melanoleuca* могут относиться к испанской каменке, возможно – к ее разным морфам (Лоскот, 1976, 1986; Панов, 1986, 1999; Степанян, 2003). Форма *Oe. erythraea*, является синонимом *Oe. stapazina* (Богданов, 1879), которая в свою очередь тоже считается одной из морф испанской каменки. Но *Oe. erythraea* рассматривается иногда также и как синоним *Oe. finschii* (Панов, 1999).

Возможно, указания о встречах «черногорлой каменки» могут относиться к одному из вариантов гибридов испанской каменки и плешанки, к так называемой белоспинной плешанке, от которой черношейная каменка отличается голосом и манерой поведения (Коблик и др., 2006, с.206), а также некоторыми деталями окраски рулевых перьев (Гладков и др., 1964).

Однако сейчас в Ботлихской котловине гнездится только плешанка, а испанская каменка там ни разу не наблюдалась, несмотря на наши специальные поиски. Ближайшее место, где она найдена – котловина Орота на р. Аварское Койсу (Белик, Насрулаев, 2019).

В середине апреля 1978 г. черношейная каменка вместе с плешанкой отмечена также в предгорьях Дагестана у с. Утамыш Каякентского р-на среди пастбищ с куртинами деревьев и кустарников (Гарушянц, Кузнецов, 1981), однако никаких конкретных сведений об этой необычной встрече в сообщении не приведено. Возможно, и это указание относится к встрече гибрида испанской каменки и плешанки.

Местообитания. Гнездится обычно в опустыненных холмистых предгорьях с выходами камней, с глинистыми оврагами, промоинами и т.п., как правило, не поднимаясь выше 700-800 м н.у.м. (Панов, 1999).

Численность. В Турции гнездится 100-300 тыс., а в Азербайджане – 1-10 тыс. пар (Birds in Europe …, 2004). В Нахичевани, в Закавказье, эта каменка обычна и в сухих каменистых ландшафтах встречается с обилием от 4,7 до 17,4 ос./10 км маршрута, гнездясь небольшими, изолированными группировками (Тарасов, 1975). В Гобустане в 2003 г. было учтено 6 пар на 5 км, 5 пар на 2 км и 3 самца на 0,5 км маршрута (Букреев, Джамирзоев, 2005).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

355. Каменка пустынная *Oenanthe deserti* (Temminck, 1825)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Южной России, граница гнездового ареала которого в последнее время вплотную приблизилась с востока к Астраханской обл. (Белик и др., 2016; Матюхин и др., 2016).

Зоогеографические связи. Очень пластичный обитатель горных и равнинных аридных регионов области Древнего Средиземья, которого сейчас можно условно отнести к пустынно-горному фаунистическому комплексу Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 3-5 подвидов, распространенных в Африке, на Ближнем Востоке, в Передней и Средней Азии, на Алтае, в Монголии и Тибете (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Панов, 1999;

Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На юг России залетает, вероятно, *Oe. d. salina*, обитающая в Казахстане (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в пустынном поясе от Северной Африки до Монголии и Тибета. В Казахстане обитает в пустынях от Каспийского и Аральского моря до оз. Балхаш и Алтая. Небольшая популяция распространена в Азербайджане (Панов, 1999). В Северном Прикаспии птицы расселяются на запад и в последние десятилетия найдены на гнездовье между дельтами р. Урал и Волга (The EBCC Atlas …, 1997; Карпов, 2008; Белялов, Пестов, 2011; Матюхин и др., 2016).

Залеты пустынной каменки прежде отмечали в Калмыкии и Дагестане (Самородов, 1982, 1989; Вилков, 1999, 2004), но эти визуальные встречи не подтверждены конкретными фактическими данными, и поэтому данный вид не был включен в фауну Южной России (Белик и др., 2006). Однако в последние годы получены документальные подтверждения двух залетов: 24.09.2015 взрослый самец сфотографирован в районе КавМинВод в Предгорном р-не Ставропольского края (Елистратов, 2015), а 17.11.2015 еще один самец сфотографирован на Имеретинской низменности в Адлере в Краснодарском крае (Тильба, Шагаров, 2015).

Местообитания. Обитает в самых разнообразных ультра-аридных ландшафтах от каменистых и щебнистых пустынных высокогорий до песчаных и глинистых пустынь Средней Азии, где птицы занимают норы песчанок и тушканчиков, ниши в обрывах и постройках и даже дупла саксаула.

Численность. Для Европы указывается 110-1100 пар, в том числе 100-1000 пар в Азербайджане (The EBCC Atlas …, 1997; Snow, Perrins, 1998; Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017). В пустынях Казахстана немногочисленна или редка: на Мангышлаке учитывали 3 пары на 3 км и 1 пару на 8 км маршрута, а в саксаульниках на Устюрте – в среднем 4,2 ос./10 км маршрута (Губин, 2015). В Туве гнездится обычно от 1 до 10 пар/км^2 (Панов, 1999).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

356. Каменка-плясунья *Oenanthe isabellina* (Temminck, 1829)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех равнинных регионов Южной России, а в горах Северного Кавказа встречается на миграциях (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в пустынно-степном поясе Евразии от Балкан и Малой Азии до Монголии на востоке (Панов, 1999). Южную Россию плясунья заселила, по-видимому, относительно недавно, проникнув из Малой Азии вдоль Каспия и начав быстрое расселение на север в Поволжье (Воинственский, 1960), тогда как в степях Казахстана к северу до Арала, Балхаша и Зайсана распространена среднеазиатская популяция, изолированная от южнорусской широким гиатусом между Аральским морем и р. Эмба (Гаврилов, 1970). В Поволжье в середине XIX в. эти птицы были распространены до Сарепты (Волгограда), возможно – до Камышина, в начале XX в. они появились у Вольска, а в 1920-е годы найдены уже у Сызрани в Самарской обл. (Богданов, 1871; Бостанжогло, 1911; Формозов, 1959).

В Предкавказье в начале XX в. плясунья гнездилась на Ставрополье, а к западу встречалась до р. Егорлык на юге Ростовской обл. (Динник, 1886; Браунер, 1907), но в Приазовье и на Нижнем Дону (у Краснодара, Азова, Ростова, Таганрога) еще отсутствовала (Жарко, 1909; Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Аверин, 1911; Белик и др., 2013). К середине XX в. плясунья заселила Нижний Дон, а в районе г. Цимлянска местами проникла и на его правобережье (Дементьев, Гладков, 1954; Варшавский, 1965; Казаков, 2022). В Восточном Приазовье она появилась лишь во второй половине XX в., однако на Тамани не гнездится, по-видимому, до сих пор (Очаповский, 1967, 2017; Белик, 1972; Лохман и др., 2004, 2005, 2006; Белик и др., 2009; Казаков, 2022). В июне 1959 г. плясунья найдена на полуострове Абрау у Новороссийска, а 31.07.1957 отмечена у Геленджика (Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 2017), но сейчас она там нигде не гнездится (Белик, 2013в; Тильба, 2016; Попович, Семенова, 2018).

Правобережье Дона плясунья начала активно заселять в середине XX в. Летом 1947-1950 гг. ее еще не было в Провальской степи у границы Луганской обл. (Волчанецкий, 1950), не отмечали ее в 1951-1953 гг. и в низовьях р. Деркул на левобережье Сев. Донца (Образцов, 1956), но в июне 1952 г. пару этих птиц встретили у норы в верховьях р. Миус и установили гнездование в Стрельцовской степи у с. Меловое на севере Луганской обл. Позже, 31.05.1971, пару плясуний наблюдали у моста через р. Деркул, а в 1973 г. выводок нашли у Луганска. Кроме того, в 1973 г. много птиц оказалось в Провальской степи на Донецком кряже – от Краснодона до г. Свердловска (Панченко, 1976).

На Верхнем Дону пара птиц впервые обнаружена в 1944 г. в Калачеевском р-не на юго-востоке Воронежской обл., а в 1957-1959 гг. плясу-

нья найдена на гнездовании уже в окрестностях Хоперского заповедника. К середине 1970-х годов птицы постепенно расселились к северу до Воронежа, но в настоящее время они весьма спорадично распространены в основном на юге и востоке Воронежской области (Нумеров и др., 2021). Лишь небольшие локальные гнездовые группировки сохранились в настоящее время и на юго-востоке Белгородской обл. (Соколов, 2019).

Весьма быстро плясунья расселялась в XX в. также по сухим степям Северного Приазовья. В 1940-е годы она была впервые найдена в районе Бердянска, а в конце мая 1968 г. – на востоке Запорожской обл. В 1973 г. колонию птиц нашли в Присивашье, и вскоре плясунья широко расселилась уже по северным равнинным районам Крыма, а с 1988 г. гнездится и в Горном Крыму (Шарлемань, 1948; Воинственский, 1960; Лоскот, 1969; Костин, 2020).

В настоящее время эта каменка гнездится почти во всех равнинных регионах Южной России, кроме лесистых и заболоченных районов, а на Центральном и Восточном Кавказе местами проникает в сухие предгорья и низкогорья (Моламусов, 1967; Хохлов, Тельпов, 1984; Пекло, Тильба, 2007; и др.). Но в последние десятилетия ее ареал здесь начал повсеместно сокращаться и стал очень фрагментированным даже в сухом Волгоградском Заволжье, что связано с резким снижением пастбищной нагрузки, зарастанием степных и полупустынных пастбищ густым высокотравьем и исчезновением там сусликов и тушканчиков с их норами (Варшавский, 1965; Белик, 2005а, 2019а; Белик, Федосов, 2017; Белик, Коренев, 2020; Белик, Гугуева, 2021; Белик и др., в печати).

Гнездование плясуньи неоднократно указывали также для горных районов Северного Кавказа, в том числе на альпийских пастбищах в высокогорьях (Россиков, 1884б, 1884в; Ткаченко, 1966; Поливанов и др., 2000; Поливанов, Поливанова, 2002; Поливанов, Бершицкая, 2006; Караваев и др., 2015; и др.). Эти утверждения были основаны, возможно, на авторитете М.Н. Богданова (1879), который привёл плясунью для горных лугов около оз. Кезеной-Ам на Андийском хр. в Чечне. Позже его ошибку исправил К.А. Сатунин (1910), который тоже побывал на оз. Кезеной-Ам и нашел там на каменистых осыпях только обыкновенную каменку. Плясунья же, по его словам, характерна для равнинных глинистых степей и полупустынь не выше 1200 м н.у.м., а в горах может появляться только на миграциях, однако за нее иногда принимают там самок обыкновенной каменки, особенно в свежем осеннем оперении (Белик, 2022а).

По наблюдениям Х.Т. Моламусова (1967, с.83-84), в горах плясунья нередко гнездится в Закавказье, где доходит до 2000 м н.у.м., а на Северном Кавказе она проникает в низкогорья только в Дагестане, который «является как бы переходным звеном между Северным Кавказом и Закавказьем, … а горная степь там резко отличается от горной степи других районов Северного Кавказа чрезвычайной сухостью». Еще выше в горы, до 2200-2800 м н.у.м., плясунья поднимается в Средней Азии (Гаврилов, 1970; Панов, 1999), где представлена, вероятно, другая популяция (см. выше).

Зимует плясунья в Африке и Передней Азии, частично в Закавказье и Туркмении (Шевченко, Ниясов, 1985). Мигранты регулярно встречаются весной и осенью по всей Южной России, в том числе на Черноморском побережье Кавказа и в горах до 3200 м н.у.м. (Комаров, 2006, 2013), останавливаясь днем на отдых в различных открытых местообитаниях в одиночку и стайками. В пустынях и полупустынях Заволжья каменки незаметно отлетают осенью во второй половине августа - начале сентября, изредка задерживаясь до второй половины октября (Гаврилов и др., 1968). Мигрируют они оттуда несколькими волнами в основном на юго-запад и юго-восток в облёт Каспийского моря (Шевченко, Ниясов, 1985), а в первой декаде сентября 1991 г. в устье р. Самур в Дагестане на западном побережье Каспия мы наблюдали по утрам лёт одиночных птиц со стороны моря над самой водой к берегу (Белик, 2018а, с.45). Весной в Волго-Уральское междуречье плясуньи прилетают в среднем 20.03., преодолевая около 2000 км за 1 месяц со средней скоростью около 66 км в сутки (Шевченко, Ниясов, 1985).

Местообитания. Обитает в основном в целинных степях и полупустынях с низким травостоем, везде предпочитая сильно сбитые, унавоженные пастбища вокруг сёл, кошар и ферм с многочисленными норами сусликов или тушканчиков. Местами встречается в сухих открытых ландшафтах предгорий, а на Восточном Кавказе проникает в низкогорья. При зарастании степных и луговых пастбищ густым высокотравьем и после исчезновения сусликов и тушканчиков, вскоре исчезает и плясунья. Гнездо она делает в основном в глубине нор грызунов: сусликов, тушканчиков, песчанок, иногда – сурков, изредка занимает также старые норы щурок и береговушек в обрывах (Реуцкий, 2015; Казаков, 2022).

Численность. На юге России на степных пастбищах прежде была обычна, но сейчас встречается редко и спорадично. В Европе обитает 2,1-6,2 млн. пар, а популяцию Европейской России в начале XXI в. оценивали в 50-150 тыс., а через десятилетие – в 32-80 тыс. пар, при

сильном падении численности (Мищенко и др., 2004, 2017; European birds …, 2017). Эти же оценки давались тогда и для Южной России, в том числе предполагалось обитание более 90 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. во многих районах, особенно в бассейне Дона, отмечено резкое сокращение численности (Белик и др., 2003).

В Приэльтонье в 1950 г. в густонаселенных районах учитывали до 1,3 особей, в среднем – 0,6 ос./10 км автомаршрута, но в безлюдных районах плясунья практически отсутствовала (Динесман, 1960). А на Ставрополье в 70-80-е годы XX в. учитывали обычно 5-10 ос./км маршрута (Хохлов, 1991). В каменистой Провальской степи на Донецком кряже в 1973 г. на сильно сбитых пастбищах учтены 35 пар на 25 га, или 1,4 пар/га, местами же держалось до 25 гнездящихся пар на 2 га. Но в высокотравной ковыльно-типчаковой степи 1 пара приходилась в среднем лишь на 16 га (Панченко, 1976).

На сбитых типчаково-полынных пастбищах в Приерусланской степи в 2001-2002 гг. было 4,6 пар/10 га, а в целинной степи без выпаса скота гнездились всего 2,0 пары/10 га (Опарин и др., 2004; Опарин, Опарина, 2006). На юге Воронежской обл. в балках гнездились 7-9 пар/км^2, а местами на меловых холмах обилие достигало 42 пары/км^2 (Нумеров и др., 2021). В Сальских же степях на юго-востоке Ростовской обл. на выгоне у хутора в 1990 г. учтены 3 пары на 10-15 га (Белик, Коренев, 2020).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

357. Соловей тугайный *Cercotrichas galactotes* (Temminck, 1820)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Дагестана, по-видимому, сравнительно недавно проникший на юг России из Восточного Закавказья; расселяясь сейчас дальше, случайно залетает в Калмыкию и Астраханскую обл. (Белик и др., 2016; Федосов, 2021; Паньков, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 4-5 подвидов, из которых в Средней Азии, Закавказье и Дагестане распространен *C. g. familiaris* (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014)

Распространение. Обитает в Северной Африке и в области Древнего Средиземья от Пиренеев до Средней Азии. В России достоверно гнездится только на Приморской низменности и в прилегающих предго-

рьях Дагестана, куда сравнительно недавно проник из Восточного Закавказья. Впервые эту птицу отметил в июне 1871 г. в низовьях Терека М. Богданов (1879). Почти через 100 лет, 31.05.1963, в Дагестане в долине р. Шура-Озень возле с. Кумтор-Кала экспедицией И.Б. Волчанецкого был добыт самец (Волчанецкий, 1973; Девятко, Джамирзоев, 2012).

До 1980-х годов тугайный соловей изредка встречался и местами гнездился в приморских районах Дагестана от р. Самур до дельты Терека (Гасангусейнов и др., 1998; Джамирзоев и др., 2000; Джамирзоев, Насрулаев, 2009), но в последующие годы его в Дагестане практически не встречали, что отчасти могло быть связано с отсутствием специальных исследований. Одиночная птица была вновь отмечена 18.05.2006 на северном берегу Кизлярского залива недалеко от устья р. Кума (Букреев и др., 2007) и однажды случайно встречена нами 04.05.2009 в типичной гнездовой стации в Терско-Кумском междуречье в 20 км к востоку от с. Терекли-Мектеб (Белик, 2013д). Еще одного самца наблюдали 12.05.2013 в грядово-бугристой песчаной степи с куртинами деревьев и кустарников у северо-восточного подножья бархана Сарыкум (Букреев, Джамирзоев, 2013; Букреев, 2014), а 09.06.2016 там было найдено гнездо тугайного соловья (Хамфри, 2016).

Рис. 37. Распространение тугайного соловья на юге России:
красная заливка – гнездовой ареал; красные пуансоны – летние встречи в Дагестане в XX-XXI вв.; черно-красный пуансон – место встречи в XIX в.; красно-зеленые пуансоны – залеты в Астраханскую обл. и Калмыкию

Можно полагать, что северная граница ареала этого вида в Дагестане пульсирует, но условно ее следует проводить сейчас через песчаные полупустыни в Терско-Кумском междуречье. Очевидно, в связи с отмеченной пульсацией ареала стоят встречи тугайного соловья в окрестностях Астрахани, где птицу сфотографировал 11.07.2015 у с. Николаевка В.Е. Паньков (2022), а также в долине Западного Маныча в Приютненском р-не Калмыкии, где этого соловья дважды наблюдали 22.05. и 11.07.2021 на усадьбе охотхозяйства Манц в сосновом сквере на берегу Маныча, а в начале июня 2005 г. он был встречен Г.И. Эрдневым в лесополосе близ пос. Цветной (Федосов, 2021; Федосов и др., 2022).

Зимует тугайный соловей в Африке (Dickinson, Christidis, 2014). Весной птицы возвращаются с зимовок в конце апреля - начале мая, а улетают в конце августа - начале сентября (Дементьев, Гладков, 1954). Гнезда в Дагестане находили в июне (Гасангусейнов и др., 1998; Хамфри, 2016).

Местообитания. Спорадично гнездится в кустарниковых зарослях среди солончаков на приморских низменностях и по речным поймам в сухих предгорьях Дагестана. Предпочитает густые кустарниковые куртины среди открытых участков, но может гнездиться в садах и виноградниках возле населённых пунктов. Гнездо в виде рыхлой корзинки из сухих прутиков и травы вьёт в кустах, обычно невысоко над землей.

Численность. В Европе обитает 230-623 тыс. пар, а в Дагестане в начале XXI в. численность оценивали всего в 10-50, а позже – в 10-100 пар (Джамирзоев и др., 2000; Белик, 2005б, 2014; European birds …, 2017). В последнее время в связи с расселением и ростом численности, популяцию на юге России оценивают в 200-250 пар (Атлас …, 2020; Джамирзоев, Букреев, 2020), хотя имеются сведения о встречах всего 7 пар (Джамирзоев, 2017, 2018; Джамирзоев, Джигерова, 2017). На Приморской низменности у Дербента обилие птиц в июне 1985 г. составляло 2 территориальных самца на 5 км маршрута, или около 4 пар/км^2, а у бархана Сарыкум близ Махачкалы в 2016-2017 гг. учтены 2,6 и 0,3 ос./км^2 (Гасангусейнов и др., 1998; Джигерова, 2019). В Дагестане на границе ареала популяция пока неустойчивая, и гнездовья здесь нестабильны (Джамирзоев, Насрулаев, 2009; Букреев, Джамирзоев, 2013; и др.).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Дагестана (3 категория), хотя те же авторы видового очерка (Джамирзоев, Букреев, 2020) прежде отмечали, что «принятия специальных мер охраны вида на территории Дагестана не требуется» (Букреев, Джамирзоев, 2013, с.262).

Однако его небольшая популяция в Дагестане нуждается в более тщательном мониторинге и изучении (Белик, 2014).

358. Каменный дрозд пестрый *Monticola saxatilis* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех горных регионов Северного Кавказа, а также Ставропольской возв. и случайно залетающий в соседние регионы Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Включает 2-3 подвида, из которых номинативный распространен на Кавказе, в Крыму, Малой Азии и Средиземноморье (Портенко, 1954; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). Некоторые исследователи считают этот вид монотипическим (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в области Древнего Средиземья от Пиренеев до Средней Азии и Прибайкалья. Изолированные группировки известны в Мугоджарах и других степных горных кряжах на севере Казахстана (Сушкин, 1908; Гаврилов, 1970). На юге России гнездится в горах по всему Кавказу от полуострова Абрау в Краснодарском крае до Дагестана на востоке. Вероятно реликтовые гнездовья встречаются также на Ставропольской возв., где 17.06.1973 на Прикалаусских высотах в верховьях р. Томузловка на высоте около 500-600 м н.у.м. встречена пара, из которой добыт самец с развитыми гонадами (Лиховид, Тертышников, 1977).

Изолированная популяция была найдена также на Западном Кавказе на скалах по Черноморскому побережью между Анапой и Новороссийском и на сухих, лишенных густой древесной растительности каменистых склонах хр. Маркотх и горы Дооб у Геленджика (Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 1967, 2017; Казаков, Белик, 1971), куда птицы проникли, по всей видимости, из Крыма. Однако в последние десятилетия они в этих районах не встречаются, возможно, из-за зарастания гор лесом (Сара, 2007; Белик, 2013в; Тильба, 2016; Белик и др., 2017). Лишь 01.05.2014 одиночного самца наблюдали на строящемся доме в пос. Стрелка Темрюкского р-на на Таманском полуострове (Пекло и др., 2019).

В горах птицы гнездятся на Главном, Боковом и Скалистом хребтах – на склонах, лишенных обширных лесных массивов, а также в аридных горностепных котловинах между Скалистым и Боковым, реже – между Боковым и Главным хр., и кроме того – по сухим ущельям известнякового Внутреннего Дагестана. Однако на влажном, лесистом

Западном Кавказе, где горных степей практически нет, каменные дрозды встречаются преимущественно на теплых, сухих склонах южных экспозиций в субальпике Бокового хр., не заходя на холодный Водораздельный хр. и проникая к западу только до скальных массивов субальпийского плато Лагонаки (Перевозов, 2017, 2022). Но однажды 25.05.2015 гнездовая пара найдена на скалах горы Черногор на соседнем плато Черногорье в верховьях р. Пшеха в Апшеронском р-не Краснодарского края (Пекло и др., 2019).

Рис. 38. Распространение пестрого каменного дрозда на юге России: красная заливка – гнездовой ареал; красные пуансоны – места летних встреч; черно-красные пуансоны – встречи залетных птиц

В Карачаево-Черкесии, где столовые вершины Скалистого хр. используются под пастбища и сенокосы и поэтому почти лишены сплошных лесов, каменные дрозды расселяются по ущельям далеко на север, вплоть до Мелового хр., где птиц неоднократно отмечали у Кисловодска, а также в истоках р. Юца на Джинальском хр. на высоте около 1200-1300 м н.у.м. и на скалах горы Лысой в Краснодарском крае между Урупом и Большим Зеленчуком на высоте 1026 м н.у.м. (Lorenz, 1887, 2011; Bier u.a., 1975; Хохлов, Тельпов, 1984; Тельпов и

др., 1991; Тильба и др., 2018; Белик, 2019а). Возможно, через эти степные районы со скалистыми лакколитами в окрестностях КавМинВод каменные дрозды проникали и на Ставропольскую возв. (Лиховид, Тертышников, 1977).

В горах Дагестана пестрые каменные дрозды селятся в менее пустынных и более влажных районах, поэтому в сухих предгорьях и низкогорьях отсутствуют, а в среднегорьях встречаются значительно реже синих дроздов (Билькевич, 1893; Бёме, 1935; Белик, Насрулаев, 2019), тогда как в субальпийских и альпийских высокогорьях на Главном и Боковом хр. они распространены, наоборот, шире и более обычны (Красовский, 1932; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2003).

Зимуют каменные дрозды в Африке. Их миграции на юге России выражены слабо, но в пустынно-степных районах весной изредка отмечаются пролетные птицы, вероятно, из мугоджарской популяции, которых обычно относят к залетным. Так, имеются сведения о встречах этих птиц в Восточном Приазовье (Олейников, Харченко, 1964); одиночный самец наблюдался в мае 1976 г. в заповеднике «Стрельцовская степь» в Луганской обл. рядом с пос. Чертково, что на севере Ростовской обл. (Бураков, Сулик, 2000); самец встречен 03.05.2017 в Черноземельском р-не Калмыкии (Урусова и др., 2017); самца видели 09-11.05.1998 в дельте Волги (Русанов, 2011; Реуцкий, 2015); птиц встречали также 07.04.1965, 16.04.1965 и 12.04.1966 в пустынях на юге Волго-Уральского междуречья в Казахстане (Гаврилов и др., 1968).

Местообитания. Гнездится в основном в каменистых горных степях и на низкотравных субальпийских пастбищах, местами спускается в предгорья, в том числе в степи Предкавказья и на сухое, скалистое побережье Черного моря в районе Новороссийска. На Ставропольской возв. птицы селятся на обрывах на высоте 500-600 м н.у.м., в горах Западного Кавказа занимают высокогорья от 1700 до 2800 м, преимущественно же на высоте 1900-2500 м, на Центральном Кавказе обычны в горных степях и субальпике, начиная от 800-900 и до 2000 м, изредка до 2800 м, а в горах Дагестана обычны на Водораздельном хр. на высоте 2300-2700 м н.у.м. (Динник, 1886; Бёме, 1926; Лиховид, Тертышников, 1977; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2003; Комаров, 2006; Перевозов, 2017; Комаров, Шевцов, 2022).

Наиболее характерными местообитаниями служат сухие, используемые под пастбища обвальные террасы под скальными обрывами-куэстами, усыпанные крупноглыбовыми осыпями с хаотичным нагромождением камней. Здесь на скалах дрозды гнездятся, по утрам поют на постоянных присадах по бровкам куэст, а затем, когда солнце осветит

подножия скал, дрозды перемещаются вниз и активно кормятся на пастбищах среди камней. Высокотравных лугов они однозначно избегают. Гнездо в виде массивной чаши из сухих веточек, травы и мха делают в различных нишах среди скал и камней, местами на старых постройках в горных селениях.

В прошлом каменные дрозды нередко обитали в горных селениях Кавказа и отличались доверчивостью к человеку (Радищев, 1926; Варзиев, Комаров, 1990). Сейчас же птицы в горах ведут себя, как правило, очень осторожно и скрытно, поэтому учитывать их и вести мониторинг населения при нынешней спорадичности и редкости бывает непросто. Подобная осторожность характерна для малочисленных каменных дроздов и в Крыму (Аппак, 2001). Вместе с тем для каменных дроздов характерен высокий гнездовой консерватизм и регулярное заселение постоянных участков (Белик, Насрулаев, 2019).

Численность. На Кавказе сейчас малочислен или редок. В Европе обитает 88,9-283,0 тыс., а на юге Европейской России популяция оценивалась в 5-15 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Краснодарском крае численность составляет от 20–30 до 30-40 пар, в том числе 5-10 пар в районе Новороссийска; всего 2-3 пары указывали для Адыгеи (Тильба, 2007; Тильба, Мнацеканов, 2012; Перевозов, 2017б). В высокогорьях Кавказского и Тебердинского заповедников эти дрозды редки, там гнездится 15-20 и 20-50 пар соответственно (Ткаченко, 1966; Витович, Хохлов, 1991; Караваев и др., 2015; Перевозов, 2017а). В предгорьях Ставропольского края в конце XX в. насчитывали ориентировочно 40-100 пар (Тельпов и др., 1991). В Северной Осетии сейчас гнездится не более 55-60 пар (Комаров, Шевцов, 2022).

Следует отметить, что в XX в. каменный дрозд на Кавказе был обычен, а в XIX в. даже многочислен (Динник, 1886; Бёме, 1926; Гептнер, 1926; Моламусов, 1967; Поливанов и др., 2000), но в начале XXI в. на Западном и Центральном Кавказе отмечено заметное сокращение численности из-за демутации, зарастания горностепных и субальпийских пастбищ густым высокотравьем (Белик и др., 2003; Тельпова, 2006; Комаров, 2013; Белик, 2014, 2016а, 2019а; Джамирзоев и др., 2014). Сейчас популяция на Кавказе снизилась, по нашей оценке, до 3-10 тыс., а по другим данным – до 1-8 тыс. пар (Атлас …, 2020).

Обилие птиц на альпийских лугах в Тебердинском заповеднике колеблется от 0,1 до 0,8 ос./км^2, а на отдельных участках доходит до 2,0-4,3 ос./км^2 (Поливанов, 2000; Караваев и др., 2015). В Северной Осетии в нац. парке «Алания» в ущелье р. Урух их обилие составляет 1,3-10,0 ос./км^2, на субальпийских лугах в Северо-Осетинском заповеднике –

4,7, в можжевеловых редколесьях – 12-16 ос./км^2, а в горных селениях ежегодно гнездились по 1-3 пары (Варзиев, Комаров, 1990; Комаров, Липкович, 2000; Комаров, 2006, 2013). В Дагестане на субальпийских пастбищах у с. Куруш на высоте 2300-2700 м н.у.м. обилие составляло 0-25, а в среднем – 9 ос./км^2 (Бутьев, Лебедева, 1992).

Охранный статус. Включен в Красные книги Адыгеи (1А категория), Краснодарского края (2 категория), Северной Осетии (3 категория) и Ингушетии (3 категория). Этот уязвимый вид нуждается в особой охране, по-видимому, и в других горных регионах Северного Кавказа (Белик и др., 1991; Белик, 2014). Причины заметного сокращения численности, почти повсеместно наблюдающегося сейчас на Кавказе, не вполне выяснены. Они связаны, возможно, с зарастанием горных пастбищ из-за увлажнения климата и резкого снижения поголовья домашнего скота в конце XX в.

359. Каменный дрозд синий *Monticola solitarius* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид горных районов Восточного Кавказа, случайно залетающий в соседние регионы Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Включает 4-6 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На Кавказе и в Малой Азии распространен номинативный подвид.

Распространение. Гнездится в горных районах Средиземноморья и Южной Азии к востоку до Китая и Японии. На юге России обитает в горах Дагестана, заходя оттуда в восточные районы Чечни (Анисимов, 1989; Гизатулин, 2007, 2020). Изредка встречается в Ингушетии и Северной Осетии, но гнездование там не подтверждено (Бёме, 1926; Комаров, 1986, 2022; Комаров, Липкович, 2000; Батхиев, Точиев, 2007). Имеется лишь сообщение о встрече выводка слётков 14.07.1912 **ст.ст.** у с. Зарамаг в верховьях р. Ардон в Северной Осетии (Емельяненко, 1915), но оно относится, возможно, к пестрому каменному дрозду (Бёме, 1958). Однажды 23.08.2012 похожая молодая птица была встречена в верховьях Безенгийского ущелья в Кабардино-Балкарии (Перевозов, 2017).

Сведения о встречах с этим дроздом в Карачаево-Черкесии являются, по-видимому, ошибочными. Пару птиц наблюдали там 31.07.1914 на южных склонах Скалистого хр. у Маринского перевала и выводок слётков встретили 04.08.1914 на Клухорском перевале на Главном хр.

(Шарлеман, 2015). Позже сообщалось о встрече пары этих дроздов также в середине июня 1988 г. в ущелье р. Закан в верховьях р. Большая Лаба (Хохлов и др., 1997). Больше никто в Карачаево-Черкесии этих птиц не встречал (Поливанов и др., 2000; Поливанов, Поливанова, 2002; Караваев, Хубиев, 2007; Караваев и др., 2015; Белик, 2020а; и др.), а указанные наблюдения могут относиться к пестрому каменному дрозду, не приведенному в упомянутых фаунистических списках.

На Восточном Кавказе распространен в основном в сухих известняковых горах Внутреннего Дагестана от краевых хребтов у Махачкалы до Гунибского плато и Ботлихской котловины (Россиков, 1884б, 1884в; Билькевич, 1893; Бёме, 1933; Джамирзоев и др., 2000, 2004, 2014). Значительно реже встречается в высокогорьях на Боковом и Главном хр. (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Гасангусейнов и др., 1998; Насрулаев, 2003, 2006). В Чечне птиц отмечали в аридных котловинах у границ с Дагестаном 25.06.1973 на р. Шаро-Аргун и 19.07.1984 в ущелье р. Ансалта ниже оз. Кезеной-Ам (Анисимов, 1989).

Зимует этот вид в Северной Африке и на юге Евразии. Его миграции на юге России не выражены. Весной в Дагестане он появляется во второй половине марта, а осенью встречается до конца сентября, изредка – до середины октября (Бёме, 1933; Джамирзоев и др., 2014).

Залетных синих дроздов наблюдали, по опросным данным, 23.11.1996 у Ставрополя (Хохлов и др., 1997), 08-10.04.2004 и 09.11.2009 в Астраханском заповеднике (Реуцкий, 2015), а также 04.04.2015 в дельте Волги, но лишь последняя встреча была подтверждена Северокавказской орнитофаунистической комиссией по представленной фотографии (Русанов и др., 2015). Находка погибшей птицы в октябре 2013 г. в Енотаевском р-не Астраханской обл. (Андреев, Андреев, 2014) была отклонена в СК ОФК из-за явной ошибки в определении сфотографированного дрозда (Работа …, 2015). По всей видимости, с ошибками в определении птиц связаны и указания о редких встречах синего дрозда в сентябре-декабре 1945-1955 гг. в Сочи (Строков, 1960), где позже за 50-летний период активных, специальных исследований больше никто его не отмечал (Джамирзоев и др., 2014; Тильба, 2017, 2022).

Местообитания. Распространен в основном в сухих скалистых низко- и среднегорьях Дагестана с редкой древесно-кустарниковой растительностью на склонах и обилием крупнообломочных осыпей под скалами. Держится обычно среди скал в каменистых горных степях на высоте от 100 до 2000-2200 м н.у.м. (Бёме, 1933; Джамирзоев и др., 2000; наши данные). Довольно массивное гнездо вьёт из сухой травы в нишах среди камней и скал, нередко поблизости от ручьев.

Численность. В Дагестане немногочислен, местами довольно обычен. В Европе обитает 110-237 тыс., а на юге Европейской России – 1-3 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Популяцию Дагестана в конце XX в. оценивали в 1500 пар при относительно стабильной численности, но позже там была отмечена ее положительная динамика (Джамирзоев и др., 2000; Белик и др., 2003). Однако из-за редкости и скрытного образа жизни этот вид изучен слабо, и его современные популяционные тренды прослежены недостаточно.

Обилие в горах Дагестана в конце XX в. составляло 2-3 пары/км^2, а в 2003 г. в сухих предгорьях на хр. Нарат-Тюбе гнездились в среднем 4,5, а на отдельных участках – до 8,8 пар/км2 (Джамирзоев и др., 2000, 2004, 2014; Букреев, Джамирзоев, 2004). На юге Дагестана в верховьях р. Самур (1500 м н.у.м.) отмечали 1 поющего самца на 5 км маршрута (Гасангусейнов и др., 1998), а для субальпийского горностепного пояса в Чечне указывали 0,2 ос./5 км маршрута (Гизатулин и др., 2001).

Охранный статус. Под 2 и 3 категорией включен в Красные книги Северной Осетии, Чечни и Ингушетии. Лимитирующие факторы недостаточно изучены. Они связаны, возможно, с зарастанием горностепных пастбищ из-за увлажнения климата и резкого снижения численности домашнего скота в конце XX в. Краеареальные популяции на Северном Кавказе нуждаются в особой охране на региональном уровне (Белик и др., 1991; Белик, 2014).

– Дрозд белогорлый *Petrophila gularis* (Swinhoe, 1863)

Характер пребывания. По-видимому, ошибочно указан для фауны Северо-Западного Прикаспия (Самородов, 1989). Этот вид, сведения о котором не подкреплены какими-либо документированными данными, решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии был исключен из фауны Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель маньчжурского фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на Дальнем Востоке в основном в Приамурье, Приморье и Маньчжурии, а зимует в Юго-Восточной Азии (Дементьев, Гладков, 1954). На западе Евразии не известны даже залеты этого вида (Snow, Perrins, 1998). Трижды упомянут в перечне орнитофауны Северо-Западного Прикаспия без латинского названия и каких-либо конкретных фактических данных или ссылок на источники сведений (Самородов, 1989, с.74-76).

Местообитания. Гнездится в различных типах горных лесов, как в широколиственных и смешанных, так и в хвойных, в том числе местами в лиственничниках северного типа.

Численность. На Дальнем Востоке сравнительно редкий, спорадично распространенный вид, но местами он довольно обычен (Дементьев, Гладков, 29154; Воробьев, 1954; Панов, 1973; и др.).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

360. Горихвостка обыкновенная *Phoenicurus phoenicurus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), на Ставрополье и на Черноморском побережье Кавказа в Абхазии изредка отмечалась зимой (Бернацкий, 1958; Хохлов и др., 2001).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2013а).

Таксономия. Включает 2-3 подвида, в том числе номинативный, распространенный в Европе и Западной Сибири, и *Ph. ph. samamisicus* с белыми зеркальцами на крыльях и с более темной, голубоватой, иногда почти черной спиной, который гнездится на Кавказе и в Крыму, а также в Иране, Малой и Средней Азии (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Взаимоотношения между этими формами находятся, по-видимому, на уровне semispecies, поскольку их гибридизация в районах симпатрии не доказана, а генетические различия почти достигают таковых в аналогичной паре *Phylloscopus trochiloides* и *Ph. nitidus* (Small, 2009).

Рис. 39. Самцы обыкновенной горихвостки *Ph. ph. samamisicus* (слева) и *Ph. ph. phoenicurus* (справа) (из: Комаров, 2020)

Номинативный европейский подвид на юге России населяет леса в бассейнах Дона и Волги, а на Северном Кавказе обитает, как обычно считается, таксономически промежуточная между *phoenicurus* и *samamisicus* популяция, в которой представлены оба фенотипа, причем в разных районах и местообитаниях – в различных соотношениях (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003). Но сейчас установлено, что годовалые самцы *samamisicus* до линьки ювенильных маховых не имеют белых зеркалец (Small, 2009), и поэтому часть особей, идентифицированных на Кавказе и в Предкавказье как *Ph. ph. phoenicurus*, могли быть молодыми *Ph. ph. samamisicus*.

Распространение. Гнездится в лесистых районах по всему бассейну Дона к югу до его низовий (Петров, Курдова, 1973; Казаков, 1974, 2022; Белик, 1999а, 2005а; Белик и др., 2001; Сиденко, 2003б; Белик, Гугуева, 2021), изредка встречается летом в старых искусственных лесах к югу от Нижнего Дона в Зерноградском и Волгодонском р-нах, а в Ленинском лесхозе в Азовском р-не в 1981 и 1987 гг. были найдены 2 гнезда с кладками из 7 и 6 неоплодотворенных яиц, которые отложили самки без участия самцов (Лебедева, 1992). Горихвостки заселили также северо-запад Волгоградской обл. (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004), проникли в Волго-Ахтубинскую пойму, по которой во второй половине XX в. расселились к югу до дельты Волги (Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; Белик, 2016б); изредка они гнездятся, возможно, также в Заволжье (Белик и др., в печати). В 2014 г. одна пара, как указано – номинативного подвида, загнездилась в Элисте на юге Ергеней, куда птицы могли проникнуть из Волгограда (Музаев, 2016).

На Кавказе горихвостки заселяют все горные и предгорные леса, а также сады и парки различных селений от Абрауского полуострова к востоку до низовий р. Самур в Дагестане и к северу до долины Кубани у Краснодара (Пузанов, 1938; Джамирзоев и др., 2014; Очаповский, 2017; Казаков, 2022). В последние десятилетия наметился рост численности птиц в предгорьях (Комаров, 2020), и началась выраженная экспансия кавказской популяции на север, в результате чего горихвостки заселили Ставропольскую возв., а также более северные и восточные равнинные районы вплоть до г. Городовиковска на юго-западе Калмыкии, г. Ипатово и с. Левокумское в Ставропольском крае, гнездясь здесь преимущественно в селитебных ландшафтах (Хохлов, Ильюх, 2005; Костенко, 2012; Костенко, Маловичко, 2014; Музаев, 2016).

Зимует эта горихвостка в Африке, ее массовая миграция идет широким фронтом через всю Южную Россию, и птицы как весной, так и осенью

останавливаются на дневку в самых разных насаждениях. На севере степного Заволжья пролет наблюдали с 19.04. до 26-27.05.1950, с максимумом 07-12.05.1950 (32-74 ос./1,5 км лесополосы). На обратных миграциях птицы появились 16.08.1949 и в значительном числе летели до конца сентября. Максимумы были отмечены 07.09. (до 20 ос./1,5 км); 17.09. (до 30 ос./1,5 км); 21.09. (28 ос./1,5 км) и 27.09. (12 ос./1,5 км). В промежутках между волнами численность птиц сокращалась до 5-7 ос./1,5 км (Юдин, 1952).

На Джаныбекском стационаре в Приэльтонье горихвостки мигрируют с середины апреля до середины июня и с конца августа до середины октября (Линдеман, 1971). При специальном отлове птиц осенью 2003 и 2004 гг. там было поймано 569 горихвосток, а во второй половине мая 2005 г. отловлено всего 5 особей. Осенний пролет прослежен с 22.08. до 06.10.2004, т.е. до конца периода отлова (Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Широко распространена в лесных ландшафтах на равнинах, в предгорьях и горах вплоть до 1700-1800-1900 м н.у.м. (Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000). Обитает в разных типах лесов, но особенно охотно заселяет чистые, светлые сосняки; обычна в старых ольшаниках, часто встречается также в садах и парках городов и сёл. Гнездится обычно в дуплах, нередко – в нишах строений или скал среди леса, а также в скворечниках, изредка – на земле в нишах среди камней, корней деревьев или хвороста. При этом *Ph. ph. phoenicurus* предпочитает гнездование в дуплах деревьев в лесах и садах в основном на равнинах и в предгорьях, тогда как для *Ph. ph. samamisicus* более характерно гнездование в щелях между камнями, а также в нишах различных построек в горах, а в последние десятилетия – и на урбанизированных территориях в Предкавказье (Очаповский, 1971; Моламусов, 1967; Костенко, Маловичко, 2014; Музаев, 2016; Перевозов, 2022).

Численность. На юге России обычна или немногочисленна. В Европе обитает 9,6-15,0 млн., а в Европейской России – 5-10 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Популяцию Южной России оценивали в 50-150 тыс. пар, в том числе в Ростовской обл. в конце XX в. ее численность была рассчитана по данным растрового картирования в 784 пары (Белик, 2000а, 2005б). По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке гнездится 400-500 пар; в Утришском заповеднике – 75-100 пар; в Кавказском – 200-300 пар; в Тебердинском – 150-200 пар; в Кабардино-Балкарском – 25-50 пар и в Северо-Осетинском – 100-250 пар (Джамирзоев и др., 2017).

В аренных лесах в бассейне Дона гнездится 2,1-7,1 пар/км^2 (Белик, 2000а). На Ставропольской возв. обилие птиц возрастает с 0,6 пар/км^2

в естественных лесах до 9,7 – в лесопарках; в городах в старой многоэтажной застройке гнездится 11,4; в садово-дачной зоне – 19,0; в частной застройке – 38,5 пар/км^2 (Костенко, Маловичко, 2014). На Западном Кавказе в бассейне р. Белой учитывали 2-20 ос./км^2, а в бассейне р. Шахе на южном макросклоне – 1-3 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике в лиственных и смешанных разреженных лесах по долинам рек обилие составляет 14,8-24,5 ос./км^2 (Поливанов, 2000; Караваев и др., 2015), в г. Теберда в июне 2002 г. были учтены 10 пар на 2 км маршрута, или 50 пар/км^2 (Белик, 2020а), в стан. Сторожевой в Карачаево-Черкесии было 27 ос./км^2, а в горных лесах на Скалистом хр. учтено 17 ос./км^2 (Караваев, 2000). В городских кварталах Кисловодска, по нашим данным, численность достигает 50-70 пар/км^2, а в Курортном парке – 10-20 пар/км^2.

В горах Кабардино-Балкарии эту горихвостку учитывали только в буково-грабовых лесах на северных склонах Скалистого хр., где отмечали до 3 ос./км^2 (Афонин, 1985), но в Кабардино-Балкарском заповеднике этот вид регистрировали также в березняках по ущельям рек, где обилие птиц летом составляло около 4 ос./км^2 (Джамирзоев и др., 2014). Нами же отдельные пары отмечены там в горных сёлах и в старом сосняке (Белик, Аккиев, 2023). В Северной Осетии в горных лесах гнездится до 15-30 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003), а в предгорьях после резкого роста популяции, наблюдавшегося в начале XXI в., обилие в г. Алагир в 2020 г. составляло в среднем 237,3 пар/км^2 (175,0-294,5 пар/км^2), причем численность *samamisicus* была на несколько порядков выше, чем *phoenicurus* (Комаров, 2020).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

361. Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* (S.G. Gmelin, 1774)

Характер пребывания. Исконный гнездящийся, перелетный вид горных районов Северного Кавказа, а также городов и сёл на равнинах и в предгорьях Южной России, которые были заселены чернушкой в конце XX - начале XXI в. (Белик и др., 2016); с конца XX в. регулярно зимует на Черноморском побережье Кавказа и изредка – на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье (Забашта, 2004; Тильба, 2006; Реуцкий, 2015; Урусова, 2017).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2013а).

Таксономия. Включает 5-9 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014; Атлас …,

2020). На юге России гнездится номинативный подвид *Ph. o. ochruros*, характерный для горных районов Кавказа, а также *Ph. o. gibraltariensis*, заселивший равнинные районы Восточной Европы и предгорья Северного Кавказа во второй половине XX в. в ходе быстрой экспансии с запада (Данилович, 1941; Воинственский, 1950; Атлас …, 2020; и др.). На Тянь-Шане и Алтае, в Туве и Монголии обитает яркий *Ph. o. phoenicuroides*, очень похожий на обыкновенную горихвостку, но с черной спиной и большой черной манишкой на груди, а горы Туркмении, Памир и Тибет заселяет *Ph. o. rufiventris*, отличающийся от предыдущего тусклым, коричнево-охристым брюшком.

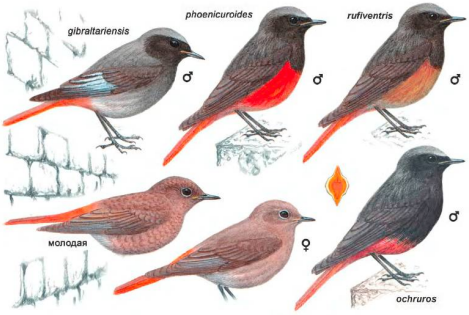

Рис. 40. Схема окраски разных подвидов горихвостки-чернушки: *Ph. o. gibraltariensis* (Европа); *Ph. o. phoenicuroides* (горы Казахстана); *Ph. o. rufiventris* (горы Туркмении); *Ph. o. ochruros* (Кавказ) (из: Рябицев, 2019б)

Рис. 41. Внешний вид разных подвидов горихвостки-чернушки: слева – *Ph. o. ochruros*; справа – *Ph. o. gibraltariensis* (фото А.А. Караваева и Д.С. Шевцова)

Кавказский подвид *Ph. o. ochruros* довольно изменчив, что предполагает возможность его гибридного происхождения (см.: Дементьев, Гладков, 1954), но в целом отличается более яркой, черной окраской груди с контрастным рыжеватым брюшком, а также более лёгкой, округлой формой тела и несколько меньшими размерами: крыло самцов – 80-85 мм (m=81,9), а самок – 80-82 мм (m=80,6). Европейский *Ph. o. gibraltariensis* имеет более тусклое, серовато-черное оперение спинной и брюшной стороны с охристо-рыжеватым подхвостьем, на крыле обычно развито беловатое зеркальце, форма тела более угловатая, вытянутая, прогонистая, а размеры чуть больше: крыло самцов – 84-90 мм (m=86,3), а самок – 80-85 мм (m=82,5) (Работа …, 2013).

Распространение. Ареал чернушки приурочен в основном к сухим южным горам от Средиземноморья до Монголии и Китая. На Кавказе подвид *Ph. o. ochruros* обитает в горных степях, а также в скалах субнивального, альпийского и субальпийского поясов от плато Лагонаки (Тильба, Мнацеканов, 2008; Очаповский, 2017; Перевозов, 2022) до Дагестана (Россиков, 1884б, 1884в; Билькевич, 1893; Сатунин, 1907; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2003, 2006; и др.). Птицы населяют здесь Водораздельный, Боковой и Скалистый хр., а в Приэльбрусье, в районе Кисловодска, по слабо облесенным ущельям на северном склоне Скалистого хр. проникают на сухие куэсты хр. Боргустан и Джинал, а также на другие скалы в системе Мелового хр. (Lorenz, 1887, 2011; Хохлов, Тельпов, 1984; Белик, 2019а) и даже на лакколиты у Пятигорска (Бёме, 1958).

Европейские популяции *Ph. o. gibraltariensis* в XIX в. приспособились к гнездованию на каменных строениях, освоили города, а в XX в. стали расселяться на север и восток Европы. Особенно быстрая экспансия началась в середине XX в., что связывают с появлением большого количества развалин в городах после Второй мировой войны и значительным ростом численности птиц (Воинственский, 1950; Snow, Perrins, 1998; Атлас …, 2020). К настоящему времени чернушка заселила почти всю Восточную Европу вплоть до Урала и изредка гнездится уже в Западной Сибири и Северном Казахстане (Граждан, 2009; Гашек, Захаров, 2020; Тюлькин, 2021; Дякин, 2022; Эбель, Косачёв, 2022; и др.).

На юге России эта птица впервые отмечена 29.03.1987 на береговых обрывах Таганрогского залива Азовского моря; летом 1989 г. два территориальных самца найдены в стан. Вёшенской на севере Ростовской обл.; в 1994 г. выводок встречен уже в Ростове, а к началу XXI в. чернушки стали здесь вполне обычны и начали расселение на юг в

Азовский р-н (Белик, 1992а, 1996а, 2000а; Сиденко, 1997; Забашта, 2004).

Следует заметить, что в Воронеже чернушка впервые зарегистрирована в конце 1960-х годов, ее гнездование в Воронежской обл. известно с 1970-х годов, а в 1990-е годы начался стремительный рост численности и расселение этих птиц (Семаго, 1972; Нумеров, 1996; Венгеров, Лихацкий, 2008; Нумеров и др., 2013, 2021). В 1995 г. чернушки были впервые встречены уже в Саратове (Завьялов и др., 2011).

Из Ростовской обл. эти птицы проникли в соседние районы Волгоградской обл., где в 1998 г. их наблюдали в Кумылженском р-не, а в 2007 и 2011 гг. – в г. Серафимович (Белик, 2005а; Белик, Гугуева, 2021). К настоящему времени они заселили многие районы правобережья Волги к югу до Волгограда и г. Волжский (Чернобай, 2004; наши данные); 16.05.2002 певшего самца наблюдали уже в Астрахани (Архипов, 2004), а в дельте Волги чернушек стали регулярно отмечать в осенне-зимние периоды 2001-2008 гг. (Реуцкий, 2015). В апреле 2014 г. певший самец зарегистрирован также на скалах горы Большое Богдо в пустынном Заволжье Астраханской обл. (Мосолова и др., 2015).

В этот же период европейская чернушка начала заселять также Калмыкию, где впервые была отмечена 25.10.1998 в с. Приютное, в 2010-2015 гг. найдена на гнездовании в г. Городовиковске, а 22.03.2014 певший самец встречен уже в г. Лагань у побережья Каспийского моря (Цапко, 2007; Музаев, 2016). Одновременно происходило заселение и городов степного Предкавказья. В Краснодаре чернушка впервые встречена 03.04.1994, а в последующие годы там неоднократно отмечали ее гнездование (Динкевич, Ластовецкий, 2001). В 1998 г. прослежена массовая экспансия этих птиц на гнездование в Ставрополе (Хохлов, Ильюх, 2005), а в 2003 г. чернушка впервые найдена в г. Лабинске (Мнацеканов, 2004). Однажды 30.06.2020 европейская чернушка встречена на Лагонакском нагорье на высоте 1700 м н.у.м. в 5 км от известных мест обитания кавказского подвида (Перевозов, 2022).

Типичные европейские чернушки наблюдались 13.07.2015 в с. Эркен-Шакар и 19.08.2015 у с. Спарта в Карачаево-Черкесии; вероятно, эти же птицы встречены также 02.07.2016 в стан. Спокойной в предгорьях на юго-востоке Краснодарского края и 17.06.2019 в г. Невинномысске на Ставрополье (Белик, 2019а). Судя по фотографии А.А. Караваева, сделанной 25.03.2010 в Карачаевске (Работа …, 2013), европейские чернушки проникли в предгорья Карачаево-Черкесии в начале XXI в. Восточнее пара вероятно пролетных европейских чернушек встречена 21.10.2021 в Северной Осетии в г. Владикавказе (Шевцов, 2021).

Следует отметить, что европейскую чернушку уже в XIX в. указывали

для Крыма (Никольский, 1891; Pusanov, 1933), а в XX в. чернушек изредка отмечали на Черноморском побережье Кавказа от Анапы и Абрауского полуострова вплоть до Сочи, Пицунды и Гудауты, где в изоляции от горной кавказской чернушки в городах издавна гнездилась, возможно, реликтовая популяция *Ph. o. gibraltariensis* (Пузанов, 1938; Строков, 1960; Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962; Sauerland, 1967; Plath, 1986; Зинякова и др., 1991; Белик, 2015а), улетавшая на зимовку в Колхиду (Вильконский, 1897). Интересно, что эта форма (*Ph. tithys = Ph. o. gibraltariensis*) залетала тогда на Ергени и к Сарепте на Волге (Яковлев, 1872, 2015; Хлебников, 1890, 1928; Лорец, 1928).

Зимует чернушка в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, а в последние десятилетия стала регулярно оставаться на зиму на Черноморском побережье Кавказа, изредка она встречается также на северном макросклоне Западного Кавказа (Тильба, 2006; Перевозов, 2014). С начала XXI в. регулярно отмечается зимой в дельте Волги, а иногда и в более северных районах (Забашта, 2004; Реуцкий, 2015; Урусова, 2017). В связи с расширением ареала на восток, сейчас на юге России сформировались массовые сезонные миграции восточноевропейских популяций *Ph. o. gibraltariensis*, которые летят широким фронтом через всю Южную Россию (Забашта, 2004). Изредка эти птицы залетают в Заволжье и в Казахстан на восточное побережье Каспия (Гисцов, 2007; Пирогов, 2021).

Местообитания. На Кавказе широко распространена в каменистых и скалистых ущельях среднегорий, особенно среди горностепных пастбищ в Северо-Юрской депрессии, а также среди скал в субальпийских и альпийских высокогорьях, встречаясь от 800-900 до 3000-3200 м н.у.м. (Моламусов, 1962, 1967; Комаров и др., 2006; Белик, Аккиев, 2023). Гнездится в нишах на скалах, среди каменных развалин, в оврагах, в береговых обрывах рек, в нишах различных строений, иногда на земле под камнями, а также в старых гнездах скалистых ласточек (Хохлов, Тельпов, 1984; Поливанов, Поливанова, 1997). Предпочитает более сухие, пастбищные участки, особенно характерна для открытых сухих куэст, а в лесистых и безлюдных ущельях встречается редко.

На равнинах Южной России и в предгорьях Кавказа обитает особая синантропная форма, связанная в основном с населенными пунктами. Гнездится в самых различных нишах строений, как многоэтажных, так и одноэтажных, жилых и промышленных зданий, но особенно охотно селится на строящихся домах. Изредка встречается на разрушенных скалах среди степей, у рек или морей.

Численность. На юге Росси сейчас везде стала обычной. В Европе еще недавно насчитывали 5,8-10,0 млн. пар, а в Европейской России – 90-330 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017), но сейчас российская популяция составляет уже 0,7-1,4 млн. пар (Атлас …, 2020). Численность в Южной России в начале XXI в. оценивали в 50-250 тыс. пар с тенденцией к заметному росту в связи с расселением синантропной популяции (Белик и др., 2003; Белик, 2005б). По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке гнездится 800-1000 пар; в Утришском заповеднике – 5-10 пар; в Кавказском – 1000-1500 пар; в Тебердинском – 800-1000 пар; в Кабардино-Балкарском – 100-250 пар и в Северо-Осетинском – 250-500 пар (Джамирзоев и др., 2017).

На Западном Кавказе обилие птиц в субальпике составляет 3-6, а альпийском поясе – 1-12 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике наибольшая численность (от 12-15 пар/км^2 до 23,9-26,7 ос./км^2) наблюдается на верхней границе леса и в местах с обширными осыпями (Поливанов, Поливанова, 1997; Караваев и др., 2015), а на Скалистом хр. местами гнездится до 7-23 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев и др., 2014). В Кабардино-Балкарии чернушка отмечалась от субнивального (2 ос./км^2) и альпийского пояса (9 ос./км^2) до субальпийских лугов (14 ос./км^2), но в поясе среднегорных лесов этих птиц не было, тогда как в горной степи с кустами, скалами и камнями наблюдалось максимальное обилие – 34 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии в высокогорьях гнездится 11-30, в среднегорьях – 8-26, а в горных населенных пунктах – 47-88 пар/км^2 (Комаров и др., 2006).

В Ростове в 2003 г. максимальное обилие наблюдали в новой индивидуальной застройке – 19 ос./км^2 и в промышленных зонах – 9 ос./км^2; в остальных биотопах птиц было заметно меньше: в старой индивидуальной застройке – 1 ос./км^2, в старой многоэтажной застройке (центр города) – 0,6 ос./км^2 (Забашта, 2004). В Воронеже обилие в разных местообитаниях изменяется от 5-9 до 15-33 пар/км^2 (Нумеров и др., 2013).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

362. Горихвостка краснобрюхая *Phoenicurus erythrogastrus* (Güldenstädt, 1775)

Характер пребывания. Гнездящийся, кочующий зимой вид горных хребтов Центрального и Восточного Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Типичный представитель альпийского фаунистического комплекса Гималайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. В настоящее время признается 2 подвида, в том числе номинативный, обитающий на Кавказе, а также *P. e. grandis*, распространенный в горах Средней Азии и Южной Сибири, в Гималаях и на Тибете (Степанян, 2003).

Распространение. На юге России гнездится только на Водораздельном и Боковом хр. Центрального и Восточного Кавказа. Распространение и численность определяются размещением зимнего корма (облепихи) и наличием подходящих для гнездования условий (крупнообломочных осыпей и ледниковых морен в субнивальном поясе). К западу прослежена до верховий р. Теберда, где уже очень редка (Матюшкин, 1962; Ткаченко, 1966; Поливанов, 1988; Караваев, Хубиев, 2013; Караваев и др., 2015; Белик, 2020а), хотя может гнездиться, очевидно, и у ледников в верховьях р. Большая Лаба. Редка эта горихвостка в верховьях Кубани, а также в Кабардино-Балкарии, где гнездится в верховьях Баксана, Чегема, Череков, Псыгансу и др. (Базиев, Чунихин, 1963; Моламусов, 1967; Тимофеев, 1990; Караваев, Хубиев, 2013). Столь же редко и спорадично она распространена в высокогорьях Северной Осетии (Россиков, 1894; Бёме, 1925а, 1926, 1926а; Липкович, 1985, 1999; Комаров, Липкович, 2000).

В Дагестане эта горихвостка найдена на гнездовье в верховьях рек Самур и Аварское Койсу, а также на горах Базар-Дюзи и Шах-Даг у границы с Азербайджаном, причем в последнем районе в конце лета 1925 г. она оказалась довольно обычной (Бёме, 1925а, 1926а; Красовский, 1932; Насрулаев, 2003, 2006). Приведена она также для Чечни и Ингушетии, но опубликованные там сведения содержат явные ошибки и не заслуживают особого внимания (Рашкевич, 1980; Анисимов, 1989; Гизатулин и др., 2001; Гизатулин, 2020).

Ошибочные данные о встречах краснобрюхой горихвостки изредка поступали и из других регионов, в частности из Болгарии (Нанкинов, 2009). По всей видимости, с ошибками связано ее внесение в фауну Краснодарского края, поскольку какие-либо фактические подтверждения встреч этого вида здесь пока отсутствуют, что послужило основанием для исключения краснобрюхой горихвостки из списков орнитофауны этого региона (Динкевич, 2002; Тильба, 2004; Работа …, 2005). Имеются сведения о гнезде этой горихвостки с 3 птенцами, сделанном в полости небольшого деревца у земли, которое было найдено в июне 1990 г. близ аула Хасаут на Скалистом хр. на высоте около 1900 м н.у.м. (Хохлов, 1991, 1993). Здесь, как и в Болгарии, очевидно, имела место ошибка в определении весьма редкой в горах Приэльбрусья белокрылой горихвостки *Ph. ph. samamisicus*, привлекшей внимание к себе своей необычной окраской (Белик, 2022а). Фактически

ничем не подтвержден и залет краснобрюхой горихвостки в дельту Волги, где ее в течение дня 01.05.2007 наблюдали среди виноградника на кордоне Астраханского заповедника (Реуцкий, 2015). Не исключено, что и здесь была ошибка в определении незнакомой птицы, хотя есть сообщения о случайных встречах одиночных краснобрюхих горихвосток в пустынях Азии и Африки (см.: Нанкинов, 2009).

Местообитания. Летом распространена в альпийских и субнивальных высокогорьях на высотах 2800-3800 м н.у.м. и лишь на зиму спускается в заросли облепихи вдоль рек в среднегорьях и низкогорьях, иногда выходит даже на подгорные равнины к Кисловодску, Нальчику, Алагиру и Владикавказу на высоту 500-800 м (Lorenz, 1887, 2011; Л. Бёме, 1925а; Р. Бёме, 1959; Базиев, Чунихин, 1963; Комаров, Липкович, 2000). Гнездится среди каменных морен и скал у ледников и снежников в самых верховьях ущелий, почти лишенных растительности. Гнездо вьёт в нишах среди камней и скал.

По описанию Л.Б. Бёме (1926*а*, с.255-256), гнездовые стации этих птиц в верховьях Терека, где они живут с апреля по конец сентября, – «самый верхний пояс гор, узкие, мрачные ущелья, с протекающими по ним быстрыми горными речками. В этих ущельях во всех защищенных от солнца выбоинах и трещинах скал лежит снег, каждую ночь сюда спускаются холодные туманы и даже в самые жаркие месяцы года ночами здесь бывает мороз и по временам выпадает снег. Здесь нет никакой древесной и кустарниковой растительности, а южные склоны гор и нагреваемые солнцем площадки между скалами покрыты чахлой, низкорослой альпийской флорой. Излюбленными местами обитания здесь горихвосток являются крупнообломочные осыпи и остатки ледниковых морен».

Численность. Наиболее редкий обитатель субнивальных высокогорий Кавказа (Липкович, 1985). О чрезвычайной редкости этих птиц писал еще Л.Б. Бёме (1925а, 1926, 1926а), который ни разу за 10 лет работы в горах не встречал их летом в гнездовой обстановке. Не удалось найти их летом и мне, экскурсируя в горах Кавказа в течение 2004-2021 гг. Но на зиму птицы спускаются в среднегорья и низкогорья, скапливаясь местами в облепиховых зарослях вдоль рек в большом количестве. Современные популяционные тренды недостаточно ясны. В Европе обитает 2,2-6,1 тыс., а на Северном Кавказе в России – 2-5 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В последнее время численность на Кавказе оценивается в 238-2170 пар (Атлас …, 2020).

По очень примерным экспертным оценкам в Тебердинском заповеднике

гнездится всего 5-10 пар; в Кабардино-Балкарском – 10-25 пар; в Северо-Осетинском – 25-50 пар; в заповеднике «Эрзи» – 0-5 пар; в нац. парке «Приэльбрусье» – 25-50; в нац. парке «Алания» – 50-100 пар, т.е. всего на кавказских ООПТ обитает 115-240 пар (Джамирзоев и др., 2017). В Карачаево-Черкесии зимой общая численность составляет около 200-250 особей (Караваев, Хубиев, 2013), в Кабардино-Балкарском заповеднике в 2007 г. она оценивалась более чем в 300 пар (Липкович, 2009), а в Северной Осетии в целом гнездилось до 1000 пар (Липкович, 1999). При этом лишь для Северо-Осетинского заповедника и для нац. парка «Алания» приведены данные по обилию, составляющие, соответственно, 1-9 и 15,8 пар/км^2 (Комаров, 2006, 2013).

Хотя там же на Центральном Кавказе в 1960 г. в типичных биотопах учитывали не более 2-9 ос./км^2 (Второв, 1962), в горах Кабардино-Балкарии обилие этих птиц в субнивальном поясе составляло всего 3 ос./км^2, а ниже, в альпийском поясе, – лишь 0,5 ос./км^2 (Афонин, 1985). Специальные же исследования 1960-1961 гг. показали, что там в наиболее подходящих местообитаниях в Чегемском ущелье на Боковом хр. на площади около 4 км^2 гнездилась только 1 пара, а в верховьях Баксана на Главном хребте на площади примерно 3 км^2 держались 3 пары (Базиев, Чунихин, 1963). Но на зимовках обилие этих птиц в зарослях облепихи в 1960 г. достигало 376,7 ос./км^2, хотя уже через десятилетие оно снизилось там до 195 ос./км^2 (Дроздов, Злотин, 1962; Воронкова, Равкин, 1974).

Охранный статус. Под 2 и 3 категорией включена в Красные книги Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Чечни. Повышенная уязвимость этой горихвостки связана с ее оседлостью и узкой специализацией на питании в зимний период ягодами облепихи, заросли которой уничтожаются при строительстве дорог и водохранилищ в горах (Липкович, 1989; Комаров, Шевцов, 2022). Гнездовой ареал сокращается также из-за потепления климата, вызывающего таяние горных ледников (Белик и др., 1991).

363. Зарянка *Erithacus rubecula* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид лесов в бассейнах Дона и Средней Волги и горных и предгорных лесов Кавказа, а на Нижней Волге и в Калмыкии встречающийся только на миграциях и зимой (Цапко и др., 2009; Реуцкий, 2015; Белик и др., 2016). Изредка остается на зимовку также в бассейне Дона (Белик, 2000а; Чернобай, 2004), а на Кавказе и в Предкавказье зимует регулярно, иногда в значительном числе (Бёме, 1926; Бернацкий, 1958; Моламусов, 1967; Тильба, 2006; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 8-10 подвидов. В Европе к югу до Нижнего Дона распространена номинативная *E. r. rubecula* (Белик, 2009), на Урале и в Сибири – *E. r. tataricus*, на Кавказе – *E. r. caucasicus*, в Крыму – *E. r. valens*, а в Азербайджане и Иране – *E. r. hyrcanus* (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Различия подвидов субтильны и в полевых условиях практически не просматриваются.

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Западной Сибири, а также в Малой и Передней Азии и на Кавказе. На юге России распространена в бассейне Дона и Средней Волги, причем северные районы Ростовской обл. зарянка заселила сравнительно недавно. В лесах на Донецком кряже она впервые найдена лишь в 1975 г., а на Нижнем Дону близ устья Сев. Донца – в 1996 г. и у Ростова – в 1999 г. (Белик, 1981, 1999а, 2009; Белик и др., 1981, 2001; Сиденко, 2003б).

В Волгоградской обл. гнездование впервые установлено Е.И. Врублевским 02.06.1957 в пойме Хопра у стан. Аржановской (Белик и др., 2022а). Сейчас же граница гнездового ареала проходит на Среднем Дону через Арчединский песчаный массив и дальше на северо-восток по долине р. Медведицы (Чернобай, 2004; Белик, Гугуева, 2021). Гнездование этого вида в последнее время указывают также для лесистых низовий р. Еруслана в степном Заволжье (Шаповалова, Завьялов, 2009; Завьялов и др., 2011), а характер летних встреч в Волго-Ахтубинской пойме у Волгограда остается неясен (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а). В низовьях Волги зарянка встречается в небольшом числе лишь на пролете и зимовке (Воробьев, 1936; Луговой, 1963; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015).

На Кавказе зарянка распространена в горных и предгорных лесах от Абрауского полуострова у Анапы (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2013в) до Дагестана (Джамирзоев, 2000; Атлас …, 2020), но в сухих горах Восточного Кавказа она встречается редко и на гнездовье отмечалась не всеми исследователями (см.: Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Волчанецкий, 1973; Насрулаев, 2006; Белик, Насрулаев, 2019; и др.). Лишь в дельтах Терека и Самура, а также в Тляратинском заказнике в самых верховьях Аварского Койсу зарянку изредка регистрировали в гнездовой период (Бёме, 1929; Волчанецкий, 1959; Перевозов, Джамирзоев, 2011; Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2018; А.Г. Перевозов, личн. сообщ.).

Северная граница ареала кавказской популяции проходит по долине

Кубани (Жарова, Жаров, 1962; Казаков, 2016, 2022; Очаповский, 2017), затем по Меловому хр. до Кисловодска, Пятигорска и Нальчика (Бёме, 1958; Моламусов, 1967; Хохлов, Тельпов, 1984) и дальше на восток по долине Терека (Точиев, Гизатулин, 1987; Комаров и др., 2011). Кроме того, зарянка заселяет нагорные леса Ставропольской возв., причем там в последние десятилетия наблюдается резкий рост численности этих птиц, связанный с мезофилизацией лесов (Хохлов, 1991; Казаков, Белик, 1996; Хохлов, Ильюх, 2005; Костенко, 2012).

Зимуют зарянки в Западной Европе, в Северной Африке, в Малой и Передней Азии. Обычны они зимой также на Кавказе и в Предкавказье, местами встречаясь в значительном числе (Бёме, 1926; Бернацкий, 1958; Моламусов, 1967; Хохлов, 1993; Комаров, Липкович, 2000; Тильба, 2006; Очаповский, 2017; Букреев и др., 2018; и др.). Здесь вместе зимуют европейские и кавказские птицы (Бёме, 1926; Моламусов, 1967). В последние десятилетия в связи с потеплением зимнего климата, всё больше зарянок остается на зиму также в более северных районах в бассейнах Дона и Волги (Петров, Казаков, 1970а; Белик, 2000а; Сиденко, 2003б; Чернобай, 2004; Ломакин, Белик, 2008; Завьялов и др., 2011; и др.).

Ночные миграции идут широким фронтом через всю Южную Россию. Наблюдаются они в основном ранней весной и поздней осенью. В Приэльтонье зарянок отмечали с начала апреля до начала мая, а осенью – с конца августа до середины-конца октября (Динесман, 1955; Линдеман, 1971). При специальном отлове птиц на Джаныбекском стационаре в период 13-18.09.2003 поймали всего 6 зарянок, а с 16.09. до 07.10.2004, в основном после 27.09., когда была отмечена первая пролетная волна, поймано 211 особей. А во второй половине мая 2005 г. зарянок там уже не было вовсе (Чернецов и др., 2010).

Местообитания. Гнездится в различных типах лесов, предпочитая влажные захламленные участки в тенистых балках и заболоченные ольшаники в поймах рек. Распространена как на равнинах, так и в лесистых предгорьях, а в горах поднимается до 1800 м н.у.м. (Комаров, Липкович, 2000), но на Западном Кавказе достигает букового криволесья на верхней границе лесного пояса на высоте 1700-2100 м н.у.м. (Перевозов, 2010). Гнездо вьёт обычно на земле, часто у основания гнилых пней, под валежинами, в нишах обрывов, под камнями или среди корней, иногда в дуплах деревьев, в искусственных гнездовьях и других укрытиях. Гнезда на земле, как правило, хорошо скрыты и заметить их весьма трудно.

Численность. В лесах на юге России довольно обычна. В Европе обитает 58,7-90,5 млн., а в Европейской России – 14-20 млн. пар (Мищенко и

др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 300-700 тыс., в том числе в Ростовской обл. – около 2 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. отмечен выраженный рост численности в Дагестане (Белик и др., 2003).

Обилие птиц в байрачных лесах в бассейне Дона достигает 6,7-25,0, в среднем 10,2 пар/км^2, а в аренных лесах – в среднем 5,6 пар/км^2 (Белик, 2000а). В пойменных лесах на Среднем Дону гнездится 1,3-10,0, в среднем 3,8 пар/10 га (Гудина, 2019). В лесах на Ставропольской возв. учитывали 11,5-12,3 пар/км^2 (Костенко, 2012). Обилие птиц в горных лесах Западного Кавказа в бассейне р. Белой составляет 25-69, на р. Малая Лаба – 8-40, а по р. Шахе на южном макросклоне – 7-45 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике обилие в большинстве лесных биотопов колеблется в пределах 25-55, изредка достигает 100 ос./км^2 (Караваев и др., 2015). В Кабардино-Балкарии в низкогорных широколиственных и среднегорных мелколиственных лесах учитывали 13-15 ос./км^2 (Афонин, 1985), а в Северной Осетии в буковых лесах было 27, в лиственных лесах аридных котловин – до 10, в горно-долинных ольшаниках – 7-9, а в среднегорных сосняках – 5 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

364. Соловей южный *Luscinia megarhynchos* C.L. Brehm, 1831

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Кавказа и Предкавказья, проникающий на юго-запад Калмыкии и, возможно, в низовья Волги (Белик, 2015г; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 3-5 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954). Сейчас обычно признают 3 формы: номинативную *L. m. megarhynchos*, распространенную в Западной Европе, *L. m. africana*, обитающую на Кавказе, в Малой и Передней Азии, и *L. m. hafizi* (=*golzii*), характерную для Средней Азии (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В отдельный подвид *L. m. tauridae*, промежуточный между европейскими и кавказскими птицами, иногда выделяют крымскую популяцию (Портенко, 1954; Волчанецкий, 1962).

По нашим данным, *L. m. hafizi* проник на Северный Кавказ из Закавказья через предгорья Дагестана, заселив Центральное Предкавказье к западу до Армавира, а затем начал расселяться в искусственные лесонасаждения на севере Ставрополья и юге Ростовской обл. На Западном Кавказе, к востоку до пос. Джубга на Черноморском побережье и

Краснодара в Предкавказье, а также в лесонасаждениях Восточного Приазовья обитают птицы, фенотипически весьма близкие к *L. m. megarhynchos*, проникшие сюда, возможно, из Крыма. Аналогичных особей добывали также в Восточном Предкавказье в низовьях Терека (Белик и др., 1989; Белик, 2009). К сходным выводам при таксономическом анализе предкавказских популяций пришел и В.М. Лоскот (1981).

Можно предполагать, что номинативная форма появилась в Предкавказье и в Крыму в XIX в. в результате ее расселения из Европы, шедшего через Украину, к востоку до Дона и Волги (Северцов, 1855; Дементьев, Гладков, 1954; Лоскот, 1981). Но сейчас, после деградации этой европейской популяции, вытесненной расселявшимся с севера обыкновенным соловьем, местами на юге России, как и в Крыму, остались лишь небольшие реликтовые группировки *L. m. megarhynchos* (Белик и др., 1989).

Распространение. Гнездовой ареал приурочен в основном к семиаридным районам Древнего Средиземья от Пиренеев и Малой Африки к востоку до Средней Азии и Алтая. На юге России распространен на Северном Кавказе, возможно на Нижней Волги, а также в Крыму. В недавнем прошлом северная граница ареала проходила в Предкавказье по долине Кубани, затем по пойме Кумы до г. Нефтекумска, где пойменные леса выклиниваются, и по Тереку до его дельты (Бёме, 1925; Кистяковский, 1932; Волчанецкий, 1959; Казаков, Белик, 1996*б*; Белик, Олейников, 1996; Белик и др., 1989). Кроме того, южный соловей давно заселил нагорные леса Ставропольской возв. к северу от Кумы и Кубани (Волчанецкий, 1959; Казаков, Белик, 1996а; Костенко, 2012).

На Черноморском побережье Кавказа южный соловей гнездится местами по рощам и старым лесополосам на Тамани, обычен в долинах рек между Анапой, Новороссийском и пос. Джубга, а дальше вновь появляется лишь в низовьях р. Мзымта у Адлера и становится обычен у Пицунды и на других приморских низменностях в Абхазии и Грузии (Белик, 2015г). В Предкавказье южная граница ареала проходит вдоль лесистых предгорий, не заходя далеко в глубь речных долин и ущелий, но на юге Дагестана соловьи спорадично встречаются по лесистым ущельям в сухих предгорьях, а местами проникают также в среднегорья вплоть до Ботлихской котловины на р. Андийское Койсу (Белик, Насрулаев, 2021).

В XX в. в результате агролесомелиорации степного Предкавказья создались условия для расселения южного соловья на север по искусственным лесонасаждениям. В 1966 г. эти птицы найдены в лесополосах у стан. Каневской на севере Краснодарского края, появились также в Челбасском и Новопокровском лесничествах. На юге Ростовской обл.

южный соловей отмечен в 1955 г. у стан. Егорлыкской, в 1971 г. найден нами в Сальском р-не, а к 1976 г. появился в молодых лесных массивах в Пролетарском и Орловском р-нах среди сухих Сало-Манычских степей. На Ставрополье в 1978 г. эти соловьи оказались нередки в старом лесном массиве в Ипатовском р-не, а похожие птицы были отмечены также в искусственном лесу у с. Арзгир в Приманычье (Белик, 1989в, 2009, 2015г; Белик и др., 1989; Белик, Пекло, 1989а, 1989б; Казаков, 2022). Наконец, в 2006 г. южный соловей впервые встречен в Городовиковском р-не Калмыкии, а в 2019 г. там было подтверждено его гнездование (Цапко, 2007; Музаев, 2019).

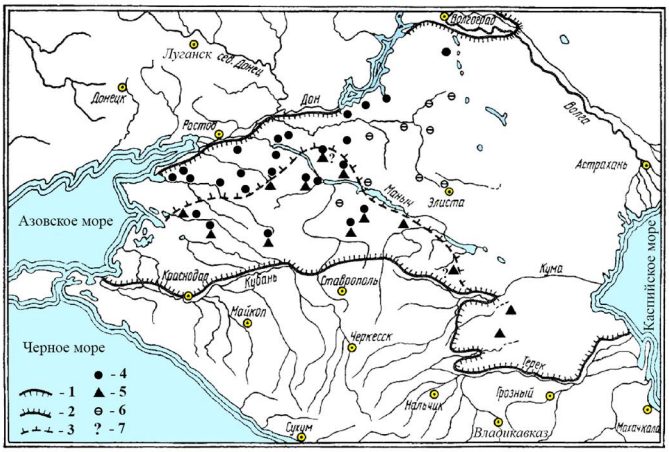

Рис. 42. Распространение обыкновенного и южного соловьев на юге России (по: Белик и др., 1989, с уточнениями и дополнениями):
1 – восстановленная южная граница ареала *L. luscinia*;
2 – восстановленная северная граница ареала *L. megarhynchos*;
3 – граница ареала *L. megarhynchos* в 1980-е годы;
4 – места встреч *L. luscinia*; 5 – места встреч *L. megarhynchos*;
6 – места, где соловьи не найдены; 7 – предположительное определение птиц

Однако в последние десятилетия ареал южного соловья на севере Краснодарского края и на Ставропольской возв. начал, по-видимому сокращаться из-за увлажнения климата и мезофилизации искусственных лесонасаждений, появления в них густого высокотравья (Костенко, 2012; Михайлова и др., 2020). Сокращение ареала произошло в XX в. также и на Черноморском побережье в районе Сочи, что было связано, вероятно, с зарастанием речных долин и прибрежных склонов густыми влажными лесами (Белик, 2013в, 2015г).

В прошлом южный соловей гнездился, возможно, на Нижней Волге к северу до Волгограда, где птиц добывали у Астрахани и Сарепты (Artzibascheff, 1859, 2015; Эверсман, 1866; Seebohm, 1882; Лорец, 1928). К сожалению, недавние наблюдения, касающиеся гнездования этого вида в дельте Волги и в Волго-Ахтубинской пойме к северу до г. Харабали, а также в подстепных ильменях и на Баскунчаке (Амосов, 2012; Реуцкий, 2015), не подтверждены коллекционными материалами и нуждаются в проверке, поскольку определять близкие виды соловьев только по пению, а тем более по занимаемым стациям, не вполне корректно. Очень сомнительными представляются нам и материалы недавнего картирования ареала южного соловья в Предкавказье, найденного в Восточном Приазовье к северу вплоть до низовий Дона (Атлас …, 2020), где в последнее время, наоборот, было отмечено исчезновение его ранее известных поселений (Михайлова и др., 2020).

Зимуют южные соловьи в Африке. Их сезонные миграции идут по ночам и визуально практически не прослеживаются. Пролетные птицы изредка встречаются в ущельях горных рек Северного Кавказа (Lorenz, 1887, 2011; Караваев, 2000; Комаров, 2006; Хубиев, Караваев, 2010; Вуккерт, Лоскот, 2022).

Весной в районах гнездования птицы появляются в течение апреля, но на Западный Кавказ они прилетают несколько раньше, примерно в те же сроки, что и в Крым, что связно, возможно, с их принадлежностью к одной популяции (Белик, 2015г; Динкевич, Ластовецкий, 2021). Отлет южных соловьев из района Сочи происходил до середины августа, после чего они уже не встречались среди множества добытых там обыкновенных соловьев (Кудашев, 1916).

Местообитания. Гнездится в различных лесонасаждениях в степном Предкавказье, на Черноморском побережье и в предгорьях Кавказа, где изредка заходит в глубь ущелий, поднимаясь на Западном Кавказе в горы до 100-150, изредка – до 250-300 м н.у.м., а в Дагестане проникает и в среднегорья до высоты 700 м, местами даже до 1000-1100 м н.у.м. (Бёме, 1933; Белик, 2015г; Белик, Насрулаев, 2021). Обитает обычно в мелколесье, среди кустарников и в зарослях колючих лиан по опушкам лесов, предпочитая более сухие участки, лишенные густого, влажного высокотравья. Гнездится на земле среди сухой листвы, иногда – на кустах у самой земли.

В степном Предкавказье местами встречается вместе с очень похожим обыкновенным соловьем, но южный занимает здесь обычно более ксерофильные местообитания (Белик и др., 1989; Михайлова и др., 2020). Аналогичный биотопический викариат отмечен и в другой зоне

вторичной симпатрии в Присивашье, где южные соловьи приурочены к более сухим участкам насаждений, а обыкновенные – к более мезофильным (Цвелых, 2010). Эти два вида различаются также пением. У южного соловья оно более энергичное, но отдельные строфы заметно короче и грубее, чем у обыкновенного, часто начинаются с жужжащих звуков и состоят обычно лишь из 3-5 сравнительно однообразных «колен». Однако в зонах симпатрии такие песни иногда исполняют и обыкновенные соловьи (Атлас …, 2020).

Численность. На Кавказе обычен, местами многочислен. В Европе обитает 10,7-20,3 млн. пар, а на юге России – 200-500 тыс. пар (Белик, 2005б; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Ростовской обл. в конце XX в., согласно растровому картированию, была рассчитана в 67 пар (Белик, 2000а). В начале XXI в. в Дагестане был отмечен выраженный рост численности (Белик и др., 2003), но в последние десятилетия популяции этого вида в Южной России, по-видимому, сокращаются (Костенко, 2012; Белик, 2015г; Михайлова и др., 2020). Последние экспертные оценки численности для России составили 4,5-45,0 тыс. пар (Атлас …, 2020).

В оптимальных местообитаниях южный соловей весьма обычен. В начале мая 1969 г. по полянам среди лесов на Ставропольской возвышенности соловьи пели в 100-200 м друг от друга, а по опушкам в пойме Кубани в районе Армавира отмечались с интервалом в 300-400 м (Казаков, Белик, 1996а; Белик, 2015г; Казаков, 2016). Там же в пойменных лесах Кубани и Урупа обилие колебалось от 2 до 34 ос./км^2 (Тильба, Мнацеканов, 1989). В Ставропольском крае в степном лесу ур. Малое Янкульское в 1965-1976 гг. было 18 пар/км^2 (Лиховид, 1988), на р. Подкумок в пойменных лесах и садах у г. Георгиевска в мае 2006 г. учитывали от 28,5 до 94,4 ос./км^2 и в лесистой пойме Терека у г. Моздока в Северной Осетии – 32,5-52,0 ос./км^2 (Ильюх, Хохлов, 2007а, 2007*б*).

По данным же Ю.Е. Комарова, в Терских лесах среди Ногайских степей (Моздокский р-н) обилие достигало 85 пар/км^2, в зарослях вдоль небольших ручьев – 6-7 пар/км^2, а южнее, на подгорной равнине, – 10 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000; Комаров и др., 2011). В низовьях Терека в кустарниках на лугах обилие составляло 20 ос./км^2 (Пишванов, Газалиев, 1986), а в кустарниках на степных склонах гор у г. Буйнакска в Дагестане в начале мая 2009 г. нами было учтено 7 певших самцов на 1,5 км маршрута.

На Абрауском полуострове в долинах рек обилие птиц в середине июня 2010 г. составляло 4-8 пар/км маршрута (0,1-0,2, местами до 0,3 пар/га). А на Гудаутской равнине в Абхазии в начале июня 2013 г. на

трансекте около 200 м шириной было 10 пар/4,5 км в садах и перелесках на холмах среди хуторов; 10 пар/1,5 км по долине ручья и 3 пары/0,65 км в сельских садах на приморской низменности (Белик, 2015а, 2015г).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

365. Соловей обыкновенный *Luscinia luscinia* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейнов Дона и Волги, краем гнездового ареала заходящий в северные равнинные районы Краснодарского и Ставропольского края, а также на север и запад Калмыкии (Белик и др., 2016). Указания о гнездовании на Кавказе относятся, по-видимому, к южному соловью (Белик и др., 1989; Белик, 2015г).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Прибалтики и Причерноморья к востоку до Алтая, географически частично викарируя с южным соловьем, распространенным в общем южнее. На юге России обитает в бассейне Дона и Волги, где южная граница в прошлом проходила по долине Нижнего Дона вплоть до Калачской излучины и по Волге к югу до Волгограда, а в Заволжье – до лесистых низовий р. Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Варшавский, 1965; Белик и др., 1989, 2013, 2022а; Шаповалова, Завьялов, 2009; Завьялов и др., 2011; Белик, 2015г; Казаков, 2022; и др.).

В XX в. в результате расширения площади искусственных лесонасаждений в степной зоне, обыкновенный соловей начал расселяться на юг и сейчас почти достиг долины Кубани, севера Ставрополья и юго-западных районов Калмыкии (Белик и др., 1989; Белик, 1989в, 2009, 2015г; Михайлова и др., 2020; и др.). Прежние указания о находках обыкновенного соловья на Северном Кавказе (Динник, 1886; Л. Бёме, 1926; Радищев, 1926; Р. Бёме, 1958; Сазанов и др., 1961; Моламусов, 1967; Рашкевич, 1973, 1980; и др.) связаны, вероятно, как с ошибками в определении южного соловья, так и с неверным определением характера пребывания задержавшихся на пролете обыкновенных соловьев, поющих на миграционных остановках вплоть до середины-конца мая (Луговой, 1963 Костин, 1983; Белик, 2015г).

На Нижней Волге у Сарепты в начале XX в. обыкновенный соловей встречался только на пролете в мае и августе (Лорец, 1928), но во второй половине XX в. он уже гнездился у Волгограда в Волго-Ахтубинской

пойме и в других лесистых районах Волгоградской обл. (Птушенко, 1949; Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004а; Белик и др., 2022а.). Сведения же о пребывании этого соловья южнее, в Астраханской обл., противоречивы. О его появлении на гнездовании в Волго-Ахтубинской пойме в 100-130 км к северу от Астрахани сообщали В.Е. Яковлев (1872, 2015), Г. Зибом (Seebohm, 1882), Н.Д. Реуцкий (2015). Однако ни у пос. Цаган-Аман в Калмыкии, ни в Черноярском р-не и у г. Ахтубинска на севере Астраханской обл. соловьев на гнездовье не отмечали (Kracht, 1919, 2014; Аргиропуло, 1928; Цапко и др., 2009; Амосов, 2015).

Зимует обыкновенный соловей в Африке. Птицы мигрируют туда по ночам через всю Южную Россию, останавливаясь на дневку в разных районах среди древесно-кустарниковой растительности. С конца июля и до конца августа, обычно по утрам и вечерам, изредка отмечается характерное «репетиционное» пение соловьев – тихие, непродолжительные, неуверенные и примитивные вокальные строфы, которые издают, вероятно, молодые особи, импринтингуя в ходе послегнездовой дисперсии новые места, подходящие для будущего гнездования.

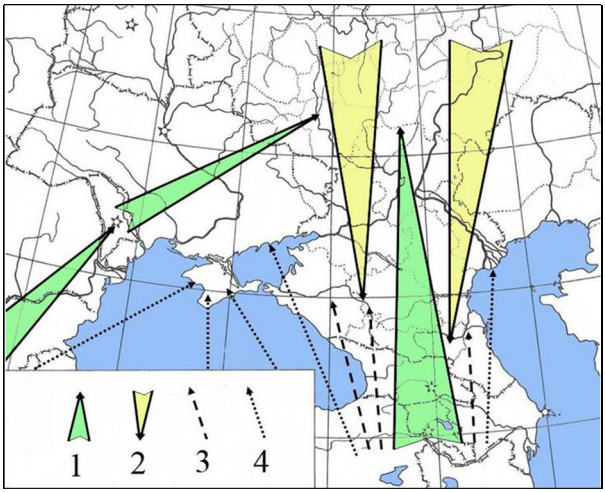

Рис. 43. Схема миграционных путей обыкновенного соловья на юге России (по: Белик, 2015г):
1 – основные маршруты весной; 2 – основной пролёт осенью;
3 – пролёт отставших птиц; 4 – перелёт через моря

Весной большинство птиц совершает, очевидно, длительный транзитный перелет из лесистых районов Малой Азии или Малого Кавказа, где

они пополняют энергетические ресурсы после перелёта из Африки, попадая сразу в бассейны Дона и Волги и в основном минуя Северный Кавказ, где на отдых оседают лишь немногочисленные отставшие или ослабленные особи (рис.43). Часть отклонившихся с основного пути мигрантов, оказавшихся утром, перед посадкой, над Черным морем или Каспием, вынуждены продолжать перелёт и скапливаются затем на северных берегах морей, соответственно в Крыму, а также на северном побережье Азовского моря и в дельте Волги, с чем и связано повышение численности соловья там на весеннем пролете. А на обратных миграциях птицы из северных районов гнездового ареала летят на юг широким фронтом, и после транзитного перелета через степи, а также пустыни Заволжья делают очередную остановку на отдых и кормежку в лесистых горах Северного Кавказа, где и скапливаются в большом количестве. В лесонасаждениях же пустынного Заволжья, как и в дельте Волги, осенью их почти не бывает (Линдеман и др., 2005; Чернецов и др., 2010; Русанов, 2011; Белик, 2015г; Белик и др., в печати).

Местообитания. Гнездится в различных типах лиственных и смешанных равнинных лесонасаждений, предпочитая кустарниковые опушки влажных пойменных лесов. В степной зоне нередко заселяет лесополосы вдоль балок и среди полей. Гнездо вьёт обычно на земле среди сухой листвы, иногда на кустах невысоко над землей.

Численность. В бассейне Дона обычен, местами многочислен. В Европе обитает 3,8-6,4 млн., а в Европейской России – 2,4-4,3 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 150-400 тыс., в том числе более 80 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

Обилие соловьев в байрачных лесах бассейна Дона колеблется от 7,0 до 25,0, в среднем – 14,2 пар/км^2, в пойменных лесах – от 18,5 до 40,0, в среднем – 29,7 пар/км^2, а в сухих аренных лесах – лишь 1,0 пар/км^2. В искусственных лесах Южной России в аридные годы (1975-1977 гг.) гнездилось 10-29, в среднем 18,5, а в гумидный период (1984-1992 гг.) – в среднем 34,3 пар/км^2 (Белик, 2000а). В пойменной дубраве на Сев. Донце в 1960-е годы учитывали в среднем 10,5 пар/10 га (Бируля, 1971), а на Среднем Дону в 2010-е годы гнездилось 6,0-15,1, в среднем 10,6 пар/10 га (Гудина, 2019). Ниже по течению Дона, в Иловлинском р-не Волгоградской обл., в 2008 г. была учтена 21 пара/км^2 (Белик, Гугуева, 2021).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

– Соловей-красношейка *Luscinia calliope* (Pallas, 1776)

Характер пребывания. Указан для фауны Калмыкии на основе визуальной, никак не документированной встречи (Близнюк, 2000). Северокавказская орнитофаунистическая комиссия рекомендовала пока воздержаться от включения красношейки в состав орнитофауны Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель бореомонтанного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Сейчас рассматривается как монотипический вид (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014), но неоднократно высказывалось также мнение о его политипической структуре, включающей 3-5 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Коблик и др., 2006; и др.).

Распространение. Гнездится в Сибири от Урала до Камчатки и Приморья. Зимует в тропиках на юге Азии. Случайные залеты регистрировали в Финляндии, Исландии, Эстонии, Дании, Британии, Италии, Египте (Snow, Perrins, 1998), но в Европейской части России, кроме Уральских регионов, соловей-красношейка больше нигде не отмечался (Свиридова, Зубакин, 2000).

Местообитания. Заселяет ивняки по поймам рек, мелколесье на лесных полянах и гарях, кедровые стланники и заросли карликовой березы у верхних пределов лесного пояса, гнездясь от берегов морей до пояса криволесья и субальпийских кустарников в горах (Дементьев, Гладков, 1954).

Численность. По экспертным оценкам на северо-востоке Европейской России обитает 1000-1200 пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Сибири в пойме Енисея обилие птиц в разных районах колеблется в пределах 21-41 ос./км^2, а на водоразделах вдали от реки, на гарях и по кустарниковым опушкам вдоль болот гнездится около 1-2 ос./км^2 (Рогачева и др., 2008).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

366. Варакушка *Luscinia svecica* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных и предгорных регионов Южной России, а в горных районах Северного Кавказа отмечающийся на миграциях (Белик и др., 2016). В южных регионах одиночные птицы изредка, случайно задерживается на зиму (Хохлов, 1991; Перевозов, 2008; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а). В тундры варакушка проникла с юго-запада Евразии сравнительно недавно, заняв там пустовавшие экологические ниши и прочно обосновавшись в гипоарктических сообществах (Козлова, 1945; Белик, 2006). О быстрой экспансии тундровых популяций на север и восток Евразии свидетельствуют и результаты их генетического анализа, тогда как более дифференцированные южные подвиды расселялись, по-видимому, с востока (Zink et al., 2003).

Таксономия. Обычно признается 8-11 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014), но из-за их значительного полиморфизма диагностика и особенности распространения отдельных форм выяснены недостаточно (Козлова, 1945). Общепризнано, что северные районы ареала в тундрах и лесотундрах Евразии населяет номинативная форма, встречающаяся на юге России на миграциях (Бёме, 1926). В Западной Европе вплоть до Прибалтики обитает белогорлая *L. s. cyanecula*, которую тоже изредка отмечали на пролете в Предкавказье (Бёме, 1926). Для Восточной Европы, указывают *L. s. volgae* (=*occidentalis*), описанную по материалам из Сарпы (Волгограда) и отличающуюся значительным полиморфизмом в окраске горла (Козлова, 1945; Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Коблик и др., 2006). Она распространена также в низовьях Дона и Кубани и в Восточном Приазовье (Казаков, 2022). Однако Л.С. Степанян (2003) указывает для Северного Кавказа *L. s. cyanecula*, интерградирующую на Нижнем Дону с *L. s. volgae*. Наконец, в Заволжье и Северном Казахстане к востоку до Алтая гнездится *L. s. pallidogularis* (Сушкин, 1908; Бостанжогло, 1911; Tugarinov, 1928; Волчанецкий, Яльцев, 1934; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). А в горах Малого Кавказа и прилежащих районов Турции и Ирана обитает крупная *L. s. magna* (=*luristanica*), часто лишенная «звезды» на голубом пластроне. Подвиды варакушки различаются наличием белого или рыжего пятна на пластроне, интенсивностью голубой окраски этого пластрона и оттенками окраски верхней стороны тела.

Распространение. Гнездовой ареал охватывает большую часть Северной Евразии от Атлантики до Чукотки, откуда он слегка заходит сейчас на запад Аляски. Ряд эндемичных подвидов обитает в южных горах от Малого Кавказа до Памира, Монголии и Китая (Dickinson, Christidis, 2014). На юге России варакушка распространена в бассейнах Дона и Волги и на равнинах Предкавказья, местами заходит также в предго-

рья Северного Кавказа вплоть до Пятигорска (Бёме, 1958), но отсутствует в засушливых районах Калмыкии и Северо-Западного Прикаспия (Воинственский, 1960; Джамирзоев и др., 2004, 2008; Цапко и др., 2009). Не подтверждаются сейчас и прежние указания о гнездовании варакушки в Дагестане (Джамирзоев, 2000; Атлас …, 2020; и др.).

На Сев. Донце и Нижнем Дону она издавна была обычна (Аверин, 1911; Варшавский, 1965; Белик и др., 2013). В дельте Дона в конце апреля 1951 г. добыли 3 самцов, а в 1961 и 1968 гг. нашли 2 гнезда с кладками (Воинственский, 1960; Петров, Казаков, 1970; Девятко, Джамирзоев, 2012); тогда же варакушку впервые нашли в Восточном Приазовье и в низовьях Кубани (Czarnecki, 1973; Очаповский, 2017; Казаков, 2022), а также в ее среднем течении у Армавира (Жарова, Жаров, 1962). Хотя на Тамани варакушка была добыта еще 08.06.1929 (Пузанов, 1938). Сейчас же на Кубани в районе Краснодара, судя по числу птиц, добытых в 1974-1975 гг. для коллекции, это обычный гнездящийся вид (Пекло, 2002). Обычна варакушка стала и в дельте Кубани, а в 1970-е годы ее нашли в долине Маныча и у водоемов на Ставропольской возв. (Казаков и др., 1984; Хохлов, 1991; Ильюх, Хохлов, 2006).

В Среднем Поволжье в середине XIX в. варакушка отмечена у г. Рудня на севере Волгоградской обл., но у Сарепты она встречалась тогда только на осеннем и весеннем пролете (Богданов, 1871). Гнездование бело- и красногорлых птиц в зарослях рогоза на Сарпинских озерах стали регистрировать лишь в начале XX в. (Лорец, 1928). Однако в 50-70-е годы XX в. Е.И. Врублевский встречал варакушку в Волгоградской обл. всего несколько раз в пойме Хопра у стан. Усть-Бузулукской и на берегу Цимлянского вдхр. в Чернышковском р-не, а единственное гнездо с кладкой нашел 29.05.1971 на правобережье Волги к северу от Волгограда (Белик и др., 2022а).

На Нижней Волге к югу от Волгограда гнездовий варакушки ранее не находили (Artzibascheff, 1859, 2015; Яковлев, 1872, 2015; Kracht, 1919, 2014; Аргиропуло, 1928; Воробьев, 1936). Сейчас же она встречается на севере Волго-Ахтубинской поймы в Волгоградской обл. (Чернобай, 2004а), а южнее, в Астраханской обл., этих птиц отмечали в июне, что тоже позволяет предполагать их гнездование. В дельте Волги встречи пролетных варакушек значительно участились в 1980-е годы, а с начала XXI в. их стали встречать там в начале мая, в том числе 12.05.2007 слышали пение (Реуцкий, 2015).

В степном Заволжье варакушка издавна гнездится в низовьях р. Еруслан и по р. Торгун к югу до пос. Палласовка, а также на островах в Черебаевской пойме по левому берегу Волгоградского вдхр. (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Завьялов и др., 2011; Пискунов,

Опарин, 2012; Белик и др., в печати). Певший самец встречен также 05.05.2022 в тростниках по р. Чернавка у оз. Эльтон (Рупасов и др., 2022а). Летом варакушек наблюдали и в окрестностях оз. Баскунчак на севере Астраханской обл., где они держались по балкам и карстовым провалам, густо заросшим кустарниковой и сорной растительностью (Реуцкий, 2015). А по сведениям К.Х. Генке, эти птицы в большом числе гнездились в Киргизских степях в Заволжье и в XIX в. (Seebohm, 1882; Хлебников, 1928, 1930).

В целом на Дону, Волге и в Предкавказье в XX в. наблюдался заметный рост численности, расселение и уплотнение кружева гнездового ареала варакушки. Но ее находили в Предкавказье еще в конце XIX - начале XX в., однако очень редко и спорадично. Так, летом 1888 г. она отмечена на Кубани между р. Белой и Лабой (Россиков, 1890); у Пятигорска 03.06.1924 было найдено гнездо с птенцами и встречены слётки (Бёме, 1958), а на Тамани в плавнях близ Анапы одну птицу добыли 08.06.1929 (Волчанецкий и др., 1962).

Зимуют варакушки в основном на севере Африки и юге Азии. Изредка зимующих птиц отмечали в дельте Волги, на Ставрополье и Черноморском побережье (Хохлов, 1991; Хохлов и др., 2001; Перевозов, 2008; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; Тильба, 2017, 2022). Сезонные миграции идут по ночам широким фронтом через всю Южную Россию, но выражены слабо. Они наблюдаются как в пустынных районах Заволжья (Линдеман, 1971; Чернецов и др., 2010; Белик и др., в печати), так и на Черноморском побережье Кавказа (Тильба, 2001, 2006), но в горах варакушки встречаются редко, случайно (Lorenz, 1887, 2011; Аверин, Насимович, 1938; Мнацеканов, 1999; Комаров, 2006, 2013; Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; Белик, Аккиев, 2023). Весной мигранты не поют и поэтому регистрируются тоже лишь случайно (Линдеман, 1971).

Местообитания. Обитает в кустарниках по берегам различных водоемов, а также в тростниках вдоль рек, ручьев, каналов и т.п. Гнездо вьёт на земле среди травы.

Численность. На юге России немногочисленна, лишь местами обычна. В Европе обитает 4,5-7,8 млн., а в Европейской России – 3,5-6,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 50-100 тыс., в том числе более 25 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). По наблюдениям в начале XXI в. южно-российские популяции были относительно стабильны (Белик и др., 2003).

В Черебаевской пойме на левом берегу Волгоградского вдхр. у границы с Саратовской обл. обилие варакушки в июле 1998-2000 гг. составляло

1,2-1,7 ос./га на заливных лугах и 3,2-3,9 ос./га – в тростниково-ивовых лесах (Шаповалова, Завьялов, 2009). На Среднем Дону в озерной котловине среди Арчединских песков 04.05.1999 отмечено 12 самцов на 5 км маршрута, а на берегу оз. Большое Орлово пели 3 самца/0,5 км маршрута. Там же в заболоченных кустарниках среди песков 27.04.2008 учтено 6 самцов/2 км маршрута (Белик, Гугуева, 2021). В Воронежской обл. у озер на песчаных террасах в Хоперском заповеднике обилие птиц составляло в среднем 12,6 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

367. Дрозд чернозобый *Turdus atrogularis* Jarocki, 1819

Характер пребывания. Редкий залетный вид Поволжья (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1978, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Сейчас рассматривается как монотипический вид (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014), прежде же объединялся в один вид с краснозобым дроздом *T. ruficollis* (Дементьев, Гладков, 1954), а иногда к этому виду относили также дроздов бурого *T. eunomus* и Науманна *T. naumanni* (Портенко, 1954).

Распространение. Гнездится в основном в Сибири от Урала до Байкала, а также на Алтае, где встречается особая черноголовая морфа этого дрозда *T. atrogularis* var. *relicta* (Портенко, 1981; Ковшарь, 2005; Мосейкин, Хайдаров, 2006). Черноголовые дрозды зимуют обычно в Средней и Передней Азии, откуда изредка залетают в Закавказье, особенно в горы Армении, появляясь там иногда уже в августе (Ананян и др., 2014). Весьма массовый налет этих дроздов наблюдали в Армении зимой 2019/20 г. Птицы держались обычно в стаях рябинников и других дроздов, кормясь ягодами облепихи, шиповника и лоха, а также шишкоягодами можжевельников (Ананян и др., 2020).

На юге России отмечено всего несколько залетов чернозобого дрозда. О его регистрациях весной и осенью у Сарепты (Волгограда) в начале XX в. впервые сообщал В.А. Хлебников (1928, 1930). На Джаныбекском стационаре в Приэльтонье 2 птицы встречены также 23.04.1965 (Линдеман, 1971). Кроме того, 1 птица добыта 18.10.1956 из стаи в 10 особей в пойме р. Урал ниже г. Уральска в Западном Казахстане (Гаврилов и др., 1968), а Г.С. Карелин (1875) в XIX в. отмечал чернозобого дрозда в низовьях р. Урал.

Местообитания. Гнездится в лесах различных типов, предпочитая

опушки, редины, окраины гарей или долины рек, где часто кормится на лугах дождевыми червями.

Численность. В Европе, исключительно на северо-востоке Европейской России, обитает 8-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Сибири эти птицы обычны, местами многочисленны. На юге России могут отмечаться случайные залеты.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

368. Рябинник *Turdus pilaris* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид бассейнов Дона и Волги, пролетный и зимующий в остальных регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1978; Белик, 2006).

Таксономия. Сейчас считается монотипическим видом (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). Ранее рассматривался в составе 2-3 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Северной Евразии от Скандинавии и Франции почти до Охотского моря и Приамурья. На юге России спорадичные гнездовья отмечались в Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона, куда птицы проникли, вероятно, во второй половине XX в. в результате двух мощных экспансий с севера.

В 1976-1977 и 1985-1989 гг. птицы загнездились на Нижнем Дону в Усть-Донецком и Семикаракорском р-нах; в 1982-1989 гг. их колонии и одиночные гнезда неоднократно отмечали в разных районах на Среднем Дону. В 1983-1984 гг. гнездовья рябинников впервые были найдены В.В. Ветровым (личн. сообщ.) в двух районах в низовьях р. Деркул у границы Луганской и Ростовской обл. В Донском лесхозе в долине р. Кундрючья к северу от г. Шахты 06.06.1989 мы отметили 1-2 пролетевших птиц, а в долине р. Калитва у устья р. Ольховой 21.04.1991 найдена колония из 2-3 пар, строивших гнезда. Наконец, 01.03.1992 в пойме Дона у Ростова обнаружено прошлогоднее гнездо рябинника, а 31.05.1998 эти птицы были найдены в лесопарке на северной окраине Ростова.

Однако появившиеся на Дону гнездовья позже начали постепенно исчезать, возможно, в результате хищничества размножившихся здесь тетеревятников (Белик и др., 1989, 2001; Белик, 1999а, 2005а). И специальные поиски рябинника на севере Ростовской обл. в начале XXI в. подтвердили его почти полное исчезновение.

Здесь близ стан. Селивановской в верховьях р. Березовая удалось обнаружить лишь одно гнездовое поселение из 2-3 пар (Забашта, 2023).

В Волгоградской обл. рябинник изредка отмечался на гнездовании в северных и северо-западных районах (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004). В 1955-1962 гг. его колонии были известны Е.И. Врублевскому только в пойме Хопра у стан. Аржановской (Белик и др., 2022а). В 1984 и 1985 гг. гнездовья были найдены нами в Балашовском и Красноармейском р-нах на юге Саратовской обл. (Белик, 2002, оригин. данные). В конце XX в. гнездовья появились в лесистых низовьях р. Еруслан в Заволжье (Шаповалова, Завьялов, 2009; Завьялов и др., 2011). Но в бассейне Среднего Дона этих птиц к началу XXI в. почти не осталось, и в течение 1998-2020 гг. нами в гнездовой период там отмечено всего 4-5 встреч с одиночными особями в Урюпинском, Серафимовичском, Иловлинском и Ольховском р-нах.

Рис. 44. Распространение рябинника на юге России:
черно-красные пуансоны – места гнездования;
красные пуансоны – летние встречи

Однако в это же время рябинник однажды был обнаружен на гнездовье в Волго-Ахтубинской пойме у пос. Цаган-Аман на территории

Калмыкии, где 29.07.2006 найдено гнездо 1 пары с 4 оперившимися птенцами, устроенное в 300-400 км к югу и востоку от известных гнездовий на Нижнем Дону и Средней Волге (Музаев, 2007).

Зимуют рябинники в Европе, Средиземноморье, Малой Азии, по всему югу России и на Кавказе. В период миграций и зимовки птицы обычно кочуют в поисках корма стаями разной величины. В теплые периоды года они держатся в основном на лугах, в полях и степи, а зимой концентрируются в районах с обильным урожаем ягод различных древесных и кустарниковых растений. На Кавказ прилетают в октябре, а весной отлетают обычно в марте-апреле.

Местообитания. Гнездится чаще колониями разной величины, иногда – отдельными парами в различных типах лесов, обычно по соседству с полянами или рединами; часто заселяет пойменные насаждения рядом с лугами, где кормится дождевыми червями. В последние десятилетия местами стал осваивать городские парки. Довольно массивное гнездо из сухой травы, скрепленное внутри грязью, вьёт на деревьях в развилках стволов.

Численность. В Европе обитает 14,2-28,6 млн., а в Европейской России – 10-15 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 2-5 тыс., в том числе более 1 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. в бассейне Дона отмечено сокращение численности этих птиц (Белик и др., 2003).

В лесах средней полосы России рябинник обычен, местами немногочислен, а на юге – редок и очень спорадичен. На островах Черебаевской поймы на левом берегу Волги у границы с Саратовской обл. в июле 1998-2000 гг. учитывали 1,4-2,0 ос./га в осокорево-вязовых парковых лесах и 0,8-0,9 ос./га в лоховом мелколесье (Шаповалова, Завьялов, 2009). В пойме р. Медведицы в Саратовской обл. обилие составляло в среднем 57,7 ос./км^2 (Завьялов и др., 2011). В Хоперском заповеднике в Воронежской обл. учитывали 1,0-4,3 пары/км^2, а в лесопарках Воронежа после их заселения в 1970-е годы птицы гнездились колониями с плотностью до 65 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021).

Зимой иногда встречается крупными стаями, которые придерживаются деревьев и кустов с обильным урожаем ягод (рябина, калина, боярышник, лох, облепиха, барбарис и др.), составляющих в зимний период основу кормовой базы этих птиц. Так, на лесистых островах Черебаевской поймы зимой 1997/98 г. на площади около 2,5 км^2 держалось до 22 тыс. птиц, а всего на 30 островах могло быть около 300-400 тыс. этих дроздов (Завьялов и др., 2011).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

369. Дрозд белозобый *Turdus torquatus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид всех горных регионов Северного Кавказа, изредка залетающий в равнинные районы на Нижнем Дону и Нижней Волге (Моламусов, 1967; Поливанов, Тельпов, 1998; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Включает 3 подвида: номинативный, распространенный в Скандинавии и Британии, *T. t. alpestris*, характерный для гор Южной Европы и Малой Азии, и *T. t. amicorum*, обитающий на Кавказе, в Иране и Туркмении (Степанян, 2003).

Распространение. Дизъюнктивный ареал охватывает горы Скандинавии и Кольского полуострова, Британские острова, Пиренеи, Альпы, Карпаты, горы Балканского полуострова и Малой Азии, Кавказ, Эльбурс и запад Туркмении. На юге России гнездится в горах Северного Кавказа от Краснодарского края и Адыгеи до Дагестана. Заселяет Главный, Боковой и Скалистый хр., а в районе Кисловодска, где Скалистый хр. не имеет сплошного лесного пояса, дрозды расселяются до хр. Боргустан и Джинал в системе Мелового хр. (Поливанов, Тельпов, 1998). На Западном Кавказе птицы обычны на плато Лагонаки, западнее они прослежены до перевала Наужи среди луговых вершин Водораздельного хр., а на южном макросклоне обитают на хр. Ачишхо и Аибга в районе Красной Поляны (Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2006; Тильба, Мнацеканов, 2008). На Скалистом хр. наиболее западные находки отмечены нами в верховьях р. Кува и на горе Больше́ (Белик, 2019а).

В Дагестане белозобый дрозд широко распространен в среднегорьях и высокогорьях, но везде встречается сравнительно редко (Билькевич, 1893; Rosenberg, 1907, 2019; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2003, 2006; Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2018; Белик, Насрулаев, 2019; и др.).

Зимует этот дрозд в Средиземноморье, в Малой и Передней Азии, частично остается на зиму на Кавказе, спускаясь в нижние пояса гор и в предгорья и долетая иногда до Ставропольской возв., где стайки из 12 и 50 птиц встречены 22.03.1978 в лесополосе близ г. Изобильного, а 20.03.1979 один дрозд добыт из небольшой стайки близ г. Благодарного (Хохлов и др., 1992). Однако большая часть птиц осенью улетает через перевалы на юг, в Закавказье (Поливанов, 1990; Поливанов, Тельпов, 1998). Залетные птицы в миграционные периоды отмечались также 18.01.2001 у Ростова, 17.03.2017 в дельте Волги, а в октябре 1968 г. этот дрозд был добыт у г. Сватово в Луганской обл. (Панченко, 1972; Белик, 2006в; Русанов, Таранов, 2017).

Местообитания. Распространен в горах от 1000-1500 до 2000-2500 м н.у.м. (Бёме, 1925а; Моламусов, 1967; Поливанов, Тельпов, 1998). Иногда встречается в альпике вплоть до ледников на высотах 2700-3000 м н.у.м. (Динник, 1886). Характерен для субальпийских высокогорий с кустарниковыми зарослями среди лугов (родоретами, можжевеловыми стланниками), а также с куртинами криволесья и редколесья (березовыми, буковыми, сосновыми) на верхней границе лесного пояса. Изредка эти дрозды встречаются в среднегорье в долинах рек лесного пояса, а затем вновь становятся обычными в аридных котловинах среди горной лесостепи с кустарниками и редколесьями, с ручьями и скалами на склонах. В Северо-Юрской депрессии часто держатся у подножий куэст с крупноглыбовыми осыпями и разреженными древесно-кустарниковыми зарослями. Предпочитают более влажные ущелья, а в открытых степных долинах отсутствуют, поэтому на сухом Восточном Кавказе эти дрозды встречаются значительно реже.

Дрозды охотно заселяют густые заросли бурьянов возле заброшенных кошар и летовок, вокруг горных аулов, часто держатся в кустарниках вдоль ручьев. Весной нередко кочуют, спускаясь после снегопадов и резких похолоданий из субальпики в среднегорья – на луговые пастбища по днищам ущелий, а затем вновь поднимаясь вверх при потеплении (Бёме, 1925а; Белик, Аккиев, 2023). Гнездятся обычно на небольших деревьях и кустах, реже в нишах скал и старых построек, иногда также на земле под камнями и обрывами (Варзиев, Комаров, 1990; Поливанов, Тельпов, 1998). Гнездо делают в виде массивной чаши из сухой травы, скрепленной грязью.

Численность. На Кавказе обычен, местами малочислен. В Европе обитает 299-598 тыс., а на юге России, в горах Кавказа – 20-80 тыс. пар (Белик, 2005б; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Кавказская популяция относительно стабильна (Белик и др., 2003). Но в последние десятилетия в некоторых районах отмечено сокращение численности птиц (Тельпова, 2006). По экспертным оценкам, в Кавказском заповеднике гнездится 3-5 тыс. пар, в Тебердинском – 1-2 тыс. пар; в Кабардино-Балкарском – 150-250 пар, в Северо-Осетинском – 100-150 пар, в заповеднике «Эрзи» – 50-100 пар, в Сочинском нац. парке – 500-700 пар, в нац. парке «Приэльбрусье» – 500-750 пар и в нац. парке «Алания» – 100-250 пар, т.е. всего на ООПТ Кавказа – 5,4-9,2 тыс. пар (Джамирзоев и др., 2017).

Обилие птиц в бассейне р. Белой на Западном Кавказе колеблется от 4 до 22 ос./км^2 с максимумом в буковом криволесье, в бассейне Малой Лабы – 3-130 ос./км^2, с максимумом в верхнегорных букопихтарниках, а на южном макросклоне по р. Шахе – 1-20 ос./км^2, с максимумом

в субальпийском поясе (Перевозов, 2010). В Кавказском заповеднике учитывали до 15 и 40 ос./км^2 в пихтарниках и парковых кленовниках, 6 и 10 ос./км^2 – в буковом и березовом криволесье, 4 и 2 ос./км^2 – в зарослях рододендрона и на субальпийских лугах (Тильба, Казаков, 1985). В Тебердинском заповеднике обилие в типичных местообитаниях колеблется от 8 до 20 ос./км^2 (Поливанов, Тельпов, 1998), а в Северо-Юрской депрессии в Карачаево-Черкесии мы учитывали у подножия куэст в разных местах 4 пары на 1,5 км; 7 пар на 4 км; 2 пары на 1 км маршрута.

На Центральном Кавказе в мелколиственных среднегорных лесах Кабардино-Балкарии обилие птиц составляло лишь 4 ос./км^2, тогда как в сосновых лесах оно достигало 19 ос./км^2, а в субальпийских березовых лесах и криволесье – 13 ос./км^2 (Афонин, 1985). В горной лесостепи по р. Черек-Балкарский в апреле 2017 г. мы учитывали около 12-16 пар/км^2 (Белик, Аккиев, 2023). В Северной Осетии в можжевеловых редколесьях было от 14-21 до 40-72 ос./км^2, в березняках – от 37-48 до 42-61 ос./км^2, а в сосняках Цейского ущелья – 18-29 ос./км^2 (Варзиев, Комаров, 1990). В верховьях же р. Урух было учтено всего 8-13 пар/км^2 (Комаров, 2013).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

370. Дрозд черный *Turdus merula* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично оседлый вид Южной России, кроме полупустынных районов Калмыкии и Поволжья (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Выделяют от 7 до 16 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Континентальную Европу населяет номинативная форма, прилетающая на Кавказ на зимовку, а в Крыму, на Кавказе, в Малой Азии и Иране гнездится *T. m. aterrimus* (Портенко, 1954; Коблик и др., 2006). По нашим данным, низовья Дона заселяют с севера, по-видимому, птицы номинативного подвида, а с юга в Предкавказье могут расселяться кавказские дрозды (Белик, 2009).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Европы к востоку до Урала, а также на Кавказе, в Малой, Передней и Средней Азии. Ранее на юге России черный дрозд заселял только леса Кавказа и бассейна Дона к северу от его низовий и к северо-западу от Волгограда (Аверин, 1911; Бируля, 1971; Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик, 1999а, 2009; Белик и др., 2001, 2013, 2022а; Белик, Гугуева, 2021;

Казаков, 2022). Сравнительно недавно этот дрозд появился на севере Волго-Ахтубинской поймы (Чернобай, 2004а; Белик, 2016б), а в последние десятилетия одиночные птицы стали отмечаться летом также в дельте Волги (Реуцкий, 2015), но их гнездовья в Астраханской обл. пока неизвестны. В начале XXI в. эти дрозды, расселяясь на юг, проникли на гнездование также в лесистые низовья р. Еруслан в Заволжье (Завьялов и др., 2000, 2011; Шаповалова, Завьялов, 2009).

В степном Предкавказье черные дрозды стали расселяться на север во второй половине XX в. благодаря формированию зрелых насаждений в искусственных лесных массивах. В частности, в 1970 г. они впервые найдены в Ленинском лесхозе на юге Азовского р-на (Белик и др., 1981), в 1977-1978 гг. оказались нередки в Новопокровском и Ипатовском лесничествах на севере Краснодарского и Ставропольского края, хотя в Челбасском лесничестве в Восточном Приазовье тогда еще, по-видимому, отсутствовали (Белик, Пекло, 1989; Белик, 2009). Сейчас же эти дрозды стали заселять также многие старые лесополосы в Предкавказье, расширяя и уплотняя кружево своего ареала. В 2006 г. они впервые встречены в Ленинском лесничестве Городовиковского р-на на юго-западе Калмыкии, к 2010 г. дрозды стали там уже обычны (Цапко, 2007, 2008; Музаев и др., 2011), а в 2022 г. гнездились уже в Элисте на Ергенях (В.М. Музаев, личн. сообщ.).

На Кавказе черный дрозд гнездится в лесах во всех регионах и на всех хребтах от Черноморского побережья и предгорий до субальпики. Кроме того, здесь сформировалась обособленная синантропная раса, автономно расселяющаяся по садам и паркам крупных городов и небольших селений. К сожалению, история, география и сравнительная экология урбанизированной популяции не привлекла здесь должного внимания.

Почему-то считается, что «начало и темпы синантропизации и урбанизации *T. m. atterimus* в Центральном Предкавказье и на сопредельных территориях значительно отстают от таковых у *T. m. merula* в Западной Европе, на Украине и северо-западе Европейской части России» (Тельпова, 2006, с.15), поскольку первые проявления синантропизации черного дрозда были отмечены в Западной Европе уже в середине XIX в. (Нанкинов, 1981; Witt, 2005). В действительности же на Кавказе эти птицы еще в 1898 г. «очень часто встречались» в стан. Преградной в Карачаево-Черкесии (Динник 1899, с. 7), а в начале XX в. «чёрные дрозды в большом количестве гнездились во всех псебайских садах» на юго-востоке Краснодарского края (Динник 1902, с. 5).

В Закавказье же, в Алазанской долине, черный дрозд в начале XX в., по словам П.В. Серебровского (1925, с.23), «кормился по большим

людным дорогам, лавируя под ногами лошадей и пешеходов. Иногда видел я его в самом городе [Закаталы], в садах и даже на улицах». Вероятно, где-то здесь в предгорьях и проходила начальная стадия синантропизации этих дроздов, а их быстрая, широкая экспансия по городам и селениям Кавказа началась лишь во второй половине XX в. В работах середины XX в. городские черные дрозды на Северном Кавказе еще не упоминались (Бёме, 1958; Бернацкий, 1958; Волчанецкий и др., 1962; Ткаченко, 1966; Моламусов, 1967). Ничего нет о них и в публикациях 1980-х годов (Поливанов, Поливанова, 1986; Варзиев, Комаров, 1990), хотя в это время уже появились первые упоминания о формировании на Кавказе обособленных городских популяций (Витович, Поливанов, 1984).

Впервые же гнездование черных дроздов в Нальчике и Кисловодске было установлено в 1970-е годы (Тельпов и др., 1991), в 1988 г. гнезда были обнаружены в Ставрополе (Степанова, Ильюх, 1989), в 2005 г. мы с М.А. Динкевичем наблюдали первых синантропных дроздов в парках Краснодара, в 2022 г. они найдены в Элисте (В.М. Музаев, личн. сообщ.), но в Ростове еще не замечены.

Сейчас синантропные черные дрозды обычны почти во всех городах Предкавказья от Краснодара до Владикавказа и Махачкалы, где появились в начале XXI в. (Н.И. Насрулаев, личн. сообщ.), а также на Черноморском побережье Кавказа, где синантропные птицы отмечаются в городах с 1970-х годов (Тильба, 1986; личн. сообщ.). Они проникли также в города и селения в глубине горных ущелий вплоть до Теберды, пос. Эльбрус в верховьях Баксана, с. Куссу в самом верховье р. Урух в Северной Осетии (Караваев и др., 2013, 2017; Белик, 2016а, 2020а). В Кабардино-Балкарии в последние десятилетия черные дрозды освоили все горные селения в Северо-Юрской депрессии, где стали весьма обычными в садах и парках, уничтожая летом урожай малины и смородины. Возможно из этих сёл они проникли также в кустарники и редколесья по ручьям и рекам среди пастбищ в аридной депрессии, поскольку в 1980 г. эти дрозды там не отмечались, а сейчас их обилие в горной лесостепи лишь в 2 раза ниже, чем у белозобого дрозда (Афонин, 1985; Белик, Аккиев, 2023).

Синантропные популяции ведут оседлый образ жизни, но на зимовку остаются в основном самцы. В Кисловодске зимой их было в 3 раза, а в Ставрополе – в 4,5 раза больше, чем самок. К гнездованию же эти дрозды приступают иногда уже в январе (Тельпов и др., 1991; Хохлов и др., 1992). Зимой на Кавказе появляются также птицы северных популяций (Бернацкий, 1958). Их зимовки отмечаются и в Астраханской

обл. (Реуцкий, 2015), а в последние годы одиночных дроздов встречают зимой также на юге Ростовской и Волгоградской обл. (Забашта, Забашта, 2018; Белик и др., 2023). Но в первой половине XX в. зимовать на Кавказе оставалось еще сравнительно немного птиц (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958). Их сезонные миграции идут по ночам широким фронтом через всю Южную Россию, а на дневку птицы останавливаются обычно в различных древесно-кустарниковых насаждениях.

Местообитания. Обитает в различных типах лесов на равнинах, в предгорьях и горах Кавказа, поднимаясь до 1800-2000 м н.у.м. (Аверин, Насимович, 1938; Моламусов, 1967; Варзиев, Комаров, 1990; Комаров, Липкович, 2000; Белик, Аккиев, 2023). Везде предпочитает густые влажные лиственные насаждения, ежевичники по опушкам, особенно вдоль речек и ручьев в балках. В последние десятилетия заселил сады и парки многих городов и селений на юге Предкавказья, а также в горах Кавказа, где сформировалась особая, оседлая синантропная популяция. Зимуют дрозды в основном в предгорьях в населенных пунктах и в долинах рек с обилием ягод терна, боярышника, барбариса, шиповника и облепихи, а из заснеженных среднегорий зимой практически полностью исчезают (Аверин, Насимович, 1938; Караваев и др., 2015; Белик, Аккиев, 2023). Довольно массивное гнездо из сухой травы, скрепленное внутри грязью, дрозды вьют на деревьях, пнях, в кустах, иногда – под деревьями у самой земли или на постройках.

Численность. На юге России обычен, местами многочислен. В Европе обитает 54,8-87,1 млн., а в Европейской России – 2-4 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 1,0-1,5 млн. пар, в том числе более 32 тыс. пар – в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. в западных регионах Южной России отмечен некоторый рост численности этих дроздов (Белик и др., 2003).

В бассейне Дона обилие птиц в байрачных лесах составляло 8-95, в среднем 40,3 пар/км^2, в пойменных лесах – 2-25, в среднем 8,7 пар/км^2, а в сухих аренных – в среднем 5 пар/км^2 (Белик, 2000а). По данным Н.Б. Бирули (1971), в пойменных дубравах по Сев. Донцу гнездилось в среднем 4,8 пар/10 га, а по данным А.Н. Гудины (2019), в поймах рек на Среднем Дону обилие колеблется от 3,3 до 6,9, в среднем 5,1 пар/10 га. В нагорных лесах Ставропольской возв. вследствие их мезофилизации в последние десятилетия обилие этого дрозда возросло в среднем с 6 до 28 пар/км^2 (Костенко, 2012).

В лесах на Западном Кавказе в низкогорных широколиственных лесах обилие колеблется от 15 до 57 ос./км^2, а в среднегорных смешанных

лесах – от 3 до 55 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике в оптимальных местообитаниях обилие составляет 80-195 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002; Караваев и др., 2015). На Скалистом хребте учитывали 34 ос./км^2 в горных лесах и 64-143 ос./км^2 в пойме р. Кяфар (Караваев, 2000). Аналогичные данные получены там же и нами: в березняках ущелья р. Эшкакон было до 14 пар/км^2, а в пойменных ольшаниках по долинам рек – 50 пар/км^2. В парке г. Черкесска летом было 31-60 ос./км^2 (Караваев и др., 2013), а в центре Кисловодска учитывали 7-8 гнезд на 3 км маршрута и до 10 гнезд/га – в парках (Хохлов и др., 1992).

На Центральном Кавказе в Кабардино-Балкарии во влажных широколиственных лесах на северных склонах Скалистого хр. гнездится от 27 до 282 ос./км^2, тогда как в мелколиственных лесах на Боковом хр. учитывали всего 10 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии в пойменном лесу в предгорьях обитает в среднем 44,2 пар/км^2, в горно-долинных ольшаниках – в среднем 26,3 пар/км^2, в горных лиственных лесах – 30,4-60,7 пар/км^2, а в сосняках – не более 2,7-6,2 пар/км^2 (Комаров, Хохлов, 2003; Комаров и др., 2006).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

371. Белобровик *Turdus iliacus* Linnaeus, 1766

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид бассейна Дона, изредка встречающийся на миграциях и зимовке в более южных регионах (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1978).

Таксономия. Включает 2 подвида. Всю материковую часть ареала населяет номинативная форма *T. i. iliacus* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Гнездится в Северной Евразии от Скандинавии и Прибалтики к востоку до Колымы. Ареал, граница которого в середине XX в. проходила примерно по 54 параллели, т.е. через Минск - Тулу - Саранск - Ульяновск (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 1978), в 50-80-е годы XX в. начал быстро расширяться к югу и вскоре достиг Среднего Дона, а затем и низовий Сев. Донца, т.е. 47°30′-49°30′ с.ш. (Кадочников, 1957; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Мальчевский, 1968; Белик, 1992а, 1999а, 2005а; Венгеров, 2015; и др.).

Впервые в Ростовской обл. белобровик был найден 20.06.1982 в заболоченных ольшаниках ур. Черня среди песков на левобережье Среднего Дона в районе стан. Вешенской (2-3 птицы, певшие недалеко друг от друга). Позже певшие белобровики встречены 20-22.04.1989 в притеррасных

ольшаниках в пойме Среднего Дона у хут. Щебуняевский (1 и 3 птицы), а также недалеко в прирусловом лесу (1 птица) (Белик, 2005а).

Кроме того, этих птиц обнаружили в низовьях Сев. Донца, где в ольховых колках среди песков 14.05.1983 было найдено гнездо с кладкой из 5 яиц, покинутое 2 июня подросшими слётками. Там же в ольшаниках ур. Длинное 02.05.1985 встречены 2 птицы, активно певшие недалеко друг от друга, а 13.05.1994 певшая птица отмечена также в притеррасном ольсе у стан. Нижнекундрюченской Усть-Донецкого р-на (Белик и др., 1989; Белик, 1999а).

Специальные поиски белобровика в мае 1998-1999 гг., а затем в начале XXI в. в заболоченных ольшаниках на Сев. Донце и по всему Среднем Дону оказались безуспешными. Ни разу не встречен он нами в 1996-2020 гг. и на северо-западе Волгоградской обл. Вероятно, в результате общего сокращения популяций этих птиц граница их ареала вновь отступила на север. С конца XX в. повсеместное снижение численности белобровика отмечают и во многих других регионах России (Бардин, 2008 и др.; Кузиков, 2013; Венгеров, 2015; и др.).

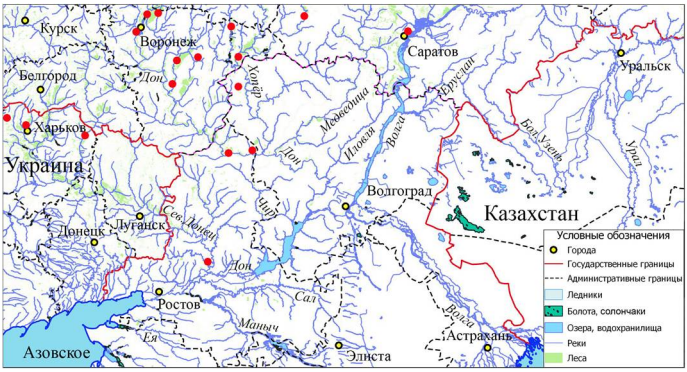

Рис. 45. Места гнездования и летних встреч белобровика на юге России и в соседних регионах

В Волгоградской обл. гнездование белобровика ранее не было известно (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а; и др.). Лишь в начале XXI в. В.Ф. Чернобай (2004) указал его как редкий гнездящийся вид на южной границе ареала, наблюдавшийся в Шемякинской лесной даче на Хопре в Урюпинском р-не. Но в Хоперском заповеднике в Воронежской обл. недалеко от Урюпинска белобровик был найден еще в 70-80-е годы XX в. (Нумеров и др., 2021). Кроме того, в 1970-е годы он загнездился в Харьковской обл. (Кривицкий и др., 1983) и в Саратовской обл., где первое гнездо обнаружили 16.06.1977 близ

Саратова, а последние гнездовья наблюдали в 1997 г. в пойме Хопра в Аркадакском р-не (Подольский, Харин, 1984; Завьялов, Табачишин, 1997; Завьялов и др., 2011). В конце XX в. белобровик отмечен в Хреновском бору, у пос. Таловая и близ устья р. Битюг в центре Воронежской обл. (Соколов 2007; Венгеров, 2015).

Зимует белобровик в Западной и Южной Европе, в Малой и Передней Азии и на Кавказе. Его сезонные миграции идут широким фронтом через всю Южную Россию, в том числе через пустынные районы Поволжья и Калмыкии. Обычно белобровики летят вместе с певчими дроздами, останавливаясь на дневку среди древесно-кустарниковых насаждений. Весной мигранты часто поют (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958). Зимой на Кавказе белобровики немногочисленны, отдельные особи задерживаются на зиму в Астраханской и даже в Ростовской обл. (Ломакин, Белик, 2008; Реуцкий, 2015). Более обычны они в Закавказье (Бернацкий, 1958).

Местообитания. По наблюдениям в Воронежской обл., гнездится в различных типах лесов, предпочитая заболоченные ольшаники, а также пойменные ивняки и дубравы, куртины деревьев и кустарников на лугах с хорошо выраженным подлеском. Часть птиц гнездится также в дубравах и осинниках вдали от пойм, реже они встречаются в смешанных сосново-широколиственных лесах, но тоже по относительно влажным участкам, тогда как в сухих сосняках, лишенных подлеска, их гнёзд не находили (Венгеров, 2015). Гнездо, как и у других видов дроздов, размещается обычно на деревьях и кустарниках невысоко над землей, в основаниях ольх и т.п.

Численность. В Европе обитает 13,2-20,1 млн., а в Европейской России – 10-12 млн. пар, но в начале XXI в. здесь отмечено сильное сокращение численности (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России популяцию оценивали в 20-150 пар, в том числе около 10 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б, 2014). Но сейчас гнездовья белобровика здесь, вероятно, исчезли.

Охранный статус. Включен в Красную книгу Кабардино-Балкарии (2 категория), но занесение белобровика в региональный красный список было недостаточно обосновано. В организации особой охраны на Северном Кавказе этот пролетный и зимующий вид, очевидно, пока не нуждается (Белик, 2014).

372. Дрозд певчий *Turdus philomelos* C.L. Brehm, 1831

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всей Южной России, кроме низовий Волги (Белик и др., 2016). На Северном Кавказе птицы частично зимуют (Моламусов, 1967; Тильба, 2001, 2006).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 2-4 подвида. Всю материковую часть ареала населяет номинативная форма *T. ph. philomelos* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). Популяции Сибири иногда выделяют в особый подвид *T. ph. nataliae* (Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в западной части Евразии от Атлантики до Байкала, а также в Малой Азии, на Кавказе и в Иране. На юге России обитает в лесах бассейна Дона, на Средней Волге и на Кавказе. В Ростовской обл. сейчас распространен к югу до Нижнего Дона, найден также в изолированном Ленинском лесхозе на юге Азовского р-на. Характер пребывания этого дрозда в старом Манычском лесу близ пос. Весёлого, где в июне 1975 г. держался активно певший самец, остался неясен (Казаков, 1968, 1969, 2022 и др.; Белик и др., 1981, 2001; Белик, Петров, 1979; Белик, 1981, 1999а, 2005а, 2009).

В Волгоградской обл. указан для северных районов (Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004), найден на гнездовье на Хопре и Среднем Дону (Белик, Гугуева, 2021; Белик и др., 2022а), гнездится на р. Медведица и по другим лесистым рекам (Гудина, 2019). Во второй половине XX в., расселяясь на юг, певчие дрозды проникли на гнездовье также в низовья р. Еруслан и в Черебаевскую пойму на левобережье Волгоградского вдхр. (Завьялов и др., 2000, 2011; Шаповалова, Завьялов, 2009). Сравнительно недавно они появились на севере Волго-Ахтубинской поймы (Белик, 2016б, 2016в), но южнее, в Астраханской обл. и Калмыкии, их гнездовья пока неизвестны (Цапко и др., 2009; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015).

На Кавказе певчий дрозд гнездится в лесах во всех регионах и на всех хребтах от Черноморского побережья и предгорий до субальпики, а также на Ставропольской возв. По лесистым поймам Кубани, Терека и других рек выходит на равнины Предкавказья, но расселение этого дрозда в искусственные степные лесонасаждения идет сравнительно медленно (Белик, 2009). В Ленинском лесничестве Городовиковского р-на на юго-западе Калмыкии певчий дрозд впервые был найден только в 2009 г. (Цапко, 2010).

Зимует этот дрозд в Западной и Южной Европе, в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Изредка встречается зимой на Северном Кавказе (Бернацкий, 1958; Моламусов, 1967; Тильба, 2001, 2006; и др.). Сезонные миграции идут по ночам широким фронтом через всю Южную Россию. На дневку мигранты останавливаются среди различных древесно-кустарниковых насаждений, весной они часто поют.

Местообитания. Обитает в самых различных типах лесов как на равнинах, так и в предгорьях и горах Кавказа, поднимаясь вверх до 1800 м н.у.м. (Комаров, Липкович, 2000). Характерен для сосняков, но нередко гнездится и среди лиственного мелколесья. Довольно скрытен, поскольку активно поет в основном рано утром на рассвете и поздно вечером в сумерках, а днем на маршрутах эти птицы малозаметны и, как правило, в значительной степени недоучитываются. Массивное гнездо из сухой травы, с характерной только для этого дрозда гладкой глиняной «штукатуркой» внутренних стенок лотка, делает обычно на деревьях в развилках ствола.

Численность. На юге России обычен. В Европе обитает 24,4-38,4 млн., а в Европейской России – 7,5-10,2 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 100-250 тыс., в том числе более 15 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). Популяции Южной России в начале XXI в. были, по-видимому, относительно стабильны (Белик и др., 2003).

В бассейне Дона обилие птиц в байрачных лесах составляло 5-20, в среднем 11,7 пар/км^2, а в пойменных лесах – в среднем 1,8 пар/км^2 (Белик, 2000а). По данным А.Н. Гудины (2019), в поймах рек на Среднем Дону обилие колеблется от 1,1 до 1,9, в среднем 1,5 пар/10 га. В нагорных лесах Ставропольской возв. обилие этого дрозда сейчас считается относительно стабильным, изменившись за последние десятилетия в среднем с 5,5 до 7,7 пар/км^2 (Костенко, 2012).

На Западном Кавказе в низкогорных широколиственных лесах обилие колеблется от 4 до 28 ос./км^2, а в среднегорных смешанных лесах – от 7 до 23 ос./км^2; изредка эти дрозды встречаются также среди букового криволесья в высокогорном поясе (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике обилие в лиственных и смешанных лесах в 1988-1989 гг. колебалось от 25 до 60 ос./км^2, а в 2008 г. их численность на разных участках смешанного леса составляла 10-33 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002; Караваев и др., 2015). В березняках на склонах ущелья р. Эшкакон на Скалистом хребте нами в июне 2006 г. было учтено 6,6 пар/км^2.

На Центральном Кавказе в Кабардино-Балкарии этот дрозд был найден лишь в буково-грабовых лесах на северных склонах Скалистого хр., где учтены всего 4 ос./км^2 (Афонин, 1985), а нами птицы отмечались также в мелколиственных лесах на Боковом хр., где в 2017-2018 гг. учитывали до 2-3 пар/км маршрута (Белик, Аккиев, 2023). В Северной Осетии в сосняках среднегорий певчий дрозд гнездится с обилием 6 пар/км^2, в сосново-березовых лесах – 4 пары/км^2, в буковых лесах – 16 пар/км^2, в горно-долинных ольшаниках Лесистого хр. – 12-23

пары/км^2, а в буковых лесах Сунженского хр. – 8 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Следует еще раз отметить, что из-за скрытности певчего дрозда его дневные маршрутные учеты во многих случаях дают значительно заниженные результаты.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

373. Деряба *Turdus viscivorus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Южной России, кроме Нижнего Поволжья и Калмыкии, где птицы отмечаются на миграциях и зимовке (Белик и др., 2016). Регулярно зимует также в горных и предгорных районах Северного Кавказа.

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Насчитывают, по разным данным, от 3 до 9 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Европейскую часть ареала, Кавказ, Малую и Переднюю Азию населяет номинативный подвид, а в Сибири распространен *T. v. bonapartei* (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Иногда кавказские популяции выделяют в отдельный подвид *T. v. loudoni*, а для Крыма приводят эндемичную форму *T. v. tauricus* (Портенко, 1954). Последний подвид указан также для Краснодарского края, где у стан. Благовещенской 10.10.2004 была добыта 1 птица (Коблик и др., 2006).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Байкала, а также в Малой Африке, на Кавказе, в Малой, Передней и Средней Азии. На юге России распространен в бассейне Дона к югу но низовий Сев. Донца, где заселяет в основном сосняки на песчаных террасах рек. В Волгоградской обл. деряба был указан лишь для северных и северо-западных районов (Кубанцев, Чернобай, 1982), а позже – как редкий вид на южной границе ареала (Чернобай, 2004). В 1960-1961 гг. гнезда дерябы были найдены Е.И. Врублевским на Хопре у стан. Аржановской (Белик и др., 2022а), а сейчас он изредка гнездится также в сосняках среди Арчединских песков и в борах по рекам Медведица и Арчеда (Белик, Гугуева, 2021).

В Ростовской обл. деряба впервые был найден на гнездовье в 1982 г. на Среднем Дону близ стан. Вёшенской, а к 1998 г. заселил там практически все сосновые леса на его левобережных террасах от границы с Воронежской обл. до Шакинского лесничества в низовьях Хопра в Волгоградской обл. (Белик, 2005а). Расселяясь по соснякам на юг,

деряба в те же годы достиг и низовий Сев. Донца. Его гнездо с 3 птенцами впервые найдено там 13.05.1983 в старой субори близ стан. Нижнекундрюченской, а 08.06.1998 там же наблюдали пару, строившую гнездо (Белик и др., 1989; Белик, 1999а). В 1983-1985 гг. гнездовья дерябы впервые отмечены и в сосняках Станично-Луганского р-на Луганской обл. на левобережье Сев. Донца, а 28.06.1986 выводок встречен также в сосняках по р. Калитва Тарасовского р-на Ростовской обл. (Кривицкий, Ветров, 1996).

Сейчас деряба нередок в сосняках и по другим рекам на севере Ростовской обл. (Калитва, Чир, Быстрая, Березовая и др.), а в июне 2018 г. встречен также в сосново-акациевых насаждениях на Доно-Кумшацких песках у стан. Лозновской Цимлянского р-на (Забашта, 2023). Однако летом эти птицы держатся достаточно скрытно и на учетах часто теряются в хоре других видов дроздов.

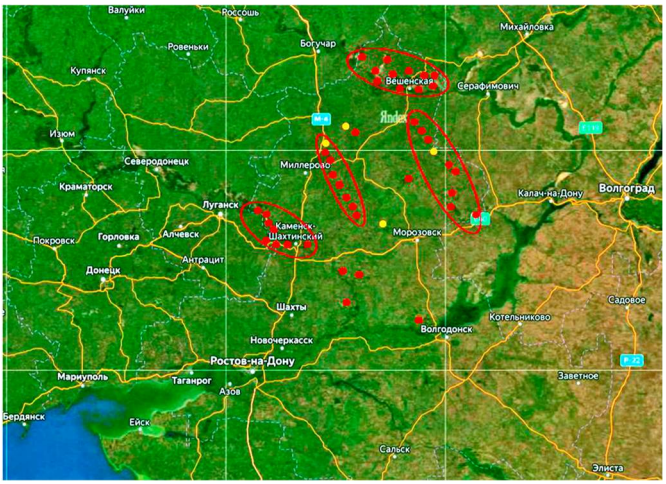

Рис. 46. Распространение дерябы в Ростовской обл. (по: Забашта, 2023). Жёлтыми точками обозначены сосновые леса, где деряба не обнаружен

На Кавказе деряба гнездится в горных лесах от Абрауского полуострова у Анапы до предгорий Дагестана (Джамирзоев и др., 2014). На Западном Кавказе по долинам рек он проникает из гор на равнины вплоть до Краснодара (Очаповский, 2017), но в Приэльбрусье в предгорьях пока не найден и лишь сравнительно недавно заселил Скалистый хр. и местами проникает на Меловой хр. (Джелтмесские высоты, Боргустан и др.) (Белик, 2019а).

На Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии дерябу в гнездовый период в XX в. не отмечали (Поливанов и др., 2000), в окрестностях Кисловодска

его не встречали еще в 1970 г. (Bier u.a., 1975), но в мае 1998 г. эти птицы были найдены в пойме р. Кяфар на западе Карачаево-Черкесии (Караваев, 2000), а сейчас, по нашим данным, это уже довольно обычный вид лесистых верховий Кумы, Подкумка, Эшкакона, Аликоновки, Березовой, Кабардинки, Хасаута, Гунделена и других рек, встречающийся как в ольшаниках по их днищам, так и в березовых лесах по ущельям на северных склонах Скалистого хр. У Кисловодска в летний период дерябу впервые отметили в середине 1980-х годов, а в последние десятилетия там регистрируют уже и его гнезда (Хохлов, Тельпов, 1984; Хохлов и др., 1992; Тельпова, 2006).

На Центральном Кавказе в Кабардино-Балкарии дерябы населяют предгорья с 600-700 м н.у.м. (Моламусов, 1967), но в Северной Осетии они гнездятся только в горных лесах, а в предгорьях их нет (Варзиев, Комаров, 1990; Комаров, Липкович, 2000; Комаров, Шевцов, 2017). В Дагестане эти дрозды обитают как в горных сосняках, так и в предгорьях на высоте около 200 м н.у.м. (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Джамирзоев и др., 2014; Белик, Насрулаев, 2019).

Зимует деряба в Западной и Южной Европе, в Малой и Передней Азии и на Кавказе. Сезонные миграции идут широким фронтом через всю Южную Россию, часто – в совместных стаях с другими дроздами. На отдых птицы останавливаются в различных древесно-кустарниковых насаждениях, но деряба обычно кормится на прилежащих лугах и степных пастбищах. На Кавказе зимует в основном в низкогорьях и предгорьях, где концентрируется в районах с широким распространением омелы, составляющей основной зимний корм, но иногда встречается и на альпийских лугах в высокогорьях (Аверин, Насимович, 1938).

Местообитания. Гнездится в равнинных и горных лесах вплоть до субальпики на высоте около 2000 м н.у.м. (Комаров, 2006), местами спускается в предгорья, на полуострове Абрау – к самому побережью Черного моря. Обитает в различных типах лесов, но повсеместно предпочитает сухие, светлые сосняки как по песчаным террасам равнинных рек, так и в горах, особенно по соседству с лугами и пастбищами. В Кавказском заповеднике характерен также для елово-пихтовых лесов (Аверин, Насимович, 1938), а у Новороссийска – для приморских можжевеловых редколесий (Сара, 2007).

На кормежку из горных лесов регулярно вылетает на субальпийские луга за дождевыми червями, а в июле в послегнездовой период выводками кочует на лугах, поднимаясь до 2500-3000 м н.у.м. Однако к середине августа подобные кормовые перелеты на альпийские луга прекращаются, и птиц снова можно видеть по долинам у нижней границы леса (Бёме, 1926; Аверин, Насимович, 1938; Варзиев, Комаров,

1990; Перевозов, 2014, 2022; Караваев, 2020). Зимой на Кавказе спускается обычно в предгорья, где кормится преимущественно плодами омелы (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Бернацкий, 1958; Караваев и др., 2015; Очаповский, 2017). Массивное гнездо из сухой травы, скрепленное внутри грязью, вьёт обычно в развилках древесных стволов, в горах иногда селится в нишах скал (Белик, Насрулаев, 2019).

Численность. На юге России немногочислен, местами обычен. В Европе обитает 4,1-9,0 млн., а в Европейской России – 1,2-3,2 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 50-100 тыс., в том числе около 500 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. в северо-западных районах Южной России наблюдался медленный рост численности в процессе расселения птиц к югу (Белик и др., 2003).

В аренных лесах бассейна Дона обилие дерябы составляет 6,2-14,3, в среднем 6,8 пар/км^2 (Белик, 2000а). Севернее, в Воронежской обл., в Хреновском бору учитывали от 2 до 15 пар/км^2, а в сложном сосняке Воронежского заповедника было 13 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021). На Западном Кавказе на северном макросклоне населяет широкий спектр местообитаний. Здесь в широколиственных лесах нижнегорного пояса учитывали 1-9 ос./км^2, в среднегорных смешанных буко-пихтарниках было 2-11 ос./км^2, а в сосняках высокогорного пояса – до 8 ос./км^2, но в бассейне р. Шахе на южном макросклоне дерябa отмечен лишь в среднегорном поясе, где учитывали 0,5-2,0 ос./км^2 (Перевозов, 2010).

В Тебердинском заповеднике обилие в сосновых лесах в конце XX в. составляло 24,2-58,5 ос./км^2, в темнохвойных – 12,4 ос./км^2, в хвойно-лиственных – 12,2-14,8 ос./км^2, в лиственных – 21,0-36,7 ос./км^2, а в 2007-2008 гг. в смешанных лесах средняя численность колебалась от 9,9 до 31,0 ос./км^2 (Поливанов, 2000; Караваев и др., 2015). На Скалистом хр. обилие в березняках сейчас достигает, по нашим данным, 10 пар/км^2, но особенно много птиц гнездится там в искусственных сосновых лесопосадках. А на гребне хр. Боргустан близ Кисловодска 09.06.2006 на 0,5 км маршрута мы учли 9 птиц, пролетевших с кормом для птенцов из степи в сосняк.

На Центральном Кавказе в Кабардино-Балкарии обилие дерябы в сосновых лесах составляет в среднем 20 ос./км^2, в буково-грабовых лесах на Скалистом хр. – 2 ос./км^2, в мелколиственных лесах среднегорий – 6 ос./км^2, а в субальпийских березовых лесах и криволесье – 3 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии в сосняках Цейского ущелья гнездится 5 ос./км^2, а в смешанных лесах – 1 ос./км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

Семейство **Суторовые** Paradoxornithidae

374. Синица усатая *Panurus biarmicus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид равнинных регионов Южной России, зимой изредка появляющийся в предгорных районах Северного Кавказа на кочевках (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лиманного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Относится к монотипическому роду. Вид включает 2-5 подвидов, в том числе номинативный, распространенный в Западной Европе, и *P. b. russicus*, обитающий в Южной России и в Азии (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003). Но по мнению Л.А. Портенко (1954), *P. b. russicus* гнездится в низовьях Дуная и Днепра и в Крыму, а далее к востоку распространен очень светлый *P. b. barbatus*. Анализ же коллекционного материала из Южной России показал, что *P. b. russicus* населяет Западное Предкавказье, а *P. b. barbatus* обитает в Восточном Предкавказье и Западном Прикаспии (Казаков, 2022).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Китая и Приморья, заселяя преимущественно водоемы пустынно-степного пояса. На юге России широко распространена в низменных равнинных районах Прикаспия, Приазовья и степного Предкавказья: в низовьях Волги, Кумы, Терека, Дона, Маныча, Кубани и других южных рек (Artzibascheff, 1859, 2015; Бостанжогло, 1911; Бёме, 1925; Волчанецкий, 1959; Хохлов, 1990; Реуцкий, 2015; Очаповский, 2017; Казаков, 2022). К северу от Нижнего Дона, где среди возвышенностей и эродированных равнин мелководные водоемы, заросшие макрофитами, сравнительно редки, усатая синица встречается очень спорадично по долинам степных рек, проникая до Воронежской, Липецкой и Саратовской обл. и южных районов Ульяновской обл. (Нумеров, 1996; Соколов и др., 1999; Белик, 2001а, 2002; Ломакин, Белик, 2008; Завьялов и др., 2011; Бородин и др., 2017; Сарычев, 2017). В степном Заволжье регулярно гнездится к северу до р. Еруслан (Волчанецкий, 1937; Юдин, 1952; Быков и др., 2009; Завьялов и др., 2011; Пискунов, Опарин, 2012; Белик и др., 2022а; Рупасов и др., 2022а).

Зимуют усатые синицы обычно в местах гнездования, часто собираясь в большие стаи, скрытно держащиеся в зарослях тростника или рогоза. При сильных похолоданиях часть птиц, возможно, откочевывает к югу (Бостанжогло, 1911; Луговой, 1963; Реуцкий, 2015), но в Восточном Приазовье они зимуют даже в многоснежные зимы, а к гнездованию приступают иногда уже в начале февраля (Олейников, Казаков, 1970; Очаповский, 2017). Во время кочевок птицы изредка залетают в предгорья, а также на Черноморское побережье Кавказа (Моламусов,

1967; Комаров, Липкович, 2000; Тильба, 2001, 2017, 2022; Караваев, 2002, 2006; Белик, 2015а).

Местообитания. Обитает в густых тростниково-рогозовых зарослях на стоячих водоемах в долинах равнинных рек, на степных озерах и лиманах, в плавнях на мелководных побережьях морей, а также на больших, заросших прудах разного назначения. Гнездо из сухих стебельков вьёт обычно в плотных заломах старого рогоза или в основаниях густых кочек мощного тростника (Олейников, Казаков, 1970; Очаповский, 2017).

Численность. На юге России в характерных биотопах довольно обычна. В Европе обитает 232-437 тыс., численность же птиц в Европейской России, в основном на ее юге, оценивали в 50-150 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017), а в Ростовской обл. в конце XX в. было более 18 тыс. пар (Белик, 2000а, 2005б, 2014). Во второй половине XX в. в Северо-Западном Прикаспии прослежена сильная депрессия численности, связанная с подъемом уровня Каспия и затоплением прибрежных тростниковых зарослей. При этом в дельте Волги популяция усатой синицы сократилась в 14,5 раз (Белик и др., 2003; Реуцкий, 2015; Стрелков, 2021). В настоящее время численность птиц на юге России в целом относительно стабильна.

Обилие птиц в различных природных комплексах дельты Волги в 1970-1980 гг. оценивали в 11,7-233,6 пар/10 га (Бондарев и др., 1991), а в 2020-2021 гг. в тростниково-рогозовых зарослях предустьевой части дельты гнездилось 23,7-27,8 пар/10 га (Стрелков, 2021). В степном Заволжье в тростниках на озерах в низовьях р. Еруслан было 270,6 ос./км^2, а в тростниково-ивовых лесах на Черебаевских островах по левобережью Волгоградского вдхр. в июле 1998-2000 гг. учитывали 1,2-1,8 ос./га (Шаповалова, Завьялов, 2009; Завьялов и др., 2011).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Адыгеи (4 категория), где численность синиц в низовьях Кубани могут лимитировать выжигание зарослей макрофитов, а также гибель птиц в аномально холодные и снежные зимы (Динкевич, 2012). В других регионах Южной России особая охрана не требуется.

Семейство **Длиннохвостые синицы** Aegithalidae

375. Ополовник *Aegithalos caudatus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016), кочующий зимой в районах гнездования, иногда совершающий также дальние массовые инвазии (Sokolov et al., 2002; Белик, 2009; Бескаравайный, Тарина, 2011; и др.).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. По разным данным, включает от 17 до 23 подвидов, большинство которых характерно для маргинальных и островных популяций (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014; Атлас …, 2020). Восточную Европу и Северную Азию населяет номинативная белоголовая форма, на Кавказе гнездится темнобровый подвид *A. e. major*, а в Крыму – чернобровый *A. e. tauricus* (Степанян, 2003).

Кавказские птицы изредка проникают в искусственные лесные массивы степного Предкавказья, в частности в Новопокровское лесничество Краснодарского края в верховьях р. Ея, где в 1977 г. добыты 2 особи *A. e. major* (Белик, 2009). А в старом лесном массиве Ленинского лесхоза на юге Азовского р-на Ростовской обл., занимающем площадь около 5,5 тыс. га, в 1959 г. была найдена изолированная полиморфная группировка, в которой были представлены три основных фенотипа, соответствующие или приближающиеся к *A. c. major*, *A. c. tauricus* и *A. c. caudatus*. Их соотношение, по данным анализа 37 взрослых особей, составляло примерно 20:10:1, с большим числом промежуточных особей, представляющих непрерывные ряды изменчивости по отдельным признакам (Казаков и др., 1981; Казаков, Белик, 1989; Белик, 2009).

Причина генетической неоднородности местной популяции кроется, возможно, в расщеплении признаков в небольшом инбредном поселении, существовавшем длительное время в изоляции. Но возможно, что эта картина является следствием интрогрессии генов со стороны Кавказа, Крыма и европейских лесов. Однако несмотря на то, что в Ленинский лесхоз при зимних инвазиях изредка залетают *A. c. caudatus*, все эти птицы к весне всё же, по-видимому, покидают пределы лесного массива (Белик, 2009). Влияние же *A. c. tauricus* происходит, возможно, путем перманентной интрогрессии генов крымских птиц на Северо-Западный Кавказ (Степанян, 1981), а уже оттуда на север – в Ленинский лесхоз.

К сожалению, наши поиски ополовников в Ленинском лесхозе летом 1999 и 2000 гг. оказались безрезультатными; не было их там и в зимние сезоны 1996/97 и 1997/98 гг. (Забашта, Казаков, 1999). Поэтому можно полагать, что небольшая местная группировка этих птиц, когда-то случайно попавших в изолированный лесной массив, в дальнейшем из-за каких-то неблагоприятных факторов полностью там вымерла.

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Северной Евразии от

Атлантики до Камчатки. На юге России ополовник распространен в бассейне Дона и Волги, а также в лесах Кавказа и Предкавказья. В Ростовской обл. он гнездится к югу до Нижнего Дона, но сюда ополовники проникли сравнительно недавно, лишь во второй половине XX в. Пару птиц впервые наблюдали здесь в начале 1960-х годов (Белик и др., 1989, 2001; Белик, 1999а), а в первой половине XX в. ополовника на Нижнем Дону на гнездовье не отмечали (Аверин, 1911; Варшавский, 1965).

В Волгоградской обл. ополовника указывали для северных районов (Кубанцев, Чернобай, 1982), хотя Е.И. Врублевский во второй половине XX в. его гнездовий там не находил (Белик и др., 2022а). Но сейчас эти птицы уже нередки на Среднем Дону (Белик, Гугуева, 2021), встречаются в Волго-Ахтубинской пойме (Белик, 2016а, 2016б), а к югу проникают по ней до пос. Цаган-Аман в Калмыкии и с 1952 г. гнездятся в дельте Волги (Музаев, 2007; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015). В начале XXI в. ополовник обнаружен на гнездовье также в низовьях р. Еруслан в степном Заволжье, а выводок из 6 молодых с двумя взрослыми птицами был встречен однажды 14.06.2001 даже в искусственных насаждениях Джаныбекского стационара в Приэльтонье (Линдеман и др., 2005; Завьялов и др., 2011).

На Кавказе ополовник широко распространен в горных лесах от Черноморского побережья и полуострова Абрау у Анапы (Пузанов, 1938; Белик, 2013в) до Дагестана (Красовский, 1932; Бёме, 1933; Насрулаев, 2006; Белик, Насрулаев, 2019; и др.). Северная граница ареала проходит по северным предгорьям Краснодарского края (Волчанецкий и др., 1962; Емтыль и др., 1993; Очаповский, 2017; Белик, 2019а), а затем по лесистым долинам Кумы и Терека (Бёме, 1929; Волчанецкий, 1959; Точиев, Гизатулин, 1987; Казаков, Белик, 1996; Комаров и др., 2011). Ополовник отмечался также в июне 1948 и 1955 гг. и в начале мая 1969 г. в лесах на Ставропольской возв. (Будниченко, 1965; Казаков, Белик, 1996; Казаков, 2022), но позже там не был найден, возможно – вымер (Лиховид, 1977; Хохлов, 1990; Костенко, 2012).

Зимует ополовник в районах гнездования, обычно кочуя стайками по лесу, но нередко птицы залетают также в искусственные степные лесонасаждения, в городские сады и парки. Иногда на юге России отмечают их массовые инвазии, например, зимой 1977/78 г., когда на Нижний Дон залетели европейские белоголовые *A. c. caudatus* (Белик, 2009).

Местообитания. Обитает в самых разных типах равнинных и горных лесов, а также среди мелколесья, иногда в садах, но везде предпочитает лиственные или смешанные многоярусные насаждения. В горы

поднимается до высоты 2000 м н.у.м. (Караваев и др., 2015). Плотное, закрытое, яйцевидное гнездо – с небольшим отверстием-летком сбоку – вьёт обычно в развилках древесных стволов или ветвей из сухой травы, густо инкрустируя его снаружи кусочками лишайников, чешуйками бересты, а внутри выстилая толстым слоем пера.

Численность. На юге России немногочислен, местами редок. В Европе обитает 8,3-15,0 млн., а в Европейской России – 450-800 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 10-50 тыс., в том числе около 250 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). Популяции на юге России, по-видимому, относительно стабильны (Белик и др., 2003).

В Волгоградской обл. обилие птиц в пойме р. Медведица в ее низовьях в 2017 г. составляло 0,6 пар/10 га (Гудина, 2019). В пойменных дубравах в Хоперском заповеднике Воронежской обл. в 1970-1980 гг. обилие не превышало 0,5 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021). В пойменных лесах Нижнего Дона в 1981 г. обилие составляло около 2 пар/км^2 (Белик и др., 2001). Такое же обилие кавказских птиц было в 1977 г. в Новопокровском лесничестве в Краснодарском крае, а встречаемость там составляла 1-2 встречи за дневную экскурсию, но зимой, а также весной в период спаривания и строительства гнезд, когда на деревьях еще нет листвы, ополовники встречаются значительно чаще (Белик, Пекло, 1989; Белик, 2009).

На Западном Кавказе ополовник с обилием 1-10 ос./км^2 встречается в низкогорных широколиственных лесах (Перевозов, 2010), а в среднегорьях с обилием 6,2 ос./км^2 найден в березняках и ольшаниках (Тильба, Казаков, 1985). В Тебердинском заповеднике в лесах различных типов в гнездовой период учитывали 6,3-15,4, осенью – 16,7-32,1, а в зимний период – 2,7-12,0 ос./км^2 (Караваев и др., 2015). В Северной Осетии в сосново-березовых лесах Цейского ущелья учитывали 4 пары/км^2, а в лиственных лесах – 10 пар/км^2. Там же на Лесистом хр. гнездится 4-7 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

Семейство **Ремезовые** Remizidae

376. Ремез обыкновенный *Remiz pendulinus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид всех равнинных регионов Южной России, местами заходящий в предгорья Северного Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006).

Таксономия. Таксономически сложный вид, ранее объединявший до 10-13 подвидов, существенно различающихся своей экологией и внешним обликом (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954). Сейчас этот комплекс разбит на 4 отдельных вида, в том числе *R. pendulinus*, включающий 4 подвида (*pendulinus*, *menzbieri*, *caspius*, *jaxarticus*), азиатский черноголовый, или венценосный *R. coronatus*, включающий 2 подвида (*coronatus* и *stoliczkae*), толстоклювый тростниковый *R. macronyx*, состоящий из 3-4 подвидов, распространенных в основном в Средней Азии (*macronyx*, *neglectus* и др.), и монотипический китайский ремез *R. consobrinus* (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

На юге России распространены 2 подвида *R. pendulinus*: номинативный, отличающийся белым теменем и задней стороной шеи, который характерен для Европы и Западного Предкавказья, и *R. p. caspius* (=*castaneus*), обитающий в низовьях Волги и вдоль западного побережья Каспия, который имеет каштановое темя и спину. В Центральном Предкавказье проходит широкая зона их интерградации (Степанян, 2003), но птицы, соответствующие их фенотипам, могут изредка встречаться и в других регионах Южной России.

Прежде для низовий Дона и Северного Кавказа указывали *R. p. menzbieri*, похожего на номинативную форму, но более мелкого (Дементьев, Гладков, 1954), однако в настоящее время эту малоазиатскую форму из фауны России исключают (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Обыкновенный ремез *R. pendulinus* sensu str. гнездится на западе Евразии от Атлантики до долины Оби в Западной Сибири. На юге России он распространен во всех равнинных регионах от Ростовской и Волгоградской обл. до предгорий Северного Кавказа в Краснодарском крае (Очаповский, 2017). В предгорьях птицы спорадично гнездятся также на очистных прудах у Черкесска (Караваев, 2004, 2006; Белик, 2019а), но в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии изредка отмечаются только на кочевках (Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000). В горах, по-видимому, нигде не встречаются.

В прошлом ремез отмечался летом на Черноморском побережье Кавказа у Сочи и Геленджика (Строков, 1960; Волчанецкий и др., 1962), однако характер его пребывания там остался не совсем ясен, а сейчас птицы появляются на побережье очень редко и только зимой (Семенова и др., 2019; Тильба, 2022). В пустынно-степном Заволжье они гнездятся лишь местами у водоемов в Приэльтонье и у оз. Баскунчак (Волчанецкий, 1937; Гаврилов и др., 1968; Линдеман, 1971; Хохлов, Параушкин, 2004; Линдеман и др., 2005; Белик и др., в печати).

Зимовки находятся на юге Европы, в Малой, Передней и Средней Азии,

а также в Закавказье. Но ремез в небольшом числе остается на зиму и в Предкавказье, на Нижнем Дону и в низовьях Волги (Белик, 2000а; Русанов, 2011; Джамирзоев и др., 2014; Реуцкий, 2015). В миграционные периоды птицы обычно кочуют стайками у водоемов, но сами миграции у ремеза не выражены. Совершенно не встречается он и в горах Северного Кавказа (Джамирзоев и др., 2014).

Местообитания. Обитает обычно по берегам равнинных рек и озер, поросших деревьями и тростником, а также по лесополосам вдоль различных каналов. Местами встречается в долинах предгорных рек (Караваев, 2004, 2006); изредка птицы заселяют искусственные степные лесонасаждения вдали от водоемов (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005), а также скверы крупных городов (Хохлов, 1990). В дельте Волги и на взморье Каспия, где нет деревьев, ремез часто гнездится в тростниковых зарослях (Бостанжогло, 1911; Реуцкий, 2015). Плотное грушевидное гнездо, напоминающее белую варежку, – с длинной трубкой-летком сбоку – вьёт из лубяных волокон и растительного пуха на концах тонких ветвей, обычно свисающих невысоко над водой. На побережье Каспия ремезы нередко устраивают свои гнезда между 3-4 побегами тростника (Реуцкий, 2015), как это характерно для толстоклювого ремеза *R. macronyx* (Дементьев, Гладков, 1954).

Численность. Ремез довольно обычен в лесистых долинах рек на равнинах всей Южной России. Популяции здесь, по-видимому, относительно стабильны (Белик и др., 2003), но численность птиц в отдельных районах может очень сильно колебаться, и в отдельные годы они встречаются летом во множестве, а затем практически исчезают (Линдеман и др., 2005; наши данные).

В Европе обитает 219-443 тыс., а в Европейской России – 50-90 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 20-50 тыс., в том числе около 5,5 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б, 2014).

В низовьях Волги в 1970-1980 гг. обилие ремеза в различных природных комплексах авандельты варьировало от 0,3 до 3,9 пар/10 га (Бондарев и др., 1991). Там же в 2020-2021 гг. в тростниково-рогозовых зарослях предустьевой части дельты гнездились 1,0-1,6 пар/10 га, а в галерейных лесах с тростниковыми зарослями вдоль проток в нижней зоне дельты учитывали 3,1-4,5 пар/10 га (Стрелков, 2021). На Ставрополье вдоль каналов в 1978-1979 гг. находили до 5-7 жилых гнезд на 1 км маршрута (Хохлов, 1990).

На островах в Черебаевской пойме на левобережье Волгоградского вдхр. летом 1998-2000 гг. было 2,5-2,8 ос./га в тростниково-ивовых лесах и 2,1-2,6 ос./га – в осокорево-вязовых лесах (Шаповалова, Завьялов,

2009). А на р. Еруслан в Заволжье в лесопосадках по дамбам прудов у с. Валуевка в 1949-1950 гг. гнездилось до 12-15 пар (Юдин, 1952). В Воронежской обл. в пойме р. Битюг обилие птиц в 2006-2012 гг. местами составляло 2-4 пары/км^2 (Нумеров и др., 2021).

Охранный статус. Включен в Красные книги Карачаево-Черкесии (2 категория) и Кабардино-Балкарии (3 категория). Необходимость в организации особой охраны ремеза на юге России в целом, по-видимому, отсутствует (Белик, 2014).

В прошлом гнезда ремеза возбуждали много причудливых поверий и часто использовались в народной медицине (Лепехин, 1795, с.349-350; Холодковский, Силантьев, 1901, с.158). По словам Э.А. Эверсмана (1866, с.147), «в начале зимы, или осенью, когда болота более доступны, и когда кустарники потеряли свои листья, народ отыскивает и собирает эти гнезда, которые славятся как общее средство против всяких болезней человека и скота. Иногда жители южных стран, где ремезов много, вывозят их гнезда для продажи в северные места, где их нет; так я помню, что раз астраханский мужик привез в Казань целый воз этих гнезд, которые употребляются как курение против скотского падежа, тяжелых родов женщин и скота, ревматизма и проч.».

Семейство **Синицевые** Paridae

377. Гаичка черноголовая *Parus palustris* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, кочующий зимой вид бассейна Сев. Донца, а также горных и предгорных лесов Западного и Центрального Кавказа (Белик и др., 2016). Указания о встречах этого вида в низовьях Волги (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Kracht, 1919, 2014; Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004) относятся, вероятно, к пухляку (Бостанжогло, 1911; Хлебников, 1928; Реуцкий, 2015).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Большой политипический вид с дизъюнктивным ареалом. Включает от 8 до 15 подвидов, однако их распространение и статус до сих пор дискутируются (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 1981, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014; Атлас …, 2020). Сейчас считается, что на Кавказе гнездится *P. p. kabardensis*, а в Восточной Европе распространен *P. p. stagnatilis*, но иногда для этого региона приводят *P. p. balticus*, а для Южного Урала – эндемичный подвид *P. p. korejewi* (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014; Атлас …, 2020).

Распространение. Гнездится в Европе от Атлантики до Урала, на Кавказе и в Малой Азии, а также на юге Сибири и на Дальнем Востоке, где изолированно обитает группа из нескольких подвидов. По результатам последнего картирования ареалов птиц Европы (Атлас …, 2020), в Европейской России представлены несколько частично изолированных популяций: обширный сплошной ареал простирается из Западной Европы к востоку до Прибалтики, Москвы и Восточной Украины; частично изолированный участок ареала располагается в Среднем Поволжье; небольшой ареал приурочен к Южному Уралу; наконец, изолированная популяция обитает на Кавказе.

На юге России гаичка найдена только на Сев. Донце и в горах Северного Кавказа, где спорадично встречается от полуострова Абрау и Новороссийска (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Белик и др., 2017) до Северной Осетии, Ингушетии и Чечни (Л. Бёме, 1926; Бёме и др., 1930; Р. Бёме, 1958; Анисимов, 1975, 1989; Тильба, Казаков, 1985а; Комаров, 1998; Комаров, Липкович, 2000; Гизатулин и др., 2001). Распространена в основном в низкогорьях, реже – в среднегорьях Скалистого и Лесистого хр., изредка проникает в предгорья Западного Кавказа (Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 2017; Белик, 2019а; Комаров, Шевцов, 2022). Одиночная птица встречена однажды 26.05.1974 на равнине в низовьях р. Уруп (Тильба, Мнацеканов, 1989; Пекло, Тильба, 2007).

В прошлом этот вид был указан для Ставропольской возв. (Волчанецкий, 1959), но позже его там никто не отмечал (Будниченко, 1965; Лиховид, 1977; Хохлов, 1990; Костенко, 2012; и др.). Гаичка приведена также как гнездящийся вид Дагестана (Джамирзоев, 2000), однако какие-либо достоверные сведения о ее встречах в аридных районах Восточного Кавказа нам неизвестны (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Бёме, 1925, 1929; 1933; Туров, Красовский, 1933; Волчанецкий, 1959; Насрулаев, 2006; Перевозов, Джамирзоев, 2011; Джамирзоев и др., 2014, 2018; и др.). Нет гаичек и среди большой коллекции птиц, привезенных из Дагестана экспедициями И.Б. Волчанецкого (Девятко, Джамирзоев, 2012).

Сравнительно недавно гаичка проникла из Луганской обл. в низовья Сев. Донца, где в начале XX в. ее не встречали (Аверин, 1911), но в 1969-1971 гг. эти птицы гнездились уже в низовьях р. Деркул на границе с Луганской обл. (Панченко, 1972). Мною гнездовья гаичек найдены в 1984-1999 гг. также на Сев. Донце в Тарасовском и Каменском р-нах Ростовской обл. вниз до стан. Калитвенской, а однажды 04.05.1985 характерное пение было отмечено в пойменном лесу у стан. Нижнекундрюченской близ устья Сев. Донца. Однако все

последующие поиски гаичек оставались там безрезультатными. Очевидно, они пока не смогли преодолеть последний отрезок слабо облесенной поймы Сев. Донца протяженностью около 50 км ниже стан. Калитвенской (Белик и др., 1989; Белик, 1992а, 1999а; Забашта, 2023).

Рис. 47. Распространение черноголовой гаички и пухляка на юге России и в смежных регионах:

красная заливка – гнездовой ареал гаички; красные пуансоны – места ее летних встреч; желтая заливка – гнездовой ареал пухляка; черно-зеленые пуансоны – места его летних встреч

Гнездовья гаички указаны также для южных районов Саратовской обл. (Завьялов и др., 2011), но наши длительные летние поиски этих птиц в 1984 и 1985 гг. в Красноармейском р-не на правобережье Волги и на Хопре у г. Балашова оказались безрезультатными. Там были обнаружены лишь пухляки (Белик, 2002; оригин. данные), которых, возможно, и принимали за гаичек. До сих пор гаички не гнездятся и ниже по Хопру, а также на Верхнем и Среднем Дону (Королькова, 1963; Белик, 2005а; Белик, Гугуева, 2021; Нумеров и др., 2021).

Зимуют гаички в основном в районах гнездования, держась обычно небольшими стайками или парами (Перевозов, 2014). Но изредка кочующие птицы спускаются зимой на подгорные равнины Кавказа, достигая Краснодара и Ессентуков (Хохлов, 1993; Очаповский, 2017), или проникают в байрачные леса по степным балкам недалеко от Сев. Донца.

Местообитания. Гнездится в пойменных лесах по Сев. Донцу, а также в старых широколиственных и смешанных лесах в предгорьях и горах Северного Кавказа. В Северной Осетии обитает в основном в долинных ольшаниках на Лесистом хр. (Комаров, 1998). Гнездо делает обычно в небольших естественных дуплах деревьев или в искусственных гнездовьях. От очень похожего пухляка в природе отличается в основном специфичным пением – мягким «ци-флив, ци-флив, ци-флив» или короткими медленными трельками «тив-тив-тив-тив», а также характерными позывками «ци-ци, ци-ци-ци, …». В течение всего года гаички держатся обычно парами обособленно от синичьих стай (Перевозов, 2012, 2014).

Численность. В Европе обитает 2,9-5,7 млн., а в Европейской России – 100-350 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 10-30 тыс. пар, в том числе около 300 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б, 2014). В целом на юге России – немногочисленный или редкий оседлый вид мезофильных лесов Кавказа, а также поймы Сев. Донца в Ростовской обл. Распространение, динамика численности и экология изучены недостаточно.

В пойменных лесах Сев. Донца в Ростовской обл. у г. Каменска-Шахтинского обилие птиц в 1991 г. составляло примерно 12-30 пар/км^2 (Белик, 1992а). На Западном Кавказе в бассейне р. Белая обилие гаички в низкогорных широколиственных лесах достигало 9-11 ос./км^2, а в среднегорных буково-пихтовых лесах – 1-2-3 ос./км^2 , но на р. Малая Лаба, а также в бассейне р. Шахе на южном макросклоне эти птицы в учет не попали (Тильба, Казаков, 1985; Перевозов, 2010). В Кабардино-Балкарии в широколиственных лесах на северных склонах Скалистого хр. обилие птиц в буково-грабовых лесах составило 7 ос./км^2, а в более мозаичных дубово-грабовых лесах – 52 ос./км^2 (Афонин, 1985). Наконец, в горно-долинных ольшаниках Северной Осетии обилие составляет 10 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. Включена в Красные книги Адыгеи и Северной Осетии (3 категория), а также Ингушетии (4 категория). Но реальных угроз для гаички в горах Северного Кавказа сейчас нет (Перевозов, 2012). Из-за спорадичного, дисперсного распространения этого вида

затруднена и организация его особой индивидуальной и территориальной охраны. Однако необходимо более тщательное изучение и мониторинг его кавказских популяций (Белик, 2014).

378. Пухляк, или Гаичка буроголовая *Parus montanus* Conrad von Baldenstein, 1827

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид бассейна Среднего Дона и залетный вид Нижней Волги (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Включает, по разным оценкам, 10-17 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В Восточной Европе обитает форма *P. m. borealis*, а для Урала и Западной Сибири иногда указывают *P. m. uralensis* (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson, Christidis, 2014; Атлас …, 2020).

Распространение. Гнездится в лесном поясе Северной Евразии от Атлантики до Тихого океана и в горах Средней Азии и Китая. На юге России пухляк найден на гнездовье в бассейне Среднего Дона и в Поволжье, а в начале XXI в. он появился в верховьях р. Чир, а также по р. Калитва в бассейне Сев. Донца (Забашта, 2023; рис.47).

В Волгоградской обл. в середине XX в. предполагались встречи пухляка только на зимовках, а его гнездовий там не отмечали (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а), но в последнее время было указано, что в северных районах Волгоградской обл. он вероятно гнездится и зимует (Чернобай, 2004). В XIX - начале XX в. пухляка встречали зимой также в низовьях Волги, вплоть до ее дельты, но из-за путаницы в латинской номенклатуре для этого региона прежде ошибочно указывали черноголовую гаичку (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Kracht, 1919, 2014; Лорец, 1928), и лишь В.Н. Бостанжогло (1911) исправил эту неточность. Сейчас в дельте Волги известны также летние залеты пухляка, встреченного там однажды 11.06.1992 (Реуцкий, 2015).

В настоящее время пухляк гнездится в бассейне Хопра в Воронежской и Саратовской обл. (Белик, 2002; Нумеров и др., 2021), найден в долине р. Медведица, а на Среднем Дону прослежен вниз до Арчединских песков и хут. Вилтов Иловлинского р-на Волгоградской обл. (Белик, Гугуева, 2021). В 1984 и 2008 гг. мы неоднократно встречали пухляков также в байрачных и нагорных лесах на Приволжской возв. и в Щербаковской излучине на правобережье Волги на границе Саратовской и Волгоградской обл.

В Ростовской обл. пухляк впервые встречен 30.07.1982 в сосняках на песчаных террасах Среднего Дона близ стан. Вёшенской. В августе 1988 г.

эти птицы оказались там уже вполне обычны, а в июле 2000 г. они регулярно отмечались в сосняках на песках и появились в пойменных лесах, постепенно увеличивая численность и расселяясь вниз по Среднему Дону. Одиночный пухляк был встречен также 03.05.1986 в островке старого сосняка на террасе Сев. Донца в Каменском р-не, но поиски этих птиц там в последующие годы оказались безрезультатными (Белик, 1992а, 2005а).

В конце XX в. пухляк не был найден нами также в сосняках по рекам Калитва и Чир и в низовьях Сев. Донца (The EBCC Atlas …, 1997), но в 2020-2022 гг. его пары и выводки встречены в сосновых и смешанных лесах на левобережных песчаных террасах р. Калитва в Миллеровском и Белокалитвенском р-нах, а 27.07.2022 пары и одиночных пухляков отмечали в лесах по р. Чир в Боковском р-не (Забашта, 2023).

Зимуют пухляки в основном в районах гнездования, стайками кочуя по лесам и не удаляясь далеко от Среднего Дона (Ломакин, Белик, 2008). Лишь однажды похожая птица встречена поздней осенью в Северном Приазовье возле Таганрога, но это могла быть и черноголовая гаичка (Алфераки, 1910).

Местообитания. На Дону обитает в основном в сосняках с примесью лиственных пород на песчаных террасах рек, местами проникает в пойменные леса. Гнездо делает в небольших дуплах, самостоятельно выдалбливая их в гнилых стволах или в пнях берез, осин и других деревьев. От очень похожей гаички в природе отличается белесыми каемками на маховых перьях, а также характерными позывками – слегка гнусавым «ци-ци – пииээ – пииээ – пииээ, …». Весной можно слышать также своеобразное пение – громкие минорные посвисты «пииу – пииу – пииу – пииу, …» или тихие булькающие трельки.

Численность. В Европе обитает 30,5-44,2 млн., а в Европейской России – 20-30 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 1-5 тыс., в том числе около 400 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. в связи с расселением на юг наблюдалось увеличение численности (Белик и др., 2003).

На Среднем Дону близ стан. Вёшенской в 1989 г. учитывали 4 пары/4,5 км маршрутов по соснякам на песках и 3 пары/0,7 км в старом бору. Обилие птиц составляло здесь примерно 4,4 пары/км^2 (Белик, 1992а, 2005а). А в Воронежской обл. в Хреновском бору в 2006-2011 гг. гнездились 2-45 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

379. Синица хохлатая *Parus cristatus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Редкий, случайный залетный вид разных регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Аберрантный представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992а, 2006). На севере Европы тесно связан с хвойными лесами, но на Пиренеях гнездится в широколиственных лесах из пробкового дуба и бука (Cook, 1997). А ближайший вид *P. dichrous* обитает в Гималаях в дубовых, арчовых и хвойных лесах и среди родоретов (Бёме, 1975).

Таксономия. Включает 5-7 подвидов, в том числе номинативный, распространенный в Восточной Европе, и *P. c. baschkirikus*, эндемичный для горных лесов Южного Урала (Дементьев, Гладков, 1954; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Обитает в Европе от Скандинавии и Пиренеев до Южного Урала. Южную границу ареала в середине XX в. проводили через Харьков - Воронеж - Пензу - Самару (Дементьев, Гладков, 1954). В Харьковской обл. хохлатая синица до последнего времени обитала в сосняках на песчаных террасах Сев. Донца в Змиевском р-не, где ее гнезда отмечали в 1986-1988 гг. (Ветров, 2014). На севере Воронежской обл. эту синицу находили в середине XIX в. (Северцов, 1855), однако сейчас она очень редко встречается там только зимой, а ее гнездовья известны только севернее Тамбовской обл., в том числе на Рязанщине (Ананьева и др., 2008; Нумеров и др., 2021). Гнездовья этой синицы сохранилась также в Пензенской, Ульяновской и Самарской обл. (Лебедева, 2017; Фролов и др., 2022), а в Саратовскую обл. она очень редко залетает лишь зимой (Завьялов и др., 2011).

Для юга России хохлатая синица впервые указана в XIX в. в кратком обзоре фауны Области Войска Донского, где она могла встречаться тогда в северных лесистых Хоперском и Усть-Медведицком уездах (Номикосов, 1884), а в начале XX в. М.М. Алфераки отмечал ее в стайках синиц поздней осенью на Нижнем Дону (Белик и др., 2013). Для Волгоградской обл. эту синицу как редкий залетный вид указал В.Ф. Чернобай (2004), но конкретные сведения о встречах он не привел. По данным В.Н. Пименова, одиночные хохлатые синицы были дважды отмечены 12.11.2001 и 20.12.2001 у г. Волжского (Белик и др., 2023).

В середине января 1981 г. наблюдали 1 птицу также в стайке синиц на окраине Ставрополя (Хохлов, 1990; Хохлов и др., 2001). В Северной Осетии хохлатая синица встречена осенью 1986 г. в буковых лесах у Владикавказа (Комаров, Хохлов, 2000). Кроме того, зимой 1986 г. ее отметили в Магарамкентском р-не на юге Дагестана (Джамирзоев,

2000, с.46). В начале февраля 2003 г. одиночную хохлатую синицу вместе с большой синицей и лазоревкой наблюдали в Карачаевске (Караваев, Хубиев, 2007; А.А. Караваев, личн. сообщ.). Внесение хохлатой синицы в фауну Краснодарского края без каких-либо конкретных данных (Емтыль, 1996) было признано неподтвержденным, в связи с чем рекомендовано пока исключить этот вид из регионального фаунистического списка (Динкевич, 2002; Тильба, 2004; Работа …, 2005).

Местообитания. Характерный обитатель старых и средневозрастных хвойных лесов, прежде всего сосняков, а на севере – также ельников. Гнездится в небольших, узких дуплах, устроенных обычно в гнилых или трухлявых стволах и пнях, как правило невысоко над землей.

Численность. В Европе обитает 5,4-9,8 млн., а в Европейской России – 1,5-2,5 млн. пар, демонстрирующих выраженное снижение численности (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России известны единичные, случайные осенне-зимние встречи в разных регионах.

Охранный статус. В особой охране пока не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

380. Московка *Parus ater* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид горных регионов Северного Кавказа и зимующий или залетный, инвазивный вид в бассейнах Дона и Волги (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Большой политипический вид, включающий, по разным представлениям, от 19 до 23 форм, значительная часть которых характерна для островных и маргинальных популяций (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). На севере Европы и в Сибири распространен мелкий номинативный подвид, проникающий в бассейны Дона и Волги, а зимой изредка залетающий на Северный Кавказ (Бёме, 1934). На Кавказе гнездятся два крупных, внешне похожих эндемичных подвида: *P. a. michalowskii*, характерный для северного макросклона Большого Кавказа и севера Азербайджана, а также *P. a. derjugini*, обитающий на южном макросклоне вдоль Черного моря от Новороссийска до Батуми. Еще одна похожая крупная форма *P. a. moltchanovi* описана из горных лесов Крыма (Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в лесном поясе Евразии от Атлантики до

Тихого океана, а также в горных лесах Малой Африки, Крыма, Кавказа и Южной Азии. На юге России московка широко распространена в горах Северного Кавказа, где обитает от полуострова Абрау у Анапы (Пузанов, 1938; Белик, 2013в; Белик и др., 2017) до Дагестана (Джамирзоев и др., 2014).

Птицы заселяют леса на всех хребтах от Причерноморских склонов на юге до северных предгорий у пос. Ильский и г. Горячий Ключ в Краснодарском крае (Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 2017; Белик, 2022в), до Джелтмесских высот между р. Лаба и Уруп, до хр. Боргустан и Джинал у Кисловодска, Лесистого и Сунженского хр. в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000; Белик, 2019а; и др.). В Дагестане московка широко распространена в сосновых и лиственных среднегорных лесах на Главном и Боковом хр., в известняком Внутреннем Дагестане, а также в буковых лесах на низкогорных краевых хребтах (Красовский, 1932; Насрулаев, 2006; Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2018; Белик, Насрулаев, 2019; наши данные), указана она и для дельты р. Самур на юго-востоке Дагестана (Джамирзоев и др., 2014).

В мае-июне 1994 г. московки были впервые встречены на Ставропольской возв., 05.05.1996 в лесном массиве обнаружено гнездо, а в июне 1997 г. встречен выводок слётков. Позже численность этих птиц постепенно увеличивалась, и сейчас там в нагорных лесах они уже довольно обычны (Ильюх, 1997; Хохлов, Ильюх, 2005; Костенко, 2012).

Зимой на Северном Кавказе московки кочуют стайками среди лесонасаждений, спускаясь обычно в лиственные леса низкогорий и предгорий и иногда выходя на подгорные равнины (Аверин, Насимович, 1938; Моламусов, 1967; Хохлов и др., 2001; Очаповский, 2017).

В Нижнем Поволжье и степном Заволжье московка бывает только на зимних кочевках (Лорец, 1928; Кубанцев, Чернобай, 1982; Чернобай, 2004; Линдеман и др., 2005; Чернецов и др., 2010), изредка долетая к югу до дельты Волги (Яковлев, 1872, 2015; Хлебников, 1928, 1930; Реуцкий, 2015). По многолетним наблюдениям, в окрестностях Волгограда птицы зимуют периодически, обычно раз в 2 года. Их налеты были отмечены в 1995, 1998, 2000, 2002, 2004, 2006, 2008, 2009, 2012, 2014, 2016 и 2017 и 2020 гг. Московки появлялись, как правило, в середине октября - середине ноября, в среднем (n=14 лет) – 30 октября (Белик и др., 2023).

На Нижнем Дону в XIX - начале XX в. московка считалась обычной, дважды пролетной птицей (Алфераки, 1910; Белик и др., 2013), однако позже она длительное время здесь никем не отмечалась. Сейчас в степном Придонье эти птицы встречаются весьма редко, но иногда

наблюдаются их слабо выраженные инвазии, в результате которых небольшие стайки залетают в поселки на севере Ростовской обл., задерживаясь у кормушек в садах до 0,5-1,5 месяцев (Белик, 1992а, 1996а; Ломакин, Белик, 2008). При этом прослеживается также расширение гнездового ареала московки к югу по сосновым лесам в бассейнах Сев. Донца и Дона.

В 1982-1995 гг. выводки московок несколько раз отмечали в сосняках по Сев. Донцу у г. Кременная Луганской обл. (Ветров, 1998). В 1989 г. гнездо было найдено у Воронежа, в 2006 г. – в Хреновском бору в Воронежской обл., а в начале августа 2007 г. выводок московок встречен на юге Белгородской обл. (Киселев, 1990; Соколов, 2008). Можно ожидать появление изолированных гнездовий этих синиц также в старых сосняках на песчаных террасах Среднего Дона, Хопра, Медведицы, Сев. Донца, Калитвы и Чира в Ростовской и Волгоградской обл.

Местообитания. Северные московки гнездятся в основном в хвойных лесах, преимущественно в ельниках, а южнее – в сосняках, реже – в смешанных лесах. На Кавказе же московки обычны в различных типах лиственных лесов, но тоже предпочитают сосняки, а на Западном Кавказе – также темнохвойные леса. В горы поднимаются до верхней границы древесно-кустарниковой растительности на высотах 2200-2500 м н.у.м. (Джамирзоев и др., 2014), но в предгорья спускаются редко, а у подножий гор летом практически нигде не встречаются, кроме сосняков на Черноморском побережье Кавказа (Белик, 2015а, 2019а; Белик и др., 2017). Московка отличается высокой экологической пластичностью и гнездится в различных дуплах, в искусственных гнездовьях, иногда в щелях скал, между камнями или в норах под корнями деревьев (Ткаченко, 1966; Поливанов, Поливанова, 1986).

Численность. В лесах Северного Кавказа московка многочисленна, местами обычна. В Европе обитает 15,9-28,8 млн., а в Европейской России – 1,8-3,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность в начале XXI в. оценивали в 250-750 тыс. пар (Белик, 2005б). В конце XX в. на Северном Кавказе, по-видимому, происходил рост численности (Белик и др., 2003); одновременно отмечено расселение на север в леса Ставропольской возв. (Ильюх, 1997; Костенко, 2012).

В широколиственных лесах Ставропольской возв. обилие московки за 10 лет достигло 1,3-8,4, в среднем 1,5 пар/км^2 (Костенко, 2012). В лесах Западного Кавказа московка во многих районах входит в число доминантов или субдоминантов, что специально отмечали ранее (Пузанов, 1949; Волчанецкий и др., 1962). Здесь в широколиственных лесах низкогорий учитывали до 116-156 ос./км^2, и лишь в самом нижнем поясе

численность была менее 5-50 ос./км^2; в среднегорных буково-пихтовых лесах отмечали от 51 до 128 ос./км^2, а в буковом криволесье и высокогорных сосняках – от 13 до 60 ос./км^2 (Перевозов, 2010). По другим данным, там же в низкогорьях учитывали от 6 до 31 ос./км^2, в лиственных, смешанных и темнохвойных лесах среднегорий было от 12 до 48, а в среднегорных сосняках обилие достигало 256 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985).

В Тебердинском заповеднике обилие московки в гнездовой период в сосновых лесах колеблется от 160 до 190 ос./км^2, в темнохвойных – 90-230 ос./км^2, в смешанных – от 180 до 205 ос./км^2, а в лиственных – около 140 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002). Примерно в этих же пределах численность изменялась там и в последнее время: в 2007 г. она составляла 75,7-100,7 ос./км^2, а в 2008 г. – 182,8-250,9 ос./км^2 (Караваев и др., 2015). На Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии в лиственных лесах учитывали 56-67 ос./км^2, а в пойменных ольховых лесах по р. Кяфар – 166 ос./км^2 (Караваев, 2000). В дубняках на склонах Скалистого хр. по Большой Лабе было до 60 ос./км^2 (Белик, 2019а), в березняках по р. Эшкакон – около 40 пар/км^2, а в Курортном парке Кисловодска под Джинальским хр. мы учитывали до 10-40 пар/км^2.

В Кабардино-Балкарии максимальная численность отмечена в широколиственных лесах на северных склонах Скалистого хр. (46-157 ос./км^2), а в среднегорных мелколиственных и сосновых лесах на Боковом хр. ее обилие значительно ниже (соответственно, 25 и 38 ос./км^2), но она гнездится также и в субальпийских березовых лесах и криволесье (22 ос./км^2) (Афонин, 1985). В Северной Осетии в сосняках Бокового хр. гнездится 95 пар/км^2, в буковых лесах Лесистого хр. 64 пары/км^2, в лиственных лесах аридных котловин – 20 пар/км^2, а в горно-долинных ольшаниках – 13-26 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

381. Лазоревка обыкновенная *Parus caeruleus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех регионов Южной России, широко кочующий зимой иногда за пределами гнездового ареала (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает, по разным представлениям, от 9 до 15 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В континентальной Европе распространен

номинативный подвид, изредка залетающий на зимних кочевках до Северного Кавказа (Бёме, 1926; Моламусов, 1967), а для Кавказа и Крыма приводят обычно эндемичный подвид *P. c. satunini*. Кроме того, для Заволжья сейчас иногда указывают *P. c. orientalis*, но заходит ли его ареал в пределы Южной России – конкретные сведения отсутствуют (Портенко, 1954; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Изучение коллекционного материала из Европейской части России и Западного Кавказа показало отсутствие достаточно четких фенотипических различий между птицами этих регионов. Лишь из Дагестана осмотрены летние экземпляры, отличающиеся бледно-желтой окраской брюшка, которые можно отождествлять с *P. c. satunini* (Белик, 2009). На идентичность европейских и ставропольских птиц указывал также И.Б. Волчанецкий (1959), считавший *P. c. satunini* характерным для Восточного Предкавказья.

Распространение. Обитает в Европе от Атлантики до Урала, а также на Кавказе, на севере Африки, в Малой и Передней Азии. На юге России лазоревка гнездится почти повсеместно, кроме пустынных районов Калмыкии и Заволжья (Цапко и др., 2009; Амосов, 2012), а естественные и искусственные лесонасаждения в степных районах Заволжья от р. Еруслан до Приэльтонья птицы постепенно заселили, начиная с середины XX в. (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Груздев, 1955; Динесман, 1955; Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Шаповалова, Завьялов, 2009; Завьялов и др., 2011; Белик и др., в печати).

Степное Придонье и Предкавказье лазоревка тоже заселяла в основном во второй половине XX в., когда здесь появилась широкая сеть искусственных лесонасаждений. До середины XX в. она изредка гнездилась лишь на Сев. Донце у границы с Луганской обл., а на Нижнем Дону ее еще не было (Аверин, 1911; Варшавский, 1965; Белик и др., 2013). В прошлом лазоревка не гнездилась и на Ставрополье, где впервые ее нашли лишь в середине XX в. (Динник, 1886; Волчанецкий, 1959; Будниченко, 1965), но до начала XXI в. она оставалась там редким видом (Лиховид, 1977; Костенко, 2012). Сейчас лазоревка широко распространена в пойменных лесах и лесных массивах степного Предкавказья, обычна в городских садах и парках, нередко встречается в старых лесополосах (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 2009; Очаповский, 2017; Сиденко и др., 2017; Казаков, 2022; и др.), но в степной долине Маныча появилась лишь в начале XXI в. и гнездится пока лишь в населенных пунктах (Федосов и др., 2022).

Сведения о прошлом распространении лазоревки в низовьях Волги противоречивы. В ее дельте в 1770-е годы эти синицы не гнездились

(Hablizl, 1782, 2017), но в 1870-е годы и позже они были уже довольно многочисленны, что специально отмечал В.Е. Яковлев (1874, 2016) и другие исследователи (Seebohm, 1882; Хлебников, 1890, 1928; Бостанжогло, 1911; Реуцкий, 2015; и др.). В районе Сарепты (Волгограда) гнездовья в прошлом отсутствовали (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Лорец, 1928), лазоревка не была найдена и у с. Черный Яр в Волго-Ахтубинской пойме на севере Астраханской обл. (Аргиропуло, 1928), хотя по другим данным она гнездилась там в начале XX в. (Kracht, 1919, 2014).

По-видимому, эти дизъюнкции ареала лазоревки и некоторых других дендрофилов связаны с тем, что в прошлом пойма в низовьях Волги «на всем своем южном протяжении является совершенно лишенной всякой древесной растительности» (Бостанжогло, 1911, с.259). Сейчас же синицы обычны по всей Волго-Ахтубинской пойме (Цапко и др., 2009; Русанов, 2011; Реуцкий, 2015; Белик, 2016а, 2016б; Белик и др., 2022а).

На Северном Кавказе лазоревка гнездится повсеместно в лесистых районах от полуострова Абрау у Анапы до Дагестана и от предгорий и Черноморского побережья до верхней границы леса (Волчанецкий, 1959; Волчанецкий и др., 1962; Моламусов, 1967; Джамирзоев и др., 2014; и др.). Зимой птицы широко кочуют как в горных, преимущественно лиственных лесах, так и в различных лесонасаждениях по всем равнинным районам.

Местообитания. Гнездится в различных типах лесов как на равнинах, так и в лесистых предгорьях и горах, везде предпочитая старые лиственные насаждения, пойменные леса, ветлянники с кустарниками и тростниковыми зарослями (Реуцкий, 2015). Сейчас птицы нередко гнездятся также в садах, в городских парках и скверах. Кочующие зимой стайки часто встречаются в тростниках и в кустарниках у болот. Гнездо делают в дуплах деревьев, в скворечниках, нередко используют очень узкие полости в стволах и пнях невысоко над землей.

Численность. На юге России обычна или немногочисленна. В Европе обитает 29,3-50,5 млн., а в Европейской России – 0,8-1,6 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 100-150 тыс., в том числе более 7 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). Популяции на юге России сейчас, по-видимому, относительно стабильны (Белик и др., 2003).

Обилие птиц в байрачных лесах степного Придонья может достигать местами 20 пар/км^2, в пойменных лесах оно составляет 10-50, в среднем 30,1 пар/км^2, а в аренных – в среднем 3,2 пары/км^2. В искусственных

же лесах степного Предкавказья в аридный период было 3-32, в среднем 12 пар/км^2 (Белик, 2000а). В пойменных лесах Среднего Дона, Хопра и Медведицы в 2016-2018 гг. учитывали 2,8-6,3, в среднем 4,8 пар/10 га (Гудина, 2019).

На Западном Кавказе в широколиственных низкогорных лесах было от 3 до 16 ос./км^2, в смешанных лесах среднегорий – 1-16 ос./км^2, а в буковом криволесье в верховьях р. Белая учтены 92 ос./км^2, что было связано с появлением там кочующего молодняка (Перевозов, 2010; личн. сообщ.). В Тебердинском заповеднике в лиственных и смешанных лесах обилие птиц составляло 8-16 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002), а в 2007-2008 гг. в хвойно-лиственных долинных лесах учитывали 17,4-18,7 ос./км^2 и в горных лесах – 5,0-7,9 ос./км^2 (Караваев и др., 2015). В парках Черкесска летом держится 20-33 ос./км^2 (Караваев и др., 2013), а в пойме Кубани у Армавира учитывали 42 ос./км^2 (Тильба, Мнацеканов, 1989).

В Кабардино-Балкарии лазоревка заселяет в основном широколиственные леса на северном склоне Скалистого хр., где ее обилие в разных типах насаждений колеблется от 3 до 89 ос./км^2 (Афонин, 1985). А в Северной Осетии на Скалистый хр. поднимаются только отдельные особи, но на Лесистом хр. гнездится 3-24, на Сунженском хр. – 23 и в поймах равнинных рек – 1-48 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000). В лесах на Ставропольской возв. обилие птиц в последние десятилетия благодаря их мезофилизации значительно увеличилось – в среднем с 0,5 до 14,8 пар/км^2 (Костенко, 2012).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

382. Лазоревка белая *Parus cyanus* Pallas, 1770

Характер пребывания. Редкий залетный вид в бассейнах Волги и Дона (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель маньчжурского фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Включает от 5 до 8 подвидов. Восточную Европу вплоть до Урала населяет номинативная форма, остальные подвиды распространены в Сибири и Центральной Азии (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). Желтогрудых лазоревок, обитающих в горах Средней Азии, сейчас обычно выделяют в отдельный вид *P. flavipectus* (Степанян, 2003; Коблик, Архипов, 2014).

Распространение. Гнездится в лесах умеренного пояса Северной Евразии от Белоруссии до Приморья, а также в Средней Азии. Южная граница в Восточной Европе сейчас проходит через юг Брянской обл., центр Московской обл., Рязанскую обл., запад Тамбовской обл., через

Пензенскую и Ульяновскую обл., Татарстан и Башкортостан. Во второй половине XX в. наблюдалась тенденция к смещению ареала на север: вид исчезал в южных регионах, но появлялся севернее (Конторщиков, 2021). В связи с этим сейчас на кочевках птицы стали очень редко залетать и на юг России.

Для Ростовской обл. имеются лишь краткие указания о встречах этих лазоревок в Северном Приазовье и на Нижнем Дону глубокой осенью и в зимние месяцы в XIX в. (Алфераки, 1910) и очень редких встречах поздней осенью в смешанных стайках синиц в начале XX в. (Белик и др., 2013).

В Волгоградской обл. тоже известно всего несколько встреч. Однажды 15.12.1929 эта лазоревка была замечена в низовьях р. Еруслан в роще севернее с. Старая Полтавка (Волчанецкий, Яльцев, 1934), затем в сентябре-октябре 1950 г. она отмечена в балках у оз. Эльтон (Динесман, 1955; Линдеман, 1971), а 06.10.1983 наблюдалась в лесных насаждениях Джаныбекского стационара (Линдеман и др., 2005). Дважды, 25.10.1999 и 25.01.2009, белые лазоревки были встречены также в зарослях тростника в Волгограде и у с. Каршевитое Ленинского р-на в Волго-Ахтубинской пойме (Белик и др., 2023).

Для Астраханской обл. белая лазоревка была указана, очевидно, по ошибке (Яковлев, 1872, 1874, 2015, 2016; Хлебников, 1928) и сейчас там не упоминается (Реуцкий, 2015).

Местообитания. Гнездится обычно в сырых, часто заболоченных разреженных лиственных лесах, поэтому тяготеет к долинам крупных рек, берегам озёр и водохранилищ. На гнездовых участках требуются заросли тростника и густые кусты для кормёжки, а также дуплистые деревья или дуплянки для устройства гнёзд. Осенью и зимой часто держится в тростниках. Взрослые птицы ведут преимущественно оседлый образ жизни, а молодняк может совершать кочёвки до нескольких сотен километров (Конторщиков, 2021).

Численность. В Европе обитает 3,9-15,8 тыс., а в Европейской России – 3-7 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России изредка могут встречаться лишь залетные птицы. Редко они отмечаются сейчас и севернее – в Воронежской и Саратовской обл., причем число встреч там в последнее время заметно сократилось (Завьялов и др., 2011; Нумеров и др., 2021).

Охранный статус. В Красную книгу РФ (2001) был включен европейский подвид *P. c. cyanus* (4 категория); сейчас же он переведен в 3 категорию как редкий уязвимый таксон (Красная книга РФ, 2021). На юге России особая охрана этого случайно залетного вида сейчас нигде не предусмотрена.

383. Синица большая *Parus major* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех регионов Южной России, широко кочующий зимой также за пределами гнездового ареала (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2013а).

Таксономия. Таксономически сложная группа, в которую прежде включали около 30 подвидов, представляющих большей частью островные и маргинальные популяции (Дементьев, Гладков, 1954). Сейчас этот надвидовой комплекс разбит на 4 самостоятельных вида, различающиеся внешним обликом и имеющие в целом аллопатрическое распространение (Портенко, 1954; Степанян, 2003; Коблик, Архипов, 2014). Желтобрюхие и зеленоспинные *P. major* sensu str., объединяющие до 7-14 подвидов, заселяют всю Западную и Северную Евразию, но основное разнообразие форм сосредоточено в Средиземноморье, а большую часть ареала, в том числе всю Россию и Кавказ, населяет номинативный подвид (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). Остальные 3 вида этого комплекса обитают на востоке (*P. minor*) и юге (*P. cinereus*) Евразии и в Средней Азии (*P. bokharensis*).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Тихого океана, а также на Кавказе, в Малой Африке, в Малой и Передней Азии. На юге России издавна населяет лесистые районы бассейнов Дона и Средней Волги, а также леса Кавказа и Предкавказья. Во второй половине XX в. широко заселила также степные районы Поволжья и Предкавказья, где начало развиваться искусственное лесоразведение и озеленение городов и сёл (Белик, 2009; Казаков, 2022; и др.). В тот же период синицы проникли в насаждения Приэльтонья (Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009), но в пустынных районах Заволжья и Калмыкии на гнездовье еще не найдены (Цапко и др., 2009; Амосов, 2012). По пойме Волги они расселились вниз до дельты уже в XIX в. (Hablizl, 1782, 2017; Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Бостанжогло, 1911; и др.).

В осенне-зимний период большие синицы обычно кочуют стаями в разных районах, залетая и в пустыни Заволжья (Амосов, 2012). Из холодных, заснеженных среднегорий осенью в массе спускаются в более теплые низкогорья и предгорья, где часто концентрируются в садах и парках у различных селений (Аверин, Насимович, 1938; Бёме, 1958; Белик, Аккиев, 2023).

Местообитания. Обитает в самых разных типах лесонасаждений как на

равнинах, так и в предгорьях и горах. На Западном Кавказе по долинам рек поднимается до 1500-1700 м н.у.м. (Поливанов, Поливанова, 1986), а в Кабардино-Балкарии прослежена до ивняков в верховьях ущелий на высоте 2100-2200 м н.у.м. (Белик, Аккиев, 2023). Предпочитает старые, мозаичные лиственные леса, но сейчас нередка также в садах, парках, старых лесополосах среди полей, изредка гнездится даже в безлесных степях и горах (Белик, 1999в, 2018в). Гнезда устраивает обычно в дуплах или скворечниках, в горах нередко также в трещинах и щелях скал (Моламусов, 1967), в нишах разных строений, в полых трубах ограждений (Сиденко и др., 2017), изредка в старых гнездах сорок (Бёме, 1926), иногда в норах щурок (Белик, 1999в).

Численность. На юге России обычна или многочисленна. В Европе обитает 65,1-106,0 млн., а в Европейской России – 12-16 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 300-800 тыс., в том числе около 80 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000в, 2005б). Популяции на юге России в начале XXI в. были относительно стабильны (Белик и др., 2003).

Обилие птиц в байрачных лесах степного Придонья колеблется от 7 до 45, в среднем 21,2 пар/км^2, в пойменных лесах оно составляет 7-40, в среднем 25,1 пар/км^2, а в аренных – в среднем 11,3 пар/км^2. В искусственных же лесах степного Предкавказья в аридный период учитывали 3-46, в среднем 17,8 пар/км^2 (Белик, 2000а). В 2008-2009 гг. в пойме Среднего Дона было 45-60 пар/км^2, а в борах по Арчеде – 13 пар/км^2 (Белик, Гугуева, 2021). Но в 2016-2018 гг. в пойменных лесах Среднего Дона, Хопра и Медведицы учитывали 10,0-12,3, в среднем 11,0 пар/10 га (Гудина, 2019). В нагорных лесах Ставропольской возв. обилие птиц в последние десятилетия благодаря мезофилизации лесов увеличилось в среднем с 16,5 до 31,3 пар/км^2 (Костенко, 2012).

На Западном Кавказе в широколиственных низкогорных лесах учитывали от 22 до 170 ос./км^2, а в смешанных лесах среднегорий – 1-38 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике в лиственных лесах было 100-130 ос./км^2, в смешанных – 25-65 ос./км^2, а в темнохвойных – 1-2 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002). В лесах на Скалистом хр. обилие составляло 56-70 ос./км^2, в пойме р. Кяфар в Северо-Юрской депрессии – 137-148 ос./км^2, а в стан. Сторожевой – 15 ос./км^2 (Караваев, 2000), но в парках Черкесска летом было 117-124 ос./км^2 (Караваев и др., 2013). В лесах по Кубани у Армавира учитывали 42-118 ос./км^2 (Жарова, Жаров, 1962; Тильба, Мнацеканов, 1989).

В Кабардино-Балкарии большая синица заселяет в основном широколиственные леса на северном склоне Скалистого хр., где ее обилие

колеблется от 70 ос./км^2 в буково-дубовых лесах до 292 ос./км^2 в мозаичных дубово-грабовых, а в мелколиственных лесах среднегорий обилие составляет всего 26 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии обилие птиц в буковых лесах достигает 51, в сосновых – 42, в лиственных лесах среднегорий – 20, в горно-долинных ольшаниках – 4-54, а в садах на подгорной равнине – 21-27 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

Семейство **Поползневые** Sittidae

384. Поползень обыкновенный *Sitta europaea* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид бассейна Дона, а также горных лесов всего Северного Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Типичный представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 20-30 подвидов, большая часть которых представляет островные и маргинальные популяции. А восточносибирскую форму, резко отличающуюся по окраске рулевых перьев и по голосу, сейчас часто выделяют в отдельный монотипический вид *S. arctica* (Коблик, Архипов, 2014; Dickinson, Christidis, 2014). На территории Восточной Европы обитает номинативный белобрюхий подвид, а на Кавказе распространен *S. e. caucasica*, характеризующийся охристой окраской груди и живота (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003).

Распространение. Обитает в умеренном поясе Северной Евразии, на Кавказе, в Малой и Передней Азии и в Китае. На юге России гнездится в горных регионах всего Северного Кавказа и сравнительно недавно найден в бассейне Среднего Дона и Сев. Донца. Залетных птиц изредка отмечали зимой в Волго-Ахтубинской пойме у Волгограда и в дельте Волги, а также в предгорных районах на юге Ставропольского края (Хохлов, 1990; Реуцкий, 2015; Урусова, 2020).

На Северном Кавказе поползень распространен от полуострова Абрау у Анапы (Пузанов, 1938; Белик, 2013в) до Дагестана, где гнездится в старых буковых лесах на краевых хребтах, а также в дельте р. Самур (Перевозов, Джамирзоев, 2011; Девятко, Джамирзоев, 2012; наши данные). Встречается от лесов Причерноморья на юге (Пузанов, 1938; Стаховський, 1938; Бернацкий, 1958; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2015а; Тильба, 2016; Белик и др., 2017) к северу до поймы Кубани и предгорий в Краснодарском крае, а восточнее – до Лесистого и Скалистого хр. (Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000;

Очаповский, 2017; Белик, 2019а, 2022в; Казаков, 2022).

Для Волгоградской обл. до 1970-х годов поползня не указывали (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а), хотя еще в сентябре 1975 г. он был найден на Среднем Дону (Белик, 1992а), а в 1980-е годы отмечен для Щербаковской излучины в Камышинском р-не на правобережье Волги (Чернобай, Никитина, 1990). В пойме же Хопра в соседних районах Воронежской обл. поползень был обычен еще в 1930-е годы (Измайлов, 1940). В настоящее время в бассейне Среднего Дона он распространен к югу до Арчединских песков (Белик, Гугуева, 2021).

В Ростовской обл. на Среднем Дону поползень появился, по-видимому, сравнительно недавно, поскольку в 1960-е годы летом там не отмечался, хотя мог быть пропущен из-за скрытности (Петров, 1965, 1990). В районе стан. Вёшенской этих птиц впервые встретили осенью 1967 г., а в сентябре 1975 г. они были найдены даже в устье р. Иловля, значительно ниже по Дону (Белик, 1992а, 2005а; Ломакин, Белик, 2008). В 1982 г. поползни уже нередко встречались в пойме Дона у стан. Вешенской, в ольшаниках ур. Черня, в байрачном лесу в низовьях Хопра на его правобережье и др. Особенно много птиц отмечалось там в августе, когда они резко активизируются, запасая корм на зиму (Белик, 1992а, 2005а).

Недавно поползни проникли в Ростовскую обл. также с запада в ходе расселения вниз по Сев. Донцу. В 1980-е годы они заселили Сев. Донец в пределах Луганской обл. (Лесничий и др., 1984), а 03.05.1986 впервые встречены в заболоченном ольшанике у стан. Митякинской Тарасовского р-на у границы с Луганской обл. Затем 28.05.1990 они найдены там еще в одном месте, а в апреле и июне 1991 г. наблюдались на постоянном участке в пойме Сев. Донца уже возле г. Каменска-Шахтинского (Белик, 1992а).

В начале XXI в. этих птиц нашли также в бассейне р. Калитва, но в лесах по р. Чир поползни пока отсутствуют. Однако уже в 2014 г. они оказались обычными во всех крупных лесных массивах в верховьях р. Миус на Донецком кряже, а весной 2015 г. в некоторых лесах у с. Куйбышево и пос. Матвеев-Курган поползни входили в число видов-доминантов (Забашта, 2023; рис.48).

Зимой поползни держатся обычно парами на постоянных участках и за пределы гнездовых биотопов откочевывают редко (Ломакин, Белик, 2008). На Нижнем Дону к настоящему времени известно всего несколько осенне-зимних встреч с кочующими птицами. В начале XX в. их 2-3 раза ловили в районе Таганрога (Белик и др., 2013), затем 12.10.1997 и в конце сентября 1999 г. этих птиц встречали в Ростове (Сиденко, 2003а). Еще один поползень сфотографирован в Ростове

13.12.2019 (А.Д. Липкович, личн. сообщ.). Дважды в мае и августе 2002 г. поползней встречали в старых садах близ оз. Эльтон в Заволжье (Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009). В декабре-феврале этих птиц несколько раз отмечали в дельте Волги (Реуцкий, 2015).

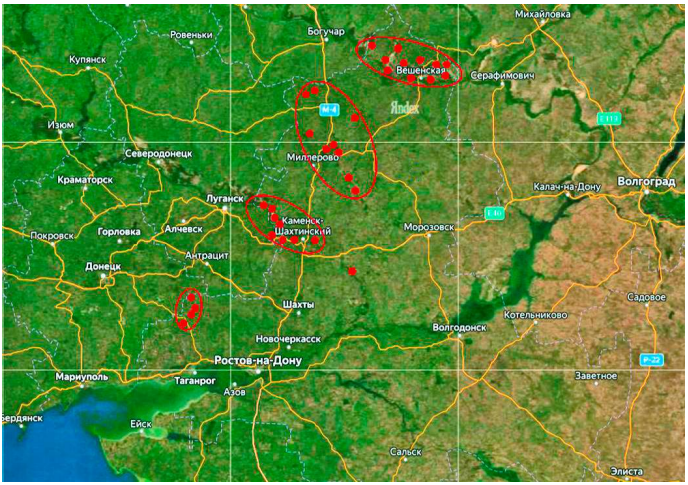

Рис. 48. Распространение номинативного подвида поползня на южной границе ареала в Ростовской обл. (по: Забашта, 2023)

Местообитания. Гнездится преимущественно в старых широколиственных и смешанных лесах как на равнинах, так и в предгорьях и горах Северного Кавказа. В горы выше 1500-1600 м н.у.м., как правило, не поднимается (Моламусов, 1967; Поливанов, Поливанова, 1986; Джамирзоев и др., 2014). Гнезда устраивает обычно в дуплах, выдолбленных дятлами, замазывая их вход глиной и оставляя лишь маленькое отверстие-леток. В Воронежской обл. охотно гнездится также в различных типах искусственных гнездовий (синичниках и т.п.), но известны случаи гнездования и в полых бетонных опорах ЛЭП (Соколов, 2019).

Численность. На юге России немногочислен, местами обычен. В Европе обитает 10,7-21,4 млн., а в Европейской России – 3,5-7,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Популяции Южной России оценивали в 50-250 тыс. пар, в том числе около 400 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. в бассейне Дона отмечен медленный рост численности в связи с расселением птиц на юг (Белик и др., 2003).

На Среднем Дону в лесах у стан. Кременской 18.06.2009 были учтены

всего 2-3 встречи на 2,5 км маршрута (Белик, Гугуева, 2021), а обилие птиц там составляло в среднем 1,4 пар/10 га (Гудина, 2019). Но в лесах вдоль Дона у стан. Вешенской в августе 1988 г. они встречались на местах стоянок туристов в 50-100 м пара от пары, охраняя свои постоянные территории от соседей и активно собирая на зиму запасы: семена арбузов и подсолнечника, различные крупы и прочие пищевые остатки (Белик, 2005а).

На Западном Кавказе обилие птиц в широколиственных низкогорных лесах составляет 12-49 ос./км^2, а в смешанных лесах среднегорий было 11-25 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике численность в лиственных и смешанных лесах в конце XX в. колебалась от 20 до 50 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002); примерно такое же обилие в долинных смешанных лесах было и в 2007-2008 гг., когда учитывали 52,0-58,1 ос./км^2 (Караваев и др., 2015). В Северо-Юрской депрессии в Карачаево-Черкесии в пойменных ивовых лесах гнездилось 16 ос./км^2, а в ольховых – 98 ос./км^2 (Караваев, 2000). В Кабардино-Балкарии поползни обитают в основном только в широколиственных лесах на северном склоне Скалистого хр., где в разных типах лесонасаждений гнездится 15-33 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии в горно-долинных ольшаниках учитывали 4-12 пар/км^2, а в буковых лесах Лесистого хр. – 39 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

– Поползень малый скальный *Sitta neumayer* Michahelles, 1830

Характер пребывания. Гнездится в Восточном Закавказье и может проникать на юг Дагестана.

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. По мнению Г.П. Дементьева (1937) и Л.С. Степаняна (2003), в Закавказье обитает подвид *S. n. rupicola*; по другим данным, здесь распространен номинативный подвид, а форма *rupicola* сведена в его синонимы (Dickinson, Christidis, 2014). Ранее малый поползень иногда объединялся с большим скалистым поползнем *S. tephronota* в один вид в ранге подвида (Дементьев, Гладков, 1954).

Распространение. Гнездится на Балканах, в Малой и Передней Азии и в Закавказье. Оседло обитает в сухих горах на севере Азербайджана (Гамбаров, 1954; Патрикеев, 1991; Patrikeev, 2004; и др.). Однажды какой-то скалистый поползень, обозначенный как *S. tephronota*, наблюдался, по опросным данным, на юге Дагестана (Вилков, 2005). Но этот

вид поползня может встречаться в Азербайджане лишь на крайнем юге, и если в Дагестан действительно залетел скалистый поползень, то это мог быть, скорее всего, *S. neumayer*. Его встречи в Дагестан вполне возможны, и поэтому нужно усилить внимание к поискам этого вида в сухих горах на юге Дагестана.

Местообитания. В Закавказье *S. neumayer* гнездится от сухих предгорий на высоте около 100 м н.у.м., до сухих скалистых среднегорий, почти лишенных древесной растительности, поднимаясь до 2000 м н.у.м.

Численность. В сухих горах Закавказья довольно обычен, а во время осенне-зимних кочевок становится очень заметен и многочислен (Дементьев, Гладков, 1954).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

385. Поползень черноголовый *Sitta krueperi* Pelzeln, 1863

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид горных лесов Западного Кавказа, иногда совершающий дальние кочевки в зимний период (Караваев, 2004, 2006; Караваев, Хубиев, 2012; Белик и др., 2016; Перевозов, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992а, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). Ранее включался в большой, политипический видовой комплекс, объединявший до 7 подвидов, обитавших в изоляции в Северной Африке, в Европе, Азии и Северной Америке (Дементьев, Гладков, 1954; и др.).

Распространение. Гнездится в горных лесах Малой Азии и Западного Кавказа. На юге России птицы распространены в елово-пихтовых и смешанных лесах на Главном и Боковом хр. от плато Лагонаки на западе до долины р. Теберда на востоке (Караваев, Хубиев, 2013; Перевозов, 2022), отсутствуя на более сухом Центральном Кавказе из-за исчезновения там мезофильных пихтарников. Кроме того, отдельные пары или небольшие поселения этих поползней найдены в субтропических парковых лесах из кипарисов, пиний, эвкалиптов и различных широколиственных деревьев на Черноморском побережье Кавказа: в 1986-1989 гг., 11.08.2008 и 05-06.05.2019 в Сухуме; 06-14.04.2015 в пос. Кудепста; 21-28.08.2020 у пос. Архипо-Осиповка (Маландзия, 1990; Андреев, 2016; Перевозов, 2022).

Зимой при неурожае кормов в среднегорьях поползни периодически откочевывают на юг вплоть до Черноморского побережья Кавказа, а также на север до Карачаевска и Кисловодска (Lorenz, 1887, 2011;

Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 1969, 2003; Караваев, 2004, 2006; Караваев, Хубиев, 2012; Перевозов, 2022).

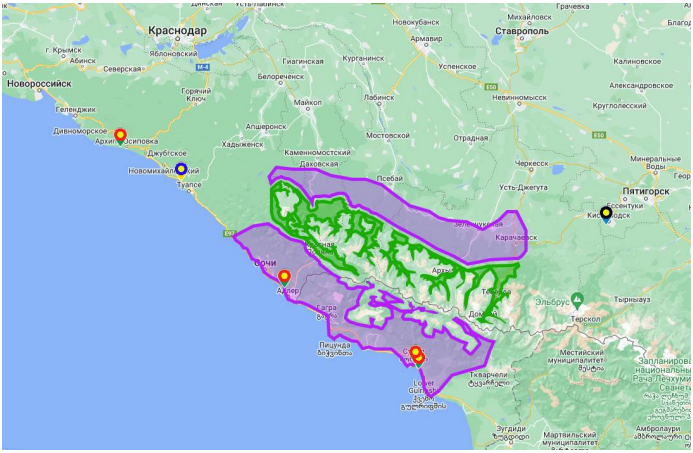

Рис. 49. Распространение черноголового поползня на Западном Кавказе (по: Перевозов, 2022):

зеленая заливка – гнездовой ареал; фиолетовая заливка – область зимовок, инвазий и кочёвок; желто-красные пуансоны – находки в гнездовой период; желто-синий пуансон – встреча 2 птиц 08.11.2014; черно-желтый пуансон – залёт к Кисловодску 11.10.1884 ст.ст. (Lorenz, 1887)

Местообитания. Широко распространен в среднегорных пихтовых и буково-пихтовых лесах Западного Кавказа, изредка встречается также в субтропических насаждениях на Черноморском побережье Кавказа. На Западном Кавказе обитает в основном в поясе темнохвойных и смешанных лесов в пределах 700-2200 м н.у.м. В Тебердинском заповеднике распространен в темнохвойных и сосновых лесах, имеющих вкрапления пихты, на высотах 1400-2150 м н.у.м. (Поливанов, Поливанова, 1986; Белик, 2001б; Караваев и др., 2015; Перевозов, 2022). При неурожае кормов в среднегорьях поползни откочевывают на Черноморское побережье или в низкогорья на северном макросклоне вниз до высоты 700 м н.у.м., где кормятся семенами сосны или туи (Степанян, 1969; Караваев, 2004, 2006; Караваев, Хубиев, 2012). Гнездятся в небольших дуплах, которые обычно самостоятельно выдалбливают в стволах гнилых деревьев; леток глиной никогда не обмазывают.

Численность. В пихтарниках Северного Кавказа довольно обычен, местами многочислен. В Европе обитает 121-451 тыс., а в Европейской

России на Северном Кавказе – 20-50 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В Карачаево-Черкесии в конце XX в. было отмечено заметное снижение численности (Белик и др., 2003), но в настоящее время популяция там относительно стабильна (Караваев, Хубиев, 2013). По экспертным оценкам, в Сочинском нац. парке гнездится 2-3 тыс. пар, в Кавказском заповеднике – 5-10 тыс. пар и в Тебердинском – 0,5-4,0 тыс. пар (Джамирзоев и др., 2017).

Обилие в Кавказском заповеднике в буково-пихтовых лесах бассейна р. Белая составляет 18-25 ос./км^2, в бассейне р. Малая Лаба – 3-50 ос./км^2, а в бассейне р. Шахе на южном макросклоне – 3-5 ос./км^2 (Перевозов, 2010). По другим данным, там же в среднегорных буково-пихтовых лесах учитывали 32,0, в пихтовых – 47,5, в сосновых – 33,7 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). Гнездовое обилие в темнохвойных лесах Тебердинского заповедника в XX в. составляло 80-180 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 1990, 2001, 2002), а в 2008-2011 г. в елово-пихтовых лесах было 51-90 и в пихтово-сосновых – 67-85 ос./км^2 (Караваев, Хубиев, 2013; Караваев, 2017, 2020). В Абхазии в 1989 г. в пихтарниках в районе оз. Рица учтены 32 ос./км^2, а в Сухуме в лесопарке на высоте 150 м н.у.м. ежегодно гнездится не более 2-3 пар (Маландзия, 1990).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Карачаево-Черкесии (3 категория). Вид требует особой охраны, вероятно, лишь на региональном уровне (Белик, 2014).

386. Стенолаз *Tichodroma muraria* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех горных регионов Северного Кавказа, совершающий кочевки в горах в зимний период (Белик и др., 2016; Белик, 2019б).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Относится к монотипическому роду. Вид включает 2-4 подвида (Портенко, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). Ранее рассматривался также как монотипический вид (Дементьев, Гладков, 1954), но в настоящее время обычно признают 2 формы: номинативную, распространенную в горах Южной Европы, Кавказа, Малой и Передней Азии, и *T. m. nepalensis*, обитающую в горах Средней и Центральной Азии (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Обитает в горных странах Южной Евразии от Пире-

неев к востоку до Тянь-Шаня, Алтая и Гималаев. На Северном Кавказе гнездится на Главном, Боковом и Скалистом хр. к западу до Фишт-Оштенского горного массива на плато Лагонаки (Тильба, 2007, 2023; Тильба, Мнацеканов, 2008; Перевозов, 2017), а к востоку – до р. Самур и горы Базардюзи в Дагестане, где неоднократно отмечался в высокогорьях (Красовский, 1932; Насрулаев, 2003).

По южному макросклону Большого Кавказа стенолаз весьма редок, случайно встречаясь на хр. Аибга в Краснодарском крае, в Юпшарском каньоне на р. Бзыбь в Абхазии, в Южной Осетии, в Азербайджане (Серебровский, 1925; Гамбаров, 1954; Тильба, Маландзия, 2005; Комаров, 2017). На северном же макросклоне эти птицы регулярно гнездятся также по всему Боковому хр. к востоку от р. Белой (Аверин, Насимович, 1938; Тильба, 2007; Тильба и др., 2012; Перевозов, 2017) и вплоть до Дагестана (Красовский, 1932; Насрулаев, 1990, 2006; Джамирзоев и др., 2014).

В Карачаево-Черкесии стенолаз расселяется с Бокового на Скалистый хр. (Поливанов и др., 2000; Караваев, Хубиев, 2013; Белик, 2019а), по мощным известняковым куэстам которого более или менее регулярно гнездится к востоку до Чечни (Анисимов, 1989; Гизатулин и др., 2001), а далее заселяет скалистые ущелья известнякового Внутреннего Дагестана (Билькевич, 1893; Бёме, 1933; Волчанецкий, 1973; Белик, Насрулаев, 2019). Кроме того, в Приэльбрусье, в районе КавМинВод, где пологие северные склоны Скалистого хребта лишены обширных, густых лесов, и его прорезают скалистые ущелья с ручьями, стенолаз проникает еще дальше на север – вплоть до Мелового (Пастбищного) хребта. Он гнездится там по ущельям рек Аликоновка, Березовая, Ольховая, Кичмалка, а также на Джинальском хр. у Кисловодска (Хохлов, Тельпов, 1984; Тельпов и др., 1990; Парфенов и др., 2006). На Пастбищном хр. стенолаз встречается также в Чечне и Ингушетии, где вновь получают широкое распространение безлесные, остепнённые ущелья (Анисимов, 1989; Батхиев, Точиев, 2007).

Зимой, при морозах и сильных снегопадах, стенолазы спускаются из высокогорий в средние и нижние пояса гор, как на северном, так и на южном макросклоне в районе г. Сочи (Тильба, 2006). Их кочевки часто идут вдоль ущелий с незамерзающими ручьями и реками, где птицы нередко кормятся по их берегам – на камнях, глинистых обрывах, на валунах и гальке в зоне заплеска, прыгая или перелетая вдоль воды с камня на камень (Бёме, 1925а; Тильба, 2006; Белик, 2013г). Во время осенне-зимних кочевок стенолазы регулярно залетают в крупные города и сёла, изредка вылетают на равнину за 30 км от гор (Бёме, 1925а), а по глинистым береговым обрывам Азовского моря – даже за

300 км от ближайших гнездовий (Харченко, 1965).

Местообитания. Спорадично распространен в скалистых среднегорьях и высокогорьях Северного Кавказа, местами спускается в низкогорья. Обитает на скалах, где гнездится в различных щелях и узких нишах, и здесь же на голых скалах и камнях кормится, осматривая трещины и щели, нередко спускается также к берегам горных рек и ручьев.

Численность. На Кавказе немногочислен, местами редок. В Европе обитает 29,0-69,7 тыс., а в Европейской России на Северном Кавказе популяция в последние десятилетия сократилась с 15-30 до 10-20 тыс. пар (Мищенко и др., 2004, 2017; Белик, 2005б, 2014; European birds …, 2017), но по последним данным, сейчас на юге России может гнездиться, очевидно, не более 3-7 тыс. пар (Белик, 2019б). В настоящее время заметное снижение численности отмечается в Северной Осетии и прослеживается по всему Скалистому хребту (Белик, 2019б; Комаров, 2022).

По экспертным оценкам, в Кавказском заповеднике гнездится 30-50 пар, в Тебердинском – 30-50 пар; в Кабардино-Балкарском – 10-25 пар, в Северо-Осетинском – 25-30 пар и в заповеднике «Эрзи» – 5-25 пар. Кроме того, для Сочинского нац. парка указано 10-20 пар, нац. парка «Приэльбрусье» – 10-25 пар и нац. парка «Алания» – 25-50 пар, т.е. всего 145-275 пар (Джамирзоев и др., 2017). По данным же региональных Красных книг Северного Кавказа, от 500-700 до 50-100 пар гнездится в Краснодарском крае, 30-50 пар – в Адыгее, 200-300 пар – в Карачаево-Черкесии, 20-70 пар – в Кабардино-Балкарии, около 50 пара – в Северной Осетии, несколько десятков пар указано для предгорий Ставропольского края, в остальных регионах численность стенолаза неизвестна (Белик, 2019б; Комаров, 2022).

Экстраполяция этих данных и результатов последней инвентаризации Ключевых орнитологических территорий (Ключевые …, 2009) на все горные районы Северного Кавказа позволяет оценить российскую популяцию стенолаза в начале XXI в. примерно в 1000-1500 пар на Западном и Центральном Кавказе и около 500 пар в Дагестане. Но расчет, проведенный на основе обилия птиц и площади скальных обнажений отдельно на Западном и Центральном Кавказе, в Приэльбрусье и Дагестане (А.А. Варшавский, личн. данные), дает примерно 7-9 тыс. пар, в том числе 250-300 пар на Западном Кавказе, 1,5-3,0 тыс. пар в Приэльбрусье, 5,0-5,5 тыс. пар на Центральном Кавказе и 300-350 пар в Дагестане. Реальные же размеры северокавказской популяции могут находиться, очевидно, между полученными крайними значениями, т.е. в пределах 3-7 тыс. пар (Белик, 2019б).

Охранный статус. Как редкий или исчезающий вид находится под особой охраной в Краснодарском и Ставропольском крае, в Адыгее и Карачаево-Черкесии, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии, однако возможность и необходимость организации его реальной охраны на труднодоступных скалах в горах вызывает определенные сомнения (Белик, 2014, 2019б).

Семейство **Пищуховые** Certhiidae

387. Пищуха обыкновенная *Certhia familiaris* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех регионов Южной России, широко кочующий в зимний период за пределами гнездового ареала (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Ранее к данному виду относили также популяции Северной Америки, в результате чего вид включал более 20 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003). В последнее время американские формы выделяются в отдельный вид *C. americana*, а популяции Северной Евразии включают около 10 подвидов, в том числе номинативный, распространенный в Восточной Европе, и *C. f. caucasica*, характерный для Кавказа и Малой Азии (Dickinson, Christidis, 2014). Иногда ареал последней формы ограничивают Западным Кавказом, а для Северного Кавказа приводят *C. f. ciscaucasica* (Коблик и др., 2006). Однако отличия этой формы от европейских пищух почти не выражены (Аверин, Насимович, 1938), не совсем четкой выглядит и граница между ареалами двух кавказских подвидов.

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Тихого океана, а также на Кавказе, в Малой, Передней и Средней Азии, в Гималаях и горах Китая. На юге России эта пищуха распространена сейчас на Кавказе и в пойменных лесах бассейна Дона к югу до Ростова, а также на Нижней Волге. В Ростовской обл. пищуха впервые была найдена на гнездовье в 1982 г. на Среднем Дону; в 1984-1985 гг. птицы обнаружены также на Сев. Донце, расселившись вниз почти до его устья, а к концу XX в. они появились уже на Нижнем Дону у Ростова (Белик и др., 1989; Белик, 1992а, 1999а, 2005а; Сиденко, 2004).

В Волгоградской обл. до 1980-х годов пищуху на гнездовье не отмечали (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а), хотя в Воронежской обл. она изредка встречалась в пойме Хопра еще в 1930-е годы (Измайлов, 1940). Сейчас птицы распространены по Среднему Дону вниз

до верховий Цимлянского вдхр. и Цимлянских песков, где их гнездовья найдены в 2006 г. (Белик, Гугуева, 2021), а также по Хопру и Бузулуку на северо-западе Волгоградской обл. (Гудина, 2019).

В августе 1992 г. пищухи изредка отмечались на постоянных территориях в лесах Волго-Ахтубинской поймы у с. Солодники Черноярского р-на на севере Астраханской обл. (Белик, 2016в), пищуха указана также как вероятно гнездящийся вид у Волгограда (Урусова, 2020). Однажды 29.07.2016 пищуха встречена в пойме Волги у пос. Цаган-Аман в Калмыкии (Музаев, 2016), но в дельте Волги эти птицы изредка появляются сейчас только на кочевках в осенне-зимний период (Русанов, 2011; Реуцкий, 2015).

На Кавказе пищуха гнездится от полуострова Абрау у Анапы (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Сара, 2007; Белик, 2013в) к востоку до Дагестана, в том числе до устья р. Самур (Красовский, 1932; Насрулаев, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Белик, Насрулаев, 2019; и др.). Птицы заселяют на Кавказе все хребты от предгорий до верхнего пояса лесов; по лесистым поймам крупных рек изредка проникают на подгорные равнины (Комаров и др., 2011; Очаповский, 2017), а в середине 1990-х годов заселили леса Ставропольской возв. (Тертышников и др., 1995; Костенко, 2012).

На Черноморском побережье в районе Анапы - Новороссийска - Геленджика обыкновенная пищуха гнездится в лесах почти у берега моря (Стаховський, 1938; Белик, 2013в; Тильба, 2016; Белик и др., 2017; Черенков, 2022), но в субтропических лесах у Сочи летом она не встречается, а вместо нее там появляется короткопалая (Степанян, 1964; Dathe, Fischer, 1977; Тильба, 2006). Однако в Абхазии и в Колхиде обыкновенных пищух неоднократно отмечали как в сухих дубовых, так и во влажных субтропических лесах близ побережья моря (Домбровский, 1913; Бернацкий; 1958; Plath, 1986; Белик, 2015а).

Зимой обыкновенная пищуха широко кочует по лесам и различным лесонасаждениям, держась обычно одиночными особями, иногда небольшими группами в стайках синиц. При этом пищухи нередко залетают в городские сады и парки, проникают в степные и пустынные районы Волгоградского и Астраханского Заволжья (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Линдеман и др., 2005; Чернецов и др., 2010; Амосов, 2012; и др.) и Калмыкии (Цапко и др., 2009).

Местообитания. Обитает в разных типах равнинных, предгорных и горных лесов, поднимаясь в горы до 1900 м н.у.м. (Комаров, 2006). Заселяет преимущественно старые лиственные и смешанные насаждения, но для гнездования предпочитает густые, захламленные пойменные

леса. Гнездится в узких щелевидных дуплах или в нишах под отставшей корой деревьев.

Численность. На юге России немногочисленна или редка. В Европе обитает 6,0-11,4 млн., а в Европейской России – 2,3-4,3 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 20-50 тыс., в том числе около 700 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В конце XX в. в бассейне Дона отмечен заметный рост численности в связи с расселением птиц на юг (Белик и др., 2003).

Обилие птиц в пойменных лесах Хопра и Среднего Дона колеблется от 0,5 до 1,3 пар/10 га (Гудина, 2019), на Сев. Донце в 1991 г. было 6-20 пар/км^2 (Белик, 1992а). На Ставропольской возв. численность в начале XXI в. достигла 1,4-4,1 пар/км^2 (Костенко, 2012). На Западном Кавказе в низкогорных широколиственных лесах учитывали 3-15 ос./км^2, в среднегорных буково-пихтовых лесах было 6-34 ос./км^2, а в буковом криволесье на верхней границе леса – 1-6 ос./км^2 (Перевозов, 2010).

В Тебердинском заповеднике в конце XX в. в сосновых лесах было 10-40, в темнохвойных – 10-15, в смешанных – 12-15, а в лиственных – всего 3-8 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002). Там же в гнездовые периоды 2007-2008 гг. среднее обилие в смешанных лесах составляло от 10,0 до 25,8 ос./км^2 (Караваев и др., 2015). В Кабардино-Балкарии пищуха изредка, с обилием 4 ос./км^2, отмечалась в основном в широколиственных лесах на северных склонах Скалистого хр. (Афонин, 1985). В горах Северной Осетии в сосняках было 3-11 пар/км^2, в буковых лесах Лесистого и Сунженского хр. – 3-5 пар/км^2, а в равнинных пойменных лесах по Тереку – 0,8-3,8 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000; Комаров и др., 2011).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

388. Пищуха короткопалая *Certhia brachydactyla* C.L. Brehm, 1820

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид Черноморского побережья Краснодарского края, несколько раз отмечавшийся также на северном макросклоне Большого Кавказа (Белик и др., 2016; Тильба, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель субсредиземноморского фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики, краем ареала проникающий в субтропические леса Черноморского побережья Кавказа (Белик, 1992в, 2006, 2013а).

Таксономия. По мнению разных исследователей, включает 5-11 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На Западном Кавказе обитает эндемичная,

недавно описанная форма *C. b. rossocaucasica* (Степанян, 2000). Вопрос о таксономическом статусе изолированной популяции Талыша, по-видимому, еще не обсуждался.

Распространение. Населяет Западную Европу, Малую Африку, Малую Азию и Западный Кавказ. Изолированная популяция недавно найдена в субтропических лесах Талыша на юго-востоке Азербайджана, где зимой 1964 г. были добыты 3 птицы (Степанян, Бутьев, 1967).

На юге России короткопалая пищуха спорадично гнездится в низкогорных лесах вдоль Черноморского побережья Кавказа к северо-западу почти до Геленджика, где заканчиваются влажные приморские леса. В 2017-2019 гг. при специальных поисках она была найдена в весенне-летние периоды у Туапсе, пос. Новомихайловского, Архипо-Осиповки, Криницы и у Михайловского перевала в 8 км к востоку от Геленджика (Тильба, 1994, 2006, 2007, 2017а, 2022). В феврале 2005 г. она добыта также у пос. Джанхот поблизости от Геленджика (Шитиков, 2011), где эти пищухи оказались нередки также летом 2022 г. (А.Г. Перевозов, личн. сообщ.). Более обычны они в приморских лесах от пос. Лоо и Дагомыс до Мацесты, Хосты и Адлера (Степанян, 1963, 1964, 2000; Тильба, Казаков, 1985а; Тильба, 2006, 2007а, 2022).

Рис. 50. Распространение короткопалой пищухи на Черноморском побережье Краснодарского края:

желтая заливка – районы регулярного гнездования; черно-желтые пуансоны – отдельные находки (по: Тильба, 2022)

К юго-востоку ареал тянется вдоль Черного моря до Леселидзе, Гагры, Пицунды и Сухума в Абхазии (Жордания, 1967; Sauerland, 1967; Dathe, Fischer, 1977; Plath, 1986; Белик, 2015а). В Грузии короткопалая пищуха впервые была добыта 13.02.1893 у г. Зестафони, бывш. Квирилы (Степанян, 1963). Позже птиц добывали также 13.02.1966 у с. Магароскари на р. Пшавская Арагви (900 м н.у.м.) на востоке Грузии и 27.07.1966 между сс. Кала и Халде в Верхней Сванетии (1800 м н.у.м.). Еще одна короткопалая пищуха была добыта 28.06.1962 в предгорьях Большого Кавказа у с. Курзу в 30 км к востоку от г. Зугдиди (300 м н.у.м.), но первоначально определена как обыкновенная пищуха (Жордания, 1967).

Кроме того, эта пищуха проникает, возможно, на северные склоны Большого Кавказа, где однажды 10.09.1973 она была отмечена в парке Кисловодска (Dathe, Fischer, 1977), а 2 птицы, молодая самка и самец, добыты 18.07.1993 и 02.09.1993 в буковых лесах на северных склонах Скалистого хр. близ с. Балта в Северной Осетии (Гомзяков, 1998). Все эти данные позволяют предполагать более широкое распространение короткопалой пищухи на Северном Кавказе, но из-за скрытности и большого сходства с обыкновенной пищухой она здесь на гнездовье пока нигде не найдена.

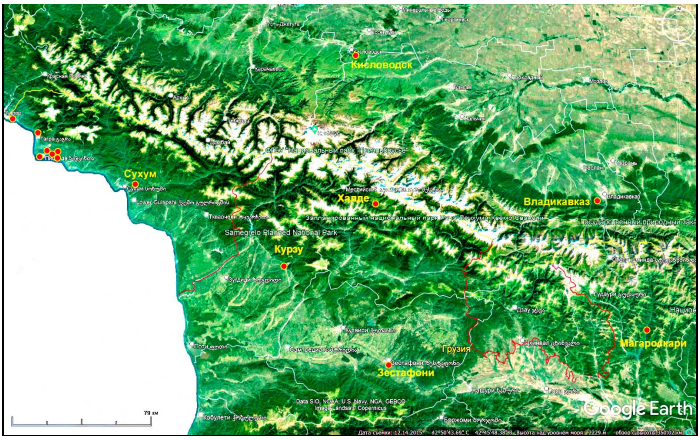

Рис. 51. Места встреч короткопалой пищухи на Северном Кавказе и в Закавказье

Зимой эти пищухи держатся в субтропических лесах в районах своих гнездовий, обычно рядом с кочующими обыкновенными пищухами, уступая им в численности в соотношении примерно 2-5 : 5-10 (Степа-

нян, 1963) и редко залетая в другие регионы, удаленные от мест гнездования.

Местообитания. На Черноморском побережье Кавказа заселяет низкогорные субтропические леса колхидского типа с зарослями лиан и вечнозеленых древесно-кустарниковых пород, стволы которых покрыты эпифитными мхами (Степанян, 1963, 1966, 2000). Придерживается в основном речных ущелий или замкнутых котловин с влажным климатом. В горы поднимается до высоты 300-400 м н.у.м. (Тильба, 2006). Гнездится обычно в узких дуплах, различных щелевидных нишах, под кусками отставшей коры, а кормится часто на замшелых стволах и ветвях деревьев. От обыкновенной пищухи в природных условиях надежно отличается только по голосу. Позывка короткопалой пищухи – очень высокие, короткие тихие посвисты «тіи, тіи, …, тік, тік, …», похожие на тревожные сигналы лесного конька, а песня звучит как непродолжительная свистовая гамма типа «тив-тив-тив-фью-фью-фью-…».

Численность. Нередка на Черноморском побережье Кавказа. В Европе обитает 5,1-8,7 млн. пар, а в Европейской России на Кавказе – 1,0-1,5 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Гнездовое обилие птиц в оптимальных условиях на Черноморском побережье Краснодарского края в начале XXI в. составляло 10-19 ос./км^2, и существенных изменений численности там не наблюдалось. Позже обилие снизилось до 5,0-12,5 ос./км^2, но в 2019-2021 гг. оно резко возросло до 20-40 ос./км^2. Это связывается с улучшением гнездовых условий после массовой гибели самшита, произошедшей после зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи, что вызвало отслаивание коры на его отмерших стволах (Тильба, 2007, 2017а, 2020, 2021; Ширяева, 2015).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Краснодарского края (2 категория). Необходима организация более тщательного мониторинга кавказских популяций, а в особой дополнительной охране эта пищуха сейчас, по-видимому, не нуждается (Белик, 2014).

Семейство **Воробьиные** Passeridae

389. Воробей домовый *Passer domesticus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех равнинных и предгорных регионов Южной России, вслед за человеком проникающий по широким речным ущельям в среднегорья и даже в высокогорья (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. В зависимости от таксономических взглядов на структуру этого надвидового комплекса, в данный вид включают от 8 до 19 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В последнее время этот комплекс часто делят на 2-3 вида, в том числе *P. domesticus* sensu str., распространенный в Северной Евразии и на севере Африки; *P. indicus*, характерный для Южной и Средней Азии, где обитают *P. i. indicus*, *P. i. bactrianus* и еще 3 подвида: *parkini*, *hufufae*, *rufidorsalis* (=*arboreus*); наконец – монотипический *P. italiae*, обычно считающийся полиморфным гибридом домового и испанского воробьев (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Нанкинов, 2013; Dickinson, Christidis, 2014).

На юге России, вплоть до Северного Кавказа, по мнению Л.С. Степаняна (2003), распространен номинативный подвид *P. d. domesticus*, на западе Закавказья обитает *P. d. colchicus*, а в Восточном Закавказье – *P. d. caucasicus*. По данным Б.А. Казакова (2022), номинативная форма характерна для Нижнего Дона и Западного Маныча, а южнее в Западном Предкавказье найден *P. d. caucasicus*. Анализ коллекций Зоомузея МГУ и Харьковского ун-та показал, что к этой же форме относятся и птицы из Восточного Предкавказья (Джамирзоев и др., 2017а).

Распространение. Нативный ареал приурочен к северу Африки и к Северной Евразии от Атлантики до Тихого океана, откуда позже этот воробей был акклиматизирован на всех континентах. На юге России сейчас широко распространен на равнинах вплоть до степей и пустынь Заволжья (Линдеман, 1971; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009; Амосов, 2012), а также в предгорьях Северного Кавказа и по всему Черноморскому побережью, но по широким речным долинам вслед за человеком проникает в среднегорья и даже в высокогорья, встречаясь местами в самых верховьях ущелий (Джамирзоев и др., 2014).

Зимой ведет оседлый образ жизни, держась стаями поблизости от жилья человека или сельскохозяйственных ферм. В период кочевок иногда появляется в лесах и на горных перевалах (Джамирзоев и др., 2014; Перевозов, 2014; и др.)

Местообитания. Обитает в основном в городах, сёлах и хуторах, на кошарах и фермах, на жилых кордонах и в лагерях, под мостами, изредка в береговых обрывах, местами в колониях грачей по лесополосам. В лесистых горах Западного Кавказа поднимается вверх до 500-1000 м, а в ущельях Центрального и Восточного Кавказа проникает до 1600-2500 м н.у.м. (Динник, 1886; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015, 2017; Белик, 2016а; оригин. данные). Гнездится одиночными парами, чаще – колониями в нишах разных строений, в дуплах, иногда

в норах других птиц, в сёлах селится местами на ветвях в кронах деревьев, а на Черноморском побережье – на веерных пальмах (Белик, 2015а). Гнезда на деревьях выглядят обычно в виде рыхлого шара из сухой травы с небольшим отверстием-летком сбоку.

Численность. На юге России обычен и многочислен. В Европе обитает 134,0-196,0 млн., а в Европейской России – 8-15 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России птиц оценивали в 5-8 млн., в том числе около 3 млн. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б).

В сёлах на Нижнем Дону обилие птиц составляет около 400-600 пар/км^2 (Белик и др., 2001). На Верхнем Дону в Воронеже обилие колеблется от 48-80 до 435 ос./км^2 (Нумеров и др., 2021), а в Саратове среднегодовое обилие равняется 150,7 ос./км^2 (Завьялов и др., 2011). В Северной Осетии в селениях на равнине гнездится 470-651 пар/км^2, а в горных селениях – 106-412 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000). В селениях Тебердинского заповедника было от 140 ос./км^2 до 140 пар/км^2 (Караваев и др., 2013; Белик, 2020а). В Кисловодске в июле 2005 г. мы учитывали до 100-150 ос./км^2.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

390. Воробей черногрудый *Passer hispaniolensis* (Temminck, 1820)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий вид большинства равнинных регионов Южной России, изредка залетающий в предгорья Западного и Центрального Кавказа (Белик и др., 2016). В XIX в. проникал, по-видимому, на Черноморское побережье Кавказа к Сухуму и Пицунде в Абхазии (Nordmann, 1840; Белик, 2015а).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а).

Таксономия. Сейчас надежно различают 2 подвида: номинативный, распространенный в Средиземноморье и на западе Малой Азии, и *P. h. transcaspicus*, гнездящийся на востоке Турции, в Передней и Средней Азии (Dickinson, Christidis, 2014). Считается, что на юге России обитает азиатская форма, отличающаяся более светлой и желтоватой окраской свежего оперения (Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). В то же время, номинативный подвид, активно расселяющийся на запад вдоль северного побережья Черного моря (Корзюков и др., 2015), мог попасть в Крым (Петрович, 2013; Сикорский, 2016; Кучеренко та ін., 2017; Костин и др., 2018; Костин, 2020), а оттуда – в Краснодарский край, где этих птиц встретили зимой, 16.02.2020, в Новороссийске (Семёнова, 2020).

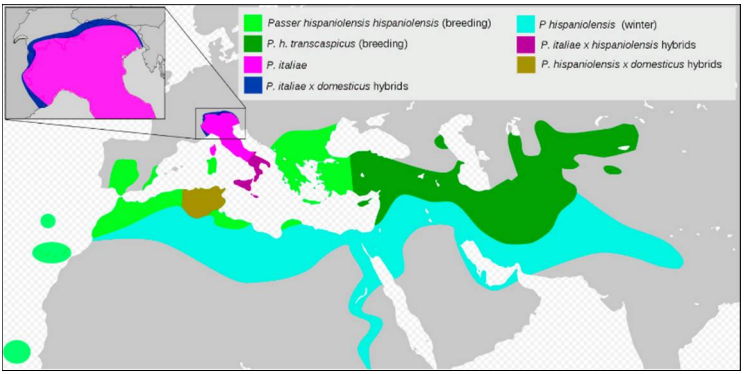

Рис. 52. Распространение подвидов черногрудого воробья и его отдельных гибридных форм
https://en.wikipedia.org/wiki/Spanish_sparrow#/media/File:SpanishSparrowMap.svg

Местами, в районах совместного обитания с домовыми воробьями, черногрудый образует гибриды, в том числе большие гибридогенные популяции, иногда получающие таксономический статус особого подвида или даже отдельного вида *P. italiae* (Dickinson, Christidis, 2014). Гибриды представлены двумя разными крайними формами (коричневоголовыми с небольшой черной манишкой на зобе и сероголовыми с большой манишкой) с многочисленными промежуточными фенотипами (Нанкинов, 2013). Сведения о гибридизации этих видов на юге России пока неизвестны, но для поиска гибридов нужны специальные исследования.

Распространение. Гнездится в области Древнего Средиземья от Пиренеев и Малой Африки до Передней и Средней Азии. В XX в. начал заселять Северный Кавказ, Южную Украину и Крым (Бёме, Ушатинская, 1932; Петрович, 2013; Кучеренко та ін., 2017; Корзюков и др., 2015; Костин, 2020; и др.). На юге России впервые найден на гнездовье в 1923 г. у г. Кизляр в дельте Терека, а в 1925-1926 гг. еще 2 колонии этих птиц обнаружены в окрестностях с. Кумтор-Кала в Буйнакском р-не в предгорьях Дагестана и у с. Махмуд-Мектеб в Нефтекумском р-не на востоке Ставропольского края в Терско-Кумском междуречье (Бёме, 1925; Бёме, Ушатинская, 1932).

Через 50 лет, в 1977-1978 гг., в Пролетарском р-не Ростовской обл. на Западном Маныче найдена уникальная изолированная колония из 100-150 пар, поселившихся в цапельнике среди тростников на оз. Казинка, где птицы начинали гнездиться уже в середине апреля (Казаков, Ломадзе, 1984). А в конце XX - начале XXI в. стали появляться сведения

о расселении черногрудого воробья на юге Калмыкии (Кукиш, 1989; Букреева и др., 1998; Квартальнов, 2003; Комаров и др., 2006; Цапко, 2007; Цапко и др., 2007), на юго-востоке Ростовской обл. (Белик, 1992а; Забашта, Забашта, 2022), а также в Чечне (Анисимов, 1989; Гизатулин, 1989), Северной Осетии (Комаров, Малиев, 2009; Комаров и др., 2011) и на юге Астраханской обл. (Архипов и др., 2003; Реуцкий, 2015).

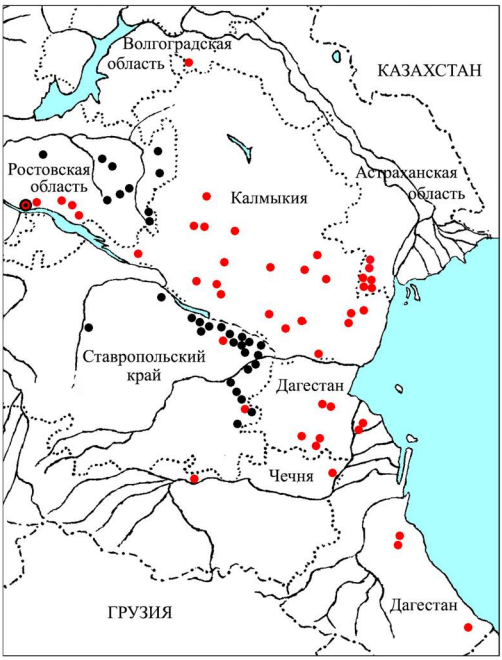

Рис. 53. Известные колонии черногрудого воробья на юге России (по: Белик, 2022д):

красные пуансоны – гнездовья, известные к 2010 г. по литературным и оригинальным данным; черные пуансоны – колонии, найденные в Ставропольском крае и Ростовской обл. по данным Л.В. Маловичко (2020), А.В. Забашта и М.В. Забашта (2022); красно-черный пуансон – колония, найденная в 1977 г. на оз. Казинка (Казаков, Ломадзе, 1984)

В последнее время черногрудый воробей достиг уже юга Волгоградской обл., где колония из 20 пар найдена 28.06.2009 в окрестностях с. Цаца Светлоярского р-на на Сарпинской низм. (Белик и др., 2009; Белик, 2022д). Стайку зимующих птиц в течение 14.12.2019-28.03.2020 регулярно наблюдали у Нальчика в Кабардино-Балкарии (Журтов, 2019, 2021), а 01.02.2015 стая из 20 самцов и самок встречена на городской

свалке у Черкесска (Караваев, Хубиев, 2015). Наконец, в Новороссийске 16.02.2020 отмечены 3 самца (Семёнова, 2020), которые могли залететь туда из Крыма, где с 2013 г. гнездятся на Керченском полуострове (Петрович, 2013; Сикорский, 2016).

В настоящее время северо-западная граница гнездового ареала предкавказской популяции ориентировочно проходит через г. Светлоград Ставропольского края, г. Пролетарск, пос. Зимовники и с. Заветное Ростовской обл. и с. Цаца Волгоградской обл. (Казаков, Ломадзе, 1984; Белик, 1992а; Белик и др., 2009; Маловичко, 2020; Забашта, Забашта, 2022). Гнездование же птиц крымской популяции возможно на Тамани, где необходимы поиски их гнездовий.

Черногрудый воробей считается перелетным видом, закавказские популяции которого в прошлом зимовали, вероятно, в Иране и Ираке, но в XX в. их массовые зимовки сформировались и в Азербайджане (Радде, 1884; Сатунин, 1907; Тугаринов, Козлова-Пушкарева, 1935; Иванов, 1952; Дементьев, Гладков, 1954; Гамбаров, Мустафаев, 1966). Несколько раз сообщалось о зимних находках черногрудого воробья также на Северном Кавказе. Так, Ф. Лоренц (Lorenz, 1887, 2011) привёл сведения о добыче самки в ноябре 1883 г. у стан. Лабинской в Краснодарском крае, но позже ее переопределили как самку домового воробья (В.М. Лоскот, перс. сообщ.). Еще об одной самке, добытой 19.12.1920 у Владикавказа, сообщал Р.Л. Бёме (1958), но не исключено, что и это была самка домового воробья.

Тем не менее, в последние годы черногрудые воробьи стали регулярно зимовать в Дагестане (Букреев и др., 2007; Джамирзоев и др., 2014; и др.), в январе 2008 г. этот воробей был пойман на Тереке в Моздокском р-не Северной Осетии, а южнее, в предгорьях, сейчас формируются его регулярные зимовки (Комаров и др., 2011; Комаров, Шевцов, 2022); стаи этих птиц зимовали в 2019/20 г. у Нальчика; 01.02.2015 их наблюдали у Черкесска; в феврале 2020 г. – в Новороссийске (Караваев, Хубиев, 2015; Семенова, 2020; Журтов, 2021), а 28.01.2020 группа из 5 птиц отмечена у оз. Баскунчак в Астраханском Заволжье (Пирогов, 2021).

Возможно, нынешнее потепление зимнего климата сказалось на смещении зимовок черногрудого воробья к северу, а также на изменении сроков его миграций. В Азербайджане в начале XX в. прилет этих птиц в гнездовые районы наблюдали в середине апреля (Сатунин, 1907), но через 50 лет много птиц оставалось зимовать там уже в местах гнездования, хотя часть воробьев еще отлетала на юг, появляясь в Куринской низменности уже в конце марта (Гамбаров, Мустафаев, 1966). Сейчас же в Азербайджане на зимовку остается около 10% птиц

местной гнездовой популяции (Садыгова, 2008).

Местообитания. Гнездится спорадично, однако, как правило, довольно плотными колониями численностью до 350-400 и более пар (Хохлов и др., 2009; наши данные). Размещаются они в лесополосах, в небольших лесных куртинах, на одиночных деревьях или на опорах ЛЭП, часто рядом с гнездами хищников (орлов, орланов, канюков, курганников, пустельг, кобчиков), служащих для воробьев защитой от врановых птиц и других врагов. Местами воробьи устраивают гнезда также в гнездовых постройках белых аистов, иногда – в колониях цапель среди тростниковых болот (Казаков, Ломадзе, 1984). Гнездятся в основном на равнинах, но в Дагестане заходят и в предгорья. Рыхлое шарообразное гнездо с боковым входом птицы делают из сухой травы обычно на ветвях деревьев или в нишах среди прутьев в стенках гнезд хищных птиц или белых аистов.

Численность. В Европе обитает 3,9-9,6 млн., а на юге Европейской России – не менее 10-50 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017; Белик, 2022д). Первоначально численность птиц на юге России оценивали в 2-5 тыс. пар, в том числе около 350 пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б), но сейчас здесь популяции везде многократно увеличились (Маловичко, 2020; Забашта, Забашта, 2022; и др.). Значительный рост численности птиц был отмечен в Восточном Предкавказье уже в начале XXI в. (Белик и др., 2003). В Азербайджане современная численность черногрудого воробья оценивается примерно в 105 тыс. пар, а отдельные колонии насчитывают до 20 тыс. пар и даже до 100 тыс. особей (Гамбаров, Мустафаев, 1966; Садыгова, 2008).

На юге России при маршрутных учетах, при примерной ширине трансекты в 1 км, на которой в открытых местообитаниях достаточно легко замечаются гнезда крупных хищных птиц с колониями черногрудых воробьев и их самостоятельные поселения у кошар или на отдельных деревьях, были получены следующие показатели обилия. На юго-западе Астраханской обл. между с. Зензели и с. Промысловка в 2001 г. учтены 4 колонии из 46 пар, а в 2002 г. – 1 колония из 25 пар на 25 км маршрута (100-180 пар/100 км^2) (Архипов и др., 2003). В Калмыкии в районе заповедника «Черные Земли» в 2005 г. на маршруте в 490 км найдены 3 колонии из 405 пар (80 пар/100 км^2) (Комаров и др., 2006), а в 2006 г. на маршруте около 200 км по югу Калмыкии зарегистрированы 3 колонии из 213 пар (110 пар/100 км^2) (Цапко и др., 2007). На севере Дагестана в 2006 г. учтены 2 колонии из 30 пар примерно на 250 км (10 пар/100 км^2) (Хохлов и др., 2007).

Нами в Калмыкии в 2003 г. учтены 3 колонии из 25 пар на 125 км (20 пар/100 км^2), в 2008 г. – 4 колонии из 40-50 пар на 225 км (20 пар/100

км^2), а в 2009 г. – 5 колоний из 50-70 пар на 250 км (20 пар/100 км^2). В равнинном Дагестане в 2009 г. найдены 4 колонии из 570-1080 пар на 764 км (70-140 пар/100 км^2), однако без учета одной крупной колонии, найденной в тугае из лоха узколистного в дельте Терека, где на площади около 50×100 м было не менее 500-1000 пар, получается лишь 10 пар/100 км^2. Таким образом, на большей части Калмыкии и равнинного Дагестана в пределах ареала черногрудого воробья плотность его населения составляла около 10-20 пар/100 км^2, повышаясь в некоторых районах до 70-180 пар/100 км^2 (Белик, 2022д).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

391. Воробей полевой *Passer montanus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех равнинных и предгорных регионов Южной России, по речным ущельям нередко проникающий высоко в горы (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Предположительно, представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а, 2006).

Таксономия. Включает, по мнению разных авторов, от 6 до 16 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Обычно считалось, что на юге России вплоть до Большого Кавказа гнездится *P. m. montanus*, а Закавказье населяет *P. m. transcaucasicus* (Степанян, 2003). По другим данным, на юге Европейской России распространен *P. m. volgensis*, а на Северном Кавказе – *P. m. transcaucasicus* (Коблик и др., 2006). Но Б.А. Казаков (2022) считал, что на широте Ростова обитает *P. m. montanus*, а *P. m. transcaucasicus* появляется на юге Западного Предкавказья. Последняя форма распространена также в Восточном Предкавказье и Дагестане (Джамирзоев и др., 2017а).

Специально изучавший изменчивость полевого воробья Г.Б. Бахтадзе (2010) выявил значительные изменения в окраске оперения птиц, происходящие при их хранении в коллекциях. По его заключению, все популяции воробьев, населяющие Нижний Дон, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Закавказье, следует относить к *P. m. transcaucasicus*.

Распространение. Населяет умеренный пояс Евразии, а также тропики Юго-Восточной Азии. На юге России распространен повсеместно в равнинных, реже – в предгорных регионах, а по широким долинам горных рек вслед за жильем человека местами проникает в среднегорья (Бёме, 1933; Афонин, 1985; Комаров, 2006, 2013; Перевозов, 2014;

Белик, Насрулаев, 2019; Белик, 2020а; и др.). Но на Черноморском побережье Кавказа полевой воробей летом практически отсутствует, изредка проникая с Тамани лишь до Новороссийска - Геленджика (Волчанецкий и др., 1962; Лохман, 2006; Кузиков, 2013; Рудовский, 2014; Белик, 2015а; Белик и др., 2017; Попович, Семенова, 2018; Рупасов, 2018; Семенова и др., 2019).

Зимой ведет оседлый образ жизни, держась стаями в городах и сёлах, а также поблизости от жилья человека или сельскохозяйственных построек. В период кочевок иногда появляется в лесах и на горных перевалах Кавказа (Дороватовский, 1913, 1914; Тильба, 2006; Джамирзоев и др., 2014; Караваев и др., 2015; и др.).

Местообитания. Гнездится на равнинах и в предгорьях, а по долинам рек проникает в горы до 1800-2000 м н.у.м. (Динник, 1886; Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000; Комаров, 2006). Обитает в хуторах, сёлах и городах, часто держится также по береговым обрывам и карьерам, в пойменных редколесьях, в лесополосах и других местах, где имеются дупла, норы, ниши и другие укрытия. Гнездится обычно небольшими колониями или отдельными парами в дуплах деревьев, в старых норах других птиц, в искусственных гнездовьях, в нишах построек человека, под мостами, в бетонных опорах ЛЭП, а также в скирдах соломы, в старых сорочьих гнездах, нередко в стенках гнезд крупных хищников и грачей, а в горах местами заселяет щели и ниши в скалах (Бёме, 1958; Белик, Насрулаев, 2019), изредка делает открытые шарообразные гнезда из сухой травы на ветвях деревьев.

Численность. На юге России обычен. В Европе обитает 24,0-38,2 млн., а в Европейской России – 8-12 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 0,5-1,5 млн. пар, в том числе около 270 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. во многих регионах Южной России прослежена тенденция к сокращению численности (Белик и др., 2003).

В пойменных лесах степного Придонья обилие достигает местами 10 пар/км^2, а в искусственных степных лесах колеблется от 6 до 27, в среднем 11,7 пар./км^2 (Белик, 2000а). В Северной Осетии в равнинных селениях гнездится с обилием 35 пар/км^2, а в горных – от 3,5 до 15 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000; Комаров, 2006, 2013). В Кабардино-Балкарии в аулах, расположенных в аридной Северо-Юрской депрессии, гнездится в среднем 17 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Карачаево-Черкесии в стан. Сторожевой в Северо-Юрской депрессии в мае 1998 г. были учтены 29 ос./км^2 (Караваев, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

392. Воробей каменный *Petronia petronia* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид горных и предгорных регионов Центрального и Восточного Кавказа, случайно проникающий в горы Западного Кавказа, а также из Казахстана в степи Заволжья (Белик и др., 2016; Белик, 2018г).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Относится к монотипическому роду. По разным представлениям, вид включает от 7 до 14 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). На Кавказе, в Малой и Передней Азии распространен темный *P. p. exigua*, а в Заволжье и Северном Казахстане – светлый *P. p. kirhizica* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Следует отметить, что кавказский подвид был описан по самке из коллекции В. Чузи (Viktor von Tschusi), добытой 19.02.1901 **ст.ст.** в Ростове-на-Дону (Hellmayr, 1902). Однако коллектор и условия добычи этой птицы автором не указаны; больше никто из исследователей того времени каменного воробья на Дону не отмечал (Браунер, 1907; Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Аверин, 1911; Белик и др., 2013), и поэтому можно полагать, что это была, скорее всего, залетная особь (Белик, 1996а, 2018г). Но откуда она могла залететь на Дон, с юга или с востока, – неизвестно.

Распространение. Гнездится в сухих горах Древнего Средиземья от Пиренеев и Малой Африки до Центральной Азии и Монголии. На юге России распространен в горах Центрального и Восточного Кавказа, откуда изредка проникает в степные предгорья и на Ставропольскую возв. Периодически эти птицы появляются также в Заволжье, выселяясь из Казахстана (Паллас, 1788; Эверсманн, 1866; Бостанжогло, 1911; Волчанецкий и др., 1950; Амосов, 2012; Девятко, Джамирзоев, 2012; Реуцкий, 2015). Возможно, иногда они залетают и в степи Калмыкии (Эверсманн, 1866; Самородов, Бадмаева, 1981; Кукиш, 1989).

В Волго-Уральском междуречье распространен к востоку от горы Большое Богдо на севере Астраханской обл. до р. Урал, эпизодически проникая на гнездовье к северу до оз. Эльтон в Волгоградской обл. и с. Александров Гай на р. Большой Узень в Саратовской обл. (Яковлев, 1872, 2015; Волчанецкий, 1937; Волчанецкий и др., 1950; Гаврилов и др., 1968; Букреев и др., 2002; Амосов, 2010, 2012; Завьялов и др., 2011; Белик и др., в печати). Осенью несколько раз встречался в дельте Волги, но гнездование там не подтверждено (Воробьев, 1936; Дементьев, Гладков, 1954; Луговой, 1963; Реуцкий, 2015).

Для Приэльтонья был указан как возможно гнездящийся вид (Волчанецкий и др., 1950), а позже – как очень редкая залетная птица (Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009). Судя же по коллекции, собранной А.С. Лисецким в 1949 г. в с. Калинин (бывш. хут. Паничкин) на р. Большая Сморогда к востоку от пос. Эльтон, где-то там, возможно – в каменных карьерах на горе Улаган, находилась колония этих воробьев. Всего 02.07.1949 были добыты 1 самец, 4 молодые птицы и 2 воробья неопределенного пола, возможно тоже молодые особи; еще одна птица неизвестного пола добыта там 11.06.1949 (Девятко, Джамирзоев, 2012). Последующие встречи каменных воробьев в Волгоградском Заволжье неизвестны.

На Кавказе каменный воробей распространен от Дагестана к западу до р. Уруп в Карачаево-Черкесии (Караваев, 2000; Поливанов и др., 2000; Белик, 2018г). На Восточном Кавказе в прошлом каменный воробей гнездился, по словам М.Н. Богданова (1879, с.61), повсеместно в безлесных горах от «ближайших к берегу Каспия скал и горных лугов Дагестана до линии вечного снега». О том же свидетельствовали и другие исследователи (Россиков, 1884б; Билькевич, 1893; Сатунин, 1907; Красовский, 1932; Бёме, 1933, 1935; Джамирзоев и др., 2004, 2014; и др.), но в последнее время этот вид встречается в Дагестане лишь местами, а во многих из обследованных районов его не отмечали вовсе (Белик, 2018г; Белик, Насрулаев, 2019, 2020).

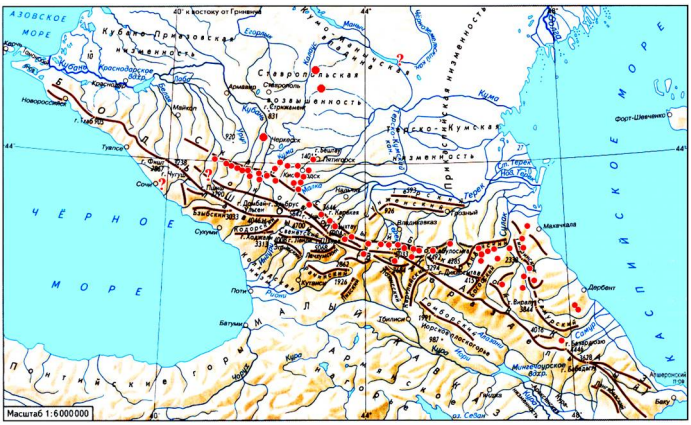

Рис. 54. Распространение каменного воробья на Северном Кавказе (по: Белик, 2018г)

Для Центрального Кавказа каменного воробья впервые привел К.Н. Россиков (1888), считавший его характерным представителем «котловин-

ной фауны», обитавшим по днищам аридных котловин и на окружающих их скалах, по которым он изредка проникал до верхнеальпийских лугов. До середины XX в. этот воробей оставался довольно обычным гнездящимся видом Северо-Юрской и Южно-Юрской аридных депрессий в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне и Ингушетии, где он населял горные долины и скальные участки в горной степи под куэстами Скалистого хребта и в субальпике Бокового хр., часто встречался также возле горных селений, но не спускался в предгорья (Л. Бёме, 1926, 1935; Гептнер, 1926; Радищев, 1926; Бёме и др., 1930; Р. Бёме, 1958; Иванов, Чунихин, 1961; Второв, 1962; Моламусов, 1967; Анисимов, 1975, 1989; Афонин, 1985; Журавлев, 1990; Комаров, 1998а, 1998б, 2007в; Комаров, Липкович, 2000; и др.).

На Западном Кавказе, на Кубани в окрестностях Черкесска, этих птиц в начале XX в. нашел Е.С. Птушенко (Дементьев, Гладков, 1954). В 1986 г. гнездовая пара была найдена на р. Уруп близ стан. Преградной (Поливанов и др., 2000), где гнездо со слётками обнаружено 21.07.2004 также нами (Белик, 2018г). К западу от Урупа известна лишь одна находка в долине р. Большая Лаба у куэсты горы Ахмет-Кая, где стайку из 6 птиц наблюдали 01.10.2012 (Караваев, Хубиев, 2013; А.А. Караваев, личн. сообщ.). Кроме того, летом 1935 г. этих птиц неоднократно отмечали на скалах и осыпях горы Дамхурц на Боковом хр. по левобережью Большой Лабы на границе Карачаево-Черкесии и Краснодарского края (Аверин, Насимович, 1938; Перевозов, 2014).

К востоку от Урупа каменные воробьи более или менее регулярно встречаются на Скалистом хр. вплоть до Северной Осетии, Чечни и Ингушетии (Бёме и др., 1930; Бёме, 1958; Даль, 1959; Анисимов, 1975, 1989; Караваев, 2000; Комаров, 2007в; Караваев, Хубиев, 2013; Караваев и др., 2014; Белик, 2018г; и др.). А в Приэльбрусье у Кисловодска, где на северных склонах Скалистого хр. отсутствуют сплошные леса, гнездовья этих птиц были найдены на скалах хр. Боргустан в системе Пастбищного (Мелового) хребта (Lorenz, 1887, 2011). В 1970 г. они были обычны и на скалах Джинальского хр. к востоку от Кисловодска (Bier u. a., 1975), а 3 экземпляра были добыты также 24.02.1990 **ст.ст.** в Пятигорске (Hellmayr, 1902).

В Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае каменные воробьи изредка гнездятся по глинистым обрывам в степных ландшафтах к северу до с. Александровское на р. Томузловка, где птиц отмечали в 1961-1973 гг., в том числе в 1969 г. в норах береговушек найдены 2 гнезда с кладками, и до г. Светлоград на р. Калаус, где 3 пары встречены в июле 1989 г. (Лиховид, Тертышников, 1977; Хохлов, 1990; Ка-

раваев, Хубиев, 2013). Гнездование этих птиц ошибочно предполагалось также в районе Сочи (Строков, 1960), но на Черноморском побережье Кавказа их гнездовья появляются только в сухих горах у границы с Турцией (Nordmann, 1840; Дерюгин, 1900).

Каменные воробьи ведут оседлый образ жизни, совершая зимой вертикальные кочевки в горах, но почти не выходя за пределы предгорий. В холодных высокогорьях Северной Осетии зимой птицы исчезают (Комаров, 1998, 2007в). В степных ландшафтах Заволжья и Казахстана наблюдаются их более широкие зимние кочевки.

Местообитания. Спорадично распространен в сухих низкогорьях и среднегорьях Кавказа в районах с террасным земледелием и интенсивным выпасом домашнего скота; местами спускается в предгорья. Обитает в каменистых горных степях с полями и пастбищами среди аридных котловин и на горных плато, поднимаясь вверх до 1500-1700 м н.у.м. (Комаров, 2007в; Караваев, Хубиев, 2013). Гнездится отдельными парами или небольшими колониями в различных нишах и щелях скал, среди камней, а также в стенах старых каменных построек и под крышами жилых зданий, местами занимает старые гнезда скальных ласточек и воронков в их колониях на скалах (Моламусов, 1967; Хохлов, Тельпов, 1984; Тельпов и др., 1988; Джамирзоев и др., 2014). Изредка гнездится в старых норах щурок и береговых ласточек в глинистых обрывах (Лиховид, Тертышников, 1977; Караваев, Хубиев, 2013), а в Заволжье заселяет эродированные каменистые склоны мощных соляных куполов среди степей и пустынь, а также обрывы, карьеры, кучи камней или ниши в саманных постройках в сёлах (Хлебников, 1930; Волчанецкий, 1937; Гаврилов и др., 1968; Реуцкий, 2015).

Численность. В Европе обитает 2,1-4,6 млн. пар, а в Европейской России на ее юге – 1-5 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Первоначально популяцию на юге России провизорно оценивали в 5-15 тыс. пар, но в начале XXI в. на Кавказе было отмечено сильное сокращение численности, снизившейся до указанных выше 1-5 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014), а сейчас она не превышает 0,5-1,5 тыс. пар, в том числе 100-300 пар в Карачаево-Черкесии, 20-50 пар в Кабардино-Балкарии и всего 6-7 пар в Северной Осетии, где сохранилась лишь одна колония по долине р. Фиагдон (Караваев, Хубиев, 2013; Белик, 2018г; Пшегусов, 2018; Комаров, 2022).

Обилие птиц в аридных котловинах Карачаево-Черкесии в 1953 г. местами достигало 5 ос./га (Даль, 1959), в 60-80-е годы XX в. в разных районах Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии оно колебалось от 1 до 5 ос./км^2, но в поселениях человека могло достигать 14 ос./км^2, а среди каменных осыпей и скальных обнажений –

24 ос./км^2 (Второв, 1962; Анисимов, 1975, 1989; Афонин, 1985; Журавлев, 1990). В Северной Осетии гнездовое обилие в Северо-Юрской депрессии ранее оценивали в 0,6 пар/км^2, а в Южно-Юрской – 1,8-10,1 пар/ км^2, при этом в каждом селе там гнездились обычно по 1-2-4 пары каменных воробьев, а в большом горняцком пос. Фиагдон учитывали 7,8 пар/км^2 (Комаров, 1998а, 1998б, 2007в; Комаров, Липкович, 2000).

На западной границе ареала близ р. Уруп в 1997-1998 гг. на Скалистом хр. учитывали до 10 ос./10 км маршрута под куэстой горы Баранаха, а на лугах ниже этой куэсты – до 10 ос./км^2. Но в 2007-2010 гг. на лугах с осыпями и скальными обрывами под куэстами Скалистого хр. на многолетних учетах лишь однажды зимой были отмечены 2 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев и др., 2014). В последние десятилетия при регулярных экспедиционных исследованиях в аридных котловинах Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Дагестана нами отмечались лишь случайные встречи с каменными воробьями, а во многих районах мы не могли найти их вовсе (Белик, 2016а, 2018г, 2019а; Белик, Насрулаев, 2019, 2020; Белик, Аккиев, 2023).

Охранный статус. Включен в Красные книги Кабардино-Балкарии (3 категория), а также Карачаево-Черкесии и Ингушетии (4 категория). Депрессия кавказских популяций связана в основном, по-видимому, с исчезновением горного земледелия во второй половине XX в., а также с демутацией горных пастбищ, вызванной увлажнением климата и снижением пастбищной нагрузки после резкого сокращения численности домашнего скота в 1990-е годы (Белик, 2014, 2018г; Белик, Насрулаев, 2020).

393. Воробей снежный *Montifringilla nivalis* (Linnaeus, 1766)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид горных регионов Центрального и Восточного Кавказа, случайно залетающий на Западный Кавказ (Белик и др., 2016; Белик, 2018г).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Включает 4-7 подвидов, в том числе *M. n. alpicola*, распространенный на Кавказе (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в горах Южной Евразии от Пиренеев и Альп до Алтая и Гималаев. На юге России снежный воробей распространен только в горах Кавказа от Дагестана до Кабардино-Балкарии и изредка встречается на востоке Карачаево-Черкесии, где 14.06.2006 на куэстах горы Бермамыт на Скалистом хр. в Приэльбрусье была

обнаружена колония из 5-10 пар. Но при проверке этого района 20.07.2006 обнаружить птиц уже не удалось. По данным В.А. Тельпова (личн. сообщ.), стайки снежных воробьев дважды отмечены поблизости также в июле 2007 г., а в 1980-е годы место гнездования этих птиц было известно там на развалинах кошары близ с. Кичи-Балык (Белик, 2006, 2018г). Встречу же снежного воробья 28.08.1926 на горе Чугуш на Западном Кавказе (Туров, 1928) вряд ли можно трактовать как гнездовую. Еще один залет отмечен 31.01.2002 в пос. Гузерипль на р. Белой в Кавказском заповеднике (Тильба, Перевозов, 2010; Перевозов, 2014). Влажный, лесистый Западный Кавказ в принципе непригоден для обитания этого вида (Динник, 1886; Аверин, Насимович, 1938; и др.).

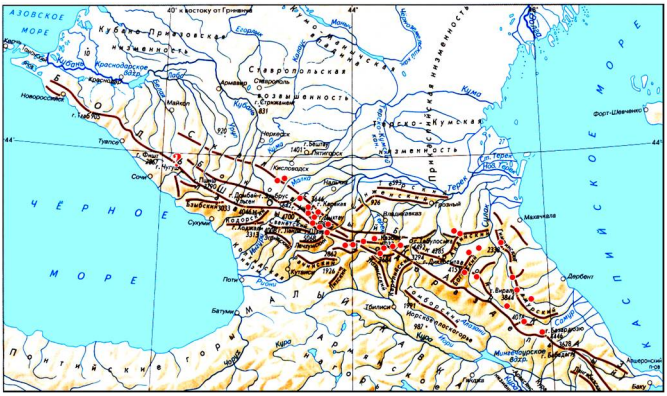

Рис. 55. Распространение снежного воробья на Северном Кавказе (по: Белик, 2018г)

По наблюдениям Х.Т. Моламусова (1967), на Кавказе численность снежного воробья возрастает с северо-запада на юго-восток. К западу от Эльбруса он редок; малочислен между Эльбрусом и Казбеком; чаще встречается к юго-востоку от Казбека и довольно многочислен в скалистых районах Азербайджана. Но до середины XX в. снежный воробей в Кабардино-Балкарии был обычен как в аридных котловинах по Баксану, Чегему и Черекам (Гептнер, 1926; Радищев, 1926), так и в высокогорьях Бокового и Главного хребтов (Насимович, 1950). Однако в 1950-е годы гнездовий снежного воробья в Кабардино-Балкарии уже не отмечали (Моламусов, 1967). Лишь П.В. Афонин (1985) наблюдал этот вид в 1979-1981 гг. в альпийском поясе гор, а В.М. Лоскот (1991), проработавший в 1986 и 1988 гг. два летних сезона в самых верховьях Чегема и Черека-Безенгийского, встретил стайку из 20-22 особей только однажды 29.07.1986 на ледниковой морене в

истоках Чегема. Нами же при специальных исследованиях в 2004-2007 гг. и 2016-2018 гг. снежные воробьи в горах Кабардино-Балкарии не встречены ни на Скалистом хр., ни в субальпике и альпике Бокового хр. (Белик, 2018г).

До конца XX в. эти птицы были довольно обычны и в Северной Осетии, спорадично встречаясь отдельными колониями во многих ущельях (Динник, 1886; Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Комаров, 1998, 2006, 2007, 2013; Комаров, Липкович, 2000). Особенно характерны они были для верховий Терека у Крестового перевала, где их отмечали практически все исследователи (Богданов, 1879; Михаловский, 1880; Радде, 1884; Динник, 1886; Билькевич, 1893; Сатунин, 1907; Баньковский, 1913; Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Второв, 1962; Schmidt, 1986). Однако на короткой экскурсии на Крестовый перевал 15.08.1971 мы этих птиц уже не встретили. В июле-августе 2007 г. не удалось найти их и в верховьях рек Кармадон, Гизельдон, Фиагдон, Ардон и Урух, в том числе в горных селениях. Не найдены они и в июне-июле 2008, 2012 и 2014 гг. в Дигории в ущельях бассейна р. Урух, где исследования проводились как в горностепных котловинах с многочисленными старинными селениями, так и у ледников в субальпийском и альпийском поясах (Белик, 2013г, 2016а, 2018г).

В горах Чечни и Ингушетии снежных воробьев находили в скалах альпийского и субнивального пояса, причем наиболее обычны они были на востоке Чечни у границы с Дагестаном (Рашкевич, 1980; Анисимов, 1989; Джамирзоев и др., 2014). Там же на Андийском хр. у оз. Кезеной-Ам их отмечали и другие исследователи (Россиков, 1884б; Бёме, 1933), обращая внимание, что такого большого количества этих птиц ранее нигде не встречали (Динник, 1905).

В Дагестане снежный воробей тоже распространен весьма спорадично, но местами довольно обычен (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Насрулаев, 1990, 2006, 2014; Бутьев, Лебедева, 1992). Лишь И.Б. Волчанецкий (1973) считал этот вид характерным обитателем Внутреннего Дагестана, где в 1963-1965 гг. добыто 9 экз. на известняковом плато у с. Хунзах. Но еще 6 экз. были собраны на северо-восточных склонах Самурского хр. (Девятко, Джамирзоев, 2012; Белик, 2018г).

Нами снежные воробьи встречены в Дагестане лишь однажды 30.04.2002 в каменистой балке среди субальпийских лугов на перевале между Буйнакской котловиной и р. Аварское Койсу (Белик и др., 2002; Белик, Насрулаев, 2019). Об исчезновении этих птиц на Кавказе свидетельствует и А.Г. Перевозов (личн. сообщ.), который не смог найти их в последние годы ни в многочисленных поездках по Дагестану, ни у оз. Кезеной-Ам, ни в Ингушетии, ни на Крестовом перевале, ни у горы

Шахдаг в Азербайджане, ни в Армении.

Зимой снежные воробьи кочуют стайками в районах гнездования в среднегорьях и высокогорьях Северного Кавказа, практически не спускаясь в предгорья (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958).

Местообитания. Спорадично распространен в холодных, сухих высокогорьях Южно-Юрской депрессии на Восточном и Центральном Кавказе, изредка спускается в аридные котловины среднегорий. Держится на высотах от 1300 до 3000 м, в основном – 1700-2500 м н.у.м. (Динник, 1886; Бёме, 1926; Бутьев, Лебедева, 1992; Комаров, Липкович, 2000; Белик, Насрулаев, 2019). Обитает среди каменистых пастбищ в альпике и субальпике и в горных степях в районах с интенсивным выпасом домашнего скота. Гнездится обычно небольшими колониями в нишах скал и среди каменистых осыпей, местами в стенах старых каменных построек и жилых зданий.

Численность. В Европе обитает 129-568 тыс., а для Европейской России приводили 1-5 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Популяцию на юге России из-за недостатка фактических данных первоначально оценивали в 1-5 тыс. пар сугубо провизорно, но в начале XXI в. на Кавказе было отмечено значительное сокращение ее численности, и сейчас она не превышает, очевидно, 500-1000 пар, в том числе всего 15-20 пар в Кабардино-Балкарии (Белик, 2005б, 2014, 2018г; Пшегусов, 2018).

Обилие птиц в альпике Кабардино-Балкарии в 1979-1981 гг. составляло 2 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии в Южно-Юрской депрессии в 1970-е годы гнездились 2,9-4,3 пары/км^2, или 1-2 пары на село (Комаров, 1998, 2007в). В Чечне в скалах альпийского и субнивального пояса на Боковом хр. обилие местами достигало 4-6 ос./км^2 (Анисимов, 1989). На юге Дагестана на Главном Кавказском хр. в районе гор Базардюзю и Шалбуздаг на высоте 2300-2700 м н.у.м. обилие птиц среди сбитых низкотравных субальпийских пастбищ с участками скальников, каменистых россыпей и отвесных склонов в июле 1991 г. составляло 25 ос./км^2, а вблизи фермы возрастало до 60 ос./км^2 (Бутьев, Лебедева, 1992).

Охранный статус. Включен в Красные книги Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (3 категория), а также Ингушетии (4 категория). Причины депрессии кавказских популяций недостаточно изучены. Лимитирующие факторы связаны, по-видимому, с исчезновением горного земледелия во второй половине XX в., а также с демутацией горных пастбищ, вызванной увлажнением климата и снижением пастбищной нагрузки после резкого сокращения численности домашнего скота в 1990-е годы (Белик, 2014, 2018г).

Семейство **Вьюрковые** Fringillidae

394. Зяблик *Fringilla coelebs* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично оседлый и зимующий вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель неморального фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. По разным оценкам, включает от 12 до 17 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В Европе распространен номинативный подвид, на Северном Кавказе – *F. c. caucasica*, а в Крыму – толстоклювый *F. c. solomkoi*, откуда эта форма заходит на Черноморское побережье Кавказа (Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

По нашим данным, предкавказские зяблики таксономически представляют переходную популяцию между *F. c. coelebs* и *F. c. caucasica*. На юге Западного Предкавказья птицы почти неотличимы от *F. c. caucasica*, а на Нижнем Дону – очень близки к *F. c. coelebs*. В промежуточной полосе преобладают особи, несущие смешанные (в окраске оперения и размерах клюва) признаки этих форм. Так, в серии из 12 птиц из Ленинского лесхоза (Азовский р-н Ростовской обл.) две имели признаки *F. c. coelebs*, три – *F. c. caucasica*, а у остальных в разной степени комбинировались признаки исходных форм, причем 2 особи уклонялись в сторону *F. c. solomkoi* (Белик, 2009).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Байкала, а также на севере Африки, в Малой и Передней Азии, на Кавказе и в Крыму. На юге России распространен в бассейне Дона и Волги, а также на Северном Кавказе, а в XX в. заселил многие искусственные степные лесонасаждения вплоть до западных границ Калмыкии (Белик, 2009; Музаев и др., 2011).

Птицы европейской популяции в начале-середине XX в. проникали к югу лишь до Сев. Донца и Нижнего Дона выше г. Цимлянска (Аверин, 1911; Варшавский, 1965), отсутствуя на Нижнем Дону у Таганрога, Ростова, Новочеркасска и Волгодонска (Рашкевич, 1957; Белик и др., 2013). Но в начале XX в. зяблики гнездились в Азовском р-не (Сарандинаки, 1909), куда могли проникать с юга. Широкое заселение искусственных лесонасаждений на юге Ростовской обл. началось в середине XX в. (Миноранский, Харченко, 1967; Петров, 1963, 1975; Казаков, 1969; Белик, 2009; и др.).

На Волге в XIX в. зяблик встречался к югу до Саратова, возможно до Камышина (Богданов, 1871), но у Волгограда не отмечался на гнездовье вплоть до начала XX в. (Лорец, 1928). Однако в пойме Волги у

Волгограда его гнездо с кладкой Е.И. Врублевский нашел уже в 1952 г. (Белик и др., 2022а). В середине XX в. зяблик появился также в лесистых низовьях р. Еруслан в Заволжье, а во второй половине XX в. там было подтверждено его гнездование (Юдин, 1952; Груздев, 1955; Динесман, 1955; Завьялов и др., 2011).

В 1962 г. зяблика отмечали на гнездовании на протяжении всей Волго-Ахтубинской поймы от Волгограда до дельты (Кривоносов, Кулешова, 1963), но в дельте пение зяблика однажды было отмечено еще в 1930 г. (Воробьев, 1936). С конца 1960-х годов, особенно же в 1980-е годы численность птиц там постепенно увеличивалась, а к началу XXI в. они стали в дельте довольно обычны (Реуцкий, 2015). В пустынных и полупустынных районах Поволжья и Калмыкии зяблики не гнездятся (Линдеман, 1971; Цапко и др., 2009; Амосов, 2012; и др.).

На Кавказе зяблик распространен повсеместно от полуострова Абрау до Дагестана, гнездясь на всех хребтах от предгорий до верхней границы леса, а также на Ставропольской возв. По лесистым поймам крупных рек, искусственным лесам, широким лесополосам и различным паркам сейчас он проникает на степные равнины Предкавказья, вплоть до Кумы, Маныча и Нижнего Дона (Россиков, 1884а; Динник, 1886; Белик, 2009; Музаев и др., 2011; Казаков, 2022).

Зимуют зяблики в южных районах гнездового ареала, начиная с Ростовской и Волгоградской обл. (Алфераки, 1910; Белик, 2000а; Чернобай, 2004; Ломакин, Белик, 2008; Маркитан и др., 2010; и др.). На Кавказе местами формируются их массовые зимовки (Россиков, 1884а; Бернацкий, 1958; Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000; Тильба, 2001), но на Ставропольской возв. в конце XIX в. зяблики зимовали еще редко (Динник, 1886), а в дельте Волги их численность на зимовке стала постепенно нарастать лишь с конца 1950-х годов (Луговой, 1963; Реуцкий, 2015).

На Кавказе птицы ведут частично оседлый образ жизни, а из Европы сюда осенью прилетают птицы номинативного подвида. Зимой на Черноморском побережье у Пицунды, кроме местных птиц, около 30% составляли *F. c. coelebs* и в небольшом числе отмечались *F. c. solomkoi* (Панов и др., 2004). Сезонные миграции идут широким фронтом через всю Южную Россию; птицы летят обычно в меридиональном направлении, часто вдоль речных долин, а также через высокогорные перевалы Кавказа (Вуккерт, Лоскот, 2022).

По наблюдениям на Нижнем Дону, в октябре пролет начинается рано утром и продолжается в течение всего дня. Утром зяблики летят невысоко над землей, но через 1-2 часа обычно поднимаются на 100-150 м вверх, и их пролетные стаи сливаются иногда в сплошной поток.

09.10.1988 с 7:00′ до 8:30′ в полосе 200 м пролетело 17 стай по 7-100 особей, в среднем 25 птиц в стае, а 10.10.1988 с 6:15′ до 6:45′ учтено 20 стай по 4-46 особей, в среднем 17 птиц в стае (Белик, 2022ж).

Местообитания. Широко распространен в самых разных типах лесов на равнинах, в предгорьях и горах. Предпочитает насаждения без густого кустарникового подлеска, в том числе сосняки; изредка встречается в городских парках и скверах, а также в широких лесополосах. Небольшое плотное гнездо из сухой травы, инкрустированное снаружи кусочками лишайников, вьёт на деревьях, чаще – в развилках стволов и ветвей.

Численность. На юге России обычен, местами многочислен. В Европе обитает 185-269 млн., а в Европейской России – 75-100 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 1-4 млн. пар, в том числе более 200 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). Популяции здесь относительно стабильны (Белик и др., 2003).

В степном Придонье обилие птиц в байрачных лесах составляет в среднем 33,7, в пойменных – 23,0, в аренных – 62,2, а в искусственных степных лесах – 1,7-8,4 пар/км^2 (Белик, 2000а). В пойме Сев. Донца в 1967 г. учитывали 12,3 пар/10 га (Бируля, 1971), а в бассейне Среднего Дона обилие колеблется от 20,0 до 34,9, в среднем 27,9 пар/10 га (Гудина, 2019). В лесах на Ставропольской возв. в течение 1970-х – 2000-х годов оно снизилось в среднем с 95,5 до 57,1 пар/км^2 (Костенко, 2012).

На Западном Кавказе в широколиственных низкогорных лесах обилие колеблется от 27 до 161 пар/км^2, в среднегорных буково-пихтовых лесах – от 41 до 91 пар/км^2, а в буковом криволесье на верхней границе леса местами достигает 13-22 пар/км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике в конце XX в. в лиственных лесах было от 200 до 270 ос./км^2, в смешанных – от 205 до 276 ос./км^2, в темнохвойных – от 78 до 234 ос./км^2, а в сосновых – от 0 до 114 ос./км^2, но в 2007-2008 гг. средняя численность в лесах заповедника в гнездовой период составляла 73,9-107,1 ос./км^2 (Поливанов, Поливанова, 2002; Караваев и др., 2015). В горах Кабардино-Балкарии обилие зябликов составляет 23 ос./км^2 в широколиственных лесах, 6 ос./км^2 – в мелколиственных лесах и 4 ос./км^2 – в субальпийских березняках, но для сосняков этот вид не был указан (Афонин, 1985). В Северной Осетии в равнинных лесах гнездится 10-213 пар/км^2, а в горных – 4-192 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

395. Юрок *Fringilla montifringilla* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Пролетный и зимующий вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1978, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в поясе таежных лесов Евразии от Атлантики до Тихого океана. Зимовки расположены на юге Евразии, в том числе на Кавказе. Более или менее регулярно птицы зимуют на юге Волгоградской, а также в Ростовской и Астраханской обл. (Луговой, 1963; Белик, 2000а; Чернобай, 2004; Ломакин, Белик, 2008; Реуцкий, 2015; и др.). На Кавказе и в Предкавказье зимой они обычны и многочисленны (Россиков, 1884а; Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Поливанов, Поливанова, 1986; Хохлов, 1993; Караваев, Казиев, 2007; и др.).

Сезонные миграции идут широким фронтом через всю Южную Россию; птицы летят обычно днем невысоко над землей в меридиональном направлении; держатся они стаями разной величины, часто вместе с зябликами.

Местообитания. Гнездится в таежных лесах разных типов. На зимовке держится в различных равнинных и горных лесах, где кормится обычно семенами ясеня, а местами в горах – высыпающимися из шишек семенами сосны и ели; птицы обычны и в лесополосах среди полей, где часто собирают семена сорняков и пожнивные остатки, нередки они также в садах и парках. В горы Кавказа поднимаются до 900-1500 м н.у.м. (Моламусов, 1967).

Численность. В Европе обитает 15,2-24,0 млн., а в Европейской России – 12-18 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность зимующих птиц резко колеблется по годам в зависимости от обилия кормов и суровости зим. В Тебердинском заповеднике в одни годы зимуют сотни и тысячи птиц, в другие – от десятков тысяч до миллиона особей (Поливанов, Поливанова, 1986, 2002; Караваев, Казиев, 2007). Зимой 2017/18 г. около 1 миллиона вьюрков, которых привлек чрезвычайно обильный урожай буковых орешков, держалось в районе Кавказского заповедника (Перевозов, 2019). Необычайно массовые зимовки наблюдали также в 1880 и 1882 гг. в степях на севере Кабардино-Балкарии (Россиков, 1884а).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

396. Вьюрок корольковый *Serinus pusillus* (Pallas, 1811)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, кочующий зимой вид всех

горных регионов Северного Кавказа (Белик и др., 2016; Белик, 2017д).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в горах по югу Азии, в том числе на Кавказе, в Малой, Передней и Средней Азии и в Гималаях. На юге России распространен во всех горных регионах Северного Кавказа от Краснодарского края до Дагестана.

На северном макросклоне Большого Кавказа этот вьюрок встречается от плато Лагонаки, где в районе гор Фишт и Оштен находится западная граница субальпийских высокогорий (Тильба, Казаков, 1985а; Тильба, Мнацеканов, 2008; Белик, 2017д; Тильба, 2023), до вершин Базардюзю и Шалбуздаг в Дагестане на границе с Азербайджаном (Красовский, 1932). На Боковом хр. вьюрки гнездятся сейчас повсеместно в субальпике от гор Джуга, Бамбак, Дзюва и Ачешбок в Краснодарском крае (Аверин, Насимович, 1938; Белик, 2017д) до Богосского и Самурского хр. на Восточном Кавказе (Красовский, 1932; Насрулаев, 2007). В районе горы Ахмет-Скала на левобережье р. Большая Лаба в Карачаево-Черкесии они проникают на Скалистый хр. (Тильба, 1986), вдоль куэст которого северная граница гнездового ареала тянется на восток вплоть до Внутреннего Дагестана (Билькевич, 1893; Бёме, 1933).

Местами по безлесным скалистым ущельям рек вьюрки проникают на гнездовье к северу от Скалистого хр. вплоть до Кисловодска и Джинальских высот на Меловом хр. (Lorenz, 1887, 2011; Хохлов, Тельпов, 1984; Хохлов, 1990). Пара птиц встречена 15.04.1987 у с. Ильич на р. Уруп в предгорьях Краснодарского края (П.А. Тильба, личн. сообщ.). По Баксану они найдены в низовьях его притока – р. Гунделен, а по Чегему – у с. Нижний Чегем (Белик, 2017д). По ущелью р. Ардон птицы проникают иногда до г. Алагир, а на Тереке выходят в предгорья к с. Балта (Бёме, 1925а, 1926; Комаров, 1991; Комаров и др., 2006).

В XX в. ареал королькового вьюрка значительно расширился на запад, а в Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае его расселение местами продолжается до сих пор. В начале XIX в. Э. Менетрие (Ménétries, 1832) не нашел этого вьюрка в Приэльбрусье; о нем совершенно не упоминал Н.Я. Динник (1886 и др.), который во второй половине XIX в. объездил почти все высокогорья Западного Кавказа и вряд ли мог пропустить эту оригинальную, доверчивую птицу. Позже К.Н. Россиков (1890) специально обращал внимание, что корольковового вьюрка не было в субальпике в верховьях Большой Лабы, Урупа и Большого Зеленчука.

В начале XX в. этого вьюрка на Западном Кавказе не обнаружил ни С.С. Туров (1928, 1932), который в 1926 и 1930 гг. провел в высокогорьях по р. Белой, Малой и Большой Лабе несколько летних месяцев, ни И.И. Пузанов (1949, 2014; Волчанецкий и др., 1962), неоднократно путешествовавший в тот же период по ущельям Мзымты, Кодора, Теберды и др. Лишь в 1935 г. корольковое вьюрка впервые нашли летом на г. Ачешбок, а зимой 1937 г. после больших снегопадов вьюрки появились еще дальше к западу – на р. Киша в бассейне р. Белой (Аверин, Насимович, 1938).

На Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии в 1980-е годы вьюрки были обычны лишь по правобережью Кубани, а на ее левобережье появлялись только в зимний период (Поливанов и др., 2000). Однако позже они были найдены на р. Уруп (Караваев, 2000; Белик, 2017д), а 22-24.08.1985 стаи молодых птиц наблюдали на р. Большая Лаба у куэст горы Ахмет-Скала (Тильба, 1986).

Расселение корольковых вьюрков на запад сопровождалось, вероятно, их адаптацией к новым условиям и кардинальной сменой гнездовых стереотипов. Хотя не исключена и обратная связь: сначала птицы осваивали новые экологические ниши в своих коренных местообитаниях, а в дальнейшем расселялись в соседние районы, где были представлены недавно освоенные биотопы. Однако дальнейшая экспансия на Кавказе, по-видимому, уже невозможна, если только вьюрок не сможет сделать новый кардинальный экологический прорыв и не спустится на гнездование в предгорья и на равнину, как это произошло в свое время в Европе с близким канареечным вьюрком, с коноплянкой и некоторыми другими горно-лесостепными по происхождению видами (Белик, 2017д).

Зимой кочующие стаи этих вьюрков держатся в основном в долинах рек в пределах 700-1800 м н.у.м., откочевывая вниз до Скалистого хр., но нередко они появляются в предгорьях, а после сильных снегопадов вылетают на подгорную равнину, залетая иногда очень далеко от гор (Бёме, 1925а; Хохлов, 1990; Хохлов и др., 2001; Комаров и др., 2006; Караваев, 2020). А на южном макросклоне Большого Кавказа вьюрков несколько раз отмечали зимой в окрестностях Сочи (Тильба, 1986, 2006).

Местообитания. Распространен в лесостепных среднегорьях и высокогорьях, местами спускается в сухие, безлесные низкогорья, занимая высоты от 600-800 до 3000 м н.у.м., но на Центральном Кавказе основная масса птиц гнездится на высоте 1200-2300 м н.у.м. (Бёме, 1925а; Белик, 2017д). Обитает в горной лесостепи с кустарниками, скалами и осыпями среди пастбищ, а также по опушкам лесов у верхней границы лесного пояса. При этом в Северной Осетии вьюрки

приурочены в основном к сухим каменистым склонам с небольшими скалами, осыпями и обрывами среди низкотравных горностепных пастбищ, на которых растут редкие можжевельники и различные колючие кустарники (Комаров, 1991, 2006; Комаров, Липкович, 2000; Комаров, Хохлов, 2003; Комаров и др., 2006).

В Приэльбрусье корольковые вьюрки обитают в старых мозаичных сосняках на древних моренах и на склонах гор у верхней границы леса (Моламусов, 1967; Поливанов, 2000; Белик, 2017д, 2020а), а в Краснодарском крае в верховьях рек Малая Лаба и Белая они держатся в старых пихтарниках (Тильба, Казаков, 1985а; Белик, 2017д). Плотное, чашеобразное гнездо из сухой травы и пуха делают на кустах, преимущественно можжевельнике, местами на ветвях хвойных деревьев, иногда в щелях и нишах скал.

Численность. На Кавказе обычен, местами многочислен. В Европе обитает 280-845 тыс., а в Европейской России на Северном Кавказе численность прежде оценивали в 10-25 тыс. пар (Белик, 2005б; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В начале XXI в. в некоторых регионах на Кавказе отмечали рост численности (Белик и др., 2003). Проведенный в последнее время пересмотр материалов по состоянию популяций этого вьюрка на Северном Кавказе показал, что его численность примерно на порядок выше, чем предполагалось ранее, составляя более 100 тыс. пар (Белик, 2005б, 2017д). В целом нынешняя оценка северокавказской популяции вполне сопоставима с численностью турецких птиц (Birds in Europe …, 2004).

В пригодных для королькового вьюрка среднегорьях Центрального Кавказа на площади около 10.000 км^2, при среднем обилии 6 пар/км^2 (Журавлев, 1990), может гнездиться 60 тыс. пар. По другой оценке, здесь вдоль куэст Скалистого хр. от Лабы до Дагестана на протяжении примерно 400-500 км, при обилии около 10-25 пар/км^2 (Анисимов, 1975; Караваев и др., 2014), может обитать 5-10 тыс. пар. А по семиаридным ущельям Бокового хр. общей протяженностью около 500 км, при среднем обилии 30 пар/км^2 (Афонин, 1985; Поливанов, 2000; Комаров, Хохлов, 2003), гнездится не менее 30 тыс. пар, т.е. всего на Центральном Кавказе обитает, очевидно, от 40 до 60 тыс. пар. В Дагестане, где площадь среднегорий и высокогорий высотой от 1000 до 2500 м н.у.м. составляет в целом 14.900 км^2 (Гуль и др., 1959), при среднем обилии в 6 пар/км^2 (Журавлев, 1990) может обитать до 90 тыс. пар, а всего на Северном Кавказе гнездится, таким образом, около 130-150 тыс. пар (Белик, 2017д).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

397. Вьюрок европейский *Serinus serinus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид, встреченный однажды в Краснодарском крае (Нимчук, 2018). Кроме того, он может проникать на гнездовье в Ростовскую и Волгоградскую обл. из Воронежской обл.

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). Ранее объединялся в один вид с *S. canaria* и *S. syriacus* (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960), которые сейчас рассматриваются как самостоятельные виды.

Распространение. Область Средиземноморья и Западная Европа. В XIX-XX в. европейский вьюрок постепенно расселялся на север и восток Европы (Mayr, 1926; Snow, Perrins, 1998; Атлас …, 2003). В Россию проник с запада в 1974-1976 гг., а сейчас граница ареала достигла Ленинградской, Псковской, Новгородской, Смоленской и Брянской обл. (Snow, Perrins, 1998; Калякин, 2014), а также Воронежа и р. Битюг в центральной части Воронежской обл., где наблюдались пары и поющие самцы, а однажды встречен выводок слётков (Wilson, 1976; Семаго и др., 1984; Соколов, 2011, 2015; Нумеров и др., 2013, 2021). Из Воронежской обл. этот вьюрок может проникать на север Ростовской обл. и северо-запад Волгоградской обл.

На юге России одиночная залетная птица поймана 18.11.2018 на лесной поляне в окрестностях Сочи (N43°39' - E39°44'), и ее определение подтверждено Северокавказской орнитофаунистической комиссией (Нимчук, 2018). Одиночного европейского вьюрка, державшегося в стайке щеглов и коноплянок, наблюдали также в феврале 2006 г. в Кисловодске, но верификация этой птицы не была проведена (Юферева и др., 2011; В.А. Тельпов, личн. сообщ.). Вероятно, расселение европейского вьюрка на восток идет сейчас и в Закавказье, где его недавно нашли на гнездовье в Грузии, а в 2010-2016 гг. несколько раз встречали в зимние месяцы в Армении и Азербайджане (Ананян, Боядjян, 2016; Knaus, 2020).

Местообитания. Характерен для культурных ландшафтов, в том числе садов и городских парков, предпочитая мозаичные местообитания с хвойными и лиственными деревьями, с кустами, дорогами и полянами среди них.

Численность. Европейская популяция насчитывает более 20-30 млн. пар (European birds …, 2017), в Европейской России в начале XXI в. гнездилось 100-1000 пар, а сейчас – 700-1100 пар, демонстрирующих положительные тренды (Мищенко и др., 2004, 2017). На юге России

пока отмечали единичных залетных особей.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

398. Зеленушка обыкновенная *Chloris chloris* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично оседлый и зимующий вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. По разным оценкам, включает от 5 до 10 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). В Европе распространен номинативный подвид, а на Кавказе – *Ch. ch. bilkevitchi* (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

По нашим данным, предкавказские зеленушки в таксономическом отношении представляют собой промежуточную популяцию между *Ch. ch. chloris* и *Ch. ch. bilkevitchi*, стоящую в целом значительно ближе к кавказской форме. Зона интерградации возникла в последнее время в результате вторичного контакта двух форм в ходе их встречного расселения в степное Предкавказье. При этом здесь у многих особей заметны следы скрещивания исходных форм. Размеры зоны интерградации недостаточно ясны. Можно лишь отметить, что промежуточных особей добывали от г. Матвеев-Курган и г. Шахты в Ростовской обл. до Краснодара и Армавира на юге. Фенотипически чистые *Ch. ch. chloris* и *Ch. ch. bilkevitchi* в этой зоне редки. В популяции Ленинского лесхоза в Азовском р-не Ростовской обл. в период с 1970 по 1977 г. прослежено некоторое увеличение доли птиц, близких к *Ch. ch. bilkevitchi* (Белик, 2009).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики к востоку до Урала и Средней Азии. На юге России распространена в бассейне Дона и Волги и на Северном Кавказе, а в XX в. птицы широко заселили степное Предкавказье, Калмыкию и дельту Волги, прежде всего города, посёлки и сёла, где имеются древесные насаждения и водопои (Белик, 2009; Цапко и др., 2009; Реуцкий, 2015).

В начале XX в. зеленушки были обычны в низовьях Дона (Сарандинаки, 1909; Варшавский, 1965; Белик и др., 2013), а на юге и юго-востоке Ростовской обл. впервые найдены лишь в 1950-е годы (Миноранский, 1962; Петров, Казаков, 1970; Казаков, 2022). В Калмыкии они появились в 1960-е годы (Кузнецов, 1968), а в дельте Волги – в 1970-е годы (Реуцкий, 2015). К концу XX в. зеленушки заселили также лесистые

низовья р. Еруслан в Волгоградском Заволжье (Шаповалова, Завьялов, 2009; Завьялов и др., 2011), но в лесонасаждениях полупустынного Приэльтонья они еще не гнездятся (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009).

На Кавказе зеленушка широко распространена в садах и парках всех населенных пунктов по Черноморскому побережью (Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2006; Белик, 2015а; Белик и др., 2017; и др.) и среди мозаичных лесонасаждений с кустарниковыми опушками в полосе северных предгорий, а по лесистым долинам рек проникает также на подгорные равнины. Реже зеленушки встречаются в низкогорьях, заселяя пойменные леса, луговые опушки, города и сёла в речных долинах; по горной лесостепи в среднегорьях местами птицы проникают до Северо-Юрской и изредка – до Южно-Юрской депрессии, а по широким ущельям крупных рек иногда достигают их верховий: пос. Красная Поляна по р. Мзымта, пос. Эльбрус по Баксану, г. Теберда, аулов в верховьях р. Урух в Северной Осетии (Тильба, 2006; Караваев и др., 2015, 2017; Белик, 2016а, 2020а; и др.). Не найдены зеленушки лишь в сухих горах Дагестана, кроме более влажных предгорий (Красовский, 1932; Бёме, 1933; Насрулаев, 2006; Девятко, Джамирзоев, 2012; Белик, Насрулаев, 2019).

Зимуют зеленушки сейчас на территории всей Южной России, но держатся скрытно, кочуя в осенне-зимний период обычно небольшими стайками по полям, лесополосам, зарослям лоха и ягодных кустарников. Лишь временами они собираются большими стаями в местах постоянных ночёвок (Ломакин, Белик, 2008; Завьялов и др., 2011). В северных регионах большая часть птиц зимой отлетает на юг. Зимовки в степных районах начали формироваться сравнительно недавно, а в начале XX в. зеленушки зимовали здесь редко (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Радищев, 1926; Реуцкий, 2015). Видимые сезонные миграции на юге России практически не выражены.

Местообитания. На Кавказе широко распространена по опушкам в лесостепных предгорьях и низкогорьях, а по долинам рек проникает в среднегорья, доходя до 1200-1300 м н.у.м. (Бёме, 1926; Дементьев, Гладков, 1954), местами до 1600-1800 м н.у.м. (Белик, 2016а; Караваев и др., 2017а). Сплошных лесных массивов в среднегорьях обычно избегает. На равнинах обитает в разных типах лесов, предпочитая кустарниковые опушки пойменных насаждений рядом с полянами и лугами. Повсеместно очень характерна для городских и сельских садов и парков, особенно с куртинами декоративных елей. Изредка гнездится в лесополосах. Небольшое гнездо из сухой травы вьёт на кустах или в кронах деревьев, часто – на елях.

Численность. На юге России обычна. В Европе обитает 21,6-33,1 млн., а в Европейской России – 1,3-2,8 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 100-300 тыс., в том числе около 45 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). Значительный рост популяций происходил во второй половине XX в. в связи с расселением птиц по городам и посёлкам, а также по искусственным лесонасаждениям степной зоны (Белик, 2009; Казаков, 2022). Увеличение численности на Кавказе прослеживалось и в начале XXI в. (Белик и др., 2003).

В степном Придонье обилие зеленушек в байрачных лесах составляет в среднем 3,5, в пойменных – 4,5, а в искусственных лесных массивах – 0,8 пар/км^2 (Белик, 2000а). В пойменных лесах на Среднем Дону гнездится в среднем 0,6 пар/10 га (Гудина, 2019). В лесах на Ставропольской возв. в течение 1970-х – 2000-х годов прослежено увеличение средней численности с 1,1 до 2,9 пар/км^2 (Костенко, 2012). На Западном Кавказе в низкогорных лесах учитывали от 2 до 16 ос./км^2 (Перевозов, 2010), а в посёлках и в лесах на приморской низменности было 36-43 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). В Карачаево-Черкесии в маеиюне в парке Черкесска учитывали до 106-108 ос./км^2, в стан. Зеленчукской – 11-12 ос./км^2, в Сторожевой – 9 ос./км^2, а в Преградной – 10-13 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев и др., 2013). В Северной Осетии на равнине и в предгорьях гнездовое обилие колеблется в пределах 1-9 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

На зимних ночёвках местами собираются огромные скопления зеленушек. Так, в Черебаевской пойме на левобережье Волгоградского вдхр. у границы с Саратовской обл. зимой 2007/08 г. на островах ночевало около 27-33 тыс. птиц, разлетавшихся на кормежку по ближайшим полям и залежам (Завьялов и др., 2011).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

399. Чиж *Spinus spinus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, кочующий зимой вид всех горных регионов Южной России и зимующий в равнинных регионах (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в лесном поясе Северной Евразии, а также в горах Кавказа и Передней Азии. До середины XX в. ареал чижа в

Средней Сибири имел значительный разрыв между западным и дальневосточным участками (Дементьев, Гладков, 1954), но во второй половине XX в. чиж довольно быстро расселился по югу Средней Сибири и Прибайкалья, заполнив дизъюнкцию, причем наблюдалась встречная экспансия как западных, так и восточных популяций (Баранов, 2012).

На юге России чиж распространен в горах Большого Кавказа. На западе он заселяет в основном темнохвойные и сосновые леса, а на Центральном и Восточном Кавказе, где ель и пихта отсутствуют, гнездится только в сосняках. Приурочен к Боковому и отрогам Водораздельного хребта, а на Центральном Кавказе, возможно, изредка проникает на Скалистый хр. (Хохлов, 1990, 1993; Поливанов и др., 2000; Джамирзоев и др., 2014; Белик, Аккиев, 2023). Западная граница ареала в Краснодарском крае не прослежена. Возможность гнездования чижа на Абрауском полуострове (Атлас …, 2020) нуждается в подтверждении; прежде летом он там не отмечался (Пузанов, 1938; Белик, 2013в). На востоке встречается в сосняках на хребтах известнякового Внутреннего Дагестана, а также на юге в среднегорьях сланцевых хребтов (Билькевич, 1893; Насрулаев, 1990, 2006; Букреев и др., 2007; Девятко, Джамирзоев, 2012).

Ареал европейской популяции доходит к югу до Воронежской обл., где гнездование известно у Воронежа, а с конца XX в. – и в Хреновском бору; чиж указан там также для сосновых лесов Петропавловского и Новохоперского р-нов (Нумеров и др., 2021), т.е. по борам на песчаных террасах Дона и Хопра он может проникать в Ростовскую и Волгоградскую обл. В последние десятилетия гнездовья чижа выявлены также на севере Саратовской обл. (Завьялов и др., 2011).

В равнинных регионах на юге России чиж отмечается пока только на осенне-зимних кочевках, задерживаясь весной в степных районах иногда до середины мая, а на Нижнем Дону в пойменном лесу у г. Семикаракорск слабо певший чиж встречен даже 14.06.1990, однако позже он там исчез (Белик и др., 2001). В дельте Волги стайку из 12 птиц однажды встретили также 29.07.1975 (Реуцкий, 2015).

Местообитания. На Кавказе распространен в хвойных лесах среднегорий. Гнездится в темнохвойных и сосновых лесах, устраивая на ветвях деревьев среди хвои плотные, чашеобразные гнезда из сухой травы, мха и др. В гнездовой период держится весьма скрытно. Зимой на равнинах и в горах кочует стаями в основном по долинным ольшаникам, где кормится семенами ольхи, реже встречается в березняках, а также по опушкам лесов и лесополос в степи, где собирает семена сорняков.

Численность. На Кавказе немногочислен или редок. В Европе обитает 13,6-21,1 млн., а в Европейской России – 10-15 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в горах Северного Кавказа численность оценивали в 5-25 тыс. пар (Белик, 2005б). В сосновых лесах Новохоперского и Петропавловского р-нов Воронежской обл. обилие чижей летом составляет 2,7 и 7,6 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021).

На Западном Кавказе в среднегорных буково-пихтовых лесах летом учитывали до 4-8 ос./км^2, в сосняках на верхней границе лесов – до 49 ос./км^2, а в буковом криволесье – 11-30 ос./км^2 (Перевозов, 2010). По другим данным, там же было учтено 6,2 ос./км^2 в буково-пихтовых лесах и 56,2 ос./км^2 в сосновых лесах (Тильба, Казаков, 1985). В Тебердинском заповеднике в сосновых лесах было в среднем 48,4, в темнохвойных – 24,0, а в хвойно-лиственных – 10,4 ос./км^2 (Поливанов, 2000). В сосновых лесах Кабардино-Балкарии обилие чижей достигает 38 ос./км^2 (Афонин, 1985), а в сосняках Северной Осетии – 4-26 пар/км^2. Зимой же там учитывали 21-110 ос./км^2, в горно-долинных ольшаниках – до 570 ос./км^2, а в пойменных лесах на подгорной равнине – 1651-2187 ос./км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Осенью в значительном числе отлавливается для содержания в неволе.

400. Щегол черноголовый *Carduelis carduelis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, частично оседлый и зимующий вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Щегол как надвидовой комплекс объединяет 2 группы подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Dickinson, Christidis, 2014), которые сейчас обычно признаются самостоятельными видами *C. carduelis* и *C. caniceps* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006). К черноголовым щеглам относят 10-14 подвидов, в том числе номинативный, распространенный в Европе к востоку до Урала, *C. c. colchicus*, приуроченный к Северному Кавказу, и *C. c. brevirostris*, обитающий в Закавказье (Степанян, 2003). Кроме того, особая форма *C. c. nikolskii*, в летнем оперении отличающаяся коричнево-бурой окраской спины, распространена в Крыму (Портенко, 1960). По нашим данным, птицы из степного Предкавказья стоят очень близко к крымскому *C. c. nikolskii*, а зона его интерградации с *C. c. carduelis* проходит где-то по правобережью Нижнего Дона, откуда имеются как

промежуточные, так и фенотипически чистые *C. c. carduelis* и *C. c. nikolskii* (Белик, 2009). Форма *C. c. colchicus* населяет, вероятно, лишь Черноморское побережье Кавказа и Западное Закавказье, а в Восточном Закавказье обитает наиболее бледный, землистый *C. c. brevirostris*, частично проникающий на юг Дагестана (Коблик и др., 2006; Белик, 2009; Джамирзоев и др., 2017а).

Распространение. Черноголовый щегол гнездится на западе Евразии от Атлантики до Енисея, а также на севере Африки, в Малой и Передней Азии и на Кавказе. На юге России он распространен во всех регионах как на равнинах, так и в горах Кавказа.

Щегол повсеместно обычен в лесистых районах бассейна Дона; в середине XX в. началось активное заселение степного Поволжья и к концу XX в. щеглы достигли низовий р. Еруслан в Волгоградском Заволжье (Завьялов и др., 2011). По долине Волги щеглы изредка проникают до ее дельты (Хлебников, 1928; Луговой, 1963; Реуцкий, 2015), в XX в. заселили почти всю Калмыкию (Кукиш, 1982; Цапко и др., 2009). В степном Предкавказье щеглы издавна гнездятся в культурном ландшафте, особенно охотно в садах и парках селений и в различных насаждениях в их окрестностях (Россиков, 1884а; Динник, 1886; Сарандинаки, 1909; Бёме, 1925; Кистяковский, 1932; Будниченко, 1955, 1960; Рашкевич, 1957; Казаков, 1960, 1974, 2022 и др.; Очаповский, 1967, 2017; Белик, 2009; и др.).

На Кавказе щеглы распространены на всех хребтах от Тамани до Дагестана, встречаясь от лесостепных предгорий до верхней границы лесного пояса в среднегорьях, а также по Черноморскому побережью. В глубину гор проникают в основном по широким речным долинам с садами и парками в городах и селениях, с фермами и кошарами среди пастбищ. На верхней границе леса встречаются в сосняках, а вдали от них обычно отсутствуют (Белик, Аккиев, 2023). В верховьях Кубани щеглы поднимаются на гнездовье до г. Теберда (1350 м н.у.м.), на Баксане – до пос. Эльбрус (1800 м), на Чегеме – до сосняков в ур. Башиль (2100 м), на р. Урух – выше аула Куссу (1800 м) в Северной Осетии (Караваев и др., 2015, 2017; Белик, 2016а, 2020а; Белик, Аккиев, 2023). В верховьях Терека щеглов отмечали на Крестовом перевале (2400 м), а в горах Дагестана их наблюдали у ферм на субальпийских пастбищах вплоть до 2300 м н.у.м. (Динник, 1886; Бутьев, Лебедева, 1992).

Кавказские щеглы зимуют в горах, но значительная часть птиц спускается в предгорья. В Придонье, Поволжье и Предкавказье собираются на зимовку также стаи птиц номинативного подвида из более северных регионов, держащиеся несколько обособленно от кавказских щеглов (Радищев, 1926). Сезонные миграции щеглов на Нижнем Дону

идут обычно стаями; птицы летят днем в меридиональном направлении (Белик, 1999а).

Местообитания. На равнине спорадично гнездится по опушкам различных лесов и редколесий, предпочитая старые сосняки, встречается также в лесополосах, но особенно характерен для сельских садов и скверов, местами гнездится в городских парках. На Кавказе широко распространен в селениях среди лесостепных предгорий и низкогорий, а по сельским садам в долинах рек проникает в среднегорья; по опушкам сосняков встречается до верхней границы лесного пояса. В горах распространен до 2100-2400 м н.у.м. (Динник, 1886; Бутьев, Лебедева, 1992; Белик, Аккиев, 2023). Небольшое плотное гнездо из белого растительного пуха делает обычно на тонких ветвях деревьев. Кормится на пустырях в основном семенами сорняков (чертополох, лопух, осот и др.), в полях часто поедает семена подсолнечника.

Численность. На юге России обычен, местами немногочислен. В Европе обитает 27,8-42,7 млн., а в Европейской России – 1,0-2,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 200-500 тыс., в том числе более 40 тыс. в Ростовской обл. и не менее 150 тыс. пар на Ставрополье (Хохлов, 1990; Белик, 2000а, 2005б). В бассейне Дона в начале XXI в. прослеживалась тенденция к росту численности (Белик и др., 2003).

В байрачных лесах степного Придонья обилие птиц составляет в среднем 1,8 пар/км^2 (Белик, 2000а), а в сёлах встречается от 1 до 5-7 пар на 1 км маршрута, или до 2 пар/га (Белик, 2001а, 2005а; Белик и др., 2001). В сёлах Ставрополья гнездится до 3-10 пар на 1 км маршрута (Хохлов, 1990), а в лесах на Ставропольской возв. в течение 1970-х - 2000-х годов обилие птиц сократилось в среднем с 4,5 до 0,3 пар/км^2 (Костенко, 2012). В лесах в низовьях р. Уруп в Краснодарском крае учитывали 14 ос./км^2 (Тильба, Мнацеканов, 1989).

На Черноморском побережье Кавказа обилие составляет 5 ос./км^2, а в сосняках в верховьях р. Малая Лаба – 3 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985; Перевозов, 2010). В парке Черкесска было 8-19 ос./км^2, а в станицах по Северо-Юрской депрессии – от 12 до 37 ос./км^2, тогда как в пойменных лесах там же в мае-июне учитывали 20-50 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев и др., 2013). В Северной Осетии в предгорьях гнездится 1-2 пары/км^2, а в среднегорьях – 1 пара/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Осенью в значительном числе отлавливается для содержания в неволе.

401. Коноплянка *Acanthis cannabina* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, частично оседлый и зимующий вид почти всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. По разным оценкам, выделяют 7-9 подвидов, распространение которых часто рассматривается по-разному (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Согласно последней ревизии (Редькин, Коновалова, 2005), коноплянка включает 10 форм, в том числе темную *A. c. cannabina*, обитающую в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Енисея, две светлые, относительно древние формы *A. c. fringillirostris* и *A. c. bella*, распространенные в горах Средней Азии и в сухих Переднеазиатских нагорьях, а также более молодые подвиды *A. c. kudashevi* и *A. c. taurica*, отделившиеся от *A. c. bella* в горах Кавказа и Крыма.

Таким образом, считается, что на Большом Кавказе и в Предкавказье гнездится *A. c. kudashevi* (Редькин, Коновалова, 2005), а зона ее интерградации с *A. c. cannabina* проходит через Нижний Дон и северные районы Краснодарского и Ставропольского края (Белик, 2009; Казаков, 2022). Однако кавказские птицы населяют в основном горные степи и лесостепь, а на подгорную равнину летом, по-видимому, практически не выходят (Динник, 1886; Л. Бёме, 1926; Радищев,1926; Р. Бёме, 1958; Жарова, Жаров, 1962; Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000; Очаповский, 2017; и др.). Поэтому можно полагать, что степное Предкавказье заселялось в XX в. с севера, вероятно, птицами номинативного подвида, а кавказские птицы лишь сравнительно недавно проникли на Ставропольскую возв. через сухие степные предгорья в районе КавМинВод (Бёме, 1958; Жарова, Жаров, 1962; Хохлов, Тельпов, 1984; Хохлов, 1990; Казаков, Белик, 1996; Белик, 2019а).

Частично изолированная популяция, обитающая в аридных низкогорьях на Черноморском побережье у Новороссийска (Пузанов, 1938; Белик, 2013в; Тильба, 2016; Белик и др., 2017; и др.), связана, возможно, с крымскими коноплянками.

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Енисея, а также на севере Африки, в Малой, Передней и Средней Азии и на Кавказе. На юге России распространена в лесистых районах бассейна Дона и Кавказа. В прошлом широко населяла также кустарники в степях к югу до Азовского моря и Нижнего Дона (Боровиков, 1907; Аверин, 1911; Вальх, 1911; Рашкевич, 1957; Петров, 1963; Варшавский, 1965; Петров, Казаков, 1970; Петров, Курдова, 1973; Белик и др.,

2013). На Среднем Дону до 1980-х годов гнездилась к югу до р. Иловля в Волгоградской обл. (Кубанцев, Чернобай, 1982), а сейчас проникла уже до Волгограда; спорадично встречается также в степном Заволжье (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Линдеман и др., 2005; Завьялов и др., 2011; Белик и др., в печати).

Во второй половине XX в. птицы начали заселять Западное Предкавказье к югу от Нижнего Дона, осваивая для гнездования в основном сельские посёлки, и к концу 1970-х годов достигли Кубани и долины Маныча (Рашкевич, 1957; Белик, 2009; Казаков, 2022; и др.), а в 2008-2009 гг. проникли уже на гнездование в Элисту на Ергенях (Музаев, Эрдненов, 2010). В этот же период происходило, вероятно, и заселение степного Ставрополья, где ранее коноплянка отсутствовала (Динник, 1886; Федоров, 1955; Жарова, Жаров, 1962; Хохлов, 1990; Доронин, Костенко, 2013).

На Кавказе коноплянка гнездится в основном в аридных котловинах Восточного и Центрального Кавказа к западу до Теберды и долины р. Уруп (Поливанов и др., 2000; Пекло, Тильба, 2007; Очаповский, 2017; Белик, 2019а, 2020а), местами выходя в степные предгорья (Бёме, 1958; Жарова, Жаров, 1962; Хохлов, Тельпов, 1984). На лесистом Западном Кавказе коноплянок в горах практически нет; более обычны они лишь в аридных низкогорьях в районе Анапы - Новороссийска - Геленджика, куда птицы могли расселиться через Тамань из Крыма (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2013в; Перевозов, 2014; Тильба, 2016; Белик и др., 2009, 2017; Очаповский, 2017). Отсюда вдоль побережья моря отдельные, спорадичные пары проникают на восток до р. Джубга, Пицунды и Сухума (Бернацкий, 1958; Волчанецкий и др., 1962; Plath, 1986; Белик, 2015а).

На Центральном Кавказе коноплянки довольно обычны на степных пастбищах в Северо-Юрской депрессии, а по широким речным ущельям поднимаются вверх до Южно-Юрской депрессии. В верховьях Кубани они найдены у г. Теберда, на Баксане – у пос. Эльбрус (1800 м н.у.м.), на р. Урух в Северной Осетии – у аула Куссу (1700 м), на Тереке – у с. Коби (2000 м) в Грузии (Бёме, 1958; Белик, 2016а, 2020а; Караваев и др., 2017). В горах Дагестана коноплянки нередки на степных пастбищах в аридных котловинах, на субальпийских плато и перевалах вплоть до 2300-2700 м н.у.м. (Красовский, 1932; Бёме, 1933; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2003, 2006; Джамирзоев и др., 2018; Белик, Насрулаев, 2019).

Кавказские коноплянки зимуют в горах, спускаясь при сильных снегопадах в предгорья. На юг России, в Предкавказье, Придонье и Поволжье,

собираются на зимовку птицы номинативного подвида из более северных регионов. Кочующие коноплянки обычно держатся стаями на пастбищах и пустырях. Видимые сезонные миграции этих птиц на юге России выражены слабо.

Местообитания. В степях в прошлом населяла в основном пойменные кустарники (Боровиков, 1907; Аверин, 1911; Вальх, 1911; Стаховский, 1948; Петров, 1963; и др.), отсутствуя в безлесных степных районах Предкавказья (Дементьев, Гладков, 1954). Его заселение началось, по-видимому, во второй половине XX в., причем здесь, как и в других степных районах, коноплянка расселяется в первую очередь по садам и скверам селений, что объясняется, вероятно, острой потребностью птиц в постоянных водопоях (Козлова, 1975; Абдусалямов, 1977), а также в обильном весеннем семенном корме на пустырях. Местами гнездится также в искусственных лесонасаждениях, особенно в молодых сосновых посадках. На Кавказе распространена в основном в сухих горных степях по речным ущельям, местами встречается в лесостепных ландшафтах предгорий и низкогорий, гнездясь в разреженных кустарниках (можжевельники, барбарис, шиповник и др.), в молодых сосняках, по опушкам разреженных лесов, а также в сёлах. Высокотравных лугов обычно избегает. Вверх поднимается до 2400-2700 м н.у.м. (Динник, 1886; Бутьев, Лебедева, 1992). Рыхлое гнездо из сухой травы вьёт обычно на кустах или небольших деревьях, иногда – в траве, на изгородях и др.

Численность. На юге России немногочисленна, местами обычна. В Европе обитает 17,6-31,9 млн., а в Европейской России – 0,5-0,8 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 15-50 тыс., в том числе более 8 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). Популяции на юге России в начале XXI в. были, по-видимому, относительно стабильны (Белик и др., 2003).

Обилие птиц в байрачных лесах степного Придонья составляет в среднем 1,3 пар/км^2, а в искусственных лесонасаждениях – 1,0 пар/км^2 (Белик, 2000а). На Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии в июне 1997 г. в лесах учитывали 17 ос./км^2, а на горных лугах – до 44 ос./км^2 (Караваев, 2000). На субальпийских пастбищах возле с. Куруш на юге Дагестана среднее обилие конопляно к в июле 1991 г. составляло 31 ос./км^2 (Бутьев, Лебедева, 1992). В молодых сосновых посадках на Ставропольской возв. в мае 1969 г. мы учли 5 пар на трансекте 150×10-15 м, т.е. обилие достигало 22-33 пар/га (Казаков, Белик, 1996).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

402. Чечетка горная *Acanthis flavirostris* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий зимой вид высокогорий Центрального и Восточного Кавказа и залетный на Западном Кавказе, а также в степях Волгоградской и Астраханской обл. и в Калмыкии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Исходно связана с Западной Палеарктикой, где эволюционировала в плиоцене среди кустарников в сухих предгорьях (Козлова, 1975). Поэтому ее следует относить, очевидно, к лесостепному комплексу Европейского типа фауны, но не к Номадийскому типу, как предполагалось ранее (Белик, 2013а).

Таксономия. Включает 9-11 подвидов, в том числе *A. f. brevirostris*, обитающий в Малой и Передней Азии и на Кавказе, а также заметно более светлый *A. f. kirghizorum*, характерный для степей Северного Казахстана (Дементьев, Гладков, 1954; Dickinson, Christidis, 2014). Иногда степных чечеток объединяют с горной туркестанской формой *A. f. korejevi* (Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Имеет реликтовый, дизъюнктивный ареал, состоящий из нескольких изолированных участков, населенных эндемичными подвидами: Великобритания; Скандинавия и Кольский полуостров; Кавказ; горы Центральной и Средней Азии; Алтай и Тува, а также степи на севере Казахстана.

На юге России обитает в субальпийском и альпийском поясах Кавказа, где распространена к западу до Карачаево-Черкесии, встречаясь в Приэльбрусье и в верховьях р. Теберда, а по Скалистому хр. доходит до горы Бермамыт и верховий р. Кума (Lorenz, 1887, 2011; Ткаченко, 1966; Fischer, 1976; Забашта, Касаткин, 1998; Белик, 2006, 2020; Караваев, Хубиев, 2013; Караваев и др., 2014, 2015). Западнее отмечались лишь небольшие залетные стайки 21.06.1933 и 18.08.1933 на р. Киша и горе Тыбга на юге Адыгеи (Аверин, Насимович, 1938) и 21.11.1989 на плато Лагонаки (Мнацеканов, 1991).

На Центральном Кавказе чечетка гнездится в высокогорьях на Водораздельном, Боковом и Скалистом хр., а в Дагестане довольно обычна в высокогорьях южных сланцевых хребтов и значительно реже встречается в аридном известняковом Внутреннем Дагестане (Россиков, 1884б; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2006; Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2018; Белик, Насрулаев, 2019).

Степная чечетка была найдена среди бугристых песков на юге Волго-Уральского междуречья в Казахстане, где распространена к северо-западу до Камыш-Самарских озер и изредка до Саратовской обл. (Волчанецкий, 1937; Гаврилов и др., 1968; Завьялов и др., 2011). Зимой кочующие

птицы залетают оттуда до Волги, где этих чечеток трижды встречали 20.12.2014, 06.01.2015 и 03.01.2022 у Волгограда (Пименов, Жменя, 2015; Д.В. Глущенко, личн. сообщ.; фото), а на горе Улаган в окрестностях пос. Эльтон возможно их гнездование. Сведения же о гнездовании этих птиц в районе Сарпы – Сарепты (Самородов, 1982) связаны с ошибочным цитированием чужих данных (Белик, 2017б, 2022а).

В Астраханской обл. эту чечетку отмечали зимой (Seebohm, 1882), в том числе 2 стайки по 20-30 особей встречены 29.01.1959 у Астрахани (Луговой, 1963). Имеются сообщения о неоднократных встречах стаек этих птиц в дельте Волги и на юге Астраханской обл. 16.01.1980 и в зимние сезоны 2000-2005 гг. В дельте Волги известны регистрации птиц и в гнездовой период: 26.05.1956 добыта взрослая самка, а 09.05.1959 добыт взрослый самец; 19.05.1969 встречена стайка из 20 птиц; пару птиц наблюдали 18.04.-15.05.1974 на Дамчикском участке Астраханского заповедника, а 7 июня там же видели одну птицу (Реуцкий, 2015). Если только в этих наблюдениях не было ошибок в определении чечеток, то можно предполагать их проникновение на гнездовье на Бэровские бугры в дельте Волги.

Зимние залеты степных чечеток отмечены и в Калмыкии, где 3 стаи этих птиц наблюдали 22 и 27.01.1970 у Лысого лимана на Маныче, а также на побережье Каспия к северу от устья р. Кума и у г. Лагань, где были добыты 3 птицы (Самородов, 1981).

Зимой чечетки кочуют обычно в районах гнездования, кормясь семенами травянистых растений, но на Кавказе после сильных снегопадов они спускаются в среднегорья, а иногда в массе вылетают в степные предгорья (Моламусов, 1967; и др.).

Местообитания. Гнездится в субальпийских и альпийских высокогорьях Восточного и Центрального Кавказа на высоте 2000-3500 м н.у.м. (Дементьев, Гладков, 1954; Бёме, 1958; Бутьев, Лебедева, 1992; Комаров, 2007в; Белик, 2016а), местами спускается в аридные котловины среднегорий. По наблюдениям в Кабардино-Балкарии, чечетки обычны в ущельях уже на высоте 2000 м н.у.м., в основном же держатся выше 2300 м, но на кормежку могут спускаться в долины до 1700-1800 м (Белик, Аккиев, 2023). Зимой стаи вылетают иногда в степные предгорья к Нальчику и Владикавказу на высоту около 500-700 м н.у.м. (Л. Бёме, 1926; Радищев, 1926; Р. Бёме, 1958). Обитают в основном на низкотравных пастбищах с кустами можжевельника, шиповника, рододендрона и с порослью сосны и березы, а также в каменистых горных степях. В Заволжье предпочитают залежные участки среди песков, заросшие песчаной полынью и бурьянами, обычно поблизости от

водопоев (Волчанецкий, 1937; Гаврилов и др., 1968). Плотное чашеобразное гнездо из сухих травинок и пуха устраивает на кустах невысоко над землей, иногда на траве и даже на земле под травой.

Численность. На Кавказе немногочисленна, местами довольно обычна. В Европе обитает 164-756 тыс., а для Европейской России приводили 2-5 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивалась аналогично в 2-5 тыс. пар, в том числе 180-200 особей – в Карачаево-Черкесии (Белик, 2005б, 2014; Караваев, Хубиев, 2013).

На Скалистом хр. в верховьях р. Кума обилие птиц в марте составляло 4-17, в мае – 6, а в декабре – 10 ос./км^2 (Караваев и др., 2014). На субальпийском плато Бечасын в Приэльбрусье 18.06.2007 мы учли 22 птицы на 5 км маршрута, а под куэстами горы Бермамыт на Скалистом хр. 14.06.2006 было учтено до 9 пар на 4 км.

В субальпике Кабардино-Балкарии были учтены 3 ос./км^2 (Афонин, 1985). В Северной Осетии на моренах у ледников учитывали 7,6-12,0, а на лугах в горных котловинах – 32,1-38,4 пар/км^2 (Комаров, 2007в). В верховьях Терека наблюдали 2-3 пары/га (Бёме, 1958), а в конце лета 1960 г. там в речных долинах учитывали от 96 до 493, в среднем 278 ос./км^2 (Второв, 1962). На субальпийских пастбищах Дагестана в июле 1991 г. было в среднем 5 ос./км^2 (Бутьев, Лебедева, 1992).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Карачаево-Черкесии (3 категория) как краеареальный вид, но в целом по Северному Кавказу в особой охране, по-видимому, не нуждается. Необходима организация более тщательного мониторинга популяций в разных регионах Кавказа.

403. Чечетка обыкновенная *Acanthis flammea* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Зимующий вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Брунов, 1980; Кищинский, 1988).

Таксономия. Включает 3-4 подвида, в том числе номинативную форму, распространенную кругополярно в тайге и тундрах Евразии и Северной Америки (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Ранее объединялась в один вид с пепельной чечеткой (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960).

Распространение. Гнездится на севере Евразии и Северной Америки, в Гренландии, а также в Великобритании, Альпах и Карпатах, где обитает обособленная форма *A. f. cabaret* (Marthinsen et al., 2008). На юге

России встречается только на осенне-зимних кочевках, изредка долетая к югу до предгорий Кавказа и дельты р. Самур на юге Дагестана и иногда встречаясь в горах вплоть до Эльбруса (Lorenz, 1887, 2011; Птушенко, 1915; Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; Ткаченко, 1966; Моламусов, 1967; Бутьев, Лебедева, 1989; Хохлов, 1990; Поливанов и др., 2000; Хохлов и др., 2001; Очаповский, 2017; Белик, Аккиев, 2023; и др.).

У Сарепты в начале XX в. чечетки пролетали на юг в сентябре-октябре, а весной отмечались в марте-апреле (Лорец, 1928). В середине XX в. в Приэльтонье они появлялись осенью с конца сентября (28.09.1966), чаще – в октябре, а весной встречались до марта, а иногда до начала мая (02.05.1966) (Линдеман, 1971). В окрестностях Волгограда в 1988-2022 гг. чечетки прилетали на зимовку в 20 из 35 сезонов, причем в конце XX в. они встречались более регулярно (10 из 13 зим), чем в начале XXI в. (11 из 22 зим). Осенью птицы появляются там в период с 20.10. по 20.11., в среднем (n=18 лет) – 4 ноября. Но иногда первых птиц встречали лишь в конце января – начале марта (27.02.1997; 05.03.2004; 30.01.2019) (Белик и др., 2023).

Местообитания. В тундрах гнездится обычно на кустах среди зарослей ивы и березы, а в таежной зоне – на кустах и деревьях в заболоченных еловых редколесьях с кустарниками на полянах или на заболоченных лугах у озер и рек. На зимовках часто держится в березняках или ольшаниках, расклевывая сережки на деревьях, а также на пустырях и по окраинам полей, где кормится семенами сорняков. В горах Кавказа отмечалась до высоты 2000 м н.у.м. (Моламусов, 1967).

Численность. В Европе обитает 6,1-14,5 млн., а в Европейской России – 4,8-10,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В черноземной полосе России в Воронежской и Саратовской обл. чечетка считается обычным зимующим видом (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Завьялов и др., 2011; Нумеров и др., 2021), но на севере Ростовской обл. – это немногочисленный зимующий вид (Ломакин, Белик, 2008). По мнению А.Ю. Соколова (личн. сообщ.), численность чечетки на зимовке в Воронежской обл. в последние 10-15 лет тоже значительно снизилась, и она в небольшом числе регулярно появляется сейчас лишь на севере региона, а в его центральной части встречи отмечаются не ежегодно, причем сравнительно массовые инвазии происходят только раз в 7-10 лет. В Волгоградской обл. чечетка отнесена к очень многочисленным пролетным и многочисленным зимующим видам (Чернобай, 2004), что не подтверждается современными конкретными наблюдениями.

В степных районах Волгоградского Заволжья птицы более многочисленны, чем в полупустынях Приэльтонья, где иногда их указывали как

редкий залетный вид (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Линдеман, 1971; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и др., 2009). В окрестностях Волгограда и г. Волжского в период с 1988 по 2017 г. чечетки прилетали на зимовку в 19 из 30 сезонов, причем в конце XX в. они встречались более регулярно (10 из 13 зим), чем в начале XXI в. (9 из 17 зим), а в 2011-2015 гг. их не отмечали там вовсе (Белик и др., в печати). Южнее, в Астраханской обл., чечетки появляются в небольшом числе и не ежегодно, только в суровые и многоснежные зимы (Реуцкий, 2015).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

404. Чечетка пепельная *Acanthis hornemanni* (Holböll, 1843)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Волгоградской обл. и Ставропольского края (Пекло, 2002; Хохлов, Ильюх, 2005; Белик и др., 2016; Пименов, Жменя, 2019).

Зоогеографические связи. Представитель гипоарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Включает 2 подвида, в том числе *A. h. exilipes*, распространенный на севере Евразии (Степанян, 2003). Иногда пепельную чечетку объединяют в один вид с обыкновенной чечеткой (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; и др.).

Распространение. Гнездится в лесотундрах и тундрах Евразии и Северной Америки и Гренландии. На юге России несколько раз отмечались залетные птицы. Впервые пепельная чечетка была добыта 06.01.1912 в Волгоградской обл., предположительно в Камышинском р-не (Пекло, 2002). Еще одна пепельная чечётка отловлена 16.02.2019 в Городищенском р-не Волгоградской обл. в большой стае обыкновенных чечёток, которые кормились возле лесополосы на заснеженном поле (Пименов, Жменя, 2019). Наконец, пепельная чечетка, державшаяся в стайке из 11 обыкновенных чечеток, поймана 19.10.2019 у хут. Вертячий Калачёвского р-на (Белик и др., 2023).

В середине января 1985 г. стайка из нескольких десятков чечеток с белой поясницей, из которых отловили 10 особей, несколько дней держалась в старом, заросшем сорняками карьере у Ставрополя. Этих птиц отмечали и в последующие зимы, вплоть до 1992 г., а 17.01.2001 там вновь появилась стайка из 30 птиц (Хохлов, Ильюх, 2005). Сведения же о крупном скоплении пепельных чечеток с белыми поясницами, встреченных 04.02.1992 у Кисловодска (Хохлов, Ильюх, 2005), могут относиться, возможно, к горным чечеткам, залетевшим из Приэльбрусья в предгорья.

Местообитания. Гнездится среди низкорослых кустарников в тундрах и

лесотундрах. На зимних кочевках держится обычно вместе с обыкновенными чечетками.

Численность. На севере Европейской России гнездится 80-150 тыс. пар (Мищенко и др., 2017). На юге России зимой случайно встречаются немногочисленные залетные птицы, обычно держащиеся в стаях обыкновенных чечеток. На севере Казахстана, по данным Л.Б. Бёме, соотношение зимующих пепельных и обыкновенных чечеток составляло примерно 1:200 (Дементьев, Гладков, 1954).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

405. Чечевичник краснокрылый *Rhodopechys sanguinea* (Gould, 1838)

Характер пребывания. Очень редкий залетный, возможно гнездящийся вид Центрального Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Относится к монотипическому роду. Включает 2 подвида, в том числе номинативный, распространенный на Кавказе, а также в горах Малой, Передней и Средней Азии, и *Rh. s. alienus*, характерный для Малой Африки (Степанян, 2003).

Распространение. Обитает в сухих скалистых горах Атласа в Африке и на юге Евразии от Кавказа до Центральной Азии. На Кавказе гнездится в Армении и Нахичевани. На Северном Кавказе отмечено несколько случайных летних и зимних встреч в разных районах.

Впервые самец чечевичника был добыт 29.12.1885 **ст.ст.** в среднем течении р. Кичмалка в Кабардино-Балкарии недалеко от Джинальского хр. (Lorenz, 1887, 2011). Затем одну птицу добыли 09.12.1899 после сильной метели у Владикавказа в Северной Осетии (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958), а 01.07.1981 чечевичника, долго кормившегося семенами трав, наблюдали в заброшенном саду у с. Ларс в сухой, скалистой Северо-Юрской депрессии в долине Терека (Mauersberger, Möckel, 1987).

В гнездовой период чечевичники были найдены также в Кабардино-Балкарии. На каменистом участке горной степи в районе горы Верхний Джинал на Меловом хр. на высоте 1350 м н.у.м. в лощине у водотока в верховьях р. Золка 29-30.06.1979 встречены 2 одиночные птицы, в том числе добыт самец без признаков участия в размножении. Еще две пары наблюдались 25.06.1980 и 01.07.1980 в закустаренной степи под куэстами Скалистого хр. на водоразделе Баксана и Чегема на высоте 1300 и 1900 м н.у.м. в ур. Бетдургу близ с. Актопрак (Журавлев,

Афонин, 1982; Афонин, 1985). Нами похожие одиночные птицы были дважды встречены 04.08.2004 в верховьях р. Кыртык в Приэльбрусье на высоте около 2400 м н.у.м. Находки этих птиц возможны и в других районах Центрального Кавказа в субальпийских высокогорьях и в сухих каменистых горных степях Северо-Юрской депрессии, где нельзя исключать их гнездование.

Рис. 56. Места встреч краснокрылого чечевичника (черно-красные пуансоны – летом; красные пуансоны – зимой), пустынного снегиря (вертикальные овалы) и короткопалого воробья (горизонтальные овалы) на юге России

Чечевичник указан как «залетный, условно гнездящийся вид» для Дагестана (Джамирзоев, 2000) и как залетный для Чечни и Ингушетии (Гизатулин и др., 2001), но конкретные данные по этим регионам нам неизвестны. По-видимому, с какими-то ошибками связаны сведения о встречах чечевичника в ноябре и январе в Сочи (Строков, 1960), где позже этих птиц не отмечали ни разу, несмотря на длительные специальные исследования (Белик, 2022а; Тильба, 2022). Наконец, двух залетных птиц наблюдали 18.04.1982 в окрестностях Ставрополя (Хохлов, 1991).

Местообитания. Населяет сухие скелетные горы с низкотравными щебнистыми и каменистыми участками и с выходами скал в среднегорьях и высокогорьях, где предпочитает южные солнечные склоны. В Закавказье распространен от 800 до 3500 м н.у.м. (Ляйстер, Соснин, 1942; Patrikeev, 2004). Гнездится в нишах под камнями, дерновинами трав, иногда в щелях построек.

Численность. В Европе обитает 51,5-211,0 тыс. пар (European birds …, 2017). В Закавказье в аридных горах Армении и Азербайджана чечевичники обычны или многочисленны (Бобринский, 1915; Ляйстер, Соснин, 1942; Моламусов, 1967). Численность в Армении оценивается сейчас в 1,0-1,5 тыс., а в Азербайджане – в 1-10 тыс. пар (Birds in Europe …, 2004). На Северном Кавказе гнездование не подтверждено, но, по ориентировочной оценке, здесь может гнездиться до 5-50 пар (Белик, 2005б).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

406. Вьюрок пустынный *Bucanetes githagineus* (M.H.C. Lichtenstein, 1823)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Краснодарского края и Северной Осетии (Лукьянчук, Литвинова, 2017; Попович, 2021; Шевцов, 2021).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 4 подвида, в том числе *B. g. crassirostris*, распространенный в Малой, Передней и Средней Азии, а также в Закавказье. Остальные формы обитают на севере Африки. Ранее к пустынным вьюркам, или снегирям в качестве подвида относили монгольского вьюрка *B. mongolicus* (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960), которого недавно выделили в самостоятельный вид (Панов, Булатова, 1972; Степанян, 1983), а некоторые исследователи относят даже к особому монотипическому роду *Eremopsaltria mongolica* (Kirwan, Gregory, 2005; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в пустынных горах на севере Африки, в Аравии, в Малой и Передней Азии и на западе Средней Азии, а также в Закавказье, где найден в Армении и Нахичевани (Адамян, Залетаев, 1965; Панов, Булатова, 1972).

На Северном Кавказе в последние годы отмечены три летних залёта на Черноморское побережье и в Северную Осетию. Впервые в России самец пустынного ьюрка встречен 29.05.2017 на берегу Чёрного моря в пос. Малый Утриш Краснодарского края (N44°42'29" - E37°27'30"),

где птица держалась до 05.06.2017, а по опросным данным, наблюдалась там и в 2016 г. (Лукьянчук, Литвинова, 2017). Затем 27.05.2021 близ пос. Лермонтово Туапсинского р-на (N44°16'56.9" - E38°47'15.9") на галечном пляже у берега моря встречена самка (Попович, 2021). Еще одна самка наблюдалась 14.05.2021 севернее с. Чми в Северной Осетии на каменистом степном участке в долине р. Терек, откуда затем улетела к скалам в Северо-Юрской депрессии (Шевцов, 2021).

Появление пустынных вьюрков на Северном Кавказе связано, возможно, с ростом их численности и расселением в Закавказье, что не исключает их гнездовых находок в подходящих районах на юге России.

Местообитания. В Закавказье эти вьюрки гнездятся обычно на глинисто-щебнистых склонах у подножий хребтов или на сухих плато с выходами скал в пустынных каменистых низкогорьях с редким, мозаичным травяным покровом из полыней и солянок. Распространены на высотах около 800-1200 м н.у.м. Гнезда устраивают в нишах среди камней и скал на крутых склонах юго-западной экспозиции (Дементьев, Гладков, 1954; Адамян, Залетаев, 1965; Панов, Булатова, 1972).

Численность. В Европе обитает 10,5-21,4 тыс. пар (European birds …, 2017), в том числе 50-100 пар в Армении и 10-100 пар в Азербайджане (Birds in Europe …, 2004). По результатам специальных наблюдений в 1970 г. в Нахичевани, в подходящих местообитаниях это обычный, местами даже многочисленный вид (Панов, Булатова, 1972). На юге России пока отмечаются единичные случайные встречи.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

407. Воробей короткопалый *Carpospiza brachydactyla* (Bonaparte, 1850)

Характер пребывания. Предположительно гнездящийся вид, нерегулярно отмечающийся в каменистых степях Дагестана и Астраханской обл. (Букреев, 2001; Букреев, Джамирзоев, 2004, 2013; Джамирзоев и др., 2004; Букреев и др., 2002, 2007; Джамирзоев, 2009; Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. Монотипический род и вид (Степанян, 2003). Ранее обычно относился к семейству воробьиных (Портенко, 1960; Степанян, 1990; Dickinson, Christidis, 2014; и др.), иногда даже объединялся в один род с каменными воробьями (Дементьев, Гладков, 1954). Но филогенетические связи этого вида и его таксономическое положение до сих пор

остаются не совсем ясными (Иваницкий, 1997).

Распространение. Гнездится в Передней и Средней Азии, а также в Закавказье – в Армении, Нахичевани, Карабахе и на Эльдарском плоскогорье на западе Азербайджана (Taczanowski, 1887; Степанян, 1969, 2003), откуда птицы эпизодически проникают в Дагестан и на Нижнюю Волгу.

На юге России выявлены всего два небольших, локальных, изолированных местообитания. Впервые взрослого самца короткопалого воробья добыли 04.06.1932 в предгорьях Дагестана у с. Кумтор-Кале в 20 км к западу от Махачкалы (Дементьев, 1937; Степанян, 1969). Вновь компактное поселение из 5-6 пар, державшихся на площади около 0,5 км^2, обнаружено 28-30.05.2003 на левобережье р. Шура-Озень у подножия хр. Нарат-Тюбе (Каратебе) недалеко от с. Кумтор-Кале. Там же 04.06.2007 вновь отмечено поселение из 4 поющих самцов и 1 самки, кормившейся на земле в 5 м от самца. Но в 2005, 2012 и 2013 гг. короткопалые воробьи, несмотря на целенаправленные поиски, на хр. Нарат-Тюбе не отмечались; не удалось найти там и их гнёзд (Букреев, Джамирзоев, 2004, 2013; Букреев и др., 2007). Однако встречи этих птиц возможны и в других районах в сухих горах на востоке и юге Предгорного Дагестана и на Центральном Кавказе.

Еще одна группировка обнаружена в районе горы Большое Богдо на севере Астраханского Заволжья, где в 2000 г. близ гипсового карьера учтено не менее 5 пар. Однако в июне 2001 г. короткопалые воробьи там не найдены (Букреев, 2001; Букреев и др., 2002). Не удалось найти их там и в 2012 г. (Белик, 2013е).

Местообитания. Обитает в сухих предгорьях и среднегорьях на высоте до 2000-2300 м н.у.м. в основном в каменистых степях и пустынях с редкими кустарниками. Небольшое, плотное гнездо чашевидной формы делает из сухой травы на колючих кустах невысоко над землей (Даль, 1948, 1954; Адамян, 1965).

Численность. В Европе обитает 6,0-18,3 тыс. пар, а на юге России предполагается гнездование 5-50 пар, в том числе 5-10 пар в предгорьях Дагестана. Численность в Азербайджане оценивается в 50-250 пар, а в Армении в 6-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2004; Birds in Europe …, 2004; Белик, 2005б, 2014; Джамирзоев, 2009; European birds …, 2017). Численность и пребывание этих птиц в России, по-видимому, непостоянны из-за номадного характера распространения короткопалого воробья (Букреев и др., 2002, 2007; Букреев, Джамирзоев, 2013).

Охранный статус. На юге России особая охрана сейчас не предусмотрена. Необходимы сборы коллекционных материалов и более тщательный мониторинг популяций в выявленных районах обитания.

408. Чечевица обыкновенная *Carpodacus erythrinus* (Pallas, 1770)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид почти всех регионов Южной России, кроме Нижнего Поволжья (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель субальпийского фаунистического комплекса Гималайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. По разным оценкам, включает от 4 до 10 подвидов, в том числе номинативный, распространенный в Европе и Сибири, а также более яркий *C. e. kubanensis*, характерный для Кавказа, Малой и Передней Азии (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014).

Определение птиц, добытых нами в Предкавказье, показало, что особи из лесов в долине Западного Маныча фенотипически сходны с *C. e. erythrinus*, проникнув туда, вероятно, из долины Нижнего Дона, а в Ленинском лесхозе на юге Азовского р-на Ростовской обл. половина из 18 экз. приближается или неотличима от *C. e. kubanensis*, тогда как другая половина близка к *C. e. erythrinus*, причем доля птиц кавказской формы увеличивалась в выборках с 1970 к 1977 г. (Казаков, 1969; Белик, 2009).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Балтики до Тихого океана и в горах на юге Азии от Кавказа до Средней Азии и Китая. На юге России распространена на Кавказе, а также в бассейне Дона и Средней Волги, где появилась, по-видимому, во второй половине XIX в. (Северцов, 1855; Богданов, 1871; Сомов, 1897; Аверин, 1911; Огнев, Воробьев, 1923; и др.).

На Нижнем Дону в конце XIX - начале XX в. чечевица не отмечалась даже на миграциях (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Белик и др., 2013), а в 1930-е годы гнездилась лишь выше г. Цимлянска (Варшавский, 1965). Во второй половине XX в. птицы заселили всю северную половину Ростовской обл. к югу до Нижнего Дона (Белик, 1999а; Белик и др., 2001; Казаков, 2022), а также северные районы Волгоградской обл., в том числе низовья р. Еруслан, но южнее, по-видимому, отсутствовали (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а). В этот же период они проникли, вероятно, и в некоторые изолированные искусственные лесные массивы к югу от Нижнего Дона: южнее г. Волгодонска; близ пос. Веселый на Маныче; на юге Орловского р-на Ростовской обл. (Белик, 2009). В Астраханской обл., как и в Калмыкии, кроме ее юго-западных районов, чечевица не гнездится (Реуцкий, 2015; Цапко и др., 2009).

На Кавказе распространена от Тамани (Лохман и др., 2004, 2005; Белик и др., 2009) до Дагестана (Джамирзоев, 2000; Девятко, Джамирзоев, 2012; и др.), заселяя все хребты от северных подножий до субальпики.

Регулярно гнездится также в арчевниках и кустарниках среди пастбищ в аридных котловинах, но на сухих стравленных пастбищах по южным склонам встречается редко. По долинам рек проникает на подгорные равнины и на Ставропольскую возв. (Хохлов, 1990), постепенно расселяясь на север по искусственным лесным массивам вплоть до Азовского р-на Ростовской обл., Ипатовского р-на Ставропольского края и Городовиковского р-на Калмыкии (Казаков, 1969, 2022; Белик, 1989в, 2009; Хохлов, 1990; Цапко, 2007).

Однако на Черноморском побережье чечевица практически отсутствует, спускаясь лишь местами на луговые поляны в нижней части лесного пояса (Лауниц, 1912; Дороватовский, 1913; Маландзия, 1989; Тильба, 2001, 2006, 2016; Белик, 2013в, 2015а; Белик и др., 2017; Очаповский, 2017). Ее гнездование указано только для Абрауского полуострова у Анапы (Петров, Курдова, 1961; Волчанецкий и др., 1962), но не исключено, что там регистрировали запоздавших пролетных птиц, нередко встречающихся до конца мая - начала июня. Другие исследователи ее там не отмечали (Пузанов, 1938; Курдова, 1958; Сара, 2007; Белик, 2013в; Мнацеканов, Тильба, 2015; и др.).

Зимует чечевица на юге Азии, мигрируя туда по ночам, поэтому пролет птиц на юге России визуально практически не выражен. Весной они дружно появляются обычно в первой декаде мая, в период созревания семян вяза. Пролетные птицы много поют, привлекая внимание. Однажды в низовьях Сев. Донца утром 01.06.1999 наблюдался самец, пролетевший с характерным пением над степью на запад (Белик, 1999а). В середине-конце июля в равнинных регионах и в конце июля - середине августа в горах пение птиц смолкает, и они незаметно исчезают, задерживаясь иногда до середины-конца сентября.

В Волгоградском Заволжье в низовьях р. Еруслан пролет одиночек и стай до 40 особей наблюдали с 05.05.1950 до конца мая, а в пик миграций 16-21.05.1950 учитывали до 27-30 ос./1,5 км маршрута по лесопосадкам вдоль водоемов. Осенью же пролет продолжался с конца июля до 15.09.1949, с пиком пролета 31.07.-12.08., когда учитывали до 8 ос./1,5 км маршрута (Юдин, 1952). В Приэльтонье весенний пролет шел с начала мая до середины июня, а массовый пролет наблюдали в течение 13-17.05.1950. Осенью птицы были там более скрытны, случайно встречаясь с середины августа до середины сентября (Динесман, 1952; Линдеман, 1971).

Известны сообщения о зимних встречах чечевицы на юге России в Астраханской обл., у Краснодара (Хлебников, 1890, 1928; Очаповский, 2017; и др.), но они связаны, по-видимому, с какими-то ошибками в определении птиц.

Местообитания. На равнинах обитает в кустарниковых зарослях и среди бурьянников на лугах, зарастающих вырубках, лесных опушках, иногда в лесополосах, а на Кавказе широко распространена на луговых полянах среди лесов в предгорьях и среднегорьях, поднимаясь по долинам рек в субальпику до 2300-2600 м н.у.м., где гнездится на высокотравных лугах, в зарослях можжевельников и других кустарников (Бёме и др., 1930, с.61; Караваев и др., 2017; Белик, Аккиев, 2023). По наблюдениям К.А. Сатунина (1911, с.283), на Кавказе «особенно она многочисленна … именно на лежащих выше лесной растительности субальпийских лугах, в их высоких бурьянах». Гнездо из сухой травы вьёт в глубине кустов или среди бурьяна невысоко над землей.

Численность. На Кавказе обычна, в бассейне Дона летом сейчас редка. В Европе обитает 7,8-14,1 млн., а в Европейской России – 7,3-13,0 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России численность оценивали в 25-100 тыс., в том числе около 1,7 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В конце XX в. в бассейне Дона прослежено сокращение численности (Белик и др., 2003), которое стало особенно выраженным в последние десятилетия как на равнинах, так и в горах Кавказа, что хорошо заметно даже по интенсивности весеннего пролета (Белик, 1999а; Белик и др., 2001; Костенко, 2012; Караваев и др., 2015; Реуцкий, 2015; Белик, Гугуева, 2021; Нумеров и др., 2021).

В степном Придонье в конце XX в. обилие птиц в пойменных лесах составляло в среднем 0,5 пар/км^2, а в искусственных лесных массивах среди степей – от 0,5 до 1,7 пар/км^2 (Белик, 2000а). В поймах рек на Среднем Дону в 2016-2018 гг. учитывали в среднем 0,2 пар/10 га (Гудина, 2019). На островах в Черебаевской пойме на левобережье Волгоградского вдхр. в июле 1998-2000 гг. учитывали 0,1-0,4 ос./га в осокорево-вязовых лесах и 0,5-0,7 ос./га – в лоховом мелколесье (Шаповалова, Завьялов, 2009). В искусственных лесонасаждениях на Ставрополье в 1965-1976 гг. гнездилось 15-36 пар/км^2 (Лиховид, 1988). В Краснодарском крае в долине р. Уруп у стан. Советской в 1974 г. было 7 ос./км^2, а на Кубани у Армавира в 1988 г. – 1 ос./км^2 (Тильба, Мнацеканов, 1989).

На Западном Кавказе в поясе низкогорных широколиственных лесов учитывали 1-6 ос./км^2, в среднегорных лесах было 0,2-3,3 ос./км^2, в березовом криволесье на верхней границе леса – 3-12 ос./км^2, а на субальпийских лугах – 3-18 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Карачаево-Черкесии в лесах на Скалистом хр. учитывали 36-42 ос./км^2, в пойменных лесах – 36 ос./км^2, а на горных лугах – от 15-39 до 60 ос./км^2 (Караваев, 2000; Караваев и др., 2014). Нами там же на лугах под куэстой Скалистого

хр. 11.07.2006 было учтено до 40-50 пар/км^2, а на лугах в верховьях р. Подкумок 17.06.2006 пело 12 самцов на 2 км маршрута. В Тебердинском заповеднике в конце XX в. численность колебалась от 8 до 24 ос./ км^2, а в начале XXI в. она уменьшилась у верхней границы леса до 2,3-7,0 ос./км^2, по лесному поясу – до 0,7-2,4 ос./км^2 в южных районах заповедника и до 2,1-5,4 ос./км^2 – на севере заповедника (Поливанов, Поливанова, 2002; Караваев и др., 2015).

В Кабардино-Балкарии в субальпийских березовых лесах и криволесье учитывали 11 ос./км^2, на субальпийских лугах было 2 ос./км^2, а в горной степи с кустами, скалами и камнями – 4 ос./км^2 (Афонин, 1985). По надпойменным террасам в верховьях Чегема и Череков в гнездовой период учитывали около 19 ос./км^2 (Джамирзоев и др., 2014), а в верховьях Баксана – около 30 ос./км^2 (Караваев и др., 2017). В Северной Осетии в горах в разных местообитаниях гнездится от 9 до 88 пар/км^2, в предгорьях – 7-19 пар/км^2, а на равнине – 1-50 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

409. Чечевица большая *Carpodacus rubicilla* (Güldenstädt, 1775)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, кочующий зимой вид всех горных регионов Северного Кавказа (Лоскот, 1991; Белик и др., 2016, 2022з).

Зоогеографические связи. Представитель альпийского фаунистического комплекса Гималайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Включает 3-6 подвидов, в том числе номинативный, населяющий альпийские высокогорья на Большом Кавказе (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в высокогорьях Большого Кавказа, Средней Азии, Алтая и Саян, а также в горах Центральной Азии. Возможно также обитание местами на Малом Кавказе (Лоскот, 1991). На юге России эта чечевица распространена в альпийском поясе гор от Адыгеи и Краснодарского края до Дагестана, встречаясь в основном на Водораздельном, реже – на Боковом хр. (Л. Бёме, 1925а, 1926; Красовский, 1932; Р. Бёме, 1958; Липкович, 1985, 1986, 1999; Лоскот, 1991; Бутьев, Лебедева, 1992; Насрулаев, 2006; Тильба, 2007, 2012; Перевозов, 2017; Белик, 2022з). На Центральном Кавказе А.Д. Липкович (личн. сообщ.) отмечал больших чечевиц летом также на Скалистом хр., где вершины достигают местами 3000-3500 м н.у.м., а на их северных склонах сохранился ледниковый каровый рельеф (Белик, 2022з).

Наиболее западные гнездовые находки больших чечевиц отмечены на горах Абаго, Тыбга и Чугуш в Кавказском заповеднике (Аверин, Насимович, 1938; Перевозов, 2017; и др.), а к востоку их встречали до гор Базардюзи и Шахдаг в Дагестане на границе с Азербайджаном (Красовский, 1932; Бутьев, Лебедева, 1992). Наиболее плотные популяции обитают на Водораздельном и Боковом хр. Центрального Кавказа, где в высокогорьях максимально развито оледенение, а в среднегорных котловинах в долинах рек широко распространены заросли облепихи. В Дагестане на Восточном Кавказе из-за засушливого климата оледенение в горах значительно слабее, а на более низком и лесистом Западном Кавказе резко сокращается как площадь ледников, так и распространение облепихи.

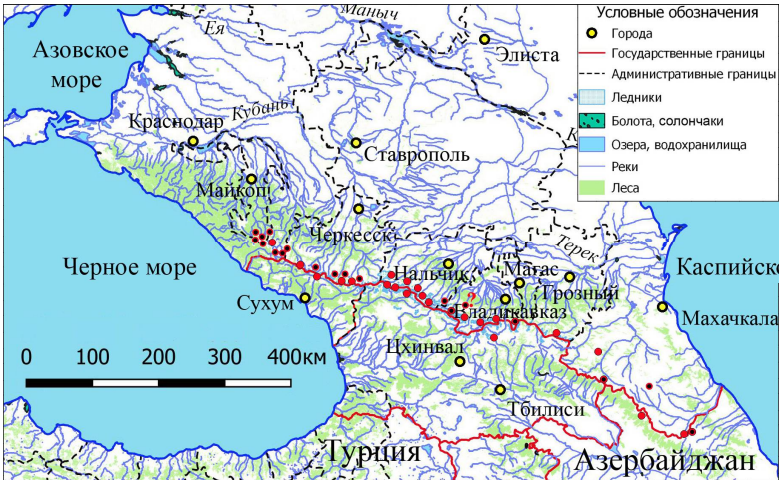

Рис. 57. Места гнездовых находок большой чечевицы на Большом Кавказе (красные пуансоны – по: Лоскот, 1991; черно-красные пуансоны – по: Красовский, 1932; Анисимов, 1989; Караваев, Хубиев, 2013; Белик, 2016а, 2020а, 2022з; Перевозов, 2017; Джамирзоев и др., 2018)

Зимой птицы кочуют стаями в районах гнездования, кормясь семенами трав на менее заснеженных южных склонах, или откочевывают в среднегорья и низкогорья в облепишники вдоль берегов рек по Северо-Юрской депрессии.

Местообитания. Гнездится в альпийском и субнивальном поясах на высотах от 2500 до 4100 м, в основном – на 2700-3400 м н.у.м. (Липкович, 1885, 1886; Лоскот, 1991). Лишь зимой после снегопадов птицы частично откочевывают в сухие, малоснежные среднегорья и низкогорья вниз до 800-1800 м н.у.м. (Lorenz, 1887, 2011; Л. Бёме, 1925а,

1926; Р. Бёме, 1958; Моламусов, 1967; Лоскот, 1991), а некоторые перелетают через перевалы на южный макросклон Водораздельного хр. (Поливанов, Поливанова, 2002). Гнездятся в щелях и нишах скал у самых ледников и снежников, а кормиться летают на каменистые низкотравные альпийские луга, спускаясь от гнезд вниз по вертикали на 100-900 м (Лоскот, 1991).

Численность. На Северном Кавказе летом редка, но зимой спорадично встречаются стаи птиц. В Европе обитает 5,1-10,3 тыс., а на юге Европейской России в горах Кавказа численность птиц провизорно оценивали в 5-10 тыс. пар (Белик, 2005б, 2014; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017), в том числе не более 10-15 пар в Адыгее, от 20-30 до 30-50 пар в Краснодарском крае, 100-300 пар в Карачаево-Черкесии (Тильба, 2007, 2012; Караваев, Хубиев, 2013; Перевозов, 2017). В Северной Осетии в конце XX в. обитало до 1000 особей, но в 2010-е годы популяцию оценивали лишь в 150-280 пар (Липкович, 1999; Комаров, 2022).

По экспертным оценкам, в Кавказском заповеднике гнездится 20-30 пар; в Тебердинском – 50-100 пар; в Кабардино-Балкарском – 25-50 пар; в Северо-Осетинском – 10-15 пар. Кроме того, для нац. парка «Приэльбрусье» указано 25-50 пар и для нац. парка «Алания» – 10-15 пар, т.е. всего 140-260 пар (Джамирзоев и др., 2017). По ориентировочной оценке В.М. Лоскота (1991), общая численность этой чечевицы на Большом Кавказе может составлять несколько тысяч птиц. По последним данным, на Северном Кавказе она не превышает 2,5 тыс. пар (Атлас …, 2020).

Современные популяционные тренды на Кавказе недостаточно ясны (Белик и др., 2003), но судя по данным Ф. Лоренца (Lorenz, 1887, 2011), Л.Б. Бёме (1925а) и Д.Б. Красовского (1932), которые сообщали о встречах сотенных стай, на Центральном и Восточном Кавказе в течение XX в. произошло значительное сокращение численности этих птиц (Белик и др., 1991). В Тебердинском заповеднике в середине XX в. обилие больших чечевиц в альпийских высокогорьях составляло 3 ос./км^2 летом и 21 ос./км^2 – зимой (Ткаченко, 1966), а в начале XXI в. летом там учитывали до 2,3 ос./км^2 (Караваев и др., 2015). Но в верховьях р. Горалыкол на низкотравных альпийских лугах (3000 м н.у.м.) численность птиц 09.06.2002 достигала 3-5 пар на 5 км маршрута, или около 4 пар/км^2 (Барабашин, Белик, 2002).

В Кабардино-Балкарии на Центральном Кавказе в гнездовые периоды 1986-1988 гг. на высотах 2700-2800 м н.у.м. в верховьях Чегема возле горы Тихтенген за дневную экскурсию учитывали 3-27, в среднем 11 больших чечевиц, а на моренах ледника Мижирги в верховьях Черека-

Безенгийского – от 4-5 до 30-35, в среднем 15 птиц (Лоскот, 1991). На востоке Кабардино-Балкарии в верховьях р. Хазнидон на высоте 2350-2450 м н.у.м. на старых моренах под ледником Хазны-чиран на 750 м маршрута при трансекте около 200 м шириной нами 11.07.2017 было учтено до 20 самцов и не менее 10 самок, или 2 ос./га, а всего за день было отмечено не менее 40-50 кормившихся птиц, еще не приступивших к гнездованию (Белик, 2022з).

В верховьях Терека обилие птиц в конце лета составляло 2-4 ос./км^2, а зимой в облепиховых зарослях по Северо-Юрской депрессии скапливались стаи с плотностью до 300 ос./км^2 (Второв, 1962; Дроздов, Злотин, 1962). В Северной Осетии в облепишниках у с. Даргавс зимой в 1960-е годы птицеловы отмечали стаи в несколько сотен птиц, а в 2010-е годы там учитывали лишь до 50-80 чечевиц, и не ежегодно. В верховьях р. Урух в облепишниках у сёл Моска и Одола ежегодно зимует около 20-30 особей (Комаров, 2022).

В Дагестане у горы Базардюзи на субальпийских пастбищах на высоте 2300-2700 м н.у.м. в июле 1991 г. учитывали в среднем 0,7 ос./км^2 (Бутьев, Лебедева, 1992).

Охранный статус. Как редкий или исчезающий вид включена в Красные книги Адыгеи (1Б категория), Краснодарского края и Северной Осетии (2 категория), Карачаево-Черкесии и Ингушетии (3 категория). Организация особой охраны необходима, очевидно, и на остальной территории Северного Кавказа. Повышенная уязвимость этой чечевицы связана с ее оседлостью и узкой специализацией в зимний период на питании ягодами облепихи, заросли которой уничтожаются при строительстве дорог и водохранилищ в горах, а также из-за вылова этой чечевицы птицеловами. Кроме того, из-за потепления климата, вызывающего таяние ледников, сокращается ее гнездовой ареал (Белик и др., 1991; Белик, 2014, 2022з).

410. Урагус *Uragus sibiricus* (Pallas, 1773)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Астраханской обл. и Дагестана (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель маньчжурского фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Относится к монотипическому роду. Вид включает 4-6 подвидов, в том числе номинативный *U. s. sibiricus*, распространенный от Урала до Амура (Степанян, 2003). Очевидно, эта форма залетает из Приуралья и в Южную Россию.

Распространение. Гнездится в Сибири к западу до Урала, а также в горах Китая. Во второй половине XX в. произошло расширение ареала на

запад, и урагус стал чаще встречаться в Европейской России. На гнездовании проникает в Предуралье, а во время кочёвок встречается в Поволжье и в Московской обл., в том числе в гнездовой период (Калякин, 2014). На юге России в начале XXI в. отмечено несколько случаев залета.

В дельте Волги севернее Обжоровского участка Астраханского заповедника встреча урагуса зарегистрирована 29.01.2009 (Русанов и др., 2016, с.157). В Дагестане близ Махачкалы 10 и 18.01.2013, а затем 01.02.2013 наблюдали 3 особей (2 самцов и 1 самку), а 15.02.2013 недалеко вновь удалось увидеть 1 самку урагуса. Кроме того, близ устья р. Кума 20.01.2013 встречены 6 самцов, а в 10 км оттуда 24 и 27.03.2013 наблюдали еще 5 урагусов (2 самцов и 3 самок). Наконец, 17.11.2017 близ Махачкалы опять отмечены 1 самец и 2 самки урагуса (Вилков, 2013, 2017; Вилков и др., 2013).

Местообитания. Гнездится в кустарниках по опушкам лесов возле полян или лугов, а также в поймах рек, в балках, на болотах. Зимой кочует по поймам рек, лесополосам или вдоль дорог с зарослями бурьянов.

Численность. В Европейской России недавно обнаружен в Свердловской обл., где предполагается гнездование нескольких сотен пар (Атлас …, 2020). На юге России отмечались небольшие стайки залетных птиц.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

411. Щур *Pinicola enucleator* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Ростовской и Астраханской обл., Карачаево-Черкесии и Северной Осетии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель бореомонтанного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1980).

Таксономия. Относится к монотипическому роду. Вид включает около 10 подвидов, в том числе на севере Европы и Западной Сибири распространена номинативная форма (Степанян, 2003). Очевидно, особи этой формы залетают и на юг России.

Распространение. Гнездится в бореальных лесах на севере Евразии и Северной Америки. Зимует на юге гнездового ареала, периодически отлетает южнее, в среднюю полосу. В XIX в. поздней осенью изредка залетал в Северное Приазовье (Алфераки, 1910), но в XX в. встречи со щуром на юге России отмечались очень редко. Это связано, вероятно, с потеплением климата, отступлением ареала к северу и сокращением общей численности птиц (Атлас … 2020).

Сейчас на юге России известно всего несколько осенних и весенних

встреч с залетными птицами: в дельте Волги 09.10.1972 наблюдали 4 самцов, а 09.11.1988 там же встречена 1 птица (Виноградов и др., 1981; Реуцкий, 2015). В г. Алагир в Северной Осетии 22.03.2001 в стае свиристелей замечена 1 птица, державшаяся там до отлёта свиристелей в начале апреля (Комаров, 2007а, 2007б). В парке Карачаевска 31.10.2009 наблюдали молодого самца щура (Хубиев, Караваев, 2010; Караваев, 2014). Указание о встрече щура в Приазовье в Краснодарском крае (Очаповский, 1967, 2017) позже было признано ошибочным (Динкевич, 2002; Тильба, 2004; Работа …, 2005).

Местообитания. На севере Европы гнездится обычно в хвойных лесах таежного типа с примесью ольшаников и березняков, а на востоке Азии – в основном в зарослях кедрового стланика на склонах гор и в кустарниковом подлеске горных кедрачей или березняков. Во время осенне-зимних кочевок встречается в лиственных и смешанных лесах, а также в культурном ландшафте.

Численность. В Европе обитает 92,3-214,0 тыс., а на севере Европейской России – 75-180 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России отмечались редкие, случайные встречи залетных птиц.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

412. Клест-еловик *Loxia curvirostra* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, кочующий вид всех горных регионов Северного Кавказа, зимующий в предгорьях Ставропольского края и залетный в степных регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Образует около 20 подвидов, в том числе номинативный, распространенный на севере Евразии, и толстоклювый *L. c. caucasica*, характерный для хвойных лесов Кавказа (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006).

Распространение. Гнездится в таежной зоне Евразии и Северной Америки и в горных хвойных лесах на юге Европы, Азии и в Малой Африке. На юге России обитает в горах Кавказа от Краснодарского края до Дагестана, населяя в основном сосняки на верхней границе лесного пояса, а на Западном Кавказе встречается также в темнохвойных лесах, где семенами ели обычно выкармливает птенцов (Аверин, Насимович, 1938; Ткаченко, 1966; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015).

К западу распространен до плато Лагонаки (Тильба, Мнацеканов, 2008; Тильба, 2023), возможно – до хребтов у Туапсе. Однажды в конце мая

1958 г. отмечен у стан. Крепостной в бассейне р. Афипс в сосновом лесу у горы Собербаш (Волчанецкий и др., 1962, с.58). Населяет леса на Водораздельном, Боковом и Скалистом хр., возможно проникает в парки Кисловодска, где стайка из 9 птиц встречена нами 08.07.2006 в сосняке. На Восточном Кавказе нередок в сосняках известнякового Внутреннего Дагестана, реже встречается южнее на Боковом и Водораздельном хр. (Билькевич, 1893; Красовский, 1932; Насрулаев, 2006; Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2018; и др.).

В осенне-зимний период кавказские клесты широко кочуют небольшими стаями в поисках кормовых районов, часто придерживаясь старых одиночных сосен на верхней границе лесного пояса (Бёме и др., 1930, с.62-63; Бёме, 1960, с.96; наши данные). В это время они иногда спускаются в предгорья, а также к побережьям Черного и Каспийского морей (Бёме, 1926; Туров 1930; Моламусов, 1967; Бутьев, Лебедева, 1989; Хохлов, 1990; Тильба, 2006; Перевозов, 2014). В поисках соли птицы нередко посещают солонцы и лесные кордоны в горах (Динник, 1902, с.16-17; Туров, 1932, с.34; Тильба, 1999; Белик и др., 2000; Перевозов, 2014).

В бассейне Дона клест считается редким залетным видом (Белик, 2000а). Известна одна документированная встреча стайки из 6 молодых и 2 старых птиц 03.08.1906 **ст.ст**. близ Ростова (Сарандинаки, 1909). Крик пролетевшей птицы мы отметили однажды 07.04.1996 над сосняком на песках по р. Калитва у с. Терновая Миллеровского р-на. По опросным данным, одиночки изредка появляются зимой в Ростове в парках и скверах с елями. В Калмыкии одиночного самца наблюдали 13.04.2020 в сосновых посадках у Элисты (Костенко, 2020).

В Поволжье клесты встречаются более часто, причем несколько раз их наблюдали там в весенне-летний период: в июле 1876 г. небольшая стая встречена в лесу в «Киргизских степях» в Заволжье (Seebohm, 1882); летом 1927 г. одиночная самка отмечена близ с. Урда в Казахстане, а в 1930 г. там нашли будто бы гнездящихся клестов, которые могли эпизодически оседать на гнездовье в старых искусственных сосняках среди Рын-песков (Волчанецкий, 1937); 19 и 20.06.1930 у с. Новая Квасниковка в низовьях р. Еруслан наблюдали стаи около 30 особей, пролетавшие на север (Волчанецкий, Яльцев, 1934); пара клестов встречена также 20.07.1940 в искусственных насаждениях из вяза близ оз. Баскунчак (Мальчевский, 1946). На Дамчикском участке Астраханского заповедника несколько стаек по 20-30 птиц пролетело 26.07(06-?).1953, а с 26 по 29.07.1953 там держались стайки самок и молодых клестов, кормившихся на тополях, разламывая галлы (Луговой, 1963; Реуцкий, 2015).

Наконец, в сосняках на Голубинских песках на левобережных террасах Дона в Калачёвском р-не Волгоградской обл. 19.04.2009 мы несколько раз отмечали крики пролетавших птиц и однажды наблюдали 2 клестов, летевших над соснами. Характер их пребывания остался неясен, но нельзя исключать эпизодическое гнездование отдельных пар в изолированных сосновых лесах на песках среди южных степей, как это указывали для левобережий Волги в Саратовской обл. (Завьялов и др., 2011), для Верхнего Дона в Воронежской обл. (Нумеров и др., 2021) и др.

В окрестностях Волгограда в период с 1988 по 2022 г. осенне-зимние инвазии клестов были отмечены 11 раз, причем частота их встреч в последние десятилетия заметно увеличилась. Клестов наблюдали в 2 из 13 зим в конце XX в. и в 11 из 22 зим в начале XXI в. Первых птиц встречали там обычно в середине октября - середине ноября, в среднем (n=11 лет) – 29 октября. Однажды их наблюдали также 17.02.2003, вероятно на обратном пролете после массовой осенней инвазии 2002 г. А в г. Волжском в 2006-2011 гг. стая из 25-30 птиц ежегодно прилетала в небольшой еловый сквер в октябре, а улетала обычно после 14-15.02. (Белик и др., 2023). Зимние инвазии клестов изредка отмечали также в дельте Волги (Seebohm, 1882; Воробьев, 1936).

Местообитания. Номинативный подвид обитает в хвойных и смешанных лесах таежной зоны, и на кочевках на юге России придерживается обычно хвойных насаждений, в основном сосняков. Преимущественно в среднегорных сосновых лесах клесты держатся и на Кавказе. Гнездятся они на хвойных деревьях, устраивая чашеобразные гнезда из тонких сухих прутиков, травы, мха и лишайников на ветвях среди густой хвои. Питаются семенами сосны, ели и других хвойных деревьев, расковыривая чешуйки на шишках, вскрывая их кривым клювом и сбрасывая потом на землю. Преобладанием твердых сосновых шишек в питании кавказских клестов обусловлено, вероятно, и увеличение размеров клюва у эндемичного подвида *L. c. caucasica*.

Численность. На Кавказе местами обычен, но в большинстве районов редок. Для отдельных популяций клеста, в том числе на Кавказе, характерны регулярные колебания численности, связанные с периодическими флуктуациями кормовой базы (Белик и др., 2003).

В Европе обитает 9,1-17,3 млн., а в Европейской России – 8-14 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в горах Кавказа численность оценивали примерно в 15-30 тыс. пар (Белик, 2005б). По экспертным оценкам, в Кавказском заповеднике гнездится

1000-2000 пар, в Тебердинском – 250-1500 пар; в Кабардино-Балкарском – 5-25 пар, в Северо-Осетинском – 50-100 пар, в заповеднике «Эрзи» – 5-25 пар. Кроме того, для Сочинского нац. парка указано 80-100 пар, для нац. парка «Приэльбрусье» 100-250 пар и для нац. парка «Алания» – 50-100 пар, т.е. всего 1540-4100 пар (Джамирзоев и др., 2017).

На Западном Кавказе обилие клеста в среднегорных буково-пихтовых лесах составляет 1-2 ос./км^2, а в сосняках на верхней границе лесного пояса – 115 ос./км^2 (Перевозов, 2010). По другим данным, в сосняках учитывали 45 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). В Тебердинском заповеднике в середине XX в. в лесах учитывали 13,5 ос./км^2 (Ткаченко, 1966), в конце XX в. в сосняках было в среднем 58-100 ос./км^2 и в темнохвойных лесах – 3,4 ос./км^2 (Поливанов, 2000), а в начале XXI в. численность в смешанных и хвойных лесах заметно менялась по годам: в 2007 г. составляла в среднем 12,5 ос./км^2, в 2008 г. – 20,3 ос./км^2, а местами достигала 76,9 ос./км^2 (Караваев и др., 2015).

В Кабардино-Балкарии в сосновых лесах обилие составляло всего 5 ос./км^2 (Афонин, 1985), но в старых сосняках ур. Башиль на древней морене в верховьях Чегема клесты оказались довольно обычны, и там утром 16.07.2016 было учтено 5 встреч на 1,7 км маршрута (Белик, Аккиев, 2023). В Северной Осетии в сосновых лесах Караугомского ущелья в верховьях р. Урух обилие составляло 25 пар/км^2 летом и 111 ос./км^2 зимой, а в Северо-Осетинском заповеднике в сосняках Цейского ущелья учтена 31 пара/км^2 летом и 138 ос./км^2 зимой (Комаров, 2006, 2013).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

413. Снегирь обыкновенный *Pyrrhula pyrrhula* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый вид всех горных регионов Северного Кавказа и зимующий во всех степных регионах Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель горно-таежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006, 2013а).

Таксономия. Снегирь *P. pyrrhula* sensu str. в нынешнем представлении включает 7-8 подвидов, в том числе номинативный, гнездящийся в Северной Европе и Сибири и зимующий на юге России, а также более темный снизу, с буроватой спиной, *P. p. rossikowi*, обитающий на Кавказе (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Ивушкин, 2015). Монотипический серый снегирь *P. cineracea*, которого часто объединяют с обыкновенным снегирем, гнездится симпатрично с ним в Сибири от

Тихого океана до Урала (Валуев и др., 2006), откуда изредка залетает в Европейскую Россию (Ивушкин, 2015). На юге Дальнего Востока обитает полиморфный уссурийский снегирь *P. griseiventris*, иногда тоже относимый к обыкновенному снегирю (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в таежной зоне Евразии от Атлантики до Тихого океана, а также в горах на юге Европы и на Кавказе. На юге России во всех равнинных регионах зимуют птицы номинативного подвида, долетающие до предгорий Северного Кавказа (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958; и др.).

В Волгоградском Заволжье снегири появляются осенью в октябре-ноябре; наиболее ранняя встреча в Приэльтонье отмечена 06.10.1966 (Линдеман, 1971). На север они откочевывают обычно в марте; наиболее поздняя встреча в низовьях р. Еруслан зарегистрирована 05.04.1950 (Юдин, 1952). В окрестностях Волгограда первых снегирей осенью отмечали в период с 11.10. по 07.12., обычно в середине октября - начале ноября, в среднем (n=28 лет) – 27 октября, а весной они задерживаются иногда до 27 марта. Зимуют снегири там почти ежегодно. За период 1988-2022 гг. их не регистрировали лишь 7 зим, но в конце XX в. снегирей не видели только одной зимой 1990/91 г., а в начале XXI в. они отсутствовали 6 из 22 зим: 2003/04; 2006/07; 2007/08; 2011/12; 2012/13; 2014/15 гг. (Белик и др., 2023).

В лесах Кавказа на северном макросклоне эндемичная форма распространена к западу до Абинского р-на Краснодарского края, а на южном – до р. Пшада (Волчанецкий и др., 1962; Найданов, Короткий, 2005; Тильба, 2016; Белик и др., 2017; Белик, 2022в). На Восточном Кавказе птицы гнездятся в сосновых лесах известнякового Внутреннего Дагестана, а южнее – в сосняках и смешанных лесах на Водораздельном и Боковом хр. (Красовский, 1932; Насрулаев, 2006; Букреев и др., 2007; Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2018; наши данные).

Снегирь заселяет хвойные, смешанные и лиственные леса разных типов на Главном, Боковом и Скалистом хр. от низкогорий до субальпийских криволесий. На южном макросклоне в низкогорьях гнездится редко, но местами встречается почти у берега Черного моря (Тильба, 2006, 2016; Белик, 2015а; Белик и др., 2017), а на северном макросклоне обитает в основном в среднегорьях, спускаясь в низкогорья по пойменным лесам. Зимой снегири кочуют по всему лесному поясу, но при похолоданиях и снегопадах часть птиц откочевывает в предгорья, в том числе на Черноморское побережье (Бёме, 1958; Хохлов, 1990; Тильба, 2006; Очаповский, 2017; и др.).

Местообитания. На севере Европы гнездится преимущественно в еловых и смешанных таежных лесах, а зимой кочующие на юге России птицы держатся в пойменных и байрачных лесах, в лесополосах и парках, а также на пустырях, питаясь семенами ясеня, клена или сорняков. На Кавказе снегири распространены в лесистых горах вверх до березняков на высоте 2000-2200 м н.у.м. (Белик, Аккиев, 2023), но почти не спускаются в предгорья. В разных районах населяют самые разные типы лесов: елово-пихтовые, сосновые, смешанные, широколиственные, ольховые, березняки в субальпике и др. Гнездятся обычно невысоко над землей на небольших деревьях и кустах, делая чашеобразные гнезда из сухих прутиков, травы, мха, корешков (Моламусов, 1967; Комаров и др., 2006; Музаев, Каруева, 2021).

Численность. На Кавказе довольно обычен. В Европе обитает 7,6-13,0 млн., а в Европейской России – 5,4-8,7 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в горах Кавказа численность оценивали в 50-150 тыс. пар (Белик, 2005б). В начале XXI в. кавказская популяция считалась относительно стабильной (Белик и др., 2003).

На Западном Кавказе в низкогорных широколиственных лесах обилие составляло до 8-14 ос./км^2, в среднегорных буковых лесах было 23 ос./км^2, в буково-пихтовых – 7-18 ос./км^2, а на верхней границе леса в сосняках учитывали 8 ос./км^2 и в буковом криволесье – 4-16 ос./км^2 (Перевозов, 2010). По другим данным, там же в дубняках низкогорий учитывали 2,1 ос./км^2, а в среднегорьях в буково-пихтовых лесах было 6,6, в пихтовых – 22,5, в пихтово-еловых – 7,5, в сосновых – 13,1, в парковых кленовниках на верхней границе леса – 22,5 и в березовом криволесье – 5,0 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985).

В Тебердинском заповеднике в середине XX в. в темнохвойных и буково-темнохвойных лесах обилие птиц составляло от 15 до 25, а в сосновых и смешанно-сосновых – не более 5 пар/км^2 (Ткаченко, 1966). В начале же XXI в. обилие там в целом по лесному поясу составляло от 5,2 до 19,2, в среднем – 12,8 ос./км^2 (Караваев и др., 2015). В березняках на Скалистом хр. в Карачаево-Черкесии мы учитывали до 30 пар/км^2, а местами там можно было одновременно слышать пение сразу 3 самцов.

В Кабардино-Балкарии снегири были найдены в широколиственных буково-грабовых лесах на северных склонах Скалистого хр. (1 ос./км^2), а также в субальпийских березовых лесах и криволесье (2 ос./км^2), но в сосновых лесах их не отмечали (Афонин, 1985). Однако по нашим наблюдениям, в сосняках в верховьях Чегема снегири оказались довольно обычны, и там по утрам 16-17.07.2016 учитывали до 4-6 пар на 1,7 км маршрута (Белик, Аккиев, 2023). Обычны снегири и в сосняках

в верховьях Баксана (Моламусов, 1967). В Северной Осетии в верховьях р. Урух обилие птиц летом в сосновых и сосново-лиственных лесах составляло 0,8-2,5, а в Северо-Осетинском заповеднике – 6-25 пар/км^2 (Комаров, 2006, 2013; Комаров и др., 2006).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

414. Дубонос обыкновенный *Coccothraustes coccothraustes* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий и кочующий зимой вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель древне-неморального фаунистического комплекса Евро-Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Выделяется от 5 до 9 подвидов, в том числе номинативный, распространенный в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Забайкалья, и более темный *C. c. nigricans*, характерный для Кавказа и Крыма (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Иногда крымских птиц выделяют в особый подвид *C. c. tatianae* (Портенко, 1960).

По нашим данным, дубоносов из Предкавказья и Нижнего Придонья в таксономическом отношении следует относить к *C. c. nigricans*. Эту форму указывали также для Украины (Дементьев, Гладков, 1954). Но проследить характер ее пространственных взаимоотношений с *C. c. coccothraustes* на материалах коллекций Московского и Ростовского университетов и Института зоологии НАН Украины нам не удалось из-за недостатка гнездовых сборов. Можно лишь отметить, что в средней полосе Европейской России преобладают птицы фенотипа *nigricans* и нередки промежуточные особи, а фенотипы *coccothraustes* в сборах оттуда были немногочисленны (Белик, 2009).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Тихого океана, а также в Малой Африке, на Кавказе, в Малой и Передней Азии. Изолированный участок ареала с эндемичной обособленной формой *C. c. humii* находится в горах Средней Азии.

На юге России распространен в лесистых районах бассейнов Дона и Средней Волги и на Кавказе. Вероятно в XX в. заселил леса степного Предкавказья, где спорадично встречается в разных регионах. Изначально проникал на юг до Нижнего Дона (Сарандинаки, 1909; Аверин, 1911; Белик и др., 2013; Казаков, 2022) и долины Хопра на северо-западе Волгоградской обл. (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик и др., 2022а). В Поволжье к началу XXI в. птицы расселились на юг до р. Еруслан в Заволжье (Завьялов и др., 2011) и Волгограда (Белик, Гу-

гуева, 2021), встречаются на севере Волго-Ахтубинской поймы (Белик, 2016б, 2016в) и в дельте Волги, где дубоносов отмечали 30.06.1983, 06.05.1985, а в начале XXI в. – небольшие стайки в июне-июле (Реуцкий, 2015).

На Кавказе дубоносы были распространены к северу до низовий Кубани, Терека и Ставропольской возв. (Россиков, 1884а; Кистяковский, 1932; Волчанецкий, 1959; Жарова, Жаров, 1962; Чунихин, 1962; Будниченко, 1965; Моламусов, 1967; Хохлов, 1990; Белик, 1993; Казаков, Белик, 1996; Комаров и др., 2011; Очаповский, 2017; Казаков, 2022; и др.). В XX в. птицы начали расселяться на север по искусственным лесным массивам и лесополосам Предкавказья, достигнув Нижнего Дона и Маныча (Петров, Нечаев, 1962; Белик, Пекло, 1989б; Белик, 2009), а в последнее время они появились даже в насаждениях на юго-западе Калмыкии (Музаев, Эрдненов, 2013, 2015).

В горах Кавказа дубонос гнездится от полуострова Абрау у Анапы (Пузанов, 1938; Сара, 2007; Белик, 2013в; и др.) до Дагестана, где найден в предгорьях на краевых хребтах и в дельте р. Самур (Дроздов, 1965; Девятко, Джамирзоев, 2012). Но в лесах известнякового Внутреннего Дагестана и в сланцевых горах на юге Дагестана дубоноса не отмечали (Красовский, 1932; Бёме, 1933; Волчанецкий, 1973; Насрулаев, 2006; Джамирзоев и др., 2018; Белик, Насрулаев, 2019). На Западном и Центральном Кавказе заселяет лиственные и сосновые леса на всех хребтах от северных предгорий до Черноморского побережья (Кудашев, 1916; Л. Бёме, 1926; Аверин, Насимович, 1938; Р. Бёме, 1958; Волчанецкий и др., 1962; Моламусов, 1967; Тильба, 2006; Перевозов, 2014; Белик и др., 2017; Белик, 2019а, 2020а; и др.).

Зимой дубоносы кочуют по различным лесонасаждениям в районах гнездования, но нередко залетают также в степные и пустынные районы Заволжья (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Амосов, 2012). Дубоносы часто держатся вместе с другими вьюрковыми птицами, собираясь иногда в большие стаи (Маловичко, Костенко, 2007; Перевозов, 2014). В горах Кавказа они спускаются обычно в низкогорья и предгорья. Изредка сюда долетают зимующие дубоносы номинативного подвида (Бёме, 1926; Аверин, Насимович, 1938; Моламусов. 1967; и др.).

Местообитания. Обитает в различных типах лесов на равнинах, в предгорьях и среднегорьях. Предпочитает влажные широколиственные леса, но местами гнездится и в сосняках, изредка селится в искусственных лесах, лесополосах и городских парках. В период созревания вишен много дубоносов появляется в сельских садах, где они кормятся, дробя клювом косточки и выбрасывая сочные плоды. В горах

зимой птицы иногда концентрируются большими стаями в плодоносящих лесах из бука и граба, а на равнинах собираются в зарослях лоха, семенами которого обычно кормятся (Поливанов, Поливанова, 1986; Маловичко, Костенко, 2007; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; и др.). Очень рыхлое гнездо из сухих древесных прутиков и корешков вьёт обычно в кронах деревьев, иногда – в кустах.

Численность. На юге России довольно обычен. В Европе обитает 2,6-5,1 млн. пар, а в Европейской России численность оценивали в 200-600 тыс. пар с выраженной тенденцией к увеличению (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Популяция в Южной России составляет 25-100 тыс., в том числе около 22 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б, 2014).

В степном Придонье в байрачных лесах гнездится 7-15, в пойменных – 15-40 и в аренных – 14-17 пар/км^2, а в искусственных лесных массивах в конце XX в. учитывали в среднем 3,3 пары/км^2 (Белик, 2000а). В пойме Дона у стан. Клетской Волгоградской обл. 22.04.09 держалось до 5 пар на 2 км маршрута, или 50 пар/км^2 (Белик, Гугуева, 2021), а в пойменных лесах на Среднем Дону в среднем было 1,2 пар/10 га (Гудина, 2019). На Ставропольской возв. численность птиц в течение 1970-х – 2000-х годов увеличилась в среднем с 0,9 до 3,2 пар/км^2 (Костенко, 2012).

На Западном Кавказе в бассейне р. Шахе в широколиственных и буково-пихтовых лесах учитывали от 17 до 92 ос./км^2, а в лесах на северном макросклоне Большого Кавказа дубоносы оказались редки (Перевозов, 2010). По другим данным, ранее они были найдены там только в буково-пихтовых лесах, где учли всего 7,2 ос./км^2 (Тильба, Казаков, 1985). Дубонос оказался довольно обычен во всех типах лесов на Скалистом и Меловом хребтах, где в дубняках в июле 2004 г. было до 60 ос./км^2 (Белик, 2019а). В Северной Осетии в сосняках Цейского ущелья гнездилась 1 пара/км^2, а в лиственных лесах на Сунженском хр. – 4 пары/км^2 (Комаров, Липкович, 2000; Комаров, 2006). В лесах в дельте р. Самур было учтено 11 ос./км^2 (Дроздов, 1965).

Охранный статус. Включен в Красную книгу Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (3 категория). В остальных регионах Южной России особая охрана дубоноса не предусмотрена. Занесение этого обычного вида в региональные красные списки было недостаточно обосновано, и в особой охране на юге России он пока не нуждается (Белик, 2014).

Семейство **Овсянковые** Emberizidae

415. Просянка *Emberiza calandra* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично зимующий

вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-степного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2000а).

Таксономия. Включает 2-5 подвидов. Обычно считается, что в Европе к востоку до Волги, Каспия и Кавказа распространен номинативный подвид, а в Передней и Средней Азии обитает *E. c. buturlini* (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Иногда в североприазовских степях выделяют форму *E. c. sarmatica*, отличающуюся очень светлой окраской, а на Кавказе – *E. c. ignobilis* (Портенко, 1960). Но представления отдельных исследователей относительно таксономического статуса предкавказских популяций существенно различаются (Бёме, 1926; Волчанецкий и др., 1962; Моламусов, 1967; Казаков, 2022; и др.).

Распространение. Гнездится в Европе от Атлантики до Средней Волги, Каспия и Кавказа, а также в Малой Африке, Малой, Передней и Средней Азии. На юге России распространена в бассейне Дона и Волги, в Предкавказье и горах Северного Кавказа, а также на Черноморском и Каспийском побережьях.

В сухих прибрежных районах у Черного моря на Западном Кавказе просянка в последние десятилетия исчезает (Пузанов, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Очаповский, 1967, 2017; Белик, 2013в; Тильба, 2016; Белик и др., 2017), тогда как на приморских низменностях в Абхазии и в низовьях р. Мзымта во второй половине XX в. наблюдалось расселение птиц из Колхиды (Тильба, 2006; Белик, 2015а, 2015б).

На лесистом Западном Кавказе птицы спорадично встречаются на луговых полянах в нижнем и среднем поясах гор до высоты 1200 м н.у.м. на плато Лагонаки (Мнацеканов, 1998; Белик, 2001б; Перевозов, 2014), на Центральном Кавказе просянки поднимаются в горы вплоть до субальпики, до 1700-2000 м в верховьях р. Урух и других рек (Бёме, 1958; Белик, 2016а), а на Восточном Кавказе в Дагестане они спорадично гнездятся на субальпийских лугах на высоте около 1900-2700 м (Бутьев, Лебедева, 1992; Белик, Насрулаев, 2021).

В равнинных регионах Южной России просянка обычна в Предкавказье от Тамани до Каспия, а также на Нижнем Дону. Но на севере Ростовской и Волгоградской обл. она встречается редко и спорадично (Кубанцев, Чернобай, 1982; Белик, 2005а; Завьялов и др., 2011; Белик, Гугуева, 2021; Белик и др., 2022а). Лишь в самом конце XX в. птицы появились в низовьях р. Еруслан на севере Волгоградского Заволжья, а в начале XXI в. они были там местами уже нередки (Опарин и др., 2002; Барабашин, 2004; Завьялов и др., 2011). В мае 2014 и 2015 гг. две территориальные просянки отмечены нами в Заволжье на севере

Среднеахтубинского р-на и в степи близ г. Ленинск недалеко от границы Астраханской обл. В начале мая 2022 г. активно певшие птицы оказались нередки в окрестностях оз. Эльтон (Рупасов и др., 2022а). Их гнездование предполагается и в окрестностях оз. Баскунчак в Астраханском Заволжье (Хохлов, Параушкин, 2004; Амосов, 2012). Но на Нижней Волге ниже Волгограда просянки, по-видимому, не гнездятся (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Яковлев, 1872, 2015; Kracht, 1919, 2014; Лорец, 1928; Цапко и др., 2009; Реуцкий, 2015; Белик, 2016б, 2016в).

Зимуют птицы в основном в Закавказье и Средиземноморье, на Ближнем Востоке и в Средней Азии, частично оставаясь на зиму в южных районах гнездового ареала. На юге России просянки изредка встречаются зимой в южных районах Ростовской и Волгоградской обл. (Белик, 2000а; Чернобай, 2004), зимуют на юге Астраханской обл. (Реуцкий, 2015), нерегулярно отмечаются зимой в Предкавказье (Россиков, 1884а; Моламусов, 1967; Хохлов и др., 2001; Джамирзоев и др., 2004; Очаповский, 2017). В конце гнездового периода птицы часто кочуют, собираясь в стаи, но их видимые миграции практически не выражены. Заметный пролет наблюдался лишь в конце октября 1989 г. на Черноморском побережье у Сочи, где просянки летели на юго-восток вдоль моря стаями по 5-10 особей (Тильба, 2006).

Местообитания. Распространена в лугово-степных ландшафтах на равнинах и в предгорьях, а по долинам рек проникает в среднегорья и высокогорья Северного Кавказа до высоты 1300-2000 м, а местами – до 2300-2700 м н.у.м. (Бёме, 1958; Бутьев, Лебедева, 1992; Белик, Насрулаев, 2021). Обитает по забурьяненым лугам с редкими кустами, на пустырях у сёл, залежах, местами по степным балкам. Гнездо вьёт на земле среди травы.

Численность. На юге России обычна. В Европе обитает 18,3-31,3 млн. пар, а в Европейской России – 100-200 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 100-200 тыс., в том числе около 27,5 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б, 2014). Популяции просянки в отдельных регионах на юге России периодически очень сильно флуктуируют, в связи с чем спонтанно изменяются и границы ее ареала (Белик, 1999а, 2001а; Баник, Вергелес, 2000; Завьялов и др., 2002, 2011; Венгеров, 2014; Соколов, 2015; Нумеров и др., 2021; Белик и др., 2022; и др.).

Обилие просянки на Нижнем Дону составляет 0,3-0,5 пар/га, или примерно 1 пара/км маршрута (Белик, 2001а; Белик и др., 2001). Но в Калачской излучине Дона в низовьях р. Голубая в июне 2021 и 2022 гг. отмечали локальные поселения с обилием до 3-5 пар/км маршрута

(Соколов, 2022а, 2022*б*). На Ставрополье учитывали 0,6-42,0 пар/км^2, обычно же 1-2 пары/км маршрута (Лиховид, 1988; Хохлов, 1991). В Карачаево-Черкесии на Скалистом хр. обилие достигает 7-14 ос./км^2 на субальпийских лугах и до 5-21 ос./км^2 – на лугово-степных пастбищах в Северо-Юрской депрессии (Караваев и др., 2014). А на лугово-степных пастбищах в предгорьях мы учитывали от 5 пар на 2 км до 8 пар на 5 км маршрута (Белик, 2019а).

В Северной Осетии на разнотравно-злаковых лугах Сунженского хр. гнездится 47 пар/км^2, на полях Северо-Осетинской наклонной равнины – 3-12 пар/км^2, на сенокосах в долине р. Ардон – 3-4 пар/км^2, а в горной степи – единичные пары (Комаров, Липкович, 2000). В устье р. Кума на севере Дагестана в 2003 г. гнездились 2,7 пар/км^2 (Джамирзоев и др., 2004, 2014), а на субальпийских пастбищах на юге Дагестана обилие составляло 19,0 ос./км^2, а местами доходило до 5 пар на 3 га (Бутьев, Лебедева, 1992).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Кабардино-Балкарии (3 категория). В остальных регионах Южной России особая охрана просянки не предусмотрена. Занесение этого обычного вида в региональный красный список Кабардино-Балкарии было недостаточно обосновано, и в особой охране он здесь не нуждается (Белик, 2014).

416. Овсянка обыкновенная *Emberiza citrinella* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный, частично оседлый и зимующий вид Северного Кавказа и лесистых районов в бассейнах Дона и Средней Волги, пролетный и зимующий в низовьях Волги и в Калмыкии (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Выделяют 2-3 подвида. Желтобрюхий номинативный подвид обитает в Западной Европе и на севере Восточной Европы, а рыжегрудая форма *E. c. erythrogenys* распространена на юге Восточной Европы, в Сибири и на Кавказе (Рябицев, 2001; Степанян, 2003). Иногда эти две формы таксономически не разделяют (Коблик и др., 2006).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Атлантики до Байкала и на Кавказе. На юге России распространена в лесистых районах бассейна Дона и Средней Волги, а также на Северном Кавказе. Южная граница ареала европейской популяции проходит через Нижний Дон к Волгограду (Аверин, 1911; Волчанецкий, 1950; Рашкевич, 1957; Петров, 1963; Петров, Курдова, 1973; Казаков, 1974, 2022; Белик и др., 2022а). В конце XX в. эти овсянки проникли в

Ленинский лесхоз на юге Азовского р-на, где в 1977 г. найдено единственное поселение из 2-3 пар, а в 1978 г. птицы были отмечены там еще в двух местах. Обыкновенные овсянки 2 раза встречены также в 1976 г. в Сальском лесничестве к югу от Волгодонска (Белик, 2009).

Во второй половине XX в. эти овсянки появились в лесистых низовьях р. Еруслан в Волгоградском Заволжье, где с высокой плотностью заселили ее долину (Завьялов и др., 2011). В 2013 г. они оказались довольно обычны также по опушкам сосняков на берегу Волгоградского вдхр. в Старополтавском р-не, но в сосняках южнее, у г. Николаевска и пос. Приморск, летом 2014 г. обыкновенных овсянок найти нам не удалось. Не гнездятся они и в пойме Волги ниже Волгограда до самой Астрахани (Artzibascheff, 1859, 2015; Яковлев, 1872, 2015; Kracht, 1919, 2014; Аргиропуло, 1928; Лорец, 1928; Цапко и др., 2009; Белик, 2016б, 2016в; Реуцкий, 2015).

Птицы кавказской популяции населяют леса к северу до долин Кубани, Кумы и Терека и до Ставропольской возв. (Россиков, 1884а; Жарова, Жаров 1962; Казаков, 1974, 2016, 2022; Лиховид, 1977; Хохлов, 1991; Белик, 1993; Казаков, Белик, 1996; Костенко, 2012; Очаповский, 2017; и др.), но они, по-видимому, не имеют тенденции к расселению на север. В горах Кавказа овсянка гнездится от полуострова Абрау у Анапы (Птушенко, 1938; Белик, 2013в; Мнацеканов, Тильба, 2015) до Дагестана, но на Восточном Кавказе известен единственный район, где на лесистых краевых хребтах в окрестностях с. Былым в июне-июле 1963 г. были добыты 7 самцов обыкновенной овсянки (Девятко, Джамирзоев, 2012).

В последние десятилетия эта овсянка, по-видимому, исчезла в Северной Осетии (Комаров, Липкович, 2000; Белик и др., 2006, 2016), где до середины XX в. считалась обычным и многочисленным гнездящимся видом (Л. Бёме, 1926; Р. Бёме, 1958). Нами в последний раз встречена близ Владикавказа в июле 1971 г. (Белик, 2013г), а Ю.Е. Комаров (личн. сообщ.) не отмечал ее в летний период с 1977 г. Летом в течение 2004-2018 гг. нам не удалось найти эту овсянку и в Кабардино-Балкарии (Белик, Федосов, 2017; Белик, 2018б), хотя ранее она была там тоже довольно обычным видом (Гептнер, 1926; Радищев, 1926; Моламусов, 1967; и др.).

На Черноморском побережье Кавказа овсянка спорадично встречалась от Абрау до Хосты, но в последние десятилетия отмечается там очень редко (Кудашев, 1916; Пузанов, 1938; Стаховський, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2006; Белик и др., 2017).

Зимует эта овсянка в пределах гнездового ареала, но осенью по всему югу России регулярно наблюдаются кочующие стаи, летящие с севера. На

Черноморском побережье осенью они летят вдоль берега моря на юго-восток (Тильба, 2001, 2006).

Местообитания. Распространена в лесостепных ландшафтах на равнинах, в предгорьях и горах, поднимаясь вверх до 1800-2000 м н.у.м. (Моламусов, 1967). Обитает обычно по опушкам различных типов леса, на лесных полянах и вырубках, в редколесьях и лесополосах. Менее охотно гнездится среди редколесий на песках. Гнездо вьёт на земле среди травы и кустов.

Численность. На юге России немногочисленна или редка. В Европе обитает 18,3-28,0 млн., а в Европейской России – 3,0-4,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 50-150 тыс., в том числе более 40 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В последние десятилетия на Кавказе повсеместно наблюдается глубокая депрессия численности вплоть до исчезновения птиц в некоторых регионах (Комаров, Липкович, 2000; Белик, 2013г, 2019а, 2020а; Белик и др., 2017; Белик, Федосов, 2017; Белик, Аккиев, 2023). Лишь в лесах на Ставропольской возв. в течение 1970-х – 2000-х годов отмечено небольшое увеличение обилия в среднем с 1,1 до 3,4 пар/км^2 (Костенко, 2012).

На Западном Кавказе в конце XX в. эта овсянка вовсе не попала в учеты (Тильба, Казаков, 1985), а в начале XXI в. отмечена лишь в долине р. Белой, где в низкогорных широколиственных лесах учитывали всего 0,13-1,94 ос./км^2 (Перевозов, 2010). В Тебердинском заповеднике в гнездовой период отмечена только на лугах в долине у г. Теберда, где в июне учтено 10 ос./км^2 (Караваев и др., 2014). В Чечне в конце XX в. на степном участке отмечали 0,6 ос./5 км, на лесостепном – 3,0 ос./5 км и в горно-степном субальпийском – 0,2 ос./5 км маршрута (Гизатулин и др., 2001). По другим данным, там же в пойменных лесах было 6 ос./км^2, в предгорных дубравах – 2 ос./км^2, в горных лесах – 1 ос./км^2 и в субальпийском криволесье – 3 ос./км^2 (Анисимов, 1975, 1989).

В степном Придонье в конце XX в. в байрачных лесах гнездилось в среднем 15,4, в пойменных – 15,2 и в аренных – 12,5, а в искусственном лесном массиве на Донецком кряже – 10,0 пар/км^2 (Белик, 2000а). В пойменных лесах Среднего Дона обилие птиц в 2008-2009 гг. составляло 15-40 пар/км^2, в борах на р. Арчеда – 7 пар/км^2, а среди березняков в песках – 5 пар/км^2 (Белик, Гугуева, 2021). По другим данным, в пойменных дубравах Среднего Дона в 2016-2018 гг. учитывали в среднем 1,5 пар/10 га (Гудина, 2019). А в закустаренной степи на террасе р. Еруслан у с. Дьяковка Саратовской обл. летом 1998-2002 гг. учитывали 368,8 ос./км^2 (Завьялов и др., 2011).

Охранный статус. В особой охране пока не нуждается.

417. Овсянка белошапочная *Emberiza leucocephala* S.G. Gmelin, 1771

Характер пребывания. Залетный или пролетный, изредка зимующий вид Южной России, отмечавшийся на миграциях во многих регионах на равнинах и в горах Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Выделяют 2 подвида, в том числе номинативный, распространенный на большей части ареала, и *E. l. fronto*, обитающий в изоляции в горах Центрального Китая (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Ранее белошапочная овсянка иногда объединялась с близкородственной обыкновенной овсянкой, с которой гибридизирует в районах совместного обитания на обширном пространстве от Урала до Байкала (Портенко, 1960).

Распространение. Гнездится в лесном поясе Сибири от Урала до Тихого океана, а с 1980-х годов появилась на гнездовании в таежном Приуралье (Сотников, 2008). Зимует в Средней Азии и Иране, в Монголии и на севере Китая. Залетных птиц неоднократно отмечали в Восточной и Западной Европе (Дементьев, Гладков, 1954; Snow, Perrins, 1998). На миграциях птицы регулярно наблюдаются на западе Казахстана, в том числе в долине р. Урал (Гаврилов и др., 1968; Губин, 2022), по которой летят, возможно, в Туркмению и Иран.

На юге России эти овсянки впервые отмечены в начале XX в. на пролете и зимовке в низовьях Волги (Хлебников, 1928, 1930; Дементьев, Гладков, 1954). Вновь их стали встречать там в 1980-е годы (Реуцкий, 2015), а 03.01.1996 взрослый самец был добыт в Чернышковском р-не Волгоградской обл. (Завьялов, Альберти, 2008). Но в окрестностях Волгограда, по данным А.В. Жменя, этих овсянок в 1990-е годы встречали уже нередко: 06.10.1992; 13.10.1994; 12.10.1996; 09.10.1997; 23.09.1998; 04.10.1999; 10.10.2000; 28.09.2005; 19.10.2008; 07.10.2009; 16.03.2017; 11.10.2017; 27.10.2020; 21.09.2021, т.е. первые встречи осенью отмечаются в конце сентября - середине октября, в среднем (n=13 лет) – 10 октября (Белик и др., 2023).

В 1980-е годы залетные белошапочные овсянки были неожиданно обнаружены на Черноморском побережье Кавказа, сначала в Абхазии, где дважды 28.11. и 07.12.1985 не менее 3 особей наблюдали в центре Сухума (Abuladze, 2015), а в 1986-1988 гг. этих овсянок неоднократно регистрировали на весеннем и осеннем пролете в районе Сочи (Пекло,

Тильба, 1991; Тильба, 1995, 2022; Пекло и др., 2019). В 2000-2005 гг. их несколько раз встречали в Северной Осетии на весеннем пролете в долине Терека у г. Моздок, а на Тереке близ с. Карджин у подножия Сунженского хр. эта овсянка поймана 30.01.2011 (Комаров, 2007, 2011). Стайка из 6 особей встречена также 03.11.2002 на окраине Ставрополя (Хохлов, Желябовский, 2003; Хохлов, Ильюх, 2005), а весной 2011 и 2013 гг. белошапочных овсянок несколько раз отмечали в горах в окрестностях Кисловодска в Ставропольском крае и Карачаево-Черкесии (Тельпов и др., 2013). Еще одна птица встречена 26.12.2020 возле Нальчика (Журтов, 2021), а 26.03.2009 самец наблюдался в Орловском р-не Ростовской обл. в долине Маныча (Липкович, 2015; Липкович, Брагин, 2015). Двух белошапочных овсянок, самок или молодых, если только в их определении не было ошибок, наблюдали 22.10.2011 в устье р. Кума на севере Дагестана (Букреев и др., 2011).

Рис. 58. Места встреч залетных белошапочных овсянок (красные пуансоны) и овсянок-ремез (красно-черные пуансоны) на юге России и в смежных регионах

В середине 1980-х годов эти овсянки были обнаружены также в Крыму,

где сейчас они в небольшом числе, но регулярно зимуют в некоторых горных районах (Цвелых и др., 1997; Кинда и др., 2003; Бескаравайный, 2012; Костин, 2020; и др.). Возможно, в последние десятилетия формируется новый пролетный путь расселяющейся на запад уральской популяции, птицы которой летят осенью вместе с обыкновенными овсянками на юг к Волге, а затем на Кавказ и в Крым.

Местообитания. Обитает по опушкам различных таежных лесов, на верховых болотах с редкими деревьями и кустами, на зарастающих вырубках и гарях, среди редколесий, по окраинам полей. Гнездо вьёт на земле среди травы.

Численность. В Европе, на территории Европейской России, обитает 50-120 пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Но в последние десятилетия в горах Урала, в пределах Европейской России, этот вид при картировании ареалов не отмечали (Атлас …, 2020). Однако на юге России с конца XX в. наблюдается увеличение частоты встреч залетных или пролетных особей, встречающихся обычно в одиночку или небольшими группами в стаях обыкновенных или горных овсянок.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

– Овсянка огородная *Emberiza cirlus* Linnaeus, 1766

Характер пребывания. Отмечен залет в Дагестан в район Махачкалы (Вилков, 2004), но визуальные наблюдения этой овсянки не подтверждены и никак не документированы, поэтому решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии вид был исключен из фауны Южной России (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Выделяют 2 подвида, в том числе номинативный, распространенный на большей части ареала (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003). Иногда рассматривается как монотипический вид (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в Западной Европе, Малой Африке и Малой Азии, где ведет оседлый образ жизни. В России известен единственный, не подтвержденный коллекционным материалом залет в июне 1878 г. в Тульскую обл. (Мензбир, 1879; Степанян, 2003). Кроме того, этих птиц несколько раз отмечали в XIX в. в Крыму и однажды в Закавказье (Радде, 1884; Костин, 2020).

Для юга России указан залет огородной овсянки в Дагестан к Махачкале (Вилков, 2004), но ее визуальная встреча не документирована и ничем

не подтверждена, поэтому не исключена ошибка в определении этой птицы.

Местообитания. Гнездится в кустарниках, по опушкам лесов, в культурном ландшафте на равнинах и по пологим склонам в предгорьях.

Численность. В Европе обитает 2,5-4,6 млн. пар (European birds …, 2017). В России возможны единичные случайные встречи залетных птиц.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

418. Овсянка горная *Emberiza cia* Linnaeus, 1766

Характер пребывания. Гнездящийся, оседлый, частично кочующий зимой вид всех горных регионов Северного Кавказа (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики (Белик, 2013а).

Таксономия. В настоящее время выделяют 5-6 подвидов, в том числе *E. c. prageri*, гнездящийся на Кавказе (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). Кроме того, иногда признают также крымскую форму *E. c. mokrzeckyi*, которая может проникать на Черноморское побережье Кавказа (Портенко, 1960; Коблик и др., 2006), образуя там, по-видимому, обособленную приморскую популяцию, связанную с крымской. Ряд форм из Восточной Азии, распространенных к востоку от Тянь-Шаня, Гималаев и Алтая, которые ранее относились к горной овсянке (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960), сейчас выделены в отдельный вид – овсянку Годлевского (*E. godlewskii*), отличающуюся наличием коричневого рисунка на голове.

Распространение. Гнездится в горах по югу Евразии от Пиренеев до Средней Азии, Гималаев и Алтая, а также в Малой Африке. На юге России распространена только в горах Северного Кавказа от полуострова Абрау у Анапы до Дагестана. На побережье Черного моря гнездится на прибрежных скалах и в сухих скалистых ущельях от полуострова Абрау до Пицунды, возможно до Сухума (Шарлеман, 1915; Кудашев, 1916; Пузанов, 1938; Стаховський, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Тильба, 2006, 2016; Сара, 2007; Белик, 2013в; Белик и др., 2017; Очаповский, 2017; и др.).

На северном макросклоне овсянки спорадично распространены от рек Убин и Афипс в лесостепных предгорьях Западного Кавказа до Майкопа, а также до Армавира, куда они проникали в прошлом по скалистым обрывам в долине р. Уруп (Волчанецкий и др., 1962; Жарова, Жаров, 1962; Перевозов, 2014; Очаповский, 2017; Белик, 2019а). У Армавира овсянки встречались также на западных обрывистых

склонах Ставропольской возв., но на самой возвышенности, по-видимому, нигде не гнездились (Жарова, Жаров, 1962; Хохлов, 1991; Казаков, 2022). От Армавира граница ареала идет к Пятигорску – Нальчику – Сунженскому хр. в Северной Осетии (Бёме, 1926; Радищев, 1926; Доронин, Костенко, 2013).

На Восточном Кавказе горная овсянка широко распространена на Водораздельном и Боковом хр., в известняковом Внутреннем Дагестане, а также на краевых хребтах Дагестана, но в сухие предгорья летом не спускается (Россиков,1884б; Билькевич, 1893; Динник, 1905; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Насрулаев, 2006; Девятко, Джамирзоев, 2012; Джамирзоев и др., 2018; Белик, Насрулаев, 2019; и др.).

Зимой птицы кочуют стайками в районах гнездования, но после снегопадов в массе слетаются на дороги, в селения, спускаются в предгорья и изредка вылетают на подгорную равнину вплоть до Тамани, Краснодара, г. Прохладного (Россиков, 1884а; Моламусов, 1967; Динкевич и др., 2007; Очаповский, 2017).

Местообитания. Гнездится в лесостепных, горностепных и субальпийских ландшафтах, поднимаясь вверх до 1800-2000 м (Моламусов, 1967; Белик, 2016а), а в прошлом встречалась до 2400-2800 м н.у.м. (Динник, 1886; Шарлеман, 1915). Местами птицы спускаются в сухие предгорья, в том числе гнездятся по берегам Черного моря. Предпочитают сбитые каменистые пастбища с редкими кустами, низкой травой и голыми глинистыми или каменистыми промоинами, откосами и обрывами. Густого высокотравья везде избегают. Гнездятся на земле среди травы или под камнями.

Численность. На Кавказе довольно обычна. В Европе обитает 1,9-4,2 млн. пар, а в Европейской России – 10-30 тыс. пар с выраженной тенденцией к сокращению численности (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017), что связано с зарастанием пастбищ густыми кустарниками и высокотравьем после резкого снижения интенсивности выпаса домашнего скота в горах в конце XX в. На юге России кавказскую популяцию в начале XXI в. оценивали в 10-50 тыс. пар (Белик, 2005б).

В Карачаево-Черкесии на субальпийских лугах по Скалистому хр. в мае 1997 г. учитывали 4-10 ос./км^2, но на пастбищах соседней горы эта овсянка не была найдена (Караваев, 2000). Однако на сухих пастбищах в долине Кубани ниже г. Карачаевска обилие птиц летом достигало 61-102 ос./км^2 (Караваев и др., 2014). В Кабардино-Балкарии эта овсянка встречалась ранее только в горной степи с кустами, скалами и камнями, где была субдоминантом в птичьем населении (41 ос./км^2, или 17,6%), уступая в численности лишь обыкновенной каменке (Афонин, 1985). Но по мнению Р.Х. Пшегусова, сейчас горная овсянка обычна и выше

в горах в Кабардино-Балкарском заповеднике, где учитывали 12-13 ос./км^2 (Джамирзоев и др., 2014). В Северной Осетии по долине р. Урух ее обилие местами достигало 32,7 пар/км^2 (Комаров, 2013).

На побережье Черного моря в Абхазии, на Мюссерских холмах у Пицунды, эти овсянки оказались нередки на отвесных береговых скалах с куртинами пицундских сосен, где в июле 2011 г. были учтены не менее 4 пар на 1 км берега (Белик, 2015а).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

419. Овсянка болотная *Emberiza schoeniclus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Гнездящийся, частично оседлый и зимующий вид равнинных регионов Южной России и редкий пролетный вид в горных районах (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель аллювиофильного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а).

Таксономия. Чрезвычайно широкая внутривидовая изменчивость, проявляющаяся в варьировании окраски оперения и общих размеров, но особенно в форме и величине клюва, обусловила выделение разными авторами от 11 до 26 подвидов. Их диагностика и выявление ареалов отдельных форм сопряжены с определенными трудностями, с чем связаны значительные расхождения в описании распространения некоторых подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014; и др.).

Северная группа подвидов («*schoeniclus*») отличается маленьким, тонким и острым клювом длиной от ноздри менее 7 мм. К ней относят номинативную форму, которая может зимовать на юге России, а также *E. sch. ukrainae*, распространенную на Среднем Дону и Средней Волге и проникающую к югу до низовий Сев. Донца и долины Нижнего Дона (Бахтадзе, 2001). Для степного Заволжья на пролете отмечали также многочисленных северо-сибирских *E. sch. passerina* и изредка встречавшихся южно-сибирских *E. sch. pallidior* (Гаврилов и др., 1968).

Подвиды, гнездящиеся в более южных районах, имеют прямой, но сравнительно длинный, более 7 мм, клюв. К этой группе «*intermedia*» относят подвид *E. sch. tschusii*, населяющий Украину, низовья Дона, Приазовье, долину Западного Маныча и поймы степных рек Западного Предкавказья. А толстоклювых овсянок (группа подвидов «*pyrrhuloides*»), обитающих на юге Европейской России, следует относить к подвиду *E. sch. volgae*, имеющему мощный клюв высотой 7,5-8,3 мм. Эта форма найдена в низовьях Волги, Кумы и Терека, а на север проникает до Сарпинских озер и Волгограда (Бахтадзе, 2001).

Для дельты Волги иногда указывают подвид *E. sch. pyrrhuloides* (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006), характеризующийся наиболее вздутым и тупым клювом высотой более 8,5 мм. Но эта форма распространена в общем восточнее – на водоемах Казахстана и Средней Азии (Бахтадзе, 2001).

В прошлом этих толстоклювых овсянок иногда возводили в самостоятельный вид (Богданов, 1871; и др.). Русское же видовое название – тростниковая, или камышовая овсянка – не совсем точно отражает все связи этих птиц с местообитаниями. Более корректно называть их болотными овсянками.

Распространение. Гнездится в Северной Евразии от Атлантики до Тихого океана и от тундр и тайги на севере до южных степей и пустынь. На юге России распространена на равнинных водоемах степной и полупустынной зон в бассейнах Дона, Волги, Кубани, Кумы, Терека и других рек, впадающих в Азовское и Каспийское моря. Лишь на соленых озерах в пустынях Заволжья болотные овсянки редки или не гнездятся вовсе (Быков и др., 2009; Амосов, 2012).

Не найдены эти овсянки на гнездовье также на степных водоемах в предгорьях Северного Кавказа в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Комаров, Липкович, 2000; Очаповский, 2017; Белик, 2019а). Нет их и на Черноморском побережье Кавказа. Прежние указания о гнездовании этой овсянки в Пицунде (Бернацкий, 1958), а также в Тебердинском заповеднике (Поливанов, Поливанова, 2002) связаны, вероятно, с какими-то недоразумениями и позже никем не были подтверждены (Белик, 2015а, 2020а; Караваев и др., 2015).

Зимуют болотные овсянки во всех равнинных регионах, причем в конце XX в. благодаря потеплению климата их массовые зимовки начали формироваться уже в северных районах степного Поволжья (Завьялов и др., 2011). В горах Северного Кавказа эти овсянки очень редко встречаются даже на миграциях (Джамирзоев и др., 2014). Толстоклювые овсянки в небольшом числе зимуют в дельте Волги (Яковлев, 1872, 2015; Луговой, 1963).

Местообитания. На юге России гнездится преимущественно среди тростниково-рогозовых болот по берегам различных степных водоёмов, предпочитая мозаичные плавневые заросли в поймах рек или по берегам морей. Местами заселяет заросли осоки на лугах или у болот. Зимующие птицы придерживаются в основном полей, пустырей, степных участков близ водоемов, где скрываются в тростниках при тревоге. Кормятся они обычно семенами сорняков или различных злаков (Ломакин, Белик, 2008). Гнездо из сухих листьев и травы вьют

в глубине зарослей макрофитов невысоко над водой.

Численность. На юге России сравнительно обычна. В Европе обитает 4,1-7,0 млн., а в Европейской России – 1,5-2,5 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России оценивали в 30-50 тыс., в том числе около 28 тыс. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б). В начале XXI в. в Волго-Каспийском регионе отмечено заметное сокращение численности, связанное с подъемом уровня Каспия (Белик и др., 2003; Реуцкий, 2015).

Обилие овсянок в тростниково-рогозовых зарослях в дельте Волги в 2020-2021 гг. колебалось от 1,32 до 4,17 пар/10 га, в среднем по годам – 2,91 и 3,24 пар/10 га, а в галерейных лесах вдоль проток – 0,31 и 0,26 пар/10 га (Стрелков, 2021). Обилие в тростниковых зарослях на водоемах по долине р. Еруслан и берегам Волгоградского вдхр. достигает 1,0-1,3 пар/га и 73,3 ос./км^2, а их доля в населении птиц составляет 3,1-10,4% (Юдин, 1952; Завьялов и др., 2011). А в Черебаевской пойме на левобережье Волгоградского вдхр. в июле 1998-2000 гг. учитывали 1,3-2,4 ос./га в тростниково-ивовых лесах и 2,6-3,4 ос./га – на заливных лугах (Шаповалова, Завьялов, 2009). В Воронежской обл. на водораздельных озерах Хоперского заповедника в конце XX в. среднее обилие этой овсянки составляло 19,6 пар/км^2 (Нумеров и др., 2021), а в луговой пойме р. Битюг в 2010-е годы оно варьировало от 5 до 81 пар/км^2 в зависимости от степени увлажнения поймы (Соколов, Венгеров, 2010).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

420. Овсянка-ремез *Emberiza rustica* Pallas, 1776

Характер пребывания. Залетный или пролетный вид, зарегистрированный в Волгоградской и Ростовской обл. и в Кабардино-Балкарии (Белик и др., 2016; Журтов, 2020).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1978, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в таежной зоне Евразии от Скандинавии до Тихого океана, а зимует в Китае и Юго-Восточной Азии. На юге России в последние десятилетия стали отмечаться залеты этой овсянки, связанные, вероятно, с увеличением ее численности в европейской тайге и расширением ареала к югу и западу, что наблюдается в Скандинавии и Прибалтике (Snow, Perrins, 1998), в Ленинградской и Кировской обл. (Дементьев, Гладков, 1954; Мальчевский, Пукинский, 1983; Сотников, 2008).

На юге России овсянка-ремез впервые была встречена в Волгоградской обл., где у г. Краснослободск в пойме Волги против Волгограда 14 и 17.10.2009 были пойманы 2 самца, державшиеся на пустошах в стайках обыкновенных овсянок. По сведениям А.В. Жменя, овсянки-ремез с 1992 г. регулярно встречаются на миграциях в пойме Волги у Волгограда и на Дону в Иловлинском р-не с 25 сентября до конца октября осенью и с 1 до 15 марта весной. Обычно за сезон там отлавливали от 1 до 3 особей. Они держались, как правило, в передовых пролетных стайках обыкновенных овсянок в поймах рек, но ни разу не отмечались на водоразделах (Пименов, Жменя, 2012; Пименов, Белик, 2012). Еще 2 самца овсянки-ремез были пойманы 30.09.2011 и 02.10.2012 в Азовском р-не Ростовской обл. (Савицкий, 2015; Савицкий, Ефремов, 2016), а 08.01.2018 две овсянки-ремез встречены близ Нальчика в Кабардино-Балкарии (Журтов, 2018, 2020). Случайно они залетают даже в Закавказье (Ананян, 2016).

Сведения же о наблюдениях стаек этих овсянок в первой половине августа 1950 и 1951 гг. в дельте Волги (Кудрявцев и др., 1957; Луговой, 1963) были явно ошибочными (Пименов, Белик, 2012; Реуцкий, 2015). Это же относится, очевидно, и к встречам овсянки-ремез зимой 1992/93 г. в окрестностях г. Краснодара, где учли сразу 99 ос./км^2, или 24,8 ос./10 км маршрута, т.е. почти столько же, как и у болотной овсянки (Лохман, 1996, 2002). Валидность указанных находок не была признана и Северокавказской орнитофаунистической комиссией (Тильба, 2004; Работа …, 2005; Белик и др., 2006). К сожалению, никак не документированы и не подтверждены находки овсянки-ремез и в Калмыкии (Бадмаев и др., 2015).

Сроки пролета овсянки-ремез в Волгоградской обл. в целом совпадают с датами ее встреч в соседних регионах. Так, в Воронежской обл. птиц отмечали 26.09.1937 и 08.04.1950 в Воронежском заповеднике (Барабаш-Никифоров, Павловский, 1948; Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963), 30.03.1972, 03.05.1984, 20.03.1991, 03.10.2016 и в конце сентября 1980 г. у Воронежа (Нумеров, 1996; Нумеров и др., 2021), а также 01.04.1978 в Хоперском заповеднике (Золотарев, 1995). В Саратовской обл. первые находки овсянки-ремез отмечены 02.09.1955 у г. Вольска и 31.03.1997 в Саратове (Завьялов, Табачишин, 1997; Завьялов и др., 2011).

Кроме того, после сильных снегопадов во второй декаде марта 2006 г. стая из 25-30 птиц в течение недели держалась у животноводческого комплекса в низовьях р. Еруслан в Заволжье в окрестностях с. Дьяковка Краснокутского р-на Саратовской обл. (Завьялов и др., 2011). На осеннем пролете с конца сентября до середины октября эти птицы

изредка, но регулярно встречались также в Западном Казахстане (Сушкин, 1908; Дубинин, 1953; Дубинин, Торопанова, 1956; Гаврилов и др., 1968; Пименов, Белик, 2012), а в низовьях р. Урал их небольшой пролёт был отмечен с 23.03. по 08.04.1974 (Губин и др., 1977; Губин, 2022).

В Донецкой обл. овсянку-ремез наблюдали 18.10.1990 в заповеднике «Хомутовская степь» (Сиренко, Мартынов, 1998), а в Херсонской обл. – 13.02.2011 в низовьях Днепра (Редінов, Петрович, 2011). В Крыму она была добыта 30.11.1915 (Костин, 1983) и 24.10.1993 (Цвелых и др., 1997). Судя по ноябрьским и февральским встречам, овсянки-ремез могут оставаться в Причерноморье, по-видимому, на зимовку.

Таким образом, нынешнее увеличение потока дисперсантов на юге России свидетельствует, очевидно, о начале формирования новых направлений миграции овсянки-ремез. Несомненно, она залетает сейчас и в другие соседние регионы. Но ее поиски требуют специальных наблюдений, фотосъемки или отлова птиц в определенных местообитаниях и в довольно короткие сроки пролета.

Местообитания. Гнездится обычно в разреженных заболоченных таежных лесах северного типа, на верховых болотах, по берегам рек и окраинам болот, по опушкам ельников и березняков. На миграциях на юге России встречается весной и осенью обычно в стайках обыкновенных овсянок по лесополосам, в кустарниках или на пустырях, где кормится семенами сорняков.

Численность. В Европе обитает 681-831 тыс., а на севере Европейской России – 500-700 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в последние десятилетия стали регистрировать немногочисленных залетных птиц.

Охранный статус. Внесена в новое издание Красной книги РФ (2021) под 2 категорией редкости как уязвимый вид, сокращающий численность. На юге России особая охрана этого редкого залетного вида пока не предусмотрена и здесь она вряд ли реально возможна. К тому же сейчас выясняется недостаточная обоснованность включения овсянки-ремез в Красную книгу России (Бисеров, Медведева, 2020; Бисеров, 2021).

– Овсянка-крошка *Emberiza pusilla* Pallas, 1776

Характер пребывания. Была указана для Адыгеи (Лохман, 1994), но решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии вид исключен из фауны Южной России, поскольку его визуальная встреча осталась не подтверждена и никак не документирована (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится в таежной полосе Евразии от Скандинавии до Тихого океана, а зимует в Юго-Восточной Азии. На юге России овсянка-крошка была отмечена зимой 1989/90 г. близ Шапсугского вдхр. в Адыгее к юго-западу от Краснодара при проведении зимних учетов птиц (Лохман, 1994). Однако ее визуальные наблюдения ничем не были подтверждены, что не исключает ошибки в определении птиц. Подтвержденные залеты отмечены дважды в 1979 и 2013 гг. в Воронежской обл. (Воробьев, Лихацкий, 1987; Нумеров и др., 2021), дважды в Саратовской обл. (Козловский, 1949; Завьялов и др., 2011) и дважды в 1989 и 1994 гг. в Крыму (Клестов, Осипова, 1991; Бескаравайный, 1996; Цвелых и др., 1997; Костин, 2020). Залеты овсянки-крошки вполне возможны и на юге России, но они требуют фактических подтверждений.

Местообитания. Гнездится на земле среди травы в разреженных влажных лесах, на лесных опушках, полянах, зарастающих гарях, в тундровых кустарниках и т.п.

Численность. На севере Европейской России обитает 3,0-5,5 млн. пар; аналогичная оценка численности приводится и для Европы (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России возможны случайные регистрации залетных мигрантов, но из-за их сходства с другими овсянками, все встречи должны быть четко подтверждены и документированы.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

– Овсянка седоголовая *Emberiza spodocephala* Pallas, 1776

Характер пребывания. Была ошибочно включена в фауну Кабардино-Балкарии (Моламусов, 1955). Из фауны Южной России исключена решением Северокавказской орнитофаунистической комиссии (Белик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель маньчжурского фаунистического комплекса Китайского типа фауны Палеарктики (Белик, 2006).

Таксономия. Выделяют от 3 до 6 подвидов (Дементьев, Гладков, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014). По последним данным, в России обитает только номинативный подвид, а форма *E. s. personata*, распространенная на Сахалине и в Японии,

считается сейчас отдельным видом – маскированной овсянкой (Коблик и др., 2006; Коблик, Архипов, 2014).

Распространение. Гнездится в Восточной Сибири и Китае, а зимует в Юго-Восточной Азии. Залеты несколько раз регистрировали в Европе – в Финляндии, Германии, Нидерландах и Британии (Snow, Perrins, 1998). Эта овсянка как гнездящийся вид была включена в фауну Кабардино-Балкарии явно по ошибке, что позже указал сам автор (Моламусов, 1955, 1967, с.7).

Местообитания. Гнездится на лугах и болотах с кустарниками, на зарастающих гарях, на лесных опушках, в кустарниках вдоль рек. Гнездо делает на земле или на кустах невысоко над землей.

Численность. В Сибири и на Дальнем Востоке птицы обычны и многочисленны.

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

421. Дубровник *Emberiza aureola* Pallas, 1773

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид, в прошлом регистрировавшийся в Ростовской и Волгоградской обл., а также залетавший в дельту Волги (Белик и др., 2016; Белик, Смирнов, 2022).

Зоогеографические связи. Представитель северотаежного фаунистического комплекса Сибирского типа фауны Палеарктики (Брунов, 1978, 1980; Белик, 2006).

Таксономия. Включает 2-5 подвидов, в том числе номинативный, распространенный в Европе и на большей части Сибири, а также еще 1-3 формы, которые выделяют на Дальнем Востоке (Портенко, 1960; Коблик и др., 2006; Редькин, 2018).

Распространение. Гнездится в умеренном поясе Евразии от Прибалтики и Украины до Тихого океана, а зимует на юге и юго-востоке Азии. Южная граница гнездового ареала определялась находками в Черниговской, Воронежской и Саратовской обл. (Дементьев, Гладков, 1954; Завьялов и др., 2011; Нумеров и др., 2021). Но в прошлом гнездовья дубровника отмечались и южнее.

Н.Н. Арцыбашев, по свидетельству М.А. Мензбира (1895, с.570), в 1858 г. собрал у Сарепты несколько самцов, самок и молодых дубровников, хранившихся в Зоологическом музее МГУ, но к настоящему времени там сохранился только один взрослый самец, добытый 04.06.1858 **ст.ст.** К сожалению, место добычи на этикетке точно не указано; нет никаких сведений о дубровнике и в опубликованной статье Н.Н. Арцыбашева (Artzibascheff, 1859, 2015). Но можно полагать, что дубров-

ники были найдены на Сарпинских озерах у Сарепты на юге Волгоградской обл., где базировался этот исследователь (Белик, Смирнов, 2022). В последнее время дубровника привел для Волгоградской обл. В.Ф. Чернобай (2004), считавший его малочисленным, вероятно гнездящимся и редким пролетным видом, но никаких конкретных данных о дубровнике в его работах нет.

С.Н. Варшавский (1965, личн. сообщ.) в 1933 и 1934 гг. обнаружил дубровников в пойме Нижнего Дона у Цимлянска и Волгодонска, где было найдено гнездо и встречен выводок. Однако позже, в 1960-е и 1980-е годы, несмотря на длительные специальные исследования, обнаружить дубровника на Нижнем Дону больше не удалось (Белик, 1992а). Но на Среднем Дону на заболоченных лугах близ стан. Вешенской двух певших самцов 10.06.1989 обнаружили Г.Б. Бахтадзе и А.М. Шолохов (1991). По сведениям Л.В. Симакина (личн. сообщ.), дубровников наблюдали в том районе и в 1990-е годы (Белик, 2005а).

В дельте Волги вероятно залетного певшего самца встретили 30.05.1954 на Дамчикском участке Астраханского заповедника (Луговой, 1963). Однако в последние десятилетия ареал и численность дубровника в России сильно сократились (Мищенко и др., 2021), и в настоящее время этот вид на юге России, по-видимому, не встречается.

Местообитания. Гнездится обычно на пойменных и суходольных лугах с отдельными кустами и бурьянистым высокотравьем, как правило поблизости от рек, ручьев или канав с водой. Гнездо вьёт на земле среди густой травы.

Численность. В Европе численность в начале XXI в. оценивали в 60-300 пар, в том числе 50-250 пар в Европейской России (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017), но по последним уточненным данным она составляет здесь около 600-1200 пар (Атлас …, 2020). Европейская популяция в целом за 3 поколения (10-11 лет) сократилась более чем на 80%, а вся популяция в течение 1980-2013 гг. уменьшилась на 84,3-94,7% (Kamp et al., 2015; Мищенко и др., 2021). На юге России предполагалось гнездование 5-50 пар (Белик, 2000а, 2005б), однако в последние десятилетия дубровник здесь, очевидно, исчез. Сокращение ареала и численности было отмечено в Поволжье в конце XX в. (Белик и др., 2003).

Охранный статус. Дубровник внесен в Красную книгу РФ (2021) под 2 категорией редкости как вид, сокращающий численность. Основной причиной ее резкого падения стал массовый отлов птиц в кулинарных целях на миграциях и зимовках в Китае, а также трансформация биотопов в местах гнездования и зимовок (Мищенко и др., 2021). На юге России особая охрана дубровника пока не предусмотрена.

422. Овсянка садовая *Emberiza hortulana* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид всех регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель лесостепного фаунистического комплекса Европейского типа фауны Палеарктики (Белик, 1992в, 2000а, 2006, 2013а).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Гнездится на западе Евразии от Атлантики до Алтая и Саян, а также на Кавказе, в Малой и Передней Азии. На юге России распространена в бассейнах Дона и Волги, по всему степному Предкавказью к югу до лесостепных предгорий; спорадично гнездится также в горной степи на Центральном и Восточном Кавказе. На Черноморском побережье Кавказа широко распространена на Тамани (Белик и др., 2009), а до середины XX в. была обычна в предгорьях от полуострова Абрау к востоку до р. Джубга, но в последние десятилетия встречается там редко (Пузанов, 1938; Стаховський, 1938; Волчанецкий и др., 1962; Белик, 2013в; Мнацеканов, Тильба, 2015; Тильба, 2016; Белик и др., 2017). Восточнее, вплоть до Колхиды, по побережью моря, по-видимому, не гнездится (Тильба, 2001, 2006; Белик, 2015в).

В лесистых горах Западного Кавказа садовая овсянка встречается только на миграциях, появляясь на гнездовье лишь на Центральном Кавказе в сухих горах по долине р. Баксан и далее к востоку, но сейчас в Кабардино-Балкарии этих птиц почти не осталось (Гептнер, 1926; Радищев, 1926; Моламусов, 1967; Джамирзоев и др., 2014; Белик, Аккиев, 2023). В прошлом они встречались также у Кисловодска, где их добывали в ближайших ущельях и у Джинальского хр. (Lorenz, 1887, 2011; Шарлеман, 1915), однако в настоящее время они гнездятся только на подгорных степных равнинах к северу от Кисловодска.

В Северной Осетии овсянки изредка гнездятся в горных степях по Северо-Юрской депрессии (Бёме, 1926; Комаров, Липкович, 2000; Комаров, 2006). Более широко они распространены в сухих горах Дагестана, где встречаются вплоть до субальпики (Rosenberg, 1907, 2019; Красовский, 1932; Бёме, 1933; Насрулаев, 2006; Джамирзоев и др., 2018; Белик, Насрулаев, 2019; наши данные).

В Волгоградском Заволжье садовая овсянка обитает в лесистых низовьях р. Еруслан (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Юдин, 1952; Груздев, 1955; Завьялов и др., 2011), а к югу изредка встречается, по нашим данным, до Николаевского р-на и пос. Гмелинка Старополтавского р-на, но в полупустынном Приэльтонье отмечается лишь на миграциях (Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005; Букреев, Чернобай, 2006; Быков и

др., 2009; Белик и др., в печати).

На правобережье Волги овсянки гнездятся у Волгограда и в лесистых балках на Ергенях, по которым проникают на север Калмыкии (Artzibascheff, 1859, 2015; Лорец, 1928; Белик, 2009; Белик и др., 2022а). По Волго-Ахтубинской пойме гнездование отмечалось к югу до Астрахани (Яковлев, 1872, 2015; Seebohm, 1882; Kracht, 1919, 2014; Кукиш, 1982; Цапко и др., 2009; Амосов, 2015; Реуцкий, 2015), но многие регистрации могут относиться там к мигрантам. В пойме Волги к югу от Волгограда мы не смогли найти этот вид (Белик, 2016*б*, 2016в); не гнездится он и у пос. Цаган-Аман в Калмыкии (В.М. Музаев, личн. сообщ.). На большей части Калмыкии, кроме юго-западных районов и севера Ергеней, садовая овсянка не гнездится (Кукиш, 1982; Белик, 2009; Цапко и др., 2009; Музаев и др., 2011). Лишь во второй половине XX в. она заселила лесонасаждения в засушливых районах Приманычья и на юго-востоке Ростовской обл. (Белик, 2009; Белик, Коренев, 2020).

Зимует садовая овсянка в Африке, в зоне Сахеля (Jiguet et al., 2016). Через Южную Россию мигрирует широким фронтом, в том числе регулярно пересекает хребты Кавказа, останавливаясь там на луговых полянах на отдых. Но пролет птиц идет по ночам и визуально практически не прослеживается. Весной пролетные особи встречаются до середины мая - начала июня (Тильба, 1999, 2006); самцы в это время нередко поют (Линдеман, 1971), что иногда создает впечатление их гнездования. Вероятно, такой самец, добытый 29.05.1956 в дельте Волги, и дал повод предполагать там гнездование этой овсянки (Луговой, 1963).

Местообитания. Распространена на степных равнинах и в лесостепных предгорьях, а на Восточном и Центральном Кавказе изредка гнездится в сухих среднегорьях, поднимаясь на Центральном Кавказе до 1800-2000 м (Моламусов, 1967), а в Дагестане – до 1600-1800 м н.у.м. (Красовский, 1932; Бёме, 1933; наши данные). Обитает среди редколесий и редких кустарников в степи, по лесополосам, опушкам лесов, степным балкам с кустарниками, бурьянистым залежам. Предпочитает глинистые почвы с обилием бобовых среди разнотравья, а в редколесьях на супесях с преобладанием в травостое злаков садовая овсянка редка. Гнездо вьёт на земле в траве.

Численность. На юге России обычна, местами многочисленна. В Европе обитает 3,3-7,1 млн., а в Европейской России – 2,0-4,3 млн. пар, демонстрирующих сильное снижение численности (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Южной России в конце XX в. оценивали в 2-3 млн., в том числе более 1 млн. пар в Ростовской обл. (Белик, 2000а, 2005б), но позже во многих регионах произошло

значительное сокращение популяций (Jiguet et al., 2016; Белик, 2019а; Атлас …, 2020; и др.).

В середине XX в. на правобережье Волги к северу от Волгограда за экскурсионный день учитывали более 200 особей (Птушенко, 1949), а в молодых лесопосадках в Суровикинском р-не по правому берегу Цимлянского вдхр. в 1968 г. Е.И. Врублевский встречал певших птиц в 50-80 м друг от друга (Белик и др., 2022а). В 1960-е годы садовые овсянки были многочисленны и на Кубани, где в лесополосах близ Армавира учитывали 90 и на полях – 60 ос./км^2 (Жарова, Жаров 1962), а в низовьях р. Уруп на низкотравном луговом пастбище в 1974 г. держалось до 10-15 пар на 300 м маршрута (Пекло, Тильба, 2007). В те же годы в молодых искусственных лесонасаждениях в степях Ставрополья учитывали до 44-84 пар/км^2 (Лиховид, 1988).

В Северной Осетии в конце XX в. на разнотравно-злаковых лугах Сунженского хр. гнездилось 40 пар/км^2, на полях в равнинных районах – 1-35 пар/км^2, а в горной степи в Северо-Юрской депрессии – 27 пар/км^2 (Комаров, Липкович, 2000). В начале же XXI в. в предгорьях Западного Кавказа этих птиц в небольшом числе отметили лишь в лесополосах у с. Эрсакон на р. Большой Зеленчук (Хохлов и др., 2010), а мною они встречены там всего 2 раза: 26.06.2018 самец пел на окраине поля у стан. Чамлыкской, а 29.06.2018 – у стан. Исправной (Белик, 2019а).

В степном Придонье в конце XX в. обилие птиц в байрачных лесах составляло в среднем 8,0, в аренных – 6,9, а в искусственных степных лесах – 32,0 пары/км^2 (Белик, 2000а). В пойме Среднего Дона в Иловлинском р-не Волгоградской обл. 08.06.2008 были учтены 10 пар/км^2 (Белик, Гугуева, 2021), а в низовьях р. Еруслан в Заволжье обилие этих овсянок на залежах изменялось от 1,3 до 12,0 пар/10 га (Опарин и др., 2001; цит. по: Завьялов и др., 2011).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

423. Овсянка скальная *Emberiza buchanani* Blyth, 1845

Характер пребывания. Редкий залетный вид, добытый однажды в Дагестане (Радде, 1884, 1899) и указанный также для Ставрополья (Коблик и др., 2006).

Зоогеографические связи. Представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Включает 2-3 подвида, в том числе номинативный, распространенный в горах Средней Азии, и *E. b. cerrutii*, обитающий, по-видимому, в Мугоджарах на севере Казахстана, а также в Турции, Иране

и в Закавказье, откуда изредка залетает на Северный Кавказ (Степанян, 2003; Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Распространение. Гнездится в Малой, Передней и Средней Азии, а зимует в Индии. Изолированный участок ареала известен в Мугоджарах на севере Казахстана. Из Турции и Ирана эта овсянка проникает в Армению и Азербайджан. Очевидно оттуда она залетела в Дагестан, где была добыта у Дербента в мае/июне 1880 г. (Радде, 1884, 1899). Залетный самец скальной овсянки был добыт также 11.04.1881 **ст.ст.** у Оренбурга (Зарудный, 1888). Еще одного самца добыли 25.05.1983 на о. Змеиный в северо-западной части Чёрного моря на Украине (Пилюга, 1998).

Кроме того, этот вид имелся в сборах А.А. Лиховида из Ставропольского края (Коблик и др., 2006), но по уточненным данным, упомянутая птица была добыта в апреле 1989 г. в ущелье р. Аксаут близ с. Хасаут-Греческое Зеленчукского р-на Карачаево-Черкесии (А.А. Лиховид, письм. сообщ.). Однако этот экземпляр в коллекции не сохранился и точность его определения не подтверждена. О массовом пролете скальной овсянки осенью 1985 г. через Клухорский перевал в Карачаево-Черкесии сообщал также В.М. Поливанов (1990), но там ее явно спутали с обычной на пролете садовой овсянкой, отсутствующей в списке учтенных птиц (Караваев и др., 2015).

Местообитания. Гнездится в сухих, скалистых горах, поднимаясь в Армении вверх до 1500 м н.у.м. Заселяет пустынные, каменистые районы, но везде явно тяготеет к родникам в ущельях (Дементьев, Гладков, 1954).

Численность. Для Европы приводят стабильную популяцию из 6,2-18,6 тыс. пар, обитающих в основном в Турции, а также в Армении (300-600 пар) и Азербайджане (100-1000 пар) (Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

– **Овсянка красноклювая** *Emberiza caesia* Cretzschmar, 1827

Характер пребывания. Предполагались нерегулярные залеты на Черноморское побережье Кавказа между Адлером и Туапсе (Степанян, 1990, 2003).

Зоогеографические связи. Предположительно представитель пустынно-горного фаунистического комплекса Номадийского типа фауны Палеарктики.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003). Предполагается

его близкое родство со скальной овсянкой, которая иногда рассматривается как восточный аллопатричный подвид, викарирующий с красноклювой овсянкой (Портенко, 1960).

Распространение. Гнездится только на Балканах и в Малой Азии, а зимует в северо-восточной Африке (Дементьев, Гладков, 1954). В пределах бывшего СССР залеты были отмечены в Грузии и в Крыму. Две молодые птицы добыты 26.07.1880 **ст.ст.** около Тбилиси (Радде, 1884), хотя в каталоге коллекций Кавказского музея указана только 1 самка, добытая там 25.06.1880 **ст.ст**. (Радде, 1899).

Сведения А. Нордмана (Nordmann, 1840, с.174) об обычности этого вида в Крыму, где в апреле 1834 г. у Бахчисарая были добыты 2 самца, а также Г.О. Гебеля (Goebel, 1874), видевшего эту овсянку в августе у Ялты, позже посчитали сомнительными (Никольский, 1891; Pusanow, 1933; Костин, 2020).

Для Северного Кавказа красноклювую овсянку впервые указал Л.С. Степанян (1990, с.675), считавший, что она «Предположительно нерегулярно встречается на Черноморском побережье Кавказа между Адлером и Туапсе». Но в последнем издании этой сводки предположительный характер таких залетов оказался снят (Степанян, 2003, с.730), хотя никаких подтверждающих материалов по этому вопросу в последний период не появилось. Очевидно, что сейчас этот вид должен быть исключен из фауны России.

Местообитания. Держится на сухих, каменистых склонах гор с редкими кустарниками. Гнездо вьёт на земле среди травы и камней.

Численность. Для Европы приводят стабильную популяцию из 115-225 тыс. пар, обитающих в основном в Турции (125-185 тыс. пар), Греции (5-20 тыс. пар) и на Кипре (8-24 тыс. пар) (Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017).

Охранный статус. В особой охране не нуждается. Необходимы сборы коллекционных материалов.

424. Овсянка черноголовая *Emberiza melanocephala* Scopoli, 1769

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид равнинных территорий всех регионов Южной России, а на Восточном Кавказе поднимающийся в среднегорья (Белик и др., 2016; Белик, Насрулаев, 2021).

Зоогеографические связи. Прежде, основываясь на биотопической приуроченности этого вида в равнинных регионах Восточной Европы, мы отнесли черноголовую овсянку к лесостепному фаунистическому комплексу, к его горно-лесостепной группировке (Белик, 1992а, 2000а

и др.). Но анализ зоогеографических связей этой овсянки с филогенетически близкой желчной овсянкой, а также изучение дополнительных материалов по Закавказью и Турции (Радде, 1884; Серебровский, 1925; Ляйстер, Соснин, 1942; Гамбаров, 1954; Даль, 1954; Roselaar, 1995; Adamian, Klem, 1999; Kirwan et al., 2008; и др.), где находится центр ареала черноголовой овсянки и сосредоточены ее основные популяции, дают сейчас веские основания для включения этого вида в пустынно-горный фаунистический комплекс Номадийского типа фауны.

В Закавказье эти птицы заселяют широкий спектр аридных и субаридных местообитаний от приморских низменностей до высокогорий на высоте до 2000-2900 м н.у.м., но наиболее характерны для каменистых полупустынных предгорий и низкогорий с редкими ксерофильными кустарниками (держидерево, шиповники, крушина Палласа, курчавка и др.) и разнотравьем из полыней, васильков, молочая, верблюжьей колючки и др. Вторично овсянки освоили агроландшафты, прежде всего их окраины с грубым, бурьянистым высокотравьем, а затем через Дагестан проникли в Предкавказье и начали заселять степные равнины (Волчанецкий, 1950). Аналогичный процесс расселения этой овсянки на север сейчас идет и в Западном Причерноморье (Цвелых, 2018).

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003; Dickinson, Christidis, 2014; и др.). Иногда в ранге подвида объединяется в один вид с желчной овсянкой (Портенко, 1960).

Распространение. Населяет Апеннины, Балканы, Малую и Переднюю Азию, а также Северный Кавказ, степное Предкавказье и бассейн Нижнего Дона с прилежащими районами. Граница ареала здесь достаточно подвижна и периодически пульсирует.

На юге России эта овсянка, начавшая экспансию, вероятно, из Дагестана, к началу XIX в. заселила всё степное Предкавказье вплоть до Тамани и Керчи (Kaleniczenko, 1839; Богданов, 1879). В начале XX в. она гнездилась к северу до Приазовья и Нижнего Дона, изредка встречалась на Донецком кряже у ст. Зверево, а также у Сарепты на Волге (Artzibascheff, 1859, 2015; Богданов, 1871; Боровиков, 1907; Браунер, 1907; Сатунин, 1907; Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910; Лорец, 1928; Варшавский, 1965; Белик и др., 2013; и др.). Но засушливых, безлесных степей и полупустынь на Сарпинской низм. она избегала (Яковлев, 1872, 2015; Kracht, 1919, 2014; Аргиропуло, 1928), появляясь лишь в низовьях Кумы и Терека на берегу Каспия, где в песках распространены кустарники (Сатунин, 1907; Бёме, 1925).

В первой половине XX в. произошло, по-видимому, значительное сокращение ареала черноголовой овсянки, и тогда эту яркую птицу вовсе не указывали для Ростовской обл. (Лерхе, 1940). Но в середине XX в. вновь прослежено ее расселение на северо-запад в Приманычье (Гладков, 1952; Рашкевич, 1956), а также в Северном Приазовье и на Донецком кряже, где птицы заселили долину р. Деркул и достигли Стрельцовской степи у пос. Чертково Ростовской обл. (Волчанецкий, 1950; Образцов, 1956). Одновременно они проникли в Волгоградское Заволжье вплоть до Эльтона (Волчанецкий, 1950; Динесман, 1955; Линдеман, 1971; Линдеман и др., 2005). В тот же период, весной 1945 и 1949 гг., дисперсирующие овсянки дважды залетали на юг и восток Воронежской обл. (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963), а в июле 1933 г. встречены даже у ст. Джурун в Актюбинской обл. Казахстана (Формозов, 1959).

Но после 1966 г. и вплоть до начала XXI в. черноголовую овсянку в Приэльтонье не встречали (Линдеман и др., 2005; Быков и др., 2009). В Волгоградской обл. во второй половине XX в. она изредка встречалась лишь на юге в Волго-Донском междуречье (Кубанцев, Чернобай, 1982), а в 1968 г. найдена на гнездовье в низовьях р. Чир на Нижнем Дону (Белик и др., 2022а). Во второй половине XX в. падение численности и сокращение ареала произошло и в Северном Приазовье, где птицы сохранились только вдоль побережья Азовского моря (Кінда, Бронсков, 2009).

Однако с начала XXI в. в Приазовье опять начался рост популяции и расселение этой овсянки, в результате чего она заселила южные районы Луганской и Донецкой обл., восток Запорожской и юг Херсонской обл., а также освоила почти весь Крым (Кинда и др., 2003; Андрющенко и др., 2013; Бескаравайный, 2015; Бронсков, 2017; Бронсков, Чайка, 2018; Костин, 2020; и др.).

В начале XXI в. новая волна расселения выявлена и в Заволжье. Одиночки и пары птиц с 2009 г. изредка отмечаются в окрестностях с. Катричев Быковского р-на Волгоградской обл., в мае 2010 г. эти овсянки изредка встречались в зарослях тамарикса среди песков Астраханского Заволжья (Ильюх и др., 2010), а в мае 2012 г. они обнаружены у оз. Баскунчак на севере Астраханской обл. (Белик, 2012). В мае-июле 2014 г. черноголовые овсянки уже неоднократно регистрировались в характерных стациях в Волгоградском Заволжье в Среднеахтубинском, Ленинском, Быковском и Палласовском р-нах к северу до сёл Солдатско-Степное, Гормаки и Золотари (Белик и др., в печати).

В бассейне Дона эта овсянка сейчас широко распространена южнее г. Каменска-Шахтинского и стан. Обливской в Ростовской обл., а наиболее

северная встреча зарегистрирована 25.06.1989 у хут. Кружилинский на юге Шолоховского р-на (The EBCC Atlas …, 1997; Белик, 2005а). На правобережье Волги в 2014-2015 гг. птицы были обычны на юге Дубовского р-на, а в июне-июле 2019-2022 гг. одиночных птиц отмечали у с. Нижняя Добринка Камышинского р-на (Е.В. Гугуева, личн. сообщ.). В бассейне р. Иловля отдельные находки сделаны нами в 2008 г. у хут. Кондраши и Ширяевский Иловлинского р-на, а в Калачской излучине Дона в 2009 и 2020 гг. эти овсянки прослежены к северу до хут. Калмыковский, Манойлин и Ерик Клетского р-на и хут. Осиновский Калачёвского р-на. Кроме того, в 2021-2022 гг. несколько птиц наблюдали также в устье р. Большая Голубая (Соколов, 2022а, 2022*б*), а в 1990-е годы черноголовая овсянка встречена однажды близ хут. Песчаный на р. Цуцкан в Серафимовичском р-не (В.В. Ветров, личн. сообщ.).

Рис. 59. Распространение черноголовой овсянки на юге России: сплошная линия – северная граница регулярного гнездования; пунктир – границы периодической дисперсии; красные пуансоны – летние встречи у границ ареала; красно-черные пуансоны – залёты в Донецкую, Воронежскую и Саратовскую обл. и Казахстан (по: Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Завьялов и др., 2011; Бронсков, 2017; и др.)

На Северном Кавказе эта овсянка гнездится от Тамани до Дагестана в основном на степных равнинах, но на Центральном и Восточном Кавказе по долинам рек заходит в предгорья, а местами поднимается в степные среднегорья. Гнездящиеся птицы были найдены у Кисловодска на высоте 900-1000 м н.у.м. (Lorenz, 1887, 2011), в Кабардино-Балкарии они гнездятся обычно ниже 300 м, иногда встречаются до 400-500 м, но местами проникают до 700-800 м н.у.м. (Моламусов, 1967), а в Ингушетии эти овсянки дважды встречены в гнездовой период в низовьях р. Армхи в горностепной Северо-Юрской депрессии на высоте более 900 м н.у.м. (Бёме и др., 1930).

На юге Дагестана птиц наблюдали на высоте около 1300 м (Красовский, 1932) и выше 2300 м (Бутьев, Лебедева, 1992), а в Ботлихской котловине на р. Андийское Койсу черноголовые овсянки, певшие в июне-июле 2021 г. на гнездовых участках, держались на высоте от 1600 до 1800 м н.у.м. (Белик, Насрулаев, 2021). Но численность и распространение этой овсянки на Кавказе, как и в равнинных регионах, судя по некоторым наблюдениям, периодически резко флуктуируют, что не позволяет провести четкие границы ее ареала.

На Черноморском побережье птицы изредка встречаются на миграциях (Маландзия, 1990; Тильба, 2001, 2006; Белик, 2015а). Находка же самки 18.07.1928 в устье р. Бетта (Стаховський, 1938) относится, по всей видимости, к пролетной птице (Белик и др., 2017). Зимует черноголовая овсянка в Индии, но ее миграции идут по ночам и на юге России выражены слабо. Весьма редко она залетает и в горы Северного Кавказа (Михаловский, 1880; Бёме, 1926; Моламусов, 1967; Тильба, Мнацеканов, 2008; Перевозов, 2014; Караваев и др., 2015; и др.).

Местообитания. В Южной России распространена в основном на степных равнинах и местами в горах Центрального и Восточного Кавказа, встречаясь там на высоте до 1800-2300 м н.у.м. (Бутьев, Лебедева, 1992; Белик, Насрулаев, 2021). В горах Армении поднимается до 2000-2300 м, а в Турции – до 2400-2900 м (Даль, 1954; Roselaar, 1995; Adamian, Klem, 1999; Kirwan et al., 2008). Гнездится обычно по опушкам лесополос, на пустырях и в степях с редкими кустами, среди куртин высокого разнотравья на сухих лугах и пастбищах, на забурьяненых полях. Рыхлое гнездо из сухой травы вьёт обычно в густых кустиках бурьянов, реже на земле в густой траве или на кустах.

Численность. На юге России обычна, местами немногочисленна или редка. В Европе обитает 2,5-8,2 млн. пар, а в Европейской России, на ее юге, – 100-200 тыс. пар (Белик, 2005б; Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). Численность в Ростовской обл. в конце XX в.

оценивалась в 65 тыс. пар (Белик, 2000а). Во многих районах Южной России в конце XX в. наблюдалась тенденция к сокращению численности (Белик и др., 2003).

Обилие птиц в молодых лесонасаждениях на юго-востоке Ростовской обл. в 1960-е годы местами достигало 29,2 пар/км^2, а в 1970-е годы не превышало 1-2 пар/км^2 на вырубках, опушках или в совсем молодых лесопосадках (Белик, 2000а). Оценки обилия в полезащитных лесополосах без данных об их ширине достаточно условны: в 1960-е годы в окрестностях Армавира в лесополосах учитывали до 150 ос./км^2, а на полях – 60 ос./км^2 (Жарова, Жаров 1962). На Ставрополье численность достигала 3-5 пар/га площади лесополосы (Будниченко, 1965). В районе г. Моздок в Северной Осетии на сельскохозяйственных полях Притеречной равнины в июне 1985 г. гнездилось 25,6 пар/км^2 (Комаров и др., 2011).

В Северном Приазовье вдоль заброшенного канала среди полей 12.06.2000 учтены 6 пар/3 км маршрута (Белик, 2001а). В лесополосах Орловского р-на Ростовской обл. отмечали до 4-5 пар на 1 км длины (Гладков, 1952), а в Волгодонском р-не в 1976 г. было учтено 55 пар на 20 км лесополос, различавшихся возрастом, конструкцией и состоянием (в среднем – 2,8 пар/км длины). Местами же в молодых лесополосах с обильным бурьянистым разнотравьем в междурядьях гнездилось до 6-8 пар на 1 км (Белик, 2009).

Охранный статус. Включена в Красную книгу Кабардино-Балкарии (3 категория). В остальных регионах Южной России особая охрана этой овсянки не предусмотрена. Занесение этого обычного вида в региональный Красный список Кабардино-Балкарии было недостаточно обосновано, и в особой охране он здесь сейчас не нуждается (Белик, 2014).

425. Овсянка желчная *Emberiza bruniceps* J.F. Brandt, 1841

Характер пребывания. Гнездящийся, перелетный вид Волгоградского и Астраханского Заволжья и залетный в Ростовской обл., в Калмыкии и на Ставрополье (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Генезис этого вида недостаточно ясен. Однозначно это представитель Номадийского типа фауны, характерный для сухих предгорий и низкогорий Средней Азии, где заселяет редкие низкие кустарники и бурьянистое разнотравье в степных и лесостепных ландшафтах. Условно может быть отнесен сейчас, по-видимому, к пустынно-горному фаунистическому комплексу.

Таксономия. Монотипический вид. Иногда в ранге подвида объединяется в один вид с черноголовой овсянкой (Портенко, 1960). В районах совместного обитания в Заволжье изредка встречаются гибридные

самцы с темно-коричневой шапочкой и манишкой или с рыжими пятнами на черной шапочке.

Рис. 60. Предположительно гибридные самцы *Emberiza melanocephala* × *bruniceps*: 24.05.2012, Баскунчак, В.П. Белик; 24.05.2011, Заволжье, Е.И. Ильяшенко; 30.04.2016, Калмыкия, Г.И. Эрдненов

Распространение. Гнездится в Казахстане и Средней Азии, откуда пульсирующим северо-западным краем ареала заходит в Россию на юг Оренбургской, юго-восток Саратовской и восток Волгоградской и Астраханской обл. (Белик, 2012).

На расширение ареала в Казахстане впервые обратил внимание П.П. Сушкин (1908), но особенно быстро этот вид расселялся на запад в первой половине XX в., преодолев за 50 лет расстояние более чем в 800 км – от Актюбинска до Волги (Формозов, 1959). Кроме того, самка, которую И.Б. Волчанецкий определил как *E. bruniceps*, была добыта 30.06.1915 в дельте Терека в Дагестане, однако сейчас предполагается гибридное происхождение этой птицы (Девятко, Джамирзоев, 2012).

Тогда же, в период 1928-1940 гг., желчная овсянка за 12 лет пересекла в Волго-Уральском междуречье 250 км между р. Большой Узень и оз. Баскунчак и к середине XX в. была обычна в окрестностях озер Эльтон и Баскунчак (Волчанецкий, 1937, 1950; Мальчевский, 1946; Динесман, 1955). Ее нашли также еще в ряде районов Заволжья (Гаврилов и др., 1968; Пославский, 1974) и на правобережье Волги у Волгограда (Формозов, 1959). В середине XX в. эта овсянка интенсивно расселялась и на север по долине Нижнего Урала (Дубинин, 1953; Дубинин, Торопанова, 1956; Джубанов, 1971).

Но в 1960-е годы ареал желчной овсянки в Волго-Уральском междуречье начал постепенно сокращаться, и птицы практически исчезли на Эльтоне и в других местах Заволжья (Гаврилов и др., 1968; Belik,

1997; Белик, 2012). Так, на Джаныбекском стационаре в Приэльтонье до 1964-1966 гг. гнездилось по 4-6 пар, в 1967-1968 гг. – одиночные пары, а затем певший самец встречен лишь однажды в июне 1973 г. До 1969 г. певших самцов отмечали также близ пос. Палласовка, в старых садах и в балках с кустарниками близ оз. Эльтон. В Казахстане 2 певших самца отмечены еще в июне 1982 и 1984 гг. среди спирейников в 30 км восточнее Джаныбека (Линдеман и др., 2005). Состояние популяций в районе оз. Баскунчак во второй половине XX в., до создания Богдинско-Баскунчакского заповедника, оставалось неизвестно. Несколько певших самцов встречено там лишь в 1966 г., когда этот вид был еще нередок и у оз. Эльтон (Линдеман и др., 2005).

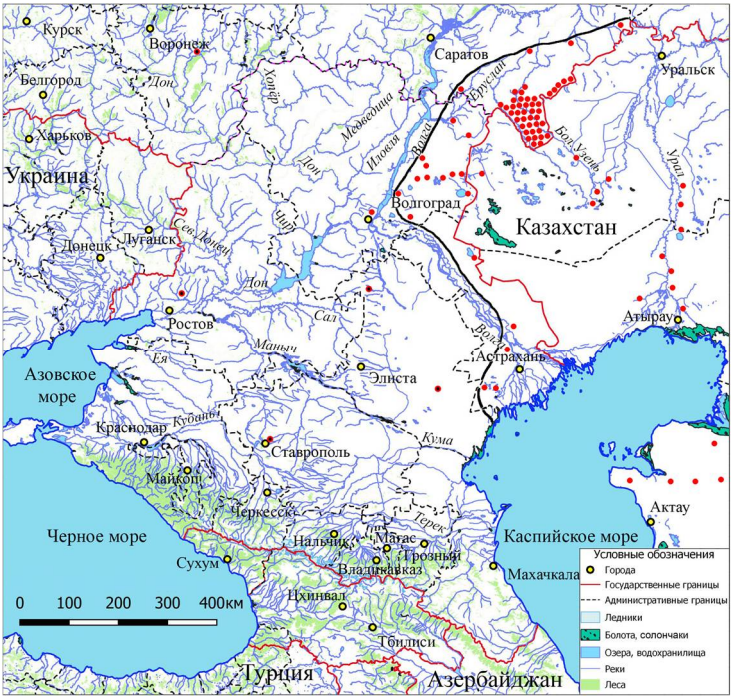

Рис. 61. Распространение желчной овсянки на юге России и в смежных регионах:

западная граница пределов дисперсии в начале XXI в.; красные пуансоны – отдельные встречи по литературным и оригинальным данным; черно-красные пуансоны – залеты в Калмыкии, в Ставропольском крае, Ростовской и Воронежской обл.

В конце XX в. начался новый этап экспансии желчной овсянки на запад и северо-запад (Белик, 2012). В 1994 г. она была найдена в Перелюбском и Александровогайском р-нах на самом востоке и юго-востоке Саратовской обл. (Завьялов, Табачишин, 1999; Морозов, Корнев, 2000), певший самец встречен нами 19.05.1996 у Камыш-Самарских озер в низовьях Узеней (Белик, 2008), а 22.05.1996 наблюдался близ пос. Фурманово, где эту овсянку в 1928 г. впервые нашел И.Б. Волчанецкий (1937). При этом следует отметить, что В.Л. Шевченко (личн. сообщ.), проработавший в Западном Казахстане более 40 лет, до 1996 г. желчных овсянок там ни разу не встречал (см.: Гаврилов и др., 1968; Белик, 2012).

В 1997 и 1999 гг. эти птицы обнаружены в Дергачевском и Ершовском р-нах Саратовской обл. (Завьялов, Табачишин, 1999; Морозов, Корнев, 2000) и вновь обнаружены в Богдинско-Баскунчакском заповеднике в Астраханской обл. (Букреев, 1999). В конце 1990-х годов их наблюдали в Краснокутском р-не в низовьях р. Еруслан (Опарин, Опарина, 2003); две овсянки встречены 13.07.2000 у оз. Булухта в Волгоградском Заволжье (Линдеман и др., 2005); певший самец отмечен 12.06.2003 близ с. Новый Тихонов Старополтавского р-на (Барабашин, 2004), а с 2005 г. овсянки стали ежегодно регистрироваться в Приэльтонье (Быков и др., 2009).

Еще несколько встреч с желчными овсянками отмечено в Волгоградском Заволжье в последние годы. Этих овсянок трижды встречал там В.Н. Пименов (Белик, 2012; Белик и др., в печати). По-видимому, гибридный самец наблюдался 23-24.05.2011 у с. Федоровка Быковского р-на (Е.И. Ильяшенко, личн. сообщ.). Нами самец отмечен 30.05.2014 у кошары восточнее с. Катричев Быковского р-на, а в конце мая 2014, 2015 и 2016 гг. певшего самца трижды наблюдали на постоянном участке в придорожной лесополосе близ г. Ленинск Волгоградской обл. (R. Provost, pers. comm.), хотя к 14.05.2015 овсянки, вероятно, еще не вернулись с зимовки, и мы их там не смогли найти.

Кроме того, 31.05.2010 желчная овсянка оказалась вполне обычна в кустарниковых зарослях среди бугристых песков у пос. Досанг в Астраханском Заволжье (Ильюх и др., 2010), самец встречен 21.05.1995 среди тамариксов к западу от г. Нариманов Астраханской обл. на правобережье Волги, а в начале XXI в. певших самцов неоднократно встречали в зарослях тамарикса между с. Озерное и с. Басы в западных подстепных ильменях у дельты Волги (Реуцкий, 2015).

О начале дисперсии желчной овсянки на северо-запад свидетельствуют, вероятно, и дальние залеты одиночных самцов, отмечавшихся

07.06.2009 в Мордовии (Спиридонов, 2011) и 23.06.2010 в Воронежской обл. (Соколов, 2011). Эта дисперсия могла быть вызвана значительным увеличением численности птиц в степях Приуралья, где к 1985-1986 гг. они достигли Оренбурга (Гавлюк, 1989), в 1988 г. были обычны уже в Таловской степи на Синем Сырте (Гейде, Толин, 1989), а к 1997-1999 гг. широко заселили юго-западные районы Оренбургской обл. (Морозов, Корнев, 2000).

Зимует эта овсянка в Индии, и ее миграции на юге России не выражены. Но в ходе начавшегося недавно расселения одиночные птицы регулярно залетают к северо-западу от гнездового ареала: 21.07.1980 к Ставрополю (Хохлов, 1990, 1991), 23.06.1988 к пос. Годжур на севере Калмыкии (Линдеман и др., 2005), 30.04.2016 и 28.06.2022 в заповедник «Черные Земли» в Калмыкии (Артемьева, Чегодаев, 2022; В.М. Музаев, личн. сообщ.), 27.05.2019 к Новочеркасску в Ростовской обл. (Забашта, 2019).

Местообитания. Предпочитает разреженные кустарники и бурьянистое высокотравье вблизи водоемов в сухих степных и лесостепных предгорьях и среднегорьях Средней Азии, а также в долинах предгорных рек, откуда овсянки широко расселились по культурным ландшафтам на пустынных равнинах, заселяя бурьянистые залежи, куртины кустарников и молодые лесополосы. Свои гнезда птицы строят в основном на грубых, колючих растениях (кузиния, бодяк и др.), реже на небольших кустах невысоко над землей (Рустамов, 1958; Ковшарь, 1966; и др.).

Численность. В Европе, исключительно в Европейской России, в основном в Саратовской и Оренбургской обл., обитает 2,3-7,0 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). На юге России в Волгоградской и Астраханской обл. в начале XXI в. гнездилось около 100-250 пар (Белик, 2005б). Рост популяции был отмечен в середине XX в., после чего произошло ее постепенное сокращение (Belik, 1997; Белик, 2012), а в конце XX в. в Заволжье отмечено начало нового роста численности в связи с расширением ареала (Белик и др., 2003).

В Приэльтонье на Джаныбекском стационаре обилие птиц летом 1949 г. составляло 8 пар/км^2 (Волчанецкий, 1950). После начала новой волны расселения в Богдинско-Баскунчакском заповеднике в 1999 г. был встречен лишь один певший самец, в 2000 г. там гнездилось, по ориентировочной оценке, уже более 50 пар (Букреев, 1999, 2001), а в 2012 г. – как минимум 100-200 пар, в том числе 30-50 – в ур. Зеленый Сад, 20-30 – у оз. Карасун, 20-30 – по Кордонной балке, при среднем обилии в 0,5-1,0-2,0 пар/км^2 (Белик, 2012). Усредненное обилие птиц

в этом заповеднике, по данным П.Н. Амосова (личн. сообщ.), в гнездовой период 2010 г. составляло 6-19, в среднем 10 ос./км^2, а в 2011 г. – 0,4-2,2, в среднем – 1 ос./км^2 (Белик, 2012). В кустарниковых зарослях среди бугристых песков у пос. Досанг в Астраханском Заволжье учитывали до 5 птиц на 1 км пути (Ильюх и др., 2010).

На юго-востоке Саратовской обл. в междуречье Большого и Малого Узеней обилие птиц в начале XXI в. составило 2,7 ос./км^2, а их максимальная численность достигла 14-18, в среднем же 7,3 пар/км^2. В низовьях р. Еруслан в Краснокутском р-не Саратовской обл. учитывали 1,0 пару/км^2 (Завьялов, Табачишин, 2007; Завьялов и др., 2011).

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

426. Подорожник *Calcarius lapponicus* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Зимующий или залетный вид большинства регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель гемиарктического фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988).

Таксономия. Выделяют 3-6 подвидов. В тундрах Евразии от Скандинавии до Чукотки обитает номинативная форма, зимой встречающаяся на юге России (Дементьев, Гладков, 1954; Ткаченко, 1966).

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, гнездясь в тундрах Евразии и Северной Америки. Птицы, обитающие на севере России, зимуют в безлесных районах средней полосы, а также в степях и пустынях Евразии. На юге России подорожник регулярно появляется только в степном Поволжье, а в остальных регионах отмечались лишь редкие, случайные встречи залетных птиц.

Для Волгоградского Заволжья подорожника указывали С.А. Букреев и В.Ф. Чернобай (2006), считавшие его малочисленным зимующим видом Приэльтонья. В небольшом числе, нерегулярно он встречается зимой также и в соседних районах Казахстана (Гаврилов и др., 1968). Но в районе Волгограда и г. Волжского подорожники зимуют регулярно и в 1993-2021 гг. не встречены лишь в 3 из 29 зимних сезонов, однако численность птиц в Поволжье в целом невелика. Обычно подорожники встречаются в степи в смешанных стаях зимующих жаворонков небольшими группами по 1-2 птицы (n=17), изредка до 4-10 особей (n=6), редко – до 20-25 птиц вместе. Более обычны они были в зимы 2009/10 и 2014/15 гг., когда в Заволжье учли 6 и 9 встреч.

В Поволжье подорожники появляются осенью в разные годы между 29.09. и 24.11., в среднем (n=26 лет) – 21.10., при этом сроки первых регистраций птиц очень сильно колеблются по годам (стандартное отклонение составляет ±20 дней), что связано, вероятно, с изменениями

погодных условий в более северных и восточных районах основных степных зимовок (Белик и др., 2015, 2022).

Западнее, в степном Придонье, подорожник встречается зимой значительно реже. В Ростовской обл. известны всего 3 документированные встречи: одиночный самец, державшийся в стае степных и белокрылых жаворонков, добыт 12.02.1917 в суровую, многоснежную зиму севернее Таганрога (Белик и др., 2013); еще 2 птицы добыты 8.01.1967 и 23.01.1976 на окраине Ростова (Сиденко, 2004). Редок подорожник зимой и на Среднем Дону (Барабаш-Никифоров, Семаго, 1963; Нумеров и др., 2021), а южнее, в дельте Волги и в Предкавказье, он вовсе является очень редким залетным видом.

В Астраханской обл. отмечены всего 2 встречи 09.02.1996 (20 птиц) и 18.02.1998 (35 особей) в дельте Волги (Русанов, 2011; Реуцкий, 2015). В Ставропольском крае стайки подорожника встречены лишь 2 раза в январе 2006 и 2020 гг. на пастбищах у с. Дивное в долине Маныча (Федосов и др., 2022). В Краснодарском крае, по сведениям В.С. Очаповского (2017), известны редкие зимние встречи у г. Ейска.

В Карачаево-Черкесии стайка из 15 птиц (в том числе добыты 2 самки) встречена 24.01.1963 в Тебердинском заповеднике (Ткаченко, 1966) и еще 7 птиц наблюдали в конце января 2000 г. на усадьбе этого заповедника (Караваев и др., 2015). В Северной Осетии одиночных особей отмечали 23.11.1989 и 18.12.2004 в лесополосах среди полей в Моздокском р-не (Комаров и др., 2011). В Дагестане опубликовано сообщение о встрече двух стай из 50 и 100 особей в январе 2018 г. в низовьях р. Кума (Букреев и др., 2018).

Для Калмыкии, Чечни и Ингушетии подорожник указан как редкий зимующий вид (Белик и др., 2016), но конкретные встречи с ним там неизвестны. В Адыгее и Кабардино-Балкарии его не отмечали вовсе.

Местообитания. Гнездится преимущественно в низменных кочковатых тундрах, а на зимовках придерживается открытых степных и пустынных ландшафтов. Гнезда устраивает на земле, под кочками среди травы.

Численность. В Европе гнездится 5,3-12,7 млн., а в Европейской России – 5-9 млн. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В тундрах в характерных местообитаниях обычен и многочислен, а на юге России регулярно зимует лишь в степном Поволжье. Южнее и западнее встречается значительно реже.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

427. Пуночка *Plectrophenax nivalis* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Зимующий или залетный вид большинства регионов Южной России (Белик и др., 2016).

Зоогеографические связи. Представитель арктоальпийского фаунистического комплекса Арктического типа фауны (Кищинский, 1988; Белик, 2006).

Таксономия. Выделяют 4-6 подвидов. На севере Евразии распространен номинативный подвид (Дементьев, Гладков, 1954; Степанян, 2003), но сейчас некоторые авторы для тундр Евразии указывают подвид *P. n. vlasowae*, а номинативную форму приводят для Скандинавии и Северной Америки (Коблик и др., 2006; Dickinson, Christidis, 2014).

Некоторые особенности экологии и морфологии пуночек, в первую очередь расположение гнезд в укрытиях, устройство и материал гнезда, окраска яиц, форма крыла, характер полёта и общий тип окраски оперения сближают пуночку с горными вьюрками *Montifringilla* или *Leucosticte*. Однако для выяснения родства или конвергенции этих птиц нужны специальные исследования (Кищинский, 1988).

Распространение. Имеет циркумарктический ареал, обитая на севере Евразии и Северной Америки. Птицы, гнездящиеся в тундрах России, зимуют в безлесных районах средней полосы, а также в степях и пустынях Евразии (Дементьев, Гладков, 1954).

На юге России пуночки более или менее регулярно наблюдаются только в степном Поволжье, а в остальных регионах встречаются значительно реже, часто как залетные птицы. В районе Царицына (Волгограда) зимующих пуночек наблюдал П.С. Паллас (1788), для Сарепты их указывали М.Н. Богданов (1871) и В.Ф. Лорец (1928). В Волгоградском Заволжье их стайки отмечали в низовьях р. Еруслан и в Приэльтонье (Волчанецкий, Яльцев, 1934; Линдеман, 1971), где пуночку считали малочисленным зимующим видом (Букреев, Чернобай, 2006).

Однако в районе Волгограда и г. Волжского в 1993-2021 гг. пуночку регистрировали в 20 из 29 зимних сезонов, обычно после резких похолоданий и снегопадов, поэтому ее зимние миграции не имеют четких сроков (стандартное отклонение дат прилета составляет ±22 дня). Пуночка прилетает обычно последней из северных птиц, в разные годы между 06.11. и 15.01., в среднем (n=20 лет) – 07.12., часто уже зимой, а иногда появляется лишь в феврале, в конце зимы. Численность птиц, кочующих в Поволжье, сравнительно невелика; обычно их стаи насчитывают до 10-60 птиц, и лишь изредка достигают 100-200 особей. Наиболее массовые зимовки наблюдались в январе-марте 2010 г. и в январе-феврале 2015 г., когда в Заволжье были отмечены 4 и 6 встреч (Белик и др., 2015, 2022).

В Астраханской обл. в XIX в. пуночка зимовала, хотя и в небольшом числе, почти ежегодно, за исключением очень теплых зим (Яковлев, 1872, 2015). Но в последние десятилетия из-за потепления климата она зимует там редко и нерегулярно. В дельте Волги пуночек наблюдали 11.01.1987 (60-70 птиц), 06.01.1993 (30 птиц), 03.02.1996 (40 птиц) и 19.01.2003 (10 птиц), а стайка из 12 особей встречена 24.12.2000 в полупустынных районах Левобережья Волги близ с. Лапас (Реуцкий, 2015). В Калмыкии немногочисленных пуночек встречали на Ергенях у Элисты, на Черных Землях в районе пос. Яшкуль – Утта, а также на побережье Каспия у г. Лагань, где 23.12.1967 была добыта самка (Самородов, 1981).

На юге Ростовской обл. в конце XIX - начале XX в. пуночки зимовали в суровые, снежные зимы в значительном числе, отлетая на север обычно в течение февраля (Сарандинаки, 1909; Алфераки, 1910), но во второй половине XX в. они встречались уже довольно редко. Близ Ростова пуночка была добыта в январе 1962 г., а 25.02.1967 наблюдалась стая птиц (Сиденко, 2004). Одиночная пуночка встречена 29.02.1968 в стайке черных жаворонков на Беглицкой косе к западу от Таганрога (Белик, 2001а), а 21.02.1986 и 24.01.1987 у хут. Сухой в долине Западного Маныча наблюдали 2 стаи из 37 и 43 птиц (Казаков и др., 1990). На севере Ростовской обл. 2 птицы встречены 01.12.1992 на полевой дороге в Обливском р-не, а в Чертковском р-не на заснеженных дорогах 02.02.1989 наблюдали 1 и 4 особи и два скопления из 50 и 150 пуночек (Ломакин, Белик, 2008).

В Краснодарском крае 2 птицы встречены 29.01.1963 у г. Темрюка, стаю наблюдали в феврале 1964 г. у Краснодара, а в конце января 1964 г. у г. Приморско-Ахтарска отмечены 2 стаи из 15 и 50 особей (Очаповский, 2017). На Ставрополье 2 пуночек добыли 27.01.1888 и 14.03.1888 **ст.ст.** в окрестностях Кисловодска (Моламусов, 1967; Lorenz, 2011). В XX в. их отмечали 19.01.1986 у с. Подлесное (2 птицы), в конце января 1987 г. в Левокумском р-не (1 птица), 21 и 27.12.1987 и 03.02.1988 у Кисловодска (две одиночки и 2 особи), а также 08.12.1997, 01.02.2000 и 03.03.2005 в районе КавМинВод (1, 4 и 2 особи) (Хохлов, 1990, 1991; Хохлов и др., 1991; Парфенов, 2007).

В Северной Осетии пуночка считается залетным или нерегулярно зимующим видом. Стайка из 7 особей встречена 20.02.1976 близ г. Алагир; стайку из 6 особей в 1980-е годы наблюдали в Моздокском р-не; там же пара птиц отмечена в январе 2005 г. (Комаров, 1988; Комаров и др., 2011). В Чечне пуночек учитывали зимой в степях и полупустынях Терско-Кумской низм. (Анисимов, 1989).

При инвазиях пуночки изредка долетают до Черноморского побережья

Кавказа (Тильба, 2006; Джамирзоев и др., 2014) и южных границ Дагестана, где 1 птицу наблюдали 07.12.1987 на берегу Каспия в устье р. Самур (Бутьев, Лебедева, 1989), а иногда их отмечали даже в Грузии и Турции (Вильконский, 1897; Абуладзе 1977; Kirwan et al. 2014; Abuladze, 2015).

Местообитания. Гнездится в горных тундрах и на каменистых участках равнинных тундр. Обычно предпочитает расчлененный рельеф, где селится в трещинах и нишах обрывов, в пустотах среди россыпей камней и куч плавника, а также в посёлках в нишах строений, искусственных гнездовьях и др. На зимовке держится в открытых степях и пустынях, часто кормится на дорогах.

Численность. В Европе обитает 1,2-2,3 млн. пар, а в Европейской России – 5-15 тыс. пар (Мищенко и др., 2017; European birds …, 2017). В тундрах пуночки местами обычны, а на юге России зимующие птицы кочуют в степях и полях как в одиночку или небольшими группами, так и стаями в десятки, а иногда в сотни особей, но появляются они здесь нерегулярно, обычно лишь в морозные, многоснежные зимы.

Охранный статус. В особой охране не нуждается.

ДОПОЛНЕНИЕ

223а.Кукушка хохлатая *Clamator glandarius* (Linnaeus, 1758)

Характер пребывания. Редкий залетный вид Краснодарского края (Лохман и др., 2022; Медведева, 2022). Возможно встречается и в других регионах Южной России.

Зоогеографические связи. Тропический вид Африканского генезиса.

Таксономия. Монотипический вид (Степанян, 2003).

Распространение. Африка и Средиземноморье, в том числе Малая и Передняя Азия. В начале XXI в. хохлатая кукушка найдена на гнездовье в Армении (Ананян и др., 2013), в июне 2011 и мае 2021 гг. одиночных птиц встречали в Крыму (Прокопенко, 2013; Школьный, 2021), а 23.04.2022 молодая птица сфотографирована в лесопосадках у водоема в стан. Васюринской Динского р-на Краснодарского края (Лохман и др., 2022; Медведева, 2022).

Кроме того, в Приютненском р-не Калмыкии в лесополосе 01.05.1999 было найдено гнездо сороки с 10-дневным птенцом кукушки, который вылупился из яйца, отложенного, очевидно, в начале апреля (Цапко, 2007). Птенец был определен как обыкновенная кукушка, но эти птицы прилетают в Предкавказье только в конце апреля, самки же появляются здесь еще позже, а к размножению они приступают не раньше конца мая (Казаков и др., 1991).

О ранних находках яиц и птенцов кукушек в гнездах грачей на Ставрополье сообщали также Б.А. Казаков и др. (1991). Не исключено, что эти случаи относятся не к обыкновенной, а к хохлатой кукушке, рано прилетающей с зимовок и паразитирующей в основном на врановых птицах (Судиловская, 1951; Нумеров, 1993; Белик, 2021а).

Местообитания. Пойменные кустарники, редколесья, опушки лесов, сады и парки. Хорошо отличается от обыкновенной кукушки по голосу, напоминающему громкие крики-трели дятлов, а также по многократно повторяющемуся, нередко издаваемому ночью в полете «мяуканью», похожему на крики слетков канюка или тетеревятника.

Численность. На юге Европы в начале XXI в. гнездилось 58-77 тыс. пар, но сейчас наблюдается рост популяции этих птиц, и современная численность оценивается здесь уже в 84-252 тыс. пар (The EBBC Atlas …, 1997; Нумеров, 1993; Birds in Europe …, 2004; European birds …, 2017).

Охранный статус. Не предусмотрен. Необходимы сборы коллекционных материалов.

ОХРАНА ПТИЦ НА ЮГЕ РОССИИ

Одной из важнейших задач любого естественнонаучного исследования, в том числе и фаунистики, является научное обеспечение рациональной организации использования и охраны природных ресурсов, в нашем случае – птиц. Эти вопросы всегда были в центре внимания орнитологического сообщества Южной России, свидетельством чему служит большое число публикаций по охране природы и птиц региона, регулярное проведение конференций и совещаний, посвященных изучению и различным проблемам сохранения редких видов птиц, а также участие орнитологов в экологическом просвещении широких слоев населения Южной России.

Сейчас общепризнано, что охрану птиц можно осуществлять в двух основных направлениях: на территориальном и индивидуальном уровне. При этом первое из них является наиболее эффективным для колониальных и стайных видов, о чем красноречиво свидетельствует опыт Астраханского заповедника, а также заповедников на Маныче в Калмыкии и Ростовской обл. А второе направление дает значительные результаты прежде всего для крупных, известных, легко узнаваемых птиц, что подтверждает положительный опыт охраны многих «краснокнижных» видов, начавших восстановление популяций и ареалов после их включения в Федеральную и региональные Красные книги (черный аист, курганник, змееяд, карагуш, орлан-белохвост, сапсан, стрепет, филин и др.). В то же время репрезентативный охват всех популяций дисперсно распространенных видов с помощью территориальной охраны весьма сложен. Малоэффективна также и индивидуальная охрана мелких, невзрачных, малоизвестных видов, и их массовое включение в Красные книги зачастую только девальвирует природоохранную значимость последних (Белик, 1995г, 2000а, 2000е, 2001в, 2003а, 2011, 2013з, 2014, 2015д, и др.).

Касаясь территориальной охраны птиц, следует заметить, что на юге России она развита на весьма высоком уровне, по сравнению со многими другими регионами Российской Федерации. На юге создано, не считая многочисленных региональных ООПТ разного ранга, 10 государственных заповедников и 4 национальных парка, в том числе один из старейших заповедников России в дельте Волги. А общая площадь этих резерватов составляет сейчас около 11 тыс. кв. км, или 1,9% территории всей Южной России (табл.5).

К сожалению, по решению Правительства Российской Федерации № 1350 от 16.08.2021 года «О преобразовании Тебердинского государственного природного биосферного заповедника в Тебердинский

Таблица 5

Заповедники и национальные парки Южной России и их орнитофауна

Регионы	Площадь (кв. км)	Резерваты:			Виды:						
		заповедники и парки	площадь (кв. км)	%% региона	всего в регионе	в заповедн. или парке	%%	Кр.кн. РФ	%%	Гнездящиеся	%%
Ростовская область	100 967	ГЗ (1995)	95,32	0,1	337	253 (2016)	75,1	47	18,6	19	7,5
Волгоградская область	112 877	-	0	0	339						
Астраханская область	49 024	ГЗ (1919)	679,17	1,4	345	280 (1999)	81,2	47	16,8	15	5,4
		ГЗ (1997)	184,78	0,4		225 (2012)	65,2	31	13,8	14	6,2
Калмыкия	74 731	ГЗ (1990)	1 219,00	1,6	322	171 (1998)	53,1	32	18,7	19	11,1
Краснодарский край	75 485	ГЗ (1924)	1 773,00	2,3	369	197 (2017)	53,4	25	12,7	7	3,6
		ГЗ (2010)	100,08	0,1		208 (2017)	56,4	21	10,1	6	2,9
		НП (1983)	2 086,00	2,8		253 (2017)	68,6	35	13,8	4	1,6
Адыгея	7 792	(ГЗ)	903,35	11,6	296						
Ставропольский край	66 140	-	0	0	344						
Карачаево-Черкесия	14 277	НП (1936)	850,64	5,9+0,9	300	225 (2017)	75,0	28	12,4	6	2,7
Кабардино-Балкария	12 470	ГЗ (1976)	826,42	6,6	308	169 (2018)	54,9	22	13,0	13	7,7
		НП (1986)	1 010,20	8,1		110 (2017)	35,7	12	10,9	7	6,4
Северная Осетия	7 987	ГЗ (1967)	295,39	3,7	328	209 (2017)	63,7	29	13,9	5	2,4
		НП (1998)	549,26	6,9		146 (2017)	44,5	19	13,0	6	4,1
Ингушетия	3 123	ГЗ (2000)	59,70	1,9	302	204 (2017)	67,5	26	12,7	9	4,4
Чечня	16 171	-	0	0	317						
Дагестан	50 270	ГЗ (1987)	190,61	0,4	368	298 (2017)	81,0	54	18,1	20	6,7
Всего:	**591 314**	**14**	**10 946,57**	**1,9**	**428**						

Примечания: для ООПТ в скобках указан год их создания, а также год последней ревизии орнитофауны (Букреева и др., 1998; Русанов и др., 1999; Амосов, 2012; Липкович, 2016; Джамирзоев и др., 2017; Белик, 2018); **ГЗ** – государственный заповедник; **НП** – национальный парк.

Кавказский заповедник, имеющий общую площадь 2800 кв. км., расположен в Краснодарском крае (1773 кв. км), в Республике Адыгея (903 кв. км) и в Карачаево-Черкесской Республике (124 кв. км).

национальный парк», Карачаево-Черкесия лишилась своего заповедника, и на ее территории остался лишь небольшой восточный отдел Кавказского заповедника, расположенный в долине Большой Лабы на границе с Краснодарским краем. Более оптимальным решением, отвечающим также интересам развития туризма на Северном Кавказе, было бы, на наш взгляд, преобразование в национальный парк лишь Архызского участка Тебердинского заповедника.

В некоторых регионах Южной России находится по 2 и даже по 3 крупных резервата, но в отдельных областях они до сих пор отсутствуют (Волгоградская обл., Ставропольский край, Чеченская Республика), хотя в них немало природных объектов, заслуживающих особого внимания в плане организации крупных ООПТ. Правда, в Волгоградской обл. давно и успешно функционируют 7 природных парков, созданных по решению региональных органов власти, однако режим охраны и площадь некоторых из них вполне могут быть подняты до уровня национальных парков (Волго-Ахтубинская пойма, Арчединские пески, оз. Эльтон). Не менее важно усилить охрану водоемов в долине Маныча на территории Ставропольского края, создав в итоге широкую сеть крупных ООПТ для защиты многочисленных колониальных, пролетных и зимующих околоводных птиц на Маныче.

Анализируя орнитофауну отдельных резерватов (табл.5), следует обратить внимание, что заповедники, созданные на водоемах, при своей минимальной относительной площади обеспечивают территориальной охраной максимальное число видов птиц. Так, в заповеднике «Ростовский» на оз. Маныч-Гудило, занимающем всего 0,1% площади Ростовской обл., отмечено 75,1% орнитофауны региона; в заповеднике «Дагестанский», расположенном на побережье Каспия между устьями Кумы и Терека и занимающем 0,4% площади региона, зарегистрирован 81,0% региональной фауны, а в Астраханском заповеднике в дельте Волги на 1,5% площади Астраханской обл. встречен 81,2% орнитофауны области. Весьма высокий охват региональной фауны наблюдается также в Тебердинском национальном парке (75,0%), что можно объяснить прежде всего длительным, целенаправленным мониторингом его орнитофауны (Ткаченко, 1966; Поливанов, Поливанова, 2002; Караваев и др., 2015).

Особо охраняемые виды тоже сосредоточены в основном на ООПТ, расположенных на водоемах: в заповедниках «Ростовский» и «Дагестанский», в Астраханском заповеднике и в заповеднике «Черные земли» в Калмыкии, орнитологический филиал которого находится на оз. Маныч-Гудило. Здесь выявлено до 32-54 видов, включенных в Красную книгу РФ (2021), или по 16,8-18,7% видов, зарегистрированных в соответствующих регионах.

Это же отчасти относится и к гнездящимся видам, но в их отношении наблюдаются некоторые региональные особенности. Очень высокая доля краснокнижников обитает в заповеднике «Черные земли», где на гнездовании отмечено 19 из 32 особо охраняемых видов, или 11,1% всей региональной фауны. До 20 видов размножается в заповеднике «Дагестанский», но их доля в региональной фауне и среди особо охраняемых птиц в общем заметно ниже. До 15-19 видов гнездится в заповеднике «Ростовский» и в Астраханском заповеднике, но их доля тоже ниже, чем на «Черных землях» (табл.5).

Довольно много краснокнижных видов обитает в Кабардино-Балкарском высокогорном заповеднике, где отмечены 22 этих вида, в том числе 13 гнездящихся, в то время как в соседнем, примерно таком же по площади Тебердинском национальном парке выявлено всего 6 гнездящихся краснокнижника. Эти диспропорции связаны, несомненно, с характером хозяйственного использования земель вокруг резерватов и на их территории. В Кабардино-Балкарии на горных пастбищах летом выпасается довольно много домашнего скота, а в горных степях сохранились колонии горных сусликов (*Spermophilus musicus*), что обеспечивает кормом многочисленных хищных птиц-некрофагов и миофагов, и число краснокнижных птиц доходит там до 13 видов.

То же наблюдается и в Приэльбрусье в самых верховьях Кубани, где сохранился традиционный уклад жизни горцев, на пастбищах обитает много сусликов, и поэтому фауна весьма сходна с таковой в соседней горной Балкарии (Белик, 2020в). Тогда как в Тебердинском заповеднике выпас домашнего скота был давно запрещен, суслики сейчас там отсутствуют, а субальпийские луга заросли густым высокотравьем, затрудняющим хищникам охоту.

Весьма мало краснокнижников, до 4-7 видов, гнездится и на ООПТ лесистого Западного Кавказа, где горные пастбища после выселения горцев в середине XIX в. стали зарастать лесом, на ООПТ был запрещен выпас домашнего скота, и условия обитания и кормовая база для многих видов птиц значительно ухудшились (Белик, 2013в). Можно заключить, таким образом, что абсолютное заповедание территорий и ограничение их хозяйственного использования зачастую ведет к сокращению биоразнообразия, особенно числа видов, непосредственно связанных с этими территориями гнездованием. В то же время антропогенные преобразования, особенно ирригация и создание водохранилищ, как правило, значительно пополняют региональную фауну, в том числе число гнездящихся редких видов.

Переходя к вопросам индивидуальной охраны, следует отметить разнообразие ее форм и методов. Из них прежде всего нужно указать

законодательную охрану, свод законов об охране природы и животного мира («О животном мире» от 24.04.1995 № 52-ФЗ; «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ; и др.), на основе которых разработаны постановления о Красной книге РФ, а также других субъектов РФ, о порядке ведения Красных книг и другие правовые документы. Сейчас Красные книги являются важнейшим инструментом индивидуальной охраны птиц.

К сожалению, основные положения ведения Красных книг, прежде всего включение и исключение из них отдельных видов, не всегда соблюдаются из-за различной, дискуссионной трактовки некоторых установленных правил и регламентов.

Согласно последнему приказу МПР от 23.05.2016 № 306 о порядке ведения Красной книги РФ, в нее заносятся виды, постоянно или временно обитающие в естественных условиях на территории России, тогда как залётные, завезенные, случайно попадающие в регион виды, не являющиеся его коренными обитателями, не требуют организации их особой охраны. В Красную книгу РФ заносятся виды, нуждающиеся в специальных мерах охраны, в том числе находящиеся под угрозой исчезновения, а также уязвимые, узкоареальные и редкие виды, важные для сохранения фауны различных регионов.

Основанием же для занесения в Красную книгу новых видов или изменения категорий их природоохранного статуса являются данные об опасном сокращении их численности или ареала, об усилении фрагментации ареала, о неблагоприятных изменениях условий существования и другие данные, свидетельствующие о необходимости организации их особой охраны. Причем все эти сведения должны заранее публиковаться и быть доступными для их обсуждения специалистами.

Эти положения должны распространяться и на региональные Красные книги, в которые необходимо включать, прежде всего, виды, занесенные в Красную книгу РФ, если только они постоянно или временно обитают на территории региона. Желательно также предварительное обсуждение списков «краснокнижных» видов со специалистами из соседних регионов.

В соответствии с состоянием популяций отдельные виды, занесенные в Красные книги, относятся к одной из нижеперечисленных категорий редкости:

0 – вероятно исчезнувшие, не встреченные в течение 50 последних лет;
1 – находящиеся под угрозой исчезновения;
2 – сокращающие численность и/или распространение;
3 – редкие уязвимые виды;
4 – уязвимые виды с неопределенным статусом;
5 – восстановленные и восстанавливающиеся виды.

Для видов, нуждающихся в особой охране, сейчас приводится также статус угрозы исчезновения (уязвимости) в соответствии с категориями МСОП:

RE (Regionally Extinct, **ИР**) – вероятно исчезнувший в регионе на гнездовании;
CR (Critically Endangered, **КР**) – вид в критическом положении;
EN (Endangered, **ИВ**) – исчезающий вид;
VU (Vulnerable, **УВ**) – уязвимый вид;
DD (Data Deficient, **НД**) – недостаточно изученный вид;
NT (Near Threatened, **БУ**) – вид, близкий к угрожаемому состоянию, но находящийся вне опасности, в том числе благодаря принятым мерам охраны.

Перечисленные выше категории примерно соответствуют категориям редкости, принятым в Красной книге России (1983, 2001, 2021):
0 – RE; 1 – CR; 2 – EN; 3 – VU; 4 – DD; 5 – NT.

На юге России Красные книги опубликованы во всех регионах, причем почти во всех из них подготовлено уже по 2-3 издания, в которых пополнялись и уточнялись сведения о редких видах, нуждающихся в особой охране. Однако обоснования для включения или исключения некоторых видов, приводимые в региональных Красных книгах не всегда достаточно аргументированы. Отличались в них и статусы редкости отдельных видов, что затрудняет сравнение списков особо охраняемых видов в разных регионах.

Помимо общепринятых категорий, в некоторых регионах ранее были введены еще по 1-2 дополнительные категории, предварительно разрабатывавшиеся специалистами ВНИИПрироды, но не утвержденные в МПР России. Так, в Красной книге Волгоградской области (2004) добавлены две категории: 6 – залетные виды из числа включенных в КК РФ (2001) (розовый пеликан); и 7 – виды вне опасности из числа включенных в КК РФ (2001) (стрепет). В Красных книгах Краснодарского края (2007) и Республики Адыгея (2012) была внедрена особая система категорий редкости, отличающаяся от стандартной. В этих двух Красных книгах статус 1А – вид в критическом состоянии – соответствует категории Critically Endangered (CR); 1Б – вид под угрозой исчезновения – соответствует Endangered (EN); 2 – уязвимый вид – Vulnerable (VU); 3 – редкий вид – соответствует категории Near Threatened (NT – близкий к угрожаемому); 4 – восстанавливающийся вид; 5 – недостаточно изученный – соответствует категории Data Deficient (DD); 6 – антропозависимый вид (для птиц не используется); 7 – специально контролируемый вид (вид из Красной книги РФ, но широко распространенный и многочисленный в регионе, у которого не выявлено снижение численности или сокращение ареала). Эта категория, в общем, соответствует категории 7 в Красной

книге Волгоградской обл. (2004), а в более широком плане – категории 5 в Красной книге России (1983, 2001, 2021). Всё это следует учитывать при сравнении Красных книг разных регионов (табл.6).

Всего в Красные книги всех регионов Южной России было занесено 180 видов птиц, но в последующих изданиях 13 из них оказались исключены из списков особо охраняемых видов, и сейчас под особой охраной на юге России находится 167 видов. Из них 71 вид включён в Красную книгу России (2021), а остальные подлежат особой охране на региональном уровне. Однако список этих региональных видов представляется сейчас весьма дискуссионным (Белик, 2014).

В ныне действующие региональные Красные книги (КК) на юге России занесено от 34 до 87 видов, в среднем – 60 видов птиц (табл.6). Их минимальное количество включено в готовящуюся КК Адыгеи (2022), что связано, прежде всего, очевидно, с незначительным ландшафтным разнообразием этого в основном горного региона и, как следствие, с упрощенной экологической структурой его гнездовой фауны, в которой отсутствуют многие редкие виды лимнофилов и кампофилов. А чрезвычайно высокий объем «Красного списка» Северной Осетии можно объяснить, вероятно, только субъективным подходом к его формированию, в результате чего в КК Северной Осетии (2022) попало немало сравнительно обычных (фазан, чернолобый сорокопут, малая мухоловка, ремез, дубонос и др.), а также редких залетных видов, индивидуальная охрана которых в Северной Осетии, да и по всей Южной России практически нереальна (белоклювая гагара, фламинго, гуменник, красный коршун, орлан-долгохвост, кречетка, желтолобая трясогузка и др.).

* * *

Анализ материалов по динамике численности и ареалов птиц на юге России в последние десятилетия позволяет считать необходимой и целесообразной организацию особой охраны на региональном уровне для следующих видов (Белик, 2014 и др.).

Цапля желтая *Ardeola ralloides*. Редкий вид, гнездящийся в смешанных колониях цапель в пойменных лесах и тростниковых зарослях на водоемах пустынно-степного пояса. В конце XX в. почти повсеместно наблюдалась выраженная депрессия численности (Белик и др., 2003; Белик, 2021а). Причины деградации популяций недостаточно ясны. В лесистых поймах на севере региона сказывается, возможно, пресс хищничества ястреба-тетеревятника и орлана-белохвоста, на юге – ухудшение местообитаний и конкуренция с другими более многочисленными и крупными цаплями. Вид включен в Красные книги большинства регионов, на территории которых он обитает (Волгоградская, Астраханская, Ростовская обл., Калмыкия, Краснодарский край, Адыгея, Ингушетия).

Таблица 6

Особо охраняемые виды птиц Южной России и категории статуса угроз исчезновения (по: Белик, 2014, с дополнениями)

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег.РФ 83-01-21	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Рост 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12-22	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 99-22	Инг 07-22	Чеч 07-20	Даг 98-09-20
1.	Гагара краснозобая *Gavia stellata*																	1 – –
2.	Гагара чернозобая *Gavia arctica*			**EN**	**– 2-2***				3-3	– 2-3			– 3		– 2		2-2	1 – –
3.	Гагара белоклювая *Gavia adamsii*			**VU**	**3-3-3**										– 3			
4.	Поганка малая *Podiceps ruficollis*	**?**	+	**(LC)**		4-3							3-3			2-2		
5.	Поганка черношейная *Podiceps nigricollis*	**F**	**0**	**(LC)**									3 –					
6.	Поганка красношейная *Podiceps auritus*	–	–	**VU**	**– – 2**													– – 3
7.	Пеликан розовый *Pelecanus onocrotalus*	+	**0**	**EN**	**2-1-1**	6-3	1-1	3	1-1	2 – 1		1-1			– 2		1-1	2-1-3
8.	Пеликан кудрявый *Pelecanus crispus*	**+2**	+	**VU**	**2-2-3**	1-2	2-2	3	2-2	2-1Б-1		2-2			– 3		2-2	2-3-2
9.	Баклан хохлатый *Phalacrocorax aristotelis*	+	+	**VU**	**2-3-2**					– 1Б-1								
10.	Баклан малый *Phalacrocorax pygmaeus*	**+2**	+	**NT**	**2-2-5**		5-5	3	4-3	– 2-2		2-2		4 –	– 5	2-3	2-5	2-3-5
11.	Выпь малая *Ixobrychus minutus*	**0**	**0**	**(LC)**											– 3			
12.	Кваква *Nycticorax nycticorax*	–	**0**	**(LC)**									– 3		1-1			
13.	Цапля желтая *Ardeola ralloides*	**–2**	–	**(VU)**		4-4	2-2	2	2-2	– – 3	– 3-2					2-3		
14.	Цапля египетская *Bubulcus ibis*	+	**+2**	**(LC)**	**3-3 –**		3-3	4		– – 2				3-4	– 3		3-3	3-3 –
15.	Цапля белая большая *Egretta alba*	**?**	+	**(LC)**									2 –			2 –		
16.	Цапля белая малая *Egretta garzetta*	**?**	**0**	**(LC)**									2-3			2-3		
17.	Колпица *Platalea leucorodia*	–	**0**	**EN**	**2-2-2**	2-2	3-3	3	2-3	2-2-2	1 – –	2-2			– 2		2-2	2-2-2
18.	Каравайка *Plegadis falcinellus*	**+2**	**0**	**VU**	**3-3-3**	2-2	3-3	3	4-3	3-7-2	1-3-3	3-3	– 3	2 –	– 3		3-3	3-3-3
19.	Аист белый *Ciconia ciconia*	+	+	**(NT)**		3-3			3-4	– 1А-2		3 –	– 3				3-3	– 4-4
20.	Аист черный *Ciconia nigra*	+	+	**VU**	**2-3-3**	2-3	3-3	3	1-1	1-1Б-2	1-1Б-2	3-3	2-3	1-3	2-3	2-2	3-3	2-3-3
21.	Фламинго *Phoenicopterus roseus*			**VU**	**– 3-3**		3-3		3 –			3 –		1 –	– 3			2-3-3
22.	Казарка краснозобая *Rufibrenta ruficollis*			**VU**	**2-3-3**	1-3	3-3	3	3-2	– 1Б-2		3-3		1-6	– 3	2-3	3-3	2-1-1
23.	Гусь серый *Anser anser*	–	**0**	**EN**	**– – 2**										– 2			
24.	Пискулька *Anser erythropus*			**EN**	**4-2-2**	1-1	3-3	2	2-2	– – 2		2-3		4 –			2-3	4-2-3
25.	Гуменник *Anser fabalis*			**EN**	**– – 2**										– 2			
26.	Лебедь-шипун *Cygnus olor*	**F**	**0**	**(LC)**												2-3		
27.	Лебедь-кликун *Cygnus cygnus*	+	+	**(LC)**												2-3		
28.	Лебедь малый *Cygnus bewickii*			**VU**	**3-5-3**	– 3	3-3	4	3-3	– – 2		3 –			– 4		5-5	– 4-3
29.	Огарь *Tadorna ferruginea*	–	**0**	**(NT)**						– 3-3			1-2			2-3	3-3	
30.	Пеганка *Tadorna tadorna*	–	**0**	**(NT)**						3 – –						– 3	3-3	
31.	Утка серая *Anas strepera*	**–2**	**0**	**(EN)**					– 2						– 2			– – 2
32.	Чирок мраморный *Anas angustirostris*	**?**	–	**CR**	**1-1-1**	1-1	0-0	0				1 –		1-1	– 1		1-1	1-1-1
33.	Нырок белоглазый *Aythya nyroca*	**F**	–	**EN**	**– 2-2**	1-1	2-2	2	2-2	– 1Б-1		2-2				2-3	2-2	– 3-2
34.	Турпан обыкновенный *Melanitta fusca*																	1 – –
35.	Савка *Oxyura leucocephala*	**F**	**0**	**CR**	**4-1-1**	1-1	4-4	3	1-1	– 1А-1		1-1					1-1	4-1-1
36.	Скопа *Pandion haliaetus*	**–2**	**–2**	**VU**	**3-3-3**	2-1	3-3	4	1-1	3-1А-1	1-5-1	3 –	– 3	1-3	– 3	2-1	3-3	3-1-3

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег. РФ 83-01-21	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Рост 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12-22	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 99-22	Инг 07-22	Чеч 07-20	Даг 98-09-20
37.	Осоед обыкновенный *Pernis apivorus*	**F**	**0**	**(NT)**		4-3			1-3	3 – –	2-3-2	3-3	– 3		1 –	2-3		
38.	Коршун красный *Milvus milvus*			**EN**	**– 1-1**				1 –						– 0			
39.	Коршун черный *Milvus migrans*	–	**0**	**(VU)**			2-2	2										
40.	Лунь степной *Circus macrourus*	+	+	**VU**	**– 2-3**	1-1	4-4	1	1-1	– 5-3	1 – –	2 –	– 2	– 2	– 3		2-3	– 4-3
41.	Лунь луговой *Circus pygargus*	**F**	–	**(VU)**									– 3					
42.	Ястреб-тетеревятник *Accipiter gentilis*	–	+	**(LC)**			3-3											
43.	Тювик европейский *Accipiter brevipes*	+/–	+/–	**NT**	**1-3-3**	4-3	3-3	3	4-2			3-3	– 3	4-3	– 3	3-3	3-3	– 3-3
44.	Канюк-курганник *Buteo rufinus*	**+2**	+	**VU**	**3-3-3**	5-5	4-4	5	1-3	– – 3	1 – 3	3-3	– 3	3-3	– 3	3-3	3-3	3-3-3
45.	Змееяд *Circaetus gallicus*	+	+	**VU**	**1-2-3**	3-3	4-4	4	1-1	1-1А-3	1-1А-1	2-2	– 2	1-2	1-2	1-2	2-3	1-3-3
46.	Орел-карлик *Hieraaetus pennatus*	**0**	**0**	**(VU)**		3-3		3	3-3	3-1Б-3	1-1А-2	3-3	– 3			2-2		– 4-3
47.	Орел степной *Aquila rapax*	**–2**	–	**EN**	**2-3-2**	5-2	2-2	2	1-1		1 – –	3-3	2-1	– 3	0-3	2-1	3-2	1-1-1
48.	Подорлик большой *Aquila clanga*	–	**0**	**CR**	**– 2-2**	1-1	3-3	4	1-1			2 –	– 2		– 2	– 2	2-2	– 4-2
49.	Подорлик малый *Aquila pomarina*	+	+	**NT**	**– 3-3**	– 4			3-3	– 3-3	1-3-3	3-3	2-3	– 6	– 3	3-3	3-3	– 3-3
50.	Орел-могильник, карагуш *Aquila heliaca*	**+2**	+	**VU**	**2-2-2**	1-3	3-3	1	1-1	– – 3		2-3	2-3	3-3	2-2	2-2	2-2	2-3-3
51.	Беркут *Aquila chrysaetos*	+	+	**VU**	**2-3-3**	1/3	3-3	3	3-3	1-1Б-2	1-1А-1	3-3	2-3	2-3	2-3	2-3	3-3	2-3-3
52.	Орлан-долгохвост *Haliaeetus leucoryphus*			**EN**	**1-1-2**		1-0					1 –			– 0			0-0 –
53.	Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla*	+	+	**LC**	**2-3-5**	3-5	5-5	5	5-5	1-1Б-2	1-3-3	3-3	2-3	1-4	2-5	2-3	3-5	1-3-5
54.	Гриф черный *Aegypius monachus*	–	**0**	**EN**	**1-3-2**		4-4	3	3 –	– 1А-1	1-1А-1	3 –	1-2	3-2	1-2	4-2	3-2	1-2-2
55.	Сип белоголовый *Gyps fulvus*	**0**	**F**	**VU**	**1-3-3**			3	3-3	2-2-1	3-1А-2	3 –	1-2	3-6	2-3	3-3	3-3	1-3-3
56.	Бородач *Gypaetus barbatus*	**0**	+	**VU**	**1-3-3**					2-1Б-3	3-1А-1	3-3	1-2	3-3	2-1	3-3	3-3	1-3-3
57.	Стервятник *Neophron percnopterus*	**?**	–	**EN**	**1-3-1**				3 –	1-1Б-2	1-1А-1	3-3	1-2	1-2	1-1	1-1	3-1	1-3-3
58.	Кречет *Falco rusticolus*			**EN**	**3-2-2**	2 –			1 –			2 –						3-4 –
59.	Балобан *Falco cherrug*	**?**	–	**CR**	**3-2-1**	1-1	1-1	1	1-1			2 –	– 1	1-4	– 2	– 1	2-1	3-1-1
60.	Сапсан *Falco peregrinus*	+	+	**VU**	**2-2-3***	2-3	3-3	4	1-3	1-7-3	1-3-2	2-2	2-2	3-3	2-2	3-3	2-3	2-3-3
61.	Чеглок *Falco subbuteo*	–	**0**	**(LC)**							3 – –							
62.	Дербник *Falco columbarius*			**(RE)**			3-3				1 – –							
63.	Кобчик *Falco vespertinus*	–	–	**VU**	**– – 3**						– 3-2		2 –		– 2	– 3	3-3	– – 3
64.	Пустельга степная *Falco naumanni*	**+2**	+	**VU**	**– 1-3**	1-1	3-3	3	1-1	– 1А –		1-3	– 2	– 4	– 3	1-3	1-3	– 2-5
65.	Тетерев полевой *Lyrurus tetrix*	**0**	**0**	**(CR)**		2-1												
66.	Тетерев кавказский *Lyrurus mlokosiewiczi*	+	**0**	**VU**	**2-3-3**					3-3-2	3-3-3	3 –	2-3	3-3	2-2	3-3	3-3	2-3-3
67.	Улар кавказский *Tetraogallus caucasicus*	**?**	**0**	**(NT)**						3-2-3	2-3-2		3-3			3-3	3-3	
68.	Кеклик *Alectoris chukar*	**–2**	–	**(EN)**						1-5-1			4-4					
69.	Куропатка серая *Perdix perdix*	**F**	**0**	**(LC)**									3-5		2-2	2-3		
70.	Перепел *Coturnix coturnix*	**?**	**0**	**(LC)**			3-3											
71.	Фазан *Phasianus colchicus*	**F**	+	**(LC)**									– 2	5-0	– 1	2-5	3-5	
72.	Стерх *Grus leucogeranus*			**CR**	**1-1-1***		1-2		1 –			1 –			– 2			1-1-1
73.	Журавль серый *Grus grus*	**?**	**0**	**(VU)**		3-3	3-3	3	3-3	– 3-3	2-3-3	3-3	2 –					4 – –
74.	Журавль-красавка *Anthropoides virgo*	**–2**	–	**VU**	**2-5-2**	5-2	5-5	5	5-3	– 1А-3		3-3		2-3	0-0	2-3	5-2	1-5-3

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег. РФ 83-01-21	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Рост 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12-22	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 99-22	Инг 07-22	Чеч 07-20	Даг 98-09-20
75.	Погоныш-крошка *Porzana pusilla*	?	?	(DD)					4-4									
76.	Коростель *Crex crex*	?	0	(VU)			3-3				2 – –	3 –			2-2			
77.	Султанка *Porphyrio porphyrio*	F	+	VU	1-3-3		3-3	1				3 –			– 3		3-3	1-3-3
78.	Дрофа *Otis tarda*	–	0	EN	2-3-2*	1-1	3-3	3	1-1	2-1Б-1	1 – –	3-2	1-0	1-1	0-2	0-0	3-2	1-1-1
79.	Стрепет *Tetrax tetrax*	+/–	–	VU	2-3-3	7-3	3-3	5	3-2	– 3-2	1 – –	3-5	2-1	1-1	0-3	0-0	3-3	1-3-5
80.	Дрофа-красотка, джек *Chlamydotis undulatus*	?	?	CR	1-1-1			4	0 –			1 –						1-0-1
81.	Авдотка *Burhinus oedicnemus*	–2	–	VU	2-4-3	3-1	4-4	3	3-1	– 1Б-1	1 – –	3-3	– 4	– 3	0-2	0-4	4-3	1-3-3
82.	Тулес *Pluvialis squatarola*						3-3											
83.	Ржанка золотистая *Pluvialis apricaria*			VU	– 3-3*		3-3		4 –	– 3-3								– – 3
84.	Зуек малый *Charadrius dubius*	?	0	(LC)							– 3 –		– 3					
85.	Зуек толстоклювый *Charadrius leschenaultii*	+	+	(DD)	3 – –				4 –									– 4-4
86.	Зуек каспийский *Charadrius asiaticus*	–2	–	(CR)	– 3 –	4-1	4-4	4	4 –			3-2		– 4			3-3	– 4-4
87.	Зуек морской *Charadrius alexandrinus*	–	0	VU	– – 3	– 2	3-3	2	2-2	– 2-2		3-5						– – 3
88.	Хрустан *Eudromias morinellus*	?	+	DD	– – 4					– – 3					– 4			– – 3
89.	Кречетка *Chettusia gregaria*	?	–	CR	1-1-1	1-1	4-4	1	1 –			1 –			– 1			1-1-1
90.	Пигалица белохвост. *Vanellochettusia leucura*	+	+	(VU)			3-3	3										2-3-3
91.	Камнешарка *Arenaria interpres*						3-3											
92.	Ходулочник *Himantopus himantopus*	+	0	(VU)	3-3 –	5-3	5-5	5	5-5	3-3-3	2-3-3	3-5	– 2	3-3	– 3	3-3	3-3	2-3 –
93.	Шилоклювка *Recurvirostra avosetta*	F	0	VU	3-3-3	2-2	3-3	3	3-3	3-3-3	1 – –	3-3		4-4	– 3	4-4	3-2	3-3-3
94.	Кулик-сорока *Haematopus ostralegus*	F	0	VU	– 3-3*	3-3	3-3	3	3-3	– 2-3		3 –	– 2	4-3	2-3	4-3	3-3	4-3-3
95.	Щеголь *Tringa erythropus*						3-3				4 – –							
96.	Поручейник *Tringa stagnatilis*	?	?	(EN)			3-3		2-4		4 – –							
97.	Мородунка *Xenus cinereus*			(DD)			3-3											
98.	Дупель *Gallinago media*	?	?	(DD)			3-3					3 –						
99.	Кроншнеп тонкоклювый *Numenius tenuirostris*			CR	1-1-1		0-0		1-1			1 –						
100.	Кроншнеп большой *Numenius arquata*	–	0	EN	– 2-2*	2-1	2-2	3	2-1	– 2-3	1 – –	2 –	– 2		– 2		2-2	– 3-3
101.	Кроншнеп средний *Numenius phaeopus*	?	?	CR	– – 1*	– 1	3-3		2-2	– – 3								– – 1
102.	Веретенник большой *Limosa limosa*	?	?	(VU)		3-1			– 3	– – 3								
103.	Веретенник малый *Limosa lapponica*						3-3											
104.	Тиркушка луговая *Glareola pratincola*	?	0	(DD)				4	3-3	– 2-2	4 – –	2-2						– 3 –
105.	Тиркушка степная *Glareola nordmanni*	F	F	VU	– 2-3	1-3	4-4	2	2-2	– 1А-1		2-2		– 3	– 3	2-3	2-3	– 2-3
106.	Хохотун черноголовый *Larus ichthyaetus*	F	0	LC	2-5-5	3-3	4-4	5	3-3	3-3-1	– 3-3	3-3	– 3	1 –	– 4			2-3-3
107.	Чайка черноголовая *Larus melanocephalus*	F	+	(LC)		4-4				3-3-2								
108.	Чайка малая *Larus minutus*	?	?	(DD)			3-3											
109.	Морской голубок *Larus genei*	–	F	(VU)			3-3			– 3-2		3-3						
110.	Крачка чайконосая *Gelochelidon nilotica*	F	F	(VU)			3-3			– 2-1		3-3						
111.	Чеграва *Hydroprogne caspia*	+	F	VU	– 3-3	3-3	3-3	3	3-3	3-2-2		3-3						– 3-3
112.	Крачка пестроносая *Thalasseus sandvicensis*	F	F	(LC)						– – 1								

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег. РФ 83-01-21	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Рост 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12-22	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 99-22	Инг 07-22	Чеч 07-20	Даг 98-09-20
113.	Крачка малая *Sterna albifrons*	**F**	**F**	**EN**	**– 2-2**	2-2	3-3	2	2-2	– 2-2		2-2		– 6	– 4	2-3	2-2	– 4-3
114.	Рябок чернобрюхий *Pterocles orientalis*	**?**	**?**	**(DD)**			3-3	4										1 – 4
115.	Саджа *Syrrhaptes paradoxus*	**?**	**?**	**(DD)**			3-3											
116.	Клинтух *Columba oenas*	**+2**	+	**(NT)**							– – 2	3-5	– 2		1-3			
117.	Горлица обыкновенная *Streptopelia turtur*	**–2**	–	**EN**	**– – 2**			2		– – 2	– – 2				– 2	– 2		– – 2
118.	Филин *Bubo bubo*	+	+	**VU**	**– 2-3**	3-3	3-3	3	2-3	3-1Б-2	1-1А-1	2-2	3-3	4-2	2-2	2-2	2-3	2-3-3
119.	Сова болотная *Asio flammeus*	**F**	**F**	**(LC)**				3			– 3-2	3-3						
120.	Сплюшка *Otus scops*	–	–	**(NT)**				3							– 3			
121.	Сыч мохноногий *Aegolius funereus*	**?**	**0**	**(VU)**					3-3		– 1Б-3		3-3		– 1			
122.	Сипуха *Tyto alba*	+	**+2**	**(LC)**						– – 3								
123.	Козодой *Caprimulgus europaeus*	**?**	**0**	**(LC)**											3-3			
124.	Стриж белобрюхий *Apus melba*	**?**	–	**(LC)**							– 3-3				– 2			
125.	Сизоворонка *Coracias garrulus*	–	**0**	**EN**	**– – 2**					– – 3	– 3-3				– 2	– 4		– – 4
126.	Зимородок *Alcedo atthis*	**?**	**0**	**(LC)**									3-2		– 3			
127.	Щурка зеленая *Merops persicus*	+	+	**(LC)**			3-3					3-5						
128.	Вертишейка *Jynx torquilla*	**?**	**0**	**(LC)**										3-2		2-2		
129.	Дятел зеленый *Picus viridis*	+	+	**(LC)**					4-1									
130.	Желна *Dryocopus martius*	+	+	**(VU)**		– 3									3 –	3-3		
131.	Дятел средний *Dendrocopos medius*	**+2**	**+2**	**(LC)**	**– 2 –***	4-5			3-3			2-3	– 4		3-3	3-3		
132.	Дятел малый *Dendrocopos minor*	**?**	+	**(LC)**									– 3		3-3	3-3		
133.	Ласточка скальная *Ptyonoprogne rupestris*	**0**	**0**	**(NT)**											– 3			
134.	Жаворонок серый *Alaudala rufescens*	–	–	**(DD)**										4 –				
135.	Жаворонок белокрыл.*Melanocorypha leucoptera*	**F**	**F**	**(LC)**					3 –					3-2				
136.	Жаворонок черный *Melanocorypha yeltoniensis*	**–2**	–	**(CR)**		2-1			3-1					2-3				
137.	Жаворонок рогатый *Eremophila alpestris*	–	–	**(VU)**						– 2-3	– 2-3							3 – –
138.	Жаворонок лесной *Lullula arborea*	**?**	**0**	**(LC)**						– 1Б-3			– 2		– 3			
139.	Конек полевой *Anthus campestris*	–	–	**(VU)**										5-3				
140.	Трясогузка желтолобая *Motacilla lutea*	**?**	**?**	**(LC)**											– 5			
141.	Сорокопут красноголовый *Lanius senator*	+	+	**(LC)**														– 3-5
142.	Сорокопут чернолобый *Lanius minor*	**0**	**0**	**(LC)**										5-3	– 5			
143.	Сорокопут серый *Lanius excubitor*			**(DD)**	**– 3 –***	2-3		4	3-3	– 3 –	1-3 –	3 –	– 3		– 3	3-3	3-3	– 3 –
144.	Сорокопут пустынный *Lanius meridionalis*	**?**	+	**(NT)**				3										
145.	Иволга *Oriolus oriolus*	**?**	**0**	**(LC)**									– 3					
146.	Скворец розовый *Sturnus roseus*	**F**	+	**(LC)**								3-5		3 –				
147.	Клушица *Pyrrhocorax pyrrhocorax*	**–2**	–	**(VU)**									– 3					
148.	Галка альпийская *Pyrrhocorax graculus*	–	**0**	**(LC)**										3 –				
149.	Ворон *Corvus corax*	+	+	**(LC)**			3-3											
150.	Оляпка *Cinclus cinclus*	–	**0**	**(LC)**											– 3			5 – –

№	Виды	Тренд числ.	Тренд ареала	Катег. IUCN	Катег.РФ 83-01-21	Волг 04-17	Астр 04-14	Калм 2013	Рост 04-14	Красн 94-07-17	Адыг 00-12-22	Ставр 02-13	КЧР 88-13	КБР 00-18	СОА 99-22	Инг 07-22	Чеч 07-20	Даг 98-09-20
151.	Сверчок речной *Locustella fluviatilis*	**?**	**0**	**(LC)**										4-4				
152.	Камышевка вертлявая *Acrocephalus paludicola*			**CR**	**– 4-1**				4 –									
153.	Бормотушка бледная *Iduna pallida*	+	+	**(LC)**						– 2-3								
154.	Славка ястребиная *Sylvia nisoria*	–	**0**	**(NT)**										5-4	– 4			
155.	Королек желтоголовый *Regulus regulus*	**?**	**0**	**(LC)**										4-2		3-2		3 – –
156.	Королек красноголовый *Regulus ignicapillus*	**?**	**?**	**(LC)**	**4 – –**					4-3-3								
157.	Мухоловка полуошейник.*Ficedula semitorquata*	**?**	+	**(LC)**									– 3	(-)-3	– 3			
158.	Мухоловка малая *Ficedula parva*	**0**	**0**	**(LC)**											– 3			
159.	Мухоловка серая *Muscicapa striata*	**0**	**0**	**(LC)**										5-3				
160.	Тугайный соловей *Cercotrichas galactotes*	**F**	+	**(DD)**														3-0-3
161.	Каменный дрозд пестрый *Monticola saxatilis*	**?**	–	**(EN)**						– 2-2	1-1А-2				– 3	3-3		
162.	Каменный дрозд синий *Monticola solitarius*	**?**	**0**	**(DD)**											3-2	2-3	3-3	4 – –
163.	Горихвост. краснобрюх.*Phoenicurus erythrogaster*	**?**	–	**(VU)**									3-2		3-3	– 2	2-2	
164.	Варакушка *Luscinia svecica*	**0**	**0**	**(LC)**							3 – –							
165.	Дрозд-белобровик *Turdus iliacus*	–	–	**(LC)**										4-2				
166.	Синица усатая *Panurus biarmicus*	**0**	**0**	**(LC)**							– 4 –							
167.	Ремез *Remiz perdulinus*	**0**	**0**	**(LC)**									– 2	4-3	– 2			
168.	Гаичка черноголовая *Parus palustris*	**?**	**?**	**(LC)**							2-3-3				3-3	4-3		
169.	Лазоревка белая *Parus cyanus*			**VU**	**– 4-3***				4 –									
170.	Поползень черноголовый *Sitta krueperi*	**?**	**0**	**(LC)**	**4 – –**					4 – –			– 3	4 –				
171.	Стенолаз *Tichodroma muraria*	–	**0**	**(LC)**						2-2-3	2-1Б-3	3-3	– 3	3-2	– 2	3-4		4 – –
172.	Пищуха короткопалая *Certhia brachydactyla*	+	**?**	**(LC)**	**3 – –**					3-2-3								
173.	Воробей каменный *Petronia petronia*	**-2**	–	**(EN)**									– 4	4-3	– 2	4-3		
174.	Воробей снежный *Montifringilla nivalis*	**-1**	+	**(EN)**									– 3	3-3		4-4		
175.	Чечетка горная *Acanthis flavirostris*	**?**	+	**(LC)**									3-3					
176.	Воробей короткопал. *Carpospiza brachydactyla*	**?**	**F**	**(DD)**														– 4 –
177.	Чечевица большая *Carpodacus rubicilla*	**?**	**?**	**(VU)**						– 2-2	1-1Б-2		3-3		3-2	3-3		
178.	Дубонос *Coccothraustes coccothraustes*	**0**	**0**	**(LC)**										2-3	– 3			
179.	Просянка *Emberiza calandra*	**?**	**0**	**(LC)**										4-3				
180.	Овсянка черноголовая *Emberiza melanocephala*	**?**	+	**(LC)**										4-3				

Категории статуса угрозы исчезновения в соответствии с состоянием в естественной среде обитания: **RE** (Regionally Extinct) – вид вероятно исчезнувший в регионе на гнездовании; **CR** (Critically Endangered) – вид в критическом положении; **EN** (Endangered) – вид в угрожаемом состоянии; **VU** (Vulnerable) – уязвимый вид; **DD** (Data Deficient) – недостаточно изученный вид; **NT** (Near Threatened) – вид, близкий к угрожаемому состоянию, но находящийся вне опасности, в том числе благодаря принятым мерам охраны; **LC** (Least Concern) – вид, вызывающий наименьшие опасения.

Категории статуса редкости (уязвимости): **0** – вероятно исчезнувшие виды, не встреченные в течение 50 последних лет; **1** – виды, находящиеся под угрозой исчезновения; **2** – сокращающиеся в численности виды; **3** – редкие уязвимые виды; **4** – виды с неопределенным статусом; **5** – восстановленные и восстанавливающиеся виды.

Аист белый *Ciconia ciconia*. Редкий гнездящийся вид. Небольшие компактные поселения сравнительно недавно сформировались в Восточном Приазовье и в дельте Терека. Отдельные пары пытаются заселять с запада Ростовскую и Волгоградскую обл., но их гнездование здесь пока неустойчиво. Одиночные пары гнездятся, возможно, также в других регионах (Казаков и др., 2004; Белик, 2021а). Для закрепления в новых районах распространения желательна защита и протекция аиста со стороны человека. Вид включен в Красные книги 6 регионов Южной России.

Огарь *Tadorna ferruginea*. Немногочисленный уязвимый гнездящийся вид, широко распространенный на юге России, кроме Восточного Приазовья. Крупная, яркая, крикливая утка, отличающаяся необычной экологией и сразу же привлекающая к себе внимание людей, в том числе браконьеров. У нее отсутствует половой диморфизм и покровительственная окраска у самок. Гнездится она среди степи в норах, а также в различных нишах, иногда в дуплах деревьев. У гнезд и выводков огари всегда держатся парами, при тревоге с криком летая вокруг птенцов, а их выводки собираются обычно на открытых водоемах. Поэтому промысел огаря в XIX в. привел к резкому сокращению его ареала и численности. Во второй половине XX в. благодаря охране началось восстановление его популяций, но в конце прошлого столетия в некоторых регионах вновь отмечено сокращение численности (Белик и др., 2003; Белик, 2021а). Вид включен в КК Краснодарского края, Карачаево-Черкесии, Ингушетии и Чеченской Республики, а также в КК Воронежской и Саратовской обл.

Пеганка *Tadorna tadorna*. Немногочисленный, очень уязвимый гнездящийся вид, приуроченный в основном к соленым водоемам пустынной и полупустынной зон, а также к обрывистым берегам Азовского моря. Эта «земляная» утка по своей биологии и экологии очень сходна с огарем. Крайне уязвима перед браконьерами в период вождения выводков. Снятие ограничений на добычу охотниками в некоторых районах на Маныче сразу же привело к почти полному уничтожению этих птиц, несмотря на их весьма низкие гастрономические качества (Белик, 2013д; Белик, 2021а). Поэтому данный вид по-прежнему нуждается в строгой индивидуальной охране. Вид включен в КК Ингушетии и Чеченской Республики, а также в КК Воронежской и Саратовской обл.

Утка серая *Anas strepera*. В середине XX в. на многих водоемах пустынно-степного пояса была обычным, местами массовым гнездящимся видом. Но в конце XX в. в степной зоне от Украины до Забайкалья повсеместно началось быстрое снижение численности, и сейчас этот вид на юге России встречается местами даже реже, чем савка. Причины резкой деградации популяций серой утки в степной зоне остаются недостаточно ясными (Белик, 2014б, 2021а, 2022г). Вид включен в КК Ростовской

обл., Северной Осетии и Дагестана, а также в КК Воронежской и Саратовской обл. Был рекомендован в КК РФ.

Осоед обыкновенный *Pernis apivorus*. Редкий или немногочисленный гнездящийся вид с узкой трофической специализацией, низким репродуктивным потенциалом и пульсирующей численностью. Распространен в лесных ландшафтах на севере Ростовской и Волгоградской обл. и в лесах Кавказа и Предкавказья. На миграциях встречается по всей Южной России. Включен в Красные книги 6 регионов Южной России, а также в КК Воронежской и Саратовской обл.

Коршун черный *Milvus migrans*. Редкий или немногочисленный вид, гнездящийся в лесостепных ландшафтах всего региона, кроме горных лесов Кавказа. Включен в КК Астраханской обл. и Калмыкии. В последние десятилетия заметное снижение численности наблюдается почти по всей Европе. Причины деградации европейских популяций связаны, по-видимому, с вторичной интоксикацией при поедании животных, погибших от отравления (Белик, 2000а, 2021а; Белик и др., 2003). На миграциях встречается по всей Южной России, а в Восточном Предкавказье у городских свалок в последние годы благодаря потеплению климата формируются крупные зимовочные скопления птиц, прилетающих, вероятно, из Приуралья.

Орел-карлик *Hieraaetus pennatus*. Редкий гнездящийся вид с низким репродуктивным потенциалом, распространенный в лесостепных ландшафтах на севере Ростовской и Волгоградской обл. и в лесах Кавказа и Предкавказья. На миграциях встречается по всей Южной России. Популяции, по-видимому, относительно стабильны. Вид включен в Красные книги 9 регионов Южной России, а также в КК Воронежской и Саратовской обл.

Дербник *Falco columbarius*. Редкий зимующий вид, встречающийся почти по всей Южной России. До начала XX в. гнездился в степном Придонье (Аверин, 1911). В настоящее время ареал степного подвида *F. c. pallidus* отступил на восток – в Казахстан, Приуралье и Западную Сибирь (Давыгора, 2003), но гнездование отдельных пар еще возможно в Заволжье. Причины деградации степных популяций остались неизвестными (Белик, 2018е, 2021а). Вид включен в КК Астраханской обл., а также в КК Саратовской обл.

Тетерев полевой *Lyrurus tetrix*. Очень редкий, исчезающий на юге России вид, гнездящийся сейчас только в Поволжье на севере Волгоградской обл. До начала XIX в. был широко распространен и обычен почти по всей Южной России, кроме горных районов Кавказа. До конца XIX в. еще встречался в Ростовской обл. Причинами исчезновения тетерева

были, по-видимому, распашка степей, интенсивный выпас скота и браконьерство (Белик, 2012, 2021а). Вид включен в КК Волгоградской обл., а также в Красные книги соседних, более северных регионов, в том числе в Воронежской и Саратовской обл.

Улар кавказский *Tetraogallus caucasicus*. Редкий оседлый вид, распространенный в альпийских высокогорьях Кавказа. Численность относительно стабильна (Белик и др., 2003; Белик, 2021а). Этот улар включен в Красные книги 5 регионов России.

Кеклик *Alectoris chukar*. Редкий оседлый вид, распространенный в горах Кавказа. Еще в начале-середине XX в. был массовой охотничьей птицей Восточного и Центрального Кавказа, но к концу XX в. практически повсеместно исчез и сейчас везде встречается крайне редко. Причины исчезновения не совсем понятны и однозначны (Белик, 2015д, 2021а). Кеклик включен в КК Краснодарского края и Карачаево-Черкесии.

Журавль серый *Grus grus*. Редкий вид, гнездящийся в заболоченных лесах на севере Ростовской и Волгоградской обл. (лесная популяция) и местами на заросших тростником и рогозом водоемах Заволжья и Северо-Западного Прикаспия (степная популяция). Современные тренды не совсем ясные: лесная популяция, по-видимому, медленно сокращается, а степная относительно стабильна или постепенно увеличивается. На миграциях встречается по всей Южной России, а в долине Маныча регулярно формируются массовые транзитные остановки (Белик, 2021а). Включен в Красные книги 7 регионов Южной России, а также в КК Воронежской и Саратовской обл.

Погоныш-крошка *Porzana pusilla*. Очень редкий и слабо изученный гнездящийся вид, случайные встречи с которым регистрировались в разных регионах Южной России (Квартальнов, 2003; Белик, 2014а, 2021а; Белик и др., 2016). Населяет стоячие и слабопроточные заросшие водоемы. Редкость погоныша-крошки связана, возможно, с конкурентными взаимоотношениями с очень похожим малым погонышем (*Porzana parva*), поскольку в регионах, где последний вид отсутствует, погоныш-крошка довольно обычен. Погоныш-крошка включен в КК Ростовской обл., а также более северной Саратовской обл. как слабоизученный вид.

Коростель *Crex crex*. Немногочисленный уязвимый вид, гнездящийся на влажных высокотравных лугах в поймах рек и в горах по всей Южной России. Современная динамика численности на юге России неизвестна, в целом популяция, по-видимому, относительно стабильна, но в некоторых регионах численность медленно сокращается (Белик, 2021а). Вид включен в КК Астраханской обл. и Северной Осетии, а также в КК Саратовской обл.

Зуек каспийский *Charadrius asiaticus*. Очень редкий гнездящийся

вид, находящийся в России на грани исчезновения. Был занесен в Красную книгу России (2001), но из последнего издания Красной книги РФ (2021) исключен без достаточных на то оснований. Охраняется Красными книгами 7 регионов Южной России; занесен также в КК Саратовской обл. В полупустынях Заволжья и Северо-Западного Прикаспия сейчас возможны единичные гнездовые находки. Основной же гнездовой ареал расположен в Казахстане. Отступление ареала на восток связано, вероятно, с увлажнением степного климата и сокращением пастбищной нагрузки в степях (Федосов, Белик, 2010; Белик, 2021а).

Пигалица белохвостая *Vanellochettusia leucura*. Очень редкий, уязвимый гнездящийся вид, сравнительно недавно появившийся на юге России, расселяясь из Восточного Закавказья и Казахстана (Черничко, 2003; Белик и др., 2008; Белик, 2021а). Спорадично гнездится на заболоченных солончаках в Северо-Западном Прикаспии, но встречи возможны и в других регионах. Вид включен в КК Астраханской обл., Калмыкии и Дагестана.

Ходулочник *Himantopus himantopus*. Немногочисленный, очень уязвимый вид, регулярно гнездящийся колониями по берегам водоемов пустынно-степного пояса. Был занесен в Красные книги России (1983, 2001), но из последнего издания Красной книги РФ (2021) исключен вследствие роста общей численности. Однако в северных районах Ростовской и Волгоградской обл. этот вид очень редок. Многие локальные популяции, несмотря на их постепенный рост, периодически резко флуктуируют в связи с динамикой гидрорежима водоемов. Охраняется Красными книгами 12 регионов Южной России, но лишь в 4 из них (Ростовская и Астраханская обл., Ставропольский край и Калмыкия) вид считается восстановленным.

Поручейник *Tringa stagnatilis*. Очень редкий уязвимый вид, гнездящийся на заболоченных лугах и мелководных травяных болотах в бассейнах Дона и Волги. Предполагается реликтовый характер ареала на юге России (Белик, 2003а, 2014а, 2021а). Современные популяционные тренды здесь неизвестны. На миграциях изредка встречается на водоемах пустынно-степного пояса. Вид включен в КК Астраханской и Ростовской обл., а также соседних, более северных регионов – Воронежской и Саратовской обл.

Дупель *Gallinago media*. Редкий пролетный вид, возможно проникающий на гнездование в северные районы Волгоградской и Ростовской обл. В прошлом на юге России был вполне обычен на миграциях (Алфераки, 1878; Динник, 1886; Сарандинаки, 1909; Аверин, 1911; Беме, 1926; Белик и др., 2012; Белик, 2021а), но сейчас повсеместно здесь стал крайне

редок. Заметное сокращение численности наблюдается и на местах гнездования в средней полосе России (Мищенко и др., 2004, 2017; и др.). Вид включен в КК Астраханской обл., а также соседних, более северных регионов – Воронежской и Саратовской обл.

Веретенник большой *Limosa limosa*. Редкий гнездящийся и довольно обычный пролетный вид Южной России. Гнездится на лугах и травяных болотах в северных районах Ростовской и Волгоградской обл. (Белик, 2021а). Уязвим из-за гнездования на земле, крикливости и слабой осторожности в гнездовой период, а также значительной величины и яркого, броского облика, привлекающего внимание браконьеров. Современные популяционные тренды недостаточно ясны. Вид включен в КК Ростовской и Волгоградской обл., а также соседних, более северных регионов – Воронежской и Саратовской обл.

Тиркушка луговая *Glareola pratincola*. Редкий, слабоизученный уязвимый вид, гнездящийся на солончаках по берегам различных водоемов Предкавказья и Северо-Западного Прикаспия (Белик, 2021а). Из-за значительного сходства со степной тиркушкой, мониторинг распространения и динамики численности затруднен. Тенденции недостаточно ясны; в Западном Предкавказье прежде отмечалась деградация численности (Белик и др., 2003). Вид включен в Красные книги 4 регионов России.

Морской голубок *Larus genei*. Плотные гнездовые колонии сосредоточены на изолированных островах крупных водоемов в Восточном Приазовье, на Маныче и севере Каспийского моря. В некоторых регионах отмечались выраженные негативные тренды численности, связанные с колебаниями уровня водоемов (Белик и др., 2003; Белик, 2021а). Вид включен в КК Астраханской обл., Ставропольского и Краснодарского края.

Крачка чайконосая *Gelochelidon nilotica*. Довольно плотные гнездовые колонии встречаются на изолированных островах различных водоемов в Восточном Приазовье, на Маныче, в Северо-Западном Прикаспии и Заволжье к северу до оз. Булухта. Размещение колоний и численность птиц в них заметно флуктуируют из-за переселения крачек с водоема на водоем в зависимости от колебаний уровня воды (Белик, 2021а). Вид включен в КК Астраханской обл., Ставропольского и Краснодарского края.

Рябок чернобрюхий *Pterocles orientalis*. Очень редкий и слабо изученный краеареальный вид России, гнездящийся лишь в пустынях Калмыкии и, вероятно, в Астраханской обл. (Реуцкий, 2014; Белик, 2021а). Популяционные тренды на границе ареала в настоящее время не выражены. Повышенная уязвимость связана с наземным гнездованием, невысоким репродуктивным потенциалом и трансформацией пустынных

биоценозов в связи с увлажнением климата. Вид включен в КК Астраханской обл. и Калмыкии.

Клинтух *Columba oenas*. Редкий гнездящийся вид степного Придонья и Предкавказья. На зимовках в Предкавказье довольно обычен за счет птиц, прилетающих из Сибири. В конце XX в. во многих регионах Европейской России гнездовые популяции оказались под угрозой исчезновения из-за усилившегося охотничьего пресса и хищнического воздействия размножившихся ястребов-тетеревятников и куниц (Белик, 2000д). Но в последнее время, благодаря освоению новой экологической адаптации к гнездованию в полых бетонных опорах ЛЭП среди степей, клинтух вышел из-под давления хищников и начал постепенное восстановление ареала и численности (Белик и др., 2010; Белик, Гугуева, 2013; Белик, 2021а). Вид включен в КК Адыгеи, Ставропольского края, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии, а также в КК Воронежской и Саратовской обл.

Сплюшка *Otus scops*. Большинство региональных орнитологов Северного Кавказа, по-видимому, не обратило особого внимания на резкое сокращение численности сплюшки на юге России в 1990-е годы, связанное в основном с исчезновением в степных лесонасаждениях врановых птиц – важнейших поставщиков естественных гнездовий для сплюшки (Белик и др., 2003; Белик, 2021а). Эта сова как краеареальный вид включена пока лишь в КК Калмыкии и Северной Осетии. Возможно, сейчас требуется ее специальная охрана и в других регионах Южной России. Она охраняется также в Воронежской обл. и на Украине (Червона книга Украины, 2009).

Желна *Dryocopus martius*. Редкий или немногочисленный оседлый вид лесов Кавказа, расселяющийся на север в Предкавказье, а также недавно проникший с севера в Ростовскую и Волгоградскую обл. В обеих популяциях прослеживаются положительные тренды, но желна везде нуждается, несомненно, в особой охране как очень важный «вид-зонтик» лесных ландшафтов, позволяющий заселять их таким редким видам, как гоголь (*Bucephala clangula*), луток (*Mergus albellus*), обыкновенная неясыть (*Strix aluco*), мохноногий сыч (*Aegolius funereus*), сплюшка (*Otus scops*), клинтух (*Columba oenas*), сизоворонка (*Coracias garrulus*) и другим крупным дуплогнёздникам (Белик, 2021а). Вид включен в КК Ингушетии и Волгоградской обл., а также в Красную книгу более северного региона – Воронежской обл.

Жаворонок черный *Melanocorypha yeltoniensis*. Очень редкий, исчезающий вид, до середины XX в. в значительном числе гнездившийся в степях и полупустынях Заволжья. Но к концу XX в. его ареал и численность там резко сократились (Линдеман и др., 2005), а специальные поиски птиц в 2010-2014 гг. в районе оз. Баскунчак и в Приэльтонье, откуда

этот вид был описан впервые, положительных результатов не дали (Белик, 2013ж; Гугуева, Белик, 2013; Белик и др., 2015). Сейчас в Южной России черный жаворонок изредка появляется, вероятно, лишь на зимовках. Вид включен в КК Волгоградской и Ростовской обл. и Кабардино-Балкарии, а также в КК Саратовской обл.

Сорокопут пустынный *Lanius meridionalis*. Редкий, уязвимый краеареальный вид, гнездящийся в кустарниках среди песчаных пустынь Заволжья, а недавно найденный также на востоке Калмыкии (Музаев, 2013). Динамика численности в настоящее время неизвестна. Вид уязвим из-за гнездования на кустах, уничтожаемых на пастбищах, и из-за зарастания песков в результате увлажнения климата. Включен в КК Калмыкии.

Клушица *Pyrrhocorax pyrrhocorax*. Немногочисленный оседлый вид сухих скалистых низкогорий и среднегорий Кавказа. В последние десятилетия в большинстве районов наблюдается выраженная депрессия численности, связанная с хищническим воздействием размножившихся орнитофагов – ястреба-тетеревятника, сапсана, карагуша, беркута, а также с изменениями трофических условий после резкого снижения численности домашнего скота в 1990-е годы (Белик, 2008; Хубиев, Караваев, 2012). Вид включен в КК Карачаево-Черкесии.

Каменный дрозд пестрый *Monticola saxatilis*. Редкий гнездящийся вид безлесных гор Кавказа, и очень редкая, исчезающая птица на скалистом побережье Черного моря в районе Новороссийска - Геленджика. Гнездится на скалах, среди камней, в старых постройках человека. Из-за скрытного образа жизни этот вид изучен слабо, его мониторинг затруднен, популяционные тренды недостаточно ясны. Но на Центральном и Западном Кавказе численность, по-видимому, заметно сократилась из-за демутации горных пастбищ после резкого снижения численности домашнего скота в 1990-е годы. Вид включен в КК Краснодарского края, Адыгеи, Северной Осетии и Ингушетии.

Каменный дрозд синий *Monticola solitarius*. Немногочисленный или редкий вид сухих скалистых гор Восточного Кавказа, гнездящийся на скалах, среди камней, в старых постройках человека. Из-за скрытного образа жизни изучен очень слабо, и современные популяционные тренды неизвестны. Но в Дагестане в 1990-е годы отмечали относительно стабильную численность (Джамирзоев и др., 2000). Вид включен в КК Северной Осетии, Ингушетии и Чеченской Республики.

Горихвостка краснобрюхая *Phoenicurus erythrogaster*. Немногочисленный обитатель субнивальных высокогорий Кавказа, откуда на зиму спускается в среднегорья и низкогорья в облепиховые заросли вдоль рек. Современные популяционные тренды недостаточно ясны. Эта

горихвостка уязвима вследствие оседлости и узкой кормовой специализации на ягодах облепихи в зимний период, а также из-за потепления климата, вызывающего таяние ледников и сокращение гнездового ареала. Вид включен в КК Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Ингушетии и Чеченской Республики.

Воробей каменный *Petronia petronia*. Немногочисленный, слабо изученный гнездящийся вид сухих низкогорий и среднегорий Кавказа в районах интенсивного выпаса домашнего скота. Гнездится на скалах, среди камней, в старых постройках человека. В последние десятилетия во многих районах Центрального и Восточного Кавказа популяции сильно сократились или почти исчезли из-за демутации горных пастбищ после снижения численности домашнего скота в 1990-е годы и резкого сокращения земледелия в горах во второй половине XX в. (Белик, 2018г). Вид включен в КК Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии.

Воробей снежный *Montifringilla nivalis*. Редкий, очень слабо изученный гнездящийся вид безлесных среднегорий и высокогорий Кавказа в районах интенсивного выпаса домашнего скота. Гнездится на скалах, среди камней, в старых постройках человека. Современная динамика численности неизвестна, но на Центральном и Восточном Кавказе в последние десятилетие вид почти исчез, однако найден в Приэльбрусье в восточных районах Карачаево-Черкесии (Белик, 2006б). Деградация кавказских популяций связана с демутацией горных пастбищ после снижения численности домашнего скота в 1990-е годы, а также из-за резкого сокращения земледелия в горах во второй половине XX в. (Белик, 2018г). Вид включен в КК Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Ингушетии.

Чечевица большая *Carpodacus rubicilla*. Немногочисленный обитатель субнивальных высокогорий Кавказа, откуда на зиму спускается в среднегорья и низкогорья в облепиховые заросли вдоль рек (Лоскот, 1991). Современные популяционные тренды недостаточно ясны. Эта чечевица уязвима вследствие оседлости и узкой кормовой специализации на ягодах облепихи в зимний период, а также из-за потепления климата, вызывающего таяние ледников и сокращение гнездового ареала. Вид включен в КК Краснодарского края и Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Ингушетии.

* * *

Следующие виды занесены в региональные Красные книги Южной России зачастую без достаточно корректных обоснований и в большинстве случаев могут быть исключены из списков особо охраняемых видов. Лишь некоторые из них нуждаются в индивидуальной охране на региональном уровне.

Поганка малая *Podiceps ruficollis*. На юге России в последние десятилетия сформировалась достаточно крупная популяция, численность которой относительно стабильна или увеличивается в ходе расширения ареала (Белик и др., 2003; Белик, 2021а). Вид адаптировался к антропогенным местообитаниям, нередко встречается на городских водоемах (водохранилищах, прудах, отстойниках и др.) и в целом не нуждается в особой индивидуальной охране.

Выпь малая *Ixobrychus minutus*. Довольно обычна на заросших макрофитами водоемах равнинных регионов Южной России. Популяции здесь относительно стабильные (Белик и др., 2003; Белик, 2005, 2021а) и, по-видимому, нигде не нуждаются в особой индивидуальной охране.

Кваква *Nycticorax nycticorax*. На юге России обитает достаточно крупная популяция, в настоящее время не требующая особой охраны (Белик, 2021а).

Цапля белая малая *Egretta garzetta*. На юге России в целом обитают достаточно крупные, относительно устойчивые популяции, не требующие в настоящее время организации особой охраны.

Лебедь-шипун *Cygnus olor*. На юге России сейчас обитает достаточно крупная, относительно устойчивая популяция, в настоящее время не требующая организации особой охраны (Белик, 2021а).

Лебедь-кликун *Cygnus cygnus*. На юге России встречается на пролете, возможно гнездится на севере Волгоградской обл. (Белик, 2021а). Видовая популяция в Европейской России насчитывает от 8-10 до 10-15 тыс. пар, не демонстрирует явных негативных трендов (Мищенко и др., 2004, 2017) и, по-видимому, не требует организации особой дополнительной охраны.

Лунь луговой *Circus pygargus*. На юге России обитает достаточно крупная популяция, не демонстрирующая выраженных негативных трендов (Белик и др., 2003; Белик, 2005, 2021а) и в целом пока не требующая организации особой индивидуальной охраны.

Ястреб-тетеревятник *Accipiter gentilis*. В лесных ландшафтах на юге России в последние десятилетия сформировались две достаточно крупные популяции, продолжающие расселение с севера и юга в степную зону (Белик, 2003, 2021а; Друп и др., 2005) и не нуждающиеся в особой охране.

Куропатка серая *Perdix perdix*. **Перепел** *Coturnix coturnix*. На юге России в целом обитают достаточно крупные популяции, сильно флуктуирующие в зависимости от погодных условий (Белик, 2021а). Все они более или менее интенсивно используются в охотничьем промысле. Дополнительной особой индивидуальной охраны на юге России эти виды, по-видимому, пока не требуют.

Фазан *Phasianus colchicus*. На юге России обитают достаточно крупные популяции, восстановленные в результате реакклиматизации северокавказского фазана *Ph. c. septentrionalis* или интродукции гибридного «охотничьего» фазана. Все они повсеместно и более или менее интенсивно используются в охотничьем промысле. Численность птиц флуктуирует в зависимости от погодных условий (Белик, 2021а). Особой охраны заслуживают, возможно, лишь аборигенные популяции северокавказского фазана, сохранившиеся в дельтах Волги, Терека, Самура и в других районах Прикаспия, но юридические механизмы их защиты требуют специального обсуждения.

Зуек малый *Charadrius dubius*. На юге России – в горах Кавказа, на побережьях морей и по равнинным рекам – обитает несколько довольно крупных популяций, не демонстрирующих выраженных негативных трендов (Белик и др., 2003; Белик, 2021а) и в целом пока не нуждающихся в особой индивидуальной охране.

Зуек толстоклювый *Charadrius leschenaultii*. Проник на юг Дагестана, по-видимому, в самое последнее время в ходе расселения из Восточного Закавказья (Букреев и др., 2007; Букреев, Джамирзоев, 2013; Белик, 2021а). Нуждается в особой охране, вероятно, пока лишь на региональном уровне. В Красном списке МСОП отнесен к категории LC (вид, вызывающий наименьшие опасения).

Тулес *Pluvialis squatarola*. **Камнешарка** *Arenaria interpres*. **Щеголь** *Tringa erythropus*. **Мородунка** *Xenus cinereus*. **Веретенник малый** *Limosa lapponica*. Пролетные виды куликов, гнездящиеся в таежной и тундровой зонах и не испытывающие выраженных негативных трендов (Мищенко и др., 2004, 2017). Их особая индивидуальная охрана на юге России в Астраханской обл. сейчас не требуется и к тому же не может дать какого-либо выраженного положительного эффекта.

Чайка малая *Larus minutus*. Обитатель лесного пояса, проникающий на гнездовье, возможно, лишь в северные районы Волгоградской обл. В остальных регионах встречается сейчас только на миграциях (Белик, 2021а). Особая индивидуальная охрана этой чайки на юге России в Астраханской обл. не требуется и вряд ли может быть эффективна.

Крачка пестроносая *Thalasseus sandvicensis*. Плотные гнездовые колонии встречаются местами на изолированных островах в Восточном Приазовье и на севере Каспийского моря. Размещение колоний и численность птиц в них сильно флуктуируют из-за периодических переселений крачек в зависимости от колебаний уровня воды (Белик, 2021а). Целесообразна особая индивидуальная охрана известных колоний на региональном уровне, в частности в Краснодарском крае.

Саджа *Syrrhaptes paradoxus*. Очень редкий залетный, инвазионный

вид, возможно проникающий на гнездовье из Казахстана в Астраханскую обл., но достоверные гнездовые находки там неизвестны (Русанов, 2011; Реуцкий, 2014; Белик и др., 2016; Белик, 2021а). Поэтому организация особой индивидуальной охраны этого краеареального вида на юге России нереальна и вряд ли целесообразна.

Сыч мохноногий *Aegolius funereus*. Редкий или немногочисленный оседлый вид хвойных и смешанных лесов Кавказа, проникающий также с севера в Ростовскую обл. (Белик, 2014а; Белик, 2021а). В своем распространении довольно тесно связан с желной, в старых дуплах которой предпочитает гнездиться. Кавказская популяция относительно стабильна, тенденции в европейской популяции неясны из-за недостатка фактических данных (Белик и др., 2003). Необходим более тщательный мониторинг отдельных популяций и, возможно, организация особой охраны на региональном уровне.

Сипуха *Tyto alba*. Недавно вселилась на юг России из Закавказья и Крыма, загнездившись в некоторых районах Краснодарского и Ставропольского края (Белик, 2021а). Птицы обитают в антропогенных ландшафтах и довольно быстро увеличивают численность, поэтому организация их особой охраны целесообразна, вероятно, лишь на региональном уровне.

Козодой *Caprimulgus europaeus*. В большинстве регионов – более или менее обычный вид, гнездящийся в лесных ландшафтах на равнинах и в горах Кавказа (Белик, 2021а). Численность его в 1990-е годы была стабильна или увеличивалась (Белик и др., 2003), но современные тренды неясны. Необходимости в организации его особой индивидуальной охраны в целом по югу России в настоящее время, по-видимому, нет.

Стриж белобрюхий *Apus melba*. Довольно обычен в скальных ландшафтах низкогорий и среднегорий Кавказа, а также на скалистых побережьях Черного моря в районе Новороссийска. В целом кавказская популяция относительно стабильна (Белик и др., 2003, 2019; Белик, 2021а), и необходимости, да и возможности особой индивидуальной охраны этих птиц сейчас нет.

Зимородок *Alcedo atthis*. Довольно обычен на равнинных реках и в предгорьях Кавказа. Популяции на юге России относительно стабильны (Белик и др., 2003), и необходимости в организации их особой индивидуальной охраны в целом по региону сейчас, по-видимому, нет.

Щурка зеленая *Merops persicus*. Немногочисленный, но довольно регулярно гнездящийся вид Северо-Западного Прикаспия, в настоящее время расширяющий ареал и увеличивающий свою численность (Ильюх, 2012; Маловичко, 2012; Белик, 2021а). Организация особой охраны целесообразна, по-видимому, лишь местами на региональном уровне.

Вертишейка *Jynx torquilla*. Довольно обычный гнездящийся вид лесных ландшафтов на севере Ростовской и Волгоградской обл. и на Кавказе. Негативные тренды в популяциях не выявлены (Белик и др., 2003). Необходимости в организации особой индивидуальной охраны этого вида сейчас нет.

Дятел зеленый *Picus viridis*. Птицы европейской популяции *P. v. viridis* в Ростовской и Волгоградской обл. исчезли, по-видимому, еще в середине XX в. (Белик, 1998, 2003а, 2021а), но кавказская популяция *P. v. karelini* в последнее время начала интенсивное расселение по степным лесонасаждениям на север, достигнув уже Калмыкии и южных районов Ростовской обл. (Музаев и др., 2011; Забашта, 2014, 2018). Необходимость в организации особой охраны этих птиц, спонтанно увеличивающих сейчас свою численность, совершенно отсутствует.

Дятел малый *Dendrocopos minor*. Довольно обычный гнездящийся вид лесных ландшафтов на севере Ростовской и Волгоградской обл. и на Кавказе. Выраженных негативных трендов в его популяциях не выявлено, местами наблюдается расселение по степным лесонасаждениям (Белик, 2021а). Необходимость в организации особой индивидуальной охраны этих птиц сейчас, по-видимому, отсутствует.

Ласточка скальная *Ptyonoprogne rupestris*. Кавказская популяция относительно стабильная (Белик и др., 2003; Белик, 2005) и, по-видимому, не нуждается в особой индивидуальной охране, тем более что ее организация среди скальных местообитаний в горах вряд ли может быть эффективной.

Жаворонок серый *Calandrella rufescens*. **Жаворонок белокрылый** *Melanocorypha leucoptera*. **Жаворонок рогатый** *Eremophila alpestris*. **Жаворонок лесной** *Lullula arborea*. Специфичные обитатели полупустынь, альпийских высокогорий или лесостепных ландшафтов, в целом по югу России имеющие довольно значительную численность. Депрессия их популяций была отмечена в конце XX в. (Белик, 2000а, 2000б), но сейчас они в основном стабилизировались. Какая-либо реальная охрана их краеареальных популяций вряд ли возможна и целесообразна. А для поддержания популяций рогатого жаворонка требуется не резервация его местообитаний, а, наоборот, их более интенсивное пастбищное использование. Это же относится, по-видимому, и к большинству других видов жаворонков.

Конек полевой *Anthus campestris*. Довольно обычный гнездящийся вид редкотравных степных ландшафтов, демонстрирующий в некоторых регионах негативные тренды, связанные с демутацией песчаных и каменистых пастбищ из-за резкого снижения численности домашнего скота в 1990-е годы. Какая-либо особая охрана этого вида сейчас вряд ли

возможна и целесообразна.

Трясогузка желтолобая *Motacilla lutea*. Довольно обычный гнездящийся вид Поволжья и Северо-Западного Прикаспия, в остальных регионах изредка встречающийся на миграциях. В организации особой индивидуальной охраны в Северной Осетии этот вид, очевидно, сейчас совершенно не нуждается.

Сорокопут красноголовый *Lanius senator*. Немногочисленный вид, гнездящийся среди колючих кустарников в сухих предгорьях и низкогорьях Дагестана, куда сравнительно недавно проник из Восточного Закавказья (Букреев, Джамирзоев, 2013). В ходе расселения на север постепенно увеличивает свою численность. Особая охрана целесообразна, возможно, лишь на региональном уровне.

Сорокопут чернолобый *Lanius minor*. Довольно обычный или многочисленный вид с относительно стабильной численностью, гнездящийся в различных лесонасаждениях на степных и полупустынных равнинах Южной России. Включение этого вида в КК Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, по-видимому, недостаточно обосновано.

Иволга *Oriolus oriolus*. Довольно обычный и многочисленный вид с относительно стабильной или увеличивающейся численностью (Белик и др., 2003). Гнездится в мозаичных лесах на равнинах и в предгорьях, но практически не заходит в лесистые горы. Иволга включена в КК Карачаево-Черкесии как краеареальный вид, но в целом по югу России в особой охране не нуждается.

Ворон *Corvus corax*. Довольно обычный оседлый вид почти всей Южной России, кроме пустынь Северо-Западного Прикаспия. В последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к заселению степных и полупустынных районов, а также крупных городов (Белик, 1989б; Белик и др., 2004; Федосов, Маловичко, 2007; Хохлов и др., 2007; Цапко, 2009; Музаев и др., 2010; Белик, Назаренко, 2012; и др.). Никакой необходимости в особой охране ворона на юге России сейчас нет.

Сверчок речной *Locustella fluviatilis*. Довольно обычный обитатель средней полосы России, проникающий на север Ростовской и Волгоградской обл. На Кавказе регулярно встречается на миграциях. В организации особой охраны здесь не нуждается. Включение в КК Кабардино-Балкарии совершенно не обосновано.

Бормотушка бледная *Hippolais pallida*. Довольно обычный вид, характерный для гемиксерофитных ландшафтов Средиземноморья. В последние десятилетия постепенно увеличивает численность и расселяется на север по Черноморскому побережью Кавказа и кустарниковым пустыням Северо-Западного Прикаспия, в том числе по урбанизированным территориям (Белик, 2012). В организации особой охраны на юге России,

по-видимому, не нуждается.

Славка ястребиная *Sylvia nisoria*. Немногочисленный обитатель опушечных ландшафтов, гнездящийся почти по всей Южной России, кроме пустынь Северо-Западного Прикаспия. В 1990-е годы повсеместно прослеживалось сокращение численности (Белик и др., 2003), но сейчас она, по-видимому, стабилизировалась, периодически флуктуируя на среднем уровне. В организации особой охраны в целом по югу России сейчас, по-видимому, не нуждается.

Королек желтоголовый *Regulus regulus*. Немногочисленный зимующий вид почти всей Южной России, гнездящийся в темнохвойных лесах средней полосы России и на Кавказе. Численность кавказской популяции, по-видимому, относительно стабильна (Белик и др., 2003), и в организации особой охраны она не нуждается.

Королек красноголовый *Regulus ignicapillus*. Редкий средиземноморский лесной вид, краем ареала проникающий в субтропические леса Сочинского Причерноморья, а также в пихтарники среднегорий Западного Кавказа (Беме, Степанян, 1974; Тильба, 1994, 2019). Численность невысокая, но относительно стабильная (Тильба, 2007). Лишь в связи с массовой гибелью самшитников на Кавказе после зимней Олимпиады, проходившей в 2014 г. в Сочи (Дворецкая, 2014; Ширяева, 2015), возникла угроза сокращения численности этого королька (Белик, 2014). Однако дальнейшими исследованиями было выявлено ее восстановление и даже значительное увеличение в погибших самшитниках (Тильба, 2021). Необходим более тщательный мониторинг и особая охрана этого королька на региональном уровне.

Мухоловка полуошейниковая *Ficedula semitorquata*. Немногочисленный гнездящийся вид мезофильных лиственных лесов Кавказа, расселяющийся на север в леса Предкавказья (Костенко, 2017). Распространение, динамика численности и экология изучены недостаточно. Необходим более тщательный мониторинг кавказской популяции и, возможно, организация особой охраны на региональном уровне.

Мухоловка малая *Ficedula parva*. Обычный гнездящийся вид лесов Кавказа и бассейна Дона. Обе популяции относительно стабильны (Белик и др., 2003). Необходимости в организации их особой охраны нигде нет.

Мухоловка серая *Muscicapa striata*. Довольно обычный гнездящийся вид лесных ландшафтов Кавказа и бассейна Дона. Нередко гнездится в городах и сёлах. В организации особой охраны не нуждается. Включение в КК Кабардино-Балкарии недостаточно обосновано.

Тугайный соловей *Cercotrichas galactotes*. Редкий гнездящийся вид Дагестана, по-видимому, сравнительно недавно проникший туда из

Восточного Закавказья, где сейчас довольно обычен. Численность на границе ареала, очевидно, периодически пульсирует, и гнездовья в Дагестане нестабильны (Джамирзоев, Насрулаев, 2009; и др.). Местная популяция нуждается в более тщательном мониторинге, но «принятия специальных мер охраны вида на территории Дагестана не требуется» (Букреев, Джамирзоев, 2013, с.262).

Дрозд-белобровик *Turdus iliacus*. Довольно обычный обитатель средней полосы России, проникавший на север Ростовской и Волгоградской обл. На Кавказе встречается только на миграциях. В организации особой охраны здесь не нуждается. Включение в КК Кабардино-Балкарии совершенно не обосновано.

Ремез *Remiz pendulinus*. Довольно обычный гнездящийся вид речных долин на равнинах всей Южной России, практически не проникающий в горы. Популяции на юге России относительно стабильны (Белик и др., 2003). Необходимость в организации особой охраны в целом по югу России отсутствует.

Гаичка черноголовая *Parus palustris*. Немногочисленный или редкий оседлый вид мезофильных лиственных лесов Кавказа, а также поймы Сев. Донца в Ростовской обл. Распространение, динамика численности и экология изучены недостаточно. Необходима организация более тщательного мониторинга кавказских популяций. В особой дополнительной охране эта гаичка, по-видимому, не нуждается.

Поползень черноголовый *Sitta krueperi*. Довольно обычный, характерный оседлый обитатель пихтарников Западного Кавказа и субтропических лесов Черноморского побережья (Перевозов, 2022). В 1990-е годы в Карачаево-Черкесии было прослежено заметное сокращение численности (Белик и др., 2003), но в настоящее время популяция там относительно стабильна (Караваев, Хубиев, 2013). Вид требует охраны, вероятно, лишь на региональном уровне.

Стенолаз *Tichodroma muraria*. Немногочисленный оседлый обитатель скальных ландшафтов всего Кавказа от сухих предгорий до альпийских высокогорий, наиболее характерный для среднегорий Скалистого хребта. На Скалистом хребте в последнее время прослеживается сокращение численности, но популяционная динамика на Кавказе в целом остается неясной (Белик, 2019б). Вид включен в Красные книги 7 регионов Южной России, однако необходимость и возможность организации его особой охраны на труднодоступных скалах в горах вызывает определенные сомнения.

Пищуха короткопалая *Certhia brachydactyla*. Немногочисленный, характерный средиземноморский лесной вид, краем ареала заходящий в субтропические леса Сочинского Причерноморья (Степанян, 2000;

Тильба, 2007, 2022). Возможно, проникает на северные склоны Большого Кавказа (Dathe, Fischer, 1977; Гомзяков, 1997). Численность относительно стабильная или постепенно увеличивается в связи с расширением ареала. Необходима организация более тщательного мониторинга кавказских популяций. В особой дополнительной охране эта пищуха, по-видимому, не нуждается.

Чечетка горная *Acanthis flavirostris*. Немногочисленный оседлый вид сухих среднегорий и высокогорий Центрального и Восточного Кавказа. Распространение, динамика численности и экология на Кавказе выяснены недостаточно. Необходима организация более тщательного мониторинга популяций в различных регионах Кавказа. Горная чечетка включена в КК Карачаево-Черкесии как краеареальный вид, но в целом по Кавказу в особой охране, по-видимому, не нуждается.

Дубонос *Coccothraustes coccothraustes*. Обычный обитатель лесных ландшафтов Южной России, имеющий на Кавказе относительно большие, стабильные или флуктуирующие популяции. В организации особой дополнительной охраны в целом по Южной России не нуждаются. Его включение в КК Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, на наш взгляд, совершенно не обосновано.

Просянка *Emberiza calandra*. **Овсянка черноголовая** *Emberiza melanocephala*. Обычные обитатели луговых или степных ландшафтов Южной России, имеющие большие, относительно стабильные или флуктуирующие популяции. В организации особой дополнительной охраны в целом по Южной России эти виды сейчас не нуждаются. Их включение в КК Кабардино-Балкарии было малообоснованным.

* * *

Помимо Красных книг, для улучшения индивидуальной охраны птиц на юге России очень важно развивать всеобщее образование, природоохранное просвещение и популяризацию экологических знаний о птицах. Подобная деятельность, которая не требует относительно больших финансовых и логистических расходов, может давать очень большие положительные результаты. Для этого орнитологи Южной России выпускают научно-популярные статьи и книги, в том числе по материалам региональных Красных книг, выступают по телевидению и через интернет-каналы, проводят беседы со школьниками и местными жителями.

Важную роль в этой деятельности играют различные программы и проекты Союза охраны птиц России, в том числе проводятся осенние дни учета птиц, соловьиные вечера весной и др. Для бёрдвочеров организован сайт: www.erbirds.ru, привлекающий многочисленных фотографов-анималистов, фотоснимки которых позволяют также собирать фаунистические сведения о находках новых и редких видов птиц на юге России.

Литература

Абакумов В.Г., Цвелых А.Н., 1994. Пустынная славка (*Sylvia nana* Hempr. et Ehr.) – новый вид фауны Украины и Крыма // Вестник зоологии, № 1.- С.58.

Абдусалямов И.А., 1973. Фауна Таджикской ССР, т.19: Птицы, ч.2. - Душанбе: Дониш. - 404 с.

Абдусалямов И.А., 1977. Фауна Таджикской ССР, т.19: Птицы, ч.3. - Душанбе: Дониш. - 274 с.

Абуладзе А.В., 1977. О залёте пуночки (*Plecrtophenax nivalis* L.) в Грузию // Сообщ. АН ГССР, т.85, № 2.- С.453-455.

Аверин В.Г., 1911. Орнитологические наблюдения летом 1909 и 1910 гг. в окрестностях станицы Митякинской, Донецкого округа области Войска Донского // Труды Об-ва испытателей природы при Харьков. ун-те, т.44, прилож.- С.258-285.

Аверин Ю.В., Вшивков Ф.Н., 1995. Залет красноголового сорокопута (*Lanius senator senator* L.) в Крым // Труды Крымск. филиала АН УССР, т.9, вып.3.- С.155.

Аверин Ю.В., Насимович А.А., 1938. Птицы горной части Северо-Западного Кавказа // Труды Кавказск. заповедника, вып.1. - С.5-56.

Авилова К.В., Еремкин Г.С., Коновалов М.П., Стародубцев В.В., 1998. О редких видах воробьиных птиц на юго-восточной окраине Москвы // Редкие виды птиц Нечерноземного центра России: Мат-лы совещания «Редкие птицы Европ. части России».- М.- С.149-151.

Адамян М.С., 1965. Об экологии короткопалого воробья (*Carpospiza brachydactyla* Bp.) в Армянской ССР // Зоол. журнал, т.44, вып.4.- С.569-577.

Адамян М.С., Залетаев В.С., 1965. Находки пустынного снегиря в Закавказье // Орнитология, вып.7.- С.455.

Айунц К.Р., Шалыбков А.М., 1990. Кабардино-Балкарский заповедник // Заповедники Кавказа.- М.: Мысль.- С.35-44.

Алфераки С., 1877. Заметки о некоторых редких птицах Таганрогского уезда // Журнал охоты, февраль. - С.78-79.

Алфераки С., 1878. Пролет дупеля в устьях Дона // Природа и охота, ноябрь.- С.132-136.

Алфераки С., 1879. Из Таганрога, о пролете // Природа и охота, январь.- С.89-92.

Алфераки С.Н., 1910. Птицы Восточного Приазовья // Орнитол. вестник, № 1-4. - С.11-35; 73-93; 162-170; 245-252.

Амосов П.Н., 2010а. Видовой состав, биотопическое распределение и численность жаворонков (Alaudidae) в окрестностях озера Баскунчак // Соврем. состояние и стратегии сохранения природн. и антропогенных экосистем: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф.- Волгоград.- С.5-12.

Амосов П.Н., 2010*б*. Фауна позвоночных животных заповедника «Богдинско-Баскунчакский».- Волгоград.- 92 с.

Амосов П.Н., 2012. Птицы (Aves) // Состояние и многолетние изменения природной среды на территории Богдинско-Баскунчакского заповедника: Монография.- Волгоград.- С.182-211.

Амосов П.Н., 2015. К фауне птиц Нижней Волги // Рус. орнитол. журнал, т.24, №

1099.- С.285-289.
Ананьева С.И., Бабкина Н.Г., Бабушкин Г.М. и др., 2008. Птицы Рязанской Мещёры.- Рязань.- 208 с.
Ананян В.Ю. 2016. Северная бормотушка *Iduna caligata* и овсянка-ремез *Ocyris rusticus* в авифауне Армении // Рус. орнитол. журнал, т.25, № 1324.- С.3022-3023.
Ананян В.Ю., Бояджян С.А., 2016. Европейский вьюрок *Serinus serinus* – новый вид для фауны Армении // Рус. орнитол. журнал, т.25, № 1386.- С.5107-5109.
Ананян В.Ю., Дровецкий С.В., Фадеев И.В., Дуран С., Дуран Э., **2013**. Регистрации и гнездование хохлатой кукушки *Clamator glandarius* в Армении // Рус. орнитол. журнал, т.22, № 918.- С.2485-2490.
Ананян В.Ю., Малхасян А.Г., Вейнберг П.И., 2014. О находках чернозобого дрозда *Turdus atrogularis* в Армении // Рус. орнитол. журнал, т.23, № 956.- С.80-83.
Ананян В.Ю., Саркисян А.А., Туманян С.С., Бояджян С.А., 2020. О налёте чернозобого дрозда *Turdus atrogularis* в Армению // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 1958.- С.3589-3592.
Андреев В.А., 2016. Весенние орнитологические наблюдения на Черноморском побережье Кавказа в 2015 году // Рус. орнитол. журнал, т.25, № 1290.- С.1875-1882.
Андреев В.Ю., Андреев А.В., 2014. О находке синего каменного дрозда в Астраханской области // Астраханск. экол. вестник, № 3 (29).- С.80-82.
Андрющенко Ю.А., Ветров В.В., Дьяков В.А., Попенко В.М., 2013. Новые данные о некоторых птицах Донецкой и Луганской областей // Бранта, вып.16.- С.115-119.
Анисимов П.С., 1975. Видовой состав и распределение по биотопом птиц высокогорной части Чечено-Ингушской АССР // Лесоводство, лесные культуры и почвоведение, вып.4.- Л.- С.108-117.
Анисимов П.С., 1989а. Биотопическое распределение птиц степного и лесного поясов Чечено-Ингушской АССР // Природа и хозяйство Чечено-Ингушской АССР, вып.5.- Грозный.- С.84-87.
Анисимов П.С., 1989*б*. Редкие и исчезающие позвоночные животные Чечено-Ингушской АССР.- Грозный. - 157 с.
Аноним, 2003. Северокавказская орнитофаунистическая комиссия // Стрепет, вып.1.- С.123-127.
Аппак Б.А., 2001. О встречах редких птиц в Крыму // Беркут, т.10, вып.2.- С.152.
Аппак Б.А., 2001. Особенности учета численности пестрых каменных дроздов *Monticola saxatilis* (L.) // Геоэкологич. и биоэкологич. проблемы Сев. Причерноморья: Мат-лы международн. науч.-практ. конф.- Тирасполь.- С.14-15.
Аргиропуло А.И., 1928. Материалы к познанию фауны птиц юга Сталинградской (бывшей Царицынской) губернии // Ежегодник Зоол. музея АН СССР, т.29.- С.27-35.
Артемьев А.В., Логинов И.И., 2016. О подвидовой принадлежности желтоголовой трясогузки *Motacilla citreola* в южной Карелии // Русск. орнитол. журнал, т.25, № 1358.- С.4191-4197.
Артемьева Е.А., Муравьев И.В., 2012. Симпатрия «желтых» трясогузок (Passeriformes, Motacillidae, Motacillinae): География, экология, эволюция, ч.1: География и экология видов.- М.- 152 с.

Артемьева Л.Г., Чегодаев А.Г., 2022. Желчная овсянка // Стрепет, т.20, вып.2.- С.152.

Архипов В.Ю., 2004. Встречи южной бормотушки, бледной пересмешки и черногрудого воробья в Астраханской области // Орнитология, вып.31.- С.211-212.

Архипов В.Ю., Редькин Я.А. 2003. Статус гольцового, или американского конька *Anthus rubescens japonicus* в Западной Сибири // Рус. орнитол. журнал, т.12, № 243.- С.1274-1276.

Архипов В.Ю., Редькин Я.А., Коблик Е.А., Коновалова М.В., Шатохина К.Ю., **2004**. Первая находка гнезда крымского красноголового королька *Regulus ignicapillus tauricus* Redkin, 2001 // Русск. орнитол. журнал, т.13, № 260.- С.410-413.

Архипов В.Ю., Русанов Г.М., ван Стейнис М., **2003**. К авифауне северо-западного Прикаспия: новые находки и уточнение статуса видов // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.108, вып.2.- С.17-24.

Аськеев А.О., Аськеев И.В., Аськеев О.В., **2016**. Кедровка // Красная книга Республики Татарстан: животные, растения, грибы.- 3-е изд.- Казань.- С.117.

Атемасов А.А., Атемасова Т.А., 1996. Интересный случай гнездования деревенской ласточки в пойме Сев. Донца // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.3.- С.86.

Атлас гнездящихся птиц европейской части России. 2020.- М.: Фитон XXI, **2020**.- 908 с.

Атлас гнездящихся птиц Европы Европейского совета по учетам птиц: Сокращенная версия текстовой части на русском языке.- М.: ИПЭЭ, **2003**.- 343 с.

Афонин П.В., 1985. Структура населения птиц высотных поясов Кабардино-Балкарии // Орнитология, вып.20.- С.104-112.

Бадмаев В.Э., Бадмаев В.Б., Евчук М.В., **2015**. Учет видов птиц в заповеднике «Черные земли» // Экология и природная среда Калмыкии: Сб. науч. труды заповедника «Черные земли», вып.4.- Элиста.- С.77-91.

Бажанов В., 1927. Залёты и гнездование розового скворца (*Pastor roseus* L.) в Самарской губернии // *Uragus*, № 4.- С.19-21.

Бажанов В.С., 2007. Залёты и гнездование розового скворца *Pastor roseus* в Самарской губернии // Рус. орнитол. журнал, т.16, № 369.- С.988-991.

Базиев Ж.Х., Чунихин С.П., 1963. К экологии краснобрюхой горихвостки в Кабардино-Балкарии // Орнитология, вып.6.- С.235-237.

Байбаков А.М., 2010. Отчий край.- Волгоград.- 392 с.

Баник М.В., 2015. Особенности взаимоотношений двух подвидов черноголового чекана (*Saxicola torquata*) на Северном Кавказе // Вісник Харківського нац. ун-ту. Серія біол., вип.25.- С.137-144.

Баник М.В., Вергелес Ю.И., 2000. Просянка (*Emberiza calandra* L.) в Харьковской области: возвращение вида или флуктуации численности в ареале? // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.6-7.- Донецк.- С.20-27.

Банников А.Г., 1959. К количественной характеристике авифауны пустынных степей Калмыкии // Учен. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина, т.104, № 8.- С.107-121.

Банникова А.А., 2013. К экологии рыжехвостой мухоловки *Muscicapa ruficauda* // Рус. орнитол. журнал, т.22, № 839.- С.155-158.

Баньковский В.Б., 1913. К орнитофауне Закавказья, преимущественно Тифлисской губернии // Изв. Кавказск. музея, т.7, вып.3-4.- С.205-286.

Барабаш И.И., Козловский П.Н., 1941. Материалы по авифауне Нижнего Поволжья // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та: Труды фак-та естествознания, вып.7.-

С.162-173.
Барабашин Т.О., 2004. Результаты обследования некоторых КОТР Поволжья в 2003 г. // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 19.- С.17-19.
Барабашин Т.О., Белик В.П., 2002. Летние наблюдения редких видов птиц в Тебердинском заповеднике // Птицы Южной России: Мат-лы международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в XXI веке», посвящ. 20-летию деятельности Сев.-Кавказ. орнитол. группы. - Ростов н/Д. - С.43-45.
Барабашин Т.О., Мокиевский В.О., 2011. Рыжепоясничная ласточка // Стрепет, т.9, вып.1-2.- С.111.
Барабашин Т.О., Чернобай В.Ф., Иванов А.П., Касаткина Ю.Н., **2003**. Мониторинг КОТР-2002: Волгоградская область: Озеро Эльтон // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 17.- С.3-5.
Барабаш-Никифоров И.И., Павловский Н.К., 1948. Фауна наземных позвоночных Воронежского государственного заповедника // Труды Воронежск. заповедника, вып.2.- С.7-129.
Барабаш-Никифоров И.И., Семаго Л.Л., 1963. Птицы юго-востока Черноземного центра.- Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.- 212 с.
Баранов А.А., 2012. Птицы Алтай-Саянского экорегиона: пространственно-временная динамика биоразнообразия, т.1.- Красноярск.- 464 с.
Бардин А.В. 2005. Ещё одна встреча тонкоклювой камышевки *Lusciniola melanopogon* в окрестностях «Леса на Ворскле» // Рус. орнитол. журнал, т.14, № 293.- С.629-630.
Бардин А.В., 2008. О резком сокращении численности белобровика *Turdus iliacus* в окрестностях города Печоры // Рус. орнитол. журнал, т.17, № 414.- С.634-636.
Барышникова Е.М., 2013. Сравнительная экология сорокопутов в Ставропольском крае. - Автореф. дисс. … канд. биол. наук.- М.- 24 с.
Барышникова Е.М., Маловичко Л.В., 2013. Гнездовая экология чернолобого сорокопута в Ставропольском крае // Стрепет, т.11, вып.23.- С.84-96.
Батхиев А.М., Точиев Т.Ю., 2007. Птицы // Красная книга Республики Ингушетия: Растения. Животные.- Магас.- С.228-310.
Бахтадзе Г.Б., 2001. О подвидах тростниковой овсянки на юге европейской части России // Акт. пробл. изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии.- Казань.- С.72-73.
Бахтадзе Г.Б., 2002. Новые данные о распространении черноголового чекана (*Saxicola torquata* (L.), Aves, Turdidae) в Ростовской области // Птицы Южной России: Мат-лы международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в XXI веке», посвящ. 20-летию деятельности Сев.-Кавказск. орнитол. группы: Труды Тебердинск. заповедника, вып.31.- Ростов н/Д.- С.45-48.
Бахтадзе Г.Б., 2010. К изучению географической изменчивости полевого воробья (*Passer montanus*) // Орнитология в Сев. Евразии: Мат-лы 13 международн. орнитол. конф. Сев. Евразии: Тез докл.- Оренбург.- С.54-55.
Бахтадзе Г.Б., Казаков Б.А., 1985 [2017]. Сравнительный анализ мест гнездования сероголовой, черноголовой и желтолобой желтых трясогузок на юге Европейской части СССР // Вестник зоологии, № 4. - Киев. - С.55-59.
Бахтадзе Г.Б., Шолохов А.М., 1991. Новая находка дубровника (*Emberiza aureola* Pall.) в Ростовской области // Экология, охрана и воспроизводство животных

Ставроп. края: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.62.
Белик В.П., 1972. К вопросу о составе, путях и источниках формирования фауны птиц лесонасаждений юга Ростовской области.- Дипломная работа: Рукопись.- Ростов н/Д.: РГУ.- 113 с.
Белик В.П., 1979. Общественное гнездо // Природа, № 7.- С.99.
Белик В.П., 1981. Некоторые дополнения к орнитофауне Донского лесхоза // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра Высш. школы. Естеств. науки, № 4.- С.84-86.
Белик В.П., 1985. Некоторые особенности населения птиц искусственных степных лесонасаждений Нижнего Дона и Предкавказья // Орнитология, вып.20.- М.: Изд-во МГУ.- С.96-103.
Белик В.П., 1989а [2010]. Размещение и численность врановых птиц в Ростовской области // Врановые птицы в естеств. и антропоген. ландшафтах: Мат-лы 2 Всес. совещ., ч.2.- Липецк. - С.41-43.
Белик В.П., 1989*б*. Ворон в антропогенных ландшафтах степной зоны Юго-Востока Европейской части СССР // Синантропизация животных Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.11-15.
Белик В.П., 1989в. Летняя орнитофауна Степного лесничества Ипатовского лесхоза (Ставропольский край) // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.8-13.
Белик В.П., 1989г. Принципы и методы ведения кадастровых книг животного мира // Всес. совещ. по проблеме кадастра и учета животн. мира: Тез. докл., ч.1.- Уфа: Башкир. кн. изд-во. - С.5-7.
Белик В.П., 1991. О стаях ворона (*Corvus corax* L.) // Кавказ. орнитол. вестник, вып.2.- С.10-13.
Белик В.П., 1992а. Новые и редкие виды птиц Ростовской области // Кавказ. орнитол. вестник, вып.3.- С.53-74.
Белик В.П., 1992*б*. Сезонные миграции и зимовки грача на Нижнем Дону // Экологич. проблемы врановых птиц: Мат-лы 3 совещ.- Ставрополь. - С.90-94.
Белик В.П., 1992в. Фауногенетическая структура и связи западнопалеарктической орнитофауны // Кавказ. орнитол. вестник, вып.3. - С.19-52.
Белик В.П., 1992г. Подходы и принципы регионального фауногенетического анализа // Кавказ. орнитол. вестник, вып.3. - С.9-18.
Белик В.П., 1993. К орнитофауне пойменных лесов Кубани // Соврем. пробл. экологии и природопользования на Ставрополье: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.6-8.
Белик В.П., 1993. Розовый скворец *Pastor roseus* в Предкавказье и на Дону // Русск. орнитол. журнал, т.2, № 3.- С.347-359.
Белик В.П., 1994 [2011]. Новые авифаунистические находки в Ростовской области // Кавказ. орнитол. вестник, вып.6.- С.30-32.
Белик В.П., 1995а. Зимовки рогатого жаворонка в степном Подонье // Кавказ. орнитол. вестник, вып.7.- С.3-6.
Белик В.П., 1995*б*. Некоторые возможности растрового картирования ареалов на примере изучения куликов Ростовской области // Информ. мат-лы Рабоч. группы по куликам, № 8.- М. - С.18-20.
Белик В.П., 1995в. К орнитогеографии юго-западной Палеарктики // Чтения памяти проф. В.В. Станчинского, вып.2.- Смоленск.- С.116-120.
Белик В.П., 1995*г*. Стратегические аспекты охраны уязвимых видов животных // Беркут, т.4, вып.1-2.- С.69-75.

Белик В.П., 1996а. Материалы к авифауне степного Подонья // Кавказ. орнитол. вестник, вып.8.- С.3-8.
Белик В.П., 1996*б*. Особенности распространения полевого конька на юге России // Птицы басс. Сев. Донца, вып.3: Мат-лы 3-й конф.- Харьков.- С.88-91.
Белик В.П., 1996в. Массовая гибель грачей на опорах ЛЭП-10 в полупустыне // Мат-ли 2 конф. молодих орнітол. Украіни.- Чернівці.- С.8-10.
Белик В.П., 1997а. Зимовки свиристеля на юге России // Науч. наследие Н.Я. Динника и его роль в развитии соврем. естествознания: Мат-лы межресп. науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.26-28.
Белик В.П., 1997*б*. Некоторые последствия использования пестицидов для степных птиц Восточной Европы // Беркут, т.6, вып.1-2.- С.70-82.
Белик В.П., 1998. Альпийская галка в городе Ростове-на-Дону // Кавказ. орнитол. вестник, вып.10.- С.10-11.
Белик В.П., 1998. Популяционные тренды и проблема сохранения зеленого дятла в России // Редкие виды птиц Нечерноземного центра России: Мат-лы совещ.- М.- С.154-159.
Белик В.П., 1999а. Авифауна Нижнекундрюченского песчаного массива и его окрестностей // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России.- М.: СОПР.- С.15-37+40.
Белик В.П., 1999*б*. Заметки о летней авифауне Воронежской области и прилежащих районов // Редкие виды птиц и ценные орнитол. территории Центр. Черноземья.- Липецк.- С.66-69.
Белик В.П., 1999в [2007]. Гнездование большой синицы в земляной норе // Кавказ. орнитол. вестник, вып.11.- С.3-4.
Белик В.П., 1999г. Некоторые итоги полевых исследований 1999 года по программе КОТР на юге Европейской России // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюлл., № 10.- С.24-26.
Белик В.П., 2000а. Птицы степного Придонья: Формирование фауны, ее антропогенная трансформация и вопросы охраны.- Ростов н/Д.- 376 с.
Белик В.П., 2000*б*. Некоторые особенности формирования летнего населения жаворонков в лугово-степных ландшафтах юго-восточной Европы // Беркут, т.9, вып.1-2.- С.86-101.
Белик В.П., 2000в. Основные особенности и закономерности формирования летнего населения жаворонков в лугово-степных ландшафтах Юго-Восточной Европы // Чтения памяти проф. В.В. Станчинского, вып.3.- Смоленск.- С.110-114.
Белик В.П., 2000г. К летней орнитофауне песков Аккумы и их окрестностей (Уральская область, Западный Казахстан) // Мат-лы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Зап. Сибири: Сб. статей. - Екатеринбург. - С.9-17.
Белик В.П., 2000д. О катастрофическом снижении численности восточноевропейской популяции клинтуха // Редкие, исчезающие и малоизученные птицы России: Сб. науч. статей. - М.: СОПР.- С.85-90.
Белик В.П., 2000е. Территориальные формы охраны птиц: плюсы и минусы // Пробл. природопользования и сохранения биоразнообразия в условиях опустынивания: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф.- Волгоград.- С.98-101.
Белик В.П., 2001а. К орнитофауне Беглицкой косы и ее окрестностей (Северо-Восточное Приазовье) // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып.3.- М.- С.5-23.

Белик В.П., 2001*б*. Заметки о редких и малочисленных видах птиц Лагонакского нагорья // Международн. науч.-практ. конф. «Биосфера и человек»: Мат-лы конф.- Майкоп.- С.131-135.

Белик В.П., 2001в. Территориальные и индивидуальные формы охраны птиц: результаты и перспективы // Акт. пробл. изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы международн. конф. (XI Орнитол. конф.).- Казань.- С.73-75.

Белик В.П., 2002. Птицы Алмазовского заказника и его окрестностей: материалы к мониторингу орнитофауны среднего течения р. Хопер // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып.4.- М.- С.10-23.

Белик В.П., 2002а. Орнитофауна Южного региона России: состав, распределение, тенденции // Птицы Южной России: Мат-лы международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в XXI веке», посвящ. 20-летию деятельности Сев.-Кавказ. орнитол. группы. - Ростов н/Д. - С.49-53.

Белик В.П., 2002*б*. Основные результаты обследования КОТР Ростовской области в 2002 году // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюл., № 16.- С.20-25.

Белик В.П., 2003. Многолетняя динамика кавказской популяции тетеревятника // Ястреб-тетеревятник: Место в экосистемах России: Мат-лы к 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии. - Пенза – Ростов. - С.142-145.

Белик В.П., 2003. Тетеревятник в степном Придонье: распространение и экология // Ястреб-тетеревятник: Место в экосистемах России: Мат-лы к 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии. - Пенза – Ростов. - С.15-48.

Белик В.П., 2003. Хищничество тетеревятника и его роль в биоценозах // Ястреб-тетеревятник: Место в экосистемах России: Мат-лы к 4 конф. по хищн. птицам Сев. Евразии.- Пенза – Ростов.- С.146-168.

Белик В.П., 2003а. Имя из «Красной книги»: Наземные позвоночные животные степного Придонья, нуждающиеся в особой охране. - Ростов н/Д.: Донской издательский дом. - 432 с.

Белик В.П., 2004. Птицы // Флора, фауна и микобиота Музея-заповедника М.А. Шолохова. - Вёшенская. - С.194-216.

Белик В.П., 2005а. Материалы к орнитофауне Среднего Дона // Орнитология, вып.32. - С.23-56.

Белик В.П., 2005*б*. Кадастр гнездовой орнитофауны Южной России // Стрепет, т.3, вып.1-2.- С.5-37.

Белик В.П., 2006а. Фауногенетическая структура авифауны Палеарктики // Зоол. журн., т.85, № 3.- С.298-316.

Белик В.П., 2006*б* [2018]. Находка снежного вьюрка в Карачаево-Черкесии // Стрепет, т.4, вып.1.- С.119-120.

Белик В.П., 2006в. Ласточка скальная. Дрозд белозобый. Чечетка горная // Стрепет, т.4, вып.2.- С.112.

Белик В.П., 2007. Экологические особенности и ценогенезис славки-завирушки // Біологія XXI століття: Теорія, практика, викладання.- Київ: Фітосоціоцентр.- С.189-191.

Белик В.П., 2008. Материалы к мониторингу орнитофауны Камыш-Самарских озер (Западный Казахстан) // Стрепет, т.6, вып.2.- С.5-28.

Белик В.П., 2008. Распространение и экология альпийской галки и клушицы на

Северном Кавказе // Стрепет, т.6, вып.1.- С.55-85.
Белик В.П., 2009. Птицы искусственных лесов степного Предкавказья: Состав и формирование орнитофауны в засушливых условиях.- Кривой Рог.- 216 с.
Белик В.П., 2011. Еще раз о принципах ведения Красных книг // Проблемы Красных книг и преподавание охраны природы: Науч.-метод. сборник.- Ростов н/Д.- С.87-92.
Белик В.П., 2012 [2016]. Желчная и черноголовая овсянки в Богдинско-Баскунчакском заповеднике // Стрепет, т.10, вып.2.- С.140-145.
Белик В.П., 2012 [2016]. Испанская каменка на полуострове Абрау (Краснодарский край) // Стрепет, т.10, вып.2.- С.146-149.
Белик В.П., 2012 [2018]. К изучению динамики ареала соловьиной широкохвостки в Восточной Европе // Стрепет, т.10, вып.1.- С.78-92.
Белик В.П., 2012. Бледная бормотушка на Кавказе // Стрепет, т.10, вып.2.- С.67-92.
Белик В.П., 2012. Лесной жаворонок // Стрепет, т.10, вып.2.- С.156.
Белик В.П., 2012. Полевой тетерев: история, современное распространение и биология на юге России // Стрепет, т.10, вып.1.- С.99-107.
Белик В.П., 2013а. Орнитогеографические связи и районирование Большого Кавказа (новые подходы в анализе фауны) // Стрепет, т.11, вып.1.- С.5-88.
Белик В.П., 2013*б*. Зоогеографические связи и генезис лесной орнитофауны Кавказа // Проблемы эволюции птиц: систематика, морфология, экология и поведение: Мат-лы международн. конф. памяти Е.Н. Курочкина.- М.: КМК.- С.27-36.
Белик В.П., 2013в. Современные изменения орнитофауны Северо-Западного Кавказа и их причины // Труды Мензбировского орнитол. общества, т.2: Памяти Е.Н. Курочкина.- Махачкала.- С.208-230.
Белик В.П., 2013г. Материалы к орнитофауне Северной Осетии // Стрепет, т.11, вып.2.- С.41-53.
Белик В.П., 2013д. Комментарии к проекту списка видов птиц, рекомендованных для включения в третье издание Красной книги России // Охрана птиц в России: проблемы и перспективы: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с международн. участием, посвящ. 20-летию Союза охраны птиц России.- Москва–Махачкала.- С.194-201.
Белик В.П., 2013е. К летней орнитофауне Богдинско-Баскунчакского заповедника и его окрестностей // Исследования природн. комплекса окрестностей озера Баскунчак: Сб. науч. статей.- Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во.- С.27-34.
Белик В.П., 2013ж. Жаворонки в полупустынях окрестностей озера Баскунчак // Исследования природн. комплекса окрестностей озера Баскунчак: Сб. науч. статей.- Волгоград: Волгоградск. науч. изд-во.- С.22-26.
Белик В.П., 2013*з*. Некоторые замечания по ведению Красной книги России // Охрана птиц в России: проблемы и перспективы: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с международн. участием, посвящ. 20-летию Союза охраны птиц России.- Москва–Махачкала.- С.192-194.
Белик В.П., 2014. Опыт работы с региональными Красными книгами в Южной России // Стрепет, т.12, вып.1-2. - С.112-166.
Белик В.П., 2014а. Погоныш-крошка. Поручейник. Мохноногий сыч // Красная книга Ростовской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Ростов н/Д.: Минприроды Ростов. обл.- С.202; С.210; С.221.
Белик В.П., 2014*б*. Состояние популяций серой утки на юге России // Казарка,

№ 17.- М.- С.118-124.
Белик В.П., 2014в. Рыжепоясничная ласточка // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.190.
Белик В.П., 2015а. К орнитофауне Пицундо-Мюссерского заповедника и его окрестностей // Орнитология, вып.39.- С.5-47.
Белик В.П., 2015*б*. Процессы трансформации фауны Абхазского побережья Кавказа, их возможные причины и механизмы // Зоол. журнал, т.94, № 6.- С.681-700.
Белик В.П., 2015в. Степные птицы в XXI веке: ретроспективы и перспективы // Степной бюллетень, № 43-44.- С.39-44.
Белик В.П., 2015г. Распространение и характер пребывания соловьев (*L. luscinia* и *L. megarinchos*) на Северном Кавказе и юге России // Стрепет, т.13, вып.2.- С.51-85.
Белик В.П., 2015д. Кеклик на Северном Кавказе // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.: Академцентр.- С.160-185.
Белик В.П., 2015е. Региональные Красные книги как инструмент охраны, сбора научных данных, просвещения населения и пропаганды сохранения редких видов животных // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.2: Сб. статей II Всеросс. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.37-53.
Белик В.П., 2016а. К орнитофауне Национального парка «Алания», Северная Осетия, Дигория // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.39-64.
Белик В.П., 2016*б*. Воздействие Волжской ГЭС на фауну и население птиц Волго-Ахтубинской поймы на примере КОТР «Ахтубинское Поозерье» // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России, вып.7.- М.: СОПР.- С.53-65.
Белик В.П., 2016в. К летней орнитофауне Волго-Ахтубинской поймы на севере Астраханской области // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.20-26.
Белик В.П., 2017а. Особенности формирования современной гнездовой авифауны в предгорьях Северного Кавказа на модели Кубано-Лабинского междуречья // Зоол. журнал, т.96, № 8.- С.943-959.
Белик В.П., 2017*б*. История изучения птиц Волгоградского Поволжья // Поволжский экол. журнал, № 3.- С.207-239.
Белик В.П., 2017в. Краснозобый конек // Стрепет, т.15, вып.2.- С.130.
Белик В.П., 2017г. Кто же первым описал кавказскую пеночку *Phylloscopus lorenzii*? // Стрепет, т.15, вып.2.- С.119-122.
Белик В.П., 2017д. Корольковый вьюрок на Северном Кавказе // Стрепет, т.15, вып.2.- С.58-81.
Белик В.П., 2018а. Мои дороги: В поисках редких птиц, или познание удивительной природы России.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- 594 с.
Белик В.П., 2018*б*. Орнитофауна Кабардино-Балкарского заповедника на Центральном Кавказе: состав, структура, распространение, динамика численности // Орнитология, вып.42.- С.104-121.
Белик В.П., 2018в. Диапазон гнездовых и кормовых адаптаций большой синицы *Parus major* и угрозы хищничества в необычных условиях // Русск. орнитол. журнал, т.27, № 1629.- С.3043-3047.
Белик В.П., 2018г. Каменный и снежный воробьи в фауне Северного Кавказа // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.5-36.
Белик В.П., 2018д. Зоогеографические связи Кавказа и Крыма в орнитофауне Та-

манского полуострова и сухих гор Навагира и Маркотха // Первый Всероссийский орнитол. конгресс: Тез. докл.- Тверь.- С.29-30.
Белик В.П., 2018е. Дербник на южной границе ареала // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.86-92.
Белик В.П., 2019а. Летняя орнитофауна предгорных районов Северного Кавказа в междуречье Лабы и Кубани // Рус. орнитол. журнал, т.28, № 1799.- С.3333-3407.
Белик В.П., 2019*б*. Стенолаз на Северном Кавказе // Стрепет, т.17, вып.2.- С.65-81.
Белик В.П., 2020а. К орнитофауне Тебердинского заповедника и его окрестностей // Орнитология, вып.44.- С.65-86.
Белик В.П., 2020*б*. Особенности распространения горной трясогузки *Motacilla cinerea* в европейской части России // Русск. орнитол. журнал, т.29, № 1932.- С.2549-2560.
Белик В.П., 2020в. Хищные птицы Приэльбрусья, их связь с горным сусликом, и некоторые последствия трофической конкуренции // Хищные птицы в ландшафтах Сев. Евразии: современные вызовы и тренды: Мат-лы 8 Международ. конф. РГХП, посвященной памяти А.И. Шепеля.- Тамбов.- С.135-143.
Белик В.П., 2021а. Птицы Южной России, т.1: Неворобьиные – Non-Passerines: Материалы к кадастру.- Ростов н/Д. - Таганрог: Изд-во ЮФУ.- 812 с.
Белик В.П., 2021*б*. Весенняя орнитофауна Чижинских разливов, Западный Казахстан // *Selevinia*, т.29.- С.40-47.
Белик В.П., 2021в. Лео Суренович Степанян: к 90-летию со дня рождения // Русск. орнитол. журнал, т.30, № 2048.- С.1299-1313.
Белик В.П., 2021г. Лео Суренович Степанян: к 90-летию со дня рождения // *Selevinia*, т.29.- С.206-211.
Белик В.П., 2022а. Ошибки и мистификации в орнитологических публикациях на юге России // Стрепет, т.20, вып.1.- С.89-105.
Белик В.П., 2022*б*. О гнездовании и характере пребывания садовой славки *Sylvia borin* на Кавказе и юге России // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2170.- С.1178-1189.
Белик В.П., 2022в. К летней орнитофауне лесистых предгорий Западного Кавказа // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.9: Сб. статей 9 Всеросс. (национальной) науч.-практ. конф.- Сочи.- С.40-58.
Белик В.П., 2022г. Парадоксы ареалов некоторых видов уток в Северной Евразии // Зоол. журнал, т.101, № 4.- С.439-450.
Белик В.П., 2022д. Экспансия черногрудого воробья *Passer hispaniolensis* на север в Восточной Европе // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2238.- С.4531-4540.
Белик В.П., 2022е. Ещё раз о жаворонках рода *Calandrella* в степях Заволжья // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2174.- С.1371-1377.
Белик В.П., 2022ж. К орнитофауне Доно-Цимлянского песчаного массива (Нижний Дон) // Стрепет, т.20, вып.2.- С.8-62.
Белик В.П., 2022з. Большая чечевица на Северном Кавказе // Стрепет, т.20, вып.2.- С.136-142.
Белик В.П., Аккиев М.И., 2023. Птицы Кабардино-Балкарского заповедника.- Нальчик.
Белик В.П., Бабич М.В., 2000. Необычный случай гнездования крапивника // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.6-7: Мат-лы 6 и 7 конф. «Изучение и охрана птиц басс. Сев. Донца». - Донецк. - С.75-76.
Белик В.П., Бабич М.В., Белик Т.В., **2000**. К орнитофауне бассейна Малой Лабы

(Северо-Западный Кавказ) // Кавказ. орнитол. вестник, вып. 12.- С.18-25.
Белик В.П., Бабич М.В., Трофименко В.В., **2001**. Материалы к орнитофауне Доно-Донецкого займища и его окрестностей // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып.3.- М.- С.23-46.
Белик В.П., Бахтадзе Г.Б., 1982 [2020]. К уточнению юго-западных границ ареала бормотушки // Орнитология, вып.17.- М.: Изд-во МГУ.- С.157-158.
Белик В.П., Ветров В.В., 1991. К распространению и численности грача в нижнем течении Северского Донца // Акт. вопросы экологии и охраны природы Ставроп. края и сопредельн. территорий: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.144-148.
Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., **2004**. Распространение и современная численность ворона в Западном Предкавказье // Стрепет, т.2, вып.1.- С.138-142.
Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., **2009**. Материалы к орнитофауне Таманского полуострова // Бранта: Сб. науч. трудов Азово-Черноморск. орнитол. станции, № 12.- С.7-26.
Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., **2010**. Ренессанс клинтуха в Восточной Европе: демографический потенциал новой адаптации // Стрепет, т.8, вып.1.- С.70-74.
Белик В.П., Ветров В.В., Милобог Ю.В., Гугуева Е.В., **2010**. Недавний бенефис и неожиданный крах популяций врановых птиц на юге России и Украины // Врановые птицы Сев. Евразии: Мат-лы международн. конф.- Омск.- С.19-23.
Белик В.П., Ветров В.В., Нечаев И.Б., Нечаев В.Б., **1989**. К орнитофауне низовий Северского Донца // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.13-18.
Белик В.П., Гаврись Г.Г., 1996 [2015]. К уточнению южных границ гнездового распространения лугового конька // Птицы басс. Сев. Донца, вып.3: Мат-лы 3-й конф. - Харьков.- С.80-85.
Белик В.П., Гугуева Е.В., 2013. Новая экологическая адаптация клинтуха и её популяционное значение // Поволжский экол. журнал, № 2.- С.123-131.
Белик В.П., Гугуева Е.В., 2021. К орнитофауне Арчединских песков, Средний Дон // Стрепет, т.19, вып.1-2.- С.13-66.
Белик В.П., Гугуева Е.В., 2022. Индийская камышевка *Acrocephalus agricola* в Заволжье и европейской части России // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2153.- С.293-297.
Белик В.П., Гугуева Е.В., Бабкин И.Г., **2009**. Воробей черногрудый // Стрепет, т.7, вып.1-2.- С.112.
Белик В.П., Гугуева Е.В., Колякина Н.Н., **2022а**. Врублевский Е.И.: Птицы, гнездующие в Волгоградской области // Стрепет, т.20, вып.1.- С.5-55.
Белик В.П., Джамирзоев Г.С., Насретдинов Х., **2002**. Обследование КОТР Дагестана // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюлл., № 16.- С.18-20.
Белик В.П., Гугуева Е.В., Пименов В.Н., **2022**. Птицы Волгоградского Заволжья (сообщение 1: Неворобьиные) // *Selevinia*, т.30.- С.49-97.
Белик В.П., Гугуева Е.В., Пименов В.Н. **В печати**. Птицы Волгоградского Заволжья (сообщение 2: Воробьиные) // *Selevinia*, т.31, **2023**.
Белик В.П., Казаков Б.А., Конева В.А., **2017**. Материалы к летней орнитофауне Пшадского участка на Северо-Западном Кавказе // Орнитология, вып.41.- С.19-39.

Белик В.П., Казаков Б.А., Олейников Н.С., **2022**. Весенне-летняя орнитофауна низовий реки Кумы // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2241.- С.4673-4715.

Белик В.П., Казаков Б.А., Петров В.С., **1999**. Расселение сойки в Нижнем Придонье и Предкавказье // Экология и распространение врановых птиц России и сопредельн. государств: Мат-лы 5 конф. орнитологов стран СНГ. - Ставрополь. - С.41-44.

Белик В.П., Караваев А.А., Тильба П.А., Музаев В.М., Комаров Ю.Е., Федосов В.Н., **2016**. Орнитофауна Южной России: современное распределение и характер пребывания видов в регионах // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.98-197.

Белик В.П., Караваев А.А., Тильба П.А., Музаев В.М., Комаров Ю.Е., Федосов В.Н., **2020**. Мониторинг современного состояния орнитофауны Южной России // Орнитол. исследования в странах Сев. Евразии: Тез. XV Международ. орнитол. конф. Сев. Евразии, посвящ. памяти акад. М.А. Мензбира.- Минск.- С.62-63.

Белик В.П., Комаров Ю.Е., Музаев В.М., Русанов Г.М., Реуцкий Н.Д., Тильба П.А., Поливанов В.М., Джамирзоев Г.С., Хохлов А.Н., Чернобай В.Ф., **2006**. Орнитофауна Южной России: характер пребывания видов и распределение по регионам // Стрепет, т.4, вып.1.- С.5-35.

Белик В.П., Комаров Ю.Е., Тильба П.А., Караваев А.А., Перевозов А.Г., Вуккерт Е.А., **2019**. Белобрюхий стриж на Северном Кавказе // Стрепет, т.17, вып.1.- С.124-144.

Белик В.П., Коренев П.И., 2020. Летняя орнитофауна лимана Холостонур и его окрестностей в верховьях р. Сал, Ростовская область // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.26-53.

Белик В.П., Маловичко Л.В., Комаров Ю.Е., Музаев В.М., Федосов В.Н., Пименов В.Н., **2009** [2017]. Новая инвазия сибирской кедровки в Южную Россию в 2008/2009 году // Стрепет, т.7, вып.1-2.- С.36-49.

Белик В.П., Милобог Ю.В., Ветров В.В., Маловичко Л.В., **2008**. Гнездование белохвостой пигалицы на Восточном Маныче в Калмыкии // Стрепет, т.6, вып.1.- С.118-121.

Белик В.П., Музаев В.М., 1995 [2018]. Современный характер пребывания белокрылого жаворонка на Европейском Юго-Востоке России // Кавказ. орнитол. вестник, вып.7.- С.7-9.

Белик В.П., Назаренко Д.В., 2012. Гнездование ворона в городе Ростове-на-Дону // X международн. конф. «Врановые птицы в антропогенных и естественных ландшафтах Сев. Евразии».- Москва–Казань.- С.26-27.

Белик В.П., Насрулаев Н.И., 2019. К орнитофауне аридных котловин внутреннего Дагестана: котловина Орота на реке Аварское Койсу // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.6: Сб. статей 6 Всеросс. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.63-81.

Белик В.П., Насрулаев Н.И., 2020. По Аварскому и Андийскому Койсу Дагестанской Республики в целях зоологических наблюдений… // Мир птиц, № 51-52.- С.31-33.

Белик В.П., Насрулаев Н.И., 2021. Новые виды в орнитофауне Ботлихской котловины (Внутренний Дагестан) // Русск. орнитол. журнал, т.30, № 2096.- С.3527-3555.

Белик В.П., Олейников Н.С., 1996. Птицы лесного острова в пойме р. Кумы на востоке Ставропольского края // Кавказ. орнитол. вестник, вып.8. - С.44-48.

Белик В.П., Пекло А.М., 1989а. Летняя орнитофауна искусственных степных лесов Западного Предкавказья. Сообщение 1. Челбасское лесничество // Экологич. пробл. Ставроп. кр. и сопредельн. территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.162-172.

Белик В.П., Пекло А.М., 1989*б*. Летняя орнитофауна искусственных степных лесов Западного Предкавказья. Сообщение 2. Новопокровское лесничество // Экологич. пробл. Ставроп. кр. и сопредельн. территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь. - С.172-184.

Белик В.П., Петров В.С., 1979. Новые данные о летней орнитофауне Манычского лесхоза (Зерноградский р-н Ростовской области) // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра Высш. школы. Естеств. науки, № 3.- С.92-93.

Белик В.П., Петров В.С., Казаков Б.А., **1981**. Некоторые результаты орнитофаунистических исследований в искусственных лесных массивах Нижнего Дона и Западного Предкавказья // Вестн. зоологии, № 2.- С.62-68.

Белик В.П., Пименов В.Н., Гугуева Е.В., **2015а**. Эльтонский жаворонок в Поволжье: история изучения и исчезновения черного жаворонка // Стрепет, т.13, вып.2.- С.86-104.

Белик В.П., Пименов В.Н., Гугуева Е.В., **2015б** [2020]. Роль водопоев в распространении и динамике численности жаворонков // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.: Академцентр.- С.75-78.

Белик В.П., Пименов В.Н., Гугуева Е.В., Байбаков М.М., Герд В.Д., Мякишев С.И., **2017**. Появление розовых скворцов в Волгоградском Заволжье // Стрепет, т.15, вып.2.- С.117-118.

Белик В.П., Пименов В.Н., Жменя А.В., **2022**. Зимовка северных воробьиных птиц в Нижнем Поволжье // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2186.- С.2044-2050.

Белик В.П., Пименов В.Н., Жменя А.В., **2023**. Инвазивные и залетные виды воробьиных птиц в Нижнем Поволжье // Русск. орнитол. журнал, т.32, № 2280.- С.895-904.

Белик В.П., Поливанов В.М., Тильба П.А., Джамирзоев Г.С., Музаев В.М., Букреева О.М., Русанов Г.М., Реуцкий Н.Д., Мосейкин В.Н., Чернобай В.Ф., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Мнацеканов Р.А., Комаров Ю.Е., **2003**. Современные популяционные тренды гнездящихся птиц Южной России // Стрепет, вып.1.- С.10-30.

Белик В.П., Сидельников В.В., 1989. Опыт оценки численности грача в Ростовской области на основе анкетных данных // Врановые птицы в естеств. и антропоген. ландшафтах: Мат-лы 2 Всес. совещ., ч.2.- Липецк. - С.68-70.

Белик В.П., Смирнов П.А., 2022. Об орнитологической коллекции Н.Н. Арцыбашева // Стрепет, т.20, вып.2.- С.109-120.

Белик В.П., Трофименко В.В., 1999 [2009]. Узорчатые полозы в колонии береговушек на Северском Донце // Кавказ. орнитол. вестник, вып.11.- С.213.

Белик В.П., Федосов В.Н., 2017. К летней орнитофауне степного междуречья Куры и Малки на границе Ставропольского края и Кабардино-Балкарии // Стрепет, т.15, вып.2.- С.5-27.

Белик В.П., Хохлов А.Н., Кукиш А.И., Тильба П.А., Комаров Ю.Е., **1991**. Редкие и малочисленные птицы Северного Кавказа, нуждающиеся в особой охране // Изучение редких животных в РСФСР: Мат-лы к Красной книге: Сб. науч. трудов / ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- М.- С.94-106.

Белик В.П., Шергалин Е.Э., Франкьен И.Ж., **2012**. М.М. Алфераки – Птицы Нижнего Дона: Non-Passeriformes // Стрепет, т.10, вып.1.- С.5-53.
Белик В.П., Шергалин Е.Э., Франкьен И.Ж., **2013**. М.М. Алфераки – Птицы Нижнего Дона: Passeriformes // Стрепет, т.11, вып.2.- С.5-22.
Белялов О.В., 2004. Гольцовый конек в Казахстане // Казахстанский орнитол. бюл. 2003.- Алматы: Tethys.- С.179-181.
Белялов О.В., 2004. Что мы знаем о солончаковом жаворонке // Казахстанский орнитол. бюл. 2003.- Алматы: Tethys.- С.178-179.
Белялов О.В., Пестов М.В., 2011. О западной границе распространения пустынной каменки в Прикаспийской низменности // *Selevinia*.- С.210.
Беляченко А.В., Мосолова Е.Ю., 2021. Воронок // Красная книга Саратовской области: Грибы. Лишайники. Растения. Животные.- 3-е изд.- Саратов.- С.420.
Беляченко А.В., Пискунов В.В., Беляченко А.А., 2018. О новых и редких видах птиц в волгоградском Заволжье // Русск. орнитол. журнал, т.27, № 1563.- С.529-549.
Бёме Л.Б., 1925. Результаты орнитологических экскурсий в Кизлярский округ Даг. ССР в 1921-1922 гг.- Владикавказ.- 25 с.
Бёме Л.Б., 1925а. К биологии животных Северного Кавказа.- Владикавказ.- 41 с.
Бёме Л.Б., 1925*б*. Новые птицы для орнитофауны Предкавказья // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.33, вып.3-4.- С.23-25.
Бёме Л.Б., 1926. Птицы Северной Осетии и Ингушии (с прилежащими районами) // Учен. зап. Северо-Кавказск. ин-та краеведения, т.1. - С.175-274.
Бёме Л.Б., 1926а. Новые данные о гнездовании краснобрюхой горихвостки (*Phoenicurus erythrogastra erythrogastra* Güld.) на Центральном Кавказе // Изв. Горского пед. ин-та, т.3.- Владикавказ.- С.250-257.
Бёме Л.Б., 1929. Результаты обследования охотничьего хозяйства Парабочевского и Самурского заказников НКЗ Дагестанской С.С. Республики // Изв. Горского пед. ин-та, т.6.- С.115-156.
Бёме Л.Б., 1933. По Аварскому и Андийскому округам Дагестанской Республики в целях зоологических наблюдений // Изв. 2-го Сев.-Кавказск. пед. ин-та, т.10.- С.127-146.
Бёме Л.Б., 1934. Новые данные по орнитофауне Северного Кавказа // Изв. 1 и 2 Сев.-Кавказск. пед. ин-та, т.2, № 11.- С.327-330.
Бёме Л.Б., 1935. Птицы Северо-Кавказского края. Руководство к орнитологическим экскурсиям по Северному Кавказу для учителей. - Пятигорск.- 140 с.
Бёме Л.Б., 1960. Записки натуралиста.- М.: Изд-во АН СССР.- 172 с.
Бёме Л.Б., Красовский Д.Б., Чернов С.А., **1930**. Материалы к познанию фауны позвоночных животных Ингушской автономной области // Изв. Ингушск. науч-исслед. ин-та краеведения, вып.2/3.- Владикавказ.- С.47-111.
Бёме Л.Б., Ушатинская Р.С., 1932. О заселении степей Восточного Предкавказья новыми представителями орнитофауны // Изв. 2-го Сев.-Кавказ. пед. ин-та, т.9.- Орджоникидзе.- С.163-183.
Бёме Р.Л., 1958. Птицы Центрального Кавказа // Учен. зап. Сев.-Осетинск. гос. пед. ин-та.- Орджоникидзе, т.23, вып.1. - С.111-183.
Бёме Р.Л., 1959. О зимнем питании краснобрюхой горихвостки на Центральном Кавказе // Орнитология, вып.2.- С.208.
Бёме Р.Л., 1975. Птицы гор южной Палеарктики.- М.: Изд-во МГУ.- 182 с.
Бёме Р.Л., Степанян Е.Н., 1974. К биологии и распространению красноголового

королька на Кавказе // Орнитология, вып.11.- С.361-362.
Бернацкий Г.И., 1958. Птицы Пицундского заповедника: Предварительный обзор // Труды Абхазского музея, вып.3.- Сухуми.- С.31-81.
Бескаравайный М.М., 1996 [2018]. Новые данные о редких и малоизученных видах птиц Юго-Восточного Крыма // Вестник зоологии, № 3.- С.71-72.
Бескаравайный М.М., 2012. Птицы Крымского полуострова.- Симферополь.- 336 с.
Бескаравайный М.М., 2015. Овсянка черноголовая // Красная книга Республики Крым: Животные.- Симферополь.- С.366.
Бескаравайный М.М., Тарина Н.А., 2011 [2016]. Инвазии в Крым длиннохвостых синиц номинативного подвида // Бранта, вып.14.- С.147-149.
Билькевич С., 1893. Материалы к исследованию орнитологической фауны Дагестана // Протоколы заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанск. ун-те, прил. № 135.- С.1-24.
Бируля Н.Б., 1971. О структуре зооценотических группировок певчих птиц леса в сезон гнездования // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.76, вып.6.- С.5-21.
Бисеров М.Ф., 2021. О необходимости исключения овсянки-ремеза *Ocyris rusticus* из Красной книги Российской Федерации // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2087.- С.3047-3055.
Бисеров М.Ф., Медведева Е.А., 2020. К вопросу о включении овсянки-ремеза *Ocyris rusticus* в Красную книгу Российской Федерации // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 1896.- С.1061-1064.
Благосклонов К.Н., 1976. Некоторые новые и редкие гнездящиеся птицы Москвы // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.81, № 4.- С.15-23.
Близнюк А.И., 2000. Список видов птиц: Республика Калмыкия // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европ. России. - М.: СОПР. - С.676-688.
Бобринский Н.А., 1915, 1916. Результаты орнитологических экскурсий в Сурмалинский и Эчмиадзинский уезды Эриванской губернии летом 1911 и 1912 гг. // Изв. Кавказ. музея, т.8, вып.3-4.- С.171-250; т.10, вып.2.- С.113-148.
Богданов М.Н., 1871. Птицы и звери Черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги (био-географические материалы) // Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанск. ун-те, т.1, отд.1.- С.1-226.
Богданов М.Н., 1879. Птицы Кавказа // Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанск. ун-те, т.8, вып.4.- С.1-188.
Богданов М.Н., 1881. Сорокопуты русской фауны и их сородичи // Зап. Акад. наук, т.39, прил. № 1.- XII+220 с.
Бондарев Д.В., Гаврилов Н.Н., Горбунов А.К., Горбунов К.В., Живогляд А.Ф., Иванов В.М., Кизина Л.П., Коблицкая А.Ф., Конечный А.Г., Косова А.А., Кривоносов Г.А., Мошонкин Н.Н., Реуцкая Н.И., Реуцкий Н.Д., Русаков Г.В., Русанов Г.М., Семёнова Н.Н., Фильчаков В.А., Чуйков Ю.С., **1991**. Астраханский заповедник.- М.- 191 с.
Борель И.В., Шагаров Л.М., 2015. Маскированный сорокопут // Стрепет, т.13, вып.2.- С.126.
Боровиков Г.А., 1907. Материалы для орнитологии Екатеринославской губернии // Сб. студенч. биол. кружка при Новоросс. ун-те, № 2.- С.1-141.
Бородин О.В., Калагин М.В., Корольков М.А., Москвичёв А.Н., **2017**. От королька до орлана: путеводитель по птицам Среднего Поволжья.- Ульяновск.- 264 с.
Бородихин И.Ф., 1970. Семейство Ласточковые // Птицы Казахстана, т.3.- Алма-

Ата.- С.161-193.
Бостанжогло В.Н., 1911. Орнитологическая фауна Арало-Каспийских степей.- М.- 410 с.
Браунер А.А., 1903. Заметки об экскурсиях между Новороссийском и Красной Поляной // Записки Крымского горного клуба, № 1-2.- С.34-48; № 3-4.- 39-42; № 7-10.- С.32-50.
Браунер А.А., 1907. Заметки об экскурсиях, совершенных в 1905 году в Ставропольской губ. и в Крыму // Зап. Новороссийск. об-ва естествоиспытателей, т.30. - Одесса. - С.113-126.
Браунер А.А., 1914. Кавказские минеральные воды (Терская область) // Орнитол. вестник, № 3. - С.228-230.
Бронсков О.І., 2017. Вівсянка чорноголова // Червона книга Донецької області: тваринний світ.- Вінниця.- С.372.
Бронсков О.І., Чайка М.О., 2018. Зустрічі деяких видів птахів, що занесені до Червоної книги України, у Північному Приазов'ї // Мат-ли до 4-го видання Червоної книги України: Тваринний світ, вип.7, т.1.- Київ.- С.44-51.
Брунов В.В., 1978. Опыт анализа фаунистических групп птиц тайги Палеарктики // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.83, № 5.- С.5-15.
Брунов В.В., 1980. О некоторых фаунистических группах птиц тайги Евразии // Соврем. пробл. зоогеографии.- М.: Наука.- С.217-254.
Будниченко А.С., 1955. О составе фауны и хозяйственном значении птиц в полезащитных лесонасаждениях // Зоол. журн., т.34, вып.5. - С.1128-1144.
Будниченко А.С., 1960. Об эколого-географических закономерностях в формировании фауны птиц искусственных лесонасаждений степной зоны Украины и Предкавказья, ч.1 // Бюлл. МОИП. Отд. биол., т.65, вып.3. - С.37-45.
Будниченко А.С., 1965. Птицы искусственных лесонасаждений степного ландшафта и их питание // Птицы искусств. лесонасаждений: Учен. зап. Тамбов. пед. ин-та, т.22.- Воронеж.- С.5-285.
Букреев С.А., 1999. Материалы по птицам Богдинско-Баскунчакского заповедника // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитологических территорий России.- М.: СОПР.- С.61-65.
Букреев С.А., 2001. Мониторинг КОТР: Богдинско-Баскунчакский // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюлл., №13.- С.17.
Букреев С.А., 2014. Тугайный соловей // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.189.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., 2003. Материалы по птицам Кизлярского участка заповедника «Дагестанский» // Биол. разнообразие Кавказа: 5 международн. конф., посвящ. 10-летию Ингушск. гос. ун-та: Мат-лы докладов.- Магас.- С.180-184.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., 2004. Материалы по редким и малоизученным видам птиц участка «Бархан Сарыкум» заповедника «Дагестанский» // Совр. состояние и проблемы охраны редких и исчезающих видов птиц Южн. федеральн. округа. - Ставрополь. - С.39-43.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., 2005. Материалы по гнездовой фауне птиц Гобустана (северо-восточный Азербайджан) // Горные экосистемы и их компоненты: Труды Международн. конф., т.1.- Нальчик.- С.78-81.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., 2013. Толстоклювый зуек. Красноголовый сорокопут. Тугайный соловей. Короткопалый воробей // Редкие позвоночные животные заповедника «Дагестанский»: Труды заповедника «Дагестанский»,

вып.6.- Махачкала.- С.220-221; С.256-263.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., Быков Ю.А., Родионов М.С., **2018**. Наблюдения за птицами на дагестанском побережье Каспийского моря и Приморской равнине зимой 2018 года // Труды заповедника «Дагестанский», вып.14.- С.55-104.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., Исмаилов Х.Н., **2007**. Интересные орнитологические находки в Дагестане в 2006-2007 гг. // Стрепет, т.5, вып.1-2.- С.19-29.
Букреев С.А., Джамирзоев Г.С., Розенфельд С.Б., **2011**. Материалы к осенней фауне птиц Северного Дагестана // Труды заповедника «Дагестанский», вып.4.- Махачкала.- С.105-120.
Букреев С.А., Мадрид Хименес Л.А., Рыхлова Т.Б., Солдаткина А.А., **2002**. Мониторинг КОТР - 2001: Астраханская область: Богдинско-Баскунчакский // Ключевые орнитол. территории России: Информ. бюлл., № 15.- С.3.
Букреев С.А., Мацына А.И., Романов В.В., Джамирзоев Г.С., **2013**. Среднезимние орнитологические наблюдения в Дагестане в 2013 г. // Труды заповедника «Дагестанский», вып.5.- С.144-156.
Букреев С.А., Чернобай В.Ф., 2006. Птицы Приэльтонья // Биоразнообразие и проблемы природопользования в Приэльтонье: Сб. науч. трудов.- Волгоград.- С.59-74.
Букреева О.М., Шахно В.Н., Эрденов Г.И., **1998**. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.74: Позвоночные животные заповедника «Черные земли».- М.- С.17-32.
Булюк В.Н., 1993. Изменения в населении гнездящихся птиц в высокоствольной дубраве заповедника «Лес на Ворскле» за последние 50 лет // Вест. С.-Петербург. ун-та, № 4 (24).- С.10-16.
Бураков Г.К., Сулик В.Г., 2000. О находках сипухи и других редких видов птиц на Луганщине // Птицы басс. Сев. Донца, вып.6-7: Мат-лы 6 и 7 конф. «Изучение и охрана птиц бас. Сев. Донца».- Донецк.- С.70.
Бутурлин С.А., 1906. Птицы Закавказья по сборам А.М. Кобылина.- Тула.- 18 с.
Бутурлин С.А., 1929. Систематические заметки о птицах Северного Кавказа.- Махач-Кала.- 43с.
Бутьев В.Т., Журавлёв М.Н., 1975 [2020]. Непреднамеренная интродукция индийского скворца // Природа, № 7.- С.88-89.
Бутьев В.Т., Карпов В.Н., Лебедева Е.А., **1990** [2012]. Заметки о редких и малоизученных птицах Кавказского побережья Каспия во внегнездовой период // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.23-29.
Бутьев В.Т., Лебедева Е.А., 1989. О встречах некоторых видов птиц на Кавказском побережье Каспийского моря // Экол. пробл. Ставрополь. края и сопредельных территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.203-204.
Бутьев В.Т., Лебедева Е.А., 1992 [2007]. Орнитологические наблюдения в окрестностях аула Куруш (юг Дагестана) // Кавказ. орнитол. вестник, вып.4, ч.1.- С.73-83.
Бутьев В.Т., Лебедева Е.А., Костин А.Б., **1990** [2022]. Редкие и малоизученные виды птиц на рыборазводных прудах в дельте реки Самур // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.29-34.
Быков А.В., Линдеман Г.В., Лопушков В.А., **2009**. Фауна млекопитающих, птиц, рептилий и амфибий Заволжской глинистой полупустыни // Животные глинистой полупустыни Заволжья (конспект фаун и экологические характеристики).- М.- С.13-61.

В.Я. [В. Яковлев], 1877. Заметки о некоторых птицах Астраханской фауны // Природа, т.5, кн.3.- С.132-133.

Валуев В.А., Артемьев А.И., Валуев Д.В., **2006**. К редким видам птиц Башкортостана // Мат-лы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Зап. Сибири, вып.11.- С.42-44.

Вальх Б.С., 1911. Материалы для орнитологии Екатеринославской губернии // Орнитол. вестник, № 3-4.- С.240-271.

Варзиев А.Б., Комаров Ю.Е., 1990. Некоторые сведения о гнездовой биологии дроздов высокогорий Осетии // Малоизуч. птицы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.34-42.

Варшавский С.Н., 1965. Материалы по фауне птиц Нижнего Дона, Сальских и Калмыцких степей в связи с некоторыми ее изменениями в 30-60-х годах XX столетия // Мат-лы зоол. совещания по проблеме «Биол. основы реконструкции, рац. использования и охраны фауны южной зоны Европ. части СССР» - Кишинев. - С.35-40.

Варшавский С.Н., Воронов Н.П., Тучин А.В., **1984**. Географические особенности распределения и численности зимующих врановых птиц в Европейской части СССР и Средней Азии // Птицы и урбанизированный ландшафт: Сб. кратк. сообщ. - Каунас. - С.37-39.

Васильев И.Е., Кубанцев Б.С., 1990. Птицы сельскохозяйственных полей в северных районах Нижнего Поволжья // Фауна и экология позвоночных животных в антропогенных условиях.- Волгоград: Изд-во Волгогр. пед. ин-та.- С 83-85.

Венгеров П.Д., 2005. Птицы и малоиспользуемые сельскохозяйственные земли Воронежской области.- Воронеж.- 152 с.

Венгеров П.Д., 2014. Возвращение просянки *Miliaria calandra*: результат циклических колебаний климата и изменений в сельском хозяйстве (Воронежская область) // Рус. орнитол. журнал, т.23, № 970.- С.503-511.

Венгеров П.Д., 2015. Белобровик *Turdus iliacus* в Усманском лесу: состояние популяции в южной части ареала (Воронежская область) // Рус. орнитол. журнал, т.24, № 1225.- С.4447-4454.

Венгеров П.Д., Лихацкий Ю.П., 2008. Птицы // Позвоночные животные Воронежского заповедника: аннотированный список, вып.2.- Воронеж: ВГПУ.- С.19-61.

Венгеров П.Д., Нумеров А.Д., 2009. Новые сведения о состоянии редких степных видов птиц в Воронежской области // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Заповедное дело: проблемы охраны и экологической реставрации степных экосистем», посвящ. 20-летию организации гос. природ. заповед. «Оренбургский».- Оренбург.- С.21-24.

Ветров В.В., 1998 [2016]. Московка – новый гнездящийся вид Луганской области // Бранта, вып.1.- С.112-113.

Ветров В.В., 2014. К распространению хохлатой синицы на востоке Украины // Птицы басс. Сев. Донца, вып.12.- Харьков.- С.268.

Ветров В.В., 2019. Новые данные о розовом скворце в Луганской области Украины // Стрепет, т.17, вып.1.- С.145-146.

Ветров В.В., Самчук Н.Д., Литвиненко С.П., **1991** [2015]. О находках редких птиц на территории Луганской области // Мат-лы 10-й Всес. орнитол. конф., ч.2, кн.1.- Минск.- С.107-109.

Вилков Е.В., 1999. Орнитофауна лагунного комплекса Среднего Каспия // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России: Сб.

науч. статей.- М.: СОПР.- С.75-82.
Вилков Е.В., 2004. Особенности экологии и авифауны лагун Дагестана – как важных рефугиумов биоразнообразия, остро нуждающихся в охране // Биол. разнообразие Кавказа: Труды Третьей Международн. конф., т.1.- Нальчик.- С.83-112.
Вилков Е.В., 2005. Авифауна высокогорного Дагестана // Горные экосистемы и их компоненты: Труды Международн. конф., т.1.- Нальчик.- С.82-88.
Вилков Е.В., 2013. Первая встреча урагуса *Uragus sibiricus* в Дагестане // Русский орнитол. журнал, т.22, Экспресс-выпуск № 854.- С.615-617.
Вилков Е.В., 2017. Вторая встреча урагуса в Дагестане // Стрепет, т.15, вып.2.- С.109.
Вилков Е.В., Мацына А.И., Букреев С.А., Романов В.В., Перевозов А.Г., **2013**. Урагус – новый вид птиц Дагестана и Северного Кавказа // Стрепет, т.11, вып.1.- С.89-91.
Вильконский Ф.В., 1897. Орнитологическая фауна Аджарии, Гурии и северо-восточной части Лазистана // Мат-лы к познанию фауны и флоры Росс. империи. Отд. зоол., вып.3.- С.1-121.
Виноградов В.В., Реуцкий Н.Д., 1983. Новые сведения о зимовке птиц в тростниковых биогеоценозах дельты Волги // Орнитология, вып.18.- С.188-189.
Виноградов В.В., Чернявская С.И., Реуцкий Н.Д., **1981**. Новые данные об авифауне дельты р. Волги // Бюлл. МОИП. Отд. биол., т.86, вып.5.- С.41-42.
Винокуров А.А., 1958. Изменения в жизни птиц Предкавказья // Природа, № 3.- С.116.
Витер С.Г., Тайкова С.Ю., Редькин Я.А., **2015**. Первые находки пустынного сорокопута *Lanius lahtora pallidirostris* в Крыму и Приазовье в 2011 и 2012 годах // Рус. орнитол. журнал, т.24, № 1140.- С.1593-1604.
Витович О.А., Поливанов В.М., 1984. Антропогенные изменения и процесс урбанизации в фауне птиц Западного Кавказа // Птицы и урбанизированный ландшафт.- Каунас.- С.34-35.
Витович О.А., Хохлов А.Н., 1991. Хроники встреч пестрого каменного дрозда в Тебердинском заповеднике и на сопредельных территориях // Акт. вопросы экологии и охраны природы Ставропольского края и сопредельных территорий.- Ставрополь.- С.170-171.
Воинственский М.А., 1950. Расселение на восток горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros* Gmel.) в послевоенный период // Наук. зап. Київ. ун-та, т.9, вып.6.- С.164.
Воинственский М.А., 1960. Птицы степной полосы Европейской части СССР. - Киев. - 239 с.
Волчанецкий И.Б., 1937. К орнитофауне Волжско-Уральской степи // Труды науч.-исслед. Зоолого-биол. ин-та Харьков. ун-та. Сектор экологии, т.4.- С.23-78.
Волчанецкий И.Б., 1950. К распространению желчной и черноголовой овсянок // Природа, № 8.- С.70-71.
Волчанецкий И.Б., 1950. О птицах Провальской степи Ворошиловградской области // Учен. зап. Харьков. ун-та, т.33.- С.135-146.
Волчанецкий И.Б., 1954. Род славки // Птицы Сов. Союза, т.6.- М.: Сов. наука.- С.330-388.
Волчанецкий И.Б., 1954. Семейство жаворонковые Alaudidae // Птицы Сов. Союза, т.5.- М.: Сов. наука.- С.512-594.
Волчанецкий И.Б., 1959. Очерк орнитофауны Восточного Предкавказья // Труды

научн.-исслед. ин-та биол. и биол. ф-та Харьков. ун-та., т.28. - С.7-38.
Волчанецкий И.Б., 1962. Эндемизм крымской орнитофауны с точки зрения закономерностей географической изменчивости // Учен. зап. Харьков. ун-та, т.130: Труды науч.-исслед. института биологии и биол. факультета, т.32.- С.73-87.
Волчанецкий И.Б., 1973. Материалы к изучению зоогеографии Дагестана // Науч. докл. Высш. школы. Биол. науки., № 7.- С.30-36.
Волчанецкий И.Б., Капралова Н.И., Лисецкий А.С., **1950**. Об орнитофауне Эльтонского района Заволжья и ее реконструкции в связи с полезащитным насаждением // Зоол. журнал, т.29, вып.6.- С.501-512.
Волчанецкий И.Б., Пузанов И.И., Петров В.С., **1962**. Материалы по орнитофауне северо-западного Кавказа // Труды науч.-исслед. ин-та биологии и биол. факта Харьков. ун-та, т.32. - С.8-72.
Волчанецкий И.Б., Яльцев Н.П., 1934. К орнитофауне Приерусланской степи АССРНП // Учен. зап. Сарат. ун-та, т.11, вып.1.- С.63-93.
Воробьёв Г.П., Лихацкий Ю.П., 1987. Новые данные по редким птицам Воронежской области // Орнитология, вып.22.- С.176-177.
Воробьёв К., Калецкий А., 1975. Майна в Подмосковье // Охота и охот. хоз-во, № 8.- С.16-17.
Воробьёв К.А., 1936. Материалы к орнитологической фауне дельты Волги и прилежащих степей // Труды Астрахананск. заповедника, вып.1. - С.1-60.
Воробьёв К.А., 1954. Птицы Уссурийского края.- М.: Изд-во АН СССР.- 360 с.
Воробьёв К.А., 1963. Птицы Якутии.- М.: Изд-во АН СССР.- 336 с.
Воронкова К.А., Равкин Е.С., 1974. О зимнем населении субальпийского пояса Центрального Кавказа // Орнитология, вып.11.- С.364-366.
Второв П.П., 1962. К ландшафтной орнитогеографии Центрального Кавказа // Орнитология, вып.4.- С.218-233.
Вуккерт Е.А., Лоскот В.М., 2022. Наблюдения осеннего пролета птиц на орнитологических экскурсиях в верховьях Черека Безенгийского в 1988 г. // Стрепет, т.20, вып.2.- С.121-135.
Гавлюк Э.В., 1989. Дополнительные сведения о распространении желчной овсянки в степном Предуралье // Распространение и фауна птиц Урала: Мат-лы к регион. конф.- Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ин-та.- С.10.
Гавриленко Н., 1917. Предварительные сведения о птицах Полтавской губ. // Ежегодник Музея Полтав. губ. земства.- Полтава.- С.55-95.
Гаврилов Э.И., 1970. Род Каменный дрозд. Род Каменка // Птицы Казахстана, т.3.- Алма-Ата.- С.506-556.
Гаврилов Э.И., 1974. Семейство Скворцовые // Птицы Казахстана, т.5.- Алма-Ата.- С.15-40.
Гаврилов Э.И., Наглов В.А., Федосенко А.К., Шевченко В.Л., Татаринова О.М., **1968**. Об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья (воробьиные) // Труды ин-та зоологии АН Каз. ССР, т.29.- С.153-190.
Гаврин В.Ф., 1974. Семейство Вороновые // Птицы Казахстана, т.5.- Алма-Ата.- С.41-120.
Гамбаров К.М., 1941. Каталог птиц Азербайджана. Отряд: Воробьиные – Passeriformes.- Баку: Изд-во АзФАН.- 94 с.
Гамбаров К.М., 1954. Материалы по орнитофауне восточной части южного склона Главного Кавказского хребта и прилегающей низменности // Труды

Ин-та зоол. АН Аз.ССР, т.17.- С.57-112.
Гамбаров К.М., Мустафаев Г.Т., 1966. О распространении и биологии черногрудого воробья в Азербайджане // Учен. зап. Азерб. ун-та. Сер. биол. наук, № 3.- С.30-36.
Гарушянц К.Ю., Кузнецов А.А., 1981. Середина апреля в Восточном Дагестане // Орнитология, вып.16.- С.153-154.
Гасангусейнов М.Г., Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., **1998**. Синий каменный дрозд. Тугайный соловей // Красная книга Дагестана.- Махачкала.- С.162-163.
Гашек В.А., Захаров В.Д., 2020. К распространению горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros* на Урале и в Западной Сибири // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 1978.- С.4462-4469.
Гащак С.П., 2002. Про гніздування червоноголового сорокопута на півдні Криму // Беркут, т.11., вып.2.- С.200.
Гейде Г.М., Толин С.Л., 1989. Орнитофауна «Таловской степи» // Распространение и фауна птиц Урала: Информ. мат-лы.- Свердловск.- С.35-36.
Гептнер В.Г., 1926. Материалы по птицам Горной Балкарии (Некоторые соображения по фауне горной степи массива Эльбрус) // Учен. зап. Сев.-Кавк. института краеведения, т.1. - С.91-118.
Гизатулин И.И., 1989. К фауне воробьиных птиц Чечено-Ингушетии // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.27-30.
Гизатулин И.И., 2007. Птицы // Красная книга Чеченской Республики: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных.- Грозный.- С.309-367.
Гизатулин И.И., 2020. Птицы // Красная книга Чеченской Республики.- 2-е изд.- Ростов н/Д.- С.369-430.
Гизатулин И.И., Хохлов А.Н., 2001. О характере пребывания широкохвостой камышевки в Восточном Предкавказье // Кавказ. орнитол. вестник, вып.13.- С.153-155.
Гизатулин И.И., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., **2001**. Птицы Чечни и Ингушетии. - Ставрополь. - 142 с.
Гинеев А.М., 1989. К изменению и современному состоянию экологической обстановки в Северо-Кавказском регионе, Калмыцкой АССР и Астраханской области // Экологич. пробл. Ставроп. края и сопредельн. территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.312-319.
Гисцов А.П., 2007. О встрече европейской горихвостки-чернушки на северном Каспии // Казах. орнитол. бюл. 2006.- С.237.
Гладков Н.А., 1952. О птичьем населении изолированных колхозных лесных полос // Охрана природы, сб.15. - М.: Изд-во ВООП. - С.28-32.
Гладков Н.А., Дементьев Г.П., Птушенко Е.С., Судиловская А.М., **1964**. Определитель птиц СССР.- М.: Высшая школа.- 536 с.
Гмелин С.Г., 1777. Путешествие по России для исследования трех царств естества, ч.2: Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сём городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 г. - Пер. с нем. - СПб.: Изд-во АН.- 361 с.
Голованова Э.Н., 1967. Жаворонки в Волгоградской области // Орнитология, вып.8.- С.342-344.
Головина М.В., Опаев А.С., 2016. Гнездовая биология и социальная организация восточносибирского черноголового чекана – *Saxicola* (*torquatus*) *stejnegeri*

(Parrot, 1908) (Muscicapidae, Aves) // Поволжск. экол. журнал., № 2.- С.131-143.
Голубева А.В., Моисейкин В.А., 2016. Корольковая пеночка // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.223.
Гомзяков А.Е., 1998. О встречах короткопалой пищухи на Центральном Кавказе // Кавказ. орнитол. вестник, вып.10.- С.151-152.
Граждан К.В. 2009. Гнездование горихвостки-чернушки в Тюмени // Мат-лы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Зап. Сибири.- Екатеринбург.- С.23.
Гришуткин Г.Ф., Лапшин А.С., Спиридонов С.Н., Лысенков Е.В., **2010**. О гнездовании кедровки на южной границе ареала в Европейской России // Врановые птицы Сев. Евразии.- Омск.- С.48-51.
Грищенко В.Н., Серебряков В.В., 1993. Миграции и зимовки скворца на Украине по данным фенологических наблюдений // Вестник зоологии, № 3.- С.59-65.
Груздев В.В., 1955. Орнитофауна Дьяковского леса как источник заселения птицами лесных посадок в Заволжье // Труды Ин-та леса АН СССР, т.25.- С.239-254.
Губин Б.М., 2015. Птицы пустынь Казахстана, ч.1: Птицы Мангышлака, Устюрта и полуострова Бузачи.- Алматы.- 394 с.
Губин Б.М., 2022. Миграции птиц долиной реки Урал // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2189.- С.2189-2295.
Губин Б.М., Гаврилов Э.И., Хроков В.В., **1977** [2013]. Орнитологические находки в низовьях Урала // Миграции птиц в Азии.- Новосибирск.- С.209-211.
Гугуева Е.В., Белик В.П., 2013. Результаты инвентаризации редких видов птиц Волгоградской области // Охрана птиц в России: проблемы и перспективы: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с международн. участием, посвящ. 20-летию Союза охраны птиц России.- Москва–Махачкала.- С.68-73.
Гудина А.Н., 2019. Структура населения и численность гнездящихся птиц пойменных дубрав левобережной части бассейна Среднего Дона в зоне засушливой степ // Труды заповедника «Воронинский», т.4.- С.22-27.
Гуртовая Е.Н., 2002. Кольцевание птиц в СССР и России в 1988–1999 гг. // Кольцевание и мечение птиц в России и сопредельных государствах.- М.- С.293-413.
Давыгора А.В., Ковшарь А.Ф., 2004. Загадочная славка из песчаных массивов бассейна Эмбы // *Selevinia* - 2003.- С.197-201.
Даль С.К., 1948. К экологии и распространению короткопалого воробья (*Carpospiza brachydactyla* Bp.) в южном Закавказье // Докл. АН Арм. ССР, т.8, № 3.- С.139-144.
Даль С.К., 1954. Животный мир Армянской ССР, т.1: Позвоночные животные. - Ереван: Изд-во АН Арм.ССР.- 415 с.
Даль С.К., 1959. Ландшафтно-экологический очерк позвоночных животных мест возможной природной очаговости бруцеллеза в Ставропольском крае // Труды Противочумного ин-та Кавказа и Закавказья, вып.2.- Ставрополь.- С.93-144.
Данилович А.Д., 1941. К распространению и биологии горихвостки-чернушки // Природа, т.30, № 1.- С.80.
Дворецкая Е.В., 2014. Эфирные масла, как средство борьбы с огневкой самшитовой // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий: Мат-лы 1 Всеросс. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.349-357.
Дворецкий А.П., Шагаров Л.М., 2018. Очередной залёт кедровки *Nucifraga*

caryocatactes в Сочинское Причерноморье // Рус. орнитол. журнал, т.27, № 1707.- С.6050-6051 .

Девятко Т.Н., Джамирзоев Г.С., 2012. Каталог орнитологической коллекции Музея природы Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Кавказ, южные регионы России и Украины, Средняя Азия, Казахстан).- Харьков: ХНУ.- 398 с.

Дементьев Г.П., 1937. Воробьиные птицы // Полный определитель птиц СССР, т.4.- М.-Л.: КОИЗ.- 334 с.

Дементьев Г.П., Гладков Н.А. (ред.), 1954. Птицы Советского Союза, т.5.- М.: Сов. наука.- 803 с.

Дементьев Г.П., Гладков Н.А. (ред.), 1954. Птицы Советского Союза, т.6.- М.: Сов. наука.- 792 с.

Дерюгин К.М., 1900. Материалы по орнитофауне Чорохского края (юго-западное Закавказье) и окрестностей Трапезонда // Ежегодник Зоол. музея Акад. наук, т.5., № 3.- С.277-319.

Джамирзоев Г.С., 2000. Птицы Дагестана: История изучения, библиография, видовой состав.- Махачкала.- 47 с.

Джамирзоев Г.С., 2009. Короткопалый воробей // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.484-485.

Джамирзоев Г.С., 2017. Квадрат 39TTG3. Республика Дагестан // Фауна и население птиц Европ. России: Ежегодник Программы «Птицы Москвы и Подмосковья», вып.8.- М.- С.467-473.

Джамирзоев Г.С., 2018. Квадрат 38TQN2. Республика Дагестан // Фауна и население птиц Европ. России: Ежегодник Программы «Птицы Москвы и Подмосковья», вып.10.- М.- С.504-510.

Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2009а. Список видов птиц: Республика Дагестан // Ключевые орнитол. территории России, т.3: Ключевые орнитол. территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР.- С.180-186; 274-292 (Приложение 4).

Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2009*б*. Красноголовый сорокопут // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.481-482.

Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., 2020. Красноголовый сорокопут. Тугайный соловей // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.673-676.

Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., Насрулаев Н.И., **2008**. Птицы Ногайской степи. История изучения и видовой состав // Труды заповедника «Дагестанский», вып.2.- С.87-98.

Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., Перевозов А.Г., **2018**. Птицы Тляратинского заказника. История изучения и видовой состав // Труды заповедника «Дагестанский», вып.14.- С.118-127.

Джамирзоев Г.С., Букреев С.А., Редькин Я.А., **2017*а***. Особенности распространения географических рас некоторых воробьинообразных птиц на Восточном Кавказе // Изв. Самарск. науч. центра РАН, т.19, № 5 (2).- С.269-276.

Джамирзоев Г.С., Джигерова Ф.М., 2017. Квадрат 38TPN3. Квадрат 39TTG4. Республика Дагестан // Фауна и население птиц Европ. России: Ежегодник Программы «Птицы Москвы и Подмосковья», вып.8.- М.- С.322-329; С.474-483.

Джамирзоев Г.С., Магомедов Г.М., Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., **2004**. Птицы заповедника «Дагестанский».- 94 с.

Джамирзоев Г.С., Насрулаев Н.И., 2009. Тугайный соловей // Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала.- С.483-484.

Джамирзоев Г.С., Перевозов А.Г., Комаров Ю.Е., Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Караваев А.А., Букреев С.А., Пшегусов Р.Х., Гизатулин И.И., Поливанов В.М., Витович О.А., Хубиев А.Б., **2014**. Птицы заповедников и национальных парков Северного Кавказа // Труды заповедника «Дагестанский», вып.8, т.1.- 428 с.

Джамирзоев Г.С., Перевозов А.Г., Комаров Ю.Е., Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Караваев А.А., Букреев С.А., Лохман Ю.В., Пшегусов Р.Х., Аккиев М.И., Гизатулин И.И., Хубиев А.Б., **2017**. Птицы заповедников и национальных парков Северного Кавказа // Труды заповедника «Дагестанский», вып.8, т.2.- 140 с.

Джамирзоев Г.С., Родионов М.С., 2018. Наблюдения за птицами на дагестанском побережье Каспийского моря и Приморской равнине в декабре 2017 года // Труды заповедника «Дагестанский», вып.14.- С.105-117.

Джамирзоев Г.С., Хохлов А.Н., 1997. К летней орнитофауне высокогорий Дагестана // Акт. вопр. экологии и охраны природы экосистем южн. регионов России и сопред. территорий, ч.1. - Краснодар. - С.110-111.

Джамирзоев Г.С., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., **2000**. Редкие и исчезающие птицы Дагестана и их охрана.- Ставрополь.- 145 с.

Джигерова Ф.М., 2019. Численность и население птиц Сарыкумского участка заповедника «Дагестанский» за последние четыре года // Труды заповедника «Дагестанский», вып.15.- С.68-73.

Джубанов А.А., 1971. К расселению желчной овсянки (*Emberiza bruniceps* Brandt.) в Северном Прикаспии // Мат-лы по флоре и растительности Сев. Прикаспия, вып.5, ч.2.- Л.: Изд-во Географ. о-ва АН СССР.- С.108-109.

Динесман Л.Г., 1952. Предупреждение вредной деятельности чечевицы (*Erythrina erythrina*) в южном Заволжье // Сообщ. комплексной науч. экспедиции по вопросам полезащитного лесоразведения АН СССР, вып.1.- М.- С.76-77.

Динесман Л.Г., 1955. Орнитофауна лесных посадок в северо-западной части Прикаспийской низменности в засушливые годы // Труды Ин-та леса, т.25.- С.212-238.

Динесман Л.Г., 1960. Изменение природы северо-запада Прикаспийской низменности. - М.: Изд-во АН СССР.- 160 с.

Динкевич М.А., 2002. Изменения и дополнения к списку птиц Краснодарского края // Птицы Южной России: Мат-лы Международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в XXI веке», посвящ. 20-летию деятельности Сев.-Кавказск. орнитол. группы.- Ростов н/Д.- С.73-77.

Динкевич М.А., 2007. Хронология заселения врановыми г. Краснодара (исторический аспект урбанизации видов) // Экология врановых в естественных и антропогенных ландшафтах: Мат-лы Международ. конф.- Москва-Ставрополь.- С.14-17.

Динкевич М.А., 2012. Рыжепоясничная ласточка // Стрепет, т.10, вып.2.- С.155.

Динкевич М.А., 2012. Усатая синица // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп.- С.291.

Динкевич М.А., Ластовецкий В.Е., 2001. Горихвостка-чернушка – новый гнездящийся вид города Краснодара // Кавказ. орнитол. вестник, вып.13.- С.35-38.

Динкевич М.А., Ластовецкий В.Е., 2021. Фенология прилёта южного соловья *Luscinia megarhynchos* на Северо-Западном Кавказе // Русск. орнитол. журнал, т.30, № 2066.- С.2137-2141.

Динкевич М.А., Ластовецкий В.Е., Короткий Т.В., Мнацеканов Р.А., **2003**. Новые виды птиц в зимней авифауне центральной части Краснодарского края // Стрепет, вып.2.- С.86-89.

Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., Короткий Т.В., **2013**. Дополнения к орнитофауне Таманского полуострова // Биоразнообразие. Биоконсервация. Биомониторинг: Сб. мат-лов Международн. науч.-практ. конф.- Майкоп.- С.41-42.

Динкевич М.А., Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Короткий Т.В., **2007**. Авифауна Таманского полуострова // Экосистемные исследования Азовского, Черного, Каспийского морей и их побережий. - Апатиты, т.9. - С.237-247.

Динкевич М.А., Тильба П.А., 2022. Зимовки теньковки *Phylloscopus collybita* на Северо-Западном Кавказе // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2154.- С.335-344.

Динник Н.Я., 1884. Осетия и верховья Риона // Зап. Кавказ. отд. РГО, кн.13, вып.1.- С.49-100.

Динник Н.Я., 1886. Орнитологические наблюдения на Кавказе // Труды СПб. об-ва естествоиспытателей, т.17, вып.1.- С.260-378.

Динник Н.Я., 1898. Кубанская область в верховьях рек Уруштена и Белой // Зап. Кавказ. отд. РГО, кн.19.- С.1-81.

Динник Н.Я., 1899. Верховья Большого Зеленчука и хребет Абишира-Ахуба // Изв. Кавказ. отд. РГО, т.12, вып.3.- С.3-39.

Динник Н.Я., 1902. Верховья Малой Лабы и Мзымты // Зап. Кавказ. отд. РГО, кн.22, вып.5.- С.1-73.

Динник Н.Я., 1905. По Чечне и Дагестану // Зап. Кавказ. отд. РГО, кн.25, вып.4.- С.1-78.

Дольник В.Р., 1975. Миграционное состояние птиц.- М.: Наука. - 398 с.

Домбровский Б.А., 1913. Материалы для изучения птиц Колхиды, Аджарии и сопредельных мест // Труды Киевск. орнитол. об-ва им. К.Ф. Кесслера, т.1, вып.1.- С.23-219.

Дороватовский Н.С., 1913. К орнитофауне Северо-Западного Закавказья // Труды об-ва изучения Черноморск. побережья, т.1.- СПб.- С.67-88.

Дороватовский Н.С., 1914. Орнитологические наблюдения в Северо-Западном Закавказье // Орнитол. вестник, № 2.- С.118-121.

Доронин И.В., Костенко А.В., 2013. Научная картотека П.А. Резника по изучению наземных позвоночных животных Ставропольского края (к 100-летию со дня рождения учёного) // Рус. орнитол. журнал, т.22, № 908.- С.2169-2207.

Дроздов Н.Н., 1965. География летнего населения птиц в избранных ландшафтах Азербайджана // Орнитология, вып.7.- С.166-199.

Дроздов Н.Н., Злотин Р.И., 1962. К географии зимнего населения птиц в субальпийском поясе Центрального Кавказа // Орнитология, вып.5.- С.193-207.

Друп А.И., Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2005. Ястребы Центрального Предкавказья.- Ставрополь.- 120 с.

Дубинин Н.П., 1953. Птицы лесов нижней части долины реки Урал, ч.1.- М.: Изд-во АН СССР.- 127 с.

Дубинин Н.П., Торопанова Т.А., 1956. Птицы лесов долины р. Урал, ч.2 и 3 // Труды Ин-та леса, т.32. - С.3-308.

Дулицкий А.И., 2000. Рыжепоясничная ласточка (*Cecropis daurica* L.) в Крыму // Природа, № 2.- Симферополь.- С.13.

Дядичева Е.А., Максалон Л., 2012. Результаты мониторинга весенней миграции

птиц древесно-кустарникового комплекса на полуострове Тарханкут (Западный Крым) в 2008-2009 и 2011 гг. // Бранта, вып.15.- С.57-81.
Дякин Г.Ю., 2022. Обзор наиболее интересных встреч птиц в Казахстане, опубликованных на вебсайте www.birds.kz в 2014-2022 гг. // *Selevinia*, т.30.- С.98-104.
Евтух Г.Ю., 2016. Рыжепоясничная ласточка // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.221-222.
Елистратов О.А., 2015. Пустынная каменка // Стрепет, т.13, вып.2.- С.126.
Емельяненко П., 1915. Заметки о птицах долины реки Ардона (Терской области) // Птицеведение и птицеводство, т.6, вып.1.- С.189-196.
Емтыль М.Х., 1996. Систематический указатель типа Хордовых (Chordata) Краснодарского края (справочное пособие). - Краснодар. - 43 с.
Емтыль М.Х., Лохман Ю.В., Мнацеканов Р.А., Иваненко А.М., Тильба П.А., Шестибратов К.А., Пекло А.М., **1993**. Предварительные сведения по летней орнитофауне предгорий Западного Кавказа // Кавказ. орнитол. вестник, вып.5.- С.55-61.
Емтыль М.Х., Плотников Г.К., Лохман Ю.В., Иваненко А.М., Шмойлов А.В., **1994**. Современное состояние орнитофауны степных экосистем Таманского полуострова // Акт. вопросы экологии и охраны природы степных экосистем и сопредельн. территорий: Сб. тез. межресп. науч.-практ. конф, ч.1. - Краснодар. - С.166-168.
Ермакова Л.И., 1969. Птицы основных ландшафтов степной зоны Европейской части СССР // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, т.224. Зоол. и зоогеогр., вып.7. - С.75-91.
Жарко Я., 1909. Список птиц Кубанской области.- Екатеринодар.- 18 с.
Жарова Т.И., Жаров В.Р., 1962. К орнитофауне Советского и Ново-Кубанского районов Краснодарского края // Мат-лы 15-й науч. студенч. конф.- Ростов н/Д.- С.103-107.
Жигир Д.Р., Редькин Я.А., 2020. Подвидовая систематика серой вороны *Corvus* (*corone*) *cornix* фауны России // Орнитол. исследования в странах Сев. Евразии.- Минск.- С.178-179.
Жордания Р.Г., 1967. Новые данные о короткопалой пищухе (*Certhia brachydactyla*) на Кавказе // Сообщения АН ГССР, т.48, № 2.- С.455-458.
Журавлёв М.Н., 1990. Орнитокомплексы среднегорной зоны Большого Кавказа // Биота экосистем Большого Кавказа.- М.: Наука.- С.158-175.
Журавлев М.Н., Афонин П.В., 1982. Краснокрылый чечевичник на Большом Кавказе // Орнитология, вып.17.- С.182.
Журтов Х.Х., 2014. Желтоголовая трясогузка. Желтолобая трясогузка // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.191.
Журтов Х.Х., 2018. Овсянка-ремез // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.128.
Журтов Х.Х., 2019. Новые и редкие виды птиц Кабардино-Балкарии // Стрепет, т.17, вып.2.- С.21-29.
Журтов Х.Х., 2021. Зеленая пересмешка. Черногрудый воробей. Белошапочная овсянка // Стрепет, т.19, вып.1-2.- С.143-145.
Забашта А.В., 2004. К статусу пребывания горихвостки-чернушки в Ростовской области // Кавказ. орнитол. вестник, вып.16.- С.24-32.
Забашта А.В., 2006 [2018]. Гнездование ворона в г. Азове // Кавказ. орнитол. вестник, вып.18.- С.30.
Забашта А.В., 2006. Осенний аспект авифауны Цимлянского песчаного массива (в пределах Ростовской обл.) // Проблемы устойчивого функционирования

водных и наземных экосистем: Мат-лы Международн. науч. конф.- Ростов н/Д.- С.133.
Забашта А.В., 2014. Зеленый дятел // Красная книга Ростовской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Ростов н/Д.- С.222.
Забашта А.В., 2018. Материалы по расселению и зимовке соловьиной широкохвостки *Cettia cetti* в Западном Предкавказье и Нижнем Дону // Рус. орнитол. журнал, т.27, № 1634.- С.3177-3190.
Забашта А.В., 2018. Расселение зелёного дятла *Picus viridis* в Западном Предкавказье // Русский орнитол. журнал, т.27, № 1595.- С.1723-1729.
Забашта А.В., 2019. Залёт жёлчной овсянки *Granativora bruniceps* на юго-запад Ростовской области // Русск. орнитол. журнал, т.28, № 1786.- С.2854-2856
Забашта А.В., 2020. Встречи теньковки *Phylloscopus collybita* в низовьях Дона зимой // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 1911.- С.1731-1733.
Забашта А.В., 2020. Гнездование горной трясогузки *Motacilla cinerea* в равнинной части Краснодарского края // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 2013.- С.5994-5996.
Забашта А.В., 2020. Данные по распространению соловьиной широкохвостки *Cettia cetti* на юге России и рост её численности в дельте Дона // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 1896.- С.1064-1068.
Забашта А.В., 2022. Материалы по зимовке и пролёту серого сорокопута *Lanius excubitor* на юге России // Рус. орнитол. журнал, т.31, № 2171.- С.1214-1227.
Забашта А.В., 2022. Материалы по зимовке лугового конька *Anthus pratensis* на юге России // Рус. орнитол. журнал, т.31, № 2154.- С.345-352.
Забашта А.В., 2023. Изменения границ областей гнездования некоторых лесных воробьиных птиц в Ростовской области // Рус. орнитол. журнал, т.32, № 2263.- С.127-138.
Забашта А.В., Забашта М.В., 2018. Материалы о птицах рек Темерник и Кизитеринка в пределах Ростова-на-Дону // Русск. орнитол. журнал, т.27, № 1707.- С.6009-6050
Забашта А.В., Забашта М.В., 2022. Уточнение границы распространения черногрудого воробья *Passer hispaniolensis* в Ростовской области // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2193.- С.2451-2458.
Забашта А.В., Казаков Б.А., 1999. Динамика зимнего населения птиц Ленинского лесхоза // Кавказ. орнитол. вестник, вып.11.- С.53-58.
Забашта А., Касаткин Д., 1998. В Тебердинском заповеднике // Стрепет, бюлл. № 3.- Ростов н/Д.- С.13-15.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., 1991. К фауне воробьиных птиц низовий Кубани // Кавказ. орнитол. вестник, вып.1.- С.24-37.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., 1997. Заметки о некоторых птицах низовий Кубани // Проблемы развития биологии на Сев. Кавказе, вып.2.- Ставрополь.- С.56-57.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., **2000**. О встрече обыкновенной майны в низовьях Кубани // Кавказ. орнитол. вестник, вып.12.- С.168.
Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., Харченко Л.П., **1995**. О заселении индийской камышевкой Предкавказья // Чтения памяти проф. В.В. Станчинского, вып.2.- Смоленск.- С.135-136.
Завьялов Е.В., 1995. Находки индийской камышевки и широкохвостки в Саратовской области // *Selevinia*, т.3, № 1.- С.41.
Завьялов Е.В., Альберти Л.Г., 2008. Овсянка белошапочная // Стрепет, т.6, вып.2.-

С.108.

Завьялов Е.В., Мосолова Е.Ю., Табачишин В.Г., Шляхтин Г.В., Якушев Н.Н., **2011**. Птицы севера Нижнего Поволжья: Состав орнитофауны, кн.5.- Саратов.- 360 с.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., 1997. Белобровик *Turdus iliacus* в Саратовской области // Рус. орнитол. журнал, т.6, № 18.- С.21-22.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., 1997. Первая встреча овсянки-ремеза *Emberiza rustica* в Саратовской области // Рус. орнитол. журнал, т.6, № 20.- С.21-22.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., 1999. Новые данные о распространении желчной овсянки *Emberiza bruniceps* на севере Нижнего Поволжья // Русск. орнитол. журнал, т.8, № 71.- С.22-23.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., 2007. Современное положение северных пределов распространения желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*) на севере Нижнего Поволжья // Поволжский экол. журнал, № 1.- С.16-23.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Мосолова Е.Ю., **2005**. Новые данные к определению статуса широкохвостой камышевки *Cettia cetti* на севере Нижнего Поволжья // Русск. орнитол. журн., т.14, Экспресс-выпуск № 299.- С.857-859.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Мосолова Е.Ю., **2007**. Динамика распространения и современная численность степного (*Melanocorypha calandra*) и белокрылого (*Melanocorypha leucoptera*) жаворонков на севере Нижнего Поволжья // Поволжский экол. журнал, № 4.- С.297-309.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н., **2000**. Розовый скворец *Pastor roseus* на севере Нижнего Поволжья // Рус. орнитол. журнал, т.9, № 89.- С.21-23.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н., Мосолова Е.Ю. **2003**. О статусе индийской камышевки *Acrocephalus agricola* в Поволжье // Рус. орнитол. журнал, т.12, № 235.- С.990-993.

Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н., Мосолова Е.Ю., Шляхтин Г.В., Кошкин В.А., Хучраев С.О., Угольников К.В., **2009**. Птицы севера Нижнего Поволжья: Состав орнитофауны, кн.4.- Саратов.- 268 с.

Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., 2006. Черный жаворонок // Красная книга Саратовской области: Грибы. Лишайники. Растения. Животные.- Саратов.- С.456-458.

Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Хрустов А.В., **2000**. Орнитофауна проектируемого Национального парка «Дьяковский лес» (Саратовская область) // Проблемы природопользования и сохранения биоразнообразия в условиях опустынивания: Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф.- Волгоград.- С.109-111.

Завьялов Е.В., Якушев Н.Н., Табачишин В.Г. **2002*а***. Повторная встреча тонкоклювой камышевки *Lusciniola melanopogon* в Саратовской области // Рус. орнитол. журнал, т.11, № 197.- С.827-828.

Завьялов Е.В., Якушев Н.Н., Табачишин В.Г., **2002**. К вопросу о статусе просянки *Emberiza calandra* на севере Нижнего Поволжья // Русск. орнитол. журнал, т.11, № 196.- С.809-814.

Завьялов Е.В., Якушев Н.Н., Табачишин В.Г., **2003**. Динамика распространения серого (*Calandrella rufescens*) и малого (*C. cinerea*) жаворонков в Нижнем Поволжье на протяжении последнего столетия // Русск. орнитол. журнал, т.12, № 226.- С.651-659.

Завьялов Е.В., Якушев Н.Н., Табачишин В.Г., Мосолова Е.Ю., **2005**. Первая встреча пятнистого сверчка *Locustella lanceolata* в Саратовской области // Рус.

орнитол. журнал, т.14, № 298.- С.820-821.
Завьялов Е.В., Якушев Н.Н., Табачишин Н.Н., Мосолова Е.Ю., **2002*б***. Птицы севера Прикаспийской низменности: некоторые новые аспекты состава фауны, редкие и новые элементы // Рус. орнитол. журнал, т.11, № 182.- С.333-341.
Загороднюк І.В., Резнік О.С., 2007. Експансія темноголовоі форми в ареал типово забарвленоі сойки у Донбасі // Беркут, т.16, вып.1.- С.103-109.
Заломнов Ю.А., 1986. Географическое распространение и таксономический статус двух форм сойки (*Garrulus glandarius*) в северном Предкавказье.- Дипломная работа: Рукопись.- Ростов н/Д.: РГУ.- 57 с.
Зарудный Н.А., 1888. Орнитологическая фауна Оренбургского края // Зап. Импер. Академии наук: Приложение к т.57, № 1.- СПб.- С.1-338.
Зарудный Н.А., 1892. Птицы долины р. Орчика и окололежащей степи // Мат-лы к познанию фауны и флоры Рос. имп., отд. зоол., вып.1. - С.138-155.
Зарудный Н.А., 1896. Орнитологическая фауна Закаспийского края // Мат-лы к познанию фауны и флоры Росс. империи. Отд. зоол., вып.2. - 555 с.
Зарудный Н.А., 1911. Несколько заметок по орнитофауне Харьковской и Полтавской губерний // Орнитол. вестник, № 3-4.- С.272-277.
Зинякова М.П., Камаева Л.Б., Платицин В.П., 1991. Орнитофауна города Анапы // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистемы Черноморского побережья: Тез. докл. науч.-практ. конф., ч.1.- Краснодар.- С.168-172.
Зозулин Г.М., 1992. Леса Нижнего Дона.- Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та.- 203 с.
Золотарев А.А., 1995. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.60: Позвоночные животные Хоперского заповедника.- М.- С.13-31.
Иваницкий В.В., 1997. Воробьи и родственные им группы зерноядных птиц: Поведение, экология, эволюция.- М.: КМК.- 148 с.
Иваницкий В.В., Бочкарева Е.Н., 2008. Рекламная песня восточной тонкоклювой камышевки (*Acrocephalus melanopogon mimica*, Silviidae): структурно-функциональные и филогенетические аспекты // Зоол. журнал, т.87, № 3.- С.319-330.
Иваницкий В.В., Калякин М.В., Марова И.М., Квартальнов П.В., **2005**. Эколого-географический анализ распространения камышевок (*Acrocephalus*, Sylviidae) и некоторые вопросы их эволюции // Зоол. журн., т.84, вып.7.- С.870-884.
Иваницкий В.В., Квартальнов П.В., Маркитан Л.В., Марова И.М., **2007**. Камышевки (*Acrocephalus*, Sylviidae) на лиманах Восточного Приазовья: механизмы экологической сегрегации и смена стаций в сообществе с высоким видовым разнообразием // Зоол. журнал, т.86, № 8.- С.966-977.
Иваницкий В.В., Марова И.М., Квартальнов П.В., **2002а**. Структура и динамика сообщества камышевок *Acrocephalus* (Passeriformes, Sylviidae) на степных озёрах // Зоол. журнал, т.22, № 7.- С.833-840.
Иваницкий В.В., Марова И.М., Квартальнов П.В., **2006**. Акустическая сигнализация и поведение индийской камышевки, *Acrocephalus agricola* (Passeriformes, Sylviidae) // Зоол. журнал, т.85, № 8.- С.971-982.
Иваницкий В.В., Марова И.М., Квартальнов П.В., Маркитан Л.В., **2002б**. Сравнительный анализ населения камышевок (*Acrocephalus*, Sylviidae, Aves) на лиманах Краснодарского края и степных озерах Калмыкии // Птицы Южной России. - Ростов н/Д.: РГПУ. - С.109-113.
Иванов А.И., 1952. Весенние наблюдения над птицами юго-западного побережья Каспия // Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.9, вып.4.- С.1061-1080.
Иванов А.И., 1969. Птицы Памиро-Алая.- Л.: Наука.- 448 с.

Иванов В.Г., Чунихин С.П., 1961. Изменения в распространении и составе авифауны Кабардино-Балкарии под влиянием человека // Учен. зап. Кабардино-Балкарского ун-та, вып.10. - С.199-204.

Ивушкин В.Е., 2015. Род *Pyrrhula* Brisson, 1760: состав, распространение и особенности экологии // Рус. орнитол. журнал, т.24, № 1143.- С.1679-1738.

Йерке У., 1995. Некоторые интересные орнитологические свидетельства в окрестностях Ростова-на-Дону // Вопр. экологии и охраны природы Ставроп. кр. и сопредельных территорий: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.123-125.

Измайлов И.В., 1940. Фауна птиц и млекопитающих Хоперского государственного заповедника // Труды Хоперского заповедника, вып.1.- М.- С.89-173.

Ильюх М.П., 1997. Московка – новый гнездящийся вид Ставрополья // Кавказ. орнитол. вестник, вып.9.- С.42-43.

Ильюх М.П., 2012. Размещение и численность зеленой щурки в Северо-Западном Прикаспии // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.35-43.

Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2006. Кладки и размеры яиц птиц Центрального Предкавказья.- Ставрополь.- 220 с.

Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2007а. Фауна и население птиц долины р. Подкумок в окрестностях г. Георгиевска (Ставропольский край) // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.51-61.

Ильюх М.П., Хохлов А.Н., 2007*б*. Фауна и население птиц долины р. Терек в окрестностях г. Моздока (Республика Северная Осетия – Алания) // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.61-70.

Ильюх М.П., Хохлов А.Н., Чепенас К., Черкаускас А., Казьмин Е.Н., **2010**. К летней орнитофауне Нижнего Поволжья и Калмыкии // Кавказ. орнитол. вестник, вып.22.- С.37-51.

Иноземцев А.А., 1991. Современная динамика антропогенной трансформации экосистем ксерофитных лесов Причерноморья Западного Кавказа // Животный мир Европ. части России, его изучение, использ. и охрана: Межвуз. сб. науч. трудов.- М.- С.41-83.

Кадочников Н.П., 1957. Птицы Савальского лесничества Балашовской области // Труды Всесоюзн. ин-та защиты растений, т.8.- С.173-219.

Казаков Б.А., 1960. Птицы, гнездящиеся в окрестностях Ростова // Мат-лы науч. студ. конф., посвящ. 90-летию Ростов. ун-та.- Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.85-91.

Казаков Б.А., 1968. Некоторые особенности формирования орнитофауны искусственных лесонасаждений Западного Предкавказья // Мат-лы второй науч. конф. молодых ученых Ростовск. обл.: Секция естеств. наук.- Ростов н/Д.- С.45-46.

Казаков Б.А., 1969. Птицы лесонасаждений южной части Ростовской области // Охрана природы Нижнего Дона.- Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.69-72.

Казаков Б.А., 1973. Распространение и систематический статус соловьиного сверчка *Locustella luscinioides* (Sylviinae, Aves) на юго-востоке европейской части ареала // Зоол. журнал, т.52, вып.4.- С.616-618.

Казаков Б.А., 1973. Систематический статус и географическая изменчивость славки белоусой (*Sylvia mystacea* Ménétr.) // Вестник зоологии, № 2. - С.66-69.

Казаков Б.А., 1974а. Птицы Западного Предкавказья.- Дисс. ... канд. биол. наук.- Ростов н/Д.- 225+77 с.

Казаков Б.А., 1974*б*. Птицы Западного Предкавказья.- Автореф. дисс. … канд. биол. наук. - Ростов н/Д.- 43 с.

Казаков Б.А., 1974в. Распространение и систематический статус тонкоклювой камышевки (*Lusciniola melanopogon* Temm.) в Европейской части СССР // Вестник зоологии, № 2.- С.15-19.

Казаков Б.А., 1976 [2016]. Новые и редкие птицы юго-западной части Ростовской области // Орнитология, вып.12.- С.61-67.

Казаков Б.А., 1979 [2012]. О зимовках скворцов в Предкавказье // Орнитология, вып.14.- С.214-216.

Казаков Б.А., 1991. О находке зимой малого полевого жаворонка // Экология, охрана и воспроизводство животных Ставроп. края и сопредельн. территорий: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.40.

Казаков Б.А., 2000. Систематический статус и географическая изменчивость нарядов скворцов Северного Кавказа и сопредельных территорий // Кавказ. орнитол. вестник, вып.12.- С.94-111.

Казаков Б.А., 2016а. Орнитофауна пойменных лесов среднего течения реки Кубани в Краснодарском крае // Рус. орнитол. журн., т.25, № 1334.- С.3329-3332.

Казаков Б.А., 2016*б*. К орнитофауне пойменных лесов среднего течения реки Кубани в Ставропольском крае // Рус. орнитол. журнал, т.25, № 1334.- С.3333-3334.

Казаков Б.А., 2022. Птицы Западного Предкавказья.- Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.- 200 с.

Казаков Б.А., Бахтадзе Г.Б., 1991 [2011]. О распространении рюма на Кавказе // Кавказ. орнитол. вестник, вып.2.- С.14.

Казаков Б.А., Бахтадзе Г.Б., 1999. О распространении двух форм черноголового чекана на юге Европейской части России // Кавказ. орнитол. вестник, вып.11.- С.58-70.

Казаков Б.А., Белик В.П., 1971. К орнитофауне горных рек и морского побережья Северо-Западного Кавказа // 50-летие Новороссийской биостанции: Мат-лы науч. конф.- Новороссийск.- С.87-89.

Казаков Б.А., Белик В.П., 1986 [2016]. Таксономический статус и особенности распространения предкавказских популяций некоторых видов дендрофильных птиц // Изучение птиц СССР, их охрана и рац. использование: Тез. докл. 1 Съезда Всесоюзн. орнитол. об-ва и 9 Всесоюз. орнитол. конф., ч.1.- Л.- С.275-276.

Казаков Б.А., Белик В.П., 1989. Изолированная популяция ополовника в Восточном Приазовье: интрогрессия генов или расщепление признаков? // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.36-40.

Казаков Б.А., Белик В.П., 1996а. К авифауне окрестностей г. Ставрополя // Кавказ. орнитол. вестник, вып.8. - С.36-39.

Казаков Б.А., Белик В.П., 1996*б*. Авифауна поймы р. Подкумок (Ставропольский край) // Кавказ. орнитол. вестник, вып.8.- С.40-43.

Казаков Б.А., Белик В.П., Бахтадзе Г.Б., **1981**. Расселение и возможность гибридизации у воробьиных Предкавказья // Экология и охрана птиц: Тез. докл. 8 Всес. орнитол. конф.- Кишинев.- С.96.

Казаков Б.А., Брагин Е.А., Пекло А.М., Данченко В.В., **1984**. Птицы рисовых полей Предкавказья // Животный мир Калмыкии и сопредельных районов: Межвузов. сборн. научн. трудов.- Элиста.- С.18-40.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., 1984 [2013]. О черногрудом воробье (*Passer hispaniolensis* Temm.) на Северном Кавказе // Орнитология, вып.19.- С.179-180.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Белик В.П., Хохлов А.Н., Тильба П.А., Пишванов Ю.В., Прилуцкая Л.И., Комаров Ю.Е., Поливанов В.М., Емтыль М.Х., Бичерев А.П., Олейников Н.С., Заболотный Н.Л., Кукиш А.И., Мягкова Ю.Я., Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., Витович О.А., Динкевич М.А., **2004**. Птицы Северного Кавказа, том 1: Гагарообразные, Поганкообразные, Трубконосые, Веслоногие, Аистообразные, Фламингообразные, Гусеобразные.- Ростов н/Д.- 398 с.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Гончаров В.Т., Петренко В.Ф., **1990** [2012]. Заметки о некоторых редких и малоизученных видах птиц Веселовского водохранилища // Редкие, малочисл. и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.45-48.

Казаков Б.А., Ломадзе Н.Х., Тильба П.А., Ломакина Т.А., Хохлов А.Н., Витович О.А., Поливанов В.М., Комаров Ю.Е., Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., Мнацеканов Р.А., **1991**. Кукушка на Северном Кавказе // Распространение, численность и биология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.5-32.

Казаков Б.А., Тильба П.А., 1984. Обыкновенный сверчок (*Locustella naevia* Bodd.) на Северо-Западном Кавказе // Вестник зоологии, № 3.- С.64.

Калинин В.Г., 2020. Горная трясогузка // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.115.

Калякин М.В. (ред.), 2014. Полный определитель птиц европейской части России, ч.3.- М.: Фитон XXI.- 336 с.

Калякин М.В., Гришанов Г.В., 2021. Вертлявая камышевка // Красная книга Российской Федерации: Животные.- 2-е изд.- М.: ВНИИ Экология.- С.795-796.

Караваев А.А., 2000. О летнем населении птиц Скалистого хребта в районе гор Баранаха и Больше // Кавказ. орнитол. вестник, вып.12.- С.119-133.

Караваев А.А., 2002 [2017]. Новые сведения по фауне птиц Карачаево-Черкесии // Кавказ. орнитол. вестник, вып.14.- С.31-38.

Караваев А.А., 2004. Население птиц очистных сооружений г. Черкесска в летний и осенний периоды // Кавказ. орнитол. вестник, вып.16.- С.61-68.

Караваев А.А., 2004 [2017]. Об инвазии черноголового поползня в пояс лиственных лесов Кавказа // Фауна Ставрополья, вып.12.- Ставрополь.- С.46-48.

Караваев А.А., 2006. Население птиц очистных сооружений г. Черкесска в весенний период // Кавказ. орнитол. вестник, вып.18.- С.115-125.

Караваев А.А., 2006 [2014]. О судьбе инвазии черноголового поползня в пояс широколиственных лесов Кавказа // Кавказ. орнитол. вестник, вып.18.- С.126-127.

Караваев А.А., 2006а. Кубанское водохранилище и озеро Малое // Водно-болотные угодья России, т.6: Водно-болотные угодья Сев. Кавказа.- М.: Wetlands International.- С.142-150.

Караваев А.А., 2014. Щур // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.189.

Караваев А.А., 2017. Состояние популяции рыжегрудого поползня *Sitta krueperi* в Тебердинском заповеднике (Северный Кавказ) // Русск. орнитол. журнал, т.26, № 1547.- С.5533-5539.

Караваев А.А., 2018. Динамика населения птиц города Карачаевска // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.58-75.

Караваев А.А., 2020. Рыжегрудый поползень // Атлас гнездящихся птиц европ. части России. 2020.- М.: Фитон XXI.- С.768-769.

Караваев А.А., 2020. О вертикальных перемещениях птиц в горах Северного Кавказа // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.68-73.

Караваев А.А., Витович О.А., Хубиев А.Б., Казиев У.З., **2009** [2014]. Об инвазии

кедровки в Карачаево-Черкесию в 2008 г. (Северный Кавказ) // Кавказ. орнитол. вестник, вып.21.- С.148-151.
Караваев А.А., Витович О.А., Хубиев А.Б., Поливанов В.М., **2015**. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.100А: Позвоночные животные Тебердинского заповедника: Рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие (Аннотированный список видов).- 2-е изд.- М.- С.28-92.
Караваев А.А., Джамирзоев Г.С., Пшегусов Р.Х., **2017**. Материалы летних орнитологических наблюдений в национальном парке «Приэльбрусье» // Труды заповедника «Дагестанский», вып.13.- С.111-122.
Караваев А.А., Ильюх М.П., Хубиев А.Б., 2016. Квадрат 38TKQ4. Карачаево-Черкесская Республика // Фауна и население птиц Европейской России. Ежегодник Программы «Птицы Москвы и Подмосковья», вып.7.- С.299-306.
Караваев А.А., Казиев У.З., 2007 [2018]. Заметки по биологии вьюрка в Карачаево-Черкесии // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.73-77.
Караваев А.А., Казиев У.З., Хубиев А.Б., Хохлов А.Н., **2013**. Птицы населенных пунктов Карачаево-Черкесии // Труды Тебердинск. заповедника, вып.54.- 248 с.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2007. Список птиц Карачаево-Черкесии и характер их пребывания // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.82-93.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2011. Орнитофауна Карачаево-Черкесии и её структура // Модели популяционной динамики и мониторинг биоразнообразия для устойчивого развития горных районов: Мат-лы международ. науч.-практ. конф.- Карачаевск: КЧГУ.- С.102-117.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2011. Список редких видов птиц Карачаево-Черкесии и необходимость его расширения в Красной книге республики // Птицы Кавказа: современное состояние и проблемы охраны: материалы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.75-83.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2012 [2017]. О новой инвазии черноголового поползня в пояс широколиственных лесов Кавказа // Кавказ. орнитол. вестник, вып.24.- С.59-61.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2012. Распространение и численность грача и клушицы в Карачаево-Черкесии // X Международ. конф. «Врановые птицы в антропогенных и естественных ландшафтах Сев. Евразии».- Москва-Казань.- С.101-103.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2013. Птицы // Красная книга Карачаево-Черкесской Республики.- Черкесск.- С.89-149.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2014. Серый жаворонок // Стрепет, т.12, вып.1-2.- С.191.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., 2015. Черногрудый воробей // Стрепет, т.13, вып.2.- С.127.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., Казиев У.З., **2007**. Распространение грача в Карачаево-Черкесии // Экология врановых в естественных и антропогенных ландшафтах: Мат-лы Международ. конф.- Москва-Ставрополь.- С.65-67.
Караваев А.А., Хубиев А.Б., Хохлов А.Н., **2014**. Птицы горных лугов Карачаево-Черкесии: Труды Тебердинского заповедника, вып.58.- Кисловодск.- 144 с.
Карелин Г.С., 1875. Разбор статьи г. А. Рябинина «Естественные произведения земель Уральского казачьего войска», извлеченной из книги его: Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. 2 части. Спб. 1866 г.- Санкт-Петербург.- 113 с.

Карпов Ф.Ф., 2008**.** К распространению некоторых птиц в Северо-Восточном Прикаспии // *Selevinia*.- С.256.

Карпов Ф.Ф., Ковшарь В.А., 2014. О гнездовании черного чекана в Северном Прикаспии // *Selevinia*. - С.22.

Квартальнов П.В., 2001. Экология индийской камышевки *Acrocephalus agricola* Jerdon, 1845 (Sylviidae, Aves) на юге Калмыкии в репродуктивный период // Молодые учёные России об экологии. М.: Ноосфера.- С.162-180.

Квартальнов П.В., 2002. Коммунальная полиандрия у тонкоклювой камышевки: особенности поведения птиц // Беркут, т.11, вып.2.- С.208-214.

Квартальнов П.В., 2003. Гнездование погоныша-крошки в Краснодарском крае // Стрепет, вып.1.- С.116-117.

Квартальнов П.В., 2003. О гнездовании бледной пересмешки, черногрудого воробья и белохвостой пигалицы на юге Калмыкии // Орнитология, вып.30. - М. - С.206-207.

Квартальнов П.В., 2004. Биология соловьиного сверчка в Предкавказье // Орнитология, вып.31.- С.253-257.

Квартальнов П.В., 2004. Встреча испанской каменки под Туапсе // Стрепет, т.2, вып.2.- С.99-101.

Квартальнов П.В., 2020. Турач *Francolinus francolinus* – «забытый» вид фауны России // Русск. орнитол. журнал, т.29, № 1894.- С.973-976.

Квартальнов П.В., 2021. О гнездовании славки-мельничка *Sylvia curruca* в Северной Осетии // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2060.- С.1877-1881.

Квартальнов П.В., Иваницкий В.В., Марова И.М., **2004**. Биология широкохвостки – *Cettia cetti orientalis* (Aves, Sylviidae) на юге Калмыкии // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.109, вып.4.- С.26-30.

Квартальнов П.В., Иваницкий В.В., Марова И.М., **2005**. К биологии болотной камышевки в равнинном Предкавказье // Орнитология, вып.32.- С.145-149.

Квартальнов П.В., Иваницкий В.В., Марова И.М., **2006**. Экология и социальное поведение тростниковой камышевки в Восточном Приазовье // Орнитология, вып.33.- С.100-108.

Квартальнов П.В., Марова И.М., Иваницкий В.В., **2001**. Интересные особенности биологии камышевки-барсучка на краю ареала // Геоэкологические и биоэкологические проблемы Северного Причерноморья: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф.- Тирасполь.- С.125.

Кинда В.В., Бескаравайный М.М., Дядичева Е.А., Костин С.Ю., Попенко В.М., **2003**. Ревизия редких, малоизученных и залетных видов Воробьинообразных (Passeriformes) птиц в Крыму // Бранта, вып.6.- С.25-58.

Киселёв О.Г., 1990. О гнездовании синицы-московки в Воронежской области // Информ. мат-лы Центр.-Черноземн. отд. Всесоюзн. орнитол об-ва.- Воронеж.- С.14.

Кисленко Г.С., 1989. Воздействие врановых на певчих птиц в антропогенных ландшафтах Кубани // Врановые птицы в естеств. и антропоген. ландшафтах: Мат-лы 2-го Всесоюзн. совещ., ч.3.- Липецк.- С.63-65.

Кисленко Г.С., Леонович В.В. 1989. О размножении сойки в долине р. Кубани // Врановые птицы в естественных и антропогенных ландшафтах, ч.3.- Липецк.- С.14-15.

Кистяковский А.Б., 1932. Птицы садов низовьев Кубани // Труды ин-та защиты растений. Сер. IV: Позвоночные, вып.2. - С.111-140.

Кищинский А.А., 1974. Арктоальпийская фауна и ее происхождение // Зоол. журнал, т.53, № 7.- С.1036-1051.
Кищинский А.А., 1980. Птицы Корякского нагорья.- М.: Наука.- 336 с.
Кищинский А.А., 1988. Орнитофауна северо-востока Азии: История и современное состояние.- М.: Наука.- 288 с.
Кінда В.В., Бронсков О.І., 2009. Вівсянка чорноголова // Червона книга України: Тваринний світ.- Київ.- С.484.
Клестов Н.Л., Гаврись Г.Г., 1991. О расселении желтоголовой трясогузки на территории Украины // Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конф., Минск, ч.2, кн.1.- С.279-280.
Клестов Н.Л., Осипова М.А., 1991. Редкие птицы окрестностей Севастополя // Вестник зоологии, № 5.- С.87.
Ключевые орнитологические территории России, т.3: Ключевые орнитологические территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР, **2009**.- 302 с.
Кныш Н.П., 1996. Гнездование кедровки в Сумском Полесье // Орнитология, вып.27.- С.296-297.
Коблик Е.А., Архипов В.Ю., 2014. Фауна птиц стран Северной Евразии в границах бывшего СССР: Списки видов.- М.: КМК.- 171 с.
Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю., **2006**. Список птиц Российской Федерации.- М.: КМК.- 281 с.
Кобылин А.М., 1908. Материалы для орнитофауны Кавказского края // Изв. Кавказск. музея, т.3, вып.4.- С.285-335.
Коваль И.П. (ред.), 1980. Растительные ресурсы, ч.1: Леса.- Ростов-н/Д.- 336 с.
Ковшарь А.Ф., 1966. Птицы Таласского Алатау: Труды заповедников Казахстана, т.1: Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып.3.- Алма-Ата.- 435 с.
Ковшарь А.Ф., 1972. Род Тонкоклювая камышевка // Птицы Казахстана, т.4.- Алма-Ата.- С.124-127.
Ковшарь А.Ф., 2005. О черноголовой форме чернозобого дрозда // Казах. орнитол. бюл. 2005.- С.211-213.
Ковшарь А.Ф., 2019. Птицы Тянь-Шаня (западной половины горной системы в пределах Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана), т.2: Воробьиные.- Алматы.- С.577-1184.
Ковылов М.В., 2021. Вероятное гнездование пары горной *Motacilla cinerea* и жёлтой *M. flava* трясогузок в Ярославской области // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2055.- С.1651-1654.
Кожевникова Р.К., 1962. О влиянии распашки целины на численность степных воробьиных птиц // Орнитология, вып.5.- С.320-321.
Козлова Е.В., 1945. Индивидуальная изменчивость варакушки [*Cyanosylvia svecica* (L.)] и вероятные пути ее эволюции // Зоол. журнал, т.24, вып.5.- С.299-308.
Козлова Е.В., 1975. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии.- Л.: Наука.- 252 с.
Козловский П.Н., 1949. К орнитофауне Саратовской области // Учен. зап. Саратов. пед. ин-та. Фак. естествознания, вып.13.- С.55-126.
Комаров Ю.Е., 1986. Птицы заказника «Цейский» // Фауна и экология животных Центрального Кавказа.- Орджоникидзе.- С.41-50.
Комаров Ю.Е., 1988. О гнездовании малой мухоловки и встречах новых видов

птиц в Северной Осетии // Орнитология, вып.23.- С.213.
Комаров Ю.Е., 1989. Распространение и биология врановых в горных районах Осетии // Врановые птицы в естеств. и антропоген. ландшафтах: Мат-лы 2 Всес. совещ., ч.2.- Липецк. - С.91-94.
Комаров Ю.Е., 1991. Сезонные изменения плотности населения птиц в избранных биотопах Северо-Осетинского заповедника // Кавказ. орнитол. вестн., вып.1.- Ставрополь.- С.48-72.
Комаров Ю.Е., 1992. Заметки по гнездовой биологии сороки и серой вороны на Осетинской наклонной равнине // Кавказ. орнитол. вестник, вып.3.- С.99-106.
Комаров Ю.Е., 1996. Гнездовая экология кавказского подвида (*Cinclus cinclus caucasicus* Mad., 1903) обыкновенной оляпки // Кавказ. орнитол. вестник, вып.8.- С.86-105.
Комаров Ю.Е., 1998а. О размножении некоторых птиц в Северной Осетии-Алании // Кавказ. орнитол. вестник, вып.10.- С.59-65.
Комаров Ю.Е., 1998*б*. Птицы сельских населенных пунктов Республики Северная Осетия-Алания // Кавказ. орнитол. вестник, вып.10.- С.65-74.
Комаров Ю.Е., 2002. К орнитофауне урочища Бекан (Северная Осетия–Алания) // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып. 4.- М.: СОПР.- С.70-80.
Комаров Ю.Е., 2003. Антропогенный орнитокомплекс равнинной части Северной Осетии-Алании // Кавказ. орнитол. вестник, вып.15.- С.43-60.
Комаров Ю.Е., 2003. Орнитофауна Брутских рыборазводных прудов РСО-Алании // Фауна Ставрополья, вып.11.- Ставрополь.- С.48-58.
Комаров Ю.Е., 2004. Лесной жаворонок (*Lullula arborea pallida*) на Центральном Кавказе // Кавказ. орнитол. вестник, вып.16.- С.117-118.
Комаров Ю.Е., 2006. Аннотированный список птиц Северо-Осетинского заповедника // Труды Сев.-Осетинск. заповедника, вып.1.- Владикавказ.- С.145-165.
Комаров Ю.Е., 2007а. Повторные встречи ряда видов птиц в равнинной части РСО – Алании // Птицы Кавказа: Изучение, охрана и рац. использование.- Ставрополь.- С.59-62.
Комаров Ю.Е., 2007*б*. Новые виды и повторные встречи ряда редких птиц авифауны республики Северная Осетия-Алания // Труды заповедника «Дагестанский», вып.1.- Махачкала.- С.13-16.
Комаров Ю.Е., 2007в. К биологии некоторых видов птиц РСО-Алании // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.93-105.
Комаров Ю.Е., 2007г. Кладки и размеры яиц птиц Республики Северная Осетия–Алания.- Владикавказ.- 110.
Комаров Ю.Е., 2011. Заметки о птицах Осетии // Птицы Кавказа: соврем. состояние и проблемы охраны: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.83-90.
Комаров Ю.Е., 2013. Аннотированный список птиц Национального парка «Алания» // Труды Нац. парка «Алания», вып.2.- Владикавказ.- С.102-117.
Комаров Ю.Е., 2017. Стенолаз // Красная книга Республики Южная Осетия.- Нальчик.- С.251-252.
Комаров Ю.Е., 2020. О биологии двух подвидов обыкновенной горихвостки *Phoenicurus phoenicurus phoenicurus* и *Ph. ph. samamisicus* в Северной Осетии // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 2003.- С.5563-5575.
Комаров Ю.Е., 2021. Необычное гнездо оляпки *Cinclus cinclus* из Северной Осетии // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2078.- С.2667-2669.

Комаров Ю.Е., 2022. Скальная ласточка. Лесной жаворонок. Синий каменный дрозд. Стенолаз. Каменный воробей. Большая чечевица // Красная Книга Республики Северная Осетия–Алания.- Владикавказ.- С.314-315; 320; 322-324.
Комаров Ю.Е., 2023. Зимняя встреча лесного жаворонка *Lullula arborea* в Северной Осетии // Рус. орнитол. журнал, т.32, № 2267.- С.353-354.
Комаров Ю.Е., Бучукури Р.Г., Эрдненов Г.И., **2006**. К авифауне биосферного заповедника «Черные земли», его охранной зоны и ближайших окрестностей // Кавказ. орнитол. вестник, вып.18.- С.146-152.
Комаров Ю.Е., Иващенко Н.А., Малиев С.В., **2011**. К авифауне Моздокского района Северной Осетии–Алании // Стрепет, т.9, вып.1-2.- С.38-67.
Комаров Ю.Е., Липкович А.Д., 2000. Класс Птицы // Животный мир Республики Северная Осетия-Алания. - Владикавказ. - С.62-198.
Комаров Ю.Е., Малиев С.В., 2009. Дополнения к списку птиц Республики Северная Осетия - Алания // Кавказ. орнитол. вестник, вып.21.- С.174-188.
Комаров Ю.Е., Тильба П.А., 1999 [2009]. О биологии лесной завирушки на северных склонах Большого Кавказа // Кавказ. орнитол. вестник, вып.11.- С.84-101.
Комаров Ю.Е., Хохлов А.Н., 2003. Животное население лесов Республики Северная Осетия–Алания.- Ставрополь.- 67 с.
Комаров Ю.Е., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., **2006**. Экология некоторых видов птиц Республики Северная Осетия-Алания.- Ставрополь.- 257 с.
Комаров Ю.Е., Шевцов Д.С., 2012. Желтолобая трясогузка // Стрепет, т.10, вып.2.- С.156.
Комаров Ю.Е., Шевцов Д.С., 2017. К фауне птиц Ирафского и Дигорского районов Республики Северная Осетия–Алания // Стрепет, т.15, вып.2.- С.28-57.
Комаров Ю.Е., Шевцов Д.С., 2021. Встречи некоторых птиц в Северной Осетии // Русск. орнитол. журнал, т.30, № 2063.- С.2013-2018.
Комаров Ю.Е., Шевцов Д.С., 2022. Черногрудый воробей *Passer hispaniolensis* в Северной Осетии // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2238.- С.4558-4561.
Комаров Ю.Е., Шевцов Д.С., 2022. Оляпка. Ястребиная славка. Пёстрый каменный дрозд. Краснобрюхая горихвостка. Черноголовая гаичка // Красная Книга Республики Северная Осетия–Алания.- Владикавказ.- С.317-321.
Компаниец А.Г.,1940. Опыт учета гнездовой орнитофауны методом пробных площадей // Зоол. журнал, т.19, вып.3.- С.491-498.
Константинов В.М., Бабенко В.Г., Асоскова Н.И., Хохлов А.Н., **1984**. Численность врановых птиц в антропогенных ландшафтах как отражение степени их синантропности // Экология, биоценотическое и хозяйственное значение врановых птиц.- М.- С.8-12.
Константинов В.М., Хохлов А.Н., 1990. Зимовка и миграции врановых Ставропольского края // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Сб. науч. трудов Теберд. заповедника, вып.11. - Ставрополь.- С.158-178.
Конторщиков В.В., 2021. Европейская белая лазоревка // Красная книга Российской Федерации: Животные.- 2-е изд.- М.: ВНИИ Экология.- С.803-804.
Корелов М.Н., 1970. Семейство Жаворонковые. Семейство Сорокопутовые // Птицы Казахстана, т.3.- Алма-Ата.- С.194-285; 364-399.
Корелов М.Н., 1972. Род Бормотушка. Род Славка // Птицы Казахстана, т.4.- Алма-Ата: Наука Каз. ССР.- С.58-75; С.153-204.
Корзюков А.И., 1982. О весенней миграции красноголового сорокопута над северо-западной частью Чёрного моря // Орнитология, вып.17.- С.184-185.

Корзюков А.И., Кивганов Д.А., 2004. Новый вид орнитофауны Украины – маскированный сорокопут // Птах, № 3.- С.13.

Корзюков А.И., Русев И.Т., Яковлев М.В., Гайдаш А.М., **2015**. Расширение гнездового ареала черногрудого воробья в северо-западном Причерноморье Украины и в Крыму // Орнитология, вып.39.- С.48-51.

Королькова Г.Е., 1963. Влияние птиц на численность вредных насекомых: По исследованиям в лесостепных дубравах. - М.: Изд-во АН СССР.- 126 с.

Костенко А.В., 2010. Полуошейниковая мухоловка-белошейка – новый гнездящийся подвид лесов Ставропольской возвышенности // Кавказ. орнитол. вестник, вып.22.- С.78-83.

Костенко А.В., 2012. К вопросу о структуре и многолетней динамике фауны и населения птиц лесов Ставропольской возвышенности в гнездовой период // Стрепет, т.10, вып.2.- С.7-34.

Костенко А.В., 2015. О численности, биотопическом распределении и степени синантропности птиц города Ставрополя // Стрепет, т.13, вып.1.- С.50-72.

Костенко А.В., 2017. О возможной симпатрии мухоловки-белошейки и полуошейниковой мухоловки в Ставропольском крае // Стрепет, т.15, вып.1.- С.116-120.

Костенко А.В., 2020. Клёст-еловик // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.116.

Костенко А.В., Маловичко Л.В., 2014. Некоторые сведения о численности и биотопическом распределении обыкновенной горихвостки на Ставрополье // Птицы-дуплогнездники как модельные объекты в решении проблем популяционной экологии и эволюции: Мат-лы международн. конф.- М.: КМК.- С.148-152.

Костин С.Ю., 2000. Авифаунистические находки в Крыму // Птицы Азово-Черноморского региона на рубеже тысячелетий: Мат-лы юбилейной науч. конф., посвящен. 20-летию Азово-Черноморской орнитол. группы.- Одесса.- С.43-44.

Костин С.Ю., 2006. Общие аспекты современного состояния фауны птиц Крыма. Сообщение 1: Опыт ревизии авифаунистических списков // Бранта, вып.9.- С.19-48.

Костин С.Ю., 2010. Общие аспекты состояния фауны птиц Крыма. Сообщение 2: Ретроспективный анализ состава авифауны и характера пребывания птиц Равнинного Крыма // Бранта, вып.13.- С.89-115.

Костин С.Ю., 2020. Каталог птиц Крыма.- Симферополь.- 244 с.

Костин С.Ю., Багрикова Н.А., Тарина Н.А., **2018**. Черногрудый воробей (*Passer hispaniolensis*) – новый вид гнездовой фауны северо-западного побережья Крымского полуострова // Юг России: экология, развитие, т.13, № 4.- С.47-56.

Костин Ю.В., 1983. Птицы Крыма. - М.: Наука.- 240 с.

Костюшин В.А., 1994. Новые данные о гнездовании деревенской ласточки на скалах в Украине // Вестник зоологии, № 3.- С.38.

Кошелев А.И., Корзюков А.И., 1986. О гнездовании деревенской ласточки на скалах в нижнем течении р. Южного Буга // Орнитология, вып.21.- С.161-163.

Кошлякова Л.А., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., **2003**. Особенности размножения розового скворца в Ставропольском крае в 2002 году // Кавказ. орнитол. вестник, вып.15.- С.60-63.

Красная книга Астраханской области: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира.- 2-е изд.- Астрахань, **2014**.- 411 с.

Красная книга Волгоградской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Воронеж, **2017**.- 216 с.
Красная книга Кабардино-Балкарской Республики.- 2-е изд.- Нальчик, **2018**.- 495 с.
Красная книга Карачаево-Черкесской Республики.- Черкесск, **2013**.- 361 с.
Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар, **2017**.- 720 с.
Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп, **2012**.- 376 с.
Красная книга Республики Дагестан.- Махачкала, **2020**.- 800 с.
Красная книга Республики Ингушетия: Растения. Животные.- Магас, **2007**.- 368 с.
Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные.- Элиста, **2013**.- 200 с.
Красная книга Республики Северная Осетия – Алания.- 2-е изд.- Владикавказ, **2022**.
Красная книга Ростовской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Ростов н/Д., **2014**.- 280 с.
Красная книга Чеченской Республики.- 2-е изд.- Ростов н/Д., **2020**.- 480 с.
Красная книга РСФСР: Животные.- М.: Россельхозиздат, **1983**.- 454 с.
Красная книга Российской Федерации: Животные.- М., **2001**.- 862 с.
Красная книга Российской Федерации: Животные.- 2-е изд.- М., **2021**.- 1128 с.
Красовский Д.Б., 1932. Материалы к познанию фауны наземных позвоночных Рутульского кантона Дагестанской АССР // Изв. 2-го Сев.-Кавказск. пед. ин-та, т.9. - Махачкала. - С.186-218.
Кривенко В.Г., 1977*а*. Значение Восточного Приазовья как резервата водоплавающих птиц // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование.- М.- С.49-52.
Кривенко В.Г., 1977*б*. Состояние водно-болотных угодий и численности водоплавающих птиц в Прикаспии и Предкавказье // Ресурсы водоплавающих птиц СССР, их воспроизводство и использование.- М. - С.44-47.
Кривицкий И.А., 2000. *Cettia cetti*.- Харьков: Изд-во Харьков. ун-та.- 170 с.
Кривицкий И.А., Баник М.В., 2003. Горная трясогузка (*Motacilla cinerea* Tunst.) на востоке Украины и в прилегающих регионах // Птицы бассейна Северского Донца, вып.8.- С.82-89.
Кривицкий И.А., Ветров В.В., 1996. Дрозд-деряба в борах долины Северского Донца // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.3: Мат-лы 3-й конф.- Харьков.- С.73-77.
Кривицкий И.А., Кныш Н.П., Зоря А.В., 1983. О расширении гнездового ареала дрозда-белобровика в пределах северо-востока Украины // Орнитология, вып., 18.- С.198.
Кривицкий И.А., Надточий А.С., Чаплыгина А.Б., **1994**. По поводу неспецифичных поселений деревенской и городской ласточек // Птицы бассейна Сев. Донца, вып.2.- С.42-43.
Кривоносов Г.А., Кулешова Л.В., 1963. Расширение гнездовой области зяблика в Нижнем Поволжье // Орнитология, вып.6.- С.473-474.
Кубанцев Б.С., Чернобай В.Ф., 1982. Птицы северных районов Нижнего Поволжья (их охрана и изучение в школе и педагогическом институте): Учебное пособие.- Волгоград: ВГПИ.- 72 с.
Кудашев А.Е., 1916, 1917. Предварительный список птиц, наблюдавшихся мною в Сочинском округе Черноморской губернии // Орнитол. вестник, 1916, № 4.-

С.229-239; 1917, № 1.- С.20-36; № 2.- С.89-97.
Кудрявцев С.М., Марков В.И., Поярков Д.И., **1957**. Новые виды птиц дельты Волги // Зоол. журнал, т.36, вып.9.- С.1423-1424.
Кузиков И.В., 2013. К вопросу о сокращении численности белобровика *Turdus iliacus* на Северо-Западе России // Рус. орнитол. журнал, т.22, № 903.- С.2047-2049.
Кузиков И.В., 2013. К орнитофауне окрестностей посёлка Сукко (Анапский район, Краснодарский край) // Рус. орнитол. журнал, т.22, № 897.- С.1855-1876.
Кузнецов Л.А., 1968. Обыкновенная зеленушка и обыкновенная чечевица в г. Элисте и его окрестностях // Орнитология, вып.9.- С.353-354.
Кукиш А.И., 1982. Животный мир Калмыкии. Птицы. - Элиста. - 128 с.
Кукиш А.И., 1984. Некоторые черты экологии камышевок в летний период // Животный мир Калмыкии и сопредельных районов. - Элиста. - С.49-58.
Кукиш А.И., 1989. О находках черногрудого воробья в Калмыкии // Экология и охрана беспозвоночных животных Кавказа. - Орджоникидзе. - С.92.
Кукиш А.И., 1989. Птицы послелесных полян северной части Лагонакского нагорья // Экологические аспекты изучения, практического использования и охраны птиц в горных экосистемах.- Фрунзе.- С.65-67.
Кукиш А.И., Музаев В.М., 1993. Заметки по биологии желтобрюхой пеночки // Акт. вопросы экологии и охраны природы предгорных экосистем: Мат-лы межреспубл. науч.-практ. конф., ч.1.- Краснодар.- С.107-108.
Кукиш А.И., Музаев В.М., 1993. Птицы-кампофилы и склерофилы Черных земель и Даванского понижения // Фауна и экология животных Черных земель.- Элиста.- С.82-89.
Кукиш А.И., Музаев В.М., Ярошенко Н.В., **1982**. О встрече кедровки на западе Калмыкии // Животный мир Калмыкии, его охрана и рац. использование: Межвуз. сб. науч. трудов.- Элиста.- С.40-41.
Кулешова Л.В., 1965. Типы птичьего населения долины нижней Волги и прилежащих участков Северного Каспия // Орнитология, вып.7.- С.235-243.
Курдова Л.Г., 1958. Окрестности озер Абрау и Лиманчик как база учебной практики по зоологии позвоночных.- Дипломная работа: Рукопись.- Ростов н/Д.: Ростов. ун-т.- 67 с.
Кучеренко В.М., Прокопенко С.П., Жеребцова Т.А., Жеребцов Д.Ю., **2017**. Нові дані по рідкісних птахах Криму // Беркут, т.26, вип.1.- С.1-4.
Кучерук В.В., 1959. Степной фаунистический комплекс млекопитающих и его место в фауне Палеарктики // География населения наземн. животных и методы его изучения.- М.: Изд-во АН СССР.- С.45-87.
Лауниц К.В., 1912. Материалы для орнитофауны Черноморского побережья Кавказа // Птицеведение и птицеводство, т.3, № 3-4.- С.1-40.
Лебедева Г.П, 2017. Авифауна Самарской области. Состояние изученности // Самарский край в истории России, вып.6: Мат-лы Межрегион. науч. конф., посвящ. 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина.- Самара.- С.94-105.
Лебедева Е.А., 1991. К экологии бледной бормотушки в дельте р. Самур (юг Дагестана) // Мат-лы 10-й Всес. орнитол. конф., ч.2, кн.2.- Минск: Навука і тэхніка.- С.24-25.
Лебедева Е.А., 1993. Бледная пересмешка *Hippolais pallida* (Aves, Sylvidae) на юге

Дагестана: новые сведения о биологии вида // Зоол. журнал, т.72, №1.- С.98-111.
Лебедева Н.В., 1992. Интересные случаи гнездования горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*) и мухоловки-белошейки (*Ficedula albicollis*) в Ленинском лесхозе Ростовской области // Современная орнитология-1991. - М.: Наука.- С.50-52.
Левицкий П.Ф., 1963. Питание и биология скворца // Природа, № 10.- С.123.
Леонович В.В. 1962. К биологии малоизученных птиц Таджикистана // Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол., т.67, вып.2.- С.121-124.
Лепехин И., 1795. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году, ч.1.- СПб. : Изд-во Императорской Академии наук.- 537 с.
Лерхе А.В., 1940. Птицы // Природа Ростовской области.- Ростов н/Д.- С.257-280.
Лесничий В.В., Ветров В.В., Бураков Г.К., **1984**. О новых находках редких птиц на территории Ворошиловградской области // Проблемы региональной экологии животных в цикле зоол. дисциплин педвуза: Тез. докл. 3-го Всесоюзн. совещ. зоологов пединститутов, ч.1.- Витебск.- С.109-111.
Линдеман Г.В., 1971. Птицы искусственных лесных насаждений в глинистой полупустыне Северного Прикаспия // Животные искусств. лесных насаждении в глинистой полупустыне. - М.: Наука.- С.120-151.
Линдеман Г.В., Абатуров Б.Д., Быков А.В., Лопушков В.А., **2005**. Динамика населения позвоночных животных Заволжской полупустыни.- М.: Наука.- 252 с.
Линдеман Г.В., Лопушков В.А., 2004. Многолетняя динамика населения жаворонков в заволжской глинистой полупустыне // Орнитология, вып.31.- С.114-122.
Липкович А.Д., 1985. Некоторые данные по биологии кавказского тетерева, большой чечевицы и краснобрюхой горихвостки в высокогорьях Северной Осетии // Изучение и охрана редких и исчезающих животных фауны СССР.- М.- С.102-105.
Липкович А.Д., 1986. Некоторые черты репродуктивного поведения большой чечевицы в высокогорьях Центрального Кавказа // Экосистемы экстремальных условий среды в заповедниках РСФСР.- М.- С.128-134.
Липкович А.Д., 1989. Влияние антропогенных факторов на птиц высокогорий Северной Осетии // Синантропные животные Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.55-58.
Липкович А.Д., 1998. Сибирская гостья // Стрепет: Бюлл. Ростовск. отд. СОПР № 3.- Ростов н/Д.- С.20.
Липкович А.Д., 1999. Краснобрюхая горихвостка. Большая чечевица // Красная книга Республики Северная Осетия–Алания: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных.- Владикавказ.- С.185; С.187.
Липкович А.Д., 2000. Кабардино-Балкарский заповедник // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международн. значения в Европ. России.- М.: СОПР.- С.365-366.
Липкович А.Д., 2000. Республика Кабардино-Балкария // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международ. значения в Европ. России.- М .- С.362-365.
Липкович А.Д., 2000. Список видов птиц: Республика Кабардино-Балкария // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международного значения в Европ. России. - М.: СОПР. - С.649-661.
Липкович А.Д., 2009. Кабардино-Балкарский заповедник // Ключевые орнитол.

территории России, т.3: Ключевые орнитол. территории международного значения в Кавказском экорегионе.- М.: СОПР.- С.144-145.
Липкович А.Д., 2009. Кедровка в фауне государственного природного биосферного заповедника «Ростовский» // Стрепет, т.7, вып.1-2.- С.81-82.
Липкович А.Д., 2015. Белошапочная овсянка // Стрепет, т.13, вып.2.- С.127.
Липкович А.Д., 2016. Аннотированный список птиц Государственного природного биосферного заповедника «Ростовский», его охранной зоны и сопредельных территорий, ч.2: Воробьинообразные // Экосистемный мониторинг долины Зап. Маныча: итоги и перспективы: Труды заповедника «Ростовский», вып.6.- Ростов н/Д.- С.232-257.
Липкович А.Д., 2017. Редкие птицы степей и водоемов ростовской части долины Западного Маныча и Красная книга Ростовской области // Сохранение разнообразия животных в природе и зоопарках: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящен. 90-летию Ростовск. зоопарка.- Ростов н/Д.- С.4-18.
Липкович А.Д., Брагин А.Е., 2015. Редкие птицы степей и водоемов ростовской части долины Западного Маныча и Красная книга Ростовской области // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.- С.94-107.
Литун В.И., Плесский П.В., 1983. Инвазия толстоклювых кедровок *Nucifraga caryocatactes caryocatactes* (L.) в европейскую часть СССР // Орнитология, вып.18.- С.64-69.
Лиховид А.И., 1977. Летнее население птиц лесов Ставропольской возвышенности // Фауна Ставрополья, вып.2.- Ставрополь.- С.25-37.
Лиховид А.И., 1988. Летнее население птиц искусственных лесонасаждений Ставропольской возвышенности // Животный мир Предкавказья и сопредельных территорий.- Ставрополь.- С.72-87.
Лиховид А.И., Тертышников М.Ф., 1977. Орнитологические заметки // Фауна Ставрополья, вып.2.- Ставрополь.- С.73-75.
Ломадзе Н.Х., 2002. Новые находки береговых ласточек в центральной части Западного Кавказа // Кавказ. орнитол. вестник, вып. 14.- С.113.
Ломадзе Н.Х., Бзезян В.А., Таманцян М.В., **2003**. Еще раз о береговой ласточке в центральной части Западного Кавказа // Стрепет, вып.1.- С.118-119.
Ломакин С.А., 2006. Зимняя инвазия белокрылого и черного жаворонков в Ростовскую область // Стрепет, т.4, вып.2.- С.91-93.
Ломакин С.А., Белик В.П., 2008 [2015]. Материалы к зимней орнитофауне северных районов Ростовской области // Стрепет, т.6, вып.1.- С.35-54.
Лорец В.Ф., 1928. Список птиц окрестностей Сарепты // Изв. Саратов. об-ва естествоиспытателей, т.3, вып.1.- С.73-95.
Лоскот В.М., 1969. Распространение каменки-плясуньи на территории Украины // Изучение ресурсов наземных позвоночных фауны Украины.- К.: Наук. думка.- С.67.
Лоскот В.М, 1972. Внутривидовая изменчивость и систематика каменки чёрной // Вестник зоологии, № 4.- С.28-34.
Лоскот В.М., 1976. О систематическом положении черно-пегой каменки и плешанки [*Oenanthe hispanica* (L.), *O. pleschanka* (Lepechin)] // Сб. трудов Зоол. музея, т.36.- Киев.- С.84-89.
Лоскот В.М., 1981. О подвидах южного соловья (*Luscinia megarhynchos* Brehm) // Филогения и систематика птиц: Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.102.- Л.- С.62-71.

Лоскот В.М., 1983. Биология восточной черно-пегой каменки *Oenanthe hispanica melanoleuca* (Güld.) в СССР // Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.116.- С.69-107.

Лоскот В.М., 1986. Фенотипический состав популяции в зонах вторичного контакта чернопегой каменки и плешанки // Акт. проблемы орнитологии.- М.- С.17-33.

Лоскот В.М., 1991. Новый подвид пеночки-теньковки (Aves, Sylviidae) с Кавказа // Вестник зоологии, № 3.- С.76-77.

Лоскот В.М., 1991. Распространение и образ жизни кавказской большой чечевицы *Carpodacus rubicilla rubicilla* (Güld.) // Эколого-популяционные исследования птиц: Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.231.- Л.- С.43-116.

Лоскот В.М., 2001. Систематическое положение и географическая изменчивость горной славки // Акт. проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы международн. конф.- Казань.- С.381-383.

Лоскот В.М., Абрамсон Н.И., 2006. Обзор форм славки-завирушки (*Sylvia curruca*) и горной славки (*S. althaea*, Aves, Sylviidae) // Зоол. журнал, т.85, вып.12.- С.1454-1464.

Лохман Ю.В., 1994. Результаты зимних учетов птиц в Краснодарском крае (окрестности г. Краснодара) // Результаты зимних учетов птиц Европ. части России и сопред. регионов, вып.4: Зимний сезон 1989/1990 гг. - Гл. 7.2. - М. - С.38-39.

Лохман Ю.В., 1996. Результаты зимних учетов птиц в Краснодарском крае (окрестности г. Краснодара) // Результаты зимних учетов птиц России и сопредельн. регионов, вып.7: Зимний сезон 1992/1993 гг., гл.7.1.- М.- С.38-39.

Лохман Ю.В., 2002. Численность и распределение зимней орнитофауны г. Краснодара и его окрестностей // Кавказ. орнитол. вестник, вып.14.- С.59-63.

Лохман Ю.В., 2006. К орнитофауне Пшадского района Краснодарского края в летний период // Пробл. биологии и экологии на Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.113-116.

Лохман Ю.В., Емтыль М.Х., Фадеев И.В., Нестеров Е.В., Дровецкий С.В., Карагодин И.Ю., **2004**. К орнитофауне Таманского полуострова // Экол. проблемы Таманск. полуострова.- Краснодар.- С.89-102.

Лохман Ю.В., Емтыль М.Х., Фадеев И.В., Нестеров Е.В., Дровецкий С.В., Карагодин И.Ю., **2005**. Орнитофауна Черноморских лиманов России и прилегающих территорий // Инвентаризация, мониторинг и охрана ключевых орнитол. территорий России, вып.5.- М.- С.72-96.

Лохман Ю.В., Медведева С.И., Сикорский И.А., **2022**. Хохлатая кукушка *Clamator glandarius* в России // Рус. орнитол. журнал, т.31, № 2229.- С.4113-4118.

Лохман Ю.В., Нестеров Е.В., Редькин Я.А., Фадеев И.В., **2005**. Маскированный сорокопут *Lanius nubicus* – новый вид фауны России // Рус. орнитол. журнал, т.14, № 302.- С.959-961.

Лохман Ю.В., Фадеев И.В., Дровецкий С.В., **2011**. Бледная пересмешка *Hippolais pallida* – новый гнездящийся вид Таманского полуострова // Рус. орнитол. журнал, т.20, № 667.- С.1261-1265.

Лохман Ю.В., Фадеев И.В., Нестеров Е.В., Дровецкий С.В., **2006**. Дополнения к орнитофауне Таманского полуострова // Роль особо охраняемых природных территорий в сохранении биоразнообразия: Мат-лы Международн. науч.-практ. конф., посвящен. 10-летию Гос. природн. заповедника «Ростовский».- Ростов н/Д.- С.301-303.

Луговая Л.А., Луговой А.Е., 1958. К орнитофауне морских островов Северо-Западного Каспия // Труды Астрахан. заповедника, вып.4.- С.301-309.
Луговой А.Е., 1963. Птицы дельты Волги // Фауна и экология птиц дельты Волги и побережий Каспия: Труды Астраханск. заповедника, вып.8.- С.9-185.
Луговой А.Е., 1963. Птицы дельты реки Волги // Фауна и экология птиц дельты р. Волги и побереж. Каспия: Труды Астрахан. зап-ка, вып.8.- Астрахань.- С.9-185.
Лукина Г.П., Казаков Б.А., 1964. Зимний оазис // Природа, № 12.- С.119-120.
Лукьянчук О.А., Литвинова Е.М., 2017. Первая встреча пустынного снегиря *Bucanetes githagineus* на территории России // Рус. орнитол. журнал, т.26, № 1478.- С.3144-3147.
Лушков Р.А., 2022. Красноголовый сорокопут // Стрепет, т.20, вып.2.- С.151.
Лыков Е.Л., Гришанов Г.В., 2008. Первые случаи гнездования желтоголовой трясогузки *Motacilla citreola* в Калининграде и его окрестностях // Русск. орнитол. журнал, т.17, № 445.- С.1538-1539.
Любимов А.В., 2019. Полуошейниковая мухоловка // Стрепет, т.17, вып.2.- С.123.
Ляйстер А.Ф., Соснин Г.В., 1942. Материалы по орнитофауне Армянской ССР (Ornis Armeniaca).- Ереван.- 402 с.
Маландзия В.И., 1988. Гнездование красноголового королька в Абхазии // Вестник зоологии, № 3.- С.87.
Маландзия В.И., 1989. Новые виды орнитофауны Абхазии // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.65-67.
Маландзия В.И., 1990. Заметки о некоторых редких и малоизученных птицах Абхазии // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.35-40.
Маландзия В.И., 1992. Список птиц Абхазии // Кавказ. орнитол. вестник, вып.4, ч.2.- С.166-174.
Маландзия В.И., 2000. К изучению миграций птиц Абхазии // Биол. разнообразие Кавказа: Труды I региональной конф.- Сухум.- С.162-171.
Маландзия В.И., 2000. Особенности орнитофауны Абхазии // Мат-лы науч. сессии, посвящен. 90-летию А.А. Колаковского.- Сухум.- С.82-120.
Маловичко Л.В., 2012. Орнитофауна Терско-Кумского междуречья (в пределах Ставропольского края) // Стрепет, т.10, вып.2.- С.35-52.
Маловичко Л.В., 2012. Особенности распространения и биологии зеленой щурки на северо-востоке Ставропольского края // Кавказск. орнитол. вестник, вып.24.- С.69-78.
Маловичко Л.В., 2013. Особенности распространения и биологии галки в Ставропольском крае // Птицы Кавказа: история изучения, жизнь в урбанизированной среде: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.150-156.
Маловичко Л.В., 2020. О крупной колонии розового скворца *Pastor roseus* на юге России // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 1883.- С.520-531.
Маловичко Л.В., 2020. О расширении ареала черногрудого воробья *Passer hispaniolensis* в Ставропольском крае // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 1965.- С.3885-3888.
Маловичко Л.В., Барышникова Е.М., Костенко А.В., **2011**. О зимовке серого сорокопута в Ставропольском крае // Птицы Кавказа: современное состояние и проблемы охраны: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.107-110.
Маловичко Л.В., Блохин Г.И., Костенко А.В., Федосов В.Н., Гаврилов А.И., Ми-

роненко Н.С., Барышникова Е.М., Гутор Г.Н., **2012**. Особенности распределения колоний грачей в Ставропольском крае // X Международ. конф. «Врановые птицы в антропогенных и естественных ландшафтах Сев. Евразии».- Москва – Казань.- С.141-145.

Маловичко Л.В., Константинов В.М., 2000. Сравнительная экология птиц-норников: экологические и морфологические адаптации.- Ставрополь-Москва.- 288 с.

Маловичко Л.В., Костенко А.В., 2007. О сезонных миграциях и зимовках некоторых вьюрковых птиц на Ставрополье // Біологія XXI століття: Теорія, практика, викладання.- Київ: Фітосоціоцентр.- С.232-234.

Маловичко Л.В., Федосов В.Н, Плеснявых А.С., **2005**. Некоторые особенности динамики авифауны степного урочища «Дунда» // Фауна Ставрополья, вып.13.- Ставрополь.- С.50-62.

Маловичко Л.В., Федосов В.Н., 2005. Распределение врановых птиц в Центральном Предкавказье // Экология врановых птиц в условиях естественных и антропогенных ландшафтов России.- Казань.- С.106-111.

Мальчевский А.С., 1946 [2003]. К биологии желчной овсянки // Природа, № 6.- С.71.

Мальчевский А.С., 1946 [2003]. О залете клеста-еловика в южное Заволжье // Природа, № 6.- С.71.

Мальчевский А.С., 1950 [2009]. Гнездование птиц в лесных полосах Заволжья // Учен. зап. Ленингр. ун-та, № 134: Сер. биол. наук, вып.25: Труды лесостепной науч.-исслед. станции «Лес на Ворскле».- С.208-227.

Мальчевский А.С., 1968 [2008]. О консервативном и дисперсном типах эволюции популяций у птиц // Зоол. журнал, т.47, вып.6.- С.833-842.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б., 1983. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана, т.2.- Л.: Изд-во ЛГУ.- 504 с.

Марголин В.А., Баранов Л.С., 2002. Птицы Калужской области. Воробьинообразные.- Калуга.- 640 с.

Маркитан Л., Бахтадзе Г., 1997. О встречах альпийской галки (*Pyrrhocorax graculus* L.) в Ростове-на-Дону // Стрепет, бюлл. № 2.- Ростов н/Д. - С.11.

Маркитан Л.В., 2002. Изучение динамики популяций камышевок рода Acrocephalus в Восточном Приазовье // Экосистемные исследования Азовского моря и побережья, т.4.- Апатиты.- С.334-343.

Маркитан Л.В., 2004. Сравнительная экология некоторых видов камышевок (Aves, Sylviidae, *Acrocephalus*) в Восточном Приазовье.- Автореф. дисс. … канд. биол. наук.- Ставрополь.- 24 с.

Маркитан Л.В., Динкевич М.А., Белов В.В., **2010**. Птицы природного парка «Донской» // Флора, фауна и микобиота природного парка «Донской».- Ростов н/Д.- С.139-164.

Марова И.М., 1990. К экологии хорасанской теньковки в Копетдаге // Редкие и малоизученные птицы Средней Азии.- Бухара.- С.127-128.

Марова И.М., 1991. Новые данные об экологии и распределении восточно-европейской и кавказской теньковок // Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2, кн.2.- Минск.- С.58-60.

Марова И.М., 2002. Пространственные, экологические и репродуктивные отношения между зелеными и коричневыми формами теньковки в зонах вторичного контакта на Кавказе // Птицы Южной России: Мат-лы международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в

XXI веке», посвящ. 20-летию деятельности Сев.-Кавказ. орнитол. группы.- Ростов н/Д.- С.139-142.

Марова И.М., 2014. Материалы к экологии кавказской пеночки-теньковки *Phylloscopus lorenzii* на Северо-Западном Кавказе // Русск. орнитол. журнал, т.23, № 961.- С.259-262.

Марова И.М., Ильина И.Ю., Иваницкий В.В., **2018**. Неожиданная встреча в начале лета: гибрид сибирской *Phylloscopus tristis* и европейской *Ph. collybita* теньковок в Ростовской области // Рус. орнитол. журнал, т.27, № 1604.- С.2093-2099.

Марова И.М., Шипилина Д.А., Фёдоров В.В., Алексеев В.Н., Иваницкий В.В., **2016**. Гибридизация восточно-европейской и сибирской теньковок (*Phylloscopus collybita abietinus – Ph. c. tristis*): комплексный анализ зоны симпатрии на Южном Урале // Орнитология, т.40.- С.27-45.

Матюхин А.В., 2017. Черный чекан *Saxicola caprata* (Linnaeus, 1766) – новый гнездящийся вид Европы // Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России: Мат-лы 7-й Международн. науч.-практ. конф.- М.- С.398-401.

Матюхин А.В., Башмаков А.А., Парфёнов А.В., Бидашко Ф.Г., **2016**. Пустынная каменка (*Oenanthe deserti*) и мелкий рогатый скот // Птицы и сельское хозяйство: Мат-лы Международ. орнитол. конф. «Птицы и сельское хозяйство: современное состояние, проблемы и перспективы изучения».- М.- С.209-213.

Матюхин А.В., Иванов И.П., Кречетов Ю.Н., Матюхин А.А., **2008**. О судьбе интродуцированной популяции майны в г. Москве // Редкие виды птиц Нечерноземного центра: Мат-лы 3-го совещания.- М.- С.266-267.

Матюшкин Е.Н., 1962. К количественной характеристике территориального распределения птиц в Тебердинском заповеднике // Труды Тебердинск. заповедника, вып.4.- Ставрополь.- С.131-166.

Медведев С.И., Петров В.С., 1959. Материалы по питанию птиц Восточного Предкавказья в гнездовой период // Учен. зап. Харьков. ун-та, т.105.- С.39-63.

Медведева С.И., 2022. Хохлатая кукушка // Стрепет, т.20, вып.2.- С.150.

Мекленбурцев Р.Н., 1995. Семейство Славковые // Птицы Узбекистана, т.3.- Ташкент: ФАН.- С.202-270.

Мензбир М.А., 1879. Орнитологическая фауна Тульской губернии // Bull. de la Societe Imperiale des naturalistes de Moscou, т.54, № 2.- P.307-423.

Мензбир М.А., 1895. Птицы России, т.2.- М.- С.837-1120.

Мензбир М.А., 1925. Дополнение к работе: Серебровский П.В. Результаты орнитологических наблюдений в Закатальском округе Закавказья в 1916 г. // Новые мемуары МОИП, т.18, вып.2.- С.85-89.

Миноранский В.А., 1962. О расширении ареала европейской зеленушки в Ростовской области // Орнитология, вып.4.- С.132-134.

Миноранский В.А., Харченко В.И., 1967. Некоторые изменения в орнитофауне Ростовской области и Восточного Приазовья // Экология млекопитающих и птиц.- М.: Наука.- С.308-316.

Михайлова М.В., Марова И.М., Иваницкий В.В., **2020**. Особенности взаимоотношений восточного и южного соловьёв в зоне вторичного контакта в Предкавказье // Орнитол. исследования в странах Сев. Евразии.- Минск.- С.319-320.

Михаловский И., 1880. Орнитологические наблюдения в Закавказье летом 1878 г. // Труды С.-Петербург. об-ва естествоиспытателей, т.11, вып.1.- С.12-39.

Мищенко А.Л., Белик В.П., Бородин О.В., Сарычев В.С., Суханова О.В., Краснов Ю.В. и др., **2017**. Оценка численности и ее динамики для птиц Европейской части России (результаты проекта «European Red List of Birds»).- Москва: РОСИП.- 63 с.

Мищенко А.Л., Белик В.П., Равкин Е.С., Бородин О.В., Бакка С.В., Сарычев В.С., Галушин В.М., Краснов Ю.В., Суханова О.В., Лебедева Е.А., Межнев А.П., Волков С.В. и др., **2004**. Оценка численности и ее динамики для птиц Европейской части России (Птицы Европы – II). - М.: Союз охраны птиц России. - 44 с.

Мищенко А.Л., Ктиторов П.С., Гермогенов Н.И., Анисимов Ю.А., Стрельников Е.В., **2021**. Дубровник // Красная книга Российской Федерации: Животные.- 2-е изд.- М.: ВНИИ Экология.- С.809-811.

Мнацеканов Р.А. 2004. О находке горихвостки-чернушки в г. Лабинске // Кавказ. орнитол. вестник, вып.16.- С.118.

Мнацеканов Р.А., 1991. К орнитофауне центральной части Западного Кавказа // Фауна, экология и население птиц Северного Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.20-23.

Мнацеканов Р.А., 1998. К авифауне среднегорий центральной части Западного Кавказа // Кавказ. орнитол. вестник, вып.10.- С.109-114.

Мнацеканов Р.А., 1999. Авифауна заказника «Камышанова поляна» и его окрестностей // Роль заповедников Кавказа в сохранении биоразнообразия природных экосистем: Авторефераты докладов юбилейной конф., посвящен. 75-летию Кавказского госзаповедника.- Сочи.- С.103-109.

Мнацеканов Р.А., 2005. О гнездовании каменки-плешанки в Ейском районе Краснодарского края // Стрепет, т.3, вып.1-2.- С.108-109.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., 2015. Орнитофауна заповедника Утриш и его ближайших окрестностей // Русский орнитол. журнал, т.24, № 1113.- С.754-763.

Мнацеканов Р.А., Тильба П.А., Емтыль М.Х., Плотников Г.К., Соловьев С.А., Иваненко А.М., **1990**. Предварительные данные по летней орнитофауне Восточного Приазовья и сопредельных территорий // Акт. вопросы экологии и охраны природы Азовского моря и Вост. Приазовья: Сб. тезисов, ч.1.- Краснодар.- С.155-164.

Мокиевский В.О., 2021. Рыжепоясничная ласточка // Стрепет, т.19, вып.1-2.- С.143.

Моламусов Х.Т., 1955. Материалы к фауне птиц Кабарды // Учен. зап. Кабардинск. пед. ин-та, вып.8.- С.171-202.

Моламусов Х.Т., 1962. К биологии *Phoenicurus ochruros ochruros* // Учён. зап. Кабардино-Балкарского ун-та, вып.14.- С.120-123.

Моламусов Х.Т., 1962. Роль речных долин в распространении птиц на территории Кабардино-Балкарской АССР // Вестник ЛГУ. Серия биол., № 15, вып.3.- С.46-57.

Моламусов Х.Т., 1967. Птицы центральной части Северного Кавказа.- Нальчик.- 100 с.

Морозов В.В., Корнев С.В., 2000. Дополнительные материалы по фауне птиц степной зоны Приуралья и Зауралья // Рус. орнитол. журн., т.9, № 88.- С.15-22.

Мосейкин В.Н., Хайдаров Д.Р., 2006. О находке гнездовой популяции дроздов *Turdus atrogularis* var. *relicta* // Стрепет, т.4, вып.1.- С.114-117.

Москвитин С.С., 1968. К авифауне лесной зоны Западной Сибири // Орнитология, вып.9.- С.36-361.

Мосолова Е.Ю., Табачишин В.Г., Шляхтин Г.В., **2015**. Динамика распространения горихвостки-чернушки в европейской части России // 14-я Международ. орнитол. конф. Сев. Евразии. 1: Тезисы.- Алматы.- С.351-352.

Музаев В.М., 1991. К экологии гнездования болотной камышевки на Северо-Западном Кавказе // Распространение, численность и биология птиц Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.75-76.

Музаев В.М., 2000. Первые гнездовые находки серой мухоловки *Muscicapa striata* в Калмыкии // Русск. орнитол. журнал, т.9, № 102.- С.21-22.

Музаев В.М., 2007. О первой гнездовой находке рябинника (*Turdus pilaris*) в Волго-Ахтубинской пойме (в пределах Калмыкии) // Стрепет, т.5, вып.1-2.- С.94-98.

Музаев В.М., 2007. Ополовник // Стрепет, т.5, вып.1-2.- С.126.

Музаев В.М., 2013. Пустынный сорокопут // Красная книга Республики Калмыкия, т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные.- Элиста.- С.168.

Музаев В.М., 2016. Желтолобая трясогузка. Желтоголовая трясогузка. Малая мухоловка. Обыкновенная пищуха // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.222-224.

Музаев В.М., 2016. О гнездовании горихвосток в Калмыкии // Байкал. зоол. журнал, № 1 (18).- С.38-40.

Музаев В.М., 2017. Сибирская теньковка // Стрепет, т.15, вып.2.- С.131.

Музаев В.М., 2019. Южный соловей // Стрепет, т.17, вып.2.- С.123-124.

Музаев В.М., Болдуринов А.А., 1999. Материалы к гнездовой экологии серой вороны на Ергенинской возвышенности // Экология и распространение врановых птиц России и сопредельных государств.- Ставрополь.- С.159-160.

Музаев В.М., Горяшкиева Д.А., Нураева А.Н., **2007**. К вопросу о видовом составе, распространении и гнездовании врановых птиц в республике Калмыкия // Экология врановых птиц в естественных и антропогенных ландшафтах.- Москва- Ставрополь.- С.83-84.

Музаев В.М., Дживлеева Э.Б., Сангаджиева В.В., Тазеева Л.Н., Эдляева Г.М., **2016**. Желтолобая трясогузка // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.222.

Музаев В.М., Дорджиев С.В., 1999. К экологии гнездования чернолобого сорокопута на Ергенинской возвышенности (в пределах Калмыкии) // Акт. вопр. экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельн. территорий: Мат-лы XII межреспубл. науч.-практ. конф.- Краснодар. - С.70-71.

Музаев В.М., Калинин В.М., 2002. К биологии размножения сойки в Яшалтинском районе Калмыкии // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий.- Краснодар.- С.136-137.

Музаев В.М., Каруева А.Н., 2021. Материалы по биологии размножения снегиря *Pyrrhula pyrrhula* на Северо-Западном Кавказе // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2083.- С.2891-2900.

Музаев В.М., Кукиш А.И., 1993. Материалы по фауне и экологии воробьиных Черных Земель // Фауна и экология животных Черных Земель: Сб. науч. трудов. - Элиста.- С.89-95.

Музаев В.М., Маловичко Л.В., Бурлуткин А.В., Нураева А.Н., **2009**. О встречах кедровки в Калмыкии в 2008-2009 гг. // Стрепет, т.7, вып.1-2.- С.78-81.

Музаев В.М., Сатаев Х.М., 2002. Некоторые параметры гнездовой биологии бе-

лоусой славки (*Sylvia mystacea mystacea* Menetries) в Калмыкии // Птицы Южной России.- Ростов-н/Д.- С.147-149.
Музаев В.М., Федосов В.Н., Нураева А.Н., Убушаев Б.И., Эрдненов Г.И., **2010**. Ворон в Калмыкии // Врановые птицы Сев. Евразии.- Омск.- С.95-97.
Музаев В.М., Шармандживиева Ц.В., 2020. Ещё раз о биологии размножения болотной камышевки *Acrocephalus palustris* на Северо-Западном Кавказе // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 1942.- С.2949-2957.
Музаев В.М., Эрдненов Г.И., 2010. К вопросу о статусе пребывания коноплянки (*Acanthis cannabina*) в Калмыкии // Орнитология в Сев. Евразии.- Оренбург.- С.229.
Музаев В.М., Эрдненов Г.И., 2010. Новые данные о некоторых редких видах птиц, рекомендованных к занесению в Красную книгу Республики Калмыкия // Проблемы сохранения и рац. использования биоразнообразия Прикаспия и сопредельных регионов: Мат-лы VII междунар. заочной науч. конф.- Элиста.- С.85-88.
Музаев В.М., Эрдненов Г.И., 2013. Обыкновенный дубонос // Стрепет, т.11, вып.2.- С.119.
Музаев В.М., Эрдненов Г.И., 2015. К распространению и экологии пустынного сорокопута в Калмыкии // XIV Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии, т.1: Тезисы.- Алматы.- С.355-356.
Музаев В.М., Эрдненов Г.И., 2015. Обыкновенный дубонос – новый для Калмыкии гнездящийся вид // Стрепет, т.13, вып.1.- С.145-148.
Музаев В.М., Эрдненов Г.И., Нураева А.Н., Антонова Е.В., **2011**. Материалы по фауне и экологии гнездования дендрофильных видов птиц на юго-западе Калмыкии // Птицы Кавказа: современное состояние и проблемы охраны: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.122-132.
Музаев В.М., Эрдненов Г.И., Федосов В.Н., **2018**. Сибирская кедровка // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.127.
Муравьев И.В., 2005. Конек луговой *Anthus pratensis* (Linnaeus, 1758) // Красная книга Пензенской области, т.2: Животные.- Пенза.- С.163.
Муркина Н.В., 1970. Майны в Москве // Природа, № 8.- С.94-95.
Муртазин Ш.А., 2022. Вторая встреча маскированного сорокопута *Lanius nubicus* на Имеретинской низменности // Рус. орнитол. журнал, т.31, № 2188.- С.2177-2179.
Нагайцев А.А., 1971. Климат // Физ. география Ниж. Дона. - Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.25-39.
Надточий А.С., 1999. Зелёная пеночка в Харьковской области // Бранта, вып.2.- С.192-193.
Найданов И.С., 2007. К распространению лугового чекана в Краснодарском крае // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.113-116.
Найданов И.С., Короткий Т.В., 2005. К орнитофауне предгорий Западного Кавказа // Кавказ. орнитол. вестник, вып.17.- С.36-40.
Найданов И.С., Найданов А.С., 2002. Предварительный список орнитофауны Динского района Краснодарского края // Птицы Южной России: Мат-лы международн. орнитол. конф. «Итоги и перспективы развития орнитологии на Сев. Кавказе в XXI веке», посвящ. 20-летию деятельности Сев.-Кавказ. орнитол. группы. - Ростов н/Д. - С.84-88.
Наниев В.И., 1967. К вопросам перелетов розовых скворцов (*Sturnus roseus* L.) //

Учен. зап. Северо-Осетинск. пед. ин-та, т.27, вып.5: Геогр. и биол. науки.- С.63-64.
Нанкинов Д.Н., 1981. Расширение ареала и урбанизация чёрного дрозда в Ленинградской области // Орнитология, вып.16.- С.176-177.
Нанкинов Д.Н., 2009. Ошибка графа Аллеона, или как краснобрюхая горихвостка *Phoenicurus erythrogaster* оказалась включённой в состав болгарской фауны // Рус. орнитол. журнал, т.18, № 467.- С.336-339.
Нанкинов Д.Н., 2013. Гибридизация домового *Passer domesticus* (Linnaeus, 1758) и испанского *Passer hispaniolensis* (Temminck, 1820) воробьёв и о так называемом итальянском воробье *Passer italiae* (Vieillot, 1817) в Болгарии // Рус. орнитол. журнал, т.22, № 923.- С.2631-2641.
Насимович А.А., 1950. Об организации заповедника высокогорной природы Центрального Кавказа // Охрана природы, сборн.11.- М.- С.72-79.
Насрулаев Н.И., 1990. Птицы восточного высокогорья Богосского хребта // Орнитология, вып.24. - С.154-156.
Насрулаев Н.И., 2003. Птицы высокогорья Базар-Дюзи // Мат-лы XVII науч.-практ. конф. по охране природы Дагестана.- Махачкала.- С.155-156.
Насрулаев Н.И., 2006. Птицы верховий реки Аварское Койсу (Внутренний Дагестан) // Горные экосистемы и их компоненты: Труды международ. конф., ч.3.- М.: КМК.- С.7-10.
Насрулаев Н.И., 2014. К экологии снежного воробья *Montifringilla nivalis* Linnaeus, 1766) в окрестности горы Базар-Дюзи (Республика Дагестан) // Горные экосистемы и их компоненты: Мат-лы 5 Всеросс. конф. с международным участьем.- Нальчик.- С.77.
Насрулаев Н.И., 2018. Гнездование грачей в лесополосах в окрестностях г. Махачкалы // Птицы и сельское хозяйство: Мат-лы 2 Международн. орнитол. конф.- Иваново.- С.239-243.
Недожогина Е.В., 2017. Черноголовая трясогузка // Стрепет, т.15, вып.2.- С.130.
Недожогина Е.В., Недожогин А.А., Недожогина Я.А., **2016**. Красноголовый сорокопут // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.223.
Нессинг Р., 2009. Вторая находка маскированного сорокопута в Армении // Беркут, т.18, вып.1/2.- С.208.
Нестеров П.В., 1911. Материалы по орнитофауне юго-западного Закавказья и северо-восточной части Малой Азии // Ежегодн. зоол. музея Импер. Акад. наук, т.16, № 3.- С.311-408.
Никольский А.М., 1891. Позвоночные животные Крыма // Зап. Академии наук, т.68, прил. № 4.- С.1-484 с.
Никольский Г.В., 1947. О биологической специфике фаунистических комплексов и значения ее анализа для зоогеографии // Зоол. журнал, т.26, вып.3.- С.221-232.
Нимчук А.Д., 2018. Канареечный вьюрок // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.128.
Новиков Р., Завяликов В., 1991. Залет кедровки (*Nucifraga caryocatactes*) в центральну. часть Ставропольского края // Распространение, численность и биология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.108.
Номикосов С., 1884. Статистическое описание Области Войска Донского.- Новочеркасск.- 761 с.
Нумеров А.Д., 1993. Отряд Кукушкообразные // Птицы России и сопредельных

регионов. Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные. - М.: Наука.- С.182-248.
Нумеров А.Д., 1996. Класс Птицы *Aves* // Природные ресурсы Воронежской области. Позвоночные животные: Кадастр. - Воронеж.- С.48-159.
Нумеров А.Д., 2018. Вертлявая камышевка // Красная книга Воронежской области, т.2: Животные.- Воронеж.- С.395.
Нумеров А.Д., Венгеров П.Д., Киселев О.Г. и др., **2013**. Атлас гнездящихся птиц города Воронежа.- Воронеж.- 360 с.
Нумеров А.Д., Венгеров П.Д., Соколов А.Ю., Климов А.С., Ушаков М.В., Масалыкин А.И., Труфанова Е.И., Транквилевский Д.В., Квасов Д.А., **2021**. Наземные позвоночные Воронежской области: Кадастр.- Белгород.- 612 с.
Образцов Б.В., 1956. Зооэкологический очерк района Деркульской станции по защитному лесоразведению // Труды Ин-та леса, т.30.- С.412-428.
Овчинникова Н.П., 1999. Птицы водно-болотных стаций окрестностей заповедника «Лес на Ворскле» (Белгородская область) // Рус. орнитол. журнал, т.8, № 70.- С.10-23.
Огнев С., 1909. Список птиц из Области Войска Донского // Труды студ. кружка для исслед. русской природы, состоящего при Московск. ун-те, кн.4.- С.148-149.
Огнев С.И., 1913. Поездка в дельту Волги (Доклад, прочитанный в заседании Императорского русского общества акклиматизации животных и растений 20 ноября 1912 г.). - М.- 18 с.
Огнев С.И., Воробьев К.А., 1923. Фауна позвоночных Воронежской губернии.- М.: Новая деревня.- 255 с.
Олейников Н.С., Казаков Б.А., 1970. К экологии усатой синицы (*Panurus biarmicus* L.) на Северном Кавказе // Вестник зоологии, № 6.- С.50-54.
Олейников Н.С., Харченко В.И., 1964. К вопросу об изменении орнитофауны Восточного Приазовья // Науч. сообщения за 1963 г. Серия точных и естеств. наук.- Ростов н/Д.- С.191-192.
Опарин М.Л., Опарина О.С., 2003. Изменение природных комплексов заволжских степей в связи с динамикой климата и антропогенным преобразованием // Поволжск. экол. журн., № 1.- С.31-40.
Опарин М.Л., Опарина О.С., 2006. Динамика населения наземногнездящихся птиц в ходе залежной сукцессии растительности в дерновинно-злаковых степях Заволжья // Поволжский экол. журнал, № 2/3.- С.154-163.
Опарин М.Л., Опарина О.С., Вацке Х., **2002**. *Miliaria calandra*, *Saxicola torquata* и *Melanocorypha leucoptera* в саратовском Заволжье // Рус. орнитол. журнал, т.11, № 186.- С.506-507.
Опарин М.Л., Опарина О.С., Цветкова А.А., **2004**. Выпас как фактор трансформации наземных экосистем семиаридных регионов // Поволжский экол. журнал, № 2.- С.183-199.
Опарина О.С., Опарин М.Л., Илиева М.Н., **2007**. Сообщества мелких воробьиных птиц тростниковых зарослей саратовского Заволжья // Поволжский экол. журнал, № 2.- С.130-139.
Орлов Е.И., 1928. Материалы к познанию фауны наземных позвоночных Калмыцкой области // Материалы к познанию фауны Нижнего Поволжья, вып.2.- Саратов.- С.1-47.

Орлов Е.И., Фенюк Б.К., 1927. Материалы к познанию фауны наземных позвоночных приморской полосы Калмыцкой области // Мат-лы к познанию фауны Нижн. Поволжья, вып.1.- Саратов.- С.39-87.

Орнитологи Южного федерального округа Российской федерации.- Ставрополь, **2006**.- 102 с.

Очагов Д.М., 2017. О залётах красноголового сорокопута на территорию Европейской России // Орнитология, т.41.- С.40-46.

Очаповский В.С., 1965. Пролёт желтоголовой трясогузки на Кавказе // Орнитология, вып.7.- С.483.

Очаповский В.С., 1967. Материалы по фауне птиц Краснодарского края.- Дисс. ... канд. биол. наук.- Краснодар.- 418 с.

Очаповский В.С., 1971. Об иранском подвиде горихвостки (*Phoenicurus phoenicurus samamicus* Habl.) Северо-Западного Предкавказья // Вестник зоологии, № 3.- С.31-34.

Очаповский В.С., 2017. Материалы по фауне птиц Краснодарского края: монография.- Ростов н/Д.- 216 с.

Паевский В.А., 2004. Расселение птиц в Европе: обзор наиболее быстрых экспансий за последние два столетия // Биологические инвазии в водных и наземных экосистемах.- М.- С.186-202.

Паевский В.А., 2011. Сибирские виды воробьиных птиц в Европе: о масштабах и причинах залётов // Рус. орнитол. журнал, т.20, № 632.- С.295-299.

Паевский В.А., 2013. Птицы России и сопредельных стран: садовая славка *Sylvia borin* // Рус. орнитол. журнал, т.22, № 870.- С.1033-1064.

Паевский В.А., 2013. Птицы России и сопредельных стран: славка-завирушка, или славка-мельничек *Sylvia curruca* // Рус. орнитол. журнал, т.22, № 915.- С.2375-2409.

Паевский В.А., 2021. История нескончаемой трансформации систематического положении славок рода *Sylvia* и семейства Sylviidae // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2131.- С.5081-5108.

Паллас П.С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч.3, кн.2.- СПб.: Изд-во Императ. Академии наук.- 480 с.

Панов Е.Н., 1973. Птицы Южного Приморья: фауна, биология, поведение.- Новосибирск: Наука.- 376 с.

Панов Е.Н., 1986. Новые данные по гибридизации плешанки (*Oenanthe pleschanka*) и испанской каменки (*O. hispanica*) // Зоол. журнал, т.65, вып.11.- С.1675-1683.

Панов Е.Н., 1999. Каменки Палеарктики: экология, поведение, эволюция.- М.: КМК.- 342 с.

Панов Е.Н., 2008. Сорокопуты (семейство Laniidae) мировой фауны: Экология, поведение, эволюция.- М.- 650 с.

Панов Е.Н., Булатова Н.Ш., 1972. О совместном обитании и взаимоотношениях пустынных снегирей (*Bucanetes githagineus* Licht. и *Bucanetes mongolicus* Swinh.) // Бюлл. МОИП. Отд. биол., т.77, № 4.- С.86-94.

Панов И.Н., Чернецов Н.С., Шавлохов А.К., **2004**. Об оседлости зябликов (*Fringilla coelebs*) с территории Абхазии // Биол. разнообразие Кавказа: Труды 3 международн. конф., т.1.- Нальчик.- С.191-194.

Панченко С.Г., 1972. Птицы Луганской области.- Луганск.- 108 с.

Панченко С.Г., 1974. Современное состояние орнитофауны юго-востока Украины // Мат-лы 6 Всесоюзн. орнитол. конф., ч.1.- М.- С.224-225.
Панченко С.Г., 1976. О новых находках каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina* Temm.) на Украине // Вестник зоологии, № 6.- С.24-27.
Панченко С.Г., 1977. О гнездовании малого жаворонка в Провальской степи // VII Всесоюзн. орнитол. конф., ч.1.- Киев: Наук думка.- С.94-95.
Панченко С.Г., Лесничий В.В., 1985. О гнездовании желтоголовой трясогузки в Ворошиловградской области // Вестник зоологии, № 1.- С.81-82.
Паньков В.Е., 2022. Тугайный соловей // Стрепет, т.20, вып.2.- С.152.
Парфёнов А.В., Бидашко Ф.Г., 2017. Распространение тонкоклювой камышевки (*Lusciniola melanopogon*) в Волго-Уральском междуречье // *Selevinia*, т.25.- С.133-135.
Парфенов Е.А., 2007. О некоторых редких, пролетных и залетных птицах района Кавказских Минеральных Вод и сопредельных территорий // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рац. использование.- Ставрополь.- С.89-103.
Парфенов Е.А., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., **2005**. Заметки о некоторых врановых юга Ставрополья // Экология врановых птиц в условиях естеств. и антропоген. ландшафтов России: Мат-лы 7 Всеросс. науч. конф. по изучению экологии врановых птиц России.- Казань.- С.131-134.
Парфёнов Е.А., Шведов Р.Н., Григорян С.А., Пашков О.Г., Юдин С.А., Красулина Д.Е., Байрамукова А.А-А., **2006**. О стенолазе на Кавказских Минеральных Водах // Кавказ. орнитол. вестник, вып.18.- С.184-187.
Патрикеев М.В., 1991. О птицах горы Беюк-Даш (Гобустан, Восточный Азербайджан) // Фауна, население и экология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.56-59.
Пашковский С.П., 1965. Большая бормотушка в Белгород-Днестровском (Измаильская область // Орнитология, вып.7.- С.287-289.
Пекло А.М., 1974. Новый залёт кедровок сибирских (*Nucifraga caryocatactes macrorhynchos* Brehm) на Кубань // Вестник зоологии, № 1.- С.82.
Пекло А.М., 1987. Мухоловки фауны СССР.- Киев: Наук. думка.- 180 с.
Пекло А.М., 2002. Каталог коллекций Зоологического музея ННПМ НАН Украины: Птицы, вып.3: Воробьинообразные – Passeriformes.- Киев.- 312 с.
Пекло А.М., 2008. Каталог коллекций Зоологического музея ННПМ НАН Украины: Птицы, вып.4: Воробьинообразные – Passeriformes.- Киев.- 410 с.
Пекло А.М., Тильба П.А., 1991 [2010]. Новые виды птиц для фауны Краснодарского края // Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2, кн.2.- Минск.- С.141-142.
Пекло А.М., Тильба П.А., 1992. Заметки о новых птицах Краснодарского края // Кавказ. орнитол. вестник, вып.4, ч.2.- С.209-210.
Пекло А.М., Тильба П.А., 2007. Птицы Советского лесничества (Западное Предкавказье) // Збірник праць зоол. музею, № 39.- Київ.- С.69-80.
Пекло А.М., Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., **2019** [2021]. Новые встречи некоторых редких и малоизученных видов птиц на Северо-Западном Кавказе (Краснодарский край и Республика Адыгея) // Беркут, т.28, вып.1-2.- С.18-22.
Перевозов А.Г., 2008. Варакушка – новый зимующий вид России // Орнитология, вып.35.- С.113.
Перевозов А.Г., 2010. Изменение сообществ гнездящихся птиц вдоль высотного градиента на Западном Кавказе.- Дисс. … канд. биол. наук.- Майкоп.- 214 с.

Перевозов А.Г., 2012. Черноголовая гаичка // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительн. мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп.- С.414.
Перевозов А.Г., 2014. Орнитофауна Кавказского заповедника и сопредельных территорий // Труды Кавказ. заповедника, вып.21.- С.109-171.
Перевозов А.Г., 2017. Аннотированный список птиц, отмеченных в Кабардино-Балкарском высокогорном заповеднике // Стрепет, т.15, вып.2.- С.115-116.
Перевозов А.Г., 2017. Большая чечевица в Кавказском заповеднике // Стрепет, т.15, вып.1.- С.106-111.
Перевозов А.Г., 2017. Пёстрый каменный дрозд в Кавказском заповеднике // Стрепет, т.15, вып.1.- С.102-105.
Перевозов А.Г., 2017. Пестрый каменный дрозд. Стенолаз. Большая чечевица // Красная книга Краснодарск. края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.582-586.
Перевозов А.Г., 2019. Массовая зимовка вьюрков в Кавказском заповеднике зимой 2017/2018 года // Стрепет, т.17, вып.2.- С.96-97.
Перевозов А.Г., 2020. Рыжепоясничная ласточка // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.114.
Перевозов А.Г., 2022. Новые данные о распространении рыжегрудого поползня на Западном Кавказе // Стрепет, т.20, вып.1.- С.84-88.
Перевозов А.Г., 2022. Орнитофауна Лагонакского нагорья // Труды Кавказского заповедника, вып.24.- С.35-60.
Перевозов А.Г., 2023. Динамика орнитофауны Кавказского заповедника за последние 20 лет // Второй Всероссийский орнитол. конгресс: Тез. докл.- М.: КМК.- С.203.
Перевозов А.Г., Джамирзоев Г.С., 2011. Материалы к орнитологической фауне дельты реки Самур // Труды заповедника «Дагестанский», вып.4.- С.139-147.
Перевозов А.Г., Любкин Д., Поляков А., **2021**. Рыжепоясничная ласточка // Стрепет, т.19, вып.1-2.- С.142-143.
Перевозов А.Г., Тильба П.А., 2017. Красноголовый королек // Красная книга Краснодарского края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.581-582.
Петров В.С., 1963. К орнитофауне пойменных лесов нижнего течения Дона // Науч. сообщ. за 1962 г. Сер. точных и естеств. наук.- Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.241.
Петров В.С., 1965. Новые виды в летней орнитофауне Ростовской области // Орнитология, вып.7.- С.484-485.
Петров В.С., 1975. Наземные и полуводные животные Ростовской области // Природа Донского края: Науч.-популярн. статьи и очерки.- Ростов н/Д.: Кн. изд-во.- С.160-168.
Петров В.С., 1990. О некоторых редких птицах Ростовской области // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.69-74.
Петров В.С., Заболотный Н.Л., Хохлов А.Н., **1990**. О зимовке скворца *Sturnus vulgaris* на Северо-Западном Кавказе // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Труды Тебердинск. заповедника, вып.11. - Ставрополь.- С.195-208.
Петров В.С., Казаков Б.А., 1970. О гнездовании некоторых птиц в Нижнем Подонье и Западном Предкавказье // Мат-лы IV научн. конф. зоологов пед. ин-тов. - Горький. - С.373-374.
Петров В.С., Казаков Б.А., 1970а. Орнитофауна искусственных лесов северной

части Западного Предкавказья // Влияние антропоген. факторов на формирование зоогеограф. комплексов: 5 межвуз. зоогеограф. конф.: Мат-лы докл., ч.2.- Казань.- С.125-126.

Петров В.С., Курдова Л.Г., 1961. К орнитофауне окрестностей озера Абрау // Труды Новоросс. биол. станции.- Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.- С.137-141.

Петров В.С., Курдова Л.Г., 1973. К орнитофауне Донского лесхоза // Сб. науч. трудов Донского сельхоз. ин-та, т.8, вып.2.- Персиановка.- С.159-164.

Петров В.С., Ломадзе Н.Х., Хохлов А.Н., Белик В.П., **1992**. Скворец на Северо-Западном Кавказе // Кавказский орнитол. вестник, вып.4, ч.2.- С.211-214.

Петров В.С., Миноранский В.А., 1962. Летняя орнитофауна озера Маныч-Гудило и прилежащих степей // Орнитология, вып.5. - С.266-275.

Петров В.С., Нечаев Б.А., 1962. Орнитофауна древесно-кустарниковых насаждений Манычского лесхоза // Мат-лы Третьей Всесоюзн. орнитол. конф., кн.2.- Львов.- С.133-134.

Петрович З.Й., 2013. Знахідка чорногрудого горобця (*Passer hispaniolensis*) у Криму // Беркут, т.22, вып.2.- С.150,173.

Пилюга В.И., 1998. Новый вид орнитофауны Украины // Бранта, вип.1.- С.119-120.

Пименов В.Н., Белик В.П., 2012. Миграции овсянки-ремез в Волгоградской области // Стрепет, т.10, вып.2.- С.134.

Пименов В.Н., Жменя А.В., 2012. Овсянка-ремез // Стрепет, т.10, вып.2.- С.156.

Пименов В.Н., Жменя А.В., 2015. Горная чечетка // Стрепет, т.13, вып.2.- С.127.

Пименов В.Н., Жменя А.В., 2019. Чечетка пепельная // Стрепет, т.17, вып.2.- С.124.

Пирогов Н.Г., 2021. Новые виды птиц Богдинско-Баскунчакского заповедника // Биол. разнообразие природных и антропогенных ландшафтов: Изучение и охрана: Сб. мат-лов 2 Международн. науч.-практ. конф.- Астрахань.- С.163-165.

Пискунов В.В., 2006. Степной жаворонок // Красная книга Саратовской области: Грибы. Лишайники. Растения. Животные.- Саратов.- С.454-455.

Пискунов В.В., Опарин М.Л. 2012. Структурные особенности сообществ птиц тростниковых зарослей средней зоны Волгоградского водохранилища // Поволжский экол. журнал, № 4.- С.464-468.

Пишванов Ю.В., Газалиев Н.И., 1986. Численность и биомасса фоновых птиц в естественных биоценозах Терско-Кумской низменности // Изв. Сев.-Кавказск. науч. центра высшей школы, № 4.- С.110-114.

Плеске Ф.Д., 1890. Ornithographia Rossica. Орнитологическая фауна Российской империи, т.2, вып.3: *Hypolais* и *Lusciniola*.- СПб.- С.321-431+XXXIII.

Плеске Ф.Д., 1917. К вопросу о перелёте птиц через главный Кавказский хребет // Орнитол. вестник, т.8, № 3/4- С.198-200.

Плотников Г.К., 2000. Фауна позвоночных Краснодарского края.- Краснодар.- 232 с.

Подольский А.Л., Завьялов Е.В., 1996. Редкие и исчезающие птицы на страницах региональной Красной книги // Фауна Саратов. области: Пробл. сохранения редких и исчезающ. видов: Сб. науч. трудов, т.1, вып.1.- Саратов: Колледж.- С.36-47.

Подольский А.Л., Харин В.Л., 1984. Некоторые случаи нетипичного гнездования птиц в Саратовской и Воронежской областях // Орнитология, вып.19.- С.209-210.

Поливанов В.М., 1988. Птицы // Красная книга Карачаево-Черкесии.- Ставрополь: Кн. изд-во.- С.42-77.

Поливанов В.М., 1990. Видимый осенний пролет птиц через Клухорский перевал // Миграции и зимовки птиц Сев. Кавказа: Сб. науч. трудов: Тебердинск. заповедник, вып.11.- Ставрополь: Кн. изд-во.- С.31-47.

Поливанов В.М., 2000. О структуре летнего населения птиц Тебердинского заповедника // Птицы различных ландшафтов России, их экология и охрана: Труды Тебердинск. биосферн. зап-ка, вып.18.- Ставрополь.- С.130-181.

Поливанов В.М., Бершицкая Т.В., 2006. Чеканы и каменки Тебердинского заповедника // Кавказ. орнитол. вестник, вып.18.- С.187-195.

Поливанов В.М., Витович О.А., Ткаченко И.В., **2000**. Птицы Скалистого хребта // Птицы различных ландшафтов России, их экология и охрана: Труды Тебердинск. биосферн. зап-ка, вып.18.- Ставрополь.- С.101-129.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., 1986. Экология лесных птиц северных макросклонов Северо-Западного Кавказа // Орнитол. исследования на Сев.-Зап. Кавказе: Труды Тебердинск. заповедника, вып.10.- С.10-164.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., 1990. Состояние популяции черноголового (рыжегрудого) поползня в Ставропольском крае // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.77-80.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., 1997. К экологии кавказской горихвостки-чернушки // Кавказ. орнитол. вестник, вып.9.- С.112-115.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., 2001. Черноголовый (рыжегрудый) поползень – *Sitta krueperi* Pelz. на Кавказе // Акт. проблемы изучения и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии: Мат-лы международн. конф. (XI Орнитол. конф.).- Казань.- С.496-497.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., 2002. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.100: Позвоночные животные Тебердинского заповедника.- М.- С.14-43.

Поливанов В.М., Поливанова Н.Н., Витович О.А., **1985**. Видимый пролет птиц через Тебердинский заповедник // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.19-33.

Поливанов В.М., Тельпов В.А., 1998. Белозобый дрозд *Turdus torquatus amicorum* Hartert на Северном Кавказе // Рус. орнитол. журнал, т.7, № 42.- С.17-21.

Поливанова Н.Н., Салпагаров Д.С., 2002. К 20-летнему юбилею Северокавказской орнитологической группы // Птицы Южн. России: Мат-лы Международн. орнитол. конф.: Труды Тебердинск. заповедника, вып.31.- Ростов н/Д.- С.11-18.

Полуда А.М., Цуканова С.В., Баев В.А., Жмуд М.Е., **1995**. Бледная пересмешка в заповеднике «Дунайские плавни» // Вестник зоологии, № 5-6.- С.85-86.

Попенко В.М., 1977. Количественная характеристика жаворонков в открытых пространствах Левобережной степи УССР // VII Всес. орнитол. конф.: Тез. докл., ч.1.- Киев.- С.96-98.

Попенко В.М., 1979. Особенности распределения жаворонков (Aves, Alaudidae) в основных биотопах Левобережной степи Украины // Вестник зоологии, № 2.- С.40-43.

Попенко В.М., Кинда В.В., 2001. Красноголовый сорокопут на юге Украины // Бранта, вып.4.- С.128-133.

Попенко В.М., Черничко И.И., Ветров В.М., **2003**. Гнездящиеся птицы древесно-кустарниковых насаждений Жебриянской гряды // Бранта, вып.3.- С.65-77.

Попович А.В., 2021. Пустынный снегирь // Стрепет, т.19, вып.1-2.- С.145.

Попович А.В., Лучкин М.В., 2017. Испанская каменка // Стрепет, т.15, вып.2.-

С.131.
Попович А.В., Семенова О.Е., 2018. Орнитофауна природного комплекса «Суджукская лагуна – Прилагунье» // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.5: Сб. статей 5 Всеросс. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.267-290.
Портенко Л.А., 1954. Птицы СССР, ч.3.- М.-Л.: Изд. АН СССР.- 255 с.
Портенко Л.А., 1955. Новые подвиды воробьиных птиц. [1] (Aves, Passeriformes) // Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.18.- С.493-507.
Портенко Л.А., 1960. Птицы СССР, ч.4.- М.-Л.: Изд. АН СССР.- 415 с.
Портенко Л.А., 1981. Географическая изменчивость темнозобых дроздов (*Turdus ruficollis* Pallas) и её таксономическая оценка // Труды Зоол. ин-та АН СССР, т.102.- С.72-109.
Пославский А.Н., 1974. К орнитогеографической характеристике Северного Прикаспия // Орнитология, вып.11.- С.238-252.
Прихня С.Г., Дзуев Р.И., 2000. Розовый скворец // Красная книга Кабардино-Балкарской Республики: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений.- Нальчик.- С.127-128.
Прокопенко С.П., 2013. Спостереження зозулі чубатої, *Clamator glandarius* (Aves, Cuculiformes), в Криму // Вестник зоологии, т.47, № 2.- С.178.
Прокопенко С.П., Бескаравайный М.М., Кучеренко В.Н. **2012**. О гнездовании рыжепоясничной ласточки (*Hirundo daurica*) в Крыму // Бранта, вып.15.- С.162-165.
Птицы Южной России: Материалы Международной орнитологической конференции: Труды Тебердинского заповедника, вып.31.- Ростов н/Д., **2002**.- 182 с.
Птушенко Е.С., 1915. К орнитофауне Кубанской области // Орнитол. вестник, № 2. - С.115-117.
Птушенко Е.С., 1949. О заселении птицами полезащитных насаждений Сталинградской области // Охрана природы, сб.9.- М.: Изд-во ВООП.- С.26-51.
Птушенко Е.С., 1954. Род пересмешки-бормотушки // Птицы Сов. Союза, т.6.- М.: Сов. Наука.- С.310-330.
Птушенко Е.С., 1959. Об особенностях осеннего пролета птиц на Черноморском побережье Кавказа // Орнитология, вып.2.- С.200-207.
Птушенко Е.С., Иноземцев А.А., 1968. Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий.- М.: Изд-во МГУ.- 461 с.
Пузанов И.И., 1938. Орнитофауна Северо-Западной Черкесии и некоторые соображения о ее происхождении и связях // Труды зоол. сектора Груз. филиала АН СССР, т.2.- С.125-180.
Пузанов И.И., 1949. Материалы для изучения природы (преимущественно орнитофауны) Приморской Черкессии. Предварительное сообщение. // Учен. зап. Горьковск. ун-та, вып.14.- С.33-38.
Пузанов И.И., 2014. Мемуары, т.2.- Одесса.- 520 с.
Пшегусов Р.Х., 2018. Воробей каменный. Вьюрок снежный // Красная книга Кабардино-Балкарской Республики.- 2-е изд.- Нальчик.- С.419-420.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии // Стрепет, **2005**, т.3, вып.1-2.- С.123-124.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2013 году // Стрепет, **2013**, т.11, вып.2.- С.116-120.

Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2014 году // Стрепет, **2014**, т.12, вып.1-2.- С.185-192.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2015 году // Стрепет, **2015**, т.13, вып.2.- С.120-127.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2016 году // Стрепет, **2016**, т.14, вып.1-2.- С.214-224.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2018 году // Стрепет, **2018**, т.16, вып.1-2.- С.123-128.
Работа Северокавказской орнитофаунистической комиссии в 2021 году // Стрепет, **2021**, т.16, вып.1-2.- С.139-145.
Равкин Е.С., Бурский О.В., Вартапетов Л.Г., Фомин Б.Н., **1990**. Зимнее население птиц некоторых ландшафтов Северо-Восточного Кавказа // Миграции и зимовки птиц Северного Кавказа. Ставрополь. - С.188-194.
Радде Г.И., 1884. Орнитологическая фауна Кавказа (Ornis Caucasica): Систематическое и биолого-географическое описание кавказских птиц.- Тифлис.- 451 с.
Радде Г.И., 1899. Коллекции Кавказского музея, обработанные совместно с учеными специалистами и изданные Г.И. Радде, т.1: Зоология.- Тифлис.- 521 с.
Радищев А.М., 1926. Материалы к познанию авифауны Кабарды и Балкарии (отряды Passeriformes и Coraciiformes) // Учен. зап. Сев.-Кавказск. ин-та краеведения, т.1.- Владикавказ.- С.119-146.
Рашкевич Н.А., 1956. К экологии чернолобого сорокопута в искусственных лесонасаждениях Сальской степи // Зоол. жур., т.35, вып.2.- С.1379-1383.
Рашкевич Н.А., 1956. О расширении ареала черноголовой овсянки // Зоол. журн., т.35, вып.7. - С.1096-1097.
Рашкевич Н.А., 1957. О формировании фауны и распределении птиц в степных полезащитных лесонасаждениях // Учен. зап. Кара-Калпак. пед. ин-та, вып.1.- С.243-261.
Рашкевич Н.А., 1973. Численность и характер пребывания массовых птиц в ландшафтах Чечено-Ингушетии // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра Высш. шк. Сер. естеств.-геогр. наук, № 3.- С.54-57.
Рашкевич Н.А., 1980. Мир пернатых. Птицы Чечено-Ингушетии.- Грозный.- 208 с.
Редінов К.О., Петрович З.О., 2011. Нове спостереження вівсянки-ремеза (*Emberiza rustica*) в Україні // Бранта, вып.14.- С.162-163.
Редькин Я.А., 2000. Критические замечания по поводу статьи Н.Н. Балацкого «Ревизия трясогузковых Motacillidae авифауны России» // Русск. орнитол. журнал, т.9, № 118.- С.3-13.
Редькин Я.А., 2001. Новые представления о таксономической структуре группы «жёлтых трясогузок» // Достижения и проблемы орнитологии Сев. Евразии на рубеже веков.- Казань.- С.150-165.
Редькин Я.А., 2001. Новый подвид красноголового королька *Regulus ignicapillus* (Temmink, 1820) (Regullidae, Passeriformes) из Горного Крыма // Орнитология, вып.29.- С.98-104.
Редькин Я.А., 2003. К описанию крымского красноголового королька *Regulus ignicapillus tauricus* Redkin, 2001 (Regulidae, Passerifonnes) // Орнитология, вып.30.- С.164-171.
Редькин Я.А., 2005. Об определении подвидовой принадлежности желтоголовой трясогузки *Motacilla citreola* в Подмосковье // Русск. орнитол. журнал, т.14, № 292.- С.608-610.

Редькин Я.А., 2018. Подвиды дубровника *Ocyris aureolus* (Pallas, 1773) // Первый Всеросс. орнитол. конгресс: Тез. докл.- Тверь.- С.274.

Редькин Я.А., 2023. Подвиды лесного конька фауны России и сопредельных регионов // Второй Всерос. орнитол. конгресс: Тез. докл.- СПб.–М.- С.221-222.

Редькин Я.А., Архипов В.Ю., Волков С.В., Мосалов А.А., Коблик Е.А., **2015**. Вид или не вид? Спорные таксономические трактовки птиц Северной Евразии // XIV Международн. орнитол. конф. Сев. Евразии. II. Доклады.- Алматы.- С.104-138.

Редькин Я.А., Бабенко В.Г., 1999. Материалы по распространению и систематике форм группы жёлтых трясогузок (подрод *Budytes*) на Дальнем Востоке России (по авифауне Приамурья) // Русск. орнитол. журнал, т.8, № 85.- с.3-28.

Редькин Я.А., Коновалова М.В., 2005. К вопросу о внутривидовой систематике коноплянки *Acanthis cannabina* (Linnaeus, 1758) // Орнитология, вып.32.- С.13-22.

Резник П.А., 1940. Зоологические заметки // Труды Ворошиловского пед. ин-та, т.2.- С.193-201.

Реуцкий Н.Д., 2014. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам (часть вторая) // Астраханск. вестник экол. образования, № 2 (28).- С.121-159.

Реуцкий Н.Д., 2015. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам (часть пятая) // Астраханск. вестник экол. образования, № 1 (31).- С.75-108.

Реуцкий Н.Д., 2015. Аннотированный список птиц Астраханского региона с указанием их распределения по природно-территориальным комплексам (часть шестая) // Астраханск. вестник экол. образования, № 3 (33).- С.27-88.

Рогачева Э.В., Сыроечковский Е.Е., Черников О.А., **2008**. Птицы Эвенкии и сопредельных территорий.- М.: КМК.- 754 с.

Роменский А.В., Чугай С.С., 1998. К вопросу о распространении и численности желтоголовой трясогузки в Донецкой области // Бранта: Сб. науч. трудов Азово-Черноморск. орнитол. станции, вып.1.- Мелитополь-Симферополь.- С.123.

Россиков К.Н., 1884а. Обзор зимней фауны птиц восточной части долины р. Малки // Записки Академии наук, т.49. Приложение № 4.- С.1-48.

Россиков К.Н., 1884*б*. Поездка в Чечню и нагорный Дагестан (с орнитологической целью) // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.13, вып.1.- С.213-277.

Россиков К.Н., 1884в. Конхидатль и Нижнее Энхели (из поездки в Нагорный Дагестан) // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.13, вып.1.- С.278-306.

Россиков К.Н., 1885. Поездка в юго-западную часть горной Чечни и в западный Дагестан // Изв. Кавказск. отд. РГО, кн.9, вып.1.- С.99-103.

Россиков К.Н., 1888. Результаты наблюдений над птицами западной части северо-восточного Кавказа // Труды С.-Петерб. об-ва естествоиспыт. Отдел зоол. и физиологии, т.19.- С.36-57.

Россиков К.Н., 1890. В горах Северо-Западного Кавказа (Поездка в Заагдан и к истокам р. Большой Лабы с зоо-географической целью) // Изв. Русск. геогр. об-ва, т.26, вып.4.- С.193-256.

Россиков К.Н., 1894. Ледник Цити на северном склоне Бокового Кавказского хребта // Изв. РГО, т.29, вып.6.- С.495-518.

Рудовский В.С., 2014. Летняя фауна и население птиц сельских населенных пунктов Абраусского полуострова (Краснодарский край) // Изв. высших учебн. заведений. Сев.-Кавказ. регион. Серия: Естеств. науки, № 3.- С.75-80.

Рупасов С.В., 2018. Материалы к орнитофауне заповедника «Утриш» и прилегающих территорий в весенний и осенний периоды 2017 года // Русск. орнитол. журнал, т.27, № 1641.- С.3420-3428.

Рупасов С.В., Комарова Е.В., Кильпио С.Д., Коломийц П.С., Конкин М.Д., Лисняк Р.М., **2021**. Материалы к орнитофауне Самурского заказника в позднеосенний период // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2134.- С.5230-5235.

Рупасов С.В., Комарова Е.В., Кильпио С.Д., Сидоров М.С., Шлуинская М.А., **2022**. Материалы к орнитофауне окрестностей озера Эльтон весной 2021 года // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2154.- С.364-374.

Рупасов С.В., Комарова Е.В., Дегтярёва К.Е., Исайчев А.А., Мельников Н.А., Мельникова Т.А., Трусов Г.А., **2022а**. Материалы к орнитофауне окрестностей озера Эльтон в весенний период 2022 года // Рус. орнитол. журнал, т.31, № 2213.- С.3387-3398.

Рупасов С.В., Комарова Е.В., Трусов Г.А., Фроликов Б.Р., **2022*б***. Материалы к орнитофауне национального парка «Самурский» и заказника «Тляратинский» (подразделения заповедника «Дагестанский») в июне 2022 года // Рус. орнитол. журнал, т.31, № 2209.- С.3185-3194.

Русанов Г.М., 2011. Птицы Нижней Волги.- Астрахань: Волга.- 390 с.

Русанов Г.М., Реуцкий Н.Д., Кривоносов Г.А., Гаврилов Н.Н., Литвинова Н.А., Бондарев Д.В., 1999. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.75: Позвоночные животные Астраханск. заповедника.- М.- С.27-64.

Русанов Г.М., Русанова Е.Г., Русанова Ж.А., **2016**. Полвека в заповедной природе.- Астрахань.- 216 с.

Русанов Г.М., Таранов Ю.В., 2017. Белозобый дрозд // Стрепет, т.15, вып.2.- С.131.

Русанов Г.М., Таранов Ю.В., Левченко Д.Б., **2015**. Синий каменный дрозд // Стрепет, т.13, вып.2.- С.126-127.

Рустамов А.К., 1954. Птицы пустыни Каракум.- Ашхабад: АН ТССР.- 344с.

Рустамов А.К., 1958. Птицы Туркменистана, т.2.- Ашхабад: Изд-во АН ТССР.- 252 с.

Рустамов Э.А. (ред.), 2013. Птицы Туркменистана: Полевой иллюстрированный определитель.- Ашхабад.- 688 с.

Рябицев В.К., 2001. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель.- Екатеринбург.- 608 с.

Рябицев В.К. (ред.), 2019*а*. Птицы Средней Азии: Справочник-определитель, т.1.- Москва-Екатеринбург.- 392 с.

Рябицев В.К. (ред.), 2019*б*. Птицы Средней Азии: Справочник-определитель, т.2.- Москва-Екатеринбург.- 400 с.

Рябицев В.К., 2020. Птицы европейской части России: справочник-определитель, т.2.- Москва – Екатеринбург.- 427 с.

Рябов Л.С., Семаго Л.Л., 1962. Новые данные к фауне птиц и млекопитающих юго-восточной части Воронежской области // Охрана природы Центр.-Черноземной полосы, сб.9.- Воронеж.- С.227-232.

Савицкий Р.М., 2015. Весенняя миграция воробьиных птиц в долине Маныча //

Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование и охрана: Мат-лы Междунар. конф.- Ростов н/Д.- С.220-222.
Савицкий Р.М., 2015. Овсянка-ремез *Emberiza rustica* на юге Европейской России // Международ. журн. прикладных и фундаментальных исследований, вып.11/12.- С.277-299.
Савицкий Р.М., Ефремов Г.В., 2016. Овсянка-ремез // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.224.
Садыгова Н.А., 2008. Изменение гидрологической сети и размещения птиц в Азербайджане // Кавказ. орнитол. вестник, вып.20.- С.192-199.
Сазанов Л.И., Дейнекина Т., Алхасова Ж., **1961**. Активность птиц в гнездовый период // Уч. зап. Каб.-Балкар. ун-та, вып.10.- Нальчик.- С.205-208.
Самородов Ю.А., 1968. О зимнем питании жаворонков Калмыкии // Орнитология, вып.9.- С.371-373.
Самородов Ю.А., 1981. Зимующие птицы Калмыкии и сопредельных территорий: Учебное пособие. - Элиста: Калмыцкий ун-т.- 108 с.
Самородов Ю.А., 1982. Птицы древнего протока Волги – р. Сарпы и сопредельных территорий Северо-Западного Прикаспия // Животный мир Калмыкии, его охрана и рац. использование.- Элиста.- С.47-101.
Самородов Ю.А., 1989. Об орнитофауне северо-западного Прикаспия // Орнитол. ресурсы Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.74-76.
Самородов Ю.А., Бадмаева В.И., 1981. Об орнитофауне Сарпинской долины, возвышенности Ергени и Чограйского водохранилища // Наземные и водные экосистемы.- Горький.- С.- 128-137.
Сара М., 2007. Предварительный обзор авифауны в районе пос. Малый Утриш // Ландшафтное и биол. разнообразие Сев.-Зап. Кавказа.- М.: Геофак МГУ.- С.90-99.
Сарандинаки Г., 1909. Некоторые данные для орнитологии Ростовского н/Д. округа Донской области // Сб. студенч. биол. кружка при Новороссийском унте, № 4. - С.1-75.
Сарычев В.С. (ред.), 2009. Позвоночные Липецкой области: Кадастр.- Воронеж: ВГУ.- 494 с.
Сарычев В.С., 1989. Желтоголовая трясогузка в Верхнем Подонье // Бюл. МОИП. Отд. биол., т.94, вып.5.- С.25-30.
Сарычев В.С., 2017. Современное состояние усатой синицы *Panurus biarmicus* (Linnaeus, 1758) в Липецкой области // Байкальский зоол. журнал, № 2 (21).- С.28-33.
Сатунин К.А., 1907. Материалы к познанию птиц Кавказского края // Зап. Кавказ. отд. РГО, кн.26, вып.3. - С.1-114.
Сатунин К.А., 1910. Несколько слов о вертикальном распространении *Saxicola isabellina* Rüpp. в Кавказском крае // Орнитол. вестник, № 3.- С.204-205.
Сатунин К.А., 1911. К орнитологии Батумской области // Изв. Кавказск. музея, т.5, вып.4.- С.281-290.
Сатунин К.А., 1911. Систематический каталог птиц Кавказского края // Зап. Кавказск. отд. РГО, кн.28, вып.1.- С.1-86.
Сатунин К.А., Берг Л.С., Кириченко А.Н., Муралевич В.С., **1913**. Фауна Черноморского побережья Кавказа // Труды Об-ва изучения Черноморского побережья, т.2.- СПб.- VII+248 с.

Свиридова Т.В., Зубакин В.А. (ред.), 2000. Ключевые орнитологические территории России, т.1: Ключевые орнитологические территории международного значения в Европейской России.- М.: СОПР.- 702 с.

Северцов Н.А., 1855. Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии. - М.- 430 с.

Семаго Л.Л., 1972. Орнитофауна Воронежа // Антропогенные ландшафты Центр. Черноземных областей и прилегающих территорий.- Воронеж.- С.78-80.

Семаго Л.Л., Сарычев В.С., Иванчев В.П., **1984**. Материалы по редким видам птиц Верхнего Дона // Орнитология, вып.19.- С.187-188.

Семёнова О.Е., 2020. Черногрудый воробей // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.116.

Семёнова О.Е., Филиппова А.И., Попович А.В., **2019**. Дополнения к орнитофауне природного комплекса «Суджукская лагуна – Прилагунье» // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.6: Сборн. статей VI Всероссийск. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.265-279.

Семенцова М.В., Аксёнов А.М., 2007. Материалы по авифауне низовий Кумы и северо-западных окраин Кизлярского залива // Труды заповедника «Дагестанский», вып.1.- С.40-70.

Серебровский П.В., 1925. Результаты орнитологических наблюдений в Закатальском округе Закавказья в 1916 г. // Новые мемуары МОИП, т.18, вып.2.- С.1-85.

Сиденко М.В., 1997. О гнездовании горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*) в Ростове-на-Дону // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем Кавказа.- Ставрополь.- С.123-124.

Сиденко М.В., 2003а. Редкие птицы г. Ростова-на-Дону // Стрепет, вып.1.- С.120-122.

Сиденко М.В., 2003*б*. Современное состояние некоторых видов дендрофильных птиц в г. Ростове-на-Дону // Стрепет, вып.2.- С.36-41.

Сиденко М.В., 2004. Орнитофауна города Ростова-на-Дону (состав, динамика, распределение, численность и пути формирования).- Дис. ... канд. биол. наук.- Ставрополь: СГПУ.- 358 с.

Сиденко М.В., Воробьёва Л.В., Волчан О.В., **2017**. О гнездовании больших синиц *Parus major* и лазоревок *Parus caeruleus* в вертикальных металлических трубах вольерных ограждений в зоопарке Ростова-на-Дону // Рус. орнитол. журнал, т.26, № 1431.- С.1512-1519.

Сикорский И.А., 2016. Черногрудый воробей *Passer hispaniolensis* – новый гнездящийся вид орнитофауны Крыма // Рус. орнитол. журнал, т.25, № 1322.- С.2961-2966.

Симкин Г.Н., Ильичев В.Д., 1965. Географическая изменчивость голоса животных как экологическая и эволюционная проблема // Зоол. журнал, т.44, вып.4.- С.483-493.

Сиренко В.А., Мартынов В.В., 1998. Фауна наземных позвоночных природного Украинского степного заповедника (Пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие. Аннотированный список видов) // Труды филиала Укр. степн. заповедника «Каменные могилы» (юбил. сборник), вып.1.- Киев.- С.63-82.

Смогоржевский Л.А., 1994. О весеннем пролёте красноголового сорокопута на Украине // Беркут, т.3, вып.2.- С.127.

Соколов А.Ю., 2007. Птицы Бобровского Прибитюжья // Труды. Воронежск. заповедника, т.25.- С.133-193.

Соколов А.Ю., 2008. О расширении гнездового ареала московки в Воронежской области // Мат-лы регионального совещания «Проблемы ведения Красной книги».- Липецк.- С.133-135.

Соколов А.Ю., 2011. Новые виды птиц в фауне Прибитюжья (Воронежская область) // Орнитология, вып.36.- С.223-224.

Соколов А.Ю., 2012. Ещё одна находка северной бормотушки *Hippolais caligata* в Воронежской области // Рус. орнитол. журнал, т.21, № 765.- С.1361-1363.

Соколов А.Ю., 2013а. Квадрат 37UES3. Воронежская область // Фауна и население птиц Европ. России: Ежегодник Программы "Птицы Москвы и Подмосковья", № 1.- С.277-280.

Соколов А.Ю., 2013*б*. Квадрат 37UFS1. Воронежская область // Фауна и население птиц Европ. России: Ежегодник Программы "Птицы Москвы и Подмосковья", № 1.- С.309-312.

Соколов А.Ю., 2014. Встреча северной бормотушки *Hippolais caligata* в Белгородской области // Русск. орнитол. журнал, т.23, № 1049.- С.2908-2909.

Соколов А.Ю., 2015. Современное состояние популяции просянки на юге Центрального Черноземья // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международ. конф.- Ростов н/Д.- С.142-151.

Соколов А.Ю., 2015. О встречах регионально редких видов птиц на юге Центрального Черноземья в 2000-2015 гг. // Русск. орнитол. журнал, т.24, № 1226.- С.4473-4490.

Соколов А.Ю., 2016. Новое место вероятного гнездования северной бормотушки *Hippolais caligata* в Воронежской области // Рус. орнитол. журнал, т.25, № 1357.- С.4175-4177.

Соколов А.Ю., 2018а. Серый сорокопут // Красная книга Воронежской области, т.2: Животные.- Воронеж.- С.394.

Соколов А.Ю., 2018*б*. К распространению и экологии серого сорокопута на юге Центрального Черноземья // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.99-105.

Соколов А.Ю., 2019. Каменка-плясунья // Красная книга Белгородской обл.: Редкие и исчезающие растения, лишайники, грибы и животные.- Белгород.- С.599.

Соколов А.Ю., 2019. Многолетнее гнездование поползня *Sitta europaea* в полости бетонной опоры ЛЭП // Рус. орнитол. журнал, т.28, № 1827.- С.4549-4551.

Соколов А.Ю., 2022. Многолетние изменения фауны и населения птиц нагорной дубравы «Лес на Ворскле» (Белгородская область) // Полевой журнал биолога, т.4, № 2.- С.166-178.

Соколов А.Ю., 2022а. К авифауне Калачской излучины р. Дон (Волгоградская область) // Стрепет, т.20, вып.1.- С.65-69.

Соколов А.Ю., 2022*б*. Результаты орнитологических наблюдений в Калачской излучине р. Дон в 2022 г. // Стрепет, т.20, вып.2.- С.102-108.

Соколов А.Ю., Венгеров П.Д., 2010. Зависимость плотности населения и видового состава птиц луговых комплексов от степени увлажненности местообитаний // Науч. ведомости Белгородск. ун-та. Сер. Естеств. науки, № 21 (92), вып.13.- С.82-88.

Соколов А.Ю., Простаков Н.И., Еремина Н.М., 1999. Новые данные о видах позвоночных животных, отмеченных в Хреновском бору и на сопредельных территориях // Состояние и проблемы экосистем Среднерусской лесостепи,

вып.13.- Воронеж.- С.48-50.
Соколов А.Ю., Химин А.Н., 2013. Квадрат 37UES4. Воронежская область // Фауна и население птиц Европейской России. Ежегодник Программы «Птицы Москвы и Подмосковья», вып.1.- С.281-284.
Соколов А.Ю., Химин А.Н., 2013а. Гнездовая численность береговой ласточки *Riparia riparia* на участке Среднего Дона в 2013 году // Рус. орнитол. журнал, т.22, № 901.- С.1979.
Соколов В., 1928. Материалы к изучению орнитофауны Первого государственного степного заповедника «Чапли» // Вісті степового заповідника «Чаплі» (к. Асканія-Нова), т.4.- Харків.- С.25-68.
Сомов Н.Н., 1897. Орнитологическая фауна Харьковской губернии.- Харьков.- 680 с.
Сотников В.Н., 2006. Птицы Кировской области и сопредельных территорий, т.2: Воробьинообразные, ч.1.- Киров.- 448 с.
Сотников В.Н., 2008. Птицы Кировской области и сопредельных территорий, т.2: Воробьинообразные, ч.2.- Киров.- 432 с.
Спангенберг Е.П., 1949. Авифауна реки Иловли как источник заселения полезащитных насаждений // Зоол. журнал, т.28, вып.6.- С.509-514.
Спангенберг Е.П., 1954. Семейство свиристелевые // Птицы Сов. Союза, т.6.- М.: Сов. наука.- С.61-70.
Спангенберг Е.П., 1959. О необычном залете ласточек на южный берег Крыма // Орнитология, вып.2.- С.199.
Спиридонов С.Н., 2011. Встреча желчной овсянки в центре европейской части России // Орнитология, вып.36.- С.224-225.
Стаховський В.В., 1938. Матеріали до питання про авіфауну Кавказько-Чорноморського узбережжя // Наук. зап. Дніпропетр. ун-ту, т.1: Біол. сб., № 1.- С.65-76.
Степанов Е.А., 1987. Кормовые запасы и колониальность розовых скворцов в Центральном Казахстане // Орнитология, вып.22.- С.118-123.
Степанова Л.В., 2002. Социальное поведение оляпок *Cinclus cinclus* на зимовке в Предкавказье // Рус. орнитол. журнал, т.11, № 180.- С.276-280.
Степанова Л.В., Ильюх М.П., 1989. Гнездование черного дрозда в г. Ставрополе // Синантропизация животных Сев. Кавказа: Тез. докл. науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.77-78.
Степанян Л.С., 1963. Наблюдения за короткопалой пищухой (*Certhia brachydactyla* Brehm) на Кавказе // Зоол. журнал, т.42, вып.3.- С.467-468.
Степанян Л.С., 1964. Материалы к орнитологической географии Кавказа и Турана // Экология и систематика животных: Труды Орехово-Зуевского пед. ин-та, вып.3.- С.158-166.
Степанян Л.С., 1965. Вопрос о пребывании красноголового королька (*Regulus ignicapillus* Temm.) на Кавказе // Орнитология, вып.7.- С.489-491.
Степанян Л.С., 1966. Элементы истории дендрофильной авифауны Палеарктики // Зоол. журнал, т.45, вып.4.- С.591-598.
Степанян Л.С., 1969. Новые данные о распространении некоторых воробьиных птиц на Кавказе // Вестн. зоологии, № 2.- С.44-47.
Степанян Л.С., 1978. Состав и распределение птиц фауны СССР: Воробьинообразные Passeriformes. - М.: Наука. - 392 с.
Степанян Л.С., 1981. Таксономические заметки о птицах Черноморского побережья Кавказа // Орнитология, вып.16.- С.115-128.

Степанян Л.С., 1983. Надвиды и виды-двойники в авифауне СССР.- М.: Наука.- 294 с.
Степанян Л.С., 1990. Конспект орнитологической фауны СССР.- М.: Наука.- 728 с.
Степанян Л.С., 1998. *Regulus ignicapillus caucasicus* Stepanyan, subsp. n. (Regulidae, Aves) из Западного Кавказа // Зоол. журнал, т.77, вып.9.- С.1077-1079.
Степанян Л.С., 2000. Новый подвид короткопалой пищухи *Certhia brachydactyla* (Aves, Certhiidae) из области северо-западного Кавказа // Зоол. журнал, т.79, вып.3.- С.333-337.
Степанян Л.С., 2003. Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области).- М.: Академкнига.- 808 с.
Степанян Л.С., Бутьев В.Т., 1967. Новые данные о распространении короткопалой пищухи (*Certhia brachydactyla* Brehm) на Кавказе // Зоол. журнал, т.46, вып.6.- С.960-961.
Стравинский С., Щепский Я., 1972. Налет ореховок *Nucifraga caryocatactes macrorhynchos* Brehm в Польшу в 1968 году // Сообщ. Прибалт. комиссии по изучению миграций птиц, № 7.- С.44-57.
Страутман Ф.И., 1963. Птицы Западных областей УССР, т.2. - Львов: Изд-во Львов. ун-та.- 182 с.
Стрелков В.А., 2021. Современное состояние численности воробьиных птиц, гнездящихся в тростниково-рогозовых зарослях низовьев дельты Волги (по данным 2020-2021 годов) // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2109.- С.4124-4132.
Строков В.В., 1960. Птицы наземных ландшафтов Сочи-Мацестинского курортного района // Охрана природы и озеленение, вып.4.- М.- С.121-133.
Строков В.В., 1964. Степные поселения как место сосредоточения гнездовой авифауны // Вторая науч. конф. зоологов пед. ин-тов РСФСР: Тез. докл.- Краснодар.- С.229-230.
Строков В.В., 1965. Пути проникновения птиц в города и их гнездование в городских условиях // Птицы искусств. лесонасаждений / Учен. зап. Тамбов. пед. ин-та, т.22. - Воронеж. - С.286-304.
Судиловская А.М., 1951. Отряд кукушки // Птицы Сов. Союза, т.1.- М.: Сов. наука.- С.430-465.
Султанов Э.Г., Мамедов А.Ф., 2009. Маскированный сорокопут *Lanius nubicus* (Lichtenstein, 1823) – новый вид орнитофауны Азербайджана // Изв. Дагестан. пед. ун-та. Естественные и точные науки, № 4.- С.49-50.
Сухолозов Е.А., 2011. Гнездящиеся птицы садов полупустынного Заволжья // Экол. сборник 3: Труды молодых ученых Поволжья.- Тольятти.- С.229-232.
Сухолозов Е.А., 2012. Чернолобый сорокопут и кобчик в фрагментах древесных насаждений полупустынного Заволжья // Изв. Самарск. науч. центра РАН, т.14, № 1.- С.172-176.
Сушкин П.П., 1908. Птицы Средней Киргизской степи (Тургайская область и восточная часть Уральской) // Мат-лы к познанию фауны и флоры Росс. империи. Отд. зоол., вып.8.- С.1-803.
Тайкова С.Ю., 2016. Сорокопуты (Aves: Laniidae, *Lanius*) фауны Украины: Систематика, изменчивость, распространение.- Дисс. … канд. биол. наук.- Киев.- 254 с.
Тайкова С.Ю., Редькин Я.А., 2014. О формах группы серых сорокопутов в Европейской России и Украине в свете современных взглядов на систематику

этого комплекса // Редкие виды птиц Нечернозёмного центра России.- М.- С.223-240.
Тараненко Л.И., 1979. О расширении гнездового ареала кавказской сойки // Орнитология, вып.14. - М.: Изд-во МГУ. - С.198-199.
Тараненко Л.И., Садуло А.М., Прасол А.Г., **1998**. Дополнения к списку птиц Донецкой области // Бранта: Сб. науч. трудов Азово-Черноморск. орнитол. станции, вып.1.- Мелитополь-Симферополь.- С.124.
Тарасов В.В., 2011. Динамика фауны птиц лесостепного Зауралья во второй половине XX – начале XXI веков // Труды Мензбировского орнитол. общества, том 1: Мат-лы XIII Международ. орнитол. конф. Сев. Евразии.- Махачкала. - С.159-173.
Тарасов Е.В., 1914. Заметка о птицах дельты Волги // Орнитол. вестник, № 4.- С.267-271.
Тарасов М.П., 1975. О размещении и численности массовых видов каменок (*Oenanthe*) в Южном Закавказье // Вестник зоологии, вып.5.- С.7-10.
Тельпов В.А., 2011. Орнитофауна города-курорта Кисловодска (состав, структура, распределение, динамика, численность и пути формирования).- Автореф. дисс. ... канд. биол. наук.- Ставрополь.- 24 с.
Тельпов В.А., Баев С.А., Юферева В.В., **2013**. Белошапочная овсянка – новый вид в орнитофауне города-курорта Кисловодска // Птицы Кавказа: история изучения, жизнь в урбанизированной среде.- Ставрополь.- С.167-169.
Тельпов В.А., Хохлов А.Н., Битаров В.Н., **1988**. Заметки о птицах Предгорного района Ставропольского края // Мат-лы по изучению Ставропольск. края, вып.15-16.- Ставрополь.- С.214-218.
Тельпов В.А., Хохлов А.Н., Битаров В.Н., **1990**. Стенолаз на юге Ставрополья // Мат-лы Всесоюзн. науч.-метод. совещ. зоологов педвузов, ч.2.- Махачкала.- С.231-232.
Тельпов В.А., Хохлов А.Н., Битаров В.Н., **1991**. Пестрый каменный дрозд в горах Ставрополья // Мат-лы 10 Всесоюзн. орнитол. конф., ч.2.- Минск.- С.224.
Тельпов В.А., Хохлов А.Н., Дугинцов В.А., **1991**. О необычно ранних сроках гнездования черного дрозда (*Turdus merula*) в урбанизированных ландшафтах Северного Кавказа // Распространение, численность и биология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.108.
Тельпов В.А., Юферева В.В., 2015. Обзор изменений в структуре орнитофауны города-курорта Кисловодска // Степные птицы Сев. Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Мат-лы Международн. конф.- Ростов н/Д.: Академцентр.- С.55-63.
Тельпова В.В., 2006. Сравнительная экология дроздов рода *Turdus* в антропогенных ландшафтах Центрального Предкавказья.- Автореф. дис. … канд. биол. наук.- М.: МПГУ.- 17 с.
Темботов А.К., Казаков Б.А., 1982. Позвоночные широтных зон и высотных поясов Северного Кавказа // Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши.- Ростов н/Д.- С.37-102.
Темботов А.К., Шхашамышев Х.Х., 1982. Ландшафтное деление территорий // Ресурсы живой фауны, ч.2: Позвоночные животные суши.- Ростов н/Д.- С.9-12.
Тертышников М.Ф., Ильюх М.П., Лиховид А.А., **1995**. О нахождении обыкновенной пищухи на Ставропольской возвышенности // Фауна Ставрополья, вып.6.- Ставрополь.- С.163-164.

Тильба П.А., 1983. Орнитофауна Северо-Западного Причерноморья // Охрана реликтовой растительности и животного мира Сев.-Зап. Кавказа. - Л. - С.75-83.
Тильба П.А., 1983. Экология горного конька на Северо-Западном Кавказе // Вестник зоологии, № 4.- С.46-50.
Тильба П.А., 1986. Птицы центральной части Западного Кавказа (состав фауны, население, проблемы охраны). - Дисс. ... канд. биол. наук.- М.- 228 с.
Тильба П.А., 1994. Красноголовый королек. Короткопалая пищуха // Красная книга Краснодарского края.- Краснодар.- С.212-216.
Тильба П.А., 1995 [2007]. Белошапочная овсянка (*Emberiza leucocephalos* Gm.) – новый вид в авифауне Северного Кавказа // Кавказ. орнитол. вестник, вып.7.- С.64-65.
Тильба П.А., 1995 [2011]. О распространении бледной пересмешки (*Hippolais pallida*) на Черноморском побережье Кавказа // Кавказ. орнитол. вестник, вып.7.- С.66-69.
Тильба П.А., 1996. Красноголовый королек на Западном Кавказе // Кавказ. орнитол. вестник, вып.8.- С.146-148.
Тильба П.А., 1999. Особенности распространения серой вороны на Западном Кавказе // Экология и распространение врановых птиц России и сопредельных государств. - Ставрополь. - С.80-82.
Тильба П.А., 1999. Птицы // Флора и фауна заповедников, вып.81. Фауна Кавказского заповедника.- М.- С.53-87.
Тильба П.А., 2000. Кавказский государственный биосферный заповедник // Ключевые орнитол. территории России, т.1: Ключевые орнитол. территории международ. значения в Европ. России. - М. - С.333-334.
Тильба П.А., 2001. Авифауна Имеретинской низменности. Сообщение 2: Воробьинообразные // Кавказ. орнитол. вестник, вып.13.- С.111-138.
Тильба П.А., 2004. О достоверности регистрации некоторых видов птиц на территории Краснодарского края // Стрепет, т.2, вып.2.- С.39-43.
Тильба П.А., 2004а. К орнитофауне Пицундо-Мюссерского заповедника // Проблемы развития биологии и экологии на Сев. Кавказе: Мат-лы науч. конф. «Университетская наука – региону».- Ставрополь.- С.167-170.
Тильба П.А., 2006. Авифауна Сочинского национального парка // Инвентаризация основных таксономич. групп и сообществ, созологические исследования Сочинск. нац. парка – первые итоги первого в России нац. парка: Науч. труды Сочинск. нац. парка, вып.2. - М.: Престиж. - С.226-270.
Тильба П.А., 2007. Рогатый жаворонок. Лесной жаворонок. Бледная пересмешка. Красноголовый королёк. Пёстрый каменный дрозд. Стенолаз. Короткопалая пищуха. Большая чечевица // Красная книга Краснодарск. края: Животные.- 2-е изд.- Краснодар.- С.410-418.
Тильба П.А., 2007а [2016]. О некоторых редких и малоизученных видах птиц юго-восточной части Краснодарского края // Стрепет, т.5, вып.1-2. - С.5-18.
Тильба П.А., 2009. Дополнения к орнитофауне Сочинского национального парка // Фелицинские чтения-XI. Природно-экол. секция: Мат-лы региональн. науч. конф. - Краснодар: Вика-Принт.- С.120-125.
Тильба П.А., 2012. Большая чечевица // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп.- С.294.
Тильба П.А., 2012. Характер пребывания грача на Черноморском побережье

Кавказа // X Междунар. конф. «Врановые птицы в антропогенных и естественных ландшафтах Сев. Евразии».- Москва-Казань.- С.297-311.
Тильба П.А., 2016. К орнитофауне северо-западной части Кавказского Причерноморья // Стрепет, т.14. вып.1-2.- С.27-38.
Тильба П.А., 2017. Птицы Сочинского Причерноморья.- Сочи.- 192 с.
Тильба П.А., 2017*а*. Бледная пересмешка. Короткопалая пищуха // Красная книга Краснодарск. края: Животные.- 3-е изд.- Краснодар.- С.580-581; С.584-585.
Тильба П.А., 2019 [2019]. Гнездование ворона на опорах ЛЭП в горнолесной зоне Западного Кавказа // Экология врановых птиц в естественных и антропогенных ландшафтах Сев. Евразии.- Казань.- С.159-161.
Тильба П.А., 2020. Красноголовый королек. Короткопалая пищуха // Атлас гнездящихся птиц европ. части России. 2020.- М.: Фитон XXI.- С.677-678; С.773-774.
Тильба П.А., 2020а. Состояние авифауны и динамика орнитокомплексов Сочинского национального парка и сопредельных территорий // Отчет о научно-исследовательской работе научного отдела ФГБУ «Сочинский нац. парк» за 2019 год.- Сочи.- С.1124-1198.
Тильба П.А., 2021. Изменения в структуре гнездового населения птиц низкогорных лесов Черноморского побережья Кавказа после выпадения из состава лесообразователей самшита колхидского // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.8: Сб. статей 8 Всеросс. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.355-365.
Тильба П.А., 2022. О распространении короткопалой пищухи на Черноморском побережье Краснодарского края // Стрепет, т.20, вып.1.- С.80-83.
Тильба П.А., 2022. Птицы Сочинского Причерноморья.- 4-е изд.- Сочи.- 244 с.
Тильба П.А., 2023. Особенности распространения горных видов птиц в краевой части их региональных ареалов на Западном Кавказе // Второй Всероссийский орнитол. конгресс: Тез. докл.- М.: КМК.- С.257-258.
Тильба П.А., Казаков Б.А., 1985. Структура летнего населения птиц центральной части Западного Кавказа // Птицы Сев.-Зап. Кавказа: Сб. науч. трудов.- М.: ЦНИЛ Главохоты РСФСР.- С.34-53.
Тильба П.А., Казаков Б.А., 1985а. О редких птицах Кавказского заповедника и сопредельных территорий // Экол. исследования в Кавказском биосферном заповеднике.- Ростов н/Д.- С.116-130.
Тильба П.А., Казаков Б.А., Поливанов В.М., Ломадзе Н.Х., **1991**. К экологии кавказской пеночки на Западном Кавказе // Фауна, население и экология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.68-73.
Тильба П.А., Маландзия В.И., 2005. Птицы // Рицинский реликтовый национальный парк.- Сочи.- С.106-130.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 1989. Структура летнего населения птиц пойменных лесов реки Кубани и её притоков // Экол. проблемы Ставропольск. края и сопредельных территорий: Тез. докл. краевой науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.260-266.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2008. Авифауна Лагонакского нагорья // Труды Кавказского заповедника, вып.18.- Майкоп.- С.69- 86.
Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2012. Пёстрый каменный дрозд // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп.- С.290.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., 2014. Авифауна Приазовского заказника // Приазовский гос. природный заказник федерального значения – новая жизнь под охраной Сочинск. нац. парка: инвентаризация основных таксономич. групп и сообществ, созологические исследования, историко-культурное наследие: Труды Сочинск. нац. парка, вып.6.- Ростов н/Д.- С.60-120.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Короткий Т.В., **2019**. Новые сведения о распространении широкохвостой камышевки *Cettia cetti* в Краснодарском крае // Русск. орнитол. журнал, т.28, № 1766.- С.2059-2064.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Найданов И.С., Попов С.Л., **2018**. Новые сведения о пребывании пестрого каменного дрозда в Краснодарском крае // Стрепет, т.16, вып.1-2.- С.106-107.

Тильба П.А., Мнацеканов Р.А., Перевозов А.Г., **2012**. Стенолаз // Красная книга Республики Адыгея: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительн. мира, ч.2: Животные.- 2-е изд.- Майкоп.- С.293.

Тильба П.А., Перевозов А.Г., 2010 [2018]. Новые виды в авифауне Кавказского заповедника // Кавказ. орнитол. вестник, вып.22.- С.138-145.

Тильба П.А., Филиппов В.Л., 2022. Новые сведения о зимнем пребывании некоторых видов птиц в Сочинском Причерноморье // Стрепет, т.20, вып.2.- С.143-146.

Тильба П.А., Шагаров Л.М., 2015. Пустынная каменка // Стрепет, т.13, вып.2.- С.126.

Тильба П.А., Шагаров Л.М., 2016. Желтолобая трясогузка // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.222.

Тильба П.А., Шагаров Л.М., 2017. Первая встреча желтолобой трясогузки *Motacilla lutea* в Краснодарском крае // Русск. орнитол. журнал, т.26, № 1402.- С.497-499.

Тильба П.А., Шагаров Л.М., Гордиенко А.С., 2022. Уточнение характера пребывания и распространения некоторых редких и мало изученных видов птиц на Имеретинской низменности // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.9: Сб. статей 9 Всеросс. (национальной) науч.-практ. конф.- Сочи.- С.385-395.

Тимофеев А.Н., 1990. Заметки о некоторых редких и малоизученных птицах горной Балкарии // Малоизученные птицы Сев. Кавказа.- Ставрополь.- С.234-235.

Тимофеев А.Н., 1996. К гнездовой биологии клушицы в Мамисонском ущелье Северной Осетии // Экология и числен. врановых птиц России и сопредельных государств: Мат-лы 4 совещ. по экол. врановых птиц.- Казань. - С.97-100.

Тимофеев А.Н., Хохлов А.Н., 1999. К вопросу о гнездовой биологии клушицы (начало гнездового периода) // Экология и распространение врановых птиц России и сопредельн. государств: Мат-лы 5 конф. орнитологов стран СНГ. - Ставрополь. - С.134-138.

Ткаченко В.И., 1966. Птицы Тебердинского заповедника // Труды Тебердинск. зап-ка, вып.6. - Ставрополь. - С.147-230.

Точиев Т.Ю., Гизатулин И.И., 1987. Летняя орнитофауна Терско-Кумской низменности ЧИАССР // Мат-лы по изучению Чечено-Ингушской АССР.- Грозный.- С.71-78.

Тугаринов А.Я., Козлова-Пушкарева Е.В., 1935. Зимовка птиц на Талыше // Труды АзФАН СССР, вып.23. Зоол. сер.- С.1-124.

Туров С.С., 1928. Материалы к познанию фауны Кавказского государственного заповедника: 1: Млекопитающие // Труды Сев.-Кавказск. Ассоциации науч.-

исслед. ин-тов, № 44: Науч.-исслед. ин-т при Горских пед. и с./х. ин-тах, вып.2.- Ростов н/Д.- С.1-39.
Туров С.С., 1932. По восточному отделу Кавказского заповедника. Отчет о работе зоологической экспедиции 1930 года // Труды Кавказск. заповедника, вып.3.- С.1-40.
Туров С.С., Красовский Д.Б., 1933. Очерк фауны Присулакского оленьего заповедника // Зоол. журн., т.12, вып.4.- С.35-56.
Тюлькин Ю.А. 2021. Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* в Тобольске // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2035.- С.720-722.
Уварова В.Я., 1959а. Заселение птицами лесополос колхозов Дёминской МТС, Сталинградской области // Труды Сталингр. с.-х. ин-та, т.7, вып.2.- С.265-278.
Уварова В.Я., 1959*б*. К вопросу о формировании орнитофауны полезащитных насаждений Сталинградской области // Труды 3 Прибалтийской орнитол. конф.- Вильнюс.- С.305-310.
Уколов И.И., 2020. Новые данные о зимующих птицах Сочинского Причерноморья // Рус. орнитол. журнал, т.29, № 1880.- С.409-411.
Уколов И.И., 2020а. Гольцовый конек // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.115.
Урусова А.С. 2017. Зимняя встреча горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros* в Волгограде // Рус. орнитол. журнал, т.26, № 1423.- С.1254-1255.
Урусова А.С., 2020. Орнитофауна острова Сарпинский: таксономический состав, распространение, редкие виды // Вестн. Волгоград. ун-та. Сер.9, вып.18.- С.81-87.
Урусова А.С., Исаков Г.Н., Матвеев А.В., Яковлев А.А., Яковлев В.А., 2017. Встреча пёстрого каменного дрозда *Monticola saxatilis* в Калмыкии // Рус. орнитол. журнал, т.26, № 1478.- С.3147-3150.
Успенский К.В., Химин А.Н., 2013. Необычное гнездование деревенской ласточки *Hirundo rustica* в Воронежской области // Русск. орнитол. журнал, т.22, № 843.- С.291-293.
Федоров С.М., 1955. Птицы Ставропольского края // Мат-лы по изучению Ставроп. края, вып.7.- Ставрополь.- С.165-195.
Федорович Ф.Ф., 1915. Звери и птицы Пензенской губернии // Труды Пенз. об-ва любителей естествознания, вып.2.- С.41-76.
Федосов В.Н., 2010. Распространение, экология и численность степного жаворонка на северо-востоке Ставропольского края // Стрепет, т.8, вып.1.- С.59-69.
Федосов В.Н., 2021. Тугайный соловей // Стрепет, т.19, вып.1-2.- С.144.
Федосов В.Н., Белик В.П., 2010. Каспийский зуек в Кумо-Манычской впадине // Стрепет, т.8, вып.2.- С.86-93.
Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2006. Особенности распространения розового скворца на Ставрополье // Роль особо охраняемых природных территорий в сохранении биоразнообразия.- Ростов н/Д.- С.335-339.
Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2006. Розовый скворец Ставрополья // Охота и охотничье хозяйство, № 7.- С.16-17.
Федосов В.Н., Маловичко Л.В., 2007. Ворон на Ставрополье // Экология врановых птиц в естественных и антропогенных ландшафтах.- Москва-Ставрополь.- С.148-152.
Федосов В.Н., Маловичко Л.В., Барышникова Е.М., **2012**. Распространение и численность сорокопутов в Ставропольском крае // Кавказ. орнитол. вестник, вып.24.- С.96-107.

Федосов В.Н., Маловичко Л.В., Гордон Д.Д., 2022. Некоторые сведения о находках новых и регионально редких птиц в Кумо-Манычской впадине // Стрепет, т.20, вып.2.- С.63-101.

Федосов В.Н., Черепушкин С., Кукуев С.В., 2022. Лесной жаворонок // Стрепет, т.20, вып.2.- С.151.

Федюшин А.В., Долбик М.С., 1967. Птицы Белоруссии.- Минск: Наука и техника.- 520 с.

Филиппов В.Л., 2019. Рыжепоясничная ласточка. Желтолобая трясогузка. Красноголовый сорокопут // Стрепет, т.17, вып.2.- С.122.

Филиппов В.Л., 2022. Красноголовый сорокопут. Северная бормотушка // Стрепет, т.2022, вып.2.- С.151.

Формозов А.Н., 1933. Урожаи кедровых орешков, налёты в Европу сибирских кедровок (*Nucifraga caryocatactes macrorhynchus* Brehm) и колебания численности у белки (*Sciurus vulgaris* L.) // Бюлл. науч.-исслед. ин-та МГУ, № 1.- С.64-70.

Формозов А.Н., 1959. О движении и колебании границ распространения млекопитающих и птиц // География населения наземных животных и методы его изучения.- М.-Л.: Изд-во АН СССР.- С.172-194.

Формозов А.Н., 1962. Изменения природных условий степного Юга Европейской части СССР за последние сто лет и некоторые черты современной фауны степей // Исследование географии природных ресурсов животн. и растит. мира. - М.: Изд-во АН СССР.- С.114-161.

Формозова А.Н., 1976. Урожаи семян хвойных деревьев в тайге СССР и налёты в Западную Европу клестов-еловиков, больших пестрых дятлов и тонкоклювых кедровок // Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания.- М.: Наука.- С.127-146.

Фролов В.В., Анисимова Г.А., Ермаков О.А., **2022**. Изменения авифауны Пензенской области за период 1926–2022 гг. // Полевой журнал биолога, т.4, № 1.- С.45-79.

Хамфри П., 2016. Встреча сокола Элеоноры около Сарыкумского участка Дагестанского заповедника // Труды заповедника «Дагестанский», вып.12.- Махачкала.- С.97-100.

Харченко В.И., 1965. Стенолаз в Восточном Приазовье // Орнитология, вып.7.- С.494-495.

Харченко В.И., 1970. Необыкновенное поведение обыкновенного скворца // Природа, № 11.- С.98-99.

Хлебников В.А., 1890. Список птиц Астраханской губернии // Протокол заседаний Об-ва естествоиспытателей при Казанск. ун-те. 1906-1907, т.22, прил. № 121.- С.1-32.

Хлебников В.А., 1924. Позвоночные враги промысловых птиц и зверей Астраханского края // Астрахань и Астраханский край, вып.1.- С.39-82.

Хлебников В.А., 1928. Список птиц Астраханского края с распределением их по характеру пребывания в крае // Мат-лы к познанию природы Астраханск. края, т.1, вып.3. - Астрахань.- С.1-39.

Хлебников В.А., 1930. Птицы Астраханского края // Ежегодник Астраханск. краевед. музея. Каталог музея. Зоол. отд. Птицы. - С.1-51.

Ходашова К.С., 1960. Природная среда и животный мир глинистых полупустынь Заволжья. - М.: Изд-во АН СССР.- 131 с.

Холодковский Н.А., Силантьев А.А., 1901. Птицы Европы. Практическая орнитология с атласом европейских птиц.- С.-Пб.- CLVII+636 с.

Хохлов А.Н., 1983. Сравнительная экология и практические значение массовых видов врановых птиц в антропогенных ландшафтах Ставропольского края.- Автореф. дис. … канд. биол. наук. - М.: МГПИ. - 16 с.

Хохлов А.Н., 1990. Вьюрковые в антропогенных ландшафтах Ставропольского края // Малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.170-195.

Хохлов А.Н., 1990. К распространению и экологии синиц в Ставропольском крае // Малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.223-233.

Хохлов А.Н., 1990. О некоторых малочисленных, малоизученных и залетных птицах Ставропольского края // Редкие, малочисленные и малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.96-101.

Хохлов А.Н., 1990. Особенности размещения, численности и экологии жаворонковых в антропогенных ландшафтах Центрального Предкавказья // Малоизученные птицы Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф. - Ставрополь. - С.196-222.

Хохлов А.Н., 1991. Варакушка в Предкавказье // Распространение, численность и биология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.104-106.

Хохлов А.Н., 1991. К фауне воробьиных птиц Ставропольского края // Фауна, население и экология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.88-106.

Хохлов А.Н., 1991. Каменки на Ставрополье // Распространение, численность и биология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.81-88.

Хохлов А.Н., 1991. Материалы по распространению, численности и гнездовой биологии славок в Центральном Предкавказье // Распространение, численность и биология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.89-103.

Хохлов А.Н., 1991. Миграции ласточек в Предкавказье // Кавказ. орнитол. вестник, вып.1.- С.93-105.

Хохлов А.Н., 1991. Овсянковые птицы Ставропольского края // Кавказ. орнитол. вестник, вып.2. - С.77-96.

Хохлов А.Н., 1991. Трясогузковые птицы Ставропольского края // Современные сведения по составу, распространению и экологии птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.90-108.

Хохлов А.Н., 1992. Свиристель на Ставрополье // Чтения памяти профессора В.В. Станчинского.- Смоленск.- С.80-82.

Хохлов А.Н., 1993. Животный мир Ставрополья.- Ставрополь.- 165 с.

Хохлов А.Н., Белик В.П., Ветров В.В., Казаков Б.А., Заболотный Н.Л., **1992** [2011]. О залётах кедровки на юг России и Украину // Экологич. проблемы врановых птиц: Мат-лы 3 совещ.- Ставрополь. - С.188-189.

Хохлов А.Н., Желябовский Е.Н., 2003. Белошапочная овсянка (*Emberiza leucocephalos* Gm.) – новый вид Ставропольского края // Кавказ. орнитол. вестник, вып.15.- С.123-124.

Хохлов А.Н., Желябовский Е.Н., Семенкевич А.Ф., **1997**. Заметки о некоторых

птицах Ставрополья // Акт. вопросы экологии и охраны природы экосистем Кавказа: Тез. докл. межреспубл. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н.Я. Динника.- Ставрополь.- С.143-144.

Хохлов А.Н., Забелин В.И., Ильюх М.П., Маловичко Л.В., Климашкин О.В., **1997**. Весенний аспект фауны и экологии птиц Ставрополья // Кавказ. орнитол. вестник, вып.9.- С.137-151.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2005. Изменение фауны, населения и экологии птиц Ставропольского края за последние 10 лет // Стрепет, т.3, вып.1-2.- С.38-50.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2007. Весенне-летние наблюдения птиц на территории Имеретинской низменности // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.125-137.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., 2013. Птицы // Красная книга Ставропольского края, т.2: Животные.- Ставрополь.- С.160-210.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Ашибоков У.М., Цапко Н.В., **2010**. К летней орнитофауне северо-западной части Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий // Кавказ. орнитол. вестник, вып.22.- С.146-151.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Емельянов С.А., Маловичко Л.В., Мищенко М.А., Акопова Г.В., Климашкин О.В., Кармацкая Е.Н., Зосимова Е.А., **1998**. К летней орнитофауне низовий реки Кумы и прилежащих территорий // Кавказ. орнитол. вестник, вып.10.- С.135-140.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Желябовский Е.И., Семенкевич А.Ф., **2004**. Лесной жаворонок на Ставрополье // Образование, здоровье и культура в XXI веке: Матлы конф. - Ставрополь.- С.105-106.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Тельпов В.А., Тельпова В.В., Парфенов Е.А., Траутвайн И.Г., Крячко Ю.Ю., Ашибоков У.М., Шведов Р.Н., Хохлов Н.А., Бобенко О.А., Киримханова В.Д., **2005**. К летней орнитофауне долины р. Аликоновки. Сообщение 3 // Фауна Ставрополья, вып.13.- Ставрополь.- С.123-126.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Хохлов Н.А., **2007**. О сокращении гнездовой численности грача в Центральном Предкавказье // Экология врановых в естественных и антропогенных ландшафтах: Мат-лы Международ. конф.- Москва-Ставрополь.- С.99-100.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Цапко Н.В., Ашибоков У.М., **2007**. Новые орнитологические находки на Северном Кавказе в 2006 г. // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рациональное использование: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.125-131.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Цапко Н.В., Ашибоков У.М., Сабельникова-Бегашвили Н.Н., **2007**. К орнитофауне Восточного Предкавказья и сопредельных территорий // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.137-147.

Хохлов А.Н., Ильюх М.П., Шевцов А.С., Хохлов Н.А., **2009**. К орнитофауне северо-восточного Ставрополья // Кавказ. орнитол. вестник, вып.21.- С.197-202.

Хохлов А.Н., Константинов В.М., 1991. Распространение, численность и биология сорокопутов в трансформированных ландшафтах Ставропольского края // Кавказ. орнитол. вестник, вып.1.- С.106-125.

Хохлов А.Н., Тельпов В.А., 1984. Материалы по экологии воробьиных птиц Предгорного района Ставропольского края // Фауна Ставрополья, вып.3. - Ставрополь.- С.149-165.

Хохлов А.Н., Тельпов В.А., 1986. К экологии сойки на Ставрополье // Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование: Тез. докл., ч.2.- Л.- С.308-309.

Хохлов А.Н., Тельпов В.А., 1989. Клушица на Ставрополье // Врановые птицы в естеств. и антропоген. ландшафтах: Мат-лы 2 Всес. совещ., ч.3.- Липецк. - С.32-33.

Хохлов А.Н., Тельпов В.А., Битаров В.Н., **1991**. Зимняя авифауна г. Кисловодска и его окрестностей // Фауна, население и экология птиц Сев. Кавказа: Мат-лы науч.-практ. конф.- Ставрополь.- С.123-135.

Хохлов А.Н., Тельпов В.А., Харченко Л.П., **1992**. Дрозды в Ставропольском крае // Кавказ. орнитол. вестник, вып.4, ч.2. - С.260-270.

Хохлов А.Н., Тельпов В.А., Харченко Л.П., **1992**. Скальная ласточка в предгорьях Ставрополья // Чтения памяти проф. В.В. Станчинского.- Смоленск.- С.82-85.

Хохлов А.Н., Харченко Л.П., 1992. К распространению и экологии розового скворца в антропогенных ландшафтах Ставропольского края // Кавказ. орнитол. вестник, вып.3.- С.154-160.

Хохлов А.Н., Хохлова З.И., Хохлов Н.А., **2001**. Зимующие птицы Ставропольского края и сопредельных территорий: Учебное пособие к спецкурсу.- Ставрополь - 96 с.

Хохлов А.Н., Хохлова З.И., Хохлов Н.А., **2007**. О гнездовании ворона в г. Ставрополе // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.147-148.

Хохлов В.В., Параушкин И.В., 2004. Исследования птиц Богдинско-Баскунчакского заповедника (весна 2002 г.) // Богдинско-Баскунчакский заповедник и его роль в сохранении биоразнообразия севера Астраханской области: Перспективы развития экол. туризма: Сб. науч. статей.- Астрахань.- С.87-92.

Хубиев А.Б., 2009. Черный жаворонок // Стрепет, т.7, вып.1-2.- С.112.

Хубиев А.Б., Караваев А.А., 2010. Новые сведения о редких и малоизученных птицах Карачаево-Черкесии и Тебердинского заповедника // Кавказ. орнитол. вестник, вып.22.- С.172-176.

Хубиев А.Б., Караваев А.А., 2010. Сезонная динамика населения птиц пойменного леса в районе г. Карачаевска // Кавказ. орнитол. вестник, вып.22.- С.176-189.

Хубиев А.Б., Караваев А.А., 2012. Лимитирующие факторы, влияющие на состояние популяций редких видов птиц Карачаево-Черкесии // Современные проблемы науки и образования, № 2; URL: http://www.science-education.ru/102-5779

Цапко Н.В., 2007. Авифаунистические находки в Калмыкии // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рац. использование: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 25-летней деятельности Северокавказск. орнитол. группы.- Ставрополь.- С.136-139.

Цапко Н.В., 2007. К распространению некоторых редких и малоизученных видов птиц Калмыкии // Стрепет, т.5, вып.1-2.- С.99-105.

Цапко Н.В., 2007. Сорока – новый вид прокормитель кукушки на юге России // Экология врановых в естественных и антропогенных ландшафтах: Мат-лы Международн конф.- Москва – Ставрополь.- С.169–170.

Цапко Н.В., 2007. Южный соловей – новый вид в орнитофауне Калмыкии // Птицы Кавказа: изучение, охрана и рац. использование.- Ставрополь.- С.139-141.

Цапко Н.В., 2008. Новые гнездящиеся виды птиц в орнитофауне Калмыкии // Кавказ. орнитол. вестник, вып.20.- С.212-214.

Цапко Н.В., 2009. Гнездование ворона в Калмыкии // Кавказ. орнитол. вестник, вып.21.- С.202-206.

Цапко Н.В., 2010. Большой пестрый дятел и певчий дрозд – новые гнездящиеся

виды Калмыкии // Орнитология в Сев. Евразии: Мат-лы XIII Междунар. орнитол. конф. Сев. Евразии: Тез. докл.- Оренбург.- С.320-321.

Цапко Н.В., Джамирзоев Г.С., Чапенас К., Куренной В.Н., **2007**. Материалы к орнитофауне северо-восточного Предкавказья // Кавказ. орнитол. вестник, вып.19.- С.149-157.

Цапко Н.В., Хохлов А.Н., Ильюх М.П., **2009**. Орнитофауна Калмыкии.- Ставрополь.- 140 с.

Цвелых А.Н., 2010. Встречное расширение ареалов южного, *Luscinia megarhynchos* и обыкновенного, *L. luscinia* соловьев (Aves, Turdidae) на Крымском полуострове и сопредельных территориях // Вестник зоологии, т.44. № 6.- С.519-523.

Цвелых А.Н., 2011. Первая встреча кавказского черноголового чекана, *Saxicola torquata variegata*, на Крымском полуострове // Вестник зоологии, т.45, № 4.- С.330.

Цвелых А.Н., 2018. Появление черноголовой овсянки (*Emberiza melanocephala*) в Украинском Придунавье // Беркут, т.27, вып.1.- С.75.

Цвелых А.Н., Астахов А.И., Панюшкин В.Е., **1997**. Встречи редких видов овсянок в Крыму // Русск. орнитол. журнал, т.6, № 16.- С.20-22.

Цвелых А.Н., 1996. О бледной пересмешке (*Hippolais pallida*) и бормотушке (*H. caligata*) в фауне Украины // Праці Укр. орнітол. товариства, т.1.- Київ.- С.36-39.

Червона книга України: Тваринний світ.- Київ, 2009.- 600 с.

Червонный В.В., 1978. Заметки о весеннем пролете некоторых птиц в Тебердинском заповедник // Науч. основы охраны и рац. использования птиц: Труды Окск. зап-ка, вып.14.- С.373-374.

Черенков С.Е., 2022. Фаунистический состав, фенология и гнездовая плотность птиц шибляков и низкогорных широколиственных лесов Причерноморья (Краснодарский край) // Русск. орнитол. журнал, т.31, № 2246.- С.4905-4933.

Чернецов Н.С., 2008. Миграции воробьиных птиц: остановки и полёт. - Автореф. дисс. … док. биол. наук.- СПб.: ЗИН РАН.- 47 с.

Чернецов Н.С., Булюк В.Н., Ктиторов П.С., **2010**. Роль Джаныбекского оазиса как места миграционных остановок дендрофильных видов воробьиных птиц // Поволжский экол. журнал, № 2.- С.204-216.

Черничко И.И., 2003. О расширении ареала белохвостой пигалицы (*Vanellochettusia leucura*) в западной Палеарктике // Бранта, вып.6.- С.67–95.

Черничко И.И., Черничко Р.Н., 1998. К вопросу о гнездовании синантропных видов птиц на известняковых обрывах полуострова Тарханкут // Бранта: Сб. науч. трудов Азово-Черноморск. орнитол. станции, вып.1.- Мелитополь-Симферополь.- С.125.

Чернобай В.Ф., 1973. О численности и размещении врановых птиц в Волгоградской области // Мат-лы совещания зоологов пед. ин-тов.- Владимир.- С.266-267.

Чернобай В.Ф., 2000. Водоплавающие и околоводные птицы Волгоградской области // Биоразнообразие водных экосистем юго-востока европейской части России: Сб. статей, ч.2.- Волгоград.- С.226-243.

Чернобай В.Ф., 2004. Птицы Волгоградской области.- Волгоград.- 287 с.

Чернобай В.Ф., 2004а. Наземные позвоночные природного парка «Волго-Ахтубинская пойма» // Природный парк «Волго-Ахтубинская пойма»: Природно-ресурсный потенциал.- Волгоград.- С.130-141.

Чернобай В.Ф., 2017. Черный жаворонок // Красная книга Волгоградской области, т.1: Животные.- 2-е изд.- Воронеж.- С.173.
Чернобай В.Ф., Никитина Н.В., 1990. Птицы Щербаковской излучины // Фауна и экология позвоночных животных в антропогенных условиях: Межвуз. сб. науч. трудов.- Волгоград: ВГПИ.- С.58-74.
Чернышов В.М., 1981. К сравнительной экологии жёлтой и желтоголовой трясогузок в условиях совместного обитания в Северном Казахстане и Барабе // Экология и биоценотические связи перелётных птиц Западной Сибири.- Новосибирск: 138-160.
Чуйков Ю.С. (ред.), 1998. Природный комплекс Богдинско-Баскунчакского государственного природного заповедника и его охрана: Труды заповедника «Богдинско-Баскунчакский», т.1.- Астрахань.- 168 с.
Чуйков Ю.С., 2014. О коллекционировании В.А. Хлебникова в окрестностях Баскунчака и на других территориях // Биоразнообразие аридных экосистем: Сб. науч. статей.- М.: Планета.- С.77-85.
Чуйков Ю.С., Чуйкова Л.Ю., 2022. Уникальный природный комплекс – Богдинско-Баскунчакский, проблемы охраны (к 25-летию заповедника) // Астраханск. вестник экол. образования, № 5 (71).- С.158-190.
Чунихин С.П., 1962. Вертикальная поясность в распределении птиц Кабардино-Балкарии // Орнитология, вып.5.- С.186-192.
Чунихин С.П., 1962. О систематике и экологии кавказской теньковки (*Phylloscopus collybita lorenzii* Lor.) // Зоол. журнал, т.41, вып.6.- С.954-956.
Чунихин С.П., 1968. Повторные находки в СССР маскированного сорокопута и свиристелевого сорокопута // Орнитология, вып.9.- С.377-378.
Чуркина Н.М., 1967. К вопросу о влиянии гербицидов на позвоночных животных в Краснодарском крае // Ядохимикаты и фауна.- М.- С.47-52.
Чхиквишвили И.Д. 1939. К фауне млекопитающих и птиц Абхазии (по материалам Абхазской комплексной экспедиции Закавказского филиала Академии наук СССР 1933 г.) // Материалы к фауне Абхазии.- Тбилиси.- С.1-44.
Шагаров Л.М., 2016. Красноголовый сорокопут // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.223.
Шагаров Л.М., Борель И.В., 2015. Первая встреча маскированного сорокопута *Lanius nubicus* на Имеретинской низменности // Рус. орнитол. журнал, т.24, № 1145.- С.1782-1783.
Шаповал А.П., 1982. Гнездовые находки желтоголовой трясогузки и дрозда-белобровика в Полтавской области // Вестник зоологии, № 4.- С.76-77.
Шаповал А.П., 1989. Соотношение осеннего и весеннего пролёта сойки по данным отлова на Куршской косе Балтийского моря // Врановые птицы в естественных и антропогенных ландшафтах, ч.1.- Липецк.- С.76-78.
Шаповалова И.Б., Завьялов Е.В., 2009. Орнитокомплексы островов Волгоградского водохранилища: состав, структура и динамика.- М.- 222 с.
Шарлеман Э.В., 1915. Птицы, наблюдавшиеся во время экскурсии по Военно-Сухумской дороге // Орнитол. вестник, № 2.- С.118-125.
Шарлемань Н.В., 1948. Находки корсака и каменки-плясуньи на Украине и их зоогеографическое значение // Природа, № 9.- С.67.
Шатилов И.Н., 1874. Каталог орнитологического собрания птиц Таврической губернии, пожертвованного Зоологическому музею Московского Университета // Известия Импер. Общества любителей естествознания, антропол. и этнографии, т.10, вып.2.- С.82-96.

Шевцов Д.С., 2016. Красноголовый сорокопут // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.223.
Шевцов Д.С., 2019. Соловьиный сверчок. Славка-завирушка // Стрепет, т.17, вып.2.- С.122-123.
Шевцов Д.С., 2020. Гольцовый конек. Тонкоклювая камышевка // Стрепет, т.18, вып.1-2.- С.115-116.
Шевцов Д.С., 2021. О зимней встрече теньковки *Phylloscopus collybita* во Владикавказе (Северная Осетия) // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2028.- С.415-416.
Шевцов Д.С., 2021. Рыжепоясничная ласточка. Полевой конек. Европейская горихвостка-чернушка. Пустынный снегирь // Стрепет, т.19, вып.1-2.- С.143-145.
Шевцов Д.С., Комаров Ю.Е. 2021. Зимнее гнездование оляпки *Cinclus cinclus* в предгорьях Северной Осетии (Центральный Кавказ) // Рус. орнитол. журнал, т.30, № 2036.- С.749-755.
Шевченко В.Л., Ниясов Н.А., 1985. Миграция каменки-плясуньи в Северном Прикаспии // Вестник зоологии, № 1.- С.54-57.
Шипилина Д.А., Марова И.М., 2013. Местообитания, структура популяции и индивидуальная изменчивость песни кавказской пеночки *Phylloscopus lorenzii* на Северном Кавказе // Орнитология, вып.38.- С.54-63.
Ширяева Н.В., 2015. Самшит колхидский в Сочинском национальном парке: угроза существования, история проблемы и попытки ее решения // Устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, т.2: Сб. статей 2 Всеросс. науч.-практ. конф.- Сочи.- С.349-357.
Шитиков Д.А., 2011. Каталог орнитологической коллекции кафедры зоологии и экологии МПГУ.- М.- 176 с.
Шитиков Д.А., Федотова С.Е., Редькин Я.А., Бутьев В.Т., **2014**. Птицы России и сопредельных стран: северная бормотушка *Iduna caligata* // Рус. орнитол. журнал, т.23, № 1070.- С3593-3623.
Шишкин В.С., 1976. Годовые и сезонные колебания численности жаворонков в северо-западном Казахстане // Зоол. журнал, т.55, № 3.- С.402-407.
Шишкин В.С., 1982. Особенности размножения жаворонков в полупустыне Северного Прикаспия // Орнитология, вып.17.- С.83-90.
Школьный А.М., 2021. Хохлатая кукушка // Стрепет, т.19, вып.1-2.- С.142.
Шляхтин Г.В., Якушев Н.Н., 2006. Вертлявая камышевка // Красная книга Саратовской области: Грибы. Лишайники. Растения. Животные.- Саратов.- С.459-460.
Штегман Б.К., 1938. Основы орнитогеографического деления Палеарктики // Фауна СССР: Птицы, т.1, ч.2. - М.-Л.: Изд-во АН СССР.- С.1-157.
Шугуров А.М., 1903. Заметка о птицах Херсонской губернии // Естествоиспытание и зоогеография, № 6.- С.62-73.
Эбель А.Л., Косачёв П.А. 2022. О вероятном гнездовании европейской горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros gibraltariensis* в пригороде Барнаула // Рус. орнитол. журнал, т.31, № 2164.- С.897-898.
Эверсман Э.А., 1866. Естественная история птиц Оренбургского края // Естественная история Оренбург. края, ч.3.- Казань.- 622 с.
Эдиев М.С., Хохлов А.Н., 1993. Обыкновенный сверчок в Малой Кабарде // Фауна Ставрополья, вып.5.- Ставрополь.- С.93-94.
Юдин К.А., 1952 [2022]. Характеристика фауны птиц района Валуйской опытно-мелиоративной станции (Сталинградская обл.) // Труды Зоол. ин-та АН

СССР, т.11.- С.235-264.
Юрлов К.Т., 1959. О распространении некоторых птиц в юго-западной Сибири // Орнитология, вып.2.- С.176-179.
Юферева В.В., Тельпов В.А., Герасименко Т.В., **2011**. Орнитофауна городов юга европейской части России // Кавказ. орнитол. вестник, вып.23.- С.127-160.
Яковлев В., 1872. Список птиц, встречающихся в Астраханской губернии // Bull. Soc. Imper. Naturalistes de Moscou, т.43, № 4.- С.323-361.
Яковлев В.Е., 1874. Несколько слов на заметку М.Н. Богданова // Bull. Soc. Imper. Naturalistes de Moscou, т.48, № 4.- С.383-393.
Яковлев В.Е., 2015. Список птиц, встречающихся в Астраханской губернии // Стрепет, т.13, вып.1.- С.5-28.
Яковлев В.Е., 2016. Несколько слов на заметку М.Н. Богданова // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.13-19.
Якушев Н.Н., Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., **1998**. Динамика распространения индийской камышевки *Acrocephalus agricola* на севере Нижнего Поволжья на протяжении XX века // Рус. орнитол. журнал, т.7, № 47.- С.18-22.

Abuladze A., 2015a. On the status of Pine Bunting (*Emberiza leucocephalos*) in Georgia // Proceedings of the Institute of Zoology, Vol.24.- Tbilisi.- P.21-25.
Abuladze A., 2015*b*. On the records of Snow Bunting (*Plectrophenax nivalis*) in Georgia // Proceedings of the Institute of Zoology, Vol.24.- Tbilisi.- P.26-28.
Adamian M., Moffatt F.X., 2009. First record of Masked Shrike *Lanius nubicus* in Armenia // Sandgrouse, Vol.31.- P.42-43.
Adamian M.S., Klem D., Jr., 1999. Handbook of the birds of Armenia.- Oakland, California.- 650 p.
Alcaide M., Scordato E.S.C., Price T.D., Irwin D.E., **2014**. Genomic divergence in a ring species complex // Nature, Vol.511.- P.83-85.
Arkhipov V.Yu., 2006. Status and distribution of selected bird species on the Russia-Kazakhstan border northwest of the Caspian Sea // Sandgrouse, Vol.28, № 2.- P.156-160.
Artzibascheff N., 1859. Excursions et observations ornithologiques sur les bords de la Sarpa en 1858 // Bull. de la Societe Imperiale des naturalistes de Moscou, T.32, № 3.- P.1-108.
Artzibascheff N., 2015. Excursions et observations ornithologiques sur les bords de la Sarpa en 1858 (русский перевод) // Стрепет, т.13, вып.2.- С.5-50.
Atahan A., Atahan M., 2009. First record of Buff-bellied Pipit *Anthus* (*rubescens*) *japonicus* for Turkey // Sandgrouse, Vol.31.- P.138-139.
Bädeker F.W., 1854. Ornithologisches von der Wolga; aus Briefen mitgetheilt // J. für Ornithologie (Cassel), Jg.2. Heft 4, № 10.- S.366-370.
Belik V., 1997. *Emberiza bruniceps* Red-headed Bunting // The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance.- London.- P.760.
Belik V., 2000. Pesticides and birds: notes from the Russian steppes // The Open Country, № 2.- P.18-26.
Belik V.P., 2017. Transformation processes of fauna of the Abkhazian coast in the Caucasus and possible causes and mechanisms // Biology Bulletin, Vol.44, № 7.- P.710-727.
Belik V.P., 2018. History of bird studies in the Volgograd Region // Biology Bulletin,

Vol.45, № 10.- P.1191-1210.
Bier H., Heise G., Otto W., 1975. Ornithologische Beobachtungen in Nordkaukasus aus dem Sommer 1970 // Falke, Bd.22.- S.150-157; S.190-193.
Birds in Europe: population estimates, trends and conservation status.- Cambridge, U.K.: BirdLife International, **2004**.- 374+XXIV p.
Blondel J.T., Catzeflis F., Perret P., **1994**. From biogeography to molecules in the Mediterranean Warbles // J. für Ornithol., Bd.135, №.3.- S.367.
Buturlin S.A., 1906. On the birds collected in Transcaucasia by Mr. A.M. Kobylin // Ibis, Ser.8, Vol.6.- P.407-427.
Cai T., Cibois A., Alström P., Moyle R.G., Kennedy J.D., Shao S., Zhang R., Irestedt M., Ericson P.G.P., Gelang M., Qu Y., Lei F., Fjeldså J. **2019**. Near-complete phylogeny and taxonomic revision of the world's babblers (Aves: Passeriformes) // Mol. Phyl. Evol., Vol.130.- P.346-356.
Castell P., Kirwan G.M., 2005. Will the real Sykes's Warbler please stand up? Breeding data support specific status for *Hippolais rama* and *H. caligata*, with comments on the Arabian population of 'booted warbler' // Sandgrouse, Vol.27 (1).- P.30-36.
Cook M., 1997. *Parus cristatus* Crested Tit // The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance.- London.- P.638-639.
Czarnecki Z., 1973. Kilka uwag o ptakach Malego Kuszcevatego Limanu i okolicy (Kraj Krasnodarski) // Przeglad Zoologiczny, t.17, № 1.- Wroclaw.- P.74-77.
Dathe H., Fischer W., 1977. Zum Vorkommen des Gartenbaumläufers (*Certhia brachydactyla*) im Kaukasusgebiet // Beiträge zur Vogelkunde, Bd.23. S.31-32.
Deroanne M., Liedekerke R. de, 1975. Une nichée de cassenoix près de Stavelot, en Ardenne liégoise // Gerfaut, Vol.65.- P.165-167.
Dickinson E.C., Christidis L. (Eds.), 2014. The Howard and Moore: Complete checklist of the birds of the World, Vol.2: Passerines.- 4th Edition.- Eastbourne, U.K.: Aves Press.- 752 p.
Dickinson E.C., Remsen J.V.- Jr. (Eds.), 2013. The Howard and Moore: Complete checklist of the birds of the World, Vol.1: Non-passerines.- 4th Edition.- Eastbourne, U.K.: Aves Press.- 461 p.
Dufour P., de Franceschi C., Doniol-Valcroze P., Jiguet F., Guéguen M., Renaud J., Lavergne S., Crochet P-A., **2021**. A new westward migration route in an Asian passerine bird // Current Biology. DOI: https://doi.org/10.1016/j.cub.2021.09.086
European birds of conservation concern: populations, trends and national responsibilities.- Cambridge, U.K.: BirdLife International, **2017**.- 170 p.
Fischer W. u. M., 1976. Ornithologische Beobachtungsergebnisse auf zwei Reisen in den Kaukasus und nach Transkaukasien // Beitr. Vogelkunde, Bd.22.- S.137-160.
Goebel H., 1874. Ornithologische Notizen aus der Krim // Journal für Ornithologie, Bd.22.- S.447-455.
Gordon J., 2016. Рыжепоясничная ласточка // Стрепет, т.14, вып.1-2.- С.222.
Hablizl C., 1782. Beobachtungen welche über die Zugvögel in Astrachan angestellt worden sind // Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie, Bd.3.- St.-Petersburg–Leipzig.- S.8-17.
Hablizl C., 2017. Наблюдения, которые были проведены в Астрахани за перелетными птицами (русский перевод) // Стрепет, т.15, вып.1.- С.5-12.
Hartert E., 1910. Die Vögel der paläarktischen Fauna: Systematische Übersicht der in

Europa, Nord-Asien und der Mittelmeerregion vorkommenden Vögel, Bd.1.- Berlin.- XLIX+832 S.
Heiss M., 2013. Spotted Nutcracker *Nucifraga caryocatactes*: a new species for Azerbaijan // Sandgrouse, Vol.35.- P.39-42.
Heiss M., 2015. First records of Asian Buff-bellied Pipit *Anthus* (*rubescens*) *japonicus* in Azerbaijan // Sandgrouse, Vol.37.- P.172-176.
Hellmayr C.E., 1902. Die Formen von *Passer petronius* // Ornithol. Jahrbuch, Bd.13.- S.126-129.
Hooper D.M., Olsson U., Alström P., **2016**. The Rusty-tailed Flycatcher (*Muscicapa ruficauda*; Aves: Muscicapidae) is a member of the genus *Ficedula* // Molecular Phylogenetics and Evolution, Vol.102.- P.56-61.
Jiguet F., Arlettaz R., Bauer H.-G., Belik V., Copete J.L., Couzi L., Czajkowski M.A., Dale S., Dombrovski V., Elts J., Ferrand Y., Hargues R., Kirwan G.M., Minkevicius S., Piha M., Selstam G., Skierczynski M., Siblet J.-Ph., Sokolov A., **2016**. An update of the European breeding population sizes and trends of the Ortolan Bunting (*Emberiza hortulana*) // Ornis Fennica, № 93.- P.186-196.
Kaleniczenko J., 1839. Series animalium a defuncto Proffessore Joan. Krynicki, in itinere annis 1836-1838, ad Caucasum et Tauridem suscepto, etc. // Bull. de la Soc. des Naturalistes de Moscou, № 2. - P.203-297.
Kamp J., Oppel S., Ananin A.A., Durnev Yu.A., Gashev S.N., Hölzel N., Mishchenko A.L., Pessa J., Smirenski S.M., Strelnikov E.G., Timonen S., Wolanska K., Chan S., **2015**. Global population collapse in a superabundant migratory bird and illegal trapping in China: Population collapse in migratory bird // Conservation Biology, Vol.29, № 10.1111/cobi.12537.
Keve A., 1972. Systematische Studien über die Corviden des Karpatenbeckens, nebst einer Revision mehrerer Rassen-kreise. IV. *Corvus cornix* L. // Vertebr. Hung., № 13.- S.105-162.
Kirwan G.M, Özen M., Ertuhan M., Atahan A., **2014**. Turkey bird report 2007–2011 // Sandgrouse, Vol.36, № 2.- P.146-175.
Kirwan G.M., Boyla K., Castell P., Demirci B., Ozen M., Welch H., Marlow T., **2008**. The Birds of Turkey.- London.- 512 p.
Kirwan G.M., Gregory S.M.S., 2005. A new genus for the Mongolian Finch *Bucanetes mongolicus* (Swinhoe, 1870) // Bull. B.O.C., Vol.125 (1).- P.68-80.
Kirwan G.M., Özen M., Ertuhan M., Atahan A. (comp.), **2014**. Turkey Bird Report 2007-2011 // Sandgrouse, Vol.36.- P.146-175.
Knaus P., 2020. *Serinus serinus* European Serin // European breeding bird atlas 2: Distribution, abundance and change.- Barcelona: European Bird Census Council & Lynx Edicions.- P.852-853.
Köhler D., 1973. Ornithologische Beobachtungen aus dem Naturschutzgebiet Teberda (Kaukasus) // Falke, Bd.20, № 5.- S.186-192; Bd.20, № 6.- S.233-237.
Kracht W., 1919. Über das Vogelleben und den Vogelzug von Tschorny-Jar an der unteren Wolga // J. für Ornithol., Jg.67, № 3.- S.322-331.
Kracht W., 2014. Über das Vogelleben und den Vogelzug von Tschorny-Jar an der unteren Wolga (русский перевод) // Стрепет, т.15, вып.2.- С.5-19.
Kvartalnov P.V., Komarov Yu.E., 2022. Breeding of Icterine Warbler *Hippolais icterina* in the North Caucasus // Sandgrouse, Vol.44 (1).- P.134-142.
Lameris T.K., Fijen T.P.M., Urazaliev R., Pulikova G., Donald P.F., Kamp J., **2015**.

Breeding ecology of the endemic Black Lark *Melanocorypha yeltoniensis* on natural steppe and abandoned croplands in post-Soviet Kazakhstan // Biodiversity and Conservation.- P.1-20.- DOI: https://doi.org/10.1007/s10531-015-1041-2

Lanner R.M., Nikkanen T., 1990. Establishment of a Nucifraga-Pinus mutualism in Finland // Ornis Fennica, v.67.- P.24-27.

Laubmann A., 1915. Ein Beitrag zur Ornithologie des Kaukasusgebietes // Ornithol. Jarhbuch, Jg.26, H.1/2.- S.8-58.

Leisler B., Heidrich P., Schulze-Hagen K., Wink M., **1997**. Taxonomy and phylogeny of reed warblers (genus *Acrocephalus*) based on mtDNA sequences and morphology // J. für Ornithol., Bd.138.- S.469-496.

Liebers D., Reinhardt K., Roth S., **1994**. Erste Beobachtung des Berglaubsängers *Phylloscopus bonelli* in Georgien // Vogelwelt, Vol.115 (5).- P.256-257.

Lorenz Th., 1887. Beitrag zur Kenntniss der ornithologischen Fauna an der Nordseite des Kaukasus.- Moskau.- 62 S.

Lorenz Th., 2011. Beitrag zur Kenntniss der ornithologischen Fauna an der Nordseite des Kaukasus: Passeriformes (русский перевод) // Стрепет, т.9, вып.1-2. - С.7-37.

Loskot V.M., Bakhtadze G.B., 2020. Distribution, systematics and nomenclature of the three taxa of Common Stonechats (Aves, Passeriformes, Muscicapidae, Saxicola) that breed in the Caucasian region // Zoosystematica Rossica, Vol.29, № 1.- P.33-57.

Marova I., Ilyina I., Kvartalnov P., Grabovsky V., Belokon M., Solovyova E., Ivanitskii V., **2021**. From the Bosporus to Kopet Dagh: morphological, genetic and bioacoustic variation in the Chiffchaff in Turkey, the Caucasus and western Turkmenistan // Ardea, Vol.109.- P.201-214. doi:10.5253/arde.v109i3.a3

Marthinsen G., Wennerberg L., Lifjeld J.T., **2008**. Low support for separate species within the redpoll complex (*Carduelis flammea–hornemanni–cabaret*) from analyses of mtDNA and microsatellite markers // Molecular phylogenetics and evolution, Vol.47.- P.1005-1017.

Mauersberger G., Möckel R., 1987. Über Arealerweiterungen bei vier Vogelarten im kaukasischen Raum // Mitt. Zool. Mus. Berlin, vol.63, Nachtrag.- S.97-111.

Mayr E., 1926. Die Ausbreitung des Girlitz // J. für Ornithol., Bd.74.- S.571-671.

Ménétries E., 1832. Catalogue raisonne des objets de zoologie recueillis dans un voyage au Caucase et jusqu'aux frontieres actuelles de la Perse entrepris par ordre de S.M. L'empereur.- SPb.- 271+XXXIII+IV p.

Moeschler H.F., 1853. Bericht aus Sarepta an H.F. Moeschler in Herrnhut // Naumannia: Archiv für die Ornithologie, vorzugsweise Europa's, № 4.- S.296-307.

Nordmann A., 1840. Catalogue raisonne des oiseaux de la faune Pontique // Voyage dans la Russie meridionale et la Crimee par Mr.A.Demidoff, V.3.- Paris.- P.67-306.

Olsson U., Leader P.J., Carey G.J., Khan A.A., Svensson L., Alström P., **2013**. New insights into the intricate taxonomy and phylogeny of the *Sylvia curruca* complex // Molecular Phylogenetics and Evolution, Vol.67.- P.72-85.

Olsson U., Rguibi-Idrissi H., Copete J.L., Matos J.L.A., Provost P., Amezian M., Alström P., Jiguet F., **2016**. Mitochondrial phylogeny of the Eurasian/African reed warbler complex (*Acrocephalus*, Aves). Disagreement between morphological and molecular evidence and cryptic divergence: A case for resurrecting *Calamoherpe ambigua* Brehm 1857 // Molecular Phylogenetics and Evolution, Vol.102.- P.30-44.

Opaev A., Red'kin Ya., Kalinin E., Golovina M., **2018**. Species limits in Northern Eurasian taxa of the common stonechats, *Saxicola torquatus* complex (Aves: Passeriformes, Muscicapidae) // Vertebrate Zoology, Vol.68, № 3.- P.199-211.

Patrikeev M., 2004. The birds of Azerbaijan.- Sofia-Moscow: Russian Nature Press.- 380 p.
Pavlova A., Zink R.M., Rohwer S., Koblik E.A., Red'kin Y.A., Fadeev I.V., Nesterov E.V., **2005**. Mitochondrial DNA and plumage evolution in the white wagtail *Motacilla alba* /// J. Avian Biol., Vol.36.- P.322-336.
Plath L., 1986. Ergebnisse ornithologischer Fruhsommerexkursionen am Kap Pizunda // Beitr. Vogelkunde, Bd.32, № 4.- S.219-231.
Pusanow I., 1933. Versuch einer Revision der Taurischen Ornis // Bull. de la Soc. des Naturalistes de Moscou, Vol.42, № 1.- S.3-40.
Radde G., 1854. Beiträge zur Ornithologie Süd-Russlands, insbesondere die Vögel Tauriens // Bull. Soc. Naturalists de Moscou, т.27, № 3.- S.131-171.
Robel D., 1986. Ornithologische Betrachtungen von Sotschi (UdSSR) // Falke, Bd.33, № 11.- S.373-378.
Rohwer S., Drovetski S.V., Wood Ch.S., **2001**. Bird specimens in the Burke Museum from Russia and Kazakhstan // Орнитология, вып.29.- М.- С.260-281.
Roselaar C.S., 1995. Taxonomy, morphology, and distribution of the Songbirds of Turkey: an atlas of biodiversity of Turkish passerine birds.- Haarlem: the Netherlands.- 240 p.
Rosenberg F., 1907. Sechs Wochen in Daghestan // Ornithologische Monatsschrift, Bd.32.- S.51-56.
Rosenberg F., 2019. Sechs Wochen in Daghestan (русский перевод) // Стрепет, т.17, вып.2.- С.5-10.
Sackl P., 1997. *Pyrrhocorax graculus*. Alpine Chough // The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance.- London.- P.675.
Sauerland K.-E., 1967. Ornithologische Beobachtungen bei Gudauta am Schwarzen Meer // Beitr. Vogelkunde, Bd.13.- S.115-116.
Schatiloff J., 1860. Katalog meines ornithologischen Museums der Vögel Tauries, in Dorfe Schatilofka (Tamak) an der Müdung des Karasu ins faule Meer nebst einigen an Ort und Stelle gesammelten Notizen // Bull. Soc. Naturalistes de Moscou, т.33, № 4.- S.488-518.
Schmidt K., 1986. Ornithologische Beobachtungen in Georgien // Beiträge zur Vogelkunde, Bd.32, H.4.- S.208-218.
Seebohm H., 1882. Notes on the birds of Astrakhan // The Ibis, Ser.4, № 6.- P.204-232.
Shirihai H., Gargallo G., Helbig A.J. **2001**. Sylvia Warblers: Identification, Taxonomy and Phylogeny of the Genus Sylvia.- London: Christopher Helm.- 576 p.
Simon P., Delmée E., Dachy P., **1975**. Un nid de cassenoix en Belgique // Gerfaut, v.65.- P.153-164.
Simon P., Delmee E., Dachy P., **1983**. Nouvelle nidification du cassenoix en Belgique // Gerfaut, v.73, № 2.- P.207-211.
Small B.J., 2009. The identification of male «Ehrenberg's Redstart», with comments on British claims // British Birds, Vol.102.- P.84-97.
Snow D.W., Perrins C.M. (Eds.), 1998. The birds of the Western Palearctic. Concise Edition, Vol.2: Passerines.- Oxford – New York: Oxford University Press.- XVI+1009-16978+43 p.
Sokolov L.V., Markovets M.Yu, Yefremov V.D., Shapoval A.P., **2002**. Irregular migrations (irruptions) in six bird species on the Courish Spit on the Baltic Sea in 1957-2002 // Avian Ecol. Behav., Vol.9.- P.39-53.

Stepanyan L.S., 1967. *Calandrella cheleensis* Swinhoe a valid species // Acta ornithol-gia, Vol.10, № 4.- P.97-107.
Taczanowski L., 1887. Contributions a la faune ornithologique du Caucase // Bull. Soc. zool. France, t.12.- P.618-626.
The EBCC Atlas of European Breeding Birds: Their distribution and abundance.- London: T. & A.D. Poyser, **1997**. - 903 p.
Tsvey A., 2011. Records of Bonelli's Warbler *Phylloscopus bonelli* ssp. far outside its breeding range // Avian Ecoljgy and Behaviour, Vol.20.- P.3-7.
Tucker G.M., Heath M.F. (Eds.), 1994. Birds in Europe: Their conservation status.- Cambridge, U.K.: BirdLife International.- 600 p.
Tugarinov A., 1928. The Bluethroats of the Eastern Palearctic // Ежегодник Зоол. музея АН СССР, т.29.- С.1-14.
Ullman M., 2003. Separation of Western and Eastern Black-eared Wheatear // Dutch Birding, Vol.25.- P.77-97.
Vaurie Ch., 1959. The birds of the Palearctic fauna. A systematic reference: Order Passeriformes, Vol.1.- London: Witherby.- XII+762 p.
Wetmore A.A., 1960. A classification for the birds of the World // Smithsonian Misc. Collect., Vol.139, № 11.- P.1-37.
Wilson M., 1976. Ornithological observations from the northern Voronezh Region, U.S.S.R. // Bristol Ornithology, № 9.- P.127-152.
Witt K., 2005. Berlin // Birds in European cities.- St. Katharinen: Ginster Verlag.- P.17-39.
Wittmann U., Heidrich P., Wink M., Gwinner E., **1995**. Speciation in the Stonechat (*Saxicola torquata*) inferred from nucleotide sequences of the cytochrome-b gene // J. of Zoological Systematics and Evolutionary Research, Vol.33, № 2.- P.116-122.
Wolters H.E., 1982. Die Vogelarten der Erde.- Hamburg – Berlin: Paul Parey.- XX+745 S.
Worobiew K.A., 1929. Neue Angaben über die Verbreitung der Vögel im Wolgadelta und den anliegenden Steppen // J. für Ornithol., Jg.77, H.2.- S.315-322.
Worobiew K.A., 1931. Zur Biologie von *Cettia cetti cettioides* Hume // Beiträge zur Fortpflanzungsbiologie der Vogel, Jg.7, № 4.- S.131-134.
Zink R.M., Drovetski S.V., Questiau S., Fadeev I.V., Nesterov E.V., Westberg M.C., Rohwer S., **2003**. Recent evolutionary history of the Bluethroat (*Luscinia svecica*) across Eurasia // Molecular Ecology, Vol.12.- P.3069-3075.
Zink R.M., Pavlova A., Drovetski S., Wink M., Rohwer S., **2009**. Taxonomic status and evolutionary history of the *Saxicola torquata* complex // Molecular Phylogenetics Evolution, Vol.52, № 3.- P.769-773.

Примечание: в квадратных скобках указаны годы повторной перепечатки статей в Русском орнитологическом журнале.

SUMMARY

In the Southern Russia – in the North Caucasus, Kalmykia, Astrakhan, Volgograd and Rostov Regions – as of the end of 2022, was recorded 428 bird species. Of these, 292 species really breeding, 9 species were probably breeding and 8 species were possibly breeding. Another have been recorded 27 species during migration times, 17 appeared only in winter, 74 species were considered as vagrant and one species (*Francolinus francolinus*) disappeared from the fauna of Russia in the 18-19th century. In some administrative regions, there were from 296 (Adygea) to 368-369 (Krasnodar Region and Dagestan) species, including from 160 to 232 breeding species.

At the same time, over 10 years, during 2006-2016, 15 new species were added to the avifauna of the Southern Russia, including one nesting (*Larus michahellis*) and 13 vagrant species, of which 2 are new for Russia (*Falco eleonorae*, *Larus armenicus*). And over the past 6 years (2017-2022), 7 more species have been included in the avifauna of the Southern Russia, including one breeding *Saxicola caprata* (Matyukhin, 2017) and 6 vagrant species (*Larus audouinii*, *Sterna paradisaea*, *Anthus rubescens*, *Serinus serinus*, *Bucanetes githagineus*).

The second volume of this book contains cadastral information on 175 species from 24 families of the order of Passeriformes birds, recorded at different times in the territory of the Southern Russia. For all species are indicated their nature of stay, zoogeographic relationships, taxonomy, distribution and numbers, as well as the main habitats and conservation status. Species that were previously included in the fauna of the Southern Russia by mistake or were found in adjacent territories and can be found in the South of Russia are listed in the cadaster without serial numbers.

Фотографии на обложке

1 – Серый жаворонок. Фото А.В. Давыгоры.
2 – Желтолобая трясогузка. Фото В.М. Музаева.
3 – Пустынный сорокопут. Фото В.Ю. Архипова.
4 – Иволга. Фото А.А. Караваева.
5 – Розовый скворец. Фото В.П. Белика.
6 – Кавказская сойка. Фото А.А. Караваева.
7 – Оляпка. Фото Д.С. Шевцова.
8 – Крапивник. Фото А.Г. Перевозова.
9 – Альпийская завирушка. Фото А.Г. Перевозова.
10 – Ястребиная славка. Фото И.И. Уколова.
11 – Красноголовый королёк. Фото М.Ю. Подсохина.
12 – Полуошейниковая мухоловка. Фото А.В. Любимова.
13 – Пестрый каменный дрозд. Фото А.Г. Перевозова.
14 – Усатая синица. Фото В.П. Белика.
15 – Кавказский ополовник. Фото Х.Х. Журтова.
16 – Ремез. Фото Х.Х. Журтова.
17 – Московка. Фото А.Г. Перевозова.
18 – Стенолаз. Фото А.Г. Перевозова.
19 – Горная чечетка. Фото В.П. Белика.
20 – Желчная овсянка. Фото А.В. Давыгоры.

Вверху – Рыжепоясничная ласточка. Фото А.В. Поповича.
Внизу – Самец домового воробья. Фото А.Г. Перевозова.

Сосняк на моренах в верховьях р. Чегем. Фото В.П. Белика.
Степные ландшафты в Калачской излучине Дона. Фото В.П. Белика.
Джанхотский бор на берегу Черного моря. Фото В.П. Белика.

Научное издание

Белик Виктор Павлович

Птицы Южной России

В двух томах

Том 2
Воробьиные – Passeriformes
Материалы к кадастру

Подписано в печать 30.06.2023 г. Заказ № 9081.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. лист. 35,92. Уч. изд. лист. 35,6. Тираж 100 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.

9 785927 538744

Том 2

9 785927 544059